Лю

ЦЫСИНЬ

ТРИЛОГИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ ЗЕМЛИ

Задача трех тел • Темный лес • Вечная жизнь смерти

Воспоминания о прошлом Земли. Трилогия

Лю Цысинь

Аннотация
Лю Цысинь. Воспоминания о прошлом Земли Задача трех тел
Предисловие переводчика
Действующие лица
Часть I. Безмолвная весна
Глава 1. Годы безумия
Глава 2. «Безмолвная весна»
Глава 3. «Красный берег» I
Часть II. Три тела
Глава 4. «Рубежи науки»
Глава 5. Партия в бильярд
Глава 6. Стрелок и фермер
Глава 7. Три тела: царь Вэнь из дома Чжоу и долгая ночь
Глава 8. Е Вэньцзе
Глава 9. Подмигивающая Вселенная
Глава 10. Да Ши
Глава 11. Три тела: Мо-цзы и море огня
Глава 12. «Красный берег» II
Глава 13. «Красный берег» III

Глава 14. «Красный берег» IV
Глава 15. Три тела: Коперник, вселенский футбол и День трех солнц
Глава 16. Задача трех тел
Глава 17. Три тела: Ньютон, фон Нейман, первый император и сизигия трех солнц
Глава 18. Встреча
Глава 19. Три тела: Эйнштейн, монумент трисоляриса и великий разрыв
Глава 20. Три тела: экспедиция
Часть III. Закат человечества
Глава 21. Отступники
Глава 22. «Красный берег» V
Глава 23. «Красный берег» VI
Глава 24. Мятеж
Глава 25. Как умерли Лэй Чжичэн и Ян Вэйнин
Глава 26. Никто не раскаивается
Глава 27. Эванс
Глава 28. «Второй красный берег»
Глава 29. Движение «Земля – Трисолярис»
Глава 30. Два протона
Глава 31. Операция «Гучжэн»
Глава 32. Трисолярис: слушатель
Глава 33. Трисолярис: софон
Глава 34. Клопы

Глава 35. Руины
Послесловие автора к американскому изданию
Послесловие переводчика на английский язык Кена Лю
Темный лес
Предисловие переводчика на русский язык
Действующие лица
Пролог
Часть I. Отвернувшиеся
Третий год эры Кризиса. Расстояние между флотом Трисоляриса и Солнечной системой: 4,21 светового года
Часть II. Заклинание
Восьмой год эры Кризиса. Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,20 светового года
Двенадцатый год эры Кризиса. Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,18 светового года
Двадцатый год эры Кризиса. Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,15 светового года
Часть III. Темный лес
Двести пятый год эры Кризиса. Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 2,10 светового года

208-й год эры Кризиса. Расстояние между флотом Трисоляриса и Солнечной системой: 2,07 светового года
Вечная жизнь смерти
Предисловие переводчика
Действующие лица из «Задачи трех тел» и «Темного леса»
Отрывок из предисловия к «Прошлому вне времени»
Часть I
Май 1453 года от Р.Х. Смерть колдуньи
Эра Кризиса, год 1-й. Режим жизни
Эра Кризиса, год 4-й. Юнь Тяньмин
Эра Кризиса, год 4-й. Юнь Тяньмин
Эра Кризиса, годы 1—4-й. Чэн Синь
Эра Кризиса, годы 1—4-й. Чэн Синь
Эра Кризиса, годы 1—4-й. Чэн Синь
Эра Кризиса, годы 5—7-й. Программа «Лестница»
Часть II
Эра Устрашения, год 12-й. «Бронзовый век»
Эра Устрашения, год 12-й. «Бронзовый век»
Эра Устрашения, год 13-й. Суд
Эра Устрашения, год 61-й. Держатель меча
Эра Устрашения, год 61-й. Держатель меча
Эра Устрашения, год 61-й. Держатель меча

Эра Устрашения, год 62-й. «Гравитация» в окрестностях облака Оорта

Эра Устрашения, год 62-й. «Гравитация», окрестности облака Оорта

Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17. Центр Устрашения

Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17. Центр Устрашения

Последние десять минут Эры Устрашения:. год 62-й, 28 ноября, с 16:17:34 до 16:27:58. Центр Устрашения

Эра Пост-Устрашения, первый час. Потерянный мир

Эра Пост-Устрашения, первый час. Потерянный мир

Эра Пост-Устрашения, день 60-й. Потерянный мир

Эра Пост-Устрашения, день 60-й. Потерянный мир

Эра Пост-Устрашения, год 2-й. Австралия

Последние десять минут Эры Устрашения:. год 62-й, 28 ноября, с 16:17:34 до 16:27:58. «Гравитация» и «Синий космос», межзвездное пространство

Эра Пост-Устрашения, год 2-й. Утро после Великого переселения, Австралия

Эра Пост-Устрашения, дни с первого по пя-

тый,.. «Гравитация» и «Синий космос», далеко за пределами облака Оорта

Часть III

Эра Космической Передачи, год 7-й. Чэн Синь

Эра Космической Передачи, год 7-й. Чэн Синь

Эра Космической Передачи, год 7-й. Томоко

Эра Космической Передачи, год 7-й. Томоко

Эра Космической Передачи, год 7-й. Юнь Тяньмин

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина

Эра Космической Передачи, год 8-й. Судьбоносный выбор

Эра Космической Передачи, год 8-й. Судьбоносный выбор

Эра Космической Передачи, год 8-й. Точка Лагранжа Земля – Солнце

Часть IV

Эра Космических Убежищ, год 11-й. Мир космоградов

Эра Космических Убежищ, год 11-й. Скорость света II
Эра Космических Убежищ, год 11-й. Гало-сити
Часть V
Эра Космических Убежищ, год 67-й. Млечный Путь, рукав Ориона
Эра Космических Убежищ, год 67-й. «Ореол»
Эра Космических Убежищ, год 66-й. За границей Солнечной системы
Эра Космических Убежищ, год 68-й. Плутон
Цивилизация Ремли
Эра Космических Убежищ, год 68-й. Двумерная солнечная система
Часть VI
Галактическая Эра, год 409-й. Наша звезда
Около семнадцати миллиардов лет от начала времени. Наша звезда
Вне времени. Наша Вселенная
Вне времени. Наша Вселенная

Аннотация

"Воспоминания о прошлом Земли" – эпическая трилогия феноменального китайского фантаста Лю Цысиня, лауреата основных мировых литературных премий – "Хьюго", "Небьюла", "Галактика".

История начнется с первого Контакта во времена Культурной революции. Инопланетяне с гибнущей планеты начинают подготовку Земного человечества к прибытию через 400 лет своего флота – для захвата и колонизации. Людям остается не так много времени для того, чтобы победить внутренних врагов – союзников пришельцев и подготовиться к отпору агрессии сверхцивилизации. Грядет Кризис…

Романы награждены всеми главными жанровыми премиями.

Блестящий шедевр от наследника Айзека Азимова и Артура Кларка.

Классическая «твердая» научная фантастика.

Лю Цысинь
Воспоминания о прошлом Земли

© О. Глушкова, перевод на русский язык, 2019
© Д. Накамура, перевод на русский язык, 2019
© О. Глушкова, Д. Накамура, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Задача трех тел

Предисловие переводчика

Прочитав в 2014 году английский перевод романа китайского писателя Лю Цысиня 刘慈欣 (пиньинь «саньти», русск. «Задача трех тел»), и особенно после того как эта книга в 2015 году получила премию Хьюго, я загорелась идеей перевести его для русского читателя. Я не знаю китайского языка, поэтому переводила с английского. Времени на это ушло очень много, поскольку до этого я чисто научную фантастику не переводила. Приходилось много общаться со специалистами: китаеведами, физиками, программистами и тому подобное. В процессе написания перевода мне пришлось близко познакомиться и с теорией струн, и со строением Солнца, и с космологией, и с историей Китая (в особенности времен «культурной революции»), и так далее, и тому подобное. Я мучила вопросами всех, кто имел хотя бы отдаленное отношение к Китаю или науке. Меня заставляли двигаться вперед любовь к книге и чисто спортивное упрямство.

Перевод с китайского на английский сделал замечательный американский писатель-фантаст китайского происхождения Кен Лю. Работать с

его текстом было удовольствием. В романе довольно много говорится о временах и реалиях «культурной революции», не очень известных в «большом мире», поэтому и сам автор, и Кен Лю снабдили текст значительным количеством совершенно необходимых для понимания текста сносок. Мне, со своей стороны, пришлось тоже внести свою лепту в сноски, поскольку в романе имеется множество научных терминов и фактов, о которых большинство читателей имеет лишь весьма отдаленное представление. Итак, примечания в книге принадлежат трем авторам: самому Лю Цысиню; Кену Лю, переводчику романа на английский язык; и мне, переведшей его на русский язык; обозначены они соответственно как «*Прим. автора*», «*Прим. К. Л.*» и «*Прим. перев.*».

Я глубоко благодарна за помощь и поддержку в создании этого перевода моему помощнику Константину Васенину; знающему и тонко чувствующему консультанту Дмитрию Накамуре; Альберту Крисскому — опытному драгоману, тщательно сверившему текст по китайскому оригиналу; Гар Гарычу, рассказавшему мне много нового и интересного о Китае эпохи «культурной революции»; Red China Devil за его неоценимые

советы; другим участникам и администрации форума «Восточное Полушарие», всем моим друзьям и «болельщикам», а также несравненному, великолепному, волшебному мистеру Гуглу. Всем огромное спасибо!

Ольга Глушкова

Действующие лица[1]

Семья Е

Е Чжэтай — физик, профессор Университета Цинхуа

Шао Линь — жена Е Чжэтая, физик

Е Вэньцзе — дочь Е Чжэтая, астрофизик

Е Вэньсюэ — сестра Е Вэньцзе, член организации хунвэйбинов

База «Красный берег»

Лэй Чжичэн — политический комиссар базы «Красный берег»

Ян Вэйнин — главный инженер базы «Красный берег», бывший студент Е Чжэтая

Настоящее время

Ян Дун — дочь Е Вэньцзе и Ян Вэйнина, физик, специалист в теории струн

Дин И — близкий друг Ян Дун, физик-теоретик

---

[1] Примечания: 1

В китайских именах первой идет фамилия, затем личное имя. — *Прим. перев.*

Ван Мяо — исследователь в области наноматериалов

Ши Цян — полицейский детектив, также известный под прозвищем Да Ши

Чан Вэйсы — генерал-майор Народно-освободительной армии Китая

Шэнь Юйфэй — японка, физик, член общества «Рубежи науки»

Вэй Чэн — муж Шэнь Юйфэй, гениальный математик, затворник

Пань Хань — биолог, друг/знакомый Шэнь Юйфэй и Вэй Чэна, член общества «Рубежи науки»

Ша Жуйшань — астроном, один из студентов Е Вэньцзе

Майк Эванс — наследник нефтяного магната

Стентон — полковник морской пехоты США, руководитель операции «Гучжэн»

Часть I
Безмолвная весна
Глава 1
Годы безумия

Китай, 1967 год

Уже второй день Красный союз вел осаду штаба Бригады Красной охраны имени Двадцать восьмого апреля. Вокруг осажденного здания неустанно реяли красные флаги, словно костры, постоянно жаждущие дров.

Командира Красного союза снедала тревога, но не из-за противника: две жалкие сотни хунвэйбинов[2] из Бригады имени Двадцать восьмого апреля были просто молокососами по сравнению с бойцами Красного союза, основанного в 1966 году, в самом начале Великой Пролетарской Культурной революции. Хунвэйбины Красного союза, принимавшие участие в революционных походах по всей стране и видевшие выступления

---

[2] Примечания: 2

Хунвэйбины — буквально «красные охранники» — отряды молодежи, сформированные в Китае в 1966 г., в период так называемой «культурной революции», отличавшиеся крайним пренебрежением к культуре и ее традициям, а также невероятной жестокостью по отношению к людям и правам человеческой личности. — *Прим. перев.*

Председателя Мао на площади Тяньаньмэнь, были опытными и закаленными бойцами.

И все же их командир боялся. Он боялся двух десятков чугунных печек внутри здания, начиненных взрывчаткой и соединенных общим электрическим детонатором. Он не видел, но чувствовал их, как железо ощущает притяжение магнита. Если кто-то из осажденных переключит рубильник, в гигантском взрыве погибнут все — и революционеры, и контрреволюционеры.

А юнцы из Бригады имени Двадцать восьмого апреля и правда были способны на такое безумие. В отличие от суровых мужчин и женщин первого поколения хунвэйбинов эти бунтовщики были как стая бешеных волков на раскаленных углях.

Внезапно на крыше здания возникла тонкая фигурка красивой девушки с огромным красным знаменем Бригады в руках. Ее появление было встречено какофонией выстрелов. Оружие у нападавших было самое разнообразное: от устаревших американских карабинов, чешских автоматов и японских ружей 38-го калибра до новейших винтовок и пулеметов, принятых на вооружение в Народно-освободительной армии Китая и украденных из ее арсеналов после пуб-

ликации «Августовской передовицы»[3]. Здесь были даже копья и китайские мечи — дадао. Вся современная история в сжатом изложении.

Члены Бригады и раньше устраивали подобные «показательные выступления». Они взбирались на крышу, размахивали флагами, выкрикивали в мегафон лозунги, осыпали нападающих листовками… Как правило, храбрецы, среди которых были как мужчины, так и женщины, успевали скрыться от града пуль, заслужив почет и славу за свой подвиг.

Девушка на крыше, очевидно, не сомневалась, что ей это тоже удастся. Она размахивала боевым знаменем, рдеющим, словно ее пламенная юность, и свято верила, что враги сгорят дотла в огне революции, что завтра из пыла и жара ее крови родится новый, совершенный мир. Девушку опьяняла эта сияющая алая мечта… но тут ее грудь пронзила пуля.

Ее пятнадцатилетнее тело было так нежно, что пуля прошила его насквозь, не задержавшись ни

---

[3] Примечания: 3

Имеется в виду статья, напечатанная в августе 1967 г. в журнале «Красный флаг», важном источнике пропаганды во время «культурной революции». Статья призывала «очистить нашу армию от горстки [контрреволюционеров]». Многие хунвэйбины истолковали это как завуалированный призыв к захвату арсеналов НОАК, что способствовало разжиганию междоусобных войн локального масштаба между различными фракциями хунвэйбинов (Красной охраны). — *Прим. К. Л.*

на мгновение. Юная воительница и ее знамя полетели с крыши; легкая фигурка, казалось, падала медленнее, чем красное полотнище, — словно птичка, не желающая покидать небо.

Бойцы Красного союза завопили от радости. Они ринулись к зданию, подхватили худенькое безжизненное тело девушки и вырвали знамя из ее рук. Воздев трофеи над головами, они некоторое время торжествовали, а потом швырнули погибшую на ворота, ведущие во двор комплекса.

Большинство металлических прутьев, из которых состояли ворота, исчезло — их сорвали еще в начале межфракционных войн, чтобы использовать как копья, — но пара еще держалась. Тело девушки нанизалось на их острия. Некоторым в этот момент показалось, будто оно, дернувшись, на мгновение вернулось к жизни.

Хунвэйбины из Красного союза немного отошли и принялись упражняться в стрельбе, используя труп в качестве мишени. Для погибшей свинцовый шквал был все равно что легкий дождик, поскольку она больше ничего не чувствовала. Ее безжизненные руки, тонкие словно прутики, изредка вздрагивали под пулями, будто под каплями дождя.

А потом ей снесло половину лица. Ее прекрасный глаз одиноко смотрел в голубое небо 1967 года. Во взгляде не было боли, только преданность делу и решимость.

И все же по сравнению с другими девушка была счастливицей. Она, во всяком случае, погибла славной смертью, пожертвовав жизнью за идею…

* * *

Такие бои полыхали по всему Пекину, словно множество параллельно работающих процессоров, на выходе у которых была «культурная революция». Безумие затопило город, насилие проникло во все его углы и закоулки.

На окраине города, на спортплощадке Университета Цинхуа, в присутствии нескольких тысяч

человек уже часа два шел «митинг борьбы»[4]. Это массовое мероприятие имело целью с помощью оскорблений и пыток унизить и сломить врагов революции, заставить их публично покаяться в своих преступлениях.

Фракции внутри революционного движения, раздираемого идеологическими противоречиями, постоянно враждовали между собой. В университете не прекращались напряженные конфликты между Красной охраной, «Рабочей группой культурной революции», «Агитбригадой рабочих» и «Агитбригадой военных». Вдобавок сами фракции делились на группы, каждая из которых имела свою социальную основу и программу. Все это вело к еще более ожесточенной борьбе.

---

[4] Примечания: 4

«Митингами борьбы», или, в другом варианте перевода, «собраниями критики», называли собрания, призванные «перевоспитать» преподавателей в духе революции. По существу, это были публичные издевательства студентов-хунвэйбинов над преподавателями. Вот что пишет о них в своей книге «Дикие лебеди» Юн Чжан, живая свидетельница «культурной революции»: «…«Митинги борьбы» стали одной из главных примет «культурной революции». На них истерически орали и редко обходились без рукоприкладства. Возглавлял движение Пекинский университет, под личным присмотром Мао. На первом же митинге 18 июня били, пинали, поставили на многие часы на колени более шестидесяти профессоров и деканов, и даже ректора. На головы им надели дурацкие колпаки с издевательскими надписями, лицо вымазали черными чернилами (черный — цвет зла), все тело обклеили лозунгами. Каждую из жертв, заломив ей руки за спину с такой силой, словно хотели их вывихнуть, толкали вперед двое студентов. Эта поза,

называемая «реактивный самолет», вскоре стала характерной чертой «митингов борьбы» по всей стране. Однажды хунвэйбины из нашего класса позвали меня на митинг. В жаркий летний полдень меня била дрожь: на спортплощадке, на помосте я увидела десяток учителей со склоненными головами и руками в позе «реактивный самолет». Потом одних пнули под колени и приказали на них встать, других, включая моего пожилого учителя английского языка с манерами джентльмена, поставили на длинные узкие скамьи. Он не удержался, покачнулся, упал и расшиб об острый край лоб. Стоявший рядом хунвэйбин машинально нагнулся и протянул ему руки, но тут же выпрямился, сжал кулаки, принял преувеличенно суровый вид и закричал: «Быстро на скамью!» Юноша явно не хотел показаться мягким к «классовому врагу». Кровь текла по лбу учителя и запекалась на его щеке». (Перев. Р.Г. Шапиро.) — *Прим. перев.*

Жертвами сегодняшнего мероприятия были реакционные буржуазные преподаватели. Будучи врагами для всех фракций, они были вынуждены отбиваться от яростных атак со всех сторон.

Преподаватели-реакционеры отличались от прочих «чудищ и демонов»[5]: на «митингах борьбы» в начале «культурной революции» они вели себя упрямо и вызывающе. Именно на этой стадии погибли очень многие из них. За сорок дней в одном только Пекине были забиты насмерть тысяча семьсот человек. Другие, такие как Лао Шэ, У Хань, Цзянь Боцзань, Фу Лэй, Чжао Цзючжан, И Цюнь, Вэнь Цзе, Хай Мо и другие некогда уважаемые интеллектуалы, выбрали более легкий путь, уйдя из жизни по собственной воле[6].

Те же, кто выжил после первой стадии, постепенно теряли чувствительность к нескончаемым издевательствам. Ментальная броня помогала им не сломаться физически. Зачастую во время судилищ эти люди, казалось, впадали в прострацию,

---

[5] Примечания: 5

«Чудища и демоны» — так вслед за Мао хунвэйбины именовали контрреволюционеров. — *Прим. перев.*

[6] Примечания: 6

Перечислены только некоторые из самых знаменитых ученых, покончивших жизнь самоубийством во время «культурной революции»: писатели И Цюнь и Лао Шэ, историки У Хань и Цзянь Боцзань, критик и переводчик Фу Лэй, метеоролог и геофизик Чжао Цзючжан, поэт Вэнь Цзе, сценарист и романист Хай Мо. — *Прим. К. Л.*

и, чтобы привести их в чувство, мучители орали им в лицо. Тогда истязаемые, очнувшись, машинально повторяли свои признания, и до того уже произнесенные бессчетное количество раз.

Дальше для некоторых наступала третья стадия. Бесконечные внушения отравляли им мозг до тех пор, пока их умы, взращенные на знаниях и логике, не уступали натиску. Жертвы начинали верить, что и правда виновны, проникались осознанием того, какой тягчайший вред они нанесли великому делу революции. Их слезы были более искренними, а раскаяние — более глубоким, чем у тех «чудищ и демонов», которые не принадлежали к интеллектуальной элите.

Хунвэйбинам было неинтересно иметь дело с жертвами на последних двух стадиях. Они получали удовольствие от страданий только тех «чудищ и демонов», что находились на первой стадии; такие были для них как красная тряпка для быка. Но этих желанных жертв становилось все меньше. В Цинхуа остался, возможно, только один такой человек, и потому его, словно изысканное лакомство, приберегли на конец мероприятия.

Е Чжэтаю до сих пор удавалось оставаться в живых, но он застрял на первой стадии, то есть

не собирался каяться, впадать в прострацию или кончать жизнь самоубийством. Когда профессор физики всходил на помост перед толпой, на лице его было ясно написано: «Пусть крест, который я несу, станет еще тяжелее»[7].

Хунвэйбины и в самом деле навьючили на него тяжкое бремя, но это был не крест. В то время как на других «подсудимых» надевали дурацкие колпаки из бамбука, на Е Чжэтая напялили колпак из толстых стальных прутьев. И на груди у него висела не деревянная табличка, как у остальных. Ее заменяла чугунная дверца, снятая с лабораторной печи. На дверце большими черными иероглифами было написано имя профессора, и две красные полосы перечеркивали его крест-накрест.

На помост Е сопровождало в два раза больше конвоиров, чем у других жертв, — двое юношей и четыре девушки. Юноши, студенты-физики четвертого курса, шагали уверенно и целеустремленно, как истинные образцы зрелой большевистской молодежи. Е был их профессором. Девушки, вернее, совсем еще девочки,

---

[7] Примечания: 7

Специально для скептиков: переводчик выяснил у тех, кто читал роман по-китайски, что Лю Цысинь действительно употребляет именно это выражение. — *Прим. перев.*

учились во втором классе неполной средней школы при университете[8]. Одетые в военную форму с патронташами, они так и лучились юношеским задором. Девочки окружили Е Чжэтая, словно четыре языка зеленого пламени.

Толпа пришла в возбуждение. Скандирование лозунгов, до этого слегка ослабевшее, возобновилось с прежней силой. В криках, поднявшихся, словно цунами, утонули все остальные звуки.

Терпеливо дождавшись, пока шум утихнет, один из хунвэйбинов обратился к жертве:

— Е Чжэтай, ты эксперт в механике. Тебе должна быть очевидна величина совокупной силы, которой ты противостоишь. Если будешь упрямиться по-прежнему, гибели тебе не избежать! Сегодня мы продолжим с того, на чем остановились в прошлый раз. Ни к чему попусту расходовать слова. Отвечай на вопрос без своих обычных уловок. В 1962–1965 годах ты по собственной воле, не спрашивая разрешения, добавлял теорию относительности к вводному

---

[8] Примечания: 8

В образовательной системе Китая после шести классов начальной школы следуют три класса неполной средней и три класса полной средней школы (эту последнюю еще называют старшей школой или гимназией — устоявшегося термина нет). Во время «культурной революции» двенадцать лет сократили до девяти и десяти — в зависимости от провинции или муниципалитета. В данном случае девушкам-конвоирам по четырнадцать лет. — *Прим. К. Л.*

курсу физики. Это так?

— Теория относительности — одна из фундаментальных физических теорий, — ответил Е. — Разве можно исключать ее из элементарного обзорного курса?

— Лжешь! — воскликнула одна из девочек. — Эйнштейн — реакционный ученый. Он служил всякому, кто звенел перед ним золотом. Он даже сбежал к американским империалистам и помогал им конструировать атомную бомбу! Чтобы развивать революционную науку, нам необходимо повергнуть теорию относительности, это черное знамя капитализма! — Она была самая умная из четырех хунвэйбинок и хорошо подготовилась, заранее вызубрив сценарий.

Е молчал. Все его силы уходили на борьбу с мучениями, причиняемыми стальным колпаком и чугунной плитой, висящей на шее; у него не оставалось энергии, чтобы отвечать на вопросы, не заслуживавшие ответа.

Но с таким, как Е Чжэтай, одних только лозунгов мало. Хунвэйбины решили применить новое оружие. Один из студентов подал знак кому-то в толпе, и из первого ряда поднялась жена Е, профессор физики Шао Линь. Она вышла на помост, одетая в мешковатый зеленый костюм, явно под-

ражающий военной форме хунвэйбинов. Те, кто знал Шао Линь, помнили, что она нередко читала лекции в элегантном ципао[9]. Нынешний наряд был ей совсем не к лицу.

— Е Чжэтай! — К подобной аудитории она была непривычна, поэтому, пытаясь кричать, добилась лишь того, что голос ее дрожал сильнее обычного. — Ты, конечно, не рассчитывал, что я начну изобличать тебя?! Да, в прошлом тебе удалось ввести меня в заблуждение! Ты затуманил мой разум своими реакционными взглядами на мир и науку! Но теперь я все осознала! Больше тебе меня не обмануть! С помощью революционной молодежи я стану на сторону правого дела, на сторону народа!

Она повернулась к зрителям:

— Товарищи революционные студенты и революционные преподаватели, мы все должны четко осознавать реакционный характер теории Эйнштейна. Особенно сильно он проявляется в общей теории относительности: статическая модель Вселенной отрицает динамический характер материи. Эта теория противоречит

---

[9] Примечания: 9

Ципао — красивое шелковое платье, модель которого разработана в Китае еще в 30-е годы прошлого века, но популярное до сих пор, и не только в Китае. — *Прим. перев.*

диалектике! Она рассматривает Вселенную как ограниченную, замкнутую. Это самый заскорузлый идеализм!..

Слушая выступление жены, Е лишь горько усмехался. «Линь, значит, я ввел тебя в заблуждение? На самом деле это ты всегда была для меня загадкой. Как-то раз я выразил свое восхищение твоим талантом, но твой отец (какое счастье, что он давно умер и не видит этого позора!) покачал головой и сказал, что ты вряд ли достигнешь больших высот в науке. Его следующие слова оказались пророческими: «Линьлинь слишком сообразительна. Чтобы заниматься фундаментальной наукой, нужно быть тупицей».

Лишь в последние годы смысл его слов стал мне ясен. Линь, ты и правда слишком сообразительна. Уже несколько лет назад ты почувствовала, откуда ветер дует, и начала готовиться. Например, в своих лекциях ты изменила названия многих физических законов и констант: закон Ома называла законом сопротивления, уравнения Максвелла — электромагнитными уравнениями, постоянную Планка — квантовой постоянной… Ты вдалбливала студентам, что все научные достижения — это результат мудрости пролетарских масс, а эти просвещенные приспешники

капиталистов лишь присвоили себе их плоды, дав им свои имена.

Однако и тогда большинство «товарищей» не желало признавать тебя своей. Посмотри на себя: тебе даже сейчас не позволяют носить красную нарукавную повязку «революционных преподавателей»; ты была вынуждена прийти сюда с пустыми руками, без права держать в них «маленькую красную книжицу»… Ты родилась в знатной семье дореволюционного Китая, твои родители — знаменитые ученые. Этот грех не простится тебе никогда.

Что касается Эйнштейна, тут ты могла бы порассказать гораздо больше меня. Зимой 1922 года Эйнштейн приезжал в Шанхай. Твой отец бегло разговаривал по-немецки, поэтому его попросили сопровождать приезжую знаменитость. Ты много раз говорила мне, что твой отец занялся физикой под влиянием Эйнштейна, а ты выбрала ту же науку по примеру отца, так что Эйнштейна можно в некотором роде считать твоим учителем. Когда-то ты была этим горда и счастлива.

Позже я узнал, что отец скормил тебе сладкую ложь. У них с Эйнштейном состоялась только одна очень короткая беседа. Утром 13 ноября 1922 года он сопровождал Эйнштейна на прогулке по

Нанкинской улице. С ними были и другие: Юй Южэнь, ректор Шанхайского университета, и Цао Губин, главный редактор газеты «Дагунбао». На дороге шел ремонт. Эйнштейн остановился около рабочего, который разбивал камни, и некоторое время молча смотрел на него. На парне были старые лохмотья, лицо и руки в грязи. Эйнштейн осведомился у твоего отца, сколько этот рабочий зарабатывает за день. Твой отец спросил парня, а затем ответил: пять центов.

Это был единственный раз, когда твой отец разговаривал с научным светилом, изменившим мир. Не было никаких дебатов ни о теории относительности, ни о физике вообще — лишь холодная, суровая реальность. По словам твоего отца, услышав ответ, Эйнштейн долго стоял и наблюдал за размеренными, механичными движениями рабочего, забыв про свою трубку, из которой просыпался пепел. Твой отец сам рассказал мне об этом. А потом добавил: «В Китае любая мысль, дерзнувшая воспарить в небеса, обречена упасть на землю. Тяготение реальности слишком сильно».

— Голову вниз! — выкрикнул один из конвоиров. Все, кто подвергался общественной критике, должны были униженно гнуть шею. Возможно,

этот окрик был проявлением милосердия со стороны бывшего студента: стоит профессору склониться — и железный колпак упадет; если при этом Е продолжит стоять согнувшись, то не будет и повода снова надевать на него орудие пытки. Но профессор держал голову высоко, отказываясь смириться. И как только его тонкая шея выдерживала такую тяжесть?

— Голову вниз, строптивый реакционер! — Одна из девочек сдернула с себя ремень и хлестнула профессора. Медная пряжка угодила жертве в лоб, оставив глубокую ссадину, которая тут же начала сочиться кровью. Е покачнулся, но удержался на ногах и гордо выпрямился.

Один из хунвэйбинов сказал:

— Ты и в квантовую механику подбавлял немало реакционных идей! — Он кивнул Шао Линь, призывая ее продолжать.

Та с готовностью подчинилась. Собственно, у нее не было выбора, иначе ее хрупкий разум, и без того балансирующий на грани безумия, взорвался бы.

— Е Чжэтай, тебе нечего возразить на это обвинение! Ты постоянно вдалбливал в головы студентов реакционную копенгагенскую интерпретацию квантовой механики!

— Эта гипотеза признана как наиболее соответствующая экспериментальным данным. — Его тон, спокойный и собранный, удивил и напугал Шао Линь.

— Эта гипотеза постулирует, что внешнее наблюдение ведет к коллапсу волновой функции! Еще одно утверждение из области реакционного идеализма, причем до крайности наглое!

— Философия направляет эксперименты или эксперименты определяют философию? — Контратака Е застала экзекуторов врасплох. На несколько мгновений они растерялись.

— Конечно же, истинная философия, философия марксизма, должна направлять научные эксперименты! — наконец ответил один из хунвэйбинов.

— Тогда это эквивалентно утверждению, будто истина падает с неба. Это противоречит тезису, гласящему, что истина познается опытным путем, то есть противоречит марксистскому методу понимания законов природы.

Шао Линь и оба студента-хунвэйбина не нашли что ответить. В отличие от девочек — учениц неполной средней школы, они не могли совсем уж игнорировать логику.

Зато у четырех малявок имелись свои ра-

дикальные революционные методы, против которых, как они полагали, никто не устоит. Та, что ударила Е, размахнувшись, хлестнула ремнем еще раз. Остальные девочки тоже сняли ремни. Поскольку их соратница продемонстрировала столь яростное революционное рвение, им надлежало выказать еще большее или хотя бы такое же. Юноши не останавливали их, потому что, если бы они вмешались, их могли бы посчитать недостаточно революционными.

— Ты также преподавал теорию Большого взрыва. Это самая реакционная из всех научных теорий! — проговорил один из них, пытаясь сменить тему.

— Возможно, в будущем эта теория и будет опровергнута. Но два великих космологических открытия двадцатого века — закон Хаббла и космическое микроволновое фоновое излучение — доказывают, что теория Большого взрыва на данный момент наиболее правдоподобно объясняет происхождение Вселенной.

— Ложь! — выкрикнула Шао Линь и пустилась в длительные рассуждения об упомянутой теории, не забывая вставлять острые критические замечания относительно ее реакционного характера. Но свежесть этой гипотезы импонировала

самой развитой из девочек, и она не могла не поинтересоваться:

— Время началось с исходной точки? А что же было до этого?

— Ничего, — ответил Е, как ответил бы на вопрос каждого любознательного молодого человека. Он повернулся и доброжелательно взглянул на девочку. Ему, израненному и с железным колпаком на голове, это движение далось с огромным трудом.

— Ни… ничего? Но это же реакционно! Просто махровая реакция! — спохватилась перепуганная девочка. Она бросила взгляд на Шао Линь, которая кивнула и с готовностью пришла ей на помощь:

— Эта теория оставляет место для Бога.

Юная хунвэйбинка, озадаченная новыми для нее идеями, наконец нащупала опору под ногами. Она наставила на Е руку с зажатым в ней ремнем:

— Ты хочешь сказать, что Бог существует?

— Я не знаю.

— Что?!

— Я говорю, что не знаю. Если под Богом ты подразумеваешь некое сверхсознание за пределами Вселенной, то я не знаю, существует оно или нет.

Наука не дает доказательств ни за, ни против.

На самом деле в этот кошмарный момент своей жизни Е склонялся к мысли, что Бога нет.

Услышав это крайне реакционное заявление, публика взволновалась, зашумела и, следуя примеру одного из хунвэйбинов на помосте, снова разразилась лозунгами:

— Долой ученого-реакционера Е Чжэтая!

— Долой всех преподавателей-реакционеров!

— Долой контрреволюционные доктрины!

Как только волна криков улеглась, девочка провозгласила:

— Бога нет! Все религии — это орудия, изобретенные правящими классами для порабощения воли народа!

— Это очень однобокий подход, — спокойно парировал Е.

Юная хунвэйбинка, смущенная и рассерженная, пришла к выводу, что против такого опасного врага словесные аргументы бессильны. Она подняла ремень и снова накинулась на Е. Три ее товарки последовали за ней. Профессор был высок ростом и по-прежнему стоял выпрямившись; чтобы попасть ему по лбу, четырнадцатилетним девчонкам приходилось хлестать ремнями снизу вверх. После нескольких первых ударов желез-

ный колпак, который хоть немного, но все-таки защищал его, свалился, а вскоре под обрушившимися на него ударами медных пряжек упал и сам Е.

Девочки, воодушевленные успехом, с еще большим усердием отдались своему славному занятию. Они боролись за веру, за идеалы. Их пьянил яркий свет, который бросала на них история, они гордились своей храбростью…

Два студента Е в конце концов вмешались и прекратили расправу.

— Председатель Мао советует нам больше полагаться на убеждение, чем на силу! — Они оттащили вошедших в раж девчонок от профессора.

Но было поздно. Физик безмолвно лежал в багровой луже, его невидящие глаза были открыты. Возбужденная толпа застыла в молчании. Единственное, что двигалось, — это ручеек крови. Словно алая змея, он медленно извивался по помосту, добегал до края и падал на подставленный внизу ящик. Ритмичный стук падающих капель был похож на звук шагов — как будто кто-то уходил отсюда…

Тишину нарушил резкий смех. Смеялась Шао Линь, разум которой в конце концов не вы-

держал. Присутствующие содрогнулись. Толпа начала расходиться, сперва по одному, потом широким потоком. Спортплощадка опустела, и около помоста осталась только одна девушка.

Это была Е Вэньцзе, дочь Е Чжэтая.

Во время расправы над отцом она порывалась выскочить на помост, но два старых университетских уборщика удерживали ее, шепча ей на ухо, что, если она поднимется туда, ее постигнет судьба отца. «Митинг борьбы» превратился в сцену коллективного помешательства, и появление Вэньцзе на помосте привело бы только к еще большему разгулу насилия. Она кричала и кричала, но в громовых раскатах лозунгов и одобрительных возгласов ее никто не слышал.

Когда настала тишина, Вэньцзе уже не была в состоянии издать ни звука. Она лишь молча смотрела на безжизненное тело отца, и мысли, которые она не могла высказать, ушли в самую глубь ее души, растворились в крови, где остались до конца ее дней. Толпа разошлась, а Вэньцзе так и стояла, будто окаменевшая, продолжая сохранять ту позу, в которой ее еще недавно удерживали два старых уборщика.

Прошло довольно много времени, прежде чем она опустила руки, медленно взошла на помост,

присела около отца и взяла его похолодевшую руку. Она сидела, уставив в никуда пустой взгляд, а когда за телом пришли, вытащила из кармана и вложила в ладонь отца его любимую трубку.

Вэньцзе тихо покинула спортплощадку, совсем пустую, если не считать оставленного толпой мусора, и направилась домой. Подойдя к жилому корпусу преподавательского состава, она услышала взрывы безумного хохота, доносящиеся из окна второго этажа, где располагалась их квартира. Это смеялась женщина, которую Вэньцзе когда-то называла матерью.

Е развернулась и пошла прочь, не задумываясь о том, куда ведут ее ноги.

Они привели ее к двери профессора Жуань Вэнь. В течение четырех лет учебы Вэньцзе в университете профессор Жуань была не только ее наставницей, но и другом. Она оставалась им и в течение двух лет магистратуры, когда Е специализировалась в астрофизике, и в последующем хаосе «культурной революции». Профессор Жуань была ее самым близким человеком, не считая отца.

Жуань училась в Кембриджском университете. Вэньцзе очень любила бывать в ее доме, полном прекрасных, удивительных вещей. Чего там толь-

ко не было: редкие книги, картины и пластинки, завезенные из Европы; рояль;

коллекция курительных трубок на изящной деревянной подставке — одни из средиземноморского вереска, другие из турецкой пенки… Каждая из этих трубок, казалось, была проникнута мудростью их владельца, человека, который давным-давно, погрузившись в мысли, держал ее в руке или зажимал в зубах мундштук. Жуань никогда не упоминала имени этого мужчины. Трубка, которую курил отец Вэньцзе, была ее подарком.

Когда Вэньцзе требовалось скрыться от бурь окружающего мира, этот уютный, теплый дом служил ей убежищем… но это было до того, как дом Жуань обыскали хунвэйбины и забрали себе ее сокровища. Как и отец Вэньцзе, Жуань подверглась издевательствам со стороны Красной охраны. На «митинге борьбы» хунвэйбины повесили ей на шею пару туфель на тонком высоком каблуке и размалевали лицо губной помадой, чтобы показать всем, какой развратный капиталистический образ жизни ведет профессор Жуань.

Вэньцзе толкнула дверь, вошла и увидела, что беспорядка, который оставили после себя хунвэй-

бины, больше нет. Сорванные со стен картины склеены и развешаны по местам; разбитый рояль, хотя и безнадежно испорченный, натерт до блеска; несколько оставшихся книг аккуратно расставлены по полкам…

Жуань сидела за письменным столом с закрытыми глазами. Вэньцзе подошла и осторожно прикоснулась к ее лицу и рукам — они оказались холодными. Еще только войдя в дверь, девушка заметила на столе пустую склянку из-под таблеток…

Она некоторое время постояла в молчании. Затем повернулась и пошла к выходу. Она больше не чувствовала скорби. Вэньцзе стала как счетчик Гейгера, зашкаливший от слишком сильной радиации: не способный к измерениям, он молчит и ничего не может показать.

Но на самом пороге Вэньцзе обернулась и окинула комнату взглядом в последний раз. Она заметила, что профессор Жуань перед смертью позаботилась о своей внешности: на губах ее была яркая помада, на ногах — туфли на тонком высоком каблуке.

Глава 2
«Безмолвная весна»

Два года спустя, хребет Большой Хинган

«Поберегись!»

За возгласом последовал треск, и могучая даурская лиственница, массивная, как колонна Парфенона, рухнула на землю. Е Вэньцзе ощутила, как дрогнула почва под ногами.

Орудуя топором и пилой, она принялась очищать ствол от ветвей. Каждый раз, проделывая эту работу, она чувствовала себя так, будто обрубает руки-ноги мертвому великану. Иногда ей даже казалось, что этот великан — ее отец, и тогда в ней просыпались воспоминания о той страшной ночи, когда она обмывала его тело в морге. Сучки и трещины в древесине казались рубцами и ранами на теле ее отца.

Больше ста тысяч человек — шесть дивизий и сорок один полк Производственно-строительного корпуса — рассыпались по необозримым степям и лесам Внутренней Монголии. Многие из «образованной молодежи» — студенты, лишенные возможности продолжать учебу, — покинули

города и прибыли в эти негостеприимные места, движимые романтической жаждой подвига: как только танковые соединения советских империалистов-ревизионистов пересекут китайско-монгольскую границу, они, молодые бойцы, возьмут оружие и встанут живым щитом на их пути. Собственно, такова и была стратегическая цель создания Производственно-строительного корпуса.

Однако война, которой они так жаждали, была словно горы по ту сторону степи: видны четко, но недостижимы, как мираж. Поэтому им пришлось удовлетвориться расчисткой полей, выпасом скота и лесоповалом.

Вскоре молодые мужчины и женщины, когда-то потратившие немало юношеской энергии на паломничество к священным местам революционной славы, обнаружили, что по сравнению с необъятным небом и просторами Внутренней Монголии самые великие города Китая — лишь тесные овечьи загоны. Здесь, посреди бесконечных холодных чащ и покрытых травой лугов, их революционный пыл расходовался впустую. Даже если бы все бойцы Корпуса изошли кровью, она остыла бы быстрее, чем кучка коровьего навоза, и пользы от нее было бы не больше. Но

такова была судьба этого поколения — вспыхнуть и сгореть в пламени революции. Под их бензопилами холмы, покрытые необозримыми лесами, превращались в голые бугры. Под их тракторами и комбайнами бескрайние степи становились сначала хлебными полями, а затем пустынями.

Е Вэньцзе уничтожение лесов, которому она была живым свидетелем, казалось безумием. Величественные даурские лиственницы, вечнозеленые сосны, стройные белые березы, высоченные, под облака, корейские осины, ароматные сибирские кедры, а вместе с ними и черные березы, дубы, горные ясени и чозении — под топор шло все, на что падал взгляд. Сотни бензопил гудели, словно туча стальной саранчи. Там, где проходили товарищи Е Вэньцзе, из земли торчали лишь пни.

Поваленную даурскую лиственницу, лишенную ветвей, оставалось только прицепить к трактору. Е осторожно провела ладонью по свежему спилу. Она часто так делала — словно спил был огромной раной и она могла почувствовать боль дерева. Внезапно она заметила, как чья-то другая рука гладит пень убитой лиственницы. Рука дрожала, выдавая сердце, бьющееся в такт с ее собственным. Несмотря на белизну и изяще-

ство, ладонь явственно принадлежала мужчине.

Вэньцзе подняла глаза и увидела Бай Мулиня — маленького, хрупкого человека в очках, корреспондента газеты Корпуса «Новости Великой стройки». Он прибыл позавчера, чтобы собрать материал об отряде, в котором состояла Вэньцзе. Она читала его статьи, написанные прекрасным стилем, тонкие и прочувствованные, совсем не соответствующие грубым реалиям здешней жизни.

— Ма Ган, идите-ка сюда! — позвал Бай молодого человека, возившегося неподалеку. Ма был здоровяк, грудь колесом, могучий, как та даурская лиственница, которую он только что свалил. Когда он подошел, Бай спросил:

— Сколько лет этому дереву?

— Так посчитайте кольца. — Ма кивнул на пень.

— Уже посчитал. Больше трехсот тридцати. А сколько времени вам понадобилось, чтобы перепилить ствол?

— Минут десять, не больше. Я ведь управляюсь с пилой быстрее всех в нашем отряде. Да я б в какую команду ни пошел, везде у меня красный флаг. Я передовик! — Ма Ган говорил с гордостью — впрочем, как и все, кто привлекал к себе вни-

мание Бая. Еще бы, такая честь: о тебе напишут в главной газете Корпуса!

— Больше трехсот лет! Дюжина поколений… Это дерево застало еще времена династии Мин! И все эти годы… Вы можете себе представить, сколько бурь оно выдержало, скольким событиям стало свидетелем? А вы свалили его за считаные минуты. Неужели вы ничего не почувствовали?

— А что я должен был почувствовать? — Ма Ган непонимающе уставился на Бая. — Дерево как дерево. Тут их навалом всяких. Есть и постарше этого.

— Совершенно верно. Возвращайтесь к работе. — Бай покачал головой, присел на пень и вздохнул.

Ма Ган тоже покачал головой, разочарованный тем, что у репортера пропал к нему интерес.

— Вечно этой интеллигенции что-нибудь не так, — проворчал он и покосился на Е Вэньцзе, по-видимому, распространяя свое обвинение и на нее.

Ствол потащили. Камни и пеньки сдирали кору, еще больше травмируя и без того израненное тело гиганта. В слое отмершей листвы, накапливавшейся здесь годами, протянулась глубокая борозда, быстро заполнявшаяся водой. От гнию-

щих листьев вода стала красной как кровь.

— Вэньцзе, идите сюда, отдохните. — Бай похлопал ладонью по пню рядом с собой. Е и правда устала. Положив инструменты на землю, она подошла к корреспонденту и села с ним спина к спине.

Последовало долгое молчание. Наконец Бай не выдержал:

— Я знаю, что вы чувствуете. Но, похоже, таких, как мы с вами, здесь только двое.

Е не отозвалась. Бай и не ожидал ответа. Она была женщиной молчаливой и редко вступала в разговоры. Некоторые новички даже принимали ее за немую.

— Я бывал в этих местах год назад, — продолжал Бай. — Помню, приехал около полудня. Хозяева сказали, что на обед будет рыба. Я обвел хижину взглядом и увидел на огне котелок с водой и больше ничего. Никакой рыбы. А потом, когда вода начала закипать, хозяин взял удочку и вышел. Встал на берегу ручья, протекавшего около хижины, пару-тройку раз забросил крючок и вытянул несколько здоровенных рыбин… Какое изобильное здесь было место! А теперь, если захочешь полюбоваться этим ручьем, ничего не выйдет. Он мертв. Мутная вода в гнилой канаве.

Я вот все думаю: чем, собственно, занимается Корпус? Созиданием или разрушением?

— Откуда у вас такие мысли? — тихо спросила Е.

Она не выразила никаких эмоций, но Бай обрадовался, что она вообще заговорила.

— Прочел одну книгу, и она глубоко тронула меня. Вы читаете по-английски?

Она кивнула.

Бай вынул из сумки книгу в голубой обложке. Оглянувшись, не следит ли за ними кто-нибудь, он протянул томик Е.

— Она была опубликована в 1962 году и стала заметным явлением на Западе.

Вэньцзе повернулась на пне и взяла книгу. На обложке было написано: Рэйчел Карсон. «Безмолвная весна».

— Где вы ее взяли? — спросила Е.

— Она привлекла внимание высокого начальства. Было решено распространить ее среди избранных товарищей — только для внутреннего пользования. Мне поручили перевести часть, касающуюся лесов.

Вэньцзе открыла книгу и погрузилась в чтение. В короткой вводной главе автор описывала тихий городок, безмолвно умирающий из-за пе-

стицидов. В простых, безыскусных выражениях автор высказывала свою глубокую озабоченность судьбой городка.

— Я хочу написать руководству в Пекин. Пусть узнают, какие бесчинства творит Строительный корпус, — сказал Бай.

Е подняла голову от книги и некоторое время раздумывала над словами собеседника. Затем, ничего не ответив, снова вернулась к чтению.

— Могу одолжить ее вам. Но будьте осторожны, чтобы никто не увидел. Вы же знаете, что они думают о подобных книгах…

Бай поднялся, еще раз оглянулся вокруг и ушел.

* * *

Сорок лет спустя, в свои последние годы, Е Вэньцзе вспоминала, какое огромное влияние оказала «Безмолвная весна» на ее жизнь.

Книга ограничивалась одной-единственной темой — губительным влиянием чрезмерного использования пестицидов на окружающую среду, однако нарисованная автором картина потрясла Е до глубины души. До сих пор она думала, что пестициды не вредят природе, но книга Карсон показала ей, что пестициды для природы — то же

самое, что «культурная революция» для страны: и то, и другое чревато чудовищными разрушениями. Значит, и другая человеческая деятельность, на первый взгляд нейтральная или даже полезная, может оказаться для природы злом?

И тогда в голову Е пришла мысль:

«Что, если отношения между человечеством и злом подобны отношениям между океаном и айсбергом, плавающим на его поверхности? И то, и другое состоит из одного и того же вещества. И если айсберг кажется чем-то совершенно отличным от океана, то это лишь потому, что у него другая форма. В действительности же айсберг есть не что иное, как часть все того же необозримого океана…

Совесть человечества спит, и не стоит рассчитывать, что она когда-нибудь проснется сама по себе. Это так же невозможно, как попытка вытащить самого себя из болота за волосы. Нужна помощь извне».

Эта мысль и определила всю дальнейшую жизнь Е.

* * *

Спустя четыре дня она отправилась в отрядное общежитие к Баю, чтобы вернуть книгу. Открыв

дверь, она обнаружила, что тот, усталый, весь в грязи и опилках, лежит на кровати. Увидев гостью, Бай с трудом поднялся на ноги.

— Вы сегодня работали на лесоповале? — спросила Е.

— Я ведь давно здесь, в отряде. Нельзя же слоняться повсюду целый день, ничего не делая. Надо работать наравне со всеми. Дух революции, понимаете ли. Я работал у подножия Радарного Пика, где деревья растут особенно густо. Гнилой листвы там столько, что утопаешь по самые колени. Боюсь, как бы не заболеть от тамошних миазмов.

— У Радарного Пика? — опешила Е.

— Да. Корпус получил срочное задание: очистить от деревьев буферную зону вокруг горы.

Радарный Пик был местом, окутанным тайной. Некогда безымянная гора получила свое название из-за размещенной на ее вершине огромной параболической антенны. Вообще-то каждый, у кого была хоть крупица здравого смысла, понимал, что никакой это не радар: хотя ориентация антенны менялась каждый день, тарелка никогда не двигалась непрерывно, как это свойственно радарам. Когда дул ветер, антенна издавала заунывный вой, слышный издалека.

Сотоварищам Е по отряду было известно, что Радарный Пик — военная база. По словам местных жителей, когда ее строили три года назад, военное ведомство привлекло множество людей — прокладывать на вершину дорогу и тянуть линию электропередачи. На гору были завезены тонны оборудования. Но после окончания строительства дорогу разрушили, оставив лишь труднопроходимую извилистую тропу. Частенько можно было наблюдать, как на вершину садятся вертолеты, а потом взмывают в воздух и улетают.

Антенна была видна не всегда: при сильном ветре ее складывали.

Но как только антенну полностью раскрывали, в округе начинало твориться нечто необычное: звери беспокоились и подавали тревожные голоса, стаи птиц вдруг ни с того ни с сего вылетали из-под полога леса, а люди страдали от головокружения и тошноты. Вдобавок у тех, кто жил неподалеку от Пика, выпадали волосы. По словам местных жителей, раньше здесь ничего подобного не наблюдалось.

О Радарном Пике рассказывали немало интересного. Однажды антенну раскрыли во время снегопада, и снег моментально перешел в дождь.

Но поскольку температура у поверхности земли по-прежнему была ниже нуля, влага на деревьях превратилась в лед. С ветвей свисали гигантские сосульки, и лес стал похож на ледяной дворец. Некоторые ветки ломались под тяжестью льда, и сосульки с громким треском обрушивались на землю. Временами, когда антенна стояла во всей своей красе, среди ясного дня сверкали молнии и гремел гром, а ночью в небе вспыхивали причудливые огни.

Командиры Строительного корпуса предупредили бойцов, чтобы те держались подальше от Радарного Пика — объект находился под усиленной охраной, и у патрулей был приказ открывать огонь без предупреждения.

На прошлой неделе двое мужчин пошли на охоту. Занятые преследованием оленя, они, не подозревая, куда их занесло, оказались у Радарного Пика, и часовые, несущие вахту на полпути к вершине, начали стрелять. К счастью, лес здесь густой, и охотникам удалось уйти невредимыми, хотя один из них от страха напустил в штаны. На следующий день на отрядном сборе обоим неудачникам объявили выговор. Возможно, именно из-за этого происшествия начальство базы и предписало Корпусу вырубить лес вокруг

горы. Итак, база имела право отдавать приказы Корпусу, что говорило о многом…

Бай Мулинь взял книгу из рук Е и спрятал под подушку, откуда вынул несколько убористо исписанных листов бумаги. Он протянул их Вэньцзе.

— Вот черновик моего письма. Не хотите почитать?

— Письма?

— Я говорил вам, что хочу написать центральному руководству в Пекине.

Почерк у Бая был неразборчивый, поэтому Е читала медленно. Письмо содержало много информации и было тщательно аргументировано. Оно начиналось с описания того, как горы Тайханшань, это место с изобильной и богатейшей природой, превратились в пустыню, и причиной тому было сведение лесов. Затем говорилось о резком и сильном заиливании Желтой реки. Завершалось письмо неутешительным прогнозом: деятельность Производственно-строительного корпуса Внутренней Монголии приведет к тяжелейшим экологическим последствиям. Е обратила внимание, что у Бая та же манера изложения, что и в «Безмолвной весне»: четкая, простая и одновременно поэтичная. Несмотря на технический склад ума, Е любила хорошую

литературу.

— Это прекрасно, — искренне промолвила она.

Бай кивнул.

— Тогда я отошлю его.

Он взял несколько листов бумаги — переписать текст начисто. Но руки его дрожали так сильно, что он не смог изобразить ни одного иероглифа. Обычное дело у новичков в первые дни работы с бензопилой. Зачастую они не могут удержать в руках миску с рисом, а о том, чтобы что-то написать, и говорить нечего.

— Разрешите вам помочь? — предложила Е и взяла у Бая перо.

— У вас такой красивый почерк, — сказал журналист, взглянув на первый ряд написанных ею иероглифов. Он налил Е стакан воды, при этом руки его тряслись так, что он пролил воду. Е успела отдернуть письмо.

— Вы изучали физику? — спросил Бай.

— Астрофизику. — Е даже не подняла головы. — Кому она теперь нужна…

— Вы изучаете звезды. Разве это может когда-нибудь стать бесполезным занятием? Университеты сейчас открываются заново, но в них нет магистратуры. Посылать на лесоповал таких высокообразованных специалистов, как вы…

Е молча продолжала писать. Ни к чему растолковывать Баю, что для такого человека, как она, попасть в Корпус было величайшей удачей. О своей жизни Е предпочитала не распространяться.

В хижине стало тихо, слышался только шорох пера по бумаге. Е ощущала свежий аромат древесных опилок на одежде Бая. Впервые после смерти отца сердце ее согрелось, и она позволила себе расслабиться, на некоторое время забыв о своей вечной настороженности против всего мира.

Через час все было готово. Е написала на конверте адрес под диктовку Бая и поднялась. Пора прощаться.

Около двери она оглянулась.

— Дайте мне вашу куртку. Я ее постираю. — Е сама поразилась собственной дерзости.

— Что вы, как можно! — Бай потряс головой. — Женщины-бойцы Корпуса работают так же тяжело, как и мужчины. Идите к себе, отдыхайте, вам же утром вставать в шесть! Послушайте, Вэньцзе, послезавтра я возвращаюсь в управление дивизии. Я расскажу о вашем положении руководству. Может, смогу чем-нибудь помочь.

— Спасибо. Но мне и так хорошо. Здесь тихо. — Е взглянула в окно, где виднелся лес, залитый светом луны.

— Вы от чего-то скрываетесь?

— До свидания, — тихо проговорила Е. И ушла.

Бай смотрел, как ее тонкий силуэт растворяется в лунном свете. Затем поднял взгляд на темный лес, на который только что смотрела Е.

Вдали, на вершине Радарного Пика, возвышалась, отливая холодным металлическим блеском, гигантская антенна.

* * *

Как-то вечером недели через три Е Вэньцзе вызвали из лесного лагеря в штаб отряда. Едва переступив порог, она почуяла неладное. Кроме обоих начальников — командира отряда и политического руководителя — здесь присутствовал еще и какой-то незнакомец с суровым лицом. На столе перед ним лежали черный портфель, конверт и книга. Конверт был открыт, а книга оказалась экземпляром «Безмолвной весны».

В те годы у каждого выработалось особое чутье на беду, грозящую со стороны властей. У Е Вэньцзе оно было исключительно острым. Сейчас ей показалось, будто мир вокруг нее стягивается, словно мешок, и душит.

— Е Вэньцзе, это руководитель Чжан из Политуправления дивизии. Он прибыл, чтобы провести

расследование. — Политрук указал на чужака. — Мы надеемся на твое сотрудничество и полную откровенность.

— Скажите, это вы писали? — спросил Чжан и вытащил из конверта письмо. Е потянулась за ним, но Чжан отвел руку с письмом. Он стал показывать ей страницу за страницей, пока не дошел до последней, которую Е ждала с особым волнением.

Вместо подписи здесь значилось: «Революционные массы».

— Нет, это не я писала. — Вэньцзе помотала головой. Ей стало страшно.

— Но это ваш почерк.

— Да, но я переписала письмо для другого человека.

— Для кого?

Обычно, столкнувшись с несправедливостью, Е избегала открытой конфронтации, страдала молча и старалась не втягивать других в свои проблемы. Но сейчас было совсем другое дело. Она очень хорошо понимала, *что* ей угрожает.

— Я помогла корреспонденту газеты «Новости Великой стройки». Он был здесь несколько недель назад. Его звали…

— Е Вэньцзе! — Глаза Чжана уставились на нее,

словно два пушечных дула. — Предупреждаю: не пытайтесь подставить других, это лишь осложнит ваше положение. Мы уже все прояснили с товарищем Бай Мулинем. Он лишь отправил письмо из Хух-Хото по вашей просьбе. Он понятия не имел о его содержании.

— Он… он так сказал? — У Е потемнело в глазах.

Вместо ответа Чжан взял со стола книгу.

— Вы написали письмо, без сомнения, под влиянием этой книги. — Он продемонстрировал томик командиру отряда и политруку. — «Безмолвная весна» была опубликована в Америке в 1962 году и пользуется значительным влиянием на капиталистическом Западе.

Он вынул из портфеля другую книгу — в белой обложке с черными иероглифами.

— Вот перевод на китайский. Руководство распространило его в закрытом кругу избранных товарищей, чтобы они могли дать справедливую критическую оценку. На данный момент руководство уже определило свое отношение к этой книге. Это пропаганда, ядовитая и вредоносная, насквозь проникнутая историческим идеализмом и проповедующая теорию конца света. Переводя стрелки на проблемы окружающей

среды, она пытается отвести массам глаза, чтобы трудящиеся не видели, как загнивает капиталистическое общество. Содержание ее крайне реакционно.

— Но эта книга… она не моя…

— Руководство уполномочило товарища Бая сделать перевод. Так что он имел полное право носить с собой эту книгу. Безусловно, он отвечает за то, что недосмотрел и позволил вам украсть ее, пока он принимал участие в работах Корпуса. Вы почерпнули в этой книге интеллектуальное оружие, которое можно использовать в нападках на социализм!

Е Вэньцзе прикусила язык. Она понимала, что упала на дно пропасти. Бороться бесполезно.

* * *

Вопреки утверждениям в последующих исторических публикациях, Бай Мулинь поначалу не собирался подставлять Е Вэньцзе. Письмо, которое он написал в Пекин, было продиктовано искренним чувством ответственности. В те времена многие обращались к центральному руководству за решением самых разных, в том числе и личных проблем. Большинство писем оставалось без ответа, но для некоторых

авторов последствия были значительны: одни стремительно взмывали в зенит политического небосклона, для других дело оборачивалось катастрофой. Будучи журналистом, Бай рассчитывал, что ему удастся попасть в струю и при этом избежать подводных камней, однако переоценил свои силы. Его письмо угодило на минное поле, о существовании которого он даже не подозревал. Страх в Бае перевесил порядочность, и, чтобы защитить себя, журналист пожертвовал Е Вэньцзе.

Спустя полвека исследователи сошлись на том, что это событие, произошедшее в 1969 году, изменило течение истории.

Бай совершенно случайно стал ключевой исторической фигурой, но он об этом так никогда и не узнал. Историки с разочарованием повествуют о его дальнейшей, ничем не примечательной жизни. Он трудился в «Новостях Великой стройки» до 1975 года, когда Производственно-строительный корпус Внутренней Монголии был распущен. Потом его послали работать при Объединении научных работников одного из городов северо-восточного Китая. В начале восьмидесятых он покинул Китай и уехал в Канаду, где преподавал в китайской школе в Оттаве. Умер Бай Мулинь в 1991 году от рака легких. За всю свою жизнь он

ни разу не упомянул о Е Вэньцзе, и остается неизвестным, ощущал ли он какое-либо раскаяние или укоры совести за свое предательство.

* * *

— Вэньцзе, в отряде к тебе отнеслись очень по-доброму. — Командир выдохнул густой клуб табачного дыма. Уставив взгляд в пол, он продолжил: — Происхождение у тебя подкачало. Но мы всегда смотрели на тебя как на одного из нас. И политрук, и я много раз беседовали с тобой, предупреждали, что нехорошо отделяться от людей, ставили на вид твою безынициативность и нежелание самосовершенствоваться. Мы искренне хотим тебе помочь. А ты что? Совершаешь такой серьезнейший проступок!

— Я всегда говорил, — подхватил политрук, — что она глубоко ненавидит «культурную революцию»!

— Сегодня же вечером отправьте ее в штаб дивизии вместе с доказательством ее преступления, — сказал руководитель Чжан с бесстрастным лицом.

* * *

Трех других сокамерниц Е забрали одну за другой; она осталась одна. Уголь, сваленный около стенки кучкой, закончился, но никто не пришел и не пополнил запасы. Огонь в печи давно угас. В камере царил холод, и Е куталась в одеяло.

Еще до наступления темноты ее навестили два ответственных товарища. Старшую, женщину средних лет, ее спутник назвал военным представителем народного суда средней ступени[10].

— Меня зовут Чэн Лихуа, — представилась она. Лет сорока с небольшим; военная форма, очки в толстой оправе. Черты лица утонченные — видимо, в молодости женщина была очень красива. Улыбчивая, она сразу располагала к себе. Е понимала, что для такого высокопоставленного лица навещать заключенного, ожидающего суда, — дело не совсем обычное. Вэньцзе осторожно кивнула Чэн и подвинулась на узкой койке, чтобы та могла присесть.

---

[10] Примечания: 10

На этой стадии «культурной революции» большинство народных судов средней и высшей ступени и органы прокуратуры, ответственные за расследование преступлений и ведение судебных дел, находились под контролем военных комиссий. В юридических разбирательствах военный представитель имел решающий голос. — *Прим. автора.*

— Здесь очень холодно. Почему печка не горит? — Чэн бросила осуждающий взгляд на начальника исправительного центра, оставшегося у двери, и повернулась обратно к Е. — Хм, а вы очень молоды. Гораздо моложе, чем я ожидала.

Она опустилась на койку рядом с Е и принялась копаться в своем портфеле, продолжая бормотать:

— Вэньцзе, ты растерянна. Молодежь везде одинакова. Чем больше читаете, тем больше у вас путаница в мозгах. М-да, что тут скажешь…

Наконец она нашла, что искала, и вытащила небольшую стопку бумаг. При взгляде на Е глаза ее наполнились добротой и пониманием.

— Ну да невелика беда. Кто из молодых не совершал ошибок? Я сама такого наворотила… В молодости я была членом творческой бригады при Четвертой армии, пела советские песни. Однажды во время политинформации я ляпнула, что Китаю нужно отказаться от суверенитета и присоединиться к Советскому Союзу на правах союзной республики. Тогда, мол, коммунистический интернационал станет еще сильнее. Как же наивна я была! А кто из нас не был когда-нибудь наивен? Ладно, что сделано, то сделано. Совершив ошибку, важно признать ее и исправить. И

вернуться в революцию.

Слова Чэн согрели сердце Вэньцзе. Однако после всего, что ей довелось пережить, она научилась осторожности. Е не отваживалась поверить в чью-либо доброту. Доброта казалась чуть ли не роскошью.

Чэн положила стопку бумаг на постель перед Е и протянула ей ручку.

— Вот, подпиши это. Тогда мы сможем поговорить по душам и преодолеть твои идеологические затруднения. — Она говорила, словно мать, уговаривающая дочку поесть.

Е безмолвно и недвижно смотрела на бумаги. Ручку она не взяла.

Чэн понимающе улыбнулась:

— Ты можешь доверять мне, Вэньцзе. Даю личную гарантию, что этот документ не имеет никакого отношения к твоему делу. Давай, подписывай.

Ее спутник, до сих пор не вмешивавшийся в разговор, строго сказал:

— Е Вэньцзе, представитель Чэн пытается помочь тебе. Ради тебя она проделала огромную работу!

Чэн жестом остановила его.

— Это можно понять. Бедный ребенок! Ты так

напугана. Есть товарищи, политическая сознательность которых не на высоте. Некоторые члены Строительного корпуса и кое-кто из народного суда используют слишком грубые методы и ведут себя недостойно. Это никуда не годится! Хорошо, Вэньцзе, почему бы тебе не прочитать документ? Читай, да повнимательнее.

Е взяла бумаги и начала перелистывать их в тусклом свете камерной лампочки. Представитель Чэн не лгала. Документ и правда не имел отношения к ее делу.

Он касался ее отца. В нем излагались его поступки и беседы с разными людьми. Источником информации служила ее младшая сестра, Вэньсюэ. Будучи ярой хунвэйбинкой, она активно «разоблачала» отца, сочиняя бесчисленные доносы с детальным описанием его грехов, что в конечном итоге способствовало его гибели.

Но Е сразу определила, что этот документ написан не ее сестрой. Вэньсюэ была человеком эмоциональным. При чтении ее рапортов создавалось впечатление, будто каждая строка — словно удар хлыста, взрыв петарды. Но этот донос был написан холодной, опытной, аккуратной рукой. Кто с кем говорил, когда, где, что обсуждалось — каждая подробность, каждая дата

были точно зафиксированы. На первый взгляд документ был похож на скучный и дотошный канцелярский доклад, однако холодный расчет, скрывавшийся за изложенными сведениями, был совершенно нехарактерен для полудетских сочинений Вэньсюэ.

Е не совсем понимала, о чем в точности говорилось в документе, но подозревала, что дело касается какого-то важного оборонного проекта. Будучи дочерью физика, Е догадывалась, что речь идет о «проекте двух бомб»[11], информация о котором потрясла мир в 1964 и 1967 годах.

Это была обычная практика в те времена: чтобы низвергнуть какое-нибудь высокопоставленное лицо, необходимо было собрать доказательства его несостоятельности во всех делах, которыми заправлял этот человек. Однако тем, кто задумывал подобные политические махинации, подобраться к «проекту двух бомб» было затруднительно. Люди из самых высоких правительственных кругов взяли проект под свою опеку, чтобы защитить его от нападок приверженцев «культурной революции». Пробраться в

[11] Примечания: 11

Таким термином обозначали проекты «596» и «Тест № 6» — успешные испытания китайской атомной и термоядерной бомб соответственно. — *Прим. перев.*

эти круги недоброжелателям было очень и очень сложно.

Происхождение отца Вэньцзе не позволило ему принять непосредственное участие в «проекте двух бомб». Все, что он сделал для него, — это некоторые периферийные теоретические исследования. Зато очернить Е Чжэтая было гораздо проще, чем тех, кто работал внутри проекта. Е не могла судить о том, правда или ложь то, что написано в докладе, но не сомневалась, что каждый иероглиф, даже каждый знак препинания наносил ее отцу сокрушительный политический удар. Кроме тех, кого этот документ касался напрямую, его жертвами могли стать и многие другие.

В конце доклада красовались большие иероглифы — подпись ее сестры, а Е Вэньцзе должна была подписаться в качестве свидетеля. Она заметила, что там уже стояли подписи трех других свидетелей.

— Мне ничего не известно об этих разговорах, — тихо сказала Е. Она положила бумаги обратно на постель.

— Как это — тебе неизвестно? Многие из этих разговоров происходили в вашем доме! Твоей сестре известно. Тебе должно быть тоже!

— Я правда ничего не знаю.

— Но ведь эти разговоры действительно происходили! Неужели ты нам не веришь?

— Я не говорю, что их не было. Я говорю, что ничего о них не знаю. Я не могу это подписать.

— Е Вэньцзе! — Спутник Чэн шагнул вперед, но Чэн вновь остановила его. Она подсела ближе к Е и взяла ее холодную руку в свои.

— Вэньцзе, смотри — я выкладываю все карты на стол. Твое дело можно интерпретировать по-разному. В одном случае мы могли бы приуменьшить твое преступление и свести его к проступку, совершенному молодым, неопытным человеком, одураченным реакционной книжонкой. Можно было бы даже обойтись без суда. Тебя обязали бы ходить на уроки политпросвещения и написать пару самокритичных эссе, после чего ты вернулась бы обратно в Корпус. В другом случае мы могли бы дать твоему делу широкий ход. Вэньцзе, ты должна понимать, что тебя можно объявить активным контрреволюционером. В таких политических делах, как твое, прокуратура и суд склонны относиться к подсудимым суровее, чем необходимо. Потому что чересчур строгое обращение можно списать на чрезмерное усердие, тогда как слишком мягкое — это уже политический просчет. В любом случае решение

остается за военной комиссией. Разумеется, все это я говорю тебе совершенно неофициально.

Спутник Чэн добавил:

— Представитель Чэн пытается спасти тебя. Трое свидетелей уже подписались. Отказываться бессмысленно. Я настоятельно советую тебе не упрямиться, Е Вэньцзе.

— Да, Вэньцзе, — согласилась Чэн. — Видеть, как образованная молодая женщина сама разрушает себе жизнь, — мое сердце этого не перенесет. Я действительно хочу спасти тебя. Пожалуйста, не запирайся. Посмотри на меня. Ты считаешь, я способна причинить тебе вред?

Но Е не стала смотреть на Чэн. Перед ее мысленным взором стоял образ отца, истекающего кровью.

— Представитель Чэн, я ничего не знаю о разговорах, описанных в этом документе. Я не могу его подписать.

Чэн умолкла и уставилась на Е долгим, пристальным взглядом. И без того холодный воздух камеры, казалось, начал превращаться в лед. Затем гостья медленно положила бумаги обратно в портфель и встала. Доброе выражение с ее лица не исчезло, оно, по-видимому, приклеилось к нему, как гипсовая маска. Все с тем же мягким

и понимающим видом Чэн прошагала в угол камеры, где стояло ведро для умывания, подняла его и спокойными, расчетливыми движениями вылила половину воды на Е, а остальное — на ее одеяло, после чего бросила ведро на пол и вышла из камеры, задержавшись лишь для того, чтобы пробормотать: «Ах ты упрямая тварь!»

Начальник исправительного центра ушел последним. Он пронзил Е, с которой капала вода, холодным взглядом, потом с грохотом захлопнул дверь и запер замок.

Суровый ветер Внутренней Монголии сжал мокрую и дрожащую Е в своем кулаке. Она слышала, как стучат ее зубы, но в конце концов замер и этот звук. Холод прохватил Вэньцзе до костей, и ее взор затянуло молочно-белой пеленой. Казалось, будто вся Вселенная — огромный кусок льда, и она, Вэньцзе — единственная искорка жизни в ней. Она была маленькой девочкой на грани смерти от холода, и у нее не было даже пары спичек, одни иллюзии…

Постепенно ледяной монолит, заключивший ее, стал прозрачным. Вэньцзе различила перед собой высокое здание. На самом верху какая-то девочка размахивала красным знаменем. Ее тонкая фигурка казалась совсем крошечной по

сравнению с огромным полотнищем. Это была Вэньсюэ. С того момента, когда сестра порвала со своей семьей ученых-реакционеров, она не давала о себе знать. Совсем недавно Вэньцзе сказали, что Вэньсюэ погибла два года назад в одной из стычек между фракциями хунвэйбинов.

На глазах у Е фигурка, размахивающая флагом, превратилась в Бай Мулиня. В его очках отразился охвативший здание огонь. Затем Бай превратился в представителя Чэн, потом в мать Е, Шао Линь, потом в отца. Девочка со знаменем продолжала преображаться, но флаг реял и реял, не переставая, будто вечный маятник, отсчитывающий мгновения ее короткой жизни.

Вскоре флаг превратился в размытое пятно. Все вокруг словно вылиняло. Вэньцзе вновь застыла в самой сердцевине ледяного монолита, заполнявшего Вселенную. Только на этот раз лед был черным.

Глава 3
«Красный берег» I

Вэньцзе разбудил громкий, непрерывный гул. Сколько же времени прошло?

Гремело со всех сторон. Не до конца пришед-

шей в себя Вэньцзе представилась гигантская пила, разрезающая сковавшую ее ледяную глыбу. Вселенную по-прежнему заливала тьма, но звук становился все более и более реальным.

В конце концов Е решила, что он исходит не из рая или ада. Она по-прежнему в мире живых.

Е осознала, что глаза ее все еще закрыты. Она с трудом подняла веки, и первым, что увидела, была лампочка в глубокой выемке в потолке, тускло светящаяся сквозь защитную проволочную сетку. Потолок, похоже, металлический?..

Е услышала мужской голос, тихо зовущий ее по имени.

— У вас жар, — сказал мужчина.

— Где я? — Голос Вэньцзе был так слаб, что она не была уверена, чей он — ее или кого-то другого.

— В вертолете.

Слабость охватила Вэньцзе, и, невзирая на рев двигателя, она задремала, но вскоре снова проснулась. Онемение прошло и уступило место боли. Голова и все тело ныли, дыхание, вырывавшееся изо рта, казалось обжигающе горячим. Горло саднило, и когда Е сглатывала, ощущение было, будто в гортани застрял раскаленный уголек.

Вэньцзе повернула голову и увидела двоих

мужчин в расстегнутых шинелях наподобие той, в которой ходила представитель Чэн. Но в отличие от Чэн на обоих были фуражки Народно-освободительной армии с красной звездой над козырьком. Под шинелями Е разглядела военную форму и красные петлицы со знаками различия. Один мужчина носил очки.

Е обнаружила, что ее тоже укрыли шинелью. Одежда на ней была теплая и сухая.

Она попыталась сесть, и, к ее удивлению, ей это удалось. Выглянув в иллюминатор, она увидела медленно проплывающие мимо облака, озаренные ослепительным солнечным светом. Е окинула взглядом тесную кабину, заставленную железными ящиками защитного зеленого цвета. В другом иллюминаторе мелькали тени от винтов. Значит, она действительно в вертолете.

— Лучше бы вам пока не вставать, — сказал мужчина в очках. Он помог ей лечь и снова прикрыл шинелью.

— Е Вэньцзе, эту статью написали вы?

Другой мужчина раскрыл перед ее глазами журнал на английском языке. Заголовок статьи гласил: «О возможности существования фазовых границ внутри солнечной зоны лучистого переноса и их отражательных характеристиках».

Собеседник показал Е обложку. Это был выпуск «Астрофизического журнала» за 1966 год.

— Конечно, она. К чему излишние вопросы? — Мужчина в очках забрал журнал и перешел к знакомству: — Это политический комиссар базы «Красный берег» Лэй Чжичэн. Меня зовут Ян Вэйнин, я главный инженер базы. Мы приземлимся через час. А пока отдыхайте.

«Так вот ты кто — Ян Вэйнин!..» Е была поражена, но не выдала этого ни единым звуком. Лицо Вэйнина сохраняло бесстрастность — наверно, он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал об их знакомстве. А они были знакомы. Ян проходил магистратуру у Е Чжэтая. Когда он получал диплом, Вэньцзе училась на первом курсе.

Она отчетливо помнила первый приход Яна к ним домой. Он только-только начал учиться в магистратуре, и ему требовалось обсудить с профессором направление исследований. Ян заявил, что хотел бы сосредоточиться на проблемах экспериментальной и прикладной науки. Теория его не привлекала.

Е Вэньцзе вспомнила, как отец сказал ему:

— Не стану разубеждать вас. Но все же у нас отделение теоретической физики. Почему вы не хотите заниматься теорией?

— Потому что таковы веяния времени, — ответил Ян. — Я хочу принести обществу практическую пользу.

Отец возразил:

— Теория — это основа практики. Разве исследование фундаментальных законов природы не принесет обществу самую большую практическую пользу?

Ян помедлил, а затем раскрыл истинную причину своего нежелания:

— В теории легко наделать идеологических ошибок.

На это отцу Вэньцзе было нечего возразить.

Ян был талантлив, имел хорошую математическую подготовку и острый ум. Но на всем протяжении учебы в магистратуре он держался на некотором расстоянии от своего научного руководителя. Е Вэньцзе видела Яна несколько раз, однако не обращала на него особого внимания. А он — обращал ли он внимание на нее? Этого она не знала. Вскоре после получения диплома Ян прекратил всякие отношения с ее отцом.

Снова накатила слабость. Е закрыла глаза. Спутники отошли и, присев за ящиками, продолжали негромко беседовать. Правда, кабина была так тесна, что Е слышала их даже сквозь грохот

двигателя.

— Мне по-прежнему не нравится эта затея, — сказал комиссар Лэй.

— Вы можете найти мне специалиста через обычные каналы? — спросил Ян.

— Ну… Я сделал все, что мог. В армии нет никого с такой специальностью, а если начать искать за ее пределами, это может вызвать много кривотолков. Вы же знаете — уровень безопасности нашего проекта требует, чтобы сотрудник поступил на военную службу. Но это еще не самое страшное. Согласно тем же требованиям безопасности, этот сотрудник будет очень долго находиться на базе в изоляции от окружающего мира. А если у него семья? Ее тоже запирать здесь? Да никто на это не пойдет! Я нашел двоих подходящих кандидатов, но они охотнее останутся в своих школах кадров имени Седьмого мая[12], чем приедут сюда. Конечно, мы могли бы принудить их, но характер нашей деятельности таков, что лучше, когда ученые работают с полной отдачей, а значит, добровольно.

— Тогда другого выхода нет, придется исполь-

---

[12] Примечания: 12

Во времена «культурной революции» школы кадров имени Седьмого мая представляли собой трудовые лагеря, в которых служащие и интеллигенция находились на «перевоспитании». — *Прим. К. Л.*

зовать Е Вэньцзе.

— Да, но это так из ряда вон…

— Весь этот проект из ряда вон. Если что-то пойдет не так, я возьму ответственность на себя.

— Инженер Ян, вы вправду полагаете, что такая ответственность вам по плечу? Вы технарь, а «Красный берег» совсем не такой, как другие оборонные проекты. Проблемы, которые он призван решить, выходят далеко за рамки чисто технических.

— Вы правы, но я умею решать только технические.

* * *

Приземлялись они уже в сумерках.

Е отвергла помощь мужчин и выбралась из вертолета самостоятельно. Сильным порывом ветра ее едва не сбило с ног. Все еще крутящиеся лопасти с громким свистом рассекали воздух. Запах деревьев, принесенный ветром, был ей знаком, как, впрочем, и сам ветер. Ветер гор Большого Хингана.

Вскоре Е услышала другой звук — тихий, низкий, мощный. Казалось, будто вибрирует само мироздание. Это гудела на ветру параболическая антенна. Только сейчас, очутившись к ней

вплотную, Вэньцзе осознала масштабы этого сооружения. Итак, жизнь сделала резкий поворот: Е стояла на вершине Радарного Пика.

Она не удержалась и посмотрела туда, где, по ее предположению, находился отряд Корпуса, в котором она работала, но увидела лишь необъятное лесное море, окутанное сумеречным туманом.

Е Вэньцзе была не единственным грузом вертолета. Пришли несколько солдат и начали разгружать ящики, сложенные в кабине. Они сновали туда-сюда, не глядя на Е.

Идя за Яном и Лэем, Вэньцзе отметила, что вершина Радарного Пика представляет собой обширную площадку. Несколько белых строений сгрудились под гигантской антенной, словно детские кубики. Подойдя к воротам базы, охраняемым двумя часовыми, прибывшие остановились.

Лэй повернулся к Вэньцзе и торжественно проговорил:

— Е Вэньцзе, доказательства вашей контрреволюционной деятельности неоспоримы, и суд наказал бы вас по всей строгости закона. Но сейчас вам предоставляется отличная возможность упорным трудом искупить свои преступления. Вы вправе принять или отвергнуть наше предло-

жение. — Он указал на антенну. — Это научный центр министерства обороны. Для исследований, которые здесь проводятся, необходим специалист вашего профиля. Главный инженер Ян посвятит вас в детали. Советую вам все тщательно взвесить.

Он кивнул Яну и, пропустив солдат, таскающих ящики, прошел на территорию базы.

Ян подождал, пока все уйдут, и отошел от ворот, дав знак Е следовать за ним. Очевидно, он не хотел, чтобы их разговор услышали часовые.

Перестав притворяться, будто они не знакомы, Ян сказал:

— Вэньцзе, выслушайте меня. Вряд ли это можно назвать «отличной возможностью». В военной комиссии при суде я узнал, что, хотя Чэн Лихуа и просила о самом суровом наказании, вам грозит не больше десяти лет. Принимая во внимание смягчающие обстоятельства, вам пришлось бы отсидеть шесть, максимум семь лет. Тогда как здесь… — он кивнул на базу, — научно-исследовательский проект высшего уровня секретности. Ваше положение таково, что если вы войдете в эти ворота, то, может статься… — он помолчал, словно давая низкому гулу антенны подчеркнуть важность его слов, — не выйдете отсюда до конца

жизни.

— Я хочу войти.

Ян удивился ее быстрому ответу.

— Не спешите. Вернитесь в вертолет. Через три часа он взлетит, и если вы откажетесь от нашего предложения, он доставит вас обратно.

— Я не хочу обратно. Пойдемте.

Голос Е оставался мягким, но в нем была слышна железная решимость. Помимо неизведанной страны по ту сторону смерти, из которой никто не возвращается, единственным местом, куда бы ей хотелось сейчас попасть, был этот пик, отрезанный от всего мира. Здесь Е чувствовала себя в безопасности — а это ощущение она уже позабыла.

— Не поступайте опрометчиво! Хорошенько подумайте, к чему может привести ваше решение.

— Я хочу остаться здесь до конца жизни.

Ян опустил голову и ничего не сказал, стоял потупившись, словно давая собеседнице возможность еще раз как следует все обдумать. Е тоже молчала. Она плотнее запахнулась в шинель и устремила взгляд вдаль, туда, где хребет Большой Хинган постепенно окутывался ночной мглой. Нет, дольше торчать на таком холоде нельзя.

Ян заспешил к воротам, как будто хотел убе-

жать от Е. Но та не отставала. Они вошли внутрь, и тяжелые железные створки с лязгом закрылись за ними.

Пройдя немного в глубь территории, Ян остановился и указал на антенну:

— Это широкомасштабный военный и научный проект. Если мы добьемся успеха, атомная и водородная бомбы покажутся детскими игрушками.

Подойдя к самому большому строению базы, Ян толкнул дверь. Е прочитала надпись над входом: «Центр управления передачами». Они вошли. Е объял теплый воздух, слегка отдающий машинным маслом. Обширный зал был уставлен разнообразным оборудованием. Повсюду мигали сигнальные лампочки и светились экраны осциллографов. Полтора десятка операторов, одетых в военную форму, сидели между рядами высоких консолей, словно солдаты в окопах на поле битвы. Беспрерывная череда оперативных запросов и подтверждений придавала обстановке особую напряженность. Е чуть растерялась.

— Здесь теплее. — Ян указал на стул у письменного стола рядом с дверью: — Подождите немного. Я распоряжусь, чтобы вам подготовили жилье, и вернусь.

Однако за столом уже кто-то сидел. Охранник

с пистолетом.

— Я лучше подожду на улице, — сказала Е.

Ян мягко улыбнулся:

— С этого момента вы становитесь полноправным сотрудником базы и, за исключением особых зон, можете ходить где угодно. — На лице его вдруг появилось смущенное выражение, когда он осознал подспудный смысл своих слов: «Ты никогда не выйдешь отсюда».

— Я лучше подожду на улице, — упрямо повторила Е.

— Ну хорошо. — Ян посмотрел на охранника у стола, который не обращал на них никакого внимания. По-видимому, поняв беспокойство своей спутницы, Ян вывел ее наружу. — Спрячьтесь здесь где-нибудь от ветра, я вернусь через пару минут. Распоряжусь, чтобы в вашей комнате затопили печь — условия на базе суровые, у нас нет центрального отопления.

Е встала около двери Центра управления. Громадная антенна возвышалась у нее за спиной, закрывая половину небосвода. Отсюда Вэньцзе было хорошо слышно все, что происходило внутри. Внезапно поток команд и подтверждений прекратился и повисла тишина, лишь иногда прерываемая тихим гудением какого-нибудь

прибора.

Затем раздался громкий мужской голос:

— Народно-освободительная армия, Второй артиллерийский корпус[13], проект «Красный берег», передача номер сто сорок семь. Доступ подтвержден. Готовность тридцать секунд.

— Классификация цели: А-три. Порядковый номер в системе координат: BN20197F. Позиция проверена и подтверждена. Двадцать пять секунд.

— Номер передаваемой командной последовательности: двадцать два. Дополнения: отсутствуют. Продолжения: отсутствуют. Конечная проверка передаваемой командной последовательности завершена. Двадцать секунд.

— Энергетический блок: все системы в норме.

— Блок кодирования: все системы в норме.

— Усилительный блок: все системы в норме.

— Блок слежения за помехами: в приемлемом диапазоне.

— Точка невозврата пройдена. Пятнадцать секунд.

Снова стало тихо. Через пятнадцать секунд взревела сирена, наверху антенны быстро зами-

---

[13] Примечания: 13

В ведении Второго артиллерийского корпуса находятся китайские ядерные ракеты. — *Прим. К. Л.*

гал красный сигнальный огонь.

— Начать передачу! Всем подразделениям продолжать запись режимов работы!

Е почувствовала на лице легкий зуд. Она поняла, что вокруг антенны образовалось мощное электрическое поле. Устремив взгляд в том направлении, куда указывала антенна, Е увидела в ночном небе облако, светящееся слабым голубым светом — настолько слабым, что поначалу она подумала, что ей это кажется. Но облако уплыло, и свечение исчезло, а когда на это место пришло другое облако, оно тоже начало тускло светиться.

Из Центра донеслось:

— Неисправность в энергетическом блоке! Магнетрон номер три вышел из строя.

— Резервный блок подключен, все системы в норме.

— Контрольная точка номер один достигнута. Возобновление передачи.

Е услышала шум хлопающих крыльев. Сквозь клубящийся внизу туман она различила множество взмывающих в темное небо теней. Удивительно, сколько птиц, оказывается, скрывает в себе зимний лес! И тут она увидела нечто ужасающее: одна стайка залетела в область излу-

чения антенны — и птицы посыпались на землю, мертвые.

Передача продолжалась около пятнадцати минут. Затем красный огонь на антенне погас, и лицо Е перестало зудеть. В Центре управления возобновилась перекличка команд и ответов, сквозь которую пробивался громкий мужской голос:

— Передача номер сто сорок семь с базы «Красный берег» завершена. Отключить системы передатчика. «Красный берег» переходит в режим мониторинга. С этого момента системный контроль передается Отделу наблюдения. Просьба загрузить данные, полученные при прохождении контрольной точки. Всем подразделениям заполнить журналы передач. Начальникам подразделений собраться на совещание в конференц-зале. Работа закончена.

Вновь воцарилась тишина, только антенна пела на ветру. Оставшиеся в живых птицы постепенно возвращались в лес. Е взглянула вверх — громадная ладонь антенны тянулась к небу, источая космическую мощь. Но сколько Вэньцзе ни всматривалась, она так и не обнаружила никакого объекта, с которым можно было соотнести порядковый номер BN20197F. В холодном ночном

небе зимы 1969 года Е Вэньцзе видела лишь облака и бесчисленные звезды.

Часть II
Три тела
Глава 4
«Рубежи науки»

Сорок с небольшим лет спустя

Ван Мяо решил, что четверо мужчин, пришедших к нему, составляют прелюбопытную комбинацию: двое полицейских и двое в военной форме. Если бы последние были из вооруженной полиции, это еще можно было бы понять, но они и правда являлись офицерами армии.

При виде полицейских Ван почувствовал раздражение. Нет, с тем, что помоложе, все в порядке; он хотя бы ведет себя вежливо. Зато тот, что постарше, в гражданском, сразу вызвал у Вана неприязнь. Это был плотного телосложения мужчина с мясистым лицом. Одетый в засаленную кожаную куртку, воняющий табачищем и громогласный, он относился к тому разряду людей, которых Ван презирал.

— Ван Мяо?

От такого бесцеремонного обращения[14] Вана покоробило. При этом полицейский прикуривал, не соизволив даже поднять голову, отчего Ван почувствовал себя оскорбленным еще сильнее. Не дожидаясь ответа, толстомордый кивнул младшему коллеге. Тот показал Вану свой значок.

Закурив, старший собрался войти в квартиру.

— Я попросил бы у меня не курить, — сказал Ван, заступая дорогу.

— Просим прощения, профессор Ван, — смущенно улыбнулся младший офицер. — Это капитан Ши Цян. — Он послал коллеге умоляющий взгляд.

— Ладно, можно поговорить и в коридоре, — сказал Ши, глубоко затянувшись. Почти половина сигареты обратилась в пепел, при этом полицейский выдохнул очень мало дыма. Он кивнул молодому: — Давай, спрашивай.

— Профессор Ван, — сказал тот, — нам хотелось бы знать, вступали ли вы в последнее время в какие-либо контакты с членами общества «Рубежи науки»?

— В «Рубежах науки» состоят многие знамени-

---

[14] Примечания: 14

У китайцев при обращении к незнакомым и малознакомым людям принято употреблять какой-нибудь титул: «профессор Ван», «инженер Ян». — *Прим. перев.*

тые ученые, и оно очень влиятельно. Почему это мне вдруг нельзя вступать в контакт с легальным международным научным обществом?

— Послушай только, что он несет, — буркнул Ши. — Мы что, сказали, что оно нелегальное? Или что вам нельзя вступать с ним в контакт? — Он наконец выдохнул огромный клуб дыма прямо в лицо Ван Мяо.

— Хорошо. Тогда вот что: мои контакты — мое личное дело, и попрошу вас не вмешиваться. Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

— Личное дело? Вы научный работник. У вас есть обязанности по отношению к народу, который вас кормит. — Ши отбросил окурок и вытащил новую сигарету из мятой полупустой пачки.

— Я имею право не отвечать. Будьте добры, уйдите. — Ван повернулся, чтобы уйти к себе.

— Подождите! — выкрикнул Ши и махнул рукой молодому. — Дай ему адрес и номер телефона. — Затем обратился к Вану: — Совещание сегодня после обеда.

— Что вам, собственно, нужно? — спросил Ван; в его голосе уже начали пробиваться нотки гнева. Привлеченные шумом, в коридор стали выглядывать соседи.

— Капитан Ши! Вы же обещали, что вы… — Молодой полицейский отвел начальство в сторону и торопливо заговорил приглушенным голосом. Похоже, дурные манеры Ши раздражали не только Вана.

— Профессор Ван, пожалуйста, поймите нас правильно, — шагнув вперед, сказал один из военных, майор. — Сегодня после обеда состоится важное совещание, на которое приглашены несколько крупных ученых и специалистов. Генерал лично послал нас передать вам приглашение.

— После обеда я занят.

— Мы знаем. Генерал уже переговорил с главой Исследовательского института нанотехнологий. Без вас это совещание не имеет смысла. Если вы не можете в нем участвовать, мы перенесем его на удобное время.

Ши и его напарник, не добавив ни слова, повернулись и пошли вниз по лестнице. Оба военных смотрели им вслед с явным облегчением.

— Почему он так себя ведет? — обратился майор к своему коллеге.

— Да он всегда такой. У него, кстати, не досье, а что-то невероятное. Пару лет назад, в эпизоде с заложниками, он действовал опрометчиво, не

задумываясь над судьбой заложников. В результате от рук преступников погибла целая семья, три человека. Ходят слухи, что он и с некоторыми мафиози якшается, использует эту дружбу, чтобы стравливать банды между собой. В прошлом году избил подозреваемого на допросе, тот теперь инвалид на всю жизнь. Из-за этого его на время отстранили от службы…

Ван Мяо заподозрил, что этот разговор между офицерами был специально предназначен для его ушей. Наверно, хотели, чтобы он понял, как сильно они отличаются от этого грубияна. А может, хотели подстегнуть интерес Вана к их миссии.

— И такой тип принимает участие в работе Боевого командного центра? — удивился майор.

— Его сам генерал привлек. Вероятно, он обладает какими-то особыми навыками. В любом случае, его обязанности строго определены, он занимается только вопросами общественной безопасности, а больше ему знать не положено.

«Боевой командный центр?» — Ван уставился на военных, онемев от изумления.

* * *

Машина, которую военные прислали за Ван Мяо, доставила его к большому зданию на окраине города. Поскольку на двери был только номер и никакой таблички с названием учреждения, Ван пришел к выводу, что здание, скорее всего, принадлежит армии, а не полиции.

Когда Ван переступил порог конференц-зала, первое, что его поразило, — это царящий здесь хаос. Помещение было заставлено компьютерами. У организаторов не хватило столов, и они разместили несколько системных блоков на полу, опутанном электропроводами и сетевыми кабелями. Маршрутизаторы расставили как попало прямо на серверах. Повсюду валялась принтерная бумага. Несколько проекционных экранов неприкаянно торчали в углу. В помещении висело облако густого табачного дыма. Ван Мяо не был уверен, в самом ли деле он попал в Боевой командный центр, но одно он осознал четко: происходящее здесь настолько важно, что этим людям наплевать, как это все выглядит.

На большом столе, составленном из нескольких поменьше, кучами громоздились документы, валялась всякая всячина. Вид у собравшихся был

усталый, одежда измята. Те, на ком были галстуки, ослабили узлы. Создавалось впечатление, будто эти люди не спали всю ночь.

Совещание возглавлял генерал-майор Чан Вэйсы; половину собравшихся составляли военные. Вану быстро представили всех, и оказалось, что здесь также присутствовало много полицейских. Остальные оказались учеными, как и сам Ван, причем некоторые были знаменитыми специалистами в различных областях фундаментальной науки.

Среди присутствующих оказалось четверо иностранцев. Ван поразился, узнав, кто они такие. Здесь были два представителя НАТО — полковник ВВС США и полковник британской армии — и два офицера ЦРУ, по всей видимости, наблюдатели.

На лицах всех сидящих за столом было одно и то же выражение: «Мы сделали все, что в наших силах, давайте поскорее покончим с этим, и пошло оно все к такой-то матери».

За столом Ван Мяо увидел Ши Цяна. Сегодня тот вел себя вежливее, чем накануне, — здороваясь с Ваном, назвал его «профессор». И все же высокомерная усмешка на лице Ши безмерно раздражала Вана. Ему не хотелось сидеть рядом с этим неотесанным мужланом, но выбора не было

— единственное свободное место оставалось как раз около него. И без того густое облако дыма было тут еще плотнее.

Пока собравшимся раздавали документы, Ши придвинулся ближе к новому соседу.

— Профессор Ван, я слышал, вы разрабатываете этот, как его… новоматериал?

— Наноматериал, — поправил Ван.

— Ну да. Говорят, очень прочная штука. А как вы думаете, она может послужить орудием преступления? — На лице Ши по-прежнему застыла полуулыбка, так что Ван не мог понять, серьезен тот или шутит.

— Что вы имеете в виду?

— Ну… Я слыхал, что на тоненькой нити из этого вещества можно поднять в воздух целый грузовик. А если оно попадет в руки преступников и они сделают из него нож — смогут они одним махом разрезать автомобиль?

— Для этого и нож делать не надо. Из наноматериала можно изготовить нить толщиной в одну сотую волоса. Если ее натянуть поперек шоссе, она разрежет проезжающий автомобиль на две половинки, словно сыр. Конечно, наноматериал можно использовать с преступными целями — а что нельзя? Убить можно и тупым ножом для

чистки рыбы.

Ши наполовину вытащил документ из лежащего перед ним конверта, но сунул его обратно, внезапно потеряв интерес.

— Точно! Даже саму рыбу можно использовать как орудие преступления. Расследовал я как-то одно дело. Тетка отрезала своему мужу фамильные драгоценности. И знаете чем? Тилапией, которую достала из морозилки. У этой рыбки шипы на спине острые, как бритва…

— Простите, но мне неинтересно. Меня пригласили сюда, чтобы говорить об этом?

— О чем — об «этом»? О рыбе или наноматериалах? Ладно, ладно, вы здесь вовсе не для этого. — Ши придвинулся ближе и зашептал Вану в ухо: — Не церемоньтесь с этими типами. Они нас ни в грош не ставят. Все, чего им надо, — это выудить из нас всю информацию, а вот самим что-нибудь рассказать — шиш. Я, например, торчу тут уже месяц и по-прежнему ничего не знаю. В точности как вы.

— Товарищи, — проговорил генерал Чан Вэйсы, — давайте приступим к делу. Из всех зон боевых действий на Земле эта — самая важная. Необходимо доложить всем присутствующим товарищам о последних изменениях в ситуации.

Не слишком обыденное выражение — «зона боевых действий», подумал Ван. Он заметил также, что генерал, очевидно, не собирается посвящать новичков вроде Вана в подробности происходящего. Это подтверждало слова Ши. И еще одна странность — в своем кратком вступлении генерал дважды употребил слово «товарищи». Ван взглянул на сидящих напротив представителей НАТО и ЦРУ. Генерал не посчитал нужным прибавить обращение «господа»…

— Они тоже товарищи. Здесь все так обращаются друг к другу, — прошептал Ши Вану, указывая на иностранцев кончиком сигареты.

Ван изумился — Ши прочитал его мысли! Да, этому человеку в наблюдательности не откажешь…

— Погаси сигарету, Да Ши. Тут и без нее нечем дышать, — сказал генерал, просматривая бумаги. Он назвал Ши Цяна дружеским прозвищем — «Старина Ши».

Полицейский оглянулся вокруг в поисках пепельницы и, так и не найдя, сунул сигарету в чашку с чаем. Затем вскинул руку и заговорил прежде, чем генерал предоставил ему слово:

— Генерал, у меня все тот же вопрос. Требую информационного паритета!

Генерал поднял голову.

— Информационный паритет при военной операции? Когда такое было? Вынужден извиниться перед уважаемыми учеными, но сказать больше того, что уже сказали, мы не можем.

— Мы не то же самое, что яйцеголовые, — настаивал Ши. — Полиция находится на службе у Боевого командного центра с момента его учреждения, а мы до сих пор не знаем, что к чему. Как использовать нас — так вы первые, а как что-то рассказать — так посылаете нас куда подальше!

Сразу несколько полицейских зашикали на него. Ван удивился: Ши осмеливается так говорить с генералом? Но ответная реплика Чана изумила его еще больше.

— Да Ши, похоже, у тебя все та же проблема, что и во время службы в армии. Ты считаешь, что имеешь право говорить от имени полиции? За все твои художества тебя отстранили от службы на несколько месяцев, а могли бы и вообще выгнать! Я взял тебя на работу в Центр, потому что высоко ценю твой опыт по части охраны правопорядка в городе. Поблагодарил бы лучше за такую возможность!

Но Ши и не думал рассыпаться в благодарностях.

— Ах вот как! Значит, по-вашему, я должен вкалывать как проклятый, чтобы заслужить прощение? А разве не вы говорили, будто все мои методы — грязные и нечестные?

— Зато действенные, — возразил Чан. — Для нас сейчас важно только, чтобы они работали. В военное время не до церемоний.

— Нам нельзя быть чересчур разборчивыми в средствах, — поддакнул офицер ЦРУ на превосходном китайском. — Обстоятельства таковы, что приходится мыслить и действовать нестандартно.

Британский полковник кивнул — он, очевидно, тоже знал китайский.

— Быть или не быть, — добавил он по-английски. — Это вопрос жизни и смерти.

— Что он говорит? — поинтересовался Ши у Вана.

— Неважно, — машинально ответил тот. Что за бред несут эти люди? «Военное время? Какая война, где?!» Ван повернулся к одному из высоких, от пола до потолка, окон. Там был залитый весенним солнцем Пекин: плотные потоки автомобилей текут по улицам, в скверике какой-то человек выгуливает собаку, играют детишки…

«Какой мир более реален — там, снаружи, или

здесь, в этих стенах?»

Генерал Чан сказал:

— В последнее время враг усилил атаки. Его целью по-прежнему остаются самые выдающиеся представители науки. Будьте добры ознакомиться со списком имен в документе.

Ван взглянул на первую страницу, напечатанную крупным шрифтом. Список, похоже, составленный на скорую руку, содержал и китайские, и английские имена.

— Профессор Ван, вам знакомы какие-нибудь из этих имен? — спросил Чан.

— Мне известны три из них — все большие ученые, работающие на передовых рубежах физики. — Тут Ван чуть запнулся. Глаза его остановились на последнем имени. Эти два иероглифа по цвету отличались от других. «Она? В этом списке? Почему? Что с ней?!»

— Вы с ней знакомы? — Ши ткнул в имя толстым пальцем с желтым пятном от табака. Ван не ответил. — Ха! Не знакомы. Но очень хотели бы познакомиться, а?

Вот теперь Ван Мяо понял, почему генерал Чан взял к себе этого человека, который когда-то служил у него простым солдатом. Вульгарный и невоспитанный Ши обладал отменно острым

глазом. Может, он и не был *хорошим* полицейским, но эффективным — безусловно. Он нагонял страх.

* * *

За год до описываемых событий Ван Мяо отвечал за нанокомпоненты на строящемся в Лянсяне «Синотроне II» — ускорителе заряженных частиц высоких энергий. Как-то после полудня, выйдя на воздух, он был поражен открывшейся ему картиной. Ван увлекался пейзажной фотографией и потому часто смотрел на окружающее взором художника.

Сейчас перед ним развернулась великолепная композиция, центром которой служил соленоид сверхпроводящего магнита. Смонтированное пока только наполовину, но уже насчитывавшее три этажа в высоту, это нагромождение гигантских металлических блоков и охладительных труб выглядело настоящим монстром. От сооружения, похожего на груду индустриальных отходов во времена промышленной революции, веяло бездушной технологической жестокостью и железобетонным варварством.

На фоне этого мрачного чудовища ярким пятном выделялась тонкая фигура молодой женщи-

ны. Не только сама эта картина, но и освещение было совершенно фантастическим: строящийся соленоид утопал в тени временного строительного тента, что еще больше подчеркивало его мрачный характер, но один-единственный луч послеполуденного солнца проникал сквозь отверстие в центре навеса и падал на женщину. Мягкое сияние окутывало ее роскошные волосы и подчеркивало белизну шеи над воротником комбинезона. Она была похожа на диковинный цветок, распустившийся среди металлических руин после яростной бури…

— На что уставился? Быстро за работу!

Ван, внезапно вырванный из созерцания, опешил от такой грубости, однако тут же сообразил, что директор Исследовательского института нанотехнологий кричал вовсе не на него, а на молодого инженера, тоже не отводившего глаз от незнакомки. Вернувшись в реальность, Ван увидел, что рядом с женщиной стоит главный инженер и что-то почтительно объясняет. Значит, она не простая работница.

— Кто эта женщина? — спросил Ван директора.

— Вы должны бы ее знать. — Директор повел рукой вокруг себя. — Вам известно, сколько стоит

этот ускоритель? Двадцать миллиардов юаней. И первый эксперимент на нем, скорей всего, проведет именно она, проверяя свою модель суперструн. Как правило, эта честь оказывается особо заслуженным ученым мужам, и в обычных обстоятельствах ей бы такого права не дали — она не «муж», и не особо заслуженный. Но никто из маститых не выразил желания сделать первый опыт — наверно, боятся провалить его и потерять лицо. Вот ей и выпал шанс.

— Как?.. Так это Ян Дун? Она женщина?!

— Вы правы, — вздохнул директор. — Мы и сами узнали об этом всего пару дней назад, когда наконец познакомились с ней.

Вмешался молодой инженер:

— А у нее с головой вообще-то все в порядке? Разве люди в здравом рассудке отказываются от интервью? Или она как Цян Чжуншу[15], который так и умер, ни разу не появившись на телевидении?

— Мы хотя бы знали, какого Цян пола, — отозвался Ван. — Держу пари, у Ян Дун было необыч-

---

[15] Примечания: 15

Цян Чжуншу (1910–1998) был одним из самых знаменитых литераторов Китая XX века. Эрудит, культуролог, человек острого ума, он был отшельником по натуре и постоянно отказывался иметь дело с прессой. — *Прим. К. Л.*

ное детство. Наверно, поэтому она замкнулась в себе. — Ван произнес это с некоторой самоиронией. Он пока еще даже не заслужил, чтобы им заинтересовалась пресса, не говоря уж о том, чтобы отказываться от интервью…

В это время Ян Дун и главный инженер отошли от соленоида. Проходя мимо Вана и его собеседников, она безмолвно улыбнулась и легонько кивнула. Вану навсегда запомнились ее лучистые глаза.

В тот вечер он сидел у себя в кабинете и любовался фотографиями, висящими на стене. Эти работы были его гордостью. Особенно пристально он всматривался в один пейзаж, изображавший уединенную долину меж заснеженных гор. Почти треть переднего плана занимал остов мертвого дерева, иссушенный долгой чередой лет. Ван мысленно подставил в картину фигуру, которая занимала сейчас все его мысли, поместив ее в дальнем конце лощины. Удивительно — пейзаж мгновенно ожил, как будто запечатленный на фотографии мир признал незнакомку своей неотъемлемой частью, как будто само это место было создано природой только ради нее.

Точно так же Ван мысленно подставил фигуру Ян Дун во все остальные фотографии, иногда по-

мещая ее сияющие глаза в небе над землей. Эти снимки тоже оживали и становились безупречно прекрасными. Такой красоты Ван даже вообразить себе не мог.

Ему всегда казалось, что его фотографиям чего-то не хватает — быть может, души? Теперь он понял: им не хватало *ее*.

* * *

— Все имена в списке — это физики, совершившие самоубийство за последние два месяца, — пояснил генерал Чан.

Вана словно громом поразило. Черно-белый ландшафт перед его мысленным взором поблек. На фотографиях больше не было Ян Дун, и ее глаза исчезли с небосвода. Все эти миры погибли.

— Когда… Когда это произошло? — непослушными губами спросил он.

— В течение последних двух месяцев, — повторил Чан.

— Вы имеете в виду имя в конце списка, я так полагаю? — влез Ши. — Она умерла последней — двое суток назад от передозировки снотворного. Ушла тихо и спокойно, без боли.

На одно мгновение Ван почувствовал признательность к грубияну-полицейскому.

— Но почему? — спросил Ван. Мертвые ландшафты продолжали свою круговерть в его мозгу.

— Единственное, в чем мы можем быть уверены, — ответил генерал, — это что причина для самоубийства была у всех одна и та же. Правда, ее трудно определить. Может статься, что нам, неспециалистам, ее вообще не понять. В документе приводятся выдержки из их предсмертных записок. Вы сможете ознакомиться с ними после совещания.

Ван пролистал записки. Вернее, даже не записки, а целые сочинения.

— Доктор Дин, не будете ли вы так добры показать профессору Вану записку Ян Дун? Она самая короткая из всех и, похоже, наиболее точно выражает общий характер записок.

Дин И, к которому обращался генерал, до сих пор не произнес ни слова. Немного помедлив, он протянул Вану через стол белый конверт.

Ши пробормотал:

— Он был парнем Ян.

Ван припомнил, что видел Дина на строительстве ускорителя в Лянсяне. Этот теоретик прославился тем, что, изучая шаровую молнию,

открыл макроатом[16]. Ван вынул из конверта тонкий, неправильной формы листок, от которого исходил едва заметный аромат. Это была не бумага — записку написали на бересте. Изящные иероглифы гласили:

«Все факты свидетельствуют об одном: физика никогда не существовала и никогда не будет существовать. Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора».

Под запиской даже не было подписи. Ян Дун покинула этот мир.

— Физика… никогда не существовала? — Ван не знал, что и думать.

Генерал захлопнул папку.

— Среди документов вы также найдете подробный отчет о результатах экспериментов, полученных на трех новейших ускорителях. Информация чисто техническая, мы не станем ее тут обсуждать. Центром нашего расследования прежде всего является общество «Рубежи науки». ЮНЕСКО объявила 2005 год Всемирным годом физики. Общество, о котором идет речь, образовалось путем постепенного объединения различных групп ученых, собиравшихся на кон-

---

[16] Примечания: 16

Чтобы узнать больше о Дин И, обратитесь к рассказу Лю Цисиня «Шаровая молния». — *Прим. К. Л.*

ференциях и дискуссиях в этом году. Доктор Дин, вы, как физик-теоретик, не могли бы разъяснить нам ситуацию более подробно?

Дин кивнул.

— Я лично не поддерживаю прямой связи с «Рубежами науки», но это общество очень известно в академических кругах. Его кредо можно выразить следующим образом.

Во второй половине XX века физика утеряла стройность и простоту, характерную для классических теорий. Современные теоретические построения становятся все более и более сложными, расплывчатыми и неясными. Экспериментальные подтверждения тоже добываются с бо!льшим трудом. Это признак того, что физика уперлась лбом в стену.

Члены «Рубежей науки» учатся мыслить по-новому. Они хотят с помощью научных методов исследовать границы науки, пытаются узнать, существуют ли пределы, за которые наука в своем познании природы не может заглянуть. Состояние современной физики предполагает, что мы как раз коснулись этой черты.

— Очень хорошо, — сказал Чан. — Согласно нашим сведениям, большинство ученых, совершивших самоубийство, были так или иначе связаны

с «Рубежами науки», а некоторые даже являлись членами общества. Но мы не нашли никаких доказательств использования психотропных средств или других приемов психологической манипуляции наподобие тех, что применяются в некоторых религиозных сектах. Другими словами, даже если «Рубежи науки» и повлияли на ученых, то сделано это было иначе, например, во время дискуссий. Профессор Ван, поскольку с вами они вошли в контакт совсем недавно, хотелось бы кое-что у вас узнать…

Тут его перебил Ши Цян:

— Включая имена, время и место встреч, содержание разговоров, а если вы обменивались обычной или электронной почтой, то и…

— Заткнись, Да Ши! — приказал Чан.

Другой офицер полиции придвинулся к Цяну и прошипел:

— Боитесь, мы забудем, что у вас есть рот, если вы не будете все время разевать его?

Ши схватил свою чашку, но, увидев плавающий в ней окурок, поставил обратно.

Слова Ши опять вызвали у Вана раздражение сродни тому, которое испытывает человек, почувствовавший, что вместе с едой проглотил муху. От былой признательности не осталось и

следа. Но он взял себя в руки и ответил:

— Мое знакомство с «Рубежами науки» началось со встречи с Шэнь Юйфэй — японкой китайского происхождения. Она физик, работает в японской компании здесь, в Пекине. Раньше она была сотрудником лаборатории при «Мицубиси», занималась нанотехнологиями. Мы встретились на технической конференции в начале этого года. Она познакомила меня с другими физиками, членами «Рубежей науки», как китайскими, так и зарубежными. Наши разговоры были… как бы это выразиться… ну, очень радикальными, что ли. Основным вопросом был тот, который только что затронул доктор Дин: каковы пределы научного познания?

Поначалу эти беседы интереса у меня не вызывали. Праздное времяпрепровождение, и только. Мое дело — прикладные исследования, и я мало разбираюсь в вопросах теории. По большей части я лишь выслушивал споры между другими учеными. Все эти люди были мыслителями с неординарными взглядами, и я чувствовал, что общение с ними расширяет мой кругозор. Постепенно во мне проснулся интерес, однако все разговоры ограничивались лишь теорией. Однажды меня пригласили присоединиться к

«Рубежам науки», но если бы я это сделал, собрания и дискуссии превратились бы в обязанность. Поскольку время и силы у меня весьма ограничены, я отказался.

— Профессор Ван, — сказал генерал, — нам бы хотелось, чтобы вы приняли их предложение и присоединились к «Рубежам науки». Собственно, поэтому мы вас сегодня и пригласили. С вашей помощью мы могли бы больше узнать о том, что происходит внутри этой организации.

— Вы хотите сделать из меня «крота»? — Вану стало не по себе.

— Точно, крота! — хохотнул Ши.

Чан осуждающе взглянул на него и вновь повернулся к Вану.

— Скажем так — мы хотели бы получать от вас информацию. Другой возможности проникнуть в это общество у нас нет.

Ван покачал головой.

— Прошу прощения, генерал. Я не могу так поступить.

— Профессор Ван, в «Рубежи науки» входят ведущие ученые разных стран. Расследование их деятельности — дело чрезвычайно сложное и деликатное, все равно что идти по тонкому льду. Если нам не поможет кто-то из академических

кругов, далеко мы не продвинемся. Вот почему мы просим вас. Но мы примем любое ваше решение. Если вы не согласитесь, мы поймем.

— Но я… я очень занят по работе… У меня попросту нет времени…

Генерал Чан кивнул.

— Хорошо, профессор Ван. Мы больше не смеем отнимать ваше драгоценное время. Спасибо, что посетили наше совещание.

Ван подождал еще несколько секунд, не сразу поняв, что его просят уйти.

Генерал вежливо проводил Вана до двери. Сзади раздался громкий голос Ши:

— Так оно, пожалуй, и к лучшему. Мне все равно этот план не нравился. Книжные черви только и знают, что кончают с собой. И с этим будет так же. Посылать его все равно что бросить пельмень собакам.

Ван развернулся и ринулся обратно к Ши. С трудом овладев собой, он отчеканил:

— Хорошему полицейскому так разговаривать не подобает!

— А кто сказал, что я *хороший* полицейский?

— Мы не знаем, почему эти исследователи покончили с собой, но вам не стоило бы говорить о них так пренебрежительно! Их труды внесли

неоценимый вклад в мировую культуру!

— Хотите сказать, что я им в подметки не гожусь? — Ши, не вставая с места, поднял голову и взглянул Вану прямо в глаза. — Я-то уж, по крайней мере, не стал бы резать себе вены из-за того, что какая-то сволочь нагородила мне кучу всякой ерунды!

— А я, по-вашему, стану?!

— Я всего лишь забочусь о вашей безопасности. — На лице Ши снова появилась его фирменная кривая усмешка.

— Думаю, что в подобной ситуации я справился бы лучше вас! Способность человека отличать правду от лжи напрямую зависит от багажа его знаний.

— А вот я так не думаю. Для таких, как вы…

— Замолчи, Да Ши! — вмешался генерал Чан. — Еще одно слово — и вылетишь отсюда как миленький!

— Нет, почему же, — возразил Ван. — Пусть говорит. — Он повернулся к генералу. — Знаете что, я передумал. Я присоединюсь к «Рубежам науки».

— Вот и хорошо! — энергично кивнул Ши. — Держите ушки на макушке. Пользуйтесь любой возможностью добыть новую информацию.

Например, заглядывайте в их компьютерные экраны, запоминайте адреса электронной почты и веб-сайтов…

— Довольно! Вы не поняли меня. Я не желаю становиться шпионом. Я всего лишь хочу доказать, что вы дурак!

— Если протянете хотя бы пару месяцев, после того как присоединитесь к ним, то я охотно признаю себя дураком! Но, боюсь, вы того… — Ши вздернул голову, и его усмешка превратилась в волчий оскал.

— Еще как протяну! И больше я не хочу вас видеть! Никогда!

* * *

Генерал отвел Вана в сторону и занимал разговором, пока все не разошлись — чтобы они с Ши опять не схлестнулись. Затем он проводил профессора на первый этаж и вызвал машину.

— Выкиньте Ши из головы, — сказал генерал Вану. — Ну такой он человек, что поделаешь. Вообще он очень опытный полицейский, эксперт по борьбе с терроризмом. Двадцать лет назад служил рядовым в моей роте.

Подходя к машине, Чан добавил:

— Профессор Ван, у вас, должно быть, много

вопросов…

— Какое отношение то, о чем говорилось на совещании, имеет к военным?

— Война — это дело военных, разве не так?

Ван недоуменно уставился на него.

— О какой войне речь? Ведь сейчас, похоже, самое мирное время за всю историю человечества!

На непроницаемом лице Чана появилась загадочная улыбка.

— Скоро узнаете. Скоро все узнают. Профессор Ван, с вами когда-нибудь случалось что-то такое, что изменило бы всю вашу жизнь? Событие, после которого мир для вас стал бы совершенно другим?

— Нет.

— Тогда считайте, вам очень повезло! В мире царит непредсказуемость, а с вами, получается, не происходило никаких кризисов?

Ван некоторое время обдумывал сказанное, по-прежнему в недоумении.

— Думаю, то же самое можно сказать о большинстве людей, — наконец сказал он.

— Ну тогда большинству людей везет в жизни.

— Но… многие поколения жили так — просто жили, и все…

— Им тоже повезло.

Ван засмеялся и покачал головой.

— Должен признаться, сегодня я не очень сообразителен. Вы хотите сказать, что…

— Да, я хочу сказать, что вся история человечества — сплошное везение. Начиная с каменного века и до наших дней нам не приходилось сталкиваться с настоящим кризисом. Но всякое везение когда-нибудь кончается. Послушайте меня. Удаче пришел конец. Готовьтесь к худшему.

Ван хотел было спросить о чем-то еще, но генерал помотал головой и попрощался, избегая дальнейших вопросов.

Ван сел в машину, назвал шоферу адрес и спросил:

— Это вы привезли меня сюда? Кажется, машина та же самая.

— Нет, не я. Я вез доктора Дина.

У Вана родилась идея. Он попросил шофера отвезти его к Дину.

Глава 5
Партия в бильярд

Едва открыв дверь в новенькую трехкомнатную квартиру Дин И, Ван учуял запах алкоголя. Дин валялся на диване перед включенным теле-

визором и пялился в потолок. В квартире, еще не обставленной до конца, было мало мебели и уютных безделушек, отчего обширная гостиная выглядела голой. Самой большой достопримечательностью здесь служил бильярдный стол в углу.

Вану показалось, что его неожиданный визит был кстати. Дину явно хотелось излить душу.

— Я купил это жилье три месяца назад, — сказал Дин. — И зачем только я это сделал? Неужели надеялся, что ей когда-нибудь захочется завести семью?.. — Он с пьяной улыбкой покачал головой.

— Так вы… — Вану было интересно узнать подробности личной жизни Ян Дун, но он не представлял, с чего начать.

— Она была как звезда — всегда такая далекая, отстраненная… Даже тот свет, который она изливала на меня, был холоден. — Дин подошел к окну и уставился в ночное небо.

Ван не ответил. Как он жалел, что никогда не слышал ее голоса! Ведь год назад, в тот памятный вечер, когда они на мгновение встретились глазами, они не сказали друг другу ни слова.

Дин махнул рукой, словно отгоняя от себя что-то.

— Профессор Ван, вы были правы. Не связывайтесь ни с полицией, ни с военными! И те, и другие просто кретины! Самоубийства всех этих ученых не имеют никакого отношения к «Рубежам науки». Я много раз пытался им это объяснить, но все без толку. Не понимают.

— Похоже, они проводят какое-то независимое расследование…

— Да, причем в глобальном масштабе. Неплохо бы им знать, что двое из их списка покойников никогда не имели дел с «Рубежами науки», включая… включая Ян Дун. — По-видимому, упоминание ее имени давалось Дину с трудом.

— Дин И, вы ведь в курсе, что я уже дал согласие сотрудничать. Поэтому… мне очень хотелось бы узнать, почему Ян… сделала такой выбор. Мне кажется, вам известно что-то такое… — Ван чувствовал, что выглядит очень глупо, пытаясь скрыть свои истинные намерения.

— Может, лучше не надо? Сейчас вы только-только окунулись в это дело, а узнай вы побольше — и ваш дух тоже затянет в трясину, а тогда жди беды!

— Я, знаете ли, практик. А мы народ не такой чувствительный, как вы, теоретики.

— Ну хорошо, уговорили. В бильярд играете? —

Дин подошел к бильярдному столу.

— Играл немного в колледже.

— Мы с ней любили играть. Бильярд напоминает столкновение частиц в ускорителе. — Дин взял два шара, черный и белый, установил черный около одной из луз и положил белый сантиметрах в десяти от него. — Сможете положить черный в лузу?

— С такого расстояния? Любой неумеха смог бы.

— Давайте.

Ван взял кий, легонько ударил по белому шару и забил черный в лузу.

— Отлично. А теперь перетащим стол в другое место. — Дин взялся за крышку стола, растерянный Ван последовал его примеру. Они передвинули бильярд в другой угол, к окну. Затем Дин снова расставил шары как в первый раз. — Сумеете повторить? — поинтересовался он у Вана.

— Само собой.

— Валяйте.

И снова Ван легко положил шар в лузу.

Дин взмахнул рукой:

— Давайте передвинем его еще раз.

Они подняли стол и переставили в третий угол. Дин расположил шары как раньше:

— Бейте.

— Послушайте, мы…

— Делайте, кому говорят!

Ван беспомощно пожал плечами. И опять ему удалось загнать черный шар в лузу.

Они передвинули стол еще два раза — к двери и на первоначальное место. Дин еще дважды ставил шары на сукно в прежнем порядке, и дважды Ван забил черный шар в лузу. Оба игрока чуть-чуть запыхались.

— Отлично, эксперимент окончен. А теперь проанализируем результаты. — Прежде чем продолжить, Дин закурил сигарету. — Мы провели один и тот же опыт пять раз. Четыре из них — в разных местах и в разное время. Два — в одном и том же месте, но в разное время. Ну разве это не потрясающе?! — Он преувеличенно широко развел руки в стороны. — Пять раз! С одним и тем же исходом!

— Что вы хотите этим сказать? — недоумевал Ван.

— Вы в состоянии объяснить этот невероятный результат? Будьте добры, воспользуйтесь языком физики.

— Ладно… В течение этих пяти экспериментов масса обоих шаров оставалась неизменной. Ес-

ли в качестве системы координат мы выберем крышку стола, то и пространственное положение шаров не менялось. Скорость белого шара, бьющего по черному, тоже оставалась примерно одинаковой. Значит, и перенос импульса между шарами был одним и тем же. Этим обусловливается один и тот же результат: во всех пяти экспериментах черный шар оказался в лузе.

Дин взял с пола бутылку бренди и два стакана, налил в оба и один протянул Вану. Тот отказался.

— Да ладно вам, давайте отпразднуем! Мы открыли великий принцип: законы физики неизменны в пространстве и времени. Абсолютно все физические законы в истории человечества, начиная с Архимеда до теории струн, все научные открытия и плоды человеческого разума являются побочными продуктами этого великого закона. Профессор, мы теперь можем считать себя теоретиками науки! По сравнению с нами Эйнштейн и Хокинг всего лишь заурядные инженеришки.

— Я по-прежнему не пойму, к чему вы ведете.

— Вообразите себе иные результаты. В первый раз белый шар толкнул черный в лузу. Во второй черный отскочил. В третий черный шар взлетел к потолку. В четвертый он пометался по всей

комнате, как испуганный воробей, и канул в ваш карман. И в пятый раз черный шар, набрав скорость, близкую к скорости света, проломил бортик стола, пронзил стену и покинул Землю, а потом и Солнечную систему, как это описал Азимов[17]. Что бы вы тогда сказали?

Дин внимательно наблюдал за Ваном. После долгого молчания тот произнес:

— Это произошло на самом деле. Я прав?

Дин опустошил оба стакана, которые держал в руках, и уставился на бильярдный стол так, будто ему явился дьявол.

— Да. Это произошло. В последние годы у нас появилось новое оборудование для опытной проверки фундаментальных теорий. Были сооружены три чертовски дорогих «бильярдных стола»: один в Северной Америке, другой в Европе и третий — вы его знаете, в Лянсяне. Ваш Исследовательский институт нанотехнологий заработал очень неплохие денежки на поставках для него.

На этих ускорителях сталкивающимся частицам можно придать энергии на порядок больше, чем на всех других, — такого уровня человечество еще никогда не достигало. И вот на этом

---

[17] Примечания: 17

См. рассказ А. Азимова «Бильярдный шар». — *Прим. автора.*

самом новейшем оборудовании, при одних и тех же частицах, одном количестве энергии и одинаковых экспериментальных параметрах получены совершенно разные результаты. Причем не только на разных ускорителях, но и на одном и том же ускорителе в разное время. Физики впали в панику. Они бесконечно повторяли опыты, не меняя условий, и каждый раз получали иной результат. Совершенно никакой системы!

— И что все это значит? — спросил Ван, но Дин лишь смотрел на него и молчал. Не дождавшись ответа, Ван добавил: — Да, я нанотехнолог и тоже работаю с микроскопическими объектами, но вы-то имеете дело с частицами на много порядков меньше! Пожалуйста, растолкуйте мне все с самого начала.

— Это значит, что законы физики не неизменны в пространстве и времени.

— То есть как это?!

— Думаю, дальнейшие выводы вы сможете сделать сами. Даже генерал Чан додумался. В уме ему не откажешь.

Ван задумчиво посмотрел в окно. Городские огни затмевали звезды в ночном небе.

— Это значит, что таких законов физики, которые выполнялись бы в любой точке Вселенной,

не существует, что, в свою очередь, значит… что физики не существует, — сказал Ван и отвернулся от окна.

— «Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора», — процитировал Дин. — Это вторая половина ее записки. Первую вы только что сформулировали сами. Теперь вы понимаете, почему она так поступила? Ну хоть немного?

Ван взял в руку белый шар, погладил и опустил обратно на сукно.

— Для человека, находящегося на переднем фронте теоретической науки, это настоящая катастрофа.

— Теоретическая физика требует чуть ли не религиозной веры. А фанатика легко столкнуть в пропасть.

Прощаясь, Дин И дал Вану бумажку с адресом:

— Если у вас будет время, пожалуйста, навестите мать Ян Дун. Они всегда жили вместе, и Дун была для матери зеницей ока. Теперь старушка почти все время одна.

— Дин, вы знаете гораздо больше меня. Не могли бы вы рассказать подробнее? Неужели вы и вправду верите, что законы физики не неизменны в пространстве и времени?

— Да не знаю я ничего! — Дин долго молча смотрел Вану в глаза и наконец проговорил: — Вот в чем вопрос.

Ван понял, что Дин И закончил цитату, часть которой привел британский полковник: «Быть или не быть — вот в чем вопрос».

Глава 6
Стрелок и фермер

Следующий день был выходной. Ван встал пораньше и поехал кататься на велосипеде. Как фотографа его больше всего привлекали картины девственной природы, свободной от присутствия человека. Теперь, когда Ван был уже не так молод, у него не хватало энергии ехать куда-то далеко, поэтому он ограничивался съемками в городе.

Сознательно или бессознательно, но он обычно выбирал мотивы, в которых было что-то от дикой природы: пересохшее озерцо в парке, свежевыкопанная земля на стройке, сорняк, пробивающийся сквозь трещину в асфальте… Чтобы насыщенные городские краски не мешали восприятию, Ван пользовался только черно-белой пленкой. Он выработал свой особый стиль, и его заметили. Некоторые его работы отобрали для

участия в двух выставках, а Вана приняли в Союз фотографов. В поисках вдохновения и композиций, которые тронули бы его душу художника, он подолгу колесил по городским улицам. Зачастую он уезжал из дому на целый день.

С самого утра Ван чувствовал себя не в своей тарелке. Его художественный стиль тяготел к классическому — спокойному и уравновешенному, но сегодня ему никак не удавалось достичь состояния духа, необходимого для съемки. Город, только что пробудившийся ото сна, представлялся ему построенным на песке. Стабильность была иллюзорной. Всю ночь Вану снились те самые два бильярдных шара. Они носились в темном пространстве без всякой системы; черный растворялся на черном фоне, и его можно было заметить только тогда, когда он заслонял собой белый шар.

«Неужели основной закон природы — это отсутствие законов? — размышлял Ван. — Возможно ли, что стабильность и порядок — лишь временное динамическое равновесие, достигнутое только в одном уголке Вселенной, маленький островок покоя в океане хаоса?»

Неожиданно для себя самого Ван оказался у подножия только что построенного здания Цен-

трального телевидения Китая. Он остановился на обочине и всмотрелся в гигантскую башню в форме буквы А, пытаясь вновь обрести равновесие. Его взгляд заскользил по острому шпилю, который устремлялся в бездонную голубизну неба, сияя в лучах утреннего солнца. И в голове Вана внезапно всплыли два слова: «стрелок» и «фермер».

Когда члены «Рубежей науки» вели дискуссии на физические темы, они часто пользовались сокращением «СФ». Нет, они имели в виду не «сай-фай», то есть научную фантастику, а эти самые два слова — «стрелок» и «фермер». Это была отсылка к двум гипотезам, включающим в себя фундаментальные законы природы и Вселенной.

Гипотеза стрелка состоит в следующем: снайпер стреляет в мишень, пробивая ее через каждые десять сантиметров. Теперь вообразите себе, что поверхность мишени заселена расой разумных двумерных существ. Их ученые, наблюдая за Вселенной, открыли великий закон: «Через каждые десять сантиметров во Вселенной имеется отверстие». Они приняли сиюминутную прихоть стрелка за закон природы.

В гипотезе фермера есть что-то от фильма ужасов. Итак, каждое утро на индюшиной ферме

начинается с того, что фермер кормит птиц. Ученая индюшка, наблюдавшая данное явление в течение почти целого года, приходит к выводу: «Каждое утро в одиннадцать прибывает еда». В утро Дня благодарения всезнайка провозглашает сей закон товаркам. Но в этот день, в одиннадцать, вместо кормежки фермер забивает всех индюшек.

Вану почудилось, что земля под его ногами плывет, как зыбучий песок. Телебашня задрожала и покачнулась. Он быстро перевел взгляд вниз, на улицу.

* * *

Стараясь избавиться от неприятного чувства, Ван заставил себя побыстрее доснять всю пленку и к обеду уже был дома. Жена с сыном ушли на прогулку и вернутся не скоро. Обычно Вану не терпелось сразу проявить отснятую пленку, но сегодня настроение было не то. После легкого обеда он прилег вздремнуть. Поскольку ночью он спал плохо, то проснулся только часов в пять. Вспомнив о пленке, Ван отправился в чулан, приспособленный под темную комнату.

Когда пленка была проявлена, он начал просматривать кадры — стоит ли какой-нибудь из

них того, чтобы его напечатать? И на первом же увидел нечто странное. На снимке изображался скверик напротив большого торгового центра. В самой середине негатива виднелся ряд крохотных белых значков, которые при ближайшем рассмотрении оказались цифрами: *1200:00:00*.

На следующем кадре тоже были цифры: *1199:49:33,* на третьем *1199:40:18.*

Фактически каждый кадр содержал такие числа. На последнем, тридцать шестом, значилось: *1194:16:37.*

Первой мыслью Вана было, что что-то случилось с пленкой. Leica M2 1988 года выпуска, которой он пользовался, была пленочным фотоаппаратом старой конструкции, так что никаких цифр, например, дату, печатать на пленке не умела. Из-за высокого качества объектива и безукоризненно отлаженного механизма этот фотоаппарат считается великолепной профессиональной камерой даже в наш цифровой век.

Еще раз просматривая негативы, Ван обнаружил и другую странность: цифры будто специально приспосабливались к изображению. На черном фоне цифры были белые и наоборот — для максимального контраста. К тому времени, когда Ван снова дошел до шестнадцатого кадра, сердце

его уже колотилось как бешеное, а по спине полз холодок.

Этот снимок изображал мертвое дерево у древней стены, испещренной белыми и черными пятнами. Такой фон создавал трудности: и черные, и белые цифры будут одинаково плохо видны. И что же? На этой картинке числа выстроились вертикально, следуя изгибам древесного ствола. Ряд белых цифр извивался на темной коре мертвого дерева, точно ядовитая змея.

Ван принялся анализировать математические закономерности чисел. Сначала он думал, что это некая порядковая нумерация, но разница между числами была неодинаковая. Потом предположил, что числа выражают время: часы, минуты и секунды. Он достал свой журнал съемок, куда педантично заносил время каждого снимка с точностью до минуты, и обнаружил, что разница между двумя последовательными кадрами соответствует разнице во времени между щелчками затвора.

Это был обратный отсчет.

Он начался с 1200 часов. Сейчас оставалось около 1194 часов, то есть меньше 50 дней.

«Сейчас? Нет, в момент, когда я сделал последнюю фотографию. Интересно, отсчет продолжа-

ется?»

Ван вышел из чулана, заправил в «лейку» новую кассету с пленкой и пустился фотографировать все подряд. Даже вышел на балкон и сделал несколько снимков на свежем воздухе. Прикончив пленку, он вынул ее и вернулся в темную комнату. На проявленных негативах, словно призраки, опять красовались цифры. На первом кадре значилось: *1187:27:39*. Разница точно соответствовала отрезку времени, прошедшему между последним кадром предыдущей пленки и первым нынешней. На остальных негативах числа последовательно уменьшались на три-четыре секунды: *1187:27:35, 1187:27:31, 1187:27:27, 1187:27:24…* — точно соответствуя интервалам между щелчками затвора.

Отсчет продолжался.

Ван опять зарядил в камеру новую пленку. Он щелкал беспрерывно, иногда даже не снимая крышку с объектива. Как раз в момент, когда он вынимал пленку из аппарата, вернулись жена с сыном. Прежде чем уйти в темную комнату, Ван заправил в «лейку» свежую пленку и вручил камеру жене:

— Вот. Окажи услугу — снимай, пока пленка не закончится.

— Что снимать? — переполошилась жена. Ван никому не позволял пальцем притронуться к своему драгоценному фотоаппарату; правда, ни жена, ни сын никогда и не проявляли особого желания это сделать. В их глазах допотопная «лейка» была просто старьем ценой более двадцати тысяч юаней.

— Неважно. Просто щелкай все подряд. — Ван сунул камеру жене в руки и собрался нырнуть в чулан.

— Ну ладно… Дуду, может, давай тебя пофотографируем? — Жена направила объектив на сына.

Вану вдруг представилось лицо сына, пересеченное рядом потусторонних цифр, словно клеймом палача.

— Нет, только не его! Снимай что-нибудь другое.

Затвор щелкнул — жена сделала первый снимок.

— А почему не нажимается опять? — спросила она. Ван показал ей, как перевести кадр.

— Ты должна делать это после каждого снимка, — сказал он и ушел в темную комнату.

— И зачем эти сложности… — Жена Вана, врач, не понимала, что за блажь цепляться за этот

дорогущий, но устаревший аппарат, когда существуют цифровые камеры с разрешением в десять, а то и в двадцать мегапикселей. Да еще и пользоваться черно-белой пленкой.

Проявив третью пленку, Ван посмотрел сквозь нее на красную лампочку. Сверхъестественный обратный отсчет продолжался. Цифры были на всех кадрах, в том числе и на тех, что снимались с закрытой крышкой: *1187:19:06, 1187:19:03, 1187:18:59, 1187:18:56*…

Жена постучала в дверь и сообщила, что задание выполнено. Ван высунулся из чулана и, взяв у жены фотоаппарат, дрожащими руками извлек кассету и, игнорируя озабоченный взгляд супруги, нырнул обратно в чулан и захлопнул за собой дверь. Он так спешил, что заляпал реактивами весь пол. Вскоре проявка завершилась, и Ван закрыл глаза, молясь про себя: «Пожалуйста, не появляйтесь больше! Я не хочу, чтобы настал мой черед…»

Он навел на снимки увеличительное стекло. Цифр не было. На негативах отображался только интерьер квартиры и больше ничего. Под неумелой рукой жены картинки вышли немного смазанные, однако это были самые прекрасные фотографии, которые Ван когда-либо видел.

Весь в поту, он вышел из темной комнаты и с облегчением выдохнул. Жена возилась на кухне, сын играл в детской. Ван опустился на софу и, немного успокоившись, принялся обдумывать происходящее, стараясь найти ему рациональное объяснение.

Первым делом он отмел возможность того, что числа, точно отмечавшие промежутки времени между щелчками затвора и выказывавшие признаки чьего-то расчетливого вмешательства, были заранее отпечатаны на пленке. Нет, они возникали там в процессе фотографирования. Но как? Может, в аппарате поломка? А может, кто-то без ведома Вана встроил в камеру какой-то механизм?

Ван снял объектив, разобрал камеру и внимательно изучил все компоненты с помощью увеличительного стекла. Он не обнаружил не только каких-либо изъянов, но даже пыли. Затем ему пришло в голову, что раз числа есть и в тех снимках, которые были сделаны с закрытой крышкой, то источником света могло послужить какое-то проникающее излучение. Но где находится его источник? Как удалось направить лучи точно в объектив? И разве это возможно чисто технически?!

По крайней мере, при нынешнем уровне развития техники осуществить такое могла бы только какая-то сверхъестественная сила.

1186:34:13, 1186:34:02, 1186:33:46, 1186:33:35…

Желая убедиться, что жуткие цифры исчезли, Ван зарядил в «лейку» еще одну кассету и снова начал снимать все подряд. Но после проявки его кратковременная радость улетучилась. Ему показалось, что он сходит с ума. Отсчет возобновился. Судя по числам, он никогда и не останавливался, просто его не было на снимках, которые сделала жена.

Ван вылетел из темной комнаты и кинулся к входной двери. Выскочив на лестничную площадку, он заколотил в двери соседа, профессора Чжана.

— Профессор Чжан, у вас есть фотоаппарат? Не цифровой, а обычный, с пленкой?

— Такой профессионал, как вы, хочет одолжить у меня фотоаппарат?! А что сталось с вашей замечательной камерой? У меня только цифровая «мыльница»… С вами все в порядке? Вы так бледны…

— Будьте добры, дайте мне ее!

Чжан ушел и вернулся с «мыльницей» — обычным цифровым «Кодаком».

— Вот, пожалуйста. В ней есть кое-какие кадры, можете их смело удалить.

— Спасибо!

Ван схватил камеру и понесся домой. Собственно, у него были еще три фотоаппарата с пленкой и один цифровой, но он думал, что лучше будет одолжить камеру у кого-то другого. Однако, взглянув на «лейку», лежащую на софе, он решил заправить в нее новую пленку, а соседский «Кодак» протянул жене, накрывавшей на стол:

— Быстро сделай еще несколько снимков, как раньше!

— Да что с тобой? Только посмотри на себя! Ты заболел?!

— Не обращай внимания. Фотографируй!

Жена поставила тарелки на стол и подошла к Вану. В глазах ее светились беспокойство и страх.

Ван сунул «Кодак» шестилетнему сыну, как раз начавшему есть.

— Дуду, помоги папе. Нажми на эту кнопочку. Правильно, вот так. Это один снимок. А теперь нажми еще раз. Это второй. Продолжай нажимать. Фотографируй все, что хочешь.

Малыш учился быстро. Игрушка ему понравилась, он бойко защелкал кнопочкой. Ван

развернулся кругом, взял с софы «лейку» и тоже начал снимать. Отец и сын щелкали затворами как сумасшедшие. Молниями сверкали вспышки. Жена Вана, не знавшая, что и подумать, расплакалась.

— Ван Мяо, я понимаю, в последнее время у тебя страшный стресс, но, пожалуйста, ты же не..?

Ван заполнил всю пленку в «лейке» и выхватил у сына цифровую камеру. На мгновение задумался, а потом ушел в спальню, подальше от разволновавшейся жены, и сделал несколько снимков с помощью «Кодака». Боясь смотреть на экран, он пользовался видоискателем, хотя и сознавал, что все равно очень скоро придется взглянуть правде в глаза.

Ван вынул кассету из «лейки», вновь нырнул в темную комнату, запер дверь и принялся за работу. Проявив пленку, он стал внимательно изучать негативы. Пальцы дрожали, поэтому лупу пришлось держать двумя руками.

Отсчет продолжался.

Ван выскочил из темной комнаты, схватил цифровой «Кодак» и уставился на экран. На кадрах, которые снял его сын, цифр не было. На тех, что сделал он сам, отсчет продолжался и был синхронизирован с числами на пленке из «лейки».

Итак, он пользовался разными фотоаппаратами, что позволяло исключить из числа возможных объяснений проблемы с пленкой или камерой. Но, попросив жену и сына делать снимки, Ван получил еще более странный результат: обратный отсчет появлялся только на тех кадрах, которые отснял *он сам*, и больше нигде!

В отчаянии Ван сгреб проявленные пленки. Те были похожи на зловещий клубок змей, на охапку веревок, запутавшихся в узел, который невозможно развязать.

Он понимал, что решить эту проблему собственными силами не в состоянии. К кому же обратиться? К бывшим однокашникам по университету или коллегам по институту? Бесполезно. Все они, подобно ему самому, были людьми с техническим складом ума, а Ван подспудно сознавал, что корни его проблемы лежат гораздо глубже. Он подумал о докторе Дин И, но тому сейчас не до чужих забот. Наконец, он вспомнил о «Рубежах науки»: члены общества были истинными мыслителями, умами, открытыми для новых идей.

И он набрал номер Шэнь Юйфэй.

— Доктор Шэнь, у меня проблема. Мне нужно увидеться с вами.

— Приезжайте, — откликнулась Шэнь и пове-

сила трубку.

Шэнь не отличалась разговорчивостью; кое-кто в «Рубежах науки» в шутку называл ее Хемингуэем в юбке. Ван не знал, как расценивать то, что она сразу согласилась увидеться с ним, даже не спросив, в чем дело. Он не мог решить, радоваться ему или тревожиться еще больше.

Затолкав спутанный клубок фотопленок в сумку и прихватив цифровую камеру, Ван под перепуганным взглядом жены вылетел из квартиры. Он мог бы поехать на своей машине, но ему не хотелось оставаться одному в вечернем городе, пусть и освещенном множеством огней. Поэтому он вызвал такси.

* * *

Шэнь жила в элитарном жилом поселке, к которому вела новая ветка пригородного поезда. Здесь, на окраине, огни были не такими яркими. Посреди поселка плескался небольшой пруд, в котором было полным-полно рыбы — специально для здешних жителей. Ночью поселок напоминал настоящую деревню.

Было очевидно, что Шэнь — женщина с достатком, хотя Ван не мог понять, в чем его источник: ни ее прежняя должность исследователя, ни

нынешняя работа в частной компании больших доходов не давали. Правда, обстановка внутри дома роскошью не отличалась. Здесь проходили собрания «Рубежей науки», и Вану всегда казалось, что дом Шэнь похож на небольшую библиотеку с комнатой для собраний.

В гостиной Ван встретил Вэй Чэна, мужа Шэнь. Вэю было около сорока, на вид солидный, степенный интеллектуал. Помимо его имени, Ван мало что знал о нем; Шэнь не слишком откровенничала, знакомя их друг с другом. Судя по тому, что Вэй целыми днями сидел дома, он не работал. Дискуссии «Рубежей науки» никогда не вызывали у него интереса, но, похоже, он привык к тому, что в их доме постоянно толчется ученый люд.

Однако и без дела Вэй не слонялся. Вечно погруженный в размышления, он, должно быть, вел какие-то исследования на дому. Встречая гостей, он обычно рассеянно приветствовал их и возвращался в свою комнату наверху, где проводил бо!льшую часть дня. Как-то раз Ван Мяо заглянул в открытую дверь его комнаты и был поражен, увидев мощную рабочую станцию «Хьюлетт-Паккард». Ван был уверен, что не ошибается, потому что в своем исследовательском институте работал точно на такой же станции:

синевато-серое шасси, модель RX8620, выпущенная четыре года назад. Что ни говорите, а это очень странно — использовать в качестве персонального компьютера машину стоимостью более миллиона юаней. Что же делает на ней Вэй Чэн днями напролет?!

— Юйфэй сейчас немного занята. Присаживайтесь, подождите, — сказал Вэй Чэн и пошел по лестнице наверх.

Ван был не против подождать, но обнаружил, что не может спокойно усидеть на одном месте, и поэтому последовал за Вэй Чэном. На пороге своей комнаты Вэй заметил, что гость идет за ним, но раздражения это в нем, по всей вероятности, не вызвало. Он указал на дверь напротив:

— Она там.

Ван постучался. Не затворенная до конца дверь приоткрылась. Шэнь сидела перед компьютером и играла в игру. Ван опешил, увидев, что она облачена в V-костюм.

V-костюмы, весьма популярные среди геймеров, состоят из шлема с экраном, дающим панорамный обзор, и тактильно-интерактивного комбинезона. Он позволяет игроку испытать полный набор игровых ощущений, например, почувствовать, каково это — получить удар в

челюсть или нож в ребро, или гореть в огне, и тому подобное. С помощью костюма можно было испытать чувства экстремального жара и холода и даже узнать на себе, что чувствует человек, попавший в снежную бурю.

Ван подошел и встал у Шэнь за спиной. Поскольку игровая картинка проецировалась непосредственно на панорамный экран внутри шлема, то окно браузера на мониторе оставалось пустым. Ван внезапно припомнил совет Ши Цяна запоминать адреса сайтов и электронной почты. Приглядевшись, он разобрал адрес страницы: www.3body.net.

Шэнь сняла шлем и комбинезон и водрузила на нос очки, которые казались слишком большими для ее узкого лица. Она бесстрастно кивнула Вану, не промолвив при этом ни слова. Ван извлек из сумки перепутанные пленки и начал рассказывать о странном происшествии. Шэнь слушала его очень внимательно; фотопленки же не вызвали у нее особого интереса, она лишь скользнула по ним взглядом. Это удивило Вана и одновременно дало ему понять, что для Шэнь происходящее с ним не в новинку. Он замолчал, но слушательница кивнула, прося продолжать.

Ван завершил рассказ, и тогда впервые за все

время Шэнь заговорила:

— Как подвигается ваш проект с наноматериалом?

Вопрос, никак не связанный с его делом, привел Вана в замешательство.

— С наноматериалом? Какое отношение он имеет к этому? — Он указал на ворох пленок.

Она молча продолжала смотреть на него, ожидая ответа на свой вопрос. Таков был ее стиль — не расходовать воздух зря.

— Остановите исследования, — наконец сказала она.

— Что? — Ван подумал, что ослышался. — О чем вы?

Шэнь хранила молчание.

— Как это — остановить? Это же ключевой национальный проект!

Она по-прежнему ничего не говорила, только спокойно смотрела на него.

— Ну обоснуйте хотя бы как-нибудь!..

— Просто остановите. Попробуйте.

— Вы ведь что-то знаете! Что?! Скажите мне!

— Я уже сказала все, что могла.

— Я не могу остановить проект! Это невозможно!

— Просто остановите, и все. Попробуйте.

На этом разговор об отсчете был окончен. С какой бы стороны Ван ни пытался зайти, Шэнь отвечала: «Просто остановите, и все».

— Я все понял! — заявил Ван. — «Рубежи науки» не просто дискуссионная группа, обсуждающая проблемы фундаментальной теории, как вы это утверждаете! Ваши связи с практикой намного теснее, чем я себе представлял.

— Нет, не поняли. «Рубежи науки» заняты проблемами еще более фундаментальными, чем вы себе представляете.

Отчаявшись получить ответ, Ван ушел не прощаясь. Шэнь молча проводила его до двери и наблюдала, как он садится в такси.

В этот момент к дому подкатила другая машина и, взвизгнув тормозами, остановилась. Из машины вышел человек. В неярком свете, льющемся из прихожей, Ван сразу узнал его.

Это был Пань Хань — один из наиболее выдающихся членов «Рубежей науки», биолог, некогда предположивший и доказавший связь между врожденными аномалиями развития и долговременным потреблением генетически модифицированной пищи. Он также предсказал экологические катастрофы, обусловленные культивированием генетически модифицированных

растений. Тогда как обычные пророки апокалипсиса просто предсказывали всяческие беды, не вдаваясь при этом в детали, прогнозы Паня содержали подробности, которые позже оказывались точно соответствующими действительности. Настолько точно, что ходили слухи, будто этот человек — пришелец из будущего.

Он был также известен тем, что создал первую в Китае экспериментальную общину. В отличие от утопических групп Запада, призывающих «назад к природе», его «Пасторальный Китай» располагался не где-то в глуши, а в одном из самых крупных городов страны. Община не имела никакой собственности. Все, что нужно было для жизни, включая еду, ее члены добывали из городских отбросов. И хотя многие предсказывали «Пасторальному Китаю» быстрый и бесславный конец, он не только выжил, но и процветал. В настоящий момент в нем насчитывалось три тысячи постоянных членов и неисчислимое множество временных, которые присоединялись к нему ненадолго ради новизны впечатлений.

Благодаря этим своим успехам Пань становился все более и более заметной фигурой в общественной жизни. Он утверждал, что технический прогресс — это болезнь, разъедающая

человечество. Взрывной характер развития технологий аналогичен росту раковой опухоли, и результат будет таким же: исчерпание всех ресурсов, разрушение органов и в конце — смерть. Пань призывал отказаться от атомной энергии и ископаемых энергоносителей и оставить только солнечные и небольшие гидроэлектростанции. Он верил, что можно остановить дальнейшее разрастание современных мегаполисов путем равномерного расселения их жителей по поселкам и деревням, которые сами обеспечивали бы себя всем необходимым. Ресурсосберегающие технологии, полагал он, дадут возможность построить новое аграрное общество.

— Он у себя? — спросил Пань у хозяйки дома.

Та молча преградила ему дорогу.

— Я обязан предостеречь его. И вас тоже, — проговорил Пань ледяным тоном. — Не вынуждайте нас прибегать к силе.

Шэнь обратилась к водителю такси:

— Вы можете ехать.

Машина тронулась, и дальнейшего разговора Ван не слышал, но, обернувшись, видел в заднее стекло, как Шэнь не давала визитеру войти в дом.

* * *

Ван вернулся домой за полночь. Когда он выходил из такси, рядом резко остановился черный «Фольксваген Сантана». Стекло опустилось, и из машины вырвался клуб дыма. Водительское сиденье просело под грузным телом Ши Цяна.

— Профессор Ван! Академик Ван! Как ваши дела в последние пару дней?

— Вы следите за мной? Вам что — больше нечем заняться?!

— Вы меня не так поняли. Я мог бы просто проехать мимо, но вдруг решил проявить вежливость и поздороваться. И вот ваша благодарность! — Ши надел на лицо свою фирменную кривую усмешку. — Ну что? Вынюхали что-нибудь интересненькое?

— Я сказал, что не желаю иметь с вами никаких дел. Оставьте меня в покое!

— Ладно. — Ши завел мотор. — Можно подумать, я ради бабок сверхурочно горбатился. Вот и футбол пропустил…

* * *

Ван вошел в квартиру. Жена уже спала; он

слышал, как она беспокойно ворочается и что-то неразборчиво бормочет во сне. Из-за пугающего поведения мужа у нее теперь, наверно, кошмары. Ван проглотил несколько таблеток снотворного, лег в постель и после долгого ожидания наконец заснул.

Его сны были хаотичны, но один постоянно повторялся — призрачные числа, реющие в воздухе. Еще перед тем как заснуть, Ван знал, что увидит их. Так оно и случилось. Во сне он кидался на цифры как безумный, рвал их, кусал, но на них даже отметин не оставалось. Отсчет продолжался, неумолимый, неостановимый… И когда исступление Вана дошло до предела, он проснулся.

Открыв глаза, он уперся взглядом в потолок. Городские огни, пробивавшиеся сквозь занавески, ложились на него неясными бликами. Но что это? Отсчет, который Ван видел во сне, продолжался наяву! Цифры по-прежнему стояли перед его глазами, их тонкие, но яркие линии пылали белым:

1180:05:00, 1180:04:59, 1180:04:58, 1180:04:57…

Ван оглянулся вокруг, всматриваясь в темноту спальни. Он был уверен, что не спит, но отсчет — вот он, здесь. Ван закрыл глаза, но цифры никуда не делись. Они светились и переливались,

будто ртуть на перьях черного лебедя. Ван открыл глаза, потер их… Числа не исчезли. Куда бы Ван ни направил взгляд, они все время оставались в центре его поля зрения.

Безымянный ужас охватил Вана. Он рывком сел. Отсчет продолжался. Ван соскочил с постели, рванул занавески, открыл окно… Ночной город играл яркими огнями. И на этом величественном фоне светились кошмарные цифры, словно субтитры на киноэкране.

Ван почувствовал, что задыхается, и испустил придушенный крик. Жена проснулась, перепугалась и засыпала его вопросами. Он попытался взять себя в руки и стал твердить ей, что это все пустяки, просто плохой сон. Улегшись обратно в постель, Ван закрыл глаза и провел остаток ночи под неусыпным свечением обратного отсчета.

Утром он попытался вести себя, как будто ничего не случилось, но жену было невозможно обмануть. Она пристала к нему с расспросами, все ли у него в порядке с глазами.

Позавтракав, Ван позвонил в институт и сказался больным, а потом отправился к врачу. Все время, пока он ехал, призрачные цифры безжалостно заслоняли собой реальный мир. Они регулировали свою яркость, так что их было

хорошо видно на любом фоне. Один раз Ван даже попытался подавить их свечение другим, более ярким светом и уставился на восходящее солнце. Все без толку. Жуткие числа сменили цвет на черный и ясно обозначились на солнечном диске, словно спроецированные туда каким-то сверхъестественным киноаппаратом, отчего Ван испугался еще больше.

В больнице Тунжэнь было полно народу, но ему удалось прорваться к знаменитому офтальмологу, учившемуся вместе с его женой. Он попросил осмотреть его глаза, не называя, однако, симптомов. Внимательно обследовав оба глаза, доктор не нашел в них ни малейших отклонений.

— Я все время вижу что-то непонятное. Куда бы ни посмотрел — оно там. — Произнося эти слова, Ван отчетливо видел цифры, висящие перед лицом доктора:

1175:11:34, 1175:11:33, 1175:11:32, 1175:11:31…

— А, так ты имеешь в виду «мушки»! — Врач взял рецептурный бланк и принялся писать. — Обычное явление в нашем возрасте, результат помутнения стекловидного тела. Их трудно лечить, но угрозы зрению они не представляют. Вот тебе капли с йодом и витамин D. Возможно, «мушки» пройдут, но особо не надейся. Постарай-

ся просто не обращать внимание на эту ерунду.

— Мушки… Как они обычно выглядят?

— У них нет какой-то особой формы. У разных людей по-разному. У кого-то как маленькие черные точки, у других — как головастики…

— А могут они быть похожи на серию цифр?

Доктор перестал писать.

— Ты видишь цифры?

— Да, прямо в центре поля зрения.

Доктор положил ручку и посмотрел на Вана с сочувствием.

— Как только ты вошел, я сразу заметил, что вид у тебя утомленный. На последней встрече выпускников Ли Яо сказала, что на работе у тебя сплошной стресс. В нашем возрасте нужно быть осторожней. Здоровье уже не то, что раньше.

— Ты хочешь сказать, здесь задействованы психологические факторы?

Доктор кивнул.

— Если бы на твоем месте был кто-то другой, я бы посоветовал обратиться к психиатру. Но, думаю, ничего серьезного, просто переутомление. Почему бы тебе не отдохнуть несколько дней? Возьми отпуск. Побудь с Яо и малышом… как его? Дуду, правильно? Никаких волнений. И все пройдет.

1175:10:02, 1175:10:01, 1175:10:00, 1175:09:59…

— Ладно, я скажу тебе, что вижу. Это обратный отсчет! Секунда за секундой, как часы. Ты хочешь сказать, что все это у меня в голове?

Доктор терпеливо улыбнулся.

— Знаешь, как сильно мозг может воздействовать на зрение? В прошлом месяце была у нас пациентка, девочка лет пятнадцати-шестнадцати. Она сидела на уроке и вдруг потеряла способность видеть. Ослепла полностью. Но все тесты показали, что с точки зрения физиологии с глазами у нее все в порядке. Направили ее к психиатру; она походила месяц на психотерапию — и зрение вернулось.

Похоже, подумал Ван, я даром теряю здесь время. Он поднялся.

— Ладно, давай не будем больше о моих глазах. У меня еще один, последний вопрос: тебе неизвестен какой-нибудь физический феномен, который мог бы воздействовать на расстоянии и вызывать у людей видения?

Доктор призадумался.

— Пожалуй, известен. Некоторое время назад я входил в команду медиков, работавшую с космическим кораблем «Шэньчжоу-19». Некоторые

тайконавты[18], выходившие в открытый космос, докладывали, что видели вспышки, которых не существовало. Астронавты Международной космической станции сообщали о похожих явлениях. Выяснилось, что в периоды усиленной солнечной активности частицы высоких энергий бомбардируют сетчатку, и тогда человек видит вспышки. Но ты говоришь о цифрах, еще точнее, об отсчете. Солнечная активность такого воздействия оказать не может.

Ван вышел из больницы как в тумане. В глазах по-прежнему стояли цифры. Ему казалось, что это он сам следует за ними, идет за призраком, и нет никакой возможности разорвать эту связь. Он купил солнцезащитные очки и надел их — может, так будет не слишком заметно, что его глаза блуждают, как у лунатика.

Перед тем как войти в главную лабораторию своего института, Ван снял очки. Коллеги, заметившие, что с ним что-то не так, провожали его озабоченными взглядами.

Ван увидел, что главная реакторная камера в центре лаборатории запущена на полную мощность. Основная часть гигантского аппарата

---

[18] Примечания: 18

Так китайцы называют космонавтов. — *Прим. перев.*

представляла собой сферу со множеством подсоединенных труб.

Ван и его коллеги изготовили небольшое количество нового, сверхпрочного наноматериала, которому дали кодовое название «парящее лезвие». Однако все образцы пока что были сделаны с использованием технологии молекулярного конструирования, то есть молекулы скрупулезно составили вместе с помощью нанозонда — одну за другой, словно кирпичики. Работа требовала колоссального количества времени и ресурсов, и результат всех усилий по праву можно было бы назвать самой большой в мире драгоценностью. При таком методе о массовом производстве не могло идти и речи.

В настоящее время лаборатория разрабатывала другой метод — с помощью каталитической реакции, которая заменила бы собой молекулярное конструирование; при таком подходе большое число молекул одновременно составлялись бы вместе в нужном порядке. Главная реакторная камера позволяла проводить реакции непрерывно и быстро, задействуя различные комбинации молекул. Этих комбинаций было так много, что, если бы опыты ставились вручную, не хватило бы и ста лет. Вдобавок аппарат расширял поле

поиска, проводя математическое моделирование: когда реакция достигала определенной стадии, компьютер создавал модель, основанную на промежуточных продуктах, и просчитывал на ней оставшиеся реакции. Эксперимент шел быстрее.

Увидев вошедшего Вана, начальник лаборатории поспешил к нему и затянул свою обычную песню о неполадках в главной реакторной камере. Этот ритуал повторялся каждый раз, когда бы Ван ни приходил в лабораторию. К настоящему моменту камера работала непрерывно уже целый год, многие сенсоры износились, отчего страдала точность измерений. Давно пора было заглушить машину и приступить к ремонту, но Ван, ведущий исследователь проекта, настаивал, что сначала надо произвести третью серию молекулярных комбинаций, а ремонт — потом. Техникам ничего не оставалось, как, фигурально выражаясь, наскоро латать дыры; а теперь, когда и заплатки нуждались в собственных заплатках, персонал дошел до последней степени изнеможения.

Однако начальник лаборатории не заикался о том, чтобы выключить машину и приостановить эксперимент, зная, что такая просьба приведет шефа в ярость. Он просто перечислял Вану

неисправности, хотя невысказанное желание, стоявшее за этим сухим отчетом, было очевидно.

Инженеры суетились вокруг реакторной камеры, словно врачи вокруг умирающего, пытаясь продлить ему жизнь. И на фоне этой картины продолжался отсчет:

1174:21:11, 1174:21:10, 1174:21:09, 1174:21:08…

«Просто остановите. Попробуйте», — говорила ему Шэнь.

— Сколько времени уйдет на замену сенсоров? — спросил Ван.

— Четыре-пять дней. — Начальник лаборатории узрел лучик надежды и быстро добавил: — Если поработать как следует, то три. Гарантирую, доктор Ван!

«Это не значит, что я сдаюсь, — внушал себе Ван. — Аппаратура требует наладки, так что эксперимент на полном основании можно приостановить. И мои проблемы тут ни при чем».

Он повернулся к начальнику и сфокусировался на его лице сквозь маячившие перед глазами цифры:

— Остановите эксперимент и выполните ремонт. Уложитесь в сроки, которые вы мне пообещали.

— Безусловно, доктор Ван! Я сейчас дам вам

подробную распечатку, что и когда будет сделано. Мы сможем остановить реакцию уже сегодня вечером!

— Остановите ее прямо сейчас!

Начальник лаборатории ошеломленно уставился на него, но быстро пришел в себя и, словно боясь, что Ван передумает, схватил микрофон и дал команду остановить реакцию. Весь персонал заработал с удвоенным рвением. По очереди защелкали десятки переключателей — процедура остановки камеры началась. Многочисленные контрольные мониторы гасли один за другим, пока наконец на главном дисплее не высветился статус: камера заглушена.

И почти в тот же момент отсчет на сетчатке глаз Вана остановился. Прошла еще пара секунд, и последние числа — *1174:10:07* — мигнули и пропали.

Как только окружающий мир явился глазам Вана без жутких цифр, профессор испустил долгий выдох, как будто только что вынырнул из воды. Он сел, весь в поту, и только сейчас обнаружил, что все в лаборатории не сводят с него глаз.

— Ремонтом занимается отдел оборудования, — обратился он к начальнику лаборатории. — Почему бы всей исследовательской группе не

отдохнуть пару дней? Я ведь понимаю, что каждый работал не покладая рук.

— Доктор Ван, вы тоже устали. Главный инженер Чжан займется наладкой, а вы могли бы пойти домой. Вам ведь отдых тоже не помешает?

— Да, я очень устал, — согласился Ван.

Начальник лаборатории ушел, а Ван вынул телефон и набрал номер Шэнь Юйфэй. Та взяла трубку после первого же звонка.

— Кто или что стоит за всем этим? — обрушился на нее Ван. Он старался сохранять самообладание, но не преуспел.

Молчание.

— Что случится по окончании отсчета?

Опять молчание.

— Вы меня слушаете?!

— Да.

— Почему именно наноматериалы?! Это же не ускоритель частиц! Всего лишь прикладные исследования! Сто!ят ли они такого внимания?!

— Кто мы такие, чтобы решать, что стоит внимания, а что не стоит?

— Хватит! — рявкнул Ван. Страх и отчаяние, накопившиеся за последние несколько дней, перешли в неконтролируемую ярость. — Думаете одурачить меня вашими дешевыми трюками?!

Пытаетесь остановить технический прогресс?! Признаю, пока я не могу объяснить, как вы это проделываете, но это только потому, что у меня еще не было возможности заглянуть за спину вашему бесстыдному фокуснику!

— Вы хотели бы увидеть отсчет в большем масштабе?

Услышав вопрос Шэнь, Ван на мгновение оторопел. Он заставил себя успокоиться. Не хватало еще попасть в их проклятую ловушку!

— Прекратите эти ваши фокусы! Что с того, что вы покажете его мне в большем масштабе? Все равно это лишь иллюзия! Вы можете спроецировать голограмму в небо, как это сделало НАТО во время последней войны. Если взять лазер достаточной мощности, можно изобразить картинку на поверхности Луны! Но ведь «стрелок» и «фермер», по предположениям, должны располагать силами, неподвластными человеку. Как насчет того, чтобы нарисовать цифры на поверхности солнца?!

Ван внезапно застыл с открытым ртом, в шоке от собственных слов. Он нечаянно назвал те две гипотезы, упоминания о которых должен был избегать как огня. Он едва не угодил в ту же западню, в которую попали другие жертвы!

Стараясь овладеть инициативой, он продолжал:

— Я не могу предвидеть ваши следующие трюки, но, может, вы и с солнцем это как-нибудь провернете, ваш презренный фокусник сможет заставить иллюзию выглядеть как реальность. Чтобы придать вашей демонстрации больше убедительности, вам придется провернуть что-нибудь более впечатляющее!

— Вопрос в том, сумеете *ли вы* с этим справиться, — ответила Шэнь. — Ван, я ваш друг. Я хочу помочь вам избегнуть судьбы Ян Дун.

При упоминании этого имени Ван вздрогнул. Но тут на него накатила вторая волна ярости, отчего он потерял всякую осторожность.

— Вы принимаете мой вызов?!

— Конечно.

— И что вы предпримете?

— У вас есть компьютер с доступом к Интернету? Хорошо. Напишите адрес: http://www.qsl.net/bg3tt/zl/mesdm.htm. Открыли? Распечатайте это и держите всегда под рукой.

Открытая страница всего лишь содержала таблицу азбуки Морзе.

— Н-не понимаю… Это же…

— В течение следующих двух дней, пожалуйста,

найдите лабораторию, где вы сможете наблюдать за реликтовым космическим излучением. Я пошлю вам детали электронным письмом.

— Но что… что вы собираетесь сделать?!

— Я знаю, что ваш проект по наноматериалу остановлен. Вы планируете вернуться к нему?

— Конечно! Через три дня.

— Тогда отсчет продолжится.

— И в каком масштабе я его увижу?

Последовало долгое молчание. Эта женщина, вещающая от имени некой силы, превосходящей человеческое разумение, перекрыла Вану все пути к отступлению.

— Через три дня… значит, четырнадцатого… Четырнадцатого числа с часу ночи до пяти утра для вас будет мерцать вся Вселенная.

Глава 7
Три тела: царь Вэнь из дома Чжоу и долгая ночь

Ван набрал номер Дина. И лишь когда тот взял трубку, вспомнил, что уже час ночи.

— Это Ван Мяо. Простите, что звоню так поздно.

— Ничего. Мне все равно не спится.

— Я… видел кое-что и прошу у вас помощи. Вы не знаете, есть ли в Китае обсерватории, наблюдающие за реликтовым микроволновым излучением?

Вану не терпелось поговорить с кем-нибудь о том, что происходит, но он решил, что чем меньше людей будет знать об отсчете, который был виден только ему одному, тем лучше.

— Реликтовое излучение? Откуда у вас вдруг такой интерес к нему? Должно быть, вы и правда наткнулись на что-то необычное… Вы еще не виделись с матерью Ян Дун?

— Ох, простите. Забыл.

— Ничего страшного. В наше время многие ученые видят что-то… не совсем обычное, как и вы. Рассеянность — обычное явление в таких условиях. И все равно, думаю, хорошо бы вам навестить Е Вэньцзе. Она уже в годах, а дом-работницу нанимать не хочет. Если надо что-то сделать в доме, вы уж ей помогите, пожалуйста… Ах да, реликтовое излучение. Спросите Е. До того как уйти на пенсию, она была астрофизиком. Знает все обсерватории в Китае как свои пять пальцев.

— Отлично! Отправлюсь сразу после работы.

— Тогда заранее благодарю. Я сам не в состоянии встретиться лицом к лицу с кем-то, напоминаю-

щим мне о Ян Дун.

* * *

Положив трубку, Ван уселся за компьютер и распечатал таблицу кода Морзе. Он уже достаточно успокоился, чтобы думать не только об обратном отсчете, и стал размышлять о «Рубежах науки», о Шэнь Юйфэй и компьютерной игре, в которую она играла. Единственное он знал о Шэнь абсолютно точно: она не из тех, кто увлекается компьютерными играми. Сдержанная, с телеграфной манерой разговора, она всегда производила на Вана впечатление исключительно холодного человека. Это была не та холодность, которую многие люди надевают на себя как маску. У Юйфэй душа была как лед.

Ван невольно сравнивал Юйфэй с устаревшей операционной системой MS-DOS: пустой черный экран, лаконичное приглашение в консоли «C:\>», мигающий курсор и больше ничего. Когда что-то вводишь, компьютер отображает это на экране, не внося ничего своего, не меняя ни единой буквы. Однако теперь Ван знал, что за этим «C:\>» зияет бездонная пропасть.

«Неужели она и впрямь увлекается игрой? Да еще такой, для которой нужен V-костюм! Детей у

нее нет, значит, она купила его для себя. Ну и ну. Что бы это значило?»

Ван ввел URL в адресную строку браузера. Легко запомнить: www.3body. net. На сайте всплыло сообщение, что доступ к игре можно получить, только если воспользоваться V-костюмом. Ван вспомнил, что в комнате отдыха при Институте нанотехнологий есть такой костюм. Он вышел из опустевшей главной лаборатории и отправился в вахтерскую за ключом. В комнате отдыха, пробравшись между бильярдными столами и тренажерами, он нашел компьютер и костюм. Втиснувшись в тактильный интерактивный комбинезон и натянув шлем с панорамным экраном, Ван включил компьютер.

Он оказался посреди пустынной предрассветной равнины. Равнина была серо-коричневого цвета, какая-то размытая, без четких деталей. Вдали, на горизонте, светлела тоненькая полоска. На небе мерцали звезды.

Раздался оглушительный взрыв, и вдалеке в землю врезались две багрово пылающие горы. Равнину залило красным светом. Когда пыль осела и небо очистилось, Ван увидел, что между небом и землей воздвиглись гигантские иероглифы: ТРИ ТЕЛА.

Затем появилось окно регистрации. Ван создал ID «Хайжэнь»[19] и залогинился.

* * *

Кругом расстилалась все та же пустыня, но компрессоры в V-костюме проснулись и зажужжали. Ван почувствовал, как его прохватило холодом. Прямо перед ним возникли две идущие фигуры, чьи темные силуэты вырисовывались на фоне предрассветного неба. Ван пустился вдогонку.

Незнакомцы, двое мужчин, были одеты в длинные дырявые балахоны с накинутыми поверх грязными звериными шкурами. У каждого на боку висел короткий и широкий бронзовый меч. Один из путников нес за спиной узкий и длинный деревянный сундук. Человек оглянулся. Лицо его было таким же грязным и морщинистым, как и покрывавшая плечи шкура, но глаза, живые, острые, ярко сверкали в предутренней мгле.

— Холодно, — заметил незнакомец.

— Ужасно холодно, — ответил Ван.

— Это эпоха Сражающихся Царств, — сказал человек с ящиком на спине. — Я царь Вэнь из

---

[19] Примечания: 19

То есть «человек моря». В имени Ван Мяо игра слов, его иероглифы могут читаться как «вода». — *Прим. К. Л.*

дома Чжоу.

— Мне кажется, царь Вэнь не имеет отношения к эпохе Сражающихся Царств[20], — заметил Ван.

— Он дожил до этих дней, — сказал другой путник. — И царь Чжоу из династии Шан тоже еще жив[21]. Я — Последователь царя Вэня. Таков мой логин — «Последователь царя Вэня из дома Чжоу». Ты знаешь, что он гений?

— Мой логин «Хайжэнь». А что это у вас за сундук?

Царь Вэнь спустил упомянутый предмет с плеч и поставил его вертикально. Открыв одну из боковин, словно дверь, он показал, что внутри тот разделен на пять отсеков. В слабом свете утра Ван смог разглядеть, что каждый из них содержит некоторое количество песка. Судя по всему, песок пересыпался из верхних отсеков в нижние через маленькие отверстия в перегородках.

---

[20] Примечания: 20

Эпоха Сражающихся Царств длилась с 475 по 221 г. до н. э. Но царь Вэнь из дома Чжоу правил гораздо раньше, с 1099 года до н. э. по 1050 г. до н. э. Его считают основателем династии Чжоу, которая в результате переворота отстранила от власти тираническую династию Шан. — *Прим К. Л.* На самом деле Вэнь царем не был, но заслуги его были велики, и народ дал ему имя Вэнь-ван, то есть царь Вэнь. По соображениям благозвучия в русском переводе оставили «царь Вэнь». — *Прим. перев.*

[21] Примечания: 21

Царь Чжоу из династии Шан правил с 1075 по 1046 г. до н. э. Последний царь этой династии в китайской истории известен как жестокий тиран. — *Прим. К. Л.*

— Это песочные часы. Через каждые восемь часов весь песок оказывается в нижнем отсеке. Три переворота сундука равняются одним суткам. Но я частенько забываю переворачивать, поэтому мне нужен Последователь, который бы напоминал об этом.

— Похоже, вы идете издалека. Это так необходимо — тащить с собой такой громоздкий прибор?

— А как еще мы тогда измеряли бы время?

— Переносные солнечные часы намного сподручнее. А вообще достаточно глянуть на солнце, чтобы приблизительно определить, который час.

Царь Вэнь и Последователь переглянулись, а потом воззрились на Вана как на полного идиота.

— Солнце? Как можно определить время по солнцу?! Ведь сейчас Эра Хаоса!

Ван собрался было спросить, что означает сие странное наименование, но тут Последователь жалобно вскрикнул:

— Какой холод! Сейчас помру от переохлаждения!

Ван тоже замерз, но, как в большинстве игр, стоит снять V-костюм — и система выкинет твой ID из игры. Так что лучше потерпеть.

— Когда солнце взойдет, станет теплее, — уте-

шил он спутников.

— Тоже мне еще пророк нашелся! — сказал Последователь. — Даже царь Вэнь не умеет предсказывать будущее. — Он презрительно покачал головой.

— При чем здесь пророк? Любой неуч скажет, что солнце встанет через час или два. — Ван ткнул пальцем в сторону светлой полоски на горизонте.

— Да ведь сейчас Эра Хаоса!

— А что такое «Эра Хаоса»?

— Эра Хаоса — это все то, что не Эра Порядка, — пояснил царь Вэнь так, словно разговаривал с неразумным дитятей.

И в самом деле, свет над горизонтом стал постепенно меркнуть и вскоре совсем погас. Мир накрыла ночь. Звезды над головой вспыхнули ярче.

— Значит, это был закат, а не рассвет? — спросил Ван.

— Сейчас утро. Но солнце не всегда поднимается по утрам. Это же Эра Хаоса.

Вану стало еще холоднее. Поежившись, он указал на темный горизонт:

— Похоже, солнце взойдет еще не скоро.

— С чего ты взял? Никто не может сказать

точно. Говорю же — сейчас Эра Хаоса. — Последователь повернулся к царю. — Можно мне немного сушеной рыбы?

— Нельзя! — отрезал царь Вэнь. — Самому мало. Главное, чтобы *я* добрался до Чжао Гэ[22], не ты!

Ван заметил, что, пока они разговаривали, на горизонте снова забрезжило. Конечно, без компаса трудно разобраться, где восток, а где запад, но он был уверен, что в прошлый раз заря была в другой стороне. Небо быстро светлело, и вскоре взошло солнце этого мира — маленькое, голубоватое, словно очень яркая Луна. Все же стало чуть теплее, а местность вокруг обрела более ясные очертания. Но день длился недолго. Солнце прочертило над горизонтом пологую дугу и закатилось. Снова воцарились ночь и промозглый холод.

Трое путников остановились у мертвого дерева. Царь Вэнь и Последователь вынули свои бронзовые мечи и принялись рубить сучья для костра, а Ван собирал их в кучку. Последователь вынул кусок кремня и чиркал им по мечу до тех пор, пока сучья не занялись от искры. Вскоре костерок согрел V-костюм Вана спереди, но спина

---

[22] Примечания: 22

Чжао Гэ был столицей царства Шан, в которой находился двор царя Чжоу. — *Прим. К. Л.*

по-прежнему мерзла.

— Давай бросим в пламя кого-нибудь из обезвоженных, — сказал Последователь. — Вот тогда у нас будет костер что надо, а не этот жалкий огонек!

— И думать не смей! Только тиран вроде царя Чжоу мог бы выкинуть такое!

— Но вдоль дороги этих сухарей хоть пруд пруди! Их так изгрызли звери, что они не оживут после регидрации. Что с того, что мы сожжем парочку-другую? Можно было б даже подкрепиться ими. Ну что такое пяток чьих-то жизней по сравнению с нашими?! Ведь самое важное — изложить царю твою теорию!

— Прекрати городить чушь! Мы ученые!

Когда костер догорел, троица продолжила путь. Поскольку они почти не разговаривали, система ускорила бег игрового времени. Царь Вэнь перевернул песочные часы у себя за спиной шесть раз подряд — значит, прошло двое суток, и за все это время не только солнце ни разу не взошло, но даже намека на рассвет на горизонте не появилось.

— Похоже, солнце никогда больше не взойдет, — заметил Ван. Он вывел на экран игровое меню и взглянул на показатель своего «здоровья».

Холод стоял неимоверный, и полоска медленно, но верно сокращалась.

— Опять строишь из себя оракула? — поинтересовался Последователь. На этот раз они с Ваном закончили фразу вместе: — Это же Эра Хаоса!

Однако вскоре горизонт заалел, небо посветлело, и начался восход. На этот раз солнце было огромным. Взошедшая половина светила занимала как минимум одну пятую всего окоема. Путников окатило волной тепла, и Ван оживился. Однако взглянув на царя Вэня и Последователя, он увидел на их лицах такой ужас, будто те узрели демона.

— Живей, прячемся! — воскликнул Последователь.

Они с царем побежали, Ван устремился следом. Путники укрылись за большим камнем. Тень, в которой они прятались, становилась все короче и короче. Земля вокруг начала раскаляться, словно в топке. Вечная мерзлота под ними растаяла, и твердая, как камень, поверхность превратилась в грязевое море, от жара вздыбившееся волнами. Пот лил с Вана ручьем.

Когда солнце поднялось в зенит, все трое с головой накрылись шкурами, но яростные стрелы света проникали сквозь дыры и жгли, как

раскаленные прутья. Стараясь уберечься от них, странники ползли вокруг камня вместе с тенью, постепенно удлинявшейся на другой стороне.

Наконец, солнце село, но воздух оставался жарким и влажным. Путники, насквозь мокрые от пота, расселись на камне.

— Путешествовать в Эру Хаоса — все равно что идти сквозь ад, — угрюмо проговорил Последователь. — Не могу больше! К тому же я с голоду помираю. У тебя сухой рыбешки не допросишься, и есть дегидрированные тела ты мне тоже не разрешаешь. Что…

— Единственный выход — дегидрировать тебя, — оборвал его царь Вэнь, обмахиваясь уголком шкуры.

— А ты не бросишь меня здесь?

— Конечно, нет. Клянусь доставить тебя в Чжао Гэ.

Последователь стянул с себя мокрый от пота балахон и голым лег в грязь. В последних отблесках уже закатившегося за горизонт солнца Ван увидел, как из всех пор тела Последователя начала сочиться жидкость. Было понятно, что это не пот, а вода. Влага многочисленными мелкими ручейками сбегала в грязь. Тело Последователя размягчилось и деформировалось, словно таю-

щая свеча. Десять минут спустя вся вода ушла из него, и теперь вместо Последователя на земле лежала его пустая оболочка, формой напоминающая человека. Черты лица сгладились и стали неразличимы.

— Он умер? — спросил Ван. Он припомнил, что и раньше видел такие иссохшие фигуры, валяющиеся вдоль дороги. У одних не хватало некоторых частей тела, другие были совсем истерзаны. Наверно, это и были те самые «обезвоженные», которых Последователь хотел использовать вместо дров.

— Нет, — ответил царь Вэнь. Он подобрал Последователя, стряхнул грязь и пыль, расстелил оболочку на камне и скатал в сверток. — Стоит только погрузить его в воду, и он оживет. Это как замочить сушеные грибы.

— У него даже кости размягчились?

— Да. Скелет превратился в сухие волокна. Нести будет легко.

— В этом мире любой может дегидрировать и регидрировать?

— Конечно. Ты тоже. Иначе мы не выжили бы в Эры Хаоса. — Царь Вэнь протянул скатанного Последователя Вану. — На вот, неси. Если бросишь на дороге, его либо сожгут, либо съедят.

Оболочка была совсем легкая, и Ван сунул ее под мышку. Что интересно, ощущения странности происходящего у него не возникло.

Путники, теперь уже вдвоем, продолжили свое мучительное странствие, Ван нес дегидрированного Последователя, царь Вэнь — свои песочные часы. Как и в предыдущие дни, светило этого мира вставало и садилось без всякой системы: после долгой морозной ночи длиной в несколько суток мог промелькнуть короткий, но обжигающе знойный день, и наоборот. Чтобы выжить, путешественникам приходилось полагаться друг на друга. Если было слишком холодно, они разжигали костры; если слишком жарко — ныряли в воду.

Наконец, игровое время ускорилось. Месяц в игре занял примерно полчаса реального времени, что сделало путешествие сквозь Эру Хаоса более-менее терпимым.

Однажды после ночи, длившейся, согласно песочным часам, почти неделю, царь Вэнь неожиданно завопил от радости, указывая в темное небо:

— Летящие звезды! Две летящих звезды!

Вообще-то Ван уже видел подобные небесные тела. Их диски были больше звезд — размером с

мячик для пинг-понга, и двигались они быстро, так что их перемещение было заметно невооруженным глазом. Но сейчас две таких звезды впервые летели по небу одновременно.

Царь Вэнь объяснил:

— Когда появляются две летящих звезды, это предвещает начало Эры Порядка.

— Мы видели их и раньше!

— Да, но только по одной за раз.

— А две одновременно — это предел?

— Нет. Иногда появляются три, но больше не бывает.

— А если появляются три, означает ли это, что наступает еще лучшая эра?

Царь Вэнь посмотрел на Вана со страхом:

— Ты в своем уме?! Три летящих звезды!.. Молись, чтобы такого никогда не случилось!

Как выяснилось, царь Вэнь был прав — вскоре воцарилась желанная Эра Порядка. Восходы и закаты стали регулярными, суточный цикл стабилизировался и составил около восемнадцати часов. Климат смягчился, воздух потеплел.

— Сколько продлится Эра Порядка? — спросил Ван.

— Может, день, а может, век. Никто не в силах предсказать. — Царь Вэнь сел на свой сундучок

и, подняв голову, воззрился на полуденное солнце. — Летописи рассказывают, что при династии Западная Чжоу одна Эра Порядка длилась двести лет. Как счастлив тот, кто родился в такое благословенное время!

— А сколько длится Эра Хаоса?

— Я ведь уже говорил: все, что не Эра Порядка, то Эра Хаоса. Каждая эра забирает себе время, не занятое другой, вот и все.

— Но… получается, в этом мире нет никакого ритма, никакой системы?!

— Именно так. Цивилизация может развиваться только в мягком климате Эр Порядка. Бо!льшую часть времени человечеству приходится проводить в состоянии дегидрации. Когда настает долгая Эра Порядка, происходит регидрация, и все разом оживают, после чего продолжают строить и созидать.

— А как вы предсказываете, когда придет и сколько будет длиться Эра Порядка?

— Да никак. Никто не может этого сделать. Когда наступает Эра Порядка, царь принимает решение о массовой регидрации, основываясь на своей интуиции. Часто бывает так, что люди оживают, засевают поля, начинают строить города… Жизнь только-только наладилась, и — бум! — Эра

Порядка вдруг заканчивается. Страшный мороз и ужасающий зной уничтожают все. — Царь Вэнь наставил на Вана палец и сверкнул глазами: — Теперь тебе известна цель игры — с помощью интеллекта и интуиции проанализировать все явления природы и выявить законы, по которым движется солнце. От этого зависит выживание цивилизации.

— Судя по моим наблюдениям, здешнее солнце вообще не следует никаким законам.

— Это потому, что тебе недоступна глубинная суть этого мира.

— А тебе доступна? — скептически осведомился Ван.

— Да. Вот почему я иду в Чжао Гэ. Хочу представить царю Чжоу точный календарь.

— Но почему ты тогда не использовал этот твой календарь во время нашего странствия?

— Предсказать движение солнца можно только в Чжао Гэ, потому что это место — средоточие инь и ян. Прорицания сбываются только там!

Они продолжали путь сквозь следующую суровую Эру Хаоса, ненадолго прерванную короткой Эрой Порядка, и наконец прибыли в Чжао Гэ.

Первое, что услышал Ван, — это непрерывный гул, похожий на отдаленные раскаты грома. Звук

исходил от множества гигантских маятников высотой в несколько десятков метров, расположенных по всему Чжао Гэ. Устроены они были одинаково: две тонкие каменные башни, чьи вершины соединяются перемычкой, а к ней на толстом канате подвешен массивный камень.

Все маятники колебались, раскачиваемые группами одетых в броню солдат. Те, монотонно скандируя что-то невразумительное, ритмично дергали за веревки, присоединенные к каменным грузам. Ван обратил внимание, что все грузы раскачиваются в такт. Зрелище внушало трепет, напоминая то ли гигантские часы, выросшие из-под земли, то ли колоссальные абстрактные символы, упавшие с неба.

Огромные маятники окружали еще более грандиозную пирамиду, возвышающуюся в ночи, словно исполинская гора. Это был дворец царя Чжоу. Вслед за своим спутником Ван прошел к низкой двери у основания пирамиды. Вход охраняли стражники, безмолвные и бесшумные во мраке, словно привидения. За дверью открывался длинный узкий проход, уводящий в недра пирамиды; несколько факелов едва разгоняли тьму.

Пока странники шли по туннелю, царь Вэнь говорил:

— В течение Эры Хаоса весь мир спит в обезвоженном состоянии, и только царь Чжоу бодрствует посреди безжизненного пространства. Для выживания в таких условиях нужно либо подземелье, либо здание с массивными стенами вроде этой пирамиды. Только так можно избежать губительного воздействия экстремального холода или зноя.

Они шли долго и наконец достигли Большого зала в самом сердце пирамиды. Собственно, Большим он был чисто номинально; на самом деле помещение было невелико и напоминало пещеру. На троне сидел человек, задрапированный в пятнистую шкуру, — без сомнения, царь Чжоу. Но внимание Вана привлек к себе не монарх, а фигура в черном, стоящая около трона. Черное одеяние сливалось с тенями Большого зала, и бледное как мел лицо, казалось, реяло в воздухе само по себе.

Царь Чжоу представил черного человека гостям:

— Это Фу Си[23]. — Царь обращался к ним, словно те всегда были здесь, а Фу Си только что прибыл. — Он полагает, что Солнце — весьма неуравновешенное божество. В бодрствующем состоянии оно подвержено быстрым сменам настроения, и тогда у нас наступает Эра Хаоса. Но когда Солнце спит, оно спокойно, и тогда у нас Эра Порядка. Это Фу Си предложил построить все те маятники, что вы видели снаружи, и поддерживать их в постоянном колебании. Он утверждает, что они оказывают на бога Солнца гипнотический эффект, отчего тот погружается в глубокий сон. Но несмотря на все наши усилия, бог не желает засыпать, лишь иногда впадает в короткую дрему.

Царь Чжоу взмахнул руками. Слуги поднесли к трону глиняный горшок и поставили его на низкий каменный стол перед Фу Си. Позже Ван узнал, что в горшке был суп. Фу Си вздохнул, поднял горшок и отпил из него. Эхо его глотков отражалось от стен; казалось, будто во мраке бьется чье-то

[23] Примечания: 23

Фу Си — мифический персонаж, первый правитель Поднебесной, изобретатель восьми триграмм, музыки, церемонии бракосочетания, одежды, шелководства, рыболовства и приготовления пищи. Один из основателей китайской культуры. Согласно мифам, имел тело дракона или змеи и человеческую голову. Фу Си — лишь одно из его имен. До сих пор является спорным, реальный это персонаж — хотя бы отчасти — или полностью вымышленный. — *Прим. перев.*

огромное сердце. Выпив половину, Фу Си опрокинул остаток на себя, отбросил горшок и зашагал к громадному бронзовому котлу, подвешенному над огнем в углу зала. Фу Си взобрался на край посудины и прыгнул вниз. Из котла вырвалось облако пара.

— Присядь, Цзи Чан[24], — сказал царь Чжоу и кивнул на котел: — Скоро будем обедать.

— Глупые колдовские штучки! — презрительно проворчал царь Вэнь, глядя в указанном направлении.

— А что *ты* можешь сказать о Солнце? — спросил царь Чжоу. Отблески огня играли в его глазах.

— Солнце вовсе не божество. Солнце — это ян, а ночь — инь. Мир движется вперед, балансируя между инь и ян. Мы не можем контролировать этот процесс, но можем его предсказать. — Царь Вэнь вынул свой бронзовый меч и нарисовал символ инь-ян на полу, тускло освещенном огнем очага. Затем он начертал вокруг него шестьдесят

---

[24] Примечания: 24

Таково было имя, данное Вэнь-вану при рождении. — *Прим. К. Л.*

четыре гексаграммы из «*И Цзин*»[25] в виде колеса. — Мой царь, это символ мироздания и самый точный календарь.

— Цзи Чан, я хочу знать, когда придет следующая долгая Эра Порядка.

— Ты получишь прогноз прямо сейчас! — заверил царь Вэнь.

Он уселся в самую середину символа инь-ян, подогнув под себя ноги, и поднял голову. Взгляд его устремился к потолку, как будто хотел пронзить каменную толщу пирамиды и вырваться к звездам. Пальцы царя Вэня начали совершать быстрые сложные движения, как будто он считал на калькуляторе.

Глубокую тишину нарушало лишь бульканье супа в бронзовом котле, словно колдун, который там варился, что-то неразборчиво бормотал во сне.

Царь Вэнь встал на ноги, не сходя с символа.

---

[25] Примечания: 25

«И цзин», или «Чжоу И» — один из ранних китайских философских текстов. Наиболее ранний слой, традиционно датируемый ок. 700 г. до. н. э. и предназначавшийся для гадания, состоит из 64 гексаграмм. Во II веке до н. э. был принят конфуцианской традицией как один из канонов конфуцианского Пятикнижия. На Западе закрепилось название «Книга Перемен». Более правильный, хоть и не столь благозвучный вариант — «Канон Перемен». Система книги сложилась при династии Чжоу; известны порядки расположения гексаграмм, аранжированные Фу Си и Вэнь-ваном. — *Прим. перев.*

С лицом, по-прежнему поднятым вверх, он проговорил:

— Следующей будет Эра Хаоса длиной в сорок один день. Затем Эра Порядка — пять дней. За ней последует Эра Хаоса длиной в двадцать три дня, а потом Эра Порядка длиной в восемнадцать дней. Затем наступит восьмидневная Эра Хаоса. Но когда она кончится, мой царь, начнется долгая Эра Порядка, которой ты так жаждешь. Она продлится три года и девять месяцев. Климат станет мягок, и наступит золотой век.

— Что ж, посмотрим, верны ли твои предсказания, — произнес царь Чжоу с бесстрастным лицом.

Сверху послышался громкий скрежет. Каменная плита на потолке скользнула в сторону, открывая квадратное отверстие. Ван вытянул шею. Отверстие вело в туннель, проходящий сквозь центр пирамиды, и в конце его сияли звезды.

Время ускорилось. Через каждые несколько секунд реального времени солдаты переворачивали песочные часы, принесенные царем Вэнем, что соответствовало восьми часам игрового времени. Свет и тьма сменялись в потолочном окне без всякого порядка, изредка луч солнца освещал

внутренность Большого зала. Иногда свет, проникающий через отверстие, был слаб, словно сияние Луны, а иногда очень ярок, и тогда раскаленный квадрат на полу сиял так, что меркли факелы.

Ван продолжал считать перевороты песочных часов. К тому моменту, когда он насчитал их около ста двадцати, солнечный свет в отверстии стал появляться регулярно. Началась первая из предсказанных Эр Порядка.

Еще пятнадцать переворотов часов — и мерцание света в потолочном окне стало беспорядочным; началась очередная Эра Хаоса. За ней последовали Эра Порядка и снова Эра Хаоса. Начала и продолжительность эр не совсем совпадали с прогнозами царя Вэня, но погрешность была невелика. По окончании восьмидневной Эры Хаоса началась предсказанная долгая Эра Порядка.

Прошло двадцать дней, а солнечный свет, падавший сквозь отверстие в потолке Большого зала, продолжал появляться и исчезать в равномерном ритме. Темп игры замедлился до нормального.

Царь Чжоу признательно кивнул царю Вэню:

— Я воздвигну в твою честь памятник еще более величественный, чем этот дворец!

Царь Вэнь глубоко поклонился:

— Мой царь, пробуди свой народ, и да пребудет он в счастье и процветании!

Царь Чжоу встал с трона, широко раскрыл руки, словно хотел обнять весь мир, и тягучим, потусторонним голосом принялся заклинать:

— Регидрация… регидрация… регидрация…

Услышав это слово, все в Большом зале кинулись к дверям. Ван ни на шаг не отставал от царя Вэня. Преодолев длинный туннель, они покинули пирамиду через ту же дверь, в которую вошли. Снаружи царил полдень, земля нежилась в лучах ласкового солнышка. В легком ветерке Вану почудились ароматы весны. Они с царем Вэнем направились к ближайшему озеру, лед на котором уже растаял, и солнечные зайчики играли на легкой ряби.

Мимо пробежал отряд солдат, кричащих на ходу: «Регидрация! Регидрация!» — они направлялись к большому каменному зданию на берегу, похожему на элеватор. По дороге в Чжао Гэ путники не раз видели такие здания. Это были дегидратории — хранилища, в которых дегидрированные тела дожидались возвращения к жизни. Солдаты открыли тяжелые каменные двери и начали выносить наружу покрытые пылью кожаные свертки. Они несли их на берег

и бросали в озеро. Попадая в воду, свертки раскручивались и расправлялись. Вскоре ими была усеяна вся поверхность озера. Оболочки быстро вбирали в себя воду и разбухали, постепенно превращаясь в нормального вида человеческие тела, которые через некоторое время начинали проявлять признаки жизни. Один за другим люди вставали на ноги в мелкой, по пояс, воде и взирали на залитый солнцем мир широко раскрытыми глазами, словно пробудившись от сна.

— Регидрация! — вскрикнул один человек.

— Регидрация! Регидрация! — подхватили другие радостные голоса.

Люди выходили на берег и голыми, как были, устремлялись обратно в хранилища. Они выносили наружу еще не регидрированные оболочки, бросали их в воду, и вскоре из озера брели на берег новые ожившие. Подобные сцены повторялись у всех других водоемов. Мир возвращался к жизни.

— О небо! Мой палец!

Ван увидел человека — тот стоял на середине озера, подняв руку и плача. На руке не хватало среднего пальца, кровь стекала из раны в воду. Другие ожившие проходили мимо, не обращая на страдальца внимания.

— Считай, тебе повезло, — сказал один из них беспалому. — Некоторые целой руки или ноги недосчитываются. А у других крысы отгрызли голову. Если бы мы сейчас не регидрировали, то вообще неизвестно, сколько бы потом из нас осталось в живых.

— Как долго мы пробыли в обезвоженном состоянии? — спросил кто-то.

— Определи по слою пыли на дворце. Говорят, царь теперь не тот, что был раньше. Но неизвестно, сын он прежнего, или внук, или еще кто.

Регидрация заняла восемь суток. Сухие оболочки ожили, и мир начал новый отсчет. Все радовались регулярным восходам и закатам; каждые сутки насчитывали точно двадцать часов. Наступила весна, и люди от души славили солнце и других богов.

В конце восьмого дня, когда спустилась ночь, по всей округе запылали костры; казалось, их было больше, чем звезд на небе. Руины городов и поселков, покинутых в Эру Хаоса, вновь наполнились шумом и светом. По традиции, как и после всех предыдущих регидраций, народ собирался праздновать всю ночь до самого рассвета.

Но утром солнце не встало.

Все часы показывали, что время рассвета при-

шло и прошло, но горизонт оставался темен. Прошло еще десять часов, а солнце и не думало показываться, даже слабенькой полоски нигде не было видно. Ночь продолжалась целые сутки, а потом еще двое. Гигантская длань холода придавила землю.

А внутри пирамиды царь Вэнь стоял на коленях перед царем Чжоу и умолял:

— Мой царь, прошу, не лишай меня своего доверия! Это все временно! Я видел: вселенское ян набирается сил, и солнце вскоре встанет опять. Весна вернется, Эра Порядка продолжится!

— Разведите огонь под котлом, — вздохнув, приказал царь Чжоу.

И тут в помещение вбежал министр:

— О мой царь!.. Там… там… в небе три летящих звезды!

Все в Большом зале остолбенели. Даже воздух, казалось, застыл. Царь Чжоу был единственным, кто сохранил самообладание. Он обратился к Вану, до разговора с которым до сих пор не снисходил:

— Ты по-прежнему не знаешь, что означает появление трех летящих звезд? Цзи Чан, просвети-ка его!

Царь Вэнь понурился.

— Оно означает наступление долгого периода запредельного холода, такого чудовищного, что даже камень рассыпается в пыль.

— Дегидрация… дегидрация… дегидрация… — снова загудел царь Чжоу прежним гулким, потусторонним голосом. Снаружи люди уже начали процесс. Их тела снова избавлялись от влаги, готовясь к очередной долгой ночи. Бо!льшая их часть попала в дегидратории, но многие оболочки так и остались лежать в пустых полях под открытым небом.

Царь Вэнь медленно поднялся и побрел к котлу, булькавшему на огне в углу зала. Он взобрался на край котла, но прежде чем броситься вниз, помедлил несколько секунд. Кто знает, может, из бульона на него глянуло злорадно усмехающееся лицо Фу Си?

— Варите его на медленном огне, — приказал царь Чжоу слабым голосом. Затем, обратившись к остальным, произнес: — Вы можете выйти из игры, если хотите. При таких обстоятельствах она становится неинтересной.

Над входом в Большой зал засветилась табличка «Выход». Игроки потянулись туда, и Ван поспешил вместе с толпой. Пройдя по унылому туннелю, они вышли наружу, где их встретили

ночь и густой снег. Ван задрожал на пробирающем до костей морозе. Дисплей в уголке неба свидетельствовал, что время игры снова ускорилось.

Снегопад продолжался десять суток подряд. Под конец снежинки сделались огромными и тяжелыми, словно заледенел сам мрак. Кто-то прошептал Вану на ухо: «Они состоят из замерзшего углекислого газа. Так называемый сухой лед». Ван повернулся. Говорившим оказался Последователь.

Еще десять дней — и снежинки стали тонкими и прозрачными, как слюда. В тусклом свете немногочисленных факелов, горящих у входа в пирамиду, они отсвечивали бледно-голубым.

— А эти снежинки состоят из твердого кислорода и азота. Атмосфера исчезает, выпадая в твердый осадок, и это значит, что температура поверхности около абсолютного нуля.

Снег похоронил под собой пирамиду. Нижние слои были образованы обычным снегом, затем шел сухой лед, и, наконец, сверху лежали твердые кислород и азот. Ночное небо приобрело необыкновенную прозрачность, и звезды на нем горели, словно серебряные костры. На этом звездном фоне вспыхнула надпись:

Долгая ночь царила сорок восемь лет. Цивилизация номер 137 погибла от экстремального холода. В своем развитии она достигла эпохи Сражающихся Царств.

Но семена ее сохранились. Они пробудятся, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел». Приглашаем вас продолжить игру.

Перед тем как выйти из игры, Ван заметил в небе три летящих звезды. Медленно вращаясь друг вокруг друга, они, казалось, исполняли какой-то причудливый танец в бездонном мраке космоса.

Глава 8
Е Вэньцзе

Ван снял комбинезон и шлем. Рубашка промокла от пота, как бывает после привидевшегося кошмара. Он вышел из института, сел в машину и поехал по адресу, который дал ему Дин И — к матери Ян Дун.

«Эра Хаоса, Эра Хаоса, Эра Хаоса… — крутилось в голове Вана. — Почему солнце в мире «Трех тел» ведет себя так странно, встает и заходит как ему заблагорассудится? Ведь неважно, какая у

планеты орбита — круговая или эллиптическая; ее вращение вокруг звезды всегда периодично. А тут полная нерегулярность! Разве так бывает?..»

Ван рассердился на себя и затряс головой, чтобы вытряхнуть из нее эти мысли.

«Это же всего лишь игра!»

«Но я проиграл».

«Эра Хаоса, Эра Хаоса, Эра Хаоса…»

«А ну стоп! Какого черта я все время думаю об этом?!»

И скоро ответ нашелся. Последний раз он играл в компьютерные игры, еще будучи студентом; за это время оборудование для подобных развлечений шагнуло далеко вперед. Виртуальная реальность и мультисенсорное взаимодействие относились к тем эффектам, испытать которые у Вана-студента не было возможности. Несмотря на это, он четко уяснил себе одно: ощущение реальности происходящего в «Трех телах» достигается не за счет продвинутого интерфейса.

На третьем курсе университета Ван посещал лекции по теории информации. Однажды профессор показал им два изображения. Одно было знаменитой панорамой времен династии Сун «По реке в День поминовения усопших» — богатое, красочное полотно со множеством тщательно

выписанных деталей. Второе — фотография неба в ясный солнечный день: необозримая синяя даль с одним-единственным еле заметным облачком. Профессор спросил, какое из изображений содержит больше информации. Правильный ответ был таков: информационная насыщенность фотографии — ее энтропия — на два порядка больше, чем у картины.

Так же обстояло дело и с «Тремя телами». Игра содержала огромное количество глубоко скрытой информации. Ван интуитивно чувствовал это, хотя дать конкретного объяснения не мог. Внезапно он понял, что создатели «Трех тел» подошли к своей задаче иначе, чем дизайнеры других игр. Обычно те стараются впихнуть в картинку как можно больше подробностей, чтобы усилить чувство реальности происходящего. Создатели «Трех тел» поступили наоборот: они оставили только минимально необходимое количество информации, маскируя таким образом намного более сложную реальность — совсем как в фотографии неба, кажущейся поверхностному взгляду пустой.

Ван вновь мысленно погрузился в мир «Трех тел».

«Летящие звезды! Ключ к решению должен

быть в них. Одна летящая звезда, две летящих звезды, три летящих звезды… Что бы это могло значить?»

И тут он обнаружил, что приехал на место.

* * *

Это был высокий многоквартирный дом. Маленькая седая женщина лет шестидесяти, в очках, поднималась по ступенькам крыльца, сгибаясь под тяжестью кошелки с продуктами. Интуиция подсказала Вану, что это та самая женщина, ради которой он сюда приехал.

Так оно и оказалось — это была мать Ян Дун, Е Вэньцзе. Услышав о цели визита незнакомца, Е расчувствовалась. Вану был знаком подобный тип ученых: долгие годы испытаний сгладили жесткость и непримиримость их натуры, оставив лишь мягкость и покой, подобные водам тихого озера.

Ван отнес покупки наверх. Однако в квартире Е оказалось совсем не так тихо, как он ожидал: там резвились трое детишек, старшему из которых было около пяти, а младший едва научился ходить. Е пояснила, что это дети соседей.

— Они любят играть у меня. Сегодня воскресенье, но их родителям пришлось работать сверх-

урочно, вот меня и попросили посидеть с ними… О, Наньнань, ты уже закончила картинку! Какая красивая! Давай придумаем ей название! Как тебе «Утята на солнышке»? Правда хорошо? Сейчас бабушка надпишет, ведь ты еще не умеешь… И дату поставим: девятое июня, Наньнань. А что ты хочешь на обед? Яньянь, жареные баклажаны будешь? Ну еще бы! Наньнань, а ты горошек в стручках, как вчера? Нет проблем! Мими, ты, наверно, не откажешься от мямясца? Ой, погоди, мама говорила, что тебе нельзя есть много мясца, животик заболит. А если рыбки? Смотри, какую большую рыбину бабушка купила…

Ван следил за Е и детишками, вбирая в себя каждую деталь их разговора. «Наверно, ей очень хотелось внуков. Но даже если бы Ян Дун была жива, еще вопрос, были ли бы у нее дети».

Е отнесла продукты на кухню. Потом, выглянув в дверь, сказала:

— Сяо Ван, я отлучусь — ненадолго, только овощи замочу. (Как, однако, легко и просто она перешла на доверительный тон, обратившись к Вану «Сяо», словно старший друг к младшему!) — В наши дни в овощах столько пестицидов, что я не даю их детям, не вымочив в воде хотя бы часа два. Почему бы тебе пока не заглянуть в комнату

Дундун?

Ее предложение, сделанное словно невзначай, смутило Вана — значит, она догадалась об истинной причине его визита! Хозяйка дома не стала дожидаться его реакции, повернулась и ушла обратно в кухню. Она поступила так намеренно, чтобы не видеть, как он краснеет. Ван был признателен за тактичность.

Он прошел мимо играющих ребятишек туда, куда указала Е. Постоял перед закрытой дверью, охваченный странным чувством… Ему казалось, будто он вернулся в свою наполненную мечтами юность. Из глубины сознания поднялась щемящая грусть, хрупкая и чистая, как роса, еле заметно отливающая розовым в свете утренней зари…

Он осторожно толкнул дверь… Первая неожиданность: комнату наполнял запах леса. Такое впечатление, будто он попал в хижину егеря. На стенах вместо обоев полоски коры; табуретами служили три простых пня; письменный стол был сработан из трех пней побольше, составленных вместе… А вот и постель с тюфяком, набитым

пушицей[26], той самой, которой крестьяне в холодном Северном Китае набивают обувь, чтобы ноги меньше мерзли. Вся обстановка была простой и безыскусной, никаких украшений, никаких уютных безделушек. Ян Дун зарабатывала много, могла бы купить себе дом в каком-нибудь элитном жилом районе, но предпочла жить здесь, с матерью.

Ван подошел к столу — его убранство тоже отличалось простотой; ничто не намекало ни на пол человека, который пользовался столом, ни на его научные интересы. Если даже когда-то здесь и были такие характерные вещицы, то их убрали. Взгляд Вана упал на черно-белую фотографию в деревянной рамке — портрет матери с дочерью. На снимке Е Вэньцзе сидела на корточках рядом с совсем еще маленькой Ян Дун, так что они получились примерно одного роста. Их волосы разметало сильным порывом ветра, длинные пряди перепутались между собой.

Фон у снимка был необычный: небо, видневшееся сквозь сетку, поддерживаемую массивной стальной конструкцией. Ван решил, что это,

---

[26] Примечания: 26

Пушица — вид осоки с пушистыми, как явствует из названия, цветами, на ощупь похожими на шелковую вату. Обувь изготовлялась двухслойная, и между слоями прокладывалась пушица. — *Прим. перев.*

скорей всего, параболическая антенна, такая огромная, что ее края выходят за кадр.

Глаза у малышки Ян Дун были огромные, испуганные, и у Вана болезненно сжалось сердце. Казалось, девочка страшилась мира за пределами фотографии.

Потом его внимание привлек к себе толстый альбом, лежащий на краю стола. Ван не мог взять в толк, из какого материала он изготовлен, пока не разобрал надпись на обложке, сделанную нетвердым детским почерком: «Берестяной альбом Ян Дун». Слово «берестяной» было написано буквами пиньиня, а не иероглифами. Годы превратили бересту из серебристой в тускло-желтую. Ван потянулся за альбомом, притронулся, помедлил… и убрал руку.

— Можно-можно, — раздалось от двери. — В нем рисунки, которые Дундун рисовала в детстве.

Ван взял альбом и начал бережно перелистывать. Е проставила даты под каждым рисунком — точно так же, как сделала это для Наньнань.

Судя по надписям, Ян Дун нарисовала эти картинки, когда ей было три года. Нормальные дети в этом возрасте способны довольно четко изображать людей и предметы, но рисунки Ян Дун

оставались мешаниной случайных линий. Они показались Вану полными гнева и отчаяния, порожденных жаждой художницы выразить себя — жаждой, оставшейся неутоленной. Безусловно, это не те чувства, которых ожидаешь от такого маленького ребенка.

Е медленно, не отрывая глаз от альбома, тихо опустилась на краешек кровати. Здесь, на этой постели, уснула вечным сном ее дочь. Ван присел рядом. Еще никогда в жизни ему так не хотелось взять на себя чужую боль.

Е забрала у него берестяной альбом и прижала к груди.

— Это я виновата, — тихо сказала она. — Я была плохой матерью и плохой учительницей. Не принимала во внимание, что Дундун еще совсем малышка, и слишком рано познакомила ее с крайне сложными абстрактными материями. Когда она впервые выразила интерес к теоретической физике, я сказала ей, что это поприще не для женщин. Она возразила: «А мадам Кюри?» Я ответила, что мадам Кюри так никогда и не была признана выдающимся ученым. Считается, что она добилась успеха благодаря настойчивости и упорному труду, но что не будь ее, то же самое сделал бы кто-нибудь другой. По существу, У

Цзяньсюн достигла больше, чем мадам Кюри[27]. Но как бы там ни было, теоретическая физика не для женщин.

Дундун не спорила, но позже я обнаружила, что она действительно не такая, как все. К примеру, объясняю я ей какую-нибудь формулу. Другой ребенок сказал бы: «Какая сложная!» А она говорила: «Какая изящная, какая красивая!», и лицо у нее было такое, как будто она смотрит на редкостный полевой цветок.

После ее отца осталось довольно много пластинок. Она переслушала их все, потом выбрала одну, с музыкой Баха, и крутила ее постоянно, как зачарованная. Скажите, разве *такая* музыка должна нравиться детям?! Сначала я подумала, что это просто случайность, но когда я спросила, какие чувства вызывает в ней музыка Баха, она ответила, что ей представляется, будто некий гигант строит огромное здание, кладя кирпичик за кирпичиком, и когда пьеса заканчивается, здание стоит во всей красе…

---

[27] Примечания: 27

У Цзяньсюн, или Цзяньсюн Ву (англ. Chien-Shiung Wu) (31 мая 1912 — 16 февраля 1997) — американский радиофизик китайского происхождения. Участвовала в Манхэттенском проекте (обогащение уранового топлива), поставила (по предложению Ч. Янга и Ц. Ли) знаменитый «эксперимент Ву», доказавший несохранение пространственной четности в слабых взаимодействиях. В России известна как «Мадам Ву». — *Прим. перев.*

— Вы были прекрасной учительницей! — возразил Ван.

— Нет. Я не справилась. Мир Дундун был слишком ограничен, ее занимали лишь абстрактные теории, оторванные от жизни. Поэтому, когда они оказались несостоятельны, ей не для чего стало жить.

— Не могу с вами согласиться, профессор Е. В наши дни происходят такие события, которых мы раньше и вообразить себе не могли бы. Это вызов всем нашим представлениям о природе мира, и Ян Дун не единственная, кто споткнулся на этом пути.

— Но она была женщина. А женщина должна быть как вода, способная обойти любую преграду или пробиться сквозь нее.

* * *

Уходя, Ван вспомнил о второй цели своего визита и спросил, где он может наблюдать реликтовое излучение.

— Реликтовое излучение? В Китае есть две обсерватории, которые работают в этой области. Одна в Урумчи: по-моему, она в ведении Центра космических исследований Академии наук. Другая намного ближе, в пригороде Пекина —

радиоастрономическая обсерватория Академии наук и Астрофизического центра Пекинского университета. Та, что в Урумчи, занимается непосредственными наблюдениями, а та, которая здесь, только принимает и обрабатывает данные со спутников. Хотя вообще-то данные спутников точнее и полнее. Есть у меня один бывший студент в этой обсерватории, могу позвонить ему насчет тебя.

Е нашла номер и позвонила. Похоже, все устроилось как нельзя лучше.

— Ну вот, — сказала Е, положив трубку. — Сейчас напишу адрес. Отправляйся, когда тебе будет удобно. Бывшего студента зовут Ша Жуйшань, и завтра у него ночное дежурство. Но… м-м-м… вообще-то это не твоя область науки, я права?

— Да, моя область — нанотехнологии. А излучение… ну, это так… для другого…

Ван боялся, что Е засыплет его вопросами, но та не стала этого делать.

— Сяо Ван, ты немного бледен. Как у тебя со здоровьем? — озабоченно спросила Е.

— Все хорошо, спасибо. Волноваться не о чем.

— Погоди-ка. — Она вынула из комода маленькую деревянную шкатулку. Судя по этикетке, в ней был женьшень. — Старинный друг, солдат с

базы, приходил пару дней назад и принес вот это. Возьми, возьми! Этот женьшень выращенный, не очень ценный. Все равно мне его нельзя — повышенное давление. Нарежь мелко и заваривай, как чай. Ты такой бледный, тебе явно нужно что-то укрепляющее. Хотя ты еще молод, но здоровье запускать нельзя!

Ван принял шкатулку, и тепло наполнило ему грудь, глаза увлажнились. В нем возникло ощущение, будто его сердце, в последние дни едва не разорвавшееся, окутали мягчайшим пухом.

— Профессор Е, я теперь часто буду вас навещать.

Глава 9
Подмигивающая Вселенная

Ван Мяо ехал по шоссе, ведущему в Шэньян, до границы округа Миюнь. Здесь он повернул на Хэйлунтань. Дорога, извивающаяся по склону, привела его на вершину, к радиоастрономической обсерватории Академии наук. Здесь, словно фантастические стальные цветы, стояли в ряд двадцать восемь параболических антенн диаметром девять метров. В конце ряда возвышались два огромных радиотелескопа диаметром пятьдесят

метров каждый, построенные в 2006 году. Глядя на них, Ван все время вспоминал фотографию Е и Ян Дун, фоном для которой служила огромная параболическая антенна.

Однако работа доктора Ша Жуйшаня, бывшего студента Е, не имела отношения к радиотелескопам. Его лаборатория занималась приемом и обработкой данных с трех спутников: измерителя фонового излучения COBE, запущенного в ноябре 1989 года и уже почти выработавшего свой ресурс; микроволнового анизотропного зонда «Уилкинсон» (WMAP), запущенного в 2003 году, и космического телескопа «Планк», выведенного на орбиту Европейским космическим агентством (ESA) в 2009 году.

Космическое микроволновое фоновое излучение характеризуется тепловым спектром абсолютно черного тела при температуре около 2,7255° К и обладает изотропией высокой степени, то есть почти одинаково во всех направлениях, с незначительными температурными флуктуациями порядка миллионных долей диапазона. Работа Ша Жуйшаня состояла в том, чтобы, основываясь на наблюдениях, создать более подробную карту реликтового излучения.

Лаборатория была невелика. Оборудование для

приема спутниковых данных и три компьютерных терминала, предназначенных для обработки информации с трех спутников, теснились в одном помещении.

Ша, явственно обрадовавшийся посетителю (еще бы — скучная работа в одиночестве уморит кого угодно!), спросил, какие именно данные интересуют Вана.

— Я хочу видеть общую флуктуацию реликтового излучения.

— А нельзя ли… поконкретнее?

— Меня интересует… э… общая изотропная флуктуация реликтового излучения от одного до пяти процентов, — произнес Ван, цитируя по памяти электронную записку от Шэнь.

Ша широко улыбнулся. В первом году текущего столетия миюньская обсерватория была открыта для посетителей. Желая подзаработать, Ша частенько водил экскурсии и читал лекции интересующимся. Постепенно привыкший к поразительному научному невежеству туристов, Ша приберегал эту улыбку именно для них.

— Доктор Ван, насколько я понимаю, вы не специалист в этой области?

— Я занимаюсь нанотехнологиями.

— Тогда понятно. Но самое общее представле-

ние о реликтовом фоновом излучении у вас есть, не так ли?

— Именно что самое общее. Знаю, что микроволновое излучение — это те «угольки», которые остались после Большого взрыва. Оно наполняет весь космос, и его можно наблюдать в сантиметровом диапазоне волн. Кажется, в шестидесятых двое американцев случайно обнаружили его, тестируя сверхчувствительную спутниковую антенну…

Ша прервал его, подняв руку:

— Этого более чем достаточно! Тогда вам должно быть известно, что в отличие от местных вариаций, которые мы наблюдаем в различных частях Вселенной, общая флуктуация реликтового излучения коррелирует с расширением Вселенной. В масштабах возраста Вселенной изменения идут очень-очень медленно. Даже при той чувствительности, какой обладает космический телескоп «Планк», можно вести наблюдения миллион лет, но так ничего и не обнаружить. А вам сегодня ночью приспичило увидеть флуктуацию в целых пять процентов! Вы хотя бы представляете, что это могло бы означать? Что Вселенная замигает, как люминесцентная лампа, собирающаяся перегореть!

«И она замигает, — подумал Ван. — Ради меня».

— Наверно, профессор Е хотела пошутить, — заключил Ша.

— Поверьте, я бы очень обрадовался, если бы это и в самом деле оказалось шуткой, — ответил Ван. Он хотел было сказать, что Е понятия не имеет, зачем Вану понадобилось реликтовое излучение, но побоялся, что тогда Ша откажется ему помогать.

— Ну что ж, раз профессор просила помочь, давайте перейдем к наблюдениям. Ничего сложного. Если вам нужна точность только в один процент, то достаточно и данных старичка СОВЕ. — Не прерывая речи, Ша быстро набирал что-то на терминале. Вскоре на экране нарисовалась зеленая линия. — Это кривая величины общего реликтового излучения, измеренной в реальном времени. Как видите, было бы точнее называть ее прямой. Температура 2,725±0,002° К. Эффект Доплера, обусловленный движением Млечного Пути, дает погрешность, но поправка уже взята. Если произойдет флуктуация в один процент, которую вы ожидаете, то линия изменит цвет на красный и станет волнистой. Но спорю на что угодно: она останется прямой и зеленой

до конца времен. Если вы непременно хотите увидеть такую флуктуацию, вам, скорее всего, придется ждать еще долго после гибели Солнца.

— Простите, я не слишком вам мешаю?

— Что вы, вообще не мешаете! Итак, значит, данные СОВЕ. Ну вот, все готово. Если вдруг такая невероятная флуктуация возникнет, информация автоматически будет сохранена на диске.

— Думаю, это случится около часу ночи.

— Ого, какая точность! Нет проблем, я все равно дежурю до утра. Вы уже поужинали? Хорошо, тогда пойдемте, покажу вам обсерваторию.

Ночь стояла безлунная. Они шли вдоль ряда антенн, и Ша проговорил, указывая на них:

— Дух захватывает, правда? Жаль только, что они как уши у глухого.

— Почему?

— Помехи. С самого момента окончания строительства — непрекращающиеся помехи. Сначала все эти пейджерные станции в восьмидесятых, а теперь мобильные сети, телефонные вышки… Наши телескопы способны выполнять самые разные научные задачи: следить за небом, обнаруживать источники радиоволн, наблюдать за останками сверхновых — но мы не в состоянии проводить большинство экспериментов! Мы

много раз жаловались в Государственную комиссию по регулированию радиовещания, и все без толку. Разве нам тягаться с «Чайна Мобайл», «Чайна Юником» или «Чайна Нетком»! Тайны Вселенной не приносят денег, а значит, не стоят и кучки дерьма. Хорошо, что для моей работы нужны только спутники, а не эти «туристические аттракционы».

— Ну, вообще-то, в последнее время институты, занимающиеся фундаментальными исследованиями, стали довольно успешными в коммерческом плане — взять хотя бы физику высоких энергий… Наверно, стоило бы строить обсерватории подальше от городов?

— Вот именно что «стоило» бы. Опять все упирается в деньги. А пока единственное, что нам остается, — это придумать какие-нибудь щиты от помех. Эх, была бы здесь профессор Е! Она в этой области большой спец.

Беседа плавно перешла на Е Вэньцзе. Из уст ее бывшего студента Ван наконец узнал о жизни замечательной женщины. Ша порассказал о многом: как во время «культурной революции» на ее глазах погиб отец; как ее ложно обвинили, после чего она исчезла из Производственно-строительного корпуса и вновь объявилась только в

начале девяностых, когда, вернувшись в Пекин, стала преподавать в том же университете Цинхуа, в котором был профессором ее отец. Там она проработала до ухода на пенсию.

— Только недавно стало известно, что Е провела более двадцати лет на военной базе «Красный берег».

Ван опешил.

— Вы хотите сказать, все эти слухи…

— …по большей части правда. Один исследователь, занимавшийся разработкой шифровальной системы для «Красного берега», в прошлом году эмигрировал в Европу и написал книгу. Она и послужила источником большинства известных вам слухов. Многие из участников программы «Красный берег» живы до сих пор.

— Но это же просто… фантастика какая-то!

— Особенно если учесть, в какое время все это происходило… Невероятно!

Они поговорили еще немного. Ша спросил, что стоит за необычной просьбой Вана. Тот уклонился от прямого ответа, а Ша не стал настаивать — профессиональное достоинство не позволяло ему выказывать чересчур большой интерес к запросу, идущему вразрез с его научными познаниями.

Затем они часа два просидели в ночном баре для туристов. С каждой новой кружкой пива язык у Ша развязывался все больше. Однако Ван начал нервничать, вспоминая зеленую линию на мониторе. Когда Ша наконец уступил настояниям Вана вернуться в лабораторию, было без десяти час.

Прожекторы выключили, и теперь лишенные подсветки антенны вырисовывались на фоне ночного неба плоскими двумерными силуэтами, словно ряд абстрактных символов. Все они смотрели вверх под одним и тем же углом, словно ожидая чего-то. От этой картины Вана пробрала дрожь, несмотря на теплую весеннюю ночь. Исполинские сооружения напомнили ему маятники в «Трех телах».

К часу Ша и Ван были в лаборатории. Едва они приблизились к монитору, как началась флуктуация. Прямая линия превратилась в волнистую, с неравными расстояниями между пиками, и цвет ее изменился с зеленого на красный — словно змея, пробудившаяся от спячки, извиваясь, сбрасывала с себя кожу, наполненную кровью.

— Должно быть, СОВЕ вышел из строя! — ахнул Ша, с ужасом глядя на экран.

— Не вышел, — бесстрастно сказал Ван. Он научился владеть собой в подобных случаях.

— Скоро узнаем, — пообещал Ша. Он метнулся к двум другим терминалам и проворно забарабанил пальцами, вызывая на экраны данные с остальных спутников — WMAP и «Планка».

Теперь волнистая линия синхронно извивалась сразу на трех мониторах.

Ша поспешно включил ноутбук, вставил сетевой кабель в разъем и принялся названивать по телефону. Из его разговора с неслышимым собеседником Ван заключил, что он пытается дозвониться до радиоастрономической обсерватории в Урумчи. Ша, уставившийся в экран, по-видимому, забыл про гостя; Ван слышал, как бурно он дышит.

Спустя несколько минут волнистая линия зазмеилась и на экране ноутбука — синхронно с тремя другими.

Три спутника и одна наземная обсерватория подтвердили факт: Вселенная мерцала.

— Можно распечатать данные? — спросил Ван.

Ша смахнул со лба холодный пот и кивнул. Двинув мышкой, он щелкнул по кнопке «Принт». Как только первая страница с волнистой линией выползла из принтера, Ван немедленно схватил ее, вынул из кармана листок с таблицей кода Морзе и принялся карандашом помечать тире

и точки в соответствии с расстояниями между пиками:

.– —, — —, — — —, — —… — —…,– —, — —, — —…, … — , — …

«Это значит 1108:21:37», — подумал Ван.

.– —, — —, — — —, — —… — —…,– —, — —, — —…, … — , — ….

1108:21:36.

Обратный отсчет продолжался теперь в масштабах Вселенной. Девяносто два часа истекло, осталось всего 1108.

Ша взволнованно мерил шагами комнату, время от времени останавливаясь и бросая взгляд на последовательность чисел, которые выписывал Ван. Наконец, он не выдержал:

— Вы можете объяснить, что происходит?!

— Не могу, доктор Ша, — отрезал Ван. — Даже не спрашивайте.

Он отпихнул от себя стопку распечаток с извилистой линией и, не отрывая глаз от чисел, пробормотал:

— Может, все три спутника и обсерватория вышли из строя…

— Вы же прекрасно знаете, что это невозможно!

— А если это саботаж?

— Тоже невозможно! Синхронно сфальсифицировать данные трех спутников и наземной обсерватории?! Ну, знаете, в таком случае саботажник должен быть существом сверхъестественным!

Ван кивнул: уж лучше сверхъестественный саботажник, чем мигающая Вселенная. Но тут Ша отобрал у него и эту надежду:

— А знаете, ведь это легко проверить! Когда флуктуация реликтового излучения так велика, ее можно увидеть просто глазами.

— Как это — глазами? Вы о чем? Длина волны реликтового излучения — семь сантиметров. Это на пять порядков больше, чем длина волны видимого света. Как его можно увидеть глазами?!

— С помощью ЗК-очков.

— Каких еще ЗК-очков?!

— Это мы сделали такую игрушку для столичного Планетария. Почти полвека назад Пензиас и Уилсон обнаружили реликтовое микроволновое излучение с помощью шестиметровой рупорной антенны. Технология настолько продвинулась вперед, что теперь эту антенну можно уменьшить до размера очков. Мы так и сделали. Потом добавили в устройство конвертер, преобразующий семисантиметровые волны в видимый красный свет. Ночные посетители Планетария

могут надеть очки и наблюдать излучение собственными глазами.

— И где их взять, эти очки?

— В Планетарии. Мы сделали больше двадцати штук.

— Так давайте! Мне нужно успеть заполучить пару до пяти часов.

Ша схватил телефон. Ждать ответа пришлось довольно долго. Потом понадобилось затратить немало слов, чтобы убедить служащего, разбуженного посреди ночи, пойти в Планетарий и подождать там Вана с часок.

Провожая гостя, Ша сказал:

— Я с вами не поеду. Я увидел достаточно, мне дальнейшие подтверждения ни к чему. Надеюсь, вы все же объясните мне случившееся, когда сочтете возможным. Если обнаруженный феномен выльется во что-то более значительное, уж я вас не забуду!

Открыв дверцу машины, Ван проговорил:

— Мерцание прекратится в пять утра. Думаю, вам не стоит пытаться обнаружить его после этого часа. Поверьте, вы ничего не добьетесь.

Ша посмотрел на Вана долгим взглядом, потом кивнул.

— Понимаю. В последнее время в науке проис-

ходит много странного…

— Именно. — Ван нырнул в машину. У него не было ни малейшего желания углубляться в тему.

— Значит, пришла наша очередь?..

— Во всяком случае, моя. — И Ван завел мотор.

* * *

Часом позже он подъехал к Планетарию и вышел из машины. Яркие огни ночного города проникали сквозь прозрачные стены огромного стеклянного строения, так что можно было различить неясные очертания интерьера. Ва-ну подумалось, что если архитектор намеревался выразить свое восприятие Вселенной, то замысел удался: ведь чем прозрачнее вещь, тем более глубокую тайну она скрывает. Вселенная сама по себе прозрачна, и при наличии достаточно острого зрения можно заглянуть в самые отдаленные ее уголки. Но чем дальше ты заглядываешь, тем таинственней она становится.

В дверях Вана ожидал заспанный служащий. Протянув посетителю небольшой футляр, он сказал:

— Здесь пять пар ЗК-очков, полностью заряженных. Нажмите на левую кнопку, и очки включатся. Правая кнопка — регулятор яркости.

Наверху у меня еще десяток пар. Смотрите в свое удовольствие, а я пойду посплю. Этот ваш доктор Ша, должно быть, совсем сбрендил. — С этими словами служащий удалился в темные глубины Планетария.

Ван положил футляр на заднее сиденье, открыл и достал пару очков. Они походили на панорамный экран внутри шлема от V-костюма. Надев их, Ван осмотрелся вокруг. Город выглядел точно так же, как и раньше, только огни потускнели. Ах да, очки ведь надо включить.

Теперь город предстал в виде множества туманно светящихся гало. Большинство из них стояло на месте, другие мерцали и двигались. Ван сообразил, что это источники излучения в сантиметровом диапазоне, преобразованного в видимый свет. Длина исходной волны была слишком большой, поэтому источники представали в виде размытых световых пятен.

Ученый поднял глаза. Небо тускло светилось красным. Это и было реликтовое космическое излучение, отголоски Большого взрыва, по-прежнему горячие «угольки» Творения, зародившегося миллиарды лет назад.

Звезд Ван не различал. Поскольку видимый свет тоже подвергался преобразованию, звезды

должны были выглядеть как черные точки, но дифракция сантиметрового излучения не позволяла разглядеть мелкие детали.

Когда глаза приспособились, Ван заметил, что красноватый фон пульсирует. Весь небосвод мерцал, как если бы Вселенная была самым обыкновенным фонарем, раскачивающимся на ветру.

Стоя под мерцающим куполом ночного неба, Ван вдруг ощутил, что пространство словно стянулось до размеров тюремной клетки и он в ней узник. Вселенная — это сжавшееся в спазме сердце; пронизывающий все вокруг красный свет — это наполняющая его кровь. Омываемый приливами крови, Ван обнаружил, что эти приливы нерегулярны — небо пульсировало неравномерно. Он почувствовал незримое присутствие чего-то до крайности странного, извращенного, не подвластного человеческому разумению…

Он снял очки, в изнеможении опустился на землю и прислонился спиной к автомобильному колесу. Ночной город постепенно вернул себе реальность видимого света. Но глаза Вана блуждали в поисках чего-то иного, трудно поддающегося определению. Вон там, через дорогу, вход в зоопарк, освещенный рядом неоновых фонарей. Один из них собирался перегореть и нерегулярно

помаргивал. А вон деревца — их листья трепетали на ночном ветерке, беспорядочно мерцая в свете уличных фонарей. В отдалении возвышался выполненный в русском стиле шпиль Пекинского выставочного центра; красная звезда на его вершине посверкивала в лучах фар проезжающих внизу машин — случайно, неравномерно…

Вану чудилось, что даже складки на развевающихся у входа в Планетарий флагах и выбоинки на обочине дороги посылают ему какие-то сообщения. Он пытался расшифровать их при помощи кода Морзе, но из этого ничего не выходило. Оставалось лишь ощущение все того же обратного отсчета — тик-так, секунда за секундой…

Ван потерял представление о времени. Наконец, появился служащий Планетария с вопросом, закончил ли гость свои дела. Но когда он увидел лицо Вана, его заспанные глаза мгновенно прояснились и налились страхом. Служащий упаковал очки, еще раз взглянул на Вана и торопливо убрался, унося с собой футляр.

* * *

Ван достал телефон и набрал номер Шэнь Юйфэй. Та ответила практически мгновенно. Должно быть, страдала бессонницей.

— Что произойдет, когда отсчет завершится? — спросил Ван.

— Не знаю. — Шэнь повесила трубку.

«Что же это будет? Может, я умру? Как Ян Дун?

Или случится катастрофа наподобие той великой цунами, что прокатилась по Индийскому океану несколько лет назад? И никто не свяжет ее с моими нанотехническими исследованиями. А может ли так быть, что все предыдущие великие катастрофы, включая обе мировые войны, тоже знаменовали собой окончания каких-то неведомых обратных отсчетов? И каждый раз ответственным за них был какой-нибудь маленький человек вроде меня?

А может, наступит конец света? Наш мир так плох, так порочен, что его конец, пожалуй, был бы желанным исходом».

Одно было ясно: всю эту тысячу с чем-то часов ожидания он, Ван, будет корчиться в ужасающих муках, пока не сойдет с ума.

Он сел в машину и поехал домой. Сейчас, перед рассветом, дороги были относительно пустынны, но Ван не решался ехать слишком быстро — ему мнилось, что чем выше скорость, тем быстрее идет отсчет. Когда восток слегка заалел, он остановился, вышел и принялся бесцельно бродить

по улицам. В голове его не осталось ни одной мысли, кроме отсчета, пульсирующего на фоне тускло-красного реликтового свечения. Вану чудилось, будто он больше не человек, а просто таймер, колокол, который звонит неизвестно по ком.

Небо постепенно светлело. Ван устал и присел на лавочку. Затем поднял голову, увидел, куда привело его подсознание, и вздрогнул.

Он сидел перед собором Святого Иосифа на улице Ванфуцзин. В бледном свете утра романские башни походили на три гигантских пальца, указующих в космос.

Ван поднялся, собираясь уйти, но тут до его слуха донеслись звуки хорала. Сегодня не воскресенье, значит, скорее всего, шла репетиция хора. Звучал гимн «Приди, о дух благой». Слушая торжественную святую музыку, Ван Мяо снова ощутил, будто Вселенная сократилась до размеров пустой церкви. Своды ее тонули в мерцающем красном свете реликтового излучения, а он, Ван, был муравьем, ползающим в трещинах пола. Он снова стал беспомощным младенцем, чье трепещущее сердце сжала гигантская невидимая рука. Что-то в глубине его сознания, все это время поддерживавшее его и не позволявшее

сдаться, размягчилось и поплыло, словно воск. И тогда он закрыл лицо ладонями и заплакал.

Но тут его рыдания прервал чей-то грубый смех:

— Во, глядите, еще один собрался на тот свет!

Ван обернулся.

Позади, выпуская изо рта клубы белого дыма, стоял Ши Цян.

Глава 10
Да Ши

Капитан Ши опустился на лавку рядом с Ваном и протянул ему ключи от машины:

— Вы бросили машину прямо на перекрестке Дундань. Не подоспей я вовремя, дорожный полицейский уже отволок бы ее куда положено.

«Да Ши, если бы я знал, что ты следишь за мной, мне было бы легче!» — подумал Ван, про себя назвав капитана дружеским прозвищем, однако самолюбие не позволило произнести эти слова вслух. Он взял предложенную Да Ши сигарету, прикурил и впервые за много лет с тех пор, как бросил курить, затянулся.

— Ну что, приятель? — сказал Ши. — Тяжела ноша, да? Я же предупреждал — тебе одному не

справиться. А ты разыгрывал из себя крутого.

— Тебе не понять. — Ван сделал еще несколько глубоких затяжек.

— Твоя беда в том, что *ты* понимаешь слишком хорошо. Ладно, пошли пожрем чего-нибудь.

— Не голоден.

— Тогда пойдем выпьем. Угощаю.

Ван сел в автомобиль Да Ши, и они поехали в ресторанчик поблизости. В такой ранний час в заведении было совсем пусто.

— Две порции жареных рубцов и бутылку «Эрготоу»[28]! — выкрикнул Да Ши, даже не заглянув в меню. Похоже, он был здесь завсегдатаем.

Перед ними поставили две тарелки с чем-то, зажаренным до черноты. Пустой желудок Вана сжался, его едва не стошнило. Да Ши заказал для своего спутника теплое соевое молоко и пресный жареный хворост. Ван с трудом заставил себя есть.

Затем они выпили «Эрготоу». Голова слегка закружилась, язык отмяк. Слово за слово, Ван рассказал Да Ши обо всех событиях последних трех дней, хотя подозревал, что капитан наверняка и сам уже все знает. Возможно даже, что Да Ши

---

[28] Примечания: 28

Марка китайской водки (байцзю) различной степени крепости. Стандартная крепость «Эрготоу» — 56°. — *Прим. перев.*

было известно больше, чем Вану.

— Так ты говоришь, что Вселенная… ну вроде как подмигивала тебе? — осведомился Да Ши, с хлюпаньем втягивая в рот полоски мяса, словно лапшу.

— В точку.

— Говно собачье.

— Неуч ты безграмотный, потому и не боишься!

— Опять говно собачье. Давай пей!

Ван опрокинул еще стопку. Мир закружился в хороводе, и только жующий рубцы Ши Цян оставался на одном месте.

— Да Ши, ты когда-нибудь задумывался над великими философскими вопросами? Например, откуда пошел человек? Куда идет? Откуда пошла Вселенная? И куда идет? И так далее.

— Не-а.

— Никогда?

— Никогда.

— Но ты же смотришь на звезды! Неужели ты никогда не испытывал ни благоговения, ни любопытства?

— Не смотрю я на твои звезды.

— Но… Но как же… Я думал, ты часто работаешь в ночную смену?..

— Кореш, пока я буду таращиться в небо, подозреваемый свалит, только его и ищи.

— Да, мы действительно говорим на разных языках. Ну и черт с ним. Выпьем!

— Честно говоря, даже если бы я и глядел когда-никогда на звезды, то уж думать о твоих философских материях мне недосуг. У меня и без них хлопот полон рот. Платить ипотеку, копить деньги сыну на университет, а уж на работе — одно «дело» за другим, только успевай… Я человек прямой, без выкрутасов. Посмотри мне в горло и выглянешь из дырки в моей же заднице. Само собой, боссы меня не любят, и черта с два я знаю, как завоевать их сердце. Из армии уволился много лет назад, а карьера так и стоит по стойке «смирно». Одно выручает — я хорошо делаю свою работу, не то мне бы уже давно дали под зад. Так что, как видишь, проблем до фига! Откуда у меня время и силы любоваться звездочками?!

— Ты прав. Выпьем!

— Но, знаешь, я и в самом деле вывел одно железное правило.

— Какое?

— Когда что-то слишком странно, то дело нечисто.

— Что… что это еще за правило такое дурац-

кое?!

— Я говорю, что за вещами, которые на первый взгляд невозможно объяснить, всегда кроется чья-то грязная рука.

— Какая там рука! Если бы у тебя было хотя бы элементарное представление о науке, ты бы знал, что то, чему я стал свидетелем, не под силу никому! Особенно вот это, с излучением. Манипулировать явлениями в масштабах Вселенной… Это не только невозможно объяснить с позиций сегодняшней науки — я не могу себе представить, чтобы это можно было вообще объяснить с каких-либо позиций, даже вне науки! Это более чем сверхъестественно! Это сверх-я-просто-не-знаю-что…

— А я говорю тебе, что все это чушь собачья. Уж поверь мне. Я в своей жизни перевидал очень много странного.

— Тогда скажи, что мне делать дальше!

— Пить водку. А потом спать.

— Отлично, так и поступлю.

* * *

Ван Мяо не помнил, как добрался до своей машины. Повалившись на заднее сиденье, он уснул мертвецким сном. Проснувшись, подумал, что

спал не очень долго, но оказалось, что солнце уже висит низко над западным горизонтом.

Ван вышел из автомобиля. Хотя его еще покачивало после утренней попойки, душевно он чувствовал себя лучше. Выяснилось, что он стоит у Запретного Города. Лучи заходящего солнца озаряли старинный дворец, золотые блики играли на воде окружающего его рва. Классическая картина. Мир в глазах Вана снова обрел стабильность.

Он сидел здесь до темноты, наслаждаясь покоем, которого больше не было в его жизни. Из потока уличного движения выскользнул знакомый черный «Фольксваген Сантана» и, взвизгнув тормозами, остановился рядом. Из машины вылез Ши Цян.

— Ну как, проспался? — гаркнул он.

— Да. А дальше что?

— Дальше? Иди домой ужинать. И накати еще. Потом снова заваливайся спать.

— А потом?

— Заладил «потом, потом»… Тебе что, на работу с утра не надо?

— Но этот отсчет… теперь ведь только 1091 час остался…

— Пошли его нах…этот отсчет! У тебя сейчас

первая забота — это стоять прямо и не валиться, задрав лапки. А потом поговорим об остальном.

— Да Ши, ну скажи же мне, что происходит! Прошу как человека!

Да Ши воззрился на Вана и заржал:

— Это то, что я уже много раз спрашивал у генерала Чана! Мы с тобой, кореш, братья по несчастью. Буду честен: ни хера я не знаю! Говорят, мол, чин у меня не тот, чтобы знать. Вообще, иногда мне кажется, что все это только кошмарный сон.

— Но тебе все равно должно быть известно больше, чем мне!

— Ладно. Расскажу, что знаю, только это очень мало. Пошли.

Они уселись надо рвом, окружающим Запретный Город.

Наступил вечер. За их спинами несся бесконечный, как река, поток автомобилей; в свете их фар тени собеседников на воде то удлинялись, то укорачивались.

— Моя работа состоит в том, чтобы сопоставлять множество вещей, на первый взгляд не имеющих никакого отношения друг к другу. Стоит только установить между ними связи и…

— Вот она, правда. Но в последнее время тво-

рится столько всего странного…

Взять хотя бы волну преступлений против людей науки и научно-исследовательских учреждений. Такого раньше никогда не бывало. Ну, о взрыве на строительстве Лянсянского ускорителя ты, конечно, знаешь. А еще кокнули того нобелевского лауреата — слыхал?.. Очень странные преступления — не ради денег, не ради мести, не по политическим соображениям. Просто уничтожение ради уничтожения.

Или другие странные происшествия, без криминальной подоплеки, например, «Рубежи науки» и самоубийства ученых. Тут еще эти защитнички окружающей среды — совсем оборзели, только и знают, что пикетируют строительство новых атомных и обычных гидроэлектростанций. Коммуны «назад к природе» и все в таком духе… Кино увлекаешься?

— Вообще-то нет.

— Последние высокобюджетные фильмы все как один про деревню. Зеленые горы, чистая водичка, сильные мужчины, красивые женщины, живущие неведомо в какую эпоху в полной гармонии с природой. По словам режиссеров, они «показывают чудесную жизнь до того, как наука загубила природу». Вон хотя бы «Персиковый

источник»… Ну кто будет это смотреть?! А они тратят миллионы на производство такого дерьма. Или конкурс научной фантастики с первой премией в пять миллионов тому, кто придумает самый отвратительный вариант будущего. Потом еще потратили несколько сот миллионов на фильмы по победившим опусам. Уже не говоря про всякие дурацкие секты — растут как грибы после дождя, а у их лидеров денег куры не клюют…

— Подожди, тебя, кажется, занесло. Какая связь между всем этим и преступлениями?

— А ты соедини точки между собой. Конечно, раньше я не сушил себе башку всей этой мутотенью, но после того как меня перевели из уголовного розыска в Боевой командный центр, мутотень стала частью моей работы. Даже генерал Чан восхищается моей способностью соединять точки.

— И какие выводы?

— Все происходящее координируется кем-то из-за кулис с одной целью: застопорить научный прогресс.

— И кто, по-твоему, этим занимается?

— Хрен я знаю! Но нюхом чую — есть план, очень сложный и изощренный: разрушить на-

учные центры, поубивать ученых или довести их до сумасшествия, чтобы они сами влезали в петлю; при этом конечная цель — завести твой ум в такой тупик, что ты почувствуешь себя еще бо!льшим дураком, чем остальной неученый люд.

— В проницательности тебе не откажешь!

— И одновременно они хотят дискредитировать науку в глазах общества. Конечно, всегда были люди, выступающие против науки, но сейчас все координируется из единого центра.

— Похоже на то…

— Ага, теперь ты мне веришь! Значит, вы, высоколобые умники, не смогли сами ни до чего додуматься, а я, у которого образование ну очень среднее, все понял?! Ха! Когда я изложил свои соображения начальству, то и оно, и умники подняли меня на смех.

— Если бы ты рассказал мне о своих выводах еще пару дней назад, я бы тоже посмеялся. Но сейчас… Знаешь, кого шарлатаны, занимающиеся лженауками, боятся больше всех?

— Настоящих ученых, само собой.

— Нет. Даже настоящие ученые иногда обманываются и посвящают свою жизнь лженауке. Но есть один тип людей, которых псевдоученые

боятся как огня: цирковые иллюзионисты. По сути, именно фокусники разоблачили многие трюки лжеученых. Ничего удивительного, что не какой-то книжный червь, а ты, опытный полицейский, распознал грандиозный заговор.

— Ну-у, есть люди и посмышленее меня. Те, кто у руля, знают о заговоре. Да, они поначалу подняли меня на смех, но это потому, что я выложил свои соображения не тому, кому следует. Позднее мой бывший командир, генерал Чан, устроил мне перевод; и все равно я только мальчик на побегушках, не больше. Ну вот, теперь тебе известно столько же, сколько и мне.

— Следующий вопрос: при чем здесь армия?

— Вот и я сначала не врубался. Все спрашивал, спрашивал, а мне отвечали: мол, раз война, то, само собой, армия очень даже при чем. Я тоже думал, как ты: шутят они, что ли? Но ничего подобного, они вовсе не шутят. Армия в полной боевой готовности. Таких Боевых командных центров по миру разбросано больше двух десятков. А над ними — общая командная структура, про которую вообще никто ничего не знает.

— Но кто противник?

— А хрен его разберет! Натовцы не вылезают из нашего Генерального штаба, офицеры нашей ар-

мии работают сейчас в Пентагоне. А с кем воюем — ни хера не понятно.

— Дикость какая-то… Ты уверен, что все это так и есть?

— Куча моих бывших сослуживцев теперь стали генералами, так что кое-что мне все-таки известно…

— И СМИ еще ничего не пронюхали?

— В том-то и дело: все страны умудряются пока что держать языки за зубами. Одно ясно: враг невероятно силен. Командование в ужасе! Я хорошо знаю генерала Чана, он из тех, кто не страшится никого и ничего; пусть хоть небо на голову упадет — не дрогнет. Но я вижу — он боится, боится чего-то такого, по сравнению с чем небо, свалившееся на башку, — мелочь, о которой и говорить не стоит. Они все напуганы до усрачки, и веры в нашу победу нет ни у кого.

— Если это правда, тогда все мы тем более должны бояться!

— Собственно, так оно и есть — каждый чего-нибудь боится. Неприятель тоже боится, и чем он могущественнее, тем больше у него есть что терять и тем сильнее его страх.

— И чего, по-твоему, боится неприятель?

— Вас! Людей науки! Но что самое непонятное:

чем дальше область исследований отходит от практики — то есть всякие там заумные теории вроде тех, которыми занималась Ян Дун, — тем сильнее враг боится. Они боятся *вас* больше, чем ты своей подмигивающей Вселенной. И самое страшное для них — это ваш прогресс в теоретических науках. Вот почему враг так безжалостен. Если бы убийство ученых решило проблему, вы все сейчас уже были бы на том свете. Однако когда умирает один ученый, его место занимает другой, поэтому самый эффективный метод — запутать вам мозги. Когда ум не разберет, где правда, где ложь, науке конец.

— Ты хочешь сказать, они боятся фундаментальной науки?!

— Вот именно!

— Но ведь мои исследования — это совсем не то, чем занималась Ян Дун! Наноматериал, над которым я работаю, — не фундаментальная теория. Просто очень прочный, можно сказать, сверхпрочный материал. Какую угрозу он может представлять для врага?

— Твой случай особенный. Обычно они прикладниками не заморачиваются. Должно быть, твой наноматериал пугает их до чертиков.

— И что мне делать?

— Продолжать работать, как раньше. Это лучший способ нанести противнику урон. И не суши себе голову тем проклятым отсчетом. Захочешь расслабиться после работы — поиграй в ту игру. А вдруг, если ты победишь в ней, это как-то поспособствует делу…

— В «ту игру»? В смысле в «Три тела»? Ты думаешь, она имеет отношение к происходящему?

— Абсолютно точно имеет. Я знаю, что несколько шишек из Боевого командного центра тоже играют. Это не простая игра. Человек вроде меня, неученый и потому бесстрашный, не может в нее играть. Нужен такой, как ты — обладающий знаниями.

— Хорошо. Еще что-нибудь?

— Нет. Но если разузнаю больше, скажу. Смотри, кореш, чтобы телефон всегда был заряжен. И не теряй головы. А если опять башню сорвет, вспомни мое железное правило.

Да Ши уехал прежде, чем Ван успел поблагодарить его.

Глава 11

Три тела: Мо-цзы и море огня

Ван Мяо вернулся домой, по дороге остановившись, чтобы купить V-костюм. Жена сообщила, что ему весь день названивали с работы.

Ван включил телефон, проверил сообщения и ответил на некоторые звонки. Пообещал явиться завтра на работу. За ужином последовал совету Да Ши и «накатил» еще.

Но спать не хотелось. Жена отправилась на боковую, а Ван надел свой новый V-костюм, уселся перед компьютером и вошел в мир «Трех тел».

* * *

Пустынная равнина на рассвете.

Ван стоял перед пирамидой царя Чжоу. Снег, некогда покрывавший ее, исчез, каменные монолиты разъела эрозия. Почва под ногами была другого цвета. Вдали виднелись массивные строения — должно быть, решил Ван, дегидратории, хотя выглядели они иначе, чем те, что он видел раньше.

Все говорило о том, что с предыдущей игры прошли тысячелетия.

В предрассветных сумерках Ван принялся искать вход. Найдя, он увидел, что проем закрыт

каменным блоком, но рядом, врезанная в склон, на самый верх уходит каменная лестница. Ван проследил за ней взглядом и обнаружил, что верхушка пирамиды срезана и превратилась в платформу, так что теперь пирамида больше напоминала не египетскую, а ацтекскую.

Он взобрался по лестнице на самый верх. Платформа походила на старинную астрономическую обсерваторию: в одном углу стоял телескоп высотой в несколько метров, а рядом полдесятка других, поменьше; в другом углу громоздились какие-то странные приборы, похожие на древние китайские армиллярные сферы — небесные глобусы, состоящие из колец.

Внимание Вана привлек к себе большой, двух метров в диаметре, медный шар в центре платформы, неторопливо вращавшийся при помощи сложной системы передач. Направление вращения и скорость все время менялись. Под механизмом зияла обширная квадратная яма. В тусклом свете факелов Ван разглядел в ней несколько человеческих фигур — по-видимому, рабов, — толкавших горизонтальное колесо со спицами, которое и приводило механизм в движение.

К Вану шел какой-то человек. И как во время

первой встречи с царем Вэнем, его силуэт вырисовывался на фоне тонкой полоски света на горизонте, отчего Вану казалось, будто к нему плывут в темноте два пылающих глаза. Незнакомец, высокий и тощий, был одет в свободный черный балахон; из небрежного пучка волос на макушке выбились несколько прядей и развевались на ветру.

— Приветствую тебя, — сказал незнакомец. — Меня зовут Мо-цзы[29].

— Приветствую тебя. Меня зовут Хайжэнь.

— А, я тебя знаю! — оживился Мо-цзы. — Ты был последователем царя Вэня при цивилизации номер 137!

— Я действительно следовал за ним, но никогда не разделял его теорий.

— И правильно делал. — Мо-цзы торжественно кивнул Вану. Потом доверительно придвинулся ближе. — В течение трехсот шестидесяти двух тысяч лет, пока тебя не было, цивилизация возрождалась четыре раза. Эры Хаоса сменялись Эрами Порядка. Цивилизации боролись за выживание и развитие. Самая кратковременная из

---

[29] Примечания: 29

Мо-цзы был основателем философии моизма в эпоху Сражающихся Царств. Приверженец логики и опыта, Мо-цзы был известен как выдающийся механик и геометр. — *Прим. К. Л.*

них продвинулась только до нового каменного века, зато цивилизация номер 139 доросла до века пара.

— Ты хочешь сказать, что представители этой цивилизации выявили законы, по которым движется солнце?

Мо-цзы засмеялся и покачал головой:

— Ничего они не выявили. Им просто повезло — эпоха была благоприятной.

— Но они не оставляли попыток выяснить это?

— Не оставляли. Пойдем, посмотришь, к чему привели их усилия.

Мо-цзы проводил Вана в угол платформы. Внизу расстилалась земля, похожая на лоскут старой выдубленной кожи. Мо-цзы направил один из небольших телескопов на цель и жестом пригласил Вана взглянуть. Тот приставил глаз к окуляру и увидел нечто странное: скелет. В предрассветных сумерках отмытые добела кости сияли, как снег. Самым невероятным было то, что скелет стоял на собственных ногах. Поза его отличалась изяществом; одну руку он держал на подбородке, словно оглаживая давно исчезнувшую бороду. Голова была чуть приподнята, как будто скелет окидывал небо и землю вопрошающим взглядом.

— Это Конфуций, — пояснил Мо-цзы. — Он верил, что все сущее должно соответствовать «ли» — конфуцианской концепции приличия и порядка, и ни для чего во Вселенной нельзя делать исключение. Он создал систему ритуалов и надеялся с их помощью предсказывать движение солнца.

— Результат мне ясен.

— И вновь ты прав. Приняв за аксиому то, что солнце будет следовать его ритуалам, он сделал вычисления и предсказал пять лет Эры Порядка. И знаешь что? Эра Порядка действительно наступила, только длилась… один месяц.

— А потом пришел день, когда солнце не встало?

— Нет, встать-то оно встало. Взошло до середины небосвода и исчезло.

— Что?.. Как это — исчезло?!

— А вот так. Постепенно меркло, меркло, становилось меньше в размерах, а потом разом пропало. Наступила ночь. И страшный холод. Конфуций как стоял, так и закостенел. С тех пор торчит там как ледяной столп.

— После того как солнце исчезло, на его месте не появилось ничего необычного?

— Да, появилось — летящая звезда. Как будто

солнце умерло и оставило в небе свою душу.

— Ты уверен, что солнце и в самом деле внезапно исчезло, а на его месте так же внезапно появилась летящая звезда?

— Абсолютно уверен. Можешь проверить по летописям. Там все тщательно задокументировано.

— Хм-м… — Ван принялся напряженно думать. У него уже начало формироваться представление о том, что происходит в мире «Трех тел», однако рассказ Мо-цзы опровергал его гипотезу. — Внезапно исчезло? Как подобное может произойти внезапно?.. — с досадой бормотал он.

— Сейчас у нас династия Хань — не знаю, правда, Западная или Восточная, — сообщил Мо-цзы.

— И тебе удавалось выживать все это время?

— У меня особая миссия: вести точные наблюдения за движением солнца. Все эти колдуны, даосы и мистики — бесполезный мусор. Книжные черви, не отличающие риса от проса! Руками никогда не работали, о практике и понятия не имеют, поставить опыт не в состоянии; погружены в свой мистицизм по самую макушку. Но я не такой! Я умею сам мастерить вещи! — Мо-цзы обвел рукой многочисленные инструменты на платформе.

— Полагаешь, эта штуковина приведет тебя к

цели? — Ван кивнул на большую медную сферу.

— У меня есть гипотеза, причем не мистического толка, основанная на большом количестве наблюдений. Во-первых, ты знаешь, что такое Вселенная? Вселенная — это машина.

— Ну-у, я бы сказал, это несколько упрощенный подход…

— Объясню конкретнее: Вселенная представляет собой полую сферу, со всех сторон объятую морем огня. В ней существуют многочисленные мелкие и одно крупное отверстие. Свет из огненного моря проникает внутрь сферы сквозь отверстия. Мелкие — это звезды, большое — солнце.

— Очень интересная модель. — Ван опять взглянул на медный шар, назначение которого теперь стало ему ясно. — Но в твоей теории есть неувязка. Когда солнце встает или садится, мы можем наблюдать его перемещение на фоне неподвижных звезд, тогда как в твоей модели все отверстия не меняют своего местоположения друг относительно друга.

— Верно! Вот почему я модифицировал ее. Общая сфера состоит из двух, одна внутри другой. Поверхность внутренней сферы — это и есть наблюдаемое нами небо. Большое отверстие рас-

положено во внешней сфере, внутренняя усеяна множеством мелких. Свет, проходящий сквозь большое отверстие, отражается и рассеивается в пространстве между сферами, наполняя его сиянием. Светящиеся мелкие дырочки, которые мы видим, — это звезды.

— А солнце?

— Солнце — это проекция большого отверстия внешней сферы на внутреннюю. Она так ярка, что лучи пронизывают внутреннюю сферу насквозь, как скорлупу яйца. И так мы видим солнце. Свет, рассеянный вокруг основного пятна, тоже очень ярок и виден из внутренней сферы. Так мы днем видим небо.

— И какая же сила приводит обе сферы в движение, причем нерегулярное?

— Сила огня, объемлющего мир снаружи.

— Да, но яркость и размеры солнца все время меняются. В твоей же модели они остаются неизменными. Даже если бы интенсивность огня была непостоянна, то размер-то отверстия одинаков!

— Ты понимаешь мою модель слишком упрощенно. Следуя изменениям условий в окружающем море огня, обе сферы то расширяются, то сжимаются. Так объясняются изменения в ярко-

сти и размерах солнца.

— А что ты скажешь о летящих звездах?

— О летящих звездах? Почему они так тебя заботят? Они вообще не имеют значения. Может, это просто пыль, попавшая между мировых сфер.

— А я считаю, что летящие звезды очень важны. Без них вряд ли можно объяснить внезапное исчезновение солнца во времена Конфуция. Как его истолковывает твоя модель?

— Это очень редкий феномен. Исключение из правила. Может, в море огня образовалось темное пятно — что-то вроде облака, которое прошло над большим отверстием во внешней сфере.

Ван указал на медный шар:

— Это и есть твоя модель, правильно?

— Да. Я построил машину, воспроизводящую механику Вселенной. Сложный привод моделирует силы, царящие в море огня. Законы, управляющие движением сфер, основываются на распределении пламени и течениях в огненном море. Я вывел их опытным путем за сотни лет наблюдений.

— Твоя сфера может расширяться и сжиматься?

— Конечно. Как раз сейчас она медленно сжимается.

Ван соединил взглядом точку на перилах, ограждающих платформу, с краем медного шара, и убедился, что Мо-цзы говорит правду.

— И внутри нее есть другая?

— Само собой. Внутренняя сфера тоже движется с помощью сложного механизма.

— Это воистину замечательная машина! — искренне восхитился Ван. — Но где же большое отверстие, через которое во внутреннюю сферу проникают солнечные лучи?

— Его нет. На внутренней поверхности внешней сферы я установил фонарь, имитирующий отверстие. Источником света в нем служит люминесцентное вещество, собранное у тысяч светлячков. Требуется холодное свечение, потому что внутренняя сфера сделана из светопроницаемого гипса, который плохо проводит тепло. Если бы я поставил обычный светильник, внутри сферы становилось бы очень жарко, а так проблема решена, и наблюдатель может находиться там долгое время.

— Внутри есть человек?!

— Да. Мой помощник стоит в центре сферы на подставке, снабженной колесами. После того как мы приведем смоделированную Вселенную в соответствие с состоянием реальной, движение

модели станет отображать будущие перемещения солнца. Помощник запишет все данные, и мы получим точный календарь. Вот она — мечта сотен предыдущих цивилизаций! Похоже, ты пришел вовремя. Согласно предсказаниям моей модели, скоро начнется Эра Порядка длиной в четыре года. Император У из династии Хань только что отдал приказ о регидрации, основанный на моем предсказании. Дождемся же восхода!

Мо-цзы вызвал игровой интерфейс и слегка ускорил время. Красное солнце встало над горизонтом, и лед на бесчисленных озерах начал таять. До этого момента все было покрыто слоем бурой пыли — не понять, где лед, а где земля; но сейчас водоемы превратились в зеркала, как будто открылось множество глаз. Отсюда, с высоты, Ван не мог различить подробности регидрации, зато видел людей, собирающихся на берегах, словно муравьи, по весне вылезающие из муравейника. Мир снова оживал.

— Не хочешь присоединиться к этому торжеству жизни? — поинтересовался Мо-цзы, указывая на толпы внизу. — Вновь возродившиеся женщины жаждут любви. Зачем тебе оставаться здесь, наверху? Игра окончена. Я выиграл.

— С точки зрения практической механики

твоя модель Вселенной весьма впечатляет. Но что касается твоих предсказаний… Можно мне воспользоваться телескопом? Хочу кое-что выяснить.

— Сделай одолжение. — Мо-цзы приглашающе взмахнул рукой в сторону большого телескопа.

Ван подошел к прибору.

— Я хочу посмотреть на солнце. Это возможно?

Мо-цзы достал круглое черное стеклышко:

— Вот тебе закопченное стекло. — Он вставил фильтр в окуляр.

Ван направил объектив на солнце, которое было уже на полпути к зениту. Да, надо отдать должное воображению Мо-цзы! Солнце и впрямь выглядело как отверстие, сквозь которое в мир врывается яростное пламя. Маленькое окно в великое запределье.

Но присмотревшись к солнцу внимательнее, Ван понял, что оно отличается от того, которое он привык видеть в реальном небе. У этого было маленькое яркое ядро. Если представить себе светило в виде глаза, то ядро — это зрачок, хоть и небольшой, но испускающий мощное сияние. Ядро окутывала дымчатая оболочка, по контрасту казавшаяся почти бесплотной. Тот факт, что ядро было видно сквозь оболочку, означал, что она

либо полностью, либо частично прозрачна и светится не самостоятельно, а лишь рассеивает лучи, исходящие от ядра.

Ван ошеломленно застыл. Он еще раз убедился, что создатели игры заложили в простую на первый взгляд картинку огромное количество информации — специально затем, чтобы игроки сами ее обнаружили.

Пока Ван, приходя во все большее и большее возбуждение, размышлял над увиденным, время игры шло ускоренным темпом, и солнце заметно сместилось к западу. Ван снова направил телескоп на светило и следил за ним, пока оно не скрылось за горизонтом.

Настала ночь, по всей долине зажглись костры, словно зеркальное отражение звезд в небе. Ван снял светофильтр с окуляра и принялся изучать ночной небосвод. Больше всего его интересовали летящие звезды, и вскоре он нашел две из них. Он едва успел понаблюдать только за одной, как вновь загорелся рассвет. Ван снова установил темный фильтр и продолжил следить за солнцем…

Больше десяти дней он занимался наблюдениями, ощущая радостное предвкушение открытия. Ускорившееся игровое время помогало ему, по-

тому что движение небесных тел становилось более заметным.

Шли семнадцатые сутки Эры Порядка. Рассвет должен был наступить еще пять часов назад, а мир по-прежнему окутывала тьма. У подножия пирамиды собралась толпа; пламя факелов плясало на холодном ветру.

— По-видимому, солнце не собирается подниматься, — обратился Ван к стоящему рядом Мо-цзы. — Очень похоже на конец цивилизации номер 137.

Мо-цзы погладил бороду и уверенно улыбнулся.

— Волноваться не стоит. Скоро оно взойдет, и Эра Порядка продолжится. Я досконально изучил движение моей модели Вселенной. Мои прогнозы безошибочны!

И словно в подтверждение его слов, на горизонте появилась светлая полоса. Толпа вокруг пирамиды радостно загудела.

Серебристое сияние разгоралось быстрее обычного, как будто солнце хотело наверстать упущенное время. Вскоре стало так светло, словно наступил полдень, хотя солнце все еще таилось за горизонтом.

Ван устремил взгляд на восход, где горело осле-

пительное зарево. Вскоре горизонт выгнулся пылающей аркой, протянувшейся насколько хватал глаз. Ван сообразил, что это вовсе не горизонт, а край поднимающегося светила. Светила, размеры которого превосходили всяческое воображение.

Когда глаза приспособились, Ван различил в отдалении столбы черного дыма, особенно четко видные на фоне пылающего солнечного диска. Оттуда к пирамиде летел всадник на резвом коне; пыль от копыт полосой протянулась через равнину.

Толпа расступилась, и Ван услышал, как всадник кричит во всю мощь своих легких:

— Дегидрация! Дегидрация!

Вслед за всадником бежал скот, неслись лошади и другие животные. Они горели на бегу. Казалось, будто по равнине расстелился огненный ковер.

Над горизонтом встала половина гигантского солнечного диска, занявшего бо!льшую часть небосвода. Казалось, будто Земля медленно опускается вдоль огромной сияющей стены. Ван, пристально вглядывавшийся в светило, отчетливо различал детали его поверхностной структуры: завихрения и приливы в море пламени; блуждающие, словно призраки, пятна…

Особенно поражала корона, широко простершая свои золотые крылья.

А на земле и те, кто успел дегидрировать, и те, кто не успел, — все горели, будто поленья в топке. Пламя, пожиравшее людей, пылало даже еще жарче, чем уголья в печи, но, в отличие от них, быстро угасало.

Огромное солнце продолжало подниматься и вскоре заполнило все небо. Подняв глаза, ученый обнаружил, что перспектива изменилась: казалось, он теперь смотрел не вверх, а вниз, словно поверхность солнца стала объятой пламенем землей и Ван падал в этот сверкающий ад.

Над высыхающими озерами и прудами поднимались грибовидные облака белого пара и рассеивались над равниной, засыпанной пеплом сгоревших заживо.

— Эра Порядка продолжится… Вселенная — это механизм… Я воссоздал этот механизм. Эра Порядка… Вселенная…

Ван повернул голову. Голос принадлежал Моцзы. Его тело было заключено в столп высокого оранжевого пламени, кожа сморщилась и почернела. Но глаза все еще лучились, их сияние не мог приглушить даже пожирающий ученого огонь. Над его протянутыми ладонями, уже обуг-

лившимися, клубилось облачко пепла — все, что осталось от его календаря.

Ван тоже горел. Он поднял руки и увидел, что они превратились в факелы.

Солнце быстро двигалось к западу и вскоре стало садиться за горизонт. На этот раз казалось, будто земля поднимается вдоль сияющей стены. Ослепительный закат уступил место ночи. Словно чьи-то гигантские руки укутали испепеленный мир в черный саван.

Земля тускло отсвечивала багровым, как угли в кострище. На короткий миг Ван увидел звезды, но вскоре пар и дым обволокли землю и скрыли небо. Мир погрузился в беспросветный хаос. На этом фоне появилась алая надпись:

Цивилизация номер 141 погибла в пламени. В своем развитии она продвинулась до эпохи Восточной Хань.

Но семена ее сохранились. Они пробудятся, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел». Приглашаем вас продолжить игру.

Ван снял V-костюм. Когда ученый немного успокоился, к нему снова пришла мысль, что «Три тела» намеренно пытается создать впечатление полной иллюзии, но на самом деле игра заклю-

чает в себе намного более глубокую реальность. С другой стороны, Вану начало казаться, что реальный мир, представляющийся нам таким сложным, на поверку намного проще — как «По реке в День поминовения усопших» в сравнении с лаконичной фотографией пустого неба.

* * *

На следующий день Ван Мяо отправился на работу. В Институте нанотехнологий все было в порядке, если не считать небольшого беспокойства сотрудников по поводу его вчерашнего отсутствия. Оказалось, работа — весьма эффективный транквилизатор. Стоило Вану погрузиться в нее, и заботы отступили. Он намеренно целый день не давал себе отдыха и ушел из лаборатории только после наступления темноты.

Но не успел он покинуть здание института, как кошмар вернулся. Ему казалось, будто усыпанное звездами небо вовсе не небо, а увеличительное стекло, накрывшее целый мир, а он, Ван, — крошечная букашка и спрятаться ему негде.

Надо было срочно найти себе занятие. Он вспомнил о матери Ян Дун, Е Вэньцзе, и поехал к ней.

Она была дома одна. Ван застал ее читающей на

диване в гостиной. Он заметил, что пожилая женщина страдает одновременно и близорукостью, и дальнозоркостью, и потому, когда она переставала читать и смотрела на что-нибудь вдали, ей приходилось менять очки. Е очень обрадовалась приходу Вана и сказала, что он выглядит намного лучше, чем в свой прошлый визит.

Ван усмехнулся:

— Это все ваш женьшень!

Е помотала головой:

— Тот, что я дала тебе, не особо хороший. Там, в лесах вокруг базы, мы ухитрялись найти дикий. Однажды мне попался огромный, в-о-о-о-т такой!.. Интересно, как там сейчас? Слышала, оттуда все ушли, база стоит покинутая… Эх, старею я, старею… Все время думаю о прошлом…

— Я слышал, вы много пережили во время «культурной революции»…

— Жуйшань просветил? — Е взмахнула рукой, словно отметая паутину. — Было да быльем поросло… Он звонил вчера вечером. Так торопился, так захлебывался, что я его едва понимала. Разобрала только, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Я вот что тебе скажу, Сяо Ван: доживешь до моих лет — и все, что когда-то казалось жутко важным, покажется нестоящей мелочью.

— Спасибо вам, — произнес Ван. Он снова ощутил то тепло, которого ему так недоставало. Вот они, две опоры, поддерживающие его и не дающие сойти с ума: эта старая женщина, прошедшая сквозь множество жизненных бурь и ставшая мягкой и тихой, как вода, и Ши Цян — человек, который ничего не боится, потому что ничего не знает.

Е продолжала:

— Если говорить о «культурной революции», то мне еще повезло. В момент, когда казалось, что идти больше некуда, я вдруг нашла место, которое помогло мне выжить.

— Вы имеете в виду базу «Красный берег»?

Она кивнула.

— Какой, должно быть, неординарный научный проект! А я-то думал, что все это только слухи…

— Никакие не слухи. Если хочешь, могу рассказать о своей жизни там.

Услышав это предложение, Ван слегка забеспокоился:

— Профессор Е, я ведь просто так, из любопытства… Если вы собираетесь рассказать мне что-то, чего мне не положено знать, то…

— Пустяки, — перебила она. — Скажу откро-

венно: мне попросту хочется, чтобы кто-нибудь послушал мою болтовню.

— А почему вы не ходите в клуб ветеранов? Вам было бы не так одиноко.

— Многие из его завсегдатаев — мои коллеги по университету, но мне почему-то не хочется с ними общаться. Понимаешь, все любят рассказывать и никто не любит слушать. Когда кто-то пускается в воспоминания, это только раздражает остальных. Ты единственный, кому интересно узнать про «Красный берег».

— Но разве то, что вы собираетесь рассказать, не… не под грифом «совершенно секретно»?

— Ты прав, это по-прежнему под запретом. Но после выхода в свет той книги другие тоже начали делиться воспоминаниями. Так что эти секреты сейчас не такие уж и секреты. Автор книги, наш бывший сотрудник, человек совершенно безответственный. Даже если оставить в стороне мотивы, которыми он руководствовался, то о содержании его опуса можно сказать, что в нем полно неточностей. Я чувствую, что мой долг исправить хотя бы эти ошибки.

И Е Вэньцзе принялась рассказывать Вану о своей жизни на базе «Красный берег».

Глава 12
«Красный берег» II

Е Вэньцзе не сразу допустили к настоящей работе. Сначала ей поручали только чисто технические задания, и то лишь под неусыпным надзором охранника.

Еще на втором курсе колледжа Е уже знала, под руководством какого профессора будет готовить диплом. Это он, ее научный руководитель, сказал, что достичь успеха в изучении теории невозможно без практических навыков экспериментирования и наблюдения — во всяком случае, в Китае. Отец Е придерживался иного мнения, но сама она была согласна со своим профессором. Ей всегда казалось, что отец слишком погружен в теорию.

Ее научный руководитель был одним из пионеров радиоастрономии в Китае. Под его влиянием Вэньцзе тоже увлеклась ею и, как следствие, стала разбираться и в электротехнике, и в компьютерах — самой основе экспериментирования и наблюдений в этой отрасли. В течение двух лет магистратуры они с профессором протести-

ровали первый в Китае малый радиотелескоп и накопили довольно большой опыт в этой области.

Е Вэньцзе и в голову не могло прийти, что настанет время, и ее навыки пригодятся на военной базе «Красный берег»…

Через некоторое время ей поручили проводить наладку и ремонт оборудования в отделе передач, и вскоре Е стала там незаменимым работником.

Поначалу ситуация слегка озадачивала Е. Она была единственным человеком на базе, который не носил военную форму. Сослуживцы, помня о ее статусе, держались от нее на расстоянии. У нее не было иного способа забыть о своем одиночестве, кроме как полностью отдаться работе. И все же этих соображений было недостаточно, чтобы объяснить, почему на Е полагались так безоглядно. Ведь это все-таки был важный оборонный проект! Как получилось, что на нее, не имеющую ни формального инженерного образования, ни опыта работы, взвалили чуть ли не всю техническую часть? Неужели техперсонал базы был настолько некомпетентен?

И скоро она поняла причину. Здешние инженеры только притворялись неумехами. На самом деле «Красный берег» был укомплектован луч-

шими техническими специалистами Второго артиллерийского корпуса. Е могла бы учиться всю жизнь и все равно только мечтать об уровне знаний этих отменных компьютерщиков и электронщиков. Дело было в том, что база находилась в глухомани, условия здесь были суровые, а основная задача уже выполнена; оставались лишь наладка аппаратуры да поддержание станции в рабочем состоянии, так что на выдающиеся научные результаты рассчитывать никому уже не приходилось. Инженеры базы не желали становиться незаменимыми, потому что прекрасно понимали: стоит занять ключевую должность в секретном проекте вроде «Красного берега» — и о переводе в другое место можно забыть. Вот почему они старались не высовываться.

И все-таки выглядеть совсем уж некомпетентными тоже было нельзя. Поэтому, когда им приказывали идти на восток, они со всем возможным рвением шли на запад, прикидываясь добросовестными тупицами в расчете, что начальство подумает: «Этот человек работает в поте лица, но ему не хватает знаний и навыков. Зачем его, такого, держать здесь? Будет только мешать». И метод срабатывал! Многие действительно добивались с его помощью перевода в

другое место.

Вот так Е и стала ведущим техником «Красного берега». Но существовала еще одна причина, сделавшая возможным такой карьерный рост Вэньцзе и тоже приводившая ее в недоумение: техническое обеспечение базы (по крайней мере, того отдела, в котором она работала) было довольно отсталым.

Постепенно строгости в отношении Е ослабли, даже охранника убрали. Ей разрешили доступ почти ко всем компонентам и системам «Красного берега», а также к технической документации. Конечно, кое-что все еще было для нее под запретом, например, системы компьютерного контроля. Правда, Е обнаружила, что область применения этих систем на базе гораздо у!же, чем она ожидала. Кстати, все компьютерное оборудование трансляционного отдела заключалось в трех машинах, еще более примитивных, чем DJS130[30] — с неторопливой магнитной памятью, вводом данных с бумажной ленты и временем непрерывной работы, не превышающим пятнадцати часов. Е Вэньцзе узнала, что точность системы наведения у базы тоже была очень

[30] Примечания: 30

Китайский 16-битовый мини-компьютер, реплика американского Data General Nova. — *Прим. К. Л.*

низкой — кажется, даже хуже, чем у обычного артиллерийского орудия.

Так прошло несколько лет, и однажды комиссар Лэй обратился к Е с не совсем обычным разговором. К этому времени Ян Вэйнин и Лэй Чжичэн в глазах Е поменялись местами. Ян, главный инженер базы, высокого политического положения не занимал и вне технической сферы особым авторитетом не пользовался. Ему приходилось заискивать и перед своими подчиненными, и даже перед охранниками, не то его как «гнилого интеллигента» могли бы обвинить в неуважении к трудящимся массам. Поэтому, когда в работе возникали трудности, он срывал зло на Е. А вот комиссар Лэй, напротив, по мере роста инженерных заслуг Вэньцзе сменил грубость и холодность на дружеское расположение.

— Вэньцзе, — сказал комиссар, — ты теперь хорошо знаешь наш передатчик. Это главный компонент базы, ее сердце. Что ты можешь о нем сказать? Какое у тебя впечатление в целом?

Они сидели у обрыва, в самом уединенном месте Радарного Пика. Гора здесь отвесно уходила в пропасть, кажущуюся бездонной. В первое время это место пугало Е, но теперь она часто приходила сюда, чтобы побыть наедине с собой.

Вэньцзе растерялась. Ее делом было налаживать и ремонтировать оборудование; о «Красном береге» в целом, включая рабочие операции, задачи и прочее, она знала очень немногое. Ей не положено было это знать. Ей даже не разрешалось присутствовать во время передач. Е подумала над ответом, потом открыла рот и тут же снова закрыла его.

— Давай, говори как есть, — подбодрил Лэй. Он сорвал былинку и принялся безотчетно крутить ее в пальцах.

— Ну… это всего лишь радиопередатчик…

— Правильно, всего лишь радиопередатчик. — Комиссар удовлетворенно кивнул. — Ты знаешь что-нибудь о микроволновых печах?

Е помотала головой.

— Ненужная роскошь, игрушка капиталистического Запада. В такой печке с помощью микроволнового излучения разогревают пищу. На исследовательской станции, где я работал раньше, у нас была одна — мы изучали влияние высоких температур на старение определенных компонентов. После работы мы нагревали в ней маньтоу[31], пекли картошку и тому подобное. Это

[31] Примечания: 31

Своеобразный китайский хлеб — булочки, готовящиеся на пару. — *Прим. перев.*

очень интересно — пища сначала нагревается внутри, снаружи оставаясь холодной.

Комиссар Лэй встал и принялся расхаживать туда-сюда так близко от края пропасти, что Е занервничала.

— «Красный берег» и есть что-то вроде такой печки, задача которой нагревать неприятельские космические аппараты. Если излучать микроволны с удельной мощностью 0,1 Вт/см^2— 1 Вт/см^2, то можно выводить из строя или уничтожать электронные компоненты спутников, радаров и навигационных систем.

Вот теперь все стало на свои места. Даже если «Красный берег» и можно было считать всего лишь радиопередатчиком, то очень необычным. Самым удивительным была его мощность — целых двадцать пять мегаватт! Она превосходила мощность не только всех передатчиков связи, но даже мощность передатчиков радиолокаторов. В оборудование базы входил комплект гигантских конденсаторов для электропитания на пике потребления энергии. Передающие устройства тоже были неординарными. Теперь Е поняла, зачем нужна такая сверхмощность, однако тут же нашла, к чему прицепиться:

— Мы передаем модулированный сигнал…

— Верно. Но эта модуляция не похожа на те, что используются в обычном радиовещании. Целью служит не передача информации, а использование переменных частот и амплитуд для проникновения сквозь возможную вражескую защиту. Конечно, все это лишь на стадии эксперимента.

Е кивнула. Теперь она получила ответы на многие вопросы.

— Недавно из Цзюцюаня запустили на орбиту два спутника-мишени. «Красный берег» их успешно уничтожил. Температура внутри спутников достигла почти тысячи градусов, и все приборы пришли в негодность. Задача нашей базы в будущих войнах — поражать неприятельские космические аппараты типа КН-8 или КН-9. Ты, наверно, слышала — это спутники-шпионы американских империалистов, их вот-вот запустят. Подобные же спутники советских ревизионистов движутся по более низким орбитам и потому еще более уязвимы. Если понадобится, у нас хватит мощности разрушить и советскую станцию «Салют», и американскую «Скайлэб», которую собираются запустить в следующем году.

Но тут из-за спины Е раздался голос:

— Комиссар! Что это вы ей тут рассказываете?!

Е обернулась и увидела Яна Вэйнина, возмущенно уставившегося на Лэя.

— Рабочая необходимость, — отрезал тот, повернулся и пошел прочь. Ян скользнул по Е взглядом, ничего не сказал и последовал за комиссаром. Вэньцзе осталась одна.

«Ян привез меня сюда, но так до сих пор и не доверяет», — горько подумала она.

Е беспокоилась за Лэя. Он пользовался на базе большей властью, чем Ян, поскольку в самых важных вопросах последнее слово всегда оставалось за комиссаром; но судя по тому, как поспешно Лэй ушел, он, по-видимому, чувствовал себя пойманным на чем-то нехорошем. Из этого Е сделала вывод, что Лэй рассказал ей об истинных целях «Красного берега», ни с кем не посоветовавшись.

«Чем, интересно, это решение грозит ему?» — думала Е, глядя в спину удаляющегося комиссара и ощущая прилив благодарности. Для нее доверие было роскошью, о которой она не смела даже мечтать. По сравнению с Яном Лэй, отличавшийся откровенностью и прямолинейностью солдата, был ближе к ее представлениям о настоящем военном. Ян вел себя как типичный интеллигент той эпохи — осторожный, робкий, занятый только тем, как бы выжить. Несмотря на

то, что Е понимала его, пропасть между ними, и без того глубокая, стала еще глубже.

На следующий день Е перевели из отдела передач в отдел мониторинга. Сначала она думала, что это следствие вчерашних событий, попытка удалить ее из наиболее важной секции «Красного берега». Однако прибыв на новое место работы, она поняла, что сердце базы — здесь. Хотя кое-каким оборудованием (например, антенной) оба подразделения пользовались совместно, технический уровень отдела мониторинга был гораздо выше.

Так, например, он располагал необыкновенно сложным и чувствительным радиоприемным устройством: рубиновый мазер[32] с усилителем бегущей волны усиливал сигнал, принимаемый гигантской антенной; с целью минимизации теплового шума входные каскады приемной системы были погружены в жидкий гелий с температурой минус 269 °C (периодически на базу прилетал вертолет и пополнял запасы жидкого гелия). Приемник мог распознавать очень слабые, еле заметные сигналы. «Эх, такое бы оборудование да для радиоастрономических

[32] Примечания: 32

Мазер — то же самое, что лазер, только излучающий не световые, а радиоволны сантиметрового диапазона (микроволны). — *Прим. К. Л.*

исследований!» — помечтала Е.

Компьютерная оснащенность отдела мониторинга тоже была мощнее и сложнее, чем в трансляционном. Первый раз войдя в главный компьютерный зал, Е поразилась, увидев целый ряд дисплеев на электронно-лучевых трубках с бегущим по ним программным кодом. Операторы могли свободно редактировать код и запускать программы при помощи клавиатуры. Когда Е училась программированию в колледже, исходный код писался на специальной миллиметровке, а затем переводился на бумажную ленту с помощью телетайпа. Е слышала о компьютерах, в которые можно вводить программы, используя экран и клавиатуру, но воочию увидела их впервые.

Программное обеспечение поразило ее еще больше. Е узнала о существовании одной штуки, называемой FORTRAN, которая позволяла создавать программы, использующие язык, близкий к естественному. Можно даже было вписывать математические уравнения прямиком в код! Программирование становилось во много раз легче, чем с помощью машинного языка. А еще было кое-что, называвшееся «базой данных» и позволявшее хранить и обрабатывать большие объемы информации.

Через два дня комиссар Лэй снова завел беседу с Е, на этот раз в главном компьютерном зале перед рядом светящихся зеленых экранов. Ян Вэйнин сидел тут же; участия в разговоре он не принимал, но и уходить не собирался, отчего Е чувствовала себя очень стесненно.

— Вэньцзе, — начал комиссар, — позволь мне рассказать тебе о целях и задачах отдела мониторинга. Коротко говоря, это наблюдение за вражеской активностью в космосе, перехват сообщений между их космическими кораблями и землей, координация работы телеметрии, следящих устройств и центров управления с целью определения орбит вражеских аппаратов и передача этих сведений боевым системам «Красного берега». Иными словами, здесь глаза и уши нашей базы…

Но тут его перебил Ян:

— Комиссар Лэй, по-моему, вы поступаете неправильно. Ни к чему ей об этом знать!

Е скользнула по нему глазами и робко проговорила:

— Комиссар, если мне не положено…

Лэй поднял ладонь:

— Все в порядке, Вэньцзе, — и повернулся к Яну: — Инженер Ян, я вам уже говорил и повторю

сейчас: это производственная необходимость. Чтобы Вэньцзе могла лучше исполнять свою работу, надо, чтобы ей была известна цель этой самой работы!

Ян поднялся с места:

— Я доложу об этом руководству.

— Ваше право. Но не волнуйтесь, инженер Ян. За все последствия буду отвечать только я.

Ян удалился с кислой миной.

— Не обращай внимания, Вэньцзе. Уж такой он человек, наш главный инженер — очень осторожный. — Комиссар усмехнулся и покачал головой, затем пристально посмотрел на Е, и лицо его приняло торжественное выражение. — Вэньцзе, когда мы привезли тебя сюда, наша цель была проста. Работе мониторинговых систем базы часто мешают радиопомехи, источником которых служит электромагнитное излучение солнечных вспышек и пятен. По счастливой случайности мы заглянули в твое досье и узнали, что ты занималась вопросами солнечной активности. Твоя модель ее прогнозирования самая точная из всех, выдвинутых китайскими учеными; вот почему за решением этой проблемы мы обратились к тебе.

Но ты проявила себя так хорошо, что мы решили дать тебе более ответственную работу. План

предусматривал, чтобы ты сначала поработала в отделе передач, потом в отделе мониторинга. Таким образом, ты составила бы себе представление о «Красном береге» в целом, а мы бы понаблюдали и решили, куда перевести тебя после этого. Как видишь, план встретил некоторое сопротивление. Но я верю в тебя, Вэньцзе. Скажу прямо: пока что лишь я один из всего персонала доверяю тебе, больше никто. И я надеюсь, что ты будешь трудиться в поте лица, чтобы заслужить доверие всего коллектива.

Комиссар положил руку на плечо Е. Она почувствовала исходящие от его ладони тепло и силу.

— Вэньцзе, позволь мне поделиться своей заветной мечтой: настанет день, и я назову тебя «товарищ Е»!

Лэй встал и вышел из зала, по-строевому чеканя шаг. Глаза Вэньцзе наполнились слезами; текст на экране замерцал и расплылся. После смерти отца она заплакала впервые.

Приступив к работе, Е вскоре обнаружила, что здесь ей придется труднее, чем в отделе передач. Ее компьютерные знания устарели; пришлось учиться пользоваться новыми программами с нуля. Даже при том, что комиссар доверял ей, в отношении Вэньцзе все еще действовали стро-

жайшие ограничения. Например, ей разрешалось заглядывать в исходный код, но запрещалось трогать базу данных.

Ежедневный надзор за ее деятельностью в основном осуществлял инженер Ян. Он стал вести себя с ней еще грубее, давая волю гневу при самом пустячном поводе. Комиссар Лэй провел с ним несколько бесед, но все безрезультатно. Казалось, стоило главному инженеру только увидеть Е, как он начинал нервничать.

По мере того как у Вэньцзе накапливалось все больше вопросов без ответов, она стала понимать, что проект «Красный берег» намного сложнее, чем ей казалось раньше.

Однажды система наблюдения перехватила закодированное сообщение. После расшифровки выяснилось, что это фотографии со спутников-шпионов. Их переслали в Бюро наблюдений и картографии при Генеральном штабе, где определили, что на этих немного смазанных снимках изображены важные китайские военные объекты, в том числе военно-морская база в Циндао и несколько ключевых оборонных заводов. Анализ подтвердил, что фотографии сделаны американским спутником КН-9 — его тогда только что запустили.

Фотографии со спутников КН по большей части передавались на Землю в отделяемых капсулах[33], однако на этом спутнике были проведены испытания новой технологии — передачи цифровых снимков по радио. Процедуру еще не отработали, поэтому спутник транслировал на низких частотах, что существенно расширяло район уверенного приема и позволяло «Красному берегу» перехватывать передачи. А поскольку это был только тест, то шифр не отличался сложностью и раскусить его не представляло труда.

КН-9 был, несомненно, важным объектом мониторинга, поскольку предоставлял редкую возможность собирать данные об американских разведывательных системах. И все же на третий день Ян Вэйнин скомандовал изменить частоту и направление мониторинга. Что за бессмысленное решение?! Е терялась в догадках.

---

[33] Примечания: 33

Интересный факт: капсулы с пленками выбрасывались со спутника и падали на Землю. Их должны были подхватывать прямо в воздухе самолеты, снабженные специальной «клешней»; либо капсулы приводнялись в океан, где их подбирали американские военные корабли. Устройство капсулы было таково, что в случае, если ее не подбирали, она через два дня тонула. Однажды (а скорее всего, не однажды — это тайна, покрытая мраком) капсула приземлилась в Венесуэле, где ее обнаружили местные крестьяне. После этого с капсул удалили надпись «секретно!», а вместо нее писали на восьми языках обещания о вознаграждении тем, кто отправит ее в Соединенные Штаты. — *Прим. перев.*

Вскоре случилось еще одно событие, ввергшее Вэньцзе в недоумение. Хотя она и принадлежала теперь к команде мониторинга, иногда ее вызывали в отдел передач. Однажды она случайно увидела список частот для предстоящей передачи и обнаружила, что частоты, которые собирались использовать в трансляциях под номерами 304, 318 и 325, были ниже, чем диапазон микроволновых частот, а следовательно, ни о каком эффекте нагрева и речи не могло идти.

* * *

Однажды за Вэньцзе пришел дежурный офицер и отвел ее в главный административный корпус. Судя по выражению лица дежурного, Е грозили неприятности.

Картина, которую она увидела в офисе, была до боли знакома: здесь присутствовали все старшие офицеры базы, а также двое других, которых Е не знала, но сразу догадалась, что они из высшего командного звена.

Все посмотрели на нее ледяными взглядами, но развитая за время невзгод интуиция подсказала Вэньцзе, что сегодня начальственный гнев обращен не на нее. В углу с понурым видом сидел комиссар Лэй.

«Кажется, для него настало время поплатиться за проявленное ко мне доверие», — подумала Е и сразу же решила во что бы то ни стало выгородить Лэя. Надо будет взять на себя любую ответственность — она возьмет, надо будет солгать — солжет!

Но, к ее удивлению, первым заговорил именно комиссар, и сказал он то, чего Е совсем не ожидала.

— Е Вэньцзе, должен сразу признаться: я противник того, что сейчас произойдет. Это решение было принято главным инженером Яном после того, как он послал запрос высшему командованию. Он и будет отвечать за возможные последствия.

Лэй повернулся и посмотрел на Яна — тот торжественно кивнул. Комиссар продолжил:

— Главный инженер Ян уже не раз запрашивал у командования разрешения на то, чтобы прекратить использовать в отношении тебя нашу легенду — это нужно, чтобы полнее применять твои навыки и знания. Товарищи из Главного политотдела армии, — Лэй кивнул на незнакомцев, — прибыли, чтобы обсудить этот вопрос. И, наконец, с одобрения командования мы решили открыть тебе истину о программе «Красный

берег».

До Е не сразу дошла суть слов комиссара, а именно: все это время он ее обманывал.

— Надеюсь, ты высоко оценишь предоставленную возможность и честным трудом заслужишь прощение за свои проступки. После того что мы тебе откроем, твое поведение должно быть безупречным. Любое проявление контрреволюционности будет наказываться по всей строгости! — Комиссар буравил Е взглядом. Это был совсем другой человек, не тот, каким она привыкла его видеть. — Тебе все ясно? Хорошо. А теперь главный инженер Ян все тебе объяснит.

Присутствующие, кроме Яна и Е, покинули офис.

— Если ты не согласна, скажи об этом сейчас.

Слова Яна прозвучали очень внушительно. Теперь Е стала понятна та тревога, которую он проявлял при встречах с ней все последние недели. Чтобы работать с полной отдачей, ей необходимо узнать правду о «Красном береге». И в то же время, сделав этот выбор, Е лишалась последней надежды когда-либо покинуть Радарный Пик. Как только она скажет «да», все будет кончено: ей придется провести здесь остаток жизни.

— Я согласна, — произнесла Е тихо, но реши-

тельно.

Так в тот ранний летний вечер, под завывание ветра в огромной параболической антенне и неспокойный шелест леса, покрывавшего склоны Большого Хингана, Ян Вэйнин рассказал Е Вэньцзе об истинных целях и задачах «Красного берега».

Вот это была настоящая легенда, еще более невероятная, чем все выдумки комиссара Лэя!

Глава 13
«Красный берег» III

«ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРОЕКТА «КРАСНЫЙ БЕРЕГ»

С этих документов сняли гриф секретности через три года после того, как Е Вэньцзе рассказала Вану о «Красном береге». Они доказывают, что Е говорила правду.

I.

О проблеме, которая в значительной степени игнорируется мировой фундаментальной наукой

(Изначально опубликовано для внутреннего пользования XX/XX/196X)

[Краткое изложение]

История человечества знает два подхода для претворения результатов фундаментальных теоретических исследований в практику: постепенный и скачкообразный.

Постепенный: результаты теоретических исследований внедряются в технологию медленно, небольшими порциями; улучшения накапливаются постепенно, пока не происходит переход на новый уровень. Среди недавних примеров — развитие космических технологий.

Скачкообразный: результаты теоретических исследований внедряются в практику быстро, что приводит к технологическому прорыву. Среди недавних примеров — появление атомного оружия. Вплоть до сороковых годов XX века некоторые из наиболее выдающихся физиков считали, что человечество никогда не сможет овладеть энергией атома. Но прошло совсем немного времени — и появилось атомное оружие. Технологический прорыв происходит тогда, когда очень значительные порции теоретических достижений вводятся в практику в кратчайший срок.

В настоящее время и НАТО, и Варшавский Договор ведут интенсивные теоретические ис-

следования и не жалеют на них средств. В любой момент может случиться один или несколько технологических прорывов, что может создать значительную угрозу нашим стратегическим планам.

Данная статья утверждает, что наше общество сфокусировано на постепенном подходе, тогда как скачкообразному особого внимания не уделяется. Прицел на более далекую перспективу требует развить полномасштабную стратегию и набор принципов, которые позволили бы адекватно реагировать на прорыв в области технологии.

Отрасли, в которых наиболее вероятен технологический прорыв:

Физика [*опущено*]

Биология [*опущено*]

Компьютеры [*опущено*]

Поиски внеземного разума (The Search for Extraterrestrial Intelligence — SETI): это одна из тех отраслей, в которых ожидается наибольший технологический прорыв. Если он случится, его значение превзойдет сумму подобных прорывов в остальных трех отраслях.

[Полный текст][опущено]

[Инструкция центрального руководства]

Принять данную статью к обсуждению в соответствующих профессиональных кругах и организовать дискуссионные группы. Мнения, выраженные в статье, возможно, не всем придутся по вкусу, но не стоит навешивать ярлыки раньше времени. Следует отдать должное масштабному мышлению автора статьи. Некоторые товарищи видят не дальше своего носа, в чем виноваты либо их политическое окружение, либо самоуверенность. Это нехорошо. «Слепые пятна» в области стратегии крайне опасны.

Что касается четырех отраслей, в которых может произойти технологический прорыв, о последней мы задумывались меньше всего. Однако она достойна внимания, и нам следует подвергнуть эту тему систематическому и глубокому анализу.

Подпись: XXX.

Дата: XX/XX/196X

II.

Доклад о вероятном технологическом прорыве в области поиска внеземных цивилизаций

1. Тенденции в современных мировых исследованиях [*Основные итоги*]

(1) Соединенные Штаты Америки и другие страны НАТО: необходимость в исследованиях

признается повсеместно; осуществляется сильная поддержка отрасли со стороны научных кадров.

Программа «Озма»[34]: В 1960 году Национальная радиоастрономическая обсерватория в Грин-Банке, штат Западная Вирджиния, предприняла поиски внеземного разума с помощью 26-метрового радиотелескопа. Были исследованы звезды Тау Кита и Эпсилон Эридана. Наблюдения проводились в течение 200 часов на частоте 1,42 ГГц. Программа «Озма II», которая собирается расширить поле поисков и задействовать более широкий диапазон частот, запланирована на 1972 год.

Зонды: Запуск космических зондов «Пионер-10» и «Пионер-11», каждый из которых будет нести металлический диск с данными о земной цивилизации, запланирован на 1972 год. Запуск космических зондов «Вояджер» и «Вояджер-2», каждый из которых будет нести аудиозапись на металлическом диске, запланирован на 1977 год.

Обсерватория Аресибо в Пуэрто-Рико: построена в 1963 году. Важный инструмент SETI. Собирающая площадь примерно 73 000 мет-

---

[34] Примечания: 34

«Ozma» — названа так в честь принцессы волшебной страны Оз. — *Прим. перев.*

ров, что превосходит суммарную собирающую площадь всех других радиотелескопов мира. Компьютерная система в состоянии обрабатывать информацию с 65 000 каналов одновременно. Обсерватория может работать как передатчик сигнала очень высокой мощности.

(2) Советский Союз: разведывательные данные ограниченны, но есть сведения, что в обсуждаемую область сделаны значительные инвестиции. По сравнению со странами НАТО исследования ведутся более систематически и им отводятся более длительные сроки. Основываясь на немногочисленных источниках информации, можно прийти к выводу, что осуществляется строительство глобальной системы радиотелескопов со сверхдлинной базой и синтезированной апертурой. Как только строительство окончится, у Советского Союза появится мощнейший инструмент для исследований глубокого космоса.

2. Предварительный анализ социального устройства внеземных цивилизаций, основанный на материалистическом подходе к истории [*опущено*]

3. Предварительный анализ влияния, которое может оказать контакт с инопланетным разумом на человеческое общество и политические тен-

денции [*опущено*]

4. Предварительный анализ влияния, которое может оказать контакт с внеземным разумом на текущую международную обстановку:

(1) Односторонний контакт (подразумевается только получение сообщений от внеземной цивилизации) [*опущено*]

(2) Двусторонний контакт (обмен сообщениями с внеземной цивилизацией и прямой контакт) [*опущено*]

5. Опасность и последствия установления и монополизации сверхдержавами контакта с внеземным разумом:

(1) Анализ последствий в случае установления и монополизации такого контакта американскими империалистами и другими странами НАТО [*по-прежнему секретно*]

(2) Анализ последствий в случае установления и монополизации такого контакта советскими ревизионистами и странами Варшавского Договора [*по-прежнему секретно*]

[*Инструкция центрального руководства***]**

Другие страны уже послали сообщения в космос. Опасно, если внеземные цивилизации услышат только их голоса. Нам тоже следует сказать свое слово! Только в этом случае у инопланетян

создастся верное представление о человеческом обществе, ибо докопаться до правды, слушая лишь одну сторону, невозможно. Мы должны заняться этим как можно скорее.

Подпись: XXX

Число: XX/XX/196X

III.

Исследовательский отчет о начальной фазе проекта «Красный берег» (XX/XX/196X)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Количество экземпляров: 2

Итоговый документ: Документ за номером XXXXXX направлен в Комиссию по науке, технике и оборонной промышленности, в Китайскую академию наук и Центральный комитет планирования Министерства обороны; распространен на XXXXXXX партийной конференции и XXXXXXX партийной конференции; частично распространен на XXXXXXX партийной конференции.

Серийный номер проекта 3760

Кодовое название: «Красный берег»

1. Направление исследований: [*Сжатое изложение*]

Поиск внеземного разума, попытка установления контакта и обмена информацией.

2. Теоретические аспекты исследований:

(1) Поиск и мониторинг

Диапазон мониторинга: от 1000 МГц до 40 000 МГц

Количество каналов: 15 000

Ключевые частоты наблюдений:

Частота излучения атома водорода — 1420 МГц

Частота излучения гидроксильной группы — 1667 МГц

Частота излучения молекулы воды — 22 000 МГц

Наблюдаемый объем: сфера с Землей в центре и радиусом 1000 световых лет, содержащая приблизительно 20 миллионов звезд. Список конкретных целей приведен в Дополнении 1.

(2) Передача сообщений:

Частоты, на которых ведется передача: 2800 МГц, 12 000 МГц, 22 000 МГц

Мощность передатчика: 10–25 МВт

Целевой объем передач: сфера с Землей в центре и радиусом 200 световых лет, содержащая приблизительно 100 тысяч звезд. Список конкретных целей приведен в Дополнении 2.

(3) Разработка саморасшифровывающегося кода

Руководящий принцип: основываясь на универсальных законах физики и математики,

создать элементарный лингвистический код, который будет понятен любой цивилизации, знакомой с началами алгебры, евклидовой геометрии и основами классической механики (нерелятивистской физики).

На основе созданного кода (см. выше), подкрепленного изображениями с низким разрешением, постепенно разработать полную лингвистическую систему. Предлагаемые языки: китайский, эсперанто.

Суммарный объем информации не должен превышать 680 Кбайт. Время передач на частотах 2800 МГц, 12 000 МГц и 22 000 МГц: 1183, 224 и 132 минуты соответственно.

3. План реализации программы «Красный берег»

(1) Предварительный проект систем поиска и мониторинга [*по-прежнему секретно*]

(2) Предварительный проект системы передачи [*по-прежнему секретно*]

(3) Предполагаемые места расположения базы [*опущено*]

(4) Предварительные соображения по формированию команды проекта «Красный берег» из сил Второго артиллерийского корпуса [*по-прежнему секретно*]

4. Содержание сообщения, передаваемого «Красным берегом» [*Сжатое изложение*]

Описание Земли (3,1 Кбайт), обзор жизни на Земле (4,4 Кбайт), представление о человеческом обществе (4,6 Кбайт), основные события мировой истории (5,4 Кбайт)

Суммарный объем информации 17,5 Кбайт.

Сообщение будет послано после передачи универсального кода. Время передачи сообщения на частотах 2800 МГц, 12 000 МГц и 22 000 МГц: 31, 7,5 и 3,5 минуты соответственно.

Текст сообщения будет утвержден после анализа комплексной комиссией, чтобы случайно не разгласить положение Земли на Млечном Пути. Передачи на двух из утвержденных трех каналов, а именно на частотах 12 000 МГц и 22 000 МГц, следует свести к минимуму, чтобы затруднить точное определение координат передатчика.

IV.

Послание к внеземным цивилизациям

Первый набросок [*Полный текст*]

Внимание! Внимание! Внимание! Это сообщение послано страной — оплотом революционной справедливости на Земле! Возможно, вы уже получили другие обращения из этой же точки космического пространства. Они посланы одной

из империалистических сверхдержав нашей планеты. Эта сверхдержава борется с другой сверхдержавой за мировое господство с целью повернуть историю человечества вспять. Не слушайте их ложь! Станьте на сторону правды, на сторону революции!

[*Инструкция центрального руководства***]**

Что за белиберда! Для пропагандистского плаката сгодилось бы, но посылать это в космос нельзя! Руководители «культурной революции» не должны иметь ни малейшего отношения к программе «Красный берег». Такое важное послание нужно составить в чрезвычайно аккуратных выражениях. Наилучшим выходом было бы предоставить это дело специальному комитету, а затем обсудить и одобрить на совещании Политбюро.

Подпись: XXX

Дата: XX/XX/196X

Второй набросок [*опущено*]

Третий набросок [*опущено*]

Второй набросок [*опущено*]

Четвертый набросок [*Полный текст*]

Приветствуем вас, обитатели другого мира!

Мы надеемся, что после прочтения нижеследующего послания вы составите себе общее

представление о цивилизации Земли. Человечество, пройдя длинный и трудный путь, создало замечательную цивилизацию, в которой процветает множество самых разных культур. Мы стоим на пороге проникновения в суть законов, управляющих природой и обществом. Нам есть чем гордиться!

Но наш мир не безупречен. Здесь существуют ненависть, предрассудки и войны. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями приводят к крайне неравному распределению благ, поэтому многие люди прозябают в нищете.

Человечество упорно преодолевает трудности и препятствия, возникающие на его пути к светлому будущему. Страна, чье послание вы сейчас читаете, тоже идет по этому пути. Наша цель — построить идеальное общество, в котором труд и достоинство каждого его члена получат заслуженно высокую оценку и материальные и духовные запросы людей будут полностью удовлетворены. Человеческая цивилизация станет более совершенной.

С наилучшими намерениями мы надеемся на установление контакта с другими цивилизованными обществами. Давайте вместе трудиться,

чтобы построить лучшую жизнь в нашей необъятной Вселенной!

V.

Основные методы и действия

1. Методы и действия после получения ответа от внеземной цивилизации [*опущено*]

2. Методы и действия после установления контакта с внеземной цивилизацией [*опущено*]

[*Инструкция центрального руководства***]**

Это так важно — выкроить время в нашем напряженном графике и заняться чем-то не связанным с насущными нуждами! Проект «Красный берег» предоставил нам редкую возможность подумать о вещах, на которые обычно не хватает времени. В самом деле, осмыслить новые перспективы можно, только взглянув с существенно более высокой точки зрения. Одного этого достаточно, чтобы признать право программы «Красный берег» на существование.

Как будет чудесно, если окажется, что во Вселенной существуют иной разум и иные общества! Ведь самым свежим взглядом всегда обладает сторонний наблюдатель. Только он сможет определить, какую роль мы сыграли в истории — героев или злодеев.

Подпись: XXX

Дата: XX/XX/196X

Глава 14
«Красный берег» IV

— Профессор Е, — проговорил Ван Мяо, — у меня вопрос. В то время, о котором вы повествуете, поискам внеземного разума уделяли лишь поверхностное внимание. Почему же тогда «Красный берег» был так тщательно засекречен?

— Этот вопрос задавали множество раз уже на первой стадии программы и продолжали задавать до самого ее закрытия. Но сейчас-то ответ должен быть вам известен! Можно только восхищаться предусмотрительностью высшего руководителя проекта.

— Да, он был человеком дальновидным. — Ван мрачно кивнул.

Серьезно и систематически рассматривать вопрос о том, как и в какой степени контакт с внеземным разумом повлияет на человечество, стали только в последние несколько лет, и эти исследования быстро завоевали интерес публики. Выводы оказались ошеломляющими.

Наивные, идеалистические надежды разбились вдребезги. Ученые обнаружили, что, вопреки

радостным ожиданиям большинства людей, контакт с инопланетянами не сулит человечеству ничего хорошего. Последствием такого контакта будет не объединение, а еще больший раскол; конфликты между различными культурами усугубятся, а не смягчатся. Другими словами, если контакт произойдет, разногласия внутри земной цивилизации только усилятся, что может привести к катастрофе. Самый шокирующий вывод из всех гласил, что подобный итог не зависит ни от степени и типа контакта (то есть односторонний он или двусторонний), ни от формы и степени прогресса инопланетной цивилизации.

В книге «Железный занавес в 100 000 световых лет: Социология SETI» социолог Билл Мазерс из корпорации RAND[35] выдвинул теорию «контакта как символа». Мазерс утверждал, что, каково бы ни было содержание встречи с инопланетным разумом, результаты будут одинаковыми.

Допустим, что произошел контакт, при кото-

---

[35] Примечания: 35

RAND (англ. РЭНД — аббревиатура от Research and Development — «Исследование и разработка») — американский стратегический исследовательский центр. Является некоммерческой организацией. Направление деятельности — содействие научной, образовательной и благотворительной деятельности в интересах общественного благополучия и национальной безопасности США; разработка и выявление новых методов анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций. — *Прим. перев.*

ром всего лишь подтверждено существование инопланетной цивилизации и никаких других существенных данных нет (Мазерс называет его «первичным»). Значение такого контакта будет воспринято человечеством через увеличительное стекло массового сознания и культуры, что окажет огромное влияние на дальнейшее развитие общества. Если монополия на контакт будет только у одной страны или политической силы, то это придаст невероятный импульс их экономической и военной мощи.

— Чем кончилась программа «Красный берег»?

— Вы, должно быть, и сами догадываетесь.

Ван опять кивнул. Если бы «Красный берег» выполнил свою задачу, мир сейчас был бы совсем иным. Чтобы утешить Е, он сказал:

— Но ведь пока трудно сказать, добились вы успеха или нет. Радиоволны, посланные «Красным берегом», ушли еще не слишком далеко.

Е покачала головой.

— Чем дальше уходят сигналы, тем они слабей и тем меньше вероятность, что внеземной разум уловит их. Конечно, если бы инопланетяне уже обнаружили Землю с ее богатой кислородом атмосферой и направили в ее сторону мощную аппаратуру — тогда была бы другая история. Но

вообще-то исследования показывают, что для того чтобы инопланетяне уловили сигналы от нас, мощность наших передач должна быть такой же, как мощность излучения средних размеров звезды.

Советский астрофизик Николай Кардашев разделил все цивилизации на три класса в зависимости от энергии, которую они могут направить на нужды связи. Цивилизация I класса может задействовать для этого энергию, сравнимую с общим выходом энергии Земли; по нашим прикидкам, это около 10^{15}— 10^{16}Вт. Цивилизация класса II — энергию, эквивалентную мощности средней звезды, то есть примерно 10^{26}Вт. Энергия, доступная цивилизации класса III, может достигать уровня 10^{36}Вт — примерно такова мощность излучения галактики. Земную цивилизацию пока что можно отнести к классу 0,7, даже не к классу I. А передачи «Красного берега» задействовали только около одной десятимиллионной доли всей совокупной энергии Земли. Писк комаришки в небе. Его никто не мог услышать.

— Но, — возразил Ван, — если бы кардашевские цивилизации класса II и III действительно существовали, мы были бы в состоянии услышать *их*!

— За двадцать лет деятельности базы мы не

услышали ровным счетом ничего.

— Понятно. Значит, учитывая опыт «Красного берега» и SETI, мы можем сказать, что все наши усилия доказали лишь одно: во всей Вселенной разумная жизнь существует только на Земле?

Е вздохнула.

— Ну… Определенного ответа на этот вопрос мы, скорей всего, не получим никогда. Но мой здравый смысл, как и здравый смысл всех, кто работал на базе «Красный берег», подсказывает, что вы правы.

— Жаль, что «Красный берег» был расформирован. Раз уж построили, могли бы и продолжать работу. Ведь какое грандиозное начинание!

— Процесс закрытия базы был постепенным. В начале восьмидесятых у нас провели большую реконструкцию. В частности, обновили компьютерный парк отделов передач и мониторинга; передающую систему автоматизировали, а мониторингу выделили два современных компьютера IBM на микропроцессорах. Стало возможно обрабатывать намного больший объем данных, количество каналов слежения выросло до сорока тысяч.

Но позже, когда стало ясно, с какими трудностями связаны поиски инопланетного разума,

руководство утратило интерес к «Красному берегу». Сначала базе снизили рейтинг безопасности, придя к выводу, что чрезвычайная секретность ни к чему. Охрану сократили — от роты остался лишь взвод, а потом и вовсе пять человек. К тому же после реконструкции, хотя база и оставалась в ведении Второго артиллерийского корпуса, научными изысканиями стал распоряжаться Институт астрономии Китайской академии наук. Было внедрено несколько исследовательских проектов, не имеющих ничего общего ни с поиском внеземных цивилизаций, ни с военными делами.

— Я правильно понимаю, что большинство ваших научных открытий вы совершили именно в это время?

— На начальном этапе «Красный берег» занимался не только поисками внеземных цивилизаций, но и некоторыми исследованиями в области радиоастрономии. На тот момент это был самый большой радиотелескоп в стране. Позже, когда построили другие радиоастрономические обсерватории, наша база обратилась к наблюдениям и анализу солнечной активности. Ради этой цели нас оснастили солнечным телескопом. Разработанная нами математическая модель солнечной

активности была в те времена на переднем крае науки и получила широкое практическое применение. «Красный берег» вернул обществу хотя бы часть затраченных на него огромных средств.

Нельзя не признать, что в этом была большая заслуга комиссара Лэя. Конечно, он преследовал собственные интересы, понимая, что у него как у политического работника при научном подразделении перспективы на будущее не очень-то радужные. Прежде чем поступить в армию, Лэй изучал астрофизику, и ему захотелось вернуться обратно в науку. Всеми заказами на исследования, не связанные с поисками инопланетного разума, «Красный берег» обязан именно усилиям комиссара Лэя.

— Сомневаюсь, чтобы ему легко далось возвращение к научной деятельности после того, как он столько времени пробыл политработником. К тому же вас тогда еще не реабилитировали. Сдается мне, все, чем Лэй занимался, — это увековечиванием своего имени на ваших трудах.

Е улыбнулась прощающей улыбкой.

— Без Лэя «Красный берег» скончался бы еще раньше. После того как база подпала под конверсию, военные оставили ее, а у Академии наук не хватало средств на ее содержание. Поэтому

проект «Красный берег» закрыли.

О своей обыденной жизни на Радарном Пике Е рассказывала весьма скупо, а Ван не хотел расспрашивать. Через четыре года после прибытия на базу они с Ян Вэйнином поженились. Все произошло естественно и спокойно, без драм. Позже в результате несчастного случая Лэй и Ян погибли; дочь Е Вэньцзе и Ян Вэйнина, Ян Дун, родилась после смерти отца. Мать с дочерью уехали с Радарного Пика только в середине восьмидесятых, когда базу окончательно расформировали. Е вернулась в Цинхуа, свою альма-матер, и преподавала там астрофизику до ухода на пенсию. Все это Ван слышал от Ша Жуйшаня в Миюньской радиоастрономической обсерватории.

— Поиски внеземного разума — уникальная дисциплина. Она имеет глубокое влияние на жизненные взгляды исследователя. — Е говорила нараспев, словно рассказывая ребенку сказку. — В глухой ночи я сидела с наушниками и слушала безжизненный шум Вселенной — едва слышный, но непрекращающийся, еще более древний, чем сами звезды. Иногда мне казалось, что он похож на гул вечных ветров Большого Хингана. И тогда меня прохватывал озноб, а одиночество ощущалось гораздо глубже…

Иногда после ночной смены я всматривалась в звездное небо, и оно представлялось мне холодной сверкающей пустыней, а я — заблудившимся в ней ребенком… Я думала, что жизнь, скорее всего, лишь случайность в ряду других случайностей, которыми так полна Вселенная. Космос — это пустой дворец, а человечество, эта букашка, — его единственный обитатель. Из-за подобных мыслей душевный настрой во второй половине моей жизни стал противоречив: то я считала человеческую жизнь великой ценностью, и все в ней было очень важно; то мне казалось, что человечество — грязь и ничто в мире не имеет значения. Так протекали годы в постоянных метаниях, и не успела я оглянуться, как подступила старость…

Вану хотелось утешить эту пожилую женщину, посвятившую жизнь одинокому, но великому начинанию, однако последние слова Е ввергли его в то же печальное настроение, в которое погрузилась и она сама. Он обнаружил, что ему нечего сказать ей, кроме:

— Профессор Е, однажды мы с вами съездим на то место, где стояла база «Красный берег»…

Его собеседница медленно покачала головой.

— Куда мне, Сяо Ван! Старею, здоровье уже не

то. Я живу сегодняшним днем, не загадывая на будущее.

Глядя на серебряные волосы Е Вэньцзе, Ван понял, что она опять думает о дочери.

Глава 15
Три тела: Коперник, вселенский футбол и День трех солнц

После визита к Е Ван Мяо никак не мог успокоиться. События последних двух дней и история «Красного берега», на первый взгляд никак не связанные между собой, теперь переплелись вместе, за одну ночь превратив знакомый мир в незнакомый.

Придя домой и желая избавиться от тягостного настроения, Ван включил компьютер, надел V-костюм и в третий раз отправился в мир «Трех тел».

Это сработало. К тому времени, когда на экране появилось окно логина, Ван почувствовал себя другим человеком. В его душе царило необъяснимое радостное возбуждение. В отличие от первых двух игр, на этот раз он поставил перед собой четкую задачу: проникнуть в тайну мира «Трех тел».

Он создал новый ID, более подходящий его нынешней роли: Коперник.

* * *

Ван опять стоял посреди унылой равнины и наблюдал странный рассвет, столь характерный для мира «Трех тел». На востоке возвышалась колоссальная пирамида, но Ван сразу заметил, что это больше не пирамида царя Чжоу из династии Шан и не обсерватория Мо-цзы. Ее вершина была увенчана готической колокольней. Башня вонзалась в утреннее небо, отчего здание обретало сходство с собором Святого Иосифа на улице Ванфуцзин. Но если бы реальный собор поместить рядом с этой пирамидой, он сошел бы разве только за входной придел. В отдалении возвышалось много других строений, по всей вероятности, дегидраториев, теперь тоже выстроенных в готическом стиле, с длинными острыми шпилями — как будто земля ощетинилась множеством игл.

В стене пирамиды Ван увидел дверной проем, озаренный изнутри мерцающими огнями. В туннеле стоял ряд почерневших от дыма статуй олимпийских богов с факелами в руках. Войдя в Большой зал, Ван обнаружил, что здесь еще темнее, чем в туннеле. Единственным источником

скудного освещения служили два серебряных канделябра на длинном мраморном столе.

За столом сидели несколько человек. Тусклый свет не позволял разглядеть лица — Ван видел только силуэты. Глаза собравшихся прятались в глубоких темных глазницах, но Ван ощущал сосредоточенные на нем пристальные взгляды. Сидящие за столом были одеты во что-то вроде средневековых мантий. Присмотревшись, Ван различил, что на одном или двух из них мантии были попроще и больше напоминали классические греческие хитоны. У одного конца стола сидел высокий худой человек с золотой тиарой на голове. Помимо канделябров тиара была единственным блестящим предметом в Большом зале. Ван напряг глаза и в тусклом свете свечей сумел разобрать, что мантия коронованной особы тоже отличается от других — она была красного цвета.

Он понял, что игра подстраивается под каждого конкретного игрока. Основываясь на нынешнем ID Вана, программа выбрала мир европейского позднего Средневековья.

— Ты опоздал. Собрание уже идет! — проговорил тиароносец в красной мантии. — Я папа Григорий.

Ван постарался припомнить то немногое, что знал о европейской средневековой истории — основываясь на названном имени, он мог бы прикинуть, какого уровня достигла эта цивилизация, — но тут же вспомнил, что «Три тела» обращались с историей весьма вольно, не чураясь совершенно диких анахронизмов, и решил, что не стоит напрягаться.

— Я Аристотель, — представился человек в греческом хитоне с белыми кудрявыми волосами. — Ты сменил ID, но мы все тебя узнали. В первых двух играх ты побывал на Востоке.

— Верно, — кивнул Ван. — Там я стал свидетелем гибели двух цивилизаций — одной от запредельного холода, другой — от испепеляющего солнечного жара. Я также видел, какие неимоверные усилия прилагали восточные мудрецы, чтобы понять законы, по которым движется солнце.

— Ха! — выдохнул человек в эспаньолке и с подкрученными вверх усами, еще более тощий, чем папа. — Восточные мудрецы пытались разгадать тайну движения солнца с помощью медитации, мистических откровений и даже снов. Смехотворно!

— Это Галилей, — сказал Аристотель. — Он

убежден, что мир познается через наблюдение и опыт. Он мыслитель, лишенный всяческой фантазии, но к его выводам стоит прислушаться.

— Мо-цзы тоже проводил наблюдения и опыты, — возразил Ван.

Галилей фыркнул.

— Способ мышления Мо-цзы оставался восточным. Он был не кем иным, как мистиком в одежде ученого. Он никогда не принимал результатов собственных наблюдений всерьез, а свою модель построил на основе субъективных домыслов. Какая нелепость! Жаль, такое техническое оснащение — и все без толку! Но мы подходим к делу иначе. Опираясь на данные многочисленных наблюдений и экспериментов, мы сделаем строгие логические умозаключения, на которых и выстроим нашу модель Вселенной, а затем вновь обратимся к опыту и наблюдению, чтобы доказать ее истинность.

— Это правильный подход, — кивнул Ван. — Я тоже его придерживаюсь.

— Ну, тогда ты, наверно, и календарь принес? — с издевкой поинтересовался папа Григорий.

— Календаря у меня нет — только модель, построенная на результатах наблюдений. Хочу подчеркнуть: даже если она верна, еще неиз-

вестно, можно ли с ее помощью в деталях прогнозировать движение солнца и создать точный календарь. Тем не менее это необходимый шаг.

Несколько одиноких хлопков отозвались эхом от сводов Большого зала. Аплодировал Галилей.

— Превосходно, Коперник, превосходно! Твое мышление прагматика в сочетании с экспериментальным научным подходом — вот чего недостает большинству ученых. Уже только по одной этой причине твою теорию стоит выслушать.

Папа кивнул Вану:

— Продолжай.

Ван постарался взять себя в руки. Подойдя к другому концу длинного стола, он промолвил:

— Фактически все очень просто. Причина видимого хаотического поведения солнца заключается в том, что у нашего мира их целых три! Под влиянием постоянно меняющегося взаимного тяготения движение трех звезд становится непредсказуемым. Это так называемая «задача трех тел». Когда наша планета вращается вокруг только одной звезды по стабильной орбите, наступает Эра Порядка. Когда вторая или обе оставшихся звезды приближаются на определенное расстояние, их притяжение срывает планету

с орбиты, в результате чего она начинает метаться в гравитационных полях всех трех солнц. Наступает Эра Хаоса. Через некоторое время планета снова притягивается какой-то одной звездой и начинает двигаться по стабильной орбите — устанавливается Эра Порядка и так далее. Это как футбол, только вселенского масштаба, где три звезды — игроки, а наша планета — мяч.

Под гулкими сводами Большого зала раздался хохот.

— Сжечь его, — безучастно приказал папа. Двое стражников в ржавых латах двинулись к Вану, словно пара неуклюжих роботов.

— Сжечь! — повторил Галилей и вздохнул. — Я возлагал на тебя надежды, а ты всего лишь очередной колдун…

— С такими, как он, одна морока! — поддакнул Аристотель.

— По крайней мере, дайте мне закончить! — Ван отпихнул от себя железные рукавицы стражников.

— Ты когда-нибудь видел три солнца? — вопросил Галилей. — Или знаешь кого-нибудь, кто видел?

— Их все видели!

— Ну хорошо, мы видим одно во время Эр По-

рядка и Хаоса. А где же в это время два других?

— Солнце, которое мы наблюдаем в различные эпохи, не обязательно одно и то же! Когда два других находятся далеко, они представляются нам как летящие звезды.

— Тебе не хватает элементарной научной подготовки, — покачал головой Галилей. — Солнце должно двигаться непрерывно; оно не может сразу прыгнуть из одной точки в другую, не пройдя через все промежуточные. Согласно твоей гипотезе, мы должны были бы наблюдать следующую ситуацию: солнце становится меньше, чем мы видим его обычно, но больше летящей звезды, а потом, удаляясь, постепенно становится летящей звездой. Но мы никогда не наблюдали ничего подобного.

— Поскольку у тебя научная подготовка на должном уровне, ты, стало быть, разобрался во внутренней структуре светила?

— Конечно. Этим своим открытием я горжусь больше всего. Солнце состоит из разреженного, очень обширного облака газов, внутри которого имеется плотное раскаленное ядро.

— Совершенно верно! — подтвердил Ван. — Но ты, по-видимому, еще не знаешь об особом оптическом взаимодействии между газообразной

внешней оболочкой солнца и атмосферой нашей планеты. Этот феномен сродни поляризации или гасящей интерференции. В результате, когда мы наблюдаем солнце изнутри нашей атмосферы, а потом оно отдаляется от нас на определенное расстояние, газообразный слой внезапно становится абсолютно прозрачным, и все, что видно, — это раскаленное внутреннее ядро. Поэтому оно и представляется нам летящей звездой.

Этот феномен вводил в заблуждение каждого исследователя на протяжении всей истории цивилизаций и не давал открыть существование трех солнц. Теперь вы понимаете, почему три летящих звезды знаменуют наступление экстремального холода: все три солнца удаляются на слишком большое расстояние от планеты.

Последовала короткая пауза — все обдумывали услышанное. Первым нарушил молчание Аристотель:

— Тебе не хватает элементарной логики. Это правда — временами мы видим три летящих звезды, после чего всегда наступает гибельный холод. Но, согласно твоей теории, иногда мы также должны были бы видеть на небе все три солнца нормального размера. А такого ни разу не случалось! Ни одна цивилизация этого не

зафиксировала!

— Постойте-ка!

Длиннобородый человек в шляпе странного фасона поднялся и заговорил в первый раз.

— Я Леонардо да Винчи. Думается, подобные свидетельства есть. Одна цивилизация видела одновременно два солнца и погибла, сожженная их совместным жаром, но записи, оставленные ею, весьма туманны.

— Речь о трех солнцах, а не о двух! — отрезал Галилей. — Согласно теории Коперника, раз в небе иногда появляются три летящих звезды, то должны появляться и три солнца!

— Это случалось! — спокойно и уверенно заявил Ван. — Люди видели одновременно три солнца. Но никакой информации о событии не сохранилось просто потому, что свидетелям его оставалось жить не более нескольких мгновений! У них не было ни малейшего шанса спастись. День трех солнц — самая ужасающая из катастроф, могущих постигнуть наш мир. В такой день поверхность планеты в один миг превращается в пылающую топку; даже камень плавится. После рокового Дня трех солнц должна пройти целая вечность, прежде чем жизнь и цивилизация вновь возродятся. Вот почему нет

свидетельств таких дней.

Повисла тишина. Взгляды присутствующих обратились к папе.

— Сжечь его, — ласково проговорил тот. Улыбка на его лице показалась Вану знакомой: так улыбался царь Чжоу из династии Шан.

В Большом зале воцарилось оживление — казалось, будто начались приготовления к великому празднику. Галилей со товарищи весело приволокли из темного угла кол с привязанным к нему начерно обгоревшим трупом. Труп отвязали и отшвырнули в сторону, а кол воткнули вертикально. Другая группа ученых с упоением обкладывала его дровами. Один только Леонардо не принимал участия в суматохе. Он сидел у стола, погрузившись в раздумья, и время от времени брал гусиное перо и чертил какие-то цифры прямо на столешнице.

— Это Джордано Бруно, — пояснил Аристотель, указывая на обгорелый труп. — Тоже, как ты — пришел и начал вещать какой-то вздор.

— Поджарьте его на медленном огне, — слабым голосом проговорил папа.

Двое солдат принялись привязывать Ван Мяо к столбу асбестовыми веревками. Ван поднял пока еще свободную руку и указал на папу:

— Ты всего лишь программа! А вы, прочие, — либо тоже программа, либо кретины. Я вернусь под новым логином!

— Как бы не так! — хохотнул Галилей. — Вылетишь с треском из «Трех тел» навсегда!

— Значит, ты действительно программа. Потому что живые люди знают, как работает Интернет. Самое большее, что может сделать игровая система, — это зарегистрировать мой MAC-адрес. Перейду на другой компьютер, создам новый ID, только и всего. Мы еще встретимся!

Леонардо поднял глаза на бунтовщика, проговорил: «Система просканировала твою сетчатку через шлем V-костюма» — и снова вернулся к своим вычислениям.

Вана охватил ужас.

— Не делайте этого! — закричал он. — Отпустите меня! Я говорю правду!

— Если ты говоришь правду, то не сгоришь, — утешил его Аристотель. — Игра вознаграждает тех, кто на верном пути.

Он широко улыбнулся, вынул зажигалку «Зиппо», виртуозно, как заправский фокусник, покрутил в пальцах и, наконец, чиркнул.

Он собрался было уже зажечь поленья под Ваном, но в этот момент туннель, ведущий в

зал, вспыхнул алым светом, из входного проема пахну!ло жаром и гарью. Из алого зарева в помещение галопом ворвался конь. Охваченный пламенем, он огненным шаром пролетел по залу. За всадником, рыцарем в раскаленных докрасна латах, тянулся белый шлейф дыма.

— Конец света! Конец света! Дегидрация! Дегидрация! — кричал рыцарь. Его конь упал и превратился в костер. Всадник вылетел из седла, кубарем прокатился по полу, замер около шеста и больше не шевелился. Из отверстий в его панцире продолжал валить белый дым. Жир мертвеца с шипением вытек на пол и загорелся — казалось, будто у рыцаря выросли два огненных крыла.

Все присутствующие в Большом зале ринулись к выходу, протиснулись в него и растворились в алом зареве туннеля. Ван Мяо изо всех сил боролся со своими путами, пока наконец не освободился, а тогда тоже кинулся через зал. Обогнув пылающих коня и всадника, он влетел в туннель и бежал, пока не выскочил наружу.

Земля светилась красным, как кусок железа в кузнечном горне. Раскаленные потоки лавы змеились по багровой равнине, словно огненная сеть расстелилась от горизонта до горизонта. К небу поднимались бесчисленные тонкие столбы

пламени — это горели дегидратории. Сгорающие внутри них сухие оболочки придавали огню странный голубоватый оттенок.

Неподалеку Ван увидел около десятка маленьких столбов пламени того же необычного цвета. Это горели те, кто выскочил из пирамиды чуть раньше: папа, Галилей, Аристотель, Леонардо и прочие. Пламя вокруг них было прозрачно-голубое, и Ван различал, как их лица и тела коробятся в огне. Уставившись на Вана и воздев руки к небу, они торжественно пропели в унисон:

— День трех солнц…

Ван взглянул вверх: там три гигантских солнца, занимавшие почти весь небосвод, медленно вращались вокруг невидимого центра, напоминая исполинский вентилятор, дышащий на планету смертельным жаром. Постепенно вся формация сместилась на запад и половина ее скрылась за горизонтом. Вентилятор продолжал вращаться; время от времени раскаленная лопасть взмывала в небо, и гибнущий мир видел очередные короткие восход и закат. Наступала недолгая ночь, земля кроваво светилась, а потом солнце всходило снова и пронзало пространство злобными параллельными лучами.

Но вот все три солнца зашли, и небосвод

заволокло тучами, образовавшимися из испарившейся воды; их подбрюшье все еще горело отраженным сиянием ушедших светил. Небо пылало адской, безумной красотой.

Наконец, последние сполохи погасли, и на фоне темно-багровых туч, подсвеченных снизу инфернальным пламенем, возникли гигантские иероглифы:

Цивилизация номер 183 погибла в День трех солнц. В своем развитии она достигла эпохи Средневековья.

Минуют эпохи, жизнь возродится, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел».

Но на этот раз Копернику удалось открыть одну из основных тайн мироздания. Цивилизация «Трех тел» готова к переходу на качественно новую ступень развития.

Поздравляем с переходом на второй уровень и приглашаем вас продолжить игру.

Глава 16
Задача трех тел

Ван вышел из игры, и в этот момент зазвонил телефон.

Это был Ши Цян с просьбой срочно прийти к нему в Управление уголовной полиции. Ученый посмотрел на часы: было три утра.

В захламленном кабинете Ши Цяна висела плотная завеса табачного дыма. Молодая женщина, тоже офицер полиции, обмахивалась блокнотом, отгоняя дым. Капитан представил ее как Сюй Бинбин, специалиста по компьютерам из Управления информационной безопасности.

Третьего из присутствующих, мужчину с всклокоченными густыми волосами, Ван никак не ожидал здесь увидеть. Это был Вэй Чэн — затворник, таинственный супруг Шэнь Юйфэй из «Рубежей науки». Вэй взглянул на новоприбывшего, но, кажется, не узнал.

— Извини, что пришлось сорвать тебя с места, но ты, похоже, все равно не спал, — сказал Да Ши. — Я тут разбираюсь с одним делом, о котором еще не докладывал Боевому командному центру, и мне нужен твой совет. — Он повернулся к Вэй Чэну: — Повторите ему то, что сказали мне.

— Моя жизнь в опасности, — проговорил Вэй с деревянным лицом.

— А можно сначала и поподробнее? — осведомился Ван.

— Хорошо. Только не жалуйтесь, что я слиш-

ком много болтаю. Вообще-то в последнее время мне очень хочется кому-нибудь высказаться… — Вэй повернулся к Сюй Бинбин. — А вы разве не собираетесь делать заметки или что там вам полагается делать?

— Не сейчас! — быстро сказал Да Ши. — А вам что — до сегодняшней ночи не с кем было поговорить?

— Нет, дело не в этом. Я слишком ленив, чтобы разговаривать. Таким уж я уродился.

РАССКАЗ ВЭЙ ЧЭНА

Я с детства был лентяем. Живя в интернате, никогда не мыл за собой посуду и не заправлял постель. Ничто в мире не вызывало у меня интереса. Я ленился учиться. Я даже играть ленился. Так и брел сквозь будни безо всякой цели.

Правда, были у меня кое-какие таланты, отсутствующие у других. Например, если кто-то чертил отрезок, я всегда умел рассечь его точно в соответствии с золотой пропорцией 1:1,618. Одноклассники пророчили мне большое будущее в качестве плотника. Но я догадывался, что тут кроется нечто большее — я обладал каким-то особым нюхом по части чисел и форм. При этом оценки по математике у меня были такие же

низкие, как и по другим предметам. Я был слишком ленив, чтобы показывать, на что способен. На контрольных писал свои догадки вместо ответов. В восьмидесяти-девяноста процентах я догадывался правильно, но все равно — успеваемость у меня была не ахти какая.

Когда я был на втором курсе гимназии, на меня обратил внимание преподаватель математики. В те дни у многих школьных учителей был впечатляющий научный послужной список, потому что немалому количеству ученых пришлось идти работать в школу во время «культурной революции». Наш математик был как раз из таких.

Однажды он задержал меня после урока. Написав на доске около десятка числовых рядов, он попросил меня вывести суммирующую формулу для каждого. Для одних я написал формулы почти мгновенно, а на другие только взглянул и сразу определил их как расходящиеся.

Учитель достал книгу — это были «Записки о Шерлоке Холмсе» — и открыл какой-то рассказ, кажется, «Этюд в багровых тонах». Там есть сцена, когда Ватсон видит из окна непритязательно одетого посыльного и указывает на него Холмсу, а тот говорит: «Вы имеете в виду отставного флотского сержанта?» Ватсон поражается,

как Холмсу удалось так точно это определить, но Холмс не может сразу дать четкие объяснения, ему требуется некоторое время, чтобы выявить цепочку умозаключений. Что-то там было такое с рукой этого человека, его походкой и так далее. Он говорит Ватсону, что в этом нет ничего странного: большинство людей не сразу ответят, откуда им известно, что дважды два четыре.

Учитель закрыл книгу и сказал:

— Вот и ты такой же — быстро делаешь интуитивные умозаключения и не можешь даже сказать, как пришел к правильному ответу. — А потом он спросил: — Когда ты видишь ряд чисел, что ты чувствуешь? Заметь, я говорю о чувствах.

Я ответил:

— Я вижу любую комбинацию цифр в виде трехмерной фигуры. Правда, я не могу описать форму чисел, но они действительно представляются в виде фигур.

— А когда ты видишь геометрические фигуры? — спросил учитель.

— Тогда все наоборот. Геометрические фигуры у меня в голове становятся числами. Это как если очень близко смотреть на картинку в газете

— она распадается на маленькие точки.

Учитель сказал:

— У тебя прирожденный талант к математике, но... но... — Он добавил еще несколько «но», расхаживая взад-вперед по классу, как будто я был проблемой, с которой он не мог справиться. — Такие люди, как ты, не ценят свой дар.

Он погрузился в размышления, а потом, по-видимому, сдавшись, проговорил:

— В следующем месяце пройдет окружная математическая олимпиада. Почему бы тебе не записаться на нее? Я не стану натаскивать тебя — с такими, как ты, это пустая трата времени. Но когда будешь давать ответы, напиши и умозаключения — как ты к ним пришел.

Ну я и записался. После округа пошел дальше, пока не попал на международную математическую олимпиаду в Будапеште, и везде я занимал первые места. Когда вернулся домой, меня без вступительных экзаменов приняли на математический факультет самого престижного университета...

Вам моя болтовня еще не надоела? Ага, хорошо. Просто я вынужден заходить издалека, чтобы было понятно все, что произошло потом.

Учитель был прав — мне на свой талант было

наплевать. Бакалавр, магистр, доктор — я получил все, не сильно утруждаясь. Однако, закончив учебу и выйдя в широкий мир, я понял, что не гожусь ровным счетом ни на что. Я разбирался только в математике и больше ни в чем. Вокруг кипела жизнь со всеми ее сложностями, а я словно пребывал в полусне. Карьера шла чем дальше, тем хуже. В конце концов я устроился в колледж лектором, но и там еле-еле тянул. К преподаванию я относился спустя рукава — просто не мог иначе. Я писал на доске «это легко доказуемо» и не понимал, почему студенты так тупят. Позже, когда стали увольнять худших преподавателей, меня вышибли.

К тому времени мне все осточертело до тошноты. Я упаковал чемодан и отправился в буддистский монастырь далеко в горах на юге Китая.

Нет, я не собирался становиться монахом, для этого я был слишком ленив. Мне хотелось только найти тихое местечко для жизни. Настоятелем был давний друг моего отца, интеллигент до мозга костей, на старости лет ставший монахом — по словам отца, у человека его уровня не было иного выхода. Настоятель предложил мне остаться в монастыре. Я сказал:

— Все, что мне надо, — это тихое прозябание до конца моей жизни в каком-нибудь спокойном месте.

— Наш монастырь вряд ли можно назвать спокойным местом, — возразил он. — Здесь шагу некуда ступить от туристов и паломников. Люди, стремящиеся к истинному покою, способны найти его и в шумном городе. Чтобы достичь этого состояния, нужно опустошить себя.

— Я и так пуст, — сказал я. — Слава и богатство для меня ничто. В этом монастыре многие монахи — люди намного более светские, чем я.

Настоятель покачал головой:

— Нет. Пустота не значит «ничего». Пустота — это способ существования. Ты должен достигнуть экзистенциальной пустоты, чтобы наполнить себя ею.

Его слова послужили для меня озарением. Позже, когда я немного поразмыслил над ними, я понял, что эта философия не имела ничего общего с буддизмом; она скорее была сродни некоторым теориям современной физики. Настоятель также сказал, что не станет обсуждать со мной вопросы буддизма, и причина была та же самая, что у преподавателя математики в гимназии: с такими людьми, как я, это пустая

трата времени.

Первую ночь я провел в крохотной келье при храме. Вот уж не думал, что этот приют окажется таким неудобным! Простыня и одеяло были влажны от горного тумана, постель тверда, как камень. Стараясь уснуть, я попробовал следовать совету настоятеля и наполнить себя «пустотой».

Первой созданной мной «пустотой» была бесконечность космоса. В ней не было ничего, даже света. Но вскоре я понял, что эта пустая Вселенная не может даровать мне покой. Вместо него она наполнила меня непонятным страхом, какой охватывает утопающего, готового вцепиться во все, что попадется под руку.

И тогда я создал в этом бесконечном пространстве сферу — не слишком большую, но обладающую массой. Однако умственное состояние мое не улучшилось. Сфера плавала в середине «пустоты» — в безграничном космосе середина может быть где угодно. Во Вселенной не было ничего, что могло бы воздействовать на сферу, и сама она не могла воздействовать ни на что. Просто висела в пространстве, недвижимая, неизменная, как сама смерть.

Я создал еще одну сферу с такой же массой. По-

верхности обеих были идеальным зеркалом. Одна отражала другую, являя соседке единственную во Вселенной сущность, отличную от себя самой. Но это мало улучшило положение. Если не придать сферам начальную скорость — то есть если их не подтолкнуть, — они быстро притянутся друг к другу под влиянием сил гравитации и так и застынут символом смерти. Если же придать сферам начальную скорость и если они при этом не столкнутся, то они начнут вращаться друг вокруг друга. Независимо от начальных условий вращение постепенно стабилизируется и станет равномерным и неизменным. Это будет танец смерти.

Тогда я добавил третью сферу, и, к моему изумлению, ситуация полностью изменилась. Как я уже упоминал, в глубинах моего ума геометрические фигуры превращаются в числа. Вселенная без сферы, потом с одной сферой, потом с двумя явились мне в виде одного или нескольких уравнений, словно редкие одинокие листья поздней осенью. Но третья сфера подарила «пустоте» жизнь. Три сферы, которым был придан первоначальный толчок, пришли в движение, рисунок которого был сложным, запутанным и, похоже, никогда не повторялся. Описывающие его уравнения

струились в моем мозгу подобно нескончаемому ливню.

И тут я уснул. В моем сне три сферы продолжали свой беспорядочный, никогда не повторяющийся танец. И все же в глубине моего сознания эта круговерть обрела некий ритм — просто период повторения был бесконечно длинен. Я был заворожен. Захотелось описать если не весь период, то хотя бы его часть.

На следующий день я продолжал думать о трех сферах, танцующих в «пустоте». Еще никогда и ничто так не поглощало моего внимания. Неудивительно, что один из монахов поинтересовался у настоятеля, все ли у меня в порядке с головой. Тот рассмеялся и сказал:

— Не стоит беспокоиться. Он обрел пустоту.

Да, я действительно обрел пустоту. Теперь я смогу найти покой и в шумном городе. Даже посреди бурлящей толпы мое сердце останется безмятежным. Впервые в жизни математика дарила мне радость. Я чувствовал себя словно ветреник, всю жизнь беззаботно порхавший от женщины к женщине и вдруг искренне полюбивший.

Физические принципы, стоящие за задачей трех

тел[36]*, очень просты. Это проблема прежде всего математическая.*

— Вы разве не были знакомы с трудами Анри Пуанкаре[37]? — прервал Ван Мяо рассказ Вэя.

— В то время нет. Я понимаю, что математик просто обязан знать труды титанов вроде Пуанкаре, но я не преклонялся перед великими мастерами и не собирался становиться одним из них, поэтому не изучал его работ. Но даже если бы и изучал, все равно не отступился бы от решения задачи трех тел.

По-видимому, все верят, будто Пуанкаре доказал, что задача трех тел не имеет решения; но я считаю, что они ошибаются. Он доказал лишь, что она чувствительна к начальным условиям и ее нельзя решить с помощью интегрального счис-

---

[36] Примечания: 36

Как три тела будут двигаться под влиянием взаимного притяжения? — такова традиционная задача классической механики, возникающая в процессе изучения небесной механики. Над ней работали многие ученые, начиная с XVI века. Эйлер, Лагранж, а также наши современники (при помощи компьютеров) нашли решения для частных случаев задачи трех тел. Карл Ф. Зундман доказал существование общего решения в виде бесконечных сходящихся рядов, но ряды сходятся так медленно, что модель практически бесполезна. — *Прим. автора.*

[37] Примечания: 37

Пуанкаре показал, что задача трех тел проявляет чувствительную зависимость от начальных условий, что нынче понимается как характерный признак хаотического поведения. — *Прим. К. Л.* Чтобы уяснить себе, о чем тут речь, см. статью в Википедии «Эффект бабочки». У некоторых хаотических систем есть такое свойство: незначительное

влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия где-нибудь в другом месте и в другое время. В хаотическом мире трудно предсказать, какие вариации возникнут в данное время и в данном месте, ошибки и неопределенность нарастают по экспоненте с течением времени. Эдвард Лоренц (1917–2008) назвал это явление «эффектом бабочки»: бабочка, взмахнувшая крыльями в Айове, может вызвать лавину эффектов, которые могут достигнуть высшей точки в дождливый сезон в Индонезии («эффект бабочки» вызывает и аллюзию к рассказу Р. Брэдбери «И грянул гром», где гибель бабочки в глубоком прошлом изменяет мир очень далекого будущего; также можно увидеть аллюзию к сказке братьев Гримм «Вошка и блошка», где ожог главной героини в итоге приводит к Всемирному потопу).

«Небольшие различия в начальных условиях рождают огромные различия в конечном явлении… Предсказание становится невозможным» (А. Пуанкаре, по: Хорган, 2001). — *Прим. перев.*

ления. Но чувствительность не подразумевает полную неопределенность. Она означает лишь, что решение насчитывает большое количество различных форм. Все, что нужно, — это новый алгоритм.

И тогда я кое-что вспомнил. Вы слышали о методе Монте-Карло? Этот компьютерный алгоритм часто применяют для определения площадей неправильных фигур. Делается это так: компьютерная программа накладывает неправильную фигуру на фигуру, площадь которой известна, например, на круг, и начинает хаотично обстреливать круг с наложенной на него фигурой точками, словно крохотными «мячиками», ни разу не попадая в одно и то же место. После того как сделано достаточно много «выстрелов», соотношение количества «мячиков», попавших внутрь неправильной фигуры, к общему количеству «мячиков», которыми усеяли круг, даст приблизительную площадь неизвестной фигуры. Конечно, чем «мячики» меньше, тем точнее результат.

Хотя метод и прост, он демонстрирует, как грубая сила в ее математическом смысле может одержать верх над тонкой логикой. Это численный метод, использующий количество для

достижения качества. Такова моя стратегия в отношении задачи трех тел. Я изучаю систему мгновение за мгновением. И в каждый момент времени векторы движения сфер образуют бесконечное количество сочетаний. Каждое из них я рассматриваю как некую форму жизни. Ключевое условие — это установить правила: какие сочетания векторов «здоровые» и «полезные», а какие «губительные» и «вредные». Первые получают преимущество в выживании, последние — наоборот. При дальнейших вычислениях «вредные» комбинации отбрасываются, остаются только «полезные». Конечная выжившая комбинация и есть верное предсказание конфигурации системы в следующий момент времени.

— Эволюционный алгоритм, — заметил Ван.

— Как хорошо, что я догадался позвать тебя! — кивнул ему Ши Цян.

— Да. Только я узнал этот термин гораздо позже. Характерной чертой этого алгоритма является то, что он требует колоссального количества вычислений. Тех компьютерных мощностей, которыми мы располагаем сейчас, для решения задачи трех тел недостаточно.

А тогда, в храме, у меня даже карманного калькулятора не было. Пришлось наведаться в

бухгалтерию и попросить чистый гроссбух и карандаш. Я начал строить свою математическую модель на бумаге. Это была очень объемная работа, и не успел я оглянуться, как исписал больше дюжины гроссбухов. Монах-счетовод сердился, но, уступая просьбе настоятеля, снабжал меня бумагой и ручками. Я прятал готовые вычисления под подушкой, а черновики сжигал во дворе, в курильнице для благовоний.

Однажды вечером в мою комнату ворвалась молодая женщина. Впервые в жизни женщина переступила порог моего жилища. В руке она сжимала несколько клочков бумаги, обгоревших по краям, — те самые черновики, что я выбросил.

— Мне сказали, что это ваше. Вы трудитесь над решением задачи трех тел? — Казалось, будто в ее глазах за большими очками полыхает огонь.

Женщина удивила меня, ведь я пользовался неординарным математическим методом и перешагивал через значительную часть расчетов и доказательств. То, что гостья сумела разобраться в предмете исследования по нескольким разрозненным бумажкам, свидетельствовало, что она обладает незаурядным математическим талантом и что она, как и я, тоже увлечена задачей трех тел.

О туристах и паломниках я был невысокого мнения. Туристы понятия не имели, на что, собственно, смотрят, только сновали туда-сюда с фотоаппаратами и щелкали все подряд. Паломники отличались от них тем, что одеты были намного беднее и, похоже, находились в состоянии транса. Но эта молодая женщина была не из числа тех или других. Сразу становилось ясно — перед тобой ученый. Позже я узнал, что она прибыла с группой японских туристов.

Не дожидаясь от меня ответа, она продолжила:

— Ваш подход гениален. Мы долго искали метод, позволивший свести сложность задачи трех тел к вычислениям, пусть и массивным. Само собой, требуется очень мощный компьютер.

Я сказал напрямик:

— Даже если бы в нашем распоряжении были все компьютеры мира, их было бы недостаточно.

— Но для исследований вам необходимы соответствующие условия, которых здесь нет. Я смогу предоставить в ваше распоряжение суперкомпьютер. И персональный тоже. Давайте завтра утром уедем отсюда вместе!

Эта молодая женщина, как вы догадались, была Шэнь Юйфэй. Немногословная и властная,

как и сейчас, тогда она была намного привлекательней... Я, человек по натуре холодный, интересовался женщинами еще меньше, чем тамошние монахи. Но с Шэнь Юйфэй, выпадавшей из общих представлений о женственности, все было по-другому. Меня потянуло к ней. И поскольку мне все равно нечего было делать, я тут же согласился.

В ту ночь я никак не мог уснуть. Наконец, накинул рубашку и вышел во двор. В отдалении, в темном храмовом зале, я увидел Шэнь. Она стояла на коленях перед статуей Будды, держа в руках ароматические палочки, и вся ее фигура лучилась благоговением. Я беззвучно подкрался к дверному проему и услышал, как она шепчет: «Будда, умоляю, помоги Господу моему спастись из моря бед!»

Я подумал, что ослышался. Но тут она повторила:

— Будда, умоляю, помоги Господу моему спастись из моря бед!

В религии я не силен, никогда ею не интересовался, однако эта молитва показалась мне чрезвычайно странной, и у меня вырвалось:

— О чем это вы?

Она не обратила на меня внимания; продолжа-

ла сидеть, полуприкрыв глаза и подняв к груди руки с зажатыми в них палочками. Казалось, будто Шэнь следила, как ее молитва с дымом поднимается к Будде. Спустя долгое время она наконец открыла глаза и, повернув голову в мою сторону, сказала, не глядя на меня:

— Идите к себе. Утром рано вставать.

— Этот «Господь», о котором вы упомянули, — буддистское понятие? — спросил я.

— Нет.

— Но тогда…

Она стремительно поднялась и ушла, не ответив, и я больше ни о чем не успел спросить. Я несколько раз повторил про себя ее молитву, и чем дольше я это делал, тем в большее замешательство она приводила меня. В конце концов мне стало страшно. Я побежал к настоятелю.

— Что это значит, когда кто-то взывает к Будде, прося его помочь другому Господу? — спросил я и рассказал о том, чему стал свидетелем.

Настоятель молча смотрел в книгу, которую держал в руке, но, по-видимому, не читал, а размышлял над моими словами. Потом проговорил:

— Будь добр, оставь меня ненадолго. Мне необходимо подумать.

Я сразу же вышел, осознав всю необычность его просьбы. Настоятель был глубоко образованным человеком и, как правило, мог ответить на любой вопрос касательно религии, истории и культуры не задумываясь. Я прождал за дверью примерно столько времени, сколько хватило бы, чтобы выкурить сигарету, когда настоятель позвал меня.

— Думаю, есть только одно возможное объяснение. — Лицо его было мрачно.

— Что? Что это может быть? Разве есть такая религия, богу которой нужно, чтобы его почитатели молились за него другим богам?!

— Ее Господь существует на самом деле.

Ответ настоятеля озадачил меня.

— То есть вы хотите сказать, что... Будды не существует? — ляпнул я и, тут же поняв, как невежливо это прозвучало, принялся извиняться.

Настоятель медленно поднял руку, останавливая меня.

— Я же говорил — мы с тобой не можем рассуждать о буддизме. Существование Будды — это экзистенция, постигнуть которую ты не в состоянии. Но Господь, о котором говорила эта женщина, существует в том смысле, который доступен твоему пониманию. Больше мне нечего

сказать на этот счет. Единственное, что я могу, — это советовать тебе не уезжать с ней.

— Почему?

— Интуиция подсказывает. Просто чувствую, что за ней стоит нечто такое, чего мы с тобой даже не можем себе вообразить.

Я покинул келью настоятеля и пошел через храм в свою каморку. Той ночью светила полная луна. Я взглянул на нее и вздрогнул — она показалась мне странным серебристым оком, изливающим на меня свой холодный жутковатый свет.

На следующий день я уехал с Шэнь, ведь я не мог оставаться в храме всю жизнь. Но я и не думал, что в течение последующих нескольких лет буду жить как в сказке. Шэнь выполнила свое обещание. У меня появился персональный компьютер, я был окружен удобствами. Даже несколько раз уезжал из страны, чтобы поработать на суперкомпьютере, имея его при этом в полном своем распоряжении. У Шэнь куча денег — понятия не имею откуда.

Спустя некоторое время мы поженились — без особой любви и страсти, из соображений удобства. Просто у обоих была работа, которую мы стремились выполнить. Для меня эти годы

пролетели как один день. Моя жизнь шла тихо и размеренно. В доме Шэнь обо мне заботились, мне не нужно было думать ни о еде, ни об одежде, так что я мог полностью сосредоточиться на решении задачи трех тел. В гараже стояла машина, которой я мог пользоваться по своему усмотрению. Шэнь никогда не вмешивалась в мою жизнь; думаю даже, что она не стала бы возражать, если бы я привел в дом другую женщину. Ее занимали только мои исследования, и все, о чем мы говорили изо дня в день, была задача трех тел.

— Вы не знаете, чем еще занималась Шэнь? — спросил Ши Цян.

— Только «Рубежами науки». Она отдавала им все свое время. К нам каждый день приходило множество людей.

— А вас она присоединиться не просила?

— Нет. Она даже никогда не говорила со мной об организации. Мне это было безразлично. Такой уж я человек — мне ни до чего нет дела. Шэнь знает об этом и называет меня лодырем, лишенным всяческих амбиций. Организация — это не для меня, она лишь помешала бы моим исследованиям.

— И что, какой-нибудь прогресс в решении

задачи трех тел есть? — поинтересовался Ван.

— В сравнении с общим состоянием дел в этой области мой прогресс можно было бы даже назвать прорывом. Несколько лет назад Ричард Монтгомери из Калифорнийского университета и Ален Шенсине из парижского Университета Дидро обнаружили еще одно стабильное периодическое решение задачи трех тел[38]*. При соответствующих начальных условиях три тела будут следовать друг за другом по стабильной траектории в виде восьмерки. После сообщения Монтгомери и Шенсине все кинулись искать такие стабильные конфигурации, и каждое открытие встречалось ликованием. До сих пор их найдено только три или четыре.*

Но мой эволюционный алгоритм открыл уже больше ста таких конфигураций! Если их зарисовать, из рисунков можно было бы составить целую галерею модернистской живописи. Но моя цель не в нахождении решения для частных случаев. Истинное решение задачи трех тел заключается в том, чтобы построить такую математическую модель, которая при любых

---

[38] Примечания: 38

См.: Alain Chenciner and Richard Montgomery, «A remarkable periodic solution of the three-body problem in the case of equal masses,» Annals of Mathematics, 152 (2000), (881–901). — *Прим. К. Л.*

начальных условиях могла бы прогнозировать дальнейшее движение тел в системе. Того же самого жаждет и Шэнь Юйфэй.

Но вчера моя мирная жизнь кончилась.

* * *

— Это и есть преступление, о котором вы хотите заявить? — спросил Ши Цян.

— Да. Вчера позвонил какой-то человек и сказал, что, если я не прекращу исследования, мне конец.

— Кто это был?

— Не знаю.

— С какого номера он звонил?

— Не знаю. Мой телефон не определил.

— Еще какие-нибудь существенные детали?

— Я ничего больше не знаю.

Да Ши заржал и ткнул окурком в пепельницу.

— Ну и ну! Вы тут трындели целую вечность, а под конец выясняется, что все, что у вас есть, — это одна телефонная фраза да несколько «не знаю»!

— Если бы я не зашел издалека, разве бы вы поняли истинное значение этого звонка? К тому же, ограничься все только им одним, я не пошел бы к вам. Помните — я же ленив до одури. Но

случилось еще кое-что. Глухой ночью, не помню вчера или сегодня, я лежал в постели и уже начал засыпать, но вдруг почувствовал, как что-то холодное коснулось моего лица. Я открыл глаза и увидел Шэнь Юйфэй. Я чуть не умер от страха!

— И что такого страшного в том, чтобы увидеть среди ночи лицо собственной жены?

— У нее был такой взгляд, какого я в жизни не видел! На ее лицо падал свет от фонаря за окном, и она показалась мне призраком. В руке у нее был пистолет. Она приставила дуло к моему лбу и прошипела, чтобы я продолжал работать над задачей трех тел, иначе она убьет меня.

— Хм, а вот это уже интересно! — Да Ши удовлетворенно кивнул и прикурил очередную сигарету.

— Интересно?! Слушайте, мне же больше некуда идти! Вот я и пришел к вам.

— Повторите дословно, что она сказала.

— Она сказала: «Если тебе удастся решить задачу, ты станешь спасителем мира. Если прекратишь сейчас работу — грешником. Если бы кому-то было дано спасти или уничтожить человеческую расу, то твое возможное благодеяние или грех были бы вдвое больше, чем у него».

Да Ши выдохнул густой клуб дыма и пронзил

Вэй Чэна таким взглядом, что тот поежился. Капитан выудил из хаоса на своем столе блокнот и ручку.

— Вы хотели, чтобы мы делали заметки, да? Тогда повторите все, что только что сказали.

Вэй повторил.

— Ее высказывание действительно очень странно, — проговорил Ван. — Что она имела в виду под «вдвое тяжелее»?

Вэй моргнул.

— Должно быть, это все очень серьезно. Когда я пришел сюда, дежурный сразу сказал, что мне надо к вам, капитан. Похоже, вы уже начали приглядываться к нам с Шэнь?

Да Ши опять кивнул.

— Ответьте мне вот на какой вопрос: как вы думаете, пистолет, которым вам угрожала жена, существовал на самом деле? — Увидев, что Вэй не знает, что ответить, он добавил: — Вы ощущали запах смазки?

— Да, определенно!

— Угу. — Да Ши, все это время сидевший на столе, спрыгнул на пол. — Наконец у нас есть зацепка! Незаконное владение оружием — достаточный повод для обыска. Оформление бумаг оставим до завтра, сейчас не до этого. Действо-

вать надо немедленно!

Он повернулся к Вану:

— Отдыхать некогда. Придется тебе потрудиться еще, мне нужен твой совет. — Затем обратился к Сюй Бинбин, которая за все это время не проронила ни слова: — Бинбин, сейчас у меня только двое помощников на дежурстве — чертовски мало! Знаю, народ из Отдела информационной безопасности не привык к оперативной работе, но мне нужно, чтобы ты пошла с нами.

Сюй кивнула, явно обрадовавшись возможности убраться из задымленного кабинета.

* * *

Помимо Да Ши и Сюй команда оперативников, отправившихся на обыск, состояла из Ван Мяо, Вэй Чэна и двух упомянутых служащих уголовного розыска. Все шестеро разместились в двух полицейских автомобилях и понеслись в предрассветных сумерках к элитному поселку на окраине.

Сюй с Ваном расположились на заднем сиденье. Не успела машина тронуться с места, как Сюй прошептала:

— Профессор Ван, ваша репутация в «Трех телах» очень высока.

Кто-то упомянул о «Трех телах» в реальном мире! Ван встревожился и обрадовался. Он сразу ощутил душевное родство с женщиной в полицейской форме.

— Вы играете?!

— В мои обязанности входят мониторинг и трекинг. Нудная работа.

Ван с нетерпением воскликнул:

— Расскажите мне об игре! Пожалуйста! Мне так хочется узнать побольше!

В тусклом свете, проникающем сквозь окно автомобиля, Ван разглядел на лице Сюй загадочную улыбку.

— Да мы и сами не прочь бы узнать побольше! К сожалению, все игровые серверы находятся за границей, система и файрвол очень надежные и тяжело поддаются взлому. Нам известно очень немногое, но в одном мы уверены: она организована не ради прибыли. Качество программного обеспечения чрезвычайно высокое, количество содержащейся информации выходит за обычные рамки. Она даже не выглядит игрой!

— А вам ничто в ней не кажется… — Ван запнулся, ища подходящее слово, — …*сверхъестественным*?

Эта ночь была полна для Вана странных сов-

падений: не успел он победить в таинственной игре, как его тут же вызвали обсуждать задачу трех тел с Вэй Чэном; а теперь Сюй говорит ему, что занимается мониторингом игры. Что-то здесь неладно!

— Да вроде нет… В создании игры принимали участие многие разработчики со всех концов света. Метод сотрудничества похож на обычный, с открытым исходным кодом, вроде тех, что используются в системе Линукс. Правда, средства разработки самые передовые. Что же до содержания игры… В нем действительно ощущается нечто сверхъестественное, как вы сказали. Однако мы пока руководствуемся знаменитым правилом капитана Ши: все это дело человеческих рук. Наши попытки отслеживания довольно эффективны, и результаты не заставят себя ждать.

Молодая женщина не была искусной лгуньей — из ее последней фразы следовало, что ей известно гораздо больше, чем она говорит.

— Так его правило теперь «знаменитое»? — Ван взглянул на Да Ши, громоздящегося в водительском кресле.

Когда они подъехали к дому Вэя, солнце еще не встало. Примерно в это же время суток Ван застал

Шэнь играющей в «Три тела». Окно на втором этаже светилось, но остальные были темны.

Ван вылез из машины и услышал, как на втором этаже что-то несколько раз стукнуло в стену. Да Ши, выскочивший из автомобиля раньше, рванулся вперед. Одним пинком распахнув калитку, он помчался через палисадник с неожиданным для его массивной фигуры проворством. Трое его коллег не отставали.

Ван с Вэем последовали за всеми в дом. Они взбежали по лестнице, ворвались в освещенную комнату — и из-под их подошв полетели брызги. Весь пол был залит кровью. Посередине комнаты лежала Шэнь; кровь еще сочилась из двух огнестрельных ран в ее груди. Третья пуля прошила левую бровь, и все лицо женщины превратилось в алую маску. Рядом в багровой луже валялся пистолет.

Да Ши и еще один полицейский бросились в темную комнату напротив. Окно в ней было открыто, и Ван услышал, как на улице завелся автомобиль. Коллега Да Ши принялся звонить по телефону. Сюй Бинбин держалась чуть в стороне, с опаской наблюдая за происходящим. Должно быть, она, как и Ван, никогда раньше не видела подобной картины.

Через несколько секунд Да Ши вернулся. Сунув пистолет в кобуру, он бросил полицейскому с телефоном:

— Черный «Фольксваген Сантана», в нем только один человек. Номер я не разглядел. Скажи, чтобы заблокировали все выезды на пятое кольцо. Вот дерьмо! Этому типу, скорее всего, удастся сбежать.

Да Ши осмотрелся и увидел отверстия от пуль в стене. Взглянув на рассыпанные по полу гильзы, он добавил:

— Подозреваемый выстрелил пять раз, три пули попали в женщину. Она стреляла дважды, оба раза промазала. — Ши и второй полицейский присели на корточки, чтобы внимательнее осмотреть тело. Сюй, держась все так же позади, украдкой поглядывала на Вэя, стоявшего рядом. Да Ши поднял на него глаза.

На лице Вэя можно было заметить след потрясения и намек на скорбь, но именно лишь след и намек — лицо его сохраняло свое обычное деревянное выражение. Математик вел себя намного спокойнее Вана.

— Похоже, вам это все до фонаря, — сказал ему Да Ши. — А ведь, по-видимому, это *вас* собирались убить!

Вэй криво улыбнулся.

— А что я-то могу поделать? Даже сейчас я фактически ничего не знаю о своей жене. Сколько раз говорил ей, чтобы жила потихоньку, не высовывалась! Настоятель, пожалуй, был прав… Но… А, да ладно…

Да Ши выпрямился и, подойдя к Вэю, встал напротив него. Затем вытащил сигарету и прикурил.

— Думаю, вы рассказали нам не все.

— Мне попросту было лень.

— В таком случае советую вам сейчас немного потрудиться!

Вэй несколько мгновений раздумывал, затем произнес:

— Сегодня… нет, вчера после обеда она ругалась в гостиной с одним человеком, с Пань Ханем — известным защитником окружающей среды. Они и раньше, бывало, устраивали разборки, все время по-японски, наверно, чтобы я не понял. Но вчера им, по-видимому, было наплевать, и они ругались по-китайски. Ну я и услышал кое-что.

— Что именно? И постарайтесь поточнее.

— Ладно. Пань Хань сказал: «Хоть на первый взгляд нас и можно принять за соратников, на самом деле мы лютые враги!» Шэнь ответила:

«Да, вы пытаетесь использовать мощь Господа нашего во вред человеческой расе!» Пань сказал: «В общем, вы понимаете правильно. Мы желаем, чтобы Господь явился в этот мир и покарал тех, кто уже давно этого заслуживает. Однако вы стараетесь помешать его приходу! Вот почему мы не можем с вами примириться. Если вы не прекратите, мы найдем способ вас остановить!» Шэнь сказала: «Со стороны Командующего было недальновидно позволить вам присоединиться к организации!» Пань сказал: «Если уж мы об этом заговорили — вы можете определить, на чьей стороне Командующий? Адвентистов или редемпционистов[39]? Чего хочет Командующий — уничтожения человечества или его спасения?» Шэнь умолкла на некоторое время, а потом они продолжили спорить, но уже не так громко; больше я ничего не разобрал.

— А как звучал голос того человека, что угрожал вам по телефону?

— Вы имеете в виду, не был ли это Пань Хань? Не знаю. Он разговаривал шепотом, я не узнал голос.

Подъехало еще несколько полицейских машин

---

[39] Примечания: 39

От латинских слов adventus — пришествие и redimere — искупать, избавлять, а также улучшать. — *Прим. перев.*

с воющими сиренами. Группа полицейских в белых перчатках и с фотоаппаратами поднялась на второй этаж. Дом загудел — такая здесь воцарилась бурная деятельность. Да Ши велел Вану идти домой и отдыхать.

Но Ван вместо этого отправился в комнату с компьютером, где нашел Вэя.

— Вы не могли бы изложить мне общие принципы вашего эволюционного алгоритма? — попросил Ван. — Мне бы хотелось… кое-кого познакомить с ним. Понимаю, это весьма неожиданная просьба. Но если нельзя, то не надо.

Вэй достал какой-то CD и протянул его Вану:

— Все здесь — и модель, и дополнительные материалы. Сделайте одолжение, опубликуйте под собственным именем. Вы очень меня обяжете.

— Что вы, что вы! Разве можно!

— Профессор Ван, вы хороший человек, человек с развитым чувством ответственности. — Вэй указал на диск в руке Вана. — Именно поэтому я и советовал бы вам держаться от всего этого подальше. Мир накануне больших перемен. Самое лучшее в этих обстоятельствах — постараться прожить остаток своих дней в мире и покое. Заботьтесь только об этом, на остальное наплюйте, оно все равно яйца выеденного не стоит.

— Кажется, вам известно гораздо больше, чем вы рассказали.

— Я общался с Шэнь ежедневно. Тут начнешь кое о чем догадываться.

— Так почему же вы не расскажете полиции?

Вэй презрительно улыбнулся.

— Полиция бессильна. Даже если бы сам Бог был здесь, человечеству это не помогло бы. Люди достигли рубежа, за которым никто не услышит их молитв.

Вэй стоял у окна, выходящего на восток. Небо за отдаленными силуэтами городских небоскребов посветлело. Почему-то эта картина напомнила Вану те странные рассветы, с которых начиналась каждая игра.

— Сказать правду, у меня тоже неспокойно на душе, — признался Вэй. — Последние несколько ночей я не спал. Каждое утро при виде восхода мне кажется, что это закат. — Вэй повернулся к Вану, долго молчал, а потом добавил: — А все потому, что Бог, или Господь, о котором говорила Шэнь, больше не может защитить даже себя самого.

Глава 17
Три тела: Ньютон, фон Нейман, первый император и сизигия[40] трех солнц

На втором уровне «Трех тел» начало игры мало чем отличалось от первого: все тот же странный холодный рассвет, та же колоссальная пирамида. Только на этот раз пирамида снова была в египетском стиле.

Послышался звон металла о металл. Звук еще больше подчеркнул тишину зябкого утра. Ван поискал глазами его источник и увидел у подножия пирамиды две темные фигуры. В тусклом свете сумерек между ними что-то посверкивало — шел поединок на шпагах.

Когда глаза приспособились, Ван смог рассмотреть фигуры получше. Судя по форме пирамиды, действие разворачивалось на Востоке (вернее, в его «трехтельной» версии), но дерущиеся носили европейскую одежду XVIXVII веков. Тот, что пониже ростом, пригнулся, уклоняясь от шпаги,

---

[40] Примечания: 40

Сизигия (от др. — греч. «сизигос» — сопряжение, соединение) — термин, обозначающий расположение трех небесных тел на одной прямой, обычно применяемый в астрономии и астрологии. Пример сизигии — новолуние. — *Прим. перев.*

и его серебристый парик свалился на землю. Последовало еще несколько выпадов и парирований, а потом из-за угла пирамиды показался третий человек и побежал к дуэлянтам. Видимо, он собирался разнять их, но клинки, со свистом рассекающие воздух, не подпустили его близко.

— Остановитесь! У вас что, нет дел поважнее? Где ваше чувство ответственности? Если у цивилизации нет будущего, то какое значение имеет ничтожная толика славы, из-за которой вы деретесь?!

Дуэлянты, не обращая внимания на миротворца, продолжали махать шпагами. Тот, что был повыше, вскрикнул от боли, шпага его со звоном упала на землю. Он повернулся и побежал, держась за раненую руку. Второй сделал пару шагов вдогонку, остановился и плюнул вслед проигравшему.

— Ни стыда ни совести! — воскликнул он и наклонился за париком. Выпрямившись и увидев Вана, он махнул в сторону убежавшего и добавил: — Набрался наглости утверждать, что это он изобрел математический анализ! — Человек напялил парик на голову и церемонно раскланялся перед Ваном: — Исаак Ньютон, к вашим услугам!

— Проигравший, должно быть, Лейбниц? —

осведомился Ван.

— Именно. Негодяй! Вообще-то, мне не особо-то и нужен этот мелкий осколок славы. Три закона механики уже сделали меня самой значительной личностью в этом мире после Господа Бога. Все — от движения планет до деления клетки — подчиняется трем великим законам. А теперь, имея такой мощный инструмент, как математический анализ, мы рассчитаем орбиты наших трех солнц — это лишь вопрос времени.

— Не так-то все просто, — возразил человек, пытавшийся остановить дуэль. — Вы не задумывались, какое количество вычислений потребуется? Я видел ваши дифференциальные уравнения и не думаю, что для нашей задачи имеется аналитическое решение, — только численное. И все же вычислений понадобится столько, что если засадить за эту работу всех математиков мира и заставить их трудиться беспрерывно, то они ее до конца света не решат. Конечно, если мы не научимся рассчитывать траектории солнц в ближайшее же время, то конец света наступит гораздо скорее, чем мы ожидаем. — Он тоже поклонился Вану, но на более современный ма-

нер. — Фон Нейман[41].

— А разве вы не затем затащили нас так далеко на Восток, чтобы решить эти уравнения? — осведомился Ньютон и обратился к Вану: — С нами плыли Норберт Винер и этот дегенерат, который удрал. У Мадагаскара на нас напали пираты. Винер вступил с ними в бой, чтобы мы, остальные, могли спастись, а сам погиб смертью храбрых.

— Но зачем понадобилось ехать в такую даль, чтобы построить компьютер? — спросил Ван у фон Неймана.

Фон Нейман с Ньютоном в недоумении переглянулись.

— Компьютер? Машина для вычислений? А разве такое существует?!

— Вы не знаете о существовании компьютеров? А как же вы собирались справиться со всем этим огромным количеством вычислений?

---

[41] Примечания: 41

Джон фон Нейман (28 декабря 1903, Будапешт — 8 февраля 1957, Вашингтон) — американский математик еврейского происхождения, сделавший важный вклад в квантовую физику, квантовую логику, функциональный анализ, теорию множеств, информатику, экономику и другие отрасли науки. Наиболее известен как человек, с именем которого (спорно) связывают архитектуру большинства современных компьютеров (так называемая архитектура фон Неймана) и применение теории операторов к квантовой механике (алгебра фон Неймана), а также как участник Манхэттенского проекта и создатель теории игр и концепции клеточных автоматов. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

Фон Нейман смотрел на Вана во все глаза, словно задавался вопросом, все ли у собеседника в порядке с головой.

— С помощью людей, конечно. Что в мире, кроме людей, способно производить вычисления?

— Но вы же только что сами сказали, что всех математиков мира будет недостаточно!

— Мы и не собираемся использовать математиков. Вместо них будут обычные люди. Но их нужно очень много — по меньшей мере, тридцать миллионов. Мы применим к математике грубую силу, бросимся на нее в массированную атаку!

— Обычные люди? Тридцать миллионов? — ошеломленно повторил Ван. — Но, насколько мне помнится, в эту эпоху девяносто процентов населения не знало грамоты! А вы хотите найти тридцать миллионов человек, разбирающихся в математическом анализе?!

— Вы не слышали анекдота про армию Сычуани? — Фон Нейман вытащил толстую сигару, откусил кончик, прикурил. — Солдаты, люди совершенно необразованные, во время муштры не могли справиться даже с самыми простыми командами типа «левой — правой». Командир нашел решение: велел каждому солдату обмотать левую ногу соломой, а правую — тряпкой.

И когда они начали маршировать, он кричал им… — Тут фон Нейман заговорил с сычуаньским акцентом: — «Солома — тряпка, солома — тряпка!» Вот таких солдат нам и надо. Только нам надо тридцать миллионов.

Услышав этот современный анекдот[42], Ван понял, что его собеседник — не программа, а реальный человек, скорее всего, китаец.

— Такую огромную армию трудно даже себе вообразить, — сказал Ван, качая головой.

— Поэтому мы и приехали к Цинь Шихуанди, Первому Императору[43]. — Ньютон указал на пирамиду.

— Он все еще у власти?

Ван оглянулся вокруг. Стражники, охранявшие вход в пирамиду, и правда были одеты в простые кожаные латы и держали в руках алебарды в стиле «цзи», популярном в эпоху династии Цинь. Анахронизмы и мешанина исторических элементов в «Трех телах» его больше не удивляли.

— И он будет властвовать над всем миром,

---

[42] Примечания: 42

Так написано у автора. Вообще-то анекдот про сено-солому давно обзавелся очень солидной бородой и популярен не только у китайцев. — *Прим. перев.*

[43] Примечания: 43

Тем, кто не знаком с личностью Цинь Шихуанди, настоятельно рекомендуем ознакомиться. — *Прим. перев.*

потому что его армия, насчитывающая больше тридцати миллионов человек, готовится к походу на Европу.

Ну что ж, пойдем, познакомимся с императором! — Фон Нейман повернулся к Ньютону: — Бросьте шпагу!

Тот повиновался.

Все трое вошли в пирамиду. Пройдя по тунелю, они собрались было ступить в Большой зал, но тут один из стражников потребовал, чтобы путники сняли с себя всю одежду. Ньютон взвился:

— Мы знаменитые ученые! Люди нашего ранга не носят тайного оружия!

Ситуация сложилась патовая. И в этот момент в глубине зала прозвучал глубокий мужской голос:

— Это тот чужестранец, что открыл три закона движения? Впустите его вместе со спутниками.

Они вошли в зал. Первый Император расхаживал взад-вперед, подол его мантии и знаменитый длинный меч волочились по полу. Когда Цинь Шихуанди повернулся к гостям, Ван увидел его глаза — они были точь-в-точь как у царя Чжоу из дома Шан и у папы Григория.

— Цель вашего визита мне известна. Вы из

Европы. А почему вы не обратились к Цезарю? Его империя велика. Уж он-то смог бы найти для вас тридцать миллионов солдат!

— О почтеннейший император, разве вы не знаете, во что превратилась его армия? Не знаете, в каком упадке его империя? Даже река, текущая через величественный Вечный город Рим, загрязнена до крайности. И знаете чем?

— Отходами военного производства?

— Нет, великий император — блевотиной римлян после их чересчур изобильных пиршеств. Перед началом пира под столы заранее ставят носилки. Когда патриции объедятся до такой степени, что не могут пошевелиться, слуги относят их домой. Вся империя погрязла в трясине излишеств, и вырваться из нее она не в состоянии. Даже если бы Цезарь и смог собрать тридцать миллионов человек, у них отсутствовали бы силы и качества, требующиеся для нашей великой задачи.

— Мне об этом известно, — сказал Цинь Шихуанди. — Но Цезарь сейчас реорганизовывает и вдыхает новую жизнь в свою армию. Познания жителей Запада внушают трепет. Вы не умнее людей Востока, но вы умеете прозревать верный путь. Например, Коперник установил, что солнц

три, а ты, Ньютон, вывел свои три закона. Очень впечатляющие достижения. Здесь, на Востоке, пока что нет ничего, равного им. У меня не хватит сил для завоевания Европы. Мои корабли недостаточно хороши, а линии снабжения по суше долго не продержатся.

Фон Нейман не упустил момент:

— Именно поэтому ваша империя должна продолжить свое развитие, великий император! Если вы выявите траектории движения солнц, то сможете полнее использовать Эры Порядка и сводить к минимуму вред, наносимый Эрами Хаоса. И тогда ваш прогресс пойдет намного быстрее, чем в Европе. Верьте нам, мы люди науки. До тех пор пока мы, опираясь на три закона механики и пользуясь математическим анализом, сможем вычислять орбиты солнц, нам безразлично, кто властвует над миром!

— Ты прав, мне необходимо иметь точные предсказания о перемещении светил. Но если вы хотите, чтобы я собрал для вас тридцать миллионов человек, вы обязаны по меньшей мере показать мне, как будут производиться ваши вычисления.

Фон Нейман воодушевился:

— Ваше императорское величество, дайте мне

троих солдат, и я все вам продемонстрирую!

— Троих? Только троих? Я запросто могу дать тебе три тысячи! — Цинь Шихуанди бросил на фон Неймана недоверчивый взгляд.

— Ваше императорское величество, вы только что сами отметили изъян в восточном образе мышления по сравнению с западным. Вы пока еще не осознали, что даже самые сложные во Вселенной вещи составлены из простейших элементов. Мне нужны всего трое.

Цинь Шихуанди взмахнул рукой, и вперед выступили трое солдат — все очень молодые. Как и прочие воины Первого Императора, они двигались, словно автоматы, послушные приказанию.

— Я не знаю, как вас зовут, — сказал фон Нейман и похлопал двоих из них по плечу. — Вы будете отвечать за входной сигнал, поэтому я буду называть вас Вход 1 и Вход 2. А ты, — он ткнул пальцем в третьего солдата, — будешь отвечать за выходной сигнал, поэтому твое имя Выход. — Он показал, как им стать. — Образуйте треугольник. Вот так. Выход в вершине. Входы 1 и 2 — в основании.

— Сказал бы просто: станьте как при атаке клином! — проговорил Цинь Шихуанди, смерив фон Неймана презрительным взглядом.

Ньютон достал шесть флажков: три белых и три черных. Фон Нейман вручил их солдатам — каждому по два флажка разного цвета.

— Белый — это 0, черный — 1. Хорошо. А теперь слушайте меня внимательно. Выход, повернись кругом, лицом ко Входам. Если оба они поднимают черные флажки, ты тоже поднимаешь черный. При любых других сочетаниях ты поднимаешь белый.

— Я считаю, вам следовало бы использовать какие-то другие цвета, — сказал Цинь Шихуанди. — Белый означает капитуляцию.

Возбужденный фон Нейман не обратил на императора внимания. Он начал выкрикивать солдатам команды:

— Приступить к операции! Входы 1 и 2, вы можете поднять флажки, какие пожелаете. Уразумели? Хорошо. Поднять флажки! Отлично. Поднять еще раз! Поднять!

Вход 1 и Вход 2 подняли флажки три раза. В первый раз черный/черный, во второй — белый/черный, в третий — черный/белый. Выход реагировал правильно и поднял один раз черный флажок и два раза белый.

— Прекрасно! Ваше императорское величество, ваши солдаты очень сообразительны.

— Да на это любой идиот способен! Растолкуй мне, что они, собственно, делают? — Вид у Цинь Шихуанди был озадаченный.

— Эти три солдата составляют логический элемент — своего рода вентиль. Мы называем его элементом «И». — Фон Нейман сделал паузу, чтобы император осмыслил информацию.

— Пока не впечатляет, — безразлично заметил Цинь Шихуанди. — Продолжай.

Фон Нейман снова повернулся к солдатам:

— А сейчас образуем другой элемент. Выход, если ты увидишь, что один из Входов поднял черный флаг, ты поднимаешь черный. Существуют три сочетания, при которых это будет верно: черный/черный, белый/черный, черный/белый. Когда будет белый/белый, ты поднимаешь белый флаг. Понял? Молодец, умный малый. Ты ключ к правильной работе вентиля. Трудись, и император вознаградит тебя! Приступим к операции. Поднять флаги! Отлично, поднять опять! Великолепно! Ваше императорское величество, данный компонент называется вентилем «ИЛИ».

Затем фон Нейман превратил тех же троих солдат в логический элемент «И-НЕ», затем в «ИЛИ-НЕ», в «исключающее ИЛИ», «исключающее ИЛИ-НЕ» и вентиль в высокоимпедансном

состоянии. Под конец, задействовав только двоих солдат, он создал простейший из элементов — вентиль «НЕ», иначе называемый инвертором: Выход всегда поднимает флаг противоположного цвета, чем поднятый Входом.

Фон Нейман поклонился императору.

— Теперь, ваше императорское величество, вам были продемонстрированы все логические элементы. Просто, не правда ли? Достаточно часовой тренировки, и любая тройка солдат овладеет нужным навыком.

— И что, больше им ничего не надо учить? — не поверил Цинь Шихуанди.

— Больше ничего. Мы образуем десять миллионов таких вентилей и сведем все компоненты в единую систему. Она будет способна произвести нужные нам расчеты и решить дифференциальные уравнения, прогнозирующие движение солнц. Как же нам назвать это устройство… э-э…

— Компьютер, — подсказал Ван.

— А, здорово! — Фон Нейман поднял вверх оттопыренные большие пальцы. — Компьютер! Великолепное название[44]! Вся система

[44] Примечания: 44

Для тех, кто случайно позабыл: computare по-латыни буквально означает «составлять вместе», другие значения — «выявлять», «подводить итог», «высчитывать». — *Прим. перев.*

— громадная машина, самая сложная машина в истории!

* * *

Время игры ускорилось. Прошло три месяца.

Цинь Шихуанди, Ньютон, фон Нейман и Ван стояли на вершине пирамиды. Платформа, заполненная множеством астрономических приборов (некоторые современного европейского вида), походила на ту, где Ван встретился с Мо-цзы. Отсюда открывалось величественное зрелище: внизу на равнине расположилась армия Цинь в тридцать миллионов человек. Вся она уместилась в квадрате со стороной в шесть километров. Всходило солнце. Армия стояла неподвижно, похожая на гигантскую мозаику из миллионов терракотовых воинов. Однако стайка птиц, вздумавшая пролететь над головами солдат, мгновенно почувствовала исходящую от них смертельную угрозу и в панике унеслась прочь.

Ван немного посчитал в уме и поразился: если все население Земли собрать в одну такую фалангу, как эта, оно уместилось бы в границах шанхайского района Хуанпу. Несмотря на всю мощь собравшегося у подножия пирамиды войска, это зрелище наглядно показывало, как

хрупка человеческая цивилизация.

Фон Нейман сказал:

— Великий император, ваша армия воистину не имеет себе равных. Мы смогли осуществить столь сложную подготовку в столь краткий срок!

Цинь Шихуанди положил ладонь на рукоять своего длинного меча.

— Хотя общее целое сложно, задача каждого воина очень проста. По сравнению с муштрой, которую им пришлось выдержать, готовясь противостоять македонской фаланге, это сущие пустяки!

— К тому же, — добавил Ньютон, — Бог благословил нас двумя Эрами Порядка подряд!

— Мое войско продолжает учения и в Эру Хаоса. Оно завершит расчеты в любых условиях! — Император смотрел на своих солдат с гордостью.

— В таком случае, ваше императорское величество, извольте отдать приказ! — Голос фон Неймана дрожал от нетерпения.

Цинь Шихуанди кивнул. К нему подскочил стражник, ухватился за рукоять длинного меча и сделал шаг назад. Длина клинка не позволяла императору самому извлечь его из ножен. Стражник преклонил колена и вручил оружие его хозяину. Цинь Шихуанди воздел меч к небу и

провозгласил:

— Построиться в компьютер!

Тотчас из четырех громадных бронзовых жаровен в углах платформы взметнулись столбы ревущего пламени. Строй солдат, расположившийся на наклонной стене пирамиды, обращенной к войску, прокричал в унисон:

— Построиться в компьютер!

Войско внизу, на земле, ожило, задвигалось, заиграло цветами. Стали возникать сложные конфигурации цепей, которыми постепенно заполнился весь строй. Прошло десять минут — и войско превратилось в вычислительное устройство площадью в тридцать шесть квадратных километров.

Фон Нейман, указывая на гигантский человеческий компьютер у подножия пирамиды, приступил к объяснениям:

— Ваше императорское величество, этот компьютер мы назвали Qin[45] I. Взгляните: посередине центральный процессор. Это ядро вычислительных элементов, образованное из пяти ваших лучших дивизий. Сверяясь вот с этой схемой, вы сможете определить местонахожде-

---

[45] Примечания: 45

Произносится «Цинь». — *Прим. перев.*

ние сумматоров, регистров и стековой памяти. Область вокруг с регулярно повторяющимся рисунком — ОЗУ, или оперативная память. Формируя этот компонент, мы обнаружили, что у нас не хватает солдат. К счастью, задачи, выполняемые каждым элементом этого отдела компьютера, крайне просты, поэтому мы обучили солдат работать с несколькими флагами разных цветов. Теперь один солдат выполняет работу, для которой раньше требовалось двадцать. Это позволило нам получить достаточно памяти для функционирования операционной системы Qin 1.0. Обратите также внимание на свободный коридор, идущий через весь строй, и ожидающую в нем легкую кавалерию. Это системная шина, ответственная за передачу информации между компонентами системы.

Шинная архитектура — великое изобретение. К основной операционной шине можно быстро подключить дополнительные программные модули, задействовав до десяти дивизий! Это позволяет легко расширять и совершенствовать аппаратное обеспечение Qin I. А теперь посмотрите сюда — возможно, для этого вам понадобится подзорная труба — здесь внешнее хранилище, которое мы, по предложению Коперника, называем

«жесткий диск». Оно составлено из трех миллионов наиболее образованных солдат. Я слышал, что, объединив Китай, вы похоронили живьем сотни ученых. Какое счастье, что вы тогда пощадили *этих* людей! Каждый из них снабжен пером и бумагой для записи результатов. Конечно, их основная задача — служить виртуальной памятью и фиксировать промежуточные результаты вычислений. Жесткий диск — это бутылочное горлышко, фактор, ограничивающий скорость вычислений. И, наконец, ближайшая к нам область — это дисплей, показывающий наиболее важные параметры работы компьютера в режиме реального времени.

Фон Нейман с Ньютоном поднесли к императору громадный свиток высотой в рост человека и развернули его. Сердце Вана екнуло: он вспомнил легенду об убийце, спрятавшем кинжал в свиток, который он затем развернул перед императором. Но в этом свитке никакого кинжала не оказалось. Перед зрителями простерся огромный лист бумаги, сплошь исписанный символами размером с мушиную головку. Символов было так много, что в глазах рябило — так же как и при взгляде на живой компьютер внизу.

— Ваше императорское величество, это разра-

ботанная нами операционная система Qin 1.0. Под ее управлением будет выполняться программа для расчетов. Там, внизу, — фон Нейман указал на живой компьютер, — аппаратное обеспечение. То, что вы видите здесь, на бумаге, — программное обеспечение. Отношение между аппаратным и программным обеспечением то же, что между цитрой гуцинь[46] и нотами, написанными на бумаге.

Фон Нейман с Ньютоном развернули еще один свиток, такой же громадный.

— Ваше императорское величество, а это программа, использующая численные методы для решения упомянутых дифференциальных уравнений. Мы введем сюда векторы движения солнц, полученные путем астрономических наблюдений в определенный момент времени; программа вычислит последующие перемещения светил, и тогда у нас будет прогноз для любого момента времени в будущем. Наша первая серия расчетов определит все позиции солнц на следующие два года. Временной шаг между каждым набором

---

[46] Примечания: 46

Гуцинь, также называемый «цисяньцинь» (от кит. Ци — «семь», сянь — «струны», цинь — «~струнный инструмент~»), — китайский семиструнный щипковый музыкальный инструмент, разновидность цитры. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

выходных данных — сто двадцать часов.

Цинь Шихуанди кивнул.

— Хорошо. Приступайте.

Фон Нейман поднял обе руки над головой и торжественно провозгласил:

— По приказу великого императора включить компьютер! Приступить к встроенному тестированию!

Шеренга солдат, выстроившаяся посередине наклонной стены пирамиды, повторила команду при помощи флагов. В ту же секунду материнская плата из тридцати миллионов человек стала похожа на озеро, играющее яркими бликами в солнечный день. Взвивались и опускались миллионы флажков. На «дисплее», самом близком к пирамиде блоке, возникла и начала медленно удлиняться полоска зеленых флажков, показывающая прогресс тестирования в процентах. Через десять минут полоска дошла до конца.

— Встроенное тестирование окончено! Переходим к загрузке! Загрузить операционную систему!

По главной шине, проходящей через весь строй, полетела легкая кавалерия. Главная шина превратилась в бурную реку. Река разделилась на множество протоков, пронизывающих все мо-

дульные подразделения. Вскоре рябь черных и белых флажков слилась в единые волны, которые принялись перекатываться по всей материнской плате. Особенно бурлил центральный процессор — словно в него насыпали порох и подожгли.

И вдруг движение в процессоре стало утихать и постепенно остановилось, словно порох вдруг выгорел. Затишье разошлось от процессора кругами по всем направлениям. Это было похоже на то, как замерзает море. Наконец вся материнская плата замерла, только несколько разрозненных элементов иногда безжизненно помаргивали, замкнувшись в бесконечном цикле. Центр дисплея замигал красным.

— Система зависла! — выкрикнул офицер-сигнальщик. Вскоре определили причину остановки: один из вентилей в регистре состояния процессора дал сбой.

— Перезагрузить систему! — уверенно скомандовал фон Нейман.

— Подождите! — Ньютон остановил офицера-сигнальщика и обратился к Цинь Шихуанди с коварной усмешкой на лице: — Ваше императорское величество, чтобы улучшить стабильность системы, надлежало бы принять корректировочные меры в отношении дефектных компо-

нентов…

Цинь Шихуанди сжал свой меч и приказал:

— Заменить испортившийся компонент и отрубить головы всем его составляющим! На будущее запомните: при любом сбое будут приниматься те же меры!

Фон Нейман взглянул на Ньютона с отвращением. Несколько всадников с мечами наголо рванулись внутрь строя. После того как засбоивший компонент «отремонтировали», была вновь дана команда перезагрузить систему. На этот раз операция прошла без сучка без задоринки. Двадцать минут спустя впервые в истории «Трех тел» живой человеческий компьютер, основанный на архитектуре фон Неймана, приступил к работе под управлением операционной системы Qin 1.0.

— Запустить программу расчета солнечных орбит «Три тела 1.0»! — во все горло проорал Ньютон. — Загрузить главный вычислительный модуль! Загрузить модуль дифференциального счисления! Загрузить модуль анализа методом конечных элементов! Загрузить модуль спектрального метода! Ввести начальные условия и… начать расчеты!

Материнская плата засверкала, на дисплее появились индикаторы всех цветов радуги. Живой

компьютер приступил к долгим вычислениям.

— Это действительно интересно, — сказал Цинь Шихуанди, указывая на впечатляющее красочное зрелище. — Поведение каждого индивида так просто, и все же все вместе они составляют такое сложное целое! Европейцы называют меня тираном, обвиняя в том, что я якобы подавляю порыв к творчеству. Но в действительности огромное количество людей, спаянных в единое целое и подчиняющихся суровой дисциплине, в состоянии произвести на свет великую мудрость!

— Государь, никакая это не мудрость. Всего лишь тупая механическая работа. Каждый из этих простецов сам по себе нуль, ничтожество. И только когда такой человек, как вы, встает во главе масс, целое проявляет свой глубинный смысл! — Ньютон льстиво улыбнулся.

— Отвратительная философия! — воскликнул фон Нейман, бросив на Ньютона неприязненный взгляд. — Если в конце концов окажется, что результаты, полученные на основе твоей теории и по твоей математической модели, не соответствуют действительности, тогда мы с тобой даже на нуль не потянем!

— Абсолютно верно. В этом случае вы превратитесь в ничто! — изрек Цинь Шихуанди,

повернулся и покинул сцену.

* * *

Темп игры ускорился. Человеческий компьютер работал год и четыре месяца. Если вычесть время, затраченное на отладку программ, сами расчеты заняли примерно год и два месяца. В течение этого времени работу два раза приходилось прерывать из-за невыносимых погодных условий Эр Хаоса. Но перед каждым выключением компьютер сохранял данные и потом успешно возобновлял расчеты после перезапуска. К тому моменту, когда Цинь Шихуанди и европейские ученые снова взошли на пирамиду, первый этап вычислений завершился. Было получено точное описание траекторий, по которым светила будут двигаться следующие два года.

Рассвет был холодным. Факелы, освещавшие компьютер ночью, погасили. По завершении последних вычислений Qin I вошел в режим ожидания. Бурные волны, захлестывавшие материнскую плату, сменились легкой рябью.

Фон Нейман и Ньютон представили Цинь Шихуанди свиток с результатами вычислений. Ньютон принялся разъяснять:

— Великий Первый Император, эти расчеты

были закончены трое суток назад. Мы ждали до сегодняшнего дня, чтобы рассказать вам об этом, потому что, согласно результатам наших вычислений, долгая ночь вот-вот завершится и мы встретим первый рассвет Эры Порядка, которая продлится целый год. Судя по параметрам орбит, климат будет необычайно мягким и приятным. Да возродится ваша империя к новой жизни! Соизвольте отдать приказ о регидрации.

— Никто в моей империи не дегидрировал с того самого момента, когда мы затеяли всю эту возню, — раздраженно сказал Цинь Шихуанди, выхватывая свиток. — Я бросил все ресурсы на поддержание работы компьютера, у нас уже никаких припасов не осталось! Бесчисленное множество народу умерло от голода, холода и зноя! — Император махнул свитком вдаль. В тусклых утренних сумерках виднелись десятки светлых полос, разбегающихся от краев материнской платы и исчезающих за горизонтом. Это были дороги, по которым сюда со всех концов империи подвозили довольствие.

— Ваше императорское величество, вы скоро убедитесь в том, что жертвы были не напрасны, — заверил фон Нейман. — После того как мы вычислим траектории движения солнц, развитие

империи Цинь пойдет семимильными шагами, и она станет во много раз более могущественной, чем раньше!

— Согласно расчетам, до восхода осталось несколько мгновений. Великий Первый Император, приготовьтесь: наступает час вашего триумфа!

Словно в ответ на слова Ньютона, над горизонтом показался край красного солнца. Пирамида и живой компьютер озарились мягким светом. По материнской плате пронеслась волна ликования.

К наблюдателям спешил какой-то человек. Он бежал так быстро, что совсем запыхался. Это был императорский министр астрономии.

— Ваше величество, в вычисления вкралась ошибка! На нас надвигается беда! — воскликнул он, упав на колени.

— Что ты там бормочешь? — Ньютон пнул министра, не дожидаясь даже, когда заговорит император. — Не видишь, что ли: солнце встает именно в тот момент, который был предсказан нашими расчетами?!

— Но… — Министр чуть приподнялся и одной рукой указал на солнце. — Сколько солнц вы видите?

Все озадаченно уставились на восходящее светило.

— Министр, вы же получили отличное западное образование, защитили докторскую при Кембриджском университете! — укорил фон Нейман. — Уж считать-то вы наверняка умеете! Конечно же, там только одно солнце. И температура воздуха очень даже приятная!

— Нет! — прокричал министр. По его щекам текли слезы. — Там их три! Два других прячутся за первым!

Все снова уставились на солнце с тем же недоумением.

— Императорская обсерватория подтвердила, что в данный момент мы являемся свидетелями чрезвычайно редкого феномена — сизигии трех солнц. Все три звезды находятся на одной прямой, двигаясь вокруг нашей планеты с одной и той же угловой скоростью! Три солнца и планета выстроились в один ряд, причем планета — на конце.

Ньютон схватил министра за воротник:

— Ты уверен, что вы не ошиблись?

— Абсолютно уверен! Наблюдения проводились в императорской обсерватории западными астрономами, среди которых были Кеплер и Гершель. Они пользовались самым большим

телескопом в мире, привезенным из Европы.

Ньютон отпустил воротник министра и выпрямился. Сэр Исаак был бледен, однако при этом лицо его выражало самую что ни на есть искреннюю радость. Он сложил ладони перед грудью, словно в молитве, и сказал Цинь Шихуанди:

— О величайший из великих, небеса посылают вам самый большой знак своего благорасположения! Ибо теперь, когда все три солнца вращаются вокруг планеты, ваша империя стала центром мироздания! Такова божественная награда за все наши усилия. Позвольте мне еще раз проверить вычисления. Я докажу, что я прав!

И пока все стояли как громом пораженные, Ньютон улизнул. Позднее выяснилось, что сэр Исаак украл лошадь и скрылся в неизвестном направлении.

В этой наполненной страхом тишине вдруг раздался голос Вана:

— Ваше императорское величество, извольте обнажить свой меч!

— Это еще зачем? — Цинь Шихуанди недоуменно нахмурился, но все же подозвал солдата, и тот вытащил меч из ножен.

— Пожалуйста, государь, попробуйте замахнуться!

Цинь Шихуанди описал мечом широкую дугу. Недоумение на его лице сменилось изумлением.

— Почему он такой легкий?!

— Наши V-костюмы не могут имитировать ощущение пониженной гравитации, не то мы почувствовали бы, что и сами стали легче.

— Смотрите! — крикнул кто-то. — Вон там, внизу! Взгляните на лошадей! И на людей тоже!

Все обратили глаза вниз и увидели у подножия пирамиды кавалерийскую колонну. Лошади, казалось, плыли по воздуху, лишь изредка касаясь земли копытами. А вот и бегущие люди: сделав шаг, человек пролетал десяток метров, а потом медленно и плавно опускал стопу на землю. Один из солдат на вершине пирамиды попытался подпрыгнуть и легко улетел ввысь метра на три.

— Да что происходит?! — рявкнул Цинь Шихуанди, глядя, как солдат медленно опускается на платформу.

— Государь, три солнца выстроились над планетой в прямую линию, а значит, их гравитационные силы сложились вместе… — попытался объяснить министр астрономии, но обнаружил, что его собственные ноги оторвались от земли и он теперь парит над полом горизонтально. Другие тоже висели в воздухе под разными углами.

Как не умеющие плавать купальщики, полезшие в воду, они неуклюже молотили руками и ногами, пытаясь придать себе вертикальное положение, но вместо этого только налетали друг на друга.

По площадке, которую они только что покинули, разошлась паутина трещин. Они быстро расширялись, а потом раздался грохот, взметнулась пыль, и пирамида начала рассыпаться. Каменные монолиты, из которых она состояла, медленно закружились в воздухе. Ван увидел внизу Большой зал — тот тоже распадался на куски. Громадный котел, в котором когда-то варился Фу Си, и железный шест, к которому некогда привязали самого Вана, плавали в воздухе.

Солнце поднялось до середины небосвода. Все, что парило вокруг — люди, громадные каменные блоки, астрономические приборы, бронзовые котлы, — устремилось вверх, сначала медленно, потом все быстрее. Ван взглянул на живой компьютер внизу и увидел нечто кошмарное: тридцать миллионов человек, еще недавно образовывавших вычислительное устройство, оторвались от земли и поднимались вверх, словно скопище насекомых, которое втягивает в себя пылесос. На земле остались следы цепей материнской платы. Запутанные, сложные контуры,

видимые только с большой высоты, станут в отдаленном будущем археологической загадкой, над которой поломают головы представители следующей цивилизации «Трех тел».

Ван задрал голову вверх. Небо было затянуто странного вида облаками, состоящими из пыли, камней, людей и всякой всячины. А над облаками сияло солнце. Вдали Ван видел длинные горные хребты, тоже поднимающиеся в небо. Горы были кристально прозрачны, они, сверкая, меняли форму, потому что это были не горы, а океаны, улетавшие в космос.

Все, что было на поверхности мира «Трех тел», устремилось к солнцу.

Ван видел фон Неймана и Цинь Шихуанди — те плыли между небом и землей, и фон Нейман что-то кричал императору, но ни одного звука до ушей Вана не доносилось. Вместо них появились субтитры:

«Я понял! Электронные элементы! Вот из чего надо делать логические схемы и объединять в компьютер! Такой компьютер будет во много раз быстрее, а места займет куда меньше. По моим прикидкам, для него хватит небольшого дома… Ваше императорское величество, вы меня слушаете?»

Цинь Шихуанди замахнулся на фон Неймана своим длинным мечом. Математик оттолкнулся от пролетавшего мимо булыжника и увернулся от удара. Меч чиркнул по камню, полетели искры, и клинок разлетелся на две половинки. А в следующий момент этот камень врезался в другой; Цинь Шихуанди раздавило двумя столкнувшимися глыбами. Полетело каменное крошево, во все стороны брызнули ошметки плоти и кровь. Ван содрогнулся.

Однако грохота столкновений он не слышал. Все происходило в полной тишине. Атмосфера улетучилась, а вместе с ней исчезли и звуки. Кровь бесчисленных парящих в воздухе мертвецов закипала в вакууме, их внутренние органы выворачивались наружу, и тела превращались в причудливой формы комья, окруженные облачками кристаллов из замерзших телесных жидкостей. Небо почернело. Плавающие в безвоздушном пространстве останки мира «Трех тел» отражали солнечный свет, и в космосе повисло сверкающее, будто звезды, облако. А потом оно взвихрилось, закрутилось и по гигантской спирали понеслось к месту последнего упокоения — к солнцу.

Светило начало менять форму. Ван понял, что

видит два других солнца, выглядывающих из-за первого. Ему показалось, что это сама Вселенная уставила на него свое пылающее око.

На фоне солнц появилась надпись:

Цивилизация № 184 погибла от суммарной гравитации трех солнц, образовавшейся при их сизигии. В своем развитии она вступила в эпоху научно-промышленной революции.

При этой цивилизации Ньютон разработал нерелятивистскую классическую механику. Одновременно благодаря изобретению математического анализа и Неймановой компьютерной архитектуры был заложен фундамент численного решения задачи трех тел.

Минуют века, жизнь возродится, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел». Приглашаем вас продолжить игру.

* * *

Не успел Ван выйти из игры, как зазвонил телефон. Незнакомый мужской голос, явно принадлежащий человеку с большой харизмой, сказал:

— Здравствуйте! Первым делом позвольте вас поблагодарить за то, что зарегистрировали свой настоящий номер. Я системный администратор

игры «Три тела».

Ван обрадовался и одновременно испугался.

— Будьте добры, назовите ваш возраст, образование, место работы и должность. Вы не заполнили эти поля, когда регистрировались.

— А разве это важно для игры?

— Достигнув данного уровня, вы обязаны дать запрашиваемую информацию. При отказе «Три тела» исключат вас из числа участников навсегда.

Ван правдиво ответил на вопросы админа.

— Очень хорошо, профессор Ван. Вы удовлетворяете условиям, необходимым для продолжения игры.

— Благодарю. Могу ли я задать вам несколько вопросов?

— Нет. Но завтра вечером состоится встреча участников игры. Добро пожаловать на наше собрание!

И админ назвал адрес.

Глава 18
Встреча

Встреча участников игры проходила в маленькой кофейне, спрятавшейся в тихом переулке.

Вану подобные мероприятия всегда представлялись шумными и многолюдными, но в кафе сейчас собралось лишь семь человек, включая его самого. Как и Ван, никто не походил на фаната компьютерных игр. Только двое были относительно молоды; трое других, среди них одна женщина, были людьми среднего возраста. Последнему, пожилому, было за шестьдесят, а то и все семьдесят.

Ван ожидал, что, когда все соберутся, начнется оживленное обсуждение «Трех тел», но ошибся. Глубокое, необычное содержание игры действовало на психику ее участников. Ни у кого из присутствующих, в том числе и Вана, не хватало духу начать дискуссию. Они только коротко представились друг другу. Старик вынул изысканную трубку, набил ее табаком, закурил и принялся бродить по помещению, любуясь картинами на стенах. Остальные сидели молча, ожидая, когда прибудет организатор встречи. Оказывается, все заявились слишком рано.

Собственно, двоих Ван знал. Старик был знаменитым научным деятелем, сделавшим себе имя на объединении традиционной восточной философии с понятиями современной науки. Странно одетая женщина была известной писа-

тельницей и принадлежала к числу тех редких романистов, которые пишут в авангардистском стиле и у которых при этом много читателей. Ее книги можно было начинать с любой страницы.

Один из мужчин среднего возраста, вице-президент самой крупной в Китае компании по производству компьютерных программ, был одет просто и непритязательно, так что о его статусе трудно было догадаться; другой входил в правление Государственной энергетической корпорации. Из двух молодых людей один был популярным репортером, другой — докторантом в области естественных наук. Вану подумалось, что, наверно, и другие участники игры тоже принадлежат к социальной элите.

Вскоре появился организатор встречи. При виде его сердце Вана бешено забилось: им оказался Пань Хань, первый подозреваемый в деле об убийстве Шэнь Юйфэй. Ван улучил момент, когда никто на него не смотрел, вынул телефон и стал набирать Ши Цяну сообщение.

— Ха-ха, да вы ранние пташки! — Пань Хань приветствовал собравшихся в непринужденной манере, как будто ничего не случилось. В СМИ он обычно выступал растрепанный, одетый неряшливо, словно бродяга, но сегодня на нем были

тщательно отутюженный костюм и начищенные туфли. — Именно такими я вас себе и представлял! «Три тела» предназначены для людей вашего класса, потому что простонародье не оценит ни смысла ее, ни настроя. Чтобы играть в эту игру, нужны знания и понимание, которыми обычные люди не обладают.

Ван отослал сообщение, гласившее: «Вышел на Пань Ханя. Кофейня Юньхэ в округе Сичэн».

Пань тем временем продолжал:

— Каждый из собравшихся здесь — великолепный игрок в «Три тела». У вас наилучшие результаты, и вы увлечены игрой. Уверен, «Три тела» уже стали существенной частью вашей жизни!

— Это одна из причин, почему я продолжаю жить, — промолвил молодой докторант.

— А я наткнулся на игру нечаянно на компьютере своего внука, — проговорил старый философ, приподняв трубку. — Юноша бросил ее после нескольких попыток, сказал — «слишком заумная». Я нашел ее странной, ужасной и… прекрасной. Столько информации, скрытой под кажущейся простотой!

Несколько человек, в их числе и Ван, закивали головами.

От Да Ши пришел ответ: «Мы тоже видим его. Не беспокойся. Продолжай. Разыгрывай из себя перед ними фаната, но смотри не переусердствуй».

— Да, — согласилась писательница и тоже кивнула. — Мне нравится литературная составляющая «Трех тел». Подъем и падение двухсот трех цивилизаций — это грандиозно! Эпично! Ново!

Она упомянула 203 цивилизации, но Вану известны были только 184. Это означало, что игра прогрессировала для каждого игрока в отдельности, независимо от других, а возможно, даже разворачивалась в разных мирах.

— Мне до чертиков надоел реальный мир, — сказал молодой репортер. — «Три тела» — это моя вторая реальность.

— Правда? — заинтересованно спросил Пань.

— И для меня тоже, — произнес вице-президент. — По сравнению с «Тремя телами» реальность выглядит такой убогой и вульгарной!

— Жаль, что это всего лишь игра… — вздохнул член правления энергетической корпорации.

— Прекрасно! — сказал Пань. Ван заметил, что глаза его засветились воодушевлением.

— У меня вопрос, — проговорил Ван. — Думаю,

ответ на него желал бы услышать каждый из нас.

— Я знаю, о чем вы хотите спросить. Но все равно — спрашивайте.

— «Три тела» — это только игра?

Остальные закивали. Вопрос явно был на уме у всех.

Пань встал и торжественно произнес:

— Мир «Трех тел» — Трисолярис — реально существует.

— Где?! — в унисон спросили несколько игроков.

Пань по очереди вгляделся в каждого из собравшихся, потом сел и проговорил:

— На некоторые вопросы я могу ответить. На другие нет. Но если вам суждено связать судьбу с Трисолярисом, однажды вы получите ответы на все свои вопросы.

— Скажите… игра действительно отображает Трисолярис таким, каков он есть? — спросил журналист.

— Для начала: трисоляриане действительно способны к дегидрации. Чтобы выжить в непредсказуемых природных условиях, зачастую несовместимых с жизнью, они умеют полностью избавляться от воды в своих телах и превращать-

ся в сухую волокнистую оболочку.

— Как выглядят трисоляриане?

Пань покачал головой.

— Не знаю. Я в самом деле не знаю. В каждом новом цикле они выглядят по-другому. Однако игра истинно отображает один аспект, действительно существовавший на Трисолярисе: живой компьютер.

— Ха! А я-то думал, что он как раз самый нереалистичный! — высказался вице-президент. — Я провел тест на более чем сотне своих служащих. Даже если бы идея сама по себе сработала, человеческий компьютер наверняка оперировал бы так медленно, что быстрее считать вручную.

Пань улыбнулся загадочной улыбкой.

— Вы правы. Но представьте себе, что каждый из тридцати миллионов солдат, составлявших компьютер, способен поднимать и опускать флажки сто тысяч раз в секунду. И предположите, что легкая кавалерия в главной шине может скакать со скоростью, в несколько раз превышающей скорость звука, или даже еще быстрее. Тогда результат получится совсем другой!

Вы только что спросили, как выглядят трисоляриане. Судя по некоторым признакам, тела трисоляриан, составляющих компьютер, имели

гладкую отражающую поверхность, что, по-видимому, произошло в процессе эволюции как ответ на выживание в условиях мощного солнечного излучения. Зеркальной поверхности можно было придать любую форму, и трисоляриане общались между собой, фокусируя свет при помощи собственного тела. Такая световая речь передавала информацию чрезвычайно быстро, чем и воспользовались при создании живого компьютера. Конечно, даже при этом он был крайне малоэффективен, но все же мог производить вычисления, которые было бы очень трудно сделать вручную. Да, это правда — компьютер на Трисолярисе впервые появился в виде живого образования и только потом в виде механического и электронного устройств.

Пань встал и принялся прохаживаться за спинами игроков.

— «Три тела» заимствует у человечества внешние атрибуты и историю для моделирования развития Трисоляриса. Это сделано для того, чтобы игроки чувствовали себя в привычной обстановке. Реальный Трисолярис очень отличается от мира в игре, но три солнца существуют в реальности. Они — основа мироздания Трисоляриса.

— Должно быть, разработка этой игры потребовала огромных затрат, как денег, так и усилий, — заметил вице-президент. — Но игра явно создана не с коммерческой целью.

— Цель у «Трех тел» одна, простая и ясная: собирать вокруг себя людей, исповедующих общие идеалы, — сказал Пань.

— И какие же идеалы могут быть общими у нас? — Ван тут же пожалел, что задал этот вопрос. Кажется, он прозвучал весьма недружелюбно.

Пань пристально оглядел слушателей, а потом тихо проговорил:

— Какие чувства возникли бы у вас при известии, что цивилизация Трисоляриса готова вступить в наш мир?

Воцарилась тишина.

Первым ее нарушил молодой репортер:

— Я бы обрадовался. После всего увиденного в последние годы я утратил веру в человечество. Оно не способно к самосовершенствованию, и нам необходимо вмешательство извне.

— Согласна! — воскликнула писательница. Она пришла в такое возбуждение, как будто наконец нашла выход давно сдерживаемым эмоциям. — Человечество омерзительно! Я провела первую половину своей жизни, препарируя его уродство

скальпелем литературы, но теперь меня уже воротит от хирургии. Я жажду, чтобы цивилизация трисоляриан привнесла настоящую красоту в этот мир!

Пань ничего не сказал, и лишь в глазах его вновь вспыхнула искра воодушевления.

Старый философ взмахнул погасшей трубкой и с серьезным видом произнес:

— Давайте подойдем к вопросу с более глубоких позиций. Итак, каково ваше впечатление от ацтеков?

— Мрак и кровь, — ответила писательница. — Залитые кровью пирамиды в пламени зловещих костров, пробивающемся сквозь чащу темного леса. Вот какое у меня впечатление.

Философ кивнул.

— Очень образно. А теперь попробуйте ответить на следующий вопрос: если бы не испанские конкистадоры, какое влияние эта цивилизация оказала бы на мировую историю?

— Вы называете черное белым, а белое черным, — сказал вице-президент. — Конкистадоры, вторгнувшиеся на американский континент, были не кем иным, как убийцами и грабителями!

— Даже если это так, они, во всяком случае, помешали дальнейшему развитию ацтеков и

превращению обеих Америк в великую империю мрака и крови. Иначе американская цивилизация сильно отличалась бы от той, которую мы знаем, и эпоха демократии для нее, да и для всего человечества ни наступила бы позднее или вообще не наступила бы. Вот и ключ к вопросу: чем бы ни являлись трисоляриане, их прибытие в наш мир — хорошая новость для смертельно больного человечества.

— Но приняли ли вы во внимание тот факт, что европейские завоеватели полностью разрушили цивилизацию ацтеков?! — воскликнул член правления энергетической компании. Он оглянулся вокруг так, будто увидел собравшихся в первый раз. — Ваши рассуждения очень опасны!

— Вы хотите сказать глубоки! — воскликнул докторант, воздевая палец и энергично кивая философу. — У меня были те же мысли, но я не знал, как их выразить. А вы так хорошо сказали!

На мгновение повисла тишина, а потом Пань обратился к Вану:

— Все игроки, кроме вас, выразили свое мнение. А вы что скажете?

— Я думаю так же, как они, — ответил Ван, указывая на репортера и философа. Углубляться в тему он не стал. «Чем меньше слов, тем лучше».

— Очень хорошо, — заключил Пань. Он повернулся к вице-президенту и члену правления: — Ваше дальнейшее присутствие здесь нежелательно, и вам больше не разрешается играть в «Три тела». Ваши ID будут стерты. Будьте добры удалиться. Спасибо.

Оба игрока встали, переглянулись, потом обвели присутствующих озадаченными взглядами и наконец покинули собрание.

Пань пожал руку каждому из оставшейся пятерки по очереди. Потом торжественно сказал:

— Мы теперь соратники.

Глава 19
Три тела: Эйнштейн, монумент трисоляриса и великий разрыв

Когда Ван в пятый раз вошел в мир «Трех тел», как обычно, был рассвет, но картина изменилась до неузнаваемости.

Великая пирамида, стоявшая здесь первые четыре раза, была разрушена во время сизигии трех солнц. На ее месте возвышалось теперь современное высотное здание, чей темно-серый силуэт был хорошо знаком Вану, — штаб-квартира Организации Объединенных Наций.

В отдалении виднелось множество других высоких построек — по-видимому, дегидраторий. Поверхности их были зеркально гладкими. В утреннем свете они представлялись вырастающими из-под земли гигантскими друзами кристаллов.

Ван услышал звуки скрипки. Моцарт. Игру нельзя было назвать искусной, но она обладала неким шармом, словно музыкант говорил: «Я играю для себя». Скрипач, бездомный старый бродяга, сидел на ступенях штаб-квартиры ООН. Ветер играл его пышной серебристой шевелюрой. У ног бродяги стоял потертый цилиндр с несколькими мелкими монетками на донышке.

И тут Ван заметил светило. Но оно поднималось не с той стороны, где была заря, и небо вокруг него оставалось совершенно темным.

Солнце было очень большим — половина взошедшего диска занимала треть горизонта. Сердце Вана забилось быстрее: такое огромное солнце означало очередную грандиозную катастрофу. Однако, повернувшись, он увидел, что старик продолжает играть как ни в чем не бывало. Его серебристые волосы сияли на солнце, словно охваченные пламенем.

Солнце тоже было серебристым, как волосы

старого скрипача, и изливало на землю бледный свет, но совсем никакого тепла. Ван присмотрелся к нему — солнце к этому времени полностью поднялось над горизонтом. Поверхность гигантского серебряного диска местами напоминала древесную кору. Это были горные хребты.

Ван понял, что диск не светится сам по себе, а лишь отражает лучи настоящего солнца, пока еще скрытого за горизонтом по другую сторону небосвода. Серебристое светило оказалось не солнцем, а огромной луной. Луна всходила быстро — ее движение можно было уловить невооруженным глазом. По пути она превратилась из полной в полумесяц, затем в тонкий серпик. В холодном утреннем воздухе звучало пение скрипки. Величественная картина мироздания была словно музыка, ставшая материальной. Ван был очарован.

Гигантский серп погрузился в зарю и засиял еще сильнее. Когда из-за горизонта стали видны только два сверкающих кончика, Ван представил себе, что это концы рогов титанического быка, несущегося навстречу солнцу.

— Достопочтенный Коперник, присядьте, пусть ваши усталые ноги отдохнут, — проговорил старик, когда луна зашла. — Вы насладитесь

Моцартом, а у меня тогда наберется денежек на обед.

— Если я не ошибаюсь…

Ван всматривался в лицо собеседника, покрытое морщинами — длинными и плавными, будто они тоже стремились к некой гармонии.

— Не ошибаетесь. Я Эйнштейн, жалкий человечек, полный веры в Бога, пусть и покинутый Им.

— Что это за гигантская луна? В предыдущие разы я ее не видел.

— Остыла уже…

— Что?

— Большая луна. В моем далеком детстве она была еще горячая. Когда она поднималась до середины неба, я мог видеть красное свечение, исходящее от центральных равнин. Но теперь она остыла… Неужели вы не слышали о Великом Разрыве?

— Нет. Что это?

Эйнштейн вздохнул и покачал головой.

— Давайте не будем об этом. Предадим прошлое забвению. Мое прошлое, прошлое цивилизации, прошлое Вселенной… Все эти воспоминания слишком болезненны.

— Что с вами случилось? Как вы дошли до такого? — Ван пошарил в кармане, извлек горст-

ку мелочи, наклонился и высыпал монетки в шляпу.

— Благодарю, господин Коперник. Будем надеяться, что Бог не оставит вас, хотя мне в это что-то не верится. Чует моя душа, что модель, которую вы, Ньютон и другие создали на Востоке с помощью живого компьютера, была очень близка к истине. Один маленький неучтенный фактор — и перед вами с Ньютоном и прочими разверзлась непреодолимая пропасть.

Я всегда верил, что, не будь меня, специальную теорию относительности разработают другие. Но общая теория относительности — совсем иное дело. Кусочек, которого не хватило Ньютону, — это воздействие, которое оказывает на орбиту планеты гравитационное искривление пространства-времени, описываемое общей теорией относительности. Ошибка крохотная, но для результата вычислений она оказалась фатальной. Взять бы поправку на гравитационные возмущения в пространстве-времени да добавить к классическим дифференциальным уравнениям — вот тогда получилась бы верная математическая модель. Требующиеся для этого вычислительные мощности далеко превосходят то, чего вы достигли на Востоке, но для современ-

ных компьютеров это не проблема.

— И астрономические наблюдения подтвердили результаты вычислений?

— Если бы это было так, сидел бы я здесь, по-вашему? Но с эстетической точки зрения должен быть прав я, а не Вселенная! Бог оставил меня, а вслед за Ним и все другие. Я никому не нужен. Из Принстона, где я был профессором, меня уволили. ЮНЕСКО я не нужен даже в качестве советника по науке. Раньше проси они хоть на коленях, я бы отказался от этой должности. Подумывал даже, не податься ли в президенты Израиля, но они там передумали, сказали, что я попросту мошенник, и все…

Эйнштейн снова заиграл с того места, где остановился. Немного послушав, Ван зашагал к зданию ООН.

— Там никого нет, — сообщил Эйнштейн, не прерывая игры. — Все члены Генеральной Ассамблеи отправились на церемонию открытия Маятника.

Ван обошел здание. За углом открылось зрелище, от которого у него захватило дух: гигантский маятник, казалось, соединял землю с небом. Ван и раньше видел его вершину, только не мог понять, что это такое.

Маятник был похож на те, которые возводил Фу Си с целью загипнотизировать бога солнца в эпоху Сражающихся Царств, в самую первую игру Вана. Но этот был полностью модернизирован. Его металлические пилоны могли помериться высотой с Эйфелевой башней. Груз тоже был из металла, с обтекаемой, зеркально-гладкой хромированной поверхностью, и висел на тросе, сделанном из какого-то сверхпрочного материала, такого тонкого, что его почти не было видно, и потому казалось, будто груз парит в воздухе между двумя башнями.

Маятник окружала толпа людей, одетых в строгие костюмы — должно быть, лидеры разных стран, присутствовавшие на сессии Генеральной Ассамблеи. Они собирались в небольшие группы и негромко переговаривались, словно ожидая чего-то.

— Смотрите, это Коперник — человек, прошедший через пять игровых сессий! — раздался чей-то голос. Присутствующие разразились приветствиями.

— Вы один из тех, кому довелось собственными глазами видеть маятники в эпоху Сражающихся Царств! — сказал какой-то негр, дружески пожимая Вану руку. Кто-то представил его как

Генерального секретаря ООН.

— Да, я видел их, — подтвердил Ван. — Но зачем нам еще один?

— Это монумент в честь Трисолярис, а заодно и надгробный памятник. — Генеральный секретарь взглянул на груз. Отсюда, снизу, он казался размером с подводную лодку.

— Надгробный памятник? Но кому?!

— Стремлениям, борьбе, продолжавшейся в течение почти двухсот цивилизаций. Усилиям решить задачу трех тел, определить траектории движения наших трех солнц.

— Борьба завершена?

— Да. Целиком и полностью.

Ван достал стопку бумаг — распечатку данных, полученных от Вэй Чэна.

— Я… Я пришел, чтобы передать вот это. Это математическая модель, решение задачи трех тел. У меня есть основания думать, что она сработает.

Не успел Ван произнести эти слова, как толпа потеряла к нему интерес. Люди вернулись к своим группам и прерванным беседам. Генеральный секретарь взял у Вана бумаги и, даже не глянув на них, сунул какому-то хлюпику в очках, стоявшему рядом.

— Мой советник по науке посмотрит их — чисто

из уважения к вашей безупречной репутации. Собственно, все здесь присутствующие выказали вам глубокое уважение. Если бы кто-то другой сказал то же, что и вы, над ним бы просто посмеялись.

Советник по науке наскоро пролистал бумаги.

— Эволюционный алгоритм? Коперник, вы гений. Любого, кто додумался до такого алгоритма, можно считать гением. Для этого нужны не только глубокие познания в математике, но и изрядное воображение.

— Вы хотите сказать, что кто-то другой уже разработал подобную математическую модель?

— Да, и не одну. Десятки других тоже. И больше половины из них совершеннее вашей. Их построили при помощи компьютеров. В течение двух прошедших столетий на массивные вычисления были брошены все силы этого мира. Результатов ждали словно Судного дня.

— И что?

— Мы со всей определенностью доказали, что задача трех тел решения не имеет.

Ван взглянул вверх, на огромный груз Маятника, сияющий в утреннем свете. Его выпуклая зеркальная поверхность отражала окружающее, словно око мира. На этом самом месте, но в дав-

нюю эпоху, отделенную от нынешней многими цивилизациями, возвышался лес гигантских маятников, сквозь который Ван и царь Вэнь прошли на пути ко дворцу царя Чжоу. История описала широкий круг и вернулась к своему началу.

Советник по науке сказал:

— Мы уже давно предположили, что система из трех тел хаотическая, и так оно и оказалось. Малейшие возмущения могут привести к непредсказуемым последствиям. Траектории тел в системе, по существу, не поддаются математическому прогнозу.

Здание научных представлений Вана пошатнулось. Мысли смешались, в голове воцарился кавардак.

— Но если даже такой простой механизм, как система из трех тел, настолько непредсказуем, как можно питать надежду на познание законов намного более сложной Вселенной?!

— Бог — бесстыдный старый шулер. Он покинул нас!

Это говорил Эйнштейн, размахивая своей скрипкой. Ван не заметил его появления.

Генеральный секретарь ООН медленно наклонил голову.

— Да, Бог играет в кости. Единственная надежда

для трисоляриан — сыграть самим.

В этот момент из-за темной стороны горизонта снова начала всходить громадная луна. Ее серебристый лик отразился в зеркальной поверхности груза.

Свет странным образом изогнулся, как будто луна и Маятник прониклись друг к другу некоей таинственной симпатией.

— Похоже, эта цивилизация дошла до очень высокой степени развития, — заметил Ван.

— Да. Мы овладели энергией атома и вступили в информационную эру, — сказал Генеральный секретарь, судя по его виду, не слишком впечатленный собственными словами.

— Тогда есть еще надежда! Даже если движение солнц невозможно предсказать, цивилизация может в своем развитии дойти до такой стадии, когда ей удастся выживать во время разрушительных катастроф Эр Хаоса. Она научится защищаться!

— Когда-то люди думали так же, как вы. Эта надежда побуждала трисолярианскую цивилизацию возрождаться вновь и вновь. Но луна показала нам всю наивность наших упований. — Генеральный секретарь указал на восходящий гигантский спутник. — Наверно, вы видите ее

впервые? Собственно говоря, это даже не луна. Поскольку она размером с четверть нашей планеты, правильнее было бы называть ее партнером нашего мира в двойной планетной системе. Таков результат Великого Разрыва.

— Великого Разрыва?

— Так мы называем катастрофу, уничтожившую прошлую цивилизацию. В отличие от всех предыдущих, она получила заблаговременное предупреждение. Судя по сохранившимся историческим записям, астрономы цивилизации № 191 рано обнаружили застывшую летящую звезду.

При последних словах сердце Вана сжалось. Застывшая летящая звезда служила для Трисоляриса самым зловещим предзнаменованием. Когда летящая звезда (иначе говоря, отдалившееся солнце) как бы останавливается, замирая на фоне остальных звезд, это означает, что векторы движения солнца и планеты лежат на одной прямой. Возможны три варианта: солнце и планета движутся в одном направлении с одинаковой скоростью; солнце и планета движутся в противоположные стороны друг от друга; солнце и планета движутся навстречу друг другу. До цивилизации № 191 такая ситуация считалась чисто

теоретической, подобной катастрофы никогда не случалось. Однако страх перед нею жил в людях всегда, вынуждая их быть все время настороже. Поэтому выражение «застывшая летящая звезда» во многих трисолярианских цивилизациях служило синонимом трагедии. Одинокая летящая звезда, стоящая на одном месте, наводила ужас на всех.

— А потом практически одновременно застыли и две других звезды. Люди цивилизации № 191 стояли и беспомощно смотрели на три застывших звезды, три солнца, несущихся навстречу их планете. Через несколько дней одна из звезд приблизилась настолько, что стала видна ее газообразная оболочка. Посреди глухой ночи звезда вдруг превратилась в ослепительное солнце. Затем с интервалами примерно в тридцать часов появились и два других светила. Этот день трех солнц был особого рода. К тому моменту, когда последняя летящая звезда стала солнцем, первое светило пронеслось, можно сказать, в двух шагах от планеты. За ним то же самое сделали оба оставшихся, пролетев на еще более близком

расстоянии, в границах предела Роша[47], так что приливные силы трех солнц превзошли собственное тяготение Трисоляриса. Прохождение первого солнца вызвало сотрясение в глубинных геологических слоях планеты; при прохождении второго образовалась трещина, дошедшая до самого ядра; третье солнце разорвало планету на две части.

Генеральный секретарь указал на луну:

— Это меньшая часть. На ней сохранились руины цивилизации № 191, но это безжизненный мир. Великий Разрыв — самая страшная катастрофа в истории Трисоляриса. Постепенно под действием собственного тяготения оба осколка приобрели сферическую форму. Плотное, раскаленное вещество ядра вытекло наружу, океаны вскипели, континенты дрейфовали по поверхности магмы, словно айсберги. Когда они сталкивались, земная кора становилась текучей, словно вода. Воздвигались горные массивы, за один час достигали в высоту десятка километров и так же быстро разрушались.

Некоторое время оба осколка соединялись

[47] Примечания: 47

Предел Роша — расстояние от планеты (звезды) до ее спутника, ближе которого спутник разрушается приливными силами. Первым его рассчитал французский астроном Эдуард Рош в 1847 г. — *Прим. К. Л.*

между собой потоками раскаленной лавы, образовавшей что-то вроде текущей в космосе реки. Потом лава остыла и превратилась в кольца вокруг планет. Но кольца были нестабильны; камни, из которых они состояли, начали падать обратно на поверхность. Ливень из огромных камней продолжался несколько столетий… Можете представить себе этот ад? Такой ужасной экологической катастрофы наш мир еще не знал. Жизнь на спутнике исчезла совсем, материнская планета тоже едва не превратилась в пустыню… Но постепенно недра успокоились, и семенам жизни удалось прорасти вновь. В новом океане и на новых континентах эволюция сделала свои первые неуверенные шаги… Время прошло, и возникла цивилизация — в сто девяносто второй раз. Весь процесс занял девяносто миллионов лет.

Положение Трисоляриса во Вселенной куда более шатко, а судьба гораздо страшнее, чем мы надеялись. Что случится, когда летящие звезды застынут в следующий раз? Скорее всего, наша планета не просто заденет край солнца, а упадет прямо в его пламенное нутро. Вопрос времени, только и всего.

Поначалу эта мысль была лишь наводящей страх гипотезой, но сделанное в последнее вре-

мя астрономическое наблюдение отняло у нас всякую надежду. Исследователи намеревались восстановить по оставшимся признакам историю формирования звезд и планет в нашей системе. И обнаружили, что в очень далеком прошлом в ней было *двенадцать* планет. Осталась только одна.

Возможно лишь одно объяснение: прочие одиннадцать были поглощены солнцами. Наш мир единственный, выживший в этой Великой Охоте. То, что цивилизации удавалось возрождаться сто девяносто два раза, — чистая удача, если это можно так назвать. К тому же после более пристального изучения мы обнаружили феномен «дыхания» звезд.

— Звезды дышат?!

— Это всего лишь метафора. Вы открыли газообразную оболочку солнц, но вы не знали, что эти оболочки расширяются и сжимаются в течение очень долгих циклов, словно легкие у человека. Расширяясь, оболочка может увеличиться более чем в десять раз. В такую гигантскую ловушку поймать планету гораздо легче. Когда планета проходит на близком расстоянии от звезды, она пронзает ее газообразную оболочку. Трение может замедлить скорость планеты, и тогда она, словно метеор, устремится в пылающее ядро

солнца, разворачивая за собой длинный огненный хвост.

Результаты исследований показывают, что за долгую историю трисолярианской звездной системы во время расширений газообразных оболочек поглощались одна-две планеты. Все одиннадцать когда-то существующих здесь планет стали добычей огненных глубин именно тогда, когда газовые оболочки достигали наибольшего диаметра. В настоящий момент эти слои наших светил находятся на стадии сжатия, иначе Трисолярис упал бы в одно из солнц, когда они проходили мимо в последний раз. Но ученые предсказывают, что очередное расширение настанет уже через тысячу лет.

— Пора убираться из этого ужасного места! — проговорил Эйнштейн, сидя на корточках, словно старый бродяга.

Генеральный секретарь кивнул.

— Больше нам нельзя здесь оставаться. У трисоляриан теперь только один путь — сыграть в кости со Вселенной.

— В каком смысле? — недоумевал Ван.

— Мы должны покинуть звездную систему Трисоляриса и пуститься в безграничное звездное море. Найти для себя в Галактике новый мир и

поселиться в нем.

Послышался скрежет. Ван увидел, как массивный груз подтягивается кверху за тонкий трос, другой конец которого наматывается на приподнятую над землей лебедку. Маятник поднимался, а убывающая луна в небе за ним медленно опускалась…

Генеральный секретарь торжественно провозгласил:

— Пустить Маятник!

Лебедка отпустила трос, и груз бесшумно ринулся вниз, описывая плавную дугу — сначала медленно, потом все быстрее, пока не достиг наибольшей скорости в самой нижней точке дуги. Маятник рассекал воздух с глубоким вибрирующим звуком, который постепенно становился тише и исчез совсем, когда груз достиг высшей точки с другой стороны. Маятник на мгновение застыл, а затем пошел обратно.

Ван ощущал силу, исходящую от исполинского сооружения. Казалось, будто сама земля содрогается в такт колебаниям гигантского Маятника. В отличие от реального мира, период колебания этого маятника был нестабилен. Это происходило из-за постоянно изменяющегося притяжения огромной луны. Когда луна находилась на этой

стороне Трисоляриса, ее тяготение частично компенсировало тяготение планеты, и груз терял вес. Когда луна заходила на другую сторону планеты, взаимное тяготение обоих небесных тел складывалось, и вес груза возрастал почти до величины, которую он имел бы до Великого Разрыва.

Глядя на внушающее священный трепет качание Маятника, Ван задавался вопросом, что олицетворяет собой этот монумент — стремление к порядку или капитуляцию перед хаосом? А еще Вану казалось, что Маятник — это громадный металлический кулак, с неслышным, но неукротимым боевым трисолярианским кличем наносящий бесконечные удары равнодушной Вселенной…

Сквозь выступившие на глазах слезы Ван Мяо увидел текст, возникший на фоне раскачивающегося Маятника:

Спустя 451 год цивилизация № 192 была уничтожена в пламени двух солнц, появившихся вместе. В своем развитии она покорила атом и вступила в информационную эпоху.

Цивилизация № 192 стала поворотным пунктом в истории Трисоляриса. Было доказано, что задача трех тел не имеет решения. Трисоляриане отказались от бесплодной борьбы, продолжав-

шейся в течение 191 цикла, и указали новый путь грядущим цивилизациям. Поэтому цель игры «Три тела» тоже изменилась.

Новая цель: выйти в космос, найти новый дом.

Мы приглашаем вас продолжить игру.

* * *

Вернувшись в реал, Ван почувствовал себя совершенно разбитым — как, впрочем, после каждой предыдущей сессии. Но на этот раз он позволил себе отдохнуть только полчаса, прежде чем залогиниться снова.

Однако начало этой игры оказалось необычным. На черном как смоль фоне возникла надпись:

Внимание, срочное сообщение! Серверы «Трех тел» скоро будут отключены. Располагайте оставшимся игровым временем по вашему усмотрению. «Три тела» переходит напрямую к последнему эпизоду.

Глава 20
Три тела: экспедиция

Холодный рассвет, суровый голый пейзаж.

Ни пирамиды, ни здания штаб-квартиры ООН, ни монументального Маятника, лишь темная каменистая пустыня, простирающаяся до самого горизонта — совсем как тогда, когда Ван вошел в игру в первый раз.

Но вскоре он понял, что ошибся. То, что он принял за камни, усеивающие пустыню, оказалось вовсе не камнями, а человеческими головами. Всю равнину запрудила густая толпа.

Стоя на пригорке, Ван смотрел на это людское море и не видел ему конца. По его прикидкам, только в поле зрения насчитывалось несколько сотен миллионов человек. Похоже, здесь собралось все население Трисоляриса.

Молчание всех этих бессчетных масс было настолько необычно, что становилось не по себе. «Чего они все ждут?» — недоумевал Ван. Оглянувшись вокруг, он увидел, что все неотрывно смотрят в звездное небо.

Ван тоже поднял голову. Его глазам открылось ошеломляющее зрелище: звезды построились в квадрат! Однако вскоре Ван разглядел, что звезды перемещаются на фоне более блеклого и удаленного Млечного Пути. Они находились на стационарной орбите вокруг Трисоляриса.

Самые близкие к восточному горизонту звезды

были также самыми яркими — в их серебристом свете предметы на земле отбрасывали тени. Чем дальше от линии рассвета, тем тусклее светились звезды. Ван насчитал более тридцати объектов по каждому краю строя — значит, там было не меньше тысячи звезд. Медленное движение явно искусственной формации на фоне Вселенной излучало торжественную мощь.

Человек, стоявший рядом с Ваном, легонько подтолкнул его локтем и прошептал:

— Ах великий Коперник, ну что ж вы так замешкались? Целых три цивилизации прошло, вы многое пропустили!

— Что это? — спросил Ван, указывая на небо.

— Межзвездный флот Трисоляриса. Экспедиция начинается!

— Уровень развития трисолярианской цивилизации позволяет совершать межзвездные перелеты?!

— Да. Все эти величественные корабли могут развивать скорость до одной десятой скорости света.

— Это потрясающее достижение, насколько я понимаю, однако этого все же недостаточно, чтобы преодолевать расстояния между звездами. Слишком медленно.

— Путешествие в тысячу ли начинается с первого шага. Главное — найти верную цель.

— И куда же направляется флот?

— К звезде с планетами примерно в четырех световых годах отсюда. Это самая близкая к Трисолярису звезда.

Ван удивился.

— Ближайшая к нам звезда тоже находится примерно в четырех световых годах!

— К кому это — к вам?

— К Земле.

— Ничего удивительного. В большинстве регионов Млечного Пути звезды распределены более-менее равномерно. Это результат взаимной гравитации звездных скоплений. Среднее расстояние между звездами — от трех до шести световых лет.

Громкий ликующий крик вознесся над толпой. Ван взглянул вверх и увидел, как «звезды» в строю разгораются все ярче — это сами корабли испускали свет. Вскоре их сияние затмило зарю, и тысяча звезд стала тысячей маленьких солнц. Трисолярис купался в великолепном дневном свете; люди воздели руки над головами, и равнина превратилась в бескрайнюю прерию поднятых рук.

Трисолярианский флот торжественно проплыл по небосводу, скользнул мимо только что взошедшей огромной луны, отбросив слабый голубой блик на ее горы и равнины, и начал ускорение.

Ликующие крики умолкли. Трисоляриане, обратив взгляды к западной части неба, безмолвно следили, как улетают вдаль их надежды. Они не узнают, чем закончится этот полет — их жизни на это не хватит, но через четыреста-пятьсот лет потомки получат весть из нового мира. Это будет новое начало для цивилизации Трисоляриса. Ван стоял среди этих людей и тоже молча смотрел, как строй из тысячи звезд превратился в одну звезду, а потом и она исчезла в ночном небе. Затем появилась надпись:

Так началось путешествие Трисоляриса к новому миру. Флот по-прежнему находится в пути…

Игра окончена. Если вы остаетесь верны данному вами обещанию, то, вернувшись в реальный мир, посетите собрание Общества «Земля — Трисолярис». Адрес вы найдете в вашей электронной почте.

Часть III
Закат человечества
Глава 21
Отступники

В этот раз собрание было куда более многолюдным, чем последняя встреча игроков в «Три тела». Проходило оно в рабочей столовой при химическом заводе. Собственно, производство перевели в другое место. Помещения, предназначенные под снос, хоть и запущенные, были просторны. Здесь собралось около трех сотен человек, и Ван Мяо заметил много знакомых лиц: известные люди, представители элиты из разных областей общественной жизни, знаменитые ученые, писатели, политики и тому подобное.

Первым, что привлекло к себе внимание Вана, было странное устройство посреди столовой: над металлическим постаментом парили три серебристые сферы, размером чуть меньше шара для боулинга. Должно быть, магнитная левитация, предположил Ван. Сферы двигались по неправильным орбитам, кружась как попало, безо всякого порядка. Это была модель системы

трех тел.

Остальные не обращали особого внимания на это художественное воплощение знаменитой задачи. Они сосредоточились на Пань Хане, стоявшем на сломанном столе в центре помещения.

— Это ты убил соратницу Шэнь Юйфэй? — спросил кто-то.

— Да, — ответил Пань Хань с полным самообладанием. — Потому что адвентисты внедряют в наши ряды предателей вроде нее, и это в то время, когда Общество «Земля — Трисолярис» стоит на пороге больших испытаний!

— Кто дал тебе право на убийство?

— Я сделал это из долга перед Обществом.

— Из долга? А я считаю, ты всегда руководствуешься злым умыслом!

— Что вы хотите этим сказать?!

— Чего добилась экологическая группа под твоим руководством? Ваша задача — подстраивать экологические бедствия и раздувать вокруг них шумиху, чтобы население возненавидело науку и современную промышленность. А на самом деле ты только использовал технологию и знания Господа нашего ради собственных богатства и славы!

— Вы считаете, что я добивался этой славы для

себя самого?! Да в моих глазах все человечество — это куча мусора! Мне плевать, что обо мне думают люди! Но если бы я не стал известной личностью, то как, по-вашему, мне бы тогда удавалось манипулировать общественным мнением?!

— Ты всегда берешься за то, что полегче. С тем, что вы сделали, самые обычные защитники окружающей среды и то справились бы лучше! Они искреннее вас и преданнее служат своему делу. Их нужно только чуть-чуть направлять и тогда можно легко обращать их акции себе на пользу. Ваша же группа была предназначена проводить экологические диверсии, а потом поднимать громкие публичные скандалы. Например, отравлять хранилища питьевой воды или организовывать утечки ядохимикатов с заводов… Вы сделали хоть что-нибудь из этого? Ровным счетом ничего!

— Мы выдвинули множество программ и планов, но Командующий наложил на все вето! Впрочем, такие акции были бы просто глупостью, во всяком случае, вплоть до последнего времени. Группа биологии и медицины однажды вызвала катастрофу путем чрезмерного использования антибиотиков, но это быстро выявили. А необдуманные действия Европейского отделения едва

не привлекли внимание к нашему Обществу!

— И кто говорит о привлечении внимания — ты, который только что убил человека!

— Выслушайте меня, соратники! Рано или поздно это все равно должно было случиться! Наверно, вы уже знаете, что правительства всех стран готовятся к войне. В Европе и Северной Америке уже принимают жесткие меры против нашего Общества. Как только то же самое начнется здесь, редемпционисты, безусловно, пойдут на сотрудничество с правительством. Таким образом, наша первоочередная задача — очистить организацию от редемпционистов!

— Это не тебе решать!

— Конечно, все решает Командующий! Но, соратники, могу сказать вам без обиняков: Командующий — адвентист!

— А вот это твои фантазии! Все знают, какой властью обладает Командующий. Если бы Командующий и вправду был адвентистом, редемпционистов уже давно выбросили бы из Общества!

— А может, Командующему известно что-то, чего мы не знаем. Возможно, для того мы здесь сегодня и собрались.

После этих слов внимание присутствующих

перешло с Пань Ханя на кризис, с которым столкнулось Общество. Известный ученый, лауреат премии Тьюринга, взобрался на стол и заговорил:

— Время болтовни кончилось. Соратники, каким будет наш следующий шаг?

— Поднять глобальное восстание!

— Тогда нас всех перебьют!

— Да здравствует дух Трисоляриса! Мы должны продолжать борьбу, как упрямая трава — сколько ее ни жги, она вырастает снова!

— Восстание откроет наконец миру глаза на существование нашего Общества. А поскольку у нас имеется подходящий план действий, то, уверен, нас поддержат многие.

Последнюю реплику произнес Пань Хань, чем снискал аплодисменты публики.

Кто-то выкрикнул:

— Командующий здесь!

Толпа расступилась, образовав проход.

Ван поднял глаза и обомлел. Мир стал черно-белым, и единственным цветным пятном в нем был человек, только что появившийся в зале.

Окруженная телохранителями, в проход между людьми твердой поступью вошла Е Вэньцзе — руководитель подпольного Общества «Земля

— Трисолярис».

Она остановилась посередине прохода, подняла костлявый кулак и с решительностью и силой, которых Ван совсем от нее не ожидал, произнесла:

— Долой тиранию человечества!

Толпа отозвалась так слаженно, что сразу становилось ясно — ответ был отрепетирован несчетное количество раз:

— Мир принадлежит Трисолярису!

— Здравствуйте, соратники! — сказала Е. Голос ее снова стал таким, каким его знал Ван, — добрым и проникновенным. Только теперь он смог поверить, что это на самом деле она. — В последнее время мне нездоровилось, и я не могла видеться с вами чаще. Но сейчас чрезвычайная ситуация, и я знаю, что всем вам очень нелегко, поэтому решила прийти.

— Командующий, вы должны заботиться о своем здоровье, — раздался голос из толпы. В нем звучала искренняя тревога.

Е проговорила:

— Прежде чем мы перейдем к более важным темам, разберемся с одним маленьким вопросом. Пань Хань… — Даже выговаривая его имя, она не отводила глаз от толпы.

— Здесь, Командующий!

Пань Хань выступил вперед — до этого он пытался затеряться в людской массе. Он казался спокойным, но было ясно: в душе его царит страх. Е не назвала его «соратник», и это было зловещим знаком.

— Ты совершил тяжелое нарушение правил нашей организации. — Е говорила, не глядя на Пань Ханя. Голос ее оставался мягким, как будто она разговаривала с расшалившимся ребенком.

— Командующий, Общество стоит на пороге истребления! Если не принять меры и не вычистить врагов и предателей из наших рядов, мы потеряем все!

Е подняла на Паня горящие глаза. Тот на мгновение перестал дышать.

— Конечная цель и идеал ОЗТ как раз и состоит в том, чтобы потерять все. Все, чем сейчас располагает человечество, включая и нас самих.

— Но тогда вы и правда адвентист! Командующий, прошу вас, объявите об этом открыто, это очень важно! Я прав, соратники? Это очень, очень важно! — воскликнул Пань, широко разведя руки и оглядываясь по сторонам. Но толпа безмолвствовала.

— Ты не имеешь права этого требовать. Ты

серьезно нарушил наш этический кодекс. Если хочешь объяснить свое поведение, то делай это сейчас. В противном случае тебе придется нести ответственность. — Е говорила медленно, подчеркивая каждое слово, будто сомневалась, что отчитываемый ребенок понимает ее.

— Я пошел к Шэнь, чтобы убить Вэй Чэна, этого гения математики. Такое решение принял соратник Эванс, и комитет одобрил его единогласно. Если Вэю удастся создать математическую модель, которая полностью решит задачу трех тел, Господь не придет и великая миссия трисоляриан на Земле не осуществится. А в Шэнь Юйфэй я выстрелил, потому что она выстрелила в меня первой. Это была самооборона!

Е кивнула.

— Хорошо, мы верим тебе. Как бы там ни было, этот вопрос не так уж и важен. Надеюсь, ты впредь не обманешь нашего доверия. А теперь повтори требование, которое ты только что выдвинул передо мной.

Пань на мгновение остолбенел. То, что Е не стала углубляться в вопрос убийства и пошла дальше, кажется, не успокоило его.

— Я… я попросил вас открыто признать, что вы адвентист. В конце концов, вы же разделяете

план действий, выдвинутый адвентистами!

— Тогда повтори, в чем состоит этот план.

— Человеческое общество больше не может само справиться со своими проблемами. Оно также не может рассчитывать на собственные силы в борьбе со своим безумием. Поэтому мы попросили Господа нашего прийти в этот мир, и властвовать над нами, и сделать нас лучше, и создать новую, совершенную человеческую цивилизацию.

— Адвентисты искренне верят в этот план?

— Конечно! Командующий, не слушайте наветов!

— Это вовсе не наветы! — воскликнул какой-то мужчина и протолкался вперед. — Меня зовут Рафаэль, я из Израиля. Три года назад мой четырнадцатилетний сын погиб в аварии. Я отдал его почку палестинской девочке, страдавшей почечной недостаточностью, выразив таким образом надежду, что два народа могут жить вместе мирно. Это идеал, за который я готов был отдать жизнь, и не только я — многие, многие израильтяне и палестинцы искренне стремились к той же цели. Но все напрасно. Наша страна погрязла в трясине бесконечной мести. В конце концов я потерял веру в человечество и присо-

единился к ОЗТ. Отчаяние превратило меня из пацифиста в экстремиста. А еще — наверно, потому, что я передал в дар Обществу значительную сумму денег, — я стал вхож во внутренние круги фракции адвентистов. И могу сказать одно: они преследуют собственные тайные цели! Вот ход их рассуждений: люди злы и порочны. Человечество совершило тягчайшие преступления против собственной планеты и должно быть наказано. Конечная цель адвентистов — просить Господа нашего подвергнуть человеческую расу божественному наказанию, стерев ее с лица Земли.

— Реальная программа адвентистов давно уже ни для кого не тайна! — выкрикнул кто-то.

— Но вы не знаете одного: они пришли к этому убеждению не постепенно. Эта цель — мечта всей жизни Майка Эванса, идейного вдохновителя адвентистов — была такой с самого начала. Он лгал Обществу и одурачил всех, включая и Командующего! Эванс всегда преследовал только собственные интересы. Он превратил адвентистов в террористическую организацию, состоящую из фанатичных «зеленых» и безумцев, ненавидящих все человечество.

— Я не сразу узнала об истинных целях Эванса, — сказала Е. — Несмотря ни на что, я пыталась

сгладить противоречия между фракциями Общества ради сохранения его единства. Но некоторые акции, предпринятые адвентистами в последнее время, свели все мои усилия на нет.

— Командующий, — проговорил Пань, — адвентисты — это ядро ОЗТ. Без нас движение «Земля — Трисолярис» умрет!

— Это плохое оправдание тому, что вы присвоили себе все средства связи между Господом нашим и Обществом!

— Но ведь это мы построили «Второй Красный берег», значит, нам им и управлять!

— Адвентисты воспользовались своим преимуществом и совершили черное предательство по отношению к организации: вы перехватили сообщения от Господа и передали нам только малую их часть, да и ту извратили! К тому же вы послали Господу со «Второго Красного берега» значительную порцию информации, не спрашивая позволения у Общества!

В зале повисло зловещее молчание. У Вана волосы зашевелились на голове.

Пань не ответил. Его лицо приняло холодное выражение, словно говоря: «Ну вот, наконец это произошло».

— Доказательств измены адвентистов предо-

статочно. Соратница Шэнь Юйфэй была одним из свидетелей. Хотя она и входила во внутренние круги фракции адвентистов, в душе она оставалась непоколебимым редемпционистом. Вы обнаружили это совсем недавно. Она слишком много знала. Посылая тебя в ее дом, Эванс хотел, чтобы ты убил двоих, не одного!

Пань оглянулся вокруг, должно быть, оценивая ситуацию. Это не укрылось от Е.

— Ты видишь: большинство собравшихся — члены фракции редемпционистов. Я убеждена, что те несколько адвентистов, которые присутствуют здесь, станут на сторону Общества. Но с такими, как ты и Эванс, мы больше мириться не можем. Чтобы защитить программу и идеалы ОЗТ, нам надо раз и навсегда решить проблему адвентистов.

Снова настало несколько секунд тишины, а затем девушка, телохранитель Е, улыбнулась и небрежной походкой двинулась к Пань Ханю.

Лицо Паня исказилось. Он сунул руку за полу пиджака, но девушка метнулась к нему с невероятной скоростью. Никто не успел глазом моргнуть, как она одной тонкой рукой обхватила шею Паня, вторую наложила на его макушку и с неожиданной силой и профессиональным

проворством крутнула голову предателя на 180 градусов. В гробовой тишине хруст сломавшихся позвонков прозвучал неправдоподобно громко.

Девушка тут же отдернула руки, как будто голова Пань Ханя была слишком горяча. Мертвец рухнул, и пистолет, из которого была застрелена Шэнь Юйфэй, упал под стол. Туловище Паня содрогалось, глаза были открыты, язык вывалился изо рта, но голова оставалась неподвижной, как будто никогда не была частью его тела. Несколько мужчин поволокли мертвеца прочь; кровь, текущая изо рта Паня, прочертила по полу длинную дорожку.

— О, Сяо Ван, ты тоже здесь! Как твои дела? — Взгляд Е остановился на Ван Мяо. Она приветливо улыбнулась ему и кивнула, затем обратилась к остальным: — Это профессор Ван, член Китайской академии наук и мой друг. Он занимается наноматериалами. Именно эту технологию Господь наш хочет искоренить на Земле в первую очередь.

Никто не смотрел на Вана, а у него самого не было сил, чтобы что-то сказать. Пытаясь устоять на ногах, он ухватился было за рукав соседа, но тот отдернул руку.

— Сяо Ван, давай-ка я продолжу рассказывать

о «Красном береге», хорошо? Остальным соратникам тоже будет интересно послушать. Это не пустая трата времени. В такой исключительный момент полезно вспомнить историю нашей организации.

— «Красный берег»… А разве вы не закончили? — тупо проговорил Ван.

Е медленно приблизилась к модели, завороженно глядя на три кружащихся шара. В разбитое окно заглядывало заходящее солнце, танцующие сферы посверкивали в его лучах, бросая отблески на предводительницу мятежников, подобно тому как летят искры от костра.

— Нет. Я только начала, — тихо сказала Е.

Глава 22
«Красный берег» V

С самого своего прибытия на «Красный берег» Е Вэньцзе ни разу не задумывалась о том, чтобы покинуть его. А узнав об истинных целях проекта (эта информация была тайной даже для многих служащих среднего уровня), она полностью порвала духовную связь с наружным миром и посвятила себя работе. С этого момента она не только стала одной из главных фигур

технического персонала базы, но и взяла на себя значительные исследовательские задачи.

Комиссар Лэй всегда помнил, что первым, кто полностью доверился Е, был главный инженер Ян; однако он охотно предоставил Вэньцзе работу над важными научными проектами. Из-за своего статуса она не имела прав на результаты собственных исследований. А Лэй, изучавший астрофизику, был не просто политработником — он был человеком образованным (такое сочетание встречалось в те времена нечасто). Таким образом, он мог присвоить себе результаты трудов Е, выказывая себя перед начальством образцовым политическим руководителем, пламенным революционером с глубокими научными познаниями.

Толчком к тому, что «Красный берег» взял на службу Е Вэньцзе, послужила работа, которую она еще студенткой опубликовала в «Астрофизическом журнале» и в которой сделала попытку построить математическую модель Солнца. По сравнению с Землей Солнце — намного более простая физическая система, состоящая почти исключительно из водорода и гелия. Хотя проходящие в нем физические процессы и носят весьма бурный характер, они относительно про-

сты: водород превращается в гелий, и на этом все. Значит, можно построить довольно точную математическую модель Солнца. Работа Е носила общий характер, но Лэй с Яном увидели в ней возможное решение технических трудностей, с которыми столкнулась мониторинговая система «Красного берега».

Солнечная засветка[48] — обычная проблема спутниковой связи — была для базы сущим мучением.

Когда Земля, искусственный спутник и Солнце находятся на одной прямой, ее отрезок, берущий начало от наземной антенны и проходящий через спутник, вторым концом упирается в Солнце. Наше светило — это исполинский источник электромагнитного излучения, и как результат радиопередача со спутника на Землю глушится помехами, исходящими от Солнца. Даже в двадцать первом столетии эта проблема полностью

[48] Примечания: 48

Солнечная засветка — искажение радиосигнала, принимаемого со спутника, в результате помех от Солнца. Солнце, наша звезда, излучает энергию не только в видимой (световой) части спектра, но и в виде радиоволн. Когда приемная спутниковая антенна, спутник, на который она наведена, и Солнце оказываются на одной прямой, прием сигналов со спутника невозможен: сигналы передатчика перекрываются более мощными шумами Солнца. Такое явление наблюдается дважды в год, весной и осенью. Засветка ухудшает качество связи и приводит к ее срывам. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

еще не решена.

Помехи, с которыми имел дело «Красный берег», были того же свойства, только причина их (Солнце) находилась между антенной «Красного берега» и источником принимаемых радиосигналов (дальним космосом). По сравнению с обычной спутниковой связью солнечные засветки, от которых страдал «Красный берег», были мощнее и случались чаще. В процессе строительства проект базы претерпел изменения в сторону упрощения; наблюдение и передачи проводились здесь с помощью одной и той же антенны. Это делало время, отведенное для наблюдений, чрезвычайно ценным, а солнечная засветка из неудобства превращалась в очень большую проблему.

Лэй с Яном придумали простой способ управиться с помехами: надо определить спектр частот и характеристики солнечного излучения в диапазоне мониторинга, а потом отфильтровать их на компьютере. Оба были технически грамотны, что во времена, когда невежда зачастую руководил ученым, было редкой удачей. Но Ян не был специалистом в астрофизике, а Лэй выбрал карьеру политического работника, что не позволило ему углубить свои знания по части технологии. В действительности электромагнит-

ное излучение Солнца стабильно только в очень ограниченном диапазоне: от ближнего ультрафиолетового до середины инфракрасного спектра, включая видимый свет. В остальных диапазонах оно довольно неустойчиво и непредсказуемо.

Чтобы не слишком обнадеживать начальство, Е в своем первом же научном отчете пояснила, что в периоды возросшей солнечной активности, то есть при пятнах, вспышках, корональных выбросах массы и так далее, избавиться от помех невозможно, и поэтому в своих исследованиях она ограничилась частотами, на которых вел наблюдения «Красный берег» в периоды нормальной солнечной активности.

Условия для проведения научных изысканий на базе были, в общем, неплохими. Библиотека могла раздобыть нужные материалы на иностранных языках, включая последние выпуски европейских и американских научных журналов. В те годы это было совсем не легкой задачей. Е также разрешалось пользоваться военной телефонной линией для связи с двумя группами исследователей Солнца в Китайской академии наук и получать данные их наблюдений по факсу.

После полугода исследований всякая надеж-

да в Е погасла. Она быстро обнаружила, что в пределах диапазона частот, которые мониторил «Красный берег», солнечное излучение вело себя непредсказуемо. Анализируя большие объемы данных, Е обнаружила одно таинственное явление, поставившее ее в тупик. Иногда во время внезапных флуктуаций солнечного излучения поверхность звезды была спокойна. Поскольку сотни тысяч километров солнечного вещества поглощают любое коротко- и микроволновое излучение, испускаемое ядром, причиной флуктуаций, по-видимому, является поверхностная активность. Но если никаких возмущений на поверхности Солнца не наблюдается, то что вызывает эти неожиданные изменения в узких диапазонах частот? Чем больше Е думала об этой аномалии, тем таинственнее она казалась.

Так ни до чего и не додумавшись, Е сдалась. В своем последнем отчете она признала, что не в состоянии решить задачу. Не стоило воспринимать это как поражение. Еще до того, как Е взялась за свои исследования, военное ведомство привлекло для изучения этой проблемы несколько групп ученых при университетах и Академии наук, и все их усилия ни к чему не привели. Однако Ян хотел попробовать еще раз, полагаясь на

выдающийся талант Е. Побудительные мотивы Лэя были проще: подписаться под научными работами Е Вэньцзе. Тема исследований, такая сложная и фундаментальная, выставила бы его перед начальством в весьма выгодном свете. Сейчас, когда хаос в обществе наконец начал успокаиваться, менялись и требования к кадрам. Появилась острая необходимость в таких людях, как Лэй, — политически зрелых и научно подкованных. Он не сомневался, что его ждет радужное будущее. Будет ли решена проблема солнечных засветок, ему было абсолютно безразлично.

Но в самый последний момент Е удержалась и не сдала свой отчет, испугавшись, что если проект закроют, то библиотека базы перестанет получать иностранные журналы и другую научную литературу и, следовательно, доступ к сокровищнице астрофизических данных будет закрыт. Поэтому она делала вид, что продолжает работу над проблемой, а на самом деле занялась шлифовкой своей математической модели Солнца.

Как-то вечером Е в привычном одиночестве сидела в читальном зале библиотеки. На длинном столе перед ней громоздилась куча открытых журналов и документов. Закончив серию скуч-

ных и утомительных матричных вычислений, Е решила отдохнуть: подышала на руки, чтобы согреть их, и взяла последний номер «Астрофизического журнала». Ее внимание привлекла заметка о Юпитере:

В прошлом номере была опубликована статья доктора Гарри Питерсона из обсерватории Маунт-Вилсон «В Солнечной системе обнаружен новый мощный источник излучения». В статье приводились данные, случайно полученные при наблюдении прецессии Юпитера 12 июня и 2 июля. Было обнаружено сильное электромагнитное излучение, длившееся 81 секунду и 76 секунд соответственно. В это же время Питерсон наблюдал определенные изменения в Большом Красном Пятне. Это открытие вызвало серьезный интерес у планетологов. В нынешнем номере мы помещаем статью Г. Маккензи, в которой он приводит аргументы в пользу того, что это признак термоядерной реакции, начавшейся в ядре Юпитера. В следующем номере мы опубликуем статью Инуэ Кумосеки, в которой утверждается, что всплески радиоизлучения Юпитера имеют более сложную подоплеку, а именно подвижки во внутренних пластах металлического водорода; в подтверждение будут приведены полные мате-

матические расчеты.

Е отчетливо помнила те два дня, о которых шла речь в заметке: в этот период мониторинговая система «Красного берега» переживала сильные солнечные помехи. Она проверила журнал операций — из него следовало, что память ее не подводит. Время тоже приблизительно совпадало, с той только разницей, что солнечные засветки наступали через 16 минут и 42 секунды после того, как всплески радиоизлучения Юпитера достигали Земли.

«Шестнадцать минут и сорок две секунды — это чрезвычайно важно!»

Е постаралась утихомирить бешено бьющееся сердце. Она попросила библиотекаря связаться с Национальной обсерваторией и получить таблицы с координатами Земли и Юпитера в течение этих двух периодов времени.

Е начертила на доске большой треугольник с Солнцем, Землей и Юпитером на вершинах; вдоль трех сторон отметила расстояния, а около Земли записала время прибытия радиосигналов. По расстоянию между Землей и Юпитером было легко рассчитать, сколько времени затратили радиосигналы на путешествие между обеими планетами. Затем Е вычислила время, за которое

сигналы дошли от Юпитера до Солнца, а затем от Солнца до Земли. Разница между двумя приемами сигналов составила точно 16 минут и 42 секунды.

Е сверилась со своей математической моделью Солнца и попыталась найти теоретическое объяснение. Ее взгляд замер на описании того, что она назвала «энергетическими зеркалами» внутри зоны лучистого переноса.

Энергия, высвобождающаяся в ходе реакций в ядре Солнца, излучается сначала в виде высокоэнергетических гамма-лучей. Зона лучистого переноса — внутренний слой, окружающий ядро, — поглощает высокоэнергетические фотоны и вновь испускает их на чуть более низком энергетическом уровне. После многочисленных циклов последовательного поглощения и переизлучения (фотону может потребоваться тысяча лет, чтобы покинуть Солнце[49]) гамма-лучи преобразуются в рентгеновские, потом в ультрафиолетовые, потом в видимый свет и другие виды излучения.

Таковы были общеизвестные факты. Но модель Е давала основания для другого следствия: на пути к поверхности Солнца излучение понижается

[49] Примечания: 49

Википедия утверждает, что для Солнца этот срок составляет в среднем 170 тысяч лет. — *Прим. перев.*

в частоте; внутри зоны лучистого переноса существуют слои для каждого вида излучения, и когда энергия пересекает границу слоев, частота излучения резко падает. Эта концепция отличалась от традиционного взгляда, согласно которому частота излучения понижается постепенно на всем пути от ядра к поверхности. Расчеты Е показывали, что границы между слоями отражают излучение, приходящее со стороны более низкой частоты, почему она и назвала их «энергетическими зеркалами».

Е тщательно изучила эти разграничивающие мембраны, парящие в океане высокоэнергетической плазмы, и обнаружила в них множество удивительных свойств. Самое необычное из них она назвала «накапливающей отражательной способностью». Оно было таким из ряда вон выходящим, что доказать его существование было очень трудно, и Е сама не была полностью уверена в реальности его существования. Оно скорее походило на результат ошибки, вкравшейся в головокружительно сложные вычисления.

Но сейчас Е сделала первый шаг на пути подтверждения своей догадки о накапливающей отражательной способности солнечных энергетических зеркал: они не только отражали

излучение, приходящее со стороны более низкой частоты, но и усиливали его. Все наблюдаемые ею внезапные таинственные флуктуации в границах узких частотных полос возникали фактически под влиянием другого, приходившего из космоса излучения, отражавшегося и усиливавшегося энергетическими зеркалами внутри Солнца. Вот чем объяснялось отсутствие наблюдаемых возмущений на поверхности звезды.

На этот раз юпитерианские радиовсплески достигли Солнца, отразились, как от зеркала, и, усилившись примерно в сто миллионов раз, были снова излучены в пространство. Земля приняла обе серии излучения — до и после усиления — с интервалом в 16 минут и 42 секунды.

Солнце действовало как усилитель радиоволн.

Тут возникал закономерный вопрос. Солнце, надо полагать, принимает электромагнитное излучение из космоса каждую секунду, в том числе и радиоволны с Земли. Почему же усиливаются только некоторые из них? Ответ был прост: кроме избирательности энергетических зеркал по отношению к частотам, которые они отражают, главную роль играет экранирующий эффект конвективной зоны Солнца. Вечно бурлящая конвективная зона, окружающая зону лучисто-

го переноса, — самый близкий к поверхности плотный слой звезды. Радиоволны, приходящие из космоса, прежде чем достичь энергетических зеркал в лучистой зоне, должны пробиться сквозь конвективную зону, а это значит, что добраться до зеркал могут только волны, мощность которых превосходит определенное пороговое значение. Подавляющее большинство земных радиоисточников не может преодолеть этот порог, но радиовсплеску Юпитера это удалось.

И максимальная мощность передачи «Красного берега» тоже превосходила этот порог.

Проблема солнечных засветок не была решена, зато открылась новая захватывающая возможность: Солнце можно использовать в качестве суперантенны, при помощи которой можно будет посылать радиоволны в дальний космос. К услугам человечества будет мощь Солнца, в сотни миллионов раз превосходящая все радиопередатчики Земли, вместе взятые.

Человеческая цивилизация могла теперь вести передачи на уровне кардашевской цивилизации II типа.

Следующим шагом было сравнение формы сигналов двух юпитерианских всплесков с формами сигналов солнечных помех, полученных

«Красным берегом». Если они совпадут, догадка Е получит дальнейшее подтверждение.

Е попросила руководство базы вступить в контакт с Гарри Питерсоном и получить у него записи обоих юпитерианских всплесков. Это было нелегко: сначала надо было найти верные каналы связи, затем пройти сквозь тяжелую бюрократическую волокиту, требующую огромного количества документов... Малейшая ошибка — и Е заподозрили бы в шпионаже. Приходилось ждать.

Но существовал и другой, более прямой способ доказать гипотезу: «Красный берег» сам мог послать к Солнцу радиоволны с мощностью, превосходящей пороговую величину.

Е снова обратилась с просьбой к руководству базы, но не осмелилась назвать им истинную причину — настолько та была фантастична. Ей бы никто не поверил, отказ был обеспечен. Поэтому она объяснила, что хочет провести эксперимент для собственных исследований Солнца: трансляционная система «Красного берега» будет задействована в качестве солнечного радара, чьи эхо-сигналы она проанализирует, чтобы получить побольше сведений о солнечном излучении. Оба, и Лэй, и Ян, обладали глубоки-

ми познаниями в технике, обвести их вокруг пальца было бы нелегко; однако у эксперимента, который описывала Е, действительно имелись прецеденты в исследованиях Солнца западными учеными. Ее предложение в техническом плане было даже легче, чем радарные исследования планет земного типа.

— Е Вэньцзе, ты выходишь за рамки, — предупредил комиссар Лэй. — Тебе следовало бы сосредоточиться на теории. Ты точно уверена, что нам нужна вся эта головная боль?

Е принялась упрашивать:

— Комиссар, мы стоим на пороге великого открытия! Эксперименты абсолютно необходимы! Дайте мне попробовать всего один раз! Пожалуйста!

— Комиссар Лэй, — присоединился Ян, — может, и правда попробовать? Только один раз! В рабочем плане это вполне возможно. Ждать отраженных сигналов после передачи нужно…

— Примерно четверть часа, — закончил Лэй.

— У «Красного берега» будет достаточно времени, чтобы сменить режим с передачи на мониторинг.

Лэй снова покачал головой.

— Я знаю, что технически и оперативно это

выполнимо. Но вы, инженер Ян… э-э… Вы не понимаете… Видите ли, какое дело… Вы хотите направить сверхмощные радиосигналы на красное солнце. Разве вам не ясен политический символизм этого эксперимента?[50]

Ян с Е оторопели, но аргумент Лэя не показался им смехотворным. Как раз наоборот: они пришли в ужас, что сами не подумали об этом. В те годы поиски политического символизма во всем подряд дошли до полного абсурда. Лэй тщательно проверял и перепроверял научные отчеты, которые сдавала Е, чтобы даже из чисто научных терминов, касающихся Солнца, убрать всякий политический подтекст. Такие выражения, как «пятна на Солнце»[51], были запрещены. Эксперимент, который послал бы к светилу мощный радиосигнал, можно было истолковать и на тысячу позитивных ладов, но одна-единственная негативная интерпретация грозила навлечь политическую катастрофу на всех, причастных к нему. Причину, по которой Лэй отказывал в

[50] Примечания: 50

Председателя Мао часто сравнивали с «красным солнцем», особенно в годы «культурной революции». — *Прим. К. Л.*

[51] Примечания: 51

Китайское обозначение «солнечного пятна» буквально значит «черное солнечное пятно». Черный, само собой, считался цветом контрреволюции. — *Прим. К. Л.*

проведении эксперимента, отмести было нельзя.

Но Е не сдалась. В самом деле, до тех пор пока она не идет на крайний риск, выполнить задачу было несложно. «Красный берег» обладал сверхмощным передатчиком, но все его компоненты были произведены в Китае во время «культурной революции». Поскольку качество было отнюдь не на высоте, оборудование часто ломалось. После каждых пятнадцати трансляций приходилось проводить осмотр и наладку всей системы, а затем испытательную передачу. На этих тестах народу присутствовало не много, а цели и прочие параметры выбирались наугад.

После одной такой переналадки Е Вэньцзе поручили провести испытательную передачу. Поскольку при этом не нужно было следовать обычной строгой процедуре, в помещении, помимо самой Е, присутствовало только пятеро. Трое из них были операторами низкого ранга и в технике разбирались плохо. Оставшиеся два, техник и инженер, до того устали за двое суток ремонта, что их внимание сильно притупилось.

Сначала Е настроила передатчик так, чтобы мощность сигнала превосходила пороговое значение, которое предсказывала ее теория накапливающих энергетических зеркал, исполь-

зовав для этого всю мощность, на которую была способна трансляционная система «Красного берега». Затем Е задала частоту, которую, по ее предположениям, должно было усилить энергетическое зеркало. Под предлогом проверки механических частей антенны Е направила ее на запад, на заходящее солнце. Содержание передачи ничем не отличалось от обычного.

Все это происходило ясным осенним вечером 1971 года. Впоследствии Е не раз думала об этом событии, но не могла припомнить, чтобы ею владело какое-то особое чувство, кроме желания поскорее завершить передачу. Больше всего она боялась, как бы о ее проделке не узнали коллеги. Хотя она и придумала заранее несколько оправданий, но в случае чего они бы мало чем помогли: использовать антенну на полную мощность во время тестирования было делом необычным — ведь это влекло за собой быстрый износ компонентов. Кроме того, система наведения антенны не предназначалась для того, чтобы целиться прямо на Солнце. Е чувствовала, как нагревается окуляр. Если он сгорит, ее ожидают серьезные неприятности.

Солнце медленно садилось, Е пришлось вести за ним антенну вручную. В этот момент антенна

«Красного берега» напоминала огромный подсолнух, медленно поворачивающийся вслед за светилом. К тому моменту, когда загорелся красный огонек, обозначавший конец передачи, с Е сошло сто потов.

Она оглянулась вокруг. Трое операторов возле контрольной панели выключали оборудование — блок за блоком, согласно строгим инструкциям. Инженер в углу диспетчерской пил воду из стакана, а техник мирно дремал на своем стуле. В каких бы тонах историки и писатели ни описывали эту сцену впоследствии, реальность была весьма прозаичной.

Едва закончив передачу, Е выскочила из диспетчерской, пронеслась по коридору и ворвалась в кабинет Ян Вэйнина. Переведя дыхание, она проговорила:

— Передайте на радиостанцию базы, чтобы начали прослушивать частоту 12 тысяч мегагерц!

— И что же это мы принимаем? — Ян с удивлением воззрился на пряди волос, прилипшие к мокрому лбу Вэньцзе. По сравнению с высокочувствительной мониторинговой системой «Красного берега» обычная армейская радиостанция, которой пользовались для связи с внешним миром, была сущей детской игрушкой.

— Может быть, что-нибудь и примем. Нет времени перестраивать «Красный берег» в режим мониторинга!

Обычно для разогрева и перехода от передачи к наблюдению требовалось чуть больше десяти минут. Но сейчас мониторинговая система тоже подвергалась переналадке, многие ее компоненты еще не успели собрать заново, так что на быстрый ввод ее в строй рассчитывать не приходилось.

Ян несколько секунд таращился на свою собеседницу, затем схватил телефон и приказал офицеру-связисту следовать распоряжениям Е.

— У этого радио чувствительность такая низкая, что единственные инопланетяне, сигнал которых мы сможем принять, — это жители Луны, — сказал Ян.

— Сигнал придет от Солнца, — сказала Е. За окном красный как кровь солнечный диск уже почти коснулся гор на горизонте.

— Вы воспользовались нашей антенной, чтобы послать сигнал на Солнце? — ужаснулся Ян.

Е кивнула.

— Никому не говорите! Это никогда не должно повториться! Никогда! — Ян оглянулся, не подслушивает ли кто под дверью.

Е снова кивнула.

— Но зачем? Отраженные сигналы будут очень слабыми, далеко за пределами чувствительности обычного радио!

— Нет. Если моя догадка верна, мы услышим невероятно громкое эхо! Оно будет сильнее, чем… ну, я и вообразить не могу, чем что. При мощности сигнала, превосходящей определенный порог, солнце усилит его в сто миллионов раз.

Ян бросил на Е удивленный взгляд, но та больше ничего не добавила. Оба молча ждали. Ян отчетливо слышал взволнованное дыхание Вэньцзе, громкие удары ее сердца. Слова Е проскочили мимо его сознания, зато чувства, похороненные в его душе много лет назад, вынырнули на поверхность. Ему оставалось только взять себя в руки и ждать.

Прошло двадцать минут. Ян взял телефон, позвонил на радиостанцию и задал несколько коротких вопросов.

Потом положил трубку.

— Они ничего не приняли.

Е, затаившая дыхание, пока он разговаривал со станцией, испустила долгий выдох и кивнула.

— Зато американский астроном отозвался. — Ян вынул толстый конверт, залепленный

наклейками таможни, и протянул Е. Она разорвала конверт и углубилась в письмо. Гарри Питерсон писал, что не мог даже вообразить, что в Китае есть коллеги, изучающие планетарный электромагнетизм, и ему очень хотелось бы сотрудничать и обмениваться информацией в будущем. Он также послал две пачки документов — запись юпитерианских радиовсплесков. Это были фотокопии, снятые с длинных записывающих лент, которые следовало сложить фрагмент за фрагментом. Надо сказать, в те годы большинство китайцев в глаза не видели копировальной машины.

Е принялась укладывать листы бумаги в две полосы на полу. Дойдя примерно до половины, она распрощалась с надеждами. Формы сигналов, присущие солнечным засветкам, были ей хорошо известны. Они не походили на те, что лежали сейчас перед ней.

Е стала медленно подбирать бумаги с пола. Ян присел рядом на корточки, чтобы помочь. Отдавая пачку фотокопий женщине, которую любил всей душой, он заметил на ее лице улыбку, такую грустную, что у него затрепетало сердце.

— Что случилось? — спросил он, не отдавая себе отчета, что никогда еще не разговаривал с

нею так мягко.

— Ничего. Я просто очнулась от сна. — Е снова улыбнулась, забрала фотокопии и конверт и вышла из кабинета. Она направилась прямиком к себе, взяла коробку для еды и пошла в столовую. Там оставались только маньтоу и пикули; работники столовой нетерпеливо объяснили ей, что закрываются. Делать нечего — она взяла свою порцию, вышла наружу и зашагала к обрыву. Там она уселась на траву и принялась есть холодные маньтоу.

Солнце уже зашло. Горы Большого Хингана были такими же серыми и туманными, как жизнь Е. На этом унылом фоне мечта светилась особенно ярко и радужно. Но мечтам неизменно приходит конец, они уходят, как солнце, которое хоть и встанет снова, но не принесет с собой надежды. В эти мгновения дальнейшая жизнь представилась Е безграничной серой бездной. Она опять улыбнулась со слезами на глазах и продолжила жевать холодные маньтоу.

Она не знала, что в этот момент первый крик земной цивилизации, который мог быть услышан в дальнем космосе, уже распространялся от Солнца по Вселенной со скоростью света. Радиоволна, усиленная мощью звезды, величе-

ственным цунами перекатилась через орбиту Юпитера.

В этот миг на частоте 12 000 МГц звезда под названием Солнце была самой яркой на всем Млечном Пути.

Глава 23
«Красный берег» VI

Следующие восемь лет были самыми спокойными в жизни Е Вэньцзе. Страх, терзавший ее во время «культурной революции», постепенно притупился, и Е наконец смогла немного расслабиться. Испытательная и вводная фазы программы «Красный берег» завершились, проект вошел в штатный режим. Оставалось все меньше и меньше технических проблем; жизнь и работа упорядочились.

Сейчас, когда наступил покой, все, что еще недавно заглушалось страхом и тревогой, пробудилось с новой силой. Е обнаружила, что настоящая боль только начинается. Кошмарные воспоминания вернулись к жизни и, словно уголья, разгорелись с новой силой, мучая ее сердце жгучей болью. Говорят, что время лечит все раны. Для большинства людей это и правда так. В конце

концов, от «культурной революции» пострадала не одна Е Вэньцзе, и ее судьба оказалась счастливее, чем у многих. Но ее память была цепкой памятью человека науки: Е не умела забывать. Вместо этого она рассматривала безумие и ненависть, сломавшие ей жизнь, рациональным взглядом ученого.

Е стала задумываться над темной стороной человечества в тот день, когда прочитала «Безмолвную весну». Ян Вэйнин, с которым она постепенно сблизилась, под видом сбора материалов для исследований в области технологии находил для нее классические работы зарубежных мыслителей и историков. Кровавая история человечества ввергла Е в шок; глубокие аналитические раздумья философов привели ее к пониманию самых фундаментальных, самых тайных аспектов человеческой натуры.

Даже здесь, на Радарном Пике, в глухомани, сумасшествие и иррациональность человеческой расы являли себя во всей красе. Е видела, как лес, окружавший пик, продолжает падать под варварскими топорами ее бывших сотоварищей. С каждым днем проплешины в лесных чащах становились все обширнее — казалось, будто в этих местах с Большого Хингана содрали

шкуру. Когда участки голой земли соединились в сплошную вырубку, уцелевшие одинокие деревья стали казаться чем-то ненормальным. Чтобы расправиться с лесом окончательно, вырубку поджигали. Радарный Пик стал прибежищем для птиц, спасавшихся из огненного ада. Все время, пока кругом бушевало пламя, над базой не прекращался жалобный стон — это кричали птицы с обожженными перьями…

Безумие человеческой расы достигло своего исторического апогея. «Холодная война» была в разгаре. Ядерные ракеты, способные уничтожить Землю десять раз, стояли наготове — только нажми кнопку, и они вылетят из бесчисленных ракетных шахт, усеивающих два континента или скрытых в глубинах морей на призрачных атомных подлодках. Одна-единственная субмарина класса *Lafayette* или *Yankee* содержала столько боеголовок, что хватило бы разрушить сотни городов и убить сотни миллионов человек…

…а большинство людей жило себе, как будто ничего особенного не происходило.

Будучи астрофизиком, Е была непримиримым противником ядерного оружия. Она считала, что только звезды имеют право на обладание подобной силой. Она также знала, что в распоряжении

Вселенной имеются еще более чудовищные силы: черные дыры, антиматерия и многое другое. В сравнении с ними термоядерная бомба — даже не свечка, а крошечный огарок. Если человечество овладеет хотя бы одной из названных сил, мир может прекратить свое существование в один миг! Перед лицом безумия разум бессилен.

* * *

Через четыре года после прибытия Е на «Красный берег» они с Яном поженились. Со стороны Яна это было настоящее, глубокое чувство. Ради любви он отказался от будущего.

Самый бурный период «культурной революции» был позади, и политический климат несколько смягчился. Яна не подвергли прямым гонениям за то, что он женился на контрреволюционерке, однако его посчитали политически незрелым и сместили с должности главного инженера. Единственной причиной, по которой ему с женой позволили остаться на базе в качестве рядовых работников, было то, что «Красный берег» не мог обойтись без их технических знаний и навыков.

Е приняла предложение Яна в основном из благодарности: если бы он в самый опасный мо-

мент ее жизни не предоставил ей это убежище, Вэньцзе, возможно, уже не было бы в живых. Ян был человеком талантливым, культурным, с хорошим вкусом. Е не находила его неприятным, но сердце ее было как пепел, в котором пламя любви больше разгореться не может.

Раздумья о человеческой природе привели Е к очередному духовному кризису — она окончательно утратила цель в жизни. Когда-то Вэньцзе была идеалисткой, желающей поставить свой талант на службу великой цели, но сейчас она осознала, что вся ее жизнь была бессмысленна и будущее тоже не сулит никаких значительных свершений. Погружаясь в пучину депрессии, Е все больше отчуждалась от мира. Ей не было в нем места. Вэньцзе мучило чувство, будто она бродит в духовной пустыне. После того как она нашла себе приют у Яна, душа ее стала бесприютной.

Однажды Е работала в ночную смену. В это время она всегда чувствовала себя особенно одинокой. В глубокой полночной тишине Вселенная представала перед слушающими ее во всем своем безбрежном мрачном запустении. Больше всего Е Вэньцзе была отвратительна волнообразная линия, медленно ползущая по экрану — визуальное воплощение бессмысленного космического

шума, принимаемого «Красным берегом». Эта бесконечная кривая казалась Е абстрактным выражением самой сути Вселенной: один конец уходит в прошлое, другой в будущее, а посередине лишь случайные взлеты и падения — без жизни, без порядка, — одномерная пустыня, в которой все песчинки выстроены в ряд, одинокий и унылый, такой непостижимо длинный, что это становится невыносимым. Можно следовать по этой кривой вперед или назад как угодно долго и никогда не прийти к концу…

Однако в эту ночь Е, взглянув на экран, увидела кое-что странное. Даже эксперты, глядя невооруженным глазом, затруднились бы сказать, несет ли кривая какую-либо информацию, но Е шум Вселенной был знаком досконально, так что она сразу разглядела нечто необычное в бегущих перед ее глазами волнах. Тонкая кривая с ее подъемами и спусками словно бы обрела душу. Несомненно, этот радиосигнал был послан разумным существом!

Она поспешила к другому терминалу и проверила по нему рейтинг узнаваемости: ААААА. До этого момента ни один радиосигнал, полученный «Красным берегом», не поднимался выше С. Рейтинг А означал, что вероятность того, что

передача содержит разумную информацию, превышает 90 %. Рейтинг AAAAA представлял собой особый, экстремальный случай: он означал, что содержание принятой передачи закодировано тем же кодом, которым пользовался в своих радиопосланиях в космос «Красный берег».

Е включила систему дешифровки. Программа была способна расшифровать любой сигнал, рейтинг узнаваемости которого превосходит B. За все время операций «Красного берега» программа ни разу не была задействована в настоящем деле, только в тестах. Согласно данным тестирования, дешифровка сигнала, в котором, по подозрению, содержалось сообщение, могла потребовать нескольких дней, а то и месяцев компьютерных вычислений, и в большинстве случаев результат получился бы ошибочным. Но на этот раз едва программа начать работать с файлом оригинальной передачи, как на дисплее появилось сообщение, что дешифровка окончена.

Е открыла итоговый документ… и впервые в истории человек прочитал сообщение, посланное из другого мира.

Содержание оказалось довольно неожиданным. Это было предупреждение, повторенное три раза:

Не отвечайте!

Не отвечайте!!

Не отвечайте!!!

С головой, кружащейся от возбуждения и замешательства, Е все же дешифровала второе сообщение.

Этот мир принял ваше послание.

Я пацифист. Вашей цивилизации невероятно повезло, что я оказался первым, кто принял ваше сообщение. И я заклинаю вас: не отвечайте! Не отвечайте!! Не отвечайте!!!

В вашем направлении находятся десятки миллионов звезд. До тех пор пока вы не ответите, этот мир не сможет засечь, откуда пришел сигнал.

Но если вы ответите, источник будет сразу локализован. Ваша планета подвергнется вторжению. Ваш мир будет завоеван!

Не отвечайте! Не отвечайте!! Не отвечайте!!!

Читая мигающий зеленый текст на дисплее, Е потеряла ясность мышления. Ее потрясенный разум мог осознать только одно: с того момента, когда она послала сообщение к солнцу, прошло не больше девяти лет. Но тогда источник ответной передачи должен находиться примерно в четырех с половиной световых годах от Земли. Значит,

сигнал мог прийти лишь с самой близкой к Солнцу звездной системы — альфы Центавра[52].

Вселенная не голая пустыня! Она полна жизни! Человечество заглядывало в ее самые дальние уголки, не подозревая, что разумная жизнь существует уже на ближайшей звезде!

Е смотрела на дисплей с бегущей по нему волной: сигнал продолжал поступать из космоса на антенну «Красного берега». Она открыла другой интерфейс и начала дешифровку в режиме реального времени. Сообщение тут же появилось на экране.

В течение четырех последующих часов Е узнала о существовании Трисоляриса, о погибающей и вновь возрождающейся цивилизации, о планах трисоляриан мигрировать к звездам…

В четыре утра передача с альфы Центавра закончилась. Дешифровальная система продолжала работать вхолостую, выдавая на экран

---

[52] Примечания: 52

Альфа Центавра хотя и кажется невооруженному глазу одной звездой, на самом деле представляет собой двойную звездную систему: альфа Центавра А и альфа Центавра В. Третья звезда, называемая Проксимой Центавра и невидимая невооруженным глазом, возможно, связана тяготением с двойной звездой. Из китайского наименования объекта вытекает, что «звезда» в действительности — это три звезды. — *Прим. К. Л.* Расстояние до альфы Центавра примерно 4,36 световых лет. Проксима находится ближе других к Земле. Интересно, что у этой звездной системы есть несколько собственных имен; чаще всего употребляется «Ригель Кентаврус» («Нога Кентавра»). — *Прим. перев.*

бесконечную серию ошибочных кодов. Система мониторинга «Красного берега» снова слышала только космический шум.

Но Е была уверена, что все это ей не приснилось.

Солнце действительно работало как усиливающая антенна. Но почему, когда Е восемь лет назад проводила свой эксперимент, не пришли никакие отраженные сигналы? Почему формы юпитерианских радиовсплесков не соответствовали тем, что пришли позже от Солнца? Через некоторое время Е придумала несколько разных объяснений. Возможно, радиостанция базы не могла принимать волны нужной частоты, а может, она и приняла их, да связист решил, что это просто помехи, не стоящий внимания шум. Что касается формы сигнала, то, может быть, Солнце, усиливая радиоволны, добавляет к ним какую-то свою волну? Это может быть периодическая волна, которую легко отфильтровала дешифровальная система инопланетян, но неопытному глазу Е волны от Юпитера и от Солнца представились абсолютно разными. После того как годы спустя Е Вэньцзе покинула «Красный берег», ей удалось подтвердить эту свою догадку: Солнце и вправду добавило свою синусоиду.

Она тревожно оглянулась вокруг. В главной диспетчерской было еще три человека: двое сидели в углу и болтали, а третий дремал около своего терминала. В блоке анализа данных системы наблюдения только те два терминала, что находились перед Е, могли показывать рейтинг узнаваемости сигнала и имели доступ к системе дешифровки.

Сохраняя невозмутимый вид, Е быстро работала, переводя принятые сообщения в скрытую поддиректорию с многоуровневым шифрованием. Затем она скопировала сектор с шумом, принятым год назад, и подставила его на место передачи, шедшей в течение последних пяти часов.

И, наконец, она послала с этого терминала короткое сообщение в буфер передачи «Красного берега».

Е поднялась на ноги и вышла из диспетчерской. Холодный ветер пахнул в ее разгоряченное лицо. Восток чуть посветлел, и Е пошла по усыпанной гравием дорожке, едва видной в слабом свете зари, в центр управления передачами. Над ее головой антенна «Красного берега» молча протягивала свою гигантскую ладонь навстречу космосу. В тени у дверей маячил силуэт часового;

он, как всегда, не обратил на Е ни малейшего внимания.

В центре управления передачами было гораздо темнее, чем в диспетчерской мониторинга. Е миновала ряды монтажных шкафов, остановилась у контрольной панели и привычным, автоматическим движением включила десяток переключателей — надо было прогреть передатчик. Двое дежурных, сидящих здесь же, подняли на нее сонные глаза. Один взглянул на часы, после чего вернулся досматривать сон, второй принялся перелистывать замусоленную газету. На базе у Е не было никакого политического статуса, но она все же пользовалась определенной свободой в том, что касалось технической части. Она часто проверяла оборудование перед трансляцией; и хотя сегодня она пришла рановато — передача должна состояться только через три часа, — начинать прогрев раньше положенного было, в общем, делом обычным.

Следующие полчаса были самыми длинными в жизни Е. За это время она настроила передатчик на частоту, оптимальную для солнечного энергетического зеркала, и довела мощность передачи до максимума. Затем, глядя в окуляр оптической позиционной системы, проследила за поднимаю-

щимся над горизонтом светилом, активировала систему наведения антенны и медленно выровняла ее по Солнцу. Колоссальная антенна начала поворачиваться, раздался громкий скрежет, и в помещении все задрожало. Один из дежурных взглянул на Е, но ничего не сказал.

Солнце теперь полностью взошло над горизонтом. Перекрестье оптического прицела было направлено на верхний край диска в расчете на время, нужное сигналу, чтобы достичь светила. Передатчик был готов.

Кнопка включения передачи представляла собой длинный прямоугольник, очень похожий на кнопку «Пробел» на компьютерной клавиатуре, только красного цвета.

Рука Е застыла в паре сантиметров над ней.

Судьба всего человечества зависела сейчас от этих тонких пальцев.

Е решительно нажала на кнопку.

— Что ты делаешь? — сонно спросил один из дежурных.

Е улыбнулась, ничего не ответив, и нажала желтую кнопку остановки передачи. Потом передвинула рычаг управления так, чтобы антенна смотрела куда-то в другое место. А затем отошла от контрольной панели и направилась к двери.

Дежурный взглянул на часы — смена закончилась. Он взял журнал, решая, стоит ли записать отчет о действиях Е — они все же были несколько неординарными. Но взглянув на записывающую бумажную ленту и увидев, что передача длилась не больше трех секунд, бросил журнал обратно, зевнул, нахлобучил фуражку и вышел.

Послание, летящее к Солнцу, гласило:

«Приходите! Я помогу вам заполучить этот мир. Наша цивилизация больше не способна решить собственные проблемы. Нам нужна помощь извне».

Утреннее солнце ослепило Е. Не успев отойти от двери центра управления, она рухнула без сознания на траву.

Очнувшись, Вэньцзе обнаружила, что находится в лазарете. Рядом с кроватью сидел Ян и смотрел на жену взволнованными глазами, как несколько лет назад в вертолете. Врач наказал Е поменьше работать и побольше отдыхать.

— Ты беременна, — сообщил он ей.

Глава 24

Мятеж

Е Вэньцзе закончила рассказ о первом контакте с Трисолярисом. В столовой еще несколько мгновений продолжала царить тишина. Многие, похоже, слышали эту историю впервые. Увлеченный рассказом, Ван на время забыл о своих страхах. Не удержавшись, он спросил:

— А как ОЗТ разрослось до нынешних масштабов?

— Тогда мне надо было бы рассказать, как я познакомилась с Эвансом, — сказала Е. — Но все здесь уже знают эту историю, так что не будем зря терять время. Сяо Ван, давай лучше побеседуем о твоем наноматериале.

— Этот… Господь, о котором вы говорили… Почему он так боится наноматериала?

— Потому что наноматериал позволит людям освободиться от уз гравитации и приступить к сооружению более значительных космических объектов.

Вана осенило:

— Вы имеете в виду космический лифт?

— Да. Если сверхпрочные наноматериалы можно будет пустить в массовое производство, это создаст технические условия для строительства

космического лифта с поверхности Земли на геостационарную орбиту. Для Господа в этом изобретении нет ничего выдающегося, но для людей его значение огромно. С такой технологией люди быстро завоюют ближний космос и построят крупномасштабные оборонительные сооружения. Значит, эту технологию надо искоренить.

Ван задал вопрос, мучивший его больше всего:

— Что произойдет в конце отсчета?

— Не знаю, — улыбнулась Е.

— Но попытка остановить меня ничего не даст! Ведь это не фундаментальное исследование. Основываясь на том, чего мы уже достигли, кто угодно сможет додуматься до остального. — Ван говорил громко, но голос его дрожал.

— Правильно. Гораздо эффективнее запутать умы исследователей. Но ты прав — мы не остановили прогресс вовремя. Как бы там ни было, твои изыскания чисто прикладного характера. Наши методы действуют намного лучше против фундаментальных исследований.

— Раз уж мы заговорили о фундаментальных исследованиях — как умерла ваша дочь?

Вопрос заставил Е замолчать. Ван заметил, что свет в ее глазах чуть потускнел. Но через несколь-

ко секунд она овладела собой и сказала:

— Воистину, по сравнению с Господом, мощь которого безмерна, все наши дела бессмысленны. Мы лишь делаем, что можем.

Не успела она договорить, как раздался грохот — это ломали дверь в столовую. В помещение ворвался взвод солдат с автоматами. Ван увидел, что это армия, а не вооруженная полиция. Солдаты быстро и бесшумно выстроились вдоль стен, взяв мятежников в кольцо. Последним в столовую вошел Ши Цян. Куртка его была распахнута, в руке он сжимал пистолет, держа его за ствол, словно молоток.

Да Ши обвел всех взглядом прищуренных глаз, а потом вдруг рванулся вперед. Стремительный взмах, глухой удар металла о череп — и один из мятежников рухнул на пол; пистолет, который он собирался пустить в ход, отлетел далеко в сторону. Солдаты принялись стрелять вверх, с потолка посыпались пыль и ошметки штукатурки. Кто-то схватил Ван Мяо и вытащил его в безопасное место за спины солдат.

— Всем сложить оружие на стол! Клянусь, следующего, кто вздумает что-нибудь учудить, пристрелю на месте! — Да Ши указал на солдат с автоматами у себя за спиной. — Я знаю, вы не

боитесь смерти, но и мы тоже. Короче, так: законы и обычные полицейские процедуры на вас не распространяются. На вас даже законы ведения войны больше не распространяются! Поскольку вы угрожаете существованию всего человечества, нам дали право делать с вами все, что захотим!

Среди членов ОЗТ поднялось некоторое смятение, но ни один не поддался панике. Лицо Е оставалось бесстрастным. Из толпы вдруг выскочили трое, в том числе и та девушка, что свернула шею Пань Ханю, и кинулись к скульптуре в центре зала; каждый схватил и прижал к груди по сфере.

Девушка обеими руками подняла перед собой сверкающий металлический шар, будто готовясь выполнить гимнастическое упражнение, улыбнулась и проговорила:

— Уважаемые полицейские, в наших руках три ядерные бомбы, примерно в полторы килотонны каждая. Не очень большие, потому что нам нравятся маленькие игрушки, но все же достаточно мощные. А вот и детонатор.

Все замерли. Единственным, кто шевельнулся, был Ши Цян. Он вложил пистолет обратно в кобуру под левой подмышкой и с полным самообладанием сложил руки на груди.

— Наше требование просто: дайте Командующему уйти, — продолжала девушка, — а потом сыграем в любую игру по вашему выбору.

Судя по ее тону, она не боялась ни Ши Цяна, ни солдат.

— Я останусь со своими соратниками, — спокойно сказала Е.

— Можешь проверить — она правду говорит? — спросил Да Ши стоящего рядом с ним специалиста-подрывника.

Офицер бросил на пол перед троицей с шарами сумку. Один из мятежников подобрал ее и вынул ручные пружинные весы вроде тех, которые обыватели приносят с собой на рынок, чтобы проверить, не надувают ли их продавцы, — только побольше размером. Он положил свой шар в сумку, зацепил его крючком и поднял весы. Стрелка опустилась примерно до середины шкалы и остановилась.

Девушка издала смешок. Эксперт-подрывник тоже презрительно рассмеялся.

Мятежник вынул шар из сумки и бросил на пол. Второй из троицы повторил процедуру со своим шаром и тоже бросил его на пол.

Дошла очередь до девушки. Она подобрала сумку, вложила в нее свой шар, зацепила крю-

чок, подняла — и стрелка мгновенно опустилась в нижний конец шкалы, растянув пружину до предела.

Улыбка на лице подрывника застыла. Он прошептал Да Ши:

— Черт! У них действительно есть бомба.

Да Ши остался невозмутим.

Подрывник сказал:

— По крайней мере, мы можем подтвердить, что внутри сферы есть тяжелые элементы, расщепляющийся материал. Но мы не знаем, работает ли детонатор.

Лучи фонариков, прикрепленных к автоматам, сосредоточились на девушке с ядерной бомбой. Держа в руках разрушительную силу, равную полутора килотоннам тротила, та улыбалась во весь рот, как будто стояла на сцене в свете прожекторов и наслаждалась овацией.

— Мой совет: выстрелить в шар, — прошептал подрывник Да Ши.

— Но ведь тогда бомба взорвется?

— Верхний слой — обычная взрывчатка — действительно взорвется, но взрыв будет не направленный. Он не приведет к сжатию радиоактивного материала, необходимому для ядерного взрыва.

Да Ши стоял, сверля взглядом девушку с бомбой, и молчал.

— А снайпер ее не снимет? — спросил подрывник.

Да Ши едва заметно потряс головой.

— Позиция неудобная. У этой ядерной девицы острое чутье — стоит только навести на нее оптический прицел, и она сразу это почувствует.

Капитан двинулся вперед. Толпа отпрянула, и он остановился посреди образовавшегося пустого пространства.

— Стоять! — вскрикнула девушка, пристально глядя на Да Ши. Ее правый большой палец лежал на детонаторе. Она больше не улыбалась.

— Тихо, тихо, — проговорил Да Ши, останавливаясь метрах в шести-семи от нее. Он вынул из кармана конверт. — У меня тут кое-что интересненькое для тебя. Твоя мать нашлась.

Лихорадочный блеск в зрачках девушки потускнел. В это мгновение ее глаза и в самом деле стали окнами в душу.

Да Ши сделал два шага вперед. Теперь его отделяло от девушки не больше пяти метров. Та подняла бомбу выше и предупреждающе сузила глаза, но внимание ее уже немного притупилось. Двое других, те, что бросили свои фальшивые

бомбы, шагнули к Да Ши, чтобы забрать у него конверт. В тот момент, когда один из них оказался между девушкой и капитаном, Да Ши молниеносным движением выхватил пистолет из кобуры. Девушка успела только увидеть вспышку около уха парня, собиравшегося схватить письмо, и тут бомба в ее руках взорвалась.

Ван услышал приглушенный грохот, но увидеть ничего не увидел — у него потемнело в глазах. Кто-то выволок его из столовой. Из двери валил густой желтый дым, внутри царила какофония криков и выстрелов. Время от времени кто-нибудь прорывался сквозь клубы дыма наружу.

Ван поднялся на ноги и попытался вернуться в столовую, но подрывник остановил его, обхватив за пояс.

— Туда нельзя! Радиация!

Суматоха в конце концов улеглась. Около десятка мятежников из Общества «Земля — Трисолярис» были убиты в перестрелке. Остальных — больше двухсот, в том числе и Е Вэньцзе, — арестовали. Девица с бомбой превратилась в кровавые ошметки, но она оказалась единственной смертельной жертвой неудавшегося ядерного взрыва. Парень, пытавшийся забрать у Да Ши конверт, получил тяжелые ранения. Поскольку

его тело защитило капитана от осколков, Да Ши отделался только царапинами; однако и он, и все те, кто оставался в столовой после взрыва, пострадали от радиационного загрязнения.

Через маленькое окошко «Скорой помощи» Ван смотрел на лежащего внутри капитана. Из ссадины на голове Да Ши текла кровь. Медсестра, перевязывавшая его, была одета в прозрачный защитный костюм. Ван и Да Ши могли разговаривать только по мобильнику.

— Кто была мать той девушки? — спросил Ван.

Да Ши осклабился:

— Чтоб я сдох, если знаю. Просто бил наугад. Девицы вроде нее, как правило, не ладят со своими матерями. После двадцати лет в полиции я научился неплохо разбираться в людях.

— Ты, наверно, рад до смерти, что оказался прав. Всем этим действительно заправляла коечья грязная рука. — Ван выдавил из себя улыбку, надеясь, что Да Ши видит ее.

Капитан помотал головой и заржал:

— Кореш, это не я оказался прав, а ты! Я б никогда в жизни не поверил, что в деле и правда замешаны гребаные пришельцы!

Глава 25
Как умерли Лэй Чжичэн и Ян Вэйнин

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Имя?

Е ВЭНЬЦЗЕ: Е Вэньцзе.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Дата рождения?

Е: Июнь 1943 года.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Должность?

Е: Профессор астрофизики в Университете Цинхуа. Вышла на пенсию в 2004 году.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Принимая во внимание состояние вашего здоровья, ставлю вас в известность, что вы можете в любой момент сделать перерыв.

Е: Благодарю, со мной все в порядке.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Сейчас мы проводим обычное уголовное расследование и пока не будем касаться более чувствительных тем. Давайте покончим с этим поскорее. Надеемся на ваше сотрудничество.

Е: Я понимаю, на что вы намекаете. Да, я буду сотрудничать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Мы провели расследование, и у нас есть основания подозревать, что во время работы на базе «Красный берег» вы совершили

убийство.

Е: Я действительно убила двоих человек.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Когда?

Е: 21 октября 1979 года, под вечер.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Имена жертв?

Е: Политкомиссар базы Лэй Чжичэн и мой муж, инженер Ян Вэйнин.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Объясните, что вас толкнуло на это.

Е: Я надеюсь, вам известна подоплека событий?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: В общих чертах. Если мне что-нибудь будет непонятно, спрошу.

Е: Хорошо. В тот день, когда пришло послание инопланетян и я ответила на него, выяснилось, что сообщение приняла не я одна. Лэй тоже.

* * *

Лэй был типичным политическим работником того времени, из чего следует, что он обладал исключительно острым нюхом на политику и смотрел на все сквозь призму идеологии. Почти никто на базе не знал, что на главном компьютере в фоновом режиме выполняется небольшая программа, постоянно считывающая записи с передающего и приемного буферов и сохраняющая

их в скрытом зашифрованном файле. Таким образом, там были копии всего, что «Красный берег» послал и принял, и читать это мог только Лэй. Вот так он и узнал о вести от внеземного разума.

Под вечер того дня, когда я послала сообщение к восходящему солнцу и узнала, что беременна, Лэй вызвал меня в свой кабинет. Я увидела на его терминале послание с Трисоляриса, которое приняла накануне ночью…

* * *

— С того момента, когда ты получила первое сообщение, прошло восемь часов. Вместо того чтобы подать рапорт, ты уничтожила оригинальное сообщение и, возможно, спрятала где-то копию. Я прав?

Я не подняла головы и не ответила.

— Предвижу твой следующий шаг. Ты собираешься ответить. Если бы я не обнаружил все это вовремя, ты могла бы привести всю человеческую цивилизацию к гибели! Конечно, я не говорю, что мы боимся вторжения инопланетян. Даже если предположить худшее и это действительно бы случилось, пришельцы из космоса утонут в океане справедливой войны человечества!

Ах, вот оно что: он не знает, что я уже ответила!

Помещая ответ напрямую в буфер передачи, я не воспользовалась обычным файловым интерфейсом. К счастью, это помогло обойти следящую программу Лэя.

— Е Вэньцзе, я знаю, что ты вполне на это способна. Ты всегда питала глубокую ненависть к партии и народу и воспользовалась бы любой возможностью, чтобы отомстить. Осознаешь ли ты последствия своих действий?

Еще бы мне не осознавать! Я кивнула. Лэй мгновение молчал. Но я никак не ожидала услышать то, что он сказал дальше:

— Е Вэньцзе, мне тебя ничуть не жаль. Ты всегда была классовым врагом, противопоставлявшим себя трудовым массам. Но я много лет проработал рядом с Яном. Мне невыносима мысль о том, чтобы ты сломала ему жизнь, и уж тем более я не могу допустить, чтобы ты сломала жизнь его ребенку. Ты же беременна, так?

То, что он сказал, не было пустыми домыслами. В ту эпоху, если бы мои поступки выплыли на свет, они безусловно повлекли бы за собой тяжелые последствия для моего мужа, несмотря на то что он не имел к ним никакого отношения.

Лэй заговорил очень тихо:

— Сейчас только мы с тобой знаем, что произо-

шло. Необходимо свести к минимуму результаты того, что ты наделала. Притворись, будто ничего не случилось, и никому никогда словечка об этом не пророни, даже Яну. Об остальном я позабочусь. До тех пор, пока ты будешь держать язык за зубами, ты сможешь избежать катастрофических последствий.

Я сразу же поняла, куда метит Лэй. Ему хотелось стать первым человеком, обнаружившим существование внеземной цивилизации! Перед ним открылась поистине великая возможность вписать свое имя в учебники истории.

Я согласилась. И вышла из кабинета. Про себя я уже все решила.

Я взяла маленький гаечный ключ и направилась к инструментальной стойке обрабатывающего модуля приемника. Поскольку мне часто приходилось проверять оборудование, никто не обратил на меня внимания. Я открыла дверцу и осторожно ослабила болт, крепящий провод заземления к корпусу. Помехи на приемнике мгновенно усилились, и сопротивление в контуре заземления подскочило с 0,6 до 5 Ом. Дежурный техник сразу же подумал, что проблема с тем концом провода, который уходит в землю. Таков был обычный диагноз, потому что подоб-

ные неполадки возникали постоянно. Ему бы никогда и в голову не пришло, что неисправность на верхнем конце провода — ведь тот надежно закреплен; к тому же я сообщила, что только что проверила крепление.

Вершина Радарного Пика имела одну геологическую особенность: ее покрывал слой глины толщиной более десятка метров. Глина плохо проводит ток. Провод заземления надо было закапывать на достаточную глубину, иначе сопротивление контура было бы слишком высоким. Но в то же время его нельзя было закапывать чересчур глубоко, потому что глина вызывала сильную коррозию и через некоторое время среднюю часть проводника разъедало. В конце концов нашли следующее решение проблемы: перебросили провод через кромку обрыва так, что он опустился ниже глинистого слоя, а потом закопали его в откос. Но и при этом способе заземление было нестабильно, и сопротивление частенько зашкаливало. При подобных неполадках виновником всегда оказывалась та часть, что уходила за обрыв. Чтобы устранить поломку, приходилось висеть на веревках над пропастью.

Дежурный техник сообщил о случившемся команде солдат-ремонтников. Один из них при-

вязал веревку к железному столбу и полез вниз. Провозившись с полчаса, он поднялся наверх, насквозь мокрый от пота, и сказал, что не смог найти неполадку. Похоже, следующий сеанс наблюдений придется отложить. Ничего не поделаешь; оставалось предупредить командование базы. Я ждала у железного столба на обрыве. И вскоре, как я и рассчитывала, появился Лэй Чжичэн в сопровождении того же солдата.

Буду справедлива к Лэю — он отдавал работе всего себя и четко следовал требованиям, предъявляемым в те времена к политработнику: влиться в массы и всегда находиться на переднем крае. Может, все это было только показное, но в таком случае он был очень хорошим актером. Как только где-нибудь возникали сложности и надо было провести какие-то опасные работы, Лэй сразу вызывался добровольцем. Одной из таких работ, которые он выполнял не раз, был ремонт заземляющего кабеля — задача и рискованная, и изматывающая. Технически несложная, она все же требовала опыта. У поломки могло быть несколько причин: например, контакт разошелся из-за воздействия открытого воздуха (трудно определяемая) или место, где кабель входил в обрыв, стало слишком сухим. Солдаты-добро-

вольцы, ответственные за внешний ремонт, все были новичками, никто не обладал нужным опытом. Вот почему я не сомневалась, что Лэй непременно придет на обрыв.

Он надел страховочный пояс и опустился на канате вниз, сделав вид, что меня здесь нет. Я отослала солдата с каким-то поручением и, оставшись одна, вынула из кармана короткую пилу. Я смастерила ее из длинного ножовочного полотна, разломанного на три части, которые потом сложила вместе, одна на другую. Разрез, сделанный такой пилой, очень сильно лохматился, так что позже было не так легко определить, что веревка перерезана инструментом.

И тут появился мой муж, Ян Вэйнин.

Я объяснила ему, что случилось. Он заглянул через край обрыва, потом сказал, что для проверки контура заземления нужно глубоко копать, в одиночку Лэй не справится, поэтому он спустится ему на помощь. Ян надел страховочный пояс, оставленный ушедшим солдатом. Я попросила его воспользоваться другим тросом, но он отказался, говоря, что тот, на котором висит Лэй, достаточно прочен, выдержит двоих. Я настаивала, и он в конце концов сдался, сказал, чтобы я сходила и принесла другую веревку. Но когда я

вернулась, он уже спустился. Высунув голову за край, я увидела, что они уже закончили проверку и поднимаются обратно. Лэй карабкался первым.

Вряд ли бы мне когда-нибудь предоставилась другая возможность. Я вынула ножовку и перепилила канат.

* * *

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Я хотел бы задать один вопрос, но вносить ответ в протокол не стану. Что вы чувствовали в этот момент?

Е: Ничего не чувствовала. Я проделала все это совершенно спокойно. Наконец я нашла цель, которой могла посвятить себя. Мне была безразлична цена, которую надо было заплатить — мне или другим. Я знала также, что вся человеческая раса заплатит за мой поступок невиданную цену. То было лишь начало, скромное и незаметное.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Хорошо. Продолжайте.

Е: Раздались два-три изумленных крика, потом послышались удары тел о камни у подножия обрыва. Через некоторое время я увидела, что ручеек, протекавший внизу, покраснел… Это все, что я могу сказать на этот счет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Понимаю. Вот протокол. Проверьте все тщательно. Если не найдете ошибок,

подпишите.

Глава 26
Никто не раскаивается

Гибель Лэя и Яна посчитали несчастным случаем. Все на базе знали, что у Яна с Е счастливая семья, и Вэньцзе ни в чем не заподозрили.

На базу прислали нового комиссара, и все вернулось на круги своя. С каждым днем крохотная жизнь внутри Е становилась все больше. Одновременно Вэньцзе стала подмечать перемены в окружающем мире.

Однажды командир охраны попросил Е прийти в караулку у главных ворот. Там ее ждал сюрприз — трое подростков: два мальчика и девочка, все лет пятнадцати-шестнадцати. На них были старые дохи и шапки из собачьего меха. Явно местные ребята. Дежурный сказал, что они из деревни Цицзятунь; узнали, что на Радарном Пике работают настоящие ученые, и пришли задать несколько вопросов по школьным предметам.

Е подивилась, как они осмелились заявиться на Радарный Пик, ведь это закрытая военная зона, и охранники могут открывать стрельбу по нарушителям после первого предупреждения.

Заметив ее недоумение, дежурный пояснил: только что получено новое распоряжение: режим безопасности «Красного берега» понижен. Местным жителям теперь разрешалось приходить на Радарный Пик, но не заходить на территорию базы. Несколько крестьян уже были здесь вчера, приносили овощи на продажу.

Один из ребят достал потрепанный учебник физики для средних классов. Руки у подростка были грязные и потрескавшиеся, словно древесная кора. С тяжелым северо-восточным акцентом он задал простой вопрос: в учебнике сказано, что тело в свободном падении движется с постоянным ускорением, однако скорость его никогда не превосходит некой конечной величины. Ребята ломали над этим головы несколько вечеров подряд, но так и не смогли понять, в чем тут дело.

— И вы шли в такую даль только затем, чтобы задать этот вопрос? — изумилась Е.

— Учитель Е, вы разве не знаете, что экзамен опять ввели? — радостно спросила девочка.

— Экзамен?

— Общенациональный государственный экзамен для поступления в вуз! Теперь те, кто прилежно учится и получает высокие оценки, могут идти учиться дальше в университет! Ввели

два года назад[53]. Вы не знали?

— Значит, теперь не нужны рекомендации?

— Нет. Любой может сдать экзамен, даже дети «пяти черных категорий»[54].

Е остолбенела. Это известие всколыхнуло в ней множество противоречивых чувств. Прошло довольно много времени, прежде чем она опомнилась и увидела, что дети все еще ждут с раскрытым учебником. Она поспешила ответить на их вопрос: явление объясняется тем, что сила тяготения уравновешивается силой сопротивления воздуха. Затем Е пообещала, что, если дети в будущем столкнутся с какими-нибудь трудностями в учебе, они всегда смогут рассчитывать на ее помощь.

Три дня спустя к Е заявились уже семеро: к пер-

---

[53] Примечания: 53

Гаокао — всекитайский вступительный экзамен — был впервые введен в 1952 году. В 1966–1976 гг. (время «культурной революции») не проводился. Первый после «культурной революции» экзамен состоялся в конце 1977 года. «В начале «культурной революции» студентам и школьникам выдали небольшие сборники изречений Мао об образовании, где тот поносил профессоров за «ненужную ученость»: «они не способны различить пять зерен», «чем больше они знают, тем они глупее». Здесь же Мао осуждал принцип аттестации по результатам экзаменов: университеты для «красных», а не для «всезнаек» — дорогу «красным» по происхождению!» (цит. по: С. Куртуа, Н. Верт, Ж-Л. Панне и др. Черная книга коммунизма.) — *Прим. перев.*

[54] Примечания: 54

«Пять черных категорий жителей», подвергавшихся репрессиям во время «культурной революции»: помещики, кулаки, контрреволюци-

онеры, «ненадежные» и правые элементы. — *Прим. К. Л.*

вым трем добавились четверо из отдаленных деревень. На третий раз пришли пятнадцать, а с ними и учитель из поселковой гимназии.

Учителей не хватало, поэтому ему приходилось вести и физику, и математику, и химию; он пришел просить Е о помощи. Учителю было за пятьдесят, и все его лицо избороздили морщины. Разговаривая с Е, он очень волновался и то и дело ронял книжки. Когда гости покидали караулку, Е услышала, как он сказал ученикам:

— Ребята, вот это Ученый. Настоящий Ученый, знающий восемь канонов!

После этого школьники повадились ходить к Е каждые несколько дней. Иногда их приходило так много, что караулка не вмещала всех. С разрешения дежурного офицера безопасности часовые провожали детей в столовую, в которой Е повесила маленькую классную доску, — там и проходили занятия.

Было уже темно, когда Е освободилась от работы в канун китайского Нового года, 1980-го. Большинство служащих уже покинули Радарный Пик, отправившись в трехдневный отпуск, и кругом царила тишина. Е вернулась в свою комнату. Еще недавно она была их с Ян Вэйнином домом, а теперь опустела, и единственную компанию

Вэньцзе составлял ее нерожденный ребенок. Снаружи в ночи завывал холодный ветер Большого Хингана, донося с собой приглушенный треск петард в деревне Цицзятунь. Тяжелая рука одиночества душила Е, грозя раздавить совсем; Вэньцзе казалось, будто она стала такой крохотной, что еще чуть-чуть — и она исчезнет где-то в глухом углу Вселенной…

Но тут неожиданно раздался стук в дверь. Открыв, Е сначала увидела охранника, а затем за его спиной мечущееся на холодном ветру пламя нескольких сосновых факелов. Факелы держала толпа детей; их лица покраснели, с шапок свисали сосульки. Когда дети вошли в помещение, вместе с ними туда ворвалось дыхание зимы. Два мальчика, одетые совсем легко, замерзли больше других — по дороге они сняли верхнюю одежду, чтобы укутать свою ношу. В комнате они развернули дохи, и под ними оказался большой горшок, исходящий горячим паром. Горшок был полон квашеной капусты и пельменей со свининой.

* * *

В тот же год, через восемь месяцев после того, как сообщение ушло к Солнцу, у Е начались роды. Плод лежал неправильно, роженица сильно

ослабела; врач базы не смог справиться с этим случаем и отправил пациентку в ближайшую поселковую больницу.

Настал один из самых тяжелых периодов жизни Е. Схватки измучили ее; она потеряла много крови и впала в кому. Сквозь пелену тумана, закрывшую взор, она видела лишь три ослепительных, раскаленных солнца, медленно вращающихся вокруг и поджаривающих ее живьем. Мучениям не видно было конца, и Е решила, что, должно быть, умерла и попала в преисподнюю. Пламя трех солнц будет жечь и терзать ее вечно. Таково было наказание за предательство — предательство, равного которому в истории еще не случалось. Вэньцзе охватил страх — не за себя, а за своего нерожденного ребенка. А он все еще внутри нее? Или уже вышел наружу, в этот ад, чтобы вечно страдать вместе с матерью?

Она не знала, сколько прошло времени. Постепенно три солнца уходили все дальше и дальше. Достигнув определенной точки в пространстве, они внезапно уменьшились и превратились в хрустальные летящие звезды. Воздух вокруг Е стал прохладнее, боль начала отступать. Она, наконец, очнулась.

И услышала крик, раздавшийся совсем рядом. С

огромным трудом повернув голову, она увидела мокрое, красное личико младенца.

Врач сказал, что Е потеряла два литра крови. Десятки жителей деревни Цицзятунь пришли, чтобы отдать ей свою. У многих из них дети ходили на уроки Е, но большинство не имели к ней никакого отношения, просто слышали ее имя от других. Без помощи этих людей Е, несомненно, умерла бы.

После рождения ребенка жизнь Е сильно осложнилась. Тяжелые роды подорвали ее здоровье. Оставаться на базе с ребенком на руках было совершенно невозможно, а родственников, которые могли бы помочь, у нее не было. И тут на базу пришла пожилая пара из деревни и обратилась к командованию с предложением забрать Е с ребенком к себе в Цицзятунь. Старик раньше промышлял охотой, а заодно собирал травы для традиционной китайской медицины. Позже, когда окрестные леса вырубили, супруги стали вести крестьянское хозяйство, но люди по привычке продолжали звать старика Охотник Ци. У них было двое сыновей и две дочери. Дочери вышли замуж и съехали к мужьям. Один из сыновей служил в армии далеко от дома, другой был женат и жил вместе с ними. Невестка тоже

только что родила.

Е пока что еще не была политически реабилитирована, поэтому командование базы затруднялось, как поступить. Но поскольку другого выхода не было, начальство в конце концов махнуло рукой и разрешило забрать Е с младенцем. Старики увезли их на санях прямо из больницы.

Больше полугода Е жила в крестьянской семье в горах Большого Хингана. Она была так слаба после родов, что молоко у нее не появилось. Все это время крошку Ян Дун кормила Фэн, невестка Охотника Ци — крепкая здоровая женщина, типичная уроженка северо-востока. Она каждый день ела сорго, и ее большие груди были полны молока — хватало на двух младенцев. Ян Дун подкармливали и другие кормящие матери, жительницы Цицзятунь. Они любили малышку и говорили, что она вырастет такой же умницей, как и ее мать.

Постепенно дом Охотника Ци стал местом посиделок деревенских женщин: молодые и старые, замужние и незамужние — все с удовольствием заглядывали сюда, когда не было других дел. Е вызывала у них восхищение и неуемное любопытство. Вэньцзе обнаружила, что у них много чисто женских тем для обсуждения.

Бессчетные дни Е с Ян Дун на руках сидела с другими деревенскими жительницами во дворе, обнесенном березовым штакетником; тут же играли детишки, ленивый черный пес нежился на солнышке… Некоторые женщины курили трубки. Е любила наблюдать, как они неторопливо выпускали изо рта колечки дыма; дым серебрился на солнце, и так же светились тонкие волоски на пухлых руках крестьянок. Как-то раз одна из них протянула Е длинную мельхиоровую трубку, сказав, что, может быть, покурив, она почувствует себя лучше. Вэньцзе затянулась всего пару раз, и ее так «повело», что женщины смеялись над ней целую неделю.

С мужчинами Е разговаривала мало — попросту не о чем было. Темы, занимавшие мужскую половину деревни, ее совсем не интересовали. Из немногих бесед с ними она узнала, что кое-кто был бы не прочь выращивать женьшень на продажу, раз уж правительство дало некоторые послабления, однако ни у кого не хватало смелости попробовать. Мужчины относились к ней с уважением и почтительностью. Поначалу это казалось ей само собой разумеющимся, но через некоторое время, увидев, как жестоко эти же самые мужчины избивали своих жен и безза-

стенчиво заигрывали с деревенскими вдовами, говоря им скабрезности, от которых Е краснела до ушей, она поняла, как ценно их уважительное отношение. Раз в два-три дня кто-нибудь из них приносил в дом Охотника Ци свою охотничью добычу — то зайца, то фазана. Они также дарили Ян Дун необычные, занятные игрушки, которые мастерили собственными руками.

Когда Е вспоминала те месяцы, ей казалось, что все это происходило с кем-то другим, не с ней; словно то была часть чьего-то чужого бытия, легким перышком впорхнувшая в ее жизнь. Те дни в деревне остались в памяти Вэньцзе серией классических картин — не китайских рисунков кисточкой, а европейских масляных полотен. Китайские рисунки сотканы из пустоты, а жизнь в Цицзятунь была очень насыщенной. Как на старинных картинах маслом, она была полна богатых, ярких красок. Все здесь было жарко и

колоритно: печки-лежанки *кан*[55] с подогревом, устланные пышными тюфяками, набитыми пушицей; табак из Гуаньдуна и Мохэ, которым набивали медные трубки; густая сорговая каша; крепкая водка-байцзю, которую гнали из того же сорго… Жизнь мирная и неторопливая, как речка на окраине деревни.

Больше всего Е запомнились вечера. Сын Охотника Ци — первый человек, покинувший деревню ради заработка, — уехал в город и торговал там грибами; Е делила комнату с его женой Фэн. В те времена в Цицзятунь не было электричества, поэтому вечерами обе женщины усаживались около керосиновой лампы; Е читала, Фэн шила. Вэньцзе, сама того не замечая, наклонялась к лампе все ниже и ниже, иногда опаляя челку, и

---

[55] Примечания: 55

Кан — традиционная система отопления в крестьянских домах Северного Китая и Кореи. Типичный кан представлял собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специально проведенным каналам, служившим также дымоходом, проходил горячий воздух от печи. Печь, находившаяся у одного из концов лежанки, использовалась и для приготовления пищи. Сверху кан накрывался бамбуковыми или соломенными циновками. Иногда имел вид деревянных нар, внутри которых проходили глинобитные трубы, через которые дым из очага поступал к высокой трубе (3–3,5 м в высоту, по свидетельству Генри Джеймса), стоящей рядом с жилищем. Ночью на кане расстилали постель и спали; днем ели, играли в карты, и т. д. Во время еды на кан ставили небольшой столик (около 30 см высотой), вокруг которого семья садилась обедать или ужинать. Иностранные путешественники восхищались экономичностью системы: совсем небольшого количества топлива было достаточно, чтобы прогреть кан

до комфортной температуры, которую он сохранял всю ночь. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

тогда обе вскидывали друг на друга глаза и улыбались. С Фэн, понятное дело, такого никогда не случалось. Зрение у нее было острое, она могла делать тонкую вышивку в полутьме, при свете тлеющих углей. Два младенца, которым еще не исполнилось и полугода, сладко спали рядышком на кане. Е любила наблюдать, как они спят; их ровное посапывание было единственным звуком, нарушавшим тишину комнаты.

Поначалу Е не нравилось спать на нагретом кане, ей даже становилось нехорошо, но постепенно она привыкла. Ей снилось, будто она ребенок, лежащий в чьих-то теплых объятиях. Человек, который держал Вэньцзе, не был ни ее отцом, ни матерью, ни покойным мужем. Она не знала, кто это. Но ощущение было таким реальным, что она часто просыпалась в слезах.

Однажды она отложила книгу и увидела, что Фэн опустила на колено матерчатую туфлю, которую вышивала, и сидит недвижно, уставившись на огонек керосиновой лампы. Заметив, что Е смотрит на нее, Фэн спросила:

— Сестра, а почему звезды не падают с неба на землю?

Е пристально всмотрелась в Фэн. Керосиновая лампа, этот чудесный художник, создала

классический портрет в благородных тонах с отдельными яркими мазками: Фэн в наброшенном на плечи жакете, оставляющем на виду ее алый кушак и сильную, ловкую руку. Фигура молодой женщины, окутанная светом лампы, играла живыми, теплыми красками, тогда как остальное помещение утопало в мягкой полутьме. Приглядевшись внимательнее, Е обнаружила, что свет имеет красноватый оттенок, исходящий не от лампы, а от тлеющих на полу углей. Воздух в помещении был влажен, и мороз разрисовал оконные стекла красивыми ледяными узорами.

— Ты боишься, как бы звезды не упали? — тихо спросила Е.

Фэн засмеялась и встряхнула головой.

— Да чего их бояться-то? Они же крохотные!

Е не стала вдаваться в астрофизические материи, сказала лишь:

— Звезды очень, очень далеко. Они не могут упасть.

Фэн удовлетворилась ответом и вернулась к своей вышивке. Но Е вдруг стало тревожно. Она опустила книгу, прилегла на теплый кан и закрыла глаза. В своем воображении Е заставила Вселенную вокруг их маленького домика исчезнуть, померкнуть, наподобие того как свет

керосиновой лампы оставляет бо!льшую часть комнаты в тени. А потом Е заменила настоящую Вселенную на ту, которая жила в сердце Фэн: ночное небо, словно огромный черный купол, накрывает всю землю; его усеивают серебряные звездочки размером с зеркальце на старой деревянной тумбочке у кровати… Мир, плоский как стол, раскинулся во все стороны, но все же где-то вдали, где он сходится с небом, у него есть край. Плоская поверхность покрыта горами, похожими на горы Большого Хингана, горы поросли лесами, а в лесах притаились деревеньки, такие же как Цицзятунь… Игрушечная вселенная навеяла на Вэньцзе покой, и картина, созданная ее воображением, плавно перетекла в сон…

Так в этой затерянной в горах Большого Хингана деревушке сердце Е начало оттаивать. В морозной тундре ее души появилось крошечное чистое озерцо талой воды.

* * *

Через некоторое время Е с маленькой Ян Дун вернулись на «Красный берег». По прошествии двух лет, в течение которых тревога сменялась покоем и опять тревогой, Вэньцзе получила сообщение, что оба — и она, и ее отец — реабили-

тированы. А потом из Цинхуа прибыло письмо, уведомляющее, что она в любой момент может вернуться на свою прежнюю работу. Вместе с письмом пришла значительная сумма денег — невыплаченная зарплата ее отца, которую университет был должен ему после реабилитации. И, наконец, руководство базы стало обращаться к ней «товарищ Е».

Вэньцзе восприняла все эти перемены равнодушно, не выказывая ни радости, ни энтузиазма. Мир за пределами базы ее не интересовал. Единственное, чего ей хотелось, — это жить на тихом, затерянном в глуши «Красном береге». Но Ян Дун требовалось достойное образование, поэтому Е в конце концов покинула Радарный Пик — место, в котором собиралась провести всю оставшуюся жизнь, — и вернулась в свою альма-матер.

Спускаясь с гор, Е почувствовала веяние весны. Холодной зиме «культурной революции» пришел конец, и все возрождалось к жизни. Хотя хаос только-только улегся, все вокруг лежало в руинах и огромное множество мужчин и женщин все еще зализывали свои раны, не было сомнений, что всходит новая заря. В кампусы возвращались студенты, зачастую вместе с собственными детьми; в книжных магазинах хорошая литерату-

ра шла нарасхват; на фабриках и заводах начали внедрять передовую технологию; научные изыскания вернули себе прежний священный ореол. Наука и техника были единственными ключами к двери, ведущей в будущее, и люди вновь стали подступаться к твердыням знаний с верой и искренностью учеников начальной школы. Пусть их попытки и были наивны, но практические результаты не заставили себя ждать. На первой Общенациональной научной конференции Го Можо, президент Китайской академии наук, провозгласил, что для сильно поредевших рядов научных работников настало время возрождения и обновления.

Означало ли это, что безумию пришел конец? Что наука и разум действительно возвращаются? Такие вопросы Е задавала себе постоянно.

Она никогда больше не получала от Трисолариса ни одного сообщения. Это и понятно: ответа следовало ждать по меньшей мере восемь лет, а покинув «Красный берег», Е потеряла возможность принять его.

Такое невиданно важное дело — и все же она справилась с ним сама, без посторонней помощи! Е не могла поверить в реальность происшедшего. С течением времени чувство это только усили-

лось. То, что случилось тогда, было похоже на грезу. Неужели Солнце действительно способно усиливать радиосигнал? Правда ли, что она, Е, послала во Вселенную весть о существовании человеческой цивилизации? И в самом ли деле она получила от звезд ответ? И было ли в ее жизни то окрашенное в кровь утро, когда она предала все человечество? А совершенные ею убийства?..

Е пыталась глушить воспоминания работой, и это ей почти удалось. Некий странный инстинкт самосохранения заставил ее забыть о прошлом, перестать думать о том, что как-то раз она обменялась сообщениями с инопланетной цивилизацией. Так и проходила жизнь Е Вэньцзе — день за днем, спокойно и размеренно…

* * *

Через некоторое время после возвращения в университет Е повела Дундун в гости к бабушке, Шао Линь. Вскоре после смерти мужа Шао оправилась от умственного расстройства и отыскала способ выжить в опасных теснинах политики. Ее старания держать нос по политическому ветру и кричать правильные лозунги наконец принесли дивиденды, и позже, когда наступила фаза «Вернуться в школу, продолжать революцию», она

снова стала преподавать[56].

А потом Шао учудила такое, чего никто от нее не ожидал: вышла замуж за репрессированного служащего высшего звена Министерства образования. В то время он еще находился на «перевоспитании трудом» в «коровнике»[57]. Этот шаг был частью далеко идущего плана Шао Линь. Она понимала, что общественный хаос не вечен. Молодые бунтари, кидающиеся в атаку на все, что движется, не имеют опыта управления страной. Рано или поздно репрессированные старые кадры снова встанут у руля.

Шао рискнула и выиграла. «Культурная революция» еще не завершилась, а ее мужа уже частично восстановили на прежней должности. Вскоре после Третьего пленарного заседания

---

[56] Примечания: 56

В течение первой фазы «культурной революции» занятия во всех учебных заведениях — как в школе всех ступеней, так и в вузах, — прекратились, студенты и учащиеся ушли в хунвэйбины. Последовал такой хаос, что в конце 1967 г. пекинское руководство вынуждено было просить бунтарей вернуться к учебе и продолжить революцию в более контролируемой форме. — *Прим. К. Л.*

[57] Примечания: 57

Так на ранней стадии «культурной революции» называли помещения при различных трудовых учреждениях (заводах, школах, городских хозяйствах и пр.), в которых жили «чудища и демоны» (т. е. контрреволюционные элементы: реакционные академики и преподаватели, «пять черных категорий» и т. п.). — *Прим. К. Л.*

Центрального Комитета КПК 11-го созыва[58] его сделали заместителем министра. Вместе с мужем «выросла» и Шао Линь. Сделавшись членом Китайской академии наук, она весьма предусмотрительно оставила свой прежний вуз, после чего ее сразу же назначили проректором в другой знаменитый университет.

Е Вэньцзе восприняла эту новую версию своей матери как пример высокообразованной женщины, умеющей позаботиться о себе. По внешнему виду и всей повадке Шао Линь невозможно было даже догадаться, что когда-то она подвергалась репрессиям. Шао радушно приняла Е и Дундун, с участием расспрашивала дочь о ее жизни за протекшие годы, восхищалась красотой и умом внучки и давала подробные указания кухарке, как готовить любимые блюда Е. Все было сделано умело, четко и с приличествующей долей сердечности. И все же Вэньцзе явственно ощущала стену, отгораживающую ее от матери. В беседе обе избегали затрагивать чувствительные темы и ни разу не упомянули об отце Е.

После обеда Шао Линь с мужем проводили Е и Дундун вниз, на улицу, где и попрощались. Затем

---

[58] Примечания: 58

Это заседание ознаменовало собой начало политики «реформ и открытости». Именно тогда лидером страны стал Дэн Сяопин. — *Прим. К. Л.*

Шао вернулась в квартиру, а ее муж остался поговорить с Вэньцзе. В одно мгновение приветливая улыбка на лице заместителя министра превратилась в ледяную — складывалось впечатление, будто он только и ждал этого момента, чтобы сбросить маску.

— Мы будем рады и впредь принимать у себя вас с ребенком, но только при одном условии: не копаться в прошлом и не пытаться взыскивать старые долги. Твоя мать не несет никакой ответственности за смерть твоего отца. Она тоже была жертвой. Цепляясь за свои убеждения, Е Чжэтай поступал себе же во вред, что и привело его к печальному концу. Он забыл об ответственности перед семьей и причинил тебе и твоей матери глубокие страдания.

— Не смейте говорить о моем отце! — яростно отчеканила Е. — Это наше с матерью дело. Не суйте в него свой нос!

— Ты права, — холодно ответил муж Шао Линь. — Я всего лишь передаю слова твоей матери.

Е окинула взглядом шикарный особняк с квартирами для высшего партийного руководства. Шао Линь следила за этой сценой исподтишка, приподняв уголок оконной занавески. Не про-

изнеся больше ни слова, Е наклонилась, взяла дочь за руку и ушла, чтобы больше никогда не вернуться.

* * *

Е долго искала хоть какие-нибудь сведения о четырех девочках-хунвэйбинках, убивших ее отца, и наконец нашла трех из них. Все они были в свое время высланы в сельскую местность[59], а теперь вернулись в город. Ни у одной не было работы. Разузнав их адреса, Е написала каждой короткое письмо с просьбой встретиться на спортплощадке, где умер ее отец. Просто поговорить, ничего больше.

Е не собиралась мстить. Тогда, на базе «Красный берег», она отомстила разом всему человечеству, включая и хунвэйбинов. Но ей хотелось услышать от этих убийц слова раскаяния, хотелось узнать, сохранилось ли в них хоть что-то человеческое…

---

[59] Примечания: 59

В последние годы «культурной революции» привилегированную, образованную городскую молодежь высылали в бедную горную сельскую местность жить и учиться у тамошних крестьян. Многие из этих молодых людей состояли раньше в организации хунвэйбинов. Некоторые комментаторы считают, что в основе такой политики Председателя Мао лежало желание восстановить порядок, удалив из городов вышедших из-под контроля бунтарей. — *Прим. К. Л.*

В тот день после лекций Е ждала на спортплощадке. Особых надежд она не питала. Тем не менее в назначенный час бывшие хунвэйбинки появились на условленном месте.

Е узнала их издалека: все три были одеты в непопулярную нынче военную форму. Когда они подошли ближе, стало ясно, что это та же самая форма, которую они носили во время «митинга борьбы». Одежду стирали столько раз, что она совершенно выцвела; повсюду пестрели заплатки. Кроме формы, больше ничего общего у этих женщин с теми юными и на вид такими храбрыми хунвэйбинками не было. Они утратили не только молодость, но и кое-что еще.

Е сразу бросилось в глаза, что эти три женщины, некогда словно отлитые по одной форме, теперь разительно отличались друг от друга. Одна страшно исхудала; одежда висела на ней, как на вешалке, спина согнулась, словно под грузом лет, волосы приобрели желтоватый оттенок. Другая растолстела так, что китель не застегивался. Небрежная стрижка, нечистая кожа на лице… Похоже, трудности жизни лишили ее всякой женственности, оставив в наследство лишь тупость и грубость. Третья еще не совсем избавилась от былой юношеской привлекательности, но один

рукав ее кителя был пуст и болтался при ходьбе.

Три бывшие хунвэйбинки стояли перед Е в ряд — так же, как стояли когда-то перед Е Чжэтаем, — и пытались придать себе хоть толику давно утраченного достоинства, но тщетно. Демоническая духовная энергия, распиравшая их в прошлом, исчезла. Лицо худышки походило на мышиную мордочку. Тупая физиономия толстухи не выражала вообще ничего. Однорукая уставилась в небо.

— Небось думала, мы не отважимся прийти? — вызывающе спросила толстуха.

— Я решила, что хорошо бы повидаться, — ответила Е, — и закрыть некоторые страницы прошлого.

— А они и так закрыты. Уж ты-то должна бы это знать! — Голос у тощей срывался на визг, как будто она чего-то боялась.

— Мне просто хочется поговорить по душам.

— Ага, ждешь, что мы покаемся? — процедила толстуха.

— Вы не считаете, что вам следовало бы это сделать?

— А кто покается перед нами? — спросила однорукая.

— Из нас четырех, — заговорила толстая, — три

подписались под агитплакатом в гимназии при Университете Цинхуа. Революционные походы, великие митинги на Тяньаньмэнь, междоусобные войны Красной охраны, Первый Красный штаб, Второй Красный штаб, Третий Красный штаб, Западные пикеты, Восточные пикеты, Коммуна Нового Пекинского университета, Краснознаменная военная бригада, Красный Восток — мы прошли через все вехи истории Красной охраны, от ее рождения до смерти.

Эстафету переняла однорукая:

— Во время Стодневной войны[60] в Цинхуа две из нас состояли в Цзинганском горном корпусе, две другие — во фракции Четырнадцатого апреля. Я с одной только гранатой пошла на самодельный танк Цзинганской фракции. Гусеницами мне раздавило руку. Мои плоть, и кровь, и кости были вдавлены в грязь. А было мне тогда всего пятнадцать!

— А после этого нас выслали в глушь! — Толстуха махнула рукой. — Две из нас поехали в

---

[60] Примечания: 60

Стодневная война в Университете Цинхуа была одной из самых кровопролитных войн Красной охраны. Она проходила между двумя фракциями хунвэйбинов и длилась с 23 апреля по 27 июля 1968 г. Холодное оружие, гранаты, винтовки, мины, артиллерия — все шло в ход. 18 человек было убито, больше 1100 ранено, более 30 получили пожизненные увечья. — *Прим. К. Л.*

Шааньси, две другие в Хэнань, в самые отдаленные и нищие углы. Отправляясь туда, мы были полны энтузиазма, но его хватило ненадолго. После целого дня работы в поле уставали так, что были не в состоянии даже одежду постирать! Лежали вповалку в протекающих соломенных шалашах и слушали, как волки воют по ночам. Тогда мы и начали пробуждаться от мечтаний. Гнили там в медвежьих углах, и никому не было до нас дела…

Снова заговорила однорукая, глядя в землю:

— Там, в деревне, бывало бредешь по пустоши и нет-нет да и натыкаешься на другого хунвэйбина — товарища или врага. Поднимешь глаза, посмотришь: оба в лохмотьях, оба с ног до головы в грязи и навозе… Нам нечего было сказать друг другу.

Толстуха уставилась на Е.

— Тан Хунцзин — так звали ту девчонку, что нанесла твоему отцу последний, смертельный удар — утонула в Желтой реке. Наводнение унесло нескольких общинных овец. Тогда парторг воззвал к присланным студентам: «Революционная молодежь! Пришло время испытать ваше мужество!» Ну, Хунцзин с тремя другими и сиганули в воду — спасать овец. А было это ранней весной, на реке еще держался тонкий ледок. Все

четверо погибли, и никто не знает даже отчего — от переохлаждения или просто утонули. Увидев их тела, я… я… Нет, пошло все к черту, не хочу больше об этом говорить! — Она закрыла глаза и всхлипнула.

В глазах тощей тоже стояли слезы. Она вздохнула.

— Через некоторое время мы вернулись в город. И что с того? У нас как не было ничего, так и нет. Тем, кто приехал из деревни, приходится совсем туго. Мы не можем получить даже самую грязную работу! Ни работы, ни денег, ни будущего. Ничего.

У Е не было слов.

Опять подала голос однорукая:

— Есть такой фильм — «Клен». Не знаю, ты смотрела, нет? Там в конце взрослый и ребенок стоят на могиле хунвэйбина, погибшего во время фракционных войн. Ребенок спрашивает: «Они герои, да?» Взрослый отвечает: «Нет». Тогда ребенок спрашивает: «Они злодеи?» Взрослый отвечает: «Нет». «А кто же они тогда?» — спрашивает ребенок, и взрослый отвечает: «История».

— Слышала?! — Толстуха возбужденно взмахнула рукой. — История! История! Сейчас настала новая эпоха. Кто-нибудь когда-нибудь вспомнит

о нас? Помянет нас хоть словом? Ты, что ли?! Все, абсолютно все будет забыто!

И три бывшие хунвэйбинки ушли, оставив Е на спортплощадке одну. Полтора десятка лет назад, в дождливый безрадостный день она точно так же стояла здесь и смотрела на своего мертвого отца. В голове Е Вэньцзе продолжали звучать последние слова бывшей хунвэйбинки…

В лучах заходящего солнца от тонкой фигурки Е протянулась длинная тень. Вспыхнувшая в ней искорка надежды, что люди стали лучше, угасла. Крохотное сомнение в оправданности своего предательства тоже исчезло без следа.

Е незыблемо уверилась в истинности своего идеала: привести с просторов Вселенной в мир людей высшую цивилизацию.

Глава 27
Эванс

Через полгода после возвращения в Цинхуа Е Вэньцзе взялась за важное дело: подготовить проект большой радиоастрономической обсерватории. Она объездила всю страну с изыскательской партией, выбирая наиболее подходящее место для строительства. Первоначальные сооб-

ражения были чисто техническими. В отличие от обычных, радиоастрономическая обсерватория не предъявляет особых требований к состоянию атмосферы, для нее важно иметь как можно меньше электромагнитных помех. Е побывала во многих местах и наконец выбрала одно, самое чистое в этом отношении, — в уединенных холмах на северо-западе.

Растительный покров лессовых возвышенностей был скуден. Изъеденные эрозией склоны походили на старые, морщинистые лица. Осмотрев окрестности, изыскатели остановились на отдых в деревушке, большинство обитателей которой жило в традиционных пещерных жилищах. Руководитель сельхозбригады сразу признал в Е человека образованного и спросил, умеет ли она разговаривать на иностранном языке. Е осведомилась, о каком языке речь. Он ответил, что не знает, но если она умеет говорить по-иноземному, то он, руководитель, пошлет кого-нибудь наверх за Бетюном[61], с которым ему нужно кое-что обсудить.

---

[61] Примечания: 61

Норман Бетюн (1890–1939) был канадским хирургом, боровшимся вместе с китайскими коммунистами против японских захватчиков во время Второй мировой войны. Будучи одним из немногих представителей Запада, дружественно настроенных к китайским коммунистам, Бетюн стал героем. — *Прим. К. Л.*

— Бетюном? — изумилась Е.

— Да мы просто не знаем, как имя этого иностранца, вот и зовем его «Бетюн».

— Он врач?

— Нет. Он сажает на холмах деревья. Уже почитай три года.

— Сажает деревья? Зачем?

— Говорит, для птичек. Тут, говорит, есть один вид — вот-вот исчезнет.

Новоприбывших разобрало любопытство, и они попросили руководителя отвести их к «Бетюну». Все поднялись по тропе на пригорок, и руководитель указал на одно место среди лессовых пустошей. Глазам Е предстала радостная картина: один из склонов был покрыт молодым лесом. Казалось, будто на старый, пожелтевший холст плеснули зеленой краски.

Вскоре они увидели иностранца. Если не считать светлых волос, зеленых глаз, потертых джинсов и ковбойского вида куртки, он мало чем отличался от местных жителей, всю свою жизнь трудившихся в поле. Даже кожа его приобрела тот же темный оттенок, что и у них. Особого интереса к гостям «Бетюн» не проявил. Он представился как Майк Эванс, о своей национальности ничего не сказал, но в его английском был явственно

слышен американский акцент. Эванс жил в простой двухкомнатной хижине, заваленной инструментами для ухода за растениями. Тяпки, лопаты, пилы для обрезания веток и прочее — все непритязательное, сработанное местными мастерами. Вездесущая северо-западная пыль тонким слоем покрывала грубо сколоченную кровать и кухонный стол. На кровати лежала груда книг, в основном по различным отраслям биологии. Е сразу заметила «Освобождение животных» Питера Сингера. Единственным признаком современности служило маленькое радио на батарейках. Еще в хижине был старый телескоп.

Эванс извинился, что не может предложить гостям что-нибудь выпить: кофе давно закончился; вода была, но в распоряжении Эванса имелся только один стакан.

— Можно спросить, чем же вы здесь, собственно, занимаетесь? — поинтересовался один из коллег Е.

— Спасаю жизни.

— Спасаете жизни?.. Чьи — местных жителей? Конечно, здешняя экология…

— Да что вы все заладили одно и то же? — неожиданно вспылил Эванс. — Значит, чтобы считаться героем, надо непременно спасать чело-

веческие жизни, да? А спасать другие виды — это так, чепуха?! Кто дал людям право так заноситься? Не-ет, люди в спасении не нуждаются. Они и без того живут лучше, чем заслуживают.

— Нам сказали, что вы пытаетесь сохранить какой-то вид птиц…

— Да, ласточку. Подвид северо-западной бурой ласточки. Ее латинское наименование слишком длинно, не стану вас затруднять. Каждую весну они, следуя древнему непреклонному инстинкту, возвращаются с юга. Они гнездятся только здесь; но поскольку лесные массивы сокращаются с каждым годом, птицы лишаются деревьев, на которых можно было бы свить гнездо. Когда я открыл этот подвид, в нем насчитывалось не больше тысячи особей. Если так будет продолжаться, то лет через пять от него ничего не останется. Деревья, которые я посадил, стали для ласточек домом, и популяция понемногу растет. Нужно посадить еще — пусть этот Эдем станет побольше.

Эванс предложил гостям посмотреть на птиц в телескоп. С его помощью они наконец разглядели нескольких черных пичуг, стремительно носившихся между деревьями.

— Не бог весть какие красавицы, правда? Конеч-

но, моей ласточке далеко до любимицы публики, гигантской панды. На этой планете каждый день вымирают какие-нибудь виды, не удостоившиеся интереса толпы.

— Вы посадили все эти деревья сами, в одиночку?

— Большинство. Вначале я нанял в помощники кое-кого из местных, но деньги скоро кончились. Саженцы, ирригация — все стоит очень дорого. И знаете что? Мой отец — миллиардер, президент международной нефтяной корпорации — прекратил спонсирование. Да я и сам не хочу больше пользоваться его деньгами.

Оттаяв, Эванс, казалось, торопился излить все, что накопилось на душе.

— Когда мне было двенадцать, нефтяной танкер водоизмещением тридцать тысяч тонн, принадлежавший отцовской компании, сел на мель у Атлантического побережья. Больше двадцати тысяч тонн сырой нефти вылилось в океан. В то время наша семья проводила отпуск в пляжном доме недалеко от места аварии. Услышав новость, отец первым делом озаботился тем, как бы избежать ответственности и свести ущерб для компании к минимуму.

В тот день под вечер я отправился взглянуть на

этот ужас. Море было черным, волны, затянутые липкой жирной пленкой, еле плескались. Пляж тоже был весь покрыт нефтью. Я и несколько добровольцев занялись поисками еще живых птиц — те, увязшие в густой нефти, походили на черные статуэтки, изваянные из асфальта, только глаза двигались. Эти глаза, взирающие на меня из черной гущи, снятся мне до сих пор. Мы буквально вымачивали птиц в моющих средствах, пытаясь удалить нефть. Это была адски сложная задача: перья слиплись; стоило только потереть чуть-чуть сильнее — и они сходили вместе с нефтью… К вечеру большинство птиц умерло. Я сидел на черном берегу, изможденный, измазанный с ног до головы, смотрел, как солнце садится в черную воду, и мне казалось, что настал конец света.

Я не заметил, как сзади приблизился отец. Он спросил, помню ли я тот маленький скелет динозавра. Еще бы не помнить — во время разработки одного нефтяного месторождения нашли почти полный скелет динозаврика. Отец купил его за бешеные деньги и установил в саду при дедушкином особняке.

А потом отец сказал вот что:

«Майк, я рассказывал тебе о том, как вымерли

динозавры: на Землю упал астероид; мир сначала превратился в море огня, а затем погрузился в долгую эру тьмы и холода… Однажды ночью ты очнулся от кошмара — тебе приснилось, будто ты попал в ту ужасную эпоху. Сейчас я скажу тебе то, что хотел сказать той ночью: если бы ты на самом деле жил в меловом периоде, тебя можно было бы считать счастливчиком. Время, в которое мы живем, намного страшнее. Виды животных вымирают сейчас гораздо быстрее, чем в позднем меловом. Нынешнюю эпоху с полным правом можно было бы назвать эпохой массового вымирания. Сынок, то, чему ты стал свидетелем сегодня, — лишь незначительный эпизод в намного более грандиозном процессе. Мы можем прожить без морских птиц, но мы не можем прожить без нефти. Ты в состоянии вообразить себе жизнь без нефти? Помнишь ту чудесную «Феррари», которую я подарил тебе на твой прошлый день рождения и пообещал, что ты сможешь сесть за руль, как только тебе исполнится пятнадцать? Но без нефти «Феррари» — лишь куча металлолома. Когда тебе хочется навестить дедушку, ты садишься в мой личный самолет; каких-то десять часов — и ты по ту сторону океана. Но без нефти тебе пришлось бы болтаться в море

на паруснике больше месяца. Таковы законы цивилизации: прежде всего надо обеспечить существование и комфорт человеческой расе. Остальное второстепенно».

Отец возлагал на меня большие надежды, но я их не оправдал. Глаза несчастных, погибающих в нефти птиц преследовали меня все последующие дни и определили дальнейшее течение моей жизни. Когда мне исполнилось тринадцать, отец спросил, кем я хочу стать, когда вырасту. Я ответил: хочу спасать жизни. На самом деле моя мечта не была такой всеобъемлющей, я всего лишь хотел спасать виды, которым грозит вымирание: не очень красивую птицу, неказистую бабочку, жука, на которого никто никогда не обратил бы внимания… Позже, изучая биологию, я специализировался на охране птиц и насекомых. С моей точки зрения, я занимаюсь великим делом. Спасение птиц или насекомых ничуть не менее важно, чем спасение людей. «Все жизни имеют равную ценность» — таков основной принцип общевидового коммунизма.

— Как вы сказали? — Е подумала, что ослышалась.

— Общевидовой коммунизм. Это идеология, которую я сам разработал. Или вера — называйте,

как хотите. Ее основное убеждение — что все виды на Земле созданы равноценными.

— Это далекий от практической жизни идеал. Наши сельскохозяйственные культуры — тоже живые виды. Когда речь идет о выживании человечества, равенства, о котором вы говорите, быть не может.

— Рабовладельцы в давние времена наверняка думали о своих рабах примерно так же. И не забудьте о технологиях: настанет день, когда человечество будет производить пищу на фабриках. Поэтому заложить идеологические и теоретические основы следует заранее. В самом деле, общевидовой коммунизм — это естественное продолжение Всеобщей декларации прав человека. Французская революция произошла двести лет назад, а мы с тех пор не продвинулись ни на шаг. Если взглянуть под таким углом зрения, становится видно все двуличие и эгоизм человеческой расы.

— Как долго вы намерены здесь оставаться?

— Не знаю. Если понадобится, посвящу этому всю жизнь. Такое прекрасное чувство! Но где вам его понять…

Эванс явно потерял интерес к беседе. Сказав, что ему нужно работать, он подхватил пилу с

лопатой и собрался уходить. Прощаясь, он посмотрел на Е такими глазами, словно разглядел в ней нечто необычное.

На обратном пути один из ее коллег процитировал эссе Председателя Мао «Памяти Бетюна»:

— «Благородный и чистый, человек кристальной честности, чуждый вульгарным интересам». — Он вздохнул. — Оказывается, есть на свете люди, которые и правда могут жить по таким принципам…

Другие тоже выразили как восхищение, так и противоречивые чувства, вызванные в них этим человеком.

— Если бы таких людей, как он, было больше, — сказала Е, в первую очередь, по-видимому, обращаясь к самой себе, — то все повернулось бы совсем по-другому…

Разумеется, никто не уловил скрытого смысла ее слов.

Начальник группы изыскателей вернул беседу в рабочее русло:

— Боюсь, нам не разрешат строить здесь. Начальство забракует.

— Почему? Из всех возможных мест у этого наилучшая электромагнитная обстановка.

— А как насчет житейской обстановки? Товари-

щи, не концентрируйтесь только на технической стороне дела. Посмотрите, какая здесь нищета! Чем беднее деревня, тем хитроумнее ее жители. Понимаете, что я хочу сказать? Если разместить тут обсерваторию, то с местными будут постоянные хлопоты. Здешние жители будут смотреть на астрономический комплекс как на толстый ломоть, от которого не грех отгрызть кусок!

И действительно, площадку не одобрили, и причина была именно та, на которую указал начальник изыскательской партии.

* * *

Прошло три года, в течение которых Е ничего не слышала об Эвансе.

Но как-то весной она получила от него открытку с одной-единственной строчкой: «Приезжайте. Подскажите, что делать дальше».

Е Вэньцзе ехала в поезде целый день и целую ночь, потом много часов тряслась в автобусе и наконец добралась до деревушки, затерянной в отдаленных холмах на северо-западе.

Вскарабкавшись на знакомый пригорок, она снова увидела лес. Деревья выросли, поэтому зеленый массив казался гуще, но Е заметила, что раньше он был намного обширнее. Участки с

молодыми деревьями уже пошли под топор.

Вырубка шла полным ходом. Деревья падали повсюду, куда ни глянь. Лес напоминал тутовый листок, со всех сторон объеденный шелковичными червями. При таких темпах от него скоро ничего не останется! И занимались этим жители двух окрестных деревень. Под их топорами и пилами едва подросшие деревья одно за другим валились на землю, после чего их стаскивали к подножию холма тракторами и на воловьих упряжках. Лесорубов было огромное множество, и между ними постоянно вспыхивали драки.

Небольшие деревца падали без особого шума, да и вой бензопил здесь не слышался, и все же от знакомой картины у Е замерло сердце.

Кто-то окликнул ее. Это оказался прежний руководитель сельхозбригады, теперь председатель сельсовета. Он узнал Е. Когда она спросила, почему они валят лес, председатель ответил:

— Так он же не под охраной закона.

— Как это не под охраной?! Только что обнародовали Закон о пользовании лесами!

— Да, но кто позволил Бетюну сажать здесь деревья? Приперся какой-то иностранец без разрешения — так какой тут может быть закон?!

— Нельзя так рассуждать! Он сажал деревья на

голых склонах, не занял ни пяди обрабатываемой земли. И кстати, когда он начинал это дело, вы не возражали!

— Это так. Уезд даже наградил его премией за то, что он тут насажал. Жители нашей деревни с самого начала планировали свалить этот лес, только немного погодя — свинье надо дать нагулять жир, прежде чем резать, так ведь? Но народ из деревни Наньгэ не мог больше ждать, и если бы мои люди не присоединились, нам бы вообще ничего не досталось!

— Вы должны немедленно прекратить это! Я пожалуюсь вашему руководству!

— Да жалуйтесь на здоровье! — Председатель повел кончиком зажженной сигареты в сторону грузовика неподалеку, на который грузили стволы. — Видите? Это для секретаря уездного лесного правления. А вон там народ из городской полиции — они заграбастали себе больше деревьев, чем любой наш брат селянин! Говорю же: у этого леса нет защиты. И на ваши жалобы всем плевать. Так что, товарищ, вы, кажется, профессор в университете? Вот и идите профессорствуйте, а в наши дела не лезьте!

Хижина Эванса стояла на прежнем месте, но хозяин куда-то отлучился. Е нашла его в лесу с

топориком — он аккуратно подрезал деревцо. Должно быть, Эванс работал уже давно, потому что во всей его фигуре сквозила усталость.

— Да знаю я, что это бессмысленно, но мне все равно. Не могу остановиться. Если я остановлюсь, то просто рассыплюсь на куски. — Эванс натренированным движением срубил крючковатый сучок.

— Давайте вместе сходим в уездное правление! Если они не откажутся положить этому конец, обратимся к областным властям. Кто-то же должен их остановить! — взволнованно проговорила Е.

Эванс удивленно воззрился на Е. Косые лучи заходящего солнца, пробивавшиеся сквозь листву, зажгли в его глазах огоньки.

— Е, вы в самом деле думаете, что я корячусь здесь ради этого леса? — Он засмеялся и бросил топор, затем уселся на землю спиной к стволу. — Если б я захотел, то остановить их — как пальцами щелкнуть! Я только что вернулся из Америки. Отец скончался два месяца назад, и я унаследовал почти весь капитал. Мои брат с сестрой получили всего лишь по пять миллионов каждый. Вот уж чего я никак не ожидал! Должно быть, глубоко в душе отец питал ко мне уважение. Или к моим идеалам. Знаете, сколько я получил, не считая

средств, вложенных в предприятия? Около четырех с половиной миллиардов долларов. Да я запросто мог бы заставить этих мужланов сажать деревья, вместо того чтобы рубить их! Все эти лессовые холмы могли бы покрыться лесами, если бы я захотел. Но что толку-то?!

Причина тому, что здесь сейчас происходит, нищета. Вопрос: почему в более развитых странах дела обстоят лучше? Да потому, что они, заботясь о собственной природе, переводят грязное производство в бедные страны! Вам, наверно, известно, что американское правительство только что отказалось подписать Киотский протокол?.. И вся человеческая раса такова! До тех пор пока цивилизация продолжает развиваться в этом направлении, мои, а также и все прочие ласточки обречены на гибель. Дело времени, только и всего.

Е сидела молча, глядя на наклонные столбы солнечного света между деревьями и прислушиваясь к шуму, производимому лесорубами. Мысленно она вернулась на двадцать лет назад, в леса Большого Хингана, к похожей беседе с другим человеком.

— Знаете, почему я приехал сюда? — продолжал Эванс. — Первые ростки общевидового

коммунизма пробились давным-давно здесь, на Древнем Востоке.

— Вы имеете в виду буддизм?

— Да. Христианство сфокусировано на Человеке. Хотя Ной и взял в свой ковчег всякой твари по паре, но другим видам никогда не придавалось такого же значения, как человеку. Тогда как в центре буддистского учения стоит сохранение *всякой* жизни. Вот почему я приехал на Восток. Но… Но теперь мне ясно, что везде одно и то же.

— Да, верно, люди везде одинаковы.

— И что мне теперь делать? В чем цель моей жизни? У меня четыре с половиной миллиарда долларов и международная нефтяная компания. И какой прок от всех этих денег? Наверняка на защиту окружающей среды затрачены уже не четыре с половиной, а четыреста пятьдесят миллиардов. Ну и что с того?! Цивилизация продолжает шагать по пути уничтожения всей жизни на Земле, кроме человеческой. Четырех с половиной миллиардов хватит, чтобы построить авианосец, но лавину человеческого безумия не остановит и тысяча авианосцев!

— Майк, именно это я и хотела вам сказать. Человечество больше не в состоянии выбраться из своих проблем собственными силами.

— А разве есть какая-нибудь сила вне человечества? Бог, если он и существовал, то давно уже умер!

— Да, такая сила есть.

Солнце зашло, лесорубы отправились по домам. Лес и холмы погрузились в тишину. И тогда Е рассказала Эвансу историю «Красного берега» и Трисоляриса. Эванс слушал затаив дыхание. Казалось, будто и лес, и холмы тоже слушают. Когда Е закончила, на востоке поднялась полная луна, в ее ярком свете лес заиграл тенями.

Эванс проговорил:

— Не могу поверить. Это слишком фантастично! Но, к счастью, у меня есть возможность получить подтверждение вашим сведениям. Если то, что вы мне рассказали, правда… — Он протянул руку для пожатия и произнес слова, которые в будущем станут повторять все, кто присоединялся к Обществу «Земля — Трисолярис»: — …То мы теперь соратники.

Глава 28
«Второй красный берег»

Прошло еще три года. Эванс словно в воздухе растворился. Е не знала, где он, чем занимается.

Может, и в самом деле пытается найти подтверждение ее рассказу? Хотя как вообще он сможет его найти? По масштабам Вселенной расстояние в четыре с половиной световых года — это, что называется, рукой подать, и все же оно невообразимо велико для хрупкой жизни. Два мира были словно исток и устье реки, протянувшейся через бескрайний космос. Любые связи между ними чрезвычайно затруднены.

Как-то зимой Е получила приглашение на полгода читать лекции в одном не очень известном западноевропейском университете. В Хитроу ее встретил некий молодой человек. Но вместо того, чтобы покинуть аэропорт, оба вернулись на летное поле. Молодой человек проводил Е Вэньцзе к ожидающему там вертолету.

Вертолет пробивался сквозь туманы Англии, а Е казалось, будто время потекло вспять. Она испытала чувство дежавю. Много лет назад, когда она впервые летела на вертолете, жизнь ее круто изменилась. Что уготовано ей судьбой на этот раз?

— Мы направляемся на «Второй Красный берег».

Вертолет пересек береговую линию и направился прямиком в открытый океан. Через полчаса он

завис над огромным судном. Вид его напомнил Е о Радарном Пике. Только сейчас она сообразила, что своей формой Пик действительно походил на корабль, а бескрайние леса Большого Хинган-на — на Атлантический океан. Однако больше всего напоминала ей о «Красном береге» гигантская параболическая антенна, возвышавшаяся посередине верхней палубы, будто огромный круглый парус. Само судно, этот плавучий стальной остров, представляло собой перестроенный нефтеналивной танкер водоизмещением в 60 000 тонн. Эванс построил свою базу на судне — возможно, потому, что посреди моря наилучшие условия приема-передачи, а возможно, потому, что плавучую радиообсерваторию будет труднее засечь. Позже Е узнала, что бывший танкер называется «День гнева».

Сойдя с вертолета, она услышала знакомый гул — это исполинская антенна пела на океанском ветру. Звук тоже напомнил Е о прошлом.

Под антенной на обширной палубе собралась толпа — не меньше двух тысяч человек.

К новоприбывшей подошел Эванс и торжественно сказал:

— Мы воспользовались частотой и координатами, которые вы указали, и получили послание от

трисоляриан. Ваш рассказ подтвержден целиком и полностью.

Е сдержанно кивнула.

— Трисолярианский межзвездный флот уже пустился в путь. Его цель — Солнечная система. Они прибудут сюда через четыреста пятьдесят лет.

Е осталась невозмутима. Ничто на свете больше не могло лишить ее присутствия духа.

Эванс указал на толпу за его спиной:

— Вы видите перед собой первых членов Общества «Земля — Трисолярис». Наша цель — помочь трисолярианам реформировать человечество, обуздать его безумие и злобу, способствовать тому, чтобы Земля вновь стала гармоничным, процветающим, безгрешным миром. Все больше людей разделяют наши идеалы, и общество быстро растет. Его ячейки существуют по всей Земле.

— Какова будет моя роль? — тихо спросила Е.

— Вы станете главнокомандующим движения «Земля — Трисолярис». Таково желание всех борцов нашей организации.

Несколько мгновений Е молчала. Затем медленно кивнула.

— Сделаю все, что в моих силах.

Эванс прокричал толпе, потрясая сжатым кулаком:

— Долой тиранию человечества!

И тогда на фоне плеска разбивающихся о борта волн и под завывание ветра в антенне согласно прозвучал клич борцов ОЗТ:

— Мир принадлежит Трисолярису!

В этот день было положено начало движению «Земля — Трисолярис».

Глава 29
Движение «Земля – Трисолярис»

Наиболее удивительным аспектом этого движения было количество людей, потерявших веру в человечество, ненавидящих его, без колебаний готовых предать родной биологический вид и даже наслаждающихся грандиозной перспективой уничтожения всей человеческой расы, включая и их самих вместе с собственными детьми.

ОЗТ называли организацией духовной элиты. Большинство ее членов были людьми высокообразованными, многие принадлежали к высоким политическим или финансовым кругам. Одно время ОЗТ пыталось распространить свои идеи среди простого люда, но из этого ничего не вышло. Наверно, решили приверженцы ОЗТ, простонародье, в отличие от людей образованных, не в

состоянии увидеть и постичь темные стороны человеческой натуры. Что еще важнее, мышление простолюдинов слишком поверхностно, чтобы воспринять передовые научные и философские идеи, и поэтому они гораздо теснее, на чисто инстинктивном уровне, ощущают свою принадлежность к роду человеческому. Предать его для них просто немыслимо. Но интеллектуальная элита совсем другое дело: многие из ее представителей уже начали смотреть на вещи с позиций внеземного разума. Так внутри человеческой расы зародилось стремление к отчуждению от нее.

Как бы ни впечатлял численный рост Общества, количество его участников не давало истинного представления о силе ОЗТ. Поскольку большинство его членов обладали высоким социальным статусом, в их руках сосредотачивались значительные власть и влияние.

Е, будучи главнокомандующим отступников, являлась лишь их духовным лидером. Она не вникала в детали различных операций, проводимых Обществом, не знала, до каких размеров разрослось ОЗТ, не имела понятия о количестве его членов.

Чтобы ускорить свой рост, организация действовала почти в открытую, но правительства

государств не обращали на нее особого внимания. ОЗТ как раз и рассчитывало на то, что его будут защищать консерватизм и недостаток воображения людей, стоящих у власти. Те и в самом деле не принимали воззваний ОЗТ всерьез, думая, что это очередные экстремисты несут очередную ересь. А по причине высокого социального статуса членов ОЗТ с ними обращались весьма корректно. К тому времени, когда власти прозрели, отступники расплодились уже по всей Земле. И только когда ОЗТ начало формировать собственные вооруженные силы, органы безопасности некоторых государств спохватились, сообразив, что дело, пожалуй, зашло слишком далеко. Как следствие этого промедления эффективные атаки на ОЗТ начались всего два года назад.

В самом Обществе, однако, не было единства. Внутри организации существовало несколько направлений, каждое со своей идеологией. Большинство из них образовало две фракции.

Адвентисты, ответвление ОЗТ, объединявшее в основном приверженцев эвансовского «общевидового коммунизма», были чистейшего вида фундаменталистами. Они полностью разочаровались в человечестве, и причиной этого разочарования было массовое уничтожение ви-

дов как следствие развития цивилизации. Позже появились и другие адвентисты, чье неприятие человеческой расы базировалось на других явлениях, не связанных напрямую с загрязнением среды или бесконечными войнами. Некоторые возвели свою ненависть на абстрактный, философский уровень. Что бы ни говорили об адвентистах впоследствии, большинство из них были людьми трезвыми и даже на инопланетян, которым верно служили, особых надежд не возлагали. Они стали предателями исключительно из отчаяния и ненависти к человечеству. Майк Эванс выдвинул девиз адвентистов: «Мы не знаем, что собой представляют инопланетяне, но мы знаем, что собой представляют люди».

Редемпционисты появились гораздо позже адвентистов. Эта группа являлась, по сути, религиозной организацией, и ее члены были приверженцами культа Трисоляриса.

Инопланетная цивилизация, безусловно, обладает большой притягательной силой для высокообразованных классов, и эти люди взлелеяли прекрасные мечты о неведомых пришельцах. Человеческая раса наивна, противиться привлекательности гораздо более развитой космической цивилизации она не в силах. Вот вам прибли-

зительная аналогия: молодой, неискушенный человек бредет в одиночестве по вселенской пустыне, и вдруг ему становится известно, что где-то там вдали его ждет потенциальная возлюбленная; молодой человек не может видеть ни лица, ни фигуры этой женщины, но само знание о ее существовании вызывает к жизни чарующие фантазии, которые не обуздать, как ни старайся. По мере того как фантазии редемпционистов о далекой цивилизации расцветали все более буйным цветом, они начали испытывать к Трисолярису религиозные чувства. Альфа Центавра представлялась им космическим Олимпом, жилищем богов. Так родилась трисолярианская вера, которая не имела ни малейшего отношения к религии, существующей на Трисолярисе. В отличие от других земных религий редемпционисты поклонялись тому, что существовало в действительности. Другим отличием было также то, что на этот раз в помощи нуждался сам Господь, и бремя его спасения легло на плечи верующих.

Основным методом пропаганды трисолярианской культуры в человеческом обществе стала игра «Три тела». ОЗТ вложило в эту невероятно сложную программу огромное количество

ресурсов. Первоначальная цель была двоякой: во-первых, распространять трисолярианскую веру; во-вторых, дать ОЗТ возможность запустить щупальца в средние и нижние социальные слои, пополняя свои ряды молодежью из этих классов.

Игра повествовала о культуре и истории Трисоляриса, облекая их в реалии земной культуры и истории, чтобы не шокировать начинающих игроков. Как только игрок достигал определенного уровня и проникался симпатией к цивилизации Трисоляриса, ОЗТ входило с ним в контакт, проводило проверку и, наконец, вербовало в свои ряды тех, кто успешно прошел тест. Однако «Три тела» оставалась относительно малоизвестной игрой, потому что требовала от своих участников значительного багажа знаний и умения смотреть в корень, а молодые игроки, как правило, не отличались ни терпением, ни проницательностью, чтобы обнаружить поразительную правду, скрывающуюся за сравнительно простым фасадом. Таким образом, большинство поклонников игры по-прежнему происходило из числа интеллигентов.

Бо!льшая часть редемпционистов познакомилась с цивилизацией трисоляриан именно через «Три тела», так что, можно сказать, игра стала

колыбелью их фракции.

Но редемпционисты отличались от адвентистов не только религиозными чувствами к Трисолярису — их позиция в отношении человеческой цивилизации не была столь сурова. Их целью было прежде всего спасти Господа. Они готовы были до известной степени пожертвовать человечеством ради того, чтобы их Господь продолжал существовать. Однако большинство из них считали идеальным решением найти способ, который позволил бы трисолярианам жить дома, в звездной системе альфы Центавра, сделав таким образом их вторжение на Землю ненужным. Они наивно полагали, что стоит решить задачу трех тел — и тогда будут спасены обе цивилизации.

Надо признать, сама по себе идея была не так уж глупа. Трисоляриане многие тысячелетия питали ту же надежду; в течение нескольких сотен цивилизаций они не жалели усилий для решения проблемы. Многие редемпционисты с углубленными познаниями в математике и физике брались за эту задачу; и даже после того, как было установлено, что она не имеет аналитического решения, попытки не прекращались, превратившись в нечто вроде религиозного ритуала. Хотя в рядах редемпционистов было

много блистательных математиков и физиков, исследования в этой области не приносили никаких результатов, пока за дело не взялся Вэй Чэн — математический гений, не имевший никакого отношения ни к ОЗТ, ни к трисолярианскому культу. Чисто интуитивно он совершил прорыв, на который и стали возлагать свои надежды редемпционисты.

Две фракции находились в постоянном непримиримом конфликте. Адвентисты считали редемпционистов самой большой угрозой ОЗТ. Пожалуй, в этом был свой резон: именно благодаря некоторым редемпционистам с развитым чувством долга правительства начали понимать, какая угроза стоит за отступниками из ОЗТ. Численно обе фракции были примерно равны и обладали достаточными вооруженными силами, чтобы начать кровавую междоусобную войну. Е Вэньцзе использовала весь свой авторитет, чтобы уменьшить пропасть между соперниками, но результат был далек от совершенства.

По мере роста движения «Земля — Трисолярис» в нем выделилась и третья фракция — «выживальщики». После того как было подтверждено существование флота инопланетян, многими овладело естественное человеческое желание

выжить в грядущей войне. Конечно, она произойдет только через 450 лет и к тому времени никого из ныне живущих уже не останется, но люди надеялись, что их потомкам все-таки будет позволено жить, даже если человечество проиграет. А что может лучше помочь в достижении этой цели, чем служение захватчикам? По сравнению с другими двумя фракциями «выживальщики» были, как правило, выходцами из социальных низов, и большинство из них — с Востока, в частности из Китая. Количество членов этой фракции было пока что невелико, но оно быстро росло. В будущем они станут силой, с которой придется считаться.

Итак, отчуждение членов ОЗТ от остального человечества произошло под влиянием различных причин: ненависти к человеческой расе за ее преступления, преклонения перед более развитой цивилизацией и стремления дать своим потомкам возможность жить. Эти три могучих мотива обеспечили ОЗТ быстрые темпы роста.

Пришельцы были еще где-то далеко-далеко в космосе, от человечества их отделял путь длиной в четыреста пятьдесят лет. Все, что они когда-либо послали на Землю, было лишь несколько радиосообщений.

Таким образом, теория Билла Мазерса о «контакте как символе» получила жуткое в своей безукоризненности подтверждение.

Глава 30
Два протона

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Продолжаем расследование. Надеемся на ваше сотрудничество, как и в нашу прошлую встречу.

Е ВЭНЬЦЗЕ: Я уже рассказала вам все, что знаю. Собственно, теперь *мне* хотелось бы кое-что у вас разузнать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Не думаю, что вы рассказали все. Прежде всего нам хотелось бы знать, что было в тех сообщениях с Трисоляриса, которые перехватили адвентисты?

Е: Не могу сказать. Адвентисты хранят их в строжайшей тайне. Знаю лишь, что они скрыли от нас несколько сообщений.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Сменим тему. После того как адвентисты монополизировали связь с Трисолярисом, вы построили третий «Красный берег»?

Е: У меня было такое намерение. Но мы построили только приемник, после чего дело застопорилось. И оборудование, и помещения

— мы все размонтировали.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Почему?

Е: Потому что больше посланий с альфы Центавра не поступало. Ничего, ни на каких частотах. Думается, вы уже это установили.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Да. Четыре года назад Трисолярис решил прекратить всяческое общение с Землей. Это делает послания, перехваченные адвентистами, еще более важными.

Е: Да, конечно. Но мне и в самом деле нечего сказать по этому поводу.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*после некоторой паузы*): Тогда давайте перейдем к теме, по поводу которой вам, возможно, есть что сказать. Майк Эванс лгал вам, не так ли?

Е: Наверно, можно и так сказать. Он никогда не доверял мне своих самых потаенных мыслей, говорил лишь о своем чувстве долга перед другими видами на Земле. Я и не догадывалась, что его чувство долга переросло в такую ненависть к человечеству, что он поставил целью всей своей жизни погубить его.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Давайте взглянем на нынешнее положение дел в ОЗТ. Адвентисты хотят с помощью инопланетян уничтожить человеческую расу; редемпционисты поклоняются внеземной

цивилизации, словно богу; «выживальщики» готовы ценой предательства обеспечить собственное выживание. Ни в одном из этих течений программа не совпадает с вашим изначальным намерением призвать инопланетян, чтобы они, так сказать, перевоспитали человечество.

Е: Я разожгла огонь, но потеряла контроль над ним.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: У вас был план избавиться от адвентистов, и вы даже начали приводить его в действие. Но ведь их база и командный центр находятся на «Дне гнева», Майк Эванс и его соратники практически живут там. Бо!льшая часть военных формирований редемпционистов верна вам, и боеприпасов у вас достаточно, чтобы потопить или захватить судно. Почему же вы не атаковали его в первую очередь?

Е: Из-за посланий от Господа, которые они перехватили. Все они хранятся на «Втором Красном береге», в компьютерах «Дня гнева». Если мы нападем на судно, то как только адвентисты поймут, что сообщения могут попасть к нам, они их уничтожат. А эти сообщения слишком важны для нас, чтобы рисковать их потерей. Для редемпционистов это то же самое, что для христиан лишиться Библии, а для мусульман Корана.

Думаю, вы столкнулись с той же проблемой? Адвентисты держат послания Господа в качестве заложников. Именно поэтому «День гнева» до сих пор цел и невредим.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы можете что-нибудь нам посоветовать?

Е: Нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы также назвали Трисолярис «Господом». Означает ли это, что вы, как и редемпционисты, поклоняетесь ему, как богу? Вы последователь трисолярианского культа?

Е: Никоим образом. Это просто привычка… Не желаю обсуждать это дальше.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Давайте вернемся к тем перехваченным сообщениям. Может, точное содержание вам и неизвестно, но ведь до вас наверняка дошли какие-нибудь слухи?

Е: Слухи доходили — скорее всего, безосновательные.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какие же?

Е:…

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Передавали ли трисоляриане адвентистам свои технологии, передовые по сравнению с земными?

Е: Вряд ли. Ведь был риск, что они попадут в ваши руки.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Последний и самый важный вопрос: правда ли, что до настоящего момента единственное, что приходило с Трисоляриса на Землю, — это радиоволны?

Е: Почти правда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Почти?!

Е: Нынешняя цивилизация трисоляриан способна путешествовать между звездами на одной десятой скорости света. Этот технологический скачок произошел несколько десятков лет назад по земному летосчислению. До него их максимальная скорость не превышала одной тысячной скорости света. Крохотные зонды, которые они послали к Земле, не преодолели пока и сотой доли расстояния между нами и альфой Центавра.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Тогда у меня такой вопрос: если трисолярианский флот способен развить скорость до одной десятой скорости света, то чтобы достичь Солнечной системы, ему хватило бы чуть больше сорока лет. Почему же вы утверждаете, что путешествие займет четыреста пятьдесят?

Е: Дело в следующем. Межзвездный флот Трисоляриса состоит из невероятно массивных кораблей. Разгон их — процесс медленный. Одна десятая — это их максимальная скорость, но они не могут идти на ней все время, потому что за-

долго до Солнечной системы им придется начать торможение. К тому же источником энергии для кораблей служит аннигиляция материи и антиматерии. На носу каждого корабля установлено магнитное поле в форме воронки — ловушка для забора частиц антиматерии из космического пространства. Процесс этот тоже медленный; требуется долго ждать, прежде чем наберется достаточно антиматерии, чтобы на короткое время разогнать корабль. Таким образом, ускорение будет идти рывками, а между ними будут долгие периоды дрейфа для сбора антиматерии. Поэтому время, требующееся трисолярианскому флоту для того, чтобы достичь Земли, в десять раз больше, чем для маленького зонда.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Но тогда что вы имели в виду под словом «почти»?

Е: Мы говорим о скорости космического полета в определенном контексте. Вне этого контекста даже люди с их недоразвитыми технологиями способны разгонять некоторые объекты чуть ли не до скорости света.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*после паузы*): Под «контекстом» вы подразумеваете макро-масштаб? Потому что в микромасштабе люди уже используют ускорители высоких энергий и разгоняют элементарные

частицы почти до скорости света. Вы ведь эти «объекты» имеете в виду?

Е: Вы очень умны.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*указывает на крохотный наушник*): Со мной на связи самые передовые ученые мира.

Е: Да, я имела в виду субатомные частицы. Шесть лет назад в своей далекой звездной системе трисоляриане разогнали два ядра атома водорода примерно до скорости света и выстрелили ими в сторону Солнечной системы. Эти два ядра, или два протона, прибыли в Солнечную систему два года назад и достигли Земли.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Два протона? Они послали только два протона? Но это же почти ничего!

Е (*смеясь*): Видите, вы тоже сказали «почти». Это предел мощности трисоляриан. Они могут разогнать до скорости света только что-то крохотное, например, протон. К объекту, находящемуся в четырех световых годах от них, они могут послать только два протона.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: На макроскопическом уровне два протона — это практически ничто. У бактерии одна ресничка содержит миллиарды протонов. В чем смысл?

Е: Эти протоны — замо!к.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Замо!к? Но что же он запирает?!

Е: Они блокируют прогресс земной науки. Из-за этих двух протонов человечество в течение четырех с половиной веков, пока сюда не доберется трисолярианский флот, не сможет осуществить сколько-нибудь значительного научного прогресса. Эванс как-то сказал, что день, в который два протона долетели до Земли, стал днем гибели земной науки.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Это… просто нелепица какая-то… Два протона… как?..

Е: Не знаю. Я действительно не знаю. В глазах трисоляриан мы, должно быть, даже не примитивные дикари. Мы что-то вроде клопов.

* * *

Уже почти наступила полночь, когда Ван Мяо и Дин И вышли из Боевого командного центра. Обоих пригласили туда послушать допрос Е, поскольку Ван имел непосредственное отношение к делу, а Дин был близким другом ее дочери.

— Ты веришь тому, что сказала Е Вэньцзе? — спросил Ван.

— А ты?

— В последнее время случилось столько всего

невероятного… Но два протона, которые заблокируют прогресс всей человеческой науки? Это кажется…

— Тормози. Давай-ка для начала вот о чем подумаем. Трисоляриане выстрелили в Землю двумя протонами. Частицы преодолели расстояние в четыре с половиной световых года и обе достигли цели! Такая точность просто выходит за пределы вероятного. На пути огромное количество препятствий — межзвездная пыль, например. И Солнечная система, и Земля движутся. Для такого подвига требуется бо!льшая точность, чем если бы попробовать застрелить отсюда комара на орбите Плутона. Вот это стрелок!

При слове «стрелок» сердце Вана екнуло.

— И что это значит, по-твоему?

— Понятия не имею. А как ты себе представляешь субатомные частицы типа нейтрона и протона?

— В виде точки. Хотя эта точка имеет внутреннюю структуру.

— К счастью, образ, который у меня в голове, гораздо ближе к действительности. — Дин отбросил в сторону окурок. — Вот скажи, что это такое? — спросил он, указывая на окурок.

— Сигаретный фильтр.

— Хорошо. Глядя на него с этого расстояния, как бы ты его описал?

— Ну… точка, да и все.

— Правильно.

Дин отошел и поднял окурок, затем разорвал бумажную обертку. Глазам Вана предстал желтоватый губчатый материал, до ноздрей донесся запах горелой смолы. Дин продолжал:

— Взгляни — если развернуть фильтр, то окажется, что адсорбирующая поверхность по площади равняется большой комнате. — Дин выбросил окурок. — Ты куришь трубку?

— Я уже давно ничего не курю.

— В трубках используется более сложный фильтр. Его можно купить за три юаня. Диаметр примерно такой же, как у сигаретного, но он длиннее и представляет собой тонкую бумажную трубочку, наполненную активированным углем. Если вынуть уголь, то получится маленькая кучка черных крупиц, похожих на мышиный помет. Но общая поверхность всех малюсеньких дырочек в угольках будет примерно с теннисный корт. Вот почему активированный уголь обладает такой сильной адсорбирующей способностью.

Ван вслушивался в каждое слово собеседника.

— К чему ты ведешь?

— Губка или активированный уголь в фильтрах — трехмерные вещи. А вот их адсорбирующие поверхности — двумерные. Теперь ты видишь, что маленькая структура более высокой размерности может содержать в себе огромную структуру более низкой размерности. На макроскопическом уровне речь идет о пределе возможности пространства с большей размерностью содержать пространство с меньшей размерностью. Бог, этот старый скряга, во время Большого взрыва наделил макроскопические объекты только тремя пространственными измерениями и одним временным. Но это не значит, что не существует бóльшей размерности. В микромире, или, точнее, в квантовом мире существуют еще семь дополнительных измерений. Плюс четыре измерения макромира. Итого элементарные частицы существуют в одиннадцатимерном пространстве-времени.

— И что?

— Хочу лишь подчеркнуть один факт: в масштабах Вселенной важным признаком технологического прогресса служит способность цивилизации контролировать и манипулировать измерениями микромира. Извлекать пользу из элементарных частиц можно и без

этого, — что проделывали уже наши волосатые дикие предки, разводя костры в своих пещерах. Контролированная химическая реакция — это манипулирование частицами, не затрагивающее микроизмерений. Конечно, оно тоже прогрессировало от грубого и примитивного к более тонкому: от костра к паровому двигателю, а затем и к электрогенератору. Нынешняя способность человечества манипулировать микрочастицами на макроуровне достигла своего пика: у нас есть компьютеры и наноматериалы. Но все это достигнуто без вмешательства в мир микроизмерений. С точки зрения более развитой космической цивилизации компьютеры и наноматериалы в основе своей ничем не отличаются от костров. Это явления одного порядка. Вот почему в глазах инопланетян люди все равно что клопы. К сожалению, думаю, они правы.

— А не мог бы ты объяснить конкретнее? Какое отношение все это имеет к нашим двум протонам? Что в конечном счете может сделать пара протонов, достигших Земли? Как сказал следователь, одна ресничка бактерии содержит миллиарды протонов. Если бы эти два протона, посаженные на кончик моего пальца, полностью обратились в энергию, я бы, наверно, почувство-

вал разве что легкое покалывание?..

— Ты и этого не почувствовал бы. Даже бактерия ничего бы не почувствовала.

— Тогда что ты пытаешься сказать?

— Ничего. Я ничего не знаю. Что может знать клоп?

— Но ты-то физик среди клопов! Тебе известно больше, чем мне. Для тебя протоны — не такой темный лес, как для остальных. Ну расскажи больше! Пожалуйста! Иначе я не усну ночью!

— Если я скажу больше — вот тогда ты точно не уснешь. Выкинь из головы! К чему сушить себе мозги? Надо учиться смотреть на все философски, как Вэй Чэн и Ши Цян. Просто старайся делать свое дело как следует, и все. Пойдем выпьем чего-нибудь и отправимся на боковую, как подобает хорошим клопам.

Глава 31
Операция «Гучжэн»

— Расслабься, — сказал Ши Цян, усаживаясь за совещательный стол рядом с Ваном. — Я больше не радиоактивный. Последние пару дней меня полоскали изнутри и снаружи, как мешок для муки. Вообще-то тебя не хотели звать на это со-

брание, но я настоял. Хе! Чует моя душа, что на этот раз мы с тобой сыграем очень важную роль.

Разглагольствуя, Да Ши выудил из пепельницы окурок сигары, прикурил и со смаком затянулся. Кивнул и медленно, лениво выдохнул дым прямо в физиономии сидящих напротив. Одним из этих визави был прежний владелец сигары Стентон, полковник морской пехоты США. Он бросил на Да Ши брезгливый взгляд.

На этом совещании присутствовало гораздо больше иностранных военных, чем на прежних. Впервые в истории вооруженные силы всех земных наций противостояли единому врагу.

Слово взял генерал Чан:

— Товарищи, все присутствующие на этом совещании теперь имеют примерно одинаковое представление о ситуации. Или, как выразился бы Да Ши, установлен информационный паритет. Человечество находится в состоянии войны с инопланетными захватчиками. Наши потомки столкнутся с ними лицом к лицу только через четыреста пятьдесят лет. Пока что нашими непосредственными противниками являются люди. Этих предателей человечества можно считать врагами наряду с пришельцами. Мы еще никогда не сталкивались с подобным противником. Всем

должно быть ясно, что нашим следующим шагом будет получить в свое распоряжение послания с Трисоляриса, хранящиеся на «Дне гнева». Они будут иметь решающее значение для нашего выживания.

До сих пор мы действовали осторожно, и пока что на «Дне гнева» никто ни о чем не догадывается. Судно продолжает свободное плавание в Атлантике. Оно подало запрос в администрацию Панамского канала на проход по каналу через четыре дня. Мы просто обязаны воспользоваться такой возможностью! Судя по развитию ситуации, другой может и не представиться. В настоящий момент все боевые командные центры мира разрабатывают планы операции. В течение ближайших десяти часов Главный Центр выберет один из них и приступит к его осуществлению. Целью настоящего совещания является обсуждение возможных планов операции; три лучших предложения пойдут в Главный Центр. Время не ждет, поэтому мы должны работать с наибольшей отдачей.

Заметьте, каков бы ни был план, он должен гарантировать одно: захват трисолярианских посланий в целости и сохранности. «День гнева» — это бывший танкер; его внешние и внутренние

части подверглись основательной перестройке, в результате которой появились новые помещения и коридоры. Структура так сложна, что, по всей вероятности, даже членам команды в незнакомых местах приходится сверяться с картой. Нам, естественно, о внутреннем устройстве «Дня гнева» известно еще меньше. Мы не знаем с уверенностью, где на судне расположен компьютерный центр, сохраняются ли трисолярианские послания там или в каком-то другом месте и сколько имеется копий. Единственный способ достичь цели — это захватить полный контроль над «Днем гнева».

Самое трудное — это не дать врагу стереть информацию во время атаки. Уничтожить данные очень легко. Противник, конечно, не станет делать это обычными методами, потому что потом данные можно восстановить с помощью соответствующей технологии. Но если они попросту выпустят обойму в жесткий диск или другие устройства хранения, то все будет кончено, а понадобится на это не больше десяти секунд. Значит, в течение десяти секунд после начала атаки мы должны вывести из строя всех, кто находится рядом с хранилищем данных. А поскольку точное местонахождение этого помещения, как и коли-

чество копий трисолярианских посланий, нам неизвестно, то уничтожить всю живую силу «Дня гнева» следует в считаные мгновения, еще до того, как противник поймет, что на него напали. В то же время мы не должны разрушить судно, особенно его компьютерное оборудование. Так что задача очень сложная. Кое-кто считает ее невыполнимой.

Заговорил офицер Сил самообороны Японии:

— Мы считаем, что наш единственный шанс — это шпионы на борту «Дня гнева». Если им известно, где находятся данные с Трисоляриса, они могли бы контролировать подходы к этому помещению или перепрятать устройства хранения перед самым началом атаки.

Кто-то спросил:

— Наблюдение за «Днем гнева» всегда было прерогативой военной разведки НАТО и ЦРУ. Есть у вас там шпионы?

— Нет, — ответил представитель НАТО.

— Тогда нам больше нечего обсуждать, кроме говна собачьего, — буркнул Да Ши и получил в ответ залп неприязненных взглядов со всех сторон.

Полковник Стентон сказал:

— Поскольку наша задача — уничтожить весь персонал, не допустив разрушения оборудования,

то нашей первой мыслью было воспользоваться искусственной шаровой молнией.

Дин И покачал головой:

— Существование этого рода оружия стало теперь достоянием общественности. Мы не знаем: а вдруг «День гнева» оснащен магнитными стенами для защиты от шаровой молнии? Даже если и не оснащен, шаровая молния и впрямь может убить всех, кто находится внутри судна, но она не может сделать это в один момент. К тому же после ее запуска на судно молния сначала повисит на одном месте и только потом высвободит свою энергию. Ожидание может длиться от десяти секунд до нескольких минут или дольше. У противника будет достаточно времени, чтобы понять, что на него напали, и уничтожить данные.

— А как насчет нейтронной бомбы? — спросил полковник Стентон.

— Полковник, уж вы-то должны бы понимать, что это не сработает! — подал голос российский офицер. — Радиация нейтронной бомбы не убивает мгновенно. У врага будет в запасе достаточно времени, чтобы устроить совещание вроде того, на котором мы сейчас присутствуем.

— Была еще задумка использовать нервно-паралитический газ, — сказал натовский офицер. —

Но опять-таки — его распространение по судну займет некоторое время, так что и этот план не удовлетворяет требованиям генерала Чана.

— Тогда остаются бомбы объемного взрыва и инфразвуковые волны, — произнес Стентон. Собравшиеся ждали, что он разовьет мысль, но полковник молчал.

— Я как-то использовал бомбу объемного взрыва при полицейской облаве, — проговорил Да Ши. — Детские игрушки! Они и правда могут отправить человека в нокаут в закрытом помещении. Хорошая штука, если у тебя только одна-две комнаты. У вас есть такие бомбы, которые оглушили бы разом целый танкер с кучей людей на борту?

Стентон покачал головой:

— Нет. Даже если бы и были, то такое большое взрывное устройство безусловно повредило бы и оборудование.

— А что там насчет инфразвукового оружия? — поинтересовался кто-то.

— Оно пока еще на стадии эксперимента и в настоящем бою использоваться не может. К тому же судно очень большое. При том уровне энергии, которую задействуют опытные прототипы, все, на что можно рассчитывать при атаке на «День

гнева», — это что люди на борту почувствуют головокружение и тошноту, вот и все.

— Ха! — Да Ши сунул в пепельницу окурок сигары, теперь размером с горошину. — Я ж сказал — уже битый час обсуждаем собачье говно. Напомню слова генерала: время не ждет. — Он хитро подмигнул переводчице, красивой девушке в чине лейтенанта, по лицу которой было видно, что у нее проблемы с капитанской манерой выражаться. — Что, товарищ, трудновато приходится? Не парься, доведи до них общий смысл, и дело с концом.

Но Стентон, похоже, понял и без перевода. Он наставил на Да Ши свежую сигару, которую только что вытащил из красивого деревянного ящичка:

— Кто он такой, этот полисмен? По какому праву он так с нами разговаривает?

— А ты кто такой? — не остался в долгу Да Ши.

— Полковник Стентон — эксперт по спецоперациям, — пояснил офицер НАТО. — Он принимал участие во всех значительных военных операциях со времен вьетнамской войны.

— Тогда я тебе сейчас скажу, кто *я* такой! — рявкнул Да Ши. — Больше тридцати лет назад мой разведывательный взвод ухитрился проникнуть

на десятки километров за линии вьетнамской обороны и захватить гидроэлектростанцию, которая очень хорошо охранялась. Мы помешали вьетнамцам взорвать плотину и смыть к чертям нашу наступающую армию. Вот кто я такой. Я победил врага, который в свое время победил *вас*!

— Хватит! — Генерал Чан грохнул кулаком по столу. — Дело говори! У тебя есть план? Излагай!

— Я считаю, этот полисмен только зря тратит наше время! — презрительно сказал Стентон, зажигая сигару.

Да Ши вскочил, не дожидаясь перевода.

– *Пао-ли-си* — это слово я услышал уже дважды! Что, считаешь, что мы, полицейские, по сравнению с вами так, говно собачье? Конечно, если речь о том, чтобы кинуть десяток бомб и разнести корабль на куски, то тут вы, вояки, мастера! Но если речь о том, чтобы вытащить оттуда кое-что целым и невредимым, то мне плевать, сколько у тебя звезд на погонах, потому как тогда тебе обычный карманник сто очков вперед даст! Для таких трюков надо научиться мыслить нестандартно. НЕ-СТАН-ДАРТ-НО! Понял? Да тебе ни в жизнь не придумать того, что придумает нестандартно мыслящий преступник! Это, скажу я вам, такой находчивый народ! Я как-то расследовал грабеж

— преступники ухитрились украсть вагон поезда прямо на ходу. Они сцепили вагон, который шел перед угнанным, с тем, что шел за ним, так что поезд ехал себе до самого конца, и никто ничего не заметил. А использовали при этом моток проволоки и несколько стальных крюков. Вот кто настоящий эксперт по спецоперациям! Если хотите знать, то я, полицейский следователь, играющий с уголовниками в кошки-мышки уже полтора десятка лет, многому у них научился. Вот где тренировочка так тренировочка!

— Тогда выкладывай план, — приказал генерал. — А если его нет, то заткнись!

— Ну тут же столько важных персон, разве ж мне с ними тягаться? Я и рот боюсь раскрыть: а вдруг вы, генерал, опять скажете, что я хамлю?

— Ты уже всем тут нахамил под самую завязку. Хватит болтать! Ознакомь нас со своим нестандартным планом.

Да Ши вытащил авторучку и нарисовал на столе две параллельные линии.

— Это канал.

Поместил между линиями пепельницу.

— Это «День гнева».

Потом Да Ши перегнулся через стол и вытащил сигару изо рта полковника Стентона.

— Я больше не намерен терпеть выходки этого наглеца! — возопил полковник, вскакивая на ноги.

— Пошел вон, Да Ши! — рявкнул генерал Чан.

— Всего одну минуту. Я скоро закончу. — Да Ши протянул к Стентону руку.

— Чего тебе надо? — недоуменно спросил полковник.

— Дай еще одну.

Стентон мгновение поколебался, потом вытащил из ящичка сигару и протянул капитану. Тот прижал горящий конец первой сигары к столешнице, так что сигара теперь стояла на одном берегу канала. Затем Да Ши расплющил конец второй сигары и установил ее на другом берегу.

— Мы поставим по столбу на каждом берегу канала, а между ними натянем множество параллельных тончайших нитей, с интервалом примерно в полметра. Нити должны быть сделаны из наноматериала, который называется «парящее лезвие» — его разработал профессор Ван. Названьице в самую точку для нашего случая.

Закончив говорить, Ши Цян несколько секунд стоял молча. Потом поднял руки, сказал ошеломленному собранию: «У меня все», повернулся и

вышел.

Все словно окаменели. Казалось, что в зале замерз сам воздух. Даже гул многочисленных компьютеров стал слабее.

Через некоторое время в тишине раздался чей-то робкий голос:

— Профессор Ван, это ваше «парящее лезвие» — оно в самом деле как нить?

Ван кивнул.

— На нынешнем уровне молекулярной технологии единственная форма, которую мы в состоянии сделать, — это нить толщиной примерно в одну сотую человеческого волоса. Офицер Ши получил от меня эту информацию еще до собрания.

— У вас достаточно материала?

— Какой ширины канал? Какой высоты судно?

— Ширина канала в самом узком месте сто пятьдесят метров. «День гнева» в высоту тридцать один метр, осадка — восемь или что-то в этом роде.

Ван уставился на стоящие торчком сигары, производя в уме подсчеты.

— Думаю, материала у нас хватит.

Опять последовало долгое молчание. Все старались прийти в себя после шока.

— А что, если устройства, на которых хранятся трисолярианские данные — жесткие или оптические диски, — тоже будут разрезаны?

— Вероятность этого очень мала.

— Даже если их разрежет, — пояснил эксперт-компьютерщик, — то ничего страшного. Нити чрезвычайно тонкие, края разреза будут очень гладкие. При таких условиях мы сможем спасти бо!льшую часть данных, на чем бы они ни были записаны — на жестких и оптических дисках или в микросхемах.

— У кого-нибудь есть идея получше? — Чан окинул присутствующих взглядом. Все молчали. — Хорошо. Тогда приступаем к проработке деталей.

Полковник Стентон, который за все это время не произнес ни слова, встал.

— Пойду позову офицера Ши обратно.

Генерал знаком велел ему сесть.

— Да Ши! — позвал он.

Капитан вернулся, лучась улыбкой. Схватил со стола обе сигары. Ту, что дымилась, сунул в рот, вторую положил в карман.

Кто-то спросил:

— Когда «День гнева» будет проходить между столбами, смогут ли они выдержать натяжение

нитей? Не случится ли так, что «парящее лезвие» прежде всего разрежет сами столбы?

— Эту проблему легко решить, — успокоил Ван. — У нас есть немного наноматериала в виде нешироких полосок. Ими мы защитим те части опор, к которым будут крепиться нити.

После этого дискуссия шла в основном между моряками и экспертами по навигации.

— Тоннаж «Дня гнева» почти предельный для судов, проходящих по каналу. Осадка глубокая. Может, стоит подумать, а не натянуть ли нити и под ватерлинией?

— Это будет очень сложно. Да и времени нет, так что, думаю, не стоит и заморачиваться. Части судна, лежащие под ватерлинией, используются в основном для двигателей, горючего, балласта; там слишком много шума, вибраций и помех. Неподходящие условия для компьютеров и прочей тонкой электроники. А для надводных частей чем больше нитей мы натянем, тем лучше.

— Тогда целесообразно установить ловушку в одном из шлюзов. «День гнева» — судно класса

«Панамакс»[62], помещается в шлюзы впритык. Тогда нам достаточно натянуть нити всего в тридцать два метра длиной. Будет легче и столбы ставить, и нити натягивать…

— Нет. В шлюзах и на подходах к ним всегда слишком много суеты. Кроме того, судно тянут через шлюзы четыре «мула»-электровоза, едущих по рельсам. Они движутся медленно; к тому же когда судно проходит шлюзы, команда всегда начеку. Нашу ловушку наверняка быстро обнаружат.

— А как насчет «Моста двух Америк» сразу за шлюзами Мирафлорес? Мы можем натянуть нити между его опорами.

— Не годится. Расстояние слишком велико. Материала не хватит.

— Тогда решено: операцию надо провести в самом узком месте — в Кулебрской выемке[63],

---

[62] Примечания: 62

«Панамакс» (англ. Panamax) — тип судов, которые обладают максимальными габаритами, позволяющими пройти через шлюзы Панамского канала (размеры шлюзов: 305 м в длину, 33,5 м в ширину, 26 м в глубину). По современным меркам эти суда являются средними по размеру. Они входят в шлюзы впритык и имеют очень ограниченную возможность маневра. (По мат. Википедии.) — *Прим. перев.*

[63] Примечания: 63

Кулебрская выемка — часть Панамского канала, прорытая сквозь горы. Одной из ключевых фигур при строительстве Кулебрской выемки был американский военный инженер Давид Дю-Боз Гайяр (1859–1913). — *Прим. перев.*

ширина там сто пятьдесят метров. Ну, подбросить еще немного для столбов… Итого, скажем, сто семьдесят метров.

— При таком раскладе, — заметил Ван, — расстояние между нитями будет пятьдесят сантиметров. Для более тесной сети у нас нет материала.

— Иными словами, нужно подгадать так, чтобы корабль прошел там днем, — заключил Да Ши, изрыгая очередной клуб дыма.

— Почему?

— Потому что ночью бо!льшая часть команды дрыхнет, то есть находится в горизонтальном положении. А у нас пятьдесят сантиметров между нитями. Зато днем, даже если они сидят или лазят на четвереньках, этого расстояния достаточно.

Раздалось несколько смешков — так присутствующие, все под тяжелым стрессом, несколько выпустили пар, хоть он явно имел запах крови.

— Капитан, вы просто демон какой-то! — ужаснулась представительница ООН.

— А невинные люди могут пострадать? — дрожащим голосом спросил Ван.

Ему ответил офицер-моряк:

— Во время прохождения через шлюзы на борт поднимается десятка полтора рабочих, но как только судно минует шлюз, они все сходят на

берег. Лоцман будет сопровождать судно все восемьдесят два километра. Им придется пожертвовать.

Служащий ЦРУ добавил:

— И наверняка не все в команде знают об истинном назначении судна.

— Профессор, — обратился генерал Чан к Вану, — выбросьте эти мысли из головы. Информация, которую мы собираемся получить, необходима для выживания всего человечества. Другого выбора нет.

После окончания совещания полковник Стентон подвинул ящичек с сигарами к Ши Цяну.

— Держите, капитан. Лучшие гаванские.

* * *

Четыре дня спустя, Кулебрская выемка, Панамский канал

Ван не ощущал, что находится в другой стране. Он знал, что на западе, не очень далеко отсюда, расположено красивое озеро Гатун, а на востоке — величественный «Мост двух Америк» и город

Панама[64]. Но у него не было ни малейшей возможности увидеть хоть что-либо из этого.

Позавчера он прибыл прямым рейсом из Китая в Токумен — международный аэропорт Панамы, — а оттуда вылетел на вертолете. В пейзаже, расстилающемся перед ним, не было ничего примечательного: стройка как стройка. На канале велись работы по его расширению, и тропический лес по обоим берегам был вытеснен обширными участками голой желтоватой почвы. Родной Вану цвет. Сам канал тоже не казался чем-то выдающимся, возможно, потому, что был в этом месте очень узок. Тем не менее в прошлом веке сто тысяч человек выкопали его обычными кирками и лопатами.

Ван и полковник Стентон сидели в шезлонгах под навесом, устроенным на середине отлогого берегового склона. В просторных цветастых рубашках, с панамами, валяющимися рядом на земле, они могли бы сойти за праздных тури-

---

[64] Примечания: 64

В географическом положении Панамского канала есть изюминка. Казалось бы, чтобы попасть из Атлантического океана в Тихий, надо плыть с востока на запад. Но Панамский перешеек изогнут буквой S, и канал проложен так, что вход в него из Атлантики расположен на северо-западе, а выход в Тихий океан — на юго-востоке. Вот почему искусственное озеро Гатун, лежащее близ Атлантического побережья, расположено от Вана на западе, а город Панама у Тихоокеанского побережья — на востоке. — *Прим. перев.*

стов.

Внизу, по одному на каждом берегу, лежали на земле параллельно каналу два столба длиной 24 метра. Между ними были натянуты пятьдесят сверхпрочных «парящих лезвий» 160 метров длиной. На восточном берегу каждая нить прикреплялась к обычной стальной проволоке — так нитям добавили длины и с помощью дополнительных грузов опустили на дно. Такое решение давало возможность другим судам беспрепятственно проходить по каналу. К счастью, движение здесь оказалось не таким интенсивным, как ожидал Ван. В среднем за сутки здесь следовало около сорока больших судов.

Операция носила кодовое наименование «Гучжэн»: конструкция походила на древнюю китайскую цитру с тем же названием. Поэтому и сами натянутые нити называли просто «цитрой».

Час назад «День гнева» вошел в Кулебрскую выемку со стороны озера Гатун.

Стентон спросил Вана, бывал ли тот в Панаме раньше.

— Нет, — ответил Ван.

— А я был. В 1989 году.

— Тогда здесь, кажется, шла война?

— Да, и это была одна из тех войн, что не оставили по себе особых воспоминаний. Помню только, как стоял перед посольством Ватикана, где в то время скрывался Норьега, а репродукторы орали «Nowhere to Run»[65]. Кстати, моя идея.

Внизу по каналу плыл белоснежный французский круизный теплоход. Несколько пассажиров в яркой одежде беспечно прогуливались по застеленной зеленым ковром палубе.

— *Второй наблюдательный пост докладывает: перед целью нет других судов, — проскрипела рация Стентона.*

Полковник скомандовал:

— Поднять цитру!

На берегах появились мужчины в защитных касках, вроде тех, что носят ремонтники. Ван привстал, но полковник потянул его вниз.

— Не волнуйтесь вы так, профессор. Они свое дело знают.

---

[65] Примечания: 65

Полковник рассказывает об эпизоде военного конфликта в Панаме, когда свергнутый руководитель этой страны Мануэль Норьега скрывался от американцев в посольстве Ватикана. Американские военные придумали трюк, чтобы помучить его: трое суток напролет передавали рок-музыку через мощные громкоговорители, установленные у посольства. Особенной популярностью пользовался названный полковником Стентоном хит группы «Martha Reeves and the Vandellas» «Nowhere to Run — Nowhere to Hide» (букв. «Некуда бежать, негде скрыться»). Пытка музыкой прекратилась, когда папский нунций взмолился, что не может заснуть. — *Прим. перев.*

Ван наблюдал, как рабочие на восточном берегу быстро накручивали на барабаны стальные провода, соединенные с «парящими лезвиями», а потом закрепляли нити на столбе. Потом медленно-медленно оба столба поставили на шарнирах вертикально. Для маскировки на них повесили навигационные знаки и указатель глубин. Рабочие трудились не торопясь, как будто выполняли самую что ни на есть рутинную, скучную работу. Ван во все глаза смотрел в пространство между столбами и ничего не видел. Казалось, что там ничего нет, однако смертоносная цитра уже заняла свою позицию.

— *Расстояние от объекта до цитры четыре километра, — протрещала рация.*

Стентон отложил ее в сторону и продолжал вспоминать:

— Второй раз я приехал сюда в 1999 году, чтобы присутствовать на церемонии передачи Панамского канала. И знаете что — к тому времени, когда мы прибыли к зданию администрации, «звезды и полосы» уже исчезли. По предположениям, правительство США приказало убрать флаг на сутки раньше, чтобы его не пришлось спускать на глазах у всего честного народа. Тогда я считал себя свидетелем великого исторического

события. А сегодня оно кажется таким незначительным…

— *До цитры три километра.*

— Угу, незначительным… — пробормотал Ван. Он совсем не слушал Стен-тона. Все его внимание сфокусировалось на той точке, где вскоре должен появиться «День гнева», остальной мир перестал для него существовать. Сейчас солнце, поднявшееся над Атлантикой, спускалось к Тихому океану. Канал искрился золотом. Смертоносная цитра ничем не выдавала своего присутствия. Столбы, сработанные из темной стали, не отражали солнечного света; казалось, будто они были старше самого канала.

— *До цитры два километра.*

Стентон продолжал, словно не слыша вяканья рации:

— После того как я узнал, что к Земле идет флот инопланетян, у меня стала проявляться амнезия. Так странно. Многие события прошлого выпали из головы. Не помню подробностей войн, в которых участвовал. Как я уже сказал, теперь все они кажутся незначительными. Те, кто узнал правду о происходящем, духовно перерождаются и смотрят на мир иначе. Я все думаю: если бы две тысячи лет назад или даже еще раньше люди

узнали, что через несколько тысяч лет на Землю прибудет флот захватчиков-инопланетян — какой была бы сейчас человеческая цивилизация? Профессор, вы можете это себе вообразить?

— А? Нет… — отсутствующе проговорил Ван. Его мысли были совсем в другом месте.

— *До цитры один и пять десятых километра.*

— Профессор, думаю, вы станете Гайяром новой эпохи. Мы ждем, когда вы построите новый Панамский канал. Нет, в самом деле, космический лифт — это тоже канал. Как Панамский канал соединяет два океана, так космический лифт соединит Землю с космосом…

Ван понимал, что полковник трещит без умолку, дабы облегчить ему тягостное ожидание. Он был благодарен Стентону, но его уловка не действовала.

— *До цитры один километр.*

Появился «День гнева». В лучах садящегося за прибрежные холмы солнца судно выглядело как темный силуэт на фоне сверкающей золотом воды. Бывший танкер оказался гораздо больше, чем представлял себе Ван. Словно между холмами вдруг поднялась еще одна вершина. Ван знал, что канал способен принять суда водоизмещением до семидесяти тысяч тонн, и все равно

зрелище такой махины в столь узкой водной артерии вызывало в нем странное чувство: казалось, будто под судном вовсе нет воды, канал словно исчез. «День гнева» походил на гору, плавно скользящую прямо по земле. Наконец глаза Вана приспособились к солнечному свету, и он разглядел, что корпус у судна угольно-черный, а над ним возвышается белоснежная надстройка. Гигантской антенны не было. До ушей Вана и Стентона доносились гул судовых дизелей и плеск волн, расходящихся от закругленного форштевня и разбивающихся о берега канала.

Расстояние между «Днем гнева» и смертоносной цитрой сокращалось; сердце Вана билось все быстрей и быстрей, дыхание участилось. Он был бы не прочь сорваться с места и задать стрекача, но его охватила такая слабость, что он не мог и пальцем пошевельнуть. Внезапно на него накатила волна ненависти к Ши Цяну: «Как этот ублюдок посмел выдвинуть такую чудовищную идею? Правильно сказала та дама из ООН, что он сущий демон!» Но волна быстро схлынула, сменившись мыслью, что, будь Да Ши рядом, Ван чувствовал бы себя лучше. Стентон звал капитана ехать с ними, но генерал не дал разрешения, заявив, что Да Ши нужен ему для других дел.

Ван почувствовал, как на его спину легла рука полковника.

— Профессор, это все пройдет.

«День гнева» находился сейчас прямо под ними, двигаясь сквозь страшную цитру. Когда форштевень коснулся невидимой плоскости между столбами — пространства, казавшегося пустым, — волосы на голове Вана зашевелились. Но ничего не произошло. Громадное судно как ни в чем не бывало продолжало свой путь. Когда половина его прошла между столбами, Ван начал сомневаться: может, там и вовсе нет никаких нитей?

Но тут он заметил кое-что, отчего его сомнения улетучились: тонкая антенна на самом верху надстройки надломилась у основания и полетела вниз.

А вскоре проявился и еще один признак, при виде которого Ван едва не лишился чувств. Со своего места на берегу он ясно видел всю картину. Обширная палуба «Дня гнева» была пуста, если не считать одного человека — тот стоял на корме и поливал из шланга кнехты. В тот момент, когда судно проходило между столбами, кусок шланга поблизости от матроса срезало, как бритвой, и из отверстия полилась вода. Матрос,

ошалев, выронил наконечник шланга. Несколько секунд человек стоял неподвижно, а потом рухнул, причем тело его, падая, разделилось на две половины. Верхняя половина ползла во все увеличивавшейся луже крови, загребая… нет, не руками, а двумя кровавыми обрубками. Кисти были отрезаны напрочь.

Но вот корма судна прошла между столбами. «День гнева» продолжал двигаться вперед на прежней скорости; с виду все выглядело совершенно нормально. А потом Ван услышал, как гул дизеля превратился в какой-то странный визг, который затем сменился беспорядочным грохотом. Гремело и звенело так, как если бы в двигатель бросили гаечный ключ. Нет, не один ключ, а по меньшей мере сотню. Ван понял: это тарахтят разрезанные вращающиеся части двигателя. Раздался громкий треск, и в борту судна образовалась дыра, из которой вылетел большой кусок металла. Обломок упал в воду, подняв огромный столб брызг. Ван успел разглядеть, что это был фрагмент судового коленчатого вала.

Из дыры повалил густой дым. «День гнева», идущий ближе к правому берегу, стало разворачивать поперек. Вскоре он, таща за собой дымный хвост, пересек канал и врезался в левый берег.

Ван наблюдал, как колоссальный форштевень, искореженный при ударе, вспорол холм, словно воду, отчего земля вспучилась волнами во все стороны. Одновременно «День гнева» начал разделяться на четыре десятка ломтей, полметра толщиной каждый. Верхние ломти двигались быстрее нижних, и судно легло на берег, словно колода карт. Раздавался пронзительный, режущий уши звук — это железо скрежетало о железо. Казалось, будто множество гигантских ногтей скрипят по стеклу.

Когда ужасный звук наконец стих, «День гнева» лежал на берегу, словно стопка тарелок, которые уронил споткнувшийся официант; верхние «тарелки» легли дальше нижних. «Ломти», на вид мягкие, как ткань, быстро деформировались, и вскоре никто бы уже не сказал, что раньше они были частями судна.

По береговым склонам посыпались вниз солдаты. Ван удивился: он и не подозревал, что совсем рядом прячется столько народу. Послышался приближающийся рев винтов: целый флот вертолетов пролетел над каналом, покрытым радужными разводами нефти, завис над тем, что было когда-то «Днем гнева», и принялся заливать его противопожарной пеной и засыпать порош-

ком. Через несколько минут огонь был взят под контроль, и с трех других вертолетов начали спускать на тросах поисковиков.

Полковника Стентона уже след простыл. Ван поднял бинокль, который тот, уходя, оставил, и дрожащими руками поднес к глазам. Корпус разбитого судна сейчас был покрыт пеной и порошком, но кое-где виднелись срезы «ломтей»: гладкие, будто зеркало, они идеально отражали яростный алый свет заката. Или то была кровь?..

* * *

Спустя три дня

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Насколько полное представление вы имеете о трисолярианской цивилизации?

Е ВЭНЬЦЗЕ: Я знаю совсем мало. Мы получили весьма ограниченную информацию. Никто не владеет подробными знаниями об этой цивилизации, кроме Майка Эванса и некоторых его ближайших соратников, перехвативших сообщения трисоляриан.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Тогда почему вы возложили на трисоляриан такие надежды, рассчитывая, что они реформируют и улучшат человеческое

общество?

Е: Если они могут преодолеть расстояние между звездами и прийти в наш мир, это значит, что их наука находится на очень высоком уровне развития. Общество с такой передовой наукой обладает и более высокими моральными устоями.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вы считаете это заключение научно обоснованным?

Е:…

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Позвольте мне сделать некоторые предположения. Ваш отец находился под глубоким влиянием идей вашего деда, считавшего, что только наука может спасти Китай. А вы находились под глубоким влиянием вашего отца.

Е (тихо вздыхая): Я не знаю…

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Мы уже получили все сообщения с Трисоляриса, хранившиеся у адвентистов.

Е: Ох… А что с Эвансом?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Он погиб во время операции по захвату «Дня гнева». Но поза, в которой лежало его тело, подсказала нам, в каких компьютерах содержатся копии трисолярианских сообщений. К счастью, все они были зашифрованы при помощи кода, использовавшегося «Красным берегом».

Е: И много было данных?

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Да, около двадцати восьми гигабайт.

Е: Но это невозможно! Межзвездная коммуникация страшно неэффективна. Как удалось передать такое огромное количество данных?!

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Мы тоже стали в тупик поначалу. Но действительность превзошла наши самые дерзкие, самые фантастические предположения. Вот, взгляните сюда. Это фрагмент предварительного анализа захваченных данных. Ознакомьтесь с трисолярианской реальностью и сравните ее с вашими прекрасными фантазиями.

Глава 32
Трисолярис: слушатель

Передачи с Трисоляриса не содержали никаких описаний биологии его жителей. Ну да все равно — раз людям доведется увидеть трисоляриан только через четыре с лишним сотни лет, то почему бы и не представлять их себе гуманоидами? Так Е и поступила. Читая их сообщения, она заполняла пустоты с помощью воображения.

* * *

Пост прослушивания № 1379 функционировал уже много сотен лет. Таких постов на Трисолярисе насчитывалось несколько тысяч. Все они направляли свои усилия на обнаружение разумной жизни во Вселенной.

Поначалу на каждом посту работало несколько сотен операторов, но по мере развития технологии это число сокращалось, пока на каждом посту не остался только один дежурный. Карьера слушателя считалась незавидной. Хотя внутри постов поддерживалась постоянная температура и системы жизнеобеспечения гарантировали выживание во время Эр Хаоса без дегидрации, слушателям приходилось безвылазно сидеть в тесных помещениях, словно в тюрьме. Радости Эр Порядка были доступны им в гораздо меньшей мере, чем остальным трисолярианам.

Слушатель на посту № 1379 смотрел на расстилающийся за крохотным иллюминатором трисолярианский пейзаж — там царила ночь Эры Хаоса. Гигантская луна еще не взошла; большинство людей пребывало в состоянии анабиоза. Даже растения и те инстинктивно дегидрировали и легли на землю безжизненными пучками сухих

волокон… В свете звезд земля казалась огромным, необозримым листом холодного металла.

В это время Слушатель всегда чувствовал себя особенно одиноким. В глубокой полночной тишине Вселенная представала перед ним во всем своем безбрежном мрачном запустении. Больше всего ему была отвратительна волнообразная линия, медленно ползущая по экрану — визуальное воплощение бессмысленного космического шума. Эта бесконечная кривая казалась Слушателю абстрактным выражением самой сути Вселенной: один конец уходит в прошлое, другой в будущее, а посередине лишь случайные взлеты и падения — без жизни, без порядка, — одномерная пустыня, в которой все песчинки выстроены в ряд, одинокий и унылый, такой непостижимо длинный, что это становится невыносимым. Можно следовать по этой кривой вперед или назад как угодно долго и никогда не прийти к концу…

Однако в эту ночь Слушатель, взглянув на экран, увидел кое-что странное. Даже эксперты, глядя невооруженным глазом, затруднились бы сказать, несет ли кривая какую-либо информацию, но Слушателю шум Вселенной был знаком досконально, так что он сразу разглядел нечто

необычное в бегущих перед его глазами волнах. Тонкая кривая с ее подъемами и спусками словно бы обрела душу. Несомненно, этот радиосигнал был послан разумным существом!

Он поспешил к другому терминалу и проверил по нему рейтинг узнаваемости: Красный-10. До этого момента ни один радиосигнал, полученный постом, не поднимался выше Синего-2. Красный означал, что вероятность того, что передача содержит разумную информацию, превышает 90 %. Рейтинг Крас-ный-10 означал, что принимаемое сообщение содержит универсальный код! Компьютер-дешифровальщик заработал на полную мощность.

Вне себя от неожиданности и возбуждения, Слушатель таращился на экран с волнообразной линией. Информация из глубин Вселенной продолжала поступать на приемное устройство. Наличие универсального кода облегчило компьютеру задачу расшифровки, и он начал переводить в режиме реального времени.

Слушатель открыл получившийся в результате расшифровки текст… и впервые в истории трисолярианин прочитал сообщение, посланное из другого мира.

С наилучшими намерениями мы надеемся на

установление контакта с другими цивилизованными обществами. Давайте вместе трудиться, чтобы построить лучшую жизнь в нашей необъятной Вселенной!

* * *

В течение двух следующих трисолярианских часов Слушатель узнал о существовании Земли — мира, вращающегося вокруг только одного солнца, мира постоянной Эры Порядка — и получил представление о человечестве, живущем в раю с неизменно мягким климатом…

Передача из Солнечной системы закончилась. Компьютер-дешифровальщик продолжал трудиться, но теперь вхолостую. Пост снова слышал только бессмысленный шум Вселенной.

Однако Слушатель был уверен: то, что случилось, — не наваждение. Он знал также, что несколько тысяч постов прослушивания, разбросанных по всей планете, тоже приняли эту столь долгожданную весть. В течение двухсот цивилизационных циклов трисоляриане блуждали в темном туннеле, и вот наконец перед ними забрезжил свет.

Слушатель перечитал сообщение с Земли. Мысленно он парил над никогда не замерзающим

синим океаном, над зелеными лесами и полями, радуясь теплому солнышку и прохладному ветерку. «Какой прекрасный мир! Значит, рай, о котором мы мечтали, существует на самом деле!»

Восторг и возбуждение постепенно улеглись, сменившись унынием и чувством потери. Много раз в течение своего долгого одинокого дежурства Слушатель задавал себе вопрос: «Если даже когда-нибудь и придет послание от чужой космической цивилизации — мне-то лично что с того?» Его горькая бесприютная жизнь не изменится ни на йоту!

«Но я, во всяком случае, смогу насладиться этим чудесным миром хотя бы во сне…» — решил Слушатель и тут же уснул. Эволюция наделила трисоляриан способностью засыпать и просыпаться по собственной воле в считаные секунды.

Однако Слушатель увидел не тот сон, который хотел. Да, ему приснилась голубая планета, но… под обстрелом огромного межзвездного флота. Ее континенты пылали, глубокие синие океаны кипели и испарялись… Это был кошмар.

Он пробудился. Через крохотный иллюминатор в помещение проникал тонкий холодный луч только что взошедшей луны. Слушатель

смотрел на вымороженный пейзаж за стеклом и раздумывал о своей одинокой жизни. Он прожил шестьсот тысяч трисолярианских часов. Средняя продолжительность жизни трисоляриан — семьсот-восемьсот тысяч часов. Большинство, впрочем, теряют работоспособность гораздо раньше. Тогда их принудительно дегидрируют, а высохшую плоть бросают в огонь. На Трисоляри-се с нахлебниками не церемонились.

Однако перед Слушателем теперь открылась новая перспектива. Он был не прав, считая, что весть из космоса не окажет влияния на его жизнь. После подтверждения приема количество постов прослушивания будет сокращено. А такие посты, как этот — устаревший, обветшалый, — закроют в первую очередь. Значит, Слушатель останется без работы. И поскольку ничего иного, кроме как выполнять немногочисленные рутинные операции да поддерживать пост в рабочем состоянии, он не умел, то другой работы ему не найти. Через пять тысяч часов после закрытия поста его принудительно дегидрируют и сожгут.

Единственный способ избежать такой судьбы — это образовать пару с особью противоположного пола. Тогда органическое вещество их тел сольется воедино. Две трети этого вещества ста-

нут топливом для биохимической реакции, в результате которой все клетки оставшейся трети полностью обновятся и преобразуются в новое тело. Затем это тело разделится на три-пять крохотных новых особей — их детей. Они унаследуют некоторую часть памяти родителей и будут жить дальше — так начнется новый жизненный цикл. Однако кому он, старик с низким социальным статусом, ведущий тяжкую жизнь на затерянном в глуши посту, нужен в качестве партнера?

Последние несколько лет Слушатель миллионы раз задавался вопросом: «Неужели это все, что уготовила мне жизнь?» И миллионы раз сам себе отвечал: «Да, это все. Бесконечное одиночество в тесном мирке поста прослушивания».

И пусть рай явился ему только в мечтах, он не допустит его гибели!

Слушатель знал: в масштабах космоса, не имея достаточно длинной базы параллакса, расстояние до источника низкочастотной радиопередачи определить невозможно — только направление. Источник может быть мощным, но далеким, или слабым, но близким. Там, откуда пришла передача, находились миллиарды звезд, и каждая сияла на фоне множества других, лежащих в том же направлении на разных расстояниях. А не зная

расстояния до объекта, невозможно определить его точные координаты.

«Расстояние. Это ключ ко всему!»

Вообще-то существовал легкий способ узнать расстояние до источника передачи: ответить на сообщение, и если противоположная сторона отзовется немедленно, то, исходя из скорости света, по времени ожидания можно определить расстояние. Ну разве что инопланетяне сильно замешкаются с ответом — тогда время, которое сообщение было в пути, не определить.

Вопрос был: а отзовется ли противоположная сторона? Судя по тому, что земляне посылают сигналы в космос, они активно ищут братьев по разуму, а значит, получив ответное послание от Трисоляриса, скорее всего, отзовутся. Слушатель был уверен, что правительство уже дало приказ послать сообщение, чтобы вызвать ответную реакцию землян. Может статься, оно уже в пути, а может, и нет. В последнем случае у Слушателя был шанс совершить хотя бы один славный поступок в своей жалкой жизни.

Он бросился к терминалу и набрал короткое простое сообщение, затем с помощью компьютера-дешифровальщика перевел его на язык земного послания. Выполнив все это, он напра-

вил антенну туда, откуда пришло сообщение.

Пальцы Слушателя застыли над красным прямоугольником — кнопкой включения передачи.

Судьба всей трисолярианской цивилизации зависела сейчас от этих тонких пальцев.

Слушатель решительно нажал на кнопку, и мощная радиоволна понесла через космический мрак сообщение, которое могло спасти другую цивилизацию:

Не отвечайте! Не отвечайте!! Не отвечайте!!!

* * *

Нам неизвестно, как выглядит официальная резиденция трисолярианского правителя, но одно можно утверждать уверенно: ее стены должны быть достаточно массивны, чтобы защитить главу государства от погодных катаклизмов. Пирамида из «Трех тел» — это одно из предположений касательно внешнего вида резиденции. Другое — что она находится глубоко под землей.

Пять трисолярианских часов назад правителю доложили о послании с другой звезды. Два трисолярианских часа назад ему доложили о том, что пост прослушивания № 1379 послал предупреждение в ту сторону, откуда пришла инопланетная передача.

Как первый доклад не заставил правителя подпрыгнуть от восторга, так и второй не поверг его в депрессию. Он даже не рассердился и не возмутился. Подобные эмоции — как и многие другие, вроде страха, печали, радости и чувства прекрасного — относились к вещам, которых трисоляриане старались избегать или вообще полностью искоренить. Эти чувства духовно ослабляли все общество в целом и каждого индивида в отдельности и не помогали выжить в их суровом мире. Трисолярианам необходимо сохранять спокойствие и невозмутимость. История двухсот предыдущих циклов доказывала, что цивилизации, в которых превалировали эти два душевных состояния, имели больше шансов на выживание, чем прочие.

— Почему ты так поступил? — спросил правитель у слушателя с поста № 1379.

— Чтобы моя жизнь не прошла даром, — спокойно ответил тот.

— Предупреждение, которое ты послал, возможно, лишило трисолярианскую цивилизацию шанса на выживание.

— Зато дало его землянам. Правитель, желание нашей цивилизации найти для себя жизненное пространство подобно желанию изголодавшегося

человека насытиться, и оно столь же беспредельно. Мы не сможем жить на Земле совместно с ее исконными обитателями. Нам захочется полностью уничтожить всю земную цивилизацию и подчинить себе Солнечную систему. Я прав?

— Да. Но есть и иная причина для уничтожения земной цивилизации. Это воинственная раса. Очень опасная. Если мы попробуем сосуществовать с ней на одной планете, они быстро переймут нашу технологию. Сложится положение, которое не позволит процветать ни коренным жителям, ни пришельцам. Я задам тебе вопрос: ты желаешь стать спасителем Земли, но неужели в тебе нет чувства ответственности по отношению к твоей собственной расе?

— Я устал от Трисоляриса. Все наши физические и духовные силы уходят на борьбу за существование.

— И что в этом плохого?

— Ничего плохого, конечно. Существование — это необходимое условие для всего остального. Но, правитель, присмотритесь внимательнее к нашей жизни: все посвящено одному — выживанию. Чтобы выжила вся раса в целом, уважение к отдельной личности сведено почти к нулю. Как только кто-то не может больше работать, его

убивают. Наше общество крайне авторитарное. У закона только два исхода: невиновного отпускают, виновного карают смертью. Все, что может привести к душевной слабости, объявлено злом. Для меня наиболее невыносимы духовные монотонность и пустота. У нас нет ни литературы, ни искусства, ни стремления к любованию красотой. Что касается любви, то о ней даже разговоры — и те под запретом. Правитель, какой смысл в такой жизни?!

— Цивилизация, по которой ты тоскуешь, или подобная ей, однажды существовала на Трисолярисе. Свободное демократическое общество, оставившее после себя богатое культурное наследие. Вряд ли ты что-нибудь знаешь о нем. Большинство сведений были скрыты в тайных хранилищах и запрещены к показу. Однако среди всех трисолярианских циклов эта цивилизация явилась самой слабой и кратковременной. Умеренной Эры Хаоса оказалось достаточно, чтобы уничтожить ее. Взгляни еще раз на земную культуру, которую ты так стремишься спасти. Общество, рожденное и живущее в мягких, тепличных условиях вечной весны, не продержалось бы на Трисолярисе и миллиона часов.

— Возможно, этот цветок слишком нежен, но

как же он прекрасен, как блистателен! Земная цивилизация наслаждается свободой и красотой в блаженстве своего рая.

— Если трисоляриане завладеют этим миром, они тоже смогут жить такой жизнью.

— Правитель, я сомневаюсь в этом. Мы насквозь пропитались духом Трисоляриса, затвердели, как камень. Неужели вы и вправду думаете, что мы способны смягчиться? Я маленький человек, прозябающий на самом дне общества. Никому нет до меня дела. Моя жизнь одинока и безотрадна; у меня нет ни общественного положения, ни любви, ни надежды. Если я спасу далекий прекрасный мир, который мне так полюбился, моя жизнь будет прожита не напрасно. К тому же, правитель, это дало мне шанс лично предстать перед вами. Человек моего ранга может любоваться вашей особой только на экране телевизора. Поэтому позвольте мне считать себя удостоившимся награды.

— Ты виновен, в этом нет никаких сомнений. Ты самый страшный преступник за всю историю Трисоляриса. Но на этот раз мы сделаем исключение из нашего закона. Ты свободен.

— Почему?!

— Потому что дегидрация и сожжение для тебя

слишком мягкая кара. Ты стар, не дотянешь до полного уничтожения земной цивилизации. Но ты будешь жить с сознанием, что тебе не удалось ее спасти. Я хочу, чтобы ты дожил до того момента, когда Земля потеряет всякую надежду. А теперь можешь идти.

* * *

После того как слушатель с поста № 1379 ушел, правитель вызвал к себе советника, отвечающего за систему космического наблюдения. Глава государства постарался не дать волю своему гневу. Вместо этого он подошел к вопросу чисто по-деловому:

— Как получилось, что ты допустил к работе такую слабую и злонамеренную личность?

— Правитель, в нашей системе сотни тысяч работников. Тщательно проверять каждого попросту нет возможности. Этот человек хорошо справлялся с работой, не допускал промахов… бо!льшую часть своей жизни. Разумеется, я готов нести ответственность за самую тяжкую его ошибку.

— Сколько человек в Трисолярианской системе космического наблюдения несет хотя бы частичную ответственность за это упущение?

— По моим предварительным подсчетам — около шести тысяч на всех уровнях.

— Они все виновны.

— Да, правитель.

— Дегидрировать все шесть тысяч и сжечь на площади в центре столицы. Что до тебя, то ты послужишь растопкой.

— Благодарю вас, правитель. Это хоть немного облегчит нашу совесть.

— Но прежде хочу тебя спросить: как далеко может улететь его предупреждение?

— Пост прослушивания № 1379 — маленький, мощность его передатчика невелика. Предельное расстояние около двенадцати миллионов световых часов, то есть тысяча двести световых лет.

— Достаточно далеко, значит. У тебя есть какие-нибудь соображения относительно следующих шагов Трисоляриса?

— Как насчет того, чтобы отправить им продуманно составленное сообщение, спровоцировав их на ответ?

— Не пойдет. Это может ухудшить положение. Во всяком случае, предупреждение было очень коротким. Может, земляне вообще проигнорируют его или неправильно истолкуют… Ладно. Можешь идти.

После ухода советника правитель вызвал командующего трисолярианским флотом.

— Сколько времени займет полная подготовка первой волны?

— Правитель, строительство флота находится на завершающей стадии. Потребуется еще по крайней мере шестьдесят тысяч часов, прежде чем корабли будут готовы выйти в космос.

— Скоро я представлю свой план на одобрение Объединенной ассамблеи советников. После завершения строительства флот должен будет отправиться в путь немедленно.

— Правитель, передача шла на такой частоте, что даже направление можно определить только приблизительно. Флот может идти с крейсерской скоростью лишь в одну сотую скорости света. Его резервной мощности хватит только на одно торможение, а это значит, что вести поиски в таком огромном объеме пространства невозможно. Если расстояние до объекта неизвестно, то флот неизбежно затеряется в космической бездне.

— Взгляни на наши три солнца. В любой момент внешний плазменный слой любого из них может начать расширяться и поглотит свою последнюю планету, наш Трисолярис! У нас нет выбора. Придется пойти на риск.

Глава 33
Трисолярис: софон

Спустя 86 тысяч трисолярианских часов (около 8,6 земного года)

Правитель созвал всех своих советников на внеочередное заседание. Неординарное событие. Должно быть, случилось что-то крайне важное.

Межзвездный флот отправился в путь 20 тысяч трисолярианских часов назад. Было известно приблизительное направление, но не расстояние до цели. Она могла находиться в миллионе световых лет от Трисоляриса или вообще на другом конце Галактики. В этом безбрежном океане звезд миссия экспедиции становилась практически безнадежной.

Заседание состоялось под гигантским Маятником. [Когда об этом читал Ван Мяо, он все время вспоминал Сессию ассамблеи ООН из игры «Три тела». Великий Маятник был одним из немногочисленных реально существующих на Трисолярисе объектов.]

Выбор места вызвал недоумение у большинства советников. Эра Хаоса еще не кончилась;

маленькое солнце только что взошло, но могло в любой момент закатиться. Стоял холод, и многие из собравшихся надели костюмы с электроподогревом. Исполинский Маятник величественно рассекал морозный воздух, отбрасывая на землю длинную качающуюся тень. Казалось, будто это шагает великан, головой достающий до неба. Под пристальными взглядами собравшихся правитель взошел на пьедестал монумента и нажал на красную кнопку.

Обернувшись к советникам, правитель сказал:

— Я только что отключил питание Маятника. Под влиянием сопротивления воздуха он постепенно остановится.

— Но почему, правитель? — спросил один советник.

— Мы все знаем, какое значение придавалось маятникам в нашей истории. Их возводили с целью усыпить Бога. Но больше нам не нужно Его усыплять, ибо Он теперь благоволит к нам.

Все молчали, обдумывая сказанное. Маятник качнулся три раза, и только тогда один из советников спросил:

— Земля ответила?

— Да, — кивнул правитель. — Полчаса назад я принял рапорт. Пришел ответ на предупрежде-

ние, посланное Земле.

— Так скоро! Прошло всего восемьдесят шесть тысяч часов. Это значит… это значит…

— Это значит, что Земля находится всего в сорока трех тысячах световых часов от нас.

— Но тогда это должна быть ближайшая к нам звезда?!

— Именно. Вот почему я говорю, что Бог благоволит к трисолярианам.

Присутствующие впали в экстаз, но поскольку они старались сдерживать эмоции, собрание стало напоминать вулкан перед взрывом. Правитель понимал, что нельзя давать выход чувствам, это слабость, это опасно. Поэтому он охладил пыл собравшихся ушатом холодной воды:

— Я уже приказал нашему флоту повернуть к нужной звезде. Но дела не такие радужные, как может показаться. Судя по тому, что нам стало известно, флот летит навстречу неизбежной гибели.

Советники затихли.

— Кто-нибудь понимает, почему я пришел к такому выводу?

— Я понимаю, — отозвался советник по науке. — Мы тщательно изучили первые послания с Земли. Наибольшего внимания заслуживает ис-

тория земного человечества. Давайте посмотрим на факты. Их обществу понадобилось больше ста тысяч земных лет, чтобы развиться от охотников-собирателей до земледельцев. Переход к промышленной эпохе занял несколько тысяч лет. Но от начала промышленной эпохи до вступления в эру атома прошло всего двести земных лет. А в информационную эру человечество вступило всего через несколько десятков лет. Способность этой цивилизации к ускорению прогресса поражает и устрашает. Ни для одной из двухсот трисолярианских цивилизаций, включая и нашу, не характерно такое ускоренное развитие. На Трисолярисе прогресс науки и техники идет равномерно или даже показывает тенденцию к замедлению. В нашем мире все стадии занимают примерно одинаковый период времени, развитие идет устойчиво и размеренно.

Правитель кивнул.

— Несомненно одно: когда через четыре миллиона пятьсот тысяч часов межзвездный флот достигнет Земли, уровень ее технологии намного превзойдет наш, поскольку развитие земной цивилизации идет по экспоненте. Путь трисолярианского флота далек и труден, ему предстоит преодолеть два облака межзвездной пыли. Ско-

рее всего, до цели доберется только половина кораблей, остальные погибнут по дороге. И после всех трудов они окажутся в полной власти гораздо более могущественной земной цивилизации. Это не экспедиция, это похоронная процессия.

— Но если это так, правитель, тогда последствия могут быть еще более ужасающими… — промолвил военный советник.

— Да. Легко себе представить. Координаты Трисоляриса землянам уже известны. Чтобы избавиться от угрозы в будущем, межзвездный флот Земли бросится в контратаку. И очень возможно, что, когда нашу планету поглотит раздувшаяся звезда, цивилизации на ней уже не будет — ее уничтожат земляне.

Лучезарное будущее внезапно обернулось беспросветным мраком. Советники впали в ступор.

Правитель продолжал:

— Наш следующий шаг — это сдержать развитие земной цивилизации. К счастью, приняв первую передачу с Земли, мы сразу же приступили к разработке соответствующего плана. Сейчас стало известно о благоприятном обстоятельстве, облегчающем его выполнение: ответ, только что полученный нами, послан предателем Земли. Нужно думать, там таких много. Из этого надо

извлечь максимальную пользу.

— Правитель, это не так-то просто. Линия коммуникации с Землей чрезвычайно тонка. На каждый цикл «вопрос-ответ» требуется более восьмидесяти тысяч часов.

— Но не забывайте: так же, как это случилось с нами, весть о существовании инопланетян потрясет все земное сообщество и окажет на него глубокое воздействие. У нас есть основания считать, что это будет способствовать консолидации отступников и росту их мощи.

— Но что они смогут сделать? Устраивать акты саботажа?

— Принимая во внимание, что разрыв во времени между нами составляет более сорока тысяч часов, стратегическая ценность обычных военных и террористических актов незначительна, земляне успеют оправиться от них. Чтобы эффективно сдержать прогресс цивилизации и разоружить ее на таком долгом отрезке времени, есть только один метод: убить ее науку.

Слово взял советник по науке:

— План фокусируется на том, чтобы всячески подчеркивать негативное воздействие науки на экологию Земли; кроме того, нужно показать землянам признаки присутствия в их мире

сверхъестественной силы. Мы попытаемся подстроить серию «чудес» и создадим таким образом иллюзорную вселенную, которую нельзя будет объяснить с позиций науки. По прошествии некоторого времени Трисолярис, возможно, станет объектом религиозного поклонения.

Среди земных интеллектуалов возобладают ненаучные методы мышления, что приведет к коллапсу всей системы научных представлений.

— И как мы организуем эти «чудеса»?

— Суть в том, чтобы они не выглядели дешевыми трюками. Для этого, возможно, придется передать некоторые наши технологии земным отступникам.

— Слишком рискованно. Кто знает, в чьи руки в конце концов попадут эти технологии? Это же игра с огнем.

— Конечно, вопрос о том, какие именно технологии следует передать землянам для производства «чудес», предстоит тщательно проработать…

— Погодите-ка, — вмешался военный советник. — Правитель, мое мнение — этот план практически бесполезен. Он не сможет остановить развитие земной технологии.

— Но все же это лучше, чем ничего! — возразил советник по науке.

— Ненамного! — презрительно бросил военный советник.

— Я согласен с тобой, — сказал правитель. — Этот план если и помешает развитию земной науки, то очень незначительно. Нам нужно совершить нечто такое, что полностью задушило бы науку на Земле и заморозило бы ее на нынешнем уровне. Итак, ключевое суждение: общее технологическое развитие зиждется на прогрессе фундаментальной науки, а она, в свою очередь, опирается на исследования глубинных структур материи. Если нет прогресса в этой отрасли, то о значительных прорывах в других областях науки и техники можно забыть. Само собой, этот закон выполняется не только для цивилизации Земли. Он годится для любых миров, которые трисоляриане вознамерятся завоевать. Мы начали разработки в этой области еще до того, как получили первое сообщение с Земли. Но в последнее время мы утроили наши усилия. — Правитель сделал паузу. — А теперь все посмотрите вверх. Что вы видите?

Правитель указал в небо. Советники подняли головы и увидели в космосе металлическое кольцо, сияющее в лучах солнца.

— Что это — док для постройки второго флота?

— Нет. Это строится большой ускоритель частиц. Планы постройки второго флота отменены. Все ресурсы брошены на проект «Софон».

— Проект «Софон»?

— Да. Мы хранили его в секрете от большинства здесь присутствующих. Сейчас я попрошу советника по науке представить вам проект.

— Я знал об этом плане, но не подозревал, что он продвинулся так далеко, — удивился советник по промышленности.

А советник по культуре и образованию добавил:

— Я тоже знал, но считал, что это выдумки вроде волшебных сказок.

— Постараюсь быть немногословным, — начал советник по науке. — Проект «Софон» состоит в том, чтобы преобразовать обычный протон в сверхкомпьютер с искусственным интеллектом[66].

— Это научная фантазия, о которой слышали многие из нас, — проговорил советник по сельскому хозяйству. — Но разве ее можно сделать реальностью? Я знаю, что наши физики уже научились манипулировать девятью из одинна-

---

[66] Примечания: 66

В китайском языке здесь игра слов: «протон» и «софон» звучат почти одинаково: «чжицзи». — *Прим. К. Л.*

дцати измерений микромира, но мы так пока и не представляем себе, с помощью какого пинцета можно встроить в протон интегральные схемы из макромира.

— Разумеется, это невозможно. Изготовить микроинтегральные схемы можно только в макромасштабе и только на макроскопической двумерной плоскости. А это значит, что мы должны развернуть протон в два измерения.

— Развернуть девятимерную структуру в два измерения? Какая же у нее тогда будет площадь?!

— Очень большая, — улыбнулся советник по науке. — Погодите немного и сами увидите.

* * *

Прошло еще 60 тысяч трисолярианских часов. Через 20 тысяч часов после завершения строительства большого ускорителя на стационарной орбите вокруг Трисоляриса должно было начаться развертывание протона в два измерения.

Стоял чудесный теплый день Эры Порядка. Небо было чисто. Как и восемьдесят тысяч часов назад, в тот день, когда улетал космический флот, все жители Трисоляриса смотрели в небо на гигантское кольцо. Правитель и его советники опять собрались под Великим Маятником. Тот

уже давно остановился, груз застыл между двумя пилонами незыблемо, словно скала. При взгляде на него не верилось, что некогда он двигался.

Советник по науке отдал приказ развернуть протон в два измерения. В космосе вокруг кольца плавали три куба — это были термоядерные генераторы, питающие ускоритель. Их радиаторы постепенно разгорались тусклым красным светом. Толпа, затаив дыхание, следила за ускорителем, но там, казалось, ничего не происходило.

Через одну десятую трисолярианского часа советник по науке поднес к уху наушник и принялся напряженно слушать. Потом сказал:

— Правитель, к сожалению, нас постигла неудача. Мы развернули на одно измерение больше, чем надо, так что протон стал одномерным.

— Одномерным? Вытянулся в линию?

— Да. В бесконечно тонкую струну. Теоретически она должна бы протянуться на тысячу пятьсот световых часов.

— Мы затратили все ресурсы, на которые можно было построить второй межзвездный флот, — процедил военный советник, — чтобы получить этакий результат?!

— При научных экспериментах, как правило, идет процесс, в течение которого сглаживаются

шероховатости. Как-никак сегодня мы разворачиваем протон впервые в истории.

Разочарованная толпа начала расходиться, однако эксперимент вовсе не закончился. Физики полагали, что одномерный протон останется на стационарной орбите вокруг Трисоляриса навечно, но под воздействием солнечных ветров струна разломалась, и кусочки выпали в атмосферу. Спустя шесть часов каждый, кто находился под открытым небом, мог наблюдать в воздухе странные отсветы, тончайшие, словно паутинки, мерцающие нити. В новостях сообщили, что это одномерный протон, под действием силы тяжести стремящийся к земле. Хотя нити были неимоверно тонкими, они все же создавали поле, отражающее видимый свет. Впервые люди видели материю, состоящую не из атомов: призрачные нити были фрагментами одного-единственного протона.

— Эти штуки так раздражают. — Правитель то и дело проводил ладонью по лицу. Он и советник по науке стояли на широких ступенях Дома Правительства. — Лицо зудит.

— Правитель, это обман чувств. Все струны в сумме имеют массу протона, то есть они не могут нанести никакого вреда, не могут вообще оказать

какое-либо воздействие на макромир. Их все равно что не существует.

Но падающих с неба нитей становилось все больше. Весь приземный слой воздуха светился крохотными огоньками. Солнце и звезды обзавелись серебристыми гало. Струны цеплялись за одежду тех, кто находился на улице; за пешеходами тянулись светящиеся шлейфы. Люди возвращались в жилища, занося с собой и нити; в свете ламп виднелись тончайшие сияющие полоски. Когда люди двигались, полоски тоже двигались, увлекаемые потоками воздуха. Это раздражало, несмотря на то что одномерные струны были видны только на свету и на ощупь никак не ощущались.

Светопреставление продолжалось больше двадцати часов. Наконец, оно завершилось, но не потому, что все струны упали на поверхность планеты. Хотя их суммарная масса и была невообразимо мала, но она все же существовала, и поэтому ускорение свободного падения для них было таким же, как и у обычной материи; однако сопротивление атмосферного воздуха не позволяло им упасть на землю. Произошло следующее: при развертывании протона в одном измерении сильное ядерное взаимодействие ослабло,

струны постепенно распались на мельчайшие фрагменты, и отражаемый ими свет стал невидим для глаза. Люди думали, что нити исчезли, но на самом деле их крохотные обрывки будут плавать в атмосфере Трисоляриса вечно.

* * *

Спустя 50 трисолярианских часов началась вторая попытка развернуть протон в двух измерениях. Вскоре зрители на земле увидели нечто странное. Сначала термоядерные генераторы засветились красным, а затем около ускорителя возникло несколько колоссальных объектов в форме правильных геометрических тел. Тут были сферы, тетраэдры, кубы, конусы и тому подобное. Они переливались разными красками, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что на самом деле объекты были бесцветными, просто их поверхности представляли собой идеальное зеркало. То, что люди принимали за цвета, было игрой отражений.

— Ну что, удалось? — спросил правитель. — Мы развернули протон в двух измерениях?

Советник по науке отвечал:

— Правитель, еще одна неудача. Я только что получил рапорт из контрольного центра уско-

рителя. На этот раз ошиблись на одну единицу в другую сторону, и протон развернулся в трех измерениях.

Исполинские зеркальные тела продолжали возникать словно бы из ниоткуда; формы их стали разнообразнее: теперь тут были торы, кресты, даже нечто, смахивающее на ленту Мебиуса. Тела медленно удалялись от ускорителя. Через полчаса они усыпали половину небосклона — как будто некий исполинский ребенок опорожнил в небо содержимое целой коробки с детским конструктором. Свет, отраженный зеркальными поверхностями, добавился к свету солнца, и освещенность планеты возросла раза в два, правда, ее интенсивность все время менялась. Тень от Великого Маятника то пропадала, то появлялась и шаталась из стороны в сторону.

А затем объекты начали менять форму, терять правильность, словно плавясь под действием жара. Процесс постепенно ускорялся, формы, вернее, бесформенные образования становились более и более сложными. Теперь объекты в небе напоминали зрителям не части детского конструктора, а конечности и внутренности какого-то мифического расчлененного великана. Поскольку формы тел были теперь неправиль-

ными, свет, отражаемый ими на поверхность планеты, смягчился, зато расцветка стала еще более странной и непредсказуемой.

В мешанине трехмерных объектов некоторые привлекли к себе особенное внимание зрителей — сначала только потому, что очень походили друг на друга. Но рассмотрев их внимательнее, люди пришли в ужас.

Это были глаза!

[Конечно, нам неизвестно, как выглядят глаза трисоляриан, но несомненно одно: любая разумная раса весьма чувствительна к изображению органов зрения.]

Правитель был одним из немногих, кто сохранил спокойствие. Он задал советнику по науке вопрос:

— Насколько сложной может быть внутренняя структура элементарной частицы?

— Зависит от количества измерений относительно точки зрения наблюдателя. С одномерной перспективы это точка — так обычные люди и представляют себе элементарные частицы. С двух- и трехмерной перспективы начинает проявляться внутренняя структура частиц. С четырехмерной перспективы элементарная частица предстает необъятным миром.

— Мне кажется странным использовать слово «необъятный» для описания субатомной частицы типа протона, — заметил правитель.

Но советник по науке не обратил на его реплику внимания и продолжал:

— При переходе на более высокие измерения сложность и количество внутренних структур частицы значительно возрастают. Аналогии, которые я сейчас приведу, неточны, но они дадут вам представление о масштабах. Структура частицы, наблюдаемой с перспективы седьмого измерения, так же сложна, как наша трехмерная звездная система. С перспективы восьмого измерения частица по масштабам сравнима с Млечным Путем. В девяти измерениях внутренняя структура и сложность элементарной частицы сравнимы с параметрами целой Вселенной. Что касается измерений еще более высокого порядка, то наши физики пока не имели возможности исследовать их, так что мы даже и вообразить себе не можем эту степень сложности.

Правитель указал на гигантские глаза в космосе:

— Не демонстрирует ли это, что микрокосмос развернутого протона заключает в себе разумную жизнь?

— Наше определение «жизни», скорее всего, неприемлемо для микрокосмоса высоких измерений. Выражаясь более осторожно, мы могли бы сказать, что эта вселенная обладает разумом и мудростью. Ученые уже давно делали предположения на этот счет. Было бы странно, если бы в таком сложном и огромном мире не развилось что-либо, подобное интеллекту.

— Но почему они преобразовались в глаза? Чтобы наблюдать за нами? — Правитель смотрел на небесные очи — прекрасные, живые, все как одно окидывающие планету любопытными взглядами.

— Возможно, затем, чтобы мы узнали об их существовании.

— Они могут упасть сюда, вниз?

— Нет, этого не произойдет. Не о чем тревожиться, правитель. Даже если бы они упали, суммарная масса этих огромных образований равна массе протона. Так же, как и с одномерными струнами в прошлый раз, они не окажут ни малейшего влияния на наш мир. Людям просто нужно привыкнуть к странному зрелищу.

Но на сей раз советник по науке глубоко заблуждался.

Люди заметили, что глаза движутся быстрее

других тел, заполнявших небосвод, и что они стремятся к одному и тому же месту. В скором времени два глаза встретились и слились в один, побольше. К получившемуся глазу присоединялись другие; он рос и рос, пока, наконец, все глаза не слились в одно огромное око, которым, казалось, космос наблюдал за Трисолярисом. В центре чистой и яркой радужки сияло солнце. Поверхность исполинского глазного яблока играла разными цветами. Но вскоре зрелище начало меркнуть, детали его становились неразличимы, зрачок исчез, и глаз стал незрячим. А затем он деформировался, потерял форму глаза и преобразовался в идеальный круг. Когда круг начал вращаться, люди увидели, что он не плоский, а имеет параболическую форму, как будто от гигантской сферы отрезали кусочек.

Военный советник во все глаза смотрел на вращающийся в космосе колоссальный объект. Наконец его осенило, и он воскликнул:

— Правитель, коллеги, немедленно спуститесь в подземный бункер! — Советник указал на небо. — Это…

— Параболическое зеркало, — спокойно закончил правитель. — Отправьте к нему силы космической обороны — пусть уничтожат его.

Мы останемся там, где мы сейчас.

Параболическое зеркало сфокусировало солнечные лучи и направило их пучок на поверхность планеты. Поначалу площадь блика была очень большой, жар в фокусе не был смертелен. Блик двигался по земле, ища свою цель. Зеркало обнаружило столицу Трисоляриса, и блик направился туда. Вскоре световой столб уперся в самый большой город планеты.

Стоящие под Маятником видели только огромное пятно в небе, затмевающее своим сиянием все остальное. Город накрыла волна страшного жара. Затем гигантский блик сократился в размерах — зеркало сфокусировало свет в более плотный пучок. Яркость его усилилась настолько, что зрители не могли поднять головы, прятали глаза, а те, кто стоял внутри блика, ощущали быстрый рост температуры. В тот момент, когда жар сделался невыносим, граница светового пятна передвинулась, блик ушел от Маятника. Понадобилось время, прежде чем глаза стоявших под монументом приспособились к нормальному уровню освещения.

Когда все снова устремили взгляды вверх, первым, что они увидели, была световая колонна в форме перевернутого конуса, соединяющая небо

и землю. Зеркало в космосе служило основанием конуса, а вершина его упиралась в сердце столицы, отчего все в том месте раскалилось и начало дымиться. Смерчи, порожденные неравномерным распределением тепла, тоже поднялись в небо, словно колонны завихряющейся пыли, и заплясали, закрутились вокруг светового конуса…

В нескольких местах небесного зеркала засверкали голубые огненные шары, хорошо различимые на фоне света, отраженного зеркалом. Это были взрывы ядерных боеголовок — трисолярианский корпус космической защиты выпустил ракеты. Взрывы происходили за пределами атмосферы, а значит, в полной тишине. К тому времени, как огненные шары исчезли, в зеркале образовалось несколько огромных пробоин, потом вся его поверхность пошла трещинами, и вскоре оно разлетелось на добрую дюжину осколков.

Гибельный световой конус пропал, мир вернулся к нормальному уровню освещения. Некоторое время небо оставалось таким, каким оно бывает в лунную ночь. Осколки зеркала, теперь лишенные разумности, продолжали деформироваться и через несколько минут стали неотличимы от других геометрических тел, плавающих в космосе.

— А что произойдет при следующем эксперименте? — саркастически поинтересовался правитель у советника по науке. — Вы развернете протон в четырех измерениях?

— Правитель, даже если это случится, беспокоиться не о чем. Протон, развернутый в четырех измерениях, будет несравненно меньше. Пусть космическая защита будет наготове атаковать его проекцию в трехмерное пространство, и тогда его будет так же легко уничтожить, как и предыдущий.

— Вы пытаетесь обмануть правителя! — в ярости закричал военный советник. — Вы не упоминаете о реальной опасности! Что, если протон будет развернут в нуль измерений?!

— Нуль измерений? — Правитель заинтересовался. — Это что же получится — точка без всяких размеров?

— Именно, сингулярность! Даже протон будет неизмеримо огромен по сравнению с ней. Вся масса протона сосредоточится в сингулярности, и ее плотность станет бесконечной. Правитель, не сомневаюсь, вы поняли, что тогда получится!

— Черная дыра?

— Да.

— Правитель, позвольте мне объяснить! —

взмолился советник по науке. — Именно поэтому мы и выбрали протон, а не нейтрон — чтобы избежать подобной опасности. Если и правда получится развертка в нуль измерений, черной дыре передастся заряд протона, а тогда мы сможем захватить и контролировать ее с помощью электромагнитной ловушки.

— А что, если вам не удастся найти ее и взять под контроль? — настаивал военный советник. — Тогда она может опуститься на поверхность планеты и начнет втягивать в себя все подряд. Масса ее возрастет, она проникнет в ядро и в конце концов всосет в себя весь Трисолярис!

— Этого никогда не случится, даю гарантию! И почему вы вечно мешаете мне? Как я уже сказал, это научный эксперимент…

— Хватит! — отрезал правитель. — Какова вероятность успеха в следующий раз?

— Почти сто процентов! Правитель, пожалуйста, поверьте мне! Неудачные опыты помогли нам овладеть принципами управления процессом, теперь мы, несомненно, справимся!

— Ну хорошо. Чтобы обеспечить выживание трисолярианской цивилизации, придется пойти на риск.

— Благодарю вас!

— Но если вас снова постигнет неудача, то и ты, и твои сотрудники, занятые в проекте «Софон», понесете наказание.

— Конечно, мы готовы понести наказание! — Если у трисоляриан есть способность потеть, то с советника по науке к этому моменту, должно быть, сошло сто потов.

Избавиться от трехмерных останков протона, развернутого на стационарной орбите, было гораздо проще, чем от одномерных струн. Небольшие космические корабли транспортировали их подальше от планеты, чтобы те никогда не смогли войти в атмосферу. Хотя некоторые из фрагментов были величиной с гору, масса их была ничтожна. Просто огромные серебристые иллюзии, с которыми смог бы справиться даже ребенок.

Когда это было сделано, правитель осведомился у советника по науке:

— Получается, во время эксперимента мы уничтожили микрокосмическую разумную цивилизацию?

— Во всяком случае, это было разумное образование. Если уж на то пошло, правитель, то мы уничтожили целый микрокосмос. В пространстве более высоких измерений эта миниатюрная

вселенная — огромный мир, и в ней, вполне вероятно, существовало множество цивилизаций, не имевших ни малейшей возможности проявить себя в макрокосмосе. Мы не в состоянии даже вообразить себе формы, которые могли бы принять разум и цивилизации пространств высших измерений. Они радикально отличны от нас. И, скорее всего, катастрофы подобного рода происходили уже не единожды.

— Вот как?

— Сколько протонов было уничтожено физиками в ускорителях элементарных частиц за всю долгую историю науки? А сколько нейтронов и электронов? Уж никак не меньше ста миллионов. Каждое столкновение, возможно, уничтожало множество микрокосмических цивилизаций. Даже просто в природе уничтожение вселенных должно происходить ежесекундно — например, при распаде нейтронов. И космические лучи высоких энергий, входя в атмосферу, возможно, уничтожают огромное количество миниатюрных вселенных… Но вы же не огорчаетесь по этому поводу, правда, правитель?

— Ну что вы! Отличная мысль! Я немедленно дам указание советнику по пропаганде опубликовать эти сведения и неустанно вдалбливать

их в головы обывателей. Жители Трисоляриса должны проникнуться пониманием, что уничтожение цивилизаций — дело обычное, происходит постоянно, каждую секунду.

— Зачем? Чтобы трисоляриане стойко и с мужеством воспринимали мысль о возможном уничтожении их цивилизации?

— Нет. Чтобы трисоляриане стойко и с мужеством воспринимали мысль об уничтожении земной цивилизации. Ты же знаешь — после того как мы открыли публике наши намерения относительно Земли, поднялась волна опасного пацифизма. Мы совсем недавно обнаружили, что таких отщепенцев, как тот слушатель с поста № 1379, много. Мы должны избавиться от подобной никчемной чувствительности.

— Правитель, это по большей части результат последних сообщений с Земли. Ваше предсказание сбывается: силы отступников на Земле и в самом деле растут. Они построили новый передатчик, который находится под их полным контролем, и начали передавать нам значительные объемы информации о земном человечестве. Должен признать: в глазах многих его представителей Трисолярис обладает неодолимой притягательностью. Для наших людей это звучит

священной музыкой небес. Гуманизм землян увлечет многих наших соотечественников на неверный путь. Как Трисолярис стал на Земле религией, так и Земля имеет тот же потенциал на Трисолярисе.

— Ты раскрыл мне глаза на великую опасность. Надо ужесточить контроль над информацией с Земли, особенно в том, что касается ее культуры.

* * *

Спустя тридцать часов попытка развернуть протон в два измерения была повторена. На этот раз все происходило ночью. С поверхности планеты кольцо ускорителя увидеть было нельзя; его местонахождение выдавало только красноватое свечение теплообменников термоядерных реакторов. Вскоре после начала процесса советник по науке объявил, что на этот раз они добились успеха.

Толпа зрителей пристально смотрела в ночное небо. Поначалу ничего не было заметно, но потом их глазам предстало необычайное зрелище: небо словно разделилось на две части, рисунок созвездий на которых был различен. Это походило на две фотографии, наложенные друг на друга — одна, поменьше, поверх другой. Млечный Путь

изламывался на границе между «фотографиями»; меньшая часть небосвода была круглой и быстро расширялась на фоне обычного звездного неба.

— Это созвездие — с южного полушария! — воскликнул советник по культуре и образованию, указывая на расширяющийся сектор неба.

Пока зрители напрягали воображение, силясь понять, как звезды, видимые только в южном полушарии, вдруг стали видны на фоне обычных созвездий северного, случилось нечто еще более невероятное: у края расширяющейся «фотографии» южного неба начало проявляться изображение гигантского коричневатого шара. Он возникал полоска за полоской, словно на экране с замедленной скоростью развертки. Все сразу узнали знакомые очертания континентов. К тому времени, когда шар появился полностью, он уже занимал одну треть неба. Стали видны более мелкие детали поверхности: морщины горных кряжей, белые, похожие на снежные сугробы облачка над коричневатыми континентами….

— Это же наша планета! — воскликнул кто-то.

Да, в небе появился второй Трисолярис.

Затем небосклон посветлел. Рядом со вторым Трисолярисом на расширявшемся звездном кругу — ночном небе южного полушария — появилось

второе солнце. Это было то самое солнце, что светило сейчас над южным полушарием, но здесь оно было в два раза меньше.

Наконец кто-то догадался:

— Это же зеркало!

Громадное зеркало, появившееся над Трисоляpисом, — это и был протон, развернутый в двух измерениях. Геометрическая плоскость, ширина и длина без глубины.

К концу развертывания все здешнее небо полностью заменилось ночным небом южного полушария. В зените над головами зрителей висело отражение Трисоляриса и солнца. А затем край неба над самым горизонтом начал деформироваться, звезды в небесном зеркале вытянулись и завились спиралями. Деформация, начавшись у краев зеркала, медленно ползла к центру.

Советник по науке принялся объяснять:

— Правитель, плоскость протона искривляется под действием гравитации Трисоляриса. — Он указал на многочисленные пятна света в звездном небе, выглядевшие так, будто зрители подсвечивали купол снизу карманными фонариками. — Эти электромагнитные лучи, направляемые с земли вверх, предназначены для регулировки кривизны. Наша цель — обернуть

протон вокруг всей планеты. По завершении процесса лучи будут поддерживать и стабилизировать эту огромную сферу наподобие спиц. Таким образом, Трисолярис послужит чем-то вроде верстака, к которому будет надежно крепиться двумерный протон, пока на его мембране будут создаваться интегральные микросхемы.

Процесс занял много времени. Когда деформация дошла до зенита, то есть до небесного отражения Трисоляриса, звезды исчезли, потому что их закрыл протон, обернутый теперь вокруг противоположного полушария. Немного солнечного света еще пробивалось внутрь сферы, и изображение Трисоляриса в кривом зеркале мембраны исказилось до неузнаваемости. После того как угас последний луч солнца, настала самая черная ночь в истории планеты. Гравитация и электромагнитные лучи уравновешивали друг друга; Трисолярис оказался заключен в протон, словно в гигантскую скорлупу.

Воцарился страшный холод. Зеркально-гладкая поверхность протона отражала все солнечное излучение обратно в космос. Температура планеты резко опустилась до уровня, сравнимого с появлением трех летящих звезд — это явление привело к гибели многие цивилизации прошлого. Боль-

шинство населения дегидрировало и было заложено на хранение. Мертвая тишина царила на затянутой мраком поверхности планеты. В небе лишь едва-едва мерцали пятнышки света от лучей-опор. Время от времени на стационарной орбите можно было заметить крохотные яркие блики: это космические корабли прорисовывали интегральные схемы на огромной мембране.

Конструкция этих микросхем основывалась на совершенно иных принципах, чем у обычных, поскольку состояли они не из атомов, а из вещества все того же протона. P-N-переходы создавались путем скручивания сильных ядерных связей в отдельных местах мембраны; проводящие линии делались из мезонов — переносчиков ядерных сил. Поскольку рабочая поверхность была чрезвычайно велика, то и цепи, которые на нее наносились, тоже были гигантскими. Проводящие линии в толщину достигали волоса, и с близкого расстояния их можно было видеть невооруженным глазом. С борта космического корабля мембрана представлялась необозримой плоскостью, сплошь покрытой сложными интегральными схемами. Общая площадь их в десятки раз превышала площадь всех континентов Трисоляриса.

Это был настоящий подвиг инженерии. Тысячи космических кораблей затратили на создание схем более пятнадцати тысяч часов. Процесс отладки программного обеспечения занял еще пять тысяч часов. И вот, наконец, со-фон был готов к первому испытанию.

Глубоко под землей, в центре управления, по большому монитору бежали строки — шел долгий процесс встроенного тестирования. Затем началась загрузка операционной системы. И наконец на пустом голубом экране возникла строка, набранная крупным шрифтом:

МИКРОИНТЕЛЛЕКТ
2.10 — ЗАГРУЗКА ЗАВЕРШЕНА. СОФОН I К ПРИЕМУ КОМАНД ГОТОВ.

Советник по науке произнес:

— Итак, софон родился на свет. Мы наделили протон мудростью[67]. Это самый маленький искусственный интеллект, который мы в состоянии сделать.

— Пока что он выглядит как самый большой искусственный интеллект, — заметил правитель.

— Как только мы увеличим размерность нашего софона, он станет крохотным.

---

[67] Примечания: 67
Напомним, «софия» по-гречески «мудрость». — *Прим. перев.*

И советник по науке набрал на терминале запрос:

> Софон I, система контроля пространственных измерений готова?

Ответ положительный. Софон I готов приступить к корректировке пространственной размерности.

> Довести количество измерений до трех.

Приняв команду, двумерная протонная мембрана, обернутая вокруг Трисоляриса, начала быстро сжиматься — будто чья-то гигантская рука стягивала накрывавший мир занавес. Через несколько мгновений планету залил солнечный свет. Протон из двумерного стал трехмерным и выглядел теперь великанской, размером с луну Трисоляриса сферой, висящей на синхронной орбите. Софон находился сейчас на ночной стороне, но свет солнца, отразившийся от его зеркальной поверхности, превратил ночь в день. На Трисолярисе пока что царил страшный холод, поэтому наблюдатели в контрольном центре могли следить за изменениями только на экране.

Корректировка размерности прошла успешно. Софон I готов к принятию команд.

> Довести количество измерений до четырех.

Громадная сфера сократилась до видимого размера летящей звезды. На планете вновь воцарилась ночь.

— Правитель, сфера, которую мы сейчас видим, — это не весь софон, а лишь его проекция в трехмерное пространство. Фактически в четырехмерном пространстве он сейчас великан, а наш мир для него словно тонкий трехмерный листок бумаги. Великан стоит на этом листке, и мы видим только след его ноги.

Корректировка размерности прошла успешно. Софон I готов к принятию команд.

> Довести количество измерений до шести.

Сфера в космосе исчезла.

— Какой величины шестимерный протон? — поинтересовался правитель.

— Около метра в диаметре, — ответил советник.

Корректировка размерности прошла успешно. Софон I готов к принятию команд.

> Софон I, ты видишь нас?

Да. Я вижу центр управления, всех, кто там находится, и органы внутри каждого, в том числе и органы внутри органов.

— Что он такое говорит? — изумился прави-

тель.

— Для софона наблюдать трехмерное пространство из шестимерного то же самое, что для нас рассматривать картинку на двумерной плоскости. Конечно, он может видеть, что у нас внутри.

> *Софон I, войди в центр управления.*

— Он способен проходить сквозь землю? — удивился правитель.

— Ну, это вряд ли можно назвать «прохождением сквозь что-то». Скорее, софон проникает к нам из более высокого измерения. Он может войти таким образом в любое закрытое пространство в нашем мире. Ведь и мы, живущие в трех измерениях, можем сделать то же самое в отношении плоского двумерного мира. Мы можем проникнуть извне в любой круг, начертанный на плоскости. Но ни одно двумерное существо не сможет сделать того же, не нарушив границу круга.

Не успел советник по науке закончить свои объяснения, как в середине зала возникла зеркальная сфера, плавающая в воздухе. Правитель подошел к ней и взглянул на собственное искривленное отражение.

— Это протон? — восхищенно спросил глава государства.

— Это проекция шестимерного протона в трехмерное пространство.

Правитель протянул к сфере руку. Советник по науке не остановил его, и тогда он коснулся поверхности софона. От его легчайшего прикосновения софон отлетел на порядочное расстояние.

— Он очень гладкий. Хотя у него всего лишь масса протона, я все же почувствовал некоторое сопротивление… — озадаченно произнес правитель.

— Это потому, что воздух давит на сферу.

— А можно увеличить размерность до одиннадцати и сделать его таким же маленьким, как обычный протон?

Не успели эти слова слететь с уст правителя, как советник по науке в страхе закричал:

— Внимание! Это НЕ команда!

Софон I понимает.

— Правитель, если мы увеличим размерность до одиннадцати, то потеряем софон навсегда. Он уменьшится до размера обычной субатомной частицы; внутренние сенсоры и каналы ввода-вывода станут меньше длины волны электромагнитного излучения. Это значит, что макромир для него закроется и он не сможет воспринимать наши команды.

— Но нам же придется в конце концов уменьшить его до субатомной частицы!

— Да, но для этого надо сначала подождать завершения работы над Софоном II, Софоном III и Софоном IV. Софоны, организованные в группу, будут способны ощущать макромир посредством квантовых эффектов. Представьте себе ядро, в котором имеются два протона. Оба будут взаимодействовать и двигаться по одному и тому же образцу. Например, спин: пусть направление вращения обоих протонов противоположно друг другу. Если затем изъять эти два протона из ядра, то, на сколь бы далекое расстояние их ни развести, их спин останется неизменным[68]. Если из обоих протонов сделать софоны, то они, согласно этому эффекту, создадут мультисенсорную систему.

Еще большее количество софонов могут затем образовать мультисенсорную формацию. Этой формации может быть придан любой размер, и она будет воспринимать электромагнитные волны и через них ощущать макромир на любой частоте. Разумеется, квантовые эффекты, необходимые для создания подобной формации

---

[68] Примечания: 68

Напомним на всякий случай, что это явление называется квантовой запутанностью. — *Прим. перев.*

софонов, очень сложны. Мои объяснения — только упрощенная аналогия.

* * *

Развертывание трех следующих протонов в два измерения увенчалось успехом с первой же попытки. Производство каждого софона тоже заняло только половину времени, потраченного на Софон I. Когда Софоны II, III и IV появились на свет, была успешно создана и квантовая мультисенсорная формация.

Глава государства и все его советники еще раз собрались под Великим Маятником. Над ними плавали в воздухе четыре софона, свернутые в шестом измерении. В их зеркально-гладких поверхностях отражалось восходящее солнце, отчего сферы напоминали те трехмерные глаза, что появились когда-то в космосе.

> *Софонная формация, довести количество измерений до одиннадцати.*

Как только команда была отдана, все четыре сферы исчезли. Советник по науке сказал:

— Правитель, сейчас Софоны I и II будут запущены в сторону Земли. В их памяти заложена огромная база научных данных, что дает софонам

возможность понимать природу пространства. Они умеют извлекать энергию из вакуума, в одно мгновение превращаться в высокоэнергетические частицы и путешествовать в космосе почти со скоростью света. Может показаться, что это нарушает закон сохранения энергии, однако софоны лишь «заимствуют» энергию из структуры вакуума. Время возвращать этот долг наступит в очень отдаленном будущем, в момент распада протона, а тогда и до конца Вселенной останется всего ничего.

После того как софоны прибудут на Землю, их первоочередной задачей будет установить местонахождение ускорителей частиц, используемых человечеством для физических исследований, и проникнуть в них. На нынешнем уровне развития земной науки основным методом познания глубинных структур вещества является разгон частиц высоких энергий и их столкновение с целевыми частицами. После распада целевых частиц ученые анализируют результаты, таким образом добывая информацию о глубинной структуре материи. Для проведения экспериментов используется специальная субстанция, содержащая целевые частицы, — это, можно сказать, мишень, в которую и направляются

разогнанные до огромных скоростей «пули».

Но внутри этой самой субстанции царит почти полный вакуум. Если представить себе атом в виде амфитеатра, то ядро, висящее посередине арены, будет размером с грецкий орех. Поэтому успешные столкновения происходят очень редко. Зачастую ради одного столкновения приходится направлять на цель огромные количества высокоэнергетических частиц в течение довольно продолжительного времени. Все равно что во время ливня смотреть во все глаза на дождевые капли, пытаясь найти одну, немного отличающуюся по цвету.

И вот тут в игру вступают софоны. Они могут занять место целевой частицы и принять удар на себя. Обладая высоким интеллектом, они с помощью квантовой сенсорной формации смогут заранее точно рассчитать траекторию, по которой в течение краткого периода времени будут следовать разогнанные частицы, и передвинуться на нужное место. Таким образом, вероятность столкновения у софона в миллиард раз больше, чем у обычной целевой частицы. После столкновения софон может повести себя так, что будут получены неверные, хаотические результаты. А если столкновение произойдет с

подлинной целевой частицей, то физики Земли не будут в состоянии отличить верный результат от многочисленных ошибочных.

— А софон при этом разрушится? — спросил военный советник.

— Нет. Когда софон разобьется на несколько фрагментов, родятся новые софоны. Квантовая запутанность между ними сохранится, — подобно тому, как, если разделить магнит на две половины, образуются два новых магнита. Даже при том, что каждый частичный софон в отдельности будет обладать меньшими возможностями по сравнению с исходным софоном, под управлением специальной «лечебной» программы все фрагменты соберутся вместе и сольются обратно в единое целое. Весь процесс займет одну микросекунду и произойдет после столкновения, вернее, после того как фрагменты софона оставят ложный след в пузырьковой камере или на чувствительной пленке.

Кто-то спросил:

— А не получится ли так, что земные ученые выявят софоны и обуздают их при помощи электромагнитного поля? Ведь протон несет положительный заряд.

— Это невозможно. Чтобы выявить софоны,

нужен прорыв в области изучения глубинных структур материи. А как людям удастся совершить прогресс в таких исследованиях, если все их ускорители превратятся в груды мусора? Охотника ослепит та самая дичь, на которую он собирается охотиться!

— Но люди могут воспользоваться методом грубой силы, — возразил советник по промышленности. — Настроят огромное множество ускорителей, причем быстрее, чем мы будем создавать софоны. Тогда хотя бы некоторые ускорители не подвергнутся действию софонов и могут выдать правильные результаты.

— А вот это один из наиболее интересных аспектов проекта «Софон»! — Вопрос, по всей видимости, привел советника по науке в восторг. — Господин советник по промышленности, не тревожьтесь, как бы создание большого количества софонов не привело к краху трисолярианской экономики. Возможно, мы построим еще несколько софонов, но не очень-то много. По сути, и этих двух вполне достаточно, потому что софоны обладают способностью к многозадачности.

— Многозадачности?

— Это термин, относящийся к древним вычис-

лительным машинам последовательного действия. Их центральный процессор мог выполнять только одну задачу в единицу времени. Однако из-за того, что вычисление происходило очень быстро и основывалось на частом переключении между задачами, нам, существам относительно медленным, казалось, будто компьютер выполняет много программ одновременно. Как вы знаете, софоны движутся почти со скоростью света. Для них поверхность Земли — лишь крошечный кусочек пространства. Если софоны будут перемещаться с одного ускорителя частиц на другой с такой скоростью, то, с точки зрения землян, они будут действовать и создавать ложные результаты во всех ускорителях одновременно.

По нашим расчетам, каждый софон способен контролировать более десяти тысяч ускорителей. Людям требуется четыре-пять лет, чтобы построить один ускоритель, и, судя по состоянию земной экономики и наличию ресурсов, не похоже, чтобы они могли наладить их массовое производство. Конечно, они могут увеличить расстояние между ускорителями, например, построив некоторые из них на других планетах своей звездной системы. В этом случае софоны потеряют способность к многозадачности. Но к

тому времени как люди сделают это, Трисолярис с легкостью произведет еще десяток, а то и больше софонов.

Софоны наводнят эту планетарную систему. Их суммарная масса будет меньше, чем у одной миллиардной части микроба, и тем не менее они не позволят земным ученым даже одним глазком глянуть на тайны, скрывающиеся в глубинах материи. Людям никогда не добраться до высших измерений, их способность к манипулированию материей ограничится четырьмя низшими. И пусть с этого момента пройдет хоть четыре с половиной миллиона часов, хоть четыреста пятьдесят триллионов — в земных технологиях фундаментальный прорыв не случится никогда. Люди навсегда останутся на нынешнем примитивном уровне. На пути научного прогресса человечества будет поставлен заслон, такой надежный, что своими силами люди не преодолеют его никогда.

— Великолепно! Будьте добры, простите мне былой недостаток уважения к проекту «Софон»! — проговорил военный советник самым искренним тоном.

— Собственно говоря, на Земле существуют только три ускорителя, мощности которых доста-

точно, чтобы совершить прорыв. У прибывших на Землю Софонов I и II будет огромный запас производительности. Поэтому для более полного их использования мы придадим им дополнительные задачи. Например, реализацию плана «Чудеса».

— Софоны умеют творить чудеса?

— Людям они будут казаться чудесами. Все знают, что частицы высоких энергий могут засвечивать фотопленку. Именно так примитивные первые ускорители на Земле выявляли индивидуальные частицы. Когда высокоэнергетичный софон проходит через пленку, он оставляет за собой маленькое пятнышко засветки. Если софон пройдет через пленку туда-сюда много раз, он соединит все эти пятнышки в любую нужную форму — от букв и цифр до целых картинок, как это бывает при вышивании. Процесс идет очень быстро, гораздо быстрее, чем скорость, с которой производится фотоснимок. И еще одно: человеческая сетчатка очень похожа на сетчатку трисоляриан. Поэтому софон может использовать ту же технику, чтобы проецировать буквы, цифры и тому подобное непосредственно на сетчатку глаза. И если эти маленькие «чудеса» озадачат и испугают обыкновенных людей, то следующее

«великое» чудо до смерти перепугает их ученых, которые, с нашей точки зрения, не умнее клопов: софоны смогут сделать так, что в их глазах замигает реликтовое космическое излучение.

— Да это напугало бы и наших собственных исследователей! И как же это можно осуществить?

— Очень просто. Мы уже написали программу, позволяющую софону самостоятельно разворачиваться в двух измерениях. После окончания этого процесса огромная мембрана закроет Землю со всех сторон. Эта же программа сделает мембрану до определенной степени прозрачной, после чего ее можно настроить в такт с частотами реликтового микроволнового излучения… Ах да, пока софоны сворачиваются и разворачиваются в разных измерениях, они могут провернуть еще более впечатляющие фокусы. Программы для них пока еще в процессе разработки. Эти «чудеса» будут способствовать созданию особого умонастроения, достаточного, чтобы направить земную научную мысль по неверному пути. Таким образом с помощью плана «Чудеса» мы сможем эффективно сдерживать развитие и других наук, не только физики.

— Последний вопрос: а почему бы не послать на Землю все четыре софона?

— Квантовая запутанность работает на любом расстоянии. Даже если все четыре софона находятся в разных концах Вселенной, они все равно ощущают все, что происходит с другими софонами, квантовая формация между ними сохраняется. Софоны III и IV, оставшиеся на Трисолярисе, будут получать информацию с Софонов I и II практически мгновенно. Это даст нам возможность наблюдать за делами на Земле в режиме реального времени, а также вести общение с отступниками.

Никто не заметил, как только что вставшее солнце вновь закатилось за горизонт. Трисолярис вступил в очередную Эру Хаоса.

* * *

Е Вэньцзе читала сообщения с Трисолярис, а в это время в Боевом командном центре шло важное совещание, посвященное дальнейшему анализу захваченных данных. Перед совещанием генерал Чан сказал:

— Товарищи, вы должны отдавать себе отчет в том, что это наше собрание уже отслеживается софонами. Сохранить что-либо в тайне больше невозможно.

Пока он произносил эти слова, окружение

оставалось тем же, каким было всегда, но в восприятии его слушателей мир кардинально переменился. Оконные шторы, по которым скользили тени летних деревьев, были плотно задернуты, и все же собравшиеся ощущали на себе взгляд вездесущих глаз. Во всем огромном мире не нашлось бы места, где можно было бы спрятаться от этого пристального взгляда. Это ощущение останется у участников собрания навсегда. От него не смогут избавиться и их потомки. Пройдет много-много лет, прежде чем человеческая психика приспособится к ситуации.

Через три секунды после того, как генерал произнес свою реплику, трисоляриане впервые обратились к людям, не входящим в Общество «Земля — Трисолярис». После этого инопланетяне полностью прекратили всякое общение с адвентистами[69]. До конца жизни всех участников собрания Трисолярис больше не прислал ни одного сообщения.

Все в Боевом командном центре увидели посла-

---

[69] Примечания: 69

Здесь нет ошибки и нет противоречия с главой 30, в которой утверждается, что трисоляриане прекратили общение с землянами еще четыре года назад. Имеется в виду, что они прекратили радиопередачи. Трисоляриане общались с адвентистами с помощью софонов, проецируя сообщения непосредственно на сетчатку их глаз. А теперь они перестали делать и это. — *Прим. перев.*

ние на сетчатке собственных глаз, как Ван Мяо свой последний отсчет. Текст держался лишь пару секунд, но каждый успел его прочитать. В нем было всего два слова:

«Вы клопы!»

Глава 34
Клопы

К тому времени, когда Ши Цян переступил порог квартиры Дин И, Ван Мяо и хозяин дома уже напились вдрызг.

Оба очень обрадовались приходу Ши Цяна. Ван вскочил и кинулся к гостю обниматься:

— А-а, Старина Ши!..

Дин, который уже и на ногах не держался, нашел еще один стакан и водрузил на бильярдный стол. Плеснув в него какого-то пойла, он сказал:

— Не помог нам твой нестандартный план. Прочитали бы мы эти сообщения, не прочитали — через четыреста лет результат будет тот же.

Да Ши уселся перед столом и уставил на собеседников ехидный взгляд:

— Да что ты? Значит, говоришь, все кончено?

— Ага. Все кончено, — подтвердил Дин.

— Ну не можете вы использовать ускорители и

не можете изучать структуру материи, — сказал Да Ши, — и что? Всему каюк?

— Ик… А ты сам как думаешь?

— Технология-то все-таки развивается! Академик Ван с коллегами создали наноматериал…

— Вообрази-ка себе какое-нибудь древнее царство. Технология у них — зашибись. Они могут усовершенствовать мечи, ножи, копья и прочее. Может, даже изобретут автоматические арбалеты, которые будут выплевывать болты со скоростью пулемета…

Да Ши кивнул. Он понял.

— Но если они не знают, что материя состоит из молекул и атомов, они никогда не создадут ни ракет, ни спутников. Они ограничены уровнем своей науки.

Дин треснул Да Ши по плечу:

— Я всегда знал, что ты умница!

Ван добавил:

— Исследование глубинной структуры материи — это основа основ всех остальных наук. Если в ней нет прогресса, то все прочее, как ты выражаешься, — говно собачье.

Дин указал на Вана:

— Ну ладно, академик Ван будет трудиться как пчелка до конца своих дней, совершенствуя

наши мечи, ножи и копья. А я, блин, чем буду заниматься?

Он поставил пустую бутылку на стол и схватил бильярдный шар, собираясь расстрелять ее.

— Да это ж просто здорово! — Ван поднял стакан. — Живи как хочешь! Предавайся любому пороку, твори любой разврат. А что — мы же клопы! Клопы, которых скоро раздавят! Ха-ха…

— Точно! — Дин тоже поднял свой стакан. — Они о нас такого низкого мнения, что даже не считают нужным скрывать свои планы. Рассказали адвентистам все… Ну да — ты же не прячешь от тараканов баллон с дихлофосом! Давайте выпьем за здоровье клопов и прочих козявок! Вот уж не думал, что конец света окажется таким веселым! Да здравствуют козявки! Да здравствуют софоны! Да здравствует конец света!

Да Ши покачал головой и осушил свой стакан. Потом опять покачал головой.

— Слюнтяи! Разнюнились как девчонки!

— Че те надо? — Дин уставил на Да Ши пьяные глаза. — Ты что, собираешься поднять наш дух?

Да Ши встал.

— Пошли.

— Куда?

— Дух поднимать.

— Расслабься, кореш. Сядь. Пей!

Да Ши сграбастал обоих под мышки и вздернул кверху.

— А ну пошли! Бухло берите с собой, если не можете обойтись!

Внизу Да Ши засунул обоих в автомобиль. Когда мотор заурчал, Ван, еле ворочая языком, осведомился, куда он их тащит.

— Недалеко, — отозвался Да Ши. — В мой родной поселок.

Автомобиль вырвался из города и помчался на запад по трассе Пекин — Шицзячжуан. Когда они пересекли границу провинции Хэбэй, Да Ши свернул с трассы, остановился и выволок пассажиров наружу.

Яркое послеполуденное солнце заставило пьянчужек зажмуриться. Перед ними расстилались пшеничные поля Северо-Китайской равнины.

— Зачем ты нас сюда притащил? — спросил Ван.

— Полюбоваться на козявок. — Да Ши, закурив одну из сигар, подаренных ему полковником Стентоном, указал ею на пшеничное поле.

Только сейчас Ван с Дином заметили, что поле кишит саранчой. По каждому стеблю ползали несколько тварей. За насекомыми не было видно

почвы — казалось, ее покрывала густая вязкая жидкость.

— И давно их тут заедает саранча? — Ван смел в сторону нескольких насекомых и присел у края поля.

— Началось лет десять назад, как и пыльные бури. Но в этом году просто спасу нет.

— Ну и что? Теперь это не имеет значения, Да Ши, — проговорил Дин все еще пьяным голосом.

— Я хочу задать вам обоим один вопрос: пропасть между технологиями трисоляриан и людей больше, чем пропасть между технологиями людей и саранчи?

Обоих ученых словно холодной водой окатило. Они стояли, смотрели на мельтешащую повсюду саранчу, и лица их постепенно прояснялись. Они поняли, что хотел сказать Ши Цян.

* * *

Насекомые-вредители… Люди делали все, что было в их силах, чтобы извести это проклятье: травили всевозможными ядами, культивировали их естественных врагов, уничтожали их яйца, генетически модифицировали их с целью стерилизации, жгли огнем, топили в воде… В каждой семье есть баллончик от тараканов, под каждым

столом — мухобойка… На протяжении всей своей истории человечество ведет с насекомыми войну, причем с весьма сомнительным успехом. Извести козявок не удается. Они по-прежнему гордо населяют небо, землю и все, что между ними, и количество их не уменьшилось с того времени, когда на Земле еще не было людей.

Трисоляриане, обзывая людей клопами, не приняли во внимание один значительный факт: клопы, как и прочие насекомые, так никогда и не были побеждены.

Маленькое темное облачко закрыло солнце, по земле побежала тень. Но это было не обычное облако. Еще одна стая саранчи прибыла на пир. Пока насекомые опускались на поля, трое мужчин стояли в самой середине этого живого душа, исполненные благоговения перед величием жизни на Земле. Дин И и Ван Мяо вылили две бутылки вина на землю у себя под ногами — это был тост в честь козявок.

— Благодарю, Да Ши! — Ван протянул ему руку.

— И я, и я тоже! — Дин схватил капитана за другую руку.

— Поехали обратно, — потребовал Ван. — У нас уйма дел!

Глава 35
Руины

Никто не верил, что Е Вэньцзе в состоянии взобраться на Радарный Пик собственными силами, но она справилась. Никому не позволила оказать ей помощь по дороге, только отдохнула пару раз у заброшенных патрульных постов. Она безжалостно расходовала свою жизненную энергию, не поддающуюся ни восстановлению, ни возмещению.

Узнав правду о трисолярианской цивилизации, Е ушла в себя. Разговаривала она крайне редко, но однажды высказала просьбу: ей хотелось бы навестить останки базы «Красный берег».

Незадолго до того как группа добралась до цели паломничества, вершина Пика вознеслась над облачным покровом. После целого дня ходьбы в густом тумане увидеть яркое предзакатное солнце и голубое небо было все равно что попасть в какой-то новый мир. Облака внизу казались серебристо-белым морем, чьи волны, вздымаясь и опадая, словно подражали скрывавшимся под ними горам Большого Хингана.

Руин, которые паломники ожидали здесь увидеть, не было. Базу разобрали до последнего камешка, фундаменты и дорожки перекопали; осталась только поляна, заросшая высокой травой. Место казалось совершенно диким. Такое впечатление, что никакого «Красного берега» никогда не существовало.

Но Е удалось кое-что обнаружить. Она подошла к высокому камню и отвела в сторону покрывавший его плющ. Под плющом открылась изъеденная ржавчиной поверхность. Только сейчас паломники поняли, что камень был вовсе не камнем, а высоким металлическим основанием.

— Здесь стояла антенна, — проговорила Е. — Первый крик с Земли, услышанный внеземной цивилизацией, был послан именно отсюда. Сначала он ушел к Солнцу, а затем, усиленный и отраженный, разлетелся по всей Вселенной.

Внизу у основания обнаружилась маленькая каменная табличка, совсем затерявшаяся в густой траве:

БАЗА «КРАСНЫЙ БЕРЕГ» (1968–1987)
КИТАЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК 21.03.1989

Совсем крохотная табличка. Не столько дань

памяти, сколько попытка забыть.

Е пошла к утесу. Здесь она когда-то собственными руками оборвала жизни двух человек. Она не стала любоваться облачным морем, как остальные паломники, а устремила глаза в одно определенное место. Там, скрытая под облаками, лежала деревушка Цицзятунь…

Сердце Е билось натужно, словно струна, готовая вот-вот лопнуть. Перед глазами клубился темный туман. Она собрала все свои силы, чтобы стоять прямо. Прежде чем все погрузится во мрак, Вэньцзе хотела еще раз увидеть закат на «Красном береге».

Алое солнце, медленно погружавшееся в море облаков, словно бы расплавилось и растеклось по всему западному горизонту, окрашивая небосклон в величественный кровавый багрянец.

— Мой закат, — прошептала Е. — И закат человечества.

Послесловие автора к американскому изданию

Одна ночь из детства твердо запечатлелась в моей памяти: я стою у пруда на окраине деревни в уезде Лошань, провинция Хэнань, где жили поколения моих предков. Рядом со мной стоят другие люди — взрослые и дети, и все вместе мы смотрим в ясное ночное небо, по которому медленно ползет крохотная звездочка.

Это был первый китайский искусственный спутник «Дунфанхун I» («Красный Восток I»). Дата — 25 апреля 1970 года, мне семь лет.

С момента запуска спутника прошло тринадцать лет, а со дня, когда Землю покинул первый космонавт, — девять. Всего за неделю до этого «Аполлон 13» благополучно вернулся домой из своего опасного путешествия к Луне.

Но ничего этого я не знал. Глядел на ту маленькую, скользящую по небосводу звездочку, и сердце мое наполнялось неописуемым любопытством и желанием узнать больше. Так же глубоко, как эти чувства, в моей памяти запечатлелось ощущение голода. В те времена моя деревня

и вся округа были страшно бедны. Голод был постоянным спутником каждого ребенка. Мне еще повезло — у меня на ногах были башмаки. Большинство моих друзей стояли рядом со мной босые, на некоторых маленьких ногах виднелись отморожения, не зажившие еще с прошлой зимы. За моей спиной тусклый свет керосиновых ламп пробивался сквозь прорехи в соломенных крышах — электричество в нашу деревню провели только в восьмидесятых.

Взрослые, стоявшие вместе с нами, сказали, что спутник — это совсем не то, что самолет, потому что летает очень высоко над Землей. Во времена моего детства пыль и дым промышленных предприятий еще не загрязняли воздух, и в чистом небе ярко сиял Млечный Путь. В моем сознании звездочки находились не дальше летящего над Землей спутника, и я думал, что спутник летит между ними. Я даже беспокоился, как бы он не натолкнулся на какую-нибудь из них, пролетая сквозь густые звездные скопления.

Родители не следили за спутником вместе со мной, потому что работали в угольной шахте за тысячу километров отсюда, в провинции Шаньси. Несколькими годами раньше, когда я был совсем малышом, шахты стали зоной боев в меж-

фракционных войнах «культурной революции». Помню выстрелы в глухой ночи, тарахтящие по улицам грузовики, в которых сидели мужчины с оружием и красными повязками на рукавах… Но я тогда был слишком мал и не могу точно сказать, реальные это воспоминания или миражи, сконструированные моим сознанием позже. Одно я знаю точно: поскольку шахты были местом небезопасным и «культурная революция» ударила по моим родителям, у них не было иного выбора, кроме как отослать меня на малую родину, в Хэнань. Когда я смотрел на «Дунфанхун I», я жил там уже больше трех лет.

Прошло еще несколько лет, прежде чем я понял разницу в расстояниях до искусственного спутника и до звезд. Я тогда читал серию научно-популярных книжек, рассказывающих об основах разных наук; она называлась «Сто тысяч почему». Книжка по астрономии познакомила меня с концепцией светового года. До того я уже знал, что свет может за одну секунду пройти расстояние, равное семи с половиной экваторам Земли, но не предполагал, какое уму не постижимое расстояние можно преодолеть, если лететь с такой скоростью целый год. Я представлял себе луч света, путешествующий сквозь холодное

безмолвие космоса на скорости 300 тысяч километров в секунду. Пытаясь с помощью своего воображения постичь этот леденящий кровь простор и бездонную глубину, я ощущал ужас, благоговение и одновременно эйфорию, вроде той, что бывает при приеме наркотика.

Начиная с этого момента я стал осознавать, что обладаю особым талантом: масштабы и сущности, выходящие за пределы чувственного восприятия человека — как микро, так и макро — и казавшиеся другим лишь абстрактными числами, в моем сознании обретают конкретные формы. Я могу их потрогать и пощупать — так же, как другие люди могут касаться деревьев и камней. Даже в наши дни, когда упоминания о радиусе Вселенной — 15 миллиардов световых лет — или мельчайшей «струне», которая во много раз меньше кварка, не вызывает реакции у большинства людей, концепция светового года или нанометра рождает в моем мозгу живые, красочные картины и приводит меня в невыразимый, чуть ли не религиозный восторг. Большинство жителей Земли никогда не испытывали таких чувств, и я не знаю, можно ли меня считать по сравнению с ними счастливцем или наоборот. Несомненно одно: именно эти чувства и сделали

меня сначала любителем научной фантастики, а затем и писателем-фантастом.

В тот же самый год, когда меня поразила и очаровала концепция светового года, мою родную деревню постигло наводнение (известное как Великое августовское наводнение 1975 года). За один день в округе Чжумадянь провинции Хэнань выпали рекордные 100,5 см осадков. Одну за другой прорвало 58 больших и маленьких плотин, погибло 240 тысяч человек. Я вернулся в деревню вскоре после того, как вода спала, и увидел, что вся местность полна беженцев. Я думал, что наблюдаю конец света.

Спутник, голод, звезды, керосиновые лампы, Млечный Путь, междоусобицы «культурной революции», световой год, наводнение… Все эти, казалось бы, не связанные друг с другом вещи слились в одно целое и не только сформировали мою личность в детстве, но и продолжают оказывать свое влияние на произведения, которые я пишу сегодня.

Будучи писателем-фантастом, начинавшим в качестве любителя, я не прибегаю к фантастике как к прикрытию для критики современной реальности. Я считаю, что задача научной фантастики — это создание многочисленных вообра-

жаемых миров за пределами реальности. Я всегда думал, что самые красивые сказки в истории человечества рассказаны не странствующими бардами и не романистами или драматургами, а наукой. То, о чем повествует наука, гораздо величественней, грандиозней, интересней, глубже, страннее, страшнее, таинственней и даже эмоциональней, чем вся литература; только эти захватывающие истории заключены в строках холодных уравнений, которые большинство людей не умеет читать.

Мифы о сотворении мира, созданные народами и религиями, бледнеют в сравнении с ошеломляющей картиной Большого взрыва. Три миллиарда лет эволюции живых существ, от самовоспроизводящихся молекул до цивилизации, вмещают в себя такие романы и повороты сюжета, с какими не сравнится ни один эпос. А сколько поэзии пространства и времени в теории относительности или в престранном субатомном мире квантовой механики! Все эти необыкновенные истории, рассказанные наукой, обладают неодолимой притягательностью. При посредстве научной фантастики я всего лишь пытаюсь создать свои собственные воображаемые миры, передать поэтичность природы этих миров,

поведать романтические предания о драмах, развернувшихся между Человеком и Вселенной.

Но я не могу убежать от действительности, как не могу убежать от собственной тени. Реальность выжигает свое неизгладимое клеймо на каждом из нас. Время, в которое мы живем, заключает нас в свои оковы, и я могу лишь плясать в собственных цепях. В научной фантастике человечество часто описывается как общность. В этой книге человечество стоит на пороге катастрофы; и все, что оно демонстрирует перед лицом бытия и уничтожения, несомненно, имеет корни в действительности, которую я пережил. Чудо научной фантастики в том, что, если придать гипотетическому миру определенные качества, она может обратить то, что есть в нашей реальности злого и темного, в добро и свет, и наоборот. Данная книга и два ее продолжения пытаются сделать именно это, но реальность остается реальностью независимо от игры нашего воображения.

Я всегда чувствовал, что внеземной разум будет для человечества самым большим источником неуверенности в завтрашнем дне. Другие великие сдвиги, такие как изменение климата и экологические катастрофы, идут в определенной последовательности, выстраиваются постепенно

в течение какого-то периода времени, но контакт с инопланетянами может произойти когда угодно, в любой момент. Возможно, что и через десять тысяч лет звездный небосвод, в который устремляются человеческие глаза, будет оставаться пуст и молчалив, а возможно, мы проснемся завтра и обнаружим на орбите корабль пришельцев величиной с Луну. Появление иноземного разума поставит человечество перед необходимостью противостоять *Иному*. До этого момента у человечества не будет внешних соперников. Прибытие *Иного* или одно лишь знание о его существовании повлияет на нашу цивилизацию самым непредсказуемым образом.

Есть одно странное противоречие: в своем отношении к космосу человечество демонстрирует удивительную наивность. На Земле, вступая на новый континент, люди не задумываясь уничтожали существующие там цивилизации при помощи войн или болезней. А обращая свой взгляд к звездам, мы впадаем в сентиментальность и верим, что если там где-то есть разумные существа, то их цивилизации живут, руководствуясь универсальными, благородными, нравственными законами. Мы почему-то полагаем, что ценить и лелеять иные формы жизни — это нечто само

собой разумеющееся, часть всеобщего кодекса поведения..

Я полагаю, что следует вести себя противоположным образом. Надо обратить доброжелательность, которую мы выказываем звездам, на собратьев по расе здесь, на Земле, выстраивать доверие и понимание между разными народами и цивилизациями, составляющими человечество. Но в отношении космического пространства за пределами Солнечной системы следует быть постоянно настороже, быть готовыми к тому, что у Иных будут самые злостные намерения. Для такой хрупкой цивилизации, как наша, это наиболее ответственный путь.

* * *

Научная фантастика — спутник всей моей жизни, и значительная часть того, что я читал в этом жанре, — американская фантастика. Тот факт, что теперь американские читатели получили возможность ознакомиться с моими произведениями, наполняет меня радостью и волнением. Научная фантастика — это литература, которая принадлежит человечеству в целом. Она описывает события, представляющие интерес для всех людей, и поэтому должна быть жанром,

доступным для читателей самых разных национальностей. Фантастика часто рисует, как в один прекрасный день человеческое общество станет единым гармоничным целым, и я думаю, что не стоит ждать прибытия инопланетян, чтобы этот день наступил.

Выражаю свою сердечную благодарность Кену Лю, переведшему первую и третью книги серии, и Джоэлу Мартинсену, переведшему вторую. Английское издание обязано своим появлением их стараниям и заботе. Я благодарю также China Educational Publications Import & Export Corporation Ltd. (CEPIEC), издательство *Science Fiction World* и издательство Tor Books, чье доверие сделало возможным эту публикацию.

Лю Цысинь

28 декабря 2012 года

Послесловие переводчика на английский язык Кена Лю

Когда меня попросили перевести «Задачу трех тел», я почувствовал себя невероятно польщенным и одновременно встревоженным: перевод труда другого писателя — дело чрезвычайно ответственное. Все равно что брать на себя заботу о чужом ребенке.

Перевод — это процесс, при котором произведение, созданное на одном языке, разбирается на части, чтобы быть собранным по другую сторону пролива в новое произведение на другом языке. Когда пролив между двумя произведениями так же широк, как Тихий океан, отделяющий Китай от Америки, недолго и испугаться.

Очевидные трудности, такие как лингвистическая структура и культурные аллюзии, в общем, преодолимы. «Задача трех тел» начинается с описания эпизода «культурной революции», и в ней множество отсылок к китайской истории. Я попытался свести количество сносок к минимуму, по возможности вставляя объяснения непосредственно в сам текст. Таких вставок немного, и все

они сделаны с согласия автора.

Но есть и другие тонкости — в том, что касается литературных приемов и нарративной техники. Китайская литературная традиция, формировавшая своего читателя и, в свою очередь, сформированная читателем, акцентирует внимание на несколько других аспектах, чем ожидает американская читающая публика. В некоторых случаях я постарался приблизить стиль рассказа к манере, более привычной для американского читателя. В других случаях я этого не делал, считая, что так атмосфера оригинала сохраняется лучше.

Я также старался по возможности избегать западной трактовки пассажей, относящихся к истории и политике Китая.

Слишком буквальный перевод не только не отображает оригинал верно, но фактически искажает и затемняет его смысл. Однако бывает и обратное: перевод до такой степени нарушает чистоту и целостность источника, что от голоса и вкуса оригинала ничего не остается. Для ответственного переводчика ни тот, ни другой подход неприемлем. В некотором смысле писать перевод даже труднее, чем оригинал, потому что переводчик должен стремиться удовлетворить те

же эстетические требования, находясь при этом в гораздо более строгих творческих рамках.

Моя цель при переводе — выступать достоверным толкователем источника, сохранив при этом как можно больше смысловых нюансов без украшательства или пропусков. И при всем этом переводчик должен сохранять равновесие между верностью источнику, соответствием смысла и красотой стиля. Наилучшие переводы на английский, по сути, читаются так, как будто произведения с самого начала написаны по-английски. Английские слова подобраны и составлены вместе таким образом, что читатель видит за ними иной уклад мышления, слышит отголоски ритма и мелодии чужого языка, ощущает вибрацию жестов и движений других людей.

Может, мне это и не совсем удалось, но я старался придерживаться этих принципов.

При переходе от одного языка, культуры и читательской публики к другому языку, культуре и читательской публике некоторые аспекты оригинала теряются — это неизбежно. Но если перевод выполнен хорошо, то выстраивается также и нечто новое, например, не в последнюю очередь, мост между двумя читающими нациями. Я надеюсь, что моим американским соотечественникам

понравится этот роман.

Я в долгу перед людьми, которые дали бесценные отзывы на различные черновики данного перевода. Это Эрик Абрахамсен, Анатолий Белиловский, Альетт де Бодар, Дэвид Брин, Эрик Чой, Джон Чу, Элиас Ф. Комбарро, Хуэй Гэн, Майкл Куань, Дервин Мак, Джоэл Мартинсен, Эрика Наон, Алекс Солтман, Алекс Швартцман, Мари Ставер, Игорь Тепер, Бингэн Ян, Бинвэй Ян и Э. Лили Юй. У меня не хватает слов для выражения признательности за их помощь, и я желаю каждому переводчику таких же вдумчивых бета-ридеров.

Есть и другие люди, также заслуживающие благодарности. Джо Монти, мой прежний агент (и нынешний редактор моих оригинальных произведений), снабдил меня в высшей степени полезными советами. Лиз Горински, мой редактор в издательстве Tor Books, помогла улучшить перевод, дав тысячу больших и маленьких замечаний; не могу даже вообразить себе лучшего редактора. Моя жена Лиза поддерживала и вдохновляла меня в бесчисленные вечера, когда я засиживался допоздна. Она как никто другой способствовала появлению этой книги.

И, наконец, я благодарю Лю Цысиня за то, что он доверил мне свое произведение и в процессе

перевода стал моим другом.

Кен Лю

20 июня 2012 года

Темный лес

Предисловие переводчика на русский язык

Как и первая книга трилогии, этот роман переведен на русский с издания на английском. Когда работавшие над книгой сомневались в точности английского перевода, на помощь приходил Альберт Крисской — специалист-китаевед, свободно читающий по-китайски, человек, помогавший нам в работе над всей трилогией. С его помощью удалось восстановить важный фрагмент текста оригинала, опущенный в английском переводе, и исправить несколько других ошибок.

В романе довольно много научно-технической терминологии. Для удобства читателей специальные термины поясняются сносками. В тексте упоминаются и различные события китайской истории, от сотворения мира (миф о Пань-гу) до наших дней. Они также разъясняются в сносках и в ссылках на ресурсы Интернета. Некоторые сноски принадлежат переводчику с китайского на английский, Джоэлу Мартинсену. Они помечены как «прим. Дж. М.». Остальные принадлежат переводчику на русский язык.

Перевод этого романа был бы невозможен без помощи и поддержки со стороны Ольги Глушковой, Андрея Сергеева и Аэлиты Тимошенко. На их долю пришлось больше половины работы. Очень помогли советы хорошо знающего Китай Альберта Крисского.

Всем большое спасибо!

Дмитрий Накамура

Действующие лица

Организации

ОЗТ, Общество «Земля — Трисолярис»
СОП, Совет обороны планеты
ККФ, Конгресс космических флотов

Люди

В китайских именах первой идет фамилия
Ло Цзи, астроном и социолог
Е Вэньцзе, астрофизик
Майк Эванс, финансист и фактический руководитель ОЗТ
У Юэ, капитан ВМФ Китая
Чжан Бэйхай, политкомиссар ВМФ Китая, офицер космических сил
Чан Вэйсы, генерал армии Китая, командующий космическими силами
Джордж Фицрой, генерал армии США, координатор Совета обороны планеты, военный советник проекта «Хаббл II»
Альберт Ринье, астроном, работающий с «Хаббом II»

Чжан Юаньчао, недавно вышедший на пенсию рабочий химического завода в Пекине

Ян Цзиньвэнь, вышедший на пенсию пекинский школьный учитель

Мяо Фуцюань, владелец угольных шахт в провинции Шаньси, сосед Чжана и Яна

Ши Цян, сотрудник отдела безопасности СОП по прозвищу Да Ши

Ши Сяомин, сын Ши Цяна

Кент, сотрудник ООН по связи с СОП

Сэй, Генеральный секретарь ООН

Фредерик Тайлер, бывший министр обороны США

Мануэль Рей Диас, бывший президент Венесуэлы

Билл Хайнс, британский нейрофизиолог, бывший президент Евросоюза

Кейко Ямасуки, нейрофизиолог, жена Хайнса

Гаранин, действующий председатель СОП

Дин И, физик-теоретик

Чжуан Янь, выпускница Центральной академии изящных искусств

Бен Джонатан, особый уполномоченный Конгресса космических флотов

Дунфан Яньсюй, капитан корабля «Естественный отбор»

Майор Сицзы, офицер-исследователь корабля «Квант»

Пролог

Маленький коричневый муравей уже позабыл о своем доме. Для погружающейся в сумрак земли, для звезд, возникающих в небе, прошло совсем немного времени — но для муравья пронеслись тысячелетия. Когда-то очень давно его мир перевернули вверх тормашками. Почва вдруг взмыла в небо, оставив вместо себя широкую и глубокую пропасть, а затем вновь обрушилась, заполняя ее. На краю перекопанной земли возвышалось одинокое черное образование. Такое часто случалось в этом огромном мире: почва исчезала и возвращалась; пропасти возникали и засыпались; вырастали каменные монолиты — как видимые свидетельства катастрофических перемен. Под лучами заходящего солнца муравей и сотни его соплеменников унесли выжившую царицу, чтобы основать новую империю. Сюда, на старое место, он забрел случайно: в поисках пищи.

Муравей подобрался к подножию монолита, ощущая антеннами его давящее присутствие. Поверхность была твердой и скользкой, но все же по ней можно было взобраться. Муравей пополз вверх, движимый не какой-то определенной

целью, а лишь случайными процессами в его несложной нейронной сети. Такие процессы шли везде: в каждой травинке, в каждой капле росы на листе, в каждом облаке в небе и в каждой звезде. У этого беспорядочного движения атомов не было никакой цели; потребовалось целое море случайного шума, чтобы цель зародилась.

Муравей почувствовал дрожание земли; оно усиливалось, и муравей понял, что приближается какое-то гигантское существо. Он продолжил подъем, не обращая на это внимания. Подножие монолита затягивала паутина. Муравей был настороже. Он осторожно обогнул висящие липкие волокна и прошел мимо паука, который замер в ожидании, положив лапы на паутинки, чтобы вовремя почувствовать добычу. Оба знали о присутствии друг друга, но не общались — и так неизменно в течение тысячелетий.

Дрожь дошла до максимума и прекратилась. Гигант остановился возле каменного образования. Намного выше муравья, он закрывал собой большую часть неба. Муравей был знаком с подобными существами. Он знал, что они живые, часто бывают в этой местности и их действия тесно связаны с пропастями и каменными глыбами.

Муравей продолжал подъем, зная, что за ред-

ким исключением существа не представляли опасности. Далеко внизу паук как раз столкнулся с одним таким исключением, когда существо, по-видимому, заметило его паутину, растянутую между каменным образованием и землей. Существо держало в одной руке букет; стеблями цветов оно смахнуло в бурьян и паука, и его паутину. Затем существо аккуратно положило букет перед монолитом.

После этого новая вибрация земли, слабая, но усиливающаяся, поведала муравью, что второе живое существо, подобное первому, приближается к каменному образованию. В этот момент муравей обнаружил длинное углубление в поверхности камня — почти белое, с более грубой поверхностью. Муравей повернул туда, чтобы было легче ползти. Оба конца углубления оканчивались канавками покороче и потоньше; из горизонтального основания шла главная колея, а верхняя канавка отходила под углом. Когда муравей добрался до гладкой черной поверхности, он понял форму этих углублений:

1

Рост существа перед монолитом внезапно вдвое уменьшился, сравнявшись с высотой каменного

объекта. По-видимому, оно встало на колени. Показался клочок темно-синего неба с разгорающимися звездами. Глаза существа обратились к вершине камня; муравей застыл на мгновение, раздумывая, появляться ли в поле его зрения. Решил, что не стоит, и повернул параллельно земле. Быстро достиг следующего углубления и замедлил ход, наслаждаясь путешествием. Цвет этой канавки напомнил ему о цвете яиц, окружавших царицу семьи. Без колебаний муравей пополз по этому углублению вниз. Через некоторое время выяснилось, что путь изгибается более сложным образом, образуя кривую под окружностью. Это напомнило муравью о том, как он искал дорогу домой по запаху. В его мозгу отложилась фигура:

9

Существо, стоящее на коленях перед монолитом, издало набор звуков, которые муравей был неспособен понять:

— Какое счастье быть живым… Если не понимать этого, то как же можно задумываться о чем-то более сложном?

Существо издало еще один звук, подобный шелесту ветра в траве — вздох, и встало с колен.

Муравей продолжал ползти параллельно земле

и обнаружил третье углубление. Оно было почти вертикальным, пока не повернуло вот так:

7

Эта фигура муравью не понравилась. Крутой, неожиданный поворот зачастую предвещает опасность или сражение.

Голос первого существа заглушил дрожь земли. Муравей только сейчас понял, что второе существо уже стоит возле каменного объекта. Оно было невысоким и более хрупким, с седыми волосами, которые развевались на ветру и поблескивали серебром на темно-синем фоне неба.

Первое существо обернулось и поприветствовало второе:

— Доктор Е, не так ли?

— А вы… Сяо[70] Ло?

— Ло Цзи. Я учился в школе с Ян Дун. Почему вы… здесь?

— Тут спокойно и легко добраться на автобусе. В последнее время я довольно часто прихожу сюда погулять.

---

[70] Примечания: 70

Сяо — это уменьшительное обращение, означающее «маленький» или «юный». Используется перед фамилией, когда обращаются к детям или взрослым, которым хотят показать свое расположение. (*Прим. перев.*)

— Примите мои соболезнования, доктор Е.

— Прошлого не воротишь…

В самом низу монолита муравей хотел повернуть вверх, но обнаружил впереди другую канавку, точно такую же, как «9», по которой он добрался до «7». Муравей продолжил свой путь горизонтально, через «9», которая ему понравилась больше, чем «7» и «1», хоть он и не мог точно сказать почему. Его чувство прекрасного было весьма примитивно. Проползая через «9», он ощущал невнятное удовольствие — некое одноклеточное счастье. Чувства эстетики и удовольствия у муравьев не развиваются с течением времени — какими они были сто миллионов лет назад, такими же останутся и еще через сто миллионов лет.

— Сяо Ло, Дундун часто упоминала вас. Она говорила, что вы занимаетесь… астрономией?

— Это было давно. Теперь я преподаю социологию в колледже. В вашем, кстати, хоть вы уже отошли от дел, когда я приступил к работе.

— Социология? Это крутая перемена.

— Пожалуй. Ян Дун всегда утверждала, что я не создан для работы над чем-то одним.

— Она не шутила, когда говорила, что вы умны.

— Я всего лишь способный. До уровня вашей дочери недотягиваю. Просто я почувствовал, что астрономия — наука тяжелая, неподатливая, как слиток металла. Социология же как деревяшка; где-нибудь всегда найдется слабое место, чтобы проковырять для себя дырку. Работать в области социологии легче.

В надежде найти еще одно «9» муравей продолжал ползти горизонтально. Однако следующая канавка, которую он нашел, была простой линией, такой же, как и самая первая, только длиннее, чем «1», лежала на боку и не имела маленьких канавок на концах:

—

— Не говорите так о себе. Это жизнь обычных людей. Не всем дано быть такими, как Дундун.

— Но я и вправду неамбициозен. Плыву себе по течению…

— Тогда я могу кое-что предложить. Почему бы вам не изучать космическую социологию?

— Космическую социологию?

— Это случайно пришедшее в голову название. Предположим, что во Вселенной имеется множество цивилизаций. Столько же, сколько и звезд. Очень много. Из этих цивилизаций состоит

космическое общество. Космическая социология — это наука о природе такого сверхобщества.

Муравей уполз недалеко. Он надеялся, что, выбравшись из «—», найдет приятную взору «9». Но вместо того обнаружил «2» — с приятной кривой, оканчивающейся, однако, столь же пугающим, сулящим неопределенное будущее острым углом, как и «7». Муравей пополз дальше, к следующей канавке, которая оказалась замкнутым кольцом: «0». Эта фигура была частью «9», но представляла собой ловушку. Жизнь нуждается не только в гладком пути, но и в направлении — нельзя постоянно возвращаться к исходной точке. Это муравей понимал. Впереди были еще два углубления, но муравей потерял интерес. Он вновь устремился наверх.

— Но… мы пока знаем только об одной цивилизации — нашей собственной.

— Вот поэтому никто еще такой науки не придумал. Это ваш шанс.

— Очень интересно, доктор Е. Продолжайте, пожалуйста.

— Я полагаю, что эта наука может объединить обе ваши специальности. Математическая структура космической социологии проще, чем человеческой.

— Почему вы так думаете?

Е Вэньцзе указала на небо. На западе догорали последние лучи заката. Звезд было так немного, что их все можно было пересчитать по пальцам. Нетрудно было вспомнить, как выглядел мир лишь мгновение назад: бескрайний простор, а над ним — голубая пустота, лицо без зрачков, как у мраморной статуи. Зато теперь, хоть звезд светилось всего ничего, в гигантских глазах загорелись зрачки. Пустота заполнилась, и Вселенная стала зрячей. Звезды были маленькими серебристыми точками, которые намекали на какое-то беспокойство их создателя. Космический скульптор чувствовал необходимость разбросать зрачки по Вселенной, но в то же время ужасно боялся дать ей зрение. Маленькие звездочки, рассеянные по огромному пространству, были компромиссом между желанием и страхом — но прежде всего проявлением осторожности.

— Вы видите, что звезды — это точки? Хаос и случай влияют на устройство любого цивилизованного общества во Вселенной. Но дистанция размывает их влияние. Поэтому такие удаленные цивилизации можно рассматривать как точки отсчета, к которым относительно несложно применить математические методы анализа.

— Но ведь в вашей космической социологии нечего изучать, доктор Е. Ни опросы, ни эксперименты не возможны.

— Разумеется, результат ваших исследований будет чисто теоретическим. Начните с нескольких простых аксиом, как в эвклидовой геометрии, а затем выведите из них всю теорию.

— Весьма любопытно. Но какими, по вашему мнению, могли бы быть такие аксиомы?

— Аксиома первая: выживание является основной потребностью цивилизации. Аксиома вторая: цивилизация непрерывно растет и расширяется, но объем вещества во Вселенной остается неизменным.

Муравей прополз немного и заметил, что наверху есть еще много углублений, образующих сложный лабиринт. Муравей мог ощущать форму и был уверен в своей способности разобраться с ними. Но из-за ограниченной памяти он был вынужден забыть те фигуры, через которые прополз раньше. Он не сожалел, что забыл «9»: потеря знаний была частью его жизни. Ему нужно было постоянно хранить лишь несколько воспоминаний; они были закодированы в его генах, в той области памяти, которую мы называем инстинктом.

Очистив память, муравей заполз в лабиринт. Сделав несколько поворотов, он своим нехитрым разумом определил еще одну фигуру: китайский иероглиф «му», означающий «могила» — хотя муравей не знал ни иероглифа, ни его смысла. Выше находился еще один набор углублений, на этот раз попроще. Но, чтобы продолжить исследования, муравей был вынужден забыть «му». Он попал в великолепную канавку, своей формой напомнившую ему брюшко мертвого кузнечика, которого он не так давно нашел. Канавка вскоре приняла форму иероглифа «чжи» — притяжательного местоимения. Выше муравей нашел еще две бороздки. Первая, в форме двух каплевидных углублений и брюшка кузнечика, являлась иероглифом «дун», который означал «зима». Верхняя бороздка состояла из двух частей; вместе они были иероглифом «ян», означавшим «тополь». Это была последняя фигура, которую муравей запомнил, и единственная, которую он удержал в памяти. Все обнаруженные ранее интересные фигуры были забыты.

— Эти две аксиомы хорошо продуманы с точки зрения социолога… Но вы выдали их мне так быстро, как будто давно уже их подготовили, — удивился Ло Цзи.

— Я раздумывала над этим большую часть своей жизни, но до сих пор никогда ни с кем не обсуждала. Не знаю почему… И еще: чтобы из этих двух аксиом вывести базовую модель космической социологии, вам потребуются две важные концепции: цепочки подозрений и технологический взрыв.

— Любопытные термины. Вы можете их пояснить?

Е Вэньцзе взглянула на часы.

— У меня мало времени. Но вы достаточно сообразительны, все поймете сами. Сделайте эти две аксиомы отправной точкой вашей науки, и вы сможете стать Эвклидом космической социологии.

— Я не Эвклид. Но я запомню ваши слова и попробую. Однако мне может понадобиться ваш совет.

— Боюсь, такой возможности не представится… Впрочем, вы можете забыть все, что я сказала. В любом случае, я сделала то, что должна была сделать. Мне пора, Сяо Ло.

— До свидания, профессор.

Е Вэньцзе растворилась в сумерках, торопясь на последнее собрание соратников.

Муравей продолжил подъем и достиг круглой

выемки на поверхности камня. На ее плоскости располагалось сложное изображение. Муравей знал, что оно не поместится в его маленьком мозгу. Но, определив форму изображения в целом, его примитивное чувство прекрасного возликовало так же сильно, как и при виде фигуры «9». Каким-то образом муравей узнал часть изображения — это была пара глаз. Муравей умел распознавать глаза, поскольку пристальный взгляд означал опасность. Но сейчас он не беспокоился, потому что в этих глазах не было жизни. Он уже забыл, что смотрел в глаза, когда гигант Ло Цзи стоял на коленях перед камнем. Муравей выбрался из выемки на самый верх каменного образования. Он не чувствовал высоты, поскольку не боялся упасть. Его без вреда сдувало и с больших высот. А красоту высоты не ощутить без страха падения.

У основания монолита паук, которого Ло Цзи смахнул букетом, уже начал плести новую паутину. Он прикреплял блестящую ниточку к камню и спускался на ней до земли, раскачиваясь, как маятник. Еще три раза — и основа сети будет готова. Можно было порвать паутину десять тысяч раз — паук восстановит ее, не испытывая ни раздражения, ни счастья… раз за разом в течение ста миллионов лет.

Ло Цзи постоял в молчании, а затем удалился. Когда земля прекратила трястись, муравей сполз с каменного образования. Ему нужно было торопиться в муравейник и доложить о находке мертвого жука. Звезды заполнили собой все небо. Когда муравей разминулся с пауком у основания камня, оба почувствовали присутствие другого, но не подали вида.

Далекий мир затаил дыхание, прислушиваясь. Ни муравей, ни паук не осознавали того, что лишь они двое из всех живущих на Земле стали свидетелями рождения новой науки.

* * *

Незадолго до описываемых событий, глубокой ночью Майк Эванс стоял на носу «Дня гнева», а Тихий океан расстилался вокруг, словно атласное полотно под небесами. Эванс любил беседовать в это время с далеким миром, поскольку текст, проецируемый софонами на сетчатку его глаз, великолепно выделялся на фоне ночного моря и темного неба.

Это наш двадцать второй разговор в реальном времени. У нас возникли некоторые трудности в общении.

— Да, Господь мой. Я так понимаю, что зна-

чительная часть справочных материалов по человечеству, которые мы тебе послали, вызывает у тебя недоумение?

Верно. Вы очень понятно объяснили нам каждую мелочь, но у нас не складывается цельная картина. Мы что-то упускаем.

— Лишь что-то одно?

Да. Иногда нам кажется, что в вашем мире чего-то не хватает; а иногда кажется, что в нем есть что-то лишнее, — и мы не знаем, что это.

— Что именно тебе непонятно?

Мы тщательно изучили ваши документы и обнаружили, что ключ к пониманию проблемы лежит в паре синонимов.

— Синонимов?

В ваших языках много синонимов — полных и неполных. В самом первом языке, который мы получили от вас — китайском, есть слова, которые означают одно и то же: «холод» и «прохлада», «тяжелый» и «увесистый», «длинный» и «долгий».

— Какая именно пара синонимов осложняет твое понимание?

«Думать» и «говорить». Мы только что осознали, к нашему удивлению, что они не синонимы.

— Они вовсе не синонимы!

В нашем понимании, они должны ими быть. «Думать» означает использовать мыслительные органы для размышлений. «Говорить» означает передавать содержимое мыслей другому. Последнее в вашем мире делается посредством вибраций воздуха, производимых голосовыми связками. Наши определения верны?

— Да. Но разве это не демонстрирует, что «думать» и «говорить» не синонимы?

Как мы понимаем, это показывает, что они синонимы.

— Позволь, я немного поразмыслю об этом.

Хорошо. Нам обоим надо подумать над этим.

Две минуты Эванс смотрел на бегущие под звездами волны и размышлял.

— Господь, какие части тела вы используете для общения?

У нас нет частей тела для общения. Наш мозг излучает мысли в окружающую среду, осуществляя передачу информации.

— Излучает мысли? Каким образом?

Мыслительные процессы в нашем мозгу создают электромагнитные волны всех частот, включая видимый для нас свет. Мы можем видеть такие волны на значительном расстоянии.

— Получается, для вас думать и говорить — од-

но и то же?

Потому эти слова и являются синонимами.

— Вот как… У нас это делается иначе. Но даже это различие не должно мешать тебе понимать наши документы.

Верно. Мы с тобой не так уж отличаемся в области мышления и обмена информацией. И у тебя, и у меня есть мозг, и в этом мозге имеется достаточное количество нервных связей, чтобы быть существом разумным. Разница в том, что мой мозг создает более сильные волны, а мозг моего собеседника их воспринимает. Другие органы общения нам не нужны. Это единственное, что отличает меня от тебя.

— Нет. Я подозреваю, что ты не видишь еще одного существенного различия. Господь мой, позволь мне подумать еще.

Хорошо.

Эванс ушел с носа и стал прогуливаться по палубе. За бортом беззвучно поднимались и опускались волны Тихого океана. Он представил себе океан как мыслящий мозг.

— Господь, позволь мне рассказать одну историю. Чтобы ее понять, нужно знать следующие понятия: волк, ребенок, бабушка и дом в лесу.

Все эти понятия мне известны, за исключе-

нием слова «бабушка». Я знаю, что это степень кровного родства у людей и что этот термин обычно означает пожилую женщину. Но чтобы уяснить себе точное значение этого слова, нужны дополнительные сведения.

— Господь, это неважно. Достаточно знать, что она и дети являются близкими родственниками. Дети доверяют только ей.

Понятно.

— Я упрощу рассказ. Бабушке нужно было куда-то пойти, и она оставила детей в доме. Она наказала им держать дверь запертой и никому, кроме нее, не открывать. По дороге бабушка встретилась с волком. Волк ее съел, надел ее одежду и стал похож на бабушку. Затем волк направился к дому, подошел к двери и сказал детям: «Я ваша бабушка, я вернулась. Откройте мне дверь». Дети посмотрели в щелку, увидели кого-то, похожего на бабушку, и открыли дверь. Волк вошел внутрь и съел детей. Господь, тебе понятна эта сказка?

Никоим образом.

— В таком случае я, похоже, угадал.

Прежде всего волк хотел попасть в дом и съесть детей, так?

— Так.

Волк приступил к общению с детьми, верно?

— Верно.

Вот этого я и не понимаю. Ведь чтобы осуществить свое намерение, волк не должен был разговаривать с детьми.

— Почему?

Разве это не очевидно? Если бы они разговаривали, то дети узнали бы, что волк хочет проникнуть в дом и съесть их. Тогда они не открыли бы дверь.

Эванс некоторое время хранил молчание. Наконец он произнес:

— Я понял, Господь. Теперь я понял.

Что именно ты понял? Разве мои рассуждения не очевидны?

— Твои мысли видны всем окружающим. Ты не можешь их скрыть.

Как можно скрыть мысли? Твои идеи сбивают меня с толку.

— Я имею в виду, что твои мысли и воспоминания ясно видны внешнему наблюдателю, словно книга, выставленная на публичное обозрение, или кино, которое показывают на площади, или как рыбки в прозрачном аквариуме. Видны полностью. Их легко прочесть с одного взгляда. Ну, может быть, кое-какие из тех слов, что я упо-

требил…

Эти слова мне известны. Но разве все это не естественно?

Эванс снова немного помолчал.

— Вот, значит, как… Господь, когда ты разговариваешь с другими, все, что ты произносишь, является правдой. Ты не можешь хитрить или обманывать; ты не пользуешься сложным, стратегическим мышлением.

Мы можем общаться на значительном расстоянии, а не только лицом к лицу. Слова «хитрить» и «обманывать» относятся к тем, которые нам не удается понять.

— Каким же должно быть общество, если мысли видны всем? Какая разовьется культура? Какой будет политика? При том, что нет ни притворства, ни интриг?!

Что такое «притворство» и «интриги»?

Эванс не ответил.

Человеческие органы общения — это дефект эволюции, вынужденная компенсация за то, что ваш мозг неспособен излучать достаточно сильные волны. Это одна из ваших биологических слабостей. Прямая передача мыслей — намного лучший, гораздо более эффективный метод общения.

— Дефект? Слабость? Нет, Господь, ты ошибаешься. На этот раз ты совершенно не прав.

В самом деле? Дай мне подумать. Как жаль, что ты не можешь видеть мои мысли.

На этот раз пауза была длиннее. Прошло двадцать минут, а новых сообщений все не было. Эванс прошелся от носа до кормы, посматривая на косяк рыб, выпрыгивавших навстречу звездам и оставлявших серебристые дуги на поверхности океана. Несколько лет назад Эванс провел некоторое время на борту рыболовного траулера в Южно-Китайском море, изучая влияние чрезмерного отлова рыбы на прибрежную жизнь. Рыбаки тогда называли прохождение косяка летучих рыб «маршем солдат-драконов». Эвансу оно казалось текстом, проецируемым на глаз океана. Затем перед его собственными глазами появился текст:

Ты прав. Пересматривая документы, я понимаю их немного лучше.

— Господь, понадобится приложить немало усилий, прежде чем ты полностью поймешь человечество. Я опасаюсь, что это тебе никогда не удастся.

Дела человечества и в самом деле сложны. Сейчас я знаю лишь, почему не понимал их ранее. Ты прав.

— Господь, ты нуждаешься в нас.

Я вас боюсь.

Разговор закончился. Это было последнее сообщение с Трисоляриса, полученное Эвансом. Он стоял на корме и смотрел на снежно-белую надстройку «Дня гнева», исчезающую в ночном тумане, словно уходящее время.

Часть I
Отвернувшиеся
Третий год эры Кризиса
Расстояние между флотом Трисоляриса и Солнечной системой: 4,21 светового года

«Он выглядит таким старым…» Это была первая мысль У Юэ при взгляде на «Тан». Массивный корабль все еще строили, и он был залит светом электросварки. Конечно, это впечатление было всего лишь результатом бесчисленных мелких пятен TIG-сварки на легированной стали плит обшивки. Он попытался представить себе — впрочем, безуспешно, — каким крепким и новым будет выглядеть «Тан» под слоем свежей шаровой краски.

Только что завершился четвертый цикл учений. На протяжении двух месяцев командиры «Тана» У Юэ и стоявший рядом с ним Чжан Бэйхай играли неуютную роль. Строи эсминцев, подводных лодок и кораблей снабжения управлялись командирами их боевых групп. Но «Тан» все еще строился в доке, так что позиция авианосца была

либо занята учебным судном «Чжэн Хэ», либо просто пустовала. Во время учебных занятий У Юэ часто устремлял взор на пустой рейд. Поверхность моря была пересечена многочисленными кильватерными струями и беспокойно волновалась в такт переменам настроения капитана. «Будет ли когда-нибудь корабль на этой стоянке?» — не раз спрашивал он себя.

Глядя на незавершенный «Тан», он видел не просто судно, но течение самого времени. Корабль походил на гигантскую древнюю крепость: борта — это каменные стены; каскады искр сварки, льющиеся со строительных лесов, — это плющ, пробившийся между камнями… Не строительство, а археологические раскопки какие-то…

Опасаясь даже думать об этом, У Юэ повернулся к Чжан Бэйхаю.

— Твоему отцу лучше? — спросил он.

Чжан Бэйхай слегка покачал головой.

— Нет. Он просто держится.

— Попроси отпуск.

— Я так и поступил, когда его госпитализировали. Если нужно будет, возьму еще.

Они замолчали. Так заканчивался любой неформальный разговор между ними. По работе, конечно, у них было о чем поговорить, но между

двумя командирами всегда как бы стоял барьер.

— Бэйхай, работа будет не такой, как прежде. Раз уж мы сейчас разделяем эту должность, мне кажется, что нам надо бы общаться больше.

— Мы и раньше неплохо общались. Командование назначило нас обоих на «Тан», без сомнения, потому, что мы успешно сотрудничали на «Чанъане».

Чжан Бэйхай засмеялся, но У Юэ не понял причины смеха. Глаза Чжан Бэй-хая могли читать в душе любого человека на корабле, от матроса до капитана. Коллега был для него открытой книгой. Но для самого У Юэ Чжан Бэйхай представлял собой загадку. Вот и сейчас У Юэ был уверен, что тот улыбается искренне, но не надеялся его понять. Успешное сотрудничество и успешное понимание — вещи разные. Несомненно, Чжан Бэйхай был самым опытным политическим комиссаром на корабле; к любой проблеме он подходил аккуратно, детально и непредвзято. Но его внутренний мир представлялся У Юэ каким-то бездонно-серым. Ему всегда казалось, будто Чжан Бэйхай говорит: «Делай вот так. Это наилучший, самый правильный способ. Но я предпочел бы другой». Это ощущение, поначалу неясное, постепенно становилось все отчетливее.

Разумеется, все, что делал Чжан Бэйхай, он делал наилучшим или самым правильным образом, но У Юэ не представлял, чего же именно Чжан Бэйхай хотел на самом деле.

У Юэ верил в одну истину: работа командира корабля опасна, и поэтому оба командира должны понимать друг друга без слов. Тут-то и крылась проблема. Поначалу У Юэ думал, что Чжан Бэйхай как бы постоянно настороже, и это его обижало. Будучи командиром эсминца — а эта должность не для слабонервных, — У Юэ вел себя честно и бесхитростно. Да другого столь прямодушного капитана во всем флоте не найти!

«Чего он во мне опасается?»

Когда отец Чжан Бэйхая недолгое время был их командиром, У Юэ обсуждал с ним свои трудности общения с комиссаром.

— Разве мало того, что он хорошо справляется с работой? Почему вам нужно знать, о чем он думает? — спокойно ответил адмирал, а потом, скорее всего, невольно, добавил: — Собственно, я и сам этого не знаю.

— Давайте подойдем поближе, — предложил Чжан Бэйхай, указывая на «Тан». Но вдруг у обоих одновременно запищали телефоны: пришло сообщение, отзывавшее их к автомобилю. Это

обычно означало экстренную ситуацию, поскольку в машине стояло оборудование защищенной связи. У Юэ открыл дверцу и взял трубку. Звонил координатор из штаба боевой группы.

— Капитан У, для вас и комиссара Чжана от командования флота поступил особый приказ. Вы оба немедленно вызываетесь в Генеральный штаб.

— В Генеральный штаб? Но как же учения? Мы же должны провести пятое тактическое занятие! Половина кораблей уже в море, а остальные присоединятся завтра.

— Мне об этом ничего не известно. Приказ короткий, всего одно распоряжение. Разберетесь с остальным, когда вернетесь.

Капитан и комиссар недостроенного авианосца посмотрели друг на друга и в кои-то веки подумали одно и то же: «Кажется, место «Тана» в строю кораблей так и останется незанятым».

* * *

Форт Грили, Аляска. Олени, бегущие по заснеженной тундре, насторожились, почувствовав дрожь почвы. Белая полусфера перед ними раскрылась. Это гигантское яйцо, наполовину закопанное в землю, здесь уже давно. Олени всегда

чувствовали, что оно чужое в этом замерзшем мире. Яйцо раскололось, испустило огонь и дым, а затем из него с ревом вылупился цилиндр и рванулся в небо, все ускоряясь и извергая пламя из нижнего конца. Окружающие яйцо сугробы разметало огнем и подняло в воздух, откуда они выпали каплями дождя. Когда цилиндр набрал достаточную высоту, взрывы, напугавшие оленей, затихли. Цилиндр исчез в вышине, оставив за собой длинный белый хвост, как будто заснеженная равнина была огромным комком пряжи, из которой чья-то гигантская рука вытянула в небо нить.

А в тысячах километров от точки пуска офицер целеуказания Рейдер, буркнув: «Проклятье! Еще несколько секунд, и я успел бы подтвердить отмену пуска!» — оттолкнул от себя мышь компьютера. Рейдер находился в диспетчерской системы защиты от ядерного нападения — одном из подразделений НОРАД, чья штаб-квартира располагалась на глубине триста метров под горой Шайенн.

— Я понял, что это была ложная тревога, как только система выдала предупреждение, — покачал головой Джонс, офицер слежения за орбитой.

— Тогда что же атаковала наша система? — спросил генерал Фицрой. Защита от ядерного нападения была лишь одной из нескольких обязанностей в его новой должности, и он еще плохо в ней разбирался. Глядя на мониторы, покрывающие всю стену, он пытался найти среди них похожие на те, что стояли в центре управления полетами НАСА, — с интуитивно понятными графическими дисплеями, на которых светящаяся красная линия ползла синусоидой по карте мира в проекции Меркатора. Новичкам было все равно нелегко, но, по крайней мере, такой дисплей показывал, что что-то летит в космос. Здесь не было ничего столь простого. Линии на экранах казались генералу абстрактной, бессмысленной мешаниной. Не говоря уж о тех мониторах, по которым быстро бежали цифры, имеющие смысл только для дежурных офицеров.

— Генерал, вы помните, в прошлом году космонавты заменили отражающую пленку на универсальном модуле МКС? Они упустили старую пленку в космос. Это она и была — сбилась в комок, а потом развернулась под давлением солнечного ветра.

— Но… тогда ее были обязаны внести в базу данных целеуказания.

— Так она уже там. Вот…

Рейдер подвигал мышкой и вызвал страницу базы данных. Снизу, под сложным массивом текста, формул и графиков находилась неприметная фотография — вероятно, снятая через наземный телескоп, — на которой виднелась белая клякса на черном фоне. Высокий контраст изображения не позволял различить мелкие детали.

— Майор, раз уж вы об этом знали, почему не остановили программу пуска?

— Система должна была автоматически произвести поиск в базе данных. Человек не способен отреагировать достаточно быстро. Но данные из старой системы не были конвертированы для новой и поэтому не были подключены к модулю распознавания, — произнес Рейдер немного раздраженным тоном, будто говоря: «Я показал вам свое мастерство — в два счета вызвал цель на экран в ручном режиме, тогда как суперкомпьютер центра этого сделать не смог. И тем не менее я вынужден отвечать на ваши дурацкие вопросы».

— Генерал, мы получили приказ перейти в режим боевого дежурства, как только система перенесла точки перехвата в космос, но до того, как техники закончили калибровку программного обеспечения, — добавил дежурный офицер.

Фицрой не ответил. Голоса в зале управления раздражали его. Здесь, прямо перед ним, находилась первая в истории человечества система обороны планеты, на поверку оказавшаяся все той же старой системой обнаружения запуска ядерных ракет, которую всего лишь перенастроили со слежения за континентами на слежение за космосом.

— А давайте сфотографируемся на память! — предложил Джонс. — Как-никак это был первый удар Земли по общему врагу!

— Здесь запрещено фотографировать, — холодно заметил Рейдер.

— Капитан, о чем вы говорите? — внезапно рассердился Фицрой. — Никакого врага система не обнаружила. Тоже мне «первый удар»!

В неловкой тишине кто-то напомнил:

— На перехватчиках установлены ядерные боеголовки.

— Да, полторы мегатонны. И что?

— Снаружи уже почти ночь. Учитывая координаты цели, мы могли бы увидеть вспышку!

— Вы можете ее увидеть на мониторе.

— Своими глазами интереснее! — принялся спорить Рейдер.

Джонс в волнении вскочил с места.

— Генерал, я… мое дежурство окончилось.

— И мое, генерал, — Рейдер тоже встал. Дань вежливости. Фицрой был высокопоставленным координатором Совета обороны планеты, но в системе НОРАД у него не было власти.

Фицрой махнул рукой.

— Я вам не начальник. Поступайте как знаете. Но позвольте напомнить, что в будущем нам, может быть, придется долго работать вместе.

Рейдер и Джонс поспешили наверх. Пройдя через многотонную дверь радиационной защиты, они оказались на вершине горы Шайенн. Вечерело, и небо было чистым, но они не увидели вспышки ядерного взрыва в космосе.

— Она должна быть вот здесь, — Джонс указал в небо.

— Наверное, мы ее прозевали. — Рейдер даже не посмотрел вверх. Затем с ироничной улыбкой проговорил: — Они что, на самом деле верят, что софон развернется в нижних измерениях?

— Вряд ли. Он разумен. Он не даст нам такого шанса, — ответил Джонс.

— Глаза нашей системы смотрят в небо. И напрасно. Как будто на Земле не от чего защищаться. Даже если бы все террористы во всех странах превратились в святых, есть еще ОЗТ,

не так ли? — Рейдер фыркнул. — И СОП. Эти военные, очевидно, хотят засчитать себе еще одно достижение. Фицрой — один из них. Теперь они могут объявить первую фазу системы обороны планеты завершенной, хотя практически ничего не сделали с оборудованием. Единственная цель системы — не дать софону развернуться в нижних измерениях в ближнем космосе. Технология для этого даже проще, чем та, что перехватывает управляемые ракеты, поскольку если цель и в самом деле появится, она будет огромной… Капитан, именно поэтому я попросил тебя выйти со мной. Зачем ты вел себя как малое дитя со всем этим первым ударом и фотографией на память? Ты рассердил генерала. Не видишь, что он человек мелочный?

— Но… разве это не было комплиментом?

— Он же один из лучших пиарщиков армии. Он не собирается объявлять на пресс-конференции, что система ошиблась. Как и все остальные, он скажет, что это был успешный маневр. Сам увидишь, так и будет. — Рейдер прилег на землю и с тоской уставился в небо, на котором уже загорались звезды. — Ты знаешь, Джонс, если софон и в самом деле развернется снова, она даст нам шанс ее уничтожить. Это будет уже кое-что!

— Что с того? Факт остается фактом, что они летят к Солнечной системе прямо сейчас. Кто знает, сколько их… Эй, а почему ты назвал софон «она», а не «он» или «оно»?

Выражение на лице Рейдера сменилось на мечтательное.

— Вчера китайский полковник, только что прибывший к нам, сказал, что в Китае софон называют японским женским именем — Томоко[71].

* * *

Накануне Чжан Юаньчао оформил документы на пенсию и распрощался с химическим заводом, на котором проработал более четырех десятилетий. Послушать соседа, Лао Яна[72], так сегодня началось его второе детство. Лао Ян уверял, что шестьдесят лет, как и шестнадцать, были лучшим временем в его жизни. Обязанности сорока- и пятидесятилетних уже позади, а болезни и мед-

---

[71] Примечания: 71

«Чжицзы» означает «мудрая частица». Иероглиф «частица», который произносят как «ко», часто встречается в женских именах в Японии. (*Прим. Дж. М.*)

[72] Примечания: 72

Лао — «старый» — часто используется перед фамилией людей старше, чем говорящий, чтобы показать уважение или близкое знакомство. (*Прим. Дж. М.*)

лительность семидесяти- и восьмидесятилетних пока только в перспективе. В этом возрасте можно наслаждаться жизнью. У сына и невестки Чжан Юаньчао была постоянная работа. Хоть сын и поздно женился, ждать внука осталось уже недолго. Ни Чжан, ни его жена не могли бы позволить себе здесь жить, но их старый дом снесли. Они получили компенсацию и уже год живут в новом доме…

Когда Чжан Юаньчао задумался об этом, он понял, что все в полном порядке. Он вынужден был признать, что по крайней мере в вопросах политики Лао Ян разбирается. И все-таки сейчас, глядя в чистое небо из окна восьмого этажа, он не находил в своей душе даже простой радости, не говоря уже о наступлении второго детства.

Лао Ян — его полное имя было Ян Цзиньвэнь — до ухода на пенсию работал учителем в средней школе. Он часто повторял Чжан Юаньчао, что, если тот хочет наслаждаться закатом жизни, ему нужно учиться новому: «Вот, например, Интернет — любой ребенок может научиться им пользоваться; почему же ты не умеешь?» Он также указал на главнейший недостаток Чжан Юаньчао — отсутствие интереса к мировым проблемам: «Твоя старушка, по крайней мере,

может смахнуть слезу, когда сидит и смотрит эти ужасные мыльные оперы. Но ты — ты вообще игнорируешь телевизор. Тебе стоило бы следить за тем, что происходит в стране и в мире. Это часть полноценной жизни». Чжан Юаньчао, коренной пекинец, был на удивление нелюбопытен, в отличие от большинства жителей столицы. В Пекине каждый таксист может читать лекции о внутренней и внешней политике. А Чжан Юаньчао если и мог правильно назвать имя президента, то определенно не знал, кто сегодня премьер-министр. Он даже этим гордился. Говорил, что живет размеренной жизнью простого человека, что ему незачем интересоваться всякой ерундой, что проблемы мира его не затрагивают, что таким образом он избегает ненужных волнений.

Ян Цзиньвэнь следил за международным положением и каждый день смотрел вечерние новости. На форумах Интернета он до хрипоты спорил о внутренней экономической политике и ядерном разоружении, но какая ему от этих дебатов польза? Правительство не прибавило к его пенсии ни гроша. Лао Ян отвечал: «Не смеши меня. Ты думаешь, что все это не имеет значения? Что это тебя не касается? Послушай, старина Чжан, любое внутреннее или международное

осложнение, любое постановление правительства и любая резолюция ООН влияет на твою жизнь — когда напрямую, когда косвенно. Ты думаешь, что вторжение США в Венесуэлу не имеет к тебе отношения? А ведь оно влияет на твою пенсию больше, чем ты думаешь, и речь тут уже не о каком-то жалком гроше». Тогда Чжан просто рассмеялся в ответ на тираду Лао Яна. Но теперь он понял, что сосед был прав.

Раздался звонок, и Чжан Юаньчао открыл дверь. Там стоял Ян Цзиньвэнь. Похоже, он только что вернулся с прогулки и был полон задора. Чжан Юань-чао впился в него жадным взглядом странника, который встретил в пустыне попутчика и не желает с ним расставаться.

— Я искал тебя, — проговорил Чжан. — Куда ты ходил?

— На рынок. Видел твою старушку, она покупала продукты.

— Почему в нашем доме тихо, как на кладбище?

— Сегодня рабочий день, только и всего! — рассмеялся Ян. — Ты первый день на пенсии. Такое чувство абсолютно естественно. По крайней мере, ты не был руководителем. Им еще хуже, когда они уходят на пенсию. А ты скоро привыкнешь.

Пойдем посмотрим, что происходит в районном Доме культуры и чем мы можем развлечься.

— Нет, нет. Это не потому, что я на пенсии. Это потому, что… как бы это сказать? Меня пугает ситуация в мире.

Ян Цзиньвэнь наставил на него палец и рассмеялся.

— Ситуация в мире? Вот уж не думал, что когда-нибудь услышу от тебя такие слова!

— Ну да, раньше меня не заботили даже крупные проблемы. Но куда им до нынешних! Я и предположить не мог, что положение может стать настолько серьезным.

— Старина Чжан, это может показаться смешным, но я начал перенимать твой образ мышления. Меня все это больше не заботит. Веришь или нет, я уже две недели как не смотрел новости. Я раньше интересовался важными проблемами, потому что люди могли на них повлиять. Но на *это* никто не может повлиять. Так зачем напрягаться?

— Но как же это — не напрягаться? Человечество исчезнет через четыреста лет!

— Хм. И ты, и я исчезнем лет так через сорок.

— Но что будет с нашими потомками? Их ведь уничтожат!

— Меня это беспокоит куда меньше, чем тебя. Мой сын живет в Америке, женат, детей не хочет, так что мне без разницы. А семья Чжан просуществует еще дюжину поколений, так? Разве этого мало?

Чжан Юаньчао несколько секунд не отрывал взгляда от Ян Цзиньвэня, а потом посмотрел на часы и включил телевизор. В выпуске новостей речь шла о главных событиях дня.

Агентство АП сообщает, что 29 числа, в 6:30 вечера по восточному стандартному времени система национальной противоракетной обороны США успешно провела испытательный пуск и условное уничтожение софона, развернутого в нижних измерениях на околоземной орбите. Это уже третье испытание перехвата системой НПО с момента переноса целей в космос. Целью для испытания послужила отражающая пленка, отделившаяся от международной космической станции в октябре прошлого года. Представитель Совета обороны планеты сообщил, что перехватчик, оснащенный боеголовкой, успешно уничтожил цель площадью три тысячи квадратных метров. Это означает, что система НПО будет способна уничтожить софон прежде, чем он развернется в трехмерном пространстве и

образует поверхность размером, достаточным для создания угрозы людям на Земле.

— До чего же бесполезное дело. Не будет софон разворачиваться, — сказал Ян и потянулся к пульту управления в руке Чжана. — Переключи лучше канал. Там могут показывать повтор полуфиналов Европейского кубка. Я вчера вечером заснул на диване…

— Дома посмотришь! — Чжан Юаньчао крепко держался за пульт. Выпуск новостей продолжался:

Лечащий врач академика Цзя Вэйлиня подтвердил, что смерть Цзя в 301-м военном госпитале наступила вследствие рака крови, иначе называемого лейкемией. Непосредственная причина смерти — отказ органов и кровопотеря на последних стадиях этой болезни. Аномалий не было. Цзя Вэйлинь, известный специалист по сверхпроводникам, внес существенный вклад в исследования высокотемпературной сверхпроводимости. Он умер десятого числа. Высказывания, что Цзя погиб от нападения софона, являются лишь домыслами. В другом отчете представитель министерства здравоохранения подтвердил, что несколько других смертей, предположительно от атаки софона, на самом деле вызваны обыч-

ными болезнями или несчастными случаями. Студия взяла об этом интервью у известного физика Дин И.

Корреспондент: Каково ваше мнение по поводу разрастающейся паники вокруг софонов?

Дин И: Паника вызвана недостаточным знанием физики. Представители правительства и научного сообщества уже неоднократно объясняли: софон — это всего лишь микроскопическая частица, которая, несмотря на свой разум, слишком мала и поэтому может лишь ограниченно влиять на макроскопический мир. Главная угроза человечеству, исходящая от софонов, заключается в том, что они вносят случайные ошибки в физические эксперименты с высокими энергиями, и в том, что они образуют квантово-запутанную наблюдательную сеть вокруг Земли. В своем микроскопическом состоянии софон неспособен убить или причинить вред иным способом. Если софон хочет произвести больший эффект в макроскопическом мире, он может это сделать, только развернувшись в нижних измерениях. Но даже тогда его влияние невелико, поскольку развернувшийся софон чрезвычайно слаб. Сейчас, когда у человечества появилась система обороны, софоны не могут развернуться, не предоставив

нам тем самым отличный шанс их уничтожить. Я полагаю, что средства массовой информации должны шире распространять эти научные сведения, чтобы прекратить необоснованную панику.

На лестничной площадке послышались шаги, затем кто-то без стука вошел в гостиную и позвал: «Лао Чжан! Мастер Чжан!» Это был еще один его сосед, Мяо Фуцюань. Он владел немалым количеством угольных шахт в провинции Шаньси и был на несколько лет моложе, чем Чжан Юаньчао. У него был большой дом в другом районе Пекина, а в здешней квартире жила его любовница родом из провинции Сычуань; она была почти такого же возраста, как дочь Мяо. Когда он въехал в квартиру, семьи Чжан и Ян просто игнорировали его присутствие, лишь однажды поругавшись из-за разбросанных по коридору вещей. Но постепенно они поняли, что он человек приличный и дружелюбный, несмотря на легкий налет вульгарности. После нескольких столкновений, судьей в которых выступил владелец дома, между тремя семьями воцарилась гармония. Хоть Мяо Фуцюань и говорил, что передал весь бизнес сыну, он по-прежнему оставался занятым человеком и появлялся редко. В трехкомнатной квартире обычно жила только женщина из Сычуани.

— Старина Мяо, тебя месяцами не было. Где тебе удалось озолотиться на этот раз? — обратился к вошедшему Ян Цзиньвэнь.

Мяо Фуцюань спокойно взял стакан, налил до половины воды из кулера и жадно выпил. Вытерев рот, он ответил:

— Никому уже не удается озолотиться. На шахте проблемы, и мне предстоит с ними разбираться. Практически нам объявлена война. Государство больше не собирается шутить. Законы, запрещающие нелегальные шахты, никогда не работали, но теперь и самим шахтам осталось недолго.

— Наступили тяжелые времена, — подвел итог Ян Цзиньвэнь, не отрывая взгляда от телевизора, где шел футбольный матч.

* * *

Человек уже несколько часов лежал на кровати. Окно полуподвальной комнаты служило единственным источником освещения. Через него проглядывала луна, и ее холодные лучи отбрасывали на пол резкие тени.

Никто так и не узнал настоящего имени этого человека. Позже люди назвали его Вторым Разрушителем.

Второй Разрушитель провел несколько часов,

вспоминая свою жизнь. Убедившись, что вспомнил все, он размял затекшие мышцы, полез под подушку, достал пистолет и поднес его к виску. В тот же самый момент перед его глазами появилось сообщение от софона.

Остановись. Ты нам нужен.

— Господь? Целый год каждую ночь мне снилось, что ты зовешь меня. Но недавно сны закончились. Я думал, что мне больше ничего не приснится, но, видимо, я ошибся.

Это не сон. Я общаюсь с тобой в режиме реального времени.

Разрушитель холодно рассмеялся:

— Хорошо. Значит, все кончено. На той стороне определенно снов не бывает.

Тебе нужны доказательства?

— Доказательства того, что на той стороне нет снов?

Доказательства того, что это на самом деле я.

— Отлично. Скажи мне что-нибудь такое, чего я не знаю.

Твои золотые рыбки мертвы.

— Ха! Это неважно. Я скоро встречусь с ними там, где никогда не бывает темно.

Тебе стоило бы посмотреть. Сегодня утром,

когда ты отвлекся, ты отбросил наполовину выкуренную сигарету, и она упала в аквариум. Никотин растворился в воде и убил рыбок.

Второй Разрушитель открыл глаза, отложил пистолет и вылез из постели. Его сон как рукой сняло. Он нащупал выключатель и пошел посмотреть на аквариум, стоявший на маленьком столике. Пять рыбок-телескопов плавали брюхом вверх, а между ними застыла наполовину выкуренная сигарета.

Я предоставлю тебе дополнительное доказательство. Эванс когда-то дал тебе зашифрованное письмо, но ключ к шифру поменялся. Он умер прежде, чем смог передать тебе новый пароль, и тебе так и не удалось прочитать письмо. Я скажу тебе пароль: это CAMEL, марка сигареты, которой ты отравил рыбок.

Второй Разрушитель поспешил достать свой ноутбук; слезы текли по его щекам, пока он дожидался готовности к работе.

— Господь, неужели это на самом деле ты? Это и в самом деле ты? — рыдая, приговаривал он. Как только компьютер загрузился, он открыл письмо специальной программой, разработанной для ОЗТ, и набрал пароль; но, когда на экране вспыхнул текст, у него уже не оставалось сил

внимательно его прочитать. Упав на колени, он вскричал:

— Господь! Это и в самом деле ты!

Успокоившись, он поднял голову и, все еще с заплаканными глазами, спросил:

— Нас никто не поставил в известность ни о собрании, на котором была Командующий, ни о засаде в Панамском канале. Почему ты оставил нас?

Мы вас боялись.

— Потому что вы не видите, о чем мы думаем? Но ведь это неважно. Мы пустим для вас в ход все наши умения, которых у вас нет — обман, хитрость, маскировку, плутовство.

Мы не знаем, говоришь ли ты правду. Даже если предположить, что это так, мы все равно боимся. Ваша Библия упоминает животное под названием змея. Если бы змея подползла к тебе и предложила свою службу, она перестала бы вызывать у тебя страх и отвращение?

— Если она сказала правду, то тогда я превозмог бы и отвращение, и страх и принял бы ее службу.

Это было бы непросто.

— Разумеется. Я знаю, что змея вас уже кусала. Когда общение в реальном времени стало воз-

можным, вы дали подробные ответы на наши вопросы. Но многое из того, что рассказали, вы рассказали без необходимости. Например, как вы получили первый сигнал от человечества и как были созданы софоны. Нам было трудно понять, почему вы не давали нам информацию более избирательно, раз уж мы не видим ваши мысли.

Мы рассматривали такой вариант, но польза от него была бы меньше, чем тебе кажется. В нашем мире, особенно с развитием технологии, появились методы связи, которые не нуждаются в передаче мыслей. Но читаемые мысли стали культурной и социальной нормой. Тебе это трудно понять — наверное, как и нам трудно понять вас.

— Мне нелегко себе представить, чтобы обман и коварство полностью отсутствовали в вашем мире.

Они есть, но они намного проще, чем у вас. Например, у нас на войне противники могут маскировать свои мысли, но если одна из сторон что-то заподозрит и задаст прямой вопрос, то обычно получает правдивый ответ.

— Это просто невероятно!

А для нас вы, люди, столь же невероятны. У тебя на полке стоит книга под названием «История

трех королевств».

— «Троецарствие»[73]. Ты не поймешь эту книгу.

Мне доступна ее малая часть. Так, обычный человек, не способный постичь монографию по математике, может разобраться с ее отдельными кусочками, приложив огромные усилия и полностью задействовав воображение.

— Да, эта книга раскрывает человеческие заговоры и интриги на самом высоком уровне.

Но наши софоны видят в вашем мире все.

— Кроме человеческого разума.

Верно. Софон не умеет читать мысли.

— Вы наверняка знаете о проекте «Отвернувшиеся»?

Больше, чем ты. Скоро начнутся работы по этому проекту. Вот почему мы и обратились к тебе.

— Что вы о нем думаете?

То же, что думаешь ты, глядя на змею.

— Но библейская змея дала людям знание.

---

[73] Примечания: 73

«Т р о е ц а р с т в и е» — исторический роман, авторство которого приписывается Ло Гуаньчжуну. В книге описывается соперничество трех центров власти между закатом восточной династии Хань (184-й год) и объединением империи (280-й год) под рукой династии Цзинь. Роман славится превосходно изображенными персонажами, батальными сценами и политическими интригами. (*Прим. Дж. М.*)

Проект «Отвернувшиеся» создаст лабиринт, один или несколько, которые вы сочтете чрезвычайно сложными и запутанными. Мы поможем вам найти выход.

То обстоятельство, что умы людей непрозрачны, еще сильнее подстегивает наше решение разделаться с человечеством. Помогите нам его уничтожить, и тогда мы уничтожим вас.

— Господь, так говорить нельзя. Я понимаю, что вы привыкли общаться, обмениваясь мыслями. Но в нашем мире, даже говоря о своих истинных намерениях, нужно пользоваться эвфемизмами. Например, то, что ты сейчас сказал, согласуется с идеалами ОЗТ; но такая откровенная формулировка испугает некоторых из наших членов и вызовет нежелательные последствия. Конечно, может статься, вы никогда не научитесь выражаться правильно.

Именно из-за такого искаженного выражения мыслей обмен информацией в человеческом обществе, особенно в литературе, превращается в неразрешимую головоломку. Насколько мне известно, ОЗТ находится на грани коллапса.

— Потому что ты нас покинул. Тот двойной удар был смертельным. Фракция редемпционистов развалилась; только адвентисты продолжают

существовать как организация. Наверняка ты и сам знаешь, что наиболее сокрушительным ударом был психологический удар. Твой отказ от нас означает проверку наших членов на верность Господу. ОЗТ отчаянно нуждается в поддержке Господа для сохранения этой верности.

Мы не можем дать вам технологию.

— Этого не потребуется, если вы продолжите передавать нам информацию через софоны.

Естественно. Но первым делом ОЗТ должно выполнить крайне необходимый приказ, который ты только что прочел. Мы отдали его Эвансу прежде, чем он погиб, и он передал его вам, но вы не смогли его расшифровать.

Разрушитель вспомнил про письмо на экране компьютера и внимательно изучил его.

Приказ достаточно прост для исполнения, не так ли?

— Не слишком сложен. А это и правда так важно?

Было просто важно. Сейчас же из-за проекта «Отвернувшиеся» стало жизненно необходимо.

— Почему?

Ответ пришел не сразу.

Эванс знал почему. Но он, по-видимому, никому не сказал. Он поступил правильно. Нам повезло.

Теперь нам не нужно тебе ничего объяснять.

Разрушитель обрадовался.

— Господь, ты научился держать язык за зубами! Это прогресс!

Эванс многому нас научил. Но мы по-прежнему лишь в начале пути. Как он выразился, пока мы на уровне вашего пятилетнего ребенка. Приказ, который он вам передал, содержит одну из тех уловок, которые мы неспособны понять.

— Ты имеешь в виду вот это? «Чтобы не привлечь внимания, держите в секрете, что это дело рук ОЗТ». Что ж, если цель важная, то это естественное требование.

Для нас это сложный план.

— Хорошо. Я все исполню именно так, как хотел Эванс. Господь, мы докажем тебе свою преданность.

* * *

В одном дальнем уголке океана информации в Интернете был дальний угол, и в нем был дальний угол… короче, в самой глубине самого удаленного уголка ожил один из виртуальных миров.

В лучах странного, холодного рассвета не появилось ни пирамиды, ни здания ООН, ни

маятника — ничего, кроме огромной, суровой пустыни, похожей на гигантскую плиту вымороженного металла.

Царь Вэнь из дома Чжоу возник на горизонте. Он был одет в лохмотья и нес позеленевший от времени бронзовый меч. Его лицо было грязным и таким же морщинистым, как и шкуры, в которые он кутался. Утреннее солнце отражалось в его наполненных решимостью глазах.

— Есть здесь кто-нибудь? — закричал он. — Отзовитесь!

Голос царя Вэня раскатился по равнине и затих. Он покричал еще, а потом устало сел на землю и ускорил движение времени. Он смотрел, как солнца превращаются в летящие звезды, как летящие звезды вновь становятся солнцами, как светила эр Порядка размеренно, словно маятник часов, движутся в небе и как дни и ночи эр Хаоса превращают мир в подобие театральной сцены с неисправным освещением. Время шло, но ничто не менялось. Вокруг него была по-прежнему бесконечная металлическая пустыня. Три звезды протанцевали в небе, и царь Вэнь от холода превратился в ледяной столп. Затем летящая звезда стала солнцем, и когда ее гигантский огненный диск накрыл небо, лед растаял, и тело царя вспых-

нуло огнем. Перед тем как рассыпаться пеплом, царь Вэнь глубоко вздохнул и вышел из игры.

* * *

Тридцать офицеров армии, флота и военно-воздушных сил не отрывали глаз от эмблемы, светящейся на алом экране, — серебряной звезды с четырьмя лучами в виде острых мечей и вписанными в нее китайскими иероглифами — цифрами «восемь» и «один»[74]. Это была эмблема космических сил Китая.

Генерал Чан Вэйсы жестом предложил всем сесть. Затем, положив свою фуражку на стол, проговорил:

— Официальная церемония создания космических сил будет проведена завтра; тогда же вам выдадут форму и значки. Однако, товарищи, мы уже сейчас принадлежим к этому виду Вооруженных сил.

Присутствующие переглянулись. Из тридцати человек пятнадцать были в форме флота, девять в форме военно-воздушных сил и шесть носили

---

[74] Примечания: 74

Эмблема Освободительной армии Китая — это пятиконечная звезда, в которую вписаны иероглифы «восемь» и «один». (*Прим. Дж. М.*) Днем рождения Народно-освободительной армии Китая считается 1 августа 1927 г. (*Прим. перев.*)

форму армии. Когда офицеры вновь посмотрели на генерала Чана, в их взглядах читалось с трудом скрываемое замешательство.

Чан Вэйсы улыбнулся и сказал:

— Необычный состав, не так ли? Но нельзя мерить космические силы будущего масштабом современных аэрокосмических программ. Космические корабли, когда придет их время, вероятно, будут больше размером и потребуют большей команды, чем сегодняшние авианосцы. Базой для будущих военных операций в космосе станут тяжелые, высокозащищенные боевые станции. Вооруженные столкновения будут больше похожи на морские сражения, чем на авиационные, лишь в трех измерениях вместо двух. Поэтому космические силы создаются на основе морского флота. Я знаю, мы все предполагали, что такой основой станут военно-воздушные силы, поэтому наши флотские товарищи могут быть к этому не готовы. Но вам придется освоиться как можно скорее.

— Командующий, мы вообще ничего не знали, — сказал Чжан Бэйхай. У Юэ сидел рядом с ним, выпрямившись и не шевелясь, но Чжан Бэйхай заметил, как что-то погасло в его спокойных глазах.

Чан Вэйсы кивнул.

— На самом деле разница между флотом и космосом не так уж велика. Разве мы не говорим «космические корабли» вместо «космические самолеты»? Это потому, что океан и космос уже давно связаны в нашем мышлении.

Напряжение в комнате немного ослабло. Генерал продолжил:

— Товарищи, на данный момент мы числом тридцать один — это весь состав нового вида вооруженных сил. Насчет будущего космического флота:

фундаментальные исследования уже ведутся во всех отраслях науки. Особое внимание уделяется космическому лифту и термоядерным двигателям для больших кораблей… Но это не то, чем будем заниматься мы. Наша задача — разработать теорию боя в космосе. Это сложнейшая задача, учитывая, что мы ничего о боях в космосе не знаем. Но космический флот будущего будет построен именно на этом фундаменте. Таким образом, на начальном этапе космические силы будут больше похожи на военную академию. Перед всеми вами сейчас стоит одна основная задача: организовать такую академию, а затем привлечь к ее работе значительное число ученых

и исследователей.

Чан встал и подошел к эмблеме. Стоя у экрана, он произнес речь, которая должна была запомниться всем присутствующим:

— Товарищи, у космических сил впереди много тяжелой работы. По предварительным оценкам, фундаментальные исследования во всех направлениях науки займут как минимум пятьдесят лет. Потребуется еще не менее ста лет, прежде чем мы освоим технологии, которые позволят нам свободно передвигаться в космосе. Затем, после постройки первых кораблей, нам понадобится еще полтора века для того, чтобы изготовить их необходимое количество. Это значит, что флот будет готов к боевому применению через три века после основания. Товарищи, я уверен, вы все понимаете, что это означает. Никто из нас, находящихся сейчас в этой комнате, не полетит в космос. Никто не увидит нашего космического флота. Мы можем даже не увидеть подробной модели боевого космического корабля. Первые офицеры и рядовые члены экипажа родятся не раньше чем через два века. А еще через два с половиной века земной флот встретится с инопланетными захватчиками. Кораблями флота будет управлять пятнадцатое поколение наших

внуков.

Собравшиеся надолго притихли. Их ждала длинная и трудная дорога. Она заканчивалась где-то в тумане будущего, где они видели лишь огонь и кровь. Мысль о краткости человеческой жизни терзала их, как никогда ранее. В этот момент их сердца воспарили над пропастью времени и присоединились к своим далеким наследникам, чтобы вместе погрузиться в море крови и огня посреди ледяного холода космоса — в это место последнего сбора душ всех солдат.

* * *

Вернувшись, Мяо Фуцюань, как всегда, пригласил Чжан Юаньчао и Ян Цзиньвэня в свою квартиру, к роскошному столу, накрытому женщиной из Сычуани. Они уже перешли к выпивке, когда Чжан Юаньчао упомянул посещение Мяо Фуцюанем Строительного банка этим утром — Мяо ходил туда, чтобы снять кое-какие деньги.

— Разве вы не слышали? — сказал Мяо Фуцюань. — В банках давка, людей затаптывают насмерть! К окошкам прорывались по головам.

— Так тебе удалось снять деньги? — спросил Чжан Юаньчао.

— Только часть. Остальное заморожено. Это

преступление!

— Любой волосок с твоей головы стоит больше, чем все наши сбережения, — пошутил Чжан Юаньчао.

Ян Цзиньвэнь оптимистично заявил:

— В новостях сообщали, что счета будут постепенно размораживать, как только паника уляжется. Ситуация постепенно вернется к норме.

— Надеюсь, — сказал Чжан Юаньчао. — Государство совершило ошибку, когда провозгласило войну так рано — это лишь вызвало панику. Теперь люди думают только о себе. Разве сейчас кого-нибудь заботит, как Земля будет защищаться через четыреста лет?

— Это не самая большая беда, — поправил соседа Ян Цзиньвэнь. — Я говорил раньше и скажу опять: высокая норма сбережений[75] в китайских банках — это огромная бомба замедленного действия. Разве я не прав? Большие сбережения ведут к низкой социальной защищенности. Люди держат все свои деньги в банках, а потом паникуют при малейшем дуновении ветра.

---

[75] Примечания: 75

Норма сбережений — это отношение сберегательной части личного или семейного дохода ко всему доходу. Другими словами, какой процент дохода люди не тратят, а копят в банке. (*Прим. перев.*)

— Какой же ты видишь экономику военного времени? — поинтересовался Чжан.

— Все случилось так внезапно. Не думаю, что кто-то уже составил для себя полную картину происходящего. Правительства все еще работают над новой экономической политикой. Но точно известно лишь одно: грядут тяжелые времена.

— Тяжелые времена, говорите? Да не будет ничего такого, чего люди нашего возраста уже не видели, — заверил собеседников Мяо Фуцюань. — Лично я ожидаю повторения шестидесятых годов.

— Мне просто детей жалко, — Чжан Юаньчао допил свой бокал.

В этот момент зазвучала музыкальная заставка выпуска новостей; она привлекла общее внимание к телевизору. Этот звук уже стал привычным, он заставлял людей бросать все дела и слушать. Сейчас передавали экстренный выпуск — в последнее время такое бывало чаще, чем обычно. Трое друзей помнили, как часто подобные новости передавали по радио и телевидению вплоть до 1980-х годов. Но позже, в спокойное и богатое время, они исчезли.

Началась передача:

Наш корреспондент в секретариате ООН

сообщает: на только что закончившейся пресс-конференции представитель ООН объявил, что в ближайшее время будет созвана специальная сессия Генеральной ассамблеи для обсуждения проблемы эскапизма. Она пройдет с участием постоянных членов Совета обороны планеты. Целью сессии будет подтолкнуть международное сообщество к консенсусу по вопросу эскапизма и разработать соответствующие международные законы.

Вернемся немного назад и рассмотрим возникновение и развитие эскапизма.

Доктрина эскапизма появилась вместе с Трисолярианским кризисом. Ее ключевой аргумент гласит, что, учитывая заблокированное состояние важнейших отраслей земной науки, нет смысла делать ставку на оборону Земли и Солнечной системы через четыре века. Намного более реалистичной целью является строительство космических кораблей, на которых небольшая часть населения планеты сбежит в открытый космос, тем самым предотвращая полное уничтожение человеческой цивилизации.

У космических кораблей эскапистов есть три варианта действий; они различаются точкой назначения. Первый вариант — это «новый мир»,

то есть поиск такой планеты среди звезд, где человечество сможет выжить. Вне сомнения, это наилучший вариант. Но он требует крайне высокой скорости полета, и путешествие займет много времени. Учитывая уровень технологии, которого человечество сможет достигнуть за годы кризиса, вряд ли этот вариант осуществим.

Второй вариант — это «цивилизация на кораблях». Пассажиры будут жить только на борту своих космических кораблей, вечно летящих в пространстве. У этого варианта возникнут те же сложности, что и у первого, хотя более важно будет создать замкнутую экосистему. Корабль поколений, несущий в себе полностью замкнутую биосферу, на данный момент создать технологически невозможно.

Третий вариант — «временное пристанище». После того как Трисолярис закончит свое расселение в Солнечной системе, могут возникнуть контакты между обществом Трисоляриса и остающимися в космосе людьми. Путем переговоров можно будет добиться улучшения политики Трисоляриса по отношению к останкам человечества. Люди смогут вернуться в Солнечную систему и сосуществовать с трисо-

лярианами. Этот вариант является наиболее реалистичным, хотя в нем много неопределенности.

Вскоре после возникновения идей эскапизма многочисленные агентства новостей сообщили, что США и Россия, два лидера в космической технологии, тайно начали подготовку к побегу в космос. Хотя правительства обеих стран отрицали существование таких планов, возмущение международного сообщества привело к появлению движения за обобществленную технологию. На третьей специальной сессии многие развивающиеся страны потребовали, чтобы США, Россия, Япония, Китай и Европейский союз раскрыли и бесплатно предоставили свою технологию международному сообществу, чтобы все страны имели равные шансы перед Трисолярианским кризисом.

Сторонники движения за обобществленную технологию нашли прецедент: в начале века несколько европейских фармацевтических фирм требовали огромных сумм от стран Африки за лицензию на производство современных лекарств от СПИДа. Это привело к юридическому конфликту на самом высоком уровне. Под давлением общественного мнения и принимая во внимание

быстрое распространение болезни в Африке, фармацевтические фирмы отказались от своих прав на патент, не доводя дело до суда. Сегодня Земля стоит перед серьезнейшим кризисом, и это значит, что раскрыть свою технологию — это долг развитых стран перед всем человечеством.

Движение за обобществленную технологию было встречено единогласной поддержкой со стороны развивающихся стран; его идеи также встретили сочувствие некоторых стран Евросоюза. Но все связанные с ним инициативы были отклонены на заседаниях ООН — СОП. На пятой специальной сессии ООН Китай и Россия предложили план «ограниченной общедоступности технологий», который предоставлял технологию всем постоянным членам СОП. На этот план наложили вето США и Великобритания. Правительство США заявило, что технология не может быть общедоступной ни в каком виде, что это наивная идея и что при данных обстоятельствах оно ставит безопасность США на второе место, сразу за безопасностью всей планеты. Поражение плана обобществления технологии вызвало раскол между государствами, владеющими технологией, и привело к срыву проекта создания объединенных космических

войск Земли.

Крах движения за общедоступную технологию подтолкнул общественность к далеко идущим выводам. Люди поняли, что единство всего человечества остается недостижимой мечтой даже в условиях опаснейшего Трисолярианского кризиса.

Движение за общедоступную технологию было основано эскапистами. Международное сообщество сможет устранить раскол между развивающимися и развитыми странами, а также между самими развитыми странами, только когда оно достигнет консенсуса по эскапизму. Такова обстановка, в которой предстоит открыться специальной сессии ООН.

— Да, кстати, это мне напомнило кое о чем, — Мяо Фуцюань повернулся к Чжану. — Та информация, которую я дал тебе по телефону несколько дней назад, оказалась надежной.

— О чем это ты?

— О фонде Исхода.

— Лао Мяо, как ты можешь верить такой ерунде? На доверчивого простачка ты не похож, — укорил соседа Ян Цзиньвэнь.

— Нет-нет. — Мяо Фуцюань понизил голос, поглядывая на собеседников. — Этого молодого

человека зовут Ши Сяомин. Я проверил его по нескольким каналам. Представьте, его отец, Ши Цян, работает в отделе безопасности СОП! Он раньше руководил группой по борьбе с терроризмом, а сейчас он важный человек в СОП, отвечает за борьбу с ОЗТ. У меня есть телефон его отдела. Можете проверить сами.

Чжан и Ян посмотрели друг на друга. Ян Цзиньвэнь рассмеялся, взял бутылку и налил себе еще.

— Ну и что, если это правда? Кого волнует этот твой фонд Исхода? У меня нет на это денег!

— Вот-вот, в точку. Это для вас, для богатеньких! — У Чжана Юаньчао уже заплетался язык.

Ян Цзиньвэнь внезапно разгорячился:

— И даже если все это правда, тогда какие же глупцы управляют этим государством! Если кто-то и сбежит с Земли, то это должны быть лучшие из лучших среди наших наследников! Какого черта давать место на корабле любому, кто может заплатить? Какой в этом смысл?

Мяо Фуцюань указал на него пальцем и рассмеялся.

— Замечательно, Ян! Давай теперь разберемся, что в действительности ты хотел сказать. На самом деле ты хочешь, чтобы именно твое потомство полетело, верно? Посмотри на своих сына

и невестку: доктора философии, ученые. Элита. Твои внуки и правнуки, скорее всего, тоже будут элитой. — Он поднял свой стакан и кивнул. — Но если подумать, все должны быть равны, верно? С какой это стати элите полагаются, как говорится, бесплатные обеды?

— Что ты имеешь в виду?

— За все нужно платить. Это закон природы. Я заплачу деньги, чтобы обеспечить будущее семье Мяо. И это тоже закон природы!

— Почему же это можно купить за деньги? Обязанность улетающих — сохранить человеческую цивилизацию. Естественно, они захотят отобрать лучших. Послать кучу богатеев в космос… Пф! — фыркнул Ян. — Что с них проку?

Неловкая улыбка исчезла с лица Мяо Фуцюаня. Он наставил толстый палец на Ян Цзиньвэня.

— Я всегда знал, что ты презираешь меня. Каким бы богатым я ни стал, я всегда буду для тебя всего лишь неотесанным толстосумом. Скажешь нет?

— Да кто ты, по-твоему, такой?! — вскричал подогретый алкоголем Ян Цзиньвэнь.

Мяо Фуцюань хлопнул по столу и встал.

— Ян Цзиньвэнь, я не собираюсь выслушивать твои оскорбления! Я…

Тогда Чжан Юаньчао хлопнул по столу втрое сильнее. Опрокинулась пара чашек; женщина из Сычуани вскрикнула в испуге. Чжан ткнул по очереди пальцем в разбушевавшихся собеседников.

— Превосходно. Ты — элита, а у тебя есть деньги. А где же я? Что, черт побери, есть у меня? Я всего лишь бедный человек. Значит, мою семью можно и в расход, так? — С видимым усилием он сдержал желание опрокинуть стол. Затем повернулся и стремительно вышел вон. Ян Цзиньвэнь последовал за ним.

* * *

Второй Разрушитель аккуратно выпустил в аквариум новых золотых рыбок. Как и Эвансу, ему нравилось одиночество, но он нуждался в компании живых существ, которые не были бы людьми. Он часто разговаривал со своими рыбками в той же манере, в какой говорил с Трисолярисом. Эти две формы жизни, по его мнению, были достойны долгого существования на Земле.

В этот момент на сетчатке его глаз появилось сообщение от софона:

Я в последнее время изучал «Троецарствие». Как ты сказал, хитрость и обман — это искусство.

Такое же искусство, как узор на коже змеи.

— Господь, ты опять заговорил о змее.

Чем прекраснее узор на ее коже, тем опаснее она выглядит. Раньше возможность побега человечества нас не беспокоила. Лишь бы оно убралось из Солнечной системы. Но теперь мы скорректировали наши планы и решили не допустить Исхода. Было бы неосмотрительно отпустить врагов, мысли которых нам недоступны.

— У тебя есть какой-то конкретный план?

Флот сделал поправки в планах развертывания на месте. Он разделится на четыре части в поясе Койпера[76] *и окружит Солнечную систему.*

— Если человечество на самом деле сбежит, ваш флот прибудет слишком поздно.

Это так, и поэтому мы требуем вашей помощи. Следующее задание для ОЗТ — остановить или задержать план отлета человечества.

Разрушитель улыбнулся:

— Господь, тебе не стоит об этом вообще волноваться. Никакого масштабного Исхода человечества никогда не случится.

---

[76] Примечания: 76

Пояс Койпера — это область Солнечной системы от орбиты Нептуна, около 30 астрономических единиц, до 50 а.е. В нем располагаются Плутон и две другие карликовые планеты, а также прочие объекты. (*Прим. Дж. М.*)

Даже учитывая сегодняшние ограниченные технологические возможности, человечество может оказаться способным построить корабли поколений.

— Самое существенное препятствие для Исхода кроется не в технологии.

Ты имеешь в виду трения между странами? Специальная сессия ООН может решить эту проблему. А если у нее не получится, то развитые страны вполне способны проигнорировать мнение развивающихся и протолкнуть свой план.

— Самое значительное препятствие для Исхода не в трениях между странами.

Что же это тогда?

— Трения между людьми. Вопрос о том, кто улетит, а кто останется.

Нам это не кажется проблемой.

— Поначалу мы думали так же, но оказывается, что это непреодолимое препятствие.

Ты можешь объяснить?

— Даже если вы знакомы с историей человечества, вам, наверное, будет сложно понять: вопрос кому лететь и кому оставаться, основывается на фундаментальных человеческих ценностях. В прошлом эти ценности ускоряли развитие общества. Но они же являются ловушкой, когда

общество стоит перед смертельной угрозой. На данный момент большая часть человечества еще не осознала, насколько это крепкий капкан. Господь, пожалуйста, поверь моим словам: ни один человек не вырвется из него.

* * *

— Дядя Чжан, вам не обязательно принимать решение прямо сейчас. Вы уже задали все необходимые вопросы, и, в конце концов, речь идет о значительной сумме денег, — с самым невинным выражением лица объяснял Ши Сяомин Чжан Юаньчао.

— Я не о том. Этот план Исхода — он на самом деле существует? По телевизору говорят…

— Не обращайте внимания на то, что говорят по телевизору. Две недели назад правительство уверяло, что замораживание банковских вкладов исключено. И посмотрите, что произошло… Рассуждайте разумно. Вот вы простой человек, и вы беспокоитесь о будущем своей семьи. А что же насчет президента и премьер-министра? Разве они не будут задумываться о будущем китайского народа? Разве ООН не будет задумываться о будущем всего человеческого рода? Эта специальная сессия ООН является не чем иным, как

попыткой международного сотрудничества. ООН официально даст зеленый свет программе Исхода человечества. Это неотложный вопрос.

Лао Чжан медленно кивнул.

— Если подумать, то да, так оно и получается. Но я чувствую, что до Исхода еще очень далеко. Стоит ли мне об этом беспокоиться?

— Дядя Чжан, вы не понимаете. До Исхода остается не так уж много времени. Не думаете же вы, что корабли взлетят только через три или четыре столетия? Если бы это было так, то флот Трисоляриса мог бы их перехватить.

— И когда же они в таком случае взлетят?

— У вас вот-вот появится внук, верно?

— Да.

— Ваш внук увидит отлет кораблей.

— Он будет на борту?

— Нет, это неосуществимо. Но его внук может быть.

— Это… — Чжан посчитал в уме, — около семидесяти или восьмидесяти лет.

— Больше. Правительство военного времени усилит контроль за рождаемостью и будет задерживать выдачу разрешений на ребенка. Одно поколение будет примерно соответствовать сорока годам. Корабли отправятся в полет при-

близительно через сто двадцать лет.

— Это довольно скоро. Успеют ли их построить?

— Дядя Чжан, вспомните, как делались дела сто двадцать лет назад! Это было время династии Цин. Чтобы добраться из Ханчжоу до Пекина, требовался целый месяц. Император вынужден был целыми днями сидеть в паланкине, чтобы попасть в свой летний дворец. А сегодня нужно три дня, чтобы долететь до Луны. Технология развивается быстро — следовательно, само развитие тоже ускоряется. А если учесть тот факт, что весь мир сосредоточил усилия на развитии космических технологий, то становится несомненным, что сто двадцать лет — срок вполне реальный.

— Но космический полет — дело опасное, разве не так?

— Так. Но ведь и Земля к тому времени станет довольно опасным местом! Посмотрите, какие перемены происходят уже сегодня. Основные средства народного хозяйства тратятся на строительство космического флота; этот флот не имеет коммерческого применения и не принесет ни юаня прибыли. Жизнь людей станет ухудшаться. Примите во внимание огромную численность нашего населения — даже накормить всех будет

непросто. Вдобавок посмотрите на международное положение. Развивающиеся страны не имеют возможности принять участие в Исходе, а развитые отказались предоставить технологию. Но небольшие и небогатые страны не смирятся. Разве они не грозятся выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия? В будущем от них можно ожидать и более опасных шагов. Может статься, что через сто двадцать лет, еще до прибытия флота инопланетян, весь мир будет охвачен огнем войны! Кто знает, какую жизнь будет вести поколение ваших праправнуков. Более того, корабли Исхода будут не такими, какими вы их представляете. Их сравнение с капсулой «Шэньчжоу»[77] или с МКС просто смехотворно. Корабли будут огромными, размером с небольшой город с замкнутой экосистемой. Совсем как Земля в миниатюре! Человечество сможет жить в них вечно, не нуждаясь во внешних ресурсах. И самое главное — на кораблях будет гибернация. Она доступна уже сегодня. Пассажиры будут проводить большую часть времени в «холодном

[77] Примечания: 77

Шэньчжоу — третья программа космических пилотируемых полетов КНР. Первый пилотируемый полет корабля «Шэньчжоу-5» в 2003 году сделал Китай третьей в мире страной, самостоятельно отправившей человека в космос. (*Прим. перев.*)

сне», где столетие кажется одним днем — пока корабль не найдет подходящий новый мир или пока не удастся достичь соглашения с трисолярианами о возвращении в Солнечную систему. Тогда они проснутся. Разве такая жизнь не лучше, чем страдать на Земле?

Чжан Юаньчао молчал и размышлял.

Ши Сяомин продолжал:

— Честно говоря, должен признать: космический полет и в самом деле штука опасная. Никто не знает, что может случиться в космосе. Я понимаю, что вы действуете ради выживания своей семьи, но вам не стоит об этом беспокоиться…

Чжан уставился на него так, словно его укололи булавкой:

— Ну как вы, молодежь, можете говорить такое?! Как же мне не беспокоиться…

— Дайте мне договорить, дядя Чжан. Я не это хотел сказать. Я хотел сказать, что даже если вы не собираетесь отправлять своих правнуков в полет, фонд Исхода гарантированно заслуживает вложения денег. Как только он откроется для всех и каждого, стоимость акций взлетит до небес. Вы же знаете, богатых людей много, вкладывать деньги особо не во что, а копить их теперь противозаконно. Кроме того, чем больше у вас денег,

тем чаще вы будете задумываться о спасении своей семьи, разве не так?

— Само собой.

— Клянусь честью, дядя Чжан! Фонд Исхода только что открылся, и ему не хватает специальных агентов по продажам. Мне было сложно пробить квоту. В любом случае позвоните мне, когда все обдумаете, я помогу с оформлением документов.

Ши Сяомин ушел, но Лао Чжан остался стоять на балконе, глядя в небо, тускло отсвечивающее огнями большого города. Он сказал себе: «Дети мои, неужели и правда ваш дед отправит вас туда, где царит вечная ночь?»

* * *

Как раз всходило небольшое солнце, когда царь Вэнь из дома Чжоу снова ступил в заброшенный мир «Трех тел». Хоть солнце грело не особенно сильно, оно довольно ясно освещало пустынную равнину. На равнине не было ни одной живой души.

— Есть тут кто-нибудь? Отзовитесь!

Его глаза засверкали, когда он увидел всадника, несущегося к нему от самого горизонта. Он узнал Ньютона издалека и побежал навстречу, разма-

хивая рукой. Ньютон вскоре поравнялся с ним, придержал лошадь, слез и торопливо поправил парик.

— Чего кричишь? Кто перезапустил это проклятое место?

Царь Вэнь, не ответив на вопрос, взял Ньютона за руку и настойчиво заговорил:

— Соратник, соратник, послушай меня! Господь не оставил нас! Или, точнее, у него была причина нас оставить, и мы ему скоро будем нужны. Он…

— Да знаю я, — сказал Ньютон, нетерпеливо отводя руку царя Вэня. — Со-фоны и мне передали послание.

— Это значит, что Господь наш послал сообщение многим из нас одновременно. Замечательно. Контакт организации с Господом больше никогда не будет в руках одного человека.

— Организация все еще существует? — Ньютон утер лицо носовым платком.

— Конечно, существует. Редемпционисты полностью развалились после глобального удара; выживальщики откололись и образовали независимую группу. Теперь в организации остались только адвентисты.

— Удар очистил организацию. Это хорошо.

— Раз ты здесь, то ты наверняка адвентист.

Но ты, похоже, не в курсе событий. Ты здесь сам по себе?

— Мой единственный контакт — другой соратник, но он мне не дал ничего, кроме адреса в Интернете. Я еле-еле сам спасся после того ужасного разгрома.

— Ты отлично продемонстрировал свою способность к выживанию в эпоху Цинь Шихуаньди.

Ньютон огляделся:

— Здесь безопасно?

— Конечно. Мы находимся на самом дне многоуровневого лабиринта; нас практически невозможно обнаружить. Если даже кто-то прорвется сюда, он не сможет отследить наше местонахождение. Из соображений безопасности организация изолировала ячейки и свела контакты к минимуму. Нам нужны место для встреч и буферная зона для новых членов. Здесь безопаснее, чем в реальном мире.

— Ты заметил, что атаки на наше Общество в реальном мире значительно ослабели?

— Наш противник умен. Он знает, что Общество — это единственный способ получить разведывательные данные о Господе, а также единственная возможность добраться до технологии, которую нам передает Господь — даже если такой шанс

невелик. Именно поэтому он позволяет нам в какой-то мере продолжать существование. Но я думаю, что он об этом пожалеет.

— Господь не настолько хитер. Он даже не понимает, что такое быть хитрым.

— Следовательно, он нуждается в нас. Очень на руку, что Общество по-прежнему существует. Надо как можно скорее сообщить всем соратникам.

Ньютон забрался на лошадь.

— Хорошо. Мне пора. Как только уверюсь, что здесь на самом деле безопасно, зайду на более долгое время.

— Даю гарантию: здесь абсолютно безопасно!

— Если так, то в следующий раз соберется больше людей. До свидания.

Ньютон рванул с места и умчался. Ко времени, когда топот копыт стих, небольшое солнце превратилось в летящую звезду, и на мир опустился полог ночи.

* * *

Ло Цзи расслабленно лежал на кровати и полусонными глазами следил, как женщина одевается после душа. Солнце стояло уже высоко. Оно просвечивало сквозь оконные занавеси. На их фоне женщина выглядела темным силуэтом, словно в

сцене из какого-то черно-белого фильма, название которого он позабыл. Но сейчас было важнее вспомнить ее имя. Как же ее зовут? Так, спокойно. Сначала фамилия. Если бы ее звали Чжан, то она была бы Чжан Шань. Или она Чэнь? Тогда Чэнь Цзинцзин… нет, так звали других его женщин. Ему пришла идея посмотреть в телефоне, но телефон лежал в кармане, а одежда валялась на ковре. Да и в любом случае они были знакомы недолго, и он не успел записать ее номер в телефон. Главное сейчас было не спрашивать напрямую, как он однажды поступил — с катастрофическими последствиями. Он повернулся к телевизору, который она включила и оставила, приглушив звук. Показывали сессию Совета Безопасности ООН; люди заседали за большим круглым столом. Впрочем, это уже был не Совет Безопасности, но Ло Цзи не помнил его нового названия. Он совсем не следил за политикой.

— Сделай погромче, — попросил он. Без нежного обращения его слова прозвучали сухо, но сейчас ему было не до того.

— Можно подумать, тебе и впрямь интересно. — Она сидела и расчесывала волосы. Звук она так и не прибавила.

Ло Цзи протянул руку к прикроватной тумбоч-

ке, взял сигареты и зажигалку и закурил. Высунув ноги из-под полотенца, он с удовлетворением пошевелил большими пальцами.

— Вы только посмотрите на него! И он еще называет себя ученым! — Она наблюдала за ним в зеркале.

— Молодым ученым, — поправил он, — у которого не бог весть сколько достижений. Но это потому, что я лентяй. У меня на самом деле много идей. Иногда я за одно мгновение могу понять то, на что у других уходит вся жизнь. Веришь или нет, однажды я чуть было не стал знаменитостью!

— Из-за той «субкультуры», которую ты изучал?

— Нет, не из-за нее. Тогда я работал еще над одним проектом. Я основал космическую социологию.

— Что?

— Это социология инопланетян.

Она хихикнула, отложила расческу и взялась за макияж.

— Разве ты не знаешь, что многие ученые жаждут славы? Вот и я мог бы стать звездой.

— Ученых, изучающих инопланетян, сегодня пруд пруди.

— Это случилось только после того, как вся эта ерунда повылезала, — Ло Цзи указал на телевизор. На экране показывали большой стол и заседающих за ним людей. Что-то уж больно долго они мусолят этот сюжет. Прямая трансляция, что ли? — Раньше ученые не изучали инопланетян. Они стяжали себе славу, копаясь в кучах старых бумаг. Но потом публике надоела эта культурная некрофилия «старой гвардии»; я появился как раз в это время. — Он протянул обнаженные руки к потолку. — Космическая социология, инопланетяне и множество инопланетных рас. Больше, чем людей на Земле — десятки миллиардов! Ведущий той телепрограммы — «Аудитория» — хотел, чтобы я принял участие в нескольких передачах, но потом все это случилось на самом деле, а потом… — Он нарисовал кружок пальцем и вздохнул.

Она не слишком прислушивалась, читая субтитры на экране телевизора.

— «Мы не исключаем никаких вариантов в отношении эскапизма…» — что это значит?

— Кто выступает?

— Похоже, что Карнов.

— Он говорит, что нужно бороться с эскапизмом так же жестко, как и с ОЗТ, и что любого,

строящего Ноев ковчег, нужно треснуть ракетой по башке.

— Это и в самом деле звучит жестко.

— Нет, — заверил ее Ло Цзи. — Это самая мудрая стратегия. Я уже давно это понял. И даже если дело не дойдет до бомб, все равно никто никуда не полетит. Ты читала книгу Лян Сяошэна «Плавучий город»?

— Нет, не читала. Это ведь старая книга?

— Верно. Я читал ее еще ребенком. Шанхай должен вскоре погрузиться в океан. Группы людей обходят дома, конфискуют и уничтожают спасательные круги, чтобы никто не выжил, раз уж суждено погибать всем. Помню, там была маленькая девочка, которая привела людей к одному из домов и закричала: «Вот у них есть!»

— Такие козлы, как ты, всегда считают общество мусорной свалкой.

— Чушь собачья. Экономика зиждется на инстинктивном стремлении человека к наживе и существовать без него не может. В социологии пока нет подобного основополагающего принципа, но когда такой принцип найдут, он может оказаться даже еще неприятнее, чем в экономике. Правда всегда поднимает тучи пыли. Ну, допустим, небольшое количество людей улетит

в космос — и что? С чего бы нам вообще гнать волну по этому поводу?

— По какому поводу?

— Зачем был нужен Ренессанс? Великая хартия вольностей? Французская революция? Если бы человечество было по-прежнему поделено на классы и удерживалось в них железной рукой закона, то те, кому положено, улетели бы, а те, кому полагалось остаться, остались бы. Во время династий Мин или Цин я бы улетел, а ты бы осталась. Но сейчас так не получится.

— Я не возражала бы, если бы ты улетел прямо сейчас.

И это, собственно, было правдой. Они достигли момента добровольного расставания. Ло Цзи всегда мог подгадать время такого окончания отношений со всеми своими любовницами — ни слишком рано, ни слишком поздно. На этот раз он был особенно удовлетворен своим контролем над процессом. Они были знакомы всего неделю, и расставание шло гладко, элегантно, будто сброс отработавшей ступени у ракеты.

Он вернулся к предыдущей теме.

— А знаешь, это не мне пришло в голову основать космическую социологию. Хочешь знать, кому? Я скажу только тебе одной, так что не

бойся.

— Без разницы. Я и так не верю большей части твоей болтовни, кроме одной вещи.

— Э-э… ладно, забудь. Какой еще вещи?

— Поднимайся. Я проголодалась. — Она подобрала его одежду с ковра и бросила на постель.

Они позавтракали в главном ресторане отеля. Народ за столиками вокруг них выглядел озабоченно, и порой они слышали обрывки разговоров. Ло Цзи не прислушивался специально, однако сам себе казался подобием фонарика в летнюю ночь — разрозненные слова слетались к нему, будто мотыльки, кружащие вокруг огня. Эскапизм, общественный доступ к технологии, ОЗТ, переход к военной экономике, база на экваторе, изменения в уставе, СОП, околоземный периметр предупреждения и обороны, независимый объединенный режим…

— Жизнь стала серой, не так ли? — сказал Ло Цзи. Он закончил нарезать яйцо и положил вилку.

Она кивнула:

— Точно. Вчера я видела по телевизору какую-то игру для идиотов. Руки на звонках. — Она указала вилкой на Ло Цзи и, подражая телевизионной ведущей, протараторила: — «За сто двадцать лет

до конца света будет жить ваше тринадцатое поколение — верно или неверно?»

Ло Цзи снова взялся за вилку и покачал головой:

— Никакое мое поколение в те годы жить не будет. — Он сложил руки, как в молитвенном жесте. — Линия моей семьи закончится на мне.

Она пренебрежительно фыркнула:

— Ты интересовался, каким из твоих слов я верю. Вот этим. Я слышала их от тебя и раньше. Такой уж ты человек.

И поэтому она решила его бросить? Он не хотел спрашивать, опасаясь скандала; но она, словно читая мысли, пояснила:

— Я тоже такой человек. Раздражает видеть свои черты в других людях.

— Особенно в других людях противоположного пола, — кивнул Ло Цзи.

— Но если ты нуждаешься в оправдании, то это вполне ответственное поведение.

— Какое поведение? Не иметь детей? Конечно. — Ло Цзи указал вилкой на людей вокруг, обсуждающих перемены в экономике. — Знаешь ли ты, какая жизнь уготована их потомкам? Они целыми днями будут вкалывать на верфях — космических верфях, — а потом с бурчащими

животами выстаивать очередь в столовой с подносами в руках в ожидании своего половника жидкой каши… После чего к ним воззовут: «Ты нужен Дяде Сэму!»… ах нет, это будет «Ты нужен Земле» — и вперед, ищи славы на военной службе.

— Твое описание больше подходит поколению Судного дня.

— Уйти на пенсию и встретить конец света. Как печально. Кроме того, дедушки и бабушки последнего поколения наверняка будут голодать. Но даже такое будущее маловероятно. Посмотри, как упрямы земляне. Спорю, что они будут сопротивляться до конца. Так что вопрос лишь в том, каким именно образом они в конце концов откинут копыта.

Позавтракав, они вышли из гостиницы в теплые объятия утреннего солнца. Воздух опьянял своей сладостью.

— Мне надо научиться жить. Жалко будет, если так и не научусь, — сказал Ло Цзи, рассматривая проносящиеся мимо автомобили.

— Нам не суждено этому научиться, — ответила она, высматривая такси.

— Тогда… — Ло Цзи вопросительно посмотрел на нее. Видимо, ему не понадобится вспоминать

ее имя.

— Прощай. — Она кивнула; затем они пожали руки и коротко поцеловались.

— Может быть, еще встретимся. — Он пожалел об этих словах, как только произнес их. До сих пор все шло замечательно, зачем рисковать скандалом? Но волноваться не стоило.

— Вряд ли. — Она быстро повернулась, и сумка на ее плече лихо описала в воздухе круг. Позже эта деталь неоднократно всплывала в его памяти; он пытался понять, было ли действие преднамеренным. Это была приметная сумка LV; он и раньше неоднократно подмечал это движение у своей безымянной подружки: когда та резко поворачивалась, сумка совершала фигуры высшего пилотажа будто бы сама собой. Но на этот раз злосчастный аксессуар полетел прямо ему в лицо. Пытаясь уклониться, Ло Цзи отступил на шаг назад, споткнулся о пожарный гидрант и упал навзничь.

Падение спасло ему жизнь.

В это время на дороге прямо перед ними две машины столкнулись лоб в лоб; не успел затихнуть звук удара, как еще один автомобиль — «Фольксваген Поло» — резко свернул, чтобы объехать аварию, и понесся туда, где стояла пара.

Упав, Ло Цзи успешно избежал столкновения; лишь передний бампер «Фольксвагена» задел его ногу — ту, что была в воздухе. Толчок развернул упавшего Ло на девяносто градусов, лицом к багажнику машины. Он не слышал глухого удара, но увидел, как тело женщины перелетело через крышу автомобиля, рухнуло на дорогу, словно тряпичная кукла, покатилось по земле, оставляя кровавый след… Казалось, будто этот след внезапно наполнился неким глубоким смыслом. Ло Цзи вперился взглядом в ужасный символ и наконец вспомнил ее имя.

* * *

Невестка Чжан Юаньчао должна была вот-вот родить. Ее отвезли в родильную палату. Остальная семья собралась в комнате ожидания. Там был телевизор, показывавший, как правильно ухаживать за роженицей и за новорожденным. От всей обстановки на Чжан Юаньчао веяло такими теплом и добротой, с какими он до сих пор не встречался. Это были остатки комфорта закончившегося Золотого века, разъедаемые постоянно углубляющимся кризисом.

Вошел Ян Цзиньвэнь. Первой мыслью Чжан Юаньчао было, что он пользуется шансом попра-

вить их отношения. Но выражение на лице Ян Цзиньвэня сказало ему, что дело в другом. Без единого слова приветствия Ян Цзиньвэнь вывел его из комнаты ожидания в коридор и спросил:

— Ты и в самом деле купил акции фонда Исхода?

Чжан Юаньчао проигнорировал его и направился обратно, как бы говоря «Не твое дело».

— Вот взгляни, — Ян Цзиньвэнь сунул ему в руки газету. — Сегодняшняя.

Перед глазами Чжан Юаньчао появился набранный крупным шрифтом заголовок:

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕССИЯ ООН ОДОБРЯЕТ РЕЗОЛЮЦИЮ 117
И ОБЪЯВЛЯЕТ ЭСКАПИЗМ ВНЕ ЗАКОНА

Чжан Юаньчао внимательно прочитал начало статьи под заголовком.

Подавляющим большинством голосов специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН приняла резолюцию, объявляющую эскапизм нарушением международных законов. Резолюция в резких выражениях осудила раскол и волнения, которые разжег в обществе эскапизм, и представила его в глазах закона как преступление против человечества. Резолюция призвала государства

— члены ООН к скорейшему принятию законодательства для пресечения эскапизма.

Китайский делегат в своем заявлении повторил позицию своего правительства по эскапизму и сообщил, что Китай полностью поддерживает резолюцию ООН номер 117. Он передал обещание китайского правительства немедленно начать работу над законодательством и принять эффективные меры по прекращению распространения эскапизма. Он завершил свое выступление словами: «Нам нужно ценить единство и солидарность международного сообщества в эти кризисные времена и поддержать предложенный сообществом принцип равных прав на выживание для всего человечества. Земля — наш общий дом, и мы ее не бросим».

— Почему… почему они это сделали? — запинаясь, пролепетал Чжан Юаньчао.

— А разве неясно? Подумай немного, и ты поймешь, что Исход в космос был невозможен с самого начала. Основной вопрос: кто полетит, а кто останется? Это не простое неравенство, это вопрос выживания. Неважно, кто улетит — элита, богатые или простые люди. Если кого-то бросят, это будет означать крушение человеческой системы ценностей, всей суммы человеческой

этики. У прав человека и у равноправия глубокие корни. Неравенство в выживании — это наихудший вид неравенства. Ни отдельные люди, ни целые народы, которых собираются оставить за кормой, ни за что не будут сидеть на месте и дожидаться смерти, если другие могут спастись. Начнутся серьезнейшие столкновения между обеими сторонами; мир будет ввергнут в хаос — и тогда никто не улетит. Резолюция ООН вполне разумна. Сколько ты потратил, Лао Чжан?

Чжан Юаньчао схватился за телефон. Он звонил Ши Сяомину, но номер не отвечал. Под ним подкосились ноги; он сполз по стене и сел на пол. Он потратил 400 000 юаней[78].

— Звони в полицию! Этот мальчишка Ши кое-чего не знает: у Лао Мяо есть рабочий телефон его отца. Никуда этот мошенник не денется!

Но Чжан Юаньчао лишь застыл на месте, качая головой. А потом со вздохом произнес:

— Ладно, его мы найти можем. Но денег-то уже и след простыл! Что я скажу своей семье?

Послышался детский плач, а потом медсестра выкрикнула:

— Номер девятнадцать, мальчик!

---

[78] Примечания: 78

Приблизительно соответствует 65 000 долларам США на начало 2015 года. (*Прим. Дж. М.*)

Чжан Юаньчао поспешил в комнату ожидания, забыв обо всем остальном.

За те тридцать минут, что они провели в комнате ожидания, родились десять тысяч младенцев. Их совместный плач был как гигантский хор. Золотой век, добрые времена, которые начались в 1980-х и продолжались вплоть до кризиса, остались в прошлом. Впереди ждали годы испытаний.

* * *

Ло Цзи знал только то, что его заперли в маленькой комнатке в подвале. Подвал был глубоким; спуск на лифте занял много времени, пока устаревший механизм с ручным управлением не отсчитал десять этажей вниз. Десять этажей! Он снова осмотрел комнату. Постель на одного, простая обстановка и старый деревянный письменный стол создавали впечатление, что это помещение охраны, а не камера для заключенных. Ясно, что здесь давно никто не жил. В комнату принесли свежее постельное белье, но мебель оставалась грязной и пахла пылью.

Дверь открылась, и вошел приземистый человек среднего возраста. Он устало кивнул Ло Цзи.

— Доктор Ло, я пришел составить вам компа-

нию. Вы прибыли недавно, так что вряд ли уже лезете на стенку.

«Прибыли недавно». Фраза резанула слух; «вас сюда засунули» было бы намного точнее. У Ло Цзи сжалось сердце. Его догадка подтверждалась. Доставившие его сюда люди были вежливы, но он, очевидно, находился под арестом.

— Вы полицейский?

Вошедший кивнул:

— Был раньше. Меня зовут Ши Цян.

Он присел на кровать и достал пачку сигарет. «В этой закрытой комнате некуда деваться дыму», — подумал Ло Цзи, но не посмел произнести вслух. Как бы читая его мысли, Ши Цян осмотрелся и сказал:

— Где-то должна быть вытяжка.

Он дернул за шнурок возле двери. Загудел вентилятор. Такие выключатели со шнурком были редкостью. Ло Цзи также обратил внимание на старый, покрытый пылью телефон с диском, валяющийся в углу. Ши Цян предложил сигарету, Ло Цзи неуверенно взял ее.

Когда они закурили, Ши Цян предложил:

— Еще рано. Поболтаем?

— Спрашивайте, — понурившись, ответил Ло Цзи и выдохнул облако дыма.

— О чем спрашивать? — Ши Цян с удивлением посмотрел на Ло Цзи.

Ло Цзи вскочил с постели и отбросил сигарету:

— Да как вы можете меня подозревать? Ведь понятно же, что это был всего лишь несчастный случай! Два автомобиля столкнулись, и она попала под третий, который объезжал место аварии. Это же ясно как день! — Он развел руками, не находя слов.

Ши Цян поднял голову и взглянул на него. Усталые глаза внезапно оживились, и за его обычной улыбкой проглянуло коварство опытного полицейского.

— Это ты сказал, не я. Мое начальство хочет, чтобы я помалкивал; да я ничего и не знаю. Подумать только, а я боялся, что нам не о чем будет поговорить! Присаживайся.

Ло Цзи остался стоять. Он подошел поближе к Ши Цяну и продолжил:

— Я знал ее только неделю. Мы встретились в баре около университета. Я даже не помнил ее имени, когда произошел несчастный случай. Скажите, что такого могло быть между нами, чтобы навести вас на подобные мысли?

— Ты даже не мог вспомнить, как ее зовут? Понятно, почему тебя не волнует ее смерть. Я

знаю еще одного гения, такого же, как ты. — Он усмехнулся. — У доктора Ло не жизнь, а сказка! Стоит ему только свистнуть — и прибежит новая женщина. Да еще какая!

— Разве это преступление?

— Нет, конечно. Просто завидую. Я завел для себя одно правило: не читать никому мораль. Парни, с которыми мне приходится общаться, народ серьезный. Если бы я стал допекать их, типа «Посмотри, что ты наделал! Подумай о родителях, об обществе...» и так далее, то мог бы с тем же успехом просто съездить им по физиономии.

— Я хотел бы поговорить о ней, офицер Ши. Вы на самом деле верите, что я ее убил?

— Посмотри-ка на него, сам вопрос поднимает! Даже говорит, что мог бы убить ее! Да мы просто так болтаем. Куда ты спешишь? Ясно же, что ты в этих делах новичок.

Ло Цзи пристально глядел на Ши Цяна. Несколько мгновений в комнате стояла тишина, не считая гудения вентилятора. Затем Ло Цзи рассмеялся и подобрал свою сигарету.

— Ло, дружище, — заговорил Ши Цян. — Ло, мальчик мой. Нас свела судьба. Знаешь ли, я работал над шестнадцатью делами, которые закончились высшей мерой. Девятерых преступ-

ников из их числа я лично отвел на расстрел.

Ло Цзи сунул свою сигарету Ши Цяну:

— Я не позволю вам отвести меня на расстрел. Будьте добры, известите моего адвоката.

— Отлично, мой мальчик, — Ши Цян похлопал Ло Цзи по плечу. — Я люблю решительных людей. Он подобрался поближе и сквозь облако дыма продолжил: — С тобой всякое может произойти, но этот случай, в самом деле… — Он умолк. — Вообще-то я здесь, чтобы тебе помочь. Знаешь анекдот? «По пути к эшафоту осужденный жалуется, что скоро пойдет дождь. А палач ему отвечает: «Тебе-то чего волноваться? Ведь это нам придется мокнуть на обратном пути!» Нам обоим нужно вот такое настроение, чтобы справиться с тем, что нам предстоит. Ну ладно. У нас еще есть немного времени, прежде чем мы отправимся. Почему бы не поспать?

— Отправимся? — Ло Цзи снова уставился на Ши Цяна.

В дверь постучали. Вошел молодой человек с проницательными глазами. Он поставил на пол чемодан.

— Капитан Ши, планы поменялись. Мы отбываем прямо сейчас.

* * *

Чжан Бэйхай тихо открыл дверь в больничную палату, где лежал его отец. Тот полусидел в постели, опираясь на подушку, и выглядел лучше ожиданий. Золотистые лучи заходящего солнца светили через окно и придавали лицу больного немного более здоровый вид; он был не так похож на умирающего. Чжан Бэйхай повесил фуражку на вешалку у двери и присел на стул возле постели. Он не спрашивал о самочувствии: старый солдат не ответил бы честно; да Бэйхай и не хотел честного ответа.

— Папа, я теперь служу в космических силах.

Больной кивнул, но ничего не сказал. Для отца и сына в безмолвном ответе содержалось больше информации, чем в словах. В молодости отец воспитывал сына в основном молчанием, а не разговорами. Слова служили лишь знаками препинания между паузами. Именно его немногословный отец воспитал Чжан Бэйхая тем человеком, каким он сегодня был.

— В точности, как вы полагали, они создают космический флот на основе военно-морского. Они думают, что бои в космосе будут и в теории и на практике похожи на морские сражения.

Отец кивнул:

— Очень хорошо.

— Так что же мне следует делать?

«И вот наконец я спросил об этом, папа. Я провел бессонную ночь, собираясь с мужеством, чтобы задать этот вопрос. Даже сейчас, перед встречей с вами, я колебался, потому что знаю: этот вопрос разочарует вас больше любого другого. Помню, когда я закончил школу и поступил во флот курсантом, вы сказали мне: «Бэйхай, тебе предстоит долгая дорога. Я это говорю потому, что все еще могу легко понимать тебя, а это значит, что ты еще незрелый человек. Твой разум еще прост и недостаточно тонок. Однажды наступит день, когда я не смогу читать твои намерения или понимать тебя, но ты легко сможешь понять меня. Вот тогда ты наконец станешь взрослым». Прошло время, я вырос, как вы и говорили, и вы больше не можете запросто понимать своего сына. Я знаю, что вам от этого грустно. Но ваш сын и в самом деле становится таким человеком, каким вы хотели его видеть. Не особенно любимым другими, но способным добиться успеха в сложном и опасном мире военно-морского флота. То, что я задаю этот вопрос, означает, что уроки, которые вы мне давали на протяжении трех десятков лет,

в переломный момент оказались бесполезны. Но, папа, все равно ответьте мне. Ваш сын не так хорош, как вам казалось. Ответьте мне один-единственный раз».

— Подумай еще, — сказал отец.

«Хорошо, папа. Вы дали мне свой ответ. Этими двумя словами вы сказали очень много — больше, чем можно было уместить в двадцать тысяч слов. Поверьте, я слушаю их всей душой, но мне нужно, чтобы ваш ответ был яснее. Он слишком важен».

— А после того как я подумаю? — спросил Чжан Бэйхай, обеими руками вцепившись в простыню. Его лоб и ладони вспотели.

«Папа, простите. Если я уже разочаровал вас, то позвольте мне еще разок побыть ребенком».

— Бэйхай, я могу только посоветовать тебе подумать, долго и тщательно, — ответил его собеседник.

«Спасибо, папа. Ваш ответ ясен, и я его понял».

Чжан Бэйхай отпустил простыню и прикоснулся к костлявой руке больного:

— Папа, я больше не выйду в море. Я буду часто приходить к вам.

Отец улыбнулся, но покачал головой:

— У меня нет ничего серьезного. Занимайся своей работой.

Они поговорили еще — сначала о семейных делах, а потом об организации космических сил. Отец высказал множество собственных предложений, в том числе дал совет по будущей работе Чжан Бэйхая. Они представили себе формы и размеры боевых космических кораблей, обсудили оружие для войны в космосе и даже затронули правоту гипотезы, что теория морских сражений Мэхэна применима к сражениям в космосе[79].

Но в их разговоре было мало существенного. Это была просто словесная прогулка отца и сына. Все самое важное заключалось в трех фразах, которыми обменялись их сердца:

«Подумай еще».

«А после того как я подумаю?»

«Бэйхай, я могу только посоветовать тебе подумать, долго и тщательно».

Чжан Бэйхай попрощался с отцом. Уже выходя из палаты, обернулся на пороге. Солнечный свет угас, и молодой офицер хотел взглянуть на отца,

---

[79] Примечания: 79

Альфред Тэйер Мэхэн (англ. Alfred Thayer Mahan; 1840–1914) — американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал, один из основателей геополитики. Среди основных положений его теории «морской силы» как основы военной мощи государства есть такие принципы: оборона своих берегов начинается у берегов противника; война решается генеральным сражением. Теория Мэхэна не потеряла своей актуальности до сих пор, хотя и подвергается критике. (*Прим. перев.*)

лежащего в тени. В сумраке его глаза высмотрели одно последнее пятно света на противоположной стене. Хоть оно тоже должно было вскоре погаснуть, в это время заходящее солнце красивее всего. Последние лучи заката падали на волны, прокатывающиеся по сердитому океану. Копья света пробивались через разрозненные облака и расцвечивали воду громадными золотистыми пятнами, как лепестками, упавшими с небес. А дальше, за лепестками, над миром, темным как ночь, собирались густые тучи. Грозовые облака висели между небом и землей словно занавес богов. Время от времени вспышки молний освещали снежно-белую морскую пену, срывавшуюся с верхушек волн. Посреди одного такого золотистого пятна виднелся эсминец, с трудом поднимавший нос из впадины между волнами. С оглушающим грохотом он прорвался сквозь волну, и водяная пыль, словно гигантская птица Рок, протянувшая к небу свои огромные, блестящие крылья, жадно впитала свет.

Чжан Бэйхай надел фуражку с эмблемой китайских космических сил и подумал: «Папа, мы мыслим одинаково. В этом мне повезло. Я не принесу вам славы, но я принесу вам покой».

* * *

— Господин Ло, пожалуйста, переоденьтесь вот в это, — попросил молодой человек, опустившись на корточки, чтобы открыть принесенный им чемодан. Хоть мужчина и вел себя исключительно вежливо, Ло Цзи чувствовал какое-то неудобство, как если бы проглотил муху. Но когда он увидел извлеченную из чемодана одежду, то понял, что ему предлагают не униформу заключенного: на вид это был обычный коричневый пиджак. Ло Цзи взял его и стал рассматривать плотную материю. Ши Цян и его коллега надели похожие пиджаки, только других цветов.

— Надевай, — поторопил его Ши Цян. — Он удобный, и ткань дышит. Не то что старые модели, которые нам приходилось таскать. У тех подкладка прилипала к телу.

— Пуленепробиваемый, — отметил молодой человек.

«Они что, боятся, что меня убьют? Да кому оно нужно?» — подумал Ло Цзи, переодеваясь.

Все трое вышли из комнаты и направились по коридору к лифту. Под потолком змеились прямоугольные короба вентиляции; они прошли мимо нескольких прочных, герметично закрытых

дверей. Ло Цзи заметил полустертую надпись на стене. Виднелась только ее часть, но он знал этот лозунг целиком: «Рой глубокие туннели, копи зерно, не стремись к господству над другими»[80].

— Гражданская оборона? — спросил он.

— Не обычная. Это противоатомное убежище, но оно уже устарело. А в те годы нужно было быть птицей высокого полета, чтобы сюда попасть.

— Значит, мы на… Западных холмах? — задал вопрос Ло Цзи, но его спутники не ответили. Ло Цзи слышал об этом секретном центре управления. Они вошли в древний лифт и начали подниматься, сопровождаемые ужасным скрежетом металла. Лифтером был солдат вооруженной полиции. Он, похоже, впервые стоял на этом посту — ему пришлось повозиться с кнопками и рычагами, прежде чем лифт добрался до минус первого этажа.

Выйдя из кабинки, Ло Цзи увидел, что они находятся в большом зале с низким потолком — подземном гараже. Здесь стояло множество автомобилей; у некоторых работали двигатели,

---

[80] Примечания: 80

Под городами Китая с конца 1960-х годов строили огромные подземные лабиринты для защиты от вражеского нападения. Лозунг был придуман на основе совета, данного основателю династии Мин. Он затем был опубликован в новогоднем выпуске газеты «Жэньминь жибао» в январе 1973 года как указание от Мао Цзэдуна. (*Прим. Дж. М.*)

отравляя выхлопом атмосферу. Вдоль рядов машин и между ними ходили люди. Единственный фонарь висел в дальнем углу; зал тонул в полумраке, и людей было трудно разглядеть — только когда они проходили мимо фонаря, становилось видно, что это вооруженные до зубов солдаты. Некоторые из них кричали в рации, пытаясь быть услышанными среди рева моторов. Их голоса звучали возбужденно.

Ши Цян повел Ло Цзи между двумя рядами автомобилей; его сотрудник шел позади. Фонарь и красные габаритные огни, чередуясь, подсвечивали Ши Цяна непрерывно меняющимся цветным узором, и это напомнило Ло Цзи о полутемном баре, в котором он встретил свою недавнюю подругу.

Ши Цян подвел Ло Цзи к одному из автомобилей, открыл дверь и помог ему сесть. Салон был просторным, но маленькие окна с тонированными стеклами глубоко утопали в необыкновенно толстых стенках. Этой машине не был страшен даже взрыв бомбы. Дверь осталась распахнутой, и Ло Цзи услышал разговор между Ши Цяном и молодым человеком.

— Капитан Ши, они только что позвонили и сказали, что проверили весь маршрут. Снайперы

заняли позиции.

— Маршрут слишком сложный. Нам удалось только пару раз попрактиковаться — прогнать из конца в конец. Маловато для полного спокойствия. И насчет позиций охраны… Я ведь уже говорил: ты должен думать, как *они*. Где бы ты устроил засаду, если бы оказался на их стороне? Еще раз попроси совета у спецназа. Эй, а где план передачи?

— Они не сказали.

Ши Цян повысил голос:

— Идиоты! Они не имеют права пустить такую важную часть задачи на самотек!

— Капитан Ши, похоже, начальство хочет, чтобы мы осуществляли сопровождение до самого конца пути.

— Да я готов осуществлять его хоть до конца жизни, но раз на том конце должна произойти передача, то необходимо однозначное разграничение обязанностей. Нужна черта. Все, что случится до этой черты, — на нас. После — на них.

— Они не сказали… — Молодой человек чувствовал себя некомфортно.

— Чжэн, я понимаю — ты не рад тому, что вынужден делать с тех пор, как Чан Вэйсы по-

шел на повышение. Проклятье, мы как будто не существуем для его недавних подчиненных! Но должно же у нас быть хоть какое-то самоуважение! Кем, черт побери, они себя считают? Они бывали под огнем противника? Стреляли по кому-нибудь сами? В последней операции эта команда привлекла так много технической поддержки, просто цирк какой-то! Даже самолет дальнего радиолокационного обнаружения задействовали. Но кто в результате нашел место, где собирались подонки из ОЗТ? Мы! Этим мы заработали кое-какие очки. Чжэн, понадобилось множество уговоров, чтобы перевести вас всех сюда, но боюсь, как бы вам это не вышло боком.

— Капитан Ши, не говорите так.

— С этим миром не все в порядке. Ты понимаешь? Мораль уже не та, что раньше. Все обвиняют в своих неудачах других, так что держи ушки на макушке! Говорю об этом потому, что не уверен, сколько еще я смогу продержаться. Боюсь, все это может свалиться на твою бедную голову.

— Капитан Ши, вам нужно серьезно задуматься о своем заболевании. Разве начальство не вписало вас в очередь на анабиоз?

— Сначала мне нужно о многом позаботиться. Семья, работа. И ты думаешь, что меня не волнует

ваша судьба?

— Не беспокойтесь о нас. В вашем состоянии нельзя надолго откладывать гибернацию. Ваши десны опять кровоточили сегодня утром…

— Пустяки. Мне везет, ты же знаешь. В меня стреляли из трех пистолетов, и все три были неисправны.

Автомобили в конце зала начали выезжать. Ши Цян сел в машину и захлопнул дверь. Они поехали за машиной, стоявшей по соседству. Ши Цян задвинул занавески на боковых окнах, и непрозрачная перегородка между передним и задним сиденьями полностью закрыла для Ло Цзи вид наружу. Пока они ехали, рация Ши Цяна постоянно трещала, но Ло Цзи не понимал, ни что они говорят, ни что им отвечает Ши Цян.

Они проехали немного, и Ло Цзи признал:

— Все еще сложнее, чем вы говорили.

— Ну да. Теперь все сложно, — машинально ответил Ши Цян. Его внимание было приковано к рации. Больше они не разговаривали.

Поездка шла плавно и без остановок, и примерно через час они приехали.

Ши Цян вылез из машины, велел Ло Цзи ждать внутри и закрыл дверь. Ло Цзи слышал доносящийся сверху рокот. Через несколько минут Ши

Цян снова открыл дверь и выпустил Ло Цзи наружу. Тот понял, что они на аэродроме. Рев стал оглушительным. Он посмотрел вверх и увидел два вертолета, висящих в воздухе и развернутых в противоположных направлениях, как если бы они следили за окружающей территорией. Прямо перед ним возвышался большой самолет, похожий на пассажирский; но, насколько он мог видеть, на нем не было никаких эмблем. Непосредственно от двери автомобиля ко входу в самолет вел трап; Ши Цян и Ло Цзи тут же поднялись по нему. Наверху Ло Цзи обернулся и заметил ряды истребителей на стоянке вдали. Это был военный аэродром. Ближе стояли машины конвоя, доставившего его сюда. Солдаты вышли из машин и оцепили самолет. В лучах заходящего солнца тень самолета на взлетно-посадочной полосе вытянулась, словно гигантский восклицательный знак.

Ло Цзи и Ши Цян вошли внутрь. Три человека в черных костюмах встретили их и провели через пустой салон первого класса. В среднем салоне Ло Цзи обнаружил довольно большой кабинет и еще несколько помещений. В полуоткрытую дверь он увидел, что одно из них — спальня. Мебель была непримечательной, но приличной и добротно

сработанной. Если бы не зеленые ремни безопасности на каждом кресле и на диване, было бы трудно поверить, что он в самолете. Ло Цзи знал, что в стране было очень немного чартерных самолетов такого класса.

Двое из троих сопровождающих прошли через дверь в хвостовой салон. Оставшийся, самый молодой, сказал:

— Садитесь, где хотите, но обязательно пристегивайтесь — не только при взлете и посадке, но и в течение всего полета. Если ляжете спать, тоже пристегивайтесь. Ничего не оставляйте лежать свободно. Все время оставайтесь в своем кресле или в кровати. Если вам будет необходимо встать, сначала сообщите капитану. Нажмите вот эту кнопку и говорите. Кнопки есть возле каждого кресла и каждой кровати. Если вам что-нибудь понадобится, вызывайте нас в любое время.

Ло Цзи недоуменно посмотрел на Ши Цяна. Тот пояснил:

— Самолет может выполнить кое-какие специальные маневры.

Сопровождающий согласно кивнул:

— Точно. Пожалуйста, дайте мне знать, если у вас возникнут какие-либо вопросы. Меня зовут Сяо Чжан. Когда мы взлетим, я принесу вам обед.

После ухода Сяо Чжана Ло Цзи и Ши Цян сели на диван и пристегнулись. Ло Цзи осмотрелся. За исключением круглых иллюминаторов и слегка изогнутых стен, комната выглядела настолько стандартно и привычно, что было немного странно пристегиваться ремнями в обычном офисе. Но вскоре гул и вибрация двигателей напомнили ему, что он в самолете, маневрирующем по летному полю. А еще через несколько минут звук моторов изменился, и обоих путешественников вдавило в спинку дивана. Затем дрожь взлета пропала, и пол офиса наклонился. По мере набора высоты солнце, уже скрывшееся за горизонтом, снова осветило иллюминаторы. Это было то же самое солнце, чьи лучи десять минут назад в последний раз на сегодня заглянули в больничную палату отца Чжан Бэйхая.

* * *

К тому времени, когда самолет Ло Цзи достиг побережья, У Юэ и Чжан Бэйхай, десятью тысячами метров ниже, снова рассматривали незаконченный «Тан». Ло Цзи уже не суждено оказаться ближе к этим двум офицерам, чем сейчас.

Как и во время их предыдущего посещения, гигантский корпус «Тана» был скрыт вечерней

полутьмой. Каскады искр на обшивке не были столь многочисленны, и освещающие корабль прожекторы горели не так ярко. И на этот раз У Юэ и Чжан Бэйхай уже не служили во флоте.

— Я слышал, что Главный отдел вооружений решил остановить проект «Тан», — произнес Чжан Бэйхай.

— Какое это имеет отношение к нам? — холодно ответил У Юэ. Его глаза метались между «Таном» и последней полоской заходящего солнца.

— У тебя плохое настроение с тех самых пор, как ты перешел в космические силы.

— Ты знаешь почему. Ты всегда мог читать мои мысли, порой даже лучше, чем я сам; а потом ты растолковываешь мне, о чем именно я думаю.

Чжан Бэйхай повернулся к У Юэ.

— Ты подавлен тем, что присоединился к войне, которая, вне всяких сомнений, уже проиграна. Ты завидуешь тому последнему поколению, которое будет достаточно молодым, чтобы воевать и быть похороненным в космосе, вместе со всем флотом. Тебе трудно смириться с тем, что вся твоя жизнь будет потрачена на безнадежное предприятие.

— Есть что посоветовать?

— Нет. Технофетишизм и технологический триумфализм глубоко укоренились у тебя в уме.

Я уже давно понял, что не смогу тебя переделать. Я могу только уменьшить вред от такого образа мышления. Кроме того, я считаю, что человечество способно выиграть эту войну.

У Юэ забыл о своей маске холодности и посмотрел Чжан Бэйхаю в глаза.

— Бэйхай, ты всегда был прагматиком. Ты выступал против строительства «Тана» и неоднократно, под протокол, высказывал сомнения в необходимости океанского флота. Ты тогда утверждал, что он несовместим с преимуществами нашего положения. Ты полагаешь, что нашему флоту следует оставаться у берега, под защитой береговой артиллерии. Эту идею «панциря черепахи» высмеивала вся молодежь, но ты не сдавался. Так откуда же у тебя теперь такая уверенность в победе в космосе? Ты и впрямь веришь, что деревянные лодки могут потопить авианосец?

— После провозглашения независимости созданный на пустом месте флот воспользовался деревянными лодками, чтобы потопить эсминцы националистов. А ранее бывали случаи, когда наша армия посылала кавалерию против танков.

— Но ты же не можешь всерьез полагать, что подобные чудеса можно считать обычной воен-

ной теорией?

— На этом поле боя земной цивилизации не потребуется следовать обычной военной теории, — Чжан Бэйхай поднял палец. — Достаточно одного-единственного исключения.

У Юэ ответил ему насмешливой улыбкой.

— Хотелось бы знать, как ты устроишь это исключение.

— Я ничего не знаю о войне в космосе, конечно. Но если уж речь зашла об атаке деревянных лодок против авианосца, я полагаю, что достаточно смелости в действиях и уверенности в победе. В лодке может поместиться небольшая группа боевых пловцов. Они будут ждать на курсе авианосца. Когда авианосец приблизится, пловцы спустятся в воду, а лодка отойдет в сторону. Когда авианосец окажется совсем рядом, они прикрепят к корпусу мину и потопят корабль… Конечно, это будет очень трудно, но не невозможно.

У Юэ кивнул:

— Неплохо. Такие попытки известны. Во время Второй мировой войны британцы предложили этот метод как один из вариантов уничтожения «Тирпица»; но в их плане фигурировала небольшая подводная лодка. В 1980-х в войне за Мальвинские острова аргентинский спецназ

доставил итальянские магнитные мины в Испанию и попытался взорвать британский корабль, стоящий в гавани Гибралтара. Ты и сам знаешь, что произошло дальше[81].

— Но у нас не просто маленькая деревянная лодка. Можно изготовить ядерное устройство на одну или две тысячи тонн в тротиловом эквиваленте; оно будет достаточно портативным, чтобы один или два пловца могли с ним работать под водой. Подведи такую мину под авианосец, и он не просто утонет — его разнесет в пыль!

— Порой у тебя проклевывается отличное воображение, — с улыбкой сказал У Юэ.

— Я убежден в нашей победе. — Чжан Бэйхай посмотрел на «Тан». Далекие фонтаны искр электросварки отражались в его зрачках двумя

---

[81] Примечания: 81

Поскольку наверняка не все наши читатели знают, о чем речь, а эпизод был воистину замечательный, даже несколько комичный, расскажем. В состав частей особого назначения военно-морского флота Аргентины входит тактическая группа боевых пловцов. Все ее члены являются высококвалифицированными боевыми пловцами, специалистами подводного минирования, парашютистами, отлично подготовленными к диверсионным действиям в самых разных условиях. Эта группа принимала участие в англо-аргентинской войне. Эпизод,о котором упоминает У Юэ, — это неудачная попытка аргентинских боевых пловцов провести в мае 1982 года диверсии на английской военно-морской базе в Гибралтаре, в которой пополняли запасы военные суда и корабли, следовавшие в район Фолклендских островов. Для проведения операции из Буэнос-Айреса в Испанию обычным рейсовым самолетом в начале мая прибыла разведывательно-диверсионная группа боевых пловцов из четырех человек во главе с лейтенантом

Луисом Альберто Фернандесом. Группе была поставлена задача во что бы то ни стало, даже ценой собственной жизни, взорвать несколько английских военных кораблей и судов в районе Гибралтара в отместку за потопленный англичанами крейсер «Адмирал Бельграно». К операции были подключены военный и военно-морской атташе аргентинского посольства в Испании, которые снабдили группу четырьмя мощными магнитными диверсионными минами весом по 20 кг каждая, надувной лодкой с мощным навесным мотором и полным комплектом подводного снаряжения боевых пловцов. После прибытия в испанскую провинцию Кадис рядом с Гибралтаром группа разделилась на пары. Были сняты номера в фешенебельном отеле «Рио-Гранде» и несколько квартир в Малаге, взяты в аренду автомобили. В течение двух недель по ночам все четверо совершили несколько скрытных проникновений в Гибралтар с использованием надувной лодки, причем эти вторжения ни разу не были обнаружены береговой охраной. Эти вылазки позволили группе получить всю необходимую информацию для успешного проведения диверсий в Гибралтаре. Объем собранной группой информации и аренда квартир в районе, прилегающем к базе, указывают на то, что предполагалось проведение не одной, а нескольких операций с использованием других диверсионных групп, и не только на рейде и в порту, но и на складах боеприпасов в самой базе. Однако проведение операции 31 мая было совершенно случайно сорвано испанской полицией, которая за восемь часов до ее начала задержала командира, а затем и остальных членов группы, приняв их за обычных уголовников, торговцев наркотиками или террористов, соривших деньгами налево и направо. Когда задержали Фернандеса (не оказавшего никакого сопротивления), он спокойно и вежливо заявил полицейским, что является лейтенантом аргентинских ВМС, прибывшим в Испанию с секретной миссией по заданию специальной службы Аргентины. Несмотря на протесты аргентинца, испанская полиция, приняв его заявление за розыгрыш, провела обыск в его номере в гостинице, где обнаружила в чемоданах

четыре магнитные мины и легкие водолазные костюмы, а в стоявшей у отеля автомашине — надувную лодку с мотором, приборы ночного видения, баллоны с кислородом, подводные часы и компасы. В ходе допроса лейтенанта полицейские узнали адрес квартиры в Малаге, где находились еще два боевых пловца. В квартире были обнаружены четыре детонатора, которые хранились отдельно от мин, несколько карт акватории Гибралтара, глубинных течений района, записи наблюдений за движением судов в порту, вырезки из газет и прогноз погоды на 31 мая. Как раз 31 мая 1982 года Испания официально вступила в НАТО, и инцидент был строго засекречен, а все материалы по делу уничтожены. Аргентина заявила о непричастности к этому инциденту, а члены диверсионной группы были депортированы из Испании. (По материалам сайта «Солдат удачи» http://sof-mag.ru/spec_arms/ argentina_spes.html) (*Прим. перев.*)

маленькими огоньками.

У Юэ тоже посмотрел на «Тан», и у него в уме возникла новая картина. Корабль теперь представлялся не старинной разрушенной крепостью, а доисторическим утесом с множеством вырытых в нем глубоких пещер. Разрозненные искры сварки были мерцающими огнями костров, горящих в этих пещерах.

* * *

После взлета и во время обеда Ло Цзи воздерживался от вопросов о том, куда они летят и что, собственно, происходит. Он заключил, что если бы Ши Цян хотел что-то ему сказать, то уже бы сказал. Один раз он расстегнул ремень безопасности и встал, чтобы выглянуть в иллюминатор, хоть и был уверен, что в темноте ничего не увидит. Однако Ши Цян пошел вслед за ним и закрыл шторку, пояснив, что смотреть там не на что.

— Почему бы нам еще немного не поболтать перед сном? Что ты на это скажешь? — предложил Ши Цян, выбивая из пачки сигарету. Вспомнив, что они в самолете, он тут же затолкал сигарету обратно.

— Перед сном? Сколько же нам лететь?

— Да какая разница? Кровати здесь есть, поче-

му бы в них не завалиться?

— Насколько я понимаю, вы отвечаете только за доставку меня в точку назначения?

— А тебе-то на что жаловаться? Это ведь мне придется возвращаться! — осклабился Ши Цян. Черный юмор, по-видимому, доставлял ему удовольствие. Но затем он перешел на серьезный тон: — Я знаю о твоем путешествии не больше, чем ты сам. Кроме того, мне еще рано что-либо тебе объяснять. Не волнуйся. В точке передачи тебе скажут все, что надо.

— Я уже несколько часов теряюсь в догадках, и у меня есть только одна теория.

— Ну расскажи — сравним мою теорию и твою.

— Та женщина была самым обычным человеком; из этого следует, что кто-то из ее родственников или знакомых занимал высокое положение. — Ло Цзи ничего не знал о ее семье, как и о семьях других своих любовниц. Это его не интересовало; даже если ему говорили, он тут же забывал.

— Кто? А, та твоя подружка? Забудь о ней; впрочем, она и так тебя не интересует. Или, если хочешь, сопоставь ее имя и лицо с какими-нибудь знаменитостями.

Ло Цзи перебрал несколько комбинаций, но

совпадений не обнаружил.

— Ло, кореш, ты умеешь обманывать? — спросил Ши Цян. Ло Цзи заметил одну особенность его речи. Когда он шутил, то называл Ло «мой мальчик», но когда говорил более серьезно — переходил на «парня» или «кореша».

— Я должен кого-то обмануть?

— Конечно. Как насчет того, что я тебя научу паре приемчиков? Конечно, я и сам не мастак. Работаю-то все больше над разоблачением мошенничества… Я тебе сейчас расскажу пару приемов из комнаты допросов. Позже они могут тебе пригодиться, чтобы понять, что происходит. Разумеется, они из числа наиболее простых. Другие трудно объяснить. Начнем с самого мягкого, который в то же время и самый простой. Это «список». Ты составляешь длинный список вопросов по делу, а потом задаешь эти вопросы один за другим и записываешь ответы допрашиваемого. Ты задаешь эти вопросы неоднократно, если требуется. Потом сравниваешь ответы. Если человек лжет, то ответы будут каждый раз разные. Техника проще некуда, но не смотри на нее с пренебрежением. С ней не справится никто, кроме прошедших специальное обучение по противодействию допросам. Поэтому самый эф-

фективный метод против «списка» — это просто молчать. — Ши Цян покрутил в пальцах сигарету, а потом отложил ее в сторону.

— Поинтересуйтесь у персонала, — посоветовал Ло Цзи. — Это чартерный рейс, курение, наверное, разрешено.

Ши Цян был увлечен своей речью, и, похоже, его немного уязвило, когда Ло Цзи в нее вклинился. Ло Цзи понял, что собеседник говорит серьезно. А если он все же шутит, то у него странноватое чувство юмора. Ши Цян нажал на красную кнопку интеркома возле дивана. Сяо Чжан ответил, что они могут делать все, что пожелают. Тогда оба закурили.

— Следующий метод уже не такой мягкий… Пепельницу придвинуть нельзя, но она открывается. Да, вот так… Этот метод называется «черное и белое». Он посложнее, и тебе потребуются помощники. Сначала появляются плохие полицейские, обычно не меньше двух, и они ведут себя очень грубо. Кто-то из них груб на словах, а кто-то физически. Главное — все они жутко злые. Их стратегия — не просто запугать, а вызвать у допрашиваемого чувство, будто против него ополчился весь мир. А потом появляется хороший полицейский — только один. У него доброе

лицо, он останавливает плохих полицейских, говорит им, что ты тоже человек, что у тебя есть права и как только они могут так обращаться с тобой? Плохие полицейские посылают его на фиг — пусть, мол, не мешает им работать. Хороший полицейский распинается вовсю: «Так поступать нельзя!» Тогда плохие полицейские принимаются его ругать: «Мы всегда знали, что у тебя кишка тонка для этой работы! Если не можешь работать, пошел вон!» Хороший полицейский загораживает тебя своим телом и заявляет: «Я буду защищать его права, я буду стоять за справедливость!» Тогда плохие полицейские обещают: «Завтра вылетишь отсюда как миленький!» — и в гневе уходят. Остаетесь только вы двое. Хороший полицейский утирает кровь и пот с твоего лица, просит не бояться и заверяет, что у тебя есть право хранить молчание. А дальше, как ты уже догадываешься, он становится твоим единственным другом в этом мире; когда он беседует с тобой, ты уже не молчишь… Этот метод наиболее эффективен против интеллектуалов, но, в отличие от «списка», он не действует, если ты о нем знаешь заранее.

Ши Цян говорил с воодушевлением, даже порывался расстегнуть ремень безопасности и встать. Ло Цзи, охваченный страхом и отчаянием, чув-

ствовал себя так, будто провалился в расщелину во льду. Заметив его состояние, Ши Цян притормозил.

— Хорошо, не будем больше говорить о допросах, хотя эти сведения могут тебе пригодиться. Всего сразу не охватить. В любом случае, я собирался рассказать тебе, как водить людей за нос, поэтому запомни: подлинное хитроумие заключается в том, чтобы не демонстрировать хитроумия. Все не так, как в кино. Самые умные не выделяются. По ним не скажешь, что они умеют шевелить мозгами. Вид у них самый что ни на есть невинный и приблажный. Кое-кто безвкусно одет или сюсюкает при разговоре; иные беспечны и несерьезны. Самое главное — не дать другим понять, что ты важен, что тобой стоит заинтересоваться. Пускай они смотрят на тебя с пренебрежением, пускай не замечают тебя — и тогда они не посчитают тебя препятствием. Ты просто метла в углу. Наивысшее достижение в этом деле — когда тебя вообще не видят, вплоть до того момента, когда умирают от твоей руки.

— Да зачем мне становиться таким?! Разве мне это когда-нибудь понадобится? — перебил Ло Цзи.

— Как я уже говорил, я об этом знаю не боль-

ше тебя. Но у меня есть предчувствие, что тебе потребуется стать таким. Парень, у тебя не будет другого выхода! — Ши Цян снова разгорячился и хлопнул его по плечу — так сильно, что тот поморщился.

Потом они посидели в молчании, наблюдая, как клубы дыма поднимаются к потолку и исчезают за вентиляционной решеткой.

— Ладно, хрен с ним. Ну что, на боковую? — спросил Ши Цян, раздавив окурок в пепельнице. Потом с улыбкой встряхнул головой: — Треплюсь как идиот. Когда будешь об этом вспоминать, не смейся надо мной.

В спальне Ло Цзи снял свой пуленепробиваемый пиджак и залез в специальный спальный мешок. Ши Цян помог ему пристегнуть мешок к кровати, а потом поставил на тумбочку небольшой пузырек.

— Снотворное. Прими, если не сможешь заснуть. Я просил спиртного, но они сказали, что у них нет.

Ши Цян напомнил, что следует предупредить пилотов, если Ло Цзи будет вставать с постели, и развернулся, чтобы уйти.

— Офицер Ши, — позвал его Ло Цзи.

Уже в двери Ши Цян полуобернулся к нему.

— Я не полицейский. Полиция никак не связана с этим делом. Все зовут меня Да Ши.

— Хорошо, Да Ши, когда мы беседовали, я кое-что подметил. Я обратил внимание на первые ваши слова. Или, точнее, на ваш первый ответ. Я сказал «та женщина», а вы сначала даже не поняли, о ком я говорю. Это значит, что она в этом деле вообще ни при чем.

— Ты один из самых хладнокровных людей, которых я когда-либо встречал.

— Я просто циник. Не так уж много на свете вещей, о которых я стал бы беспокоиться.

— Что бы это ни было, я никогда не встречал человека, который сохранил бы спокойствие в подобной ситуации. Забудь все, что я говорил. Люблю пошутить.

— Вы просто хотите чем-то занять меня, чтобы спокойно выполнить свое задание.

— Уж извини, если заставил тебя поволноваться.

— О чем, по-вашему, мне стоит сейчас думать?

— Исходя из моего опыта, лучше всего вообще ни о чем. Тебе следует просто поспать.

Ши Цян вышел и закрыл дверь. Комната погрузилась в темноту, за исключением небольшой красной лампочки у изголовья постели. Все-

проникающий шум двигателей был особенно заметен; казалось, что само бесконечное ночное небо за стенкой издает низкий гул.

А потом Ло Цзи почувствовал, что это не иллюзия, что гул и в самом деле идет откуда-то снаружи. Он отцепил ремень, вылез из спального мешка и поднял шторку иллюминатора возле кровати. Над бесконечным серебристым океаном облаков плыла луна. Ло Цзи заметил над облаками еще кое-что, тоже отсвечивающее серебром. Четыре прямые полоски на фоне ночного неба. Они неотрывно следовали за самолетом; их концы постепенно бледнели и растворялись в ночном небе, как четыре сверкающих меча, летящих выше облаков. Ло Цзи присмотрелся к началу полосок и обнаружил, что серебристые линии исходят от четырех объектов, поблескивающих металлом. Истребители! Было нетрудно предположить, что еще четыре летят по другому борту самолета.

Ло Цзи опустил шторку и забрался обратно в спальный мешок. Он закрыл глаза и попробовал ни о чем не думать. Он хотел не спать, а очнуться ото сна.

* * *

Рабочее совещание космических сил продолжалось до глубокой ночи. Чжан Бэйхай отодвинул лежавшие перед ним блокнот и документы и встал, вглядываясь в усталые лица офицеров. Затем повернулся к Чан Вэйсы.

— Командующий, прежде чем мы доложим о проделанной работе, я хотел бы поделиться некоторыми из своих наблюдений. Я считаю, что военное руководство не уделяет достаточного внимания политической и идеологической работе в войсках. Например, политический отдел — последний из всех шести сформированных отделов, представляющий свой отчет на этом совещании.

Чан Вэйсы кивнул.

— Разделяю твое мнение. Политические комиссары еще не прибыли, поэтому надзор за политработой пал на меня. Теперь, когда мы наконец начали деятельность во всех направлениях, времени ни на что не хватает. Так что нам приходится рассчитывать на тебя и других, кто отвечает за конкретные направления.

— Командующий, я считаю, что сложилась опасная ситуация. — Это замечание привлекло

внимание нескольких офицеров. Чжан Бэйхай продолжил:

— Прошу прощения за то, что говорю без обиняков. Прежде всего, мы заседаем уже целый день, все устали. Никто не будет слушать, если я не буду прямолинеен.

Несколько человек засмеялись, но остальных не отпускала усталость.

— Что гораздо существеннее, я серьезно озабочен. Нам предстоит битва при таком неравенстве сил, какого не бывало за всю историю войн человечества. Я полагаю, что самая серьезная опасность, стоящая перед нами как сейчас, так и в отдаленном будущем, это пораженческие настроения. Эту опасность нельзя переоценить. Распространение пораженчества не только приведет к распаду морали, но может даже привести к полному развалу космической военной мощи.

Чан Вэйсы снова кивнул.

— Согласен с тобой. Пораженчество в настоящее время — наш самый страшный враг. Военная комиссия об этом хорошо знает. Именно поэтому политическая и идеологическая работа в войсках будет иметь колоссальное значение. И она станет еще сложнее, как только оформятся основные элементы космических сил.

Чжан Бэйхай раскрыл свой блокнот.

— Докладываю о проведенной работе. С момента основания космических сил наши основные усилия в политической и идеологической работе в войсках были направлены на проведение анализа общего идеологического состояния офицеров и солдат. Поскольку структура этого нового вида войск в настоящее время проста, с небольшим количеством административных уровней и с небольшим количеством военнослужащих, анализ проводился путем неформальных собраний и с помощью личного общения. В интранете был создан соответствующий форум. Результаты анализа тревожат. Пораженческое мышление встречается повсеместно и быстро распространяется среди состава. Значительная часть наших товарищей ощущает ужас перед лицом врага и потеряла веру в победу.

Основным источником пораженчества является в первую очередь преклонение перед технологией и недооценка или полное отрицание роли человеческой изобретательности и воинского духа. Такое преклонение является развитием и расширением технотриумфализма и теории, что «оружие решает все», которые в последние годы возникли в среде вооруженных

сил. Такая тенденция особенно сильна среди высокообразованных офицеров. Пораженчество среди военнослужащих принимает следующие формы:

Первая. Служебные обязанности в космических войсках воспринимаются как обычная работа: люди трудятся с усердием и ответственно, но без энтузиазма и с сомнением в конечной пользе своей работы.

Вторая. Пассивное ожидание: вера в то, что исход войны зависит от ученых и инженеров; вера в то, что космические силы останутся лишь далекой мечтой вплоть до прорыва в фундаментальных науках и в ключевых технологиях, и вытекающая из нее неопределенность в отношении важности нынешней работы. Военнослужащие удовлетворены простой организационной работой; новаторство отсутствует.

Третья. Необоснованные фантазии: требования воспользоваться технологией гибернации для того, чтобы перескочить через четыре столетия, попасть в будущее и лично принять участие в битве Судного дня. Такие намерения уже выразило значительное количество молодых товарищей. Один даже подал рапорт. С одной стороны, желание броситься в битву — это хорошо. Но с другой

стороны, это лишь иная форма пораженчества. У них нет уверенности в победе, и они сомневаются в полезности своей сегодняшней работы. Им остается только воинская доблесть.

Четвертая. Противоположность третьей: отрицание воинской доблести; мнение, что традиционный моральный кодекс солдата больше не годен для поля боя; что борьба до конца не имеет смысла; что воинская доблесть существует только тогда, когда кто-то ее видит; но если человечество проиграет и исчезнет из Вселенной, то она становится бессмысленной. И хотя такую позицию занимают лишь немногие, отрицание значимости космических сил наносит значительный ущерб делу.

В этот момент Чжан Бэйхай окинул взглядом собравшихся и отметил, что, хоть его речь и привлекла некоторый интерес, не все еще стряхнули усталость. Он был уверен, что его следующие слова изменят ситуацию.

— Я дам вам конкретный пример товарища, у которого наблюдается типичная форма пораженчества. Я говорю о полковнике У Юэ. — Чжан Бэйхай вытянул руку в сторону места У Юэ за конференц-столом.

Усталость в комнате как рукой сняло; присут-

ствующие навострили уши. Все настороженно посмотрели на Чжан Бэйхая, а затем на У Юэ; тот спокойно глядел на них — само воплощение хладнокровия.

— У Юэ и я довольно долго вместе служили во флоте, и мы хорошо знаем друг друга. У него наблюдается сильный комплекс зависимости от техники; как капитан он технократ — инженер, если хотите. Само по себе это неплохо; но, к сожалению, его военное мышление слишком ограничено технологией. Если спросить, то он так не скажет, но он подсознательно верит, что технологическое преимущество является основным, возможно, единственным фактором, определяющим эффективность боевой единицы. Он совершенно игнорирует роль человека в бою. В частности, он не понимает исключительных преимуществ, выработанных нашей армией в трудных исторических условиях. Он потерял веру в будущее, как только узнал о Трисолярианском кризисе. Когда он вступил в космические войска, его отчаяние стало еще заметнее. Пораженческие настроения товарища У Юэ настолько глубоки и тяжелы, что справиться с ними у нас надежды нет. Мы должны принять серьезные меры, и как можно скорее, чтобы остановить распростране-

ние пораженчества в войсках. Я полагаю, что товарищ У Юэ более не годен для службы в космических силах.

Все взгляды были направлены на У Юэ. А тот невозмутимо рассматривал эмблему космических сил на своей фуражке, лежащей на столе.

Во время своего выступления Чжан Бэйхай не бросил ни одного взгляда в направлении У Юэ. Он продолжил:

— Командующий, товарищ У Юэ и остальные присутствующие! Я прошу вашего понимания. Я говорю все это исключительно из опасения за существующее идеологическое состояние войск. Конечно, я также надеюсь вызвать У Юэ на открытую и откровенную дискуссию лицом к лицу.

У Юэ поднял руку, прося слова. Получив одобрительный кивок от Чан Вэйсы, он встал:

— Оценка товарищем Чжан Бэйхаем состояния моего ума совершенно точна, и я согласен с его заключением. Я более не годен для службы в космических войсках. Я подчинюсь любому решению командования.

Атмосфера в комнате стала напряженной. Несколько офицеров впились глазами в блокнот перед Чжан Бэйхаем, гадая, кого еще может затронуть его содержимое.

Встал старший полковник от военно-воздушных сил:

— Товарищ Чжан Бэйхай, это обычное рабочее совещание. Вам следует действовать через соответствующие организационные структуры, вместо того чтобы докладывать здесь подобные наблюдения. Вы полагаете, такие темы допустимо обсуждать открыто?

Многие офицеры зашумели, поддерживая его замечание.

Чжан Бэйхай ответил:

— Я знаю, что мое выступление нарушает протокол, и готов понести за это ответственность. Однако считаю, что обязан привлечь ваше внимание к этой проблеме любым способом.

Чан Вэйсы поднял руку, предупреждая другие реплики с мест:

— Первым делом необходимо высоко оценить чувство ответственности и стремление к безотлагательному действию, которыми руководствовался товарищ Чжан Бэйхай. Существование пораженческих настроений среди личного состава — это факт, и мы должны действовать рационально. Пораженчество никуда не денется до тех пор, пока между противниками существует разрыв в технологическом уровне. Это не та

проблема, которую легко решить; она потребует долгой и тщательной работы, а также больше общения и больше дискуссий. Однако я также согласен с предложением старшего полковника: все, касающееся личных идейных качеств, следует решать в основном путем разговоров и обсуждений. Если необходим доклад, его следует подавать по инстанции.

Офицеры издали вздох облегчения. Чжан Бэйхай не будет называть их имена — по крайней мере, на этом совещании.

* * *

Ло Цзи пытался собраться с мыслями, представляя себе безграничное ночное небо над облаками. Его размышления незаметно перешли на ту женщину. Ее голос и смеющееся лицо возникли из темноты, и в его сердце родилась грусть, какой он еще в жизни не испытывал. Он тут же переключился на самобичевание. В своей жизни Ло Цзи презирал себя бессчетное количество раз, но так сильно — никогда. Почему он о ней думает? До сих пор его единственной реакцией на ее смерть, за исключением страха и удивления, было желание оправдаться. И только теперь, когда он понял, что ее роль во всем случившемся была ничтожной,

он потратил на нее немного своего драгоценного сожаления. Ну и кто же он после этого?

Но что поделаешь? Такой уж он человек.

Самолет потряхивало, и Ло Цзи казалось, будто он в люльке. Он вспомнил, что ребенком спал в колыбели. Однажды в подвале родительского дома он нашел детали нехитрого устройства под старой детской кроватью, все в пыли. А сейчас, вызвав в памяти образ родителей, он спросил себя: «С того самого дня, как ты покинул колыбель, любил ли ты кого-нибудь, кроме этих двоих людей? Выделял ли ты для кого-то еще хоть когда-нибудь хоть самый маленький, но постоянный уголок в своем сердце?»

Да, однажды такое случилось. Золотистый свет любви жил в его душе пять лет назад. Но это произошло не в реальности.

Все началось с Бай Жун, автора романов для молодежи. Она писала их в свободное время, но они вызвали столько интереса, что доходы от писательства превысили ее зарплату. С Бай Жун Ло Цзи встречался дольше других своих женщин и даже дошел до того, что подумывал на ней жениться. Их отношения были самыми обычными, не особенно страстными или незабываемыми, но они их устраивали; они отдыхали друг с другом

и были счастливы вместе. Хотя оба относились к браку с некоторым опасением, они считали, что стоит хотя бы попытаться.

По настоянию Бай Жун он прочел все ее книги. Он не сказал бы, что они ему понравились, но, по крайней мере, они не были так же неприятны, как другие книги этого жанра, которые ему случалось листать. У нее был хороший стиль — в отличие от других авторов, она писала просто и ясно. Содержание же оставляло желать лучшего. Чтение ее романов можно было сравнить с рассматриванием капель росы на траве. Каждая капля была чистой и прозрачной, но они различались между собой только тем, как они преломляют и отражают свет, катятся по листьям, объединяются в одну при столкновении и распадаются, пока не испарятся бесследно через несколько минут после восхода солнца. Каждый раз, читая очередную ее книгу, Ло Цзи задавался вопросом: «На какие средства живут все эти люди, если они поглощены любовью двадцать четыре часа в сутки?»

— Ты полагаешь, что любовь, о которой ты пишешь, существует в реальном мире? — спросил он однажды.

— Да, я так думаю.

— Ты видела такое или это произошло с тобой?

Бай Жун обняла его за шею:

— Так или иначе, я говорю, что она существует, — загадочно прошептала она ему в ухо.

Порой он предлагал ей сюжеты для романов, над которыми она работала; иногда даже помогал ей в вычитке.

— Похоже, ты талантливее меня, — призналась она однажды. — Ты работаешь не над сюжетом, а над героем, а это самое сложное. Каждая твоя поправка добавляет характерам живости. У тебя выдающийся талант к созданию литературных персонажей.

— Ты, наверное, шутишь. Я же астроном!

— Не забывай, что Ван Сяобо[82] изучал математику.

В прошлом году она попросила его о необычном подарке ко дню рождения:

— Ты не мог бы написать для меня роман?

— Целый роман?

— Ну хотя бы повесть на пятьдесят тысяч знаков.

— С тобой в качестве главной героини?

---

[82] Примечания: 82

Ван Сяобо (1952–1997) был влиятельным прозаиком, очеркистом и сценаристом. Его работы стали крайне популярны после его ранней смерти. (*Прим. Дж. М.*)

— Нет. Я как-то была на очень интересной выставке картин. Художники-мужчины рисовали самых прекрасных женщин, каких могли себе вообразить. Вот такой и должна быть главная героиня твоей повести. Забудь о реальности, создай ангела — идеальную женщину, какой ты себе ее представляешь.

Он до сих пор так и не понял, что стояло за этой просьбой. Может быть, она и сама не понимала этого. Сейчас ему казалось, что ее настроение в те дни было смесью лукавства и безразличия.

Он приступил к созданию персонажа. Сначала представил себе ее лицо, затем одежду, продумал окружающую обстановку и людей. В заключение он оживил ее — поместил в эту обстановку, позволил двигаться и говорить. Но вскоре работа его утомила, и он рассказал Бай Жун о трудностях, с которыми столкнулся.

— Она подобна марионетке. Каждое ее слово, каждое действие запрограммированы; в ней нет ни искры жизни.

— Ты не так подходишь к делу, — отвечала Бай Жун. — Ты пишешь сочинение, а не создаешь литературного героя. То, что герой делает за десять минут, может быть отражением десятка лет его жизненного опыта. Нельзя ограничиваться

только сюжетом повести — необходимо представить себе всю жизнь твоей героини. То, что ты потом опишешь словами на бумаге, будет лишь вершиной этого айсберга.

Ло Цзи прислушался к ее совету. Он выбросил все, что собирался написать; вместо этого он представил себе всю жизнь своей героини в малейших подробностях. Он воображал, как Она сосет грудь матери, энергично работая маленьким ротиком и причмокивая от удовольствия. Он видел, как Она тянется за красным воздушным шариком, летящим вдоль дороги, как ловит его, только чтобы тут же споткнуться и упасть, упустить шарик и расплакаться, не осознавая, что она только что сделала свой первый шаг. В его воображении Она шла под дождем и складывала зонтик, чтобы ощутить капли дождя на лице. Он представил себе ее первый день в школе — растерянная девочка, одиноко сидящая в незнакомой комнате и не видящая родителей в окне или двери. Тогда она почти расплакалась, но сообразила, что ее лучшая подруга по детскому саду рядом, — и заплакала, но уже от радости. Он вообразил себе ее первую ночь в колледже, когда Она лежала в постели и следила за тенями, которые деревья отбрасывали на потолок в свете уличных фона-

рей… Он придумал все ее любимые блюда, цвет и стиль каждого предмета одежды в ее гардеробе, расцветку мобильного телефона, книги, которые Она читала, музыку, которую слушала, страницы, которые посещала в Интернете, кинофильмы, которые ей нравились. Но не косметику — Она не нуждалась в косметике… Как создатель вне потока времени, он сшивал воедино различные этапы ее жизни и постепенно открыл для себя безграничную радость творения.

Однажды в библиотеке он представил ее стоящей возле ряда полок и что-то читающей. Он одел ее в свой любимый костюм, чтобы маленькая фигурка была ярко видна в его воображении. Внезапно Она оторвалась от книги, посмотрела на него и улыбнулась.

Он был ошеломлен. Разве он учил ее улыбаться? Эта улыбка навсегда запечатлелась в его памяти.

Следующая ночь была переломной. За окном бушевала метель, царил лютый холод. Из своей теплой комнаты в общежитии он наблюдал за бурей, которая замела весь город. Снежинки стучали в его окно, словно песок. Снаружи все было укрыто огромным белым ковром. Казалось, что города больше нет, что общежитие стоит посреди бесконечной снежной равнины. Ло Цзи

лег в постель, но прежде чем он заснул, ему в голову пришла неожиданная мысль. Если Она там, снаружи, в эту ужасную погоду, то ей должно быть очень холодно. Потом он напомнил себе: это не имеет значения, Она не окажется снаружи, разве что ты поместишь ее туда. Но на этот раз его воображение отказало, и Она продолжала идти сквозь метель — тонкая, как травинка, которую в любой момент может унести ветром. Ее белое пальто и красный шарф — все, что он мог разглядеть сквозь снегопад, — были словно огонек, сопротивляющийся шторму.

Он не смог заснуть. Поднялся с постели, накинул одежду и сел на диван. Он подумывал, не закурить ли ему, но, вспомнив, что Она не переносит запаха табака, приготовил себе вместо этого чашку кофе и медленно выпил. Он должен дождаться ее прихода. Метель и холод этой ночи лежали камнем на его душе. Впервые в жизни он так сильно переживал за кого-то и так сильно по кому-то тосковал.

Когда его разум начал пробуждаться, тихо появилась Она. Ее тонкая фигурка была окутана прохладой, но среди холода ощущалось дуновение весны. Снежинки на ее волосах быстро превратились в блестящие капельки. Она размо-

тала шарф, поднесла ладони ко рту и подышала на них. Он взял ее руки в свои, чтобы согреть их мягкий лед. Она взволнованно посмотрела на него и спросила, опередив его собственный вопрос:

— С вами все в порядке?

Он смог только глупо кивнуть. Приняв ее пальто, он предложил:

— Заходите, погрейтесь.

Он взял ее за мягкие плечики и проводил к камину.

— Здесь и в самом деле тепло. Как чудесно… — Она уселась на ковер перед камином, радостно смеясь и глядя на пламя.

«Черт побери! Что со мной?» — спросил он себя, стоя посреди пустой комнаты. Разве не достаточно было бы придумать пятьдесят тысяч слов, распечатать их на хорошей бумаге, нарисовать в фотошопе роскошную обложку, отдать переплетчику, обернуть бумагой для подарков и вручить Бай Жун в день ее рождения? Почему он так глубоко увяз в этой ловушке? Ло Цзи с удивлением обнаружил, что его глаза налились слезами. Затем пришла еще одна мысль: «Камин? Когда это у меня был камин? С чего бы мне придумывать камин?» А потом понял: ему нужен был не сам

камин, а лишь его пламя — потому что любая женщина обретает особую красоту в свете огня. Он вспомнил, как прекрасна Она была на фоне камина…

Нет! Не думай о ней. Это плохо кончится. Ложись спать.

Его опасения не подтвердились — Она ни разу не приснилась ему за всю ночь. Он крепко спал, и во сне его односпальная кровать представлялась ему маленькой лодкой, плывущей по розовому морю.

На следующее утро Ло Цзи проснулся заново родившимся. Он был как свеча, пылившаяся долгие годы и зажегшаяся от крохотного огонька, что разгорелся во вчерашней метели. Он возбужденно зашагал по дороге к учебному корпусу. Хотя воздух оставался туманным после снегопада, ему казалось, что он мог видеть на тысячу миль вокруг. На тополях, растущих вдоль дороги, не было снега. Их голые ветви тянулись в холодное небо; но для него они были живее, чем весной.

Он поднялся на кафедру, и — в точности как он и надеялся — Она опять была там, единственная в последнем ряду амфитеатра, поодаль от других студентов. Ее безупречно белое пальто и красный шарф лежали на сиденье рядом. На ней была

бежевая водолазка. В отличие от других студентов, Она не склонялась над учебником, листая страницы. Вместо этого Она посмотрела на Ло Цзи и одарила его еще одной снежно-рассветной улыбкой.

Ло Цзи разволновался. Его пульс участился; пришлось выйти в боковую дверь, постоять на балконе и успокоиться на прохладном воздухе. Он дважды в жизни приходил в подобное волнение, оба раза при защите своих докторских диссертаций. Во время этой лекции он выдал все, на что был способен, чтобы показать себя с наилучшей стороны; его обширные цитаты и вдохновенная речь вызвали аплодисменты аудитории, а это бывало нечасто. Она не присоединилась к общему восторгу, а лишь улыбнулась ему и кивнула.

После лекции они гуляли, идя бок о бок. Деревья, высаженные вдоль дорожки, не отбрасывали тени. Он слушал скрип снега под ее синими сапожками. Два ряда зимующих тополей молча внимали их искренней беседе.

— Вы хорошо читаете лекции, но я их не понимаю.

— Вы ведь не специализируетесь в этом предмете?

— Нет.

— Вы часто приходите на лекции по другим специальностям?

— Только в последние несколько дней. Захожу в первую попавшуюся аудиторию и слушаю. Я только что закончила учебу и скоро уеду, но внезапно поняла, что мне здесь нравится и я боюсь мира за стенами университета.

Большую часть следующих трех или четырех дней они провели вместе, хотя для чужих глаз казалось, что он был один, гулял сам по себе. Это было легко объяснить Бай Жун: он размышлял о подарке к ее дню рождения. И это не было ложью.

Накануне Нового года Ло Цзи впервые купил бутылку красного вина — раньше он его не пил. Он вернулся в свою комнату в общежитии, выключил свет, зажег свечи на столике рядом с диваном. Когда все три свечи загорелись, Она без слов присела рядом.

— Гляди, — воскликнула Она с детским восхищением, указывая на бутылку с вином.

— Что?

— Посмотри — огоньки светятся сквозь стекло. Как красиво!

Просвечивая сквозь вино, огоньки приобрели оттенок темно-красного хрусталя, который встре-

чается только во сне.

— Свет мертвого солнца, — сказал он.

— Не думай так, — возразила Она с искренностью, которая растопила его сердце. — Мне кажется, что они похожи на… глаза заката.

— Почему не на глаза рассвета?

— Я больше люблю закат.

— Почему?

— После заката загораются звезды. А после рассвета наступает лишь…

— Лишь жестокая реальность?

— Точно.

Они говорили обо всем, понимая друг друга с полуслова, пока содержимое бутылки с глазами заката не перекочевало в его желудок.

Ло Цзи лежал на кровати в полусне и смотрел, как продолжают гореть свечи на столике. Она исчезла из круга их света, но Ло Цзи не волновался. Она появится в любой момент — было бы на то его желание.

В дверь постучали. Он знал, что стук исходит из реального мира и не связан с ней, поэтому никак не отреагировал. Дверь открылась, и вошла Бай Жун. Она включила свет и тем самым словно вернула в комнату серость бытия. Гостья бросила взгляд на столик со свечами, присела у изголовья

кровати и тихонько вздохнула.

— Еще не все потеряно.

— Что потеряно? — Он прикрыл глаза рукой от слепящего света.

— Ты еще не дошел до того, чтобы поставить бокал и для нее.

Он ничего не ответил. Она отвела его руку, посмотрела прямо в лицо и спросила:

— Она ожила, не так ли?

Он кивнул и сел на кровати.

— Жун, я раньше полагал, что герой романа находится под управлением своего создателя; я ожидал, что она будет тем, чем ее сотворит автор, будет делать то, что автор ей прикажет… как Бог, который управляет нами.

— Неверно! — Бай Жун встала и принялась расхаживать по комнате. — Теперь ты понимаешь, насколько был не прав. В этом и состоит разница между бумагомаракой и писателем. На высшем уровне литературного мастерства герои книги оживают в сознании автора. Автор неспособен управлять ими; порой он даже неспособен предсказать их следующий шаг. Мы можем только следовать за ними в восхищении, наблюдая и записывая каждую деталь их жизни, как вуайеристы. Вот так и создается классика.

— Вот уж не предполагал, что литература — это потуги извращенца.

— Так было и у Шекспира, и у Бальзака, и у Толстого как минимум. Их классические образы были выношены в их умах. Но сегодняшние авторы потеряли эту способность. Их разум выдает лишь разрозненные обрывки и рождает безумных героев, чья жизнь не более чем непонятные, беспричинные метания. Затем автор сметает эти обрывки в пакет и продает под этикеткой «постмодернизм», «символизм» или «иррационализм».

— Ты хочешь сказать, что я стал писателем классического жанра?

— Вряд ли. Твой разум всего лишь вынашивает образ; и этот образ — самый простой из всех. Разум авторов классики произвел на свет сотни и тысячи персонажей. Они сформировали портрет эпохи, а эта задача под силу лишь сверхчеловеку. Но и то, что удалось тебе, вовсе не просто. Я не думала, что ты сумеешь так.

— А у тебя такое получалось?

— Только один раз, — ответила Бай Жун, не вдаваясь в подробности. Она не захотела продолжать эту тему, лишь обняла его за шею: — Не думай больше об этом. Я уже не хочу такого подарка.

Вернись к обычной жизни, хорошо?

— А если это не прекратится, что тогда?

Она изучала его несколько секунд, потом опустила глаза, покачала головой и улыбнулась.

— Так и знала, что уже поздно.

Она подхватила свою сумку с постели и вышла.

И тут Ло Цзи услышал голоса снаружи, отсчитывающие «четыре», «три», «два», «один». От здания учебного корпуса раньше доносилась музыка; теперь же слышался смех. На стадионе студенты запускали фейерверки. Он посмотрел на часы и понял, что только что истекли последние секунды года.

— Завтра выходной. Куда бы нам пойти? — спросил он себя. Он лежал на кровати, но знал, что его героиня уже появилась возле воображаемого камина.

— Ты не берешь ее? — невинно спросила Она, указывая на распахнутую дверь.

— Нет. Только мы двое. Куда бы ты хотела пойти?

Она полюбовалась танцующими в камине языками пламени и ответила:

— Неважно куда. Мне нравится просто находиться в пути.

— Тогда поедем просто наугад? И посмотрим, где окажемся?

— Отлично.

На следующее утро Ло Цзи сел в свою «Хонду Аккорд», выехал из университетского городка и поехал на запад. Он выбрал это направление, чтобы не пересекать весь город. Впервые в жизни он ощутил свободу путешествия без какой-либо определенной цели. Строения понемногу редели, начали появляться поля. Ло Цзи приоткрыл окно, чтобы впустить в салон немного холодного воздуха. Почувствовал, как ветер развевает ее длинные волосы; несколько прядей щекотали его правый висок…

— Смотри, горы! — Она указала вдаль.

— Сегодня хорошая видимость. Это горы Тайхан. Они простираются вдоль дороги, а потом поворачивают, перекрывая путь на запад. Там дорога проложена сквозь горы. Я бы сказал, что мы сейчас примерно…

— Нет, нет! Не говори, где мы! Как только мы узнаем, где находимся, огромный мир сужается до карты. А когда это неизвестно, он кажется бесконечным.

— Ладно. Тогда постараемся потеряться. — Он свернул на пустынную дорогу, потом повернул

еще раз. Теперь с обеих сторон простирались поля, снег с которых сошел еще не полностью; свободные от белого покрова участки чередовались с заснеженными. Ярко светило солнце, но нигде не было видно ни травинки.

— Классический северный пейзаж, — заметил Ло Цзи.

— Я впервые почувствовала, что земля без малейшего клочка зелени тоже может быть прекрасной.

— Зелень лежит под снегом и ждет весны. Озимая пшеница взойдет, когда будет еще холодно. Тогда здесь раскинется зеленое море. Представь, все это пространство…

— Ему не нужна зелень. Оно прекрасно прямо сейчас. Посмотри, разве эта земля не похожа на большую корову, дремлющую под солнцем?

— Что? — Он посмотрел в удивлении сначала на нее, а потом сквозь окна на пятна снега с обоих сторон дороги. — Да, действительно похоже! Какое у тебя любимое время года?

— Осень.

— Почему не весна?

— Весна… у нее так много скомканных вместе ощущений. Утомляет. Осень лучше.

Ло Цзи остановил машину, и они подошли

к краю поля посмотреть на сорок, клевавших что-то в земле; птицы, испуганные появлением людей, взлетели и расселись на деревьях поодаль. Потом Ло и его спутница прошлись вдоль русла почти пересохшей речки; лишь тонкая струйка воды текла в середине. Они набрали холодных гладких камешков и стали их бросать. Камешки пробивали дырки в тонком льду, и из дырок выплескивалась мутная, желтая вода.

Они доехали до небольшого городка и прогулялись по рынку. Остановились возле торговца золотыми рыбками; в солнечных лучах рыбы в аквариумах были подобны жидкому пламени. Она загляделась на рыбок и не хотела уходить. Ло Цзи купил ей парочку и положил пакеты с водой и рыбками на заднее сиденье машины.

Потом они добрались до какой-то деревушки, впрочем, не слишком похожей на деревню: новые, современные дома и усадьбы; автомобили, красующиеся у ворот; широкие бетонированные дороги; жители, ничем не отличающиеся от горожан… Некоторые девушки были одеты по последней моде. Даже собаки были такими же лохматыми коротконогими нахлебниками, как и в городах. Интерес путников привлекла большая сцена возле въезда в поселок — они

удивились, зачем такому маленькому поселку такая огромная сцена. Она была пуста; Ло Цзи не без труда вскарабкался на нее и спел для своей единственной зрительницы куплет из русской песни «Тонкая рябина».

В полдень они пообедали в другом городке; еда там была такой же, как и в крупном городе, зато порции — вдвое больше. После обеда они некоторое время сидели в полудреме на скамейке возле городской управы, а затем поехали дальше куда глаза глядят.

Они даже не заметили, как дорога привела их в горы — не особо примечательные, не особо высокие, на которых не росло ничего, кроме чахлой травы и лозы, цепляющейся за расщелины в серых камнях. За последние сотни миллионов лет горы устали стоять и прилегли отдохнуть, придавленные временем и солнцем. На любого их посетителя тоже нападал приступ неодолимой лени.

— Эти горы совсем как пожилые крестьяне, греющиеся на солнце, — заметила она.

Однако они не видели таких пожилых крестьян в деревнях и поселках, через которые проезжали; никто не выглядел столь же расслабленным, как эти горы. Неоднократно они останавливались,

пропуская переходящие дорогу отары овец. Наконец возле дороги стали появляться такие деревеньки, каких они ожидали: с домами в пещерах, с растущими рядом хурмой и грецким орехом, с выложенными каменной плиткой невысокими постройками, с крышами, засыпанными обмолоченными кукурузными початками[83]. Даже собаки там были крупнее и злее.

Проезжая через горы, они несколько раз останавливались. День незаметно подошел к концу. Солнце садилось, и дорога уже давно пряталась в тени. По полной рытвин грунтовке Ло Цзи выехал на горный хребет, где еще светило солнце, и они решили, что пора возвращаться. Посмотрят заход солнца и повернут назад. Ее длинные волосы развевались на прохладном вечернем ветерке, словно старались ухватиться за последние золотые лучи.

Как только они вернулись на дорогу, их машина заартачилась. Сломалась подвеска одного из задних колес, и они были вынуждены просить помощи. Вскоре Ло Цзи выяснил у водителя проезжающего мимо легкого грузовика, как называется это место. К счастью, телефон принимал

---

[83] Примечания: 83
Это делают для теплоизоляции. (*Прим. перев.*)

сигнал. Когда он сообщил диспетчеру, где находится, ему сказали, что ремонтнику потребуется не меньше четырех или пяти часов, чтобы добраться туда.

После захода солнца воздух в горах остывает быстро. Когда стало темнеть, Ло Цзи набрал стеблей кукурузы на горных террасах неподалеку и развел костер.

— Тепло и хорошо, — сказала его спутница, глядя на пламя. Она была так же счастлива, как и в ту первую ночь перед камином. И снова Ло Цзи был ошеломлен тем, как Она красива в отблесках огня; снова он тонул в эмоциях, которых никогда раньше не чувствовал. Он сам становился костром, и согревать ее было единственной целью его существования.

— А волки здесь водятся? — спросила Она, осматриваясь в наступающей темноте.

— Нет. Северный Китай все же внутренняя область страны. Он только выглядит пустынным; на самом деле это один из наиболее густонаселенных районов. Посмотри на дорогу. По ней практически каждые две минуты проезжает машина.

— Я надеялась, что ты ответишь, что волки здесь бывают, — сказала Она с милой улыбкой и

стала следить за искрами, улетающими в ночь, подобно россыпи звезд.

— Хорошо. Здесь есть волки, но я рядом.

Они ни о чем больше не говорили — просто сидели у костра, время от времени подкармливая его сухими кукурузными стеблями.

Позднее — он не знал, когда именно — зазвонил телефон. Это была Бай Жун.

— Ты с ней? — мягко спросила она.

— Нет, я один, — ответил он, подняв глаза к небу. Он не лгал. Он и в самом деле был один возле костра у дороги через горы Тайхан. Пламя освещало камни вокруг; над головой было лишь звездное небо.

— Я знаю, что ты один. Но ты с ней?

Он помедлил и тихо ответил:

— Да.

Когда он опустил взгляд, Она была там — подбрасывала стебли в костер и улыбалась пламени.

— Теперь ты веришь, что любовь, о которой я пишу в своих романах, существует на самом деле?

— Да, верю.

Как только он произнес эти два слова, сразу понял, как широка пропасть, разделяющая его и Бай

Жун. Оба надолго замолчали; лишь радиоволны ткали свою невидимую паутину, соединяя их в последний раз.

— У тебя есть друг, не так ли? — спросил он.

— Да. Уже давно.

— Где он сейчас?

Он услышал ее легкий смех.

— Где еще он может быть?

Он тоже рассмеялся.

— Действительно, где еще?

— Ладно. Всего хорошего. Прощай. — Бай Жун отключилась, разрывая связь. Оборвалась нить, протянувшаяся через ночное небо; люди на ее концах немного огорчились, но не более того.

— Уже слишком холодно. Пойдем спать в машину, — предложил он своей спутнице.

Та отказалась движением головы.

— Нет, давай останемся здесь. Тебе нравится смотреть на меня в свете огня, ведь правда?

К полночи из Шицзячжуана приехала машина скорой дорожной помощи. Ремонтники удивились, обнаружив его возле костра.

— А чего вы сушняк-то жжете? Двигатель ведь в порядке. Сидели бы в машине, в тепле…

Когда машину отремонтировали, Ло Цзи помчался домой сквозь ночь. Он выбрался из гор на

равнину и к рассвету добрался до Шицзячжуана. К десяти утра он был в Пекине.

Вместо того чтобы идти в университет, он направился прямиком к психологу.

— Возможно, вам и требуется небольшая помощь, но ничего серьезного у вас нет, — заявил доктор, выслушав его длинный рассказ.

— Ничего серьезного? — Ло Цзи в удивлении широко открыл покрасневшие глаза. — Я безумно влюблен в персонажа своего собственного романа. Я был с ней, я путешествовал с ней, я даже порвал с моей настоящей любовницей ради нее. И вы утверждаете «ничего серьезного»?

Доктор терпеливо улыбнулся.

— Разве вы не понимаете? Я отдал всю мою глубочайшую любовь иллюзии!

— Вы полагаете, что объект любви всех других людей существует на самом деле?

— А разве это не так?!

— Нисколько. Для большинства людей то, что они на самом деле любят, существует лишь в их воображении. Объект их любви — не реальная женщина или реальный мужчина, а их образ в голове. Реальный человек — это всего лишь заготовка, на основе которой они создают своего идеального любовника. Проходит время, и они

начинают видеть разницу между идеалом и реальным человеком. Если они могут к этой разнице привыкнуть, то остаются вместе. Если нет, расстаются. Все очень просто. Вы отличаетесь от большинства только тем, что вам не нужна заготовка.

— Так, значит, я не болен?

— Только в том смысле, на который указала ваша подруга: у вас литературный талант от природы. Если хотите называть это душевной болезнью, называйте.

— Но разве это не чересчур — иметь настолько живое воображение?

— Воображение не бывает «чересчур». Особенно если речь идет о любви.

— Так что же мне делать? Как мне забыть о ней?

— Это невозможно. Вы не сможете о ней забыть, даже и не пытайтесь. Это приведет только к осложнениям, может быть, даже к психическому расстройству. Пусть все идет своим чередом. Подчеркну: не пытайтесь забыть ее. Не получится. Но со временем ее влияние на вас ослабнет. Вы, между прочим, счастливчик. Независимо от того, существует она на самом деле или нет, у вас есть любовь.

Вот таким было самое глубокое чувство Ло Цзи; это была любовь, которая приходит лишь один раз за всю жизнь. Потом он зажил бездумной жизнью, плывя по течению, как в тот самый день, когда они выехали на его «Аккорде». Слова психолога подтвердились: ее влияние на его жизнь ослабло. Она не появлялась, когда он обзаводился настоящей любовницей; а потом перестала появляться и тогда, когда он был один. Но он знал, что Она продолжает жить в самой глубине его души, Она будет там жить всегда. Он отчетливо видел ее мир — замерший, заснеженный пейзаж, где на небе всегда горят серебряные звезды и светит луна, где непрерывно падает снег. Там тихо шуршат снежинки, оседая на землю гладким слоем белого сахара. Посреди снегов стоит причудливо изукрашенный домик. В домике Ева, которую Ло Цзи создал из ребра собственного разума, сидит перед старинным камином и молча смотрит на пляшущий огонь.

Теперь, когда он был один в этом непонятно куда несущем его самолете, он желал, чтобы Она была с ним, чтобы они вместе гадали, что ждет его в конце пути. Но Она не появлялась. В самом далеком уголке своей души он все еще мог видеть ее, молча сидящую перед камином, никогда не

чувствующую одиночества — ведь она знала, что ее мир заключен внутри него.

Ло Цзи вспомнил про снотворное и протянул руку. Но как только его пальцы коснулись пузырька, тот взлетел с тумбочки к потолку. То же самое проделала одежда, которую он оставил на кресле. На несколько секунд они словно прилипли к потолку. Сам он тоже почувствовал, что взлетает с кровати; но спальный мешок был пристегнут, и полет не состоялся. Когда пузырек упал обратно, Ло Цзи тяжело рухнул на кровать. На несколько секунд его тело словно прижало прессом, и он не мог пошевелиться. Из-за внезапной невесомости и перегрузки у него закружилась голова; но через десяток секунд головокружение прошло, и все стало как прежде.

Он услышал мягкий шорох многочисленных шагов по ковру за стеной. Затем дверь открылась, и заглянул Ши Цян.

— Ло Цзи, у тебя все в порядке?

Когда Ло Цзи подтвердил, что все в порядке, Ши закрыл дверь, не входя. За дверью вполголоса продолжалось обсуждение.

— Похоже, что кто-то кого-то не понял во время смены сопровождения. Волноваться не о чем.

— Что сказало начальство, когда звонило рань-

ше? — Это был голос Ши Цяна.

— Они предупредили, что группе сопровождения через полчаса понадобится дозаправка в воздухе и что нам не следует тревожиться.

— В плане этой заминки нет, не так ли?

— Даже близко нет. В этом хаосе семь истребителей сопровождения сбросили дополнительные топливные баки.

— А чего тогда все так дергаются? Ладно, неважно. Иди поспи. Успокойся.

— Как же можно спать в таком состоянии?

— Оставь кого-нибудь на дежурстве. Какой от тебя прок, если ты не выспишься? Они могут попытаться держать нас в повышенной готовности все время, но у меня свое железное правило: если ты подумал обо всем, что надо, если ты сделал все, что надо, то дальше будь что будет. Пойми, ты ничего больше сделать не в состоянии. Не накручивай себя.

Услышав упоминание о «смене сопровождения», Ло Цзи потянулся к иллюминатору, открыл шторку и выглянул наружу. Море облаков по-прежнему простиралось в ночном небе. Луна спускалась к горизонту. Он увидел следы истребителей группы сопровождения; теперь их было на шесть больше. Он рассмотрел крохотные са-

молеты, порождающие эти следы, и отметил, что они другой модели, чем те четыре, которые он видел раньше.

Открылась дверь спальни, и на пороге появился Ши Цян.

— Ло, дружище, это был пустяк. Не о чем беспокоиться. Больше ничего не будет. Спи дальше.

— У нас еще остается время на сон? Как долго мы уже летим?

— Нам лететь еще несколько часов. Спи. — Он закрыл дверь и ушел.

Ло Цзи повернулся на кровати и подобрал пузырек. Ши ничего не оставил на волю случая: в пузырьке была только одна таблетка. Он проглотил ее, посмотрел на красный огонек под иллюминатором, представляя его пламенем в камине, и заснул.

* * *

Когда Ши Цян разбудил Ло Цзи, тот проспал больше шести часов без сновидений и чувствовал себя весьма неплохо.

— Мы почти на месте. Вставай и приводи себя в порядок.

Ло Цзи пошел умыться. Вернувшись в офис, где его ждал легкий завтрак, он почувствовал, что

самолет снижается. Десятью минутами позже пятнадцатичасовой полет завершился. Чартерный самолет замер на бетоне аэродрома.

Ши Цян оставил Ло Цзи ждать в офисе, а сам вышел наружу. Он вернулся с мужчиной европейской наружности. Тот был высок и одет с иголочки. По-видимому, какое-то официальное лицо.

— Это доктор Ло? — поинтересовалось лицо, глядя на него. Заметив трудности Ши Цяна с английским, он повторил свой вопрос на китайском.

— Да, это он, — подтвердил Ши Цян, а затем представил мужчину Ло Цзи: — Это господин Кент. Он здесь, чтобы встретить тебя.

— Большая честь, — сказал Кент и поклонился.

Пожимая ему руку, Ло Цзи почувствовал поразительную многоопытность этого человека. Многое было скрыто за этикетом, но блеск его глаз выдавал, что Кенту были известны многие тайны. Ло Цзи был зачарован его взглядом — дьявольским и одновременно ангельским, в котором и сверкали грани драгоценного камня, и дышала мощью атомная бомба… Из всей сложной информации, излучаемой этими глазами, Ло Цзи мог понять только одно: в жизни встречающего

сейчас наступил самый важный момент.

Кент обернулся к Ши Цяну:

— Отлично сработано! Свою часть задания вы выполнили безупречно. Другие встретились с небольшими трудностями по пути.

— Мы прислушались к нашему руководству. Мы придерживались принципа минимального количества этапов, — ответил Ши Цян.

— Совершенно верно. В данном случае минимальное количество этапов означает максимальную безопасность. А сейчас мы воспользуемся этим же принципом и отправимся напрямую в зал заседаний.

— Когда начнется заседание?

— Через час.

— Мы прибыли в последний момент?

— Заседание начнут сразу же после прибытия последнего кандидата.

— А, ну тогда хорошо. Произведем передачу?

— Нет. Вы по-прежнему отвечаете за его безопасность. Как я уже говорил, вы лучший.

Ши Цян пару секунд оставался в молчании, глядя на Ло Цзи. Затем кивнул.

— В последние несколько дней, пока мы осваивались и пытались справиться с ситуацией, наши люди встретились с рядом препятствий…

— Гарантирую, что с этого момента ничего такого больше не случится. У вас будет полная поддержка местной полиции и военных. Ну что ж, поехали.

Ступив наружу, Ло Цзи увидел, что там по-прежнему ночь. Вспомнив время отлета, он прикинул, где приблизительно они могли находиться. Стоял плотный туман, фонари светили тусклым желтым светом, но прочая обстановка их отлета, казалось, повторяется. В воздухе висели патрульные вертолеты, смутно видимые в тумане как тени с горящими огнями. Самолет был оцеплен военными автомобилями и солдатами, наблюдающими за окрестностями. Несколько офицеров с рациями собрались вместе и что-то обсуждали, изредка бросая взгляды на трап, поданный к самолету. Рев откуда-то сверху оглушил Ло Цзи, и даже невозмутимый Кент прикрыл уши. Взглянув вверх, они увидели неясные светлые силуэты, пролетающие низко над землей. Это были истребители сопровождения, кружащие над ними. Их выхлоп, еле видный сквозь туман, рисовал огромную окружность в небе, как если бы какой-то космический гигант пометил Землю мелом прямо в этом месте.

Все четверо сели в пуленепробиваемый ав-

томобиль, дожидавшийся у трапа, и поехали. Занавески на окнах были задернуты, но, судя по проникающим внутрь отсветам, машина двигалась в самой середине конвоя. Они ехали в полном молчании по дороге в неведомое будущее. Поездка заняла лишь сорок минут, но показалась Ло Цзи вечностью.

Когда Кент сообщил, что они приехали, Ло Цзи увидел на занавеске тень от скульптуры, подсвеченной ровным светом из здания позади. Он не мог ошибиться: это был гигантский револьвер со стволом, завязанным узлом. Ло Цзи теперь точно знал, где он: возле здания ООН в Нью-Йорке[84].

Он вышел из машины, и его сразу окружили люди, похожие на охранников — рослые, многие в темных очках, несмотря на ночное время. Он не мог рассмотреть окружающее; его сжали с боков с такой силой, что его ноги почти потеряли контакт с асфальтом, и повлекли вперед. Ничего не было слышно, кроме шагов. Когда напряженность этой странной драмы довела его почти до нервного срыва, идущие впереди охранники отошли в сторону. Перед глазами Ло Цзи вспыхнул свет, и

[84] Примечания: 84

Скульптура «Нет насилию» принадлежит шведскому скульптору Карлу Фредерику Рейтерсворду. (*Прим. перев.*)

все телохранители остановились, предоставив ему, Ши Цяну и Кенту продолжать движение самостоятельно. Они вошли в большой, тихий зал, пустой, за исключением нескольких охранников в черной форме. Те вполголоса докладывали в свои рации, когда трое прибывших проходили мимо. Они пересекли подвесной балкон в направлении витража, на котором яркими красками и замысловатыми линиями были изображены изломанные фигуры людей и животных.

Все трое повернули налево и вошли в небольшую комнату. Как только за ними закрылась дверь, Кент и Ши Цян обменялись улыбками, и на их лицах нарисовалось облегчение.

Ло Цзи осмотрелся и нашел комнату довольно любопытной. Стена с одной стороны была полностью занята абстрактным рисунком из желтых, белых, синих и черных геометрических фигур. Они случайным образом накладывались друг на друга и, казалось, висели над морем чистого синего цвета. Но самым необычным был большой камень в форме прямоугольной призмы. Он был установлен в середине комнаты и подсвечен несколькими неяркими лампами. Ло Цзи присмотрелся и заметил на камне прожилки окиси железа. Кроме абстрактной картины и камня в

комнате больше ничего не было.

— Доктор Ло, вам нужно переодеться? — спросил Кент по-английски.

— Что он говорит? — спросил Ши Цян. Когда Ло Цзи перевел, он резко замотал головой. — Нет, оставайся в этой одежде.

— Но это официальный прием! — Кент с трудом подбирал китайские слова.

— Нет, — сказал Ши Цян и снова замотал головой.

— В зале будут присутствовать только делегаты от стран, но не репортеры. Там должно быть довольно безопасно.

— Я сказал — нет. Если я правильно понял, теперь я отвечаю за его безопасность! — Ши кивнул в направлении Ло Цзи.

Кент уступил:

— Ладно. Это не так уж и важно.

— Вам следует кое-что объяснить ему, хотя бы в общих чертах. — Ши Цян указал взглядом на Ло Цзи.

— Я не уполномочен что-либо объяснять.

— Ну скажите хоть что-нибудь! — рассмеялся Ши Цян.

Кент повернулся к Ло Цзи. Его полное достоинства лицо напряглось, и он подсознательно

поправил свой галстук. Ло Цзи только теперь понял, что все это время Кент старался не смотреть прямо на него. Он также заметил, что Ши Цян выглядит другим человеком. Его постоянная ухмылка исчезла; вместо нее появилось серьезное выражение, и он во все глаза смотрел на Кента. Ло Цзи понял, что Ши Цян до сих пор говорил ему правду: он и в самом деле не имел понятия о цели визита.

Кент заговорил:

— Доктор Ло, могу сообщить вам лишь следующее. Вы сейчас примете участие в важном заседании, на котором будет сделано судьбоносное заявление. Во время этого заседания от вас ничего не потребуется.

Все замолчали. В комнате стояла тишина. Ло Цзи явственно слышал биение своего сердца. Он осознал, что находится в Комнате медитации. В центре комнаты лежал камень весом в шесть тонн — обтесанный кусок чистейшей железной руды, символизирующий вечность и прочность. Подарок от Швеции. Но сейчас Ло Цзи вовсе не хотелось медитировать; он изо всех сил старался ни о чем не думать. Воистину Ши Цян прав: от любых размышлений только съедешь с катушек. Ло Цзи принялся пересчитывать фигуры в аб-

страктной картине.

Приоткрылась дверь; кто-то заглянул в комнату и кивнул Кенту. Тот повернулся к своим спутникам:

— Пора в зал. Доктора Ло никто не знает, поэтому никто не обратит внимания, если мы войдем вместе.

Ши Цян кивнул и с улыбкой помахал Ло Цзи рукой:

— Подожду тебя снаружи.

Ло Цзи полегчало. Сейчас Ши Цян был его единственной опорой.

Затем Кент провел его из Комнаты медитации в зал Генеральной ассамблеи ООН.

Зал полнился людьми и гулом голосов. Поначалу, когда Кент и Ло Цзи шли вдоль прохода, они не привлекали внимания. Но когда они приблизились к первым рядам, на них стали поглядывать. Кент посадил его в крайнее кресло в пятом ряду, а сам пошел дальше и занял место во втором.

Ло Цзи оглянулся вокруг. Он находился в помещении, которое видел по телевидению бесчисленное количество раз. Но те кадры не позволяли полностью проникнуться смыслом, который хотели выразить строители здания. Прямо перед ним было огромное желтое углубление в стене

зала. В нем располагалась эмблема ООН, служившая фоном для трибуны. Стена с углублением ощутимо наклонялась навстречу залу, словно утес, готовый в любую минуту обвалиться. Купол зала напоминал звездное небо; он был построен отдельно от желтой стены и не добавлял равновесия общей картине. Мало того, он как бы давил на стену сверху, делая ее еще более неустойчивой и создавая неодолимое впечатление, что стена вот-вот завалится. Сегодня казалось, что одиннадцать архитекторов, спроектировавших здание в середине XX века, предвидели затруднения, с которыми столкнется человечество.

Отвлекшись от рассматривания зала, Ло Цзи прислушался к разговору двух своих соседей по ряду. Он не понял, кто они по национальности, но говорили они на хорошем английском языке.

— Вы на самом деле верите в решающую роль личности в истории?

— Ну, я думаю, что это теория, которую невозможно доказать или опровергнуть, разве что мы откатим время назад, убьем пару или дюжину выдающихся людей и посмотрим, что станет с историей. Разумеется, нельзя исключать варианта, что ход истории был определен теми реками, которые выкопали или запрудили эти личности.

— Но есть и другой вариант: эти ваши великие люди могут оказаться не более чем пловцами в реке истории. Может быть, они оставили свои имена в истории из-за мировых рекордов, которые установили, или из-за почета и известности, которые заслужили, но на течение самой реки не оказали никакого влияния. Впрочем, учитывая наше положение, какой смысл об этом задумываться?

— Беда в том, что во время процесса принятия решений над подобными вопросами никто не задумывался. Страны-участницы озабочены только такими вещами, как равноправие кандидатов и доступ к ресурсам.

Генеральный секретарь Сэй взошла на трибуну, и в зале установилась тишина. Администрации этого филиппинского политика довелось работать и до, и после кризиса. Если бы голосование проводили чуть позже, то ее не избрали бы, поскольку утонченная азиатка не создавала ощущения мощи, которой жаждал мир, охваченный Трисолярианским кризисом. Теперь ее хрупкая фигура выглядела миниатюрной и беспомощной на фоне наклонного утеса стены. Когда она поднималась на сцену, Кент остановил ее и что-то прошептал на ухо. Сэй посмотрела в зал, кивнула

и пошла дальше.

Ло Цзи был уверен, что Генеральный секретарь посмотрела на него.

Взойдя на трибуну, она окинула взглядом собравшихся и начала:

— Девятнадцатое заседание Совета обороны планеты подошло к последнему пункту повестки дня: оглашение кандидатур Отвернувшихся и объявление о начале проекта «Отвернувшиеся».

— Прежде чем мы перейдем к этому пункту, считаю необходимым вкратце рассказать о проекте «Отвернувшиеся».

Проект был разработан постоянными членами бывшего Совета Безопасности во время экстренных переговоров после начала Трисолярианского кризиса.

Стороны отметили следующие обстоятельства. Растет количество свидетельств того, что после появления первых двух софонов в Солнечную систему постоянно прибывают все новые и новые. Этот процесс продолжается и в настоящий момент. Таким образом, для врага Земля — прозрачный мир, открытая книга, которую он может читать в любое время. У человечества нет от него никаких тайн.

Международное сообщество недавно развер-

нуло нашу основную оборонную программу. Она полностью открыта для глаз врага, как в стратегии высшего порядка, так и в малейших технологических и военных деталях. Каждая комната совещаний, каждый сейф с документами, компьютерные диски и память — нет ни одного места, куда бы софоны не могли заглянуть. Каждый план, каждая программа, каждое передвижение войск, неважно, сколь малое, станут известны вражескому штабу в четырех световых годах отсюда, как только они произойдут на Земле. Обмен информацией между людьми в любой форме приводит к утечке.

Нам следует учитывать один факт: приемы стратегии и тактики не развиваются вместе с техническим прогрессом. Согласно надежным разведывательным данным, трисоляриане общаются путем открытой, направленной передачи мыслей. Это делает их малоспособными к хитрости, маскировке и обману, что дает людям огромное преимущество перед врагом. Мы не можем позволить себе потерять это преимущество. Основатели проекта «Отвернувшиеся» считают, что параллельно с основной программой обороны должно осуществляться множество других стратегических инициатив. Эти инициативы

должны быть тайными, недоступными для противника. Было предложено несколько решений, но в результате реально осуществимым оказался только проект «Отвернувшиеся».

Должна сделать оговорку: у человечества все еще остаются тайны — в нашем внутреннем мире. Софоны понимают язык людей; они с огромной скоростью могут читать печатный текст и любую информацию на машинных носителях. Но они не могут читать наши мысли. Каждый человек может сколь угодно долго хранить секрет от софонов — если он никому его не раскрывает и ни на чем не записывает. На этом и основан проект «Отвернувшиеся».

Суть проекта в том, что отбирается группа людей, которые будут формулировать стратегические инициативы и руководить их осуществлением. Эти люди будут строить такие планы исключительно в своем уме, без сообщения с окружающим миром. Истинные замыслы и необходимые для их осуществления шаги останутся внутри мозга. Мы будем называть этих людей Отвернувшимися, поскольку в древности подобное имя — «Смотрящие в стену» — носили те, кто занимался медитацией. Такое имя отражает специфику их деятельности. Когда они будут

руководить осуществлением своих стратегических разработок, они будут демонстрировать для всего мира ложные мысли и ложное поведение; это будет тщательно подготовленная смесь маскировки, отвлекающих маневров и обмана. Отвернувшиеся будут обманывать весь мир — как врагов, так и союзников — до тех пор, пока не возникнет гигантский, умопомрачительный лабиринт иллюзий, в котором враг не сможет разобраться. Это выиграет нам время, отсрочит момент, когда противник в конце концов разгадает наши истинные стратегические намерения.

Мы предоставим Отвернувшимся широкие полномочия, которые позволят им получить и пользоваться частью существующих военных ресурсов Земли. Осуществляя свои планы, Отвернувшиеся не будут обязаны давать какие-либо объяснения своим действиям и распоряжениям, даже если их поведение непонятно. Наблюдение и контроль за действиями Отвернувшихся возлагаются на Совет обороны планеты при ООН. Это единственная организация, у которой в соответствии с принятым ООН Законом об Отвернувшихся будет право вето на приказы Отвернувшихся.

Для того чтобы гарантировать непрерывность

проекта, Отвернувшимся будет предоставлена технология гибернации. Они смогут дожить до битвы Судного дня. Отвернувшиеся сами решат, когда и при каких обстоятельствах их следует разбудить. На протяжении ближайших четырех веков Закон ООН об Отвернувшихся будет существовать под эгидой международных законов на уровне Устава ООН. С целью гарантированного выполнения стратегических инициатив Отвернувшихся внутреннее законодательство стран должно быть согласовано с этим законом.

Отвернувшимся выпало самое сложное задание во всей истории человечества. Они останутся наедине с собой; их души будут закрыты для мира, для всей Вселенной. Их единственным доверенным лицом и их единственной духовной поддержкой будут они сами. Они будут нести эту великую ответственность в одиночестве на протяжении многих лет. Позвольте мне от имени всего человечества выразить им наше глубочайшее уважение.

А теперь я от лица ООН назову имена четверых Отвернувшихся, отобранных Советом обороны планеты при ООН.

Ло Цзи, как и вся аудитория, с восхищением и вниманием прислушивался к выступлению

Генерального секретаря. Он затаил дыхание. Каких же людей избрали для такого невероятного задания? На время он совершенно забыл о своей собственной судьбе, поскольку, что бы с ним ни случилось, это было мелочью на фоне такого исторического момента.

— Первый Отвернувшийся: Фредерик Тайлер.

Как только Генеральный секретарь произнесла имя, Тайлер поднялся со своего кресла в первом ряду и уверенно прошел на сцену, откуда стал без выражения смотреть в зал. Аплодисментов не последовало — собравшиеся сидели и молча смотрели на первого Отвернувшегося. Высокая, худая фигура Тайлера и очки в прямоугольной оправе были хорошо знакомы всему миру. Недавно ушедший в отставку министр обороны США, он сохранял существенное влияние в вопросах национальной стратегии. Он объяснил свою идеологию в книге «Истина и технология». В ней он утверждал, что от плодов технологии наибольшие преимущества получают малые страны, а напряженная работа крупных стран по развитию технологии способствует достижению малыми странами главенства в мире. Тайлер утверждал, что технологический прогресс делает превосходство крупных стран в людских и

природных ресурсах маловажным, в то же время предоставляя малым странам рычаг, чтобы перевернуть мир. Страна с населением всего в несколько миллионов человек, обладающая ядерными технологиями, может представлять значительную угрозу для страны с населением в сотню миллионов. Ранее такое было невозможно. Одним из его ключевых утверждений было то, что преимущества большой страны оставались истинными преимуществами только в эру примитивных технологий. В будущем высокие темпы технологического прогресса ослабят такие страны, а малые страны увеличат свое стратегическое влияние. Некоторые из них могут внезапно усилиться и занять господствующее положение в мире, как однажды это случилось с Испанией и Португалией. Несомненно, что философия Тайлера предоставила теоретическую базу для глобальной войны против террора, которую вели США. Но он был не только стратегом. Он был также человеком действия, и его неоднократно хвалили за храбрость и дальновидность перед лицом серьезной угрозы. Все это делало Тайлера добротным Отвернувшимся — и по глубине мышления, и по способности к руководству.

— Второй Отвернувшийся: Мануэль Рей Диас.

Ло Цзи удивился, когда этот коренастый, загорелый южноамериканец с упрямым взглядом взошел на сцену — для него было крайне необычно даже появиться в ООН. Но с другой стороны, на то были причины. Почему это не пришло в голову Ло Цзи сразу? Рей Диас был действующим президентом Венесуэлы, которая под его руководством отлично демонстрировала теорию Тайлера о росте влияния малых стран. Он продолжил дело боливарианской революции, начатое Уго Чавесом. Современным миром правят капитализм и рыночная экономика. А он строил в Венесуэле социализм XXI века, основанный на опыте международного социалистического движения прошлого столетия. К всеобщему удивлению, он достиг значительных успехов, подняв мощь страны во всех областях и превратив на время для всего мира Венесуэлу в «землю обетованную», символ равенства, справедливости и достатка. Другие южноамериканские страны последовали примеру Венесуэлы, и на континенте ненадолго вспыхнуло пламя социализма.

Рей Диас унаследовал от Чавеса не только социалистическую идеологию, но и его горячий антиамериканизм, который напомнил США, что их латиноамериканский «задний двор» может

стать вторым Советским Союзом, если не принять мер. Однажды случайность и взаимное непонимание дали США повод к полномасштабному вторжению. Целью было устранение правительства Рей Диаса по иракскому сценарию. Но в этой войне череда побед сильных стран Запада над слабыми странами третьего мира закончилась. Когда армия США перешла границу, она не обнаружила регулярных частей противника. Всю армию Венесуэлы поделили на партизанские отряды, растворившиеся среди населения. Им поставили только одну боевую задачу: уничтожать неприятельскую живую силу. Стратегия Рей Диаса строилась на одной простой идее: современное высокотехнологичное оружие может быть полезно против точечных целей, но против площадных целей оно не более эффективно, чем обычное; высокая стоимость и ограниченное количество сложных боеприпасов делают их применение нерациональным.

Он был гением в вопросах недорогого, но современного оружия. В начале века один австралийский инженер построил крылатую ракету за пять тысяч долларов. Он предназначал ее для борьбы с терроризмом. Но тысячи партизанских отрядов Рей Диаса имели на вооружении двести

тысяч таких ракет — их массово изготавливали всего по три тысячи долларов за штуку. Хотя ракеты собирали из дешевых и легкодоступных деталей, у них были радиолокационный высотомер и GPS. Такие ракеты поражали цель на расстоянии пять километров с погрешностью в пять метров. Лишь одна ракетная атака из десяти оказывалась успешной, но тем не менее они привели к огромным потерям у противника. Во время войны хорошо зарекомендовали себя и другие массово производимые поделки высоких технологий — такие как снайперские пули с бесконтактным взрывателем. Во время своего недолгого пребывания в Венесуэле армия США понесла потери, приближающиеся к потерям во вьетнамской войне. США были вынуждены отозвать войска. Поражение сильного от руки слабого превратило Рей Диаса в героя XXI века.

— Третий Отвернувшийся: Билл Хайнс.

На сцену взошел добродушный англичанин, сама изысканность по сравнению с холодностью Тайлера и упрямством Рей Диаса. И он пользовался известностью в мировом масштабе, пусть и не обладал аурой первых двоих. Жизнь этого изящно приветствовавшего ассамблею человека разделилась на две совершенно различные части.

Он был единственным ученым в истории, кто был выдвинут на соискание Нобелевской премии сразу по двум наукам за одно и то же открытие. Проводя исследования совместно с известным нейрофизиологом Кейко Ямасуки, он обнаружил, что мозг обрабатывает мысли и воспоминания на квантовом уровне, а не на молекулярном, как считалось раньше. Его открытие уменьшило размер «деталей» мозга до размера элементарных частиц. Все предыдущие исследования оказались лишь скольжением по верхам нейрофизиологии. Открытие также показало, что способность мозга животных обрабатывать информацию оказалась на несколько порядков выше, чем предполагалось. Это согласовывалось с давней гипотезой о голографической структуре мозга. За эту работу Хайнс был номинирован на премии в физике и в физиологии/медицине. Его исследования оказались слишком радикальными для того, чтобы ему присудили Нобелевскую премию, но Кейко Ямасуки, которая к тому времени стала его женой, получила премию за тот год по физиологии/медицине за использование этой теории в разработке методов лечения амнезии и психического расстройства.

На следующем этапе своей жизни Хайнс стал

политиком и проработал два года на посту президента Европейского союза. Хайнса знали как мудрого и опытного деятеля, но годы его службы были омрачены многими осложнениями, которые потребовали всех его умений. Работа в Евросоюзе заключалась в основном в поддержке торговли, и поэтому он не набрал такого опыта действий в кризисной ситуации, как два других Отвернувшихся. Но Хайнса выбрали, по-видимому, как из-за его научной, так и политической деятельности; это было ценным и редким совпадением.

Кейко Ямасуки, ученый-нейробиолог мирового уровня, сидела в последнем ряду зала и с любовью взирала на мужа, стоящего на сцене.

Собравшиеся хранили молчание — все ждали объявления имени последнего Отвернувшегося. Первые три — Тайлер, Рей Диас и Хайнс — были компромиссом между политическими блоками США, Европы и третьего мира; поэтому последний выбор представлял значительный интерес. Когда Ло Цзи увидел, что Сэй снова устремила взгляд на текст своего доклада, в его голове промелькнули имена нескольких мировых знаменитостей. Последний Отвернувшийся, конечно же, должен быть человеком известным. Ло Цзи всмотрелся

в спины сидящих в первом ряду — именно там сидели первые три Отвернувшихся до тех пор, пока их не вызвали на сцену. Глядя сзади, он не мог понять, сидит ли там кто-то из тех, чьи имена пришли ему в голову. Но в любом случае четвертый Отвернувшийся должен быть среди них.

Сэй медленно подняла правую руку, и Ло заметил, что она указывает не на первый ряд.

Она указывала на него.

— Четвертый Отвернувшийся: Ло Цзи.

* * *

— Вот он, мой «Хаббл»! — вскричал Альберт Ринье, хлопая в ладоши. В его полных слез глазах блестело отражение далекого огненного шара. Грохот, доносящийся со стартовой площадки, постепенно стихал, пока через несколько секунд не исчез совсем. И Ринье, и радостной толпе астрономов позади него следовало бы наблюдать за пуском с VIP-трибун поближе. Но чертов бюрократ из НАСА сказал, что у них нет надлежащего доступа, потому что, видите ли, отправившийся на орбиту объект принадлежит не им. Затем бюрократ повернулся к группе генералов при всех регалиях, важных как индюки, и, по-собачьи пресмыкаясь, повел их мимо поста охраны к плат-

форме обозрения. Ринье с коллегами пришлось стоять в отдалении. В прошедшем столетии здесь, на противоположном от стартовой площадки берегу озера, были установлены часы с обратным отсчетом. Место было доступно для всех, но в этот поздний час тут не было никого, кроме ученых.

С такого расстояния пуск ракеты был похож на преждевременный восход солнца. Прожекторы не освещали ракету после подъема; ее внушительный корпус был неразличим рядом с ослепительным факелом. Мир вдруг вырвался из-под покрова ночи и расцвел великолепным световым шоу. Золотистые волны разбежались по чернильно-черной поверхности озера, как если бы пламя зажгло саму воду. Астрономы следили за подъемом ракеты. Пронзая облака, она окрасила половину неба в багрянец. А затем ракета исчезла в небе Флориды, и ночь поглотила недолгий рассвет.

Космический телескоп «Хаббл II» принадлежал ко второму поколению. Его диаметр увеличили до 21 метра; у его предшественника диаметр составлял лишь 4,27 метра. Телескоп стал в пятьдесят раз лучше. В телескопе применялась технология составного зеркала — зеркало нужно было собрать в космосе из множества сегментов.

Понадобилось одиннадцать запусков, чтобы доставить на орбиту все детали; этот полет был последним. Сборка «Хаббла II» возле МКС близилась к завершению. Через два месяца он обратит свой взор в глубины Вселенной.

— Вы шайка воров! Вы украли очередную прекрасную вещь, — обратился Ринье к стоящему неподалеку высокому человеку — единственному, кого запуск ракеты не интересовал. Джордж Фицрой повидал слишком много пусков. Все это время он курил сигарету, прислонившись к часам. Фицрой стал военным представителем уже после того, как программу «Хаббл II» передали военным; но поскольку он почти всегда ходил в гражданском, Ринье не знал его звания и никогда не называл его «сэр». Для него было достаточно называть вора вором.

— Доктор, в военное время армия имеет право истребовать любое гражданское оборудование. Кроме того, вы, например, не отшлифовали ни одного сегмента зеркала, не придумали ни единого винтика для «Хаббла II». Вы здесь только затем, чтобы порадоваться его успеху; так что не вам предъявлять претензии. — Фицрой зевнул, как будто общение с этой группой умников его утомило.

— Но не будь нас, он бы вообще никому не был нужен! Гражданское оборудование? Он может заглянуть за край Вселенной — но вы, близорукие типы, хотите пялиться всего лишь на ближайшую звезду!

— Как я уже сказал, идет война. Война во имя защиты человечества. Даже если вы забыли, что вы американец, вы хотя бы помните, что вы человек?

Ринье вздохнул и кивнул, но тут же досадливо покачал головой.

— Но что вы рассчитываете увидеть? Вы ведь осознаете, что планету трисоляриан он разглядеть не в состоянии!

Теперь вздохнул Фицрой:

— Что там планета… Публика убеждена, что с его помощью можно будет увидеть трисолярианский флот!

— Замечательно! — отозвался Ринье. В темноте его лицо было плохо видно, но Фицрой почувствовал в этом слове неприкрытое ехидство. Ему стало неуютно — как от этого сарказма, так и от резкого запаха, которым несло со стороны стартовой площадки.

— Доктор, вы должны понимать, что это означает.

— Если люди возлагают такие большие надежды на «Хаббл II», то они, наверное, не поверят в существование врага, пока не увидят трисолярианский флот собственными глазами — вот что это означает!

— И вы находите это приемлемым?

— Но вы же разъяснили народу, что это невозможно, не так ли?

— Само собой, разъяснили! Мы созвали четыре пресс-конференции, и я из кожи вон лез, втолковывая им, что, хотя «Хаббл II» на порядки превосходит любой из имеющихся телескопов, он не сможет разглядеть трисолярианский флот — тот слишком мал! Обнаружить планету в другой звездной системе из нашей Солнечной системы — это как с восточного побережья США увидеть комара, сидящего на фонаре на западном побережье! А флот трисоляриан по размеру будет как бактерия на одной из ножек этого комара! Куда уж понятнее?

— Понятнее некуда, — согласился Ринье.

— Но что еще мы можем сделать? Народ верит, во что хочет. Я не первый год на этом посту и не видел ни одного космического проекта, который публика не поняла бы превратно.

— Я давно уже утверждаю, что военные потеря-

ли доверие в том, что касается космоса.

— Но *вам* люди готовы поверить. Разве они не называют вас вторым Карлом Саганом? Вы неплохо заработали на ваших популярных книжках по космологии. Поддержите нас. Об этом просят военные, и я официально передаю вам их просьбу.

— Мы договариваемся об условиях в частном порядке?

— Нет никаких условий! Это ваш долг как американца. Как землянина.

— Дайте мне чуть больше времени для наблюдений. Я много не прошу. Поднимите мою долю до двадцати процентов. Договорились?

— Вы и так отлично справляетесь при ваших двенадцати с половиной процентах — и даже их никто не может гарантировать в будущем. — Фицрой ткнул рукой в направлении стартовой площадки. След от ракеты оставил в ночном небе размытую полосу. В свете прожекторов площадки он выглядел как пятно от молока на джинсах. Неприятный запах усилился. Первая ступень ракеты работала на жидком кислороде и жидком водороде и не могла вызвать такого запаха. Что-то загорелось от потока пламени, отводимого стартовой площадкой.

— Я вам точно говорю, будет еще хуже, — заве-

рил астронома Фицрой.

* * *

Ло Цзи показалось, что наклонная стена придавила его всем своим весом, и на мгновение его парализовало. В зале стояла полная тишина, пока чей-то тихий голос позади не позвал: «Доктор Ло, будьте добры...» Он с трудом встал и на деревянных ногах пошел на сцену. Во время этого короткого пути ему казалось, что он стал беспомощным ребенком. Как было бы хорошо, если бы кто-нибудь взял его за руку и повел вперед. Но никто не пришел к нему на помощь. Он поднялся на сцену, встал рядом с Хайнсом и повернулся к залу.

Сотни пар глаз смотрели на него — глаз, которые представляли шесть миллиардов человек из более чем двухсот государств Земли.

Ло Цзи не запомнил ничего из оставшейся части сессии. В памяти осталось, что какое-то время он стоял на сцене, а потом его отвели к креслу в середине первого ряда, рядом с тремя другими Отвернувшимися. В забытьи он пропустил исторический момент, когда провозгласили начало проекта «Отвернувшиеся».

А потом сессия, по-видимому, закончилась, и

люди, включая трех Отвернувшихся, сидевших слева от Ло Цзи, начали расходиться. Какой-то человек, возможно, Кент, что-то прошептал ему на ухо, прежде чем уйти. Затем зал опустел, за исключением Генерального секретаря, оставшейся на трибуне. Ее легкая фигура на фоне грозного утеса будто противостояла одинокому, потерянному Ло Цзи.

— Доктор Ло, мне кажется, у вас есть вопросы. — Мягкий женственный голос Сэй отражался эхом в пустом зале, словно это говорил дух, сошедший с небес.

— Произошла какая-то ошибка? — спросил Ло Цзи. Его голос тоже звучал как неземной, принадлежащий кому-то другому.

Сэй на трибуне засмеялась. Ее смех означал: «Вы и в самом деле полагаете, что это возможно?»

— Но почему я? — недоумевал Ло Цзи.

— Вам предстоит найти свой собственный ответ на этот вопрос.

— Но я же самый обычный человек!

— Перед лицом этого кризиса мы все обычные люди. Но у каждого из нас свои обязанности.

— Никто не спрашивал моего мнения заранее. Я ничего не знал!

Сэй опять рассмеялась.

— Разве ваше имя не означает по-китайски «логика»?

— Означает.

— Тогда вы сами сообразите, почему нельзя спрашивать мнения кандидатов на такую работу, прежде чем ее поручить.

— Я отказываюсь, — уверенно сказал Ло Цзи, не давая себе труда даже задуматься над ответом Сэй.

— Как вам будет угодно.

Быстрота ее ответа ошеломила Ло Цзи. Он выждал несколько секунд и произнес:

— Я отказываюсь от должности Отвернувшегося; я отказываюсь от всех прав, которые она дает, и не принимаю ответственности, которую вы на меня возложили.

— Как вам будет угодно.

Этот простой и немедленный ответ на его заявление, легкий, как стрекоза, касающаяся воды, отключил его способность думать. Все мысли словно напрочь вымело из его разума.

— Так… я могу идти? — Это было единственное, что он смог из себя выдавить.

— Как скажете, доктор Ло. Вы можете делать все, что пожелаете.

Ло Цзи развернулся и пошел между рядами

пустых кресел. Он не находил ни комфорта, ни облегчения в легкости, с которой он сбросил с себя должность и обязанности Отвернувшегося. Он исполнился чувства нереальности происходящего, как в лишенной всякой логики постмодернистской пьесе.

У выхода он обернулся и посмотрел на Сэй — та наблюдала за ним с трибуны. Она казалась такой маленькой и беспомощной на фоне утеса… Увидев, что он оглянулся, она кивнула и улыбнулась.

Он пошел дальше, через холл с маятником Фуко, демонстрирующим вращение Земли. Там его встретили Ши Цян, Кент и группа одетых в черное охранников. Все вопросительно смотрели на Ло Цзи. В их глазах он видел новое уважение и восхищение. Даже на лицах Ши Цяна и Кента, которые до этого вели себя с ним по-свойски, отражались те же чувства, которых они и не пытались скрыть. Ло Цзи молча прошел между ними дальше, в пустой вестибюль — как и тогда, когда он входил в здание ООН, в нем никого не было, кроме охранников. Как и раньше, когда он проходил мимо, они тихо шептали в свои рации. У выхода Ши Цян и Кент остановили Ло Цзи.

— Снаружи может быть опасно. Тебе нужна

охрана? — спросил Ши Цян.

— Нет, не нужна. Освободите дорогу. — Ло Цзи неотрывно смотрел прямо перед собой.

— Хорошо. Мы можем лишь следовать твоим указаниям, — согласился Ши Цян и отошел в сторону. Кент сделал то же самое. Ло Цзи вышел через дверь.

Холодный воздух ударил ему в лицо. Все еще стояла ночь, но территория снаружи здания была ярко освещена уличными фонарями. Делегаты, прибывшие на специальную сессию, уже разъехались; немногие люди, остававшиеся на площади, были либо туристами, либо местными жителями. Об историческом заседании еще не сообщили в новостях, и никто Ло Цзи не узнавал; его присутствие не привлекало ничьего внимания.

Ло Цзи, Отвернувшийся, брел, как лунатик, сквозь абсурдный, нереальный мир. Потерявшись в своем трансе, он утратил способность к рациональному мышлению и не имел понятия, ни откуда идет, ни тем более куда. Ничего не соображая, он ступил на газон и приблизился к стоящей там статуе. Когда его блуждающий взор наткнулся на нее, Ло Цзи заметил, что это был человек, перековывающий меч: «Перекуем мечи на

орала»[85] — подарок ООН от бывшего СССР. В уме Ло Цзи мощная композиция, образованная молотом, дюжим молотобойцем и выгнутым мечом, придавала скульптуре оттенок воинственности.

А затем молотобоец жестоко и яростно ударил Ло Цзи прямо в грудь. Удар повалил его на землю; он потерял сознание прежде, чем коснулся травы. Но потрясение быстро прошло, и вскоре он частично очнулся, чувствуя боль и головокружение. Ему пришлось зажмуриться из-за множества направленных на него ярких фонариков. Затем круги света отдалились, и он увидел над собой лица людей. В черном облаке тумана и боли он узнал голос Ши Цяна, говоривший:

— Так как насчет охраны? Мы можем лишь следовать твоим указаниям!

Ло Цзи слабо кивнул. Все остальное промелькнуло как вспышка. Он почувствовал, что его укладывают на что-то, похожее на носилки, потом носилки поднимают. Его окружала тесная группа людей; он как бы находился в яме, стены которой были образованы человеческими телами. Из этой ямы он видел лишь темное ночное

[85] Примечания: 85

Скульптура Е.В. Вучетича, копия которой стоит во дворе Третьяковской галереи на Крымском Валу. (*Прим. перев.*)

небо; только мелькание ног окружающих его людей говорило ему, что они движутся. Вскоре яма исчезла, как и небо над ним; их заменил освещенный потолок кареты «Скорой помощи». Он почувствовал кровь во рту. Его вырвало. Кто-то рядом аккуратно и привычно принял рвоту — кровь и остатки самолетной еды — в пластиковый пакет. Потом кто-то приложил к его лицу кислородную маску. Когда ему стало легче дышать, он почувствовал себя немного лучше, хотя грудь по-прежнему болела. Он ощутил, что его одежду разрезают на груди, и в ужасе представил себе алую кровь, бьющую из раны. Но он не угадал, поскольку его не стали перевязывать, только накрыли одеялом. Через небольшое время карета остановилась. Его вынесли наружу; над ним промелькнуло ночное небо, за которым последовали светлые потолки больничных коридоров, сменившиеся потолком палаты срочной помощи, а затем красной светящейся дугой компьютерного томографа. Время от времени над ним склонялись лица докторов и медсестер; эти люди причиняли ему боль, ощупывая и исследуя его грудь. Наконец он увидел над собой потолок обычной палаты, и все успокоилось.

— Одно сломанное ребро и небольшое внутрен-

нее кровотечение. Это неопасно. Вы не получили серьезных ранений, но вам необходимо отлежаться. — Доктор в очках смотрел на него сверху вниз.

На этот раз Ло Цзи не стал тянуть со снотворным. Медсестра помогла ему принять таблетки, и он быстро заснул. Во сне у него перед глазами мелькали две картины: трибуна зала заседаний ООН, нависающая над ним, как скала, и молотобоец из «Перекуем мечи на орала», снова и снова бьющий его молотом. Потом он набрел на тихий сугроб глубоко в своем сердце и вошел в скромный снаружи, изящно обставленный домик. Созданная им Ева, сидевшая возле камина, встала ему навстречу. Ее прекрасные глаза были полны слез… Он проснулся и обнаружил слезы в своих собственных глазах и мокрое пятно на подушке. В палате царил полумрак; поскольку Она не появлялась, когда Ло Цзи бодрствовал, он снова заснул, в надежде вернуться в домик. Но на этот раз он спал без сновидений.

Проснувшись в следующий раз, Ло Цзи понял, что спал долго. Он отлично отдохнул. В груди все еще пульсировала боль, но он верил, что его ранение несерьезно. Когда он попытался присесть в кровати, медсестра-блондинка не остановила

его, а просто поправила ему подушку, чтобы было легче на нее опираться. Через некоторое время пришел Ши Цян и сел возле постели.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. — В меня три раза стреляли, когда я носил пуленепробиваемый жилет. Неприятно, но не смертельно.

— Да Ши, вы спасли мне жизнь, — слабым голосом признал Ло Цзи.

Ши Цян отмахнулся.

— А, мы сами виноваты — не приняли своевременных и эффективных мер защиты. Мы ведь обязаны слушаться твоих указаний. Ну да теперь все в прошлом.

— А трое других?

Ши Цян сразу понял, о ком говорит Ло Цзи.

— С ними все в порядке. Они не настолько беспечны, чтобы разгуливать в одиночестве.

— ОЗТ хочет нас всех убить?

— Вероятно. Киллера задержали. Хорошо, что мы следовали позади и держали «змеиные глаза» наготове.

— Что держали наготове?

— Это высокоточная радарная система, которая быстро вычисляет позицию снайпера по траектории пули. Имя стрелка уже известно. Профессиональный военный из ополчения ОЗТ.

Мы и думать не могли, что он осмелится напасть в центре города. Практически самоубийца.

— Я хотел бы увидеться с ним.

— С кем? Со стрелком?

Ло Цзи кивнул.

— Нет проблем. Но это выходит за рамки моих полномочий. Я только отвечаю за охрану. Я передам твое требование. — Ши Цян повернулся и вышел. Он теперь выглядел более аккуратным и более осторожным, в отличие от бесшабашного персонажа, которого он играл раньше. Ло еще не привык к его новому образу.

Ши Цян вскоре вернулся и сообщил:

— Ты можешь с ним встретиться здесь или в любом другом месте. Доктор уверяет, что тебе можно ходить.

Ло Цзи хотелось ответить, что он предпочел бы другое место. Он даже слегка привстал, но потом, сообразив, что прикинуться больным будет полезнее, лег обратно.

— Я встречусь с ним прямо здесь.

— Они уже выехали; придется подождать. Почему бы тебе не перекусить? Ты ел последний раз в самолете, сутки назад. Я все устрою. — И он снова вышел.

Молодого человека приятной европейской

наружности ввели, когда Ло Цзи закончил с едой. Самой заметной чертой снайпера была улыбка — она никогда не исчезала и казалась приклеенной. На нем не было наручников; но когда он вошел, два человека, по виду профессиональные охранники, сели на стулья, а еще два встали в дверях. Прицепленные к костюмам бейджики сообщали, что они офицеры СОП.

Ло Цзи попытался прикинуться полумертвым, но стрелок сразу раскусил его игру.

— Доктор, вы же не настолько плохо себя чувствуете? — Он улыбнулся, но другой улыбкой, появившейся поверх его постоянной, как тончайшая пленка нефти на воде. — Мне очень жаль.

— Вам жаль, что вы пытались убить меня? — Ло Цзи поднял голову с подушки, чтобы взглянуть на нападавшего.

— Мне жаль, что я вас не убил, сэр. Не думал, что вы пойдете на подобное заседание в пуленепробиваемой одежде. Не представлял, что вы будете так старательно беречь свою жизнь. Иначе я бы воспользовался бронебойными пулями или просто выстрелил бы вам в голову. Мое задание было бы выполнено, а вы освободились бы от своего — от противоестественного, немыслимого поручения, которое обычному человеку не по силам.

— Я уже освободился от него. Я подал заявление Генеральному секретарю, в котором отказался от работы Отвернувшегося, от всех его прав и обязанностей. Генеральный секретарь согласилась от лица ООН. Конечно, вы этого не знали, когда пытались меня убить. Ваша организация попусту израсходовала киллера.

Улыбка на лице стрелка стала ярче — словно на мониторе, которому прибавили яркости.

— Ну и шутник же вы!

— О чем это вы? Я говорю правду. Если вы мне не верите…

— Я вам верю, но тем не менее вы шутник, — ответил стрелок, по-прежнему с широкой улыбкой на лице. Сейчас Ло Цзи заметил эту улыбку лишь мимоходом, но скоро она навсегда отпечатается в его мозгу, будто выжженная каленым железом. Эта улыбка станет сопутствовать ему всю оставшуюся жизнь.

Ло Цзи покачал головой и, ничего не ответив, со вздохом опустился на подушку.

Стрелок заговорил снова:

— Доктор, у нас не так уж много времени. Я полагаю, что вы вызвали меня сюда не ради детских шуточек.

— Я все еще не понимаю, что вы имеете в виду.

— Если так, то вы недостаточно умны, чтобы быть Отвернувшимся, доктор Ло Цзи. Вы не настолько логичны, как предполагает ваше имя. Похоже, я и впрямь отдал свою жизнь впустую. — Стрелок обернулся к двум охранникам, стоявшим наготове позади: — Джентльмены, я полагаю, мы можем идти.

Охранники бросили вопросительный взгляд на Ло Цзи. Тот махнул рукой, и стрелка вывели.

Ло Цзи присел в постели и задумался о словах убийцы. У него было чувство, что что-то не так, но он не знал, что именно. Он встал с постели и сделал пару шагов; не чувствовалось никаких повреждений, кроме тупой боли в груди. Он подошел к двери и выглянул наружу. Охранники с автоматами, сидевшие у порога, тотчас же встали, и один из них заговорил в рацию на плече. Ло Цзи увидел ярко освещенный, чистый коридор, совершенно пустой, если не считать еще двух вооруженных охранников вдали. Он закрыл дверь, подошел к окну и отодвинул занавеску. С высоты он мог видеть множество вооруженных до зубов солдат, стоящих у дверей больницы. Два зеленых военных грузовика были припаркованы перед входом. Он не видел больше никого, за исключением медицинских работников, порой

пробегавших в своих белых халатах. Присмотревшись внимательнее, он заметил двоих людей на крыше здания напротив; они рассматривали окрестности в бинокли, а рядом лежала снайперская винтовка. Он был уверен, что подобные снайперские пары были и на крыше его собственного здания.

Охранники не были полицейскими. Здесь явно задействована армия.

Он позвал Ши Цяна.

— Больница находится под усиленной охраной? — спросил он.

— Да.

— Что произойдет, если я попрошу убрать охрану?

— Мы выполним твою просьбу. Но я советую так не делать. Сейчас это опасно.

— На кого вы работаете? За что вы отвечаете?

— Я работаю на Совет обороны планеты, в отделе безопасности, и отвечаю за твою жизнь.

— Но я больше не Отвернувшийся. Я лишь обычный человек; даже если моя жизнь в опасности, то это дело для обычной полиции. Почему же моей охраной по-прежнему занимается отдел безопасности Совета обороны планеты? И насчет отзыва или, наоборот, вызова охраны… кто дал

мне такие полномочия?

Лицо Ши Цяна оставалось невыразительным, как резиновая маска.

— Нам дали такой приказ.

— Тогда… где Кент?

— За дверью.

— Пригласите его!

Ши Цян вышел, и вскоре появился Кент. К нему вернулись его изысканные манеры дипломата ООН.

— Доктор Ло, я не хотел вас беспокоить, пока вы не выздоровеете.

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Я отвечаю за вашу повседневную связь с Советом обороны планеты.

— Но я же больше не Отвернувшийся! — вскричал Ло Цзи. Потом, помолчав, спросил: — В новостях сообщили о проекте «Отвернувшиеся»?

— Сообщили на весь мир.

— А о моем отказе стать Отвернувшимся?

— И об этом тоже, конечно.

— Что именно сказали в новостях?

— Всего лишь следующее: «После окончания специальной сессии ООН Ло Цзи заявил о своем отказе от должности и обязанностей Отвернувшегося».

— Тогда что же вы тут делаете?

— Я отвечаю за вашу связь с СОП.

Ло Цзи в непонимании глядел на него. Кент, похоже, носил такую же резиновую маску, как и Ши. Он был нечитаем.

— Если у вас для меня больше ничего нет, то я пойду. Отдыхайте. Вызывайте меня в любое время, — сказал Кент и повернулся к выходу. Когда он уже переступал через порог, Ло Цзи остановил его.

— Я хочу встретиться с Генеральным секретарем.

— Организация и осуществление проекта «Отвернувшиеся» возложены на Совет обороны планеты. Верховным руководителем проекта является сменный председатель СОП. Генеральный секретарь ООН не руководит СОП напрямую.

Ло Цзи поразмыслил над этим.

— Тем не менее я хотел бы встретиться с Генеральным секретарем. У меня должны быть на то полномочия.

— Хорошо. Подождите минутку. — Кент вышел из палаты, но скоро вернулся и доложил: — Генеральный секретарь ждет вас в своем кабинете. В таком случае мы отбываем?

На протяжении всего пути к зданию Секрета-

риата, где на 34-м этаже располагался кабинет Генерального секретаря, Ло Цзи находился под такой плотной охраной, как если бы его везли в передвижном сейфе. Кабинет был меньше, чем он представлял себе, и обставлен весьма незатейливо; большую часть пространства занимал флаг ООН, стоявший позади рабочего стола. Сэй поднялась и обошла стол, чтобы поприветствовать Ло Цзи.

— Доктор Ло, мне хотелось посетить вас вчера в больнице, но вы видите… — Она показала на гору бумаг на столе. Единственной личной вещью там был искусно сделанный бамбуковый стаканчик для карандашей.

— Госпожа Сэй, я пришел, чтобы повторить заявление, которое сделал вам по завершении собрания, — начал Ло Цзи.

Она кивнула, но не ответила.

— Я хочу отправиться домой. Если мне угрожает опасность, пожалуйста, сообщите об этом в полицию Нью-Йорка и возложите на них ответственность за мою безопасность. Я всего лишь обычный человек. Мне не нужна охрана от СОП.

Сэй снова кивнула.

— Это определенно выполнимо, но я советую вам продолжать пользоваться услугами уже

предоставленной вам охраны, поскольку она лучше обучена и более надежна, чем полиция Нью-Йорка.

— Пожалуйста, ответьте мне честно. Я по-прежнему остаюсь Отвернувшимся?

Сэй вернулась к своему столу. Стоя возле флага ООН, она слегка улыбнулась Ло Цзи.

— А вы как полагаете?

Затем она предложила ему сесть на диван.

Он узнал эту легкую улыбку на лице Сэй. Точно такую же он видел на лице молодого убийцы; впоследствии он увидит ее в глазах и на лицах всех, с кем бы ни встретился. Эта улыбка получит название «улыбки Отвернувшегося» и станет столь же известной, как улыбка Моны Лизы или ухмылка Чеширского кота. Улыбка Сэй его наконец успокоила; он стал спокоен впервые с того момента, когда она с трибуны ООН объявила всему миру, что он Отвернувшийся. Ло Цзи медленно шагнул к дивану, и не успел он опуститься на него, как ему все стало ясно.

«О боже!»

Ло Цзи потребовалось лишь мгновение, чтобы осознать свое истинное положение как Отвернувшегося. Сэй ведь говорила: нельзя советоваться с кандидатами прежде, чем назначить их на

эту должность. А после того как им предоставят должность и полномочия, от них невозможно отказаться. Эта невозможность была вызвана не чьим-то принуждением, а холодной логикой. Сама суть проекта основывалась на том, что, когда кто-то становился Отвернувшимся, между ним и всеми обычными людьми возникал невидимый и непреодолимый барьер — и этот барьер делал любой их поступок исполненным особого значения. Именно это и означали улыбки, обращенные к Отвернувшимся:

«Как мы можем знать, начали вы уже свою работу или нет?»

Он теперь понимал, что задача Отвернувшихся была намного необычнее, чем любая другая за всю историю человечества. Логика этой задачи была холодной и извращенной, но столь же прочной, как те цепи, что удерживали Прометея. Это было неустранимым проклятием, и ни один Отвернувшийся не мог самостоятельно от него освободиться. Как бы он ни боролся, ответом была бы все та же «улыбка Отвернувшегося»:

«Откуда же нам знать, работаете вы уже или нет?»

Его сердце забилось в таком гневе, какого он еще никогда не испытывал. Ему хотелось истери-

чески заорать; ему хотелось послать по матери и Сэй, и ООН, и всех делегатов той специальной сессии, и СОП, и лично каждого человека на Земле, и даже трисоляриан, хотя у тех, скорее всего, не было матерей. Он хотел разбушеваться и изломать всю мебель, разметать бумаги, глобус и стаканчик для карандашей на столе Сэй, а потом порвать в клочья голубой флаг ООН… Но он все же сообразил, где он и перед кем находится, овладел собой и встал… чтобы тотчас же тяжело упасть обратно на диван.

— Почему выбрали именно меня? — простонал Ло Цзи, закрывая руками лицо. — У меня нет квалификации по сравнению с другими тремя. У меня нет таланта и нет опыта. Я никогда не видел войны, не говоря уж о руководстве страной. Ученый из меня липовый. Я всего лишь профессор университета, который пробавляется сочинением никудышных статей. Я живу одним днем. Я не хочу иметь детей, и меня не интересует выживание человеческой цивилизации… Почему же выбрали меня? — Под конец этой речи он вскочил с дивана.

Улыбка Сэй погасла.

— По правде говоря, доктор Ло, нас это тоже озадачило. И по этой причине у вас среди всех

Отвернувшихся будет самый ограниченный доступ к ресурсам. Выбор вашей кандидатуры — это крупнейшая авантюра в истории.

— Но должна же быть причина, по которой меня выбрали!

— Такая причина есть, но только косвенная. Истинной причины не знает никто. Как я уже сказала, вам придется самому найти ответ.

— Ну хорошо… А косвенная причина какая?

— Мне очень жаль, но у меня нет полномочий вам ее назвать. Уверена, что в свое время вы ее узнаете.

Ло Цзи почувствовал: больше говорить не о чем. Он повернулся и пошел к двери, но на пороге спохватился, что не попрощался. Он обернулся. Как и тогда в зале, Сэй с улыбкой кивнула ему. На этот раз он знал, что означает эта улыбка.

Сэй проговорила:

— Было очень приятно снова встретиться с вами. Но впредь вы будете работать в рамках СОП, и вашим руководителем будет сам сменный председатель СОП.

— Вы не очень-то верите в меня, так? — спросил Ло Цзи.

— Я уже сказала — ставка на вашу кандидатуру связана с огромным риском.

— Тогда вы правы.

— Я была права в том, что рискнула?

— Нет. Правы в том, что мало на меня надеетесь.

И он вышел из кабинета, так и не попрощавшись. Опять в том же состоянии, в каком был после назначения Отвернувшимся, Ло Цзи в прострации брел по коридору. Дошел до лифта, спустился в вестибюль на первом этаже, вышел из здания Секретариата и еще раз оказался на площади Объединенных наций. Его окружила охрана; он пару раз нетерпеливо толкался, но они прилипли к нему, как магниты, и следовали за ним, куда бы он ни направлялся. Время было дневное; Ши Цян и Кент подошли к нему посреди залитой солнцем площади и попросили либо войти обратно в здание, либо как можно скорее сесть в машину.

— Я что, до конца дней своих больше не увижу солнца? — спросил он Ши Цяна.

— Не в этом дело. Окрестности проверены, здесь относительно безопасно. Но вокруг много посетителей, и все они вас знают. Работать с толпой сложно, да вам, наверное, это и ни к чему.

Ло Цзи огляделся. Вроде бы пока никто не обращал внимания на их небольшую компанию.

Он направился к зданию Генеральной ассамблеи ООН и вступил в него во второй раз. Он знал, чего хочет и куда ему идти. Миновав пустой балкон, он увидел разноцветную панель витража. Повернув налево, он вошел в Комнату медитации и закрыл за собой дверь. Ши Цян, Кент и охранники остались снаружи.

* * *

Когда он снова увидел продолговатый блок железной руды, первым его инстинктом было разбить об него голову и положить всему конец. Но вместо того он лег на гладкую поверхность камня, прохлада которого несколько остудила его раздражение. Он чувствовал жесткость минерала и вдруг вспомнил о задачке, предложенной его школьным учителем физики: как сделать постель из мрамора такой же мягкой, как дорогой матрас? Ответ: вырежьте в мраморе углубление такой же формы, как ваше тело. Когда ляжете в это углубление, давление распределится равномерно, и мрамор покажется мягким. Он закрыл глаза и представил себе, что тепло его тела плавит железную руду под ним и образует такое углубление… Постепенно это его успокоило. Через некоторое время он открыл глаза и посмотрел

на голый потолок.

Комнату медитации разработал Даг Хаммаршельд, второй Генеральный секретарь ООН. Он считал, что в здании должно быть место для размышлений, удаленное от зала Генеральной ассамблеи, где творят историю. Ло Цзи не знал, медитировал ли здесь кто-нибудь из руководителей стран или послов в ООН. Но наверняка Хаммаршельд, умерший в 1961 году и сам бывший «Смотрящим в стену», не мог предполагать, что здесь когда-нибудь будет грезить другой Отвернувшийся…

Ло Цзи почувствовал, как его снова затягивает в логическую ловушку. И снова он был убежден, что не сможет освободиться.

Тогда он стал размышлять о мощи, которая теперь находилась в его руках. Сэй назвала его наименьшим среди Отвернувшихся, но он, без сомнения, мог распоряжаться огромными ресурсами. Важнее всего было то, что ему не нужно было никому ничего объяснять. Наоборот, существенным условием его деятельности была необходимость действовать так, чтобы никто не понимал его намерений. Более того, ему следовало стремиться к непониманию. Никогда еще в истории человечества никто не получал таких

полномочий! Возможно, абсолютные монархи давно ушедших времен и могли делать все, что пожелают, но даже они в конце концов вынуждены были давать отчет в своих действиях.

«Если все, что у меня есть — вот такая странная власть, то почему бы ею не воспользоваться?» — подумал Ло Цзи и сел на камне. Потратив еще немного времени на раздумья, он решил, каким будет его следующий шаг.

Он слез с жесткого каменного ложа, открыл дверь и попросил о встрече с председателем СОП.

Действующий председатель СОП, русский по фамилии Гаранин, был плотным, седобородым пожилым человеком. Его кабинет находился этажом ниже кабинета Генерального секретаря. Ло Цзи вошел, когда председатель прощался с несколькими посетителями, половина которых была в военной форме.

— А, доктор Ло. Я слышал, что у вас были небольшие неприятности, поэтому не спешил поговорить с вами.

— Чем занимаются трое других Отвернувшихся?

— Созданием своих отделов. Я и вам посоветовал бы заняться этим без промедления. Я пришлю

советников, они вам помогут.

— Мне не понадобится свой собственный отдел.

— Да? Ну если вы полагаете, что так будет лучше… Если понадобится, то его всегда можно будет организовать.

— У вас найдутся бумага и карандаш?

— Разумеется.

Глядя на бумагу, Ло Цзи спросил:

— Господин председатель, вы когда-нибудь видели сон?

— Какой именно?

— Например, что вы живете в неком идеальном месте?

Гаранин встряхнул головой и криво улыбнулся:

— Я только вчера прилетел из Лондона. Работал все время полета. По прибытии поспал чуть меньше двух часов, а затем должен был торопиться на работу. Когда закончатся сегодняшние заседания СОП, я вылетаю ночным рейсом в Токио… Вся моя жизнь проходит в спешке; я бываю дома не больше трех месяцев в году. Какой толк мне мечтать о таком?

— Я часто вижу такие места в своих снах. Я выбрал самое прекрасное. — Ло Цзи взял карандаш

и начал рисовать. — Это простой карандаш, цвета на рисунке нет, поэтому его нужно представить. Видите горы с заснеженными вершинами, вот здесь? Они крутые, как мечи богов, как клыки земли, и отливают матовым серебром на фоне синего неба. Просто невероятно…

— А, — Гаранин внимательно смотрел на рисунок. — Там очень холодно.

— А вот и нет! Территория ниже уровня снегов не должна быть холодной. Это важно! Лучше, если это будет субтропический климат. Перед горами разливается широкое озеро, и вода в нем даже голубее, чем небо, — такая же голубая, как глаза вашей жены…

— У моей жены черные глаза.

— Ну хорошо, вода в озере до того темно-синяя, что выглядит черной. Это даже лучше. Вокруг озера есть леса и луга, но запомните, должны быть и те, и другие, не только что-то одно. Вот такая это территория: заснеженные верхушки, озеро, леса, луга. И все это в нетронутом, первозданном состоянии. Увидев это место, вы подумаете, что человек никогда не ступал на Землю. Вот здесь, на траве возле озера, постройте дом. Необязательно большой, но он должен быть полностью оборудован для современной жизни. Стиль мо-

жет быть или классическим, или модерн, но он должен дополнять собой естественное окружение. Нужны также соответствующие удобства — фонтаны, плавательный бассейн, — чтобы хозяин этой усадьбы мог жить приятной жизнью аристократа.

— И кто же будет этим хозяином?

— Я.

— Что вы собираетесь там делать?

— Прожить жизнь в покое.

Ло Цзи ожидал, что Гаранин ответит какой-нибудь грубостью. Но председатель с серьезным видом кивнул:

— Комиссия проведет аудит, и мы сразу же приступим к работе.

— Ни вы, ни ваша комиссия не потребуете обоснования?

Гаранин пожал плечами:

— Наша комиссия может задавать вопросы Отвернувшимся только в двух случаях: превышение бюджета и вред, причиненный людям. Любые другие вопросы будут нарушением духа проекта «Отвернувшиеся». И, честно говоря, Тайлер, Рей Диас и Хайнс уже разочаровали меня. Глядя на их инициативы за последние два дня, можно сразу сказать, чего они хотят добиться

своими начинаниями. Вы отличаетесь от них. Ваше поведение сбивает с толку. Вот таким и должен быть Отвернувшийся.

— Вы вправду полагаете, что такое место, как я описал, существует в действительности?

Гаранин улыбнулся, подмигнул и сделал одобряющий жест.

— Мир большой; в нем найдется и такое место. Кроме того, честно говоря, я видел его раньше.

— Это в самом деле замечательно. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы я смог жить комфортабельной жизнью аристократа. Это необходимо для проекта.

Гаранин снова с серьезным видом кивнул.

— Да, и еще кое-что. Когда вы найдете подходящее место, не говорите мне, где оно находится.

«Нет, не говорите мне, где оно! Стоит мне узнать, где я нахожусь, как мир сужается до размера карты. Если не знаю — мир кажется мне бесконечным».

Гаранин снова кивнул с видимым удовлетворением.

— Доктор Ло, у вас есть еще одна особенность, которая согласуется с моим представлением об Отвернувшемся. Ваш проект требует самых незначительных затрат из всех четырех — по

крайней мере, на данный момент.

— Если так, то мне никогда не потребуются большие вложения.

— Тогда вы станете сущим благословением для тех, кто сменит меня на этой должности. Деньги — это такая головная боль… У отделов, которым предстоит выполнять это задание, к вам могут возникнуть вопросы по отдельным деталям. Например, дом…

— А, дом, — спохватился Ло Цзи. — Я забыл одну очень важную деталь.

— Продолжайте.

Ло Цзи тоже улыбнулся и подмигнул — совсем по-гаранински:

— В доме должен быть камин.

* * *

После похорон отца Чжан Бэйхай с У Юэ еще раз наведались в сухой док. Строительство «Тана» было полностью остановлено. Искры электросварки больше не сияли на обшивке; на всем гигантском корабле, стоящем под полуденным солнцем, не было никаких признаков жизни. И вновь эта картина напомнила о ходе времени.

— Кончено. Корабль мертв, — сказал Чжан Бэйхай.

— Твой отец был одним из мудрейших адмиралов среди высшего командования флота. Если бы он оставался с нами, то, может быть, я не попал бы в такой переплет, — ответил У Юэ.

— Твое пораженчество выстроено на рациональном фундаменте или, по крайней мере, ты так полагаешь. Поэтому я не думаю, что кто-то может развеять твои страхи. Я здесь не для извинений, У Юэ. Я знаю, что ты не питаешь ко мне ненависти из-за того инцидента.

— Я хотел бы поблагодарить тебя, Бэйхай. Ты вытащил меня оттуда.

— Ты можешь вернуться во флот. Работа будет как раз по тебе.

У Юэ медленно покачал головой.

— Я уже подал документы — увольняюсь с военной службы. Что бы я делал, если бы вернулся? Строительство новых эсминцев и фрегатов остановлено, и для меня больше нет места во флоте. Сидеть в кабинете в штабе? Ни за что. Кроме того, я вообще плохой солдат. Солдат, который согласен воевать только в победоносной войне, не годится в солдаты.

— Нам не доведется увидеть ни победы, ни поражения.

— Но ты веришь в победу, Бэйхай. Я очень зави-

дую тебе вообще-то. В наши дни такая вера, как у тебя, — это верх счастья для военного. Ты и в самом деле сын своего отца.

— Есть ли у тебя какие-нибудь планы на будущее?

— Нет. Я чувствую себя так, будто моя жизнь закончилась. — У Юэ показал на застывший вдали «Тан». — Вот как этот корабль, закончивший свой путь еще до его начала.

Со стороны верфи донесся низкий гул, и «Тан» медленно пришел в движение. Авианосец решили спустить на воду досрочно, чтобы освободить док. Потом корабль на буксире отведут в другой док для утилизации. Когда острый нос «Тана» разрезал волну, Чжан Бэйхай и У Юэ ощутили отзвук гнева в его массивном корпусе. Корабль энергично входил в воду, поднимая огромные волны. Другие суда в порту раскачивались, как бы приветствуя его. «Тан» понемногу продвигался вперед, тихо радуясь объятиям моря. За свою короткую жизнь гигантский корабль по крайней мере один раз все-таки встретился с океаном.

* * *

В виртуальном мире «Трех тел» стояла глубокая ночь. За исключением нескольких огоньков

звезд, все было залито чернильной темнотой. Не было видно даже горизонта.

— Администратор, запустите Эру Стабильности. Разве вы не видите, что у нас идет собрание? — крикнул кто-то.

Голос администратора шел как бы с самого неба:

— Не могу. Эра задается случайно, алгоритмами базовой модели, ее нельзя запустить с консоли.

Другой голос из темноты произнес:

— Тогда ускорьте время и найдите какой-нибудь устойчивый дневной свет. Всего-то!

Мир замелькал, солнца замельтешили по небу. Вскоре течение времени замедлилось до нормального, и над миром загорелось одно стабильное солнце.

— Вот. Не знаю, надолго ли, — объявил администратор.

Солнце освещало группу людей на равнине; лица некоторых было легко узнать: царь Вэнь из дома Чжоу, Ньютон, фон Нейман, Аристотель, Мо-цзы, Конфуций и Эйнштейн. Стоя поодаль, они повернулись к Цинь Шихуанди, который расположился на камне, пристроив свой огромный меч на плече.

— Я говорю не только от себя, — приступил

он. — Я выступаю от имени центрального руководства, от имени Семерых.

— Тебе не стоило бы заговаривать о новом руководстве, пока с ним не определились, — сказал кто-то. Остальные начали переговариваться.

— Довольно! — Цинь Шихуанди с усилием поднял меч. — Отложим проблему руководства и перейдем к более срочным вопросам. Нам всем известно о начале проекта «Отвернувшиеся» — попытке человечества задействовать персональное, закрытое от других стратегическое мышление, чтобы воспрепятствовать наблюдению софонов. Поскольку открытый разум нашего Господа не способен разобраться в этом лабиринте, у человечества появилось преимущество. Четыре Отвернувшихся представляют угрозу для Господа. В соответствии с резолюцией ранее проведенного закрытого совещания мы должны немедленно начать проект «Разрушители».

После этих слов воцарилось молчание — ни у кого не было возражений.

Цинь Шихуанди продолжил:

— Мы назначим одного Разрушителя к каждому Отвернувшемуся. Отвернувшимся доступны все ресурсы планеты; мы дадим Разрушителям все, что есть у нашего общества. Но их основным ин-

струментом будут софоны, которые предоставят информацию обо всех действиях Отвернувшихся. Единственным оставшимся секретом Отвернувшихся будут их мысли. Задача Разрушителей будет состоять в анализе с помощью софонов как открытых, так и тайных действий Отвернувшихся. Предстоит расшифровать их подлинные намерения и их стратегические планы как можно скорее. А теперь руководство назначит Разрушителей.

Цинь Шихуанди протянул руку с мечом и, как при посвящении в рыцарское звание, коснулся им плеча фон Неймана.

— Вы — первый Разрушитель, — объявил он. — Вы Разрушитель Фредерика Тайлера.

Фон Нейман преклонил колено и прижал в салюте левую ладонь к правому плечу:

— Я принимаю поручение.

Цинь Шихуанди коснулся мечом плеча Моцзы:

— Вы — второй Разрушитель. Вы Разрушитель Мануэля Рей Диаса.

Мо-Цзы не встал на колени, а выпрямился и горделиво кивнул:

— Я стану первым, кто пробьет стену Отвернувшегося.

Меч коснулся плеча Аристотеля:

— Вы — третий Разрушитель. Вы разрушитель Билла Хайнса.

Аристотель тоже не преклонил колени. Он оправил свой хитон и с умным видом произнес:

— Да, только я способен сломать его стену.

Цинь Шихуанди вернул меч на плечо и осмотрел собравшихся.

— Хорошо. Теперь у нас есть Разрушители. Вы, как и Отвернувшиеся, являетесь элитой элит. Да пребудет с вами Господь! Вам предоставят доступ к гибернации, и вы начнете долгое путешествие вместе с Отвернувшимися к последнему дню человечества.

— Я не думаю, что потребуется гибернация, — заметил Аристотель. — Я смогу завершить поручение до конца моего естественного срока жизни.

Мо-цзы закивал, соглашаясь:

— Когда я начну разваливать стену моего Отвернувшегося, я встречусь с ним лицом к лицу. Я буду наслаждаться, глядя, как его дух погрязает в страхе и безысходности.

Фон Нейман тоже пожелал лично встретиться со своим Отвернувшимся:

— Мы сорвем маски со всех секретов челове-

чества, которое оно скрывает от софонов. Это последнее, что мы можем сделать для Господа; потом нам незачем будет существовать.

— А что насчет Разрушителя для Ло Цзи? — спросил кто-то.

Этот вопрос навел Цинь Шихуанди на какую-то мысль. Он воткнул меч в землю и надолго задумался. Заходящее солнце внезапно ускорилось, и тени удлинились до горизонта. Наполовину зайдя, солнце поменяло направление движения и несколько раз поднялось и опустилось вблизи горизонта, как блестящая спина кита, всплывающего из черного океана. Гигантская равнина и кучка людей — все, что существовало в этом мире, — то освещались, то погружались во мрак.

— Ло Цзи — сам себе Разрушитель. Ему нужно понять, какую именно угрозу он представляет для Господа, — наконец произнес Цинь Шихуанди.

— Что нам известно о Ло Цзи? Он представляет опасность? — спросил кто-то.

— Нам ничего не известно. Господь и Эванс знали. Эванс научил Господа хранить тайну. Эванс мертв. У нас нет ответа на этот вопрос.

Кто-то неуверенно спросил:

— Является ли Ло Цзи самой серьезной угрозой среди четырех Отвернувшихся?

— Этого мы тоже не знаем. Очевидно только одно, — ответил Цинь Шихуанди, глядя на небосвод, меняющий синий цвет на черный. — Из всех четырех Отвернувшихся он единственный, кто напрямую противостоит Господу.

Рабочее совещание, Политический отдел космических сил

Чан Вэйсы открыл совещание, но долгое время оставался безмолвным, чего раньше с ним никогда не случалось. Он пробежался взглядом по двум рядам политических офицеров за столом совещаний, затем посмотрел куда-то вдаль, слегка постукивая карандашом по столу. Стук карандаша, похоже, действовал как метроном для его мыслей. Наконец он закончил свои раздумья.

— Товарищи, вчера был обнародован приказ Центральной военной комиссии. Я назначен командующим Политическим отделом вооруженных сил. Я принял назначение еще неделю назад, но сейчас, когда мы сидим за одним столом, меня раздирают противоположные чувства. Я только что осознал, насколько трудна работа, которая вам досталась. И теперь я сам принадлежу к вашему числу. Я раньше этого не понимал и прошу меня простить.

Он раскрыл лежащую перед ним папку.

— Эта часть совещания пройдет без протокола. Товарищи, давайте честно обменяемся мнениями. Станем ненадолго трисолярианами и раскроем наши мысли друг другу. Это чрезвычайно важно для нашей будущей работы.

Чан Вэйсы обвел взглядом лица офицеров, останавливаясь на каждом на пару секунд. Все хранили молчание. Тогда он поднялся и принялся ходить вдоль стола за спинами сидящих военнослужащих.

— Наш долг — взрастить в наших солдатах уверенность в будущей победе. Но есть ли такая уверенность у нас самих? Поднимите руки те, у кого она есть. Не забывайте, мы делимся тем, что у нас на уме.

Никто не поднял руку. Почти все уперли взгляды в стол. Но Чан Вэйсы заметил, что взор одного человека был направлен прямо перед собой. Это был Чжан Бэйхай.

Генерал продолжил:

— Верите ли вы, что победа возможна? Под возможностью я понимаю не какие-то случайные доли процента, а серьезные, практические шансы.

Чжан Бэйхай поднял руку. Никто не последовал

его примеру.

— Прежде всего благодарю всех за честность, — сказал Чан Вэйсы и повернулся к Чжан Бэйхаю. — Замечательно, товарищ Чжан. Сообщи нам, на чем основана твоя уверенность в победе?

Чжан Бэйхай встал, но Чан Вэйсы жестом указал ему сесть:

— Это не официальное совещание, — пояснил он. — Мы просто ведем откровенный разговор.

Чжан Бэйхай продолжал стоять навытяжку:

— Командующий, у меня не получится объяснить все лишь парой слов. Выработка уверенности — это долгий и сложный процесс. Прежде всего я хотел бы отметить одно ошибочное мнение, существующее сегодня в войсках. Все мы знаем, что до Трисолярианского кризиса мы предлагали рассматривать будущее любой войны с научной, рациональной точки зрения. По инерции мы и сейчас так думаем. Это особенно заметно в сегодняшних космических силах, где оно поддерживается большим количеством ученых и исследователей. Нам никогда не уверовать в победу, если мы продолжим рассматривать межзвездную войну через четыре столетия с этой точки зрения.

— Любопытно излагаете, товарищ Чжан Бэй-

хай, — подключился к разговору один из офицеров, полковник. — Разве твердая вера не основана на науке и логике? Никакие убеждения не могут быть стойкими, если они не основываются на объективных фактах.

— Тогда давайте снова взглянем на науку и логику. На наши собственные, не забудьте. Научные успехи трисоляриан говорят нам, что наша наука — не более чем ребенок, собирающий ракушки на пляже; ребенок, который никогда даже не видел океана истины. Те факты, которые мы видим, объясняемые нашей наукой и логикой, могут оказаться не подлинными, объективными фактами, а фантомами. И поскольку это так, нам нужно научиться выборочно отбрасывать такие наблюдения. Нам нужно держать руку на пульсе, а не смотреть на будущее сквозь призму технологического детерминизма и механистического материализма.

— Очень хорошо, — заметил Чан Вэйсы и подал знак продолжать.

— Мы обязаны создать веру в победу — веру, которая является основой воинского долга и воинской чести! Когда китайская армия однажды столкнулась с сильным врагом в неблагоприятных условиях, она основала твердую веру в победу

на чувстве ответственности перед народом и отечеством. Я полагаю, что сегодня можно основать такую же веру на чувстве ответственности перед человеческой расой и земной цивилизацией.

— Но как же тогда нам быть с конкретной идеологической работой? — спросил один из офицеров. — В космических силах множество специализированных подразделений, и это означает, что идеология тоже сложна. Объем работы окажется неподъемным.

— Я считаю, что нам следует начать с психологической дисциплины в войсках, — предложил Чжан Бэйхай. — Вот вам общая картина. На прошлой неделе я посещал личный состав, переведенный в наше подчинение из ВВС и из морской авиации. Я обнаружил, что повседневная работа с военнослужащими ведется спустя рукава. А вот одна деталь: учащаются случаи нарушения военной дисциплины. Положено было уже полностью перейти на летнюю форму одежды, но многие в штабе по-прежнему носят зимнюю. Такие умонастроения надо срочно перебороть. Смотрите сами, космические силы превращаются в Академию наук. Конечно, нельзя отрицать, что именно быть академией и является в настоящий момент задачей космических сил.

Но мы не должны забывать, что мы армия и что мы армия в военное время!

Беседа продолжалась еще какое-то время, а потом Чан Вэйсы вернулся в свое кресло.

— Благодарю вас. Я надеюсь, мы и впредь будем устраивать такие откровенные разговоры. А теперь перейдем к повестке дня официального заседания. — Он снова заметил уверенный взгляд Чжан Бэйхая; в этом взгляде была решительность, и это радовало.

«Чжан Бэйхай, я знаю, что ты веришь. Иначе и быть не может с таким отцом, как у тебя. Но не все так просто, как ты говоришь. Я не знаю, на чем основаны твои убеждения, и я даже не знаю, во что еще ты веришь. Ты совсем как твой отец. Я восхищался им, но должен признать, что так и не смог понять его».

Чан Вэйсы придвинул к себе один из документов:

— Работа над теорией войны в космосе идет полным ходом, но уже обнаружилось одно осложнение. Теорию сражения в космосе необходимо создавать, вне всякого сомнения, предполагая определенный уровень развития технологии. Но на данный момент фундаментальные изыскания только разворачиваются, и технологический

прорыв случится далеко в будущем. Это значит, что наша теория не будет иметь под собой конкретного основания. Командование это учло и пересмотрело план исследований. Общую теорию военных действий в космосе разделили на три части, чтобы она была применима к трем уровням технологии, которых человечество может достичь в будущем. Эти части: стратегия низких технологий, стратегия средних технологий и стратегия высоких технологий.

Ведутся работы по конкретизации этих трех уровней развития, а также по выявлению большого количества ключевых параметров в каждой научной дисциплине. Основными такими параметрами будут скорость и область действия космического корабля класса десять тысяч тонн.

Уровень низких технологий: корабль способен достичь скорости, в пятьдесят раз превышающей третью космическую[86], или же около 800 километров в секунду. Корабли не имеют системы жизнеобеспечения. При таких условиях зона боевых операций ограничена внутренней частью

[86] Примечания: 86

Первая космическая скорость обеспечивает выход на орбиту планеты. Вторая космическая скорость требуется для преодоления притяжения планеты и ухода с орбиты. Третья космическая скорость нужна для преодоления притяжения Солнца и выхода за пределы Солнечной системы. (*Прим. Дж. М.*)

Солнечной системы, то есть они могут разворачиваться внутри орбиты Нептуна или же в радиусе 30 астрономических единиц от Солнца.

Уровень средних технологий: корабль способен достичь скорости, в триста раз превышающей третью космическую, или же 4800 километров в секунду.

Корабль оборудован минимальной системой жизнеобеспечения. При таких условиях радиус боевых операций выходит за пояс Койпера и включает в себя все пространство до тысячи астрономических единиц от Солнца.

Уровень высоких технологий: корабль способен достичь скорости, в тысячу раз превышающей третью космическую, или же 16 000 километров в секунду, что соответствует пяти процентам от световой. Корабль оборудован полной системой жизнеобеспечения. При таких условиях радиус боевых операций достигает облака Оорта[87] и дает предпосылки для полета к другим звездам.

Пораженчество является самой значительной угрозой для вооруженных сил в космосе.

---

[87] Примечания: 87

Облако Оорта — область вокруг Солнечной системы между 50 и 100 тысячами астрономических единиц от Солнца. Предполагается, что оно содержит множество объектов, состоящих из водяных, аммиачных и метановых льдов, и является источником долгопериодических комет. (*Прим. Дж. М.*)

Политические и идеологические работники космических сил будут выполнять крайне важную задачу. Политические отделы армии примут непосредственное участие в изучении теории войны в космосе, чтобы искоренять пораженчество и направлять научные исследования.

Все присутствующие на этом совещании станут членами оперативной группы по теории космических сражений. Три направления работы будут немного пересекаться, но в целом группы исследователей будут независимы. Сегодня их временно называют Институтом стратегии низких технологий, Институтом стратегии средних технологий и Институтом стратегии высоких технологий. Сейчас, на этом совещании, я хотел бы услышать от каждого из вас, какой из них вы бы выбрали. Мы используем эти данные как статистику для следующего цикла раздачи заданий в Политическом отделе. Прошу каждого огласить свой выбор.

Из тридцати двух присутствующих политических офицеров двадцать четыре выбрали низкую технологию и семь — среднюю. Только один выбрал высокую — Чжан Бэйхай.

— Похоже, товарищ Чжан Бэйхай интересуется фантастикой, — сказал кто-то, вызвав разрознен-

ные смешки.

— Мой выбор является единственной надеждой на победу. Этот уровень технологии даст человечеству шанс на создание эффективной защиты Земли и Солнечной системы, — отрезал Чжан Бэйхай.

— Мы даже не освоили еще управляемый термоядерный синтез! Разогнать боевой корабль весом десять тысяч тонн до пяти процентов скорости света? В десять тысяч раз быстрее, чем имеющуюся у нас капсулу размером с автомобиль? Это даже не научная фантастика. Это фэнтези!

— Но разве у нас нет четырех столетий? Не забывайте о возможном прогрессе.

— Прогресс в фундаментальной физике невозможен.

— Да мы не используем и одного процента от возможных приложений уже существующих теорий! — ответил Чжан Бэйхай. — Я чувствую, что основная сложность на данный момент заключается в подходе к исследованиям со стороны технологического сектора. Они попусту тратят слишком много времени и денег на технологию низкого уровня. В двигателестроении, например, нет толку работать над созданием ядерного двигателя, работающего на распаде тяжелых

атомов. Но сегодня они не только расходуют на него огромные силы, но даже прилагают такие же усилия к разработке химических двигателей следующего поколения! Нам следует сконцентрироваться на создании термоядерного двигателя и перейти напрямую к разработке двигателей без рабочего тела, оставляя реактивные двигатели позади. Такие же проблемы наблюдаются и в других направлениях исследований. Межзвездному кораблю, например, нужна замкнутая экосистема, и это направление работ даже не особо зависит от фундаментальной теории, тем не менее в этой области ведутся лишь незначительные исследования.

Тему подхватил Чан Вэйсы:

— Товарищ Чжан Бэйхай поставил как минимум один вопрос, заслуживающий внимания. Военные и ученые заняты своими программами и слишком мало общаются между собой. К счастью, обе стороны это понимают и планируют совместную конференцию. Они уже учредили специальные агентства для улучшения взаимодействия между обеими сторонами; они планируют создать живой диалог между разработчиками стратегии и людьми науки. Следующий шаг — направить военных пред-

ставителей в различные научные центры и привлечь как можно больше ученых к изучению теории войн в космосе. Опять же, мы не можем сидеть и ждать технологического прорыва. Нам следует как можно скорее сформировать нашу собственную идеологическую стратегию, а затем осуществлять ее во всех направлениях.

Секунду помолчав, генерал продолжил:

— Следующим пунктом повестки дня я хотел бы поговорить еще об одном уровне взаимодействия: между космическими силами и Отвернувшимися.

— Отвернувшимися? — удивился кто-то. — Разве они собираются вмешиваться в работу космических сил?

— На данный момент этого не ожидается, хотя Тайлер уже предложил посетить военных с инспекционным визитом. Но нам не следует забывать, что такие полномочия у них есть. Их вмешательство в нашу деятельность может дать непредсказуемые результаты. Мы должны быть морально готовы. Когда такая ситуация возникнет, мы будем поддерживать баланс между проектом «Отвернувшиеся» и основной оборонной программой.

Когда совещание закончилось, Чан Вэйсы

остался сидеть в пустой комнате. Он прикурил сигарету; дым от нее, попавший в луч солнечного света из окна, казалось, загорелся.

«Чем бы это ни закончилось, лед, по крайней мере, тронулся», — подумал он.

* * *

Ло Цзи впервые в жизни увидел, как его мечта стала реальностью. Он полагал, что Гаранин всего лишь хвастался. Конечно, он мог найти потрясающее, нетронутое место, но оно определенно отличалось бы от придуманного им. Однако, выйдя из вертолета, Ло Цзи будто ступил в мир своих грез. Далекие горные вершины, озеро, расстилающееся перед ним, покрытая травой равнина и лес за озером — все это располагалось точно так, как он обрисовал Гаранину. Он даже представить себе не мог столь идеального места. Каждая деталь словно явилась сюда прямиком из сказки. Воздух был чуть сладким, и даже солнце посылало сюда свои мягчайшие, тончайшие лучи с особой бережностью. Но самым восхитительным была небольшая усадьба у озера с виллой в центре. Кент, прибывший вместе с Ло Цзи, сказал, что дом был построен в середине девятнадцатого столетия, но выглядел он старше. Всемогущее

время слило его с окружением.

— Не удивляйтесь. Иногда людям снятся места, которые существуют на самом деле, — заверил Кент.

— Здесь кто-нибудь живет? — спросил Ло Цзи.

— В радиусе пяти километров никого нет. А дальше встречаются небольшие поселки.

Ло Цзи предположил, что он находится в Северной Европе, но уточнять не стал.

Кент провел его в дом. Едва войдя в просторную гостиную в европейском стиле, Ло Цзи сразу же углядел камин. Дрова были аккуратно сложены рядом и приятно пахли.

— Бывший хозяин дома приветствует вас. Он горд, что здесь будет жить Отвернувшийся.

Кент принялся рассказывать, что в усадьбе имеется больше подсобных помещений, чем было заказано. Конюшня на десять лошадей, поскольку добираться до гор лучше всего пешком или на лошади. Теннисный корт и поле для гольфа. Винный погреб. На озере моторная лодка и несколько парусных. Дом только снаружи выглядел старинным; внутри он оказался полностью модернизированным. В каждой комнате был компьютер, Интернет и спутниковое телевидение. Кинозал с цифровым проектором. Вертолетная

площадка, как заметил Ло Цзи по прибытии, явно была построена уже давно.

— У него водятся деньги.

— Не только деньги. Он не хочет раскрывать своего имени, но если бы я вам его назвал, то вы, вероятно, узнали бы его. Он подарил это имение ООН — а оно стоит дороже, чем подарок Рокфеллера. Скажу сразу, что вся земля и постройки принадлежат ООН. Вы здесь только живете. Но и вы кое-что получите. Уезжая, владелец сообщил, что личное имущество он забрал, а все, что осталось, — ваше. Одни только эти картины стоят немалую сумму.

Кент провел Ло Цзи по дому и показал ему все комнаты. Ло Цзи отметил, что у бывшего владельца хороший вкус; он обставил каждую комнату в спокойном, но элегантном стиле. В библиотеке имелось немало старинных изданий на латыни. Картины были в основном модернистского стиля, но они смотрелись уместно в комнатах с богатой классической атмосферой. Он увидел, что среди картин не было пейзажей, что говорило о бывшем хозяине как об опытном ценителе искусства: вешать пейзажи в доме, стоящем посреди рая, было столь же бессмысленно, как доливать ведром воду в океан.

Вернувшись в гостиную, Ло Цзи уселся в восхитительно удобное кресло перед камином. Протянув руку, он нечаянно задел какой-то предмет. Поднял находку, рассмотрел. Это оказалась курительная трубка с длинным тонким чубуком, которую обеспеченные люди курили в доме. Он посмотрел на стену с пустыми полками и вообразил себе, что там стояло раньше.

Потом пришел Кент и представил нескольких людей: экономку, кухарку, шофера, конюха и шкипера. Все они работали при прежнем хозяине. Когда они ушли, Кент познакомил его с одетым в гражданское подполковником — тот отвечал за охрану. Распрощавшись с офицером, Ло Цзи спросил Кента, где Ши Цян.

— Он сложил с себя обязанности по охране и, наверное, вернулся домой.

— Пускай он займет место этого подполковника. Думаю, он справится лучше.

— Мне тоже так кажется, но он не говорит по-английски. Ему будет сложно на этой должности.

— Тогда пришлите охранников-китайцев и замените ими тех, что уже здесь.

Кент согласился и вышел позвонить. Ло Цзи тоже покинул комнату; через ухоженный газон он прошел на причал, выдающийся далеко в озе-

ро. Ухватившись за перила в конце причала, он долго смотрел на отражавшиеся в зеркале воды заснеженные горные вершины. Окруженный чистым воздухом и солнечным светом, он спросил себя: «И какое же значение имеет мир через четыре века по сравнению с жизнью сегодня?»

Наплевать на проект «Отвернувшиеся».

* * *

— Как попал сюда этот ублюдок? — тихо спросил ученый за терминалом.

— Отвернувшимся, разумеется, вход разрешен, — так же тихо ответил его сосед.

— Весьма непритязательно, не так ли? Я полагаю, вы разочарованы, господин президент, — обратился доктор Аллен, директор Лос-Аламосской национальной лаборатории, к Рей Диасу, проводя его вдоль рядов компьютерных терминалов.

— Я больше не президент, — резко ответил Рей Диас, рассматривая помещение.

— Это наш центр моделирования ядерного оружия. В Лос-Аламосе размещены четыре таких центра. В Ливерморской лаборатории находятся еще три.

Рей Диас заинтересовался двумя устройствами посложнее. Они были совсем новыми, с больши-

ми экранами и пультами управления, на которых располагалось множество мелких кнопок. Он направился к ним, чтобы посмотреть поближе, но Аллен остановил его:

— Это игровая консоль. На наших терминалах играть нельзя; поэтому мы поставили две консоли, чтобы люди могли поиграть в перерывах.

Рей Диас высмотрел еще два примечательных механизма. Оба были сложными, изготовленными из прозрачного материала; внутри кипела жидкость. Он опять попытался приблизиться. На этот раз Аллен улыбнулся и не остановил его.

— Вот это — увлажнитель воздуха. В Нью-Мексико сухой воздух. А это всего лишь кофеварка. Майк, налей кружечку мистеру Рей Диасу… Впрочем, не надо. Зайдем в мой кабинет, и я сварю вам чашку самого лучшего кофе.

Рей Диасу больше ничего не оставалось, как рассматривать большие черно-белые фотографии на стенах. Он узнал худого человека в шляпе, курящего трубку, — это был Оппенгеймер. Затем Аллен привлек его внимание к простым терминалам.

— Эти терминалы устарели, — заметил Рей Диас.

— Но за ними скрывается самый мощный

компьютер в мире, выдающий тридцать петафлопсов.

К Аллену подошел инженер:

— Доктор, расчет по AD4453OG завершен.

— Превосходно.

Инженер понизил голос:

— Мы приостановили выдачу данных… — Он бросил взгляд на Рей Диаса.

— Продолжайте, — сказал Аллен и повернулся к Рей Диасу. — Видите, мы ничего не скрываем от Отвернувшихся.

Рей Диас услышал звук рвущейся бумаги и увидел, как люди за терминалами рвут бумагу в клочки. Подумав, что они уничтожают документы, он пробормотал:

— У вас что, даже шредера нет?

Но потом он заметил, что ученые рвут чистую бумагу. Наконец кто-то крикнул: «Готово!» Все радостно заголосили и подбросили клочки в воздух. И без того замусоренный пол стал окончательно похож на помойку.

— Это наша традиция. Когда взрывали первую атомную бомбу, доктор Ферми подбросил в воздух обрывки бумаги и точно рассчитал мощность взрыва по тому, как далеко их унесло взрывной волной. Сегодня мы делаем то же самое при каж-

дом прогоне модели.

Рей Диас смахнул бумагу с головы и плеч:

— Вы моделируете атомные взрывы каждый день, но для вас это так же просто, как компьютерная игра. Для нас это не так. У нас нет суперкомпьютеров. Мы вынуждены проводить наши испытания в реальном мире. Мы всего лишь делаем то же самое, что и вы, но все шишки вечно валятся на тех, кто беднее.

— Мистер Рей Диас, политика здесь никого не интересует.

Рей Диас наклонился к терминалу, но увидел только бегущие цифры и динамические графики. Когда он нашел какое-то изображение, оно оказалось настолько абстрактным, что он ничего не понял. Он наклонился к другому терминалу; но физик, сидящий за ним, взглянул на Рей Диаса и сообщил:

— Господин президент, если вы ищете облако в форме гриба, то его здесь нет.

— Я не президент, — повторил Рей Диас, принимая кофе от Аллена.

— Тогда нам следует обсудить, чем мы можем быть вам полезны, — предложил Аллен.

— Сконструируйте мне атомную бомбу.

— Разумеется. В Лос-Аламосе занимаются физи-

кой самых разных направлений, но я подозревал, что вы появились здесь именно по этой причине. Можно поподробнее? Какого типа? Какой мощности?

— СОП скоро пришлет вам подробные технические требования. Я лишь ознакомлю вас с основными параметрами. Требуется большая мощность — самая большая, какая только возможна. Нам нужна самая мощная бомба, какую только можно создать. Двести мегатонн — это абсолютный минимум.

Аллен удивленно посмотрел на собеседника, а затем задумался.

— Быстро мы с таким заказом не справимся.

— Разве у вас нет математических моделей?

— Есть, конечно. У нас есть модели для всего, начиная с артиллерийского снаряда мощностью в пятьсот тонн до бомбы в двадцать мегатонн, от нейтронной бомбы до бомбы электромагнитного импульса. Но вы требуете намного большей мощности — она более чем в десять раз превосходит самое крупное термоядерное устройство. Для такой бомбы потребуются новый инициатор и новая внутренняя механика, отличающаяся от известных. Может даже понадобиться совершенно новая схема. У нас нет подходящей модели.

Они обсудили и другие научные проекты. Когда Рей Диас собрался уходить, Аллен спросил:

— Мистер Рей Диас, я знаю, что в вашем отделе при СОП работают лучшие физики. Я полагаю, они уже рассказывали вам об использовании ядерного оружия в космическом пространстве?

— Это не беда, если вы повторите то, что я уже знаю.

— Очень хорошо. В космосе ядерные бомбы — оружие малоэффективное. Ядерный взрыв в вакууме не создает ударной волны; возникнет лишь ничтожное световое давление. Соизмеримого с атмосферным взрывом механического эффекта не будет. Вся энергия выделяется в виде радиации и электромагнитного импульса. Защита от них — по крайней мере, на наших космических кораблях — является хорошо отработанной технологией.

— А если взрыв происходит непосредственно у цели?

— Это совсем другое дело. В этом случае тепловая энергия взрыва станет решающим фактором — цель расплавится или испарится. Но одна бомба мощностью в сотни мегатонн будет размером с дом; я боюсь, что попасть ею прямо по цели будет невозможно. Факты же таковы, что

механический эффект ядерного оружия уступает такому же эффекту кинетического оружия; его радиационный эффект уступает подобному эффекту лучевого оружия; а его тепловой эффект даже не сравнить с гамма-лазером.

— Но все эти виды оружия к бою не готовы. Ядерная бомба — это самое мощное проверенное оружие человечества. Те недостатки, которые вы перечислили, можно будет исправить. Например, добавив среду, в которой будет распространяться ударная волна — как шарики от подшипников в гранате.

— Любопытная идея. Заметно ваше научное образование.

— Я учился на инженера ядерной энергетики. Поэтому мне нравятся атомные бомбы. Я их понимаю.

Аллен засмеялся:

— Я почти забыл, насколько смешно обсуждать такие вопросы с Отвернувшимся.

Оба рассмеялись, но Рей Диас быстро вернулся к серьезному разговору:

— Доктор Аллен, вы, как и все прочие, рассматриваете стратегию Отвернувшихся как нечто загадочное. На сегодняшний день водородная бомба является самым мощным пригодным к бою

оружием, доступным человечеству. Разве не естественно сосредоточиться на этом? Я полагаю, что мой подход к проблеме является правильным.

* * *

Собеседники остановились посреди тихой лесной тропинки, по которой они прогуливались.

— Ферми и Оппенгеймер ходили этой тропинкой бессчетное число раз, — рассказал Аллен. — После Хиросимы и Нагасаки большинство разработчиков первого поколения ядерного оружия провели остаток своей жизни в депрессии. Им было бы легче, если бы они знали, какую задачу человечество теперь ставит перед своим оружием.

— Оружие — вещь хорошая, независимо от того, насколько оно страшное. И еще: когда я приду в следующий раз, надеюсь, что не увижу, как вы разбрасываете повсюду бумагу. Не стоит давать софонам повод думать, что мы свиньи неопрятные.

* * *

Кейко Ямасуки проснулась посреди ночи; она лежала одна, и постель рядом с ней уже остыла.

Она встала, оделась, вышла из дома и сразу же увидела тень своего мужа во дворе — как обычно, в бамбуковой роще. Они владели недвижимостью в Англии и Японии, но Хайнс предпочитал жить в Японии. Он говорил, что лунный свет Востока его успокаивает. Сегодня луны не было. И бамбук, и его фигура в кимоно потеряли глубину; они выглядели развешанными под звездами изящными бумажными вырезками.

Хайнс услышал шаги Кейко Ямасуки, но не обернулся. Как ни удивительно, Кейко носила одни и те же туфли как в Англии, так и в Японии. Даже в своем родном городе она никогда не ходила в гэта[88]. Но слышал он ее шаги только здесь.

— Любовь моя, ты уже несколько ночей не спишь нормально, — негромко сказала она. Летние насекомые смолкли, и тишина заполнила все пространство, как вода.

— Кейко, у меня не получается, — вздохнул Хайнс. — Ничего не приходит в голову. Не могу ничего придумать.

— И никто не может. Я утверждаю, что окон-

[88] Примечания: 88

Гэта — японские деревянные сандалии в форме скамеечки, одинаковые для обеих ног. Придерживаются на ногах ремешками, проходящими между большим и вторым пальцами. В настоящее время их носят во время отдыха или в ненастную погоду. (*Прим. перев.*)

чательного плана победоносной войны не существует. — Она сделала пару шагов навстречу Хайнсу, но их по-прежнему разделяли несколько ростков бамбука. Роща была их местом для раздумий; здесь возникло вдохновение для большей части их научных изысканий. Они редко ласкали друг друга в этом священном месте; наоборот, здесь они всегда сохраняли формальную вежливость, как и полагается поступать в атмосфере, пропитанной философией Востока. — Билл, отдохни. Достаточно того, что ты стараешься.

Хайнс повернулся; лицо его смутно выделялось в полутьме рощи.

— Невозможно. Любой мой шаг пожирает огромное количество ресурсов.

— Тогда почему бы не попробовать вот что… — быстро ответила Кейко. Очевидно, она долго размышляла над этой проблемой. — Работай над тем, что все равно будет полезно людям, даже если тебе не удастся решить задачу полностью.

— Вот-вот, Кейко, об этом я и раздумываю. Я решил, что если сам ничего не изобрету, то хотя бы помогу другим найти нужное решение.

— Каким другим? Другим Отвернувшимся?

— Нет, они не в лучшем положении, чем я сам. Я говорю о наших потомках. Естественный эво-

люционный процесс требует не менее двадцати тысяч лет, чтобы проявить себя. Человеческой цивилизации всего лишь пять тысяч лет, а современной технологической цивилизации только двести. Кейко, задумывалась ли ты когда-нибудь, что современные научные исследования ведутся мозгом примитивного человека?

— Ты хочешь искусственно ускорить эволюцию мозга?

— Мы уже давно исследуем мозг. Следует расширить эти работы до такого масштаба, когда они смогут помочь обороне планеты. Если заниматься этим вопросом век или два, то не исключено, что нам удастся развить интеллект человека. Тогда наука будущего сможет вырваться из тюрьмы, в которую ее заперли софоны.

— В нашей отрасли науки «интеллект» — расплывчатый термин. Что именно…

— Я подразумеваю интеллект в самом широком смысле слова. Не просто традиционное определение способностей к логике, но и способность к обучению, воображению и изобретательству. Добавь также способность накапливать опыт и здравый смысл без потери остроты ума. И способность к долгому умственному труду, чтобы мозг мог думать непрерывно и не уставая. Мы можем

даже подумать, как сделать сон ненужным. И так далее.

— Что для этого потребуется? Можешь сказать хотя бы приблизительно?

— Нет, пока не могу. Возможно, получится соединить мозг с компьютером и таким образом усилить человеческий разум. Или, может быть, удастся напрямую объединить мысли различных людей. Или наследовать память. Но по какому бы пути мы ни пошли, искусственное развитие интеллекта должно начинаться с глубокого понимания, как работает человеческий мозг.

— Это как раз то, чем мы занимаемся.

— Мы можем продолжать наши исследования. Разница в том, что теперь нам доступны огромные ресурсы.

— Дорогой, я счастлива. Я в восторге! Вот только как Отвернувшийся не полагаешь ли ты, что этот план немного…

— Не ведет напрямую к цели? Может быть. Но, Кейко, подумай. Человеческая цивилизация состоит из людей. Если мы научимся улучшать людей, то наша работа перевернет мир. И в любом случае, что еще я могу сделать?

— Билл, ты молодец!

— Так что подумай вот о чем. Если мы превра-

тим нейрофизиологию и исследование мышления во всемирный исследовательский проект и если мы вложим в него невероятно большие средства, как долго нам придется ждать результатов?

— Где-то около столетия.

— Давай добавим пессимизма и скажем, что два столетия. Тогда у высокоразумных людей останется две сотни лет в запасе. Если они потратят один век на фундаментальные науки и один век на их воплощение в технологии…

— Даже если это им не удастся, мы все равно сделаем то, что всегда хотели.

— Кейко, иди со мной до последнего дня, — прошептал Хайнс.

— Да, Билл. У нас еще много времени.

Цикады в роще привыкли к их присутствию и продолжили свои песни. Легкий ветер пошевелил бамбук, и звезды замерцали между листьев. Казалось, что хор насекомых исходит от звезд.

* * *

Шел третий день первых слушаний проекта «Отвернувшиеся» в Совете обороны планеты. Рей Диас и Хайнс доложили о первых фазах своих проектов, и началось их обсуждение представителями стран — постоянных членов СОП.

И Рей Диас, и Хайнс еще вчера сообщили о своих намерениях, но Тайлер решил обнародовать свои инициативы только сегодня, подогревая интерес к подробностям.

Тайлер начал с краткого вступления:

— Мне потребуются вооруженные подразделения, которые, взаимодействуя с остальным космическим флотом, будут при этом находиться под моим командованием.

Достаточно было одного предложения, чтобы руки двух других Отвернувшихся взлетели вверх.

— Мистера Хайнса и меня обвинили в злоупотреблении ресурсами, необходимыми для наших инициатив, — прервал докладчика Рей Диас, — но здесь уже полный абсурд. Мистер Тайлер хочет создать свой собственный флот!

— Я не говорю, что это будет большой флот, — спокойно ответил Тайлер. — Я намереваюсь строить не крупные корабли, а флот космических истребителей. Каждый из них размером с обычный самолет-истребитель, с одним пилотом. Все вместе — как крошечные москиты в космосе; поэтому я дал своей идее название «рой москитов». Численность флота должна как минимум не уступать трисолярианскому флоту вторжения.

Тысяча истребителей.

— Вы собираетесь таким комариком нападать на трисолярианский боевой корабль? Тот даже не почувствует укуса, — пренебрежительно прокомментировал один из присутствующих.

Тайлер воздел к небу палец:

— Да, но не в том случае, когда каждый из этих комариков несет термоядерную боеголовку в сто мегатонн. Мне понадобится новейшая технология сверхмощных бомб… Не отказывайте мне прямо сейчас, мистер Рей Диас. Собственно, вы не можете мне отказать. В соответствии с принципами проекта «Отвернувшиеся» эта технология не принадлежит лично вам. Как только она будет готова, у меня есть право ее потребовать.

Рей Диас взглянул на оппонента:

— Вы что, собираетесь скопировать мой план?

Тайлер сардонически улыбнулся:

— Если план Отвернувшегося можно скопировать, то какой же он тогда Отвернувшийся?

— Москиты не смогут улететь далеко, — внес свою лепту Гаранин, сменный председатель СОП. — Я считаю, что эти игрушечные истребители способны к бою только в пределах орбиты Марса.

— Берегитесь, следующим пунктом он потребу-

ет космический авианосец, — усмехнулся Хайнс.

Тайлер ответил с апломбом:

— Этого не потребуется. Истребители будут сцеплены в один объект, в москитную группу, которая действует как авианосец и приводится в движение либо отдельным двигателем, либо двигателями нескольких истребителей. На крейсерской скорости такая группа в передвижении в космосе не уступит большим кораблям. Когда она прибудет в назначенный район, группа расцепится и войдет в бой как множество одиночных истребителей.

Кто-то задал вопрос:

— Вашей москитной группе понадобятся годы, чтобы добраться до оборонного района на периферии Солнечной системы. Пилот не может провести столько времени в кабине, в которой даже нельзя встать с кресла. Найдется ли в таком небольшом истребителе достаточно места для запасов еды?

— Гибернация, — ответил Тайлер. — Им потребуется лечь в анабиоз. Мой план нуждается в двух технологиях: миниатюрные супербомбы и миниатюрные гибернационные капсулы.

— Лежать несколько лет в гибернации в металлическом гробу, затем проснуться только для

того, чтобы отдать свою жизнь в атаке. Пилоту такого москита не позавидуешь, — заметил Хайнс.

Энтузиазм Тайлера угас, и он какое-то время оставался безмолвным. Затем кивнул:

— Вы правы. Самая трудная часть моего плана — это найти пилотов.

Участникам слушаний раздали подробности плана Тайлера, но к его обсуждению никто интереса не проявил. Председательствующий объявил заседание закрытым.

— Ло Цзи так и не появился? — раздраженно спросил представитель США.

— Он не приедет, — ответил Гаранин. — Он заявил, что изоляция и неучастие в слушаниях в СОП являются частью его плана.

Услышав ответ, присутствующие зашептались между собой. Некоторые выражали недовольство; иные таинственно улыбались.

— Он ни на что не годный лентяй! — высказал свое мнение Рей Диас.

— А вы тогда кто? — грубо спросил Тайлер, хотя его план «роя москитов» зависел от технологии супербомбы, над которой работал Рей Диас.

Хайнс влез в перепалку:

— Я бы выразил уважение доктору Ло Цзи. Он знает себя и свои способности, поэтому не желает

бесцельной траты ресурсов. — Повернувшись к Рей Диасу, он любезно добавил: — Мне кажется, мистеру Рей Диасу не мешало бы кое-чему у него поучиться.

Всем было понятно, что Тайлер и Хайнс не защищали Ло Цзи, просто их неприязнь к Рей Диасу была намного сильнее.

Гаранин постучал по столу председательским молотком:

— Прежде всего, Отвернувшийся Рей Диас заговорил без разрешения председательствующего. Я напоминаю вам о необходимости уважать других Отвернувшихся. Аналогично я напоминаю Отвернувшимся Хайнсу и Тайлеру, что ваши слова также недостойны этого собрания.

Хайнс поднялся с кресла:

— Господин Председатель, Отвернувшийся Рей Диас всего лишь продемонстрировал солдатскую грубость. Вслед за Ираном и Северной Кореей его страна попала под санкции США из-за ядерной программы. Это вызвало у него психологические осложнения. По сути, между планом «роя москитов» мистера Тайлера и планом Рей Диаса по сооружению гигантской ядерной бомбы особой разницы нет. Я разочарован обоими. Это два прямолинейных плана, стратегия которых вид-

на всем с самого начала. Ни в одном из них нет хитроумной загадки, в каковой и заключается стратегическое преимущество нашего проекта.

Тайлер не остался в долгу:

— Мистер Хайнс, а ваш план — какие-то наивные фантазии!

Когда заседание закончилось, Отвернувшиеся направились в Комнату медитации, их любимое место в здании штаб-квартиры ООН. Им казалось, что комната, сооруженная именно для молчания, была самой судьбой предназначена для Отвернувшихся. Они стояли в тишине, зная, что не смогут поговорить откровенно вплоть до начала войны. Между ними, как безмолвный свидетель, лежал куб железной руды, словно бы впитывающий и запоминающий их мысли.

— Вы слышали о Разрушителях? — вполголоса спросил Хайнс.

Тайлер кивнул:

— ОЗТ только что объявило об этом в Интернете. ЦРУ проверяет.

Отвернувшиеся вновь замолчали. Каждый из них представлял себе своего Разрушителя. Эти образы бессчетное количество раз будут являться им в кошмарах. Ибо в тот день, когда явится Разрушитель, Отвернувшемуся, скорее всего,

настанет конец.

* * *

Увидев входящего отца, Ши Сяомин попытался забиться в угол. Но Ши Цян просто сел рядом.

— Не бойся. Я не ударю тебя и не буду ругать — на этот раз. У меня нет сил. — Он достал пачку сигарет, выбил две и предложил одну сыну. Ши Сяомин неуверенно взял ее. Они закурили и немного посидели в молчании. Затем Ши Цян сообщил:

— Мне дали важное задание. Я скоро уеду за границу.

— А как же твоя болезнь? — Ши Сяомин с беспокойством воззрился на отца сквозь облако табачного дыма.

— Давай сначала поговорим о тебе.

Тон Ши Сяомина перешел на просительный:

— Папа, мне за это такой срок выпишут…

— Если бы ты совершил какой-нибудь мелкий проступок, я бы, пожалуй, отмазал тебя. Но это серьезное преступление. Мин, мы оба взрослые. Мы должны отвечать за свои действия.

Ши Сяомин в отчаянии склонил голову и молча затянулся сигаретой.

Ши Цян продолжил:

— Отчасти это моя вина. Я не особо занимался твоим воспитанием, пока ты рос. Приходил домой поздно, такой уставший, что выпивал рюмку и заваливался в постель. Никогда не ходил на родительские собрания в школе, никогда ни о чем с тобой серьезно не беседовал. Вот уж верно, так верно: мы должны отвечать за свои действия.

Со слезами на глазах Ши Сяомин растирал сигарету о край койки, как будто пытаясь стереть недавнюю часть своей жизни.

— Тюрьма — это университет для преступников. Забудь об исправлении; просто держись подальше от других заключенных. И научись защищаться, ну хоть немного. Вот, возьми… — Ши Цян положил на койку пластиковый пакет. Внутри были два блока обычных сигарет «Юнь Янь». — Если понадобится что-то еще, мать вышлет.

Ши Цян направился к двери, затем обернулся:

— Мин, может быть, ты снова увидишь своего отца. К тому времени ты будешь старше меня; тогда ты поймешь, какая тяжесть сейчас лежит на моем сердце.

Через маленькое окошко в двери Ши Сяомин следил, как уходит его отец. Со спины он выглядел совсем старым…

* * *

В эпоху всеобщего волнения Ло Цзи был самым спокойным человеком в мире. Он прогуливался по берегу озера, плавал на лодке, собирал грибы и ловил рыбу, а затем повар готовил из них вкуснейшие блюда. Он просматривал множество книг на полках библиотеки; а когда становилось скучно, выходил наружу и играл в гольф с охраной. Он ездил на лошади по полям и лесам в сторону заснеженных вершин, но никогда не добирался до их подножия. Он часто сидел на скамейке возле озера и глядел на горы, отражающиеся в воде, ничего более не делая и ни о чем не думая. День за днем проходили как во сне.

Все это время он оставался в одиночестве и не общался с окружающим миром. Кент тоже жил в имении, но у него был свой небольшой кабинет, и он редко попадался на глаза. Ло Цзи лишь однажды разговаривал с офицером, отвечающим за безопасность, — попросил, чтобы охранники не ходили за ним следом; а если это необходимо, то пусть держатся вне поля его зрения.

Он чувствовал себя как лодка на воде, тихо плывущая со спущенным парусом — не знающая, где ее причал, и не желающая знать, куда ее несет те-

чение. Порой, вспоминая свою прежнюю жизнь, он с удивлением отмечал, что всего-то несколько дней прошло, а она изменилась до неузнаваемости. Ну что ж, такой расклад его удовлетворял.

Особый интерес у него вызывал винный погреб. Ло Цзи знал, что пыльные бутылки, лежащие на стеллажах, содержат в себе лучшее в мире вино. Он пил в гостиной, он пил в библиотеке, иногда он пил в лодке — но никогда не напивался; он пил лишь столько, чтобы оставаться в идеальном, полупьяном-полутрезвом состоянии. А затем тянулся к забытой прежним хозяином длинной трубке и курил.

Ло Цзи не разжигал огня в камине, даже когда шли дожди и в гостиной становилось прохладно. Он знал, что время для этого еще не настало.

Он никогда не пользовался Интернетом, но время от времени смотрел телевизор. Он пропускал новости и смотрел лишь те программы, что не были связаны с текущими событиями, а еще лучше с современностью вообще. Такие программы еще можно было отыскать, хотя их показывали реже и реже в эти последние дни Золотого века.

Однажды поздней ночью он засиделся за бутылкой коньяка, которой, если верить этикетке, было тридцать пять лет. Нажимая кнопки на пульте

управления, он проскочил мимо нескольких программ новостей. Но одна передача на английском языке привлекла его внимание. В ней рассказывалось о находке затонувшего корабля середины XVII века. Он ходил между Роттердамом и Фаридабадом и затонул у мыса Горн. Среди поднятых водолазами предметов был маленький запечатанный бочонок превосходного вина. Эксперты предполагали, что вино все еще можно пить. Более того, вкус его после трех веков хранения на дне океана должен быть просто несравненным. Ло Цзи записал большую часть этой программы, а потом вызвал Кента.

— Я хочу этот бочонок. Купите его для меня, — потребовал он.

Кент пошел звонить. Через два часа он сообщил Ло Цзи, что бочонок стоит невероятно дорого. Начальную цену установили в триста тысяч евро.

— Эта сумма — мелочь для проекта «Отвернувшиеся». Покупайте. Это часть плана.

После этого случая у проекта «Отвернувшиеся» появился второй мем, следовавший за «улыбкой Отвернувшегося». Все, что являлось очевидно абсурдным, но тем не менее требовалось выполнить, стали называть «частью плана Отвернувшегося», или же просто «частью плана».

Через два дня бочонок, старый и покрытый ракушками, стоял в его гостиной. Ло Цзи взял в руки найденный в погребе специальный кран для деревянных бочек, со спиральным сверлом. Он аккуратно ввинтил кран в бочонок и налил первую рюмку. Жидкость была необычного изумрудно-зеленого цвета. Он понюхал ее и поднес рюмку к губам.

— Доктор, это тоже является частью плана? — негромко спросил Кент.

— Именно так. Это часть плана. — Ло Цзи уже собирался пить, но заметил собравшихся в гостиной людей и приказал: — Всем выйти!

Кент и остальные не сдвинулись с места.

— Я сказал выйти из комнаты! Это тоже часть плана. Пошли вон! — Он свирепо посмотрел на окружающих. Кент сокрушенно покачал головой и направился к двери; за ним последовали остальные.

Ло Цзи сделал глоток. Он изо всех сил старался убедить себя, что у вина восхитительный вкус; но на второй глоток так и не решился. Однако даже та малость, что он выпил, дорого ему обошлась. В ту же ночь его обильно вырвало; рвота была окрашена в цвет вина. Организм был ослаблен настолько, что Ло Цзи не мог встать с постели.

Позже доктора и эксперты открыли крышку бочонка и обнаружили довольно большую латунную табличку на внутренней стенке — так было принято в те годы. Со временем возникла химическая реакция между обычно инертными друг к другу вином и медью. Один из продуктов реакции растворился в вине… Когда бочонок уносили, Ло Цзи увидел злорадство на лице Кента.

Обессиленный, он лежал в постели и смотрел на капельницу. Его охватило острое чувство покинутости. Ло Цзи знал, что безделье недавних дней было просто невесомостью при падении в пропасть одиночества. Теперь он достиг дна. Но он предвосхищал этот момент и был готов. Он дожидался кое-кого; тогда начнется следующий этап его плана. Он ждал Да Ши.

* * *

Тайлер укрывался под зонтом от мелкого дождя Кагосимы. В двух метрах позади него стоял министр обороны Коити Иноуэ; он не побеспокоился раскрыть свой зонт. В последние два дня он держал все ту же дистанцию от Тайлера — и физически, и духовно. Они были в Тиране, в музее пилотов-камикадзе. Перед ними возвышалась статуя летчика рядом с белым самолетом,

бортовой номер 502. Слабый дождь окрасил поверхность статуи и самолета, делая их похожими на настоящие.

— Обсуждать мое предложение не имеет смысла? — спросил Тайлер.

— Я настоятельно рекомендую вам не поднимать этот вопрос с репортерами. Будут неприятности. — Слова Коити Иноуэ были такими же ледяными, как дождь.

— Все еще больное место, даже по сей день?

— Не от истории боль, а от вашего предложения воссоздать отряды камикадзе. Почему вы не предлагаете такое в США или в каком-нибудь другом месте? Что, японцы — единственные в мире, кто умрет с готовностью, исполняя свой долг?

Тайлер сложил зонт и приблизился к Коити Иноуэ. Тот не отшатнулся; однако, похоже, вокруг него существовало некое силовое поле, не позволившее Тайлеру подойти ближе.

— Я никогда не утверждал, что будущие отряды камикадзе будут состоять только из японцев. Это международные силы. Но идея камикадзе возникла в вашей великой стране; так разве не естественно возродить их именно здесь?

— Какой смысл в такой атаке против инопланетян? Поймите, эти отряды достигли лишь

ограниченного успеха; они не повлияли на ход войны.

— Господин министр, я строю флот космических истребителей, вооруженный, в частности, шаровыми молниями. Для создания молний мы воспользуемся термоядерным оружием повышенной мощности, а потом разгоним получившиеся шары плазмы в электромагнитном поле. Но высокой скорости полета, как у ракеты, мы не добьемся — для того потребуется катапульта длиной в десятки, если не сотни километров. Разумеется, это нереально. Кроме того, шаровая молния после выстрела не может управляться электроникой, как самонаводящаяся ракета, не может маневрировать в случае противодействия со стороны неприятеля. Стрелять шаровой молнией можно только с близкого расстояния, выполняя прицеливание вручную. В этом и состоит идея ведения войны с помощью неокамикадзе, а вовсе не в том, чтобы пилотируемые людьми истребители таранили цели врага. Конечно, как и при таране, смертность будет высокой.

— Но зачем вам нужны люди? Разве истребитель, управляемый компьютером, не способен приблизиться к вражескому кораблю?

Этот вопрос дал Тайлеру шанс, которого он

ждал, и он возбужденно заговорил:

— В этом и заключается проблема! Сегодняшние компьютеры не способны заменить человеческий мозг. Для создания квантового и других компьютеров нового поколения требуются открытия в фундаментальных науках. Но это невозможно из-за софонов. Через четыре столетия компьютерный разум будет все так же ограничен; оружие, управляемое людьми, будет по-прежнему вне конкуренции. По правде сказать, создание отрядов камикадзе сегодня имеет лишь символическое значение. Сменится десять поколений, прежде чем кто-то из них пойдет в бой, к своей смерти. Но заложить основание духа и веры нужно сегодня!

Коити Иноуэ впервые повернулся к Тайлеру. Его мокрые волосы прилипли ко лбу, и капли дождя на лице были похожи на слезы.

— Такой подход подрывает моральные устои современного общества. Человеческая жизнь превыше всего. Государство и правительство не имеют права потребовать от человека пойти на смерть. Я припоминаю слова, которые сказал Ян

Вэньли в «Легенде о героях галактики»[89]: «От этой войны зависит судьба страны; но что она значит в сравнении с личными правами и свободами? Просто делайте все, на что способны».

Тайлер вздохнул:

— Знаете что? Вы выкинули на помойку свой самый ценный ресурс!

Он раскрыл зонт, повернулся и в гневе ушел. У ворот музея он оглянулся. Коити Иноуэ так и стоял под дождем рядом с памятником.

Тайлер шел, и ветер с моря дул ему в лицо. Его мысли вернулись к одной фразе из предсмертного письма пилота-камикадзе к своей матери. Он видел эту записку в музее.

«Мама, я стану светлячком».

* * *

— Дело обстоит хуже, чем я предполагал, — сообщил Аллен Рей Диасу. Они стояли возле черного обелиска, высеченного из куска лавы. Он возвышался на месте взрыва первой в истории атомной бомбы.

---

[89] Примечания: 89

Ян Вэньли — один из персонажей научно-фантастических романов Йошики Танаки «Легенда о героях галактики», впервые опубликованных в 1982 году и позднее адаптированных в формат манги и аниме. (*Прим. Дж. М.*)

— То есть она устроена совсем по-другому? — спросил Рей Диас.

— Абсолютно по-другому, если сравнить с современными атомными бомбами. Создание ее математической модели будет в сто раз сложнее. Это гигантский проект.

— Что от меня требуется?

— Козмо работает на вас, верно? Отправьте его в мою лабораторию.

— Вильям Козмо?

— Да.

— Но он… он…

— Он астрофизик. Специалист по звездам.

— Чем ему предстоит заниматься?

— Сейчас расскажу. Вы думаете, что атомную бомбу инициируют и она взрывается. Но на самом деле это не столько взрыв, сколько горение. Чем больше мощность бомбы, тем дольше она горит. Огненный шар бомбы в двадцать мегатонн, например, будет гореть около двадцати секунд. Мы проектируем бомбу в двести мегатонн; пламя реакции будет гореть несколько минут. Задумайтесь об этом. На что это будет похоже?

— На маленькое солнце.

— Правильно! Структура реакции синтеза в бомбе очень похожа на такую же реакцию в

звезде. Поэтому она за короткое время проходит через все этапы жизни звезды. Таким образом, нам нужно создать, по сути, математическую модель звезды.

Вокруг них расстилались белые пески. Предрассветная пустыня была еле видна. Они вглядывались в окружающее и невольно вспоминали о сценах игры «Три тела».

— Я очень рад, мистер Рей Диас. Прошу прощения, что в самом начале не проявил энтузиазма. Но глядя на проект сегодня, вижу, что он намного важнее, чем изготовление супербомбы. Вы знаете, что мы делаем? Мы создаем виртуальную звезду!

Рей Диас недовольно покачал головой:

— И как это поможет в защите Земли?

— Не ограничивайтесь защитой планеты. Я и мои коллеги по лаборатории все же ученые. Кроме того, от такой модели есть и практическая польза. Если вы введете необходимые параметры, то получите модель нашего Солнца. Представляете?! Всегда полезно иметь модель Солнца в компьютере. Это самый крупный объект в ближнем космосе, и мы можем понять, как его лучше использовать. Эта модель может привести ко многим открытиям.

Рей Диас не скрывал скептицизма:

— Однажды мы уже воспользовались Солнцем. Это привело человечество на грань катастрофы, а вас и меня — сюда.

— А новые открытия могут его спасти. Сегодня я пригласил вас понаблюдать за восходом солнца.

Поднимающееся светило только сейчас начало выглядывать из-за горизонта. Равнина перед ними внезапно обрела резкость и четкость, как на проявляющейся фотокарточке. Рей Диас увидел, что пустыня, некогда видевшая адское пламя, теперь покрыта редким кустарником.

— Я стал Смертью, Разрушителем миров, — продекламировал Аллен.

— Что? — Рей Диас резко обернулся, как будто ему выстрелили в спину.

— Эти слова произнес Оппенгеймер, когда увидел первый атомный взрыв. Думаю, это цитата из «Бхагавадгиты».

Диск на востоке быстро рос, окутывая землю лучами, будто золотой паутиной. То же самое солнце светило и в то утро, когда Е Вэньцзе настроила антенну «Красного Берега»; и задолго до этого то же самое солнце освещало облако пыли, оседающей после первого взрыва бомбы. Австралопитеки миллион лет назад и динозавры сто

миллионов лет назад смотрели на это же солнце своими непонимающими глазами. И еще раньше блеклые лучи того же самого солнца проникли в глубь первобытного океана и осветили первую живую клетку.

Аллен продолжил:

— А потом некто по имени Бэйнбридж завершил фразу Оппенгеймера совершенно не поэтически: «Теперь все мы сукины сыны».

— О чем это вы? — не понял Рей Диас. Он смотрел на поднимающееся в небе солнце и прерывисто дышал.

— Я благодарю вас, мистер Рей Диас, потому что с этого момента мы не сукины сыны.

На востоке монументально и торжественно поднималось солнце, как бы объявляя всему миру: «Передо мной все столь же преходяще, как тень».

— Что с вами, мистер Рей Диас? — Аллен увидел, что его собеседник присел на корточки, опершись одной рукой о землю, и зашелся сухим кашлем. На его побледневшем лице выступил холодный пот. Рей Диасу недоставало сил, даже чтобы убрать руку с колючек, которые попали под его ладонь.

— Идите, идите к машине, — слабо произнес он,

отворачиваясь от солнца и прикрываясь от света свободной рукой. Он не мог встать. Аллен попытался помочь, но не смог сдвинуть его грузное тело. — Подгоните машину… — прокашлял Рей Диас, прикрывая рукой глаза. Когда Аллен вернулся на машине, Отвернувшийся уже повалился на землю. С трудом Аллен помог ему забраться на заднее сиденье.

— Темные очки! Мне нужны темные очки… — Рей Диас полулежал на сиденье; его руки шарили в воздухе. Аллен передал ему темные очки, которые нашел на приборном щитке. Рей Диас надел очки, и его дыхание выровнялось.

— Я в порядке. Давайте уедем отсюда. Поскорее, — слабо произнес он.

— Что, ради всех святых, произошло? Что с вами?

— Наверное, это солнце.

— Хм… и когда у вас появилась такая реакция на солнце?

— Только сейчас.

Эта странная фобия, поразившая Рей Диаса, вызывала у него сильнейшую психическую и физическую реакцию, когда бы он ни увидел солнце. С тех пор он оставался в закрытых помещениях.

* * *

— Долго летели? Вид у вас неважнецкий. — Такими словами Ло Цзи встретил Ши Цяна.

— Ага. Другого такого комфортабельного самолета, как тот, на котором мы тогда летели, не найти, — ответил Ши Цян, рассматривая окрестности.

— Что скажете — неплохо, а?

— Хреновее некуда, — покачал головой Ши Цян. — С трех сторон лес, легко спрятаться возле самого особняка. А озеро? Прямо рядом с домом, трудно защититься от боевых пловцов, если они выйдут из леса на дальнем берегу. Но луга вокруг довольно хороши, обеспечивают обзор.

— Неужели нельзя быть хоть немного романтичнее?

— Мой мальчик, я сюда работать приехал.

— Как раз романтическая работа вам и предстоит.

Ло Цзи провел Ши Цяна в гостиную. Тот осмотрел комнату, но роскошь и изящество не произвели на него впечатления. Ло Цзи налил ему выпить в хрустальный бокал, но Ши Цян замахал рукой, отказываясь.

— Это же бренди тридцатилетней выдержки!

— Не могу я сейчас пить… Расскажи-ка мне об этой твоей романтической работе.

Ло Цзи сел рядом, потягивая свой бренди.

— Да Ши, я прошу вас оказать мне услугу. В вашей прежней деятельности приходилось ли вам искать определенного человека по всей стране или, может, даже по всему миру?

— Да.

— У вас хорошо получалось?

— Находить людей? Конечно.

— Отлично. Помогите мне найти человека. Это женщина, ей чуть больше двадцати лет. Это часть плана.

— Национальность? Имя? Адрес?

— Не знаю. Даже не очень вероятно, что она вообще существует в этом мире.

Ши Цян взглянул на него и через несколько секунд догадался:

— Она тебе приснилась?

Ло Цзи кивнул:

— Я видел ее в снах… и в мечтах тоже.

Ши Цян тоже кивнул, а потом сказал то, чего Ло Цзи от него никак не ожидал:

— Ладно.

— Что?

— Я сказал, ладно, поищу, если ты знаешь, как

она выглядит.

— Она… ну… она азиатка, скажем, китаянка. — Ло Цзи взялся за бумагу и карандаш. — Лицо у нее вот такое… а нос такой… а рот… Вот проклятье, ну не умею я рисовать! А глаза… черт, как я нарисую ее глаза? У вас есть программа, с помощью которой можно взять лицо и подобрать к нему глаза, и нос, и все прочее по рассказу свидетеля?

— Конечно. У меня есть такая на ноутбуке.

— Тогда доставайте и начнем рисовать!

Ши Цян растянулся на диване и устроился поудобнее.

— Ни к чему. Не нужно ее рисовать. Давай словами. Оставь ее внешний вид на потом; сначала расскажи, что она за человек.

В душе Ло Цзи загорелся огонь. Он встал и принялся беспокойно расхаживать перед камином.

— Она… как бы это сказать? Она пришла в этот мир как лилия, выросшая на мусорной куче. Она чиста и нежна, и ничто окружающее не может ее запятнать. Но оно может ей навредить. Да, все окружающее может причинить ей вред! Вашей первой мыслью, когда вы ее увидите, будет желание ее защитить. Нет, не так — заботиться о ней, дать ей понять, что готовы заплатить любую цену, чтобы защитить ее от грубой, жестокой ре-

альности. Она… она настолько… Эх, у меня язык заплетается… Не могу ничего толком объяснить!

— Это уж как водится, — сказал, посмеиваясь, Ши Цян. Его смех, казавшийся грубым и глупым, когда Ло Цзи услышал его впервые, теперь казался полным мудрости; он успокоил его. — Но все сказано достаточно ясно.

— Ладно. Тогда я продолжу. Она… Но что я говорю? Что бы я ни сказал, я не могу объяснить, какой она видится моему сердцу! — Ло Цзи разозлился и, похоже, собрался вырвать свое сердце и предъявить Ши Цяну для осмотра.

Ши Цян жестом остановил его.

— Неважно. Просто расскажи, что происходит, когда вы вместе. Чем подробнее, тем лучше.

Глаза Ло Цзи раскрылись в изумлении.

— Откуда вы знаете про… ну, про то, что мы вместе?

Ши Цян снова рассмеялся. Затем он посмотрел по сторонам:

— Здесь случайно не найдется каких-нибудь сигар?

— Найдется! — Ло Цзи схватил с каминной полки изящный деревянный ящичек, вынул толстую сигару «Давидофф» и обрезал ее кончик еще более изящной гильотинкой. Затем передал

сигару Ши Цяну и разжег ее специальной кедровой щепочкой.

Ши Цян пыхнул дымом и удовлетворенно кивнул:

— Вали дальше.

Ло Цзи преодолел свое недавнее косноязычие и разговорился. Он рассказал, как она впервые встретилась ему в библиотеке; как появилась в аудитории во время лекции; как они сидели перед воображаемым камином в его общежитии, как глядели на огонь сквозь бутылку с вином… Он с удовольствием рассказал об их поездке, упоминая каждую мелочь: поля после снегопада, город и поселок под синим небом, горы, греющиеся на солнце, будто пожилые сельчане, и вечер у костра возле подножия горы…

Когда он закончил, Ши Цян погасил сигару:

— Ну, пожалуй, хватит. Попробую угадать недостающее, а ты скажешь, прав ли я.

— Отлично!

— Образование: она как минимум бакалавр, но еще не доктор наук.

Ло Цзи кивнул:

— Да, да! Она многое знает, но ученым сухарем ее назвать нельзя. Знания лишь обостряют ее чувствительность к жизни и к миру.

— Она, вероятно, родилась в высокообразованной семье и жила жизнью не слишком богатой, но более обустроенной, чем большинство. Ребенком она пользовалась любовью родителей, но не общалась с окружающими — в частности, с людьми более низкого социального положения.

— Верно, совершенно верно! Она никогда не рассказывала мне о семье, даже о себе, но я думаю, что так оно и было.

— Теперь поправь меня, если какие-то из моих предположений окажутся неверными. Ей нравится носить… как бы это выразиться… простую, элегантную одежду — немного проще, чем другие девушки ее возраста. (Ло Цзи раз за разом глупо кивал.) — Но всегда у нее есть что-то белое, например, блузка или воротник, резко выделяющиеся среди темных цветов остальной одежды.

— Да Ши, вы… — начал Ло Цзи, слушая Ши Цяна с восхищением в глазах.

Не обращая внимания, Ши Цян продолжал:

— Наконец, она невысокая, ростом где-то сто шестьдесят сантиметров. Телосложение у нее… Ну, словом, она тоненькая — ветер дунет и унесет. Пропорциональная, так что впечатления коротышки не производит… Я могу и продолжить. Ну что, не сильно ошибаюсь?

Ло Цзи был готов упасть перед Ши Цяном на колени:

— Да Ши, я преклоняюсь перед вами. Вы — воплощение Шерлока Холмса!

Ши Цян встал:

— Теперь пойду подготовлю фоторобот на компьютере.

Позже тем же вечером он пришел с компьютером к Ло Цзи. Когда портрет женщины появился на экране, Ло Цзи уставился на него и застыл, как зачарованный. Ши Цян, по-видимому, этого ожидал. Он извлек очередную сигару из ящичка на каминной полке, обрезал гильотинкой и раскурил. После нескольких затяжек вернулся к столу и обнаружил, что Ло Цзи по-прежнему пялится в экран.

— Если что не так, скажи — я поправлю.

С усилием Ло Цзи оторвал глаза от экрана, встал, подошел к окну и стал наблюдать за далекой заснеженной горной вершиной, освещенной лунным светом. Как во сне, он прошептал:

— Она совершенна…

— Так я и думал, — подвел итог Ши Цян и закрыл компьютер.

Продолжая смотреть вдаль, Ло Цзи произнес фразу, которую другие люди уже не раз адресо-

вали Ши Цяну:

— Да Ши, вы сам дьявол!

Усталый Да Ши плюхнулся на диван:

— И ничего такого сверхъестественного. Мы оба мужчины.

Ло Цзи повернулся к нему:

— Но у каждого мужчины своя воображаемая подруга!

— Воображаемые любовницы практически одинаковы у определенного типа мужчин.

— Даже если так, настолько точно угадать невозможно!

— Не забывай, что ты мне многое рассказал.

Ло Цзи подошел к компьютеру и снова раскрыл его.

— Пришлите мне копию.

А потом, когда Ши Цян принялся сохранять изображение, спросил:

— Вы сможете ее найти?

— Сейчас могу лишь сказать, что это весьма вероятно. Но могу и не найти.

— Что? — Ло Цзи потрясенно уставился на Ши Цяна.

— А разве в таком деле можно гарантировать стопроцентный успех?

— Нет, я не это хотел сказать. Вообще-то как

раз наоборот. Я думал, вы объясните, что это практически невозможно, но вы не исключаете случайного шанса на успех, какой-нибудь десятитысячной процента. Я был бы удовлетворен таким ответом. — Он повернулся к лицу на экране и прошептал: — Неужели такой человек может реально существовать?

Ши Цян снисходительно улыбнулся:

— Доктор Ло, скольких людей ты повидал в своей жизни?

— Не так много, как вы, конечно, но знаю, что в мире нет идеального человека, а уж тем более идеальной женщины.

— Как ты упоминал раньше, я зачастую могу найти нужного человека среди десятков тысяч, и опыт всей моей жизни говорит, что люди бывают самые разные. Самые разные, мой мальчик. Идеальные люди, идеальные женщины. Ты просто их не встречал.

— Впервые такое слышу!

— Это потому, что человек, идеальный с твоей точки зрения, необязательно будет идеальным для других. Эта девушка твоей мечты… Как по мне, так она вовсе не без недостатков. Так что у меня есть хорошие шансы ее найти.

— Но режиссеры могут искать идеального ак-

тера среди десятков тысяч и так и не находят!

— У режиссеров нет ничего похожего на наши профессиональные средства поиска. Мы ведь не просто ищем среди десятков или даже сотен тысяч человек, или среди миллионов. В нашем распоряжении техника и методы, которые режиссерам и не снились. Компьютеры в полицейском центре анализа фотографий могут подобрать совпадения из сотни миллионов лиц за полдня… Единственная загвоздка в том, что это задание выходит за пределы моих прямых обязанностей. Мне придется доложить руководству. Если оно даст добро, то, разумеется, я приложу все силы.

— Скажите им, что это важная часть проекта «Отвернувшиеся», и потому она требует серьезного подхода!

Ши Цян многозначительно ухмыльнулся и ушел.

* * *

— Что? СОП должен найти для него… — Кент пытался подобрать подходящее китайское слово, — любовницу его мечты? Мы его слишком избаловали. Мне очень жаль, но я не могу передать руководству вашу заявку.

— В таком случае вы нарушаете основной прин-

цип проекта «Отвернувшиеся»: приказ Отвернувшегося необходимо доложить по инстанции и выполнить, даже если вы не понимаете цели приказа. Право вето есть только у СОП.

— Но мы не можем расходовать ресурсы общества на то, чтобы подобный человек жил как император! Господин Ши, мы недолго работаем вместе, но я вас весьма уважаю. Вы опытный и умный человек, поэтому ответьте мне прямо. Вы и в самом деле полагаете, что Ло Цзи хоть что-то делает по проекту «Отвернувшиеся»?

Ши Цян качнул головой:

— Не знаю. — Он поднял руку, предупреждая возражения. — Однако это просто из-за моего неведения; это не мнение нашего руководства. В этом самая большая разница между вами и мной: я лишь тот, кто старательно выполняет приказы. А вам положено спрашивать «почему».

— Вы считаете это неправильным?

— Да дело не в том, правильно это или неправильно. Если бы каждый человек должен был понимать приказ, прежде чем его исполнить, мир давно бы уже погрузился в хаос. Господин Кент, у вас звание повыше моего, но по сути дела мы оба люди, исполняющие приказы. Нам следует знать, что бывают вещи, задумываться

над которыми *нам* не стоит. Достаточно лишь выполнять свои обязанности. Если вы к этому не готовы, то, боюсь, вам дальше будет трудно.

— Мне уже трудно! Мы только что истратили кучу денег, выкупая это вино с затонувшего корабля! Я просто думаю… Посмотрите сами, разве он похож на Отвернувшегося?

— А как должен выглядеть Отвернувшийся?

Кент на мгновение потерял дар речи.

— Знаете, что я думаю? — продолжал Ши Цян. — Если бы для Отвернувшегося существовал шаблон, то не сказал бы, что Ло совсем с ним несовместим.

— Что? — переспросил слегка опешивший Кент. — Вы утверждаете, что видите в нем какие-то достоинства?

— Утверждаю.

— Но, черт возьми, что же вы видите?

Ши Цян положил руку на плечо Кента.

— Возьмем вас, например. Если бы мантия Отвернувшегося легла на ваши плечи, вы ухватились бы за этот шанс и стали бы таким же гедонистом, как и он.

— Я бы уже давно свихнулся.

— Ну да. А Ло Цзи — пофигист. Ему все до фонаря. Кент, старина, неужто вы думаете, что у него

легкая работа? Отвернувшийся должен обладать способностью смотреть на вещи не как обычные люди, и именно эту способность мы в нем наблюдаем. А вот такой человек, как вы, великих дел не совершит.

— Но он настолько… я хочу сказать… если ему на все плевать, то как это соотносится с проектом «Отвернувшиеся»?

— Да я уже сколько времени талдычу вам это, а вы так и не поняли! Я говорю, что не знаю. Откуда вы можете знать, что его причуды не являются частью плана? Еще разок повторю: судить об этом не вам и не мне. Но даже если мы правильно понимаем его действия, — Ши Цян наклонился к Кенту и понизил голос, — некоторые вещи требуют времени.

Кент долго таращился на Ши Цяна. Наконец он тряхнул головой, неуверенный, правильно ли понял последнюю фразу:

— Хорошо. Я подам рапорт. Но вы можете мне сначала показать, как выглядит эта девушка его мечты?

Когда Кент увидел женщину на экране, его старое лицо на мгновение смягчилось. Он помассировал челюсть и признал:

— Вот это да… Ни на мгновение не поверю, что

кто-то такой существует, но надеюсь, что вы ее все-таки скоро найдете.

* * *

— Полковник, не считаете ли вы несколько неожиданным, что человек моего положения проверяет политическую и идеологическую работу в ваших вооруженных силах? — сказал Тайлер, встретившись с Чжан Бэйхаем.

— Нет, мистер Тайлер. Уже был прецедент. Рамсфелд однажды посещал Партийную школу при Главном военном совете, когда я там учился. — Чжан Бэйхай не проявлял ни любопытства, ни осторожности, ни отчуждения, которые Тайлер видел в других офицерах. Он выглядел искренним, и это облегчало разговор.

— Вы хорошо владеете английским. Вы, наверное, из флотских?

— Так точно. Космические силы США набрали даже больше персонала из флота, чем мы.

— Этот старинный вид вооруженных сил не мог даже представить себе, что боевые корабли поплывут в космосе… Буду откровенен. Когда генерал Чан Вэйсы представил вас как лучшего политического офицера в космических силах, я подумал, что вы из армии; армия — душа ваших

вооруженных сил.

Чжан Бэйхай явно не согласился с этим утверждением, но вежливо рассмеялся:

— То же самое можно сказать о любом роде войск. Во всех странах космические силы только зарождаются, и их военнослужащие привносят что-то со старого места службы.

— Меня весьма интересует ваша политическая и идеологическая работа. Надеюсь, что смогу ознакомиться с ней поглубже.

— Это не вызовет затруднений. Командование приказало мне ничего не скрывать — в рамках моей работы.

— Благодарю вас! — Тайлер помедлил, потом продолжил: — Цель моей поездки — получить ответ на один вопрос. Я хотел бы задать его прежде всего вам.

— Конечно. Спрашивайте.

— Полковник, верите ли вы, что мы можем вернуть воинский дух армий давно прошедших времен?

— Что вы имеете в виду под давно прошедшими временами?

— Я говорю о значительном отрезке времени, возможно, от Древней Греции до Второй мировой войны. Существенны общие духовные черты,

которые я упоминал: долг и честь превыше всего; готовность, когда надо, без колебаний отдать свою жизнь. Вы, может быть, заметили, что после Второй мировой войны такая храбрость уже нехарактерна для армий как демократических, так и тоталитарных стран.

— Армию набирают из общества. Следовательно, понадобится возродить былой воинственный дух в самом обществе.

— Мы сходимся в этом мнении.

— Но, мистер Тайлер, это невозможно.

— Почему? У нас есть четыреста лет. В прошлом человечеству понадобилось именно столько лет, чтобы перейти из эры коллективного героизма в эру индивидуализма. Почему мы не можем потратить столько же времени на обратное развитие?

Чжан Бэйхай на мгновение задумался.

— Это хороший вопрос, но я полагаю, что общество выросло и не может вернуться в свое детство. За последние четыреста лет, что послужили фундаментом для современной цивилизации, у нас не возникло ни культурных, ни моральных предпосылок для подобного разворота вспять.

— Тогда откуда же лично вы черпаете победный настрой? Насколько мне известно, вы убежденный триумфалист. Как сможет космический

флот, переполненный страхом поражения, воевать с могущественным противником?

— Да ведь вы только что сказали, что у нас есть еще четыреста лет. Если мы не можем идти назад, нам остается только решительно идти вперед.

Ну и как прикажете толковать такой ответ? Тайлер не вынес больше ничего из последующей дискуссии, кроме ощущения, что мысли собеседника куда глубже, чем он смог понять за время своего краткого визита.

Покидая штаб-квартиру космических сил, Тайлер прошел мимо часового. Они встретились взглядом, и часовой поприветствовал его застенчивой улыбкой. Такого он не встречал в других странах — там часовые смотрели строго перед собой. Глядя на лицо молодого солдата, Тайлер опять вспомнил ту фразу:

«Мама, я стану светлячком».

* * *

Тем вечером пошел первый дождь за все то время, что Ло Цзи жил в усадьбе. В гостиной было довольно холодно. Он сидел перед незажженным камином и прислушивался к шелесту дождя за окном, представляя себе, что дом стоит на одиноком острове посреди темного океана. Ло

Цзи окутал себя безграничным одиночеством. После отъезда Ши Цяна он пребывал в беспокойном ожидании, и это ожидание тоже было разновидностью счастья. Затем он услышал, как у крыльца остановился автомобиль. До его ушей донеслись обрывки разговора. Мягкий женский голос, произносящий «Спасибо» и «До свидания», встряхнул Ло Цзи, как удар током.

Два года назад он слышал этот голос как днем в своих мечтах, так и ночью во сне. Этот неземной звук, подобный парящей в небе паутинке, на мгновение разогнал вечернюю тьму, словно вспышка солнечного света.

Затем в дверь легонько постучали. Ло Цзи сидел как истукан; только после долгой паузы он наконец открыл рот и произнес: «Заходите». Дверь открылась. Вместе с каплями дождя в комнату проникла тонкая фигурка. Единственным источником света в гостиной была напольная лампа со старомодным абажуром. Она создавала круг света около камина, но в других частях комнаты царил сумрак. Ло Цзи не мог разобрать лица женщины, но заметил, что она одета в белые брюки и темную куртку. Воротник выделялся своей белизной на фоне куртки; он напомнил ему о лилиях.

— Здравствуйте, господин Ло, — сказала она.

— Здравствуйте, — ответил он, вставая. — На улице холодно?

— В машине не холодно. — Хотя он и не мог ее четко видеть, он знал, что она улыбается. — Но здесь, — она посмотрела вокруг, — здесь холодновато… Да, меня зовут Чжуан Янь, господин Ло.

— Здравствуйте, Чжуан Янь. Давайте растопим камин.

Ло Цзи присел возле камина и положил в него немного дров из аккуратной поленницы. Затем спросил:

— Вы когда-нибудь раньше видели камин? Подходите, присаживайтесь.

Она подошла и села на диван, оставаясь в тени.

— Ах… только в кино.

Ло Цзи чиркнул спичкой и зажег растопку. Пламя потянулось, как живое, разгорелось, и в его мягком, золотистом свечении проступила женская фигура. Ло Цзи крепко держал двумя пальцами догорающую спичку; ему нужно было испытать боль, чтобы убедиться, что это не сон. Казалось, что он зажег солнце, которое теперь освещало ставший реальностью мир мечты. Снаружи солнце могло навеки оставаться скрытым облаками и темнотой, если в его мире была Она

и был огонь камина.

«Да Ши, ты и в самом деле дьявол! Где ты ее нашел? Как, черт побери, ты смог ее найти?»

Ло Цзи повернулся обратно к камину; на глазах его выступили непрошеные слезы. Он немного испугался, что она заметит, но тут же догадался, что скрывать незачем — она наверняка подумает, что это от дыма. Он протер глаза рукой.

— Как тепло, как хорошо… — с улыбкой сказала она, глядя на пламя.

Сердце Ло Цзи затрепетало от ее слов и улыбки.

— А почему здесь все так… м-м… как-то… — Она оторвала взгляд от камина и вновь осмотрела полутемную гостиную.

— Не так, как вы себе представляли?

— Не так.

— Недостаточно… — Он подумал о ее имени. — Недостаточно торжественно для вас?

Она улыбнулась ему:

— В моем имени иероглиф «янь» не из слова «торжественность». «Янь» в нем от слова

«цвет»[90].

— А-а, понимаю. Вероятно, вы думали, что здесь повсюду развешаны карты, а я хожу и тычу в них указкой? И кругом толкутся генералы?

— В точности так, господин Ло. — Она обрадовалась, и ее улыбка расцвела, как роза.

Ло Цзи встал:

— Наверное, вы устали с дороги. Выпейте чаю. — Он остановился в нерешительности. — Или, может быть, хотите немного вина? Оно отгонит простуду.

— Хорошо, — кивнула она, с тихим «спасибо» приняла бокал и сделала маленький глоток.

Вид ее, невинно держащей бокал вина, пробудил глубокую нежность в его душе. Она выпила, когда он предложил. Она доверяла этому миру и совсем не опасалась. Да, все на свете было готово напасть на нее и причинить вред — но только не здесь. Здесь о ней позаботятся. Здесь был ее дом.

Ло Цзи сел и посмотрел на нее, а затем спросил настолько спокойно, как только мог:

— Что они вам говорили, прежде чем привезти

---

[90] Примечания: 90

Это «игра иероглифов». Есть слово «чжуанъянь» — «торжественность», состоящее из двух иероглифов, второй из которых звучит как «янь», и есть иероглиф «янь», по виду совершенно другой, означающий «цвет». (*Прим. перев.*)

сюда?

— Они говорили, что я поеду работать, конечно. — Она одарила его невинной улыбкой, которая расколола его сердце на части. — Господин Ло, чем мне предстоит заниматься?

— Чему вы учились?

— Традиционной живописи в Центральной академии изящных искусств.

— Закончили?

— Да. Я только что закончила обучение и искала работу на время, пока буду готовиться к аспирантуре.

Ло Цзи подумал некоторое время, но не смог придумать для нее никакого занятия.

— Хорошо, о работе мы поговорим завтра. Вы, наверное, устали. Прежде всего вам надо выспаться… Вам здесь нравится?

— Я не знаю. По пути из аэропорта стоял туман, а потом стемнело, и я ничего не могла разобрать. Господин Ло, где мы находимся?

— Я и сам не знаю.

Она кивнула и хихикнула, явно не веря.

— Я и в самом деле не знаю, где мы находимся. Ландшафт похож на Скандинавию. Я могу позвонить и узнать прямо сейчас. — Он потянулся к телефону рядом с диваном.

— Нет, не надо, господин Ло. Приятнее не знать.

— Почему?

— Когда вы знаете, мир становится тесен.

«Боже мой!» — воскликнул он про себя.

Внезапно она заметила:

— Господин Ло, посмотрите, как красиво вино в свете камина!

Вино в отблесках пламени переливалось бордовым цветом, встречающимся только во сне.

— На что, по-вашему, это похоже? — нервно спросил он.

— М-м… Я думаю, что это похоже на глаза.

— Глаза заката, не так ли?

— Глаза заката? Замечательный образ, господин Ло!

— Рассвет или закат? Вы предпочитаете закат, не так ли?

— Да. А откуда вы знаете? Я люблю рисовать закат. — Ее глаза блистали, как хрусталь в свете камина, как бы спрашивая: «И что в этом плохого?»

На следующее утро дождь прекратился. У Ло Цзи было ощущение, что Бог омыл этот сад Эдема, чтобы приготовиться к приезду Чжуан Янь. Когда она впервые увидела окрестности, Ло Цзи

не услышал визгов, восклицаний и прочей суеты, которую стоило бы ожидать от девушек. Нет, увидев великолепный пейзаж, она не дыша замерла в потрясении и не смогла произнести ни слова. Он понял, что Чжуан Янь куда чувствительнее к красоте природы, чем другие женщины.

— Так, значит, вы любите рисовать? — начал он.

Чжуан Янь не отрывала взора от далекой горной вершины, покрытой снегом. Чуть позже она пришла в чувство:

— О да. Но если бы я здесь выросла, то, наверное, не любила бы.

— Почему?!

— Я представляю себе самые разные восхитительные пейзажи. Когда я их рисую, я как бы переношусь в эти места. Но здесь уже есть все, что я вижу в мечтах, все, что воображаю. Зачем тогда нужна живопись?

— Это так. Когда воображаемая красота становится реальностью… — Он прервался и взглянул на Чжуан Янь, стоящую на фоне восходящего солнца — словно ангел, вышедший из его сна. Счастье в душе Ло Цзи сверкало и переливалось, как волны озера в солнечном свете. Ни ООН, ни СОП и представить не могли, что у проекта

«Отвернувшиеся» будет вот такой эффект. Если бы Ло Цзи предстояло сейчас умереть — он охотно сделал бы это.

— Господин Ло, вчера шел такой сильный дождь. Почему он не смыл снег с этой горы? — задала она вопрос.

— Дождь шел ниже линии снегов. На этой горе круглый год лежит снег. Здесь совсем другой климат, не как в Китае.

— Вы бывали на этой горе?

— Нет. Я здесь недавно. — Он заметил, что девушка не отводит взор от горы. — Вам нравятся заснеженные вершины?

Она кивнула.

— Тогда поехали!

— В самом деле? Когда? — в восторге вскрикнула она.

— Да хоть сию же минуту! К подножию горы ведет обычная грунтовая дорога. Если мы выедем сейчас, то к вечеру вернемся.

— А как же работа? — Чжуан Янь отвернулась от горы и посмотрела на Ло Цзи.

— Работа подождет. Вы только что приехали, — небрежно ответил он.

— Ну… — Она наклонила голову, и его сердце вздрогнуло. Он бессчетное число раз видел этот

ее бесхитростный взгляд. — Господин Ло, мне нужно знать, чем я буду заниматься.

Он посмотрел вдаль, подумал пару секунд и уверенно пообещал:

— Вот там и расскажу.

— Отлично! Тогда нам пора отправляться?

— Да. Будет проще, если мы пересечем озеро на лодке и оттуда уже поедем на машине.

Они дошли до конца пристани. Ло Цзи убедился, что ветер благоприятный и они могут взять парусную лодку. К вечеру ветер переменится, и они смогут вернуться тем же путем. Он взял ее за руку и помог ступить в лодку. Он впервые прикоснулся к Чжуан Янь, и ее руки были точно такими же, каких он впервые коснулся в ту зимнюю ночь в своем воображении — мягкими и прохладными.

Она восхитилась, когда Ло Цзи поднял белый парус. Когда лодка отошла от пристани, она опустила руку в воду.

— В озере очень холодная вода, — заметила она.

— Зато чистая и прозрачная!

«Как твои глаза», — мысленно добавил он.

— Почему вам нравятся покрытые снегом горы?

— Я люблю традиционную живопись.

— Какое отношение это имеет к заснеженным горным вершинам?

— Господин Ло, вы знаете, какая разница между традиционной китайской живописью и живописью маслом? У картин, написанных масляными красками, богатая цветовая палитра. Один художник как-то сказал, что в живописи маслом белый цвет на вес золота. Но в наших традиционных картинах все иначе. В них много пустоты, и она столь же выразительна, как человеческие глаза. Пейзаж — это просто рамка для пустоты. Посмотрите на этот заснеженный пик. Разве он не похож на пустое место в традиционной картине?

Это было самой длинной речью, которую он от нее слышал. Чжуан Янь читала лекцию Отвернувшемуся, каждой фразой превращая его в невежественного школьника, и у него при этом не было ощущения несообразности ситуации.

«Ты сама как пустота в традиционной картине: чистая, но бесконечно привлекательная для опытного ценителя», — думал Ло Цзи, глядя на Чжуан Янь.

Лодка причалила к пристани на противоположном берегу. Возле леса стоял джип с открытым верхом. Водитель, подогнавший машину, уже

ушел.

— Это военный автомобиль? Когда я приехала, я видела солдат, и мы проехали трех часовых, — сказала она, когда они сели в машину.

— Это не имеет значения. Они нас не побеспокоят, — ответил Ло Цзи и завел двигатель.

Лесная дорога была узкой и неровной, но в машине тряска не ощущалась. Кое-где в лесу еще стелился утренний туман; там солнечные лучи конусами света пробивались сквозь кроны высоких сосен. Пение птиц слышалось даже сквозь шум двигателя. Легкий ветер разметал волосы Чжуан Янь и бросил их в лицо Ло Цзи. Это прикосновение напомнило ему о зимней поездке два года назад.

Нынешняя местность отличалась от гор Тайхан и снежных равнин северного Китая. Но его сон о том путешествии настолько точно вписывался в реальность дня, что ему трудно было поверить, что все происходит на самом деле.

Он бросил взгляд на Чжуан Янь и обнаружил, что та смотрит на него. В ее глазах читалось легкое любопытство, смешанное с доброжелательностью и невинностью. Солнечный свет мелькал на ее лице. Встретив его взгляд, она не отвернулась.

— Господин Ло, вы и в самом деле можете победить инопланетян? — спросила она.

Он был совершенно очарован ее детской непосредственностью. Никто, кроме нее, никогда не задал бы такой вопрос Отвернувшемуся, а они знали друг друга так недолго.

— Чжуан Янь, вся суть проекта «Отвернувшиеся» заключается в том, чтобы спрятать истинную стратегию землян в мозгу одного человека — единственном месте, которое недоступно для софонов. Были выбраны несколько человек, но это не значит, что они сверхлюди. Сверхлюдей не бывает.

— Но почему выбрали вас?

Этот вопрос был еще более прямолинейным и возмутительным, и все же в устах Чжуан Янь он прозвучал естественно. В ее кристально прозрачном сердце чисто преломлялся и отражался каждый солнечный луч.

Ло Цзи остановил машину. Она удивленно смотрела на него, а он застыл, глядя вперед, на освещенную солнцем дорогу.

— Отвернувшиеся — самые не достойные доверия люди во всей истории. Они лучшие лгуны в мире.

— Это ваш долг.

Он кивнул.

— Но, Чжуан Янь, я скажу вам правду. Поверьте мне!

Она кивнула:

— Господин Ло, пожалуйста, продолжайте. Я вам верю.

Он довольно долго молчал, тем самым придавая больший вес своим словам. А потом наконец произнес:

— Я не знаю, почему выбрали меня. Я обычный человек.

Она снова кивнула:

— Наверно, вам очень трудно.

Эти слова и невинный вид Чжуан Янь снова вызвали слезы на его глазах. Впервые с того дня, когда он стал Отвернувшимся, Ло Цзи встретил такое понимание. Глаза девушки были его раем; в ее чистом взоре он не видел ни следа того выражения, с которым все прочие смотрели на Отвернувшихся. Ее улыбка тоже была раем. Это была не улыбка Отвернувшегося, а чистая, невинная улыбка, словно налитая солнцем капелька росы, падающая в самую сухую часть его души.

— Мне *будет* трудно, но я постараюсь справиться… Вот и все. На этом честный разговор окончен. Возвращаемся к обычному поведению

Отвернувшихся, — сказал он и завел мотор.

Они ехали молча, пока деревья не расступились и не показалось голубое небо над головой.

— Господин Ло, посмотрите, орел! — воскликнула Чжуан Янь.

— А вот там, похоже, олень! — Ло Цзи быстро указал рукой, чтобы отвлечь ее внимание. Он знал, что объект в небе был не орел, а патрульный дрон. Это напомнило ему о Ши Цяне. Он достал телефон и набрал номер.

Ши Цян ответил.

— Здорово, братец Ло! Наконец-то ты вспомнил обо мне! Но сначала расскажи, как идут дела у Яньянь.

— Хорошо. Отлично. Чудесно. Спасибо!

— Вот и славно. Значит, моя последняя миссия выполнена.

— Последняя миссия? Где вы сейчас?

— Дома. Готовлюсь к гибернации.

— Что?

— У меня лейкемия. Отправляюсь в будущее, чтобы там меня вылечили.

Ло Цзи ударил по тормозам, автомобиль резко остановился. Чжуан Янь ахнула. Он с тревогой взглянул на нее, но, поняв, что все в порядке, продолжил разговор с Ши Цяном.

— Э-э… И давно вы болеете?

— Я облучился на одном из предыдущих заданий, а в прошлом году мне поставили диагноз.

— Боже мой! Я не задержал вас, надеюсь?

— В этих делах чуть раньше или чуть позже погоды не делает. Кто знает, какой станет медицина в будущем?

— Мне очень жаль, Да Ши.

— Да не обращай внимания. Такая уж у меня работа. Я не грузил тебя этим, потому что, как я понимаю, мы еще когда-нибудь пересечемся. Но я хотел бы кое-что тебе сказать, на случай, если не доведется встретиться.

— Я слушаю.

После долгого молчания Ши Цян произнес:

— «Три вещи не подобают достойному сыну; самая значительная среди них — не оставить потомства»[91]. Братец Ло, судьба семьи Ши в ближайшие четыреста лет находится в твоих руках.

Ши Цян положил трубку. Ло Цзи взглянул на небо, где недавно кружил дрон. В его сердце царила та же пустота, что и в этой бездонной синеве.

— Вы говорили с дядей Ши? — спросила Чжуан

---

[91] Примечания: 91

Известная цитата об обязанностях сыновей из собрания диалогов и высказываний, приписываемого Менсиусу. Менсиус, конфуцианский философ, жил в конце четвертого века до нашей эры. (*Прим. Дж. М.*)

Янь.

— Да. Вы с ним знакомы?

— Знакомы. Хороший человек. В день моего отъезда он поцарапал руку, но кровь не останавливалась. Это было довольно жутко.

— Ох… Он что-нибудь вам сказал?

— Сказал, что вы занимаетесь самым важным делом в мире, и попросил меня вам помогать.

Они оставили лес позади. От горы теперь их отделял лишь луг. Все цвета мира сводились здесь к серебряному и зеленому, простым и чистым, по мнению Ло Цзи, как и девушка, сидящая рядом. Он уловил тень меланхолии в ее взгляде и заметил, что она тихо вздыхает.

— Яньянь, что-то не так? — спросил он. Ло Цзи впервые назвал ее этим именем, но, подумал он, если Да Ши может так ее называть, то почему я не могу?

— У нас такой замечательный мир. Но становится грустно, когда думаешь, что однажды некому будет на него смотреть.

— Но здесь ведь будут инопланетяне, разве не так?

— Я не думаю, что они оценят красоту.

— Почему?

— Мой папа говорил, что люди, которые чув-

ствуют красоту, добрые; а злые красоту не ценят.

— Яньянь, они лишь действуют рационально. Для выживания их народа это правильное решение; оно не доброе и не злое.

— Впервые слышу такое мнение. Господин Ло, вы их увидите, не так ли?

— Возможно.

— Если они и в самом деле такие, какими вы их представляете, и если вы победите в сражении Судного дня, то могли бы вы… — Она, чуть наклонив голову, искоса взглянула на него и смолкла в нерешительности.

Он уже собирался ответить, что вероятность такого развития событий близка к нулю, но сдержался и спросил:

— Что я мог бы?

— Почему вы обязательно должны прогонять их в космос, на верную смерть? Дайте им немного земли, и пускай они живут рядом с нами! Разве так не будет лучше?

Ло Цзи молча боролся с эмоциями в своей душе. Затем он указал в небо:

— Яньянь, не только я услышал ваши слова.

Чжуан Янь испуганно посмотрела в небо:

— Ах да! Вокруг, наверное, сотни софонов!

— Может оказаться, что вас услышал сам пра-

витель Трисоляриса.

— И вы все надо мной смеетесь, да?

— Нет. Яньянь, знаете ли вы, о чем я сейчас думаю? — Ему очень захотелось коснуться ее левой руки, находившейся недалеко от руля, но он сдержал себя. — Мне кажется, что человек, который мог бы спасти мир, — это вы.

— Я? — Она расхохоталась.

— Да, вы. Но вас одной недостаточно. Точнее, таких людей, как вы, слишком мало. Если бы треть человечества разделяла ваши чувства, то Трисолярис мог бы обсудить с нами возможное сосуществование на этой планете. Но, к сожалению… — Ло Цзи вздохнул.

Чжуан Янь сверкнула беспомощной улыбкой:

— Господин Ло, мне в жизни приходилось не очень-то легко. Окончив университет и попав в большой мир, я чувствовала себя рыбой, заплывшей в море с мутной водой и ничего не видящей вокруг. Я хотела выплыть на чистую воду, но устала от всего этого плавания…

«Если бы только я мог помочь тебе выплыть к чистой воде!» — подумал Ло Цзи.

Дорога начала подниматься вдоль склона. По мере набора высоты растительность стала редеть, обнажая черный камень. В одном месте пейзаж

был похож на поверхность Луны. Вскоре они достигли уровня снегов. Их окружили белизна и холод. Они надели теплые куртки, которые Ло Цзи вынул из походной сумки на заднем сиденье, и продолжили путь.

Вскоре они достигли знака, установленного посреди дороги. Знак предупреждал: «ОПАСНОСТЬ. СЕЗОН ЛАВИН. ДОРОГА ДАЛЬШЕ ЗАКРЫТА». Они вышли из машины и ступили в снег на обочине.

Солнце уже начало садиться, отбрасывая тени на заснеженный склон. Чистый снег был бледно-синего цвета и как бы светился изнутри. Острые вершины вдали были по-прежнему освещены и сверкали серебром. Казалось, что свет исходит непосредственно от снега, словно это светится сама гора, а не солнце, озаряющее весь мир.

— Ну вот, теперь картина совсем пуста, — сказал Ло Цзи, обводя окрестности рукой.

Чжуан Янь поглощала взглядом белый мир вокруг них.

— Господин Ло, собственно, я однажды написала такую картину. Издали это был белый лист бумаги, почти пустой. Вблизи можно было рассмотреть мелкий тростник в нижнем левом углу и следы исчезающей птицы в правом верхнем. В пустом центре были две крошечные человече-

ские фигурки… Этой картиной я горжусь больше всего.

— Могу себе представить. Это, должно быть, великолепная картина… Чжуан Янь, вот мы и здесь, в этом пустом мире. Вы хотите узнать, в чем будет заключаться ваша работа?

Она кивнула, но при этом на лице ее вспыхнуло беспокойство.

— Вы знакомы с проектом «Отвернувшиеся» и знаете, что его успех зиждется на полном непонимании. Истинных целей проекта не понимает никто, кроме Отвернувшегося, — ни на Земле, ни на Трисолярисе. Поэтому, Чжуан Янь, независимо от того, насколько неправдоподобной будет ваша задача, у нее, несомненно, есть смысл. Не пытайтесь его понять. Просто работайте в полную силу.

Она нервно кивнула:

— Да, я понимаю. — Но тут же рассмеялась и покачала головой: — Я хотела сказать, что поняла, что вы сейчас сказали.

Он смотрел на нее посреди всего этого снега, посреди белизны без конца и края… Мир вокруг нее исчез, растворился, осталась одна она. Двумя годами раньше, когда созданный Ло Цзи литературный образ обрел жизнь в его воображении,

Ло впервые отведал вкуса любви. Сейчас же здесь, посреди пустоты этой реальной картины, нарисованной самой природой, он познал самую сокровенную тайну любви.

— Чжуан Ян, ваша работа заключается в том, чтобы сделать себя счастливой.

Ее глаза расширились в удивлении.

— Вы должны стать самой счастливой женщиной на Земле. Это часть плана Отвернувшегося.

В ее глазах отражалось сияние горной вершины, освещавшей их мир. Сложные чувства промелькнули в ее незамутненном взоре. Покрытые снегом горы поглощали весь шум внешнего мира. Ло Цзи ждал в терпеливом молчании до тех пор, пока она голосом, казалось, звучащим издалека, не спросила:

— Тогда… что я должна делать?

Ло Цзи воодушевился:

— Все, что хотите! Завтра же — или сегодня, когда мы вернемся, — вы можете отправиться, куда пожелаете, делать все, что вам будет угодно, и жить, как вам захочется. Я, как Отвернувшийся, помогу вам во всех ваших начинаниях.

— Но я… — Чжуан Янь беспомощно смотрела на него, — господин Ло, я… мне ничего не нужно.

— Так не бывает. Любому человеку что-нибудь

да нужно! Разве молодежь не гоняется постоянно за чем-то?

— Гонялась ли я за чем-то? — Она медленно покачала головой. — Полагаю, что нет.

— Ну конечно. Молодой, беззаботной женщине, такой, как вы, может быть, ничего и не нужно. Но есть же у вас хоть какая-то мечта? Вы любите живопись; задумывались ли вы когда-нибудь о собственной выставке в крупнейшей картинной галерее мира или в музее художественных искусств?

Она засмеялась, как будто Ло Цзи превратился в дурачащегося ребенка.

— Господин Ло, я пишу для себя. Никогда ни о чем таком не задумывалась!

— Ну хорошо. Но о любви-то вы наверняка мечтали, — уверенно сказал Ло Цзи. — Теперь у вас есть средства; почему бы не пойти и не найти ее?

Закат впитывал в себя свет снежной вершины. Глаза Чжуан Янь угасли, черты лица разгладились. Она тихо ответила:

— Господин Ло, это не то, что можно пойти искать.

— И правда. — Он придал себе спокойствия и кивнул. — Тогда как насчет вот такого плана:

не задумывайтесь о далеком будущем, думайте лишь о завтрашнем дне. Только о завтра. Куда вы завтра хотите пойти? Что вас порадует завтра? Вы наверняка что-нибудь придумаете.

Она старательно подумала немного, а потом неуверенно спросила:

— Если скажу, вы на самом деле сможете это организовать?

— Конечно. Говорите.

— Тогда, господин Ло, устройте нам экскурсию в Лувр.

* * *

Когда Тайлер снял повязку, его глаза еще не приспособились к свету, и ему приходилось щуриться. Несмотря на яркие фонари, прикрепленные к каменным стенам пещеры посреди гор, здесь было темно — даже очень темно, поскольку стены поглощали свет. Он ощутил запах антисептика и обнаружил, что в пещере развернут полевой госпиталь. На полу стояли открытые алюминиевые контейнеры с аккуратно упакованными лекарствами, кислородными баллонами, ультрафиолетовыми лампами для дезинфекции, портативными бестеневыми хирургическими лампами и различными переносными меди-

цинскими приборами. Среди них он распознал рентгеновские аппараты и дефибрилляторы. Было похоже, что их только что распаковали и что в любой момент могут снова убрать. Тайлер обратил внимание на два автомата, висящих на каменной стене; они сливались с фоном, и их было трудно разглядеть. Мужчина и женщина с бесстрастными лицами прошли мимо. Они не носили белых халатов, но это определенно были врач и медсестра.

Место у входа в пещеру, где стояла кровать, было морем белого цвета: и занавески за кроватью, и старик под одеялом, и длинная борода старика, и чалма у него на голове, и даже его лицо — все было белым. Желтый свет ламп, однако, походил на огонек свечи; поэтому кое-что из белизны терялось, а остальное приобретало слабый золотистый оттенок — ни дать ни взять классическая картина маслом, живописующая святого.

Тайлер мысленно сплюнул: «Проклятье! Как же низко я пал!»

Он направился к кровати. У Тайлера болели бедра, и он шагал медленно и ровно. Он остановился возле кровати, перед человеком, которого он сам и его правительство мечтали найти на протяжении многих лет. Было трудно поверить,

что перед ним тот самый беглец. Он всмотрелся в бледное лицо старика. Как всегда утверждали журналисты, это было самое доброе лицо в мире.

Человек и в самом деле весьма занимательное животное.

— Для меня большая честь встретиться с вами, — начал Тайлер, слегка наклонив голову.

— Взаимно, — вежливо ответил старик. Он не пошевелился; его голос был тонким, точно соломинка; он мог противостоять силе и не рваться, как паутина. Старик указал на край кровати, и Тайлер осторожно присел. Он не знал, было ли это приглашение знаком особого благоволения. Ведь здесь не было стула. Старик продолжил:

— Вы, наверное, устали. Вы впервые ехали на муле?

— Нет, не впервые. Я посещал Большой каньон тоже верхом на муле. — Впрочем, ноги у него тогда так сильно не болели. — Как ваше здоровье?

Старик медленно покачал головой:

— Вы и сами видите, что мне недолго осталось. — В его взоре внезапно зажглись шутливые искорки. — Вы ведь последний человек на Земле, который желал бы моей кончины от болезни. Мне очень жаль.

Ирония его последней фразы кольнула Тай-

лера, но это была правда. Было время, когда он больше всего боялся, что этот человек умрет от болезни или от старости. Министр обороны не раз молился, чтобы американская крылатая ракета или пуля снайпера попали в голову его сегодняшнего собеседника, прежде чем тот умер бы от естественных причин — пусть даже за минуту до этого. Естественная смерть была бы величайшей победой этого человека и проигрышем в войне против терроризма. Он двигался к этой победе даже сейчас.

Разумеется, шансы у американцев были. Однажды дрон типа «Хищник» сфотографировал этого человека во дворе мечети в горах северного Афганистана. Было бы достаточно просто протаранить его дроном и вписать новую страницу в историю — не говоря уж о том, что дрон в тот день был вооружен ракетами Hellfire. Но молодой офицер, дежуривший в ту смену и опознавший цель, побоялся взять ответственность на себя и отдать приказ. Вместо этого он доложил по команде. Когда они снова навели камеру на тот двор, цели там уже не было. Тайлера подняли с постели; от ярости он расколотил бесценное домашнее сокровище — вазу китайского фарфора.

Тайлер не хотел обсуждать эту неприятную

тему. Он взял свой атташе-кейс и положил на кровать.

— У меня есть небольшой подарок для вас, — сказал он, открывая чемодан и извлекая оттуда несколько книг. — Это новейший перевод на арабский язык.

Старик потянулся тонкой, как щепка, рукой за нижним томом.

— Ах, я прочел только первую трилогию… Я попросил купить мне остальные книги, но времени, чтобы их прочесть, так и не нашлось, а потом они потерялись… Замечательно, спасибо. Они мне очень нравятся.

— По одной легенде, вы назвали свою организацию, вдохновившись этими романами[92].

Старик аккуратно положил книгу и улыбнулся.

— Пускай это остается легендой. У вас есть деньги и технология. У нас нет ничего, кроме легенд.

Тайлер взял в руки том, отложенный стариком, и принял позу пастора, держащего Библию:

— Я пришел, чтобы сделать вас Селдоном.

Искры юмора вернулись в глаза старика.

---

[92] Примечания: 92

Название «Аль-Каида» переводится на китайский иероглифами цзи-ди; это же выражение является названием серии романов «Основание» Айзека Азимова. (*Прим. Дж. М.*)

— Да? Что от меня требуется?

— Сохраните свою организацию.

— До какого же времени нужно ее сохранять?

— До битвы Судного дня. На протяжении четырех столетий.

— Вы полагаете, что это возможно?

— Да, возможно — если она продолжит развиваться. Пускай ее душа и воля проникнут в космические силы. Ваша организация навсегда станет их частью.

— И почему же вы ее так высоко цените? — Сарказм в голосе старика зазвучал сильнее.

— Потому что ваша армия — одна из немногих, использующих в качестве оружия человеческие жизни. Вы же знаете, что научные исследования остановлены софонами. Это ограничивает развитие компьютерных технологий и искусственного разума. Космические истребители отправятся на битву Судного дня под управлением людей. Для этого нужна армия с такой волей. Атака шаровой молнией эффективна только в непосредственной близости к цели.

— Что еще вы мне привезли, кроме этих книг?

Тайлер встал и с энтузиазмом заговорил:

— Это зависит от того, что вам нужно. Я могу снабдить вас всем необходимым для сохранения

вашей организации.

Старик жестом пригласил Тайлера сесть обратно.

— Я вам сочувствую. Прошло столько лет, а вы так и не поняли, что нам на самом деле нужно.

— Так скажите мне!

— Оружие? Деньги? Нет и нет. То, что нам нужно, стоит намного больше. Организация создана и продолжает существовать не из-за далеко идущих планов Селдона. Невозможно уговорить разумного, рационального человека поверить в идеи литературного героя и умереть за них. Организация живет потому, что у нее есть нечто такое, что является основой ее существования, воздухом, которым она дышит, самой ее кровью. Без этого фактора она бы мгновенно распалась.

— И что же это?

— Ненависть.

Тайлер не произнес ни слова.

— С одной стороны, благодаря появлению общего врага наша ненависть к Западу ослабла. С другой стороны, ненавистный Запад — это часть человеческой расы, которую трисоляриане собираются уничтожить. Так что нам будет приятно погибнуть вместе. Поэтому у нас нет ненависти к трисолярианам. — Старик развел руками. — Ви-

дите ли, ненависть ценнее, чем золото и алмазы; это оружие, равного которому нет во всем мире. Но ненависть кончилась, и не в ваших силах ее вернуть. Поэтому дни организации, как и мои, сочтены.

Тайлер продолжал молчать.

— А насчет Селдона я бы сказал, что его план неосуществим.

Тайлер выдохнул и сел обратно на кровать:

— Так вы читали концовку?

Старик в удивлении поднял бровь.

— Нет, я не читал. Я просто так полагаю. А что, в книге план Селдона постигает неудача? Автор — исключительный человек, если это так. Я предполагал, что он напишет счастливую концовку, да поможет ему Аллах.

— Азимов давно умер.

— Как жаль; мудрые всегда умирают молодыми. Желаю ему найти свой рай, каким бы он ни был…

Большую часть обратного пути Тайлер проехал без повязки на глазах, рассматривая крутые, бесплодные горы Афганистана. Подросток, который вел его мула, настолько ему доверял, что даже оставил свой автомат висеть на седле, рядом с рукой пассажира.

— Ты кого-нибудь убил из этого автомата? — спросил Тайлер.

Подросток его не понял, но человек постарше, без оружия, который ехал рядом, ответил за него:

— Нет. Мы уже давно не воюем.

Подросток вопросительно посмотрел на Тайлера. На его полудетском лице еще не росла борода; его глаза были ясными, как голубое небо Центральной Азии.

«Мама, я стану светлячком».

* * *

На четвертых слушаниях проекта «Отвернувшиеся» Тайлер выступал с поправками к своему плану москитного роя. У докладчика, только что вернувшегося из далекого путешествия, был усталый вид.

— Я хочу, чтобы каждый истребитель в москитном флоте был оборудован двумя системами управления: ручной и автоматической. Переход на автоматическую систему позволит мне управлять всеми истребителями флота.

— Я вижу, вы не прочь порулить сами, — подначил его Хайнс.

— Я смогу дать флоту приказ объединиться в

группу и направиться к месту сражения, а затем расцепиться и сформировать боевое построение. Когда оно вступит в контакт с вражеским флотом, я дам команду компьютеру на каждом истребителе выбрать свою цель и атаковать в автоматическом режиме. Я полагаю, что через три столетия такая технология нам будет доступна даже с учетом ограничений на развитие базовых наук.

— Значит ли это, что вы собираетесь лечь в анабиоз вплоть до битвы Судного дня, а потом лично принять участие в боевых действиях?

— У меня нет выбора. Вы же знаете, что я побывал в Японии, Китае и Афганистане. Ни в одном из этих мест я не нашел того, что мне нужно.

— Вы даже кое-кого навестили, — добавил представитель США.

— Это так. Я встретился с ним. Но, — Тайлер удрученно вздохнул, — и это не помогло. Я продолжу усилия по созданию подразделения пилотов-истребителей. Но если мне это не удастся, тогда я сам поведу их в последнюю атаку.

Никто не проронил ни слова. Когда упоминалась битва Судного дня, люди обычно предпочитали хранить молчание.

Тайлер продолжил:

— У меня есть еще одно дополнение к плану москитного роя. Я хочу провести собственные исследования некоторых объектов Солнечной системы в тех районах, которые выберу сам. Перечень таких объектов включает в себя Европу, Цереру и несколько комет.

Кто-то задал вопрос:

— Какое это имеет отношение к флоту космических истребителей?

— Обязан ли я отвечать? — спросил Тайлер, глядя на председателя.

Никто не проронил ни слова. Разумеется, он не обязан был отвечать.

— И последнее. У меня есть рекомендация. СОП и все другие страны планеты должны умерить свою борьбу с ОЗТ.

Рей Диас вскочил со своего кресла:

— Мистер Тайлер, даже если вы заявите, что это часть плана, я все равно категорически против такого возмутительного предложения!

Тайлер отрицательно покачал головой:

— Это не часть моего плана. Предложение не связано с проектом «Отвернувшиеся». Причины должны быть очевидны. Если мы продолжим борьбу против ОЗТ, то через два или три года мы его полностью разгромим — и потеряем един-

ственный прямой канал связи между Землей и Трисолярисом. Мы потеряем самый важный источник разведывательных данных о противнике. Я уверен, вы понимаете, к чему это приведет.

Хайнс согласился:

— Хорошо. Но это предложение должно быть внесено не Отвернувшимся. Народ видит нас троих единомышленниками. Позаботьтесь, пожалуйста, о нашей репутации.

Дальнейшие слушания вылились в безрезультатный спор, однако под конец было достигнуто соглашение поручить СОП изучить три поправки к плану Тайлера и вынести их на голосование на следующих слушаниях.

Тайлер оставался сидеть в кресле, пока зал не опустел. Он был изнурен своими поездками, и его клонило в сон. Осматриваясь в пустом зале, он внезапно осознал опасность, которую до сих пор не замечал. Ему нужно было найти врача или психолога, а также специалиста по расстройствам сна.

Ему нужно было найти кого-нибудь, кто излечил бы его от привычки говорить во сне.

* * *

В десять часов вечера Ло Цзи и Чжуан Янь шли к главному входу в Лувр. Кент посоветовал ночную экскурсию, чтобы их было удобнее охранять.

Первым, что они увидели, была стеклянная пирамида, скрытая зданием дворца от шума ночного Парижа. Она стояла неприметно, залитая бледным лунным светом, как будто отлитая из серебра.

— Господин Ло, вам не кажется, что она прилетела из космоса? — спросила Чжуан Янь, указывая на пирамиду.

— Так всем кажется, — ответил Ло Цзи.

— Поначалу она выглядит немного чуждо, но чем больше к ней присматриваешься, тем больше она врастает в пейзаж.

«Как встреча двух совершенно разных миров», — подумал про себя Ло Цзи.

В этот момент вся пирамида осветилась, перекрашиваясь из лунного серебра в яркое золото. Заработали фонтаны в близлежащих бассейнах, посылая к небу струи воды и света. Чжуан Янь в тревоге бросила взгляд на Ло Цзи; ее взволновало пробуждение Лувра при их появлении. Под шум воды они проследовали в глубь пирамиды в зал

Наполеона и дальше, во дворец.

Сначала они направились в самый большой выставочный зал. Он был двести метров длиной и освещен мягким светом. Их шаги гулко раздавались в пустоте зала. Ло Цзи скоро понял, что слышит эхо только своих шагов. Чжуан Янь шагала легко, как кошка, как ребенок в сказке, который попадает в волшебный замок и боится разбудить то, что там дремлет. Он пошел медленнее — не ради картин, которые его нисколько не интересовали, но чтобы любоваться Чжуан Янь с расстояния, на фоне всей этой красоты. Прекрасная восточная женщина была на удивление к месту среди статуй греческих богов, среди ангелов и ликов Богоматери, взирающих на нее со старинных масляных полотен. Как и стеклянная пирамида во дворе, она вскоре слилась с окружением и стала частью священного мира искусства. Без нее здесь чего-то не хватало бы. Завороженный, он не замечал хода времени.

Через некоторое время Чжуан Янь вспомнила о Ло Цзи и послала ему улыбку. Его сердце дрогнуло, как будто его ударила молния, брошенная в мир смертных с вершины Олимпа на картине.

— Я слышал, что человеку с натренированным глазом понадобится целый год, чтобы осмотреть

всю коллекцию, — заметил он.

— Я знаю, — просто ответила она. Но ее глаза спрашивали: «Что тут поделаешь?» Потом она перенесла свое внимание обратно на картины. За все это время она осмотрела только пять из них.

— Не беда, Яньянь. Я могу каждую ночь рассматривать картины вместе с вами, целый год. — Слова вырвались сами.

Она повернулась к нему, явно в волнении:

— В самом деле?

— В самом деле.

— Вот как… Господин Ло, вы бывали здесь раньше?

— Нет. Но я был в Центре Помпиду, когда приезжал в Париж три года назад. Поначалу я думал, что вам будет интереснее сходить туда.

Она покачала головой:

— Я не люблю современное искусство.

— Тогда все это… — Ло Цзи посмотрел вокруг: на богов, ангелов и Богоматерь. — Вы не считаете, что это устарело?

— Я не люблю слишком старых работ. Я люблю картины Ренессанса.

— Они тоже довольно старые.

— Но для меня они не выглядят старыми. Художники Ренессанса были первыми, кто обнаружил,

что человек прекрасен. Они изображали бога красивым и добрым человеком. Глядя на эти работы, можно почувствовать радость создавшего их художника — такую же, какую почувствовала я, впервые увидев озеро и гору, всю в снегу.

— Это, конечно, хорошо, но дух гуманизма, созданный мастерами Ренессанса, стал теперь камнем преткновения.

— Вы имеете в виду Трисолярианский кризис?

— Да. Вы наверняка заметили, что происходит в последнее время. Через четыре столетия мир постигнет катастрофа, и он вернется в Средневековье; гуманизм будет растоптан.

— И искусство погрузится во мрак долгой зимней ночи?

Глядя в невинные глаза Чжуан Янь, он криво усмехнулся в душе. «Глупышка, ты говоришь об искусстве, но если человечеству суждено выжить, откат к примитивному Средневековью будет невысокой ценой». Вслух же он сказал:

— Когда придет пора, может случиться второй Ренессанс. Тогда вы заново откроете забытую красоту и нарисуете ее.

Она улыбнулась слегка грустной улыбкой, явно понимая скрытый смысл утешительных слов Ло Цзи.

— Я просто думаю: когда придет конец света, что будет с этими картинами и скульптурами?

— Вас это беспокоит? — спросил Ло Цзи. Когда она упомянула конец света, он почувствовал душевную боль. Ему не удалось утешить ее, но он попробует еще раз, и теперь у него все получится. Он взял ее за руку и предложил:

— Пойдемте в выставочный зал азиатского искусства.

До того как построили вход в виде пирамиды, Лувр был гигантским лабиринтом. Чтобы попасть в любую из галерей, требовалось долго идти по многочисленным путаным коридорам. Но теперь из зала Наполеона, расположенного под пирамидой, можно было пройти в любую точку музея. Ло Цзи и Чжуан Янь вернулись ко входу. Оттуда указатели повели их к выставкам искусства Африки, Азии, Океании и Америки. Они оказались в совершенно другом мире, разительно отличающемся от галерей классических европейских шедевров.

Ло Цзи указал на скульптуры, картины и манускрипты Азии и Африки:

— Все это было взято передовой цивилизацией у отсталой. Что-то было отнято на войне, что-то украдено, что-то получено обманом, но посмот-

рите — они все в отличном состоянии. Даже во время Второй мировой войны эти предметы вывезли в безопасное место. — Они остановились перед фреской из Дуньхуана в стеклянной витрине. — Подумайте, через сколько потрясений и войн прошла наша страна с тех пор, когда аббат Ван передал это чудо французу?[93] Если бы фреска оставалась на месте, сохранилась бы она настолько хорошо?

— Но сберегут ли трисоляриане наше культурное наследие? Они ведь нас совсем не ценят.

— Потому что они сказали, что мы для них клопы? Но именно поэтому все и сохранится. Яньянь, вы знаете, что является проявлением высочайшего уважения к расе или цивилизации?

— Нет. Что?

— Полное ее уничтожение. Это высшая форма уважения к цивилизации. Они будут опасаться только той цивилизации, которую глубоко уважают. Потому что знают: однажды эта ци-

[93] Примечания: 93

В Дуньхуане, оазисе на Шелковом пути в сегодняшней провинции Ганьсу, располагались великолепно украшенные буддистские пещеры, населенные между четвертым и четырнадцатым веками. В 1900 году Ван Юаньлу, таоистский аббат из пещер Могао в Дуньхуане, обнаружил запечатанную пещеру-библиотеку. В ней находилось множество древних документов. Аббат позднее продал эти документы венгерско-британскому археологу Аурелю Стейну и французскому востоковеду Полю Пеллио. (*Прим. Дж. М.*)

вилизация разовьется настолько, что окажется способна уничтожить противника.

Они молча проследовали через двадцать четыре галереи, представляющие искусство Азии. Они шли сквозь далекое прошлое, представляя себе мрачное будущее. Незаметно для себя они достигли галереи Древнего Египта.

— Вы знаете, о ком я сейчас думаю? — Ло Цзи стоял перед застекленной витриной, в которой лежала золотая маска мумии фараона. Он хотел предложить более веселую тему для разговора. — Софи Марсо.

— Из-за фильма «Бельфегор — призрак Лувра», да? Софи Марсо великолепна. В ней есть и восточные черты.

Бог весть по какой причине Ло Цзи почудились в ее голосе нотки ревности.

— Яньянь, она не настолько прекрасна, как вы. И это подлинная правда. — Он еще хотел добавить: «Среди этих картин можно найти красоту под стать ей, но твоя красота затмевает их все», но побоялся, как бы она не восприняла его слова как насмешку. Тень застенчивой улыбки промелькнула на лице Чжуан Янь. Он помнил эту улыбку из своих сновидений; сейчас он впервые увидел ее в реальности.

— Пойдемте обратно к классической живописи, — негромко предложила она.

Они вернулись в зал Наполеона, но никак не могли решить, куда им идти. Самые большие указатели показывали направление к трем ценнейшим экспонатам: Моне Лизе, Венере Милосской и Нике Самофракийской.

— Давайте посмотрим «Мону Лизу», — предложил Ло Цзи.

По пути Чжуан Янь заметила:

— Наш учитель говорил, что после посещения Лувра он почувствовал некоторую неприязнь к Моне Лизе и Венере Милосской.

— Почему?

— Потому что туристы приходят посмотреть на эти две работы и не проявляют интереса к не столь знаменитым, но нисколько не уступающим им произведениям.

— Я как раз из этой некультурной толпы.

Они пришли к таинственной улыбке. Картина находилась за толстым стеклом; она была намного меньше, чем представлял себе Ло Цзи. Даже Чжуан Янь не выглядела особенно восхищенной.

— Она напоминает мне всех вас, — показала она на портрет.

— Всех нас?

— Отвернувшихся, разумеется.

— Что у нее общего с Отвернувшимися?

— Ну, я думаю — и это только лишь идея, не смейтесь, — я думаю, сможем ли мы найти такой способ общения, который будет понятен людям, но который никогда не удастся разгадать софонам. Тогда человечество освободится от наблюдения софонов.

Ло Цзи несколько секунд смотрел на нее, а затем на Мону Лизу.

— Я понимаю, о чем вы. Ее улыбка — это то, чего ни софоны, ни трисоляриане никогда не поймут.

— Правильно. Выражение лица человека, особенно его глаз, сложно и состоит из мельчайших деталей. Взгляд или улыбка могут передать так много информации! И только люди способны эту информацию понять. Только люди могут ее почувствовать.

— Это правда. Анализ выражения лица и глаз является одной из главных проблем в работе по созданию искусственного разума. Некоторые специалисты даже утверждают, что компьютер никогда не будет способен читать по глазам.

— Тогда, значит, можно создать язык мимики, а затем говорить лицом и глазами?

Ло Цзи всерьез задумался над этим, а потом

улыбнулся и отрицательно покачал головой. Он указал на Мону Лизу:

— Мы не можем прочитать даже выражение ее лица. Когда я гляжу на этот портрет, смысл улыбки меняется каждую секунду и никогда не повторяется!

Чжуан Янь восхищенно запрыгала, как ребенок:

— Но это значит, что выражение лица может передавать большой объем информации!

— Хорошо; есть вот такая информация: «Космический корабль стартовал с Земли по направлению к Юпитеру». Как вы ее передадите выражением лица?

— Когда первобытные люди начали говорить, наверняка первые слова имели лишь простейший смысл. Они могли быть проще, чем крики птиц. С тех пор язык развивался и усложнялся.

— Ладно, давайте попробуем передать простое сообщение посредством выражения лица.

— Давайте! — Она энергично закивала. — Вот, пусть каждый из нас загадает сообщение, а потом мы их друг другу передадим.

Ло Цзи на мгновение задумался.

— Я готов.

Чжуан Янь думала намного дольше, затем

кивнула.

— Тогда начнем.

Они уставились друг на друга, но, не выдержав и полуминуты, практически одновременно расхохотались.

— У меня было вот какое послание: «Сегодня я хотел бы пригласить вас на ужин на Елисейских Полях», — сообщил он.

Чжуан Янь согнулась от смеха:

— А мое было… «Вам не мешало бы побриться!»

— Мы обсуждаем серьезные вопросы, касающиеся судеб человечества; нам полагается вести себя серьезно! — Ло Цзи с трудом удерживался от смеха.

— На этот раз смеяться не разрешается! — согласилась она, серьезная, как ребенок, меняющий правила игры.

Они отвернулись друг от друга, загадывая сообщения, затем повернулись и принялись смотреть друг другу в глаза. Ло Цзи так и подмывало расхохотаться, но он постарался подавить смех. Вскоре эта задача стала легче, потому что чистый взгляд Чжуан Янь снова начал играть на струнах его сердца.

Отвернувшийся и молодая девушка стояли глу-

хой ночью посреди Лувра перед улыбкой Моны Лизы и смотрели друг на друга.

В плотине души Ло Цзи появилась маленькая трещинка; вскоре течение расширило ее, превратив в бурлящий поток. Он испугался и попытался устранить течь, но не смог. Плотина была обречена.

Ему показалось, что он стоит на вершине огромной скалы, а глаза девушки были бездонной пропастью внизу, покрытой морем чистых, белых облаков. Солнце светило со всех сторон, превращая облака в океан переливающихся красок. Ло Цзи почувствовал, что медленно, очень медленно скользит вперед и не может остановиться. В панике он замахал руками, стараясь ухватиться за что-нибудь. Под ногами у него был только скользкий лед. Скольжение ускорялось до тех пор, пока у него не закружилась голова, и он начал падать в бездну. И в то же мгновение радость падения стала такой невыносимой, что перешла в острейшую, на пределе выдержки, боль.

«Мона Лиза» стала расплываться. Искажались стены, плавясь, как лед, рушился Лувр, и каждый падающий камень обращался в раскаленную докрасна магму. Соприкасаясь с их телами, магма

давала ощущение родниковой прохлады. Они обрушились вместе с Лувром, минуя кипящую Европу, к центру Земли, и как только достигли его, мир взорвался ливнем изумительных космических фейерверков. Затем искры погасли, и во мгновение ока космос сделался кристально чист. Звезды сплетали хрустальные лучи в гигантское серебряное покрывало, и планеты трепетали, издавая чудесную музыку. Звезд становилось все больше и больше, а потом Вселенная сжалась, и все исчезло, остался лишь животворный свет любви.

* * *

— Необходимо немедленно приступить к наблюдениям за Трисолярисом! — заявил генерал Фицрой доктору Ринье. Они находились в зале управления космическим телескопом «Хаббл II», через неделю после окончания его сборки в космосе.

— Генерал, я боюсь, это невозможно.

— Сдается мне, что вы, господа астрономы, развели тут частную лавочку, занимаетесь своими собственными делами, а не тем, чем надо!

— Я бы с удовольствием проводил свои собственные наблюдения, если бы только это было

возможно. Но мы продолжаем тестировать «Хаббл II».

— Вы работаете на военных. Все, что вам нужно делать, — это выполнять приказы!

— Здесь нет военных, кроме вас. Мы следуем плану испытаний, подготовленному в НАСА.

Генерал смягчил тон:

— Доктор, а нельзя использовать Трисолярис в качестве объекта пробных наблюдений?

— Объекты для пробных наблюдений были тщательно отобраны по расстоянию и по классу светимости. План испытаний был разработан с целью максимальной экономии, чтобы все этапы испытаний можно было осуществить за один поворот телескопа. Чтобы сейчас навести его на Трисолярис, нам потребовалось бы повернуть телескоп на тридцать градусов туда и на тридцать обратно. Поворот этой махины расходует топливо. Мы сберегаем деньги армии, генерал!

— Давайте тогда посмотрим, как вы их сберегаете. Я только что нашел вот это на вашем компьютере.

Фицрой предъявил астроному фотографию, которую до сих пор прятал за спиной. Это был вид сверху на группу людей, в возбуждении задравших головы, — тех же самых людей, кото-

рые сейчас присутствовали в зале управления, с Ринье в центре. Кроме них на снимке были три какие-то бабенки в завлекающих позах (по-видимому, подружки астрономов). Вечеринка проходила на крыше корпуса, в котором находился зал управления. Фотография была чистой и резкой, как будто ее снимали с десяти или двадцати метров над крышей. От обычных фотографий ее отличали сложные числа, наложенные поверх изображения.

— Доктор, вы стоите на самой высокой точке здания. У здания нет крана, как в киносъемочном павильоне, не так ли? Вы утверждаете, что поворот «Хаббла II» на тридцать градусов стоит денег. Хорошо, так сколько же тогда стоит повернуть его на триста шестьдесят градусов? И еще: все эти миллионы долларов были потрачены не для того, чтобы вы с приятелями фотографировались из космоса. Следует ли мне списать эту сумму с вашего банковского счета?

— Генерал, разумеется, ваш приказ будет выполнен, — поспешно ответил Ринье, и инженеры приступили к работе.

Из базы данных извлекли координаты цели. Далеко в космосе громадный цилиндр, более двадцати метров в диаметре и более ста метров

в длину, начал медленно поворачиваться. Картина звездного неба побежала по экрану в зале управления.

— Это то, что видит телескоп? — Фицрой указал на экран.

— Нет, это всего лишь картинка с системы позиционирования. Телескоп передает отдельные кадры, которые нужно обработать, прежде чем их можно будет посмотреть.

Через пять минут звезды замерли на экране. Система управления доложила, что телескоп стабилизировался. Еще через пять минут Ринье объявил:

— Готово. Теперь возвращайтесь к ориентации по плану испытаний.

Фицрой удивился:

— Что? Уже сделано?

— Да. Идет обработка снимков.

— Не можете ли вы снять еще парочку?

— Генерал, мы уже получили двести десять снимков при различном увеличении.

В это время закончилась обработка первого кадра, и Ринье указал на экран:

— Смотрите, генерал. Вот вражеский мир, который вы так жаждали увидеть.

Фицрой ничего не увидел, кроме группы из трех

пятен на темном фоне. Пятна были размытыми, как уличные фонари в тумане. Это были три звезды, которые решат судьбу двух цивилизаций.

— То есть мы и в самом деле не можем увидеть планету… — Фицрой не мог скрыть разочарования.

— Разумеется, не можем. Даже когда будет построен двухсотметровый «Хаббл III», мы сможем наблюдать Трисолярис лишь при нескольких конфигурациях системы, и мы увидим его как точку, без каких-либо подробностей.

— Но, доктор, здесь есть что-то еще. Что это, по-вашему? — спросил один из ученых, указывая на место вблизи трех туманных пятен.

Фицрой наклонился поближе, но ничего не увидел. Только эксперт мог заметить это туманное пятнышко.

— У объекта диаметр больше, чем у звезды, — сообщил астроном.

Участок фотографии увеличили; теперь он занимал весь экран.

— Это щетка! — в тревоге вскричал генерал.

Дилетанты всегда придумывают названия лучше, чем профессионалы; именно поэтому эксперт, подбирая название, старается смотреть на вещи глазами постороннего. Вот так и полу-

чилось, что слово «щетка» стало нарицательным именем объекта. Генерал не ошибся, это была космическая щетка. А если точнее, то множество щетинок без ручки. Можно было также представить ее себе как вздыбленные волосы.

— Это определенно царапина в покрытии! Я упоминал в технико-экономическом обосновании, что с составным зеркалом могут возникнуть сложности, — покачал головой Ринье.

— Все покрытия прошли строгие испытания. Такой царапины быть не может. И никакой другой дефект объектива не способен привести к подобному эффекту. Мы уже обработали десятки тысяч пробных снимков, там нигде ничего такого нет, — заявил специалист с фирмы Zeiss, изготовившей зеркало.

Шум в зале управления стих. Все столпились вокруг терминала и таращились на экран. Когда стало тесно, это же изображение вывели на другие терминалы. Фицрой почувствовал перемену в настроении. Люди, уставшие от длительного тестирования и обленившиеся, подобрались и насторожились. У них, как у зачарованных, двигались лишь глаза, разгоравшиеся ярче и ярче.

— О боже! — послышалось несколько одновременных восклицаний.

Замершая толпа мгновенно взорвалась бурей активности. Фицрой слышал обрывки фраз, но для него они были чересчур техническими.

— Есть там пыль рядом с положением цели? Проверьте…

— Не надо. Я уже проверил. По наблюдениям поглощения фонового излучения звезд пик поглощения приходится на двести нанометров. Возможно, микрочастицы углерода, плотность облака по классу F.

— Есть мнения по эффекту от столкновения на высокой скорости?

— Волна ослабевает вдоль вектора, но характеристики рассеивания… У нас найдется такая модель?

— Да. Секундочку. Вот. Скорость столкновения?

— В сто раз превышает третью космическую.

— Уже настолько большая?

— Это по консервативной оценке… Для сечения области столкновения примени-ка… да, верно. Как раз так. Просто грубо прикинь.

Пока эксперты были заняты, Ринье подошел к Фицрою.

— Генерал, не можете ли вы как можно точнее пересчитать волоски в этой щетке?

Генерал кивнул, склонился над терминалом и принялся считать.

Компьютеру требовалось четыре или пять минут для каждого расчета; но люди часто ошибались, поэтому результаты появились только через полчаса.

— Волна в пыли образовала сферический фронт с диаметром до двухсот сорока тысяч километров, или вдвое больше Юпитера, — доложил астроном, работающий с математической моделью.

— Логично, — согласился Ринье. Он воздел руки кверху и посмотрел в потолок, как бы глядя в небеса. — Вот и подтверждение. — Его голос дрожал. Затем как бы для себя он повторил: — Подтвердилось, значит. Ну, вот оно… все ясно…

В зале управления снова установилась тишина — на этот раз тяжелая, давящая. Фицрой хотел задать вопрос, но при виде торжественно склоненных голов не смог раскрыть рта. Затем он услышал слабые всхлипы и увидел молодого человека, старающегося сдержать слезы.

— Прекратите, Харрис. Вы здесь не единственный скептик. Всем тяжело, — пристыдил его кто-то.

Молодой человек, Харрис, поднял заплаканное лицо:

— Я знаю, что скептицизм — это лишь способ самоуспокоения. Но я хотел прожить свою жизнь тихо и мирно! Боже, даже в этом мне не повезло!

Вновь настала тишина.

Наконец Ринье вспомнил о Фицрое.

— Генерал, позвольте мне объяснить. Три звезды окружены облаком межзвездной пыли. Недавно множество тел, движущихся с высокой скоростью, пронзили это облако. В пыли возникли ударные волны. Эти волны продолжали расти и расширяться; сейчас они вдвое больше Юпитера. Граница фронта волны почти не выделяется на фоне пыли, поэтому вблизи волны не видны. Их можно распознать только отсюда, с расстояния в четыре световых года.

— Я пересчитал щетинки. Их около тысячи, — сказал генерал Фицрой.

— Разумеется. Эта цифра подтверждает доклады разведки. Генерал, мы наблюдаем флот Трисоляриса.

* * *

Открытие, сделанное «Хабблом II», стало несомненным подтверждением реальности трисолярианского вторжения и разрушило последние надежды человечества. Поднялась новая

волна безнадежности, паники и замешательства. Жизнь человеческой расы перешла в новую фазу; наступили трудные времена. Колесо истории наскочило на случайный камень и повернуло в новом направлении.

Быстрый ход времени — это единственное, что остается неизменным в мире, охваченном громадными переменами. Пять лет пролетели незаметно.

Часть II
Заклинание
Восьмой год эры Кризиса
Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,20 светового года

Фредерик Тайлер в последнее время стал нервным. Несмотря на осложнения, идея роя москитов в конце концов получила одобрение СОП. Началась разработка космического истребителя, но дело шло медленно из-за недоступности высоких технологий. Человечество продолжало улучшать свои топоры и дубины каменного века, совершенствуя химические ракеты. Вспомогательный проект Тайлера — исследования Европы, Цереры и различных комет — был настолько необычен, что некоторые подозревали его в ведении этих работ исключительно для того, чтобы добавить загадочности основному, весьма прямолинейному плану. Но поскольку эти исследования можно было вписать в основную оборонную программу, ему их разрешили.

Так что Тайлеру оставалось лишь ждать. Он

вернулся домой и впервые за пять лет работы Отвернувшимся зажил жизнью обычного человека.

Все Отвернувшиеся находились в центре внимания общества. Хотелось им того или нет, но люди смотрели на них как на спасителей. Возник культ Отвернувшихся. Сколько бы объяснений и опровержений ни издавали ООН и СОП, легенды об их сверхъестественных способностях не только не думали умирать, но даже становились еще более изощренными. В фантастических фильмах их изображали сверхлюдьми, и в глазах многих они были единственной надеждой человечества. Это давало Отвернувшимся огромный политический капитал и безусловную поддержку народных масс, что будет отнюдь не лишним, когда Отвернувшиеся возьмут под свой контроль значительные ресурсы.

Ло Цзи был исключением. Он оставался в уединении, никогда не показываясь на людях. Никто не знал, где он и чем занимается.

* * *

Однажды к Тайлеру пришел посетитель. Дом Тайлера, как и дома других Отвернувшихся, находился под усиленной охраной, и все посетители

должны были проходить тщательную проверку. Но увидев этого человека в своей гостиной, Тайлер понял, что тот без труда прошел бы сквозь любые заслоны.

С первого же взгляда становилось ясно, что этот и мухи не обидит. Несмотря на жару, на чужаке был мятый костюм, такой же мятый галстук и — что раздражало больше всего — шляпа-котелок, каких давно уже никто не носил. Очевидно, он хотел придать своему виду возможно большую формальность, только не знал как — похоже, ему еще никогда не доводилось наносить официальные визиты. Бледный и тощий, гость производил впечатление вконец изголодавшегося человека. Он носил очки в тяжелой оправе; его тонкая шея с трудом выдерживала вес головы, а мешковатый костюм болтался как на вешалке. Будучи политиком, Тайлер сразу понял, что посетитель относится к одному из тех неприятных кругов общества, которые бедны не столько материально, сколько духовно — совсем как гоголевские мелкие чиновники, которые, невзирая на свой низкий социальный статус, не перестают заботиться о поддержании этого самого статуса и проводят жизнь за рутинной, утомительной работой, исполняя ее строго и аккуратно. Что бы

они ни делали, они больше всего боятся ошибиться; кого бы они ни встретили, они боятся не угодить; и они никогда не осмеливаются даже бросить взгляд на тех, кто выше по положению. Ничтожные, отвратительные людишки. Тайлеру было неприятно осознавать, что в мире, который он пытался спасти, таких людей большинство.

Посетитель робко прошел в гостиную, но двинуться дальше не решался — казалось, он боится наследить на ковре. Он снял шляпу и, глядя на хозяина дома сквозь толстые линзы очков, принялся отвешивать бесконечные поклоны. Тайлер решил выставить гостя вон после первой же произнесенной тем фразы. Как бы ни были слова посетителя важны для него самого, для Тайлера они не могли иметь никакого значения.

И вот жалкий человечек слабым голосом произнес свою первую фразу. Она поразила Тайлера, как разряд молнии; он зашатался и едва удержался на ногах. Каждое слово было словно удар грома:

— Отвернувшийся Фредерик Тайлер, я ваш Разрушитель.

* * *

— Кто бы мог подумать, что однажды мы будем стоять перед вот такой картой поля боя! — воскликнул Чан Вэйсы, глядя на огромный, с киноэкран, монитор, демонстрирующий карту Солнечной системы в масштабе один к триллиону.

Карта, почти вся черная, за исключением маленького пятнышка в центре — Солнца, — доходила до середины пояса Койпера. Когда ее показывали целиком, она изображала Солнечную систему с расстояния 50 астрономических единиц над плоскостью эклиптики. На карте были точно обозначены орбиты планет и их спутников, а также положение известных астероидов; она могла отобразить любой участок Солнечной системы в любой момент ближайшего тысячелетия. Сейчас, когда метки координат небесных тел были отключены, карта позволяла увидеть Юпитер — если как следует присмотреться. Планета выглядела лишь невзрачной крохотной точкой, но в таком масштабе другие семь планет были и вовсе не видны.

— Да, перемены налицо, — согласился Чжан Бэйхай.

Только что закончилось совещание по оценке первой космической карты; в просторном штабном помещении оставались лишь он и генерал.

— Командующий, мне любопытно, обратили ли вы внимание на взгляды наших товарищей, когда они увидели эту карту? — спросил Чжан Бэйхай.

— Конечно, обратил. Дело понятное. Они воображали себе космическую карту такой, какой ее подают в научно-популярной литературе: несколько разноцветных бильярдных шаров, вращающихся вокруг огненной сферы. И только увидев карту в истинном масштабе, они осознали гигантские размеры Солнечной системы[94]. Из авиации они к нам пришли или из флота — их самолеты и корабли неспособны пересечь даже один пиксел этого огромного экрана.

— Похоже, картина будущего поля боя не пробудила в наших офицерах ни уверенности в своих силах, ни жажды битвы.

— И мы возвращаемся к проблеме пораженчества.

---

[94] Примечания: 94

Для тех, кто интересуется, вот замечательная страничка: http://joshworth.com/ dev/pixelspace/pixelspace_solarsystem.html. На ней точно передаются пропорции и расстояния. Если просматривать в режиме истинного времени, то скучища смертная — Солнечная система состоит в основном из пустоты. (*Прим. перев.*)

— Командующий, я не хотел бы сейчас разговаривать о пораженчестве. Это серьезный вопрос и больше подходит для официального заседания. То, что я хотел бы обсудить, это… — Чжан Бэйхай замялся и улыбнулся. С ним редко случалось, чтобы он не мог с ходу подобрать правильное слово.

Чан Вэйсы отвернулся от карты и улыбнулся в ответ:

— Похоже, ты хочешь сказать что-то очень необычное.

— Да. Во всяком случае, прецедентов этому еще не случалось. У меня есть предложение.

— Выкладывай.

— Да, командующий. За последние пять лет было сделано слишком мало и в деле защиты планеты, и в разработке космических кораблей. Технологические предпосылки этих двух программ — управляемая термоядерная реакция и орбитальный лифт — топчутся в самом начале пути, без каких-либо надежд на продвижение вперед. Работы по производству более мощных химических ракет столкнулись с трудностями. Если дело пойдет так и дальше, то я опасаюсь, что космический флот — даже на уровне низких технологий — навсегда останется научной фантастикой.

— Ты, товарищ Бэйхай, сам выбрал уровень высоких технологий. Тебе положено знать, по каким законам развиваются научные исследования.

— Разумеется, я знаю. Исследования — процесс скачкообразный: качественные перемены происходят только после долгого накопления количественных. Прорывы в теории и технологии обычно происходят одновременно и помногу… Но, командующий, многие ли понимают эту проблему так, как я? Очень вероятно, что через десять, двадцать, пятьдесят лет или даже через столетие мы по-прежнему не достигнем существенного прорыва в науке или технологии. Насколько к тому времени разовьется пораженческое мышление? Какое состояние духа, какое состояние психики воцарится среди персонала космических войск? Хотя, возможно, я заглядываю чересчур далеко?..

— Бэйхай, больше всего меня в тебе восхищает то, что ты всегда в своей работе задумываешься о перспективе. Это редкое качество среди политработников в наших войсках. Давай, продолжай.

— Я, конечно, могу судить только в масштабах своей собственной работы. С какими трудностями и под каким давлением придется работать нашим товарищам, политработникам косми-

ческих сил будущего, если мои предположения окажутся верны?

— Куда более страшен вопрос, сколько идеологически стойких политработников останется в войсках? — добавил Чан Вэйсы. — Чтобы бороться с пораженчеством, прежде всего нам самим нужно верить в победу. Но в твоем гипотетическом будущем сохранить эту веру намного труднее.

— Именно об этом я и беспокоюсь, командующий. Когда наступят такие времена, политическая работа в космических силах просто недотянет до нужного уровня.

— Что же ты советуешь?

— Послать подкрепление!

Чан Вэйсы несколько секунд смотрел на Чжан Бэйхая, а затем повернулся обратно к большому экрану с картой. Двигая мышкой, он увеличивал масштаб до тех пор, пока свет Солнца с экрана не заиграл на его погонах.

— Командующий, я имел в виду…

Генерал остановил его движением руки.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Чан Вэйсы стал уменьшать масштаб, пока на экране не появилась вся карта. В зале совещаний потемнело. Затем генерал снова приблизил

Солнце… удалил… приблизил, удалил… Наконец он сказал:

— Уже сегодня политическая работа в космических силах чрезвычайно сложна. Осознаешь ли ты, что она станет еще труднее, если мы погрузим наших лучших политических офицеров в гибернацию и отправим в будущее?

— Осознаю, командующий. Я просто вношу предложение. Всестороннее рассмотрение этого предложения будет, разумеется, прерогативой руководства.

Чан Вэйсы встал и включил в помещении полный свет.

— Нет, товарищ Бэйхай, теперь это задача для тебя. Бросай всю остальную работу. Завтра же начнешь с политотдела космических сил, затем поработаешь над другими родами войск. Как можно скорее подготовь черновик доклада Центральной военной комиссии.

* * *

Тайлер приехал, когда солнце уже начало скрываться за горами. Выйдя из автомобиля, он узрел райскую картину: мягчайший солнечный свет, заливающий горные вершины, озеро, лес и Ло Цзи с семьей, наслаждающихся этим

неземным вечером на поросшем травой берегу. Сначала он заметил мать — совсем юную, так что ее можно было принять за старшую сестру годовалого ребенка. Дитя было трудно разглядеть на расстоянии, но когда Тайлер приблизился, он был поражен. Если бы он не видел малышку собственными глазами, то не поверил бы, что такие прелестные крохи вообще бывают на свете. Стволовая клетка красоты, зародыш всего самого прекрасного, что есть в этом мире…

Мать и дочь что-то рисовали на большом листе белой бумаги; Ло Цзи стоял рядом и с интересом наблюдал. Приблизившись, Тайлер увидел бесконечное блаженство в его глазах, счастье, которое, похоже, заполняло в этом саду Эдема все пространство, от гор до озера.

Тайлеру, который только что прибыл из мрачного мира, сцена, развернувшаяся перед его глазами, показалась картинкой из сказки. Он был женат дважды, но сейчас ходил в холостяках. Семейное счастье его интересовало мало — в отличие от погони за мирской славой. Сейчас же он впервые в жизни почувствовал, что прожил жизнь впустую.

Ло Цзи, поглощенный наблюдением за женой и дочкой, заметил Тайлера, только когда тот

оказался совсем близко. Из-за психологического барьера, созданного их положением, Отвернувшиеся до сих пор не поддерживали личных контактов. Но поскольку Тайлер предупредил о своем прибытии по телефону, Ло Цзи не удивился и встретил гостя с вежливой теплотой.

— Мадам, прошу извинить за вторжение, — сказал Тайлер, слегка поклонившись Чжуан Янь, подошедшей вместе с дочерью.

— Добро пожаловать, мистер Тайлер. У нас редко бывают гости; нам приятно, что вы смогли нас навестить. — Она говорила по-английски не вполне свободно, но ее голос все еще звучал по-детски мягко, а улыбка сохраняла свою весеннюю свежесть. Тайлеру показалось, что его усталую душу приласкала рука ангела. — Это наша дочь, Сяся.

Ему хотелось обнять ребенка, но он побоялся утратить контроль над своими чувствами и просто сказал:

— Сюда стоило приехать лишь для того, чтобы посмотреть на двух ангельских созданий.

— Не будем вам мешать. Пойду приготовлю ужин, — сказала Чжуан Янь, улыбаясь.

— Не надо, в этом нет необходимости. Я только хочу поговорить с доктором Ло. Это не отнимет

много времени.

Чжуан Янь мягко настояла, чтобы он остался к ужину, а потом ушла, уведя с собой дочку.

Ло Цзи жестом пригласил Тайлера присесть на белый стул, стоявший тут же, на траве. Как только гость сел, все его тело бессильно обмякло. Долгая дорога закончилась, путник наконец добрался до цели путешествия.

— Доктор, похоже, в последние два года вы совсем отрешились от мира, — сказал Тайлер.

— Да, — согласился Ло Цзи, оставшийся стоять на ногах. Он повел рукой: — У меня все здесь.

— Вы истинно мудрый человек. И как минимум в одном вы более ответственны, чем я.

— Что вы имеете в виду? — спросил Ло Цзи, непонимающе улыбаясь.

— Вы, по крайней мере, не растратили ресурсы понапрасну… Она тоже не смотрит телевизор? Я имею в виду вашего ангела.

— Она? Не знаю. Она в последнее время постоянно с Сяся, так что не думаю, что у нее остается на это время.

— Тогда вы и вправду не знаете, что случилось за последние дни?

— А что случилось? Вы плохо выглядите. Устали? Выпить хотите? Чего вам налить?

— Чего-нибудь, — ответил Тайлер, прищуриваясь на последние золотистые лучи солнца, отражающиеся в озере. — Четыре дня назад ко мне пришел мой Разрушитель.

Ло Цзи прекратил разливать вино и, чуть помедлив, спросил:

— Так скоро?

Тайлер тяжело кивнул:

— Я сказал ему то же самое.

* * *

— Так скоро? — сказал Тайлер Разрушителю. Он старался говорить спокойно, но его голос дрожал.

— Я с удовольствием пришел бы раньше, но мне хотелось собрать побольше доказательств, вот я и задержался, за что прошу простить, — сказал Разрушитель. Он стоял позади Тайлера и говорил медленно, со смирением прислуги. Его последнее заявление прозвучало педантично и взвешенно: так бывает учтив палач со своей жертвой.

В комнате установилось гнетущее молчание. Наконец Тайлер собрался с духом и посмотрел на Разрушителя. Тот вежливо осведомился:

— Сэр, можно продолжать?

Тайлер кивнул, но отвел взгляд. Затем уселся

на диван и постарался успокоиться.

— Благодарю вас, сэр. — Разрушитель опять поклонился, продолжая держать шляпу в руке. — Сначала я вкратце изложу тот план, который вы объявили всему миру. Группа, состоящая из небольших космических истребителей, вооруженных супербомбами в сто мегатонн, поможет флоту Земли, осуществив самоубийственную атаку на флот Трисоляриса. Возможно, я чересчур упрощаю, но суть верна, не так ли?

— Не вижу смысла обсуждать это с вами, — отрезал Тайлер. Он подумывал, а не прекратить ли ему этот разговор? Когда Разрушитель назвал себя, интуиция Тайлера — политика и стратега — подсказала ему, что собеседник уже победил. Ему повезет, если противник вообще не выжмет из его мозга все секреты до последней капли.

— Если так, сэр, то я не стану продолжать, и вы можете меня арестовать. Но вам определенно стоит знать, что независимо от того, что произойдет, ваша подлинная стратегия и все факты, доказывающие правоту моих предположений, завтра или, может быть, даже сегодня вечером окажутся во всех программах новостей мира. Я стою перед вами, рискуя остатком своей жизни, и надеюсь, что вы оцените мое самопожертвование.

— Продолжайте, — махнул рукой Тайлер.

— Благодарю вас, сэр. Это воистину огромная честь, и я не отниму у вас много времени. — Разрушитель снова поклонился. Смиренная почтительность, столь редко встречающаяся в наши дни, была, очевидно, у него в крови, и он проявлял ее постоянно. Тайлеру она казалась удавкой, затягивающейся на его шее. — Итак, сэр, правильно ли я сейчас изложил вашу стратегию?

— Правильно.

— Нет, не правильно, — возразил Разрушитель. — Сэр, извините, что я так говорю, но мое изложение неверно.

— Почему?

— Учитывая технологические возможности человечества, самым разрушительным оружием, которое, вероятно, будет нам доступно в будущем, являются термоядерные сверхбомбы. Во время сражения в космосе эти бомбы необходимо взорвать непосредственно возле вражеского корабля, иначе они неэффективны. Космические истребители весьма юркие, и их много. Такой рой определенно будет наилучшей тактикой для самоубийственной атаки. Ваш план хорошо продуман. Все ваши действия, включая поездки

в Японию, Китай и даже в горы Афганистана в поисках пилотов-камикадзе, жаждущих самопожертвования, и ваше желание передать флот под ваше прямое управление, когда эти поиски закончились ничем, — все это было вполне разумно.

— Что же в этом не так? — спросил Тайлер, привстав с дивана.

— Все так. Но это лишь стратегия, которую вы представили публике. — Разрушитель наклонился к Тайлеру поближе и продолжал шепотом: — Ваша подлинная стратегия немного иная. Вы надолго поставили меня в тупик. Я мучился, не понимая, и почти готов был признать поражение.

Тайлер вдруг осознал, что изо всех сил сжимает подлокотник дивана. Он попытался расслабиться.

— Но затем вы дали мне ключ к разгадке. Этот ключ так хорошо подходил, что я не сразу поверил своей удаче. Вы знаете, о чем я говорю — о ваших исследованиях некоторых объектов Солнечной системы: Европы, Цереры и комет. Что у них общего? Вода. Они все обладают большими запасами воды! На одних только Европе и Церере больше воды, чем во всех океанах Земли… Страдающие бешенством боятся воды, их трясет от

одного лишь упоминания о ней. Я полагаю, вы сейчас чувствуете себя так же.

Разрушитель подобрался ближе к Тайлеру и заговорил прямо ему в ухо. В его дыхании совсем не было тепла; оно походило на призрачный ветер и несло с собой запах могилы.

— Вода, — шептал он словно во сне. — Вода…

Тайлер хранил молчание. Его лицо было недвижимо, как у каменной статуи.

— Продолжать? — спросил, распрямляясь, Разрушитель.

— Нет, — едва слышно ответил Тайлер.

— Но я все равно продолжу. — В голосе Разрушителя прозвучали нотки злорадства. — Я оставлю всю информацию для историков, даже если истории осталось существовать всего ничего. И также объясню все Господу, разумеется. Мало кто обладает таким острым умом, способным распознать целое по маленькой детали, как мы с вами. Господь наш, скорее всего, не сможет понять даже подробного объяснения. — Он поднял руку, как бы приветствуя слушателей на Трисолярисе, и рассмеялся. — Прошу меня извинить.

Мышцы Тайлера расслабились, а вслед за ними, как ему показалось, размягчились и кости. Он бессильно обмяк на диване. С ним было все

кончено; он совсем пал духом.

— Итак, продолжим. Отвлечемся от воды и поговорим о рое москитов. Его первой целью будут не инопланетяне с Трисоляриса, а земной флот. Эта гипотеза немного слаба и подтверждается лишь малозначительными фактами, но я настаиваю на ее верности. Вы объехали вокруг света в поисках камикадзе — безуспешно. Вы этого ожидали; но неудача имела два весьма полезных для вас следствия. Первое: человечество потеряло надежду; этого вы добились полностью. А о втором мы поговорим через минуту.

Топор палача полетел вниз.

— Завершив свои путешествия, вы окончательно разуверились в человечестве. Вы также убедились, что космические силы Земли не имеют шансов победить Трисолярис в обычной битве. Поэтому вы придумали более жестокую стратегию. С моей точки зрения, она дает лишь слабую надежду при огромном риске. Тем не менее принципы проекта «Отвернувшиеся» утверждают, что в этой войне риск — самый надежный вариант.

Разумеется, это было только начало. Вы решили предать человеческую расу. Действия по реализации вашего плана заняли бы долгое время, но

оно у вас было. В последующие месяцы и годы вы планировали подстроить события, которые укрепили бы ту стену, которую вы возвели между собой и человечеством. Ваше отчаяние и горечь постепенно росли бы; вы все больше и больше отдалялись бы от человеческого мира. Собственно, вы сделали первый шаг по этому пути, когда недавно запросили пощады для ОЗТ на заседании СОП. Это, однако, было сделано не только для вида. Вы и на самом деле хотели, чтобы ОЗТ сохранилось. Вы хотели, чтобы члены ОЗТ стали пилотами ваших истребителей в битве Судного дня. Это был вопрос времени и терпения, но вы бы преуспели, потому что ОЗТ также нуждается в вас. Ему нужны ваша помощь и ваши ресурсы. Было бы несложно передать москитный флот в руки ОЗТ; главное — хранить это в тайне от остального мира. И даже если бы это однажды раскрылось, вы бы сказали, что это часть плана.

Тайлер, похоже, не слушал Разрушителя. Он сидел на диване с полузакрытыми глазами, вид у него был усталый, как будто он уже сдался и напряжение битвы начало спадать.

— Хорошо. Теперь поговорим о воде. По вашей задумке во время битвы Судного дня москитный рой под управлением ОЗТ внезапно нападет на

земные корабли, а потом сбежит к флоту Господа. Поскольку члены ОЗТ показали себя противниками Земли, Трисолярис, возможно, позволит им присоединиться к себе. Но Господь не станет торопиться привечать перебежчиков. Чтобы добиться его благосклонности, понадобится весомый и очень полезный подарок. Что в Солнечной системе может иметь наивысшую ценность для Господа? Вода. Флот находится в пути четыреста лет; они уже использовали большую часть воды на кораблях. При приближении к Солнечной системе им потребуется вода для регидрации дегидрированных членов экипажа. Свежая вода для оживающих тел будет намного лучше, чем затхлая, многократно прошедшая через очистные системы корабля. Москитный флот предложит Господу айсберг из воды, добытой на Европе, Церере и кометах. Я не уверен в цифрах — полагаю, вы их и сами еще не знаете, но, скажем, это будут десятки тысяч тонн.

Москитная группа, буксирующая этот гигантский кусок льда, скорее всего, подойдет вплотную к флоту Господа для вручения подарка. И тут вы задействовали бы второй результат вашей неудачи в поиске камикадзе — тот самый, что логически объяснял ваше требование внешне-

го управления всем москитным флотом. Когда истребители подойдут вплотную к кораблям Господа, вы перехватите управление, переведете истребители в автоматический режим и прикажете им атаковать цели. Сверхбомбы будут взорваны возле вражеских кораблей и уничтожат весь флот Трисоляриса.

Разрушитель распрямился и, оставив Тайлера на диване, подошел к французским окнам, выходящим в сад. Адский ветер, дующий в ухо Тайлера, прекратился, но к этому времени все его тело уже тряс озноб.

— Исключительный план. Это правда. Но некоторые ошибки просто необъяснимы. Почему вы так активно выступали за исследование планетоидов, на которых есть вода? Сегодня нет технологий для добычи и транспортировки такого объема воды, и их разработка может занять годы, если не десятилетия. Даже если вы думали, что должны начать немедленно, почему бы не включить в план несколько небесных тел, на которых нет воды — например, спутники Марса? Если бы вы так поступили, я все равно рано или поздно раскрыл бы ваши намерения, но это было бы намного сложнее. Как мог такой великий стратег, как вы, забыть о подобных хитростях?

С другой стороны, я понимаю, как давят на вас обстоятельства.

Разрушитель участливо положил руку на плечо Тайлера. Отвернувшийся уловил проблеск заботливости наподобие той, какую ощущает палач к своей жертве. Тайлер даже сам был немножко тронут.

— Не терзайте себя. Вы хорошо потрудились. Я надеюсь, что история вас не забудет. — Разрушитель убрал руку. К нему, казалось, возвращались силы; на его лице, недавно болезненном и бледном, появился румянец. Он распростер руки. — Что ж, мистер Тайлер, я закончил. Зовите своих людей.

Тайлер, все еще с закрытыми глазами, почти неслышно проговорил:

— Вы свободны.

Когда Разрушитель уже открывал дверь, Тайлер прохрипел последний вопрос:

— Ну, допустим, все, что вы сказали, правда. И что с того?

Разрушитель повернулся к нему.

— Да ничего, мистер Тайлер. Поломал я ваши планы или нет, Господу это безразлично.

* * *

Выслушав рассказ Тайлера, Ло Цзи надолго потерял дар речи.

Когда обычный человек обращался к Отвернувшемуся, он всегда думал: «Это Отвернувшийся, его словам нельзя верить» — и эти мысли выстраивали преграды на пути общения. Но когда разговаривали двое Отвернувшихся, подобные предположения, возникавшие в умах обоих, умножали эти преграды многократно. Любые высказывания, любая беседа становились бессмысленными. Вот почему Отвернувшиеся не общались друг с другом.

— И как вы оцениваете анализ Разрушителя? — спросил Ло Цзи, чтобы прервать молчание. Он понимал, что спрашивать не имело смысла.

— Его догадки верны, — ответил Тайлер.

Ло Цзи хотел что-нибудь сказать, но что? Что можно было сказать? Они оба были Отвернувшимися…

— Такова была моя подлинная стратегия, — продолжал Тайлер. Он, по-видимому, жаждал выговориться, и его не интересовало, верит ли ему его слушатель. — Конечно, все пока остается на стадии предварительной подготовки. Техно-

логия сама по себе довольно сложна, хоть я и ожидал, что за столетия решения найдутся. Но, судя по отношению противника к моему плану, это не имело бы значения. Ему на него плевать — и это верх презрения.

— А потом? — Ло Цзи чувствовал себя механизмом, ведущим бессмысленный диалог.

— На следующий день после прихода Разрушителя полный анализ моей стратегии был опубликован в Интернете — все до мельчайших деталей. Большую часть сведений предоставили софоны. Поднялась шумиха. Позавчера СОП созвал слушания по этому вопросу и принял вот такую резолюцию: «Планы Отвернувшегося не должны содержать угрозы человеческой жизни». Если мой план на самом деле существует, его исполнение должно быть сочтено преступлением против человечества. Его разработку следует прекратить, а автора наказать по закону. «Преступление против человечества»! Как они ловко ввернули его сюда! Сейчас этим термином швыряются направо и налево. Но что самое интересное, в конце резолюции говорится: «В соответствии с принципами проекта «Отвернувшиеся» факты, доступные внешнему миру, могут быть частью обманного плана Отвернувшегося, и

их нельзя использовать для доказательства того, что Отвернувшийся на самом деле разработал и выполняет данный план». Поэтому меня не отдадут под суд.

— Так я и думал, — прокомментировал Ло Цзи.

— Но на слушаниях я заявил, что анализ Разрушителя был верен и что моя стратегия и в самом деле заключалась в применении москитного роя. Я потребовал, чтобы меня судили согласно национальному и международному закону.

— Представляю себе их реакцию.

— Действующий председатель СОП и все постоянные члены посмотрели на меня с той самой *улыбкой Отвернувшегося*, и председатель объявил заседание закрытым. Мерзавцы!

— Знаю по себе, что вы чувствуете.

— Я полностью потерял самообладание. Выбежал из зала на площадь и стал кричать: «Я Отвернувшийся Фредерик Тайлер! Мой Разрушитель разгадал мою стратегию! Он был прав! Я собираюсь напасть своим роем москитов на земной флот! Я враг человечества! Я дьявол! Накажите меня, убейте меня!..»

— Что за бессмысленный поступок, мистер Тайлер!

— Больше всего я ненавижу выражение, с ко-

торым на меня смотрят люди. На площади меня окружила толпа; дети взирали на меня с восторгом, люди среднего возраста — с уважением, пожилые — с тревогой. И все глаза кричали: «Смотри, это Отвернувшийся! Он работает, но он один во всем мире знает, над чем именно. Гляди, как хорошо у него получается! Он так здорово прикидывается! Как сможет враг узнать, какую стратегию он избрал на самом деле? Его великая, величайшая, замечательнейшая стратегия, известная лишь ему одному, спасет мир...» Какая же это чушь! Какие же они идиоты!

Ло Цзи наконец решил промолчать и просто улыбнулся Тайлеру.

Собеседник смотрел на него не отрываясь; на его бледном лице появилась слабая усмешка, которая мало-помалу переросла в истерический хохот.

— Ха! Вы улыбаетесь улыбкой Отвернувшегося! Один Отвернувшийся улыбается другому! Вы думаете, что я работаю. Вы думаете, что я играю роль; вы думаете, что я спасу мир! — Он снова загоготал. — И угораздило же нас так влипнуть!

— Нам никогда не выбраться из этого заколдованного круга, мистер Тайлер, — ответил Ло Цзи и тихо вздохнул.

Смех Тайлера резко оборвался.

— Никогда не выбраться? Нет, доктор Ло, выход есть. Выход и в самом деле есть, и я приехал, чтобы показать вам его.

— Вам надо отдохнуть. Останьтесь на пару дней, — предложил Ло Цзи.

Тайлер медленно кивнул:

— Да, мне нужен отдых. Только мы, Отвернувшиеся, понимаем боль друг друга. Поэтому я и приехал. — Он посмотрел вверх. Солнце уже давно зашло, и сумерки затопили Сад Эдема. — Здесь просто рай. Можно мне пройтись вдоль берега? Хочу побыть один.

— Делайте, что пожелаете. Не расстраивайтесь. А потом я позову вас к ужину.

Тайлер пошел к озеру, оставив Ло Цзи сидеть и думать о грустном.

Пять лет он плескался в океане счастья. Рождение Сяся заставило его полностью забыть об окружающем мире. Любовь жены и дочери опьяняли его душу. В этом добром доме, вдали от остального мира, он глубже и глубже погружался в иллюзию: ему казалось, что внешний мир, словно частица в квантовом состоянии, не существует, пока не начать за ним наблюдать.

Но он больше не мог оставаться в этом блажен-

ном расположении духа после того, как гнусный внешний мир прорвался в Сад Эдема, чтобы запутать и напугать Ло Цзи. Его мысли вернулись к Тайлеру, последние слова которого по-прежнему звучали в ушах. Могли ли Отвернувшиеся на самом деле вырваться из порочного круга, скинуть стальные кандалы логики?..

Ло Цзи мгновенно пришел в себя и рванулся к озеру. Ему хотелось закричать, но, опасаясь испугать Чжуан Янь и Сяся, он сдержался и стремглав понесся сквозь тихие сумерки; единственным звуком был шорох травы о его ноги. И тут в этот ритм ворвался негромкий хлопок.

Это был звук выстрела, раздавшийся со стороны озера.

* * *

Той ночью Ло Цзи вернулся домой поздно, когда дочь уже крепко спала. Чжуан Янь тихо спросила:

— Мистер Тайлер уехал?

— Его больше нет с нами, — устало ответил он.

— Судя по виду, ему пришлось куда труднее, чем тебе.

— Да. Это потому, что он избрал нелегкий путь… Янь, ты смотрела телевизор в последнее время?

— Нет. Я…

Она замолкла, и Ло Цзи понял, о чем она думает. Внешний мир с каждым днем становился все более жестоким, и пропасть между жизнью здесь и жизнью там росла. Это тревожило Чжуан Янь.

— Скажи, наша жизнь здесь — это правда часть плана Отвернувшегося? — спросила она, глядя на него тем же бесхитростным взглядом.

— Конечно. Почему ты сомневаешься?

— Но можем ли мы быть истинно счастливыми, если все человечество несчастно?

— Любовь моя, твоя обязанность — быть счастливой, когда все остальное человечество несчастливо. С появлением Сяся ты стала еще счастливее, а план Отвернувшегося получил дополнительные шансы на успех.

Чжуан Янь безмолвно глядела на него. Пять лет назад, стоя перед портретом Моны Лизы, они придумали язык мимики и с тех пор неплохо напрактиковались в нем. Все чаще и чаще мог Ло Цзи читать мысли жены в ее взгляде. Сейчас он читал: «Как я могу в это поверить?»

Ло Цзи долго раздумывал и наконец ответил:

— Янь, все на свете когда-нибудь кончается. И Солнце, и Вселенная когда-нибудь погибнут. С какой же стати человечеству надеяться на бес-

смертие? Послушай, этот мир — мир параноиков. Глупо сражаться в безнадежной войне. Посмотри на Трисолярианский кризис с другой точки зрения и забудь о своих заботах. Забудь не только про кризис, забудь вообще обо всех своих тревогах, даже тех, что были до кризиса. Используй оставшееся время, чтобы наслаждаться жизнью. Это четыре сотни лет! Или, если мы откажемся сражаться в битве Судного дня, почти пять. Немалое время. Человечеству потребовалось столько же, чтобы пройти путь от Ренессанса до века информации. Мы сделали нашу жизнь беззаботной и комфортабельной. Пять идиллических столетий без тревог о будущем, с единственной задачей наслаждаться жизнью — ведь это же просто чудо!..

Он понял, что сказал слишком много. Утверждения, что ее счастье и счастье их дочери были частью плана, добавляли спокойствия в жизнь Чжуан Янь, делая ее счастье ее работой. Только так она могла сохранять душевный покой посреди жестокого мира. Ло Цзи не мог сопротивляться ее вечно невинному взгляду, поэтому не осмеливался смотреть на нее, когда она задавала вопросы. Но сейчас он невольно сказал правду, и причиной тому был Тайлер.

— Вот сейчас ты говорил как Отвернувший-

ся? — спросила она.

— Да, конечно, — ответил он, пытаясь исправить ситуацию.

Но ее глаза говорили: «А мне показалось, что это твои подлинные мысли!»

Совет обороны планеты при ООН,

проект «Отвернувшиеся», слушания № 89

В самом начале слушаний председатель настоятельно призвал Ло Цзи прибыть на очередное заседание. Он мотивировал это тем, что отказ от участия в слушаниях не может являться частью плана Отвернувшегося, потому что надзорная функция СОП стоит выше, чем индивидуальные программы Отвернувшихся. Это предложение было единогласно поддержано представителями всех постоянных членов СОП. Учитывая появление первого Разрушителя и самоубийство Тайлера, два других Отвернувшихся, присутствовавших на заседании, услышали в словах председателя намек на последствия отказа.

Первым выступил Хайнс. Его план, основанный на нейрофизиологии, был еще в зачаточном состоянии, однако Отвернувшийся рассказал об оборудовании, которое ему понадобится

для продолжения исследований. Он назвал его нейронным сканером. Сканер, работающий на принципах компьютерной томографии и ядерного магнитного резонанса, сможет считывать состояние всего мозга одновременно; высокая разрешающая способность каждого сечения будет обеспечивать распознавание внутренней структуры нейронов и других клеток мозга. Несколько миллионов таких сечений будут сканироваться одновременно, и после обработки их компьютером станет возможным создание цифровой модели мозга. Но сложность аппарата не ограничивалась этими требованиями. Для создания динамической модели, способной в реальном времени регистрировать всю активность мозга на уровне отдельных нейронов, понадобится делать двадцать четыре таких объемных снимка в секунду.

Тогда можно будет проследить возникновение мыслей, записать и неоднократно просматривать весь процесс мышления.

Потом выступил Рей Диас и доложил о работах по своему плану. После пяти лет исследований удалось разработать математическую модель звезды для сверхмощной бомбы. Сейчас эту модель тщательно отлаживали.

Следующим пунктом повестки дня был отчет Научного совета при СОП. В отчете рассматривались технические возможности осуществления проектов двух Отвернувшихся.

Научный совет полагал, что проект Хайнса не столкнется с теоретическими ограничениями при постройке нейронного сканера. Однако технические сложности были на данный момент непреодолимы. Современный томограф по сравнению с нейронным сканером был бы как черно-белая кинолента по сравнению с новейшей цифровой видеокамерой высокого разрешения. Обработка данных — вот где камень преткновения, поскольку сканирование и моделирование такого сложного объекта, как человеческий мозг, требовали вычислительных ресурсов, недоступных современным компьютерам.

Проект Рея Диаса столкнется с той же проблемой — недостаточной производительностью компьютеров. Изучив объем расчетов, требуемых для уже написанной части модели звезды, совет пришел к выводу, что даже самому мощному из современных компьютеров потребуется двадцать лет, чтобы смоделировать одну сотую долю секунды процесса термоядерного синтеза. Поскольку разработчикам придется просчитывать модель

многократно, она окажется практически бесполезна.

Ведущий специалист по компьютерам Научного совета сообщил:

— В настоящее время вычислительная техника, основанная на традиционных микросхемах и архитектуре фон Неймана, приближается к своему естественному пределу. Закон Мура скоро станет недействителен. Разумеется, нам удастся выжать еще несколько последних капель лимонада из лимонов электроники и технологии. Мы считаем, что даже с учетом замедления прогресса в области высокопроизводительных компьютеров можно достичь такой мощности, какая требуется для осуществления этих двух проектов. Но на это уйдет много времени — по оптимистическим оценкам, от двадцати до тридцати лет. Если мы подойдем к этому уровню, то это будет самым совершенным компьютером человечества, и улучшить его будет очень трудно. Физические исследования заблокированы софонами, поэтому создание компьютеров нового поколения, таких как квантовые, о которых мы мечтали, теперь маловероятно.

— Мы подошли к барьеру, который софоны воздвигли на пути нашей науки, — пояснил

председатель.

— Тогда мы ничего не сможем сделать в ближайшие двадцать лет, — сказал Хайнс.

— Двадцать лет — это самый оптимистический прогноз. Вы ученый, вы должны знать, как трудно работать на переднем крае науки.

— Тогда мне остается только лечь в гибернацию и дожидаться появления достаточно производительных компьютеров, — сказал Рей Диас.

— Я тоже решил лечь в гибернацию, — присоединился к нему Хайнс.

— Раз так, тогда я попрошу вас передать привет моему преемнику через двадцать лет, — улыбнулся председатель.

В зале заседаний поднялось настроение. Присутствующие облегченно вздохнули, услышав, что двое Отвернувшихся заснут на много лет. Появление первого Разрушителя и самоубийство Отвернувшегося стали тяжелым ударом по всему проекту. В особенности поступок Тайлера показался всем вопиющей глупостью. Если бы он остался в живых, то никто точно не знал бы, в чем именно заключался его план. Он вырвался из заколдованного круга ценой своей жизни. Его смерть подтвердила подлинность столь ужасного сценария, и в международном сообществе

понемногу начал подниматься ропот против проекта «Отвернувшиеся». Общественное мнение требовало больших ограничений на власть Отвернувшихся. Но по самой природе проекта чрезмерные ограничения их власти затруднили бы стратегический обман, и тогда проект потерял бы смысл. Проекту «Отвернувшиеся» сопутствовала такая властная структура, с которой человечество до сих пор не встречалось. Всем требовалось время, чтобы приспособиться, и гибернация двоих Отвернувшихся давала это время.

Через несколько дней Рей Диас и Хайнс прибыли на секретную подземную базу и легли в гибернацию.

* * *

Ло Цзи приснился зловещий сон. Он увидел себя бродящим по залам Лувра. Он никогда раньше не видел этого сна; годы блаженства не вызывали у него потребности вспоминать радости прошедших дней. Во сне Ло Цзи чувствовал такое одиночество, какого не ощущал последние пять лет. Каждый его шаг отдавался гулким эхом в залах дворца, и каждый отзвук, казалось, уносил с собой частичку его «я». Наконец он остановил-

ся, не рискуя сделать еще один шаг. Перед ним была Мона Лиза. Она больше не улыбалась; она смотрела на него с сочувствием. Когда его шаги затихли, плеск фонтанов во дворе проник внутрь и постепенно становился все громче и громче. Тогда Ло Цзи проснулся и понял, что шум воды доносится из реального мира. Шел дождь.

Ло Цзи протянул руку, чтобы коснуться своей возлюбленной, и обнаружил, что сон был вещим.

Он не нашел Чжуан Янь рядом с собой.

Он вскочил с постели и побежал в детскую. В комнате неярко светила лампа, но Сяся там не было. На ее аккуратно заправленной кроватке лежала одна из картин Чжуан Янь, их любимая. Она была почти пустой и издали выглядела как чистый лист бумаги. Вблизи можно было рассмотреть тонкие камыши в левом нижнем углу, а в правом верхнем — очертания улетающего гуся. В центре картины виднелись две крохотные человеческие фигурки. Но теперь к картине был добавлен текст:

«Моя любовь, мы ждем тебя на пороге Судного дня».

Рано или поздно это должно было произойти. Разве может такая великолепная, волшебная

жизнь продолжаться бесконечно? «Это должно было случиться, так что не паникуй. Твоя психика к этому готова», — твердил себе Ло Цзи. И все же у него закружилась голова. Он взял картину и побрел в гостиную. Ноги его подкашивались, и ему казалось, будто он не идет, а плывет над полом.

Пустая гостиная, погруженная в полумрак, освещаемый лишь мерцающими пепельно-красными углями в камине, казалась призрачной, зыбкой, плыла, словно тающий лед. За окном не прекращался дождь. Под этот же шелестящий звук Она вышла из его мечты в реальность пять лет назад. А теперь вернулась в мечту, забрав с собой их дочь.

Ло Цзи схватился за телефон, чтобы позвонить Кенту, но тут вдруг услышал тихие шаги снаружи. Это были шаги женщины, но не Чжуан Янь. Он бросил трубку и выскочил за дверь.

Ло Цзи сразу же узнал тонкую фигуру, стоявшую на крыльце под дождем, хотя различал лишь нечеткий силуэт.

— Здравствуйте, доктор Ло, — обратилась к нему Генеральный секретарь Сэй.

— Здравствуйте… Где мои жена и дочь?

— Они ждут вас у порога Судного дня, — отве-

тила она, цитируя слова на картине.

— Почему?

— Так решил СОП, чтобы вы могли работать и исполнять свои обязанности Отвернувшегося. Им не причинят вреда; дети переносят гибернацию легче, чем взрослые.

— Вы их похитили! Это преступление!

— Мы никого не похищали.

Сердце Ло Цзи упало, когда он осознал скрытый смысл ответа Сэй. Но, не желая примириться с реальностью, он постарался вытеснить эти мысли из головы.

— Я же сказал, что их присутствие здесь — часть плана!

— СОП провел тщательное расследование и установил, что они не являются частью плана. Тогда Совет принял меры к тому, чтобы вернуть вас к работе.

— Даже если это не похищение, вы забрали моего ребенка без моего согласия. Это незаконно! — Потом он понял, кого подразумевал под словом «вы»; его сердце снова затрепетало. Он бессильно прислонился к колонне позади.

— Мы действовали в рамках допустимого. Не забывайте, доктор Ло, что и этот дом, и все прочие ресурсы, которые вам предоставлены, не подпа-

дают под имеющееся законодательство. Закон оправдывает действия ООН во время кризиса.

— Вы по-прежнему работаете на ООН?

— Да.

— Вас переизбрали?

— Да.

Он хотел сменить тему разговора, чтобы не думать о происшедшем, но не смог. «Что я буду делать без них? Что я буду делать без них?» — вопрошал он снова и снова. Наконец он произнес эти слова вслух и сполз по колонне на пол. Ему казалось, что все вокруг рушится и плавится, превращаясь в магму, — но на этот раз магма стекала прямо в его объятое огнем сердце.

— Они по-прежнему здесь, доктор Ло. Ждут вас в полной безопасности в будущем. Вы всегда трезво смотрели на вещи. Теперь вам нужно смотреть еще более трезво. Если не ради всего человечества, то хотя бы ради вашей семьи. — Сэй взирала сверху вниз на Ло Цзи, балансирующего на грани истерики.

Порыв ветра залил крыльцо дождем. Его освежающая прохлада и слова Сэй немного остудили пламя, бушующее в сердце Ло Цзи.

— Вы с самого начала собирались так поступить, правда?

— Да. Но мы решились на этот шаг только тогда, когда у нас не осталось выбора.

— Значит, она… Когда она приехала, она действительно была просто девушкой, занимающейся традиционной живописью?

— Да.

— Из Центральной академии изящных искусств?

— Да.

— Тогда была ли она…

— Она была всем тем, что вы видели. Все, что вы о ней знали, все, что делало ее *ею* — ее прошлое, ее семья, ее личность и ее разум, — было правдой.

— По-вашему, она была искренна?

— Да. Неужели вы всерьез полагаете, что она могла пять лет водить вас за нос? Она была именно такой — невинной и ласковой, как ангел. Она не притворялась ни в чем, включая ее любовь к вам; эта любовь была подлинной.

— Тогда как она могла так жестоко обманывать меня? Ни разу за все время не подать даже виду?!

— Вы просто этого не видели. Ее душа была окутана покровом меланхолии, и так было с того самого момента, когда вы встретились с ней дождливой ночью пять лет назад. Она этого не

скрывала. Меланхолия оставалась с ней все эти годы, словно постоянная фоновая музыка. Поэтому вы ничего и не замечали.

Теперь он все понял. Почему ему казалось, будто весь мир ополчился против нее и желает ей вреда? Отчего он бросился бы защищать ее даже ценой собственной жизни? Что именно коснулось самых чувствительных струн его сердца, когда он впервые увидел ее? Это была легкая грусть, скрытая в глубине ее чистых, невинных глаз, — грусть, которая, словно огонь камина, исподволь проглядывала в ее красоте. Это и в самом деле была неощутимая музыка, которая незаметно проникла в его подсознание и шаг за шагом затянула его в бездну любви.

— Значит, я не смогу их найти? — спросил он.

— Именно так. Как я уже сказала, это решение СОП.

— Тогда я отправлюсь вслед за ними в Судный день.

— Как вам будет угодно.

Ло Цзи предполагал, что ему откажут, но так же, как и в тот раз, когда он отказывался от должности Отвернувшегося, согласие последовало немедленно; между его вопросом и ответом Сэй не прошло и секунды. Тут явно дело нечисто! Он

спросил:

— С этим будут какие-то сложности?

— Нет. На этот раз все в порядке. Проект «Отвернувшиеся» вызывал разногласия в международном сообществе с самого первого дня. Большинство стран, исходя из своих собственных интересов, поддерживали одних Отвернувшихся и выступали против других; поэтому всегда нашелся бы кто-то, желающий от вас избавиться. Теперь же, когда первый Разрушитель показал себя и усилия Тайлера пошли прахом, противников и сторонников проекта стало поровну. Проект зашел в тупик. Если вы сейчас решите лечь в гибернацию до Судного дня, это будет приемлемым компромиссом для обеих сторон. Но, доктор Ло, вы и вправду намерены так поступить, в то время как человечество борется за выживание?

— Политики, такие как вы, чуть что кричат о человечестве, но я не вижу человечества. Я вижу только отдельные личности. Я один из них, я простой человек, и я не могу взвалить на себя ответственность за спасение всей планеты. Я просто хочу жить своей жизнью.

— Ладно. Но Чжуан Янь и Сяся — как раз такие «отдельные» личности. Разве вы не хотите исполнить свой долг перед ними? Даже если ваша

жена огорчила вас, я вижу, что вы ее по-прежнему любите. А ваша дочь? С того дня, когда «Хаббл II» получил неопровержимые доказательства трисолярианского вторжения, одно стало очевидно: человечество будет сражаться до последнего. Когда ваши близкие проснутся через четыреста лет, их встретят катастрофа и огонь войны. К тому времени вы уже потеряете свое положение Отвернувшегося и будете бессильны их защитить. Они лишь разделят с вами адские муки в ожидании конца света. Вы *этого* хотите? *Такой* жизни вы желаете жене и ребенку?

У Ло Цзи не нашлось ответа.

— Если даже это вас не убеждает, то представьте себе битву Судного дня через четыреста лет и выражение их глаз, когда вы встретитесь! Кого они увидят перед собой? Человека, бросившего на произвол судьбы женщину, которую любил больше всего на свете, а вместе с нею и все остальное население Земли? Человека, который не пожелал спасти всех детей мира? Человека, который даже не захотел спасти собственного ребенка? У вас достанет мужества выдержать этот взгляд?

Ло Цзи уронил голову, по-прежнему не говоря ни слова. Капли ночного дождя, падающего на траву и воду озера, звучали как бессчетные

мольбы о помощи из другого времени и пространства.

— Вы на самом деле верите, что я в состоянии что-то изменить? — спросил Ло Цзи, поднимая голову.

— Почему бы не попробовать? Из всех Отвернувшихся у вас самые высокие шансы на успех. Сегодня я приехала сказать вам почему.

— Так говорите же! Почему?

— Потому что из всех людей на Земле вы единственный, кого Трисолярис хочет убить.

Прислонившись к колонне, Ло Цзи уставился на Сэй невидящим взглядом. Он пытался вспомнить.

Сэй продолжила:

— Та авария предназначалась вам. Волей случая под машину попала ваша знакомая.

— Но это и в самом деле был несчастный случай! Автомобиль повернул, чтобы объехать две другие столкнувшиеся машины…

— Нападавшие затратили много времени и усилий, подстраивая все именно так.

— Но я был тогда самым обычным человеком, ходил без охраны. Убить меня было минутным делом. К чему такие ухищрения?

— Они хотели выдать убийство за несчастный

случай, чтобы не привлекать внимания. У них почти получилось. В тот день в городе произошла пятьдесят одна авария, пятеро погибли. Но агент, внедренный в ОЗТ, предоставил информацию, что это именно ОЗТ покушалось на вас. Самое тревожное то, что приказ пришел с Трисоляриса и был передан Эвансу софонами. На сегодняшний день это единственное заказанное ими убийство.

— Меня? Трисолярис хочет убить *меня*? Почему? — У Ло Цзи снова закружилась голова.

— Я не знаю. Теперь никто не знает. Эванс, возможно, знал, но он мертв. По-видимому, именно он и потребовал замаскировать убийство под несчастный случай, что только подкрепляет уверенность в вашей значимости.

— Значимость? — Ло Цзи покачал головой и криво улыбнулся. — Посмотрите на меня. Разве я похож на человека со сверхспособностями?

— У вас их и нет, так что даже не думайте об этом, — отрезала Сэй. — Подобные мысли лишь заведут вас на неверный путь. У вас не было сверхспособностей, когда вы раньше занимались своими исследованиями. Вы не манипулировали сверхъестественными силами, вы не демонстрировали невероятных технических навыков в

пределах известных нам законов природы. По крайней мере, такие факты нам неизвестны. То, что Эванс приказал убрать вас незаметно, также подтверждает этот вывод, поскольку доказывает: то, что можете сделать вы, могут сделать и другие люди.

— Почему же вы не сказали мне об этом?!

— Потому что опасались повлиять на эти ваши внутренние ресурсы. Мы слишком мало знаем. Поэтому решили, что будет лучше позволить событиям развиваться естественным образом.

— Однажды у меня возникло намерение поработать в области космической социологии, потому что…

В этот момент слабый голосок внутри Ло Цзи напомнил: «Ты Отвернувшийся!» Он никогда раньше не слышал этого голоса. Он также услышал еще один несуществующий звук: жужжание кружащих вокруг него софонов. Ему даже показалось, что он видит тусклые огоньки, похожие на светлячков. Впервые он повел себя как Отвернувшийся, прервал реплику на полуслове и спросил:

— Это важно?

Сэй покачала головой:

— Наверное, нет. Насколько нам известно, это

всего лишь тема исследований, над которой никто не работал, не говоря уж о результатах. Кроме того, если бы вы даже вели исследования, мы не ожидали бы от вас более ценных результатов, чем от других ученых.

— Это еще почему?

— Доктор Ло, раз уж мы говорим откровенно… По моему разумению, как ученый вы не состоялись. Вы ведете исследования не потому, что жаждете открытий, не потому, что ощущаете необходимость этой работы и ответственность за результаты, а просто ради заработка.

— Разве это не обычное явление в наши дни?

— В этом нет ничего плохого, конечно, но вы ведете себя не так, как полагается серьезному, целеустремленному ученому. Ваши изыскания были чисто утилитарными; ваши методы служили лишь вашим интересам; вы стремились к дешевым сенсациям, и вы не раз прикарманивали деньги, выделенные на исследования. По характеру вы безответственный циник, и призвание ученого вызывает у вас лишь насмешку. Нам хорошо известно, что вас не волнует судьба человеческой расы.

— И поэтому вы прибегли к самым низменным методам, чтобы вынудить меня делать то, что

вам нужно. Вы всегда презирали меня. Ведь презирали же?

— В обычной ситуации такому человеку, как вы, никогда бы не поручили столь ответственного задания. Но в данном случае есть одна существенная деталь: Трисолярис вас боится. Узнайте почему. Станьте своим собственным Разрушителем.

Сказав все, что хотела, Сэй сошла с крыльца, села в поджидающий автомобиль и растворилась во мгле дождя.

Ло Цзи долго оставался на крыльце, потеряв счет времени. Постепенно дождь прекратился и поднялся ветер. Он прогнал облака с ночного неба, и стали видны горы. Яркая полная луна залила мир серебристым светом.

Прежде чем вернуться в дом, Ло Цзи в последний раз взглянул на серебряный Сад Эдема. Его сердце воззвало к Чжуан Янь и Сяся: «Мои любимые, ждите меня у конца света».

* * *

Чжан Бэйхай стоял в гигантской тени, отбрасываемой космопланом «Высокий рубеж», и смотрел вверх на его массивный корпус. Он невольно вспомнил авианосец «Тан», уже давно

разобранный на металлолом, и даже подумал, нет ли в конструкции «Высокого рубежа» парочки стальных листов от «Тана». За тридцать с лишним посадок жар входа в атмосферу оставил свои ожоги на обшивке, и аппарат походил на строящийся «Тан». Корпус космоплана производил то же ощущение изрядного возраста, но два реактивных ускорителя под крыльями были новыми. Подобным образом ремонтировали старинные здания в Европе: свежие заплатки выделялись на фоне старых стен, напоминая посетителям о недавних работах. Если снять ускорители, то «Высокий рубеж» станет похож на старый транспортный самолет.

Космоплан был новейшей разработкой, одним из немногих прорывов в авиакосмической отрасли за последние пять лет и, вполне возможно, представителем последнего поколения космических аппаратов с химическим реактивным двигателем. Идею космоплана предложили в прошлом столетии на замену космическому челноку. Космоплан мог взлететь с аэродрома и подняться в верхние слои атмосферы как обычный самолет, а там включался реактивный двигатель и космоплан выходил на орбиту. «Высокий рубеж» был четвертым эксплуатируемым аппаратом. Мно-

жество других находились в процессе сборки. В ближайшем будущем ими воспользуются для постройки орбитального лифта.

— А я-то думал, что нам не придется полетать в космосе — не доживем, — сказал Чжан Бэйхай провожающему его Чан Вэйсы. Он и двадцать других офицеров космических сил — все служащие трех стратегических институтов — летели на «Высоком рубеже» на МКС.

— Ну есть же моряки, которые ни разу не выходили в море? — улыбаясь, ответил Чан Вэйсы.

— Есть, конечно, и довольно много. Некоторые офицеры флота стремятся оставаться на берегу. Но я не из их числа.

— Бэйхай, учти кое-что. Астронавты-военнослужащие по-прежнему считаются персоналом военно-воздушных сил. Вы будете первыми представителями космических сил, полетевшими в космос.

— Как жаль, что у нас нет никакого определенного задания.

— Ваше задание — набираться опыта. Стратег войны в космосе должен чувствовать космос. До появления космоплана это было невозможно — полет одного человека стоил десятки миллионов. Теперь это намного дешевле. Мы попробуем

послать в космос и других исследователей-стратегов; ведь мы же космические силы, в конце концов. Сегодня мы больше похожи на институт болтологии, а это никуда не годится.

Объявили посадку, и офицеры стали подниматься по трапу в корабль. Они были одеты в обычную форму, а не в скафандры, и по виду не отличались от пассажиров обыкновенного самолета. Это было еще одним признаком технического прогресса: полеты в космос понемногу становились рядовым делом. По нашивкам на униформе Чжан Бэйхай определил, что среди входящих в космоплан офицеров были служащие и других отделов.

— Да, Бэйхай, есть еще кое-что важное, — Чан Вэйсы остановил Бэйхая, уже взявшегося за свой чемоданчик. — Центральная военная комиссия изучила наш отчет об отправке политических офицеров в будущее в качестве подкрепления. Командование считает, что условия для таких действий еще не созрели.

Чжан Бэйхай прищурился, как будто смотрел против солнца, хотя они стояли в тени космоплана.

— Командующий, мне кажется, что нам стоит при планировании действий учитывать все

четыре столетия; и нам нужно четко выделять срочное и важное… Но будьте уверены, пожалуйста, что я не скажу так ни на каком официальном заседании. Уверен — наше руководство видит все.

— Руководство согласно с твоими далеко идущими предложениями и выражает тебе за них признательность. В ответе Центральной комиссии подчеркивается, что сама идея отправки подкрепления в будущее не отклонена. Исследования и планирование будут продолжены. Но сегодня еще нет подходящих условий для реализации этой программы. Я так думаю — и это мое личное мнение, разумеется, — что нам нужно больше высококвалифицированных политических офицеров, чтобы справиться с сегодняшней работой, а уже потом можно будет подумать об отправке кого-нибудь в будущее.

— Командующий, вы наверняка знаете, что означает «высококвалифицированный» в Политическом отделе космических сил и каковы самые минимальные требования. Высококвалифицированные офицеры попадаются все реже и реже.

— Но нам нужно смотреть в будущее. Если произойдет прорыв в двух ключевых технологиях

первой фазы — в космическом лифте и в управляемом термоядерном синтезе, — то положение улучшится. Есть надежда, что это случится еще при нашей жизни. Ну ладно, тебе пора.

Чжан Бэйхай отдал честь и ступил на трап. Войдя в салон, он заметил, что тот ненамного отличался от салона гражданского авиалайнера, только кресла, рассчитанные на людей в скафандрах, были шире. При первых полетах космоплана все пассажиры на всякий случай надевали скафандры. Теперь в этом не было необходимости.

Он занял место возле иллюминатора. В кресле рядом расположился, судя по костюму, какой-то гражданский. Чжан Бэйхай поприветствовал его кивком и принялся изучать сложно устроенный ремень безопасности.

Обратного отсчета не было. «Высокий рубеж» запустил атмосферные двигатели и начал рулежку. Из-за своего веса космоплану потребовалось больше времени на взлет, чем обычному самолету. Наконец он грузно оторвался от земли и направился в космос.

— Это тридцать восьмой старт космоплана «Высокий рубеж», — сообщил голос в динамиках. — Мы приступили к полету в атмосфере; он продлится около тридцати минут. Пожалуйста,

не расстегивайте ремни безопасности.

Чжан Бэйхай смотрел в иллюминатор на удаляющуюся Землю и думал о прошлом. Учась на капитана авианосца, он закончил летную школу флота и сдал экзамен на пилота-истребителя. Впервые отправившись в самостоятельный полет, он так же смотрел на удаляющуюся водную поверхность и внезапно понял, что любит небо еще больше, чем море. А теперь его тянуло дальше, за пределы неба, в космос…

Ему было предначертано судьбой летать высоко и далеко.

— Прямо как обыкновенный самолет, да?

Он повернулся, взглянул на собеседника, сидящего в кресле рядом, и наконец узнал его.

— Вы, должно быть, доктор Дин И! Я давно хотел познакомиться с вами.

— Но скоро нас поприжмет, правда, ненадолго, — продолжал Дин И, не обращая внимания на слова Чжан Бэйхая. — В первом полете я не снял очки после атмосферной фазы, и они придавили мне переносицу, как кирпич. Во втором полете я их снял, но потом наступила невесомость, и они взяли и улетели. Экипажу пришлось потрудиться, чтобы найти их в воздушном фильтре в хвосте.

— Я думал, первый раз вы летали на космиче-

ском челноке. Судя по тому, что показывали по телевизору, это было не очень комфортабельное путешествие, — улыбаясь, ответил Чжан Бэйхай.

— Нет, я говорю о космоплане. Если считать и челнок, то это мой четвертый полет. На челноке они отобрали у меня очки перед стартом.

— Зачем вы летите на станцию на этот раз? Вас только что назначили руководителем проекта управляемого термоядерного синтеза. Третья группа, если я не ошибаюсь?

В проекте были заняты четыре группы ученых. Каждая вела исследования в своем направлении.

Пристегнутый ремнем, Дин И поднял руку и наставил на Чжан Бэйхая палец.

— И что? Если я работаю над термоядерным синтезом, то мне незачем соваться в космос, да? Вы говорите совсем как те типы. Конечная цель наших исследований — двигатели для космических кораблей. Но реальная власть в аэрокосмической отрасли находится в руках производителей химических двигателей. Они твердят, что нам следует сосредоточиться на управляемых термоядерных реакциях на земле и что организация космического флота — не наше собачье дело.

— Доктор Дин, мои взгляды совпадают с ва-

шими. — Чжан Бэйхай ослабил свой ремень безопасности и наклонился поближе. — Требования космического флота нельзя удовлетворить химическими ракетами. Даже космический лифт отличается от современных методов вывода на орбиту. Но вес и влияние авиакосмической промышленности прошлого и сегодня остаются огромными. Ее сотрудники идеологически закостенели и опираются на букву закона. Если дело пойдет так и дальше, осложнений не миновать.

— Ничего нельзя сделать. За пять лет они построили вот это, по крайней мере. — Дин И обвел рукой космоплан. — И на этом они заработали политический капитал, с помощью которого выдавливают всех посторонних.

Заработали динамики в салоне:

— Внимание, мы приближаемся к высоте двадцать тысяч метров. Мы полетим в разреженной атмосфере, возможны воздушные ямы, сопровождающиеся кратковременной невесомостью. Не беспокойтесь. Повторяю: пожалуйста, не расстегивайте привязные ремни.

— Наш полет на станцию на сей раз не связан с термоядерным проектом, — сообщил Дин И. — Нам нужно вернуть на Землю ловушки космических лучей. Они дорого стоят.

— Физические эксперименты с высокими энергиями в космосе прекратили? — спросил Чжан Бэйхай, затягивая ремень безопасности.

— Прекратили. Понимание бесполезности этих работ в будущем можно считать разновидностью успеха.

— Софоны победили.

— Да. У человечества осталось не так уж много теоретического резерва: классическая физика, квантовая механика и теория струн, которая пока что в зачаточном состоянии. Как много практических технологий мы сможем из них выжать, известно лишь Провидению.

«Высокий рубеж» продолжал подъем. Его атмосферные двигатели ревели под нагрузкой, как будто взбирались на крутую гору. Но воздушные ямы не встречались. Космоплан приближался к высоте тридцать тысяч метров — потолку авиации. Посмотрев в иллюминатор, Чжан Бэйхай увидел, что синева неба блекнет и тускнеет, а солнечный свет становится более резким.

— Мы находимся на высоте тридцать одна тысяча метров. Атмосферная фаза полета завершена. Сейчас начнется космическая фаза. Пожалуйста, установите свои кресла в соответствии с иллюстрацией на экране, чтобы легче переносить

перегрузки.

Чжан Бэйхай почувствовал, как космоплан слегка поднялся, словно сбросив часть груза и став легче.

— Отделилась сборка атмосферных двигателей. Пуск космического двигателя через десять секунд, девять, восемь…

— С их точки зрения, это и есть настоящий взлет. Наслаждайтесь! — сказал Дин И и закрыл глаза.

Когда обратный отсчет дошел до нуля, раздался оглушительный рев, словно зарычало все небо. Пассажиров медленно сжал гигантский кулак перегрузки. Чжан Бэйхай с трудом повернул голову, чтобы посмотреть в иллюминатор. Он не увидел факела двигателя, но широкая полоса разреженного воздуха светилась красным. Казалось, что «Высокий рубеж» плывет сквозь закат.

Пятью минутами позже отделились ускорители. Еще через пять минут разгона отключился главный двигатель. «Высокий рубеж» вышел на орбиту.

Тяжелая рука перегрузки внезапно перестала давить, и тело Чжан Бэйхая всплыло из глубин кресла. Привязной ремень не дал ему улететь; но, по его ощущениям, он и «Высокий рубеж»

уже не были частями единого целого. Раньше их объединяла гравитация, но она исчезла. Он и космоплан теперь летели бок о бок сквозь космос. В иллюминаторе сияли самые яркие звезды, какие он когда-либо видел. Потом, когда космоплан изменил ориентацию, салон осветило солнце, и в его лучах замельтешили мириады светящихся точек — танцующие в невесомости пылинки. Космоплан медленно разворачивался, и перед Чжан Бэйхаем появилась Земля. С этой низкой орбиты он не мог увидеть планету целиком; он видел лишь ее часть, ограниченную дугой горизонта. Но контуры континентов были легко узнаваемы.

А затем в иллюминаторе появилось долгожданное небо, полное звезд. Чжан Бэйхай мысленно произнес: «Папа, я сделал первый шаг».

* * *

Пять лет генерал Фицрой чувствовал себя Отвернувшимся в прямом смысле слова. Стена, к которой он отвернулся, была огромным экраном с картой звездного неба — того его участка, где находилась система Трисоляриса. На первый взгляд экран был полностью черным, но, присмотревшись повнимательнее, можно было заметить светлые точки. Фицрой настолько

привык к виду этих звезд, что, когда на одном скучном совещании он нарисовал их по памяти, его рисунок практически совпал с фотографией. Три звезды Трисоляриса, неприметно светившие в центре, при стандартном увеличении выглядели как одна. Но каждый раз, увеличивая масштаб, генерал находил, что их взаимное расположение изменилось. Этот хаотический танец в космосе захватывал его, и он забывал, что, собственно, высматривал. Щетка, обнаруженная пять лет назад, постепенно рассеялась, а вторая еще не появилась. Флот Трисоляриса поднимал волны и оставлял видимые следы, только проходя через облака межзвездной пыли. Земные астрономы подтвердили, наблюдая за поглощением света далеких звезд, что за четыреста лет пути флот пройдет сквозь пять таких облаков. В народе их назвали «снежными заносами», по аналогии с полосками наметенного снега, на которых прохожие оставляют свои следы.

Если флот Трисоляриса поддерживал постоянное ускорение в последние пять лет, то сегодня он должен войти в область второго «снежного заноса».

Фицрой заранее прибыл в центр управления космическим телескопом «Хаббл II». Завидев его,

Ринье рассмеялся.

— Генерал, вы мне напоминаете ребенка, который жаждет еще одного подарка вскоре после Рождества.

— Разве вы не говорили, что сегодня они войдут во второй «снежный занос»?

— Это так, но трисолярианский флот продвинулся только на 0,22 светового года. Они в четырех световых годах от нас. Свет, отраженный от их следов на «снегу», дойдет до Земли только через четыре года.

— Виноват, забыл, — смутился Фицрой. — Так не терпится снова их увидеть. На этот раз мы сможем измерить их скорость и ускорение в момент прохода через облако, а это очень важно.

— Мне очень жаль. Но мы за пределами светового конуса.

— Что это такое?

— Так физики называют фигуру, которую рисует свет, распространяясь вдоль оси времени. Наблюдатель снаружи конуса не может увидеть событие, происходящее внутри. Вот подумайте: информация о бог весть скольких важных событиях, происходящих во Вселенной, прямо сейчас летит нам навстречу со скоростью света. Какая-то информация провела в пути сотни лет

или миллионы, но мы по-прежнему остаемся вне светового конуса этих событий.

— Судьба заключена внутри светового конуса…

Ринье подумал, а потом одобрительно кивнул:

— Отлично подмечено, генерал! Но софоны снаружи конуса могут следить за событиями, происходящими внутри.

— Значит, софоны изменили судьбу, — многозначительно сказал Фицрой и повернулся обратно к терминалу обработки изображений. Пять лет назад Харрис, молодой инженер, зарыдал при виде щетки. После этого он впал в такую глубокую депрессию, что не смог работать. Никто не знает, где он и что с ним теперь.

К счастью, таких, как он, было немного.

* * *

В последнее время стало быстро холодать. Выпал первый снег. Зелень постепенно исчезла, а на озере появился тонкий ледок. Природа утратила свою яркую раскраску, как цветная фотография, ставшая черно-белой. В этих краях тепло никогда не задерживалось надолго; сейчас же, когда жена и дочь покинули Ло Цзи, Сад Эдема и вовсе потерял для него свою привлекательность.

Зима была сезоном раздумий.

Когда Ло Цзи начал свои размышления, то с удивлением обнаружил, что его мозг уже какое-то время трудился над задачей. Он вспомнил совет, который ему давным-давно, еще в школе, дал учитель литературы: «На экзамене первым делом прочти последний вопрос — тему сочинения. Потом отвечай на вопросы с самого начала. Пока ты пишешь ответы, твое подсознание работает над сочинением, как параллельный процесс в компьютере». Теперь Ло Цзи понял, что его мозг приступил к решению проблемы, как только он стал Отвернувшимся, и никогда не прекращал этого занятия. Процесс проходил в подсознании, и Ло Цзи не отдавал себе в нем отчета.

Он быстро прошелся по цепочке уже готовых умозаключений.

Теперь он был убежден, что все началось со случайной встречи с Е Вэньцзе девять лет назад. Впоследствии он никому не рассказывал об этой встрече, опасаясь неприятностей на свою голову. После смерти Е Вэньцзе секрет был известен только ему и Трисолярису. В то время до Земли добрались лишь два софона, но Ло Цзи был убежден, что в тот вечер они крутились возле могилы Ян Дун и прислушивались к каждому слову.

Вибрации их квантовой структуры мгновенно преодолевали четыре световых года; это значило, что Трисолярис тоже подслушивал.

Но что же сказала Е Вэньцзе?

Генеральный секретарь Сэй ошиблась в одном рассуждении: так и не развитая Ло Цзи теория космической социологии, скорее всего, была той причиной, по которой Трисолярис хотел его убить. Еще бы, ведь Сэй не знала, что теория была предложена Е Вэньцзе. Эта идея тогда показалась Ло Цзи всего лишь шансом совместить науку и развлечение. Он и сам подыскивал именно такой шанс. Тогда, еще до Трисолярианского кризиса, исследование космического общества стало бы сенсацией, которая привлекла бы внимание многочисленных журналистов.

Брошенное исследование само по себе не было важно. Важны были указания, которые ему дала Е Вэньцзе. Вокруг них-то и вращались постоянно мысли Ло Цзи.

Снова и снова он вспоминал ее слова:

«Предположим, несметное количество цивилизаций разбросано по Вселенной — столько же, сколько существует видимых звезд. Много, очень много. Математическая структура космической социологии намного очевиднее, чем структура

социологии человеческой цивилизации.

Хаос и случайность влияют на устройство любого цивилизованного общества во Вселенной. Но расстояние ослабляет их влияние. Поэтому такие удаленные цивилизации можно рассматривать как точки отсчета, к которым относительно просто применить математические методы.

Первая аксиома: выживание является основной потребностью цивилизации. Вторая аксиома: цивилизация непрерывно растет и расширяется, но объем вещества во Вселенной остается неизменным.

И еще: чтобы из этих двух аксиом вывести базовую модель космической социологии, вам потребуются две важные концепции: цепочки подозрений и технологический взрыв… Впрочем, можете забыть все, что я сказала. В любом случае, я сделала то, что должна была сделать».

Ло Цзи многократно возвращался к этим высказываниям, разбирая каждое предложение и взвешивая каждое слово. Он нанизывал слова, как четки нанизывают на нить, и, подобно благочестивому монаху, перебирал их, рассыпал, перемешивал и нанизывал снова в другом порядке, до тех пор, пока они совсем не истерлись.

Он старался изо всех сил, но не мог найти ответа. Не мог найти причины, почему он стал единственным человеком на Земле, которого Трисолярис хочет убить.

Он бесцельно бродил вокруг, подолгу размышляя над проблемой. Ходил вдоль безжизненного берега озера; прогуливался в сильный ветер, когда становилось еще холоднее, зачастую обходя все озеро и не замечая того. Два раза он даже дошел до подножия заснеженной горы; голые камни, похожие на лунный ландшафт, были заметены снегом и сливались со снежной шапкой наверху. Только тогда, впервые за все время, в его мысли вмешались воспоминания: посреди безбрежной белизны картины, нарисованной самой природой, вдруг возникли глаза Чжуан Янь. Но он уже научился обуздывать свои чувства и становиться машиной для раздумий.

Месяц прошел незаметно, наступила настоящая зима. Но Ло Цзи продолжал размышлять на природе, оттачивая свой разум холодом.

К этому времени большинство четок-слов совсем истерлись, за исключением восемнадцати. Эти, казалось, становились тем новее, чем больше он их перебирал, и теперь испускали мягкое сияние:

Выживание является основной потребностью цивилизации.

Цивилизация постоянно растет и расширяется, но общее количество вещества во Вселенной остается неизменным.

Он сосредоточился на этих двух фразах — аксиомах космической социологии, предложенных Е Вэньцзе. Их сокровенная тайна никак ему не давалась, хотя интуиция подсказывала, что ответ кроется именно в них.

Однако высказывания были слишком просты. Как могли два очевидных правила помочь Ло Цзи и человеческой расе?

«Не отметай простоту. Простота означает надежность. Весь дворец математики возведен на таком же фундаменте бесконечно простых, но логически безукоризненных аксиом».

Уцепившись за эту идею, Ло Цзи окинул окрестности новым взглядом. Все вокруг попряталось от лютого холода зимы, и все же мир бурлил жизнью. Жизнь была в изобилии океанов, земли и неба, такого же безбрежного, как укрытые туманом моря. Но все и везде подчинялось еще более простому правилу, чем аксиомы космической цивилизации, — закону естественного отбора.

Теперь Ло Цзи понял стоящую перед ним зада-

чу. В свое время Дарвин взял мир всего живого и открыл закон, который им управляет. Ло Цзи должен был идти в обратном направлении: взять известные ему законы и вообразить мир, живущий по ним. Это было куда более сложной работой, чем та, которую проделал Дарвин.

Он стал спать днем и работать по ночам. Когда трудности его мысленного пути повергали его в страх, звезды над головой успокаивали его. Как утверждала Е Вэньцзе, расстояние скрывало сложное внутреннее устройство каждой звезды, делая их всего лишь набором точек в пространстве, который описывался математическими формулами. Для такого мыслителя, как он, это был рай. По крайней мере, Ло Цзи казалось, что мир перед ним четче и проще, чем мир Дарвина.

Но в этом простом мире таилась загадка. Галактика была огромной, безбрежной пустыней, однако цивилизация высокого уровня обнаружилась на ближайшей же звезде!

И ему удалось нащупать решение этой загадки.

Постепенно он начал задумываться о двух принципах, которые Е Вэньцзе назвала, но так и не объяснила: цепочки подозрений и технологический взрыв.

В тот день было холоднее, чем обычно. Стоя на берегу, Ло Цзи смотрел в черное небо, и ему казалось, что мороз выстраивает звезды в еще более совершенную серебристую решетку, торжественно демонстрируя ему их математическую структуру. И внезапно его мозг перешел в радикально новое состояние. В его представлении Вселенная остановилась; всякое движение прекратилось; все на свете, от звезд до атомов, оказалось в состоянии покоя. Звезды стали лишь бессчетными холодными, безразмерными точками, отражающими холодный свет внешнего мира… Все замерло в ожидании окончательного пробуждения Отвернувшегося.

Доносящийся издалека лай собаки вернул мыслителя в реальность. Вероятно, то была служебная собака охраны.

Ло Цзи был вне себя от возбуждения. Хоть он так и не достиг полного озарения, он чувствовал, что оно рядом.

Он собрался с мыслями и попытался снова войти в прежнее состояние, но не смог. Хотя звезды оставались на своих местах, окружающий мир теперь мешал ему. Было темно, однако он различал и заснеженные вершины гор, и лес, и луг, и дом у озера; а через полуоткрытую дверь

дома виднелся слабый отблеск огня в камине… По сравнению с простотой и четкостью звезд все вокруг было мешаниной и хаосом, неподвластными математике. Тогда он решил вычеркнуть окружающее из своего восприятия.

Он вышел на замерзшее озеро — сначала осторожно, но когда понял, что лед крепкий, зашагал и заскользил быстрее, пока в окружающей темноте не перестал видеть берег. Вокруг него теперь был только гладкий лед. Земной хаос отступил; представив себе, что ледяная поверхность простирается бесконечно во всех направлениях, Ло Цзи оказался в простом, плоском мире, на холодной двумерной платформе для размышлений. Заботы улетели прочь; вскоре он снова ощутил себя в том состоянии покоя, где его ждали звезды…

И тут лед под ногами Ло Цзи с треском проломился, и он провалился в воду.

В тот самый момент, когда ледяная вода покрыла Ло Цзи с головой, он увидел, как недвижимый кристалл звезд раскололся. Звездное небо завертелось в круговороте и распалось на вихрящиеся, хаотические серебряные волны. Жгучий холод, как удар молнии, прострелил туман его сознания, осветив все. Он продолжал тонуть. Вихри звезд над головой сжались в туманное пятно в

проломленной им трещине. Вокруг не осталось ничего, кроме холодной чернильной тьмы, как будто он не тонул в воде, а выпрыгнул во мрак открытого космоса.

И посреди этой мертвой, холодной темноты и одиночества Ло Цзи постиг правду Вселенной.

Он быстро поднялся к поверхности и вынырнул, кашляя и отплевываясь. Попытался выбраться на лед у кромки полыньи, но не успел выползти и наполовину, как лед обломился. Он снова и снова карабкался на лед и проваливался, постепенно проламывая себе дорогу к берегу; однако дело шло медленно, и Ло Цзи начал терять силы. Охранники, конечно, поднимут тревогу, но, может статься, слишком поздно, когда он уже утонет или умрет от переохлаждения. Он стянул с себя промокший пуховик, чтобы облегчить движения, и расстелил его на льду, решив, что так будет легче выбраться. Сил осталось только на одну попытку. Он потратил их все, но сумел выползти на лед. Он лежал, распластавшись всем телом, и на этот раз лед выдержал. Он осторожно пополз вперед, осмелившись встать на ноги только на изрядном удалении от полыньи. Тогда он увидел мерцание фонариков на берегу и услышал крики.

Он стоял на льду, и его зубы на холоде выбивали барабанную дробь. Этот холод, казалось, исходил не от озера и не от пронизывающего ледяного ветра, а напрямую из космического пространства. Он склонил голову, сознавая, что с этой минуты звезды уже не такие, какими были раньше. Он не осмеливался взглянуть вверх. Рей Диас стал бояться Солнца, а у Ло Цзи развился сильнейший страх перед звездами. Не поднимая головы и стуча зубами, он сказал себе самому:

— Отвернувшийся Ло Цзи, я твой Разрушитель.

* * *

— Ваши волосы совсем побелели за эти годы, — сказал Ло Цзи Кенту.

— Значит, седины у меня уже больше не прибавится, — смеясь, ответил Кент. В присутствии Ло Цзи он всегда носил подчеркнуто вежливую маску. Впервые Ло Цзи увидел на лице Кента такую искреннюю улыбку. В его глазах он прочел невысказанное: «Наконец-то ты начал работать!»

— Мне нужно переехать в более безопасное место, — сказал Ло Цзи.

— Конечно, доктор Ло. Какие-то конкретные пожелания?

— Никаких, кроме безопасности. Это место

должно быть абсолютно безопасным.

— Доктор, абсолютно безопасных мест не бывает, но мы подберем наилучший вариант из всех возможных. Обязан вас предупредить, что такие укрытия всегда находятся под землей. И комфорт…

— Комфорт не важен. Но я предпочел бы, чтобы оно находилось в Китае.

— Безусловно. Я немедленно этим займусь.

Когда Кент уже собирался уходить, Ло Цзи остановил его. Указывая в окно на Сад Эдема, теперь полностью укрытый снегом, он попросил:

— Скажите, как называется это место? Мне будет его не хватать.

* * *

Ло Цзи провел больше десяти часов в дороге, под плотной охраной, прежде чем достиг места назначения. Выйдя из машины, он сразу понял, где находится. Именно здесь, в просторном невысоком зале, похожем на подземный гараж, пять лет назад началась его фантастическая новая жизнь. Теперь, после пяти лет сладких грез, перемежающихся с кошмарами, он вернулся туда, откуда начал.

Его встречал Чжан Сян. Это был тот самый

молодой человек, который вместе с Ши Цяном провожал его пять лет назад. Сейчас он, заметно повзрослевший за эти годы, руководил охраной.

Лифт по-прежнему управлялся вооруженным солдатом — не тем же, что раньше, конечно, но все равно у Ло Цзи потеплело на душе. Лифт старого образца заменили новым, полностью автоматическим, не требующим лифтера. Солдат просто нажал кнопку «–10», и лифт поехал вниз.

Подземную базу недавно отремонтировали. Воздуховоды вентиляции в коридорах прикрыли фальшпотолком, стены выложили влагоустойчивой плиткой; все старые лозунги гражданской обороны исчезли.

Квартира Ло Цзи занимала весь десятый подземный этаж. В комфорте она, безусловно, уступала дому, с которым он только что расстался, но зато была оборудована всеми необходимыми средствами связи и компьютерами. В комнате совещаний была установлена система видеосвязи. Ни дать ни взять боевой командный центр.

Администратор привлек внимание Ло Цзи к выключателям в комнате, помеченным изображением солнышка. Администратор объяснил, что это «солнечные лампы» и что их нужно держать включенными не менее пяти часов в день.

Первоначально они предназначались для поддержания здоровья шахтеров, подолгу находящихся под землей. Их свет был близок к солнечному и содержал ультрафиолет.

На следующий день по просьбе Ло Цзи десятый этаж посетил астроном Альберт Ринье.

Поздоровавшись, Ло Цзи спросил:

— Это вы первым обнаружили следы трисолярианского флота?

Услышав вопрос, Ринье досадливо поморщился.

— Журналисты приписывают эту честь мне, несмотря на все мои опровержения. Открытие было сделано генералом Фицроем. Это он потребовал, чтобы мы провели наблюдения Трисоляриса во время испытаний телескопа. Если бы не он, мы могли упустить свой шанс, поскольку возмущения межзвездной пыли к тому времени уже бы рассеялись.

— Предмет нашего разговора с этим не связан. Я когда-то занимался астрономией, но неглубоко, а сейчас так и вообще отстал. Мой первый вопрос: если во Вселенной есть другой наблюдатель, кроме нас и Трисоляриса, может ли он определить местонахождение Земли?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

— Но ведь Земля и Трисолярис обменялись сообщениями!

— Связь на низких частотах может сообщить только приблизительное направление на Землю и Трисолярис внутри Млечного Пути и расстояние между двумя мирами. То есть если имеется третий наблюдатель, то наш радиообмен всего лишь скажет ему, что где-то в Млечном Пути, в рукаве Ориона, есть две планеты на расстоянии 4,22 светового года друг от друга. Наблюдатель не сможет определить точное местонахождение этих миров. Собственно говоря, определить координаты таким методом можно только между близко расположенными звездами, такими как Солнце и Альфа Центавра. Несколько более удаленный наблюдатель, даже если мы станем с ним разговаривать напрямую, наших координат не определит, так же как и мы его.

— Почему?

— Определить координаты звезды во Вселенной для другого наблюдателя не так просто, как люди это себе представляют. Вот вам аналогия. Вы летите на самолете над Сахарой. Одна песчинка внизу кричит: «Я здесь!» Вы слышите крик, но

разве вы можете с самолета определить, где она? В Млечном Пути без малого двести миллиардов звезд. Это практически пустыня из звезд.

Ло Цзи удовлетворенно кивнул.

— Я понял. Значит, вот так…

— Что так? — не понял Ринье.

Ло Цзи не ответил. Вместо этого он задал другой вопрос:

— Можно ли, используя наш современный уровень технологии, указать положение звезды во Вселенной?

— Да, при помощи узконаправленного, очень высокочастотного электромагнитного излучения. Частота его должна быть не меньше, чем у видимого света, а то и больше. Затем вы отбираете часть энергии звезды и передаете информацию. Если сказать проще, вы заставляете звезду мигать, как маяк в космосе.

— Это далеко за пределами возможностей нашей сегодняшней технологии.

— Ах, извините. Я забыл об этом условии. При нашей современной технологии будет довольно непросто указать положение звезды наблюдателю на краю Вселенной. Вообще-то способ есть, но расшифровка координат требует такого уровня технологии, который нам недоступен. Я полагаю,

что он недоступен и Трисолярису.

— Расскажите мне об этом способе.

— Передается взаимное расположение звезд. Если выбрать объем пространства в Млечном Пути с достаточным количеством звезд — наверное, хватит нескольких десятков, — то их взаимное расположение в трехмерном пространстве будет таким же уникальным, как отпечаток пальца.

— Я начинаю понимать. Мы посылаем сообщение, в котором указываем положение одной определенной звезды по отношению к соседним звездам.

Получатель сообщения сравнивает эти расстояния со своей звездной картой и определяет, о какой звезде мы говорим.

— Правильно. Но все не так просто. У получателя должна быть трехмерная модель всей Галактики, в которой были бы точно отмечены расстояния между всеми ее сотнями миллиардов звезд. Когда он примет наше сообщение, то, чтобы найти группу звезд, подходящую под наше описание, ему надо будет произвести поиск в громадной базе данных.

— Это и в самом деле нелегко. Все равно что записать взаимное положение всех песчинок в пустыне.

— Даже еще сложнее. Млечный Путь все время движется. Координаты звезд постоянно меняются. Чем больше времени пройдет между кодированием и декодированием информации, тем больше ошибка. Это значит, что база данных должна отслеживать движение каждой из ста миллиардов звезд. Теоретически это выполнимо, но практически… боже мой…

— Будет ли нам сложно передать такую информацию о расположении звезд?

— Нет, поскольку нам потребуются координаты небольшого количества звезд. Я вот сейчас прикинул: учитывая невысокую плотность звезд в наружной части рукава Галактики, хватит тридцати. Этот объем информации не так уж велик.

— Хорошо. Теперь я задам третий вопрос. За пределами Солнечной системы есть другие звезды с планетами. Вы открыли несколько сотен. Это так?

— Уже больше тысячи.

— Какая звезда из их числа, помимо Альфы Центавра, ближе всего к Солнцу?

— 244J2E1, в шестнадцати световых лет от Солнца.

— Насколько я помню, нумерация организована таким образом: первые цифры — порядок

обнаружения, буквы J, E, X означают планеты типа Юпитера, планеты земного типа и все прочие соответственно. Цифры после букв означают количество планет в системе.

— Правильно. 244J2E1 — звезда с тремя планетами. Две из них юпитерианского типа и одна земного.

Ло Цзи немного подумал, потом отрицательно покачал головой:

— Слишком близко. Как насчет чего-нибудь подальше, скажем… около пятидесяти световых лет?

— 187J3X1, в сорока девяти с половиной световых годах от Солнца.

— Эта подойдет. Вы можете закодировать ее положение?

— Конечно, могу.

— Сколько вам понадобится времени? Помощь нужна?

— Я могу этим заняться прямо здесь, если найдется компьютер, подключенный к Интернету. Вы получите координаты группы из тридцати звезд сегодня вечером.

— А который час? Разве уже не вечер?

— Доктор Ло, я бы, пожалуй, назвал это время дня утром.

Ринье пошел в компьютерную комнату по соседству, а Ло Цзи вызвал Кента и Чжан Сяна. Сначала он сообщил Кенту, что хочет, чтобы СОП как можно скорее собрался для очередных слушаний по проекту «Отвернувшиеся».

Кент ответил:

— В последнее время СОП заседает почти ежедневно. Подайте заявку, и вам наверняка придется ждать не больше пары дней.

— Тогда придется подождать. Но мне очень хотелось бы, чтобы заседание организовали как можно скорее. И у меня есть условие: я не поеду в ООН. Я буду присутствовать на слушаниях по видеосвязи.

Кент растерялся.

— Доктор Ло, вы не считаете, что это несколько неподобающе? Заседание на таком высоком, международном уровне… Это вопрос уважения к участникам…

— Это часть плана. Что получается — все мои прошлые экстравагантные требования были исполнены, а это, значит, уже чересчур?

— Но вы же понимаете… — замялся Кент.

— Я понимаю, что влияние Отвернувшегося уже не то, каким было раньше, но я настаиваю. — Ло Цзи продолжил тихим голосом, хотя и осознавал,

что кружащие рядом софоны все слышат: — Возможны два варианта развития событий. В одном случае ничего не изменилось; тогда я не прочь съездить в ООН. Но есть и другой вариант: мне угрожает опасность. В этом случае я не имею права рисковать.

Затем он обратился к Чжан Сяну:

— Вот почему я позвал к себе вас. На нас могут напасть крупными силами. Необходимо усилить охрану.

— Не беспокойтесь, доктор Ло. Мы находимся в двухстах метрах под землей. Территория наверху оцеплена, развернуты противоракетные системы, и установлена самая совершенная система предупреждения для обнаружения подкопа в любом направлении. Я гарантирую — наша охрана непреодолима.

Когда посетители ушли, Ло Цзи стал прогуливаться вдоль коридора. Его мысли непроизвольно вернулись к Саду Эдема, озеру и заснеженной вершине. Теперь он знал, как это место называется на самом деле, но внутренне продолжал называть его Садом Эдема. Он понимал, что, скорее всего, ему придется провести остаток своей жизни под землей.

Он взглянул на «солнечные лампы» на потолке

коридора. Их свет был совсем не похож на солнечный.

* * *

В виртуальном мире Трисоляриса две летящие звезды медленно плыли в звездной выси. На земле царила тьма; где-то далеко горизонт сливался с ночным небом. В сумраке звучал шепот бестелесных голосов, как будто говорившие были невидимками, парящими во тьме.

Что-то щелкнуло, и посреди тьмы вспыхнул огонек. В его слабом свете появились три лица: Цинь Шихуанди, Аристотель и фон Нейман. Огонек оказался зажигалкой в руке Аристотеля. К нему склонились несколько факелов. Аристотель зажег один, от него разожгли остальные. Дрожащее пламя осветило пустынную равнину и кучку людей, представлявших разные исторические эпохи. Собеседники продолжали перешептываться.

Цинь Шихуанди вспрыгнул на камень и поднял меч. Толпа притихла.

— Господь приказывает нам уничтожить Отвернувшегося Ло Цзи, — сообщил он.

— Мы тоже получили такое указание. Господь уже второй раз приказывает убить его, — сказал

Мо-цзы.

— Но теперь сделать это будет трудновато, — протянул кто-то.

— Трудновато? Да это невозможно!

— Если бы Эванс не добавил то условие в первый приказ, Ло Цзи уже пять лет был бы мертв!

— Вероятно, Эванс поступил правильно. Ведь мы не знаем, какими соображениями он руководствовался. На площади возле ООН Ло Цзи повезло еще раз.

Цинь Шихуанди взмахом меча прекратил дебаты:

— Не лучше ли нам обсудить, как это осуществить?

— Мы ничего не можем сделать. Как можно хотя бы подобраться к укрытию, которое находится в двухстах метрах под землей, не говоря уж о том, чтобы проникнуть внутрь? Его слишком хорошо охраняют.

— А если применить ядерное оружие?

— Это противоатомное убежище времен холодной войны, черт бы его побрал!

— Тогда надо внедрить своего человека в охрану.

— А получится? У нас было пять лет. Мы хоть раз куда-нибудь внедрились?

— Внедритесь к нему на кухню! — Это восклицание вызвало смешки.

— Хватит маяться дурью. Господу следует все нам рассказать, и тогда, может быть, мы придумаем вариант получше.

Цинь Шихуанди ответил последнему говорившему:

— Я просил Господа все рассказать, но он ответил, что это самый важный секрет во Вселенной и раскрыть его нельзя. Господь обсуждал его с Эвансом, полагая, что человечество уже знает ответ, но позже обнаружил, что это не так.

— Тогда попросите Господа дать нам технологию!

Другие голоса поддержали говорившего. Цинь Шихуанди ответил:

— Технологию я тоже попросил. И был удивлен, когда Господь, против обыкновения, не отклонил мой запрос с ходу.

В толпе поднялся шум. Однако следующие слова Цинь Шихуанди поумерили радость собравшихся:

— Но как только Господь узнал, где находится наша цель, сразу же пошел на попятный. Он пояснил, что с учетом местонахождения цели любая технология из тех, что он может нам передать,

окажется неэффективной.

— Этот человек настолько важен? — спросил фон Нейман, безуспешно пытаясь скрыть нотки зависти в голосе. Первый Разрушитель, добившийся успеха, он стал влиятельной персоной в ОЗТ.

— Господь его боится.

Заговорил Эйнштейн:

— Я долго размышлял об этом и полагаю, что Господь может опасаться Ло Цзи по единственной причине: Ло Цзи является рупором некоей силы…

Цинь Шихуанди прекратил дальнейшее обсуждение темы:

— Не будем в это лезть. Лучше давайте подумаем, как выполнить приказ Господа.

— Это невозможно.

— Это на самом деле невозможно. Задание невыполнимо!

Цинь Шихуанди позвенел мечом о камень, на котором стоял.

— Это важнейшая миссия. Господу может угрожать опасность. Кроме того, если мы выполним приказ, то авторитет организации поднимется в глазах Господа на огромную высоту! Здесь собралась мировая элита во всех областях жизни;

у нас не может не получиться. Отправляйтесь по домам, хорошенько подумайте и пришлите мне ваши предложения по другим каналам связи. Мы обязаны справиться!

Факелы один за другим погасли, и все растворилось во мраке. Но шепот продолжался.

* * *

Заседание СОП по проекту «Отвернувшиеся» удалось созвать только через две недели. После неудачи Тайлера и гибернации двух других Отвернувшихся СОП провозгласил приоритет основного плана обороны.

Ло Цзи и Кент дожидались начала заседания в комнате видеосвязи. Уже установили соединение; на большом экране был виден зал заседаний СОП. За круглым столом, памятным еще со времен Совета Безопасности, пока никого не было. Ло Цзи появился раньше всех, как бы извиняясь за присутствие по видео.

Дожидаясь начала, он беседовал с Кентом. Ло Цзи спросил, нравится ли тому здесь. Кент ответил, что в молодости три года жил в Китае, познакомился со страной еще тогда, и здесь ему хорошо. В отличие от Ло Цзи, ему не нужно было целыми днями сидеть под землей. Он уже начал

забывать китайский язык, но теперь снова разговаривал свободно.

— Похоже, вы простудились, — заметил Ло Цзи.

— Всего лишь подхватил постельный грипп, — ответил он.

— Птичий грипп? — испугавшись, переспросил Ло Цзи.

— Нет. Именно постельный грипп. Так его называют журналисты. Эпидемия началась неделю назад в соседнем городе. Он заразен, но переносится легко. Температуры нет, только насморк; у некоторых першит в горле. Пить таблетки не нужно; он проходит сам, надо только дня три полежать в постели.

— Обычно от гриппа так легко не отделаться.

— Не на этот раз. Многие из солдат и персонала в этом убежище уже заразились. Вы не заметили, что вам поменяли горничную? Она тоже подхватила этот самый грипп, но опасалась заразить вас. Меня, как вашего помощника, заменить пока невозможно.

На экране представители стран начали входить в зал. Они рассаживались за столом и тихо вели беседы, как бы не замечая присутствия Ло Цзи. Исполняющий обязанности председателя СОП

открыл заседание и сказал:

— Отвернувшийся Ло Цзи, на только что закончившейся специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН были внесены поправки в закон об Отвернувшихся. Вы с ними ознакомились?

— Да, — ответил он.

— Тогда вы должны были заметить, что закон накладывает дополнительные ограничения на расходование ресурсов Отвернувшимися и усиливает контроль. Я надеюсь, что план, который вы сегодня представите, будет соответствовать требованиям закона.

— Господин председатель, — ответил Ло Цзи, — три других Отвернувшихся уже привлекли громадные объемы ресурсов для выполнения своих планов. Несправедливо вот так ограничивать мои инициативы!

— Распределение ресурсов зависит от конкретного проекта. Вы должны знать, что планы трех других Отвернувшихся не противоречат основной оборонной стратегии. Иными словами, те исследования и разработки, которые они ведут, были бы выполнены так или иначе, даже без проекта «Отвернувшиеся». Я надеюсь, что ваша стратегическая инициатива тоже вписывается в эту схему.

— Мне очень жаль, но мой план не имеет ничего общего с оборонной стратегией Земли.

— Тогда и мне очень жаль. В соответствии с новым законом вы можете распоряжаться только весьма ограниченными ресурсами.

— Даже при старой редакции закона я не мог оперировать значительными ресурсами. Однако это не беда, господин председатель. Моя идея практически их не требует.

— Как и ваши предыдущие идеи?

Это замечание председателя вызвало смешки в аудитории.

— Даже меньше, чем они. Как я сказал, мой план практически не требует ресурсов, — невозмутимо ответил Ло Цзи.

— Тогда слушаем вас, — кивнул председатель.

— Подробности плана будут изложены доктором Альбертом Ринье, хотя я полагаю, что вы все получили соответствующий пакет документов. Вкратце: мы воспользуемся солнечным механизмом усиления радиоволн и пошлем в космос сообщение. Оно будет состоять из трех изображений и дополнительных данных, доказывающих, что сообщение носит искусственную природу. Эти изображения есть в ваших пакетах документов.

Зал заполнился шорохом бумаг — присутствующие доставали из пакетов три листа бумаги. Изображения также вывели на экран. Они были весьма нехитрыми. Каждое состояло из черных точек, разбросанных, по всей видимости, случайным образом. Все заметили, что одна точка была больше и помечена стрелкой.

— Что это? — спросил представитель США. Он, как и прочие делегаты, тщательно рассматривал изображения.

— Отвернувшийся Ло Цзи, в соответствии с основными принципами проекта «Отвернувшиеся» вы не обязаны отвечать на этот вопрос, — вставил председатель.

— Это заклинание, — объяснил Ло Цзи.

Шорох и шепотки в зале мгновенно стихли. Все присутствующие уставились в одну точку. Теперь Ло Цзи знал, где висит телевизионный экран с его изображением.

— Что? — переспросил председатель, сузив глаза.

— Он сказал, что это заклинание, — громко повторил кто-то из сидящих за круглым столом.

— Заклинание против кого?

Ло Цзи ответил:

— Против планет звезды 187J3X1. Разумеется,

оно сработает и против самой звезды.

— И что же оно сделает?

— На данный момент неизвестно. Но несомненно, что действие заклинания вызовет катастрофу.

— Хм, а какая вероятность того, что на этих планетах есть жизнь?

— Я неоднократно консультировался по этому поводу с ведущими астрономами. По данным наблюдений, на них нет жизни, — ответил Ло Цзи, сузив глаза так же, как это делал председатель. Он молился про себя: «Лишь бы они не ошиблись!»

— Как скоро после отправки заклинание сработает?

— Звезда находится примерно в пятидесяти световых годах от Солнца. Заклинание завершит работу как минимум через пятьдесят лет. Пройдет сто лет, прежде чем мы увидим результат. Опять же, это по самой скромной оценке. В действительности может потребоваться намного больше времени.

На несколько секунд в зале установилась тишина. Представитель США первым прервал молчание. Он бросил три бумажных листа с черными точками на стол:

— Превосходно. Наконец-то мы обзавелись

богом!

— Богом, прячущимся в подвале! — добавил представитель Соединенного Королевства под раскаты хохота.

— Скорее колдуном, — фыркнул представитель Японии. Эту страну никогда не допускали в Совет Безопасности, но приняли в СОП сразу же после закона о его создании.

— Доктор Ло, вам, во всяком случае, удалось придумать странный и сбивающий с толку план, — выразил свое мнение Гаранин, представитель России, который исполнял обязанности председателя несколько раз за последние пять лет.

Председатель постучал молотком, призывая к порядку.

— Отвернувшийся Ло Цзи, у меня есть к вам вопрос. Учитывая, что это заклинание, почему вы не направите его против вражеской планеты?

Ло Цзи ответил:

— Это всего лишь проверка идеи. Я применю ее в полном масштабе во время битвы Судного дня.

— Нельзя ли использовать Трисолярис как цель для испытаний?

Ло Цзи качнул головой:

— Это абсолютно невозможно. Трисолярис

слишком близко. Настолько близко, что заклинание может задеть нас самих. Поэтому я даже не рассматривал звездные системы, расположенные ближе пятидесяти световых лет от Солнца.

— Еще один, последний вопрос. Чем вы собираетесь заниматься в ближайшие сто или сколько там лет?

— Я избавлю вас от своего общества. Лягу в анабиоз. Разбудите меня, когда увидите, как заклинание подействовало на звезду 187J3X1.

* * *

Готовясь к гибернации, Ло Цзи слег с постельным гриппом. Сначала его симптомы не отличались от обычного гриппа — насморк и слабое воспаление горла. Ни он, ни окружающие не придали этому значения. Но через два дня его состояние ухудшилось, температура резко поднялась. Врач счел это необычным и отправил пробу крови в город, на анализ.

Ло Цзи провел ночь в оцепенении лихорадки. Его мучили сны, в которых звезды в ночном небе водили хороводы и танцевали, как песчинки на мембране барабана. Он даже осознавал их взаимное притяжение; только это была система не трех тел, а двухсот миллиардов — всех звезд

в Галактике! Затем кружащиеся звезды слились в один гигантский вихрь, а вихрь превратился в огромного серебристого дракона, и этот дракон с ревом начал вгрызаться в его мозг…

В четыре утра Чжан Сяна разбудил телефонный звонок. Звонили из руководства Отдела безопасности СОП. В резких выражениях от него потребовали отчет о состоянии Ло Цзи и приказали объявить на базе чрезвычайное положение. Группа экспертов уже выехала.

Как только Чжан Сян положил трубку, телефон зазвонил снова. Это был доктор с десятого уровня. Он доложил, что состояние пациента резко ухудшилось — тот сейчас в шоке. Чжан Сян поспешил к лифту.

Доктор и медсестра в панике сообщили, что у их подопечного пошла горлом кровь и он потерял сознание. Чжан Сян увидел Ло Цзи, лежащего в постели с бледным лицом и практически без признаков жизни.

Скоро прибыла группа экспертов. В ней были специалисты из китайского Центра инфекционных болезней, врачи из армейского госпиталя и целый коллектив исследователей из Академии военно-медицинских наук.

Они осмотрели Отвернувшегося. Затем эксперт

из академии отозвал Чжан Сяна с Кентом в коридор и объяснил, что происходит.

— Мы сразу обратили внимание на этот грипп. Нам показалось, что его происхождение и характеристики крайне аномальны. Теперь ясно, что это генетическое оружие, генетическая самонаводящаяся ракета.

— Самонаводящаяся ракета?

— Это генетически модифицированный вирус. Он крайне заразен, но у большинства людей вызывает только слабые симптомы простуды. Однако в вирус встроен механизм распознавания генетического кода одного конкретного человека. Как только этот человек заражается, вирус начинает выделять в кровь смертоносные яды. Теперь мы знаем, кто этот человек.

Чжан Сян и Кент переглянулись — сначала в изумлении, а потом в унынии. Чжан Сян побледнел и склонил голову:

— Готов нести полную ответственность.

Ученый в звании старшего полковника успокоил его:

— Чжан, прекратите. Против этого оружия нет защиты. Хоть мы и начали подозревать кое-какие странности с этим вирусом, нам самим это даже в голову не приходило. Идея генетического оружия

впервые появилась в прошлом веке, но никто не думал, что она когда-нибудь будет претворена в жизнь. Хотя этот вирус и неидеален, он воистину страшное орудие убийства. Нужно только внедрить его поближе к цели. Собственно, вам даже этого не требуется. Дайте вирусу свободно гулять по всей планете; обычных людей он не особо беспокоит, поэтому распространится быстро и в конце концов доберется до намеченной жертвы.

— Нет, я принимаю всю вину на себя, — упрямо повторил Чжан, прикрывая глаза рукой. — Если бы капитан Ши был с нами, этого бы не произошло. — Его рука упала; в глазах стояли слезы. — Когда он ложился в гибернацию, его последнее предупреждение было о том, против чего нет защиты. Он тогда сказал: «Сяо Чжан, на такой работе, как наша, мы должны спать с одним открытым глазом. У нас нет гарантий успеха, и бывают угрозы, от которых не убережешься».

— Что нам теперь делать? — спросил Кент.

— Вирус проник глубоко. У пациента отказали печень, сердце и дыхание на грани остановки. Современная медицина бессильна. Вводите его в анабиоз как можно скорее.

* * *

Много позже к Ло Цзи вернулась крохотная частичка сознания. Его морозило. Холод, казалось, исходил из его собственного тела и распространялся подобно свету, вымораживая весь мир. Он увидел снежно-белое пятно; в нем не было ничего, кроме бесконечной белизны. Затем в самом центре появилась черная точка. Постепенно он начал узнавать знакомые очертания — это была Чжуан Янь, держащая на руках их ребенка. Он с трудом побрел сквозь заснеженную равнину, абсолютно пустую и поэтому полностью утратившую объемность. Чжуан Янь повязала красный шарф — тот же самый, который был на ней семь лет назад, когда он впервые увидел ее. Дочка, раскрасневшаяся от мороза, махала ему ручонками и что-то кричала. Он хотел побежать к ним сквозь сугробы, но молодая мать и ребенок исчезли, будто растворившись в снегу. А потом исчез и сам Ло Цзи; снежно-белый мир сжался в тонкую серебристую полоску. Посреди безграничной тьмы это было все, что оставалось от его сознания. Полоска — нить времени, тонкая и недвижимая — простиралась бесконечно в обе стороны. Его душа, нанизанная на эту нить,

медленно ползла по ней в неведомое будущее.

Через два дня мощный поток радиоволн ушел от Земли по направлению к Солнцу. Он проник сквозь зону конвекции и достиг энергетического зеркала в зоне лучистого переноса. Там он отразился, усилился в сотни миллионов раз и со скоростью света помчал в космос заклинание Отвернувшегося Ло Цзи.

Двенадцатый год эры Кризиса
Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,18 светового года

В космосе появилась еще одна щетка — флот Трисоляриса пересек второе облако межзвездной пыли. «Хаббл II» пристально следил за облаком и поэтому сразу же обнаружил волны, порожденные движением кораблей. На этот раз они выглядели совсем не как щетка. Они скорее походили на траву, внезапно начавшую расти в черной бездне космоса. «Травинки» удлинялись чрезвычайно быстро, вырастая, можно сказать, прямо на глазах. Они были более четкими, чем девять лет назад: за эти годы флот ускорился, и

взаимодействие кораблей с пылью было легче увидеть.

— Генерал, посмотрите внимательно вот сюда. Что вы видите? — предложил Ринье Фицрою, указывая на увеличенную фотографию на экране.

— Их по-прежнему около тысячи.

— Нет, посмотрите внимательнее.

Фицрой долго рассматривал изображение. Затем он указал в середину щетки:

— Похоже, что… одна, две, три, четыре… десять щетинок длиннее, чем остальные. Они выдвинуты вперед.

— Правильно. Эти десять волн очень слабые. Их можно увидеть только после дополнительной обработки изображения.

Фицрой повернулся к Ринье. На его лице было то же самое выражение, что и десять лет назад, когда был обнаружен флот Трисоляриса.

— Доктор, значит ли это, что эти десять боевых кораблей разгоняются?

— Они все разгоняются. Эта группа быстрее прочих. Но это не боевые корабли. Количество волн увеличилось; теперь их одна тысяча десять. Анализ структуры этих дополнительных волн показывает, что объекты намного меньше, чем боевые корабли, идущие позади. Они во много

тысяч раз меньше — размером с грузовик. Но мы все равно можем видеть создаваемые ими волны, поскольку их скорость очень высока.

— Такие маленькие… Это зонды?

— Да, по-видимому, зонды.

Это оказалось еще одним шокирующим открытием «Хаббла II». Человечество встретится с трисолярианскими объектами раньше, чем ожидалось — даже если это всего лишь десять небольших зондов.

— Когда они достигнут Солнечной системы? — нервно спросил Фицрой.

— Не могу сказать наверняка. Зависит от ускорения; но они однозначно прибудут раньше, чем флот. По консервативной оценке, на полстолетия раньше. Флот, очевидно, идет с максимальным ускорением, но по какой-то причине, которой мы не понимаем, они хотят достичь Солнечной системы как можно раньше. Поэтому они запустили зонды, которые могут разгоняться еще быстрее.

— У них есть софоны; зачем им тогда зонды? — спросил один из инженеров.

Они задумались, но вскоре Ринье сказал:

— Бросьте. Нам все равно не понять.

— Нет, — возразил Фицрой, подняв руку. — Давайте-ка попробуем разобраться хотя бы в части

этой загадки. Мы сейчас смотрим на события четырехлетней давности. Вы можете вычислить точную дату, когда флот запустил зонды?

— Нам повезло, что флот запустил их на снегу… я имею в виду пыль… Это позволит нам определить дату по наблюдениям пересечений волн от зондов и волн от флота.

И Ринье назвал дату.

На мгновение Фицрой потерял дар речи; потом сел и закурил сигарету. Наконец он сообщил:

— Доктор, вы не политик. Как я не смог бы увидеть эти десять длинных щетинок в щетке, так и вы не понимаете, что эта дата — важнейший факт.

— Что такого особенного в этой дате? — недоумевал Ринье.

— В этот день четыре года назад я присутствовал на слушаниях СОП по проекту «Отвернувшиеся». На этом заседании Ло Цзи предложил воспользоваться Солнцем, чтобы отправить свое заклинание во Вселенную.

Ученые и инженеры переглянулись.

Фицрой продолжал:

— Как раз в это самое время Трисолярис прислал ОЗТ второй приказ, требуя уничтожения Ло Цзи.

— Уничтожения Ло Цзи? Он на самом деле так важен?

— А-а, вы о том, что он сначала был сентиментальным плейбоем, а потом стал строить из себя колдуна? Ну да, ну да. Мы все так думали. А вот Трисолярис думает иначе.

— Ну… а кто он, по-вашему, генерал?

— Доктор, вы верите в Бога?

Этот неожиданный вопрос на мгновение лишил Ринье дара речи.

— Бог? Сегодня это слово означает много разных понятий, несет много разных смыслов, и я не знаю, что именно вы…

— Я верю не потому, что у меня есть доказательства, а потому, что это относительно безопасно. Если Бог существует, то верить в него правильно. Если Бога нет, то я ничего не теряю.

Слова генерала вызвали у присутствующих смех.

— Вторая половина фразы неточна, — поправил Ринье. — Нам есть что терять, по крайней мере в научном плане… Даже если Бог существует — что с того? Какое он имеет отношение к тому, на что мы сейчас смотрим?

— Если Бог правда существует, то у него может быть представитель в мире смертных.

Все таращились на Фицроя почти целую вечность, прежде чем поняли смысл его слов. Тогда один из астрономов спросил:

— Генерал, о чем вы? Бог не выбрал бы своего представителя из нации атеистов.

Фицрой затушил сигарету и развел руками.

— Когда вы исключили все невозможное, то, что останется, окажется истиной, каким бы невероятным оно ни было. Вы можете предложить объяснение получше?

— Если под Богом вы подразумеваете некую высшую силу, поддерживающую порядок и справедливость во Вселенной… — размышлял вслух Ринье.

Фицрой прервал его, подняв руку, как будто верховная сила, о существовании которой они только что узнали, могла от этих слов ослабеть.

— Так верьте же, все вы. Начинайте прямо сейчас, — сказал он и перекрестился.

* * *

Испытательный пуск «Тяньти III» показывали по телевизору. Сооружение трех космических лифтов началось пять лет назад. «Тяньти I» и «Тяньти II» ввели в эксплуатацию в начале года, поэтому испытания «Тяньти III» не привлекли

большого внимания. Все орбитальные лифты строились с одиночным основным тросом, что ограничивало их возможности. Лифты с четырьмя тросами пока что находились на стадии проектирования; но даже уже построенные были огромным шагом вперед по сравнению с химическими ракетами. Если не учитывать стоимость строительства, выход на орбиту стал дешевле, чем полет на гражданском авиалайнере. Это привело к тому, что к уже видимым в ночном небе Земли объектам добавились новые — теперь там сияло множество крупных орбитальных станций.

«Тяньти III» был единственным космическим лифтом, построенным посреди океана. Его основание было закреплено на искусственном плавающем острове в Тихом океане, оснащенном ядерными электростанциями и способном самостоятельно передвигаться, благодаря чему можно было корректировать позицию лифта на экваторе. Подобный остров описал Жюль Верн, поэтому его часто называли островом Верна. На экране телевизора океана не было видно — только металлическое основание лифта в форме пирамиды и окружающий его стальной город. На нижнем конце троса установили цилиндриче-

скую грузовую кабину, сейчас готовую к старту. Трос, поднимающийся в космос, тонул в небе, становясь невидимым, потому что его диаметр составлял только шестьдесят сантиметров. Порой на тросе поблескивало заходящее солнце.

Три пожилых человека — Чжан Юаньчао и его соседи, Ян Цзиньвэнь и Мяо Фуцюань — вперились в экран телевизора. Им всем было уже за семьдесят; никто не назвал бы их развалинами, но они были определенно стары. Их тяготило вспоминать былое; им не хотелось задумываться о будущем; а поскольку с настоящим они не могли ничего поделать, то в это необычное время им оставалось лишь доживать свои дни, ни о чем не думая.

Чжан Вэймин, сын Юаньчао, ввел в комнату Яньяня, его внука. Вэймин нес в руках бумажный конверт.

— Папа, вот твоя продуктовая карточка и талоны на хлеб. — Чжан Вэймин вынул из конверта ворох разноцветных купонов и передал отцу.

— Совсем как в старые времена, — прокомментировал Ян Цзиньвэнь, наблюдая со стороны.

— Они вернулись. Старые времена всегда возвращаются, — с чувством пробормотал Чжан Юаньчао, принимая талоны.

— Это деньги? — спросил Яньянь, разглядывая кусочки бумаги.

— Это не деньги, внучок, — ответил Чжан Юаньчао, — но с сегодняшнего дня, если ты хочешь купить сверх нормы продукты из муки, скажем, хлеб или пирожное, или если хочешь покушать в ресторане, то нужно платить этими талонами вместе с деньгами.

— А вот такого в старые времена не было, — сказал Чжан Вэймин, доставая пластиковую карту с микрочипом. — Это продуктовая карточка.

— Сколько на ней?

— Я получаю двадцать один с половиной килограмм, или сорок три *цзинь*. Ты и Сяохун получаете тридцать семь *цзинь*, и Яньянь получает двадцать один *цзинь*.

— Почти столько же, сколько и тогда давали, — подсчитал старик.

— На месяц должно хватить, — добавил Ян Цзиньвэнь.

Чжан Вэймин покачал головой:

— Господин Ян, вы ведь жили в те времена. Разве вы не помните? В первое время все будет хорошо, но скоро возникнет дефицит всех продуктов, за исключением основных. Вам понадобится записываться в очередь, чтобы купить овощи и

мясо. Этого жалкого мучного рациона для пропитания не хватит!

— Да ладно! — Мяо Фуцюань беззаботно махнул рукой. — Мы прошли через то же самое несколько десятков лет назад. С голоду не помрем. Не волнуйся и давай смотри телевизор.

— Да, скоро могут появиться талоны на промышленные товары[95], — вспомнил Чжан Юаньчао. Он положил талоны и карточку на стол и повернулся к телевизору.

На экране цилиндрическая кабина поднималась по тросу. Двигаясь с большим ускорением, она быстро растворилась в вечернем небе. Троса не было видно, поэтому казалось, будто кабина поднимается сама по себе. Она могла разгоняться до пятисот километров в час, но даже с такой скоростью ей понадобится шестьдесят восемь часов, чтобы добраться до причала на геостационарной орбите. Изображение переключилось на камеру, смонтированную под кабиной. Большую часть изображения занимал трос диаметром

[95] Примечания: 95

В начале 1950-х годов в Китае ввели систему продуктовых карточек на зерно и масло. В 1961 году ее расширили, включив в нее товары от обуви и ножниц до стиральных машин и радиоприемников. В 1980-х годах, с переходом от плановой экономики к рыночной, карточная система вышла из употребления и в начале 1990-х была отменена. (*Прим. Дж. М.*)

шестьдесят сантиметров. Его полированная поверхность ничем не выдавала движение кабины; вертикальную скорость показывали лишь мелькающие на экране цифры. Уходящий вниз трос сужался и исчезал, указывая место на экваторе, далеко внизу, где находился остров Верна. Остров был теперь виден полностью, словно гигантская тарелка, висящая на конце троса.

Ян Цзиньвэнь кое-что вспомнил.

— Сейчас я покажу вам настоящую редкость, — заявил он, встал и, неловко переставляя ноги, двинулся к выходу, направляясь, по-видимому, в свою квартиру. Вскоре он вернулся с тонким листом размером с пачку сигарет и положил его на стол. Чжан Юаньчао взял листок и приглядел ся. Кусочек пленки был серым, прозрачным и легким как пушинка.

— Вот из этого материала сделан «Тяньти»! — сказал Ян Цзиньвэнь.

— Великолепно. Твой сын стащил стратегический материал из общественного сектора, — указал на листок Мяо Фуцюань.

— Это ненужный обрезок. Сын рассказал, что при сооружении «Тяньти» на орбиту подняли тысячи и тысячи тонн этого материала. Из них сделали трос, который потом спустили к земле…

Скоро путешествия в космос войдут в моду. Я уже спрашивал сына про фирмы, которые этим занимаются.

— Ты хочешь полететь в космос? — удивился Чжан Юаньчао.

— А что такого? Я слышал, что при подъеме даже нет перегрузок. Это как спальный вагон в поезде дальнего следования, — отмахнулся Мяо Фуцюань. Работы на его шахтах были давно остановлены, и его семья обеднела. Он продал свою виллу четыре года назад и переселился в квартиру. Ян Цзиньвэнь, сын которого работал над космическим лифтом, в одночасье стал самым богатым из троих приятелей, и старый Мяо ему порой завидовал.

— Я не полечу в космос, — сказал Ян Цзиньвэнь. Он оглянулся по сторонам, убедился, что Вэймин увел мальчика в другую комнату, и продолжил: — Но мои останки полетят. Эй, вы не возражаете против такой темы?

— С какой стати нам возражать? Но почему ты хочешь отправить свои останки в космос? — спросил Чжан Юаньчао.

— Вы знаете, что на конце «Тяньти» находится электромагнитная катапульта. Когда придет время, она разгонит мой гроб до третьей космиче-

ской скорости, и я улечу из Солнечной системы. Это называется похоронами в космосе. Не хочу после смерти оставаться на Земле, покоренной инопланетянами. Наверное, это разновидность эскапизма.

— А что, если инопланетян разгромят?

— Это практически невозможно. Но если так и будет, то я ничего не потеряю. Хоть на Вселенную посмотрю!

Чжан Юаньчао покачал головой:

— Вечно у вас, интеллигентов, всякие завиральные идеи. И бесполезные. Упавший лист возвращается в дерево. Меня похоронят в желтой почве планеты Земля.

— А не боишься, что трисоляриане раскопают твою могилу?

Заслышав это, Мяо Фуцюань, до того сидевший тихо, заинтересовался. Он жестом предложил собеседникам придвинуться ближе и понизил голос, как будто опасался, что его подслушают софоны:

— Не говорите никому, но мне в голову пришла идея. У меня много пустых шахт в Шаньси…

— Ты хочешь, чтобы тебя похоронили там?

— Нет, нет. У меня небольшие, открытые карьеры. Ну какая там может быть глубина? Но в паре

мест они соединяются с крупными государственными шахтами. Если пройти по их заброшенным штольням и штрекам, то можно спуститься до четырехсот метров ниже поверхности. Это достаточно глубоко для вас? А потом мы взорвем выработку. Не думаю, что трисоляриане станут там ковыряться.

— Да ну… Если земляне могут рыть так глубоко, почему трисоляриане не могут? Увидят надгробие и давай раскапывать.

Мяо Фуцюань не мог сдержать смеха, глядя на Чжан Юаньчао.

— Старина Чжан, ты поглупел?

Видя, что собеседник его не понимает, он указал на Ян Цзиньвэня. Тому наскучили разговоры, и он опять смотрел телевизор.

— Пускай тебе объяснит образованный человек.

Ян Цзиньвэнь усмехнулся:

— Лао Чжан, зачем тебе надгробие? Надгробия нужны для того, чтобы на них смотрели люди. А к тому времени людей не останется.

* * *

На всем пути к Третьему термоядерному испытательному центру Чжан Бэйхай вел машину

сквозь глубокий снег. Вблизи от Центра снег растаял, дорога раскисла, а холодный воздух стал теплым и влажным, как дуновение весны. На склонах возле дороги цвели персиковые деревья — странное явление посреди суровой зимы. Чжан Бэйхай направился к белому зданию, стоящему в долине, — входу в Центр, который большей частью располагался под землей, — и тут заметил среди деревьев какого-то человека, собирающего цветы персика. Приглядевшись, он понял, что это тот самый человек, к которому он ехал. Чжан остановил машину.

— Доктор Дин! — позвал он. Когда Дин И подошел к машине, держа в руке цветы, Чжан засмеялся и спросил: — Для кого это?

— Для меня, конечно! Они распустились от тепла термоядерной реакции. — Физик просто сиял от удовольствия, восхищенный яркими красками цветов. По-видимому, он все еще был под впечатлением от только что свершенного технологического прорыва.

— Жалко выбрасывать столько энергии на ветер. — Чжан Бэйхай вышел из машины, снял темные очки и оценил климат этой рукотворной весны. От его дыхания не шел пар; даже сквозь подошвы ботинок он чувствовал тепло, исходя-

щее от почвы.

— Нет ни денег, ни времени, чтобы построить электростанцию. Но это неважно. Теперь Земле не нужно ограничивать себя в энергии.

Чжан Бэйхай указал на цветы в руках Дин И.

— Доктор Дин, я так надеялся, что вас что-нибудь да отвлечет. Без вас этого успеха достигли бы позже.

— Без меня они достигли бы успеха даже раньше. На объекте работает больше тысячи ученых. Я просто подтолкнул их в нужном направлении. Я уже давно убедился, что метод токамака[96] — тупик. Если найти правильную методику, то успех гарантирован. А я теоретик. Я не занимаюсь экспериментами. Мои подсказки вслепую, наверное, даже замедлили исследования.

— Не могли бы вы повременить с объявлением результатов? Я говорю серьезно. К тому же это неофициальное пожелание еще и командования космических сил.

— Да как мы можем повременить? Журналюги неотрывно следят за работами во всех трех испы-

---

[96] Примечания: 96

В токамаке плазма удерживается тороидальным электромагнитным полем, создаваемым соленоидами, и током, текущим сквозь поток плазмы. Токамак был разработан советскими учеными в 1950-х годах и давал лучшие результаты, чем другие установки для работы с плазмой. (*Прим. Дж. М.*)

тательных центрах.

Чжан Бэйхай кивнул.

— Вот незадача, — вздохнул он.

— Пожалуй, я догадываюсь о причинах вашей просьбы, но все же поясните.

— Если удастся добиться управляемой термоядерной реакции, то сразу же начнется проектирование космических кораблей. Доктор, вам же известно о двух направлениях: двигатели с рабочим телом и двигатели, использующие электромагнитное излучение. Вокруг этих направлений образовались два лагеря. Аэрокосмическая промышленность поддерживает традиционную конструкцию. Космические силы настаивают на электромагнитных двигателях. Эти исследования потребуют огромных вложений. Если оба направления не смогут развиваться бок о бок, одно из них должно выйти вперед.

— Парни-термоядерщики и я сам за электромагнитный двигатель. С моей точки зрения, только он позволит нам совершать межзвездные полеты. Конечно, у аэрокосмической промышленности свои резоны. Двигатель с рабочим телом — это та же химическая ракета; только он разогревает газ не путем сжигания топлива, а за счет термоядерной реакции. Перспективы работы над таким

двигателем намного яснее и безопаснее.

— Да о какой безопасности можно рассуждать, говоря о космической войне будущего! Как вы сами сказали, двигатель с рабочим телом — это просто огромная ракета. Две трети поднимаемой ею массы приходятся на рабочее тело, и оно быстро расходуется. Такие корабли смогут летать лишь по Солнечной системе, и им при этом потребуются заправки на орбитах планет. Если мы пойдем по этому пути, то заново разыграем трагедию китайско-японской войны с Солнечной системой в роли Вэйхайвэя[97].

— Превосходное сравнение, — сказал Дин И, салютуя Чжан Бэйхаю букетиком.

— Это факт. Передняя линия обороны флота должна проходить по портам противника. Для нас это, конечно, недостижимо; но нам следует выдвинуть линию обороны хотя бы до облака Оорта. Наш флот должен быть способен к маневру для обхода и окружения противника далеко за границами Солнечной системы. Это азы войны

---

[97] Примечания: 97

Битва при Вейхайвэе стала последним крупным сражением первой китайско-японской войны. В феврале 1895 года корабли Бэйянского флота — военно-морского флота Цинской империи — в поисках спасения от наступающего флота имперской Японии встали на якорь в гавани своей базы в Вэйхайвэе, в провинции Шаньдун. Наземные японские войска захватили береговые укрепления, и китайский флот был вынужден капитулировать. (*Прим. Дж. М.*)

в космосе!

— Силы внутри аэрокосмической промышленности не монолитны, — стал рассуждать Дин И. — Старая гвардия родом из эпохи химических ракет настаивает на двигателях с рабочим телом. Но в промышленности уже появились игроки с иной специализацией. Возьмем, например, нашу термоядерную установку — ее разработчики большей частью выступают за электромагнитный двигатель. Силы сторон равны; всего лишь три или четыре человека, занимающих важные позиции, могут сместить баланс. Их мнение окажется решающим. Но эти три-четыре человека, к сожалению, из старой гвардии.

— Это важнейшее решение во всем плане. В случае ошибки мы построим не тот космический флот и потеряем столетие или два. Тогда у нас уже не останется времени на перемену курса.

— Но ведь ни вы, ни я не можем ничего изменить!

После обеда с Дин И Чжан Бэйхай пустился в обратный путь. Он отъехал совсем недалеко от Центра, а сырая почва уже покрылась мокрым снегом, сияющим белизной в свете солнца. Воздух стал холоднее, и мороз сковал сердце Чжан Бэйхая.

Чжан Бэйхай отчаянно нуждался в корабле, способном преодолеть межзвездное пространство. Все пути к этой цели были для него закрыты, кроме одного. И он пройдет этот путь до конца, невзирая на все препятствия.

* * *

Квартира коллекционера метеоритов находилась в глубине двора, отгородившегося от узкого переулка хутуна[98]. Войдя, Чжан Бэйхай обнаружил, что старую, плохо освещенную квартиру превратили в небольшой геологический музей. Вдоль каждой стены стояли застекленные витрины, внутри которых были разложены профессионально подсвеченные образцы — один непримечательный камень за другим. Хозяин, крепкий мужчина лет под пятьдесят, сидел за верстаком и изучал под лупой небольшой камешек. Заметив посетителя, он радостно поприветствовал его. Чжан Бэйхай сразу понял, что это один из тех счастливцев, у которых есть свой

[98] Примечания: 98

В городах старого Китая группы домов, расставленных по принципу сыхэюань (прямоугольные дворы-колодцы с располагающимися вокруг них жилыми помещениями), строились одна возле другой, образуя узкую улицу. Такие улочки или группы домов и называли хутунами. (*Прим. перев.*)

собственный мир любимых увлечений. Что бы ни случилось, он в любой момент может удалиться в этот мир и обрести спокойствие.

Атмосфера старины, обычная для старых зданий, напомнила Чжан Бэйхаю, что в то время, как он и его соратники ведут бой за выживание человеческой расы, большинство людей живут прежней, привычной жизнью. Это согрело и успокоило его душу.

Два громадных достижения — постройка космического лифта и прорыв в технологии управляемого термоядерного синтеза — придали всем уверенности и существенно ослабили пораженческие настроения. Но трезвомыслящие люди осознавали, что это только начало пути. Если сравнивать создание космического флота со строительством океанского, то человечество всего лишь добралось до берега моря, неся с собой инструменты. Еще не были построены даже космические верфи. Кроме изготовления корпуса корабля человечеству предстояло изобрести космическое оружие, замкнутые системы жизнеобеспечения и выстроить несколько космопортов — короче, взять небывалые технологические рубежи. Для создания одной только базовой инфраструктуры может потребоваться целое

столетие.

Помимо защиты от угрозы из космического пространства у человечества были и другие заботы. Огромные ресурсы пойдут на создание систем обороны планеты. Эти расходы отбросят качество жизни на сотню лет назад. Это значит, что грядет самый суровый вызов моральному духу человечества. Учитывая эти факты, военное командование начало готовить политработников космических сил к отправке в будущее в качестве подкрепления. Чжан Бэйхая, как разработчика программы, назначили командующим Специальным контингентом поддержки будущего. Он принял назначение и предложил, чтобы все офицеры группы, прежде чем лечь в анабиоз, не менее года обучались работе в космосе. Тогда они будут готовы к действиям сразу после пробуждения. «Кому нужны наземные крысы, боящиеся ступить в космос!» — сказал он Чан Вэйсы. Его предложение без промедления одобрили. Через месяц он сам и его первая группа в количестве тридцати человек отправились на орбиту.

— Вы солдат? — спросил коллекционер, разливая чай. Получив в ответ кивок, он продолжил: — Нынешние солдаты уже не те. Но вы особенный, я сразу заметил.

— Вы тоже когда-то были солдатом, — ответил Чжан Бэйхай.

— Вы наблюдательны. Большую часть жизни я прослужил в Картографическом бюро при Генеральном штабе.

— Как случилось, что вы заинтересовались метеоритами? — спросил Чжан Бэйхай, разглядывая обширную коллекцию.

— Больше десятилетия назад я с группой картографов поехал в Антарктиду искать метеориты под снегом. И втянулся. Метеориты прилетают из внеземного пространства, издалека, этим они и привлекательны. Когда я беру один из них в руки, мне кажется, что я ступаю на новую, чужую планету.

Чжан Бэйхай покачал головой и улыбнулся.

— Это только так кажется. Сама планета Земля состоит из спрессованной межзвездной пыли; по сути, она гигантский метеорит. Камень у нас под ногами — метеорит. Эта чайная чашка у меня в руке — метеорит. Говорят, что и вода на Земле из комет. Так что, — он поднял чашку, — даже этот чай тоже метеорит. В вашей коллекции нет ничего особенного.

Коллекционер ткнул в него пальцем и рассмеялся:

— А вы не промах! Уже начали торговаться. И все же я доверяю своим чувствам.

Хозяин не устоял перед искушением показать Чжан Бэйхаю свою коллекцию. Он даже открыл сейф и достал свою величайшую драгоценность — марсианский ахондрит[99] размером с ноготь. Указав на маленькие круглые ямки на поверхности, он объяснил, что это могут быть следы бактерий.

— Пять лет назад Роберт Хааг[100] хотел купить его; давал золотом в тысячу раз больше, чем его вес. Но я отказался продавать.

— Сколько из них вы нашли сами? — спросил Чжан Бэйхай, указывая вокруг.

— Немного. Большинство купил у частных лиц или выменял у других коллекционеров… Теперь скажите, чего вы хотите. Какой тип вам нужен?

— Ничего особенно ценного. Высокой плотности, нехрупкий и легкий в обработке.

— Понятно. Вы хотите выгравировать надпись.

Чжан кивнул:

---

[99] Примечания: 99

Ахондриты — каменные метеориты без округлых включений — хондр. По составу и структуре близки к земным базальтам. (*Прим. перев.*)

[100] Примечания: 100

Роберт Хааг — известный американский коллекционер метеоритов. (*Прим. перев.*)

— Можно и так сказать. Лучше всего, если его можно будет обработать на токарном станке.

— Тогда вам нужен железный метеорит, — определил коллекционер. Он открыл одну из витрин и вынул темный камешек размером с грецкий орех. — Вот такой. Он состоит в основном из железа и никеля, с примесями кобальта, фосфора, кремния, серы и меди. Вам нужна высокая плотность? У него восемь грамм на кубический сантиметр. Его легко обработать на токарном станке, в нем много металла.

— Хорошо. Только маловат.

Хозяин достал еще один, размером с яблоко.

— А еще больше у вас есть?

Коллекционер взглянул на него:

— Их не продают вразвес. Крупные образцы дорого стоят.

— Ладно, у вас найдутся три таких, как этот?

Коллекционер разложил три железных метеорита примерно одного размера и принялся набивать цену:

— Железные метеориты попадаются нечасто. Они составляют только пять процентов всех найденных метеоритов. Вот эти три — отличные экземпляры. Посмотрите, этот — превосходный октаэдрит. Оцените структуру поверхности в

виде насечки; она называется структурой Видманштэттена. А этот — атаксит, он богат никелем. Параллельные линии на поверхности называются линиями Ноймана. Вот этот содержит камасит, а этот — таэнит, минерал, не встречающийся на Земле. Его я нашел в пустыне с помощью металлоискателя; это было похоже на поиск иголки в стоге сена. Моя машина застряла в бархане, полуось треснула… Я тогда чудом выжил.

— Назовите вашу цену.

— На международном рынке экземпляр такого размера и класса стоит порядка двадцати долларов США за грамм. Получается шестьдесят тысяч юаней за каждый, или же сто восемьдесят тысяч за все три[101].

Чжан Бэйхай вынул телефон.

— Номер вашего счета, пожалуйста. Я переведу деньги прямо сейчас.

Коллекционер надолго замолчал. Когда Чжан Бэйхай посмотрел на него, он смущенно рассмеялся:

— Я вообще-то ожидал, что вы начнете торговаться.

— Нет. Я готов заплатить.

---

[101] Примечания: 101

Приблизительно десять тысяч долларов за каждый; всего тридцать тысяч долларов. (*Прим. Дж. М.*)

— Послушайте. Сейчас любой может полететь в космос. Цены на рынке несколько упали, даже учитывая, что найти метеорит в космосе не так легко, как на Земле. Вот эти, ну, они стоят…

Чжан Бэйхай решительно прервал продавца:

— Нет. Цена меня устраивает. Считайте, что это знак уважения к получателям моего подарка.

* * *

Чжан Бэйхай вышел из квартиры коллекционера и направился в механический цех одного из исследовательских институтов космических сил. Рабочий день уже закончился, и цех, в котором стоял современный станок с ЧПУ, был безлюден. Сначала Чжан специальной фрезой разрезал все три метеорита на цилиндры одинакового диаметра, каждый толщиной примерно с карандаш, которые затем распилил на кусочки одинаковой длины. Он работал аккуратно, стараясь не тратить материал попусту. Таким образом он изготовил тридцать шесть стержней из метеоритного железа. Закончив, он тщательно собрал все опилки, вынул фрезу из станка и вышел из цеха.

Дальнейшую работу он проделал в подвале, в тайной мастерской. Он расставил перед собой тридцать шесть пистолетных патронов калибра

7,62 мм и вытащил из них пули. Если бы это были старые патроны с латунными гильзами, такая работа потребовала бы изрядных усилий. Но два года назад Вооруженные силы перешли на безгильзовые патроны. В них пуля крепилась к пороховому заряду, и ее было несложно отделить. Затем с помощью специального клея он приклеил к каждому заряду стержень, выточенный из метеорита. Клей предназначался для ремонта корпуса космического корабля в вакууме и гарантировал прочность шва при любых экстремальных космических температурах. У Чжан Бэйхая получилось тридцать шесть патронов с пулями из метеорита.

Он зарядил четыре патрона в магазин, вставил его в пистолет и выстрелил в мешок, лежащий в углу мастерской. В небольшом закрытом помещении выстрелы прозвучали оглушительно, и в воздухе появился сильный запах сгоревшего пороха.

Чжан Бэйхай тщательно осмотрел четыре отверстия в мешке, отметив, что они были невелики. Это означало, что метеорит не раскололся при выстреле. Он открыл мешок и вынул большой кусок свежей говядины. При помощи ножа извлек засевшие в нем метеориты. Все четыре

«пули» полностью растрескались, оставив после себя лишь маленькую кучку осколков, которую он высыпал себе на ладонь. На осколках не было видно никаких следов обработки. Как раз то, что надо.

Мешок, в котором лежало мясо, был изготовлен из тех же материалов, из которых шили космические скафандры. Чтобы испытание было более реалистичным, Чжан Бэйхай сделал мешок многослойным; в нем были теплоизоляция, пластмассовые трубки и многое другое.

Он аккуратно упаковал оставшиеся тридцать два метеоритных патрона и покинул мастерскую. Ему нужно было подготовиться к полету в космос.

* * *

Чжан Бэйхай висел в космическом пространстве, в пяти километрах от станции «Желтая Река». Она имела форму кольца и, находясь в трехстах километрах над причалом космического лифта, выполняла роль противовеса. Станция была самым крупным объектом, построенным людьми в космосе. На ней могла постоянно жить и работать тысяча человек.

В радиусе пятисот километров от лифта находи-

лись и другие станции, но все они были намного меньше «Желтой Реки». На этих станциях, разбросанных в пространстве, как в давние времена вигвамы индейцев по прерии, человечество готовилось к крупномасштабному покорению космоса. Самыми большими объектами были верфи. Их только что начали строить. Со временем они станут в десять раз больше «Желтой Реки», но пока что был собран только каркас, походивший на скелет неведомого исполинского животного.

Чжан Бэйхай прилетел с «Базы № 1» — одной из малых орбитальных станций. Она плавала в космосе на удалении восемьдесят километров и была в пять раз меньше «Желтой Реки». Он, как и другие члены Специального контингента поддержки будущего, жил на этой станции уже три месяца и за это время возвращался на Землю лишь однажды.

Все эти месяцы Чжан поджидал удобного момента, и сегодня он настал. Аэрокосмические промышленники созвали рабочую встречу на высоком уровне и назначили ее на «Желтой Реке». Там будут присутствовать все три человека, которых ему нужно устранить. Как только станцию ввели в эксплуатацию, аэрокосмические магна-

ты стали с завидной регулярностью созывать на ней совещания, как бы компенсируя тот огорчительный факт, что большинству работников их сектора так и не довелось слетать в космос.

Перед выходом с «Базы № 1» Чжан Бэйхай отсоединил от скафандра модуль навигатора и оставил его в своей каюте. Теперь система наблюдения не узнает, что он покидал базу, и его действия не будут отслеживаться. При помощи реактивных двигателей в ранце скафандра он пролетел восемьдесят километров сквозь космос, прибыл в заранее выбранную им точку и принялся ждать.

Совещание уже закончилось; скоро собравшиеся выйдут наружу, чтобы сфотографироваться.

По установившейся традиции после совещания его участники надевают скафандры, выходят в космос и делают групповой фотоснимок. Для того чтобы станцию позади них было хорошо видно, люди вынуждены занять позицию между Солнцем и станцией и повернуться к Солнцу. Более того, им нужно поднять светофильтры шлемов, иначе на фотографии не будет видно лиц. Солнечный свет будет настолько ярким, что им придется зажмуриться, но даже тогда шлем сильно нагреется изнутри. Поэтому самый подхо-

дящий момент для фотографирования наступает тогда, когда Солнце восходит над горизонтом или заходит за горизонт Земли. На геостационарной орбите Солнце всходит и заходит один раз в сутки, но ночь бывает очень короткой. Чжан Бэйхай дожидался захода.

Он знал, что система наблюдения «Желтой Реки» уже обнаружила его присутствие, но был уверен — никто не обратит на это внимания. В прилегающем к станции участке космоса свободно плавали самые различные строительные материалы, как старые и ненужные, так и новые. Мусора дрейфовало еще больше. Значительная часть всех этих объектов была размером с человека. Кроме того, космический лифт и окружающие его станции поменьше напоминали крупный город с жилыми пригородами. Между ними непрерывно курсировали товары и люди. Привыкнув к космосу, рабочие стали путешествовать между станциями в одиночку. Скафандр уподобился космическому велосипеду; реактивный двигатель мог разогнать его до пятисот километров в час. Он стал самым удобным транспортным средством для перемещения в радиусе нескольких сот километров от лифта.

Но в этот самый момент, знал Чжан Бэйхай,

космос вокруг него пуст. С высоты геостационарной орбиты он обозревал весь земной шар. Он видел и Солнце, уже потянувшееся своим краем к горизонту планеты. Все остальное пространство, во всех направлениях, зияло сплошной чернотой. Россыпь звезд была лишь мелкой светящейся пылью, неспособной заполнить пустоту Вселенной. Чжан помнил, что система жизнеобеспечения его скафандра рассчитана на двенадцать часов. Прежде чем ее ресурс исчерпается, ему понадобится преодолеть восемьдесят километров до «Базы № 1», а она сейчас виднелась лишь маленькой точкой далеко позади. Впрочем, сама база тоже долго не протянет, если ее оторвать от пуповины космического лифта. Но сейчас, недвижимо вися в пустоте пространства, Чжан Бэйхай почувствовал, как рвется его связь с голубой планетой далеко внизу. Он остался один на один со Вселенной, свободный от любого из миров; его окружал лишь вакуум, и у его пути по Вселенной не было ни начала, ни конца — как и у Земли, и у Солнца, и у Млечного Пути. Он просто *был*, и ему это нравилось.

Ему даже представилось, что душа его отца разделяет эти чувства.

Солнце коснулось горизонта Земли.

Чжан Бэйхай поднял руку. В перчатке был зажат оптический прицел. Через него с расстояния в десять километров он принялся наблюдать за одним из шлюзов «Желтой Реки». Дверь шлюза, хорошо видимая на выпуклой стене станции, была закрыта.

Он посмотрел на Солнце. Светило уже наполовину зашло — казалось, будто край Земли оседлал сияющий полумесяц.

Чжан Бэйхай вновь прильнул к прицелу. На этот раз он увидел, что сигнальный огонь возле шлюза сменил цвет с красного на зеленый. Это означало, что из шлюза откачали воздух. Открылась дверь, наружу высыпали три десятка человек в белых скафандрах и тут же устремились прочь от станции. Их тени на внешней стенке «Желтой Реки» стали менее отчетливыми.

Им нужно было удалиться от станции на изрядное расстояние, чтобы все сооружение попало в кадр. Но вскоре они затормозили и начали выстраиваться для фотоснимка. К этому времени Солнце зашло на две трети; оставшееся выглядело светящимся серпом, парящим над зеркалом океанов. Одна половина зеркала была синей, другая — красно-оранжевой, а верхушку венчали полыхающие закатным светом облака, похожие

на розовый плюмаж.

Солнечный свет постепенно тускнел, и участники совещания начали поднимать светофильтры шлемов, открывая лица. Чжан Бэйхай покрутил кольцо увеличения на прицеле и быстро обнаружил нужных людей. Как он и ожидал, столь высокопоставленные персоны оказались в середине первого ряда.

Он отпустил прицел, оставив его висеть в космосе. Левой рукой повернул металлический замок правой перчатки и отсоединил ее от скафандра. Теперь на его правой руке не было ничего, кроме тонкой перчатки из ткани, и рука немедленно ощутила холод космоса. Чтобы не обморозиться, Чжан подставил ее под гаснущие лучи солнца, а потом полез в карман скафандра и достал пистолет и два магазина. Левой рукой он подхватил плавающий перед лицом оптический прицел и присоединил его к пистолету. Прицел был от винтовки, но Чжан Бэйхай переделал его, добавив магнитное крепление для пистолета.

Практически любое земное огнестрельное оружие может стрелять в космосе. Вакуум сам по себе не создает осложнений — в порохе содержится весь необходимый для выстрела кислород. Но перепад температур в космосе бывает зна-

чительным, намного превышающим обычный диапазон температур в атмосфере. Он повлияет и на оружие, и на заряды. Поэтому Чжан Бэйхай опасался надолго доставать пистолет и патроны. Все эти три месяца он неоднократно тренировался быстро извлекать пистолет, присоединять прицел и менять магазины.

Он поймал первую цель в перекрестье прицела.

В атмосфере Земли даже самая лучшая снайперская винтовка не поразит цель, удаленную на пять километров. Но в космосе на такое способен даже обычный пистолет. Пуля летит в безгравитационной среде, не подвергается влиянию внешних сил и идет по абсолютно стабильной траектории прямо к цели. За пределами атмосферы пуля сохранит начальную скорость вплоть до попадания. Гибель жертвы гарантирована.

Он нажал на спуск. Пистолет неслышно дернулся, и на конце ствола мигнуло оранжевое пламя. Чжан Бэйхай выстрелил десять раз по первой цели, быстро сменил магазин и произвел еще десять выстрелов по второй. Снова перезарядив оружие, он послал последние десять пуль в третью цель. Тридцать вспышек. Если бы кто-нибудь на станции «Желтая Река» смотрел в его

направлении, то увидел бы маленькую искорку на фоне необъятного черного неба.

Тридцать метеоритов понеслись навстречу своим жертвам. Его пистолет придавал пуле начальную скорость в 500 метров в секунду. Чтобы достичь цели, пуле понадобится примерно десять секунд. Чжан Бэйхай мог только надеяться, что за это время люди не сдвинутся с места. На то были основания — два задних ряда еще не выстроились для съемки. И даже когда все заняли свои места, фотографу потребовалось подождать, пока не рассеется дымка от двигателей скафандров. Поэтому руководству в первом ряду тоже пришлось дожидаться. Но, с другой стороны, они все дрейфовали в невесомости, так что легко могли отплыть в сторону. Тогда пули не просто прошли бы мимо — они могли попасть в невиновных.

Невиновных?.. Три приговоренных Чжан Бэйхаем к смерти человека тоже не были ни в чем виновны. Задолго до трисолярианского кризиса они вложили небольшие, по сегодняшним меркам, суммы в аэрокосмические предприятия, на которых медленно и осторожно создавали космические аппараты вплоть до самого начала космической эры. Устаревшее мышление этих людей закостенело. Их было необходимо

устранить, чтобы пришли новые и построили космические корабли для межзвездных путешествий. Смерть этих ретроградов станет их последним вкладом в дело освоения космоса.

Собственно говоря, Чжан Бэйхай нарочно послал пару пуль в сторону от намеченных жертв — чтобы поразить других людей. Хорошо бы, конечно, только ранить их, но ничего страшного, если он и убьет одного-двоих посторонних. Это ослабит возможные подозрения.

Он поднял разряженный пистолет и стал рассматривать фотографирующихся через оптический прицел. Он был готов к неудаче. Тогда он принялся бы хладнокровно подыскивать другую возможность.

Бежали секунды, и наконец появились признаки попадания. Чжан Бэй-хай не видел пробоин в скафандре, но он увидел облако белого газа. И сразу же еще большее облако белого пара вырвалось из промежутка между первым и вторым рядами. Вероятно, пуля пронзила жертву насквозь и попала в двигатель скафандра. Расчеты Чжан Бэйхая оказались верны — метеориты ничуть не потеряли в скорости, и их удар ничем не отличался от выстрела в упор. Внезапно на шлеме одной из жертв появились трещины, и стекло

покрылось туманом. Но даже сквозь запотевший лицевой щиток было видно, как шлем изнутри залило кровью. Кровь и воздух били фонтаном из пробитого метеоритом отверстия и сразу же превращались в диковинные снежинки.

Наблюдения вскоре подтвердили, что стрелок поразил пять человек, включая все три намеченные жертвы. В каждую из последних попало не меньше пяти пуль.

Сквозь стекла шлемов он видел, что все участники фотосъемки вопят от ужаса. По губам он прочел ожидаемое:

— Метеорный поток!

Все в группе включили двигатели на полную тягу и полетели к станции. За ними тянулся шлейф белого тумана. Вскоре подвергшиеся атаке скрылись внутри. Чжан Бэйхай отметил, что они унесли с собой тела тех пятерых, которых он застрелил.

Он включил двигатель и начал разгон в направлении «Базы № 1». Его сердце было таким же холодным и спокойным, как и окружавший его космос. Конечно, смерть трех магнатов аэрокосмического комплекса еще не гарантия, что проект электромагнитного двигателя станет основным. Но он сделал все, что мог. Остается

только смотреть, как теперь развернутся события. И пусть за ним из Великого Запределья неотрывно наблюдают глаза его отца — он мог теперь позволить себе передышку.

* * *

В то же самое время, когда Чжан Бэйхай возвращался на «Базу № 1», в глубине земного Интернета, посреди пустынной равнины виртуального мира «Трех тел» спешно собралась группа людей, чтобы обсудить случившееся.

— На этот раз мы получили подробный отчет от софонов, иначе не поверили бы, что он решился на такое, — сказал Цинь Шихуанди, беспокойно поигрывая мечом. — Посмотрите только, что он натворил, и сравните с нашими тремя покушениями на Ло Цзи. — Он вздохнул. — Порой мы чересчур церемонимся. Нам бы такого — циничного и хладнокровного.

— Мы что, так и позволим ему гулять безнаказанным? — спросил Эйнштейн.

— Согласно пожеланию Господа, ничего иного нам не остается. Этот человек — непоколебимый упрямец и триумфалист. Господь не желает, чтобы мы без нужды вмешивались в дела таких людей. Нам следует сосредоточиться на эскапиз-

ме. Господь считает, что пораженчество опаснее, чем триумфализм, — пояснил Ньютон.

— Мы не можем полностью полагаться на стратегию Господа, если собираемся ревностно служить ему. В конце концов, мнение Господа в этих вопросах не мудрее, чем мнение ребенка, — возразил Мо-цзы.

Цинь Шихуанди звякнул мечом о землю.

— Тем не менее в данном случае верным решением будет именно невмешательство. Пускай они сосредоточатся на разработке электромагнитного двигателя. Физика по-прежнему под замком софонов, а без нее такой двигатель никогда не построить. Этот проект окажется бездонной дырой; человечество истратит на него все время и все деньги, но так ничего и не добьется.

— С этим мы все согласны. Но я считаю, что этот человек — ключевая фигура. Он опасен, — изложил свое мнение фон Нейман.

— Именно! — закивал Аристотель. — Мы думали, он всего лишь солдат. Но разве он ведет себя как солдат, послушно исполняющий приказы?

— Он и в самом деле опасен. Его вера непоколебима, он смотрит далеко вперед, он спокоен и жесток, и он действует с холодной решительностью. В обычной обстановке он точен и серьезен,

а при необходимости выходит за рамки правил и действует на свой страх и риск, — произнес Конфуций и вздохнул. — Как уже сказал Первый Император, нам бы такого человека!

— С ним можно легко покончить. Достаточно обнародовать его преступление, — предложил Ньютон.

— Не так все просто! — махнул на него рукавом Цинь Шихуанди. — И это ваша вина! Вы уже несколько лет пытаетесь сеять раздор в космических силах и в ООН при помощи информации, собираемой софонами, и что из всего этого вышло? Те, кого вы разоблачили, стали героями, а сам факт появления компромата воспринимается как знак верности Земле!

— И кроме того, у нас нет надежных доказательств, — подтвердил Мо-цзы. — Он продумал весь свой план самым тщательным образом. Пули рассыпались в песок при ударе; при вскрытии из тел извлекут лишь подлинные метеориты. Все подумают, что люди попали в метеорный поток. Правда настолько необычна, что в нее никто не поверит.

— Хорошо, что он отправляется в будущее. Хоть какое-то время не будет нам мешать.

Эйнштейн тяжело вздохнул:

— Вот и он уходит в будущее. Все уже на пути туда. Кому-то из нас тоже стоит лечь в анабиоз.

* * *

Хоть они и сказали друг другу «быть может, еще встретимся», каждый в глубине души понимал, что это прощание навсегда.

Специальный контингент поддержки будущего вылетал в центр гибернации. Чан Вэйсы и другие высокопоставленные чины космических сил приехали в аэропорт, чтобы проводить их. Чан Вэйсы передал Чжан Бэйхаю письмо.

— Это письмо для моего преемника. В нем я представляю тебя и всячески рекомендую перед будущим командованием. Вы проснетесь не ранее чем через пятьдесят лет, а скорее всего, позже. Вам предстоит работать в сложных условиях. Сначала придется освоиться в будущем, сохраняя при этом воинский дух нашей эпохи. Не забывайте нашего сегодняшнего опыта работы; на месте оцените, какие из методов устарели, а какие достойны применения. Может быть, этот опыт станет вашим главным преимуществом.

— Командующий, впервые в жизни сегодня сожалею, что я атеист. Иначе надеялся бы снова встретиться с вами в ином месте и в иное вре-

мя, — признался Чжан Бэйхай.

Такое выражение чувств, исходящее от хладнокровного и практичного человека, удивило Чан Вэйсы. Но эти слова отозвались в душе всех присутствующих. Будучи солдатами, они, разумеется, не подали виду.

— Я рад, что нам посчастливилось работать вместе. Передай привет от нас нашим будущим коллегам, — ответил Чан Вэйсы.

Офицеры контингента поддержки отдали честь и взошли на борт самолета.

Чан Вэйсы не сводил глаз с Чжан Бэйхая. От генерала уходил замечательный солдат, и вполне может статься, что он никогда не встретит другого такого. Откуда Чжан черпал свою непоколебимую веру в победу? Этот вопрос все время таился в глубине сознания Чан Вэйсы. Порой он даже завидовал Чжан Бэйхаю. Такая уверенность в победе — удача для любого солдата. В битве Судного дня подобных счастливцев будет немного. Когда высокая фигура Чжан Бэйхая скрылась в двери самолета, Чан Вэйсы признался себе, что он так и не сумел понять своего подчиненного.

Самолет взлетел и вскоре растворился в мутном небе, унося в себе тех, кто, быть может, узнает, выживет человечество или нет. Стоял

пасмурный зимний день; солнце вяло светило сквозь пелену серых облаков, и холодный ветер насквозь продувал пустое здание аэровокзала. Казалось, будто воздух никогда больше не потеплеет, будто весна никогда больше не придет. Чан Вэйсы поднял воротник армейской шинели. Сегодня ему исполнилось пятьдесят четыре. В этом тоскливом зимнем ветре ему почудилось предзнаменование конца его собственной жизни и гибели всей человеческой расы.

Двадцатый год эры Кризиса
Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 4,15 светового года

Рея Диаса и Хайнса вывели из гибернации одновременно. Появилась технология, которой они дожидались.

— Так скоро?! — удивились оба, узнав, что прошло лишь восемь лет[102].

Им объяснили, что благодаря беспрецедентным инвестициям в последние годы технологии

[102] Примечания: 102

Авторский анахронизм. В действительности оба легли в анабиоз ок. 12 лет назад, на восьмом году эры Кризиса. (*Прим. перев.*)

развивались с поразительной быстротой. Впрочем, оснований для особого оптимизма не было; просто человечество сделало последний рывок к барьеру, воздвигнутому софонами. Развивалась только технология. Фундаментальные науки стояли на месте, как лужа затхлой воды, и эта лужа быстро пересыхала. Скоро технический прогресс замедлится, а потом остановится совсем. Никто, правда, пока не знал, когда именно это случится.

* * *

На плохо слушающихся после долгого сна ногах Хайнс вошел в здание, похожее на крытый стадион. Внутри стоял белый туман, но Хайнс не ощутил сырости. Он недоумевал, что же это такое. Туман светился мягким лунным светом. На уровне головы туман был редким, но выше сгущался настолько, что крышу здания было не разглядеть. Сквозь него он увидел вдали тонкую фигурку и немедленно узнал жену. Он побежал к ней; поначалу это походило на погоню за призраком, но в конце концов они встретились и обнялись.

— Извини, дорогой. Я постарела на восемь лет, — призналась Кейко Ямасуки.

— Ты все равно на год моложе меня, — ответил

он, рассматривая жену. Он не увидел следов, оставленных временем, но в этой лунно-белой мгле она выглядела бледной и слабой. Он вспомнил о той ночи в бамбуковой роще в их доме в Японии. — Разве мы не решили, что ты ляжешь в гибернацию через два года после меня? Почему ты ждала все эти годы?

— Хотела подготовиться к продолжению наших исследований после пробуждения, но работы было так много… — ответила она, смахивая со лба прядь волос.

— Трудно было?

— Очень. Вскоре после того, как ты заснул, дали старт сразу шести проектам суперкомпьютеров нового поколения. Три из них строились по традиционной схеме, один — не по фон Нейману, один квантовый и один биомолекулярный. Через два года ведущие разработчики сообщили мне, что желательной производительности достичь не удастся. Проект квантового компьютера остановили первым — для него уже не оставалось теоретической базы, поскольку физики уперлись в барьер софонов. Потом прекратили работы по биомолекулярному компьютеру — сказали, что это пустые мечты. Третьим закрыли проект не-фонНеймановской архитектуры. По сути дела,

его структура имитировала мозг человека, но они сказали, что это бесформенное яйцо, из которого никогда не вылупится цыпленок. Три проекта с традиционной архитектурой продолжаются до сих пор. Но и там долгое время не было прогресса.

— Вот как… Мне следовало оставаться с тобой все эти годы.

— Это было бы бессмысленно. Ты бы без всякой пользы потратил восемь лет. Только в последнее время, когда мы уже потеряли надежду, нам пришла в голову совершенно безумная идея моделирования человеческого мозга почти что варварским способом.

— И каким же это?

— Мы решили применить микропроцессор для моделирования одного нейрона, а потом дать возможность всем микропроцессорам сообщаться друг с другом и самим динамически устанавливать и разрушать такие связи.

Хайнс поразмыслил над услышанным и понял смысл ее слов:

— Да ведь это означает изготовить сто миллиардов микропроцессоров!

Она кивнула.

— Но это… это практически столько же, сколько

их сделали за всю предшествующую историю человечества!

— Я не подсчитывала, но, наверное, еще больше.

— Даже если бы вы изготовили так много микросхем, сколько времени понадобилось бы, чтобы их соединить?

Кейко Ямасуки устало улыбнулась:

— Я поняла, что это невозможно. Во мне просто говорило отчаяние. Тогда мы хорошенько подумали и изготовили так много, сколько смогли. — Она обвела рукой. — Все это — одна из тридцати запланированных сборочных площадок виртуального мозга. Построена, правда, только одна, вот эта.

— Я и в самом деле должен был оставаться с тобой, — взволнованно повторил Хайнс.

— К счастью, у нас все-таки получился компьютер, который мы хотели. Его производительность в десять тысяч раз превышает типичную для того времени, когда ты погрузился в анабиоз.

— Традиционная архитектура?

— Да, традиционная архитектура. Мы выжали еще несколько капель из закона Мура. Мы ошеломили ученых-компьютерщиков, — но на сей раз, мой милый, дорога вперед закрыта.

«Второго такого нам не построить никогда. Права на ошибку у нас нет», — понял Хайнс, но вслух ничего не сказал.

— Как только появился этот компьютер, работа над нейронным сканером пошла намного быстрее… — И тут Кейко внезапно спросила: — Дорогой, ты представляешь себе, как выглядит сто миллиардов? — Когда он отрицательно покачал головой, она улыбнулась и развела руками. — Тогда посмотри вокруг. Вот сто миллиардов.

— Что? — Не находя слов, Хайнс стал вглядываться в белый туман вокруг.

— Мы находимся в центре голографического проектора этого компьютера, — пояснила она, нажимая кнопки на кулоне, висящем на шее. Он решил, что это аналог компьютерной мыши.

Кейко продолжала работать с кулоном, и Хайнс увидел, что туман стал меняться. Он сгустился, показывая небольшую область в увеличенном масштабе. Хайнс заметил, что туман состоит из бесчисленного количества микроскопических светящихся пылинок, причем пылинки сами испускали свет, похожий на лунный, а не отражали лучи от наружного источника. Масштаб продолжал увеличиваться, и пылинки превратились в звезды. Но это было не земное небо — Хайнсу ка-

залось, будто он стоит в самом центре Млечного Пути, где звезд намного больше и где не бывает темноты.

— Каждая из этих звезд — нейрон, — пояснила Кейко. Их с Хайнсом тела серебристо мерцали в свете ста миллиардов звезд.

Масштаб голограммы продолжал расти. Стали видны бесчисленные тончайшие паутинки, отходящие от каждой звезды и образующие сложные соединения. Звездное небо исчезло; вместо него Хайнс оказался внутри бесконечно большой трехмерной решетки.

Изображение опять увеличилось. Теперь каждая звезда выглядела знакомо — как нейроны и синапсы под электронным микроскопом.

Кейко нажала кнопку на кулоне, и изображение вернулось к масштабу белого тумана.

— Вот так выглядит структура мозга, записанная нейронным сканером, одновременно считывавшим три миллиона сечений. Конечно, то, на что мы смотрим сейчас, — это обработанные данные. Для удобства наблюдений мы увеличили расстояние между нейронами на четыре или пять порядков. Может показаться, что мы превратили мозг в газ. Но сохранена вся топология соединений. Давай теперь взглянем

на него в динамике…

Туман забурлил, в нем появились сверкающие огоньки, как будто кто-то взял щепотку пороха и бросил в костер. Кейко увеличила масштаб до размеров звездного неба, и Хайнс увидел бушующий прилив в этом океане звезд. Возмущения зарождались повсюду и выглядели по-разному: одни были похожи на реки, другие — на водовороты, а иные — на шторм. Все они постоянно менялись, и возникала ошеломительная картина самоорганизации внутри безумного хаоса. Кейко еще прибавила увеличения, и Хайнс увидел миллионы нервных сигналов, трудолюбиво передающих сообщения сквозь тонкие синапсы. Сообщения выглядели как мерцающие жемчужины в сложной системе труб.

— Чей это мозг? — в восхищении спросил он.

— Мой, — ответила она, с любовью глядя на Хайнса. — Когда записывали это изображение, я думала о тебе.

* * *

Когда загорится зеленый огонь, вы увидите набор из шести утверждений. Если утверждение верно, нажмите правую кнопку. Если утверждение ложно, нажмите левую кнопку.

Утверждение 1: уголь черный.

Утверждение 2: 1 + 1 = 2.

Утверждение 3: зимой холоднее, чем летом.

Утверждение 4: мужчины, как правило, ниже женщин.

Утверждение 5: прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками.

Утверждение 6: Луна ярче, чем Солнце.

Одна за другой фразы появлялись на небольшом экране перед испытуемым. Каждое утверждение высвечивалось четыре секунды; испытуемый нажимал левую или правую кнопку в соответствии со своим ответом. На его голову был надет металлический шлем — считывающий модуль нейронного сканера. Позднее компьютер обработает запись эксперимента, создаст голографическую картину и динамическую модель нейронной сети.

Это была начальная фаза исследований Хайнса. Испытуемому предлагались лишь простейшие вопросы, на которые имелись краткие и очевидные ответы. Распознать реакцию мозга на такие вопросы было несложно. С этого шага начиналось более глубокое изучение природы мысли.

У групп, возглавляемых Хайнсом и Ямасуки, начали появляться результаты. Они установили,

что критическое мышление не сосредоточено в какой-то одной зоне мозга, но опирается на определенный метод передачи нервных импульсов. С помощью мощнейшего компьютера удалось смоделировать этот метод и распознавать его в огромной нейронной сети. Способ распознавания был весьма похож на тот, что астроном Ринье предложил Ло Цзи для указания нужной звезды. В отличие от проекций узора звезд, узор во вселенной мозга существовал лишь краткое мгновение и обнаруживался лишь с помощью математики. Это было так же сложно, как найти небольшой водоворот в безбрежном океане, и на много порядков труднее, чем найти звезду в галактике. Такую задачу можно было решить только на этом вновь созданном компьютере.

Хайнс и Кейко прогуливались по туманной карте мозга внутри голографического проектора. Каждый раз, когда в мозгу испытуемого обнаруживалось ядро критического мышления, компьютер подсвечивал его вспышками красного цвета. Так было запрограммировано просто для красоты, потому что для работы эта подсветка не требовалась. Исследования внутренней структуры нервного импульса велись возле таких ядер — именно там скрывалась тайна разума.

И в этот момент вошел старший медик программы и сообщил, что у испытуемого № 104 возникли осложнения.

Для считывания множества слоев одновременно первый образец нейронного сканера использовал излучение такой мощности, что оно было смертельно для всех форм жизни. Но постепенно аппарат доработали, и теперь его излучение находилось в допустимых пределах, если не сканировать слишком долго. Многочисленные проверки подтвердили, что при умеренном режиме работы нейронный сканер не мог никому повредить.

— У него развилась водобоязнь, — продолжил медик по пути в медицинский центр.

От изумления Хайнс с Кейко остановились. Хайнс воззрился на доктора:

— Водобоязнь? Его что, покусала бешеная собака?

Медик поднял руку, пытаясь привести мысли в порядок.

— Нет, извините. Я неточно выразился. Он ничем не болен; у него не повреждены ни мозг, ни другие органы. Он просто боится воды, как больной бешенством. Он отказывается пить и даже не ест жидкую пищу. Это чисто психологический

эффект. Он убежден, что вода ядовита.

— Бред преследования? — спросила Кейко.

Доктор замахал руками:

— Нет, нет! Он не думает, что кто-то отравил воду. Он просто уверен, что вода ядовита сама по себе.

И снова Хайнс и Кейко остановились в недоумении. Медик беспомощно покачал головой:

— Но психологически он совершенно нормален во всех прочих отношениях… Я не могу этого объяснить. Вам нужно увидеть самим.

Испытуемый № 104 был добровольцем, студентом, пришедшим заработать немного денег. У двери в палату доктор сказал:

— Он не пьет уже два дня. Если так пойдет и дальше, ему грозит обезвоживание, и нам придется поить его принудительно. — Стоя в дверях, врач указал на микроволновую печку: — Видите? Он требует полностью высушивать хлеб и любую другую пищу, прежде чем он будет их есть.

Хайнс с женой вошли в палату. Испытуемый № 104 испуганно глядел на них. У него потрескались губы и растрепались волосы, но в остальном он выглядел совершенно нормально. Он потянул Хайнса за рукав:

— Доктор Хайнс, они хотят моей смерти. Я не

понимаю почему. — Он указал пальцем на стакан с водой, стоящий на тумбочке возле кровати. — Они хотят, чтобы я пил воду.

Хайнс посмотрел на стакан. Тот был полон чистой воды. Совершенно ясно — у пациента нет водобоязни, иначе он бы трясся от ужаса, лишь увидев воду. Звук льющейся воды свел бы его с ума. Порой больные бешенством ощущают сильнейший страх, даже когда в их присутствии просто говорят о воде.

— Судя по глазам и речи, его психологическое состояние в норме, — по-японски сказала Кейко. У нее была ученая степень психолога.

— Вы и в самом деле верите, что вода ядовита? — спросил Хайнс.

— Что за вопрос? Это так же истинно, как то, что солнце светит, а в воздухе есть кислород. Вы же не станете спорить с основами?

Хайнс положил руку на плечо пациента:

— Молодой человек, жизнь зародилась в воде и не может без нее существовать. Ваше тело на семьдесят процентов состоит из воды.

Глаза испытуемого № 104 потускнели, и он присел на кровать, обхватив голову руками.

— Тоже верно, и потому-то мне так не по себе. Это самое невероятное во всем мире!

— Ну что ж, ознакомимся с журналом эксперимента, проведенного над нашим подопечным? — предложил доктору Хайнс, выйдя из палаты.

Когда они вошли в кабинет медика, Кейко предложила:

— Давайте первым делом посмотрим на заданные ему вопросы.

На экране один за другим стали появляться фразы:

Утверждение 1: у кошек три лапы.

Утверждение 2: камни — не живые существа.

Утверждение 3: Солнце имеет форму треугольника.

Утверждение 4: железо тяжелее, чем пух того же объема.

Утверждение 5: вода ядовита.

— Остановите, — попросил Хайнс, указывая на пункт № 5.

— Он ответил «ложно». — Старший медик уже проверил результаты.

— Проверьте все параметры и режимы работы аппаратуры после его ответа на вопрос номер пять.

Запись эксперимента показала, что после ответа испытуемого на пятый вопрос нейронный

сканер повысил точность сканирования обнаруженного ядра критического мышления. Чтобы поднять разрешающую способность, мощность излучения и сила магнитного поля вокруг этого небольшого участка мозга были увеличены. Хайнс и Кейко тщательно изучили выведенную на экран подробную запись эксперимента.

— Проводили ли подобное усиленное сканирование других испытуемых и с другими вопросами? — спросил Хайнс.

Старший медик ответил сразу:

— Такое усиленное сканирование нам не очень понравилось. Поэтому мы его отменили после четырех сеансов, опасаясь чрезмерной радиации. В предыдущих трех сеансах… — он посмотрел на экран компьютера, — …мы задавали безобидные, истинные утверждения.

— Следует установить точно такие же параметры сканирования и повторить эксперимент с вопросом номер пять.

— Но… кто будет испытуемым? — в замешательстве спросил медик.

— Им буду я, — ответил Хайнс.

* * *

Вода ядовита.

Утверждение № 5 — черные буквы на белом фоне — появилось на экране. Хайнс нажал левую кнопку «ложно». Он не почувствовал ничего, кроме легкого тепла в затылке, вызванного усиленным сканированием.

Он вышел из лаборатории нейронного сканирования и сел за стол. За ним наблюдала целая толпа народу, включая и Кейко. На столе стоял стакан с чистой, прозрачной водой. Хайнс поднял стакан, медленно поднес к губам и отпил. Его движения были размеренными, на лице — выражение полного спокойствия. Присутствующие издали было вздох облегчения, но заметили, что его гортань неподвижна и что он не глотает воду. Мышцы лица Хайнса окаменели, а затем слегка дернулись. В его глазах появился тот же самый страх, который они видели в глазах испытуемого № 104, — как будто его воля боролась с некоей мощной безымянной силой. Наконец он выплюнул воду и упал на колени в приступе рвоты, но его так и не стошнило. Лицо его покраснело. Кейко обняла мужа и похлопала по спине.

Хайнс вскоре пришел в себя и протянул руку.

— Дайте мне салфетку, пожалуйста, — попросил он. Получив салфетку, он тщательно вытер капли воды, попавшие на его ботинки.

— Дорогой, ты и в самом деле веришь, что вода ядовита? — со слезами на глазах спросила Кейко. Готовясь к эксперименту, она неоднократно просила Хайнса поменять вопрос на другой — тоже ложный, но более безобидный. Он отказал.

— Да, верю. — Он кивнул и с потерянным видом посмотрел на собравшуюся толпу. — Я верю. Я на самом деле верю.

— Позволь мне повторить твои же слова, — сказала Кейко, кладя руку на плечо мужа. — Жизнь зародилась в воде и не может без нее существовать. Твое тело на семьдесят процентов состоит из воды!

Хайнс наклонил голову и посмотрел на лужу на полу, а потом потряс головой в недоумении:

— Ты права, дорогая, и потому-то мне так не по себе. Это самое невероятное во всем мире!

* * *

Через три года после освоения управляемой термоядерной реакции в ночном небе Земли загорелись новые, необычные звезды. Из каждого полушария можно было видеть до пяти таких

звезд одновременно. Их яркость стремительно менялась. На максимуме они светились ярче Венеры и порой быстро мерцали. По временам одна из них внезапно вспыхивала, а через пару секунд угасала. Это были термоядерные реакторы, проходящие испытания на геостационарной орбите.

Электромагнитные двигатели были признаны наиболее перспективными для космических кораблей будущего. Но они требовали реакторов высокой мощности, которые можно было испытывать только в космосе. Эти реакторы, висящие в тридцати тысячах километров над планетой, прозвали «ядерными звездами». Случавшиеся по временам вспышки означали, что произошла очередная дорогостоящая неудача. Большинство населения Земли думало, что реактор взорвался. На самом деле никакого взрыва не было — просто корпус реактора прогорал насквозь от энергии, порождаемой миниатюрной звездой внутри. Жар этой звезды невозможно было сдержать никакими земными материалами — они все плавились, как воск. Поэтому горячую плазму удерживали электромагнитным полем, однако генераторы поля были ненадежны и часто выходили из строя.

Чан Вэйсы и Хайнс стояли на балконе штаба космических войск. Они только что видели

одну такую вспышку. В ее сиянии на стене ненадолго появились тени. Хайнс был уже вторым Отвернувшимся, с которым Чан Вэйсы довелось встретиться. Первым был Тайлер.

— Уже третий раз за этот месяц, — прокомментировал Чан Вэйсы.

Хайнс посмотрел на вновь потемневшее ночное небо.

— Эти реакторы производят только один процент от той мощности, которая нужна двигателям, и при этом работают неустойчиво. Даже если нам удастся построить необходимые реакторы, технология двигателей окажется еще сложнее. Наверняка мы встретимся с противодействием софонов.

— Это так. Софоны отрезали нам все пути, — ответил Чан Вэйсы, глядя вдаль. По мере угасания «ядерной звезды» море городских огней засветилось ярче, чем обычно.

— Надежда едва-едва успевает загореться и тут же умирает. Однажды она просто больше не родится. Как вы и сказали, софоны отрезали нам все пути.

Чан Вейсы рассмеялся:

— Доктор Хайнс, я надеюсь, вы пришли сюда не для того, чтобы обсуждать пораженческие

настроения?

— Именно для того. На сей раз новый всплеск пораженчества вызван резким падением уровня жизни у общей массы населения. На армии это сказывается еще сильнее.

Чан Вэйсы отвернулся от огней города, посмотрел на собеседника, но ничего не сказал.

— Генерал, я понимаю вашу проблему и хотел бы помочь ее решить.

Чан Вэйсы несколько секунд молча смотрел на Хайнса. Лицо военного ничего не выражало. Затем, не отвечая на предложение, он заговорил:

— Для эволюции человеческого мозга требуется от двадцати до двухсот тысяч лет, если нас интересуют существенные изменения. Но возраст всей нашей цивилизации всего пять тысяч лет. Наш мозг — это мозг пещерного человека… Доктор, я приветствую ваши научные изыскания. Может быть, именно в них найдется ответ.

— Благодарю вас. Мы все, по сути, пещерные люди.

— Но можно ли технологическим путем улучшить умственные способности?

Хайнс воодушевился.

— Генерал, а вы не так уж примитивны — по крайней мере, по сравнению с другими! Я заме-

тил, что вы сказали «умственные способности», а не «интеллект». Умственные способности — это более широкое понятие. Например, недостаточно опираться на интеллект, чтобы побороть пораженчество. Интеллектуал понимает, что блокировка наук софонами делает веру в победу призрачной. Чем выше интеллект, тем меньше вера в успех.

— Тогда просто ответьте — это возможно?

Хайнс покачал головой.

— Что вам известно о моих с Ямасуки исследованиях, предшествовавших трисолярианскому кризису?

— Не так уж и много. Пожалуй, только одно: «Мысли живут не на молекулярном, а на квантовом уровне». Но значит ли это…

— Это значит, что софоны поджидают меня, как мы — их, — ответил Хайнс, указывая на небо. — Правда, на сегодняшний день наши исследования еще далеки от цели. Тем не менее нам удалось получить любопытный побочный результат.

Чан Вэйсы улыбнулся и кивнул, демонстрируя осторожный интерес.

— Я не стану утомлять вас подробностями. Вкратце мы открыли механизм принятия решений в мозгу и заодно обнаружили способ на

этот механизм повлиять. Если сравнить, как выносит суждения мозг и как то же самое делает компьютер, то в обоих случаях у нас есть исходные данные, расчет и ответ. Нам удалось обойти этап расчета и сразу же переходить к ответу. Как только некоторая информация попадает в мозг, она нагружает определенную часть нейронной сети, и тогда мы можем заставить мозг вынести суждение — уверовать, что информация истинна, — вообще над ней не думая.

— Это подтверждено экспериментально? — тихо спросил Чан Вэйсы.

— Да. Все началось со случайного открытия. Мы тщательно изучили это явление и теперь знаем, что оно собой представляет. Мы назвали этот эффект «ментальная печать».

— А если суждение — или, если хотите, вера — расходится с реальностью?

— Тогда вера постепенно разрушится. Но это будет мучительным процессом, поскольку ментальная печать держится крепко. Однажды меня таким образом убедили, что вода ядовита. Мне понадобились два месяца психотерапии, чтобы снова самостоятельно пить воду. Это было… не хочу даже вспоминать. Но всем совершенно ясно, что вода не ядовита. Другие же утверждения мо-

гут быть не настолько очевидными. Например, существование Бога или победит ли человечество трисоляриан. У таких вопросов нет заранее известного ответа. Когда человек начинает верить во что-то естественным образом, на его разум оказывают влияние самые различные факторы. Но если вера порождена ментальной печатью, то она будет непоколебимой.

— Это и правда замечательное достижение, — задумчиво произнес Чан Вэйсы. — Я имею в виду нейрофизиологию. Но вне науки, в окружающем нас мире, ваше открытие может натворить немало бед. Я бы сказал, что это самое опасное открытие в истории человечества.

— Вы не хотите воспользоваться нашим методом ментальной печати, чтобы создать космические войска, полные непоколебимой уверенности в победе? В армии и так уже есть политкомиссары и капелланы. Ментальная печать — это всего лишь технология, добивающаяся того же самого результата, только быстрее.

— Политическая и идеологическая работа строит веру на фундаменте рационального, научного мышления.

— Но разве можно построить веру в победу в этой войне на рациональном, научном фунда-

менте?

— Если нет, доктор, то мы предпочтем личный состав, который не верит в победу, однако способен мыслить самостоятельно.

— Весь ум, за исключением одного этого утверждения, останется мыслящим свободно. Мы только лишь вносим небольшое изменение, с помощью технических средств встраивая ответ на один-единственный вопрос.

— Достаточно и одного. Теперь техника может программировать мысли как компьютерные программы. Люди вообще остаются людьми после этого вашего изменения или превращаются в кукол?

— Вы, наверное, читали «Заводной апельсин».

— Это мудрая книга.

— Генерал, именно такой реакции я и ожидал, — вздохнул Хайнс. — Я продолжу работу в этом направлении, как и подобает Отвернувшемуся.

* * *

Хайнс объявил о своем открытии на очередных слушаниях в СОП. Делегаты встретили его выступление весьма эмоционально, что случалось довольно редко. Представитель США выразил

мнение большинства присутствующих:

— Исключительный талант доктора Хайнса и доктора Ямасуки открыл человечеству дорогу в ад.

Французский делегат вскочил с места:

— Что хуже для человечества — потерять свободу мысли или проиграть эту войну?

— Разумеется, хуже проиграть войну! — возразил Хайнс. — В первом случае у человечества будет шанс вернуть себе свободу мышления.

— Сомневаюсь! Если вашу машину и в самом деле применят… Отвернувшиеся, что же вы делаете! — воскликнул представитель России, воздевая руки к небу. — Тайлер пытался отнять у людей их жизнь, а вы стараетесь отнять у них разум. Чего вы добиваетесь?

В зале поднялся шум.

Встал делегат от Великобритании:

— Сейчас мы только формулируем предложение, но я уверен, что правительства всех стран единогласно запретят вашу методику. В каком бы положении мы ни оказались, нет ничего хуже, чем программирование мыслей.

Хайнс не согласился:

— Почему все начинают вставать на дыбы при одном лишь намеке на управление поведением?

Вас уже программируют разными методами — от рекламы до кинофильмов. Программирование мышления — часть современного общества. Как говорит китайская пословица, вы насмехаетесь над отступившими на сто шагов, когда сами отступили на пятьдесят.

Поднялся представитель США:

— Доктор Хайнс, вы не просто отступили на сто шагов. Вы отступили до самой границы между добром и злом. Вы угрожаете основам современного общества!

В зале опять поднялся гвалт. Хайнс понял, что настал удачный момент, чтобы перехватить инициативу. Он воскликнул:

— Поучитесь у маленького мальчика!

Как он и ожидал, после такого заявления шум утих.

— У какого еще маленького мальчика? — осведомился председатель.

— Я полагаю, что эта притча нам всем хорошо известна. В лесу мальчику прищемило ногу упавшим деревом. Больше никого вблизи не было, а рана кровоточила. Он бы умер от потери крови, если бы не принял решение, которое посрамило бы каждого из вас. Он взял пилу и отпилил зажатую деревом ногу. Потом добрался до автомобиля

и нашел больницу. Он себя спас.

Хайнс с удовлетворением отметил, что его никто не попытался прервать. Он продолжил.

— Человечеству угрожает смертельная опасность. Опасность для нашей расы и для всей нашей цивилизации. Почему же в таком случае не поступиться малым?

Раздались два негромких удара. Это председатель постучал молотком, хотя в зале было относительно тихо. Присутствующие вспомнили, что сам председатель, представитель Германии, до сих пор своего мнения не высказывал. Тихо и спокойно председатель заявил:

— Прежде всего я надеюсь, что каждый из вас хорошенько оценит сложившуюся ситуацию. Расходы на создание системы космической обороны постоянно растут, а мировая экономика в это переходное время находится в глубоком упадке. Похоже, что в недалеком будущем оправдаются прогнозы отката уровня жизни на сто лет назад. В то же время работающая на оборону наука уперлась в блокировку софонов, и технологический прогресс начал замедляться. Все это поднимет новую волну пораженчества во всем мире и на этот раз может даже развалить программу обороны Солнечной системы.

После этих слов председателя в зале наступила полная тишина. Помолчав с полминуты, председатель продолжил:

— Когда я услышал о создании ментальной печати, меня, как и каждого из вас, охватили страх и отвращение, словно я увидел ядовитую змею. Но самым разумным сейчас будет серьезно и без криков обдумать это предложение. Когда появляется дьявол, следует оставаться спокойным и трезвомыслящим. На этих слушаниях мы просто предлагаем законопроект.

В душе Хайнса загорелся лучик надежды.

— Господин председатель, господа представители, поскольку мое предложение не предлагается к голосованию, может быть, нам всем стоит отступить на шаг назад?

— Сколько бы шагов назад вы ни делали, управление разумом неприемлемо! — заявил, но уже не так сердито, делегат от Франции.

— А что, если это не управление разумом? Если это нечто между управлением и свободой?

— Ментальная печать и контроль над разумом — одно и то же, — сказал представитель Японии.

— Необязательно. В управлении мышлением есть управляющая сторона и управляемая. Но если кто-то добровольно запечатывает свой соб-

ственный разум, то скажите, пожалуйста, кто и кем тогда управляет?

Зал опять притих. Хайнс почувствовал, что успех близок. Он продолжил:

— Я предлагаю открыть доступную всем желающим лабораторию по запечатыванию разума. Она будет запечатывать одно-единственное утверждение — веру в победу. Любой, кто пожелает уверовать в победу при помощи электроники, сможет совершенно добровольно прийти в эту лабораторию. Конечно, все это будет под жестким контролем.

В разгоревшейся дискуссии к предложению Хайнса добавили еще несколько ограничений. Самым важным из них было то, что запечатывание разума можно будет разрешить только военнослужащим космических сил — смириться с единомыслием в армии проще. Заседание продолжалось еще восемь часов, тем самым побив рекорд. Но делегаты выработали законопроект; на следующем заседании его поставят на голосование. К тому времени представители постоянных членов СОП успеют обсудить его со своими правительствами.

— Не следует ли нам придумать название для этой лаборатории? — спросил делегат от США.

— Что, если назвать его «Центр веры, надежды и...» — Делегат от Великобритании вовремя остановился. В зале засмеялись.

— Назовите его просто «Центр веры», — совершенно серьезно предложил Хайнс.

* * *

Возле входа в Центр веры поставили небольшую копию статуи Свободы. Зачем — неизвестно; возможно, напоминанием о свободе пытались отвлечь от мыслей об управлении разумом. Но самым примечательным в ней было слегка измененное стихотворение у подножия:

А мне отдайте из глубин бездонных
Своих изгоев, люд забитый свой,
Пошлите мне отверженных, бездомных,
Утешит их экрана свет златой![103]

Рядом со статуей установили черную гранитную стелу, названную Монументом веры, и на ней выгравировали символ веры на разных языках:

Человечество победит, защищая свой дом от

---

[103] Примечания: 103
Перевод В. Лазариса. Последняя строка изменена. (*Прим. перев.*)

вторжения с Трисоляриса. Враг будет разбит. Земля останется нашей навечно.

Центр веры был открыт уже три дня. Все это время Хайнс и Кейко дожидались посетителей в торжественно оформленном вестибюле. Небольшое здание Центра, построенное недалеко от площади Объединенных Наций, привлекало туристов. Они фотографировали статую Свободы и монумент Веры, но внутрь никто не заходил. Казалось, люди опасались приближаться к дверям Центра.

— У меня такое ощущение, будто мы владельцы едва живой семейной лавки, — пошутила Кейко.

— Дорогая, это здание однажды станет памятником истории, — торжественно заверил Хайнс.

На третий день, в полдень, кто-то наконец вошел в двери Центра. Лысый, угрюмый мужик среднего возраста с трудом держался на ногах, и от него пахло спиртным. Он подошел к Хайнсу с Кейко и заплетающимся языком объявил:

— Я здесь, чтобы поверить.

— Центр веры обслуживает только военнослужащих космических сил. Покажите ваше удостоверение, — поклонившись, попросила Кейко. Хайнс отметил, что она ведет себя как хорошо вышколенная официантка отеля «Токио Плаза».

Мужик покопался в карманах и вытащил удостоверение.

— Я работаю в космических войсках. Гражданский служащий. Сойдет?

Изучив удостоверение, Хайнс кивнул:

— Мистер Вилсон, вы хотите пройти процедуру прямо сейчас?

— Ага, прямо сейчас, — ответил он. — Эта… штуковина, которую вы называете символ веры… я ее записал вот здесь. — Он вынул из нагрудного кармана аккуратно сложенную записку. — Хочу в это поверить.

Кейко уже собиралась пояснить, что по решению СОП ментальную печать можно накладывать только по той формулировке, которая приведена на монументе у дверей. Не дозволялось вносить никаких изменений ни в единое слово. Хайнс мягко остановил Кейко. Интересно узнать, что же написано на этом клочке бумаги. Он развернул записку и прочел:

«Катерина меня любит. Она никогда мне не изменяла и не изменит!»

Кейко еле удержалась от смеха. Разгневанный Хайнс скомкал бумажку и бросил ее в лицо пьяному посетителю:

— Убирайтесь отсюда ко всем чертям!

После ухода Вилсона еще один человек прошел мимо монумента Веры, пересекая невидимую границу, от которой туристы держались подальше. Он стал расхаживать между монументом и входом в Центр и вскоре привлек внимание Хайнса. Хайнс позвал Кейко и указал на посетителя:

— Посмотри на него. Он наверняка солдат.

— Вид у него усталый, как физически, так и психически, — заметила она.

— Но он солдат. Поверь мне, — повторил Хайнс. Он уже собрался было выйти наружу и поговорить с ним, но в этот момент мужчина направился к дверям Центра. Он был того же возраста, что и Вилсон, с красивым восточным лицом, на котором — Кейко не ошиблась — проступали несомненные признаки меланхолии. Его неприятности, однако, были иного рода, чем у бедняги Вилсона. Судя по всему, он уже много лет пребывал в депрессии, но успел смириться со своим душевным состоянием.

— Меня зовут У Юэ. Я хотел бы поверить, — представился вошедший. Хайнс отметил, что он сказал «поверить», а не «уверовать».

Кейко Ямасуки поклонилась и повторила свою приветственную фразу:

— Центр веры обслуживает только военнослу-

жащих космических сил. Пожалуйста, предъявите удостоверение.

У Юэ не полез за удостоверением. Вместо этого он сказал:

— Шестнадцать лет назад я прослужил в космических войсках один месяц, а затем вышел в отставку.

— Вы прослужили один месяц? — заинтересовался Хайнс. — Если вы не против ответить… Почему вы подали в отставку?

— Я пораженец. И мои командиры, и я сам поняли, что я не годен к службе в космических силах.

— Пораженчество — это широко распространенное убеждение. Вы, по-видимому, честный человек и открыто рассказали о нем. Может статься, ваши сослуживцы, продолжившие службу, сомневались в победе побольше вашего, но помалкивали, — сказала Кейко.

— Может быть. Однако на протяжении всех этих лет я чувствую себя не у дел.

— Потому что оставили службу?

У Юэ покачал головой:

— Нет, не поэтому. Я родился в интеллигентной семье и получил хорошее образование. Даже став военным, я продолжал рассматривать человечество как единое целое. Я всегда считал, что для

солдата высшая честь — сражаться за всю человеческую расу. И такая возможность появилась. Но эту войну нам суждено проиграть.

Хайнс собирался что-то сказать, но Кейко перебила его:

— Можно спросить, сколько вам лет?

— Пятьдесят один.

— Если даже вы обретете веру и сможете вернуться в космические войска, не поздно ли возобновлять службу?

Хайнс видел, что ей недостает решимости отказать напрямую. Вне всякого сомнения, этот грустный мужчина притягивает к себе женский взор. Но Хайнса это не тревожило. Посетитель был погружен в уныние, и ничто иное его не занимало.

У Юэ затряс головой:

— Вы меня не так поняли. Я не хочу уверовать в победу. Я просто желаю обрести душевный покой.

Хайнс попытался заговорить, но Кейко остановила его.

У Юэ продолжил:

— Я познакомился со своей женой, когда учился в военной академии в Аннаполисе. Она была убежденной христианкой и встречала будущее с

такой невозмутимостью, что я ей даже завидовал. Она говорила, что все уже запланировано Богом, от прошлого до будущего. Нам, Божьим детям, незачем понимать Его план. Нам лишь следует искренне верить, что это самый лучший план во всей Вселенной, а затем спокойно жить согласно Господней воле.

— Вы хотите сказать, что пришли сюда, чтобы уверовать в Бога?

У Юэ кивнул.

— Я записал свой символ веры. Вот, посмотрите. — Он полез в нагрудный карман.

И снова Кейко Ямасуки остановила мужа, пытавшегося что-то сказать. Она обратилась к У Юэ:

— Если это все, чего вы хотите, то идите и верьте. Зачем вам прибегать к таким крайним, искусственным мерам?

На лице отставного капитана космических сил появилось нечто вроде кривой улыбки:

— Меня воспитали материалистом. Я убежденный атеист. Вы полагаете, что я способен так просто взять и уверовать в Бога?

— Конечно же нет! — заверил его Хайнс, делая шаг вперед. Он решил поскорее расставить все по местам. — Вы должны знать, что ООН разрешила «запечатывать разум» только одним-единствен-

ным утверждением.

Он достал большой, богато отделанный красный альбом, раскрыл и предъявил У Юэ. На черном бархате золотой краской были напечатаны слова с монумента у входа в Центр.

— Это Книга веры. — Хайнс вынул еще несколько альбомов разного цвета. — Это та же самая книга, только в переводе на множество языков. Мистер У, над нашей технологией установлен пристальный надзор. Из соображений надежности и безопасности слова веры не высвечиваются перед добровольцем на экране. Он их зачитывает по этой старомодной книге. Поскольку вся процедура построена на принципе добровольности, каждый кандидат лично раскрывает Книгу веры, а потом сам нажимает кнопку «Пуск» на машине. Прежде чем приступить к запечатыванию разума, компьютер потребует троекратного подтверждения. Перед каждой процедурой Книгу веры осматривает комиссия из десяти человек, назначаемая из членов Комитета ООН по правам человека и стран — постоянных членов СОП. Эта комиссия также присутствует при каждом запуске аппаратуры. Так что, сэр, мы не можем вам помочь. Даже не думайте — религиозную веру вы здесь не обретете. Замена одного-единственного

слова в Книге веры будет преступлением.

У Юэ покивал головой.

— Тогда мне очень жаль, что я вас побеспокоил.

Похоже, гость ожидал такого исхода. Он развернулся и направился к выходу. Со спины он выглядел пожилым и неприкаянным.

— Ему будет трудно всю оставшуюся жизнь, — негромко, участливо сказала Кейко Ямасуки.

— Сэр! — окликнул посетителя Хайнс, останавливая его снаружи, за дверями Центра. Лучи заходящего солнца языками пламени горели на монументе Веры и в стеклах здания ООН поодаль. Он прищурил глаза, защищая их от этого пламени, и сказал У Юэ: — Вы, наверное, не поверите, но я чуть было не совершил прямо противоположное.

На лице посетителя выразилось удивление. Хайнс обернулся, убедился, что Кейко не последовала за ним, достал из кармана сложенную бумагу и развернул ее перед собеседником.

— Я хотел запечатать в своем мозгу вот это. Я, конечно, сомневался и в конце концов так и не решился.

На листе бумаги крупными буквами было напечатано:

«Бог мертв».

— Почему? — спросил У Юэ, поднимая взгляд на Хайнса.

— А разве не ясно? Разве Бог не мертв? Наплевать на все его планы. Наплевать, чего он от нас хочет.

У Юэ некоторое время молча смотрел на Хайнса, затем повернулся и зашагал вниз по ступеням.

Когда У Юэ вошел в отбрасываемую монументом Веры тень, Хайнс снова окликнул его:

— Сэр, как бы я хотел скрыть мое презрение к вам! Но у меня не получается.

На следующий день начали наконец появляться те люди, которых Хайнс и Кейко дожидались все это время. Ярким солнечным утром в здание Центра вошли четыре человека — трое европейской наружности и одна женщина-азиатка. Молодые, высокие и стройные, ровно шагающие, они выглядели уверенными в себе. Однако Хайнс и Кейко заметили нечто знакомое в их взгляде — ту же меланхолию, то же замешательство, какое накануне видели в глазах У Юэ.

Они аккуратно разложили свои документы на столе. Главный среди них торжественно заявил:

— Мы офицеры космических войск, и мы пришли, чтобы уверовать в победу.

Наложение печати на разум не занимало много времени. Книги веры раздали десяти членам комиссии. После тщательной проверки содержания книг вся комиссия расписалась на официальном сертификате. Затем под их наблюдением первому офицеру дали одну из Книг веры, и он занял место в кресле нейронного сканера. Перед креслом находился небольшой пюпитр, на который он поставил книгу. Справа располагалась красная кнопка. Доброволец раскрыл книгу, и из динамиков прозвучал вопрос:

— Уверены ли вы, что хотите поверить в это утверждение? Если да, то нажмите кнопку. Если нет, то покиньте помещение.

Вопрос прозвучал трижды; каждый раз кнопка сияла красным. Голову добровольца медленно охватил специальный шлем; он был необходим для точной наводки луча сканера. После этого голос из динамиков сообщил:

— Аппаратура готова к запечатыванию. Прочтите про себя символ веры и нажмите кнопку.

Доброволец нажал кнопку, и она засветилась зеленым. Через полминуты она погасла. Голос сообщил:

— Печать наложена. — Шлем раскрылся, освобождая голову. Человек встал с кресла и вышел.

Когда все четыре офицера прошли процедуру и вернулись в вестибюль, Кейко окинула их внимательным взглядом и отметила, что их настроение явственно улучшилось. Из глаз исчезли меланхолия и замешательство; теперь все четверо были невозмутимо спокойны.

— Как вы себя чувствуете? — улыбаясь, спросила она.

— Превосходно, — ответил один из офицеров, улыбаясь в ответ. — Как и должно быть.

Когда они уже уходили, женщина-азиатка обернулась и добавила:

— Доктор, я и вправду чувствую себя великолепно. Спасибо!

Теперь будущее определилось — по крайней мере, в умах этих четырех молодых людей.

С этого дня военнослужащие космических сил пошли за верой сплошным потоком. Сначала поодиночке, потом целыми группами. Поначалу они приходили в гражданской одежде, но затем большинство стало являться в военной форме. Когда приходили группами больше пяти человек, комиссия наблюдателей удостоверялась, что никого не привели против его воли.

Спустя неделю больше ста военнослужащих, в звании от рядового до полковника, прошли

процедуру запечатывания разума и поверили в победу. Для офицеров более высокого ранга процедура была запрещена.

Тем же вечером у залитого лунным светом монумента Веры Хайнс сказал Кейко:

— Дорогая, нам пора.

— В будущее?

— Да, в будущее. Как нейрофизиологи мы ничем не лучше других. Мы уже достигли всего, чего добивались. Мы подтолкнули колесо истории. Теперь давай отправимся в будущее и посмотрим, что из этого получится.

— Как далеко в будущее?

— Очень далеко, Кейко. Очень далеко. До того самого дня, когда трисолярианские зонды войдут в Солнечную систему.

— Прежде чем мы ляжем в гибернацию, давай немного поживем в нашем доме в Токио. Ведь мы навсегда покинем это время.

— Конечно, дорогая. Я тоже по нему соскучился.

* * *

Через шесть месяцев Кейко Ямасуки лежала в саркофаге гибернатора. Температура ее тела медленно понижалась, и холод уже начал успо-

каивать бушующие в голове мысли. В темноте и уединении ход ее сосредоточенных дум обрел четкую рельефность — точно так же, как десять лет назад сфокусировался разум Ло Цзи, когда он провалился в ледяную воду. Внезапно ее туманные мысли стали необычайно ясными — как морозное небо посреди студеной зимы.

Она попыталась крикнуть: «Остановите гибернацию!» — но было уже слишком поздно. Сверхнизкая температура превратила ее тело в лед, и Кейко была неспособна издать ни звука.

Техники и доктора отметили, что в момент входа в анабиоз глаза пациентки приоткрылись; в них появилось выражение ужаса и отчаяния. Если бы ее веки не замерзли, то глаза открылись бы полностью. Но это было обычным, часто наблюдаемым явлением при гибернации, поэтому никто не придал случившемуся значения.

* * *

На очередных слушаниях проекта «Отвернувшиеся» обсуждали испытание звездно-водородной бомбы.

В последнее десятилетие теоретики работали над математической моделью звезды, возникающей при термоядерном взрыве, названную

стелларной моделью. Наконец появились компьютеры, способные эту модель просчитать, и можно было начинать производство таких звездных бомб. Первую бомбу собирались изготовить мощностью в 350 мегатонн, в семь раз мощнее самой большой бомбы, когда-либо созданной человеком. Испытать такую бомбу в атмосфере было невозможно; подземный взрыв на обычной глубине тоже не годился — всю окружающую расплавленную породу выбросило бы из шахты. Понадобилось бы бурить сверхглубокую скважину. Но даже в ней было опасно испытывать настолько мощный заряд. Ударная волна пройдет сквозь всю планету и может спровоцировать землетрясения и цунами. Бомбу такой мощности следовало испытывать в космосе. Взрыв на околоземной орбите тоже был опасен — возникающий при этом электромагнитный импульс разрушит системы связи и линии электропередачи. Самым подходящим полигоном была обратная сторона Луны. Однако Рей Диас настаивал на другом варианте.

— Я решил провести испытания на Меркурии, — объявил он.

Его предложение удивило присутствующих, и они начали задавать вопросы.

— В соответствии с принципами проекта «Отвернувшиеся» я не обязан ничего объяснять, — холодно ответил он. — Испытания следует провести на Меркурии, в литосфере планеты. Мы пробурим сверхглубокие скважины.

Встал представитель России:

— Мы не исключаем испытаний на поверхности Меркурия. Однако скважины обойдутся слишком дорого — раз в сто дороже, чем на Земле. Более того, сведения о том, какими окажутся последствия ядерного взрыва на Меркурии, для нас совершенно бесполезны.

— Испытания на Меркурии невозможны даже на поверхности! — вмешался представитель США. — На сегодняшний день Рей Диас привлек больше ресурсов, чем любой другой Отвернувшийся. Его пора остановить! — Это предложение поддержали делегаты Великобритании, Франции и Германии.

Рей Диас лишь рассмеялся.

— Даже если бы я потратил так же мало, как доктор Ло, вы бы все равно из кожи вон вылезли, чтобы заблокировать мои инициативы. — Он повернулся к председателю. — Прошу главу и членов СОП не забывать, что из всех планов Отвернувшихся мой план наилучшим обра-

зом согласуется с оборонной стратегией Земли. Его даже можно рассматривать как часть этой стратегии. В абсолютных цифрах затраты могут представляться высокими, но значительный процент этих расходов работает на оборону. Поэтому…

Его перебил представитель Великобритании:

— Вам все же стоит объяснить, почему вы настаиваете на подземных испытаниях на Меркурии. Если, конечно, вы не просто стараетесь потратить как можно больше денег. Мы не понимаем, зачем это нужно.

— Господин председатель, господа делегаты, — спокойно парировал Рей Диас, — вы, очевидно, заметили, что СОП совершенно не уважает Отвернувшихся и полностью игнорирует принципы проекта. Если мы должны все объяснять, то какой же тогда смысл в проекте «Отвернувшиеся»? — Он одного за другим обводил собравшихся неистовым взглядом, а те прятали глаза.

— Тем не менее, — продолжал Рей Диас, — я согласен дать некоторые объяснения. Взрыв глубоко под поверхностью Меркурия выбьет огромную полость. В ней мы соорудим базу. Очевидно, что это самый дешевый способ построить такое сооружение.

В зале зашептались. Один из делегатов задал вопрос:

— Отвернувшийся Рей Диас, вы собираетесь создать на Меркурии площадку для запуска звездно-водородных бомб?

Рей Диас без колебаний ответил:

— Да. Сегодня стратегические разработки главного оборонного плана делают упор на внешние планеты Солнечной системы. Из этого следует, что на внутренние планеты, не считающиеся полезными для дела обороны, никто не обращает внимания. Я запланировал соорудить базу на Меркурии, чтобы устранить этот стратегический перекос.

— Он боится Солнца, но рвется к самой близкой к нему планете. Немного странно, правда? — отметил делегат США. В зале засмеялись, и председатель сделал замечание.

— Пустяки, господин председатель, — отмахнулся Рей Диас. — Я давно привык к тому, что меня не уважают. Я привык к этому еще до того, как стал Отвернувшимся. Но всем вам стоит уважать факты. Когда падут и внешние планеты, и Земля, база на Меркурии станет последним бастионом человечества. С Солнцем за спиной, залитая жесткой радиацией, она окажется непри-

ступной крепостью.

— Отвернувшийся Рей Диас, значит ли это, что ваш план придает особое значение последнему бою, когда человечество уже проиграло? — спросил французский делегат. — Это так в вашем духе!

— Господа, мы ведь не можем не задумываться о сопротивлении до самого конца, — мрачно ответил Рей Диас.

— Хорошо, Отвернувшийся Рей Диас, — сказал председатель. — Сколько же таких сверхмощных бомб предусмотрено вашим планом?

— Чем больше, тем лучше. Изготовьте сколько сможете. Конкретные цифры зависят от мощности, но, по сегодняшним оценкам, для первой фазы моего проекта потребуется по меньшей мере миллион.

Весь зал покатился со смеху.

— Очевидно, Отвернувшийся Рей Диас не просто хочет зажечь небольшое солнце. Он хочет зажечь небольшую галактику! — громко заявил делегат от США. Он наклонился к Рей Диасу. — Вы и в самом деле полагаете, что все запасы протия, дейтерия и трития в океанах Земли предназначены для вас? Из-за вашего извращенного пристрастия к бомбам нужно сделать из Земли

мастерскую бомбистов?

К этому времени Рей Диас остался единственным человеком в зале, который не смеялся. Он спокойно дождался, пока гвалт стихнет, а затем медленно, слово за словом произнес:

— Это последняя война человеческой расы. Запрошенное мною количество зарядов не так уж и велико. Я догадывался, чем закончится сегодняшнее заседание. Тем не менее я продолжу свои усилия. Я буду собирать бомбы. Заверяю вас, я изготовлю столько, сколько смогу. Я буду работать днем и ночью, и ничто меня не остановит.

В ответ на это заявление представители США, Великобритании и Франции выдвинули совместное предложение № Р269. Оно предписывало положить конец стратегической инициативе Отвернувшегося Рей Диаса.

* * *

На поверхности Меркурия властвовали два цвета: черный и золотой. Черной была почва планеты. Ее низкая отражательная способность означала, что почва оставалась черной даже под беспощадными лучами Солнца. А золотым было само Солнце, заполнявшее собой изрядную часть неба. На его диске можно было без труда видеть

волнующееся море огня, над которым, как черные облака, проплывали солнечные пятна. По краям диска танцевали вихри протуберанцев.

На этом куске камня, висящем над огненным океаном Солнца, люди собирались зажечь солнце поменьше.

Построив космические лифты, человечество наконец смогло развернуть полномасштабное изучение других планет Солнечной системы. Высадка космонавтов на Марс и спутники Юпитера не вызвала сенсации — люди знали, что у этих экспедиций есть вполне определенная, практическая цель: основать военные базы. Экспедиции летели на химических реактивных двигателях и были только первым шагом к достижению поставленной цели. Поначалу исследовали только внешние планеты; но по мере развития стратегии войны в космосе стали чаще вспоминать о внутренних планетах. Тогда расширили исследования Венеры и Меркурия. А затем СОП с минимальным перевесом голосов одобрил предложение Рей Диаса провести испытание звездно-водородной бомбы на Меркурии.

Бурение скважины в коре Меркурия стало первым крупномасштабным инженерным проектом, проводимым людьми на другой планете.

Работать со скважиной можно было только в течение меркурианской ночи. Она длится восемьдесят восемь земных дней; таким образом, весь проект должен был занять три года. Но когда глубина скважины достигла трети от запланированной, бур уперся в необычно твердую породу — в сплав камня и металла. Работы пошли намного медленнее, а их стоимость возросла. Наконец было принято решение остановиться. Если испытывать бомбу на уже достигнутой глубине, то произойдет выброс материала из шахты, образуется кратер, а это ненамного отличается от испытаний в атмосфере. К тому же окружающая скважину порода повлияет на процесс взрыва и осложнит анализ результатов. Тогда Рей Диас предложил возвести над кратером крышу и создать базу под ней. В таком случае уже пробуренной глубины будет достаточно.

Испытание провели на рассвете. Восход Солнца на Меркурии занимает десять часов. Сейчас над линией горизонта лишь начало появляться слабое свечение. Обратный отсчет дошел до нуля, и по почве от скважины побежали кольца взрывной волны. Каменистая кора Меркурия внезапно стала податливой массой. В центре взрыва медленно, как спина просыпающегося

великана, начала вздуваться гора. Ее вершина поднялась до трех тысяч метров, а затем гора лопнула. Миллиарды тонн породы взлетели в воздух, как будто земля разгневалась на небо. Сквозь бушующее облако просвечивало пламя пылающего под землей огненного шара. Взметнувшиеся вверх камни светились его отраженным светом, и в черном небе Меркурия расцвел великолепный фейерверк. Взрыв сверхбомбы продолжался пять минут. Светящиеся наведенной радиацией обломки постепенно выпали обратно на поверхность планеты, подземное пламя угасло.

Через десять часов после взрыва наблюдатели отметили, что вокруг Меркурия образовалось кольцо из каменной пыли и осколков самого разного размера, выброшенных из кратера на первой космической скорости и вышедших на орбиту вокруг планеты. Меркурий стал первой планетой земного типа с подобным кольцом. Оно было тонким и сверкало в ослепительном свете Солнца, как будто некое божество обвело планету маркером.

Небольшой процент обломков достиг второй космической скорости и покинул зону притяжения Меркурия. Они стали независимыми объектами, кружащимися вокруг Солнца в соста-

ве только что образовавшегося почти невидимого пояса астероидов.

* * *

Рей Диас жил под землей не из соображений безопасности, а из-за своей солнцебоязни. Он чувствовал себя лучше в закрытом помещении, вдали от солнечного света. Сейчас он смотрел прямую трансляцию испытаний звездно-водородной бомбы на Меркурии. Конечно, это была не совсем прямая трансляция, поскольку радиоволнам требовалось семь минут, чтобы добраться до Земли. Когда взрыв закончился и в кромешной темноте осколки коры планеты начали падать обратно, зазвонил телефон. Председатель СОП сообщал, что руководство Совета потрясено мощностью взрыва; теперь они хотят поскорее созвать очередные слушания, чтобы обсудить производство и размещение таких сверхбомб. Председатель повторил, что ранее затребованное Рей Диасом количество бомб недостижимо, но ключевые фигуры в СОП заинтересованы в новом оружии.

Прошло десять часов с момента испытаний. Рей Диас разглядывал на телевизионном экране новое, сверкающее в свете Солнца кольцо Меркурия. Включился интерком, и охранник доложил

Рей Диасу, что приехал психиатр.

— Не вызывал я никаких психиатров! Гоните его вон! — Он рассердился, как будто его унизили.

— Не волнуйтесь так, мистер Рей Диас, — послышался другой, мирный голос, очевидно, принадлежавший посетителю. — Я помогу вам снова увидеть солнце…

— Убирайтесь вон! — закричал Рей Диас, но тотчас же передумал. — Нет, схватите этого поганца и узнайте, кто его подослал!

— …потому, что мне известна причина вашего недуга, — тем же ровным голосом продолжал посетитель. — Мистер Рей Диас, пожалуйста, поверьте мне. Во всем мире только мы двое знаем эту причину.

Услышав эти слова, Рей Диас мгновенно насторожился и приказал впустить гостя. Несколько секунд он устало смотрел в потолок, потом медленно встал. Взял с захламленного дивана галстук и тут же бросил его обратно. Потом подошел к зеркалу, поправил воротник и пригладил волосы, как будто готовясь к ответственной встрече.

Он догадывался, что сейчас действительно произойдет неординарное событие.

Посетитель, приятный на вид мужчина средне-

го возраста, вошел в комнату, но не представился. Он стоял, морщась от царящего в помещении густого запаха сигар и спиртного и дожидаясь, пока Рей Диас закончит его рассматривать.

— Почему-то мне кажется, что я вас где-то видел, — сказал Рей Диас, продолжая вглядываться в вошедшего.

— Ничего странного, мистер Рей Диас. Все говорят, что я похож на Супермена из старых кинофильмов.

— И вы, конечно, считаете себя Суперменом? — сказал Рей Диас. Он сел на диван, взял сигару, откусил кончик и принялся ее раскуривать.

— Из вашего вопроса видно, что вы уже поняли, кто я. Я не Супермен, мистер Рей Диас. И вы не Супермен. — Посетитель сделал шаг вперед и стал прямо перед Рей Диасом, глядя на него сверху вниз сквозь облако табачного дыма. Рей Диас поднялся с дивана.

Посетитель произнес:

— Отвернувшийся Мануэль Рей Диас, я ваш Разрушитель.

Рей Диас мрачно кивнул.

— Можно ли мне сесть? — спросил Разрушитель.

— Нет, нельзя. — Рей Диас неторопливо выдох-

нул облако дыма в лицо посетителю.

— Не унывайте, — посоветовал Разрушитель, дружелюбно улыбаясь.

— А я и не унываю, — ответил Рей Диас холодным и твердым, как камень, голосом.

Разрушитель подошел к стене и щелкнул выключателем. Где-то загудел вентилятор.

— Прекратите самовольничать, — предупредил Рей Диас.

— Вам не помешает немного свежего воздуха. Более того, вам необходимо солнце. Я хорошо знаком с этой комнатой, Отвернувшийся Рей Диас. Со-фоны часто показывали мне, как вы мечетесь по ней, словно зверь в клетке.

Никто в мире не изучал вас пристальнее меня; и в такие моменты моя работа становилась еще труднее.

Разрушитель посмотрел Рей Диасу прямо в лицо, по выразительности немногим отличающееся от ледяной статуи. Затем продолжил:

— По сравнению с Фредериком Тайлером вы гениальный стратег и отличный Отвернувшийся. Не сочтите за пустое славословие — вы обманывали меня почти десять лет. Ваше маниакальное желание заполучить сверхбомбу — оружие, почти бесполезное для боя в космосе, — замеча-

тельно скрывало ваши подлинные намерения. Все эти годы я искал подсказку — и не находил. Я заблудился в выстроенном вами лабиринте; в какой-то момент даже потерял надежду. — Поглощенный воспоминаниями, Разрушитель поднял глаза к потолку. — Потом мне пришло в голову разузнать, чем вы занимались до того, как стать Отвернувшимся. Это было непросто, поскольку софоны здесь не могли помочь. В то время Земли достигло лишь небольшое число софонов; вы, как глава одной из южноамериканских стран, не привлекли их внимания. Мне пришлось прибегнуть к более традиционным методам сбора информации. Я потратил на это три года. В собранном мной досье выделялся один человек — Вильям Козмо. Вы трижды тайно встречались с ним. Софоны не записали вашего разговора, так что мне не суждено узнать, что именно вы тогда обсуждали. Но крайне необычно, что президент небольшой, не особо развитой страны трижды о чем-то говорил с ведущим западным астрофизиком. Теперь мы знаем, что уже тогда вы готовились стать Отвернувшимся.

Вне сомнения, вас интересовали результаты исследований доктора Козмо. Я не уверен, как именно вы о них узнали, но у вас инженерное

образование, и вы опирались на опыт вашего предшественника, ярого приверженца социализма, желавшего, чтобы главенствующая роль в нации принадлежала инженерам. Собственно, поэтому вы и стали его преемником. У вас должно было хватить ума и знаний, чтобы понять важность исследований Козмо.

Когда разгорелся кризис вокруг Трисоляриса, группа доктора Козмо приступила к исследованиям атмосферы звезд в трисолярианской системе. Они предположили, что атмосфера образовалась в результате столкновения планеты и звезды. Удар нарушил целостность внешних слоев звезды — фотосферы и тропосферы. Сквозь эту дыру материал звезды выплеснулся в космическое пространство и образовал вокруг нее атмосферу. Поскольку система Трисоляриса хаотична, время от времени звезды оказываются довольно близко друг к другу. Тогда атмосфера вокруг одной звезды развеивается под действием притяжения другой — и возникает снова за счет извержений на поверхности звезды. Эти извержения происходят не постоянно; они больше похожи на подолгу спящие вулканы. Этим и объясняются периодическое сжатие и расширение атмосферы трисолярианских солнц. Чтобы доказать свою

теорию, доктор Козмо принялся разыскивать на небе другую звезду, у которой есть атмосфера, образовавшаяся после столкновения с планетой. В третьем году эры Кризиса он нашел, что искал.

Группа доктора Козмо обнаружила планетную систему 275E1. Она находится в восьмидесяти четырех световых годах от Земли. Тогда «Хаббл II» еще не ввели в эксплуатацию; поэтому они воспользовались методом Доплера. Следя за частотой колебаний звезды и изменениями ее светимости, они определили, что планета находится совсем близко от звезды. Поначалу их открытие не привлекло внимания — к тому времени астрономы уже нашли более двух сотен планетных систем. Однако при дальнейших наблюдениях выявился потрясающий факт: расстояние между планетой и звездой уменьшается, причем все быстрее и быстрее. Человечество впервые получило возможность наблюдать падение планеты на звезду. Через год — или за восемьдесят четыре года до того, в зависимости от точки отсчета — так и случилось. Имеющееся в те годы оборудование могло установить факт столкновения только по гравитационным возмущениям и модуляции яркости. Но затем произошло нечто поразительное. Вокруг звезды

стала разворачиваться спираль из какого-то вещества, и эта спираль со звездой в центре начала расширяться и раскручиваться, как в часовом механизме. Козмо и его коллеги поняли, что планета пробила дыру в оболочке далекого солнца и из этой дыры забил фонтан звездного вещества. Вращение звезды сформировало спираль.

В этом рассказе, сэр, есть несколько важных для нас цифр. Звезда принадлежит к классу G2, и она желтая. Магнитуда звезды — 4,3, диаметр — 1,2 миллиона километров. Весьма похожа на наше Солнце. Масса планеты была около четырех процентов от массы Земли — немного меньше, чем масса Меркурия. Спиральное облако, образовавшееся после столкновения, имело радиус до трех астрономических единиц — больше, чем расстояние от Солнца до пояса астероидов.

Это открытие послужило ключом, с помощью которого я раскрыл ваш подлинный план. Теперь, как ваш Разрушитель, я объясню всю вашу стратегию.

Допустим, что вам в конце концов удастся изготовить и разместить на Меркурии, как вы обещали СОП, миллион или даже больше сверхмощных звездно-водородных бомб. Если все эти бомбы взорвать под поверхностью планеты, то

они, сработав как реактивный двигатель, притормозят Меркурий. Планета сойдет со своей и без того низкой орбиты и упадет на Солнце. Разыграется сценарий, подобный происшедшему в системе 275E1. Меркурий пробьет зону конвекции; через эту дыру вещество из зоны лучистого переноса с огромной скоростью вырвется наружу и, следуя вращению Солнца, образует газовую спираль. В отличие от системы Трисоляриса, Солнце не встретится с другой звездой, и поэтому его атмосфера будет безостановочно расширяться, пока не станет даже плотнее, чем атмосфера звезд Трисоляриса. Наблюдения за системой 275E1 подтверждают эту теорию. Спираль из звездного вещества станет расти; со временем она доберется до орбиты Марса. И вот тогда начнется весьма интересная цепная реакция.

Прежде всего три планеты земного типа — Венера, Земля и Марс — станут тормозиться атмосферой, начнут терять скорость, превратятся в три гигантских метеора и рано или поздно столкнутся с Солнцем. Но задолго до того Земля под напором атмосферы Солнца потеряет свою собственную. Океаны испарятся; Земля станет гигантской кометой; ее хвост протянется вдоль всей орбиты вокруг Солнца. Поверхность Земли

снова станет морем огненной лавы, в котором ничто не способно выжить.

Когда Венера, Земля и Марс упадут на Солнце, выбросы солнечного вещества в космос усилятся. Вместо одной спирали будут четыре. Общая масса трех планет в сорок раз превышает массу Меркурия, и они упадут с более высоких орбит, поэтому скорость столкновения будет намного больше. Извержение каждой из новых спиралей будет в десятки раз сильнее по сравнению с падением Меркурия. Солнечная атмосфера, образованная этими спиралями, расширится до орбиты Юпитера.

Торможение в атмосфере окажет незначительное влияние на огромный, массивный Юпитер. Пройдет немало времени, прежде чем атмосфера повлияет на его орбиту. Но трение оторвет от планеты ее спутники, они потеряют скорость и упадут либо на Солнце, либо на Юпитер.

На этом цепная реакция не остановится. Юпитер будет понемногу замедляться в атмосфере спирали, и его орбита вокруг Солнца начнет снижаться. Планета войдет в более плотные слои атмосферы и станет снижаться еще быстрее. Через некоторое время Юпитер тоже упадет на Солнце. Масса Юпитера в шестьсот раз больше,

чем у всех ранее упавших планет. Столкновение Юпитера с Солнцем даже в самом благоприятном случае приведет к огромному выбросу вещества звезды. Плотность атмосферы повысится. Это приведет к понижению температуры на Уране и Нептуне. Но очень вероятно, что после падения Юпитера атмосфера станет настолько плотной, что достигнет орбит двух внешних планет системы, и они в свою очередь затормозятся, снизятся и упадут на Солнце. Нам неизвестно, что после всего этого станет с Солнцем и остатками Солнечной системы. Но ясно одно: для цивилизации и для жизни это будет настоящим адом, похуже, чем нападение Трисоляриса.

Солнечная система является для трисоляриан единственной надеждой на спасение, прежде чем их собственная планета будет разрушена одной из звезд. Другого мира, до которого они смогут добраться вовремя, у Трисоляриса нет. Поэтому смерть Солнечной системы означает смерть Трисоляриса.

В этом и заключается ваша подлинная стратегия: уничтожение обеих сторон. Когда все звездные бомбы на Меркурии будут наготове, вы пустите в ход шантаж и добьетесь победы человечества.

Я, ваш Разрушитель, представил вам результаты моего многолетнего труда. Я не прошу вашей оценки или критики, потому что знаю: это все правда.

Рей Диас молча слушал Разрушителя. Сигара в его руке наполовину прогорела; теперь он рассматривал ее тлеющий кончик.

Разрушитель присел на диван рядом с Отвернувшимся и методично пошел дальше, словно учитель, проверяющий работы учеников:

— Мистер Рей Диас, я уже говорил, что вы отличный стратег. По крайней мере, вы превосходно показали себя, придумывая и реализуя эту программу.

К примеру, вы неплохо использовали собственный имидж. Люди до сих пор хорошо помнят, как вас лично и всю вашу страну вынудили отказаться от проекта мирной атомной энергетики и закрыть комбинат «Ориноко», производивший ядерное топливо. Весь мир видел ваше мрачное лицо. Вы воспользовались тем, что мир верил в вашу параноидальную тягу к ядерному оружию, и таким образом отвели подозрения от истинного плана.

Ваш талант виден и в каждой детали вашей задумки. Я приведу лишь один пример. Когда

проводили испытания на Меркурии, вы хотели, чтобы обломки почвы выбросило в космос. Но, заглядывая далеко вперед, вы настаивали на бурении сверхглубокой шахты, потому что знали, насколько постоянные члены СОП озабочены стоимостью проекта — они не допустят таких трат. Точность вашего расчета восхищает.

И все-таки вы допустили одну крупную ошибку. Зачем надо было проводить первое испытание именно на Меркурии? У вас и позднее было бы достаточно времени, чтобы разместить там бомбы. Возможно, вам не терпелось увидеть взрыв на этой планете? Вы его увидели. Огромное количество камней выбросило за пределы поля притяжения Меркурия. Возможно, результат даже превзошел ваши ожидания. Вас это удовлетворило, а мне предоставило последнее доказательство моей теории.

Да, мистер Рей Диас, даже с учетом всей предварительной работы без этого последнего штриха я не смог бы разгадать ваши истинные стратегические замыслы. Слишком безумной была идея. Но это воистину грандиозный план, в чем-то даже красивый. Если бы падение Меркурия действительно произошло и запустило цепную реакцию, это было бы великолепным финалом

всей симфонии Солнечной системы. К сожалению, человечество увидело бы только самое начало. Мистер Рей Диас, вы — Отвернувшийся с задатками Бога. Это честь быть вашим Разрушителем.

Гость встал с дивана и глубоко поклонился Рей Диасу.

Рей Диас не смотрел на него. Он затянулся сигарой и выдохнул облако дыма, после чего продолжил рассматривать тлеющий огонек.

— Хорошо. Тогда я задам тот же вопрос, какой задал Тайлер, — проговорил он.

Разрушитель легко вспомнил этот вопрос:

— «Если все это правда, то что с того?»

Рей Диас кивнул, не отводя взгляда от дымящегося кончика сигары.

— Мой ответ будет точно таким же: Господу это безразлично.

Рей Диас вопросительно взглянул на Разрушителя.

— Вы выглядите недалеким человеком, но у вас острый ум, — продолжал Разрушитель. — Тем не менее в глубине души вы остаетесь варваром. Такова ваша природа — дикая грубая сила. Эта грубость видна и в основе вашего стратегического плана. Он ненасытный. Человечество не

в состоянии изготовить столько звездных бомб. Даже если истратить на них все ресурсы Земли, то не наберется и одной десятой нужного количества. А ведь одного миллиона сверхбомб не хватит, чтобы столкнуть Меркурий с орбиты и выстрелить им в Солнце. И все же вы со слепой целеустремленностью вояки придумали этот невозможный план, а затем упрямо осуществляли его шаг за шагом с хитростью превосходного стратега. В этом и заключается трагедия, Отвернувшийся Рей Диас.

Рей Диас смотрел на Разрушителя, и понемногу выражение его лица смягчалось. Мимические мышцы начали подергиваться, и наконец он расхохотался.

— Ха-ха-ха, — смеялся он, указывая на Разрушителя. — Супермен! Ха-ха-ха! Теперь я припоминаю. Тот… тот, старый Супермен. Он мог летать, он мог заставить Землю вращаться в другую сторону, но однажды он ехал на лошади… ха-ха-ха… однажды он ехал на лошади, упал и сломал шею… ха-ха-ха…

— Это был играющий роль Супермена актер, Кристофер Рив. Он упал и сломал шею, — негромко поправил его Разрушитель.

— Вы думаете… думаете, что кончите лучше,

чем он? Ха-ха-ха…

— Я пришел сюда, а это значит, что я не питаю никаких иллюзий насчет своей судьбы. Я прожил хорошую жизнь, — спокойно ответил Разрушитель. — Но вам, мистер Рей Диас, стоит задуматься о своей собственной судьбе.

— Ты умрешь первым, — сказал Рей Диас. Осклабившись, он воткнул горящий кончик сигары в переносицу Разрушителя. Тот прижал к лицу руки. Тогда Рей Диас схватил с дивана ремень от военной формы, обмотал его вокруг шеи Разрушителя и изо всех сил стал его душить. Разрушитель был моложе, но он не мог противостоять грубой мощи Рей Диаса. Тот повалил его на пол и закричал:

— Я сверну тебе шею! Сволочь! Кто тебя сюда послал, чтобы умничать? Кто ты такой, черт возьми? Гад! Сейчас сверну твою поганую шею!

Он затянул ремень потуже и принялся молотить голову Разрушителя об пол. Послышался хруст зубов. Когда охранники ворвались в комнату и попытались разнять дерущихся, лицо Разрушителя уже посинело, на губах выступила пена, а глаза выпучились, как у аквариумной рыбки.

Разъяренный Рей Диас, борясь с охранниками,

продолжал выкрикивать:

— Оторвите ему башку! Вздерните его! Немедленно! Это часть плана! Вы слышите меня, черт возьми? Часть плана!

Но трое охранников не слушали его приказов. Один из них удерживал Рей Диаса; двое других подхватили немного пришедшего в себя Разрушителя и поволокли из комнаты.

— Погоди у меня, ублюдок! Ты не заслужил легкой смерти! — крикнул Рей Диас, оставляя попытки вырваться и еще разок двинуть Разрушителя. Он глубоко вздохнул, успокаиваясь.

Разрушитель обернулся; на его избитом, распухшем лице сияла улыбка. Он открыл рот, в котором недоставало зубов, и повторил:

— Я прожил хорошую жизнь.

Слушания по проекту «Отвернувшиеся» в Совете обороны планеты

В самом начале заседания США, Великобритания, Франция и Германия выступили с предложением немедленно приостановить полномочия Рей Диаса как Отвернувшегося и предать его международному суду за преступления против человечества.

Представитель США заявил:

— Мы провели тщательное расследование и считаем, что разоблачениям Разрушителя можно верить. Перед нами стоит человек, совершивший преступление, перед которым меркнут самые ужасные злодеяния в истории человечества. Нам не удалось найти ни одного закона, под который подпадали бы его действия. Поэтому мы рекомендуем принять новый закон о преступлениях против жизни на Земле и отдать Рей Диаса под суд по этому закону.

Рей Диас не проявил волнения. Он с насмешкой ответил:

— Вы уже давно пытаетесь избавиться от меня, разве не так? С самого начала проекта «Отвернувшиеся» вы пользуетесь двойными стандартами. Я вам нравлюсь меньше всех.

На это возразил представитель Великобритании:

— Заявление Отвернувшегося Рей Диаса безосновательно. На самом деле страны, которые он обвиняет, вложили наибольшее количество средств именно в его программу; три других Отвернувшихся получили гораздо меньше.

— Разумеется, — кивнул Рей Диас, — но вы вбухали так много денег потому, что вам самим нужна звездно-водородная бомба.

— Не смешите народ! — воскликнул представитель США. — Зачем она нам? В космосе это оружие абсолютно неэффективно, а на Земле не найдется применения даже для старой бомбы в двадцать мегатонн, не говоря уже о монстре в триста.

— Но такие бомбы будут очень даже эффективны в войнах на других планетах, — спокойно ответил Рей Диас. — Особенно в войнах между людьми. На безжизненной поверхности планет не нужно задумываться о потерях среди гражданского населения или о загрязнении природной среды. Вы сможете уничтожать огромные площади, а то и выжечь всю планету. Для таких целей звездно-водородная бомба вполне пригодна. Вы наверняка задумывались о такой перспективе, поскольку люди уже начали расселяться по Солнечной системе, таща за собой свои земные конфликты. Даже угроза Трисоляриса, нашего общего врага, не сможет остановить войны между людьми. Сегодня политически невозможно создавать сверхоружие, предназначенное против людей, поэтому вы позволили *мне* изобрести его для вас.

— Это абсурдная логика террориста и диктатора! — вскочил с места представитель США. — Рей Диас — один из тех людей, которые, стоит им

только получить положение и власть Отвернувшегося, сделают сам проект опаснее, чем вторжение инопланетян. Мы обязаны принять решительные меры и исправить эту ошибку!

— У этих людей слова с делами не расходятся. — Рей Диас повернулся к Гаранину, действующему председателю. — Снаружи полно агентов ЦРУ. Они арестуют меня, как только слушания закончатся и я выйду из этого зала.

Председатель бросил взгляд на представителя США. Тот поигрывал карандашом. Гаранина назначили на переходящий пост председателя СОП в самом начале проекта «Отвернувшиеся», и с тех пор он уже позабыл, сколько раз за последние два десятилетия ему выпадало руководить организацией. Но этот раз был последним. Он поседел и собирался выйти в отставку.

— Отвернувшийся Рей Диас, если то, что вы утверждаете, верно, то такие действия будут неправомочны. До тех пор пока принципы проекта «Отвернувшиеся» остаются неизменными, Отвернувшиеся обладают юридической неприкосновенностью. Их нельзя обвинить в преступлении на основании их слов и действий, — проинформировал собравшихся Гаранин.

— Кроме того, не забывайте, что мы на меж-

дународной территории, — добавил делегат от Японии.

— Значит ли это, — спросил представитель США, воздевая карандаш, — что, даже если Рей Диас соберется взорвать миллион звездных бомб, которые он закопал на Меркурии, общество по-прежнему не сможет обвинить его в преступлении?

— В соответствии с законом об Отвернувшихся ввод ограничений на стратегические программы тех Отвернувшихся, которые проявляют опасные намерения, — это одно, а неподсудность самих Отвернувшихся — совсем другое, — сказал Гаранин.

— Преступления Рей Диаса выходят за рамки неподсудности. Его нужно наказать! Это необходимо, если мы хотим сохранить проект «Отвернувшиеся», — высказался представитель Великобритании.

— Можно ли мне напомнить председателю и всем представителям, — встал с кресла Рей Диас, — что мы находимся на слушаниях в СОП и что я не подсудимый.

— Скоро станете! — с холодной усмешкой заверил его представитель США.

Гаранин ухватился за шанс вывести дискуссию

в мирное русло:

— Я поддерживаю Отвернувшегося Рей Диаса. Нам следует вернуться к обсуждению его стратегического плана.

Заговорил представитель Японии:

— На данный момент, похоже, все делегаты согласны с тем, что программа Рей Диаса идет вразрез с правами человека. В соответствии с законом об Отвернувшихся, программу следует свернуть!

— В таком случае мы можем голосовать по предложению № Р269, внесенному на предыдущих слушаниях. Это предложение об остановке стратегических планов Рей Диаса, — сказал Гаранин.

— Господин председатель, минуточку, — поднял руку Рей Диас. — Прежде чем вы поставите вопрос на голосование, я хотел бы изложить некоторые подробности моего плана.

— Больно нам нужно тратить время на всякие мелочи! — сказал кто-то из собравшихся.

— Изло!жите их в суде, — насмешливо предложил представитель Великобритании.

— Нет, это важные подробности, — настаивал Рей Диас. — Давайте предположим, что Разрушитель не ошибся в своих разоблачениях и все, что он сказал, правда. Один из вас упомянул тот

самый момент, когда на Меркурии будет заложен миллион звездно-водородных бомб, все из них в полной готовности. Тогда я сообщу вездесущим софонам, что человечество готово умереть и утащить с собой на тот свет и Трисолярис. Что произойдет дальше?

— Мы не можем предсказать реакцию Трисоляриса; но на Земле, без сомнения, миллиарды людей захотят свернуть вам шею — так же, как вы поступили со своим Разрушителем, — предположил представитель Франции.

— Совершенно верно. Поэтому я принял кое-какие меры. Посмотрите вот на это. — Рей Диас поднял левую руку и показал всем собравшимся свои часы. Часы были полностью черными, вдвое больше и вдвое толще, чем обычные мужские часы. Впрочем, они не выглядели слишком большими на широком запястье Рей Диаса. — Это передатчик; через ретранслятор он посылает сигнал в космос, на Меркурий.

— С его помощью вы пошлете сигнал к детонации? — спросил один из собравшихся.

— В точности наоборот. Он посылает сигнал, предотвращающий взрыв.

Его слова заставили присутствующих задуматься. Рей Диас продолжил:

— Кодовое название этой системы — «колыбель». Оно означает, что если колыбель перестанут качать, то дитя проснется. Часы постоянно посылают сигнал, и он постоянно принимается на Меркурии. Если сигнал прервется, система взорвет бомбы.

— Такую систему называют «рукой мертвеца», — невозмутимо пояснил делегат США. — Разработка подобных устройств для автоматического подрыва атомных бомб велась в годы холодной войны. Но к их производству не приступали; только безумец решился бы на такую «подстраховку».

Рей Диас опустил руку и закрыл часы рукавом.

— Я узнал об этой великолепной идее не от специалиста по ядерному оружию, а из американской киноленты. В фильме герой постоянно носит такой передатчик; если его сердце остановится, то передатчик отключится. Бомба же прикреплена к другому герою, и снять ее невозможно; если сигнал от передатчика прекратится, то бомба взорвется. Поэтому, хоть второй герой и ненавидит первого, он вынужден его защищать… Мне нравятся американские фильмы. Я и сегодня вспоминал старый фильм о Супермене.

— Вы хотите сказать, что это устройство следит

за биением вашего сердца? — спросил представитель Японии. Он даже протянул ладонь, чтобы прикоснуться к часам, но Рей Диас отдернул руку и отошел в сторону.

— Именно так. Но «колыбель» устроена намного сложнее. Она следит не только за пульсом, но и за множеством других физиологических параметров, таких как кровяное давление и температура тела. Она постоянно анализирует эти параметры. Если они отклонятся от нормы, то передатчик «руки мертвеца» выключится. Кроме того, «колыбель» распознает несколько моих голосовых команд.

Какой-то человек вошел в зал совещаний и, подойдя к Гаранину, что-то нервно зашептал ему в ухо. Прежде чем он закончил, Гаранин бросил странный взгляд на Рей Диаса, что не укрылось от внимательных глаз присутствующих.

— Существует способ отключения вашей «колыбели», — заявил представитель США. — Во время «холодной войны» работали и над этой проблемой.

— Это не моя «колыбель». Это колыбель звездных бомб. Если она остановится, бомбы проснутся, — поправил его Рей Диас.

— Я тут вот что подумал… — заговорил пред-

ставитель Германии. — По пути от ваших часов до Меркурия радиосигнал обязательно должен пройти через множество ретрансляторов. Если заэкранировать или уничтожить один из узлов этой сети, то можно будет передать ложный сигнал, который предотвратит взрыв. Какой тогда смысл в этой вашей «колыбели»?

— Это действительно сложная задача. — Рей Диас кивнул делегату от Германии. — Если не учитывать софоны, то она легко решается. Все узлы ретрансляционной сети снабжены модулем шифрования; все передаваемые сигналы зашифрованы. Внешнему наблюдателю кажется, что все передачи внутри системы являются случайными числами. Но на самом деле «колыбель» передает вполне определенные данные — некую последовательность чисел. Эти же данные после дешифровки получаются на выходе приемника. Если принятые числа не совпадают с ожидаемыми, то прием сигнала не засчитывается. Ложный передатчик не знает ни ключа к шифру, ни правильных данных. Но чертовы софоны способны разгадать шифр!

— Вероятно, вы придумали какой-то другой метод? — спросили из зала.

— Простой и грубый. Я сам человек простой и

грубый, и все мои методы такие же, — ответил, подсмеиваясь над собой, Рей Диас. — Я повысил чувствительность каждого узла к нарушению целостности. Если конкретно, то каждый узел сети связи состоит из нескольких модулей; они могут располагаться на расстоянии друг от друга, но они соединены в одну сеть и постоянно обмениваются данными. Если любой из модулей узла выйдет из строя, то весь узел прекратит ретрансляцию сигнала. После этого, даже если ложный передатчик начнет передавать сигнал на следующий узел, этот сигнал будет заблокирован и не пройдет дальше. Система слежения за целостностью сети способна обнаружить неполадки с микросекундной точностью. Если противник захочет воспользоваться тем методом, о котором только что говорил представитель Германии, то ему придется уничтожить все модули узла одновременно, за одну микросекунду — и в течение этой же микросекунды приступить к передаче ложного сигнала. Каждый узел состоит как минимум из трех модулей, но их могут быть и десятки. Модули находятся в трехстах километрах друг от друга. Каждый модуль надежно защищен от внешних воздействий, но среагирует на малейшее касание. Может быть, трисоляриане и смогут

вывести из строя все модули узла за микросекунду, но людям это не по силам.

Последняя фраза Рей Диаса насторожила собравшихся.

— Мне только что доложили, что устройство на руке Рей Диаса передает радиосигнал, — объявил Гаранин. Присутствующие в зале делегаты забеспокоились. — Я хотел бы спросить вас, Отвернувшийся Рей Диас, передают ли ваши часы сигнал действительно на Меркурий?

Рей Диас рассмеялся, но пояснил:

— Зачем мне посылать сигнал на Меркурий? Там ничего нет, кроме огромного котлована. Кроме того, мы еще не запустили ретрансляторы космической связи. Нет, нет и еще раз нет. Вам не о чем беспокоиться. Сигнал моих часов не передается на Меркурий. Он передается в Нью-Йорк, и приемник находится совсем рядом с нами.

Казалось, что в зале застыл даже воздух. Все собравшиеся, за исключением Рей Диаса, превратились в каменных истуканов.

— И что произойдет, если качающий «колыбель» сигнал прервется? — резко спросил представитель Великобритании. Он даже не попытался скрыть свое напряжение.

— Ну, что-нибудь обязательно произойдет, это

точно, — рассмеялся в ответ Рей Диас. — Я уже двадцать лет как Отвернувшийся, и у меня всегда получалось раздобыть кое-что и для себя лично.

— Хорошо, мистер Рей Диас, не ответите ли вы тогда на более прямой вопрос? — встал со своего места представитель Франции. Он выглядел спокойным, но его голос дрожал. — За сколько жизней будете вы (или, если хотите, *мы*) в ответе?

Рей Диас широко раскрыл глаза, глядя на француза, как будто тот спросил что-то несуразное:

— Что? Какое значение имеет количество жертв? Я полагал, что вы все здесь уважаемые джентльмены, ставящие права человека превыше всего. Какая разница между одной жизнью и жизнями восьми миллионов? Если речь идет только об одной жизни, то, значит, она не достойна уважения?

Представитель США вскочил с места и завопил, тыча пальцем в Рей Диаса и брызгая слюной:

— Более двадцати лет назад, когда проект «Отвернувшиеся» только начинался, мы указывали всем вам, что это за человек! — Он пытался взять себя в руки, но это ему не удавалось. — Он же террорист! Подлый, грязный террорист! Сам дьявол во плоти! Вы откупорили эту бутылку и

выпустили джинна на свободу; теперь извольте отвечать за его действия! ООН должна признать свою ответственность за него! — в истерике выкрикнул делегат от США и швырнул в воздух ворох бумаг.

— Успокойтесь, господин представитель, — слегка улыбнувшись, ответил Рей Диас. — Колыбель очень точно измеряет мои физиологические параметры. Если бы я, как вы, забился в истерике, то она прекратила бы передачу сигнала. Ни лично вам, ни кому другому в этом зале не стоит раздражать меня. Наоборот, постарайтесь меня радовать — для собственного же блага.

— Каковы ваши условия? — мягко спросил Гаранин.

Рей Диас повернулся к председателю. В его улыбке появилась тень грусти, и он покачал головой.

— Господин председатель, какие у меня могут быть условия, кроме как покинуть этот зал и вернуться в свою страну? Чартерный самолет стоит наготове в аэропорту Кеннеди.

В зале воцарилась мертвая тишина. Все непроизвольно сосредоточили внимание на представителе США. Тот, не в силах выдержать всеобщего внимания, упал в кресло и прошипел:

— Выметайся отсюда, сволочь!

Рей Диас медленно кивнул, встал и вышел.

— Мистер Рей Диас, я провожу вас домой, — сказал Гаранин, сходя со сцены.

Рей Диас остановился, поджидая Гаранина — председатель не мог ходить так быстро, как в молодости.

— Благодарю вас, господин председатель. Мне подумалось, что вам тоже захочется покинуть это место.

Когда они подошли к дверям, Рей Диас обнял Гаранина, и они вместе обернулись к делегатам.

— Джентльмены, я рад навсегда оставить вашу компанию. Я потерял здесь два десятка лет, и никто тут меня не понимает. Я хочу вернуться в свою страну, к своему народу. Да, в свою страну и к своему народу. Я по ним соскучился.

К всеобщему удивлению, в глазах этого большого, сильного мужчины заблестели слезы. Наконец он произнес:

— Я хочу вернуться на родину, и это не часть плана.

Выйдя из здания Генеральной ассамблеи ООН, Рей Диас распростер руки и с наслаждением воскликнул:

— Здравствуй, солнце!

Солнцебоязнь, преследовавшая его на протяжении двух десятилетий, бесследно пропала.

* * *

Самолет Рей Диаса поднялся в воздух и полетел над ширью Атлантического океана.

В салоне самолета Гаранин обратился к Рей Диасу:

— Пока я с вами, самолету ничто не угрожает. Пожалуйста, скажите, где размещена бомба, управляемая вашей «рукой мертвеца».

— Нет никакой бомбы. Вообще ничего нет. Я просто блефовал, чтобы унести ноги. — Рей Диас снял часы и передал их Гаранину. — Это простейший передатчик, собранный из деталей сотового телефона «Моторола». И он не отслеживает мой пульс. Я вообще выключил его. Возьмите себе на память.

Оба долго хранили молчание. Затем Гаранин вздохнул и спросил:

— Как же такое получилось? Предполагалось, что Отвернувшиеся воспользуются своими правами против софонов и Трисоляриса. Но и Тайлер, и вы применили их против человечества.

— В этом нет ничего странного, — ответил Рей Диас. Он сидел возле иллюминатора, наслажда-

ясь солнечным светом. — На данный момент самая серьезная угроза выживанию человечества исходит от него самого.

Через шесть часов самолет приземлился на Карибском побережье, в международном аэропорту Каракаса. Гаранин остался в самолете, чтобы вернуться на нем в ООН.

Когда они расставались, Рей Диас сказал:

— Не прекращайте проект «Отвернувшиеся». Он — единственная надежда в этой войне. У вас есть два других Отвернувшихся. Пожелайте им успехов от моего имени.

— Я с ними не увижусь, — разволновавшись, ответил Гаранин. Когда Рей Диас вышел из самолета, оставив Гаранина в одиночестве, тот был в слезах.

Небо над Каракасом было таким же чистым, как и над Нью-Йорком. Рей Диас сошел с лестницы и вдохнул знакомый тропический воздух; затем он встал на колени и поцеловал землю своей родины. Под охраной большого контингента военной полиции его кортеж проследовал в город. После получасовой поездки по горному серпантину они въехали в столицу и направились в центр, к площади Боливара. Рей Диас вышел из автомобиля возле статуи Симона Боливара и забрался на по-

стамент. Над ним, на коне и в латах, возвышался великий герой, который победил Испанию и пытался основать в Южной Америке объединенную республику Великой Колумбии. Перед статуей под лучами солнца бушевало людское море; его волны с трудом сдерживали военные полицейские. Солдатам пришлось стрелять в воздух, но толпы людей вскоре прорвали оцепление и хлынули навстречу живому Боливару, стоящему в ногах статуи.

Рей Диас простер руки к небу. Расчувствовавшись, со слезами на глазах, он закричал:

— О мой народ!

Первый камень, брошенный его народом, ударил его по левой ладони; второй попал в грудь, третий разбил лоб и чудом не лишил сознания. А затем на него обрушился ливень камней. Вскоре его безжизненное тело было похоронено под их грудой. Последний удар нанесла Отвернувшемуся Рей Диасу какая-то старуха. С трудом дотащив булыжник до трупа, она проорала: «Злодей! Ты бы убил всех нас! Там мог быть мой внук! Ты бы убил моего внука!» — а потом изо всех сил, остававшихся в ее трясущихся руках, опустила булыжник на расколотый череп Рей Диаса, высовывавшийся из-под кучи камней.

* * *

Время невозможно остановить. Его лезвие неслышно режет и мягкое, и твердое. Ничто не способно даже на кратчайший миг остановить его движение; но течение времени изменяет все на свете.

Чан Вэйсы вышел в отставку вскоре после испытаний на Меркурии. Выступая перед журналистами в последний раз, он признался, что не верит в победу. Но это не повлияло на высокую оценку историей его службы на посту первого командующего космическими силами. Многолетняя нагрузка подорвала его здоровье, и он умер в возрасте 68 лет. Генерал сохранил ясность ума до последней минуты жизни; он часто упоминал Чжан Бэйхая.

Отслужив второй срок на посту Генерального секретаря, Сэй придумала и организовала проект «Память человечества». Целью проекта был широкомасштабный сбор информации о культуре человечества и связанных с ней предметов. Позднее предполагалось запустить собранные материалы в космос. Главной частью проекта являлся «Дневник человека» — специальный веб-сайт в Интернете. На нем миллионы людей

могли документировать свою повседневную жизнь текстом или фотоснимками. С течением времени на «Дневнике человека» зарегистрировались два миллиарда посетителей, и он стал самым большим архивом данных в Интернете. Позже СОП решил, что проект «Память человечества» потворствует пораженчеству, и принял резолюцию о его закрытии. Его даже приравняли к эскапизму. Но Сэй продолжала работу над проектом вплоть до своей смерти в возрасте восьмидесяти четырех лет.

Выйдя в отставку, Гаранин и Кент поселились в Саду Эдема в северной Европе — там, где Ло Цзи провел пять лет. С тех пор их никто не видел, и никто не знает, когда они кончили свои дни. Но известно, что они прожили долгую жизнь. Кое-кто утверждает, что обоим перевалило за сотню лет, прежде чем они умерли естественной смертью.

Как и предсказывала Кейко Ямасуки, У Юэ провел всю оставшуюся жизнь в депрессии и замешательстве. Более десяти лет он работал на проект «Память человечества», но так и не нашел в нем утешения. Он умер в одиночестве в возрасте семидесяти семи лет. Как и Чан Вэйсы, У Юэ перед смертью называл имя Чжан Бэйхая. Их

надежды были связаны с несгибаемым воином, лежащим в анабиозе.

Доктор Альберт Ринье и генерал Фицрой разменяли восьмой десяток лет и своими глазами увидели стометровый космический телескоп «Хаббл III». Через него они взглянули на планету Трисолярис. Но им больше не довелось наблюдать трисолярианский флот или высланные вперед зонды — они не дожили до пересечения кораблями третьего «снежного заноса».

Жизнь обычных людей тоже текла своим чередом. Из трех пекинских соседей Мяо Фуцюань умер первым, в возрасте семидесяти пяти лет. Сын похоронил его в заброшенной шахте на глубине двести метров. Он исполнил предсмертное желание отца и взорвал шахту, а потом установил надгробный камень. По завещанию покойного последнее перед Судным днем поколение должно было отыскать надгробие и в случае победы землян заново установить его. Но уже через пятьдесят лет после его смерти территория возле шахты превратилась в пустыню. Надгробный камень пропал, вход в шахту было не найти; впрочем, потомки Мяо даже и не собирались ничего искать.

Чжан Юаньчао умер от болезни, как самый

обычный человек, в возрасте восьмидесяти лет. Его тело, как тело любого простого человека, кремировали. Урну с пеплом положили в стандартную ячейку на длинной полке колумбария общественного кладбища.

Ян Цзиньвэнь дожил до девяноста двух лет. Капсула с его останками разогналась до третьей космической скорости, покинула Солнечную систему и направилась в глубокий космос. На это ушли все его сбережения.

Дин И не умер. После открытия управляемой термоядерной реакции он переключился на теоретическую физику. Он хотел найти способ обойти вмешательство софонов в результаты физических экспериментов. Это ему не удалось. Дожив до семидесяти лет, он, как и другие физики, потерял надежду на прорыв блокады. Он лег в гибернацию и попросил разбудить его незадолго до битвы Судного дня. Ему хотелось своими глазами увидеть неизмеримо более высокую технологию Трисоляриса.

Через сотню лет после начала Трисолярианского кризиса умерли все, кому довелось жить в Золотом веке человечества. Эти годы постоянно вспоминали; старики, заставшие то время, пережевывали свои воспоминания вновь и вновь,

словно жвачные животные, наслаждаясь их вкусом. И каждый раз они заканчивали свой рассказ словами: «Ах, если бы мы тогда это ценили!» Молодежь слушала их повествования с завистью и сомнением. Мир, богатство, счастье — вся эта беззаботная утопия, — да была ли она на самом деле?

С уходом стариков берега Золотого века растаяли в тумане истории. Одинокий корабль человеческой цивилизации дрейфовал в безбрежном океане, со всех сторон окруженный грозно вздымающимися валами. И никто даже не знал, есть ли у этого океана противоположный берег.

Часть III
Темный лес
Двести пятый год эры Кризиса
Расстояние между трисолярианским флотом и Солнечной системой: 2,10 светового года

Тьма. До тьмы не было ничего, лишь небытие, бесцветное небытие. В небытии не было совершенно ничего. Темнота, по крайней мере, подразумевала пространство. Вскоре тьма пошла волнами, которые, как легкий ветерок, проникали повсюду. Так ощущалось течение времени. В небытии времени не было совсем; но теперь, хоть и медленно, время пошло вперед.

Намного позже, как бесформенная фосфоресцирующая клякса, возник свет, а потом, после долгой паузы, постепенно проявились черты окружающего мира. Разбуженное от спячки сознание с трудом понимало, что к чему. Сначала стали видны какие-то тонкие, прозрачные трубки, потом лицо человека за ними. Лицо быстро пропало, и стал виден потолок, от которого исходил белый свет.

Ло Цзи вышел из гибернации.

Лицо появилось снова. Оно принадлежало мужчине, который приветливо взглянул на Ло Цзи и произнес:

— Добро пожаловать в наш век.

Когда он заговорил, по его белому лабораторному халату начали пробегать красивые картинки, соответствующие его эмоциям — моря, закаты, леса, орошаемые теплым дождиком… Доктор сообщил, что Ло Цзи вылечили во время гибернации и что пробуждение прошло без осложнений. За два-три дня он полностью восстановится.

Полусонный и все еще медленно соображающий разум Ло Цзи выловил из речи врача лишь один факт: сейчас идет двести пятый год эры Кризиса, и он провел в гибернации сто восемьдесят пять лет[104].

Поначалу Ло Цзи решил, что у доктора необычный акцент. Впоследствии он узнал, что, хоть фонетика практически не изменилась, в китайский язык попало много слов, заимствованных из английского. Речь медика дублировалась

---

[104] Примечания: 104

Автор не совсем точен. Ло Цзи лег в гибернацию на 8-м, в крайнем случае 9-м году эры Кризиса. Таким образом, он провел в гибернации не меньше 196 лет. Это со времени последних событий, описанных во второй части, прошло 185 лет. (*Прим. перев.*)

текстом, высвечиваемым на потолке — по-видимому, с помощью компьютерной системы распознавания речи. Компьютер заменял английские слова на китайские иероглифы, чтобы только что проснувшимся было легче понимать.

Наконец доктор сообщил, что процедура закончена. Ло Цзи предстояло покинуть отделение реанимации и отправиться в палату. Халат врача показал вечернюю сцену, где закат быстро переходил в звездное небо — это означало прощание. Ло Цзи ощутил, что его койка покатилась.

Уже в дверях он услышал, как доктор сказал: «Следующий!» Повернув голову, Ло Цзи увидел, что в комнату въехала другая кровать — видимо, с очередным пациентом из гибернатора — и остановилась возле стойки с аппаратурой. Врач (теперь его халат был однотонно белым) работал с сенсорными экранами, занимающими треть стены. По экранам побежали таблицы и графики, и медик принялся ими увлеченно манипулировать.

Ло Цзи понял, что его пробуждение не было чем-то особенным. Наоборот, обычная, рутинная работа. Доктор излучал дружелюбие, но Ло Цзи был для него лишь очередным разбуженным пациентом, каких много.

В коридоре отсутствовали лампы — так же как и в палате пробуждения. Светились сами стены. Свет был неярким, но Ло Цзи пришлось прищурить глаза. Тотчас же стены вокруг него потемнели, и эта зона приглушенного освещения следовала за движущейся койкой. Когда его глаза приспособились и он раскрыл их, свет в коридоре вернулся к прежней яркости. Похоже, управляющий светом компьютер мог следить за его зрачками.

Судя по этому факту, он попал в эру персонального обслуживания.

Это намного превосходило его ожидания.

Проезжая мимо стен, Ло Цзи видел на них множество работающих видеоокон самого разного размера, разбросанных случайным образом. На некоторых из них мелькали картинки, но койка не останавливалась, и у него не было времени их рассмотреть. Возможно, с видеоокнами работали, а потом забыли отключить.

Время от времени автоматическая койка Ло Цзи проезжала мимо идущих по коридору людей. Он заметил, что и подошвы их обуви, и колеса его кровати оставляли размытые фосфоресцирующие следы на полу. В прошлом похожий эффект можно было увидеть, если слегка надавить паль-

цем на жидкокристаллический экран. Длинный коридор в своей стерильной чистоте походил на объемную компьютерную модель; но Ло Цзи знал, что все это вовсе не виртуальная реальность. Он двигался по настоящим коридорам, ощущая покой и комфорт, каких никогда раньше не испытывал.

Но больше всего его удивило то, что абсолютно все — доктора, медсестры и посетители — выглядели чисто и элегантно и тепло ему улыбались или махали рукой, когда оказывались поблизости. По их одежде пробегали яркие картинки, у каждого свои: у кого-то абстрактные, а у кого-то пейзажи реального мира. Ло Цзи нравилось выражение их лиц; он-то знал, что глаза обычного человека наилучшим образом отражают состояние общества в данное время и в данном месте. Однажды ему показали подборку фотоснимков европейских фотографов в последние годы династии Цинь. Его поразили тусклые глаза людей, запечатленных на этих фотографиях. И у официальных лиц, и у простого народа в глазах можно было увидеть не радость жизни, а только апатию и тупость. Когда люди эпохи, в которой оказался Ло Цзи, смотрели на него, они, возможно, видели что-то похожее в его глазах. В

их взглядах светились мудрость, чистосердечие, понимание, любовь — все то, что он так редко видел в свое родное время. Но больше всего его поразило душевное спокойствие этих людей. По-видимому, лучезарная уверенность, светившаяся в каждом взоре, в этом веке стала нормальным состоянием духа.

Время, в котором проснулся Ло Цзи, было совсем не похоже на эпоху отчаяния. Еще один сюрприз.

Койка Ло Цзи бесшумно въехала в палату. Там уже находились два человека, недавно выведенные из анабиоза. Один из них лежал в постели. Другой, возле дверей, с помощью медсестры собирал свои вещи, по-видимому, покидая палату. По их глазам Ло Цзи понял, что оба они из того же времени, что и он сам. Их глаза были окнами в прошлое, и в них промелькнули видения серого века, из которого он прибыл.

— Как они могут так себя вести? Я же их прапрадед! — жаловался уходящий.

— Это не имеет значения, — ответила медсестра. — По закону гибернация не учитывается при определении возраста. В присутствии пожилых людей вы будете считаться молодым… Пойдемте. Они уже вас заждались.

Хотя медсестра старалась избегать английских слов, порой она путалась в китайских — как будто это был древний, забытый язык — и волей-неволей переходила на современный жаргон. Тогда на стене появлялся перевод на китайский.

— Я их даже не понимаю. В нормальную речь намешали какое-то чириканье! — опять пожаловался уходящий, когда они с медсестрой подхватили сумки и вышли из палаты.

— В наше время надо постоянно учиться. Иначе вам придется жить на поверхности, — расслышал Ло Цзи ответ медсестры. Он уже без труда понимал современный язык. Но последняя ее фраза прозвучала загадочно.

— Привет. Вас заморозили из-за болезни? — спросил пациент, лежащий в кровати. Он был молод, лет двадцати — двадцати пяти.

Ло Цзи открыл рот, но не смог произнести ни звука. Молодой человек улыбнулся ему.

— Вы вполне можете говорить. Попытайтесь еще раз, да как следует!

— Привет, — прохрипел Ло Цзи.

Молодой человек одобрительно кивнул.

— Тот, кто только что ушел, был болен. А я — нет. Я отправился в будущее, чтобы сбежать из моего времени. Ах да, меня зовут Сюн Вэнь.

— И как оно… здесь? — спросил Ло Цзи. На этот раз слова дались ему легче.

— Да, собственно, не знаю. Я тут всего-то пять дней. Похоже, времечко ничего так, неплохое. Нам, конечно, будет трудновато освоиться в обществе. Главным образом потому, что мы слишком рано проснулись. Через несколько лет было бы проще.

— Проще через несколько лет? Разве не сложнее?

— Нет. Мы по-прежнему находимся на военном положении, и обществу не до нас. Но через несколько десятилетий, после мирных переговоров, настанут покой и благоденствие.

— Мирные переговоры? С кем?

— С Трисолярисом, конечно.

Потрясенный заявлением Сюн Вэня, Ло Цзи попытался приподняться в постели. Вошла медсестра и помогла ему устроиться поудобнее.

— Они сказали, что хотят договориться о мире? — взволнованно спросил он.

— Еще нет. Но у них не будет выбора, — ответил Сюн Вэнь, ловко соскочив со своей кровати и присаживаясь на постель Ло Цзи. Он явно предвкушал удовольствие объяснить состояние дел новичку. — Разве вы не знаете? Человечество до-

стигло невероятных высот! Просто невероятных!

— Что вы говорите!

— У нас теперь есть мощнейшие космические корабли. Гораздо лучше, чем у Трисоляриса!

— Как такое может быть?!

— А почему бы им не быть лучше? Уже не говоря про смертоносное оружие, возьмем чисто скорость. Так вот, они могут разгоняться до пятнадцати процентов от скорости света! Они куда быстрее, чем трисолярианские корабли!

Не вполне доверяя услышанному, Ло Цзи повернулся к медсестре. Он заметил, что та была очень красива. В этом веке, похоже, все неплохо выглядели. Сестра с улыбкой кивнула.

— Да, это правда.

Сюн Вэнь продолжал:

— А знаете, сколько теперь у Земли кораблей? Так я вам скажу: две тысячи! Вдвое больше, чем у трисоляриан! И мы постоянно строим новые!

Ло Цзи опять взглянул на медсестру, и она опять кивнула.

— Вы знаете, в каком плохом состоянии находится флот Трисоляриса? За два столетия они трижды прошли сквозь эту, как ее… да, сквозь межзвездную пыль, ее еще называют «снежным заносом». Я слышал, что последний раз это было

четыре года назад. Через телескоп увидели, что строй кораблей начал распадаться, они уже не держатся друг около друга. Больше половины кораблей давным-давно прекратили разгон; а при пересечении облака пыли они даже потеряли в скорости. Они еле движутся и доберутся до Солнечной системы не раньше, чем через восемьсот лет. Небось эти посудины уже разваливаются на ходу. По расчетам и данным наблюдений, вовремя, то есть через двести лет, прибудет не больше трехсот кораблей. Но один трисолярианский зонд войдет в Солнечную систему очень скоро — в этом году. А потом, через три года, появятся еще девять.

— Зонд… какой зонд? — не понял Ло Цзи.

Вместо Сюн Вэня ответила медсестра:

— Мы не поощряем подобные беседы. Когда предыдущий пациент узнал обо всем этом, ему потребовалось много времени, чтобы успокоиться. Такие разговоры вредят восстановлению проснувшихся.

— Лично меня такие разговоры радуют. Чего это вы всполошились? — пожал плечами Сюн Вэнь и лег обратно на койку. Глядя в светящийся потолок, он вздохнул: — У детишек все в порядке. Просто даже отлично.

— Это кто здесь детишки?! — сморщила нос медсестра. — Гибернация не засчитывается как возраст. Детишка здесь вы!

Ло Цзи решил, что медсестра вообще-то выглядит моложе Сюн Вэня, хотя было понятно, что в этом веке судить о возрасте по внешнему виду не стоит.

— Все проснувшиеся из вашего века находятся почти в отчаянии. Но дела идут не так уж плохо.

Для Ло Цзи это прозвучало гласом ангела. Он почувствовал себя ребенком, который проснулся от кошмара, но улыбка взрослого сразу же прогнала все его страхи прочь. Когда медсестра обращалась к пациенту, на ее халате возникало быстро восходящее солнце; под его золотистыми лучами сухая, желтая почва зеленела, и на ней появлялось множество цветов…

Когда медсестра ушла, Ло Цзи спросил Сюн Вэня:

— А что случилось с проектом «Отвернувшиеся»?

Сюн Вэнь недоуменно потряс головой:

— «Отвернувшиеся»? Никогда не слышал.

Тогда Ло Цзи поинтересовался, когда именно Сюн Вэнь лег в гибернацию. Оказалось, что он заснул до начала проекта, когда гибернация стоила

невероятных денег. Похоже, у его семьи водились деньжата. За те пять дней, что Сюн провел в нынешнем веке, он не слышал об Отвернувшихся. Это означало, что, даже если о проекте и не забыли, он уже не был важен.

Ло Цзи предстояло лично оценить уровень технологии этого века на двух простейших примерах.

Вскоре после заселения в палату медсестра принесла его первый после пробуждения обед — немного молока, хлеба и джема. Его желудок еще не был готов к более тяжелой пище. Он откусил кусочек хлеба, и ему показалось, что он жует опилки.

— Ваше чувство вкуса еще не восстановилось, — пояснила медсестра.

— А когда восстановится, так вы вообще не сможете это есть! — влез со своим комментарием Сюн Вэнь.

Медсестра засмеялась:

— Конечно, это не те продукты, что в ваше время выращивали на поверхности.

— Откуда же тогда все это? — спросил, набив рот, Ло Цзи.

— Производят на фабрике.

— Вы умеете синтезировать зерно?

Сюн Вэнь ответил вместо медсестры:

— Других вариантов, кроме синтеза, просто нет. На поверхности больше ничего не растет.

Ло Цзи пожалел Сюн Вэня. И в его эпоху встречались люди, не интересующиеся технологией и безразличные к ее чудесам. Сюн Вэнь, очевидно, был одним из них. Он был неспособен оценить этот век по достоинству.

Второе открытие невероятно поразило Ло Цзи, хотя сам факт был из простейших. Медсестра показала на стакан с молоком и сообщила, что налила молоко в подогревающий стакан специально для проснувшихся. В этом веке люди почти не пили горячих жидкостей. Даже кофе подавали холодным. Если он не привык пить молоко холодным, то мог подогреть его, поставив регулятор на желаемую температуру. Выпив молоко, Ло Цзи рассмотрел стакан. Самый обычный стеклянный стакан, только дно толстое и непрозрачное. Наверно, в нем и прячется нагревательный элемент. Но как он ни присматривался, не мог увидеть никаких деталей, кроме регулятора. Попытавшись отвинтить дно, он обнаружил, что стакан не разбирается.

— Не надо ломать вещи. Вы пока мало о них знаете. Это опасно, — предупредила медсестра.

— Мне хотелось бы понять, как вы их заряжаете.

— За… заряжаете? — Медсестра с трудом повторила слово; очевидно, что раньше она его не слышала.

— «Charge», «recharge» — повторил Ло Цзи на английском. Но медсестра затрясла головой, не понимая.

— Что будет, когда батарея разрядится?

— Батарея?

— «Batteries», — произнес он по-английски. — Вы больше не пользуетесь батареями? — (Медсестра вновь отрицательно покачала головой.) — Тогда откуда в стакане берется электроэнергия?

— Электроэнергия? Но она повсюду! — наставническим тоном сказала медсестра.

— То есть электричество в стакане будет всегда?

— Всегда.

— Никогда не кончится?

— Никогда. Как оно может кончиться?

Медсестра ушла, а Ло Цзи все никак не мог расстаться со стаканом. Он не обращал внимания на насмешки Сюн Вэня. Эмоции говорили ему, что он держит в руках чудо, древнейшую мечту цивилизации — вечный двигатель. Если челове-

чество на самом деле овладело неисчерпаемым источником энергии, то оно способно сделать практически что угодно. Теперь он верил заверениям красотки-медсестры: все не так плохо.

Позже в палату с плановым обходом зашел доктор, и Ло Цзи спросил его о проекте «Отвернувшиеся».

— Я о нем слышал. Была такая дурацкая хохма в старину, — недолго думая, ответил тот.

— Что сталось с Отвернувшимися?

— Припоминаю, что один совершил самоубийство, другого забили камнями… Все это случилось в первые десятилетия проекта, и с тех пор прошло почти две сотни лет.

— А двое других?

— Не знаю. Наверное, по-прежнему в гибернации.

— Один из них был китайцем. Вы его не помните? — спросил Ло Цзи, с волнением глядя на врача.

— Тот, кто ударил по звезде заклинанием? Вроде бы о нем упоминали в курсе новой истории, — припомнила сопровождающая доктора медсестра.

— Да, тот самый, — сказал Ло Цзи. — Где он сейчас?

— Не знаю. Думаю, так и лежит в гибернации. Я не слежу за этими делами, — рассеянно ответил доктор.

— А что стало со звездой? С той, на которую он наложил заклятие? Это была звезда с планетами. Что с ней произошло? — с замиранием сердца задал Ло Цзи следующий вопрос.

— Что-что… Наверно, висит, где висела. Заклятие, надо же… Это же курам на смех!

— То есть с ней все в порядке?

— По крайней мере, я ничего не слышал. А вы? — обратился он к медсестре.

— Я тоже. — Она отрицательно покрутила головой. — Весь мир был тогда до смерти напуган, было не до всяких заклятых звезд.

— А потом? — У Ло Цзи отлегло от сердца.

— А потом случилась Великая падь, — сказал врач.

— Великая падь? Что это такое?

— Позже узнаете. А пока отдыхайте, — с легким вздохом сказал доктор. — Правда, лучше бы вам о нем вообще не знать. — Он повернулся к выходу. По его белому халату побежали тяжелые, темные тучи. На униформе медсестры появилось множество пар глаз: одни испуганные, другие плачущие.

После ухода доктора Ло Цзи долго сидел на кровати, не двигаясь и бормоча себе под нос: «Хохма… Глупая старая хохма…» — пока не начал смеяться, сперва тихо, а потом во все горло, сотрясаясь от хохота. Он напугал Сюн Вэня, и тот порывался вызвать врача.

— Со мной все в порядке. Спи, — успокоил его Ло Цзи. Он и сам лег и вскоре заснул, впервые с момента пробуждения.

Ему снились Чжуан Янь и дочка. Как и прежде, Чжуан Янь брела сквозь сугробы и несла спящую девочку на руках.

Когда он проснулся, в палату заглянула медсестра и пожелала ему доброго утра. Она говорила тихо, чтобы не будить спящего Сюн Вэня.

— Уже утро? А почему в палате нет окон? — Ло Цзи оглянулся вокруг.

— Любую часть стены можно сделать окном. Но доктор считает, что вам еще рано смотреть наружу. Это слишком необычно, вы разволнуетесь, и ваш отдых нарушится.

— Знаете, что действительно мешает моему отдыху? С момента пробуждения прошло уже порядочно времени, а я так и не знаю, как выглядит мир снаружи. — Ло Цзи показал на Сюн Вэня и пояснил: — Я не такой, как он.

Медсестра рассмеялась:

— Хорошо. Моя смена заканчивается. Могу показать вам окрестности, хотите? А когда вернетесь, позавтракаете.

Ло Цзи в нетерпении последовал за медсестрой в служебное помещение и внимательно осмотрелся. О предназначении половины предметов обстановки он догадывался, но понять, для чего используется другая половина, так и не смог. Ничего, похожего на компьютер, в комнате не было; но этого следовало ожидать, если экран компьютера можно вызвать на любой стене. Внимание проснувшегося привлекли три разноцветных зонтика, стоящих возле двери. Его удивил их размер. У них нет складных зонтиков?

Медсестра вышла из раздевалки. За исключением движущихся изображений на ткани, перемены в женской моде не выходили за пределы ожидаемого. По сравнению с родным веком Ло Цзи самым значительным отличием была бросающаяся в глаза асимметрия. Он с удовольствием подумал, что даже по прошествии ста восьмидесяти пяти лет видит прекрасное в женской одежде. Медсестра подхватила один из зонтиков — должно быть, тяжелый, поскольку она повесила его на плечо.

— Идет дождь?

Она отрицательно покачала головой:

— Вы думаете, что это… зонтик? — спросила она с неуверенностью в последнем слове.

— Если это не зонтик, то что? — Ло Цзи указал на ее ношу, ожидая услышать какое-нибудь странное название.

Но она ответила очень просто:

— Это мой велосипед.

Они вышли в коридор, и Ло Цзи спросил:

— Ваш дом далеко отсюда?

— Если вы спрашиваете, далеко ли отсюда я живу, то недалеко. Десять-двадцать минут на велосипеде, — ответила она. Затем, остановившись и глядя своими прекрасными глазами прямо на него, она произнесла потрясшие Ло Цзи слова: — Частных домов больше нет ни у кого. Замужество, семья — все это исчезло после Великой пади. Это самая первая перемена в образе жизни, к которой вам придется привыкнуть.

— К этой перемене я привыкнуть не смогу.

— Ну, я не знаю. В курсе истории нам говорили, что институт семьи начал разрушаться уже в ваше время. Слишком многие не желали обязанностей и ответственности. Хотели быть свободными от забот. — Она второй раз упомяну-

ла курс истории.

«И я был таким однажды, но потом...» — подумал Ло Цзи. С момента пробуждения он постоянно помнил о Чжуан Янь и дочери. Они были неизменным фоном его сознания, их лица все время стояли перед его мысленным взором. Ло Цзи так никто и не узнал, и с его положением оставалось слишком много неопределенности, чтобы напрямую спросить о семье; а этого ему мучительно хотелось.

Они довольно долго шагали по коридору. Затем вышли через автоматические двери, и у Ло Цзи загорелись глаза: он увидел перед собой узкую, длинную платформу, уходящую вдаль, и ощутил порывы ветра. Он понял, что стоит снаружи.

— До чего же небо синее! — первым делом крикнул он новому миру.

— В самом деле? Но ему далеко до голубого неба вашего времени.

«Нет, здесь оно голубее. Намного голубее!» — подумал Ло Цзи. Он наслаждался объятиями бесконечной синевы; его душа ликовала. А затем пришло сомнение: не рай ли это? За всю свою жизнь он видел такое чистое небо лишь во время пятилетнего затворничества в Саду Эдема. Но на этом небосводе было меньше облаков — лишь

пара бледных пятен на западе, как будто кто-то случайно коснулся его пальцем и оставил отпечаток. Недавно взошедшее солнце сияло в прозрачном воздухе, словно бриллиант, покрытый росой.

Ло Цзи посмотрел вниз, и у него закружилась голова. Глядя с такой высоты, он не сразу сообразил, что видит город. Сперва ему показалось, что он смотрит на исполинский лес, где тонкие стволы взмывают к небу, а от них простираются в стороны ветви самой разной длины. Городские постройки были листьями на этих ветвях. Структура города казалась неупорядоченной, на разных деревьях было разное количество листьев. Центр гибернации и пробуждения находился на одном из больших деревьев. Палата Ло Цзи располагалась в листе, подвешенном к платформе, на которой он сейчас стоял.

Обернувшись, он заметил, что ствол дерева, на ветви которого он находился, уходит так высоко, что исчезает из виду. Ветвь располагалась в средней части ствола или чуть выше. Над ней и под ней тянулись другие ветви, с которых также свисали листья зданий. Приглядевшись, Ло Цзи понял, что ветви пересекаются и образуют сложную систему мостиков, один из концов которых

обрывается в воздухе.

— Как называется этот город?

— Пекин.

Он обернулся к медсестре; под утренним солнцем она выглядела еще привлекательнее. Затем снова посмотрел на город, который она назвала Пекином, и спросил:

— А где центр?

— Вон там. Мы сейчас на внешней стороне Четвертого западного кольца, на дереве 179, ветви 23, листе 18. Отсюда можно видеть почти весь город.

Ло Цзи присмотрелся к указанному девушкой месту:

— Но как же это может быть? Почему ничего не осталось?

— Осталось? Что вы имеете в виду? В ваше время здесь ничего не было!

— Ничего? А дворец императора? Парк Цзиншань? Тяньаньмэнь? Китайский центр мировой торговли? Не прошло даже двух сотен лет. Не могли же их все снести!

— Все они по-прежнему на своих местах.

— Но где?

— На поверхности.

При виде ошарашенного лица спутника она так и покатилась со смеху, даже ухватилась за

перила, чтобы не упасть:

— Ха-ха-ха, я забыла! Извините! Я так часто об этом забываю! Так вот, мы под землей, на глубине в тысячу метров. Если мне когда-нибудь доведется попасть в ваше время, вы тоже забудьте мне сказать, что мы на поверхности, и я тогда перепугаюсь так же, как вы сейчас… Ха-ха-ха!

— Но… это… — он простер руки.

— Небо искусственное. Солнце тоже, — стараясь не улыбаться, пояснила девушка. — Ну, не то чтобы совсем искусственные… Изображение неба передается в реальном времени с камеры на высоте десять километров, а потом проецируется на свод. Так что, наверное, небо можно считать настоящим.

— Зачем надо было строить город под землей? К тому же так глубоко… тысяча метров…

— Из-за войны, конечно. Подумайте сами. Когда придет время битвы Судного дня, на поверхности будет бушевать море огня. В смысле так думали раньше; теперь уже все по-другому, но после окончания Великой пади все города мира выстроили под землей.

— Значит, все города мира теперь находятся под землей?

— Почти все.

Ло Цзи осмотрел окружающее свежим взглядом. Теперь он понял, что стволы огромных деревьев были колоннами, подпирающими свод гигантской пещеры. К этим же колоннам крепились ветви, к которым были подвешены листья.

— Вам не грозит клаустрофобия. Посмотрите, какое небо огромное! На поверхности не настолько красиво.

Ло Цзи снова уставился в голубое небо — точнее, в его проекцию. Он заметил на нем несколько небольших объектов — сперва какие-то разбросанные точки, а потом, когда его глаза приспособились к яркости, он понял, что их очень много, что они повсюду. По какой-то прихоти сознания точки в небе напомнили ему витрину в ювелирном магазине. Еще до того, как он стал Отвернувшимся, когда он влюбился в придуманную им Чжуан Янь, ему однажды захотелось купить ей подарок. Тогда он пошел в ювелирный магазин и стал разглядывать платиновые кулоны в витрине. Кулоны, каждый из которых сама изысканность, лежали и поблескивали в свете ламп на черном бархате. Если заменить черный бархат на синий, то получилась бы та картина, которая сейчас развернулась над его головой.

— Это космический флот? — взволнованно

спросил он.

— Нет. Флот отсюда не увидеть, он за поясом астероидов. А это… ну, там много всякого. То, что покрупнее — можно даже различить очертания, — это орбитальные города. Яркие точки — это гражданские космические корабли. Но порой на орбите появляются и военные корабли. Двигатели у них светятся так, что даже смотреть больно… Ну ладно, мне пора. Не оставайтесь здесь слишком долго — что-то ветер поднимается…

Ло Цзи повернулся к ней, чтобы попрощаться, но увидел такое, что потерял дар речи. Девушка несла свой зонтик, а точнее велосипед, на спине, как рюкзак. Сейчас он раскрылся, и из него поднялись два соосных пропеллера. Они беззвучно закрутились в противоположные стороны, взаимно компенсируя вращающий момент. Девушка неторопливо поднялась в воздух, перелетела через ограждение и зависла над так потрясшей его бездной.

Остановившись в воздухе, она обратилась к проснувшемуся:

— Теперь вы и сами видите, что мы живем в отличное время. Считайте свое прошлое всего лишь сном. До завтра!

Она грациозно развернулась и упорхнула. Бле-

стящие пропеллеры ее велосипеда поблескивали в лучах солнца. Вскоре она стала похожа на маленькую стрекозу, пролетающую между двух исполинских деревьев. Повсюду сновали целые рои таких же «стрекоз». Вереницы летающих автомобилей походили на косяки рыб, лавирующих среди водорослей на морском дне. В косых столбах солнечного света, пронизывающего «заросли» деревьев, потоки транспорта светились золотом.

Увидев этот дивный новый мир, Ло Цзи расплакался. Каждой клеткой тела он ощущал себя заново рожденным. А прошлое… оно и в самом деле было сном.

* * *

В приемной его дожидался мужчина европейской наружности. Ло Цзи почувствовал, что он чем-то отличается от других людей. Через какое-то время он сообразил, что на строгом деловом костюме посетителя не было изображений; он мало чем отличался от официального костюма давно прошедших лет. Возможно, так было принято в торжественных ситуациях.

Они пожали друг другу руки, и посетитель представился:

— Я Бен Джонатан, специальный уполномоченный Конгресса космических флотов. Ассоциация поручила мне организовать ваше пробуждение. А теперь мы присоединимся к заключительным слушаниям по проекту «Отвернувшиеся». Да, извините — а вы меня понимаете? Английский язык ощутимо изменился за это время.

Ло Цзи понимал Джонатана. Ощущение вторжения западной культуры в современный китайский язык, появившееся было у него в последние дни, исчезало по мере разговора с уполномоченным. Джонатан обильно уснащал свою английскую речь китайскими словами. Например, он назвал проект «Отвернувшиеся» по-китайски. Английский язык, до недавнего времени бывший самым распространенным в мире, и китайский, на котором говорило больше всего людей, перемешались друг с другом; так появился самый выразительный язык мира. Позднее Ло Цзи узнал, что таким же образом развивались и другие языки.

«Прошлое — это не сон, — подумал Ло Цзи. — От прошлого не убежать». А потом он вспомнил, что Джонатан назвал предстоящие слушания заключительными. У него затеплилась надежда на скорейшее избавление от бремени Отвернув-

шегося.

Джонатан огляделся, как бы проверяя, что дверь закрыта, затем подошел к стене и вызвал на нее сенсорную панель управления. После нескольких прикосновений стены и потолок превратились в голографические видеоэкраны.

Ло Цзи очутился посреди зала совещаний. Многое заметно изменилось; например, стены и стол мягко светились. Но архитектор явно постарался воссоздать стиль прошлого. Такие детали, как большой круглый стол и трибуна, вызвали у Отвернувшегося ностальгию. Он сразу же понял, где находится.

В зале не было никого, кроме двух секретарей, раскладывавших документы на столе. Ло Цзи удивился, что документы были напечатаны на бумаге. Похоже, это было таким же символом значимости мероприятия, что и костюм Джонатана.

— Телеприсутствие на конференциях сегодня — дело обычное. Это не влияет на серьезность решений, — пояснял Джонатан. — У нас есть еще несколько минут до начала слушаний. Похоже, вы мало знаете о современном мире. Хотите, я введу вас в курс дела?

Ло Цзи кивнул.

— Конечно. Спасибо.

Джонатан обвел зал рукой:

— Буду краток. Начнем со стран. Европа стала единым государством, оно теперь называется Европейское содружество. Включает в себя и Восточную, и Западную Европу, но не Россию. Россия и Беларусь объединились, и название этой страны по-прежнему Российская Федерация. Англоговорящие и франкоговорящие провинции Канады разделились, образовав две страны. В других регионах тоже произошли перемены, но главное вы теперь знаете.

Ло Цзи был потрясен:

— И это все изменения за без малого два века? А я-то думал, что мир за такое время станет неузнаваем.

Джонатан повернулся к Ло Цзи и многозначительно кивнул.

— Доктор Ло, мир и в самом деле неузнаваемо изменился. Просто неузнаваемо!

— Ну что вы, предвестники *таких* перемен появились уже в мое время.

— Но вы не могли предвидеть исчезновения сверхдержав. Политическое влияние всех стран значительно ослабло.

— Всех стран? Тогда кто же поднялся к вершине власти?

— Надгосударственное образование. Космический флот.

Ло Цзи некоторое время размышлял, пока не осознал смысл сказанного.

— Вы хотите сказать, что космический флот провозгласил независимость?

— Да. Космический флот — а точнее, флоты — не принадлежит ни одной стране. Они стали независимой политической и экономической силой. Они входят в состав ООН как равноправные субъекты. На данный момент в Солнечной системе существуют три флота: Азиатский, Европейский и Североамериканский. Названия лишь напоминают, в какой части планеты построили большую часть их кораблей. Сами флоты больше не подчинены создавшим их территориям. Каждый флот обладает могуществом и влиянием сверхдержавы вашего века.

— Боже мой! — воскликнул Ло Цзи.

— Пожалуйста, поймите меня правильно. Земля не находится под пятой военной диктатуры. И территория флотов, и их суверенитет ограничены космосом. Флоты редко вмешиваются в земные дела. Этого требует устав ООН. В данный момент весь человеческий мир поделен между традиционным Земным конгрессом и недавно

возникшим Союзом флотов. Все три флота Союза флотов образуют Флот Солнечной системы. Организация, известная ранее как Совет обороны планеты, стала Конгрессом космических флотов Солнечной системы или же просто Конгрессом космических флотов, ККФ. Теоретически ККФ командует всем Флотом Солнечной системы. Но, так же как у ООН, практической власти у него нет; он лишь совещательная, направляющая сила. Собственно, у Флота Солнечной системы тоже нет ни штаба, ни главнокомандующего. Вся военная мощь любого из трех крупнейших флотов находится в распоряжении его собственного командования. Ну вот, теперь вы знаете достаточно, чтобы принять участие в сегодняшних слушаниях. Их созвал ККФ, поскольку он унаследовал от СОП проект «Отвернувшиеся».

На голографическом мониторе возникло окошко, в котором появились Билл Хайнс и Кейко Ямасуки. Они ничуть не постарели. Хайнс улыбнулся Ло Цзи, но Кейко безучастно сидела рядом с мужем. Она лишь слегка кивнула в ответ на его приветствие.

— Я только что проснулся, — обратился Хайнс к Ло Цзи. — Мне очень жаль, что проклятая вами планета до сих пор вращается вокруг своей звез-

ды в пятидесяти световых годах от нас.

— А, та глупая старая шутка… — с самоиронией отмахнулся Ло Цзи.

— Но вы счастливчик по сравнению с Тайлером и Рей Диасом.

— А вы, похоже, стали единственным Отвернувшимся, добившимся успеха. Возможно, ваша стратегия и в самом деле сделала человека умнее.

Хайнс вернул Ло Цзи его самоироничную улыбку и отрицательно покачал головой:

— Нет, она не сделала человека умнее. Мне рассказали, что уже после моего ухода в гибернацию исследования разума уперлись в непреодолимое препятствие. Ученым требовалось изучать мозг на квантовом уровне, но обойти барьер софонов так и не удалось. Мы не добавили человечеству ума. В лучшем случае мы придали чуть больше уверенности некоторым людям, только и всего.

Когда Ло Цзи положили в гибернацию, процесс запечатывания разума еще не был изобретен. Поэтому он не понял, о чем говорит Хайнс, однако заметил, что в тот момент по непроницаемому лицу Кейко Ямасуки пробежала загадочная улыбка.

Окошко закрылось, и Ло Цзи увидел, что зал

теперь полон. Большинство присутствующих носили военную форму — ее фасон почти не изменился за прошедшие годы. Ни у кого не было видно картинок на одежде; но петлицы и погоны слегка светились.

Переходящий пост председателя ККФ в данный момент занимал гражданский служащий. Ло Цзи посмотрел на него и вспомнил Гаранина. Ло Цзи только сейчас понял, *как* ему, человеку из давно прошедших времен, повезло; его современников поглотила безжалостная река времени.

Заседание началось с выступления председателя:

— Уважаемые делегаты, нам предстоит провести последний раунд голосования по законопроекту № 649, выдвинутому в этом году Североамериканским и Европейским флотами на сорок седьмой совместной конференции. Теперь я зачитаю текст предлагаемого закона:

На второй год после начала Трисолярианского кризиса Совет обороны планеты при ООН разработал проект «Отвернувшиеся». Проект был единогласно одобрен постоянными членами ООН и в следующем году реализован. Суть проекта заключалась в разработке оборонных стратегий, скрытых от наблюдения софонов

внутри мозга человека. Постоянные члены ООН назначили четырех Отвернувшихся и поставили перед ними задачу планирования и осуществления таких стратегий. ООН приняла Закон об Отвернувшихся, который наделял Отвернувшихся необходимыми для их деятельности правами.

Проект «Отвернувшиеся» выполнялся на протяжении двухсот пяти лет, включая период неактивности, длившийся более ста лет. За это время руководство проектом перешло от расформированного Совета обороны планеты к нынешнему Конгрессу космических флотов.

Проект задумывался в необычный исторический период. Только что разгорелся Трисолорианский кризис. Международное сообщество, потрясенное небывалой угрозой, оказалось охвачено страхом и безнадежностью. Проект «Отвернувшиеся» был порождением этого психологического климата. Его приняли в порыве отчаяния, без тщательной, детальной проработки.

Исторические факты доказали, что как стратегическая инициатива проект «Отвернувшиеся» полностью и безнадежно провалился. Не будет преувеличением утверждать, что он стал самым наивным и глупым предприятием, когда-либо осуществленным человечеством. Отвернувшим-

ся предоставили огромные права без надзора со стороны законодателей. Им даже дали право вводить международное сообщество в заблуждение. Таким образом, моральные и юридические нормы общества оказались нарушены на самом фундаментальном уровне.

За время осуществления проекта было бесполезно растрачено огромное количество стратегически важных ресурсов. Проект «рой москитов» Отвернувшегося Фредерика Тайлера оказался не имеющим оборонного значения. Меркурианский проект Мануэля Рей Диаса невозможно реализовать даже с помощью современной технологии. Более того, оба этих плана были преступными. Тайлер задумал атаковать и уничтожить флот Земли, а у Рей Диаса намерения были еще более зловещими: он собирался взять в заложники всех жителей нашей планеты.

Два других Отвернувшихся также разочаровали. Подлинные намерения Отвернувшегося Хайнса до сих пор не раскрыты; однако применение его побочного результата, метода запечатывания разума, в космических силах также является преступлением. Оно нарушает свободу мысли, а ведь на ней строятся выживание и развитие всей нашей цивилизации. Что же касается Отвернув-

шегося Ло Цзи, то он сначала безответственно расходовал общественные средства на поддержание своего гедонистического образа жизни, а затем играл на публику, строя из себя мистика.

Мы полагаем, что, учитывая значительное усиление человечества и перехват инициативы в войне, проект «Отвернувшиеся» больше не имеет смысла. Пришла пора положить конец этому затянувшемуся недоразумению, доставшемуся нам в наследство. Мы предлагаем ККФ незамедлительно закрыть проект и упразднить Закон ООН об Отвернувшихся.

Конец законопроекта.

Председатель неспешно отложил бумаги и, поглядывая в зал, продолжил:

— Теперь мы проведем голосование по законопроекту ККФ № 649. Кто за?

Все делегаты подняли руки.

В эту эпоху все еще голосовали по старинке. Вдоль рядов кресел с важным видом ходили референты и подсчитывали результаты. Когда собранные цифры передали председателю, тот объявил:

— Законопроект № 649 принят единогласно и вступает в силу немедленно.

Председатель поднял взор от документов. Ло

Цзи не мог сказать, смотрит ли председатель на Хайнса или на него, поскольку — как и на самой первой своей телеконференции сто восемьдесят пять лет назад — он не знал, где в зале висит экран.

— Теперь, когда проект закрыт, Закон об Отвернувшихся также утратил силу. От лица ККФ я уведомляю Билла Хайнса и Ло Цзи, что ваш статус Отвернувшихся аннулирован. У вас больше нет прав, предоставленных вам законом; ваша юридическая неприкосновенность также отменяется. Вы теперь обычные граждане ваших стран.

Председатель объявил заседание закрытым. Джонатан встал и отключил голографические экраны, тем самым прекращая двухсотлетний кошмар Ло Цзи.

— Доктор Ло, насколько мне известно, именно на такой результат вы и надеялись, — улыбнулся ему Джонатан.

— Да. Мне и правда этого хотелось. Спасибо, господин уполномоченный. Я также благодарю ККФ за восстановление моего статуса обычного человека, — от всего сердца произнес Ло Цзи.

— Проголосовали и разошлись — вот и все заседание. Я уполномочен детально обсудить интересующие вас вопросы. Начинайте с самого

важного.

— Что с моей женой и дочкой? — Ло Цзи не смог сдержать вопроса, который мучил его с момента пробуждения.

— Не беспокойтесь, с ними все в порядке. Они пока в гибернации. Я сообщу все данные, и вы сможете подать заявку на их пробуждение, когда пожелаете.

— Благодарю вас! Благодарю вас! — Глаза Ло Цзи налились слезами, и он снова ощутил райское блаженство.

— Но, доктор Ло, у меня есть для вас небольшой совет. — Джонатан подсел поближе. — Проснувшемуся не так-то просто адаптироваться к нашей эпохе. Я советую вам сначала устроить свою жизнь и только потом будить близких. Финансирования ООН хватит еще на двести тридцать лет их сна.

— Ну хорошо… И как же мне теперь устроиться?

Уполномоченный засмеялся в ответ:

— Об этом не беспокойтесь. Вам может быть непривычно в наше время, но жизнь как таковая проблемой не станет. Эта эпоха славится превосходным социальным обеспечением, и человек может жить в комфорте, даже если нигде не

работает. Университет, в котором вы раньше преподавали, располагается здесь, прямо в городе. Мне сказали, что они не прочь принять вас на работу; с вами свяжутся позже.

В голову Ло Цзи внезапно пришло воспоминание, от которого его затрясло:

— А что будет с моей безопасностью, если я выйду на улицу? Меня же хочет убить ОЗТ!

— ОЗТ? — захохотал Джонатан. — Общество «Земля-Трисолярис» уже лет сто как разгромлено подчистую! В сегодняшнем мире им не на кого опереться. Разумеется, у нас есть кое-кто с подобной идеологией, но они неспособны объединиться. Вам ничто не угрожает.

В конце визита Джонатан больше не придерживался официального тона; на его костюме засияла какая-то искаженная, гротескная картинка неба. Джонатан с улыбкой обратился к Ло Цзи:

— Доктор, среди всех деятелей истории, с которыми мне довелось встретиться, у вас самое оригинальное чувство юмора. Это надо же было додуматься наложить заклятие на звезду! Ха-ха-ха!

* * *

Ло Цзи стоял в одиночестве посреди приемной и молча размышлял об окружающей его реальности. Отслужив два столетия на посту спасителя человечества, он снова стал обычным человеком. В новом мире его ожидала новая жизнь.

— Теперь, мой мальчик, ты плебей! — прервал его раздумья чей-то хриплый голос. Ло Цзи повернулся к двери и увидел входящего Ши Цяна. — Тут от тебя мужик только что вышел, он мне и рассказал.

Они радостно обнялись и забросали друг друга вопросами. Ши Цяна разбудили два месяца назад. Его вылечили от лейкемии. Врачи также обнаружили у него проблемы с печенью — вероятно, из-за пристрастия Да Ши к выпивке. Это они тоже поправили. Обоим старым знакомым казалось, что они лишь недавно расстались — не больше чем четыре или пять лет назад, ведь в гибернации течение времени не ощущается. Встреча в будущем, через две сотни лет, скрепила их дружбу.

— А я за тобой. Нечего тут рассиживаться! — Ши Цян достал из рюкзака ворох одежды для Ло Цзи.

— А он не великоват? — Ло Цзи рассматривал

поданный ему пиджак.

— Эх ты, неуч! Я проснулся на целых два месяца раньше, так что ты по сравнению со мной просто дикарь — ни о чем не имеешь понятия. Давай надевай!

Ши Цян показал ему пару кнопок на рубашке и объяснил, что ими подгоняют размер. Когда Ло Цзи оделся, раздалось шипение, и одежда медленно уменьшилась, став впору. То же самое произошло и с брюками.

— Эй, а ты, часом, не в той же одежде, которую носил двести лет назад? — спросил Ло Цзи. Он отчетливо помнил кожаную куртку, в которой видел Да Ши последний раз перед гибернацией. Сейчас на том была точно такая же.

— Почти все мои шмотки пропали во время Великой пади. Моей семье удалось сберечь один комплект. Но ходить в этой одежде уже невозможно. У тебя тоже должна остаться всякая мелочовка из той эпохи. Когда устроишься, сходишь и заберешь. Да, мой мальчик, когда ты увидишь, как все изменилось, только тогда и прочувствуешь, что двести лет — это немало.

Ши Цян коснулся чего-то на куртке и нажал. Куртка тотчас же стала снежно-белой. Текстура натуральной кожи оказалась всего лишь кар-

тинкой.

— Просто люблю, когда оно как в старые времена.

— А моя одежда тоже может показывать картинки, как у них? — поинтересовался Ло Цзи, оглядывая себя.

— Может, но ее надо программировать, а это такая морока. Пошли!

Ло Цзи и Ши Цян спустились на встроенном в ствол лифте, прошли через вестибюль дерева и ступили в новый мир.

* * *

Когда уполномоченный отключил голографическую трансляцию, заседание еще фактически не кончилось. Ло Цзи успел расслышать чей-то голос. Это была женщина; Ло Цзи не разобрал слов, но все присутствующие посмотрели в одну и ту же точку. В этот момент Джонатан погасил экраны. Он наверняка тоже услышал выкрик, но после официального закрытия заседания Ло Цзи, отныне простой человек без статуса Отвернувшегося, не имел права присутствовать на собрании, даже если оно продолжалось.

Говорившей оказалась Кейко Ямасуки:

— Господин председатель, я должна сделать

заявление!

— Доктор Ямасуки, вы не Отвернувшийся. Вам позволили присутствовать с учетом вашего особого положения, но права на выступление у вас нет, — одернул ее председатель.

Никто из делегатов не проявил к ней интереса. Они вставали, собираясь уходить. С их точки зрения, весь проект «Отвернувшиеся» являлся не более чем любопытным историческим курьезом, на который им пришлось потратить время и силы. Но следующие слова Кейко, обратившейся к мужу, приковали собравшихся к месту:

— Отвернувшийся Билл Хайнс, я ваш Разрушитель!

Хайнс уже вставал из-за стола. Ноги под ним подкосились, и он рухнул обратно в кресло. Делегаты переглядывались и перешептывались. Хайнс побледнел.

— Я надеюсь, кое-кто из вас еще помнит, что означают мои слова, — властно произнесла Ямасуки.

— Да, мы знаем, кто такой Разрушитель, — подтвердил председатель. — Но вашей организации больше не существует.

— Мне это известно, — бесстрастно произнесла Кейко. — Но, как последний член ОЗТ, я исполню

свой долг перед Господом.

— Мне следовало догадаться, Кейко! Мне следовало догадаться… — Голос Хайнса дрожал; казалось, что бывший Отвернувшийся внезапно обессилел. Он знал, что его жена является поклонницей идей Тимоти Лири[105]; ее фанатическое стремление переделать мозг человека при помощи технологии не было для него секретом. Но он так и не свел эти факты воедино, не сообразил, что за этим стоит ненависть к человечеству, скрытая в глубине ее души.

— Прежде всего мне хотелось бы сообщить, что развитие разума человека не являлось подлинной целью твоей стратегической инициативы. Ты как никто другой знаешь, что это абсолютно невозможно осуществить в обозримом будущем — ведь это ты открыл квантовую структуру мозга. Ты всегда знал, что, как только исследования достигнут квантового уровня, блокировка софонов положит им конец. Разработка технологии ментальной печати была не случайным побочным продуктом, а истинной целью твоей работы!

---

[105] Примечания: 105

Тимоти Фрэнсис Лири — американский писатель, психолог, программист. Исследовал влияние психоделиков на психику и нервную систему человека. Лири активно пропагандировал психоделики, особенно ЛСД. (*Прим. перев.*)

Кейко Ямасуки повернулась к залу:

— А теперь я хотела бы вас всех кое о чем спросить: что случилось с запечатыванием разума за все те годы, что мы провели в гибернации?

Ответил делегат Европейского флота:

— Ничего особенного. Порядка пятидесяти тысяч служащих национальных вооруженных сил добровольно прошли запечатывание и уверовали в победу. Они образовали особую группу, их назвали «проштампованными». Впоследствии, где-то через десять лет после того, как вы заснули, международный суд объявил эту технологию преступлением против свободы мысли. Единственное устройство для наложения ментальной печати — то самое, в Центре веры — демонтировали и отвезли на склад. Производство и применение такого оборудования были запрещены по всему миру, и за этим следили так же пристально, как и за нераспространением ядерного оружия. Собственно, запечатать разум оказалось бы труднее, чем собрать бомбу, — из-за сложнейшего компьютера, необходимого для управления процедурой. К тому времени развитие компьютерной техники практически остановилось. Такой компьютер, который требуется для нейронного сканера, даже сегодня

считается суперкомпьютером. У обычных граждан и организаций к нему доступа нет.

Тогда Кейко Ямасуки предъявила первый существенный факт:

— Вы не знаете, что устройств для наложения печати было несколько. Пять, если быть точным, и каждое управлялось своим суперкомпьютером. Четыре из них Хайнс тайно передал уже запечатанным людям — тем, кого вы назвали «проштампованными». В те годы их было не более трех тысяч, но они уже образовали сплоченную, наднациональную организацию внутри вооруженных сил отдельных стран. Я узнала об этом не от Хайнса, а от со-фонов. Господа не заботит вера в победу; поэтому мы не предпринимали никаких действий.

— Какое это имеет значение? — спросил председатель.

— Давайте подумаем. Устройству для запечатывания разума не требуется работать постоянно. Его включают, когда нужно. Каждое устройство прослужит очень долго; если регулярно проводить профилактику, то лет пятьдесят. Если использовать все четыре машины по очереди, запуская следующую после износа предыдущей, то их ресурса хватит на двести лет. Это означает,

что «проштампованные», возможно, не вымерли, а существуют до сих пор. Это культ, который истово верит при помощи машины. Ритуал приема — добровольное запечатывание разума.

Поднялся делегат Североамериканского флота:

— Доктор Хайнс, должность Отвернувшегося вас теперь не защищает, и закон больше не позволяет вам обманывать весь мир. Ответьте честно, перед лицом ККФ: говорит ли ваша жена, или, точнее, ваш Разрушитель, правду?

— Она говорит правду, — сокрушенно кивнул Хайнс.

— Это преступление! — вскричал делегат Азиатского флота.

— Может быть. — Хайнс снова кивнул. — Но так же, как и все вы, я не знаю, дожили ли «проштампованные» до сегодняшнего дня.

— Это неважно! — заявил делегат Европейского флота. — Я считаю, что надо найти все остающиеся устройства и обезопасить их — может быть, даже уничтожить. Что же касается «проштампованных» — если они приняли печать добровольно, то не нарушили никаких законов своего времени. Если они запечатывали разум других добровольцев, то действовали под влиянием веры, полученной ранее технологическим

путем, поэтому опять-таки не заслуживают наказания. Таким образом, все, что нам нужно сделать, это отыскать устройства. С «проштампованными» ничего делать не требуется. Нет ничего плохого в том, что дюжина-другая военнослужащих флота искренне верит в победу. По крайней мере, вреда от них нет. Это должно оставаться личным делом каждого, и никому не надо знать, кто «проштампован». Впрочем, мне трудно даже представить, почему кто-то сегодня нуждается в печати — победа человечества и так не вызывает сомнения.

Кейко Ямасуки насмешливо улыбнулась. Делегатам почудилось, что они стоят перед старинной картиной, на которой лунный свет блестит на чешуе прячущейся в траве змеи.

— До чего же вы наивны! — уронила она.

— До чего же вы наивны, — эхом отозвался Хайнс, низко склоняя голову.

Ямасуки вновь повернулась к мужу:

— Хайнс, ты всегда утаивал от меня свои мысли — даже прежде, чем стать Отвернувшимся.

— Я боялся, что ты станешь меня презирать, — проговорил Хайнс, не поднимая головы.

— Сколько раз мы молча смотрели в глаза друг другу там, в бамбуковой роще посреди тихо спя-

щего Киото? Я видела в твоих глазах одиночество Отвернувшегося; я знала, что тебе не терпится поговорить. Сколько раз ты был близок к тому, чтобы сказать мне правду? Ты жаждал утонуть в моих объятиях, сквозь слезы рассказать мне все и снять с души этот непосильный груз. Но долг Отвернувшегося сдерживал тебя. Обман — даже обман своей любимой — был одной из твоих обязанностей. Я могла лишь смотреть в твои глаза в надежде отыскать там призрачный след твоих тайных мыслей. Ты даже представить себе не можешь, сколько бессонных ночей я провела рядом, ожидая, что ты пробормочешь во сне хоть слово! Я пристально наблюдала за тобой, подмечая каждое движение, каждый взгляд. Когда ты лежал в гибернации в первый раз, я их вспоминала — не от тоски по тебе, а потому, что хотела разгадать твои секреты. Долгое время мне это не удавалось. Я не сомневалась, что ты носишь маску, но лицо под маской было от меня скрыто. Тянулись годы; наконец, тебя разбудили. Пройдя сквозь облако нейронной сети, ты остановился возле меня, и я взглянула в твои глаза. И тогда, наконец, я догадалась. Я ведь повзрослела на восемь лет, а ты остался прежним. Так я и раскрыла твои истинные намерения.

Тогда-то я и узнала настоящего Билла Хайнса — убежденного пораженца и горячего приверженца эскапизма. И до назначения на должность Отвернувшегося, и после ты стремился лишь к одной цели — к Исходу человечества. Твой гений, если сравнить с другими Отвернувшимися, заключался не в создании ложной стратегии, а в маскировке твоих собственных политических взглядов.

Но я все еще не знала, как именно ты собираешься достичь этой цели, занимаясь исследованиями мозга и мыслей. Я этого не понимала, даже когда мы изобрели ментальную печать. Лишь когда я уже входила в гибернацию, я вспомнила глаза «проштампованных» — такие же, как у тебя. И тогда меня осенило! Наконец я смогла истолковать загадочное выражение твоего лица. Я теперь знала твой секрет — но не могла никому ничего сказать, провалившись в сон на два столетия.

— Мадам Ямасуки, ничего особенного я в этом не вижу, — прокомментировал делегат Североамериканского флота. — История открытия технологии запечатывания разума нам известна. Первые пятьдесят тысяч добровольцев прошли ее под самым пристальным контролем.

— Верно, — ответила Кейко, — но комиссия

наблюдателей проверяла только текст символа веры. Электронику нейронного сканера проверить намного труднее.

— Но в документах говорится, что техническая сторона вопроса также находилась под контролем и что аппаратуру неоднократно проверяли, прежде чем приступить к эксплуатации, — возразил председатель.

Кейко Ямасуки отрицательно покачала головой:

— Нейронный сканер — это комплекс невероятно сложного оборудования. А безупречного контроля не бывает. В частности, я говорю об одном-единственном лишнем знаке «минус» посреди сотен миллионов строк текста программы. Его не заметили даже софоны.

— Знак «минус»?

— Когда Хайнс создал математическую модель веры в подлинность произвольного заявления, он также построил модель веры в ложность. Этого он и добивался. Он утаил свое открытие от всех, включая меня. Ему даже не потребовалось особых ухищрений, поскольку две модели очень похожи друг на друга. В модели нейронных посылок различие заключается в направлении передачи ключевого сигнала от одного нейрона к другому.

В компьютерной модели это знак «минус». Положительное число для веры, отрицательное — для неверия. Работая втайне от других, Хайнс внес преднамеренную ошибку в программу управления нейронным сканером. Знак «минус» оказался в рабочих программах всех пяти установок.

Зал заполнила зловещая тишина. Раньше такое случилось лишь однажды, когда во время слушаний СОП Рей Диас продемонстрировал «колыбель» на своем запястье и объявил, что приемник радиосигнала находится поблизости.

— Доктор Хайнс, что вы натворили?! — гневно повернулся к нему председатель.

Хайнс поднял голову; все заметили, что к его лицу вернулся нормальный цвет. Бывший Отвернувшийся говорил спокойно и ровно:

— Признаю, что недооценил возможности человечества. Вы достигли невероятных высот. Я видел ваши достижения, я вам верю, и я также верю, что победа в войне достанется нам. Эта вера так крепка, как будто ее запечатали нейронным сканером. Пораженчество и эскапизм, две идеи двухсотлетней давности, сейчас вызывают лишь смех. Однако, господин председатель и господа депутаты, я хотел бы объявить всему миру, что невозможно заставить меня покаяться в соде-

янном.

— Полагаете, что вам не в чем раскаиваться? — возмутился делегат Азиатского флота.

Хайнс выпрямился в кресле:

— Речь не о том, есть мне в чем каяться или нет. Это просто физически невозможно. Я воспользовался технологией запечатывания разума и наложил печать на себя. Я верю, что мой стратегический план Отвернувшегося правилен от начала до конца.

Делегаты в изумлении переглянулись. Даже на лице Кейко Ямасуки, повернувшейся к мужу, появилось такое же выражение.

Хайнс улыбнулся ей и кивнул:

— Да, дорогая — если позволишь мне так тебя называть. Лишь таким образом я смог обрести необходимую силу духа, чтобы работать над своими замыслами. Сейчас я верю, что все, что я сделал, правильно. Я верю в это безусловно, даже если вера противоречит фактам. Запечатывание разума превратило меня в моего собственного бога — а у бога не бывает сомнений.

— Вы будете так считать, даже когда в не таком уж отдаленном будущем трисоляриане сложат оружие перед могуществом землян? — В глазах председателя светилось не потрясение, а любо-

пытство.

Хайнс с серьезным видом кивнул:

— Я и тогда продолжу верить в собственную непогрешимость. Все элементы моего плана Отвернувшегося безупречны. Конечно, теперь, когда ситуация изменилась, моя жизнь превратится в мучение. — Хайнс посмотрел на жену: — Дорогая, ты же знаешь, однажды я уже прошел через подобную пытку — когда верил, что вода ядовита.

— Давайте вернемся в наше время. — Голос делегата Североамериканского флота перекрыл приглушенный гул зала. — Вопрос в том, дожили ли «проштампованные» до наших дней. Все же прошло больше ста семидесяти лет. Если такая группа или организация, искренне верующая в поражение, существует, почему же никакие факты на то не указывают?

— Возможны два варианта, — ответил делегат Европейского флота. — Один заключается в том, что аппараты запечатывания разума давно вышли из строя и это ложная тревога…

Делегат Азиатского флота подхватил его мысль:

— Но есть и другой вариант. Никакие факты не указывают на существование «проштампован-

ных» — вот это-то и тревожит больше всего.

* * *

Ло Цзи и Ши Цян гуляли по подземному городу среди теней, отбрасываемых стволами. Над ними, огибая постройки, пролетали автомобили. Коробки отдельных зданий свисали с ветвей наподобие листьев, поэтому на земле не было улиц — была лишь открытая территория, над которой то здесь, то там возвышались стволы.

Здесь было замечательно. Травяные лужайки, рощи обычных деревьев и чистый воздух создавали впечатление ухоженного парка. Мимо друзей спешили по своим делам горожане, похожие в своих сияющих одеждах на светлячков. Ло Цзи впечатлило развитие городской архитектуры — теперь толчея и шум перенеслись куда-то высоко в воздух, а внизу, на земле, царила первозданная благодать. Здесь не ощущалось даже тени войны; все вокруг предназначалось для отдыха и развлечений.

Они не успели уйти далеко, когда Ло Цзи услышал приятный женский голос: «Вы не господин Ло Цзи?» Он оглянулся; голос шел с информационного щита, установленного в траве возле дорожки. С экрана на него смотрела красивая

женщина в униформе.

— Это я, — кивнул Ло Цзи.

— Здравствуйте. Я финансовый консультант № 8065 универсальной системы банковского обслуживания. Добро пожаловать в наш век! А теперь я представлю ваш финансовый отчет.

На экране появилась таблица.

— Перед вами таблица инвестиций за девятый год эры Кризиса. Она включает в себя депозитные счета в Торгово-промышленном и Строительном банках Китая. У вас также есть акции предприятий, но они частично обесценились в период Великой пади.

— Как она узнала, что я здесь? — прошептал Ло Цзи.

Ши Цян пояснил:

— Тебе под кожу левой руки зашили чип. Не беспокойся, нынче у всех есть такие. Используются как удостоверение личности. Любой экран тебя узнает. Куда бы ты ни пошел, увидишь на щитах рекламу, подобранную лично для тебя.

Явно услышав слова Ши Цяна, консультант запротестовала:

— Господин, это не реклама! Это услуга, оказываемая универсальной системой банковского обслуживания!

— Сколько у меня на счету? — спросил Ло Цзи.

На экране рядом с консультантом вспыхнула сложная диаграмма.

— Перед вами состояние всех ваших процентных счетов начиная с девятого года эры Кризиса. Разобраться в этой диаграмме непросто, но я скопировала ее в вашу личную папку.

Диаграмма сменилась другой, попроще.

— А здесь ваши финансы на данный момент, по всем счетам в универсальной системе банковского обслуживания.

Ло Цзи не имел ни малейшего представления, что означают все эти цифры. Тогда он спросил напрямую:

— Так сколько же?

— Парень, да ты богач! — Ши Цян от души хлопнул его по плечу. — У меня поменьше будет, но тоже ничего так! Что ни говори, двести лет сложных процентов — это и в самом деле долгосрочные вложения. Из бедняка стал богатеем. Жалею только, что побольше не скопил!

— Но… вы уверены, что тут нет ошибки? — Ло Цзи с недоверием смотрел на экран.

— А? — Большие глаза консультанта вопросительно смотрели на Ло Цзи.

— Прошло больше ста восьмидесяти лет. Разве

не было инфляции? Не было никаких финансовых потрясений?

— Ты чересчур много думаешь. — Ши Цян вытащил из кармана пачку сигарет. Ло Цзи понял, что табак по-прежнему в ходу. Удивительным было то, что, вытянув из пачки сигарету, Ши Цян задымил ею, не прикуривая.

— В период Великой пади произошло много циклов инфляции, — ответила консультант, — и финансово-кредитная система была близка к развалу. Однако в соответствии с действующим законом проценты по вкладам спящих рассчитываются по особой формуле. Она опускает период Великой пади; вложения пересчитываются в деньги времен после пади, и калькуляция процентов продолжается с этой точки.

— Вот это да! Обслуживание по высшему классу! — воскликнул Ло Цзи.

— В хорошее время живем, кореш, — дыхнул дымом Ши Цян. Затем, воздев тлеющую сигарету, заметил: — Разве что курево паршивое.

— Господин Ло Цзи, сейчас мы только познакомились. Когда вам будет удобно, мы обсудим ваши финансовые потребности и план инвестиций более подробно. Если у вас нет других вопросов, я прощаюсь. — Консультант улыбну-

лась и помахала рукой.

— У меня есть один вопрос, — быстро вставил Ло Цзи. Он не знал, как принято обращаться к девушкам в эту эпоху, и не хотел ошибиться. Поэтому он просто сказал:

— Я мало знаком с этим временем — извините, пожалуйста, если мой вопрос вас обидит.

Консультант опять улыбнулась:

— Не беспокойтесь. Это часть наших обязанностей — как можно скорее познакомить вас с нашей эпохой.

— Вы живой человек или робот? Или вы программа?

Консультант, ничуть не обидевшись, ответила:

— Разумеется, я живой человек! Разве компьютер справится с такой сложной работой?

Изображение женщины исчезло с экрана. Ло Цзи обратился к Ши Цяну:

— Да Ши, кое-чего я не понимаю. Вокруг нас эпоха, в которой изобретены вечный двигатель и синтетическое зерно. Но компьютерная технология совсем не продвинулась! Искусственный интеллект не способен даже дать справку о банковском счете!

— Какой еще вечный двигатель? О чем это ты? — недоуменно спросил Ши Цян.

— Вечный двигатель — олицетворение бесконечного запаса энергии.

— Где? — Ши Цян посмотрел вокруг.

Ло Цзи ткнул пальцем вверх, указывая на транспортные потоки над головой:

— Вон те летающие автомобили. Они на бензине работают или на аккумуляторах?

Ши Цян затряс головой:

— Ни на том, ни на другом. На Земле больше не осталось нефти. Автомобили могут летать вечно, без аккумуляторов, и никогда не останутся без питания. Потрясающие штуковины. Подумываю купить себе такую.

— Почему же тебя не восхищает это технологическое чудо? Безграничная энергия для всего человечества! Это ведь такое же великое событие, как создание неба и земли первопредком Пань-гу! Разве ты не понимаешь, насколько великолепен этот век?

Ши Цян отбросил окурок в сторону; потом, передумав, поискал его в траве, поднял и бросил в ближайшую урну.

— Да с чего это мне восхищаться? Ты же работник умственного труда — куда соображалку подевал? Такая технология существовала уже в нашу эпоху!

— Серьезно, что ли?

— Я в технике не мастак, но кое-что знаю. Когда я работал в полиции, мне однажды довелось воспользоваться «жучком», который не нуждался в батарейках. Знаешь, на чем он работал? На микроволновой радиации, которой его облучали. Вот так сегодня и распространяют электроэнергию — разве что усовершенствованным методом.

Ло Цзи остановился и надолго уставился на Ши Цяна; а потом поднял глаза на пролетающие вверху автомобили. Он вспомнил про стакан с подогревом и наконец понял: это был всего лишь беспроводной приемник электроэнергии. Подключенный к источнику питания передатчик генерировал либо микроволны, либо сигналы в каком-то другом участке электромагнитного спектра. Внутри заданного объема возникало электромагнитное поле, а приемники в разных устройствах и механизмах, оснащенные соответствующей антенной, извлекали из поля энергию. Как и говорил Ши Цян, эта технология считалась рядовой даже двести лет назад. Ею не пользовались только по одной причине: высокий процент потерь. Удавалось извлечь лишь малую долю переданной энергии; большая же часть терялась. В эти дни, однако, стабильные и надежные тер-

моядерные генераторы производили так много энергии, что потери при беспроводной передаче никого не заботили.

— А что с зерном? Его же вроде бы синтезируют? — спросил Ло Цзи.

— Я бы не сказал. Злаки по-прежнему выращивают из семян. Но это делается на фабриках, в огромных баках с питательной средой. Растения генетически изменены; я слышал, что вырастает только колос, без стебля. Из-за искусственного освещения они растут быстро, а вдобавок их еще и облучают стимулирующими лучами. Урожай пшеницы или риса можно вырастить за неделю. Со стороны кажется, будто зерно производят машины.

— Вот как… — вздохнул Ло Цзи. Розовые очки восторга спали, и перед его взором предстала картина реального мира. Он понял, что даже в это чудесное время софоны продолжают летать повсюду и что наука человечества не может сделать ни одного шага вперед. Земная технология никогда не пересечет черты, проведенной софонами.

— А космические корабли, достигающие пятнадцати процентов от скорости света?

— Ну, это правда. Когда военные корабли собираются на маневры, в небе загорается крохотное

солнце. А их оружие… Позавчера я видел репортаж по телевизору об учениях Азиатского флота. Они мазнули лазерной пушкой по цели размером с авианосец. Половина этого железного корыта испарилась, как кусок льда. Другую половину разнесло — только брызги полетели, прямо тебе праздничный фейерверк. А еще у них есть рельсовые пушки, так те стреляют железными шарами размером с футбольный мяч по сотне в секунду, разгоняя их до орбитальных скоростей. За минуту могут снести целую гору на Марсе. Пусть даже у человечества и нет вечного двигателя — все равно с такой технологией Земля, само собой, способна остановить Трисолярианский флот.

Ши Цян подал Ло Цзи сигарету и объяснил, как повернуть кончик фильтра, чтобы она загорелась. Друзья закурили и принялись наблюдать, как завитки белого дыма поднимаются к небу.

— Так или иначе, парень, это хорошая эпоха.

— Да. Хорошие времена.

Не успел Ло Цзи договорить, как Ши Цян бросился на него, и оба покатились в траву. Оттуда, где они только что стояли, послышался грохот — в паре метров от них громоздились обломки летающего автомобиля. Ло Цзи ударило взрывной волной, над головой пролетела шрапнель.

Она снесла половину стоящей неподалеку информационной панели; на землю посыпались осколки стекла. Пока Ло Цзи оставался лежать с кружащейся головой и подбитым глазом, Ши Цян вскочил и подбежал к месту аварии. Дискообразный корпус разломился и погнулся, но не загорелся, поскольку в топливе машина не нуждалась. Из-под искореженных обломков доносился треск электрических разрядов.

— В машине никого нет, — сообщил Ши Цян, когда Ло Цзи, хромая, подошел к нему.

— Да Ши, ты снова спас меня, — признал Ло Цзи, опираясь на плечо друга и потирая ушиб на ноге.

— Интересно, сколько еще раз мне придется это делать? Ты бы вел себя поосторожнее да смотрел в оба. — Ши Цян показал на разбитый автомобиль. — Ни о чем не напоминает?

Ло Цзи припомнил события двухсотлетней давности и невольно вздрогнул.

На одежде собравшихся вокруг прохожих синхронно мерцали мрачные картинки. Под рев сирен приземлились два автомобиля; из них выскочили полицейские и оцепили место крушения. Их форменная одежда ярко светилась наподобие огней аварийных служб, затмевая

одежду зевак. Один офицер подошел к Ло Цзи и Ши Цяну; его форма сияла так, что им пришлось закрыть глаза.

— Вы стояли прямо на месте падения автомобиля! Ранений нет? — с беспокойством спросил полицейский. Он, очевидно, догадался, что перед ним стоят двое недавно проснувшихся, и старался говорить на старом китайском.

Прежде чем Ло Цзи ответил, Ши Цян повел офицера за оцепление, подальше от толпы. Когда они отошли, униформа полицейского потускнела.

— Проверьте все обстоятельства аварии. Она может оказаться попыткой убийства! — заявил Ши Цян.

— Скажете тоже! Обычная авария! — засмеялся офицер.

— Мы хотим подать заявление.

— Уверены?

— Уверены и непременно подадим.

— Вы делаете из мухи слона. Вы, наверное, испугались, но это же всего лишь несчастный случай. Тем не менее по закону, если вы настаиваете на заявлении…

— Настаиваем.

Полицейский прикоснулся к экрану на рукаве. Засветилось окошко. Он взглянул на него и

сообщил:

— Заявление подано. Полиция будет следить за вашим местонахождением в ближайшие сорок восемь часов, но для этого требуется ваше согласие.

— Мы согласны. Нам все еще может угрожать опасность.

Офицер снова засмеялся:

— Да что вы в самом деле! Авария как авария, обычное дело…

— Обычное дело?! Тогда, с вашего позволения, спрошу: сколько таких аварий случается в этом городе каждый месяц?

— Шесть или семь за весь прошлый год.

— В наше время мы насчитывали больше аварий каждый день. Вот тогда они были *обычным делом*!

— В ваше время автомобили ездили по дорогам. Даже представить себе не могу, насколько это было опасно. Ну ладно, теперь за вами присматривает полицейская система наблюдения. Вам сообщат о ходе расследования; но поверьте, пожалуйста, это самая обычная авария. Независимо от подачи заявления, вам выплатят компенсацию.

Когда они отошли от места крушения, Ши Цян обратился к Ло Цзи:

— Пойдем-ка ко мне домой. Что-то неспокойно мне на улице. Я живу недалеко отсюда. Лучше прогуляемся пешком. Такси управляются компьютером; я им не доверяю.

— Но разве ОЗТ не разгромили? — озираясь, спросил Ло Цзи. Вдали над упавшим автомобилем завис эвакуатор. Толпа рассеялась, полицейские тоже отправились по своим делам. Приземлилась машина городских служб; рабочие принялись подбирать разбросанные повсюду осколки и восстанавливать поврежденный газон. Тревожный момент прошел, и город вернулся к комфортабельной, неторопливой жизни.

— Может, и разгромили. Но, парень, поверь моей интуиции.

— Я больше не Отвернувшийся.

— Рухнувший автомобиль так не думал… А ты, пока мы идем, все же поглядывай вверх.

По возможности держась в тени стволов зданий-деревьев и бегом пересекая открытые пространства, они вскоре оказались у широкой площади, и Ши Цян сообщил:

— Я живу на той стороне. Обходить кругом слишком далеко. Придется бежать со всех ног.

— Может быть, мы испугались понапрасну? Что, если это была какая-то неисправность в

автомобиле?

— Может быть. А может, и нет. Осторожность еще никому не повредила… Видишь вон ту скульптуру в центре площади? В случае чего укроемся там.

В центре площади располагалась квадратная, посыпанная песком площадка, похожая на миниатюрную пустыню. Посреди нее возвышалась скульптурная композиция — несколько темных колонн высотой два или три метра. На удалении она была похожа на рощу засохших черных деревьев.

Ло Цзи побежал через площадь вслед за Ши Цяном. Недалеко от участка с песком Ши Цян крикнул: «Сюда, скорее!» — и, схватив его за руку, потащил за собой, а затем впихнул головой вперед прямо в «рощу». Лежа на теплом песке, Ло Цзи поднял взгляд и увидел низко летящий автомобиль. Машина пронеслась над верхушками колонн, набрала высоту и исчезла вдали. Песок, взметенный порывом воздуха, ударился о колонны и с шелестом осыпался.

— Может, она вовсе и не целила в нас…

— Может быть, — согласился Ши Цян, вытряхивая песок из туфель.

— Нас же засмеют…

— Не бери в голову. Кто тебя узн*а*ет? И вообще, мы люди из прошлого. Над нами будут смеяться, даже если мы станем вести себя как все! Парень, мы ничего не теряем, когда действуем осторожно. Что, если эта штуковина и в самом деле целилась в тебя?

Только тогда Ло Цзи обратил внимание на окружавшую их скульптурную группу. Колонны оказались не сухими деревьями, а руками, поднимавшимися из песка пустыни. Руки были тонкими, кожа да кости, поэтому они и казались деревьями. От воздетых к небу заломленных в муке ладоней, казалось, исходила бесконечная боль.

«Что это за скульптура?» Стоя посреди рук, Ло Цзи ощутил озноб, хоть он и вспотел от бега. Рядом с композицией стоял простой обелиск; по нему тянулись выгравированные крупными золотыми буквами слова:

УДЕЛИТЕ ВРЕМЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ — ЕГО ОСТАЛОСЬ НЕ ТАК МНОГО.

— Это мемориал Великой пади, — объяснил Ши Цян. Он не пожелал вдаваться в подробности; вместо того он вывел Ло Цзи из скульптуры и быстрым шагом довел до края площади.

— Вот, парень, я живу в этом дереве, — Ши Цян

указал на массивный ствол, возвышающийся перед ними.

Ло Цзи шел и смотрел по сторонам. Внезапно до его ушей откуда-то снизу донесся скрип, а потом земля ушла из-под ног. Ши Цян успел схватить Ло Цзи, когда тот уже провалился по грудь. С трудом бывший полицейский помог другу выкарабкаться; оба уставились на открывшееся в земле отверстие. Это был колодец канализации; его крышка отъехала в сторону за мгновение до того, как на нее ступил Ло Цзи.

— Боже мой! Господин, с вами все в порядке? — вскричал голос с информационной панели, висящей на стене небольшого киоска с автоматами прохладительных напитков. Голос принадлежал молодому человеку, одетому в голубую униформу. Его бледное лицо выдавало, что он перепугался не меньше, чем Ло Цзи.

— Я служу в отделе очистки третьего района обслуживания. Крышка колодца открылась автоматически. Наверное, ошибка программы!

— И часто у вас такое? — осведомился Ши Цян.

— Нет, нет! Я никогда не видел ничего подобного!

Ши Цян подобрал с обочины дорожки округлый камешек и бросил его в отверстие. Всплеск

послышался не сразу.

— Проклятье! Какая глубина у этого колодца? — спросил он у служащего на экране.

— Около тридцати метров! Очень опасно! Я уже проверил систему дренажа поверхности. В ваше время ливневая канализация залегала неглубоко. Инцидент зарегистрирован. Вы… — он взглянул на манжету, — ага, господин Ло, — можете зайти в наш отдел и получить компенсацию.

Наконец они добрались до вестибюля дерева № 1863. Ши Цян сообщил, что живет на ветви 106, ближе к верхушке, и посоветовал Ло Цзи сначала пообедать, а потом уже подниматься. С одной стороны фойе располагался ресторан; туда они и направились. Помимо безупречной чистоты, в прежней жизни попадавшейся Ло Цзи лишь в компьютерной графике, здесь проявлял себя и другой обычай века: динамические информационные окна находились повсюду: на стенах, столах, стульях, на полу, на потолке и даже на таких мелких предметах, как стаканы и коробки с салфетками. Везде светились экраны, по которым бежали текст или картинки. Казалось, что это не ресторан, а гигантский компьютерный монитор, демонстрирующий богатство своей палитры.

Посетителей в зале было не очень много. Друзья

сели за столик у окна. Ши Цян коснулся столешницы, вызывая меню, и выбрал парочку блюд, пояснив:

— Я не понимаю иностранных слов, поэтому заказал только китайскую еду.

— У меня такое ощущение, что весь этот мир построен из кубиков информационных панелей, — вздохнул Ло Цзи.

— Так и есть. Экраны появляются на любой гладкой поверхности. — Ши Цян вытащил пачку сигарет и передал ее Ло Цзи. — Смотри сюда.

Как только Ло Цзи коснулся пачки, по ней побежали символы миниатюрного меню.

— Это… всего лишь пленка, на которой можно создавать изображения. — Ло Цзи со всех сторон рассматривал упаковку.

— Пленка, говоришь? Эта фигня может подключиться к Интернету! — Ши Цян наклонился к Ло Цзи и нажал на один из символов. На всех сторонах коробочки вспыхнула выбранная им реклама.

В рекламе показывали семью с одним ребенком, устроившуюся в гостиной. Очевидно, это была старая фотография. Зазвучал пронзительный голос:

— Господин Ло, вы жили в то время. Дом в сто-

лице был заветной мечтой каждого гражданина. Сегодня группа компаний «Зеленый листок» предлагает помощь в осуществлении этой мечты. Как вы уже заметили, мы живем в замечательную эпоху. Частные дома превратились в листья на деревьях, и мы можем предоставить вам любой листок на ваш выбор.

Изображение сменилось на стволы и ветви деревьев; на ветвях появлялось все больше и больше листьев-домов самых разных форм; один даже был совершенно прозрачным — казалось, будто мебель висит в воздухе.

— Разумеется, мы также готовы построить для вас традиционный дом на поверхности, если вы предпочитаете вернуться в теплые объятия Золотого века и завести… семью.

Явилась картина лужайки с особняком, наверное, с другого старого фото. Диктор, говоривший на превосходном «старом» китайском, на мгновение, однако, запнулся на слове «семья», а затем особо выделил его голосом. Ведь у самого диктора семьи не было. Этот обычай ушел в прошлое.

Ши Цян забрал у Ло Цзи пачку и, вытряхнув последние две сигареты, передал ему одну, а пустую упаковку скомкал и бросил на столик. На смятой коробке продолжали мерцать изображения, но

звук пропал.

— Куда бы я ни пошел, первым делом отключаю все чертовы экраны вокруг! Они так раздражают, — проворчал Ши Цян, руками и ногами гася экраны на столике и на полу. — Но обычному человеку от них не отделаться, — Ши Цян обвел рукой вокруг, — ведь знакомых нам компьютеров больше нет. Хочешь выйти в Интернет — ткни пальцем в любую ровную поверхность. Даже одежда и обувь действуют как компьютер! Веришь или нет, но мне как-то попалась туалетная бумага, способная подключиться к Сети!

Ло Цзи вытянул салфетку из коробки. Это оказалась простая бумага. Но на салфетнице засветился экранчик, с которого хорошенькая девушка принялась расхваливать бинты и лейкопластырь. По-видимому, она уже знала про его сегодняшние приключения и догадывалась, что он ушибся и оцарапался.

— О боже, — вздохнул Ло Цзи и затолкал салфетку обратно.

— Век информации. Мы с тобой жили в примитивную эпоху, — улыбнулся Ши Цян.

Пока они дожидались заказа, Ло Цзи спросил Ши Цяна, как у того идут дела. Ему было неловко, что он не догадался поговорить об этом раньше.

Но если вспомнить все случившееся с ним с утра, то что тут удивительного — ведь толком и вздохнуть было некогда. Лишь теперь у него появилась свободная минутка.

— Меня отправили в отставку, — незатейливо ответил Ши Цян. — Дали неплохую пенсию.

— О чем ты говоришь — о Бюро общественной безопасности или о подразделении, где ты служил позже? Они до сих пор существуют?

— Существуют. Бюро вообще не изменилось. Но я перестал работать на них еще до того, как лечь в гибернацию. А то подразделение, где я работал, — оно теперь часть Азиатского флота. Ты же знаешь, флот — это особая держава, так что я здесь теперь иностранец.

Ши Цян выдохнул солидное облако дыма. Он наблюдал, как оно поднимается к потолку, и, похоже, напряженно решал какую-то загадку.

— Страны уже не настолько важны, как раньше… Мир изменился. Его трудно понять. К счастью, Да Ши, и ты, и я умеем приспосабливаться. Мы сможем жить, что бы ни происходило вокруг, и жить весьма неплохо.

— Ло, кореш, по правде сказать, кое в чем мозги у меня устроены не так, как у тебя. Я не такой пофигист, как ты. Если бы я прошел через то,

что выпало тебе, у меня бы давно уже поехала крыша.

Ло Цзи расправил скомканную сигаретную пачку. На ней продолжалась реклама группы «Зеленый листок». Она лишь немного поблекла.

— Спаситель человечества или беженец, я всегда стараюсь извлечь максимум из того, что мне доступно, чтобы жить счастливо. Тебе может показаться, что я эгоист, но, честно говоря, это единственная черта моего характера, которую я уважаю. Да Ши, ты выглядишь беззаботным человеком, но глубоко в душе ты ценишь ответственность. Оставь эту ответственность в прошлом. Посмотри вокруг. Кому мы тут нужны? Сейчас наш священный долг — carpe diem.

— Ну да. Но если бы я наплевал на ответственность, то тебе сейчас не то что жрать — вообще бы уже ничего не хотелось. — Ши Цян бросил сигарету в пепельницу, которая тут же врубила рекламу табака.

Ло Цзи мгновенно осознал свою бестактность:

— Ой нет, Да Ши, я не то хотел сказать! Без тебя я погибну. Ты меня не оставишь, не тот ты человек. Только сегодня ты спас меня один… два, три раза! Ну, по крайней мере, два с половиной!

— Говоришь, я не способен бросить человека в

опасности? Пожалуй, ты прав. Эх, ну что у меня за жизнь — все время только и знать спасать твою?! — проворчал Ши Цян, озираясь вокруг. Вероятно, искал, где бы купить сигарет. Затем наклонился к Ло Цзи и прошептал:

— Но, парень, какое-то время ты и вправду был спасителем человечества!

— На такой должности невозможно сохранить рассудок. К счастью, я выздоровел.

— Как ты только додумался наложить заклятие на звезду?

— В то время меня преследовала паранойя. Не хочу даже вспоминать. Да Ши, веришь или нет, но я убежден, что когда меня разбудили, то не только устранили повреждения, вызванные вирусом, но еще и провели психиатрическое лечение. Я уже не тот, кем был раньше. Как только я мог быть таким идиотом? Откуда у меня взялась та навязчивая идея?

— Какая навязчивая идея? Ну-ка расскажи!

— Это долгий разговор. Да и что в нем толку… Ты ведь наверняка сталкивался по работе с больными манией преследования? Кому охота выслушивать их бред…

Ло Цзи методично раздирал сигаретную пачку на клочки. Экран больше не действовал, но об-

рывки, лежащие небольшой кучкой, вспыхивали разными цветами и тут же гасли.

— Ладно. Поговорим о приятном. Мой сын жив.

— Что? — Ло Цзи подскочил от неожиданности.

— Я сам узнал пару дней назад. Он меня нашел. Мы еще не встречались, только поговорили по телефону.

— Он не…

— Я не знаю, сколько он отсидел, но как только освободился, то лег в гибернацию. Он сказал, что отправился в будущее, чтобы увидеть меня. Понятия не имею, откуда у него взялись на это деньги. Сейчас он на поверхности, но завтра приедет сюда.

Ло Цзи решительно встал и смахнул переливающиеся разными цветами обрывки бумаги на пол.

— Да Ши, за это надо выпить!

— Надо — значит, выпьем. Пойло в эту эпоху отвратное, но сшибает с ног ничуть не хуже, чем раньше.

Принесли еду. Ло Цзи не узнал ни одного блюда. Ши Цян объяснил:

— Не ожидай вкусняшек. В некоторых рестора-

нах готовят из натуральных продуктов, но дерут три шкуры. Вот приедет Сяомин, тогда и поедим по-человечески.

Внимание Ло Цзи привлекла нереально красивая официантка. Ло Цзи заметил, что у других официантов, плавно скользящих между столами, такая же идеальная внешность.

— Эй, не пялься, как идиот! Они все подделки. — Ши Цян даже не посмотрел на нее.

— Роботы? — переспросил Ло Цзи. Наконец-то в этом мире будущего нашлось что-то из научной фантастики его детских лет.

— Типа того.

— Что значит «типа того»?

Ши Цян показал на робота-официантку:

— Эта дура умеет лишь разносить жратву. Ходят по одному и тому же пути, как заведенные. Глупые железяки! Однажды я сам видел: столик временно отодвинули в сторону, но эти куклы продолжали таскать еду на прежнее место — и роняли ее прямо на пол!

Механическая официантка расставила перед ними блюда, ласково улыбнулась и пожелала приятного аппетита. У нее был восхитительный голос, ничуть не похожий на синтезатор робота. Она протянула тонкую руку и взяла столовый

нож, лежавший перед Ши Цяном…

Взгляд Ши Цяна молниеносно перескочил с ножа в руке «куклы» на Ло Цзи, сидящего напротив. Ши Цян вскочил, перепрыгнул через стол и резко повалил Ло Цзи на пол. В то же самое мгновение официантка ударила ножом прямо туда, где секунду назад находилось сердце бывшего Отвернувшегося. Нож пробил спинку стула и включил экран. Робот вытащил нож и замер возле столика, с подносом в другой руке и с той же улыбкой на безупречном лице. В панике Ло Цзи поднялся на ноги и немедленно укрылся за спиной Ши Цяна. Но тот успокоил его жестом:

— Не беспокойся. Они не настолько проворные.

Механизм, держа в руке нож и по-прежнему улыбаясь, снова пожелал им приятного аппетита.

Встревоженные посетители собрались вокруг и с недоумением взирали на сцену. Прибежала менеджер. Услышав, как Ши Цян обвинил официантку в попытке убийства, она тотчас же покачала головой:

— Господин, но это невозможно! У роботов даже нет камер, чтобы видеть людей! Официанты ориентируются по датчикам в столах и стульях!

— Я свидетель — официантка схватила столовый нож и пыталась убить этого человека. Мы все это видели! — громко заявил один из посетителей. То же самое подтвердили и другие.

Пока менеджер раздумывала над ответом, робот снова всадил нож в стул — точно в дыру, пробитую в спинке минутой раньше. Кто-то вскрикнул.

— Приятного аппетита! — опять пожелал робот.

Подошли другие люди; среди них инженер ресторана. Он нажал на кнопку на затылке робота. Улыбка с лица официантки исчезла, и, прежде чем отключиться, она произнесла:

— Завершение работы по команде оператора. Контрольная точка записана.

— Наверное, сбой в программе, — предположил инженер, отирая со лба холодный пот.

— И часто у вас такое бывает? — саркастически улыбнулся ему Ши Цян.

— Нет, нет, клянусь! Никогда о таком даже не слышал! — заверил его инженер. Двое рабочих повезли робота из зала.

Менеджер поспешно объяснила посетителям, что, пока специалисты разбираются в случившемся, ресторан будут обслуживать люди. Тем не

менее половина обедавших покинула зал.

— Вы так быстро среагировали! — с восхищением сказал один из любопытствующих.

— Они же из прошлого. В их время такое случалось сплошь и рядом, — сказал другой. На его одежде появилось изображение фехтовальщика.

— Господа, я крайне сожалею, — сказала менеджер, обращаясь к Ло Цзи и Ши Цяну. — Но вы обязательно получите компенсацию!

— Хорошо. А теперь давай поедим. — Ши Цян жестом предложил Ло Цзи занять место за столом. Человек-официант заменил блюда на новые.

Ло Цзи еще не отошел от потрясения. Спиной он чувствовал пробитую ножом дыру в стуле.

— Да Ши, похоже, весь мир ополчился против меня. А ведь он мне нравился!

Ши Цян разглядывал свою тарелку. Наконец он сказал:

— Есть у меня парочка идей…

Он поднял глаза и налил Ло Цзи рюмку.

— Не парься. Я все объясню позже.

— Выпьем тогда за этот самый момент! За жизнь одним днем! Даже одним часом, — поднял рюмку Ло Цзи. — И за твоего сына!

— С тобой все нормально? — улыбнулся ему Ши Цян.

— Я уже побывал спасителем человечества. Меня ничто не пугает. — Ло Цзи пожал плечами и выпил. Тотчас же поморщился от вкуса. — Это что, ракетное топливо?

— Я тащусь от тебя, парень, — Ши Цян поднял большой палец. — И всегда тащился.

* * *

Квартира Ши Цяна находилась в листе возле вершины дерева. Она была просторной, оборудованной всем необходимым для комфорта. В ней даже были спортзал и небольшой сад с фонтаном.

— Временное жилье, — пояснил он. — От флота. Они заверили, что моей пенсии хватит на квартиру получше.

— Теперь у всех такие огромные квартиры?

— Наверное. С такой многоярусной архитектурой пространство используется лучше. Один крупный лист — это как целое здание в нашу эпоху. Но не забудь, что людей после Великой пади стало меньше. Намного меньше.

— Постой, Да Ши, ты же гражданин флота — космического государства!

— Я туда не собираюсь. Я ведь уже на пенсии.

В этой квартире глаза Ло Цзи наконец смогли

отдохнуть — большинство информационных окошек здесь не работали. Лишь в паре мест на стенах и полу мерцали разноцветные сполохи. Ши Цян нажал ногой на кнопку панели управления на полу, и одна из стен стала прозрачной, раскрывая перед глазами друзей панораму ночного города. Подземный Пекин предстал ослепительным, гигантским лесом новогодних елок, среди которых извивались транспортные потоки.

Ло Цзи направился к дивану — тот на ощупь оказался твердым, как камень.

— На нем можно сидеть? — спросил он.

После утвердительного жеста Ши Цяна он осторожно присел — и почувствовал что-то сродни погружению в мягкую глину. Подушки дивана приняли форму тела и мягко обняли его.

Ло Цзи вспомнил, как двести лет назад мечтал, лежа на монолите из железной руды, стоявшем в комнате медитации в здании Генеральной ассамблеи ООН. Его грезы стали реальностью.

— У тебя снотворного не найдется? — спросил Ло Цзи. Теперь, в безопасном месте, силы оставили его.

— Нет, но его можно купить, — Ши Цян нажал другую кнопку на экране. — Вот. Рецепта не нуж-

но. Называется «Река снов».

Ло Цзи представил себе фантастическую картину передачи материального объекта по компьютерной сети. Но реальность оказалась намного проще. Через несколько минут к наружной стене квартиры подлетел воздушный грузовичок, и тонкий манипулятор просунул заказ сквозь специальное окно. Ло Цзи принял коробку от Ши Цяна; она оказалась стандартной, без информационных экранов. Прилагавшаяся инструкция рекомендовала принять одну таблетку. Ло Цзи распечатал упаковку, достал таблетку и потянулся за стаканом с водой, стоявшим на столике.

— Погоди-ка! — остановил его Ши Цян. Он взял коробку, осмотрел со всех сторон и, видимо, ничего не поняв, вернул обратно. — Что тут написано? Я заказывал «Реку снов».

Ло Цзи прочел длинный перечень химических соединений, напечатанный на английском.

— Не узнаю ничего знакомого. Но это точно не «Река снов».

Ши Цян включил информационную панель на кофейном столике и принялся искать фармацевта. С помощью Ло Цзи он вскоре нашел доктора-консультанта. Тот изучил надпись на упаковке, а затем бросил на Ши Цяна странный

взгляд.

— Где вы это взяли? — осторожно осведомился фармацевт.

— Купил. Прямо тут.

— Это невозможно. Препарат продается исключительно по рецепту. Его назначают только в центрах гибернации.

— Какое он имеет отношение к гибернации?

— Это лекарство для погружения в краткосрочный анабиоз, от десяти дней до года.

— Просто выпив таблетку?

— Нет. Пациент должен лежать в гибернаторе. Аппаратура нужна, чтобы поддерживать кровообращение.

— А если выпить таблетку просто так?

— Тогда вы умрете. Но это будет легкая смерть. Поэтому ими часто пользуются самоубийцы.

Ши Цян погасил информационное окно и швырнул коробку с таблетками на стол. Он долго смотрел на Ло Цзи, а потом процедил:

— Черт возьми…

— Черт возьми, — согласился Ло Цзи, откидываясь на диване. И тогда последовала очередная попытка убийства.

Как только его голова коснулась спинки, жесткая подушка стала быстро принимать нужную

форму. Но на этом дело не закончилось. Голова и шея Ло Цзи продолжали тонуть. Через мгновение из подушки выросла пара щупалец. Они обвились вокруг шеи бывшего Отвернувшегося и принялись его душить. Он даже крикнуть не успел — лишь раскрыл рот, выпучил глаза и суматошно задергал руками.

Ши Цян метнулся на кухню за ножом и несколько раз полоснул по щупальцам, а затем руками оторвал их от шеи жертвы. Когда освобожденный Ло Цзи повалился с дивана на пол, по ярко засветившимся подушкам побежали сообщения об ошибках.

— Сколько же раз за сегодня я спас тебе жизнь, парень? — спросил Ши Цян, растирая руки.

— Это будет… шестой, — прохрипел Ло Цзи. Его стошнило на пол. Он прислонился было к дивану, но тут же резко отстранился, будто ударенный током, не представляя, до чего можно безопасно дотронуться.

— Когда же я стану таким быстрым и ловким, как ты, и научусь спасаться самостоятельно?

— Наверное, никогда, — ответил Ши Цян. Появился робот-пылесос и убрал с пола рвоту.

— Тогда я труп! В этом безумном мире мне не выжить!

— Не все так плохо. По крайней мере, я начал кое-что понимать. Первое покушение провалилось; за ним последовало еще пять. Это не профессионализм — это глупость! Кто-то допустил ошибку, что-то пошло не так… Нам следует немедленно связаться с полицией. Мы не можем дожидаться, пока они разберутся со всеми этими инцидентами.

— Что пошло не так? Кто допустил ошибку? Да Ши, прошло двести лет! Полицейские шаблоны из нашего времени здесь не работают!

— Еще как работают, парень. Кое-что в нашем деле не меняется, какая бы эпоха ни стояла на дворе. А кто допустил ошибку… да откуда мне знать! Даже не уверен, что это «кто», а не «что»…

В дверь позвонили. Ши Цян открыл; за дверью стояли несколько человек. Они носили гражданскую одежду, но Ши Цян понял, кто они, прежде чем их начальник предъявил удостоверение.

— Гляди-ка, в обществе сохранились настоящие патрульные! Заходите, господа офицеры!

Трое вошли в квартиру, а двое остались снаружи охранять дверь. Командир группы, тридцатилетний полицейский, осмотрел комнату. Так же как Ши Цян и Ло Цзи, он не пользовался картинками на одежде, что сразу расположило к нему

приятелей. Он говорил на чистейшем «старом» китайском, без примеси английских слов.

— Меня зовут Го Чжэнмин, я офицер Бюро общественной безопасности, служу в отделе цифровой реальности. Прошу прощения за столь позднее прибытие. Вы стали жертвой халатности. Последний такой случай был зарегистрирован пятьдесят лет назад.

Он поклонился Ши Цяну:

— Мое почтение господину старшему офицеру! Такие способности, как у вас, сегодня редко встречаются у полицейских.

Ло Цзи и Ши Цян заметили, что, пока офицер Го Чжэнмин представлялся, в квартире погасли все информационные панели. Похоже, весь лист отключили от перенасыщенного информацией мира снаружи. Два других полицейских уже приступили к работе. Они держали вещь, которую Ло Цзи уже забыл, когда видел, — портативный компьютер. Вот только был он не толще листа бумаги.

— Они занимаются установкой межсетевого экрана для всего листа, — объяснил офицер Го. — Вы теперь в полной безопасности. Я также гарантирую компенсацию от городского отделения Бюро.

— Сегодня, — подсчитал на пальцах Ши Цян, — нам уже четыре раза гарантировали компенсацию.

— Знаю. Множество чиновников из самых разных служб уже уволили из-за всего этого. Я молю вас о сотрудничестве, чтобы не последовать за ними. Заранее благодарен! — Полицейский снова поклонился.

— Я вас понимаю, — ответил Ши Цян, — мне доводилось быть на вашем месте. Хотите, чтобы мы рассказали вам все подробности?

— Нет. Мы, собственно, присматривали за вами все это время. Как я уже сказал, всему виной небрежность исполнителей.

— Можете сказать нам, что произошло?

— Киллер 5.2.

— Что?!

— Это компьютерный вирус. Его разработало ОЗТ лет через сто после начала эры Кризиса. С тех пор его неоднократно исправляли и дорабатывали. Это вирус для убийства. Прежде всего он устанавливает личность человека при помощи различных методов — в том числе и по вживленному чипу. Когда вирус обнаруживает жертву, он ее убивает, используя любую имеющуюся поблизости технику. Получается то, с чем вы сегодня

столкнулись: вам кажется, что на вас ополчился весь мир. В те годы этот вирус называли «проклятием современности». В какой-то период времени программу вируса даже продавали всем желающим на черном рынке. Покупатель набирал идентификатор жертвы и загружал вирус в сеть. Даже если несчастным удавалось избежать смерти, жизнь им больше медом не казалась.

— Технология зашла так далеко? Вот это да! — воскликнул Ши Цян.

— Программа, написанная век назад, работает до сих пор? — не поверил Ло Цзи.

— Почему бы и нет? Компьютерная техника давным-давно перестала развиваться. Первые варианты вируса-убийцы свели в могилу немало народу, в том числе одного руководителя страны. Но позднее вирус остановили сетевыми фильтрами и антивирусами, и эпидемия сошла на нет. Конкретно эта версия вируса запрограммирована на убийство доктора Ло; но, поскольку он лежал в гибернации, программа не могла ничего сделать. Вирус затаился, и ни одна система информационной безопасности его не обнаруживала. Лишь когда доктор Ло вышел в мир, Киллер 5.2 проснулся и начал выполнять задание. Но так уж случилось, что заказчики убийства уже сто лет

как уничтожены.

— Они пытались меня убить сто лет назад? — переспросил Ло Цзи. К нему вернулось чувство преследования, с которым, как казалось, он распрощался навсегда.

— Да. Существенно то, что эта версия вируса запрограммирована именно на вас. Она до сих пор не активировалась, поэтому и дожила до сегодняшнего дня.

— И что нам теперь делать? — спросил Ши Цян.

— Всю сеть будут чистить от вируса, но это займет немало времени. Пока чистка не закончится, у вас есть два выхода. Первый: доктору Ло временно выдадут удостоверение личности другого человека. Но это не гарантия безопасности; такой вариант может даже осложнить ситуацию. Программа вируса очень сложна; может статься, что вирус уже записал другие характеристики жертвы. Один случай сто лет назад вызвал сенсацию. Жертве вируса дали ложные документы. Тогда вирус при помощи уравнений нечеткой математики выбрал и убил более сотни человек; среди них был и тот, кого пытались уничтожить. Второй выход — и я его рекомендую — это пожить какое-то время на поверхности. Там нет

никаких механизмов, которыми вирус мог бы воспользоваться.

— Согласен, — заявил Ши Цян. — Даже не возникни такая ситуация, я в любом случае хотел отправиться наверх.

— А что там, наверху? — спросил Ло Цзи.

— Большинство проснувшихся живут на поверхности, — объяснил Ши Цян. — Здесь им трудно приспособиться.

— Совершенно верно. Вам стоит пожить там какое-то время, — подтвердил офицер Го. — Многие детали современного общества — политика, экономика, культура, образ жизни, отношения с противоположным полом — существенно изменились за прошедшие века. Нам нужно время, чтобы привыкнуть.

— Но вы-то уже приспособились. — Ши Цян окинул полицейского внимательным взглядом. Друзья заметили, что офицер сказал «нам».

— Я лег в гибернацию из-за лейкемии. Проснулся еще совсем мальчишкой — мне тогда было тринадцать лет, — посмеиваясь, рассказал Го Чжэнмин. — Никто не верит, как мне было трудно. Я потерял счет, сколько раз обращался за помощью к психологам.

— А много ли других проснувшихся вроде вас,

полностью приспособившихся к современной жизни? — спросил Ло Цзи.

— Хватает. Но не унывайте — и на поверхности можно неплохо жить.

* * *

— Чжан Бэйхай, командир Контингента поддержки будущего, прибыл для дальнейшего прохождения службы! — доложил Чжан Бэйхай и отдал честь.

За спиной командующего Азиатским флотом блистал Млечный Путь. Штабной корабль флота располагался на орбите Юпитера; для создания искусственной гравитации корабль непрерывно вращался. Чжан Бэйхай обратил внимание на неяркое освещение в кабинете и широкие иллюминаторы. Похоже, что строители постарались вписать интерьер в окружающее корабль космическое пространство.

Командующий, в свою очередь, отдал честь:

— Приветствую вас, предшественник!

На вид он был довольно молод. Неяркое сияние погонов и кокарды на фуражке освещало лицо сына Азии. На шестой день после пробуждения Чжан Бэйхаю выдали военную форму. На ней он обнаружил знакомую эмблему космических сил

— четырехконечную серебряную звезду с лучами в форме прямых клинков. Прошло двести лет; эмблема почти не изменилась, но флот стал независимой державой, возглавляемой президентом. Командующий занимался лишь военными вопросами.

— Слишком много чести для меня, командующий! Мы теперь не более чем новобранцы, и нам предстоит всему учиться заново, — ответил Чжан Бэйхай.

Командующий улыбнулся и покачал головой:

— Это не так. Вы уже все знаете. Более того, у вас есть и недоступные нам познания. Поэтому мы вас и разбудили.

— Командующий космическими силами Китая Чан Вэйсы просил меня поприветствовать вас от его имени.

Слова Чжан Бэйхая задели что-то в душе командующего. Он повернулся к иллюминатору, за которым струилась великая звездная река.

— Он был исключительным военачальником, одним из основателей Азиатского флота. Сегодняшняя стратегия космических войн базируется на законах, выведенных им два столетия назад. Жаль, что ему не довелось увидеть нашу эпоху.

— Достижения человечества далеко превзошли

его самые смелые мечты.

— Но начало этим достижениям было положено в его… в вашу эпоху.

За иллюминатором показался Юпитер — сначала тонкой полоской, а потом заняв собой все пространство. Кабинет залило оранжевым светом. На поверхности газового гиганта гипнотически переливались невероятные по масштабам потоки водорода и гелия. Зрелище было весьма впечатляющее. В иллюминатор вплыло Большое красное пятно. Этот циклопический ураган размером больше, чем две Земли, выглядел как гигантский глаз мутного мира планеты, только без зрачка. Три флота основали свои главные базы на орбите Юпитера, поскольку водородно-гелиевый океан планеты был неисчерпаемым источником термоядерного топлива.

Зрелище ошеломило Чжан Бэйхая. Как часто он мечтал о мире, который сейчас расстилался перед его взором! Он подождал, пока корабль повернется и планета исчезнет из поля зрения, а затем ответил:

— Командующий, невероятные достижения человечества лишили нашу миссию смысла.

Командующий обернулся к Чжан Бэйхаю:

— Нет, это не так. Создание контингентов под-

держки будущего трудно переоценить. В годы Великой пади, когда космические силы стояли на пороге краха, ваши группы сыграли ключевую роль в стабилизации положения.

— Но наша группа прибыла слишком поздно, чтобы от нее был какой-либо толк.

— Простите, но дело обстоит не так, — ответил командующий. Черты его лица немного разгладились. — После вас они отправили в будущее еще несколько специальных групп. Мы пробуждали их в обратном порядке.

— Это понятно, командующий. Их опыт был ближе к ситуации в вашем времени.

— Да. Наконец, в гибернации осталась только ваша группа. Великая падь закончилась, и мир вступил в период стремительного развития. Пораженчество практически исчезло, и не было причин вас будить. Тогда командование флота решило держать вас в анабиозе до битвы Судного дня.

— Командующий, как раз на это мы все и надеялись! — взволнованно ответил Чжан Бэйхай.

— Участие в последнем сражении — наивысшая честь для любого воина космических сил. Потому командование и приняло тогда такое решение. Но, как вы уже знаете, обстоятельства

изменились. — Командующий показал на океан звезд в иллюминаторе. — Не исключено, что битва Судного дня вообще не состоится.

— Превосходно, командующий! Мне, как солдату, конечно, немного жаль, но это мелочь на фоне столь впечатляющей победы человечества. Я лишь надеюсь, что вы не откажете нам в единственной просьбе. Мы хотели бы продолжить службу во флоте рядовыми и выполнять посильную работу.

Командующий качнул головой:

— Выслуга лет личного состава контингентов поддержки будущего возобновляется с даты пробуждения. Вам повысят звание на один или два ранга.

— Командующий, мы этого не заслужили. Мы не хотим сидеть в кабинетах до конца наших дней. Мы хотим на передовую! Два столетия назад мы мечтали о космосе. Без него нам незачем жить. Но даже в тех званиях, что мы уже носим, мы не подготовлены к службе во флоте.

— О расставании с флотом нет и речи. В точности наоборот — вы все будете служить во флоте, выполняя важнейшее задание.

— Благодарю вас, командующий! Но что сегодня нам можно поручить?

Командующий не ответил. Вместо того он спросил, как если бы эта мысль только сейчас пришла ему в голову:

— Вам удобно беседовать вот так, стоя?

В кабинете командующего не было стульев, а высота стола позволяла работать, не присаживаясь. Вращение штабного корабля создавало одну шестую земной гравитации, так что особой разницы между положениями стоя и сидя не было.

Чжан Бэйхай улыбнулся и кивнул:

— Вполне. Я провел год в космосе.

— А что с языком? Есть какие-то сложности с общением на флоте?

Командующий говорил на стандартном китайском, но три флота пользовались особым языком — смесью современных китайского и английского. Половина слов была китайскими, половина — английскими.

— Поначалу да — главным образом потому, что не мог выбрать, английское слово использовать или китайское; но понимать стал довольно быстро. Говорить самому оказалось сложнее.

— Это не имеет значения. Если будете говорить по-китайски или по-английски, мы вас поймем. Значит, сотрудники Генерального штаба уже ввели вас в курс дела?

— Так точно. В первые же дни на базе нас подробно проинструктировали по всем вопросам.

— Тогда вы знаете о ментальной печати.

— Так точно.

— Недавно к этому вопросу вернулись, но никаких следов «проштампованных» обнаружить не удалось. Ваше мнение?

— Могут быть два варианта. Первый: «проштампованные» вымерли. Второй: они тщательно скрываются. Обычный пораженец не станет делать тайны из своих убеждений. Но технологически подкрепленная вера приведет к ощущению возложенной миссии. Пораженчество и эскапизм близки друг к другу. Если «проштампованные» на самом деле живут среди нас, их миссией будет исход во Вселенную. Однако для достижения этой цели им потребуется хранить свои мысли в секрете.

Командующий одобрительно кивнул:

— Превосходный анализ. Совпадает с позицией Генерального штаба.

— Командующий, второй вариант крайне опасен.

— Верно, он опасен — особенно учитывая приближение к Солнечной системе трисолярианского зонда. Во флоте используются две

системы управления кораблем. Одна из них — традиционная *распределенная система*, похожая на командную структуру военного корабля, которым вам довелось руководить. Другая система управления является централизованной. В ней компьютер автоматически выполняет распоряжения капитана. Наиболее современные корабли, а также все строящиеся находятся под управлением централизованной системы. Ментальная печать угрожает в первую очередь этой категории, поскольку слишком многое завязано на капитана. Он лично решает, когда корабль покидает стоянку и когда возвращается. Он задает скорость и курс, и он же управляет большей частью оружия. Централизованную систему управления можно назвать продолжением тела капитана. На данный момент из 695 кораблей звездного класса 179 оборудованы централизованной системой. Необходим анализ личности командиров этих кораблей. В обычной обстановке инспектируемый корабль пристыковывают к станции и опечатывают. Но сейчас это невозможно — все три флота готовятся к перехвату трисоляри-анского зонда. Это будет первым столкновением между флотом Солнечной системы и силами вторжения с Трисоляриса; поэтому

все корабли требуется держать наготове.

— Таким образом, господин командующий, управление этими кораблями необходимо передать надежным людям, — предложил Чжан Бэйхай. Он размышлял, какая роль во всем этом отводится ему, но пока не находил ответа.

— А кто надежен? — спросил командующий. — Мы ведь не знаем параметров ментальной печати, и нам ничего не известно о «проштампованных». Доверять нельзя никому, даже мне.

В иллюминаторе появилось Солнце. Хотя на таком удалении оно светило слабее, чем на Земле, фигура командующего скрылась в сиянии, когда диск звезды прошел позади него; звучал лишь его голос:

— Но мы можем доверять всем вам. Вас положили в гибернацию еще до изобретения ментальной печати. Кроме того, важнейшими параметрами отбора в вашу группу были лояльность и вера в победу. Вы единственные люди на Земле, в которых мы на данный момент уверены. Командование приняло решение назначить вас комиссарами, исполняющими обязанности капитана, и дать доступ к управляющему компьютеру. Любая команда капитана поступит сначала к вам, а от вас — в центральную систему управления.

В глазах Чжан Бэйхая вспыхнули два маленьких солнца. Он ответил:

— Командующий, боюсь, это невозможно.

— Не в наших традициях отказываться, получив приказ.

От слов «в наших традициях» у Чжан Бэйхая потеплело на душе. Солдатский дух, знакомый ему по давно прошедшей эпохе, по-прежнему держится в космических войсках современности.

— Командующий, мы ведь из давнего прошлого! Мы же будем как офицеры Бэйянского флота[106], назначенные командовать эсминцем XXI века!

— Вы полагаете, что цинские адмиралы Дин Жучан и Ли Хунчжан не справились бы с управлением эсминцем? Они были неплохо образованы, прилично говорили по-английски. Они бы разобрались. В наше время для управления боевым космическим кораблем не нужно знать технические подробности. Капитан командует кораблем как единым целым, а не как набором механизмов. Кроме того, на время инспекции корабли

[106] Примечания: 106

Бэйянский флот — одно из формирований военно-морских сил Китая в 1875–1895 годах, при династии Цин. Ли Хунчжан, наместник провинции Чжили, был инициатором его создания, адмирал Дин Жучан — командующим. (*Прим. перев.*)

пристыкуют к орбитальной станции; они никуда не полетят. В ваши обязанности войдет только получать команды от капитана, анализировать их и передавать компьютеру. На рабочем месте и научитесь.

— В наших руках сосредоточится огромная власть. Что, если оставить капитану долю этой власти, а мы только будем следить за его приказами?

— Если вы хорошенько подумаете, то поймете, почему такой подход неприемлем. Если «проштампованные» и в самом деле занимают ключевые позиции в штате корабля, они пойдут на что угодно, чтобы обойти ваш контроль, — могут даже уничтожить тех, кто их контролирует. Кораблю с центральной системой управления требуются всего лишь три команды, чтобы прийти в движение и покинуть станцию, — а потом будет слишком поздно. Вот почему компьютер должен получать команды только от комиссара.

* * *

Когда транспорт для перевозки личного состава пролетал над юпитерианской базой Азиатского флота, Чжан Бэйхаю показалось, что он летит над горами — но каждая из этих гор была при-

стыкованным военным кораблем. База только что вошла в тень планеты; лишь рассеянное свечение Юпитера и лучи висящей над головой Европы освещали стальные громады. Чуть позже где-то сбоку вспыхнуло небольшое белое солнце, на миг ярко осветив ряды кораблей. Тени кораблей побежали по бурлящей атмосфере далеко внизу. Чжан Бэйхаю это напомнило восход солнца в горах. Потом с другой стороны загорелось второе солнце, и он понял, что это не солнца, а два корабля, маневрирующие для захода в док: чтобы затормозить, они развернули свои термоядерные двигатели навстречу базе.

Начальник штаба флота, лично везущий Чжан Бэйхая к месту службы, сообщил, что к базе пришвартовано более четырехсот кораблей — две трети всего Азиатского флота. Вскоре ожидаются и остальные корабли, в настоящее время курсирующие по Солнечной системе и за ее пределами.

Чжан Бэйхай с трудом оторвал взор от великолепной картины за бортом:

— Сэр, не расценят ли «проштампованные» отзыв всех кораблей как сигнал к немедленным действиям?

— Хм… Нет, приказ отозвать корабли был отдан по другой причине — вполне естественной,

не надуманной, хотя и выглядит она несколько смешно. Вы не следили за новостями в последнее время, как я понимаю?

— Нет. Я изучал документацию по «Естественному отбору».

— Не беспокойтесь. Судя по отчетам заключительного цикла общей подготовки, вы владеете достаточными знаниями. Сейчас ваша задача такова: как только вы попадете на борт, обозначьте свои полномочия перед корабельными системами, чтобы все шло положенным чередом. Это не так сложно, как вам кажется… Соперничество между тремя флотами за право перехвата трисолярианского зонда разгорелось не на шутку, но вчера ККФ достиг предварительной договоренности: все корабли возвращаются на базы. За исполнением проследит специальная комиссия. Ни один корабль не выйдет на перехват без одобрения командования.

— Но какой в этом смысл? Научно-технические и разведывательные данные, полученные в результате перехвата, станут общим достоянием.

— Все так, но это дело чести. Флоту, который первым встретит противника, достанется значительный политический капитал. Почему я назвал всю эту возню смехотворной? Да потому

что перехват зонда — простейшее и абсолютно безопасное задание. Худшее, что может случиться, — это самоликвидация зонда в процессе захвата. Поэтому все рвутся поучаствовать. Если бы перед нами развернулись основные силы Трисоляриса, тогда все флоты проявляли бы осторожность. Сегодняшняя политика не так уж отличается от ваших дней… Смотрите, вот «Естественный отбор».

Когда с приближающегося транспорта стала видна огромная металлическая громада, Чжан Бэйхай вспомнил о «Тане». «Естественный отбор» состоял из дискообразного корпуса и располагавшегося отдельно цилиндра двигателя. Корабль был совершенно не похож на авианосцы прошлого. Когда окончилось существование «Тана», душа Чжан Бэйхая потеряла свой дом, пусть даже ей не довелось там жить. Сейчас у Чжан Бэйхая появилось чувство, что возвышающийся перед ним космический корабль станет его новым домом. Душа солдата после двухсот лет блужданий нашла приют под прочной обшивкой; она чувствовала себя там так же уверенно, как маленький ребенок в крепких объятиях отца.

«Естественный отбор» был флагманом третьей эскадры Азиатского флота, и по тоннажу

и летным качествам ему не было равных. На полной тяге новейшего электромагнитного двигателя он разгонялся до 15 % от скорости света. Идеально сконструированная биосфера корабля годилась для далеких путешествий. Собственно, ее прототип выстроили на Луне 75 лет назад, и он безупречно работал до сих пор. «Естественный отбор» также обладал самым смертоносным во всем флоте вооружением. В его состав входили гамма-лазеры, кинетические разгонные блоки, ускорители частиц и звездно-водородные торпеды. Корабль был способен превратить планету наподобие Земли в безжизненную пустыню.

Транспортный челнок подошел настолько близко, что корабль заполнил собой все поле зрения. Чжан Бэйхай заметил, что поверхность корпуса гладкая, как зеркало; в ней отражались вихри юпитерианской атмосферы и приближающийся челнок.

В обшивке протаяло овальное отверстие. Челнок влетел внутрь и застыл на месте. Начальник штаба открыл люк и вышел первым. Чжан Бэйхая тревожило, что они не проходили через шлюзовую камеру; но он почувствовал приток свежего воздуха из отсека. Он до сих пор не встречался с технологией, способной удерживать воздух в ко-

рабле без помощи системы переборок и шлюзов.

Чжан Бэйхай и начальник штаба находились внутри огромного шара размером с футбольное поле. Отсеки большинства космических кораблей имели сферическую форму, поскольку при разгоне, торможении и повороте любой участок мог стать полом или потолком. В состоянии невесомости экипаж работал в центре сферы. В прошедшую эпоху каюты кораблей строили наподобие комнат в зданиях; к новой сферической структуре Чжан Бэйхай подготовлен не был. Начальник штаба пояснил, что они находятся в ангаре истребителей; но сейчас ангар пустовал, а в центре отсека выстроился весь двухтысячный экипаж «Естественного отбора».

Космические силы всех стран начали осваивать строевую подготовку в невесомости еще до того, как Чжан Бэйхай лег в анабиоз. Для этого разработали новые уставы, однако следовать их требованиям было крайне трудно. Находясь за бортом, люди пользовались двигателями скафандра, но внутри корабля, без реактивных двигателей, военнослужащие могли лишь отталкиваться от стен или загребать воздух руками. Такими методами практически невозможно сформировать строй. Сейчас же Чжан Бэйхая

удивило, с какой легкостью две тысячи человек выстроились в идеальные ряды без какой-либо опоры. Члены экипажа ориентировались в невесомости при помощи электромагнитных поясов. Сверхпроводящая обмотка пояса создавала поле, взаимодействующее с магнитным полем самого корабля. Небольшой пульт управления позволял солдату свободно передвигаться по кораблю. Чжан Бэйхай надел такой же пояс, но ему еще предстояло научиться им пользоваться.

Он рассматривал строй военнослужащих. Все они родились в космосе. Их высокие, тонкие фигуры ничуть не напоминали крепко сложенных людей, выросших в земном поле тяготения. Уроженцев космоса выдавали легкая конституция и быстрые, точные движения. Строй возглавляли три офицера; взор Чжан Бэйхая остановился на молодой женщине в середине группы; на ее погоне светились четыре звездочки. Наверное, она капитан «Естественного отбора». Типичное дитя космоса, женщина была даже выше Чжан Бэйхая, которого никто не назвал бы коротышкой.

Капитан оставила строй и без всяких усилий полетела навстречу прибывшим; ее тонкая фигурка плыла сквозь пространство, словно певучая музыкальная нота. Подлетев к Чжан Бэйхаю и на-

чальнику штаба, она остановилась. Струящиеся за спиной женщины локоны, трепеща, обвились вокруг ее нежной шеи. Глаза ее лучились солнцем и радостью жизни. Чжан Бэйхай сразу же ощутил полное доверие к ней — ни у одного из «проштампованных» не могло быть такого выражения лица.

— Дунфан Яньсюй, капитан корабля «Естественный отбор», — представилась она, салютуя. В ее глазах загорелись смешинки. — От лица всего экипажа преподношу подарок нашему предшественнику.

Она протянула руку. На ее раскрытой ладони лежал пистолет — изменившийся за почти два века, но по-прежнему узнаваемый.

— Если вы сочтете, что я страдаю пораженчеством или разделяю идеи эскапистов, убейте меня этим оружием.

* * *

Попасть на поверхность оказалось очень просто. Ствол каждого дерева служил колонной, подпирающей свод пещеры. Внутри ствола размещался лифт, который шел до самой поверхности, пронзая трехсотметровую толщу камня. Едва выйдя из лифта, Ло Цзи и Ши Цян ощутили себя

как в старые времена просто оттого, что ни на стенах, ни на полу вестибюля не было ни одной информационной панели. Все, что нужно, высвечивалось на настоящих экранах, подвешенных к потолку. Вестибюль напоминал старую станцию метро; большинство немногочисленных прохожих носили одежду прошлого, без вспыхивающих картинок.

Они прошли сквозь шлюз, и в лицо им ударил горячий ветер, поднимавший клубы пыли.

— Вот он, мой сынок! — вскричал Ши Цян, указывая на бегущего к ним по ступенькам человека. Ло Цзи лишь разглядел, что тому около сорока лет, и удивился уверенности своего спутника. Ши Цян поспешил навстречу сыну, а Ло Цзи отвел глаза от семейной сцены и стал рассматривать расстилающийся перед ним мир поверхности.

Небо было желтого цвета. Теперь Ло Цзи понял, почему камера, снимающая небо для проекции под землей, висит на высоте десяти километров. С поверхности солнце казалось мутным пятном. Все вокруг было занесено песком. За автомобилями, проезжавшими по улице, тянулись длинные хвосты пыли. Автомобили, движущиеся по дороге, — еще одна картинка из прошлого. Вот только работали они явно не на бензине. Попадались

машины самых разных моделей, какие-то из них новые, какие-то старые, но у всех была одна общая черта: плоская панель вроде тента на крыше. Через дорогу стояли старые здания; на подоконниках лежали горы песка; часть окон была заколочена досками, а другие, разбитые, зияли чернотой. Но, по-видимому, в некоторых помещениях жили — Ло Цзи заметил сушившееся на веревке белье, а кое-где на подоконниках красовались горшки с цветами. Сквозь клубы песка и пыли трудно было что-либо разобрать, но он скоро узнал парочку приметных зданий поодаль. Ло Цзи убедился, что стоит посреди города, в котором провел полжизни два столетия назад.

Он спустился по ступенькам и подошел к двум мужчинам, обнимающимся и радостно хлопающим друг друга по плечам. Вблизи Ло Цзи понял, что Ши Цян не ошибся.

— Папа, если подумать, я теперь лишь на пять лет моложе тебя! — Ши Сяомин утер слезы с глаз.

— Нормально, сынок! Я-то опасался, что приковыляет какой-то седобородый старикан и станет называть меня папой, — усмехнулся Ши Цян. Затем он представил сыну своего спутника.

— Доктор Ло! Вы были знамениты на весь

мир! — Ши Сяомин оглядел Ло Цзи с головы до ног.

Троица направилась к машине Ши Сяомина, которую он оставил у дороги. Прежде чем забраться внутрь, Ло Цзи спросил про штуку на крыше.

— Это антенна. Здесь, на поверхности, приходится довольствоваться утечками энергии из подземного города. Поэтому антенны делают побольше; но все равно нам достаются крохи — хватает, чтобы кататься по дорогам, а вот летать уже не получается.

Автомобиль ехал не очень быстро — то ли из-за песка на дороге, то ли из-за нехватки энергии. Ло Цзи глядел в окна на засыпанный пылью город. На языке вертелось множество вопросов, но отец и сын болтали не переставая; он не мог вставить ни слова.

— Мама умерла в 34-м году Кризиса. Я и твоя внучка были у ее одра.

— Понятно. Ты не взял внучку с собой?

— После развода она осталась со своей мамой. Я порылся в архивах и узнал, что она прожила восемь десятков лет и умерла в сто пятом году.

— Жаль, что не довелось встретиться… В каком возрасте ты вышел из тюрьмы?

— В девятнадцать.

— Чем потом занимался?

— Всем подряд. Поначалу ничего не попадалось, и я снова занялся жульничеством, но понемногу перешел на законный бизнес. Заработал денег, понял, что приближается Великая падь, и лег в гибернацию. Я и понятия не имел, что позже дела наладятся. Просто хотел встретиться с тобой.

— Наш дом по-прежнему стоит?

— Аренду земли под жилыми домами продлили сверх обычных семидесяти лет, но я недолго прожил там — дом снесли. Потом мы купили другую квартиру, и этот дом по-прежнему стоит, но я его давно не видел. — Ши Сяомин указал на окружающие их постройки. — В городе живет меньше одного процента населения по сравнению с нашей эпохой. Знаешь, отец, какая собственность в этом мире самая бесполезная? Вот эти самые дома. Я знаю, отец, ты всю жизнь пахал, чтобы заработать на квартиру, но сегодня почти все здания заброшены. Выбирай любое и живи не хочу.

Наконец Ло Цзи удалось влезть в разговор:

— И все проснувшиеся живут в старом городе?

— Конечно же, нет! Они живут за городом — здесь слишком пыльно. Но основная причина в том, что тут просто нечего делать. Разумеется, не стоит слишком отдаляться от подземного города

— нам нужна энергия.

— А чем вы тут занимаетесь? — спросил Ши Цян.

— Сам подумай. Чем таким мы можем заниматься, что недоступно детишкам? Фермерским хозяйством! — Ши Сяомин, как и другие проснувшиеся, привык называть современных людей «детишками».

Автомобиль пересек границу города и покатил на восток. Слой пыли на дороге стал тоньше, показался бетон автострады. Ло Цзи узнал ее — это была старая дорога между Пекином и Шицзячжуанем. По сторонам лежали барханы песка, между которыми проглядывали старые постройки. Равнины северного Китая превратились в пустыню. Однако в небольших оазисах, окруженных редкими рощицами, теплилась жизнь. Ши Сяомин сказал, что это поселки проснувшихся.

Они повернули к одному такому оазису — маленькому городку, защищенному от песка кольцом деревьев. Ши Сяомин сообщил, что он называется Новая Жизнь-5. Ло Цзи вышел из машины, и ему показалось, что время откатилось назад: перед ним возвышались ряды шестиэтажных домов; на площадках перед домами старики играли на каменных столиках в шахматы; мама-

ши возили детей в колясках; стайка мальчишек играла в футбол на лужайке, где жиденькая травка едва пробивалась сквозь песок…

Ши Сяомин жил на шестом этаже. Его жена была на девять лет моложе; она легла в гибернацию в 21-м году Кризиса из-за рака печени. Теперь она была совершенно здорова. Их сыну исполнилось четыре года, и он называл Ши Цяна дедушкой.

Дорогих гостей встретили роскошным обедом: натуральными овощами, курятиной и свининой с близлежащих ферм и даже самогоном. К столу пригласили трех соседей; они, как и Ши Сяомин, легли в гибернацию довольно рано, когда процедура стоила дорого и была по карману лишь сливкам общества. Теперь же, по прошествии более ста лет, все они стали обычными людьми. Ши Сяомин представил одного соседа как Чжан Яня, внука Чжан Юаньчао — того самого человека, которого он обжулил в давно прошедшие времена.

— Помнишь, как ты наказал мне вернуть украденные деньги? Я начал, как только освободился. Так я и встретился с Янем. Он тогда закончил колледж. Мы подхватили идею двух его соседей, открыли похоронное бюро и назвали фирму «Высоко и глубоко». «Высоко» — это похороны в космосе. Поначалу мы запускали в Солнечную

систему урны с прахом, а позже отправляли тела целиком. За хорошую плату, конечно. А «глубоко» — это похороны под землей, в шахтах. Сперва мы использовали заброшенные штольни, а потом организовали свои собственные выработки — учитывая, что они заодно могут защитить могилу от любопытных трисоляриан.

Чжан Янь оказался немного старше — на вид ему было лет пятьдесят или шестьдесят. Ши Сяомин объяснил, что Яня разбудили раньше, он прожил более тридцати лет, а потом снова лег в гибернацию.

— А какие здесь у нас права? — поинтересовался Ло Цзи.

— Такие же, как в спальных районах современных городов, — ответил Ши Сяомин. — Мы считаемся удаленным пригородным районом, и у нас есть вся полагающаяся администрация. Здесь живут не только проснувшиеся. Тут есть современные люди, да и из города приезжают, чтобы отдохнуть.

Чжан Янь присоединился к разговору:

— Мы называем современных «стенотыками» — когда они приезжают, то вечно тычут по привычке в стены, чтобы что-нибудь включить.

— Значит, тут неплохо живется? — спросил

Ши Цян.

Все подтвердили, что неплохо.

— Но с дороги я видел ваши поля. Неужели вам хватает выручки с урожая?

— А почему нет? Сегодня натуральные продукты — роскошь. Правительство очень хорошо относится к проснувшимся. Можешь жить в комфорте, на пособие, даже если ничем не занимаешься. Но не может же человек сидеть сложа руки! Если кто скажет, что все проснувшиеся просто прирожденные фермеры, так это чепуха. Никто из нас раньше не был фермером; но это все, чем мы можем заняться.

Беседа вскоре перешла к истории двух прошедших столетий.

— Что такое эта ваша «Великая падь»? — Ло Цзи уже давно хотел спросить об этом.

Лица собравшихся немедленно стали серьезными. Заметив, что обед почти завершен, Ши Сяомин не стал возражать против обсуждения этой темы.

— Наверное, вы уже немного поняли за последние дни. Это долгий разговор. После того как вы легли в анабиоз, еще лет десять жизнь шла неплохо, как прежде. А потом, когда экономика отреагировала на перемены, качество жизни

стало падать не по дням, а по часам. Обострилась политическая ситуация. Казалось, что мы на военном положении.

— Это происходило не просто в паре стран, — добавил один из соседей. — Процесс охватил всю планету. Люди занервничали; стоило только ляпнуть что-то не то, и тебя сразу объявляли членом ОЗТ или предателем человечества. Никто не чувствовал себя в безопасности. Кинофильмы Золотого века стали показывать редко, а потом и вовсе запретили. Конечно, фильмов было слишком много, и запрет практически не работал.

— Почему запретили?

— Опасались подорвать боевой дух, — объяснил Ши Сяомин. — Так или иначе, народ справлялся, пока хватало продуктов питания. Но дела шли все хуже. Когда доктор Ло проспал уже лет двадцать, повсюду начался голод.

— Из-за перехода экономики на военные рельсы?

— Да. Еще одним фактором стало загрязнение окружающей среды. Законы об охране природы никто, конечно, не отменял, но в те дни царил пессимизм. Люди говорили: «Какого черта охранять эту природу? Даже если мы сделаем из Земли цветущий сад, разве это остановит трисо-

ляриан?» Дошло до того, что природоохранные организации стали рассматривать как таких же предателей человечества, что и ОЗТ. На «Гринпис» навесили ярлык пособников ОЗТ и разогнали. Строительство космического флота требовало создания опасных, грязных производств — и природу было уже не спасти. Парниковый эффект, аномалии климата, расширение пустынь… — Ши Сяомин вздохнул.

— Когда я ложился в гибернацию, — вспомнил другой сосед, — рост пустынь только начинался. Если вы думаете, что пустыня наступала от Великой стены, то было совсем не так. Это была лоскутная эрозия. То тут, то там посреди отличной пахотной земли возникали бесплодные пустоши — и расползались, как сухие пятна на мокрой ткани под солнцем.

— Урожаи понизились, зернохранилища опустели. А потом… потом наступила Великая падь.

— Предсказывали, что уровень жизни откатится на сто лет назад. Прогнозы оправдались? — спросил Ло Цзи.

Ши Сяомин горько усмехнулся:

— Эх, доктор Ло… На сто лет? Если бы! Откат на сто лет означал бы возврат к условиям 1930-х годов. К райским условиям, по сравнению с

Великой падью! Да, впрочем, какие могут быть сравнения! Начнем с того, что население Земли составляло тогда 8,3 миллиарда — намного больше, чем в годы Великой депрессии. — Он указал на Чжан Яня. — Он жил в те времена, вот и пусть расскажет.

Чжан Янь осушил свой стакан. Уставившись взглядом куда-то вдаль, он начал:

— Мне довелось видеть великий голодный марш. Миллионы людей брели сквозь тучи песчаной пыли, закрывшие собой все небо… Горячее небо, раскаленная почва, обжигающее солнце. Когда обессилевшие падали, их тут же расчленяли… На Земле царил ад. Снято множество документальных фильмов, посмотри, если хочешь. Не всем повезло выжить.

Великая падь продолжалась полвека. За это время население Земли сократилось с 8,3 миллиарда до 3,5 миллиарда. Подумай, что это значит!

Ло Цзи встал и подошел к окну. За лесополосой начиналась пустыня. Под лучами полуденного солнца до самого горизонта расстилалось желтое море песка. Время сгладило все неровности рельефа.

— А что было потом? — спросил Ши Цян.

Чжан Янь глубоко выдохнул, будто переход на

другую тему снял с его плеч тяжелую ношу.

— А потом… Что ж, мало-помалу люди смирились. Многие сомневались, что победа в битве Судного дня стоит такой высокой цены. Подумайте сами, что важнее: умирающий на ваших руках от голода ребенок или выживание человечества? Сейчас кажется, что второе важнее, но в то время вы бы так не подумали. Что бы ни сулило будущее, настоящее всегда важнее. Конечно, поначалу такая позиция вызывала возмущение; считалось, что ее разделяют только предатели человеческой расы. Но ведь людям думать не запретишь; очень скоро все население Земли подхватило эту идею. Тогда же она стала популярным лозунгом, а сегодня является широко известной исторической цитатой.

— «Уделите время цивилизации — его осталось не так много», — не отворачиваясь от окна, произнес Ло Цзи.

— Совершенно верно. Под «цивилизацией» подразумеваемся мы сами, люди.

— А что было потом? — спросил Ши Цян.

— Второе Просвещение, второе Возрождение, вторая Великая французская революция… Это все есть в книгах по истории.

Удивленный, Ло Цзи обернулся. События, кото-

рые он двести лет назад предсказал Чжуан Янь, и в самом деле произошли!

— Вторая Великая французская революция? Во Франции?

— Нет, нет! Это просто фигура речи. Революция охватила весь мир! Новые правительства остановили космическую гонку и принялись повышать уровень жизни. А затем появилась важнейшая технология: ученые объединили генетически модифицированные организмы и термоядерные генераторы энергии. Широкомасштабное производство пищи перестало зависеть от климата, и голод был побежден навсегда. С того момента события стали быстро развиваться — сказались потери населения, — и уже через пару десятилетий качество жизни вернулось к уровню до Великой пади. А затем достигло уровня Золотого века. Люди полюбили жить в комфорте, и никто не хотел возврата к прошлому.

— Доктор Ло, вас может заинтересовать еще один термин, — заговорил первый сосед, подсаживаясь поближе. До ухода в гибернацию он был экономистом и глубже понимал проблему. — Этот термин называется «иммунитет цивилизации». Когда мир оказывается тяжело болен, в дело вступает иммунная система цивилизации. Она

предотвращает повторение таких событий, как ранние годы эры Кризиса. На первое место встает гуманизм; спасение цивилизации отходит на второе. На этом строится современное общество.

— А дальше? — спросил Ло Цзи.

— А дальше стало происходить нечто неожиданное, — горячо заговорил Ши Сяомин. — Сперва страны Земли собирались жить в мире и тихо похоронить весь Трисолярианский кризис. Но как вы думаете, что случилось? Новшества возникали то тут, то там. Технология понеслась вперед и проломила все барьеры, стоявшие на пути развития космического флота до Великой пади!

— Ничего неожиданного, — прокомментировал Ло Цзи. — Духовная свобода неизбежно ведет к научному и техническому прогрессу.

— Где-то через пятьдесят мирных лет, последовавших за Великой падью, мир снова задумался о вторжении с Трисоляриса и о подготовке к войне. К тому времени человечество существенно окрепло по сравнению с тем, что жило до Великой пади. Снова объявили военное положение и приступили к постройке космического флота. Но на этот раз в конституции стран вписали, что расходы на космос не должны превышать определенного уровня, не должны вредить мировой экономике

и не должны ущемлять интересы общества. Вот тогда космические флоты и стали независимыми державами…

— Вы вообще-то не обязаны задумываться о прошлом, — добавил экономист. — С этой минуты просто наслаждайтесь жизнью. Тот революционный лозунг — всего лишь вариант старой поговорки Золотого века: «уделите время жизни, ведь она не вечна». Так выпьем же за новую жизнь!

Допив последнюю рюмку, Ло Цзи поблагодарил экономиста за его слова. Он думал теперь только о Чжуан Янь и Сяся. Предстояло как можно быстрее устроиться самому и организовать пробуждение семьи.

Уделите время цивилизации и уделите время жизни.

* * *

Оказавшись на борту «Естественного отбора», Чжан Бэйхай обнаружил, что современная система управления превосходит все его ожидания. Гигантский корабль размером с три авианосца XXI века был практически маленьким городом, не нуждавшимся, однако, ни в капитанском мостике, ни в зале управления, ни в командном

пункте. Каюта капитана ничем не отличалась от кают других членов экипажа. Собственно говоря, корабль не имел ни одного специализированного отсека. Сферические помещения различались лишь размером. В любом месте «Естественного отбора» военнослужащий при помощи сенсорной перчатки мог развернуть голографический монитор. Такой монитор стоил дорого и встречался редко даже в насыщенных компьютерами городах Земли. Но при наличии прав доступа он позволял высветить любую панель управления — даже капитанскую. Управлять кораблем можно было откуда угодно, хоть из коридора или из ванной, временно превращая эти помещения в капитанский мостик, или в аппаратную, или в центр управления огнем. Чжан Бэйхай вспомнил, как развивались компьютерные системы его эпохи — от модели «клиент-сервер» до модели «браузер-сервер». Вначале для доступа к серверу требовалась установка специальных программ, а потом и это требование отпало. К серверу можно было обратиться с любого компьютера в сети, были бы соответствующие права доступа.

Чжан Бэйхай и Дунфан Яньсюй расположились в одном из стандартных сферических отсеков. В нем не было никакого оборудования, и большая

часть стен оставалась белой. Создавалось впечатление, что они находятся внутри огромного шарика для настольного тенниса. Когда корабль ускорялся, любое место стены можно было превратить в кресло.

Для Чжан Бэйхая это была еще одна особенность современной техники, которую в его время мало кто предсказывал: отказ от специализированных помещений. На Земле уже появились первые ростки такой технологии; но космический флот, широко использующий самые современные разработки, строился на ней полностью. Этот мир определяли практичность и функциональность; оборудование не размещали по отсекам — оно возникало там, где требовалось. Технология сначала усложнила жизнь, а потом облегчила — и спряталась за личиной простоты.

— Приступаем к первому уроку на борту корабля, — объявила Дунфан Яньсюй. — Конечно, вам не следовало бы учиться у инспектируемого капитана, но надежнее меня никого нет во всем флоте. Сегодня мы научимся приводить «Естественный отбор» в движение и пользоваться режимом навигации. Если вы запомните эти действия, то сможете предотвратить наиболее опасную угрозу, исходящую от «проштампован-

ных».

Движением руки в сенсорной перчатке она вызвала на зависший перед ними голографический экран звездную карту.

— Эта карта немного отличается от карт ваших дней, но мы по-прежнему ведем отсчет от Солнца.

— Чтение карт входило в курс обучения, — ответил Чжан Бэйхай, разглядывая горящие перед ним звезды. — Трудностей не испытываю.

Он сразу вспомнил древнюю карту Солнечной системы, перед которой два века назад он стоял вместе с Чан Вэйсы. Но эта карта точно показывала координаты объектов в радиусе ста световых лет от Солнца — в сто раз большем, чем тогда.

— На самом деле тут понимать почти ничего не надо. На сегодняшний день полеты к любым пунктам, отмеченным на карте, запрещены… Если бы я была «проштампованной», пожелала захватить «Естественный отбор» и улететь в космос, то сперва мне потребовалось бы выбрать направление полета, вот так… — Она подсветила точку на карте зеленым. — Разумеется, сейчас мы работаем с эмулятором — у меня больше нет прав доступа к управлению кораблем. Когда вы получите доступ, мои распоряжения будут проходить

через ваши руки. Но если я и в самом деле подам такую команду, она будет опасна. Вам придется отказать в ее исполнении и подать рапорт об этом инциденте.

После выбора цели полета в воздухе засветилась панель управления. Чжан Бэйхай из курса подготовки уже неплохо знал, как она выглядит и как с ней работать. Тем не менее он внимательно прислушивался к объяснениям Дун-фан Яньсюй и запоминал, как она переводит громаду корабля из полностью заглушенного состояния сначала в сон, потом в готовность и, наконец, в «малый вперед».

— Если бы мы работали не на эмуляторе, «Естественный отбор» сейчас покидал бы стоянку. Что скажете? Проще, чем управление космическим кораблем в вашу эпоху?

— Да. Намного проще. — Когда Чжан Бэйхай и его коллеги по группе впервые встретились с такой панелью, их поразили простота управления и отсутствие мелких технических подробностей.

— Управление полностью автоматизировано. Вся технология скрыта от капитана.

— На этой панели отображаются только основные параметры. Каким образом вы можете получить данные о состоянии систем корабля?

— За работой систем следят офицеры и другие военнослужащие ниже рангом. Их панели управления сложнее. Чем ближе к механизмам, тем больше подробностей. Но нам, капитану и комиссару, требуется фокусироваться на более важных делах… Давайте продолжим. Если бы я была «проштампованной»… ну вот, опять я с этим предположением… что, по-вашему, я сделала бы дальше?

— Учитывая мою ситуацию, любой ответ был бы неразумным.

— Ну хорошо. Если бы я была «проштампованной», то я задала бы двигателям режим «Вперед, тяга четыре». Ни один корабль во флоте не догонит «Естественный отбор» при таком ускорении.

— Но система не выполнила бы такой приказ, даже если у вас был бы доступ к управлению. Компьютер позволит перейти на «тягу четыре», только если весь экипаж находится в состоянии погружения.

Ускорение корабля, разгоняющегося на полной тяге, достигало 120 g — более чем десятикратная нагрузка по сравнению с тем, что может выдержать человек. В режиме «тяга четыре» все люди на борту обязаны находиться в каютах, заполненных насыщенной кислородом жидкостью.

Специально обученный персонал дышал этим раствором; вскоре жидкость заполняла легкие и другие органы. Этот метод изобрели в начале XX века для сверхглубокого погружения водолазов. Особая дыхательная смесь уравнивала давление внутри тела и снаружи, и человек тогда мог опуститься под воду столь же легко, как это делает глубоководная рыба. В каютах космического корабля создавались такие же условия, как на дне океана, и дыхательная жидкость защищала тело человека от сверхвысоких перегрузок. Поэтому и появился термин «состояние погружения».

Дунфан Яньсюй кивнула:

— Но вам следует знать, что это требование можно обойти. Если вы переведете корабль в режим дистанционного управления, то он сочтет, что на борту нет экипажа, и не станет проверять состояние кают. Этот режим включается по команде капитана.

— Давайте я попробую, а вы скажете, если я где ошибусь. — Чжан Бэйхай зажег перед собой панель управления и начал, сверяясь с небольшой записной книжкой, программировать режим дистанционного управления.

Дунфан Яньсюй улыбнулась при виде записной книжки:

— Теперь есть более эффективные методы хранения информации.

— Привычка. Записываю важные сведения — так мне кажется надежнее. Вот только не могу ручку нигде найти. Взял с собой две в гибернацию, но пишет только карандаш.

— А вы быстро усвоили урок!

— Это потому, что система управления многое унаследовала от военно-морского флота древности. Даже термины не изменились — например, режимы работы машины.

— У истоков космического флота стоит флот морской… Хорошо, вскоре вы получите права доступа и станете исполняющим обязанности капитана «Естественного отбора». Корабль находится в готовности по классу А; в вашу эпоху говорили «под парами». — Дунфан Яньсюй расставила тонкие руки и кувыркнулась в воздухе.

Чжан Бэйхай не понимал, как можно выполнить такую фигуру с помощью сверхпроводящего пояса.

— В мои дни мы уже не стояли «под парами». Но я вижу, что вы неплохо знакомы с историей военно-морского флота. — Он увел разговор в сторону от щекотливой темы, чтобы капитан не почувствовала к нему вражды.

— Древний, великий род войск.

— Разве космический флот не наследник величия морского флота?

— Наследник. Но я собираюсь его покинуть. Я намерена уволиться со службы.

— Из-за этой переаттестации?

Капитан повернулась к Чжан Бэйхаю. Ее густые черные волосы колыхнулись в невесомости.

— В вашу эпоху такие проверки случались постоянно, не так ли?

— Не так уж постоянно. Но когда они проводились, любой товарищ понимал, что аттестация — это одна из обязанностей солдата.

— Прошло два столетия. Это уже не ваша эпоха.

— Дунфан, не стоит намеренно расширять пропасть. Между нами много общего. Во все эпохи солдатам доставалось немало унижений.

— Вы советуете мне остаться?

— Я не даю советов.

— Политработа. Так ведь это называлось? Вы же ею когда-то занимались?

— Больше не занимаюсь. У меня теперь другое задание.

Без всяких усилий она облетела вокруг него, словно тщательно изучая.

— Правду говорят, что вы считаете нас детьми? Полгода назад я побывала на Земле. В одном из районов, где живут проснувшиеся, шести- или семилетний ребенок назвал меня «детишкой».

Чжан Бэйхай рассмеялся.

— Так что, мы для вас детишки? — настаивала Дунфан.

— В наше время старшинству придавалось большое значение. В деревнях порой взрослые называли детей «тетя» и «дядя» по их положению в родословной семьи.

— Ваше старшинство мне безразлично.

— Я и сам вижу по вашим глазам.

— Ваши дочь и жена — они не последовали за вами в гибернацию? У семей участников специальных групп было такое право, насколько мне известно.

— Они не последовали за мной, и они не хотели, чтобы я их покидал. Вы, наверное, знаете, что тогда предсказывали безрадостное будущее. Дочь и жена назвали меня безответственным. Они съехали с квартиры, а на следующий же день наш Специальный контингент получил приказ. У меня даже не было времени с ними попрощаться. Холодной зимней ночью я схватил чемодан и покинул свой дом… Конечно, я не жду

от вас понимания…

— И все же я понимаю… Что с ними случилось?

— Жена умерла в 47-м году. Дочь — в 81-м.

— Они пережили Великую падь… — Дунфан опустила глаза и на какое-то время смолкла. Затем вызвала голографический монитор и включила режим внешнего наблюдения.

Стены отсека растаяли, как воск, и «Естественный отбор» исчез, оставив их посреди бесконечного космоса. Перед ними расстилался Млечный Путь. Два независимых существа во Вселенной, не связанные ни с какой планетой, а вокруг — ничего, кроме бездонной пустоты. Они летели во Вселенной так же, как Земля, Солнце и сама Галактика — без начала и без конца. Они просто *были*…

Чжан Бэйхаю это чувство было знакомо. Точно так же 190 лет назад он, облаченный в скафандр, плыл в космосе, держа в руке пистолет, заряженный пулями из метеоритного железа.

— Мне нравится вот так, без стен — я тогда забываю и о корабле, и о флоте. Остаюсь наедине со своими мыслями.

— Дунфан, — тихо позвал он.

— А? — Капитан обернулась. Ее глаза сияли,

словно звезды Млечного Пути.

— Если однажды мне придется убить вас, заранее прошу прощения, — негромко сказал Чжан Бэйхай.

Капитан улыбнулась:

— Я похожа на «проштампованную»?

Он оглядел ее, освещенную лучами далекого Солнца. Она казалась перышком, летящим на фоне звезд.

— Мы люди Земли и океана. Вы принадлежите звездам.

— Это плохо?

— Нет. Это очень хорошо.

* * *

— Зонд погас!

Доклад дежурного офицера ошеломил доктора Куна и генерала Робинсона. Они понимали, что эта новость всколыхнет и Земной конгресс, и Конгресс космических флотов, особенно учитывая, что, по последним наблюдениям, зонд должен был пересечь орбиту Юпитера всего лишь через шесть дней.

Кун и Робинсон работали на станции Риньо-Фицроя, которая располагалась на орбите вокруг Солнца, недалеко от внешнего края пояса астеро-

идов. В пяти километрах от станции находился один из самых необычных объектов в Солнечной системе — набор из шести гигантских линз. Самая большая линза достигала 1200 метров в диаметре; другие пять были поменьше. Так выглядел космический телескоп последнего поколения. В отличие от пяти предшественников, его не окружала труба, и между линзами ничего не было. Они висели в космосе сами по себе; по краям располагались многочисленные ионные двигатели, с высокой точностью перемещавшие детали телескопа для наведения и фокусировки.

Станция Ринье-Фицроя служила центром управления телескопом. Даже с такого небольшого расстояния прозрачные линзы оставались практически невидимыми на фоне космоса. Когда инженеры и техники пролетали между линзами, Вселенная представлялась им искаженной; а если случалось оказаться под определенным углом, свет Солнца отражался от защитной диафрагмы и выдавал подлинные размеры линзы. Ее выпуклая поверхность тогда становилась похожа на планету, обернутую в прелестную радугу.

Серию названий «Хаббл» решили не продолжать, и новый инструмент был назван в честь Ринье и Фицроя, первыми обнаруживших следы

трисолярианского флота. Их открытие не имело научного значения, но название подошло отлично, потому что основным назначением телескопа, совместного проекта трех флотов, было непрерывное слежение за вражеским флотом.

Телескопом постоянно управляла команда из двух служащих наподобие Ринье и Фицроя: ведущий астроном с Земли и военный представитель флота; и в каждой паре царила такая же разница во мнениях, как между Ринье и Фицроем. В данный момент Кун хотел бы урвать немного времени для своих собственных астрономических наблюдений, а Робинсон, защищая интересы флота, всячески старался этого не допустить. Они спорили и о многом другом. Например, Кун любил рассказывать, как замечательно по сравнению с неэффективной бюрократией флота, сверхдержавы Земли, во главе с США, управляли миром. Но каждый раз Робинсон безжалостно опровергал эти смехотворные исторические фантазии. Горячее всего они спорили по поводу силы тяготения на станции. Генерал настаивал на самом медленном вращении, вплоть до полной ее остановки и возникновения невесомости, а Кун требовал быстрого вращения и тяготения, как на Земле.

Но разворачивающиеся события заставили забыть о распрях. «Зонд погас» значило, что двигатель его отключился. Два года назад, еще до входа в облако Оорта, зонд приступил к торможению. Для этого он повернулся двигателем к Солнцу, и пламя стало хорошо видно в телескоп. А теперь пламя погасло, и следить за зондом оказалось невозможно. Размер зонда слишком мал — вероятно, не больше грузовика, исходя из характеристик волны, оставленной им в межзвездной пыли. Даже такой мощный инструмент, как телескоп Ринье-Фицроя, не мог разглядеть столь малый предмет на периферии пояса Койпера, особенно если тот не светится сам и плохо отражает рассеянные лучи далекого Солнца.

— Три флота только и знают, что бороться за власть! До остального им и дела нет! Просто замечательно — теперь мы еще и цель потеряли!.. — гремел Кун, в запале размахивая руками. Он забыл, что станция находится в режиме невесомости, и неосторожные движения привели к тому, что он исполнил кульбит в воздухе.

Впервые генерал Робинсон не стал защищать честь флота. Азиатский флот послал три легких скоростных истребителя, чтобы следить за зондом вблизи, но после недавней перепалки

трех флотов за право перехвата ККФ отозвал все корабли на базы. Азиатский флот неоднократно подавал протесты, заявляя, что со всех трех кораблей снято вооружение и внешнее оборудование, что экипаж каждого корабля для скорости состоит всего лишь из двух человек и что они при всем желании не способны к перехвату. Но Европейский и Североамериканский флоты не поддались на уговоры и настояли, чтобы все корабли вернулись, а им на смену послали три корабля, отобранных Земным конгрессом как независимой стороной. Если бы не эти споры, корабли флота уже были бы недалеко от зонда и приступили бы к отслеживанию его курса. Корабли Земли, недавно направленные Европейским содружеством и Китаем, еще даже не пересекли орбиту Нептуна.

— Пожалуй. Но, может, зонд снова включит двигатели, — ответил генерал. — Он по-прежнему движется довольно быстро, и если не затормозит, то не сможет удержаться на орбите Земли. Пролетит сквозь Солнечную систему, и все.

— Вы разве трисолярианский адмирал? Что, если зонд и не должен оставаться в Солнечной системе? Может, он и должен пролететь ее насквозь? — фыркнул Кун. И тут он сообразил: — Он

же не может маневрировать с выключенным двигателем! Почему бы не рассчитать его траекторию по известному вектору и не направить туда корабль-разведчик?

Генерал покачал головой:

— Мы не настолько точно знаем его вектор. В атмосфере Земли вы можете поднять на поиск звено самолетов-перехватчиков. Но в космосе стоит допустить микроскопическую ошибку — и вы окажетесь в сотнях тысяч, если не в миллионах километров от цели. Корабль-разведчик не найдет крохотный, едва видимый зонд… Надо что-то придумать!

— Да мы-то что можем сделать? Пускай флот ищет решение.

Генерал подобрался и заговорил жестко:

— Доктор, подумайте, что случится. Нашей вины здесь нет, но газетчиков это не волнует. За слежение в глубоком космосе отвечает телескоп Ринье-Фицроя. Достанется всем, но большую часть грязи выльют на наши с вами головы.

Кун молчал, плавая в невесомости под углом к генералу. Затем спросил:

— У нас есть хоть что-нибудь мало-мальски приличное за орбитой Нептуна?

— У флота, скорее всего, ничего. У Земли… —

Генерал задал вопрос дежурному и вскоре узнал, что возле Нептуна находятся четыре больших корабля, принадлежащих Организации охраны природы при ООН, экспедиция в рамках проекта «Туманный зонтик». С кораблей уже выслали три челнока следить за зондом.

— Они там масло собирают, что ли? — спросил Кун и получил утвердительный ответ. Кольца Нептуна были богаты уникальной субстанцией — масляной пленкой. При высокой температуре она испарялась, и быстро распространяющийся газ образовывал в космосе наночастицы — «космическую пыль». Ее назвали так потому, что испарения рассеивали свет, и крайне незначительное количество субстанции создавало огромное облако «пыли» — так крошечная капля масла растекается по воде и образует пленку толщиной в одну молекулу на большой площади. «Пыль», образованная из масляной пленки, имела еще одно достоинство: в отличие от других видов космической пыли, она почти не сдувалась солнечным ветром.

Открытие масляной пленки породило идею проекта «Туманный зонтик». Планировалось с помощью ядерных взрывов в космосе испарить масло и распределить получившееся облако

«пыли» вдоль орбиты между Солнцем и Землей. Тогда облако поглотит часть солнечного света и умерит глобальное потепление.

— Помнится, где-то возле орбиты Нептуна еще с довоенных времен должна болтаться звездно-водородная бомба, — заметил Кун.

— Так оно и есть. Кроме того, на кораблях «Туманного зонтика» найдется еще несколько — их захватили для геологоразведки Нептуна и его спутников.

— Да и одной хватит! — возбужденно вскрикнул Кун.

Звездно-водородную бомбу разработали два века назад по плану Отвернувшегося Рей Диаса. Как он и предсказал, ведущие страны приняли ее на вооружение не для битвы Судного дня — в космосе это оружие малоэффективно, — а для возможных военных действий между людьми, осваивающими планеты Солнечной системы. Всего изготовили более пяти тысяч бомб. Пик производства пришелся на годы Великой пади, когда международные отношения ухудшились и человечество стояло на грани войны.

Великая падь закончилась, настала эпоха мира. Ужасное оружие прошлого перешло в категорию опасных и не очень нужных предметов.

Формально бомбы по-прежнему принадлежали изготовившим их странам, но хранились они в космосе. Несколько штук потратили на терраформирование, а еще несколько отправили на окраину Солнечной системы, рассчитывая использовать содержащееся в них ядерное горючее в качестве топлива для космических кораблей дальнего радиуса действия. Но оказалось, что переработать бомбы на топливо непросто, и от такого их применения отказались.

— Полагаете, сработает? — спросил Робинсон. Его глаза сияли. Он немного огорчился, что такая простая идея не пришла в голову ему самому. Этот никчемный Кун увел у него из-под носа шанс войти в историю!

— Попробуйте. Ничего лучше все равно нет.

— Если ваша идея сработает, доктор, то станция Ринье-Фицроя будет всегда вращаться так быстро, как нужно для создания земного тяготения!

* * *

— Это самый большой рукотворный объект человечества, — заметил командир «Синей тени», глядя через иллюминатор в чернильную темноту космоса. Он не видел ничего, но попытался убедить себя, что наблюдает облако «пыли».

— А почему оно не светится в лучах солнца, как хвост кометы? — спросил пилот. Он и командир составляли весь экипаж «Синей тени». Пилот знал, что плотность облака «пыли» так же незначительна, как плотность кометного хвоста — другими словами, мало чем отличается от вакуума, созданного в земной лаборатории.

— Возможно, здесь слишком мало солнечного света. — Командир посмотрел в направлении Солнца. Отсюда, из одинокой точки пространства между орбитой Нептуна и поясом Койпера, Солнце выглядело большой звездой; его диск было трудно разглядеть. Но даже такой слабый свет отбрасывал тени в кабине. — Кроме того, кометный хвост виден только на расстоянии. А мы находимся на краю облака.

Пилот попытался представить себе разреженное, но гигантское облако. Несколько дней назад он и командир собственными глазами видели, насколько малый объем оно занимает в твердом состоянии. Тогда огромный космический корабль «Тихий океан», пришедший от Нептуна, доставил им пять предметов. Первым делом «Синяя тень» механической рукой ухватила звездно-водородную бомбу — цилиндр длиной пять метров и диаметром полтора. Затем манипулятор по-

добрал четыре сферы, каждая диаметром от тридцати до пятидесяти метров. В них хранилась масляная пленка, добытая в кольцах Нептуна.

Сферы разместили в нескольких заранее выбранных точках, на расстоянии несколько сотен метров от бомбы. Дождавшись отбытия «Тихого океана», бомбу привели в действие. Вспыхнуло небольшое солнце. Его свет и жар разорвали холодную тьму космоса, и сферы мгновенно испарились. Световое давление созданной человеком звезды раздуло газообразную масляную пленку в облако, а потом частички масла образовали облако «пыли» диаметром два миллиона километров — больше диаметра Солнца.

Облако «пыли» образовалось на пути трисолярианского зонда, насколько вектор его движения удалось вычислить по наблюдениям факела работающего двигателя. Доктор Кун и генерал Робинсон надеялись уточнить траекторию зонда по следу, который он прочертит в сотворенном человеком облаке.

Проследив за созданием облака, «Тихий океан» вернулся на базу возле Нептуна, а три небольших корабля остались, чтобы следить за зондом по следам в «пыли». «Синяя тень» была одним из этих трех. За скорость ее прозвали «космической

гончей». Корабль состоял из маленькой кабины, в которой помещалось до пяти человек, и термоядерного двигателя. Такая компоновка позволяла достичь значительного ускорения и маневрировать на высоких перегрузках.

Как только облако сформировалось, «Синяя тень» пролетела сквозь него, чтобы проверить, возникают ли волны. Результат удовлетворил всех. Разумеется, увидеть волны можно было только через телескоп, с расстояния в сто астрономических единиц. Наблюдения с «Синей тени» никаких волн не обнаружили — космос вокруг оставался таким же пустым, как всегда. Тем не менее, пройдя сквозь облако, пилот стал уверять, что Солнце там светит тусклее, а его обычно резко очерченный край немного расплывается. Измерения, сделанные бортовыми приборами, подтвердили его наблюдения.

— Осталось меньше трех часов. — Командир бросил взгляд на хронометр. Пылевое облако, этот гигантский, но практически невесомый спутник Солнца, двигалось по своей орбите. Если оно уйдет с пути зонда, то придется сформировать еще одно.

— Все надеешься, что мы его догоним? — спросил пилот.

— Почему нет? И войдем в историю!

— А эта штука на нас не нападет? Мы же гражданские. Такими делами положено заниматься военному флоту.

В этот момент пришло сообщение со станции Ринье-Фицроя. Трисолярианский зонд вошел в облако «пыли» и оставил за собой след. По нему с высокой точностью рассчитали курс зонда. «Синей тени» приказали немедленно выдвинуться к позиции зонда и осуществлять слежение за его траекторией.

Станция находилась на расстоянии, превышавшем 100 а. е.[107], поэтому радиосигнал провел в пути десять с лишним часов. Но это уже не имело значения — на станции учли даже торможение зонда невесомым облаком «пыли». Встреча с посланцем Трисоляриса теперь была лишь вопросом времени.

«Синяя тень» легла на курс и снова вошла в облако, на сей раз преследуя трисолярианский

[107] Примечания: 107

Здесь явная ошибка автора. Станция Ринье-Фицроя болтается на краю пояса астероидов, т. е. примерно в 3 а. е. от Солнца. Ну пусть на самом краю, у орбиты Юпитера, т. е. в 5 а. е. от Солнца. Пояс Койпера, где распылили масло, располагается примерно в 55 а. е. от Солнца. Пусть даже телескоп Ринье-Фицроя находится на той стороне от светила (хотя оттуда проводить наблюдения сложновато — Солнце мешает), все равно расстояние будет не больше, чем 60 а. е., а скорее всего, меньше. (*Прим. перев.*)

зонд. Погоня была долгой — более десяти часов. И пилот, и командир устали и клевали носом, но постоянно сокращающийся разрыв не давал им заснуть.

— Я вижу его! Я вижу его! — закричал пилот.

— О чем ты? До зонда больше четырнадцати тысяч километров! — укорил его напарник. Рассмотреть зонд размером с грузовик на расстоянии в четырнадцать тысяч километров было совершенно нереально, даже в чистейшем вакууме. Но вскоре он и сам увидел светлую точку на темном фоне космического пространства. Она двигалась точно по рассчитанной траектории.

Через мгновение командир понял: облако «пыли» размером больше Солнца оказалось ненужным. Трисолярианский зонд снова включил двигатель и возобновил торможение. Он не намеревался проскочить сквозь Солнечную систему. Он собирался здесь остаться.

* * *

Церемонию передачи полномочий капитана «Естественного отбора» провели без затей, поскольку это было краткосрочное назначение на должность. Присутствовали только капитан Дунфан Яньсюй, и. о. капитана Чжан Бэйхай, пер-

вый вице-капитан Левин, второй вице-капитан Акира Иноуэ и несколько офицеров Генерального штаба.

Несмотря на все технологические новшества этого века, фундаментальные науки стояли на месте. Передача прав доступа на «Естественном отборе» происходила хорошо знакомым Чжан Бэйхаю способом: трехфакторной идентификацией по сетчатке глаз, отпечаткам пальцев и паролю.

Как только офицеры Генерального штаба перепрограммировали биометрические данные капитана, Дунфан Яньсюй сообщила Чжан Бэйхаю пароль: «Men always remember love because of romance only»[108].

— Вы не курите, — спокойно заметил он.

— К тому же марка исчезла в годы Великой пади, — разочарованно добавила капитан и опустила глаза.

— Но пароль неплох. Даже в мое время его мало кто знал.

Капитан и вице-капитаны вышли из помещения, предоставив Чжан Бэй-хаю в уединении ввести свой собственный пароль и получить

[108] Примечания: 108

Эта фраза — рекламный слоган — акроним для сигарет Marlboro. (*Прим. перев.*)

полный доступ к управлению «Естественным отбором».

— Он не дурак, — заметил Акира Иноуэ, когда дверь в сферический отсек растворилась в стене.

— Мудрость древних, — ответила Дунфан Яньсюй, вглядываясь в участок стены, где только что была дверь, будто пытаясь пронзить ее взором. — Нам никогда не постичь знаний, которые он принес с собой из своего времени; а они способны научиться всему тому, что знаем мы.

Трое офицеров замолчали и замерли в ожидании. Прошло пять минут — более чем достаточно, чтобы сменить пароль, особенно если учесть, что будущий капитан Чжан Бэйхай оказался самым способным оператором систем управления в его группе Контингента поддержки будущего. Прошло еще пять минут. Два вице-капитана начали в нетерпении летать по коридору, но Дунфан Яньсюй осталась на месте.

Наконец в стене появилась дверь. К их удивлению, стены сферической каюты оказались черными. На них светилась голографическая звездная карта. Метки объектов были отключены; на стенах мерцали лишь сами звезды. Из дверного проема казалось, будто Чжан Бэйхай висит снаружи корабля, а рядом с ним плавает

панель управления.

— Я закончил, — сообщил он.

— Но почему так долго? — проворчал Левин.

— Вы что, смаковали радость обретения власти над «Естественным отбором»? — съязвил Акира Иноуэ.

Чжан Бэйхай не ответил. Он смотрел не на панель управления, а на звезду в дальнем секторе карты. Дунфан Яньсюй обратила внимание, что там, куда он смотрел, подмигивал зеленый огонек.

— Это просто смешно, — подхватил Левин. — Позвольте напомнить, что полковник Дунфан Яньсюй по-прежнему является капитаном корабля. Должность исполняющего обязанности капитана — не более чем изолирующая перегородка. Прошу прощения, если я выразился грубо, но таковы факты.

— Да и режим этот введен ненадолго, — продолжил Акира Иноуэ. — Расследование на флоте подходит к концу. Практически доказано, что «проштампованных» нет.

Он хотел еще что-то сказать, но тихий вскрик капитана «О боже!» прервал его речь.

Два вице-капитана проследили ее взгляд до панели управления и только теперь заметили

установленный Чжан Бэйхаем режим работы «Естественного отбора».

Корабль находился в режиме дистанционного управления; проверка погружения экипажа перед максимальным ускорением не действовала. «Каналы связи *заблокированы*». «Подготовка к старту *выполнена*». Достаточно было нажать одну кнопку, и «Естественный отбор» пойдет на полной тяге двигателей к выбранной на карте точке.

— Нет, этого не может быть! — бормотала Дунфан Яньсюй. Ее никто не слышал; она говорила сама с собой, как бы отвечая на свое упоминание Бога. Она никогда не верила в Бога, но теперь начала искренне молиться.

— Вы сошли с ума? — вскричал Левин. Он с Акирой Иноуэ ринулись к двери отсека и со всего размаху врезались в переборку. Двери не было — Чжан Бэйхай всего лишь сделал участок стены прозрачным.

— «Естественный отбор» начинает разгон под «тягой четыре». Всему экипажу немедленно принять состояние погружения. — Каждое слово Чжан Бэй-хая, произнесенное спокойным, торжественным голосом, повисало в воздухе, словно застывшее на холодном ветру.

— Этого не может быть! — выдохнул Акира Иноуэ.

— Вы «проштампованный»? — спросила Дунфан Яньсюй, быстро взявшая себя в руки.

— Вы же знаете, что это невозможно.

— Вы из ОЗТ?

— Нет.

— Кто же вы тогда?

— Солдат, исполняющий свой долг в борьбе за выживание человечества.

— Зачем вы это делаете?

— Я объясню по окончании разгона. Повторяю: всему экипажу немедленно принять состояние погружения.

— Нет, этого не может быть! — шептал Акира Иноуэ.

Чжан Бэйхай обернулся и, не обращая внимания на двух вице-капитанов, посмотрел прямо на Дунфан Яньсюй. Его взгляд напомнил ей эмблему китайских космических сил — звезду и острые мечи.

— Дунфан, я же говорил, что мне будет очень жаль, если я буду вынужден вас убить. Поторопитесь!

Вокруг Чжан Бэйхая стала появляться дыхательная жидкость. В невесомости она собиралась

в шары; их поверхность карикатурно отражала и Чжан Бэйхая, и панель управления, и звездную карту. Вскоре шары начали объединяться. Два вице-капитана посмотрели на Дунфан Яньсюй.

— Делайте, как он говорит. Всему экипажу перейти в состояние погружения, — приказала капитан.

Вице-капитаны уставились на Дунфан Яньсюй. Они хорошо знали, чем кончится «тяга четыре» для любого незащищенного человека. Его тело прижмет к стене тяготением, превышающим земное в 120 раз. Сначала под неимоверным весом из него брызнет кровь и тончайшим слоем растечется, как клякса, во все стороны. Потом выдавит органы, которые размажутся другим тонким слоем, и, спрессованные тяжестью вместе с трупом, создадут уродливую картину в стиле Дали…

По пути к своим каютам они приказали подчиненным перейти в состояние погружения.

— Вы молодец, капитан. — Чжан Бэйхай кивнул Дунфан Яньсюй. — Быстро овладели собой.

— Куда мы летим?

— Куда бы мы ни летели, все лучше, чем оставаться здесь.

И тут дыхательная жидкость заполнила каюту. Дунфан Яньсюй видела лишь расплывчатые

очертания его тела.

В толще полупрозрачной жидкости Чжан Бэйхай вспоминал, как два века назад инструкторы ВМФ учили его нырять. Он даже не догадывался, что всего лишь в двадцати метрах под поверхностью океана царит полная темень. Здесь, в космосе, он снова встретился с тем же ощущением. Земной океан был миниатюрным космосом. Чжан Бэйхай попробовал дышать, но рефлекторно закашлялся; изо рта пошли пузыри. Судорога сотрясла тело. Но против ожиданий он не задохнулся — как только прохладная жидкость заполнила легкие, кислород снова пошел в кровь. Он дышал свободно, как рыба.

На панели управления замелькали данные о переходе в состояние погружения всех членов экипажа. Так продолжалось минут десять. Затем сознание Чжан Бэйхая «поплыло» — в дыхательную жидкость добавили снотворное. Когда начнется перегрузка, кровяное давление повысится, а насыщение крови кислородом снизится. Спящий мозг выдержит «тягу четыре» без вреда.

Чжан Бэйхай почувствовал, что дух его отца рядом — он возник из небытия и стал единым целым с кораблем. Чжан Бэйхай нажал кнопку и мысленно отдал приказ, к которому шел всю

жизнь:

«Естественный отбор», полный вперед, тяга четыре!»

* * *

На орбите Юпитера вспыхнуло небольшое солнце. Его яркий свет заглушил мерцание атмосферы планеты. Прихватив солнце с собой, космический корабль звездного класса «Естественный отбор» аккуратно покинул стоянку базы Азиатского флота и начал энергично разгоняться. Тени других кораблей, каждая больше Земли, побежали по Юпитеру. Через десять минут планету затмила еще большая тень — «Естественный отбор» миновал Ио.

К этому времени командование Азиатского флота подтвердило невероятный факт: «Естественный отбор» дезертировал.

Европейский и Североамериканский флоты немедленно засыпали Азиатский флот кучей протестов и предупреждений, изначально полагая, что столкнулись с самовольной попыткой перехватить трисоляриансий зонд. Но вскоре, вычислив курс «Естественного отбора», они поняли, что ошиблись. Корабль двигался в сторону, противоположную нашествию с Трисоляриса.

«Естественный отбор» неоднократно вызывали по радио, но в конце концов поняли, что ответа не будет. Командование приказало выслать корабли в погоню, однако очень быстро выяснилось, что с беглецом ничего нельзя поделать. Базы на четырех спутниках Юпитера располагали достаточной огневой мощью, чтобы уничтожить «Естественный отбор», но командование в любом случае не стало бы стрелять в дезертира. Скорее всего, на борту корабля лишь горстка изменников — а может быть, только один. Остальной экипаж — две с лишним тысячи человек, погруженных в дыхательную жидкость, — стал просто заложником. Офицеры, командующие установками гамма-лазеров на Европе, бессильно наблюдали, как рукотворное солнце пролетает мимо, осеняя бесконечные ледяные поля юпитерианского спутника мертвенно-белым светом.

«Естественный отбор» пересек орбиты шестнадцати лун Юпитера. Недалеко от орбиты Каллисто корабль достиг скорости убегания. Для наблюдателя на базе Азиатского флота маленькое солнце сжалось в яркую звезду. Она понемногу тускнела целую неделю, как космическое напоминание о боли, причиненной Азиатскому флоту.

Высланному в погоню отряду тоже требовалось принять состояние погружения. Через сорок пять минут после старта «Естественного отбора» Юпитер осветили еще шесть солнц.

Штаб Азиатского флота остановил вращение. Командующий застыл возле иллюминатора и молча разглядывал ночную сторону Юпитера. Десятью тысячами километров ниже в атмосфере сверкали молнии. Жесткая радиация двигателей «Естественного отбора» и отряда преследования ионизировала атмосферу и породила многочисленные грозы. Яркие пятна вспыхивали то там, то здесь; с дальнего расстояния поверхность Юпитера походила на пруд, над которым идет светящийся дождь.

* * *

«Естественный отбор», соблюдая радиомолчание, разогнался до одного процента от скорости света — «точки невозврата» по расходу топлива. Теперь корабль не мог вернуться в Солнечную систему без дозаправки. Ему предстояло до конца своих дней в одиночестве бороздить Вселенную.

Командующий Азиатским флотом разглядывал звезды, без особого успеха пытаясь найти одну, особенную, ибо все, что можно было видеть в том

направлении, — это далекое пламя двигателей кораблей преследования. Вскоре ему доложили: «Естественный отбор» прекратил разгон. Еще через несколько минут «Естественный отбор» вышел на связь с флотом. Разделяющие их пять миллионов километров вызывали задержку больше десяти секунд.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР: «Естественный отбор» вызывает Азиатский флот! «Естественный отбор» вызывает Азиатский флот!

АЗИАТСКИЙ ФЛОТ: «Естественный отбор», флот вас принимает. Доложите обстановку!

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР: Я исполняющий обязанности капитана Чжан Бэйхай. Я буду говорить непосредственно с командующим флотом.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Слушаю.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я беру на себя всю ответственность за уход корабля со стоянки.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Другие виновные есть?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Нет. Никто, кроме меня, не виноват в происшедшем. Никто из экипажа не вовлечен в эти события.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Мне нужно переговорить с капитаном Дунфан Яньсюй.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Не сейчас.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Доложите состояние корабля.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Корабль в порядке. Все члены экипажа, кроме меня, остаются в погружении. Генераторы и система жизнеобеспечения работают в штатном режиме.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Какова причина вашего предательства?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я дезертир, но не предатель.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Поясните!

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Человечество неизбежно проиграет битву. Я хочу сохранить хотя бы один из земных кораблей звездного класса, чтобы у человечества был шанс возродиться.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: В таком случае вы эскапист!

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я просто солдат, исполняющий свой долг.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Вам наложили ментальную печать?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Вы же знаете, что это невозможно. Когда я лег в анабиоз, такой технологии еще не было.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Тогда я не понимаю, почему вы настолько убеждены в поражении.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Мне не нужна ментальная

печать. Я сам решаю, во что верить. Моя вера непреклонна потому, что порождена не моими личными догадками. В самом начале трисолярианского кризиса мой отец и я стали серьезно задумываться о наиболее фундаментальных аспектах грядущей войны. Со временем вокруг нас собралась группа мыслителей. Среди них были ученые, политики, военные. Мы называли себя «историками будущего».

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Вы были тайной организацией?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Нет. Мы рассматривали самые общие вопросы и обсуждали их открыто. Правительство и армия даже помогли нам организовать несколько научных конференций по истории будущего. Основываясь на этих исследованиях, я пришел к выводу, что человечество обречено.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Уже давно доказано, что все эти теории ошибочны.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Командующий, вы их недооцениваете. Теория предсказала не только Великую падь, но и вторую эпоху Просвещения, и второе Возрождение. Их прогноз современной эры роскоши не отличить от реальности! И, наконец, они предсказали, что человечество потерпит сокрушительное поражение в битве Судного дня

и будет стерто с лица Земли.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: А вы не забываете, что находитесь на космическом корабле, способном разогнаться до пятнадцати процентов от скорости света?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Кавалерия Чингисхана атаковала со скоростью мотопехоты XX века. Стационарный лук династии Сун бил на полторы тысячи метров — не меньше, чем современный мне автомат. Но всадники древности и луки не могут соперничать с современной армией. Фундаментальные науки — залог успеха. Исследователи истории будущего это четко обосновали. Вы же ослеплены сиянием умирающих примитивных технологий; вы изнежились в яслях цивилизации. Вы даже не пытаетесь собраться с духом и подготовиться к грядущему судьбоносному сражению.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Вы сын великой армии, не раз побеждавшей неприятеля, который был лучше вооружен. Она одержала победу в одной из величайших войн Земли, сражаясь исключительно захваченным у противника

оружием[109]. Ваше поведение — позор для этой армии.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Уважаемый командующий, мне лучше знать, о чем я говорю. Три поколения моей семьи служили в армии. На войне в Корее мой дед атаковал танк «Першинг» с гранатой в руке. Граната отскочила от брони и только потом взорвалась. Танк получил пару царапин; дед попал под огонь танкового пулемета, а по его ногам проехались гусеницы. Остаток жизни он провел в инвалидной коляске. Но по сравнению с двумя другими солдатами, которых раздавило в кашу, ему повезло… Именно тогда мы поняли, как дорого на войне обходится технологическое отставание. Вы судите о славном прошлом по учебникам истории; а наша боль замешана на крови отцов и дедов. Мы знаем о войне намного больше вас.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Как долго вы вына-

---

[109] Примечания: 109

По всей видимости, имеется в виду японо-китайская война 1937–1945 гг. как составная часть Второй мировой войны. Но она велась отнюдь не «исключительно захваченным у противника оружием»; Китаю на первых порах помогал Советский Союз, а затем Великобритания и США, поставлявшие оружие, технику, в частности самолеты, и военных специалистов. Оружие и техника у китайской армии действительно были отсталые, а в качестве тактики в основном применялись методы партизанской войны — наверно, это и имеет в виду командующий Азиатским флотом. (*Прим. перев.*)

шивали этот предательский замысел?

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Повторяю, я дезертир, но не предатель. Первая задумка этого плана возникла у меня, когда я в последний раз встречался с отцом — его глаза подсказали мне, что делать. Понадобилось два века, чтобы план стал реальностью.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: И для этого вы нацепили маску триумфа-листа. Что ж, отлично сработано!

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Генерал Чан Вэйсы почти разгадал мою игру.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Это так. Он никак не мог понять, на чем зиждется ваш триумфализм, и это не давало ему покоя. Подозрения стали сильнее, когда вы заинтересовались кораблями с электромагнитным двигателем, способными к межзвездным перелетам. Он всегда возражал против включения вас в Контингент поддержки будущего, но не мог пойти против приказа начальства. Генерал предупредил нас письмом, но сделал это так тонко, в стиле вашего времени, что его намек мы просто не заметили.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Мне пришлось убить трех человек ради шанса постройки космических кораблей, способных к межзвездным перелетам.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Мы этого не знали.

Возможно, никто не знал. Но ясно одно: правильный выбор направления исследований впоследствии обеспечил развитие технологии полетов в космосе.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Спасибо на добром слове.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Скажу также, что ваша затея провалится.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Возможно. Но пока что все идет по плану.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: «Естественный отбор» был заправлен термоядерным топливом лишь на одну пятую объема баков.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Мне пришлось действовать без промедления. Другого шанса могло и не подвернуться.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Это значит, что вы можете разогнаться только до одного процента от скорости света. Вы не можете тратить остаток топлива, поскольку оно необходимо для питания системы жизнеобеспечения на протяжении долгого времени — от десятилетий до веков. Но при такой скорости вас скоро догонит отряд преследования.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я по-прежнему командую «Естественным отбором».

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ: Верно. Кроме того,

как вы знаете, нас беспокоит и другое обстоятельство. Если преследователи подойдут слишком близко, вам придется снова запустить двигатели, расходуя топливо, — рано или поздно система жизнеобеспечения отключится, и «Естественный отбор» при почти абсолютном нуле за бортом превратится в корабль мертвецов. Поэтому я приказал кораблям преследования пока не приближаться. Мы убеждены, что капитан и экипаж разберутся сами.

ЧЖАН БЭЙХАЙ: Я тоже убежден, что все сложности в конце концов разрешатся. Я несу свой груз ответственности, но не сомневаюсь, что «Естественный отбор» движется в верном направлении.

* * *

Ло Цзи рывком проснулся и сразу признал еще один доживший до этих дней обычай: хлопушки. Он посмотрел в окно. В рассветном сумраке пустыня казалась белой; кое-где ее озаряли вспышки фейерверков и хлопушек.

В дверь кто-то нетерпеливо забарабанил и тут же, не дожидаясь ответа, распахнул ее. В комнату с раскрасневшимся от возбуждения лицом влетел Ши Сяомин и крикнул, чтобы Ло включил

телевизор — там шли новости.

Ло Цзи редко смотрел телевизор. Поселившись в поселке Новая Жизнь-5, он вернулся к старому образу жизни. Он высоко его ценил, испытав после пробуждения чересчур напористое приветствие этой эпохи. Пока что Ло Цзи не хотел ничего знать о делах современности. Большую часть дня он вспоминал Чжуан Янь и Сяся. Он уже подал документы на пробуждение, но, по установленным правительством законам, их разбудят только через два месяца.

Ло Цзи включил телевизор. Диктор сообщал, что пять часов назад телескоп Ринье-Фицроя засек прохождение трисолярианского флота сквозь еще одно облако межзвездной пыли. Такое случилось уже в седьмой раз за два века. Строй кораблей давно распался, и характерная форма «щетки» стала неузнаваемой. Так же как при прохождении второго облака, вперед выдавалась одна «щетинка». На сей раз, однако, вычисления показали, что это не зонд, а боевой корабль. Завершив разгон и пассивную фазу полета, некоторые корабли Трисоляриса приступили к торможению пятнадцать лет назад. Десять лет назад тормозило уже большинство кораблей. Не вызывало сомнения, что этот одиночный корабль

даже не начинал замедляться. Более того, по оставленным им в пыли следам определили, что он продолжает разгон! Если такой режим полета сохранится, он достигнет Солнечной системы на пятьдесят лет раньше остального флота.

Вторжение одиночного корабля в Солнечную систему, находящуюся под защитой мощного флота, явилось бы самоубийством. Оставался только один вариант: его послали, чтобы вести переговоры. За годы наблюдений удалось измерить предельное ускорение каждого корабля. Получалось, что лидеру флота не удастся в достаточной мере сбросить скорость; через 150 лет он без остановки пройдет сквозь Солнечную систему. По этому поводу выдвигали две теории. Одна утверждала, что корабль ожидает помощи с торможением от землян. По другой — он по пути сбросит челнок с делегацией, а уж тот сможет остановиться вовремя.

— Но если они хотят переговоров, то почему не сообщат об этом через софоны? — спросил Ло Цзи.

— Это легко объяснить! — воодушевленно заговорил Ши Сяомин. — Они же думают совсем не так, как мы! Их разум открыт друг другу, поэтому они полагают, что нам об этом уже известно!

Объяснение оставляло желать лучшего, но Ши Сяомин так радовался, будто солнце сегодня должно взойти раньше обычного, и Ло Цзи порадовался вместе с ним.

А когда солнце и в самом деле взошло, праздник достиг апогея. Поселок в пустыне был лишь маленьким кусочком мира. Основные торжества развернулись в подземных городах. Люди покинули свои развешанные на ветвях дома и спустились на землю. Они настроили одежду на максимальную яркость и разгуливали посреди переливающегося моря света. Под каменными сводами расцветали виртуальные фейерверки; порой их вспышки покрывали все небо, сиянием соперничая с солнцем.

Поток новостей продолжался. Сперва правительство проявляло осторожность, и официальные лица неустанно повторяли, что нет никаких фактов, подтверждающих намерения Трисоляриса вести переговоры. Но в то же время ООН и ККФ поспешно созвали совещания на высшем уровне, чтобы обсудить протокол переговоров и условия капитуляции.

В поселке Новая Жизнь-5 празднество ненадолго остановили, чтобы приехавший из города политик выступил с речью. Он был фанатичным

сторонником проекта «Луч солнца» и воспользовался моментом, чтобы привлечь на свою сторону голоса проснувшихся.

«Луч солнца» был проектом ООН. Его суть заключалась в том, что, если человечество победит в битве Судного дня, выжившим трисолярианам следует предоставить территорию в Солнечной системе. Существовало несколько вариантов проекта.

По минимальному варианту предполагалось выделить резервации на Плутоне, Хароне и спутниках Нептуна. Там позволят жить только членам экипажа флота Трисоляриса. В таких условиях не обойтись без термоядерной энергетики и поставок с Земли, но даже тогда жизнь будет суровой.

По максимальному варианту трисолярианам отходил весь Марс, и на планете могли жить все трисоляриане, а не только экипажи флота. Это, не считая Земли, были самые лучшие условия для жизни в Солнечной системе.

Другие варианты большей частью находились между этими крайностями, но попадались и необычные предложения: скажем, принять трисоляриан на Земле. Проект «Луч солнца» получил одобрение среди некоторых держав Земли

и космоса, и те под нажимом многих неправительственных организаций даже начали строить предварительные планы. Однако проснувшиеся резко возражали; они даже прозвали сторонников проекта «Дунго», по имени добросердечного книжника из басни, спасшего волка от охотников[110].

Как только политик заговорил, толпа принялась выражать свое неодобрение, швыряя в него помидорами. Пригнувшись, он увещевал:

— Хотел бы напомнить всем вам, что мы живем в эпоху гуманизма, последовавшую за вторым Возрождением. Мы относимся с величайшим уважением к жизни и культуре любой расы. Вас же осеняет свет нашего времени! Проснувшиеся получают полное гражданство, и их никто не ограничивает в правах. Эти принципы записаны в Конституции и своде законов, но самое важное — они живут в наших сердцах. Я уверен, что вы цените их по достоинству. Цивилизация Три-

[110] Примечания: 110

В басне «Чжуншаньский волк», приписываемой перу Ма Чжунси, жившего в эпоху династии Мин, книжник Дунго жалеет загнанного, изголодавшегося волка и прячет его от охотников в мешке. Когда Дунго выпускает волка, тот угрожает съесть книжника, но соглашается, чтобы их рассудил кто-то третий. Старик-крестьянин, которому изложили «дело», заявляет, что не верит, будто волк может поместиться в мешке. Волк снова забирается в мешок; тогда крестьянин завязывает мешок и мотыгой забивает волка насмерть. (*Прим. Дж. М.*)

соляриса также заслуживает уважения, и у нее тоже есть право на существование. Проект «Луч солнца» — вовсе не благотворительность. Это подтверждение и выражение ценности самой человеческой цивилизации. Если мы… Эй вы, идиоты! Исполняйте свои обязанности!

Последние слова политик адресовал своим помощникам. Те увлеченно подбирали с пола помидоры — ведь в подземном городе они немало стоили. Когда проснувшиеся заметили, что происходит, они начали закидывать сцену также огурцами и картофелем. Таким образом, небольшая стычка закончилась всеобщим весельем.

В полдень во всех семьях начался праздничный обед. На траве разложили обильную еду из натуральных продуктов для гостей из города, приехавших присоединиться к празднику. Среди них был и политик Дунго со свитой. Ели, пили и веселились весь день, до заката — в тот вечер он оказался особенно красив. Красно-оранжевое солнце окрасило море песка за околицей в нежный кремовый цвет, а высокие барханы напоминали уснувших женщин…

Ближе к ночи очередное сообщение подстегнуло энтузиазм утомившихся людей: ККФ принял решение объединить все 2015 кораблей звездного

класса Азиатского, Европейского и Североамериканского флотов в один отряд и послать его на перехват трисолярианского зонда недалеко от орбиты Нептуна!

После таких новостей в небо снова полетел фейерверк, и пирушка разгорелась с новой силой. Однако кое-кто принялся ехидничать:

— Послать две тысячи кораблей на перехват малюсенького зонда?

— Это как зарубить одну курицу двумя тысячами топоров!

— Именно так! Все равно что расстреливать комара из двух тысяч пушек! Не такая уж у него крепкая броня!

— Эй, народ, войдите в положение ККФ, ведь это может оказаться его первым и последним шансом повоевать с Трисолярисом!

— Ну да. Если такое можно назвать войной.

— Все нормально, ребята! Считайте это военным парадом в честь Земли! Полюбуемся на наш суперфлот! Он же перепугает трисоляриан до усрачки! Они даже до сортира добежать не успеют! Если, конечно, у них есть задницы.

Всеобщий ржач.

Около полуночи пришло следующее сообщение: объединенный флот вылетает с баз на

Юпитере! Желающим посмотреть объяснили, что флот будет виден невооруженным глазом в южной части неба. Празднующие теперь успокоились и начали высматривать на небе Юпитер. Это оказалось непросто, но с помощью астронома, выступавшего по телевидению, они наконец обнаружили планету на северо-западе. Свет двигателей флота все еще летел к Земле с расстояния в пять астрономических единиц. Через сорок пять минут Юпитер вспыхнул, превзойдя яркостью Сириус. Потом сияющая звезда поплыла в сторону от планеты, словно душа, расстающаяся с телом. А планета вернулась к своей обычной яркости. Таким оказался старт объединенного флота.

Одновременно до Земли добралась видеотрансляция отбытия флота. На экранах телевизоров посреди черноты космоса загорелись две тысячи солнц. Ровный прямоугольный строй в вечной ночи космоса устрашал своим величием. В голове вертелась лишь одна цитата: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет».

В сиянии двух тысяч солнц казалось, что Юпитер и его спутники объял огонь. В атмосфере планеты, разогретой излучением, засверкали молнии, и их вспышки залили электрическим

светом всю полусферу Юпитера. Флот разгонялся, сохраняя безупречный строй; корабли затмевали собой Солнце, а потом величаво, с мощью грозового облака, уходили в открытый космос, как бы заявляя Вселенной: человеческая раса благородна и непобедима. Дух человека, двести лет назад подавленный видом трисолярианского флота, стал вновь свободен. Все звезды Галактики скромно пригасили свой блеск, когда Человек и Бог гордо ступили во Вселенную уже как единая сущность.

Народ плакал и смеялся; некоторые громко рыдали. Во всей истории не было еще такого момента, когда каждый радостно и гордо называл себя человеком.

Но кое-кто не поддался всеобщей эйфории. Ло Цзи был из этих людей. Осматривая толпу, он приметил еще одного сохраняющего хладнокровие человека. В стороне от собравшихся, прислонившись к опоре громадного голографического экрана и покуривая сигарету, стоял и безучастно смотрел на гуляк Ши Цян.

Ло Цзи подошел к нему и спросил:

— Что ты…

— А, парень, привет. Я тут на работе. — Да Ши указал на море людей. — От веселья до несчастья

один шаг. Того и гляди что-нибудь стрясется, самое время. Помнишь выступление господина Дунго этим утром? Если бы я не подсунул толпе под руку помидоры, его закидали бы камнями.

Ши Цяна недавно назначили начальником полиции поселка Новая Жизнь-5. Проснувшимся казалось странным, что кого-то из Азиатского флота, то есть не гражданина Китая, приняли на официальную правительственную должность. Впрочем, своей работой он заслужил признание жителей.

— Да и вообще, я редко пускаюсь в пляс хоть по какому поводу, — добавил он, хлопая Ло Цзи по плечу. — Как и ты, кореш.

— Как и я, — кивнул Ло Цзи. — Я вообще редко восторгался картинами радужного будущего. Я всегда предпочитал «здесь и сейчас». У меня и у будущего нет ничего общего, хотя меня и затолкали на время в мессии. Может быть, теперь мне воздается за постоянную жизнь одним днем. Ладно, я пошел спать. Веришь или нет, Да Ши, но мне сегодня удастся заснуть!

— Пойди поговори с коллегой. Он только что прибыл. Победа человечества может его не обрадовать.

Ло Цзи немного растерялся, услышав эти слова.

Но, вглядевшись в указанного Ши Цяном человека, он с удивлением узнал бывшего Отвернувшегося, Билла Хайнса. Тот стоял с пепельно-серым лицом, как будто в трансе, недалеко от Ши Цяна. Только теперь он заметил Ло Цзи. Они обнялись; Ло Цзи почувствовал, что Хайнс дрожит от слабости.

— Я приехал, чтобы встретиться с тобой, — сказал Хайнс. — Лишь мы двое, отбросы истории, способны понять друг друга. Но я боюсь, что даже ты не поймешь меня.

— Что случилось с Кейко?

— Помнишь комнату медитации в здании Генеральной Ассамблеи ООН? Там редко кто появлялся. Лишь туристы заглядывали время от времени… Припоминаешь блок железной руды? Она легла на него и совершила сеппуку.

— Ох…

— Перед смертью она прокляла меня, сказав, что моя жизнь будет хуже смерти, поскольку на мне ментальная печать пораженца, в то время как человечество побеждает. Она не ошиблась. У меня все болит. Конечно, я рад победе, но не способен поверить в нее. В моем сознании как будто два гладиатора сражаются. Поверить в победу намного сложнее, чем поверить в то, что

вода не ядовита.

Ло Цзи и Ши Цян организовали комнату для Хайнса, а потом Ло Цзи вернулся в свою и вскоре заснул. Ему опять снились Чжуан Янь и дочка. Когда он проснулся, в окно светило солнце, а за окном продолжался праздник.

* * *

«Естественный отбор» со скоростью один процент от световой летел от Юпитера к орбите Сатурна. Позади корабля маленькой точкой сияло Солнце, а впереди разгорался Млечный Путь. Курс вел в сторону созвездия Лебедя; в просторе открытого космоса скорость не ощущалась. Если бы поблизости нашелся наблюдатель, ему бы показалось, что «Естественный отбор» завис в пустоте. Для человека внутри корабля все движение во Вселенной остановилось, и корабль замер между Солнцем и Млечным Путем. Время прекратило свой ход.

— Вы потерпели неудачу, — заявила Дунфан Яньсюй Чжан Бэйхаю. Весь экипаж, кроме них двоих, по-прежнему спал в состоянии погружения. Чжан Бэйхай не покидал запертой сферической каюты; Дунфан Яньсюй не могла войти и вынуждена была разговаривать через

интерком. Часть стены оставалась прозрачной, и она видела плавающего в центре помещения человека, который похитил самый мощный боевой корабль человечества. Чжан Бэй-хай склонил голову, собираясь что-то записать в блокнот. Перед ним висела панель управления, на которой высвечивалась готовность к режиму «тяга четыре». Нужно только нажать одну кнопку. Вокруг него плавали несколько шаров дыхательной жидкости, которые он еще не успел убрать. Его военная форма уже просохла, но складки на ней придавали Чжан Бэйхаю усталый вид, отчего казалось, будто он разом постарел.

Он проигнорировал вопрос и продолжил писать, наклонив голову.

— Преследователи находятся в 1,2 миллиона километров от нас, — добавила Дунфан.

— Знаю. — Чжан Бэйхай не поднял головы. — Вы приняли мудрое решение, оставив экипаж в состоянии сна.

— По-другому не получилось бы. Офицеры и рядовые разнесли бы вашу каюту вдребезги. А если бы вы включили «тягу четыре», то убили бы всех. Поэтому преследователи и не подходят ближе.

Он не ответил. Перелистнув страницу, он продолжил писать.

— Вы бы так не поступили, верно? — тихо спросила она.

— Вам и в голову не могло прийти, что я сделаю то, что сделал. — Он на пару секунд умолк, а потом продолжил: — Люди моего времени мыслят иначе, чем вы.

— Но мы ведь не враги!

— Не существует постоянных врагов и постоянных союзников. Постоянен лишь долг.

— Тогда ваш пессимизм насчет войны необоснован. Трисолярис продемонстрировал, что стремится к переговорам. Объединенный флот Солнечной системы вышел на перехват зонда. Война закончится победой человечества!

— Я знаком с новостями.

— И вы по-прежнему настаиваете на пораженчестве и эскапизме?

— Да.

Капитан в раздражении потрясла головой:

— Вы и в самом деле мыслите не так, как мы. Например, вы с самого начала знали, что ваш план провалится, поскольку «Естественный отбор» заправлен лишь на двадцать процентов и его непременно догонят.

Чжан Бэйхай отложил карандаш и спокойным, как вода, взором посмотрел на собеседницу

сквозь окно в стене каюты.

— Мы все здесь солдаты. Но знаете ли вы, в чем заключается главное различие между солдатами прошлого и вами? Вы планируете свои действия, вычисляя их возможный исход. А мы исполняем свой долг независимо от результата. Мне был дан единственный шанс, и я им воспользовался.

— Вы просто себя успокаиваете.

— Нет. Таков мой характер. Дунфан, я не ожидаю от вас понимания. Все-таки нас разделяют два столетия.

— Хорошо, вы исполнили свой долг, но ваша эскапистская выходка безнадежна. Сдайтесь!

Он улыбнулся и опустил глаза на блокнот.

— Еще рано. Мне нужно все записать. Все, что случилось за эти два столетия, — это поможет тем немногим здравомыслящим, которые будут жить в следующие два века.

— Вы же можете продиктовать компьютеру!

— Нет. Я привык писать от руки. Бумага надежнее, чем компьютер. Не беспокойтесь, всю ответственность я беру на себя.

* * *

Дин И выглянул в широкий иллюминатор «Кванта». Голографический монитор в его сфе-

рической каюте обеспечивал лучшее качество изображения, но Дин предпочитал видеть все своими глазами. Он находился на огромной плоскости, состоящей из двух тысяч небольших ослепительных солнц, в чьих лучах его седая шевелюра казалась объятой пламенем.

Он начал привыкать к этой картине со дня старта объединенного флота, но ее величественность по-прежнему потрясала. Флот поддерживал такой строй не только для вида. В традиционном строе «змейкой» излучение двигателей кораблей, идущих впереди, заливало бы корабли, идущие следом. В нынешнем прямоугольном построении расстояние между кораблями составляло двадцать километров. Даже учитывая, что каждый корабль в три-четыре раза превосходил размером океанский авианосец, с такого расстояния они выглядели крохотными точками. Лишь пламя термоядерных двигателей выявляло их присутствие в космосе.

Объединенный флот следовал в плотном строю; им пользовались только на параде. В походном строю между кораблями оставляли от трехсот до пятисот километров. Двадцать километров — для морских судов это было бы все равно что идти борт о борт. Многие генералы возражали

против такого плотного строя, но и в обычных построениях были недостатки. Прежде всего надо было дать каждому кораблю шанс вступить в сражение. Если подойти к зонду в обычном строе, даже при минимальном сближении корабли с краю окажутся в десятках тысяч километров от цели. Если при захвате зонда разгорится битва, большинству кораблей не доведется принять в ней участие — и в учебники истории впишут, что им не повезло.

Три флота также не могли перегруппироваться в свои собственные построения — тогда будет невозможно определить, кому достанется наиболее почетное место. Поэтому решили двигаться плотным строем — так плотно, как только возможно. Парадный строй выводил все корабли в зону боевых действий вокруг зонда.

Была и еще одна причина, по которой остановились на парадном строе. ККФ и ООН настаивали на зрелищном видеоряде — но не для устрашения Трисоляриса, а чтобы произвести впечатление на землян. Обе группы придавали огромное значение психологическому и политическому эффекту этого видео. Главные силы Трисоляриса в двух световых годах, поэтому парадному строю ничто не угрожало.

«Квант» располагался в углу построения, и Дин И мог видеть большую часть флота. Как только они пересекли орбиту Сатурна, корабли повернулись двигателями вперед и приступили к торможению. Началось сближение с целью.

Дин И сунул в зубы трубку. В эти дни трубочного табака не было, и ему приходилось обходиться пустой трубкой. От нее слабо пахло двухсотлетним дымом, как памятью прошедших лет.

Дин И вышел из анабиоза семь лет назад и с тех пор преподавал на кафедре физики Пекинского университета. В прошлом году он подал заявление во флот, желая стать одним из тех, кому предстоит изучать трисолярианский зонд. Старого Дина очень уважали, но заявление отклоняли до тех пор, пока он не пригрозил совершить самоубийство перед тремя командирами флота. Тогда они пообещали подумать.

Строго говоря, выбор ученого, которому предстоит первым коснуться зонда, был непростым вопросом. Прикосновение к зонду означало первый физический контакт с Трисолярисом со стороны человека. В соответствии с принципом равных прав, которого будут придерживаться при перехвате, ни один из флотов не мог заполучить себе такую честь, а взаимодействие

нескольких представителей стало бы сложной организационной задачей. Поэтому работу следовало выполнить кому-то не из рядов ККФ. Дин И оказался наиболее подходящим кандидатом. Но за его выбором стояла и другая причина, о которой предпочитали умалчивать. Ни ККФ, ни ООН не питали особых надежд захватить зонд — он наверняка самоликвидировался бы во время или сразу после перехвата.

Но пока зонд оставался целым, из него следовало извлечь как можно больше данных, наблюдая с некоторого расстояния или при тесном контакте. Физик-ветеран, открывший макроатом, создатель управляемого термоядерного синтеза, идеально подходил для такой работы. И в любом случае, Дин И уже было восемьдесят три года, он жил сам по себе и мог заниматься, чем пожелает.

На последнем перед перехватом совещании командования «Кванта» Дин И увидел фотографию зонда. Три разведывательных корабля, посланных флотами, сменили принадлежащую Земле «Синюю тень». Они сфотографировали зонд с расстояния пятьсот километров; ближе к нему еще никто не подбирался. С размерами астрономы угадали: аппарат насчитывал 3,5 метра в длину.

Когда Дин И впервые увидел снимок, ему представился тот же образ, что и любому другому: капля ртути. Зонд был идеальной каплей, круглой спереди и острой сзади. В абсолютно гладком зеркале поверхности светлой полоской отражался Млечный Путь, и весь объект выглядел захватывающе красиво.

Форма зонда настолько хорошо соответствовала этому определению — «капля», что возникла теория, будто он целиком жидкий и никакой внутренней структуры у него вовсе нет.

Дин И увидел голограмму и до конца совещания не проронил ни слова. Он сидел, уставившись в стол.

— Профессор Дин, вас что-то беспокоит? — спросил капитан.

— Не нравится он мне, — негромко ответил он, указывая на снимок трубкой.

— Но почему? Мне он кажется безобидным прекрасным произведением искусства, — возразил другой офицер.

— Вот поэтому он мне и не нравится, — покачал седой головой Дин И. — Скульптура какая-то, а не межзвездный зонд! Это плохое предзнаменование, когда мы встречаемся с предметом, настолько не соответствующим нашему пред-

ставлению о нем. Очень, до крайности странная штука. На поверхности нет отверстий. Где же сопло двигателя?

— Тем не менее двигатель исправно работает. Мы это точно знаем. Когда он погас во второй раз, «Синяя тень» находилась слишком далеко для фотосъемки. Мы не знаем, откуда исходило свечение.

— Какова масса объекта? — спросил Дин И.

— Знаем только приблизительно. По показаниям самых точных гравитометров, около десяти тонн.

— Ну, по крайней мере, это не материал нейтронной звезды.

Капитан решил прервать обсуждение и продолжить совещание. Он обратился к Дин И:

— Профессор Дин, ваше задание, по планам флотов, будет таким: сперва дистанционно управляемый аппарат захватит зонд и будет его некоторое время удерживать. Если за это время ничего не случится, вы отправитесь туда на челноке и изучите цель вблизи. Вам разрешено провести возле зонда не более пятнадцати минут. Присутствующая здесь майор Сицзы представляет Азиатский флот. Она отправится к зонду вместе с вами.

Молодая женщина в ранге майора поприветствовала Дин И. Как и другие женщины флота, она была стройной и высокой — типичный представитель космического человечества.

Бросив на нее лишь один взгляд, Дин И повернулся к капитану:

— Зачем мне сопровождающие? Я что, один не справлюсь?

— Извините, но не справитесь. Вы не знакомы с космосом. Вам потребуется помощь.

— В таком случае мне, пожалуй, лучше будет остаться. Зачем мне вести кого-то за собой… — Он смолк, прежде чем произнести «на смерть».

— Профессор Дин, — сказал капитан, — вам, несомненно, выпало опасное, но далеко не самоубийственное задание. Если зонд и самоуничтожится, то это случится при перехвате. Шанс взрыва двумя часами позже весьма незначителен, если только вы не приметесь резать корпус.

На самом деле земные и космические державы решили послать к зонду человека главным образом не для визуального осмотра. Когда появились первые снимки, людей очаровала восхитительная форма посланца. Капля ртути была бесконечно прекрасной, такой простой и в то же время созданной рукой мастера. Каждая точка ее

поверхности находилась на своем месте. Капля олицетворяла изящную динамику. Казалось, будто она каждое мгновение сочится сквозь вечную ночь космоса. Вряд ли скульптору из числа людей удалось бы создать такую обтекаемую форму, сколько бы он ни пытался. Она превосходила любое воображение. Даже у Платона в «Республике» не нашлось бы столь совершенной фигуры — прямее самой лучшей прямой, круглее идеальной окружности. Одним она казалась сверкающим дельфином, застывшим в прыжке над морем грез. Иные считали ее квинтэссенцией всей любви во Вселенной… Красота всегда ассоциируется с добротой. Если бы во Вселенной существовала граница между добром и злом, этот предмет безусловно занял бы место на стороне добра[111].

Возникла гипотеза, что объект, скорее всего, не зонд. Последующие наблюдения ее частично подтвердили. Прежде всего гладкая, зеркальная поверхность отражала свет. При помощи разнообразного оборудования флот провел эксперимент: на объект направляли высокочастотное электромагнитное излучение с различной длиной волны и измеряли коэффициент отражения.

[111] Примечания: 111

Интересная видеоинтерпретация: http://www.project-57.org/. (*Прим. перев.*)

К изумлению ученых, волны любой длины, включая видимый свет, отражались практически без потерь. Поглощения энергии обнаружить не удалось. Это означало, что зонд не мог регистрировать высокочастотное излучение, или, выражаясь попросту, он был слеп. Для создания такого предмета должна быть какая-то причина. По самой логичной теории объект является жестом доброй воли, подарком от Трисоляриса, что подтверждалось красотой формы и отсутствием функциональности. Символ искреннего стремления к миру.

Из-за формы зонд и стали называть просто Каплей. И на Земле, и на Трисолярисе вода была источником жизни и символом мира.

Общественное мнение сходилось в том, что к Капле следует отправить официальную делегацию, а не ученого и троих военных. Тщательно все обдумав, ККФ решил план не менять.

— Вы бы хоть заменили ее на кого-нибудь другого! А то посылать девушку… — Дин И указал на Сицзы.

Та улыбнулась:

— Профессор Дин, я служу на «Кванте» офицером-исследователем. Отвечаю здесь за все научные экспедиции. Полет к зонду — моя ра-

бота.

— У нас на флоте половина военнослужащих — женщины, — добавил капитан. — С вами полетят три офицера. Кроме майора Сицзы будут также офицеры-исследователи от Европейского и Североамериканского флотов. Они уже скоро появятся на борту. Профессор Дин, я хотел бы особо подчеркнуть: ККФ решил, что именно вы обязаны первым коснуться зонда. После этого с объектом позволяется работать троим сопровождающим.

— Все без толку… — снова покачал головой Дин И. — Человечество не меняется — оно все так же тщеславно… Не волнуйтесь, я выполню ваше желание. Мне просто хочется посмотреть, только и всего. Что меня действительно интересует — так это теория, стоящая за супертехнологиями пришельцев. Боюсь только, что в этой жизни… а, да что там…

Капитан подлетел к физику и участливо сказал:

— Профессор Дин, почему бы вам не пойти отдохнуть? Скоро мы начнем перехват, и вам потребуются силы для похода к зонду.

Дин И посмотрел на капитана. Через мгновение он понял, что собрание продолжится без него. Тогда он снова посмотрел на голографический

снимок Капли. В округлом переднем конце зонда отражалась цепочка огней; ближе к концу они искажались и расплывались среди искр Млечного Пути. Это были огни флота. Взгляд ученого вернулся к офицерам «Кванта», плавающим перед ним в невесомости. Такие молодые… совсем еще дети. На их лицах, от капитана до лейтенантов, светилось безупречное благородство; их взор сиял мудростью богов. Самотонирующееся стекло иллюминаторов перекрасило свет соседних кораблей в закатные лучи солнца, выплеснувшие золото на всех собравшихся. А позади них, как знак чуда, плавала голограмма серебряной Капли. Каюта представилась Дин И сценой из иного мира, а они все — богами на вершине Олимпа… Глубоко внутри ученого заворочались какие-то предчувствия, и он забеспокоился.

— Профессор Дин, вы хотите что-то еще сказать? — подтолкнул его капитан.

— Ну, я хотел бы… — Он бесцельно пошевелил руками; выпавшая изо рта трубка зависла рядом. — Я хотел бы сказать, что вы, ребята, были очень добры ко мне все эти дни…

— Мы вас уважаем больше всех! — ответил вице-капитан.

— Э… тогда… я хотел бы упомянуть еще кое-что…

Просто глупости старого дурака. Не принимайте всерьез. Тем не менее, ребята, послушайте, я ведь жил в двух столетиях, много чего повидал… Ладно, не обращайте внимания…

— Профессор Дин, не бойтесь, говорите. Мы высоко ценим ваше мнение!

Дин И медленно кивнул, затем указал вверх:

— Если этому кораблю потребуется перейти в режим максимального ускорения, то всему экипажу понадобится… погрузиться в жидкость.

— Совершенно верно. Состояние погружения.

— Да, точно — состояние погружения. — Дин И снова замялся, немного подумал, а затем продолжил:

— Нельзя ли перевести этот корабль, э-э… «Квант», в состояние погружения, как только мы отправимся к зонду?

Офицеры удивленно переглянулись. Капитан спросил:

— Зачем?

Руки Дина И снова пришли в движение; в свете огней флота его седины отливали серебром. Когда он впервые ступил на борт, кто-то подметил, что Дин И похож на Эйнштейна.

— Гм… ну, от этого же вреда не будет, верно? Знаете, у меня плохое предчувствие…

Произнеся эти слова, он замолк и уставился вдаль. Затем, опомнившись, подхватил плавающую в воздухе трубку и положил в карман. Не попрощавшись, старый ученый неловко включил сверхпроводящий пояс и полетел к двери. Офицеры проводили его взглядами.

На полпути Дин И медленно повернулся.

— Ребята, знаете, чем я занимался все эти годы? Преподавал физику в университете и консультировал аспирантов.

Он устремил взгляд на Галактику в иллюминаторе, и по его лицу пробежала загадочная улыбка. В ней явственно сквозила горечь.

— Ребята, человек, родившийся двести с лишним лет назад, по-прежнему может преподавать физику в университете!

С этими словами Дин И покинул каюту.

Капитан хотел что-то сказать в ответ, но Дин И уже исчез, и капитан промолчал. Он глубоко задумался. Кое-кто из офицеров повернулся к снимку Капли; другие смотрели на командира.

— Капитан, вы же не собираетесь прислушиваться к его словам? — спросил один из заместителей.

— Он мудрый человек, но все же из прошлого, — добавил другой. — Их мнение о современных

делах всегда…

— Однако в его науке человечество не продвинулось ни на шаг. Оно застыло на уровне тех лет.

— Он упомянул интуицию. Мне кажется, он интуитивно что-то заметил, — уважительно сказал один из офицеров.

— Кроме того… — начала было Сицзы, но остановилась, вспомнив о вышестоящих офицерах вокруг.

— Продолжайте, майор, — разрешил капитан.

— Кроме того, он же сказал, что вреда не будет! — закончила мысль Сицзы.

— Давайте вот о чем подумаем, — предложил вице-капитан. — Если придерживаться выработанной флотом стратегии, то в случае неудачи с перехватом и бегства Капли флот не сможет бросить в погоню ничего, кроме истребителей. Но они не годятся для продолжительного преследования — для него необходим корабль звездного класса. Нам стоит быть наготове. Это упущение штаба.

— Доложите командованию флота, — приказал капитан.

Одобрение начальства пришло незамедлительно: как только челнок исследователей отправится к зонду, «Кванту» и его соседу, кораблю звездного

класса «Бронзовый век», предписывается принять состояние погружения.

* * *

Прежде чем приступить к захвату Капли, корабли флота отошли на тысячу километров от зонда — на такой цифре остановились ученые после тщательных расчетов. В предположениях, как именно зонд может взорваться, недостатка не было, но реакция аннигиляции будет самой энергетически эффективной. При массе зонда в десять тонн в худшем случае получалась взаимная аннигиляция пяти тонн вещества и антивещества. Если бы такой взрыв произошел на Земле, он стер бы все живое с лица планеты. Но в космосе лишь вспыхнет мощный источник радиации. На расстоянии в тысячу километров он не сможет повредить укрытым толстым слоем брони кораблям звездного класса.

Захват осуществит вспомогательный корабль «Богомол», управляемый на расстоянии. Им пользовались для сбора образцов в поясе астероидов. Отличительной особенностью «Богомола» являлась особо длинная механическая рука.

Как только операция началась, «Богомол» пересек пятисоткилометровую границу, кото-

рой придерживались корабли наблюдения, и осторожно приблизился к цели. Он двигался медленно и через каждые пятьдесят километров останавливался на несколько минут, чтобы просканировать цель. Движение продолжалось только тогда, когда сканеры подтверждали, что объект не реагирует.

В тысяче километров от зонда в космосе парил объединенный флот, уравнявший скорость с Каплей. Большинство кораблей погасили термоядерные двигатели и бесшумно дрейфовали в бездне; слабый солнечный свет отражался от их гигантских металлических корпусов. Они походили на заброшенные космические поселения, а вся структура — на безмолвный доисторический Стоунхендж. Полтора миллиона человек экипажа, затаив дыхание, следили за полетом «Богомола».

Видеосигнал с кораблей флота с задержкой в три часа достигал Земли — а там точно так же затаили дыхание три миллиарда человек. На Земле остановилась вся работа. Летающие автомобили прекратили сновать между громадных стволов, и подземные города неподвижно застыли. Опустела даже глобальная компьютерная сеть, не знавшая покоя с момента своего рождения

триста лет назад. Сейчас все, что она передавала, приходило издалека, с расстояния в двадцать астрономических единиц.

Через полчаса такого прерывистого движения «Богомол» преодолел ничтожное по меркам космоса расстояние и завис в пятидесяти метрах от цели. На зеркальной поверхности зонда появилось искаженное отражение корабля. На борту «Богомола» заработали многочисленные научные приборы. Пошли первые результаты — они подтверждали ранее полученные данные. Температура Капли оказалась даже ниже, чем у окружающего космоса, — она приближалась к абсолютному нулю. Физики предполагали, что под обшивкой зонда скрывается мощное холодильное оборудование, но аппаратура «Богомола» не обнаружила в Капле никакой внутренней структуры.

Длинная механическая рука «Богомола» рывками потянулась к Капле сквозь оставшиеся пятьдесят метров. Ни при одной остановке научное оборудование не отмечало никаких перемен. Через полчаса этого нудного процесса манипулятор прикоснулся к зонду — объекту, пролетевшему четыре световых года и проведшему в космосе два столетия. Когда шестипалая

рука наконец ухватила Каплю, миллионы сердец экипажа дрогнули. Через три часа так же дрогнули сердца миллиардов землян.

Манипулятор не шевелился, продолжая удерживать Каплю. Через десять минут, когда приборы подтвердили отсутствие реакции, рука потянула зонд к «Богомолу».

В этот момент люди заметили удивительный контраст. Из соображений функциональности механическую руку спроектировали с жестким стальным каркасом и открытым гидравлическим приводом. Грубый индустриальный механизм, никакой элегантности. Капля же была идеальна по форме. Красота ее гладкой, текучей поверхности отрицала функциональность и техническое назначение. Капля олицетворяла собой беспечную отстраненность философа или художника. Стальные пальцы манипулятора сжали зонд, как волосатая лапа австралопитека сграбастала бы жемчужное зерно. Капля казалась хрупкой, словно стеклянная колба термоса, так что люди опасались, как бы она не треснула в грубой клешне. Но зонд уцелел, и механическая рука начала складываться.

Еще через полчаса манипулятор поместил Каплю внутрь главного отсека «Богомола». Про-

ем неспешно закрылся. Если зонду предстоит самоуничтожиться, то сейчас для этого самое подходящее время. Флот и Земля, затаив дыхание, ждали. Казалось, что в тишине слышится шорох утекающего в космос времени.

Двумя часами позже так ничего и не произошло.

* * *

Сам факт, что Капля не взорвалась, явился последним доказательством того, о чем догадывались люди. Если бы зонд имел военное назначение, он непременно уничтожил бы себя, попав в руки врага. Теперь не вызывало сомнений, что это подарок Трисоляриса всему человечеству, символ мира, который придумала поразительная цивилизация.

И снова радость охватила весь мир. На этот раз праздновали не настолько безудержно, потому что к мысли о победе человечества уже успели привыкнуть. Даже если отойти на тысячу шагов назад, даже если переговоры провалятся и возобновятся военные действия — даже тогда победят земляне. Объединенный флот, держащий под контролем космос, наглядно демонстрировал народам Земли мощь человека. Планета уверенно

смотрела в будущее и никого не боялась.

С прибытием Капли стали меняться чувства людей по отношению к Трисолярису. Многие признали, что к Солнечной системе летят представители великой цивилизации. Трисоляриан преследовали сотни циклов катастроф, которые они с невероятным упорством перенесли. А их тяжелейший перелет сквозь четыре световых года в поисках стабильной звезды, в поисках нового дома… Общественное мнение о Трисолярисе с враждебности и ненависти переросло в сочувствие, расположение и даже восхищение.

Люди осознали и другой факт: Трисолярис отправил к Земле десять «капель» еще два века назад, но лишь сейчас человечество поняло их подлинное значение. Вне всякого сомнения, это потому, что Трисолярис действовал слишком тонко и деликатно, да и кровавая история самих землян сыграла не последнюю роль. На всемирном референдуме, проведенном в Интернете, проект «Луч Солнца» получил множество новых голосов, причем предпочтение отдавали максимальному варианту, при котором Марс отходил переселенцам с Трисоляриса.

И ООН, и флоты ускорили подготовку к переговорам. Земные и космические власти начали

подбирать делегатов.

Все это произошло на следующий день после перехвата Капли.

Больше всего людей занимали не лежащие перед ними факты, а очертания светлого будущего. Каким же невероятным раем станет Солнечная система, когда могущество человека объединится с технологией Трисоляриса?

* * *

Примерно на той же орбите, что и зонд, но с другой стороны Солнца «Естественный отбор» продолжал безмолвно скользить в пространстве на скорости один процент от световой.

— Получено сообщение: Капля не самоуничтожилась при захвате, — сообщила Дунфан Яньсюй Чжан Бэйхаю.

— Что за Капля? — Они смотрели друг на друга сквозь прозрачную переборку. Лицо Чжан Бэйхая осунулось.

— Зонд Трисоляриса. Теперь подтвердилось, что это их подарок людям, символ мира.

— Вот как? Очень хорошо.

— Похоже, вас это не очень интересует.

Не ответив, Чжан Бэйхай обеими руками поднял перед собой блокнот:

— Я закончил.

И сунул блокнот в тесный карман униформы.

— Теперь вы вернете мне управление «Естественным отбором»?

— Может быть, и верну. Но сначала скажите, что вы после этого собираетесь делать.

— Тормозить.

— Для встречи с отрядом преследования?

— Да. У нас слишком мало топлива — его не хватит на обратный путь. Для возвращения в Солнечную систему нам потребуется дозаправка. Но у преследователей топлива для нашей дозаправки не хватит. Во-первых, у них тоннаж лишь в половину нашего; во-вторых, им пришлось разогнаться до пяти процентов от скорости света, а потом тормозить, когда они нас догнали. Им самим для возвращения топлива хватит. Поэтому экипаж «Естественного отбора» перейдет к ним на борт. Позже к «Естественному отбору» пошлют заправщика, но он затратит на дорогу много времени. Нам следует как можно больше снизить скорость, чтобы сократить это время.

— Не снижайте скорость, Дунфан.

— Почему?!

— Для торможения придется истратить все оставшееся у нас топливо. Нам без энергии не

обойтись. Никто не знает, чем все это кончится. Вам, как капитану, не следует об этом забывать.

— Да что может случиться? Будущее очевидно: война закончится, человечество победит, а вас назовут ошибкой истории.

Выслушав такую отповедь, Чжан Бэйхай только улыбнулся. Он смотрел на капитана, и в его глазах светилась доброта, которой там раньше не было. Улыбка этого человека прошлого пробудила в капитане чувства, ей до сих пор неведомые. Дунфан Яньсюй не верила в его пораженчество и подозревала, что Чжан Бэйхаем руководили какие-то иные мотивы. Она даже подумывала, не сошел ли он с ума. Но что-то тянуло ее к нему. Капитан рассталась с отцом еще ребенком; в те годы это было обычным делом. Отцовскую любовь объявили пережитком прошлого. Но, глядя на солдата XXI века, она начала понимать.

— Дунфан, я родом из беспокойной эпохи. Я реалист. Я знаю, что враг по-прежнему приближается к Солнечной системе. У меня как у солдата нет права радоваться, пока не наступит мир… Не снижайте скорость. Это условие, на котором я возвращаю вам управление. Разумеется, у меня нет гарантий, кроме вашего слова.

— Я обещаю, что «Естественный отбор» не будет

снижать скорость.

Чжан Бэйхай подплыл к панели управления, нажал несколько кнопок и ввел пароль. Выполнив еще несколько манипуляций, он погасил панель.

— Вам переданы полномочия капитана «Естественного отбора». Пароль тот же — MARLBORO, — не оборачиваясь, сообщил он.

Дунфан Яньсюй зажгла рядом с собой интерфейс управления и быстро подтвердила его слова.

— Благодарю. Но попрошу пока не покидать каюту и не открывать дверь. Экипаж корабля сейчас пробуждается. Я опасаюсь, что кое-кто из них может повести себя весьма агрессивно.

— Они что, заставят меня прогуляться по доске?

— А?

Он рассмеялся:

— Был такой способ казни на средневековых пиратских судах. Если бы он дожил до этих дней, вам пришлось бы выпихнуть преступника вроде меня из шлюза прямо в открытый космос… Ну что ж… мне нравится одиночество.

* * *

Если сравнивать по размеру, то челнок, отчаливший от борта «Кванта», походил на автомобиль, покидающий город. Факел двигателя освещал лишь небольшое пятнышко на корпусе корабля — словно свечка под громадным утесом. Челнок выбрался из тени «Кванта». Посверкивая светлячком двигателя, суденышко направилось к зонду. Предстояло пройти тысячу километров.

В состав экспедиции входили четверо: майор Европейского флота, подполковник Североамериканского флота, Дин И и Сицзы.

Сквозь иллюминатор Дин И смотрел на удаляющиеся корабли. «Квант», находящийся в углу построения, по-прежнему казался большим, но форму корпуса уже его ближайшего соседа, «Облака», было трудно рассмотреть. А дальше корабли ничем не отличались от точек, разбросанных по космосу. Дин И знал, что флот сформировал прямоугольную сетку — сто кораблей в длину и двадцать в ширину; а еще пятнадцать маневрировали поблизости. Он начал считать в длину, добрался до тридцати, а остальные просто не смог увидеть, хотя они располагались от него всего в шестистах километрах. Ученый посмотрел вверх,

вдоль короткой вертикальной стороны массива, и обнаружил ту же картину. Те корабли вдалеке, которые он еще мог видеть, представлялись в тусклом свете Солнца лишь мутными пятнышками, неразличимыми на фоне звезд. Увидеть весь строй невооруженным глазом можно будет только тогда, когда все они включат двигатели.

Объединенный флот представлялся ему матрицей сто на двадцать, развернувшейся в космосе. Дин И вообразил еще одну матрицу и перемножил их, складывая произведения элементов рядов и столбцов. Получилась третья матрица, еще больше, но, по сути, единственной важной константой была микроскопическая точка: Капля. Физику никогда не нравилась асимметрия в математике, поэтому попытка отвлечься не удалась.

Когда перегрузка сошла на нет, он завязал разговор с Сицзы, сидящей рядом.

— Дочка, а ты, случаем, не из Ханчжоу?

Сицзы неотрывно смотрела вперед, наверное, пытаясь увидеть «Богомол». Но до него были сотни километров. Наконец она пришла в себя и покачала головой:

— Нет, профессор Дин. Я родилась в космосе. Даже не знаю, почему мое имя напоминает вам о

Ханчжоу[112]. Но я там была. Там хорошо.

— Там и в мое время было хорошо. Но сейчас Западное озеро стало Исчезающим озером и находится посреди пустыни… Сегодня везде пустыня; но даже такой мир напоминает мне о юге и об эпохе грациозных, как текущая вода, женщин.

Дин И взглянул на Сицзы, чей изящный силуэт вырисовывался в мягком свете далекого Солнца, льющемся в кабину сквозь стекло иллюминатора.

— Дочка, я смотрю на тебя и вспоминаю ту, кого я однажды любил. Как и ты, она носила звание майора. Пониже тебя ростом, но такая же красивая…

— В то время, наверное, вы нравились многим девушкам, — ответила Сицзы, оборачиваясь к ученому.

— Я редко беспокоил тех девушек, которые мне нравились. Я тогда был под влиянием Гете: «Коли я люблю тебя, что тебе за дело?»

Сицзы хихикнула.

— Эх, если бы только я так же подходил и к

---

[112] Примечания: 112

Сицзы — это вариант имени Си Ши, которое носила одна из четырех великих красавиц Древнего Китая. Она, как считается, жила недалеко от Ханчжоу. Озеро Сиху («западное») в Ханчжоу называют воплощением Си Ши. (*Прим. Дж. М.*)

физике! Величайшее огорчение моей жизни в том, что нас ослепили софоны. Но можно высказаться и более позитивным образом: «Если мы изучаем природу, то что природе за дело?» Может статься, однажды человечество — или кто-то еще — разберется в научных законах до того досконально, что сможет повлиять не только на самих себя, но и на всю Вселенную. Они научатся придавать звездным системам любую форму, как кондитер месит тесто. Впрочем, что с того… Даже тогда физические законы не изменятся. Природа останется с нами навсегда, неизменная и вечно молодая, как воспоминание о прошлой любви…

Он указал на Млечный Путь, светящийся в иллюминаторе:

— Когда думаю об этом, я забываю все тревоги.

Сицзы не ответила, и настала полная тишина. Вскоре в иллюминаторах показался «Богомол» — пока лишь светлой точкой в двухстах километрах по курсу. Челнок развернулся двигателем вперед и начал сбрасывать скорость.

Теперь участники экспедиции смотрели назад, на флот, зависший в восьмистах километрах от них. Тяжелые боевые корабли превратились в едва заметные точки. Флот удавалось распознать на фоне космоса лишь по регулярной структуре

построения. Весь массив кораблей казался сеткой, наброшенной на Млечный Путь и выделяющейся своей математической структурой среди хаоса звезд. Размер кораблей на таком удалении уже не поражал воображение; но вместо того подавляла мощь строя. Множество людей и во флоте, и на далекой Земле следили за видеотрансляцией и на наглядном примере понимали, о чем только что говорил Дин И.

Челнок достиг «Богомола» и прекратил торможение. На высокой скорости сближения пассажирам показалось, будто «Богомол» вынырнул из ниоткуда.

Незамедлительно осуществили стыковку. В отсеках беспилотного «Богомола» царил вакуум. Четверо исследователей надели легкие скафандры и после заключительного напутствия командования поплыли через стыковочный узел внутрь «Богомола».

Капля висела точно в центре единственного сферического отсека «Богомола». Цвет зонда изменился по сравнению с фотографией — он стал бледнее и мягче, по-видимому, переняв цвет внутренних стен корабля. Капля полностью отражала свет и потому своего собственного цвета не имела.

Кроме нее внутри отсека находились сложенная механическая рука, различное оборудование и несколько каменных обломков. Здесь, в столь неброском окружении, контраст между утонченностью и красотой Капли, с одной стороны, и грубостью металла и камня — с другой становился еще ярче.

— Слезинка Божьей матери, — прошептала Сицзы.

Ее слова со скоростью света полетели к флоту, а оттуда спустя три часа разнеслись по всей Земле. Как только Сицзы, подполковник и майор Европейского флота — самые обычные люди, волею случая оказавшиеся у руля на крутом повороте истории человечества — приблизились к Капле, у них возникло одно и то же ощущение. Чуждость далекого мира внезапно пропала, а взамен разгорелась жажда понимания.

Все углеродные формы жизни в этой огромной холодной Вселенной ждет одна судьба. Возможно, потребуются миллиарды лет, но любовь одолеет и пространство, и время. Люди чувствовали любовь, излучаемую серебристой Каплей, и эта любовь могла одолеть вражду. На глаза Сицзы навернулись слезы, а через три часа вслед за ней зарыдали миллиарды землян.

Но Дин И оставался позади и хладнокровно наблюдал за происходящим.

— Я вижу здесь кое-что еще, — заявил он. — Что-то более тонкое. Я вижу реальность, в которой забываются как «Я», так и «Другие»; в которой, пытаясь объять Все, отрешаются от Всего.

— Мне никогда не осилить вашей философии, — рассмеялась Сицзы, утирая слезы.

— Профессор, у нас мало времени. — Подполковник жестом подозвал ученого к зонду.

Дин И медленно подплыл к Капле и рукой в перчатке коснулся ее холодной зеркальной поверхности. После него то же самое сделали трое офицеров.

— Она кажется такой хрупкой… Я боюсь ее разбить, — негромко произнесла Сицзы.

— Я совсем не ощущаю трения, — удивился подполковник. — Она очень гладкая!

— Насколько гладкая? — осведомился Дин И.

Чтобы ответить на этот вопрос, Сицзы вытащила из кармана небольшой цилиндр микроскопа. Она коснулась зонда объективом, и на небольшом экране появилось увеличенное изображение поверхности. Это было гладкое зеркало.

— Какое увеличение? — спросил Дин И.

— Стократное. — Сицзы указала на число в

углу экрана. Затем она подняла увеличение до тысячекратного.

Поверхность на экране оставалась безукоризненно гладким зеркалом.

— Ваш микроскоп неисправен, — предположил подполковник.

Сицзы поднесла микроскоп к шлему своего скафандра. Трое других вглядывались в миниатюрный экран. Ровная на вид поверхность шлема под тысячекратным увеличением предстала нагромождением гор и ущелий. Сицзы вновь приложила микроскоп к зонду — и на экране опять появилось гладкое зеркало, ничем не отличающееся от любого другого участка Капли.

— Увеличьте еще в десять раз, — попросил Дин И.

Такое увеличение превосходило возможности световой оптики. Сицзы перевела прибор в режим сканирующего туннельного микроскопа и задала увеличение в десять тысяч раз.

Но и под таким увеличением Капля оставалась зеркалом. Самая гладкая поверхность, на которую была способна технология землян, под тысячекратным микроскопом оказалась изрезана глубокими рытвинами. Таким представилось Гулливеру лицо красавицы-великанши.

— Сто тысяч раз, — скомандовал подполковник.

Они по-прежнему видели зеркало.

— Миллион!

Зеркало.

— Десять миллионов!

При таком увеличении уже должны появиться макромолекулы вещества. Но зеркало на экране оставалось таким же идеально гладким, ничем не отличающимся от поверхности, видимой невооруженным глазом.

— Прибавьте еще!

Сицзы отрицательно покачала головой. Ее микроскоп достиг предела увеличения.

Более двух столетий назад писатель-фантаст Артур Кларк в повести «Космическая одиссея 2001 года» описал черный монолит, оставленный на Луне какой-то высокоразвитой инопланетной цивилизацией. Техники измерили его рулеткой и обнаружили, что соотношение сторон равно 1: 4: 9. Уже на Земле его измерили повторно, с использованием самого точного оборудования, но эти цифры остались неизменными, без какой-либо погрешности. Тогда Кларк назвал этот факт «безмолвной, но высокомерной демонстрацией геометрического совершенства».

Теперь человечеству еще более высокомерно продемонстрировали мощь создавшей зонд цивилизации.

— Да может ли вообще существовать абсолютно гладкий материал? — ахнула Сицзы.

— Может, — ответил Дин И. — Поверхность нейтронной звезды практически абсолютно гладкая.

— Но у зонда масса обычной материи!

Дин И задумался, а потом осмотрелся вокруг.

— Установите соединение с корабельным компьютером и узнайте, в каких точках манипулятор «Богомола» прикасался к зонду.

Оставшиеся на кораблях офицеры присоединились к работе, и вскоре «Богомол» тонкими лазерными лучами указал, где именно стальная клешня касалась пришельца. Сицзы рассмотрела одну из этих точек в микроскоп. Под увеличением в десять миллионов раз она не видела ничего, кроме безукоризненно ровного зеркала.

— Как сильно клешня сжимала зонд? — спросил подполковник. От флота пришел ответ: давление составляло двести килограмм-сил на квадратный сантиметр.

Гладкую поверхность нетрудно поцарапать. Но мощный захват не оставил на Капле никаких следов.

Дин И отплыл в сторону и стал что-то искать в отсеке. Вскоре он вернулся, держа в руке геологический молоток. Видимо, его забыли после сбора образцов минералов. Прежде чем офицеры успели среагировать, физик размахнулся и ударил им по зеркальной поверхности. Раздался чистый, мелодичный звон, как будто удар пришелся по нефритовой пластинке[113]. Звон услышал лишь Дин И — звук распространился по его телу. Трое других, окруженные вакуумом, ничего не слышали. Рукояткой молотка физик указал на место удара, и Сицзы поднесла к нему свой микроскоп.

Под увеличением в десять миллионов раз зеркало зонда оставалось таким же гладким.

Дин И подавленно отшвырнул молоток в сторону и глубоко задумался. Трое офицеров — и миллион человек экипажа флота — не сводили с него глаз.

— Так вот почему зонд поддерживает температуру абсолютного нуля! — догадалась Сицзы. Двое коллег тоже поняли, к чему клонит Дин И. При обычной плотности материи расстояние между ядрами атомов довольно значительно. Закрепить

---

[113] Примечания: 113

Нефрит — один из немногих «поющих камней». В Китае существует музыкальный инструмент — ксилофон, пластинки для которого изготавливаются из нефрита. (*Прим. перев.*)

их на месте не легче, чем соединить штырями Солнце и все планеты в жесткую систему.

— Какое же физическое взаимодействие способно на такое?

— Лишь одно: сильное ядерное взаимодействие[114]. — Сквозь шлем скафандра офицеры увидели, что на лбу старика выступил пот.

— Но ведь это невозможно, как невозможно сбить с неба луну, стреляя в нее из лука!

— Да! А им это удалось! «Слезинка Божьей матери», говорите? — Дин И холодно рассмеялся. Исследователей охватил озноб, когда они услышали его смех — они поняли, о чем говорит физик. Капля вовсе не была хрупкой, как застывшая слезинка. Совсем наоборот — ее прочность в сто раз превышала твердость самого твердого материала в Солнечной системе! Все известные человеку вещества были не крепче бумаги по сравнению с *этим*. Капля могла насквозь пробить Землю, не получив ни царапины.

— Тогда… зачем же она здесь? — потерянно

---

[114] Примечания: 114

Сильное ядерное взаимодействие — наиболее мощное из четырех фундаментальных взаимодействий в физике. В сильном взаимодействии участвуют кварки, глюоны и состоящие из них частицы. Оно действует в масштабах порядка размера атомного ядра и менее, до фемтометра, отвечая за связь между кварками в адронах и за притяжение между нуклонами в ядрах. Оно в сто раз превосходит электромагнитные силы. (*Прим. Дж. М.*)

спросил подполковник.

— Кто знает? Может быть, это всего лишь посланник. Но он принес нам не ту весть, которую мы ожидали. — Дин И отвернулся от зонда.

— О чем вы?

— *«Коли я уничтожу вас, что вам за дело?»*

Воцарилось недолгое молчание, пока три офицера и миллионы людей на кораблях флота размышляли над их смыслом. И тут вдруг Дин И негромко сказал:

— Удирайте!

Потом он воздел руки и хрипло крикнул:

— Глупые дети! Да бегите же!

— Куда бежать? — спросила перепуганная Сицзы.

Еще через пару секунд догадался подполковник. Как и Дин И, он отчаянно закричал:

— Флот! Эвакуируйте флот!

Но было слишком поздно. Сильнейшие помехи забили канал радиосвязи. Картинка с борта «Богомола» погасла, и флот не услышал последнего донесения подполковника.

Вокруг кончика хвоста Капли возник голубой ореол, поначалу небольшой, но яркий. Внутренность «Богомола» окрасилась в голубой цвет. Затем ореол резко расширился, меняя цвета:

голубой, желтый, красный… Создавалась почти полная иллюзия, что Капля не рождает свет, а бурит себе путь изнутри… По мере расширения сияние ослабевало. Достигнув размера, вдвое большего, чем диаметр Капли, ореол пропал. В тот же самый момент хвост Капли засветился вновь, и точно так же свечение расширилось, потускнело и быстро исчезло. Пульсирующий ореол появлялся и исчезал два-три раза в секунду. Под тягой непонятного двигателя Капля двинулась вперед, а потом быстро ускорилась.

Но четверым исследователям не суждено было увидеть второй цикл свечения, поскольку первый цикл завершился возникновением сверхвысокой температуры, практически такой же, как внутри Солнца. Люди мгновенно испарились.

Корпус «Богомола» раскалился докрасна. Снаружи он казался бумажным фонариком, в котором только что зажгли свечу. Металлические плиты потекли, как воск. Через мгновение корабль взорвался фонтаном раскаленных брызг. От него не осталось ни одного твердого обломка.

Зависший на расстоянии в тысячу километров флот увидел взрыв в мельчайших подробностях. По первоначальным предположениям, Капля просто самоликвидировалась. Люди пожалели

погибших членов экспедиции, а потом загрустили, что зонд все-таки послан не с мирными намерениями. Но человечество даже отдаленно не было готово к тому, что произойдет в ближайшие минуты.

Первую аномалию обнаружил компьютер слежения за обстановкой. Обрабатывая кадры взрыва «Богомола», он отметил, что один из фрагментов ведет себя неправильно. Большинство расплавленных остатков корабля предсказуемо разлетались от точки взрыва; но один из них ускорялся. Разумеется, только компьютер был способен отыскать небольшой объект среди множества обломков. Произведя поиск в базе данных, содержащей подробные сведения о «Богомоле», компьютер остановился на нескольких десятках возможных объяснений. Ни одно из них не было верным.

Ни компьютер, ни люди не догадались, что взрыв только разрушил «Богомола» и убил членов экспедиции, а Капля уцелела.

В отношении ускоряющегося фрагмента компьютер флота выдал лишь третий уровень опасности, поскольку объект не являлся военным кораблем и летел к углу прямоугольного построения. Сохранив текущий курс, он прой-

дет вне строя и не заденет ни одного корабля. Поскольку разрушение «Богомола» породило большое количество угроз первого уровня, на сообщение о третьем уровне никто не обратил внимания. Компьютер, однако, отметил значительное ускорение объекта. Пролетев триста километров, фрагмент разогнался до третьей космической скорости и продолжал набирать скорость. Компьютер расценил это как угрозу второго уровня, но до нее по-прежнему ни у кого не доходили руки.

Через пятьдесят одну секунду фрагмент пролетел полторы тысячи километров по направлению к углу строя. Подлетая к плоскости построения, он двигался уже со скоростью 31,7 километра в секунду. На расстоянии в 160 километров от углового корабля «Дальний рубеж» объект повернул на тридцать градусов и, не снижая скорости, устремился к кораблю. За две секунды, потребовавшиеся фрагменту для покрытия этого расстояния, компьютер понизил степень угрозы со второго уровня до третьего, заключив, что подобные маневры для физических тел невозможны, а значит, объект является иллюзией. На скорости, вдвое превосходящей третью космическую, резкий поворот ничем бы не отличался

от удара в стальную стену. Если бы объект был куском металла, силы инерции раскатали бы его в тонкую фольгу. Вывод: это всего лишь фантом.

Двигаясь с двойной третьей космической скоростью вдоль первого ряда кораблей прямоугольного строя, Капля врезалась прямо в «Дальний рубеж».

Капля ударила корабль в район кормы и прошла навылет, не встретив сопротивления, как если бы пронзила тень. Результатом столкновения на сверхвысокой скорости явились две круглые пробоины в корпусе, каждая размером с зонд. Но как только появились отверстия, они потекли и сплавились, до того удар Капли и испускаемое ею тепло раскалили броневые плиты. Поврежденная часть корабля нагрелась докрасна, и багровые волны жара побежали по корпусу. Вскоре половина корабля засветилась красным, как кусок металла, побывавший в кузнечном горне.

Пронзив «Дальний рубеж», Капля на тридцати километрах в секунду направилась дальше. За три секунды она пролетела девяносто километров, пробив сначала соседа «Дальнего рубежа» в первом ряду, «Юаньфан», а затем «Сирену», «Антарктику» и «Сильнейший». Корпуса пора-

женных кораблей сияли красным, будто ряд гигантских фонарей.

И тогда «Дальний рубеж» взорвался. У каждого из четырех кораблей зонд пробил баки с термоядерным топливом. «Богомолу» настал конец после обычного теплового взрыва. Но в топливе «Дальнего рубежа» возникла термоядерная реакция. Никто так и не узнал, что послужило инициатором — то ли ореол сверхвысокой температуры вокруг Капли, то ли что-то еще. Рядом с пробоиной разгорелось звездное пламя; оно мгновенно охватило корабль и залило светом весь флот, застывший на бархатном фоне неба. Перед яростью огня потускнел даже Млечный Путь.

Затем такие же солнца разгорелись вокруг «Юаньфаня», «Сирены», «Антарктики» и «Сильнейшего».

В следующие восемь секунд Капля прошила еще десять кораблей звездного класса.

К этому времени огненный шар, охвативший весь «Дальний рубеж», стал уменьшаться. Зато другие подбитые корабли один за другим разгорались ядерными пожарами.

Капля летела сквозь ряд кораблей, каждую секунду пробивая очередную жертву.

Термоядерное пламя, горевшее на «Дальнем

рубеже», погасло. От его жара растаяли все броневые плиты корпуса. Через секунду корабль раскрылся, словно цветочный бутон, разметав миллион тонн расплавленной стали. Брызги металла полетели во все стороны, как из вулкана летит раскаленная магма.

Зонд продолжал двигаться по прямой, тараня корабли один за другим. Позади него пылал уже десяток термоядерных костров. Весь флот сиял в свете этих небольших солнц, превратившись в море огней. Ядерные пожары по очереди угасали, а затем так же по очереди происходили взрывы, выплескивающие в бездну космоса волны жидкой стали. Казалось, что какой-то гигант швыряет камни в океан магмы.

Через одну минуту и восемнадцать секунд Капля пролетела две тысячи километров, пронзив каждый из ста кораблей объединенного флота, стоявших в первом ряду прямоугольного строя.

К тому времени, когда термоядерный пожар охватил последний в ряду корабль, «Адам», обломки на другом конце уже разлетелись и остыли. В центре взрыва — там, где минуту назад держал позицию «Дальний рубеж», — не осталось ничего. «Юаньфан», «Сирена», «Антарктика» и «Сильнейший» один за другим разлетались во

все стороны брызгами стальной магмы. Когда угас последний в ряду термоядерный взрыв и воцарился мрак, медленно остывающие капли металла образовали багровую, кровавую реку смерти длиной в две тысячи километров.

Пробив «Адама», Капля пролетела еще километров восемьдесят, а затем опять выполнила крутой поворот, необъяснимый для науки человечества. На сей раз зонд практически развернулся на месте и полетел обратно на той же скорости. Целью зонда был второй ряд построения — или теперь уже первый ряд, учитывая причиненные разрушения. На скорости тридцать километров в секунду Капля летела прямо в ближайший корабль, «Ганг».

Вплоть до этого момента от командования флота не поступало никаких указаний.

Боевая командная система флота работала точно по программе. Обширная сеть датчиков собрала множество данных обо всем, происшедшем в последнюю минуту и восемнадцать секунд. Объем данных был настолько велик, что с ним могла справиться только автоматизированная экспертная система.

Компьютер проанализировал доступные факты и установил, что в районе действий флота

появились значительные силы противника, которые и осуществили атаку. Однако никакой информации о составе сил врага не поступало. Очевидными были только два факта:

1. Силы неприятеля располагаются там же, где и Капля.

2. Силы неприятеля невидимы для любых систем обнаружения.

Командование флота пребывало в ступоре. За двести лет штабные работники разработали множество сценариев битвы в космосе. Однако зрелище сотни боевых кораблей, взорванных, как цепочка хлопушек, всего за одну минуту, было за пределами их разумения. Поток информации, хлынувший из боевой командной системы, оказался настолько велик, что командирам пришлось довериться суждениям компьютеров, а самим заняться поиском невидимого вражеского флота, которого не было. Все видеокамеры и телескопы нацелили в глубь космоса, не обращая внимания на опасность под носом. Многие даже считали, что невидимый флот принадлежит некоей третьей силе, не землянам и не Трисолярису, поскольку глубоко в душе они не сомневались в слабости Трисоляриса и в его неизбежном поражении.

Система боевого мониторинга флота не смогла вовремя обнаружить Каплю в основном потому, что зонд был невидим для радиолокаторов любого частотного диапазона. Капля отражала видимый свет, но компьютеры первым делом обрабатывали данные радаров. Большая часть того, что оставалось от кораблей, представляла собой слитки жидкого металла, вскипяченного ядерными взрывами. Значительная часть фрагментов имела тот же размер и форму, что и Капля; компьютеры были не в силах отличить смертоносный зонд от останков погибших кораблей. Кроме того, практически все командование полагало, что Капля самоуничтожилась внутри «Богомола», и никто не приказывал компьютерам ее целенаправленно искать.

Тем временем возникли новые осложнения. Останки кораблей первого ряда достигли кораблей второго ряда. Автоматизированные системы обороны открыли по ним огонь из лазеров и рельсовых пушек. Но летящие навстречу разнокалиберные фрагменты представляли собой жидкий металл, скрывающийся под тонкой, едва застывшей оболочкой. Когда в них попадали, они разлетались ослепительным фейерверком. Вскоре второй ряд кораблей отделил себя огненным

барьером, идущим параллельно темно-красной «реке крови». Повсюду сверкали разрывы; казалось, что со стороны невидимого противника поднимается огненная волна. Куски металла летели с плотностью града, и системы обороны не успевали справиться со многими из них. Обломки достигали кораблей и ударялись о корпус. Эти столкновения наносили ощутимый ущерб; броню многих кораблей хорошенько потрепало, а некоторые получили пробоины. Заверещали сирены разгерметизации…

Такое неистовое сражение с металлоломом, конечно же, не осталось незамеченным; но и люди, и компьютеры заблуждались, считая, что корабли флота стреляют по врагу, а он отвечает им тем же. Ни один человек, ни одна машина не придали значения крохотной фигурке Смерти — а она уже приступила к атаке на второй ряд.

Так что, когда Капля нацелилась в «Ганг», вся сотня кораблей второго ряда оставалась в гибельном линейном строю.

Блеснув, как молния, за десять секунд зонд пронзил двенадцать кораблей: «Ганг», «Колумбию», «Правосудие», «Масаду», «Протон», «Яньди», «Атлантику», «Сириус», «Благодарение», «Атаку», «Хань» и «Бурю». Как и в первом ряду, каждый

корабль разогревался докрасна от удара, потом его охватывал термоядерный пожар, а затем миллион тонн оплавленного металла взрывался. Линия беспощадно уничтожаемых кораблей была похожа на бикфордов шнур длиной в две тысячи километров. Фитиль горел так интенсивно, что позади него не оставалось ничего, кроме багрово-красной золы.

Через одну минуту и двадцать одну секунду сотня кораблей во втором ряду превратилась в ничто.

Пробив последний в ряду корабль, «Мэйцзи», Капля совершила еще один резкий поворот и полетела в первый корабль третьего ряда, «Ньютон». Разрушения во втором ряду породили очередную волну обломков, теперь летевших к третьему ряду наравне с застывшими кусками металла первого ряда. К этому времени большинство капитанов уже запустили двигатели и активировали оборонные системы. Теперь корабли уже не располагались на прямой линии, но далеко от нее отойти не успели.

Капля прошила «Ньютон», а потом резко сменила курс. За мгновение ока она проскочила двадцать километров, отделявшие «Ньютона» от «Просвещения», отклонившегося от линии строя

на три километра. Затем она повернула снова, нацелившись в «Меловой период», сдвинувшийся в противоположном направлении, и пробила его. Зонд летел по ломаной траектории, не снижая скорости в тридцать километров в секунду, и один за другим разрушал корабли третьего ряда.

Впоследствии аналитики изучили траекторию Капли и поразились, что каждый поворот зонда был резким, без радиуса, с которым поворачивают корабли людей. Этот дьявольский маршрут доказывал существование космического двигателя, недоступного пониманию земных ученых. Капля перемещалась, как невесомая тень; ее не беспокоили законы физики; она была острием пера в руке Бога. Во время атаки третьего ряда зонд маневрировал два-три раза в секунду, словно игла смерти, вышивающая узор разрушения на сотне кораблей.

Капле понадобилось всего две минуты и тридцать пять секунд, чтобы расправиться с кораблями третьего ряда.

К этому моменту все корабли запустили свои двигатели. Строй развалился, но Капля продолжала преследование, нападая на беглецов. Разрушение пошло медленнее, но от трех до пяти мини-солнц горели постоянно. В их ослепитель-

ном мертвенном сиянии факелы корабельных двигателей казались лишь слабенькими светящимися точками, и весь флот напоминал теперь рой перепуганных светлячков.

Боевая командная система флота так и не обнаружила подлинный источник угрозы. Все ресурсы были брошены на поиски предполагаемого невидимого флота противника. Впоследствии военные изучили разрозненную массу информации, передаваемой с кораблей, и установили, что первыми об истинной природе нападения догадались два низших офицера Азиатского флота. Одним из них был мичман Чжао Синь, помощник классификатора целей на «Бэйфане»; другим был капитан Ли Вэй, оператор электромагнитного оружия второго класса на «Ваньнянь Куньпэне». Вот запись их переговоров:

ЧЖАО СИНЬ: «Бэйфан» TR317 вызывает «Ваньнянь Куньпэн» EM986! «Бэйфан» TR317 вызывает «Ваньнянь Куньпэн» EM986!

ЛИ ВЭЙ: Говорит «Ваньнянь Куньпэн» EM986. Учтите, что на этом уровне секретности телефонная связь является нарушением устава.

ЧЖАО СИНЬ: Это Ли Вэй? Говорит Чжао Синь! Тебя-то я и искал!

ЛИ ВЭЙ: Приветствую! Рад, что ты еще жив.

ЧЖАО СИНЬ: Капитан, есть дело. Я тут обнаружил кое-что… Информацию надо передать в штаб, но моих полномочий для этого не хватит. Не поможешь?

ЛИ ВЭЙ: У меня тоже на это не хватит полномочий. В штабе сейчас и без нас хватает информации. Что ты хочешь им послать?

ЧЖАО СИНЬ: Я изучил сцену боя в видимом спектре…

ЛИ ВЭЙ: Тебе разве не приказано работать только с данными радиолокаторов?

ЧЖАО СИНЬ: В этом-то и загвоздка! Я проанализировал записи в видимом спектре, рассчитал векторы скоростей, и знаешь, что обнаружил? Знаешь, что на самом деле происходит?

ЛИ ВЭЙ: Что?!

ЧЖАО СИНЬ: Не подумай, что я свихнулся — ты же меня знаешь, мы давние друзья.

ЛИ ВЭЙ: Ты крепкий орешек. Твоя крыша поедет последней. Так что там такое?

ЧЖАО СИНЬ: Так вот: это у всего флота крыша поехала! Мы нападаем сами на себя!

ЛИ ВЭЙ:…

ЧЖАО СИНЬ: «Дальний рубеж» обстрелял «Юаньфан», «Юаньфан» напал на «Сирену», «Сирена» — на «Антарктику», а «Антарктика»…

ЛИ ВЭЙ: Да ты совсем охренел!

ЧЖАО СИНЬ: Происходит вот что: А нападает на Б. После нападения, но прежде чем взорваться, Б нападает на В. В точно так же нападает на Г… Каждый подбитый корабль атакует своего соседа. Черт побери, это как инфекция, как эстафета смерти. Просто безумие!

ЛИ ВЭЙ: Какое они применяют оружие?

ЧЖАО СИНЬ: Не знаю. Я обнаружил на снимке снаряд, но он до того крохотный и летит так быстро… намного быстрее, чем шарики наших рельсовых пушек. И он невероятно точно попадает — каждый раз прямо в топливные баки!

ЛИ ВЭЙ: Перешли мне все фотографии и расчеты.

ЧЖАО СИНЬ: Готово. Я выслал исходные данные и анализ векторов. Посмотри же сам, черт возьми!

Рассуждения мичмана Чжао Синя выходили за рамки служебных инструкций, но он вплотную подобрался к разгадке. Ли Вэй просмотрел его расчеты за полминуты. За это время погибло еще тридцать кораблей.

ЛИ ВЭЙ: В данных по скорости есть кое-что странное.

ЧЖАО СИНЬ: По какой скорости?

ЛИ ВЭЙ: Я говорю о скорости небольшого снаряда. При выстреле с каждого корабля он движется чуть медленнее. Затем, во время полета, разгоняется до тридцати километров в секунду и попадает в цель. Перед выстрелом по следующему кораблю, незадолго до взрыва, скорость немного падает. А потом он снова ускоряется…

ЧЖАО СИНЬ: Ну так и что?

ЛИ ВЭЙ: Мне кажется, что… это чем-то похоже на сопротивление среды.

ЧЖАО СИНЬ: Сопротивление среды? О чем ты?

ЛИ ВЭЙ: Каждый раз, когда этот снаряд пробивает цель, трение о препятствие его притормаживает.

ЧЖАО СИНЬ: Теперь понял. Я же не дурак. Ты сказал «этот снаряд» и «пробивает цель»… Это всего один объект?

ЛИ ВЭЙ: Выгляни наружу. Взорвалась еще сотня кораблей.

Переговоры велись не на современном языке флота, а на китайском XXI века. По их речи было очевидно, что оба офицера — проснувшиеся. Не так уж много проснувшихся служило во флоте. Большинство из них вывели из гибернации в ранней молодости, но у них так и не развилась способность современных людей к впитыванию

больших объемов информации. Поэтому им поручали только второстепенные задачи. Лишь позднее выяснилось, что большая часть офицеров и рядовых, проявивших самообладание и благоразумие посреди руин флота, были проснувшимися. Этим двум офицерам, например, даже не доверяли пользоваться самым эффективным оборудованием корабля, но тем не менее они провели замечательный анализ.

Догадки Чжао Синя и Ли Вэя не достигли боевой командной системы, но компьютерный анализ характера боя уже двигался в верном направлении. Осознав, что невидимого вражеского флота, придуманного компьютером, не существует, система переключила усилия на анализ общей картины боя. Проведя поиск и корреляцию в огромном объеме данных, боевая командная система флота наконец убедилась, что Капля продолжает существование. Изображение, обнаруженное на видеозаписи, не отличалось от прежних фотоснимков — за исключением ореола работающего двигателя на конце. Зонд сохранил идеальную форму капли. Только цвет его теперь менялся: в зеркальной поверхности стремительно несущегося аппарата отражалось то пламя термоядерных взрывов, то свечение

расплавленного металла; ослепительно белое сияние сменялось зловеще-багровым, и тогда зонд становился похож на каплю пылающей крови. Дальнейший анализ уже опирался на компьютерную модель его траектории.

За два столетия военные стратеги придумали множество сценариев битвы Судного дня. Но каждый из них предполагал, что враждебные объекты будут непременно крупными. Земляне встретятся на поле боя с основными силами могучего флота Трисоляриса. Каждый корабль врага будет смертоносной космической крепостью размером с небольшой город. Ученые строили предположения о самом грозном оружии и самой опасной тактике. По одному такому сценарию трисолярианский флот обстреливал земные корабли болванками из антиматерии. Каждое попадание в цель снаряда размером не больше винтовочной пули превращало в пыль огромный корабль звездного класса.

Но сейчас приходилось признать тот факт, что объединенному флоту угрожал миниатюрный зонд — лишь одна капля из громадного океана могущества Трисоляриса. И этот зонд пользовался одной из древнейших и примитивнейших тактик земного флота: шел на таран.

Через тринадцать минут с начала атаки боевая командная система флота пришла к верной оценке ситуации. С учетом непростых условий боя это было довольно скоро, но Капля оказалась быстрее. Морской бой в XX веке предоставлял командованию достаточно времени; офицеров могли вызвать на флагман на совещание, как только враг покажется на горизонте. Время же битвы в космосе исчисляется секундами. За тринадцать минут зонд уничтожил более шестисот кораблей. Лишь тогда человечество осознало, что люди не способны к управлению боем в космосе. Из-за софонов, препятствующих научным исследованиям, созданный землянами искусственный разум тоже с этим не справится. Неэффективное командование — одно это не даст человечеству вести космический бой с трисолярианами на равных, не говоря уже о массе других факторов.

Оборонные системы кораблей, пораженных первыми, не отреагировали на нападение зонда из-за его высокой скорости, незначительного подлетного времени и невидимости для радаров. Но по мере взаимного отдаления кораблей Капле требовалось больше и больше времени на каждую атаку. В компьютеры внесли характеристики зонда. Первым кораблем, попытавшимся

защититься, стал «Нельсон». Чтобы повысить точность прицеливания по мелкой скоростной цели, воспользовались лазерным оружием. Когда на зонде скрестились несколько невидимых лучей гамма-лазеров, Капля ярко засветилась. Понять, каким образом зонд избегает обнаружения радарами, так и не удалось; ведь у него была идеально зеркальная поверхность, и форма капли гарантировала отражение в сторону наблюдателя. Возможно, секрет невидимости крылся в способности Капли изменять частоту отраженных электромагнитных волн. Излучаемый зондом свет оказался настолько ярким, что затмил собой пожары, бушующие на гибнущих кораблях. Видеокамерам пришлось прикрыть объективы диафрагмами, чтобы спасти их светочувствительные сенсоры. Любой человек, посмотревший прямо на зонд, ослеп бы навсегда. Другими словами, такой ослепительный свет по оказываемому эффекту ничем не отличался от темноты. Окутанный сиянием зонд проник внутрь «Нельсона» и погас, погрузив поле боя во тьму. Через мгновение яркие сполохи термоядерного пламени снова залили космическое пространство, а Капля, не получив ни единой царапины, выскочила из «Нельсона» и понеслась

к «Зеленому», находившемуся где-то в восьмидесяти километрах.

Оборонная система «Зеленого» применила для перехвата зонда кинетическое оружие. Электромагниты разгоняли металлический снаряд до высокой скорости. При попадании в цель снаряд взрывался с огромной разрушительной силой, не слабее бомбы. Примененные против наземной цели, они бы в мгновение ока сровняли гору с землей. При обстреле зонда его собственная скорость складывалась со скоростью снарядов, добавляя им энергии, — но зонд лишь полетел немного медленнее, затем прибавил тяги и восстановил скорость. Под плотным обстрелом он подлетел к «Зеленому» и пробил его насквозь. Даже самый мощный микроскоп не смог бы разглядеть на зеркальной поверхности Капли ни единой вмятины.

Материалы, созданные на основе сильного взаимодействия, отличаются от обычной материи, как твердое вещество от жидкого. Обстрел зонда из оружия землян напоминал океанские волны, разбивающиеся о гранитный утес. Повредить Каплю было невозможно. В Солнечной системе не существовало силы, способной разрушить зонд. Он был неуязвим.

Едва восстановившееся командование флотом снова было повержено в хаос. Всех охватило отчаяние. Без оружия, способного отразить угрозу, управление флотом было утрачено окончательно.

Безжалостное избиение продолжалось. По мере расхождения кораблей расстояние между ними увеличивалось. Зонд прибавил скорости и разогнался до шестидесяти километров в секунду. Демонстрируя своими действиями хладнокровный и расчетливый разум, он на ходу отлично решал «задачу коммивояжера», редко возвращаясь по своим следам. Его цели находились в постоянном движении, но Капля с высокой точностью отслеживала их перемещение и практически мгновенно рассчитывала траектории. Порой зонд покидал эпицентр резни, подлетал к парочке отдалившихся кораблей и превращал их в пепел, чтобы у других не возникало надежды сбежать в этом направлении.

Почти все время Капля пробивала корабли в области топливных баков. Как именно она их находила — то ли сканируя структуру в реальном времени, то ли по собранной софонами базе данных, — так и осталось неизвестным. Но около десяти процентов кораблей получили пробоины

в других местах, и термоядерного взрыва на них не возникало. Такие жертвы подолгу раскалялись докрасна, прежде чем разлететься по космосу мелкими обломками. Их экипажи испытывали жесточайшие муки, сгорая заживо.

Флоту не удалось организованно отступить. Для перехода в состояние погружения не осталось времени; поэтому ускорение ограничивалось «тягой три», а на нем быстро покинуть опасную зону оказалось невозможно. Как овчарка, мечущаяся вокруг стада, не дает ему рассыпаться, так и Капля наносила блокирующие удары по периферии флота, не позволяя кораблям спастись.

Космос был заполнен брызгами расплавленного и частично затвердевшего металла и другими обломками. Беглецам приходилось расчищать себе путь лучами лазеров или снарядами рельсовых пушек. Искрящийся космический мусор окутывал корабли сверкающим коконом. Время от времени осколки просачивались сквозь защиту и наносили существенный урон броне и двигателю. Удары крупных обломков вели к гибели корабля.

Несмотря на развал управления флотом, высшее командование продолжало отдавать приказы. Но высокая плотность начального, парадного

построения означала неизбежность столкновений. «Гималаи» на встречном курсе и полной скорости врезались в «Тор», и оба разлетелись в пыль. «Посланник» задел корму «Генезиса»; из широких пробоин в обшивке на ураганной скорости вырвался воздух, длинным шлейфом рассеявший по космосу оборудование и тела членов экипажа.

Самое страшное выпало на долю «Эйнштейна» и «Ся». Их капитаны воспользовались режимом дистанционного управления, обошли защиту экипажа от перегрузки и задействовали «тягу четыре». Ни один человек на борту не находился в состоянии погружения. Передаваемые камерами «Ся» кадры показали, как при включении двигателей больше сотни человек расплющились об пол пустого ангара истребителей. Камеры видели, как на белом полу размером с футбольное поле распускаются красные цветы. Под огромной тяжестью лужи крови, становясь все тоньше и постепенно расширяясь, сливались в одно громадное пятно…

В шарообразных каютах разыгрались наиболее ужасающие сцены. Как только начались запредельные перегрузки, люди съехали в самый низ сферы, а затем тяжелая дьявольская рука ском-

кала их тела, будто сделанные из пластичной глины, в единую массу. Никто даже крикнуть не успел. Единственными звуками были хруст костей и хлюпанье выдавливаемых наружу внутренностей. Груду мяса и костей залило кровью, а потом превратившиеся в кашу органы выпали в осадок, и жидкость очистилась, став прозрачной, плоской и ровной, как зеркало. Под кажущейся твердой поверхностью застыл слой останков — словно рубины, залитые в стекло.

При разборе событий люди сначала предположили, что перевод «Эйнштейна» и «Ся» на «тягу четыре» произошел по ошибке, совершенной в минуты хаоса. Но дальнейшее расследование опровергло эту теорию. Чтобы обойти проверку на погружение с использованием режима дистанционного управления, капитанам требовалось выполнить серию сложных манипуляций. Их практически невозможно сделать случайно.

Переданные с кораблей данные также показали, что еще до перехода на «тягу четыре» оба экипажа начали покидать корабли на истребителях и челноках. Двигатели включили на полную мощность лишь тогда, когда Капля подобралась вплотную и соседние корабли стали взрываться. Эти факты навели на мысль, что «Эйнштейн»

и «Ся» собирались на полной скорости уйти от зонда, чтобы спасти корабли для человечества. Но не успели — Капля не позволила. Остроглазый бог смерти заметил, что кто-то ускоряется быстрее, догнал беглецов и уничтожил вместе с их безжизненным грузом.

Но двум кораблям удалось уйти от Капли на «тяге четыре». Это были «Квант» и «Бронзовый век». По совету Дин И их экипаж еще до боя перешел в состояние погружения. Как только гибельный огонь охватил третий ряд кораблей, капитаны запустили двигатели на полную мощность и вместе покинули поле битвы. Их изначальное положение в углу строя дало достаточно времени, чтобы затеряться в глубине космоса.

За двадцать минут погибло свыше тысячи кораблей — больше половины флота.

В объеме пространства диаметром в десять тысяч километров было не протолкнуться от обломков. Продолжавшее расширяться облако металлического мусора то и дело озарялось изнутри светом новых ядерных взрывов. Казалось, что во тьме космической ночи мерцают чьи-то гигантские бесчувственные глаза. А когда пламя взрывов угасало, сияние расплавленного металла превращало облако в кровавый рассвет.

Практически все оставшиеся корабли находились на значительном расстоянии друг от друга, но по-прежнему внутри облака летающего металлолома. Многие уже истратили боезапас рельсовых пушек и начали пробивать себе путь лазерами. Однако высокая нагрузка на реакторы не оставляла достаточно энергии для лучевого оружия. Приходилось медленно и мучительно долго лавировать между обломками. Большинство кораблей двигалось со скоростью расширения облака. Выбраться из этой ловушки было невозможно.

Скорость Капли, 170 километров в секунду, теперь в десять раз превосходила третью космическую. Она летела прямо сквозь обломки, расплавляя все на своем пути. За зондом тянулся сверкающий шлейф. Поначалу Капля походила на разъяренную комету, а потом, когда хвост подрос, она превратилась в гигантского серебристого дракона, растянувшегося на десять тысяч километров. Все облако металлической пыли светилось в его сиянии, а сам хвост извивался то туда, то сюда, как в безумном танце. Пробитые зондом корабли вспыхивали; вдоль тела чудовища постоянно горели четыре или пять небольших солнц. А через несколько секунд

солнца взрывались, и миллионы тонн расплавленного металла окрашивали хвост дракона зловещим багрянцем.

Прошло еще тридцать минут, а сверкающий дракон продолжал метаться по облаку. Но вспышки ядерных взрывов в его хвосте пропали, и хвост уже не казался кроваво-красным. Внутри облака не осталось ни одного космического корабля.

Когда дракон вылетел из облака, его тело исчезло возле края — сначала голова, потом хвост. Зонд принялся уничтожать остатки флота. Лишь двадцать один корабль смог выбраться из облака; большинство из них получили настолько значительные повреждения, что еле-еле двигались, а то и вовсе утратили ход. Капля быстро догоняла их и ликвидировала. Возникли новые облачка металла; вскоре они слились с основным.

Капле потребовалось чуть больше времени, чтобы разделаться с пятью почти не поврежденными кораблями. Они уже набрали скорость и двигались в разных направлениях. Последний из них, «Ковчег», успел значительно отдалиться от облака. Его взрыв, на несколько секунд осветивший мрак космоса, показался одиноким фонариком, мигнувшим на ветрах необъятной пустоши.

Космические силы человечества были полностью уничтожены.

Капля легла на курс в направлении сбежавших «Кванта» и «Бронзового века», но скоро оставила погоню — цели находились далеко и двигались очень быстро. Так «Квант» и «Бронзовый век» стали единственными кораблями, пережившими эту грандиозную катастрофу.

Капля покинула зону сражения и направилась к Солнцу.

Помимо экипажей двух уцелевших военных кораблей, незначительное количество военнослужащих спаслось на борту истребителей и челноков. Зонд мог бы без всякого труда убить этих людей, но подобная мелочь его не занимала. Основная угроза для практически беззащитных суденышек исходила от летящей отовсюду стальной шрапнели. Некоторые, уже отчалив, погибли в таких столкновениях. Легче всего было спастись в начале боя и в его конце. В первые минуты схватки обломков еще не было, а под конец, когда облако расширилось, плотность мусора снизилась.

Выжившие несколько дней дрейфовали недалеко за орбитой Урана. Вскоре их подобрало гражданское судно, работавшее в этом участке

космоса. Всего спаслось около шестидесяти тысяч человек. Среди них были двое офицеров из числа проснувшихся — те самые, которые первыми распознали нападение зонда: мичман Чжао Синь и капитан Ли Вэй.

Понемногу все успокоилось. Облако металлической пыли погасло среди холода космоса и растаяло во тьме. Годы спустя под воздействием притяжения Солнца облако прекратило расширяться, взамен удлинившись и размазавшись вдоль орбиты. Постепенно вокруг Солнца образовалось тончайшее металлическое кольцо. Казалось, будто на холодной окраине Солнечной системы водит бесконечный хоровод миллион неприкаянных душ.

Один-единственный трисолярианский зонд стер в пыль весь космический флот человечества. Еще девять таких же войдут в Солнечную систему через три года. Все вместе эти десять зондов не составят по размеру даже одной десятитысячной от одного боевого корабля Трисоляриса — а к Земле по-прежнему стремилась тысяча таких.

Коли я уничтожу вас, что вам за дело?

* * *

Пробудившись от долгого сна, Чжан Бэйхай взглянул на часы. Он проспал пятнадцать часов. Кажется, он никогда в жизни еще столько не спал, если не считать двух столетий в гибернации. Теперь у него возникло новое ощущение. Поразмыслив, он понял, откуда в нем это чувство.

Он был сам по себе.

До сих пор, даже плывя в бесконечном космосе, он ни разу не чувствовал себя свободным. Глаза отца следили за ним с *той* стороны, ежедневно и ежечасно. Он к этому привык — так же как привыкают к свету солнца днем и звездному небу ночью. А теперь пристальный взгляд отца исчез.

«Пора выйти к людям», — сказал он себе, осматривая себя в зеркале. Он спал в невесомости, поэтому и прическа, и форма были в полном порядке. Чжан Бэйхай в последний раз окинул взором сферическую каюту, в которой провел больше месяца, затем открыл дверь и выплыл в коридор. Он был готов противостоять ярости толпы, бесчисленным осуждающим взглядам, готов выслушать свой окончательный приговор… Сколько бы ему ни осталось жить, он проживет это время, как подобает настоящему солдату.

Как бы ни развивались события, он встретит их бесстрастно.

В коридоре никого не было.

Он медленно продвигался вперед мимо раскрытых дверей пустых кают. Они ничем не отличались от его собственной: такие же сферы с белоснежными стенами, похожие на глаз без зрачка. Вокруг было чисто; не светилась ни одна информационная панель. Вероятно, компьютеры корабля перезапустили и отформатировали.

Он припомнил кинофильм, который видел в юности. Герои фильма оказались внутри какого-то огромного кубика Рубика, состоящего из бесчисленных одинаковых помещений. Внутри каждого имелась какая-нибудь смертоносная ловушка. Герои переходили из одного помещения в другое, в третье и так далее до бесконечности…

Он удивился привольному течению своих мыслей. Раньше думать о посторонних вещах было для него роскошью; но теперь, когда миссия, продолжавшаяся почти двести лет, подошла к концу, его разум мог позволить себе немного отвлечься.

За углом перед ним предстал другой коридор, длиннее прежнего, но столь же безлюдный. Переборки испускали ровный, млечно-белый свет, в котором терялось ощущение глубины простран-

ства. Казалось, будто мир вокруг него сжался. В этом коридоре, так же как и в прежнем, его встретили открытые двери одинаковых пустых кают. И ни души кругом, как если бы экипаж покинул «Естественный отбор».

Весь массивный корабль представлялся Чжан Бэйхаю огромным, но выразительным символом, метафорой какого-то закона, скрывающегося за маской реальности. Ему чудилось, что этим одинаковым белым сферам нет конца, что они заполнили собой всю Вселенную.

Ему в голову пришла мысль: голография.

Из любого сферического отсека можно было управлять всем кораблем. Следовательно — по крайней мере, с точки зрения теории информации, — каждая каюта была цельным «Естественным отбором». А это значило, что «Естественный отбор» можно было уподобить голограмме.

Корабль — это металлическое зерно, хранящее в себе все знания человеческой цивилизации. Если оно прорастет где-нибудь во Вселенной, то из него может полностью сформироваться цивилизация. Часть содержала целое. По этой причине и цивилизация людей тоже может рассматриваться как голограмма.

Чжан Бэйхай потерпел неудачу. Ему не удалось

разбросать эти семена, и он о том сожалел. Но не грустил — и не только потому, что сделал все, что мог, для исполнения своего долга. Его разум, теперь свободный от оков, воспарил. Чжан Бэйхай представил себе Вселенную как голограмму; каждая ее точка содержала весь мир. Вселенная устоит, даже если останется лишь один ее атом. Внезапно его охватило всеобъемлющее чувство прозрения — такое же, какое ощутил Дин И десять часов назад на другом конце Солнечной системы, когда приближался на челноке к Капле. Чжан Бэйхай в то время еще спал.

Он дошел до конца коридора, открыл дверь и ступил в самый большой отсек корабля. Именно здесь его встречали три месяца назад. И, как тогда, в центре помещения застыли в парадном строе офицеры и рядовые. Но теперь их было больше, и в невесомости они выстроились в три яруса. Экипаж «Естественного отбора», все две тысячи человек, занимал средний ярус. Чжан Бэйхай догадался, что живые люди выстроились только там. Два других яруса были голограммами.

Присмотревшись, он заметил, что ярус голограмм состоит из экипажей кораблей преследования. Прямо в центре стояли пять полковников: Дунфан Яньсюй и капитаны четырех других

кораблей. Все они, кроме Дунфан Яньсюй, были передаваемыми по радио голограммами. Когда Чжан Бэйхай вошел в отсек, на нем сосредоточились взгляды пяти тысяч человек — и в этих взглядах не было ни злобы, ни осуждения. Так не смотрят на предателя.

Капитаны поочередно приветствовали Чжан Бэйхая:

— «Синий космос», Азиатский флот!

— «Энтерпрайз», Североамериканский флот!

— «Глубокий космос», Азиатский флот!

— «Высший закон», Европейский флот!

Дунфан Яньсюй салютовала последней:

— «Естественный отбор», Азиатский флот! Сэр, от космического флота Земли остались лишь эти пять кораблей звездного класса. Вы спасли нас от уничтожения. Примите командование!

* * *

— Это конец. Полный развал! Всеобщая депрессия! — Ши Сяомин вздохнул и покачал головой. Он только что вернулся из подземного Пекина. — В городе анархия. Повсюду хаос.

Руководители поселка собрались на заседание местного самоуправления. Две трети из них составляли проснувшиеся; остальные были

людьми, родившимися в этом времени. Разница между ними была теперь очевидна: и те, и другие пали духом; но тогда как проснувшиеся, несмотря на уныние, держали себя в руках, психика современных балансировала на грани психического припадка и за время совещания неоднократно перешагивала за эту грань. Слова Ши Сяомина плеснули бензина в огонь. На глаза председателя навернулись слезы, а когда он, плача, прикрыл лицо руками, разрыдались еще несколько присутствующих из современных. Глава отдела образования истерически захохотал, а пара других современных чиновников с рычанием смели на пол свои кофейные кружки.

— Успокойтесь! — приказал Ши Цян. Он говорил негромко, но веско; это утихомирило современных. Председатель и другие плачущие постарались овладеть собой.

— Совсем как дети… — покачал головой Хайнс. Он присутствовал на заседании в качестве делегата от населения. Пожалуй, лишь ему разгром объединенного флота пошел на пользу — реальность больше не противоречила его ментальной печати. А прежде он ужасно мучился перед лицом неотвратимой победы землян и был даже близок к нервному срыву. Он ездил в городской

госпиталь, но опытнейшие психиатры оказались бессильны. Впрочем, они предложили любопытную идею, которую Ло Цзи и поселковое руководство помогли осуществить. Врачи предложили создать вымышленную реальность, в которой человечество проиграло, — наподобие того, как это изображается в рассказе «Осада Берлина» Альфонса Доде или старом фильме «Гуд бай, Ленин!». Технология виртуальной реальности уже широко использовалась, поэтому задача была не из сложных. Каждый день Хайнс сидел дома и смотрел новости, которые фабриковали специально для него. Трехмерная компьютерная графика не отличалась от подлинного репортажа. Ему показывали, как часть трисолярианского флота ускоряется и входит в Солнечную систему раньше, чем ожидалось; как объединенный флот Земли сражается в поясе Койпера и несет тяжелые потери. А потом все три флота не справляются с обороной у орбиты Нептуна и с трудом организуют сопротивление возле Юпитера…

Сотрудник, занимавшийся подготовкой новостей для Хайнса, настолько погрузился в свой вымышленный мир, что, узнав о реальном разгроме, едва не тронулся умом. Он полностью истощил свою фантазию, живописуя поражение

человечества, — как ради Хайнса, так и чтобы показать себя во всем своем профессиональном блеске. Но жестокая действительность далеко превзошла его воображение.

Когда после трехчасовой задержки картина разрушений достигла Земли, люди превратились в ораву отчаявшихся малышей, а человеческий мир — в детский сад, обуянный кошмарами. Массовая истерика распространялась со скоростью лесного пожара; в городах начались беспорядки.

В поселке, где жил Ши Цян, все служащие рангом выше него либо подали в отставку, либо просто психически сломались, прекратив выполнять свои обязанности. Тогда Ши Цяна назначили исполняющим обязанности местного руководителя. Может, не такой уж и важный пост, но в руках Ши Цяна оказалась судьба всего городка проснувшихся. К счастью, по сравнению с жителями подземного города проснувшиеся неплохо владели собой.

— Не забывайте, в какой ситуации мы оказались, — заговорил Ши Цян. — Если что-нибудь случится с механизмами жизнеобеспечения подземного Пекина, там станет как в аду и все побегут на поверхность. Тогда нам здесь не выжить. Нужно подумать о переселении.

— И куда же нам деваться? — спросил кто-то.

— Куда-нибудь в слабо заселенные районы; например, на северо-запад. Конечно, мы сначала пошлем людей на разведку. Сейчас невозможно предсказать, что произойдет с миром, будет ли вторая Великая падь. Нам надо подготовиться к выживанию исключительно натуральным хозяйством.

— А Капля нападет на Землю? — спросил другой.

— На кой ляд зря трепать себе нервы? — потряс головой Ши Цян. — Все равно мы ничего не можем сделать. Да и до того, как она пробьет Землю, нам тоже надо как-то жить, разве не так?

И тут впервые с начала заседания заговорил Ло Цзи:

— Совершенно верно. Тревоги — напрасная трата сил и времени. Уж кому-кому, а мне это доподлинно известно.

* * *

Семь уцелевших космических кораблей двумя группами летели прочь от Солнца. В одну группу входили пять кораблей — «Естественный отбор» и его недавние преследователи. Другую составляли «Квант» и «Бронзовый век». Два мини-флота

находились на разных концах Солнечной системы и, двигаясь практически в противоположных направлениях, все больше удалялись друг от друга.

Когда Чжан Бэйхай на «Естественном отборе» выслушал доклад об уничтожении флота, выражение его лица не изменилось. С невозмутимым взором он негромко сказал:

— Плотный строй — непростительная ошибка. Все остальное — ее неизбежное следствие.

— Товарищи, — обратился он к пятерым капитанам и выстроившимся тремя ярусами офицерам и рядовым. — Я называю вас этим древним словом потому, что хочу, чтобы начиная с сегодняшнего дня мы стали единомышленниками. Каждый из вас обязан понимать ситуацию и представлять себе наше будущее. Товарищи, обратной дороги нет!

И в самом деле, вернуться они не могли. Капля, разметавшая объединенный флот, оставалась где-то в Солнечной системе, а через три года появятся еще девять. Родина беглецов превратилась в западню. Согласно получаемым сведениям, человеческой цивилизации настанет конец еще до прибытия основного флота Трисоляриса. До Судного дня оставалось совсем мало времени.

На долю пяти кораблей выпала ответственность нести цивилизацию людей в будущее. Но они были способны лишь лететь вперед, в глубины космоса. Корабли навсегда станут их домом, а космос — местом их упокоения.

Все вместе пять с половиной тысяч человек экипажа мало чем отличались от младенца, у которого отрезали пуповину и безжалостно швырнули в пучину космоса. И, подобно младенцу, им оставалось только плакать. Но в глазах Чжан Бэйхая горела стальная воля. Она помогла экипажу удержать строй и выправку. Детям, выброшенным в безбрежную ночь, прежде всего нужен отец. Теперь, вслед за Дунфан Яньсюй, они нашли отца в лице солдата давно ушедших времен.

Чжан Бэйхай продолжил:

— Мы навсегда останемся частью человечества. Но теперь мы независимое общество, и нам предстоит избавиться от психологической зависимости от Земли. Первым делом нужно выбрать имя для нашего нового мира.

— Мы дети Земли. Может статься, мы единственные наследники земной цивилизации. Давайте назовем себя «Звездолеты Земли», — предложила Дун-фан Яньсюй.

— Превосходное имя, — одобрительно кивнул Чжан Бэйхай, затем повернулся к строю. — С этой минуты мы все граждане «Звездолетов Земли». Возможно, с этого момента начинается история второй цивилизации людей. Нам предстоит много работы, поэтому теперь я прошу вас вернуться на рабочие места.

Два голографических строя военнослужащих мигнули и погасли, а команда «Естественного отбора» начала разлетаться в разных направлениях.

— Сэр, следует ли нашим кораблям сблизиться? — спросил капитан «Глубокого космоса». Капитаны не исчезли вместе с голограммами.

Чжан Бэйхай твердо покачал головой:

— В этом нет необходимости. На данный момент вы находитесь в двухстах тысячах километров от «Естественного отбора». Это не так уж и далеко, но для маневра потребуется расход ядерного топлива. Наше выживание зиждется на энергии, а ее у нас мало. Необходимо экономить. Я понимаю, что, кроме нас, в этой части космоса нет людей и нам хочется быть вместе. Но двести тысяч километров — это достаточно близко. С этой минуты нам следует мыслить категориями далекого будущего.

— Это так, нужно задумываться о будущем, — тихо повторила Дунфан Яньсюй, устремив глаза куда-то вдаль. Казалось, она смотрит в грядущее.

Чжан Бэйхай продолжил:

— Следует немедленно созвать ассамблею граждан, чтобы определиться с основными вопросами. А потом как можно скорее положим большую часть экипажа в анабиоз, чтобы перевести систему жизнеобеспечения на минимальную мощность… Что бы теперь ни случилось, история «Звездолетов Земли» начала отсчет!

И снова на него глянули с *той* стороны глаза его отца, словно два всепроникающих светоча из-за края Вселенной. Чжан Бэйхай ощутил этот взгляд и глубоко в душе ответил: «Нет, папа. Вам рано на покой. Работа не закончена. Она началась снова».

* * *

На следующий день по земному времени на «Звездолетах Земли» открылось всеобщее собрание граждан. Его провели, объединив пять голограмм. Присутствовало около трех тысяч человек; те, кто должен был оставаться на рабочем месте, подсоединились через компьютер.

Прежде всего собрание решило неотложный

вопрос: направление полета. Единогласно приняли предложение не менять курс, изначально заложенный Чжан Бэйхаем. Путь вел в созвездие Лебедя, а точнее к звезде NH558J2 — одной из ближайших к Солнцу. Вокруг звезды кружились две планеты, обе газовые гиганты типа Юпитера. Они не годились для людей, но на них можно было заправиться ядерным топливом. Похоже, Чжан Бэйхай в свое время тщательно продумал курс. Немного в другом направлении, лишь на полтора световых года дальше, чем их нынешняя цель, располагалась звезда с планетой земного типа. Однако других планет в системе не было; и если наблюдения с орбиты покажут, что жить там невозможно, то в системе негде будет заправиться. А если добраться до NH558J2 и заполнить баки, то можно лететь дальше, к следующей цели, причем намного быстрее.

До NH558J2 было восемнадцать световых лет. С уже набранной скоростью, учитывая возможные погрешности, «Звездолеты Земли» доберутся до цели через две тысячи лет.

Две тысячи лет! Картина настоящего и будущего представала без прикрас в свете этого безжалостного числа. Даже с учетом гибернации большинство граждан «Звездолетов Земли»

не доживут до прибытия к пункту назначения. Срока их жизни хватит лишь на малую часть путешествия длиной в двадцать веков. Впрочем, и для их потомков NH558J2 послужит всего лишь заправочной станцией. Никто не знал, куда они полетят дальше и уж тем более найдут ли когда-нибудь «Звездолеты Земли» себе новый дом.

Но Чжан Бэйхай рассуждал рационально. Он не сомневался, что Земля пригодна для жизни человека не по воле случая и не по закону антропного принципа, а из-за длительного процесса адаптации биосферы к окружающей среде. Вряд ли стоит ожидать, что в точности такой же процесс повторится на какой-то другой планете возле какой-то другой звезды. Выбор NH558J2 предполагал и иное объяснение: возможно, что подходящую планету найти не удастся. Тогда новая человеческая цивилизация продолжит существование на борту космического корабля.

Но он не предлагал эту идею открыто. Возможно, ее примет лишь следующее поколение, родившееся на борту звездолетов. А нынешнее поколение проживет всю жизнь в надежде найти планету, похожую на Землю.

На собрании также определились с политическим статусом новоявленного государства.

Решили, что пять кораблей навсегда останутся частью человечества. Однако «Звездолеты Земли» не могли оставаться под юрисдикцией Земли или трех флотов. Отныне они независимая держава.

Когда резолюцию передали по радио в Солнечную систему, ООН и ККФ некоторое время хранили молчание, а потом, не говоря ни да ни нет, просто пожелали счастливого пути.

Вот так человечество разделилось на три конгресса: Земной конгресс — наследие былого; Конгресс космических флотов — факт современности и конгресс звездолетов, уходящий в глубины космоса. В последней группе было чуть более пяти тысяч человек, но она олицетворяла собой все надежды человечества.

* * *

На второй ассамблее граждан приступили к обсуждению структуры руководства «Звездолетов Земли».

Первым выступил Чжан Бэйхай:

— Я полагаю, что еще рано обсуждать этот пункт повестки. Сначала нужно определиться, какое общество мы хотим построить. Только после этого можно решать, какое ему требуется правительство.

— То есть первым делом нам нужна конституция, — уточнила Дунфан Яньсюй.

— По крайней мере, ее основополагающие принципы.

Принялись обсуждать. Поскольку «Звездолеты Земли» были хрупкой экосистемой, несущейся сквозь не прощающий ошибок космос, большинство склонялось к идее общества, построенного на дисциплине и коллективной борьбе за выживание. Кто-то предложил оставить существующую систему военного командования, и большинство согласилось.

— Это тоталитарный строй, — сказал Чжан Бэйхай.

— Сэр, попробуем найти для него слово помягче. Как-никак мы все же военные, — ответил капитан «Синего космоса».

— Не поможет, — уверенно дернул головой Чжан Бэйхай. — Просто остаться в живых мало. Развитие — лучшая гарантия выживания. По пути нам придется создавать наши собственные науку и технологию, строить новые корабли. История Средних веков и Великой пади доказывает, что тоталитарное общество станет препятствием на пути прогресса. «Звездолетам Земли» нужны яркие новые идеи, открытия, изобретения, а до-

стичь этого может только общество, уважающее свободу личности.

— Вы предлагаете что-то наподобие современного Земного конгресса? У «Звездолетов Земли» есть определенная специфика, — заметил какой-то младший офицер.

— Совершенно верно, — Дунфан Яньсюй кивнула выступающему. — Население «Звездолетов Земли» невелико, но мы располагаем новейшими системами связи и информации. С их помощью все граждане смогут обсуждать любые вопросы и сообща принимать законы. У нас есть шанс основать первое истинно демократическое общество в истории человечества.

— Это тоже не сработает, — опять покачал головой Чжан Бэйхай. — Как другие граждане уже заметили, «Звездолеты Земли» летят в космосе, а космос не прощает ошибок. В любое время может разразиться катастрофа, угрожающая всему нашему миру. Как показала земная история в период Трисолярианского кризиса, предлагаемое вами гуманитарное общество особенно ранимо, когда возникает кризис и нужно пожертвовать частью для сохранения целого.

Собравшиеся переглянулись. В их глазах стоял вопрос: «Так что же тогда делать?»

Улыбаясь, Чжан Бэйхай пояснил:

— Впрочем, я чересчур тороплюсь. На этот вопрос не нашли ответа за всю историю Земли. Неужели мы примем решение на единственном собрании? Я считаю, что нам придется долго экспериментировать, прежде чем мы остановимся на подходящем общественном строе. По окончании заседания стоит развернуть обсуждение этих вопросов… Прошу прощения за отход от повестки дня. Пожалуйста, продолжайте.

Дунфан Яньсюй никогда еще не видела *такой* улыбки на лице старого солдата. Он улыбался редко, да и тогда — уверенно и снисходительно. Но на этот раз он улыбался смущенно, как бы за что-то извиняясь. Он вмешался в ход собрания… Казалось бы, мелочь, но Чжан Бэйхай всегда был осмотрителен. Впервые он внес предложение, чтобы через несколько минут отозвать его. Дунфан обратила внимание на его задумчивость. Он не сделал ни одной пометки в блокноте — а ведь на предыдущем собрании все аккуратно записывал. Больше никто на борту не пользовался устаревшими карандашом и бумагой; они стали отличительным знаком Чжан Бэйхая.

Так о чем же он сейчас размышлял?

Обсуждение перешло к вопросу о правитель-

стве и других органах управления. Граждане решили, что время для выборов еще не пришло и менять существующую иерархию командования не следует. Капитаны руководят кораблями. Пять капитанов образуют Руководящий комитет «Звездолетов Земли». Комитет будет заниматься самыми важными вопросами. Ассамблея единогласно выбрала Чжан Бэйхая на должность председателя Комитета и Верховного командующего.

Но Чжан Бэйхай возражал против своего назначения.

— Сэр, это ваш долг! — обратился к нему капитан «Глубокого космоса».

— Вы единственный на «Звездолетах Земли», у кого хватит авторитета для управления всеми кораблями, — присоединилась к уговорам Дунфан Яньсюй.

— Мне кажется, я исполнил свой долг до конца. Я устал и уже не молод. Пора на покой, — тихо ответил Чжан Бэйхай.

После окончания собрания Чжан Бэйхай попросил Дунфан Яньсюй задержаться. Когда все ушли, он попросил:

— Дунфан Яньсюй, я хотел бы вернуть себе должность исполняющего обязанности капитана

«Естественного отбора».

— Исполняющего обязанности? — Она недоуменно уставилась на собеседника.

— Да. Верните мне доступ к управлению кораблем.

— Сэр, но я могу передать вам свою должность капитана! Я не шучу. Ни Руководящий комитет, ни граждане не станут возражать!

Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет, вы останетесь капитаном и сохраните все полномочия. Пожалуйста, доверьтесь мне. Я не буду вмешиваться в вашу работу.

— Почему же тогда вы хотите получить права доступа исполняющего обязанности капитана? Разве они нужны в вашем сегодняшнем положении?

— Мне просто нравится наш корабль. Люди столетиями мечтали о таком. Знаете ли вы, что я совершил, чтобы сегодня такие корабли могли существовать?

Чжан Бэйхай посмотрел на Дунфан Яньсюй. В его взгляде больше не было стальной жесткости; ее сменили пустота утомления и глубокая печаль. Он больше не казался хладнокровным, безжалостным бойцом, предусмотрительным и решительным. Сейчас он был обычным че-

ловеком, сгибающимся под тяжестью времени. При взгляде на него у Дунфан Яньсюй защемило сердце — такого участия она еще никогда и ни к кому не испытывала.

— Не надо, не вспоминайте. Историки высоко оценили ваши действия в XXI веке. Разработка электромагнитного привода стала шагом в верном направлении; на нем основана вся космическая технология. Возможно, в то время не нашлось другого способа, так же как сегодня побег оказался единственным выходом для нашего корабля. Кроме того, согласно нынешнему закону, срок давности истек много лет назад.

— Но мне-то от этого не легче. Вы не понимаете… Я привязался к этому кораблю, мои чувства к нему намного сильнее ваших. Ну и кроме того, мне же нужно чем-то заниматься в будущем. Работа меня успокаивает.

Он повернулся и уплыл. Дунфан Яньсюй следила, как его усталая фигура, постепенно удаляясь, превратилась в маленькую черную точку посреди обширной белой сферы, а потом и вовсе растворилась в белизне. И тогда на Дунфан со всех сторон нахлынула и поглотила с головой волна до сих пор неведомого ей одиночества.

* * *

На заседаниях Ассамблеи граждан люди с воодушевлением погрузились в задачу создания нового мира. Они оживленно обсуждали конституцию и общественное устройство, создавали законопроекты, готовили первые выборы… Рядовые и офицеры всех рангов спорили друг с другом как лицом к лицу, так и по радиоканалам, соединявшим корабли. Люди трезво оценивали ситуацию и с нетерпением ожидали, когда «Звездолеты Земли» станут зародышем новой цивилизации, которая затем примется разрастаться по мере посещения одной звездной системы за другой. Чаще и чаще поговаривали, что «Звездолеты Земли» — это новый Эдем, второе начало расы людей…

Но восторгам скоро настал конец, ибо аналогия с садом Эдема оказалась чересчур точной.

Подполковник Лань Си, главный психолог «Естественного отбора», возглавлял Второй отдел гражданской службы. Там работали специально обученные офицеры-медики, отвечавшие за психическое здоровье экипажа в долгом походе и в бою. Когда «Звездолеты Земли» отправились в путешествие в один конец, Лань Си и его подчи-

ненные перешли в состояние боевой готовности, будто воины при виде атаки могущественного врага. Они заранее отработали различные сценарии развития опасных ситуаций, что подготовило их к борьбе с широким спектром психологических осложнений.

Они согласились, что главной опасностью является «проблема Н» — ностальгия, тоска по родному дому. Все же человек ни разу еще не отправлялся в бесконечное путешествие; «проблема Н» вполне могла спровоцировать психологическую катастрофу. Лань Си издал приказ по Второму отделу принять все доступные меры — в том числе обеспечить радиообмен с Землей и тремя флотами. Любой член экипажа мог связаться с родными и друзьями на Земле или во флоте, а также смотреть новости и другие телевизионные программы двух Конгрессов. «Звездолеты Земли» уже находились в семидесяти астрономических единицах от Солнца. Радиосигналы приходили с задержкой в девять часов, но качество связи оставалось превосходным.

Помимо многочисленных психологических консультаций и, при необходимости, оказания помощи офицеры Второго отдела подготовились к чрезвычайным мерам на случай крупномас-

штабной психологической катастрофы. В этом случае возбужденную толпу поместят в карантин — в гибернацию.

Впоследствии оказалось, что беспокоиться было не о чем. «Проблема Н» довольно широко распространилась на «Звездолетах Земли», но ее держали под контролем, и она не достигала даже уровня, отмеченного в прежних длительных походах. Поначалу Лань Си не понимал причины, но вскоре нашлось объяснение. Когда погиб основной космический флот человечества, Земля потеряла надежду. Даже учитывая, что до Судного дня, по самым благоприятным прогнозам, оставалось два столетия, новости с Земли не скрывали, что мир, подавленный разгромом флота, погрузился в хаос. В воздухе стоял запах смерти. Никто на Земле и в Солнечной системе не мог оказать поддержку «Звездолетам Земли». Это и сдерживало ностальгию.

Но враг все-таки появился, и он оказался куда опаснее «проблемы Н». Когда Лань Си и Второй отдел распознали угрозу, фронт уже был прорван.

Из личного опыта Лань Си знал, что во время долгого похода «проблема Н» поднимает голову прежде всего среди рядовых и офицеров низких рангов. Служба требовала от них сравнительно

меньшей сосредоточенности, а психологическая подготовка была относительно слабой. Потому Второй отдел с самого начала уделял особое внимание нижнему звену. Но тень пала первой на высшее командование.

К этому времени Лань Си подметил нечто необычное. Готовились первые в истории «Звездолетов Земли» выборы в правительство. Любой гражданин имел право голоса; это означало, что почти все высшие офицеры станут государственными служащими. Их должности неизбежно перетасуют, а многих заменят претендентами более низкого ранга. Лань Си удивило, что никто из высшего командования не беспокоится об итогах выборов, которые определят всю их дальнейшую жизнь. Он отметил, что никто из руководителей «Естественного отбора» не ведет агитации; а когда он упоминал о выборах, собеседники не проявляли интереса. Лань Си снова и снова вспоминал рассеянность Чжан Бэйхая на втором заседании Ассамблеи граждан.

А потом он разглядел симптомы психологического расстройства среди офицеров, начиная с подполковника и выше. Большинство из них стали склоняться к интроверсии, проводя много времени наедине со своими мыслями и резко

ограничив общение. На собраниях они выступали реже и реже, а порой не произносили ни слова. По наблюдениям Лань Си, огонь в глазах офицеров погас, а лица выражали уныние. Они предпочитали не смотреть в глаза другим, опасаясь, что те заметят туман в их взглядах. Когда они все же встречались с кем-то глазами, то сразу же отводили взор, как будто их било током… Чем выше ранг, тем опаснее становились симптомы. Вскоре появились признаки, что проблема проникает и в нижние ранги.

Психологические консультации не помогали — пациенты упрямо отказывались беседовать с врачами. Второй отдел воспользовался особой привилегией и настоял на обязательных консультациях. Но пациенты хранили молчание.

Лань Си решил, что необходимо поговорить с Верховным командующим, и пошел к Дунфан Яньсюй. В прошлом этот пост принадлежал Чжан Бэйхаю, но он отказался от полномочий, решил не участвовать в выборах и настаивал, что он теперь самый обычный гражданин. Он сохранил за собой лишь одну должность — исполняющего обязанности капитана. Он передавал приказы капитана в компьютер, управляющий кораблем. Все остальное время он проводил, бродя

по коридорам «Естественного отбора» и изучая корабль. Он без устали расспрашивал рядовых и офицеров всех рангов и постоянно восхищался космическим ковчегом. В остальном же Чжан Бэйхай оставался хладнокровным и отрешенным. Несомненно, он старался держаться в стороне, и поэтому его не затронула психологическая тень, павшая на экипаж. Но Лань Си знал еще об одной причине его иммунитета. Древние были не такими чувствительными, как современные люди. Теперь эта толстокожесть оказалась отличной защитой.

— Капитан, вам следует рассказать нам, что происходит, — обратился он к Дунфан Яньсюй.

— Подполковник, это вам следует рассказывать, а не мне.

— Значит ли это, что вам ничего не известно о вашем состоянии?

В ее померкшем взоре проступила бесконечная горечь.

— Я знаю только то, что мы первые люди, отправившиеся в космос.

— Что вы имеете в виду?

— Только теперь человечество *на самом деле* полетело в космос.

— А, теперь понимаю. До сих пор, как бы далеко

люди ни забирались, они оставались воздушным змеем, запущенным с Земли. Они не рвали духовной связи с родной планетой. А теперь эта нить оборвана.

— Верно. Нить оборвана. Главное не в том, что кто-то выпустил эту нить из рук, а в том, что сами руки исчезли. Земля катится навстречу катастрофе. Собственно, для нас Земля уже погибла. Пять наших кораблей не связаны ни с одной планетой. Вокруг нас нет ничего, кроме бездны космоса.

— И в самом деле, людям еще не приходилось сталкиваться с такой психологической проблемой.

— Не приходилось. А теперь мы столкнулись — и душа человека кардинально изменится. Люди станут… — Она внезапно замолкла, и грусть в ее взоре сменилась унынием, серым, словно затянутое облаками небо.

— Вы полагаете, что в такой обстановке люди станут… новыми людьми?

— Новыми людьми? Нет, подполковник. Люди станут… нелюдьми.

Услышав заключительное слово, Лань Си вздрогнул. Он посмотрел на Дун-фан Яньсюй, и она не отвела взгляда. В пустых глазах капитана, «зеркалах ее души», не отражалось ничего.

— Я говорю, что мы уже не будем людьми, в земном смысле… Подполковник, это все, что я могу сказать. Делайте все, на что способны. И… — Она приостановилась, а затем продолжила, как бы говоря сама с собой: — Скоро настанет и ваш черед.

Обстановка продолжала ухудшаться. На следующий день на «Естественном отборе» произошло кровопролитие. Подполковник службы навигации выстрелил в другого офицера, соседа по каюте. По воспоминаниям пострадавшего, подполковник внезапно проснулся посреди ночи, заметил, что офицер не спит, и обвинил его, что тот, мол, подслушивает, когда он разговаривает во сне. Завязалась драка, и обезумевший подполковник выстрелил.

Лань Си тотчас же встретился с задержанным подполковником.

— Чего вы боялись, когда обвинили соседа в подслушивании? Что он мог услышать?

— Так он и вправду слышал? — задрожал от ужаса подполковник.

Лань Си качнул головой:

— По его показаниям, вы ничего не говорили.

— А если и говорил, то что? Мало ли о чем люди бормочут во сне? Мой разум на самом деле этого

не думает! Не станут же меня поджаривать в аду за слова, сказанные спросонья!

Лань Си так и не удалось выведать, что именно нападавший боялся сказать. Тогда он спросил, не хочет ли подполковник пройти курс гипнотерапии. Внезапно тот разъярился, налетел на Лань Си и принялся душить. Вбежали военные полицейские и оттащили нападавшего. На выходе из гауптвахты один из полицейских, краем уха слышавший разговор, дал совет:

— Подполковник, не заговаривайте больше о гипнозе, если не хотите, чтобы весь экипаж возненавидел Второй отдел. Вы долго не протянете.

Лань Си вызвал по связи полковника Скотта, психолога «Энтерпрайза». По совместительству Скотт также служил капелланом. В Азиатском флоте эта должность встречалась редко. «Энтерпрайз» и три других корабля оставались на удалении в двести тысяч километров.

— Почему у вас так темно? — спросил Лань Си, вглядываясь в картинку, идущую с «Энтерпрайза». Скотт запрограммировал вогнутые стены своей каюты светиться тусклым желтым цветом, поверх которого горели звезды, проецируемые с внешних камер. Создавалось впечатление, что в космосе стоит туман. Лицо Скотта оставалось

в тени, но Лань Си почувствовал, что Скотт не выдержал его взгляда и отвел глаза.

— В саду Эдема садится солнце. Скоро Тьма поглотит все, — устало ответил Скотт.

Лань Си уже доводилось разговаривать со Скоттом. Корабельный капеллан наверняка слышал немало признаний на исповеди и мог что-то посоветовать. Но услышав ответ и обратив внимание на скрывающиеся в тени глаза собеседника, Лань Си понял, что ничего не добьется. Тогда он сдержал уже вертящийся на языке вопрос и задал другой, удививший его самого:

— Как вы считаете, события, которые разыгрались в первом саду Эдема, повторятся ли они во втором?

— Не знаю. Так или иначе, гадюки выползли на свет. Змеи второго сада Эдема уже забираются людям в душу.

— Значит, вы вкусили плод древа познания?

Скотт медленно кивнул. Затем склонил голову и больше ее не поднял, как если бы пытался скрыть предательские глаза.

— Можно сказать и так.

— Кого же выгонят из сада Эдема? — Голос Лань Си дрожал, на ладонях выступил холодный пот.

— Многих. Но, в отличие от первого раза, кое-

кому будет дозволено остаться.

— Кому? Кто останется?

Скотт глубоко вздохнул:

— Подполковник Лань, я сказал достаточно. Почему бы вам самому не поискать плод древа познания? Ведь этот шаг предстоит сделать каждому. Разве не так?

— Где же мне его искать?

— Отложите свои дела и подумайте. Почувствуйте — и найдете.

Поговорив со Скоттом, расстроенный Лань Си забросил дела и по совету полковника, хорошенько задумался. Холодные, скользкие гадюки Эдема заползли в его разум даже быстрее, чем он ожидал. Он нашел плод древа познания, вкусил его, и последние в его душе лучи света навсегда погасли, а сама душа рухнула во мрак.

Невидимая струна, туго натянутая на «Звездолетах Земли», могла оборваться в любую минуту.

Через два дня капитан «Высшего закона» совершил самоубийство. Он стоял на кормовой платформе, прикрытой прозрачным колпаком. Казалось, будто платформа висит в открытом космосе. В этом направлении лежала Солнечная система. Солнце съежилось до размера желтой звезды, немногим ярче других. Перед взором

капитана расстилалась периферия спирального рукава Млечного Пути, и звезд там было немного. Глубина и простор космоса высокомерно пренебрегали ограниченными способностями разума и глаза человека.

— Темно. Твою мать, до чего же темно! — пробормотал капитан и застрелился.

* * *

Узнав о самоубийстве капитана «Высшего закона», Дунфан Яньсюй почувствовала, что времени больше не остается. Она назначила срочное совещание с двумя вице-капитанами в большом сферическом ангаре истребителей.

В коридоре по пути в ангар ее окликнули. Это был Чжан Бэйхай. Будучи в расстроенных чувствах, она уже пару дней не вспоминала о нем. Чжан Бэйхай окинул капитана взглядом с ног до головы. В его взоре светилась отеческая забота, и у Яньсюй потеплело на душе. В последнее время на «Звездолетах Земли» трудно было отыскать пару глаз, которые не застилала бы мгла.

— Дунфан, мне кажется, что в последнее время вы не в себе. Не знаю, что с вами, но похоже, вы что-то скрываете. Что происходит?

Она не ответила на вопрос. Взамен спросила:

— Сэр, а как у вас идут дела в последнее время?

— Неплохо. Весьма неплохо. Гуляю, исследую… Разбираюсь с вооружением корабля. Правда, пока я узнал еще не так много, но как же все это увлекательно! Представьте себе, что бы ощущал Колумб, попав на авианосец? Я чувствую себя так же.

Дунфан позавидовала спокойствию и безмятежности собеседника. Да, он исполнил свой долг и заслужил право на отдых. Творец истории, великий человек снова стал ничего не знающим проснувшимся. Теперь он нуждался лишь в одном — в защите. Тогда она сказала:

— Сэр, не задавайте этот вопрос больше никому. Вообще не затрагивайте эту тему.

— Почему? Почему мне не следует заговаривать об этом?

— Это опасно. И кроме того, вам незачем знать. Поверьте.

Он кивнул:

— Хорошо. Не буду спрашивать. Спасибо, что относитесь ко мне как к обычному человеку. Именно на это я и надеялся.

Она поспешно распрощалась и двинулась дальше, но основатель «Звездолетов Земли» сказал ей вслед:

— Дунфан, что бы ни произошло, не противьтесь. Все уладится.

Она встретилась с двумя вице-капитанами в центре большого сферического зала. Дунфан выбрала для встречи этот ангар потому, что в нем было просторно. Трое офицеров зависли в центре чистейшего белого мира, будто во всей Вселенной не было никого, кроме них. Никому не удастся подслушать их разговор.

Собравшиеся избегали смотреть друг на друга.

— Нам надо кое-что прояснить, — сказала капитан.

— Согласен. Нам угрожает опасность; нельзя терять ни секунды, — ответил вице-капитан Левин. Он и Акира Иноуэ в упор уставились на Дунфан Яньсюй. В словах Левина читался прозрачный намек: «Вы капитан, вот вы и начинайте».

Но ей не хватало смелости.

События, разворачивающиеся в момент второго рассвета человеческой цивилизации, могли стать сюжетом для новой Библии или эпической поэмы в духе Гомера. Иуда стал тем, кем он стал, потому что первым поцеловал Иисуса — и этим принципиально отличался от второго поцеловавшего. Сейчас происходило то же самое. Тот, кто заговорит первым, оставит след в истории новой

цивилизации. Возможно, кто-то из них станет Иудой — а может быть, Иисусом. Но, так или иначе, Дунфан Яньсюй не хватало духу начать разговор.

Но она обязана выполнить свою задачу; поэтому капитан пришла к мудрому решению. Она не потупилась, встретившись с глазами вице-капитанов. Слова были ни к чему. Все можно сказать просто взглядом. Офицеры смотрели друг на друга, и скоростная сетевая магистраль взоров связала воедино их души.

«Топливо».

«Топливо».

«Топливо».

«Мы пока еще не знаем, что встретится нам на пути, но обнаружены по крайней мере два облака межзвездной пыли».

«Потеря скорости».

«Разумеется. Когда мы пройдем сквозь них, из-за пыли наша скорость упадет до 0,03 процента от световой».

«До NH558J2 больше десяти световых лет. Нам потребуется шестьдесят тысяч лет, чтобы добраться туда!»

«Мы никогда не достигнем пункта назначения».

«Корабли, может быть, и долетят, но не люди.

Гибернаторы не выдержат».

«Разве что…»

«Разве что мы сохраним скорость при проходе сквозь облака пыли или если разгонимся после выхода из облаков».

«Не хватит топлива».

«Термоядерное топливо — единственный источник энергии на борту. Оно необходимо для работы других систем: жизнеобеспечения, двигателей коррекции…»

«И для торможения, когда мы войдем в звездную систему пункта назначения. NH558J2 намного меньше Солнца. Затормозить гравитационным маневром не удастся. Нам потребуется много топлива, иначе мы пролетим систему насквозь».

«Всех запасов топлива на «Звездолетах Земли» хватит на два космических корабля».

«Но по консервативным оценкам его хватит лишь на один».

«Топливо».

«Топливо».

«Топливо».

— Кроме того, не забывайте о запасных частях, — вслух напомнила Дунфан Яньсюй.

«Запчасти».

«Запчасти».

«Запчасти».

«Особенно запчасти для самых важных систем: термоядерных двигателей, компьютеров и систем управления, систем жизнеобеспечения».

«Запчасти не так важны, как топливо, но от них зависит долговременное выживание. Возле NH558J2 нет подходящей планеты, чтобы основать колонию или заложить промышленность. Нет даже природных ресурсов. Это не более чем заправочная станция на пути в следующую звездную систему. Лишь там мы сможем заняться производством запасных частей».

«На «Естественном отборе» хранятся лишь два комплекта запчастей для самого необходимого оборудования».

«Слишком мало».

«Слишком мало».

«За исключением термоядерных двигателей, большинство деталей «Звездолетов Земли» взаимозаменяемы».

«Детали двигателей можно использовать после доработки».

— Сможем ли мы собрать все экипажи на один или два корабля? — вслух спросила Дунфан Яньсюй, задавая направление безмолвному раз-

говору.

«Невозможно».

«Невозможно».

«Невозможно. Людей слишком много. Системы жизнеобеспечения и гибернации окажутся перегружены. Даже небольшое увеличение личного состава приведет к катастрофе».

— Теперь все ясно? — Голос Дунфан Яньсюй отдавался в белом просторе неясным эхом — как будто кто-то бормотал во сне.

«Так точно».

«Так точно».

«Кому-то придется умереть, иначе погибнут все».

Их глаза смолкли. Всем троим нестерпимо хотелось отвернуться. Им казалось, что в глубинах Вселенной грянул гром, и их души затрепетали в ужасе. Дунфан Яньсюй первой взяла себя в руки.

— Прекратите, — приказала она.

«Прекратите».

«Не теряйте надежды».

«Не терять надежды?»

«Не теряйте надежды! Все остальные продолжают держаться. Если мы сдадимся, нас выгонят из сада Эдема».

«Почему нас?»

«Да никого нельзя выгонять!»

«Но кого-то надо выгнать! В саду Эдема места на всех не хватит».

«Мы не хотим, чтобы нас выгнали».

«Поэтому мы будем бороться!»

Три пары глаз, чуть было не оборвавшие связь, снова подключились друг к другу.

«Инфразвуковая водородная бомба».

«Инфразвуковая водородная бомба».

«Инфразвуковая водородная бомба».

«Состоит на вооружении каждого корабля».

«От неожиданного нападения защититься трудно».

Разум собеседников балансировал на грани коллапса; им пришлось на секунду отвести глаза — нужно было прийти в себя. Когда же взгляды пересеклись снова, в них светились неуверенность и замешательство, подобные мерцающему на ветру пламени свечи.

«Это Зло!»

«Это Зло!»

«Это Зло!»

«Мы станем исчадиями ада!»

«Мы станем демонами!»

«Мы станем дьяволами!»

— Но… что думают *они*? — тихо спросила Дун-

фан Яньсюй. Вице-капитанам показалось, что ее негромкие слова так и продолжали звенеть посреди белизны, подобно зуду комара.

«Вот именно. Мы не хотим становиться дьяволами, но откуда нам знать, что думают они».

«В таком случае мы уже стали дьяволами — иначе мы беспричинно не вообразили бы дьяволами их».

«Ладно, тогда мы не станем представлять их дьяволами».

— Это не решение проблемы, — качнула головой Дунфан Яньсюй.

«Верно. Даже если они не дьяволы, это ничего не решает».

«Потому что они не знают, о чем мы думаем».

«А если они знают, что мы не дьяволы?»

«Проблема остается».

«Но они не знают, что мы о них думаем».

«Они не знают, что мы думаем о том, что они думают о нас».

«Это бесконечная цепочка подозрений: они не знают, что мы думаем о том, что они думают о том, что мы думаем о том, что они думают о том...»

«Как можно прервать эту цепочку подозре-

ний?»

«Путем переговоров?»

«На Земле — возможно. Но не в космическом пространстве. Кому-то необходимо умереть, иначе погибнут все. Космос сдал нам мертвую руку[115] *карт, и «Звездолетам Земли» не светит выигрыш. Перед нами стоит непреодолимое препятствие. Переговоры не имеют смысла».*

«Остается один-единственный выход. Весь вопрос в том, кто именно им воспользуется».

«Темно. Твою мать, до чего же темно!»

— Медлить больше нельзя, — решительно сказала Дунфан Яньсюй.

«Хватит медлить. В этом темном уголке космоса дуэлянты уже затаили дыхание. Нить вот-вот оборвется».

«С каждой секундой опасность растет, как лавина».

«Поскольку не имеет значения, кто сделает первый шаг, то почему не мы?»

Акира Иноуэ внезапно прервал молчание:

— Существует и другой выход!

---

[115] Примечания: 115

Термин из китайского открытого покера. В случае, если игрок не смог собрать комбинации по правилам, его рука объявляется «мертвой» (или «проигравшей скуп», игрок «скупанулся»). В этом случае его комбинации считаются проигравшими всем остальным. (*Прим. перев.*)

«Мы принесем себя в жертву».

«Почему?»

«Почему мы?»

«Мы трое можем решить за себя, но есть ли у нас право принять решение за две тысячи человек экипажа «Естественного отбора»?»

Трое стояли на лезвии ножа — безжалостно остром и причиняющем мучительную боль, но шаг в сторону означал падение в бездонную пропасть. Новый человек, человек космоса, рождался в муках.

— Есть предложение, — заговорил Левин. — Наведем оружие, а потом подумаем еще.

Дунфан Яньсюй кивнула. Левин высветил рядом с собой панель управления системами оружия и вызвал окошко стрельбы ракетами с инфразвуковыми водородными боеголовками. В сферической координатной системе «Естественный отбор» занял место в центре, а «Синий космос», «Энтерпрайз», «Глубокий космос» и «Высший закон» вспыхнули четырьмя огоньками на удалении в двести тысяч километров. На таком расстоянии форму цели не разобрать; в космосе любой объект — просто точка.

Но четыре пятнышка света окружали красные ореолы — четыре смертоносные петли, означав-

шие, что оружие «Естественного отбора» уже направлено на цели.

Все трое потрясенно переглядывались и трясли головами, словно уверяя друг друга, что это не их рук дело.

Кроме них право наводить оружие на цель имелось у офицеров на постах управления огнем и классификации целей; но их действия должны были утвердить капитан или вице-капитан. Оставался лишь один человек с единоличным правом выбирать цель и открывать огонь.

«Какие же мы идиоты! Ведь это тот самый человек, что уже дважды изменил ход истории!»

«Он давно уже все понял!»

«Кто знает, когда он понял? Может быть, когда провозглашали «Звездолеты Земли». А может быть, и раньше — когда узнал про разгром объединенного флота. По нему разве догадаешься? Он всегда скрывает свои тревоги, как все родители в его времена, не желающие пугать детей».

Дунфан Яньсюй на полной скорости полетела к выходу из ангара, вице-капитаны пустились за ней. Они проскочили сквозь дверь и понеслись вдоль длинного коридора, пока не остановились возле каюты Чжан Бэйхая. Перед хозяином каюты

висела в воздухе точно такая же панель управления, с какой они только что работали. Офицеры рванулись внутрь, но сцена, разыгравшаяся при бегстве «Естественного отбора», повторилась: они ударились в переборку. Вместо двери был лишь похожий на нее прозрачный овал.

— Что вы творите?! — закричал Левин.

— Дети, — Чжан Бэйхай впервые назвал их этим словом. Он не смотрел на них, но капитану и вице-капитанам представилось, что глаза старого солдата спокойны как вода. — Позвольте это сделать мне.

— Вы хотите сказать: «Если я не пойду в ад, то кто тогда в него пойдет?»[116] — громко произнесла Дунфан Яньсюй.

— Я был готов к этому шагу с той самой минуты, когда впервые надел военную форму, — ответил Чжан Бэйхай, приводя в действие ракетные установки. Офицеры следили за его движениями сквозь прозрачную стену. Чжан Бэйхаю было далеко до обученного оператора, но он не сделал ни одной ошибки.

В глазах Дунфан Яньсюй стояли слезы. Она вскричала:

---

[116] Примечания: 116

Бодхисаттва Кшитигарбха дал обет не становиться Буддой до тех пор, пока не будут спасены все живые существа. (*Прим. Дж. М.*)

— Мы сделаем это вместе! Впустите меня! Я отправлюсь в ад вместе с вами!

Чжан Бэйхай не ответил, продолжая нажимать кнопки. Он задал управляемым ракетам режим самоликвидации по команде оператора, так что они могли быть уничтожены с запустившего их корабля еще в полете. Закончив, он произнес:

— Дунфан, подумайте. Могли мы сделать этот выбор раньше? Однозначно нет. А теперь можем — космос перековал нас в новое человечество.

Он запрограммировал боеголовки на детонацию в пятидесяти километрах от цели. Такой взрыв не грозит кораблям разрушением, но умертвит все живое даже на большем расстоянии.

— При рождении новой цивилизации также рождается новая мораль.

Он снял первую блокировку с термоядерных бомб.

— А когда в далеком будущем люди оглянутся и посмотрят на наши деяния, они сочтут их чем-то само собою разумеющимся. Дети, нам не грозит попасть в ад.

Он снял вторую блокировку.

И вдруг по всему кораблю взревели сирены, будто во тьме космического пространства

взвыли десять тысяч неупокоенных душ. Повсюду в воздухе, будто снежинки, вспыхивали информационные панели, а по ним бежали многочисленные доклады оборонных систем «Естественного отбора» о приближающихся ракетах. Но на чтение всех этих сообщений уже не оставалось времени.

Между первым сигналом тревоги и взрывом инфразвуковых бомб прошло всего лишь четыре секунды.

Кадры, переданные с «Естественного отбора» на Землю, показали, что Чжан Бэйхай все понял меньше чем за секунду. Он считал, что за двести лет закалил свое сердце до твердости стали. Но он проглядел ничтожную слабину, угнездившуюся где-то в глубине души, и в решающий момент непростительно промедлил, пытаясь справиться с заартачившимся сердцем. Это промедление стоило жизни ему и всем остальным на борту «Естественного отбора». Целый месяц он провел в борьбе с Тьмой, и сейчас ему не хватило лишь нескольких мгновений — другой корабль оказался чуть проворнее.

Засияли три маленьких солнца, образуя равносторонний треугольник, в центре которого, примерно в сорока километрах от огненных

шаров, оказался «Естественный отбор». Пламя термоядерного взрыва горело двадцать секунд и невидимо пульсировало на инфразвуковой частоте.

Видеокадры донесли, что в оставшиеся три секунды Чжан Бэйхай повернулся к Дунфан Яньсюй, улыбнулся ей и заверил:

— Неважно. Будет все то же.

О его словах лишь догадывались, поскольку он не успел договорить. С трех сторон прилетели мощнейшие электромагнитные импульсы. Гигантский корпус «Естественного отбора» завибрировал, как крылышки цикады. По кораблю побежали волны инфразвука. Снимки запечатлели затянувший все кровавый туман.

Нападавшим оказался «Высший закон». Он скрытно запустил двенадцать ракет, вооруженных инфразвуковыми боеголовками, по другим четырем кораблям. Ракеты, предназначенные для зависшего в двухстах тысячах километров «Естественного отбора», отправились в полет заранее, чтобы все взрывы произошли одновременно. После самоубийства капитана его обязанности взял на себя вице-капитан, но никто не знал, кто именно принял решение об атаке. Это так и осталось неизвестным.

«Высший закон», однако, не вошел в число счастливчиков, оставшихся в саду Эдема.

Из трех других кораблей преследования «Синий космос» был лучше всех подготовлен к неожиданностям. Еще до нападения экипаж корабля надел скафандры и выпустил атмосферу за борт. Инфразвук не распространяется в вакууме; поэтому люди не пострадали, а электромагнитный импульс причинил корпусу корабля лишь минимальные повреждения.

Как только раздались взрывы, «Синий космос» атаковал противника лазерами — это оружие действовало со скоростью света. Лучи гамма-лазеров попали в «Высший закон» и прожгли пять огромных дыр в обшивке. Внутри разгорелся пожар, прозвучало несколько взрывов. Корабль утратил боеспособность. «Синий космос» ударил еще сильнее, ядерными ракетами и кинетическим оружием. «Высший закон» неистово взорвался. Никто из экипажа не выжил.

Почти в то же время, когда «Звездолеты Земли» воевали с Тьмой, похожая трагедия разыгралась на противоположном конце Солнечной системы. «Бронзовый век» нанес неожиданный удар по «Кванту», тоже воспользовавшись инфразвуковыми бомбами, чтобы уничтожить людей, но

сохранить технику. С обоих кораблей почти ничего не передавали на Землю, поэтому оставалось лишь строить догадки, что там произошло. Они ускоренно разгонялись, скрываясь от зонда, но, в отличие от преследователей «Естественного отбора», не тормозили. У них должно было оставаться достаточно топлива для возвращения к Земле.

В темных объятиях безграничного космоса родилось новое, темное человечество.

Осторожно маневрируя внутри облака металлических обломков, недавно бывших «Высшим законом», «Синий космос» приблизился к безжизненным корпусам «Энтерпрайза» и «Глубокого космоса» и перекачал к себе все термоядерное топливо. Сняв с кораблей все полезное оборудование и ремонтный комплект, «Синий космос» пересек двести тысяч километров, отделявших его от «Естественного отбора», и проделал там то же самое.

«Звездолеты Земли» стали космической стройкой. По массивной обшивке трех мертвых кораблей ползли искры лазерной сварки. Если бы Чжан Бэйхай уцелел, то такая картина напомнила бы ему авианосец «Тан», каким он был двести лет назад.

«Синий космос» выстроил останки погибших

кораблей в кольцо, похожее на Стоунхендж. У этого космического захоронения провели заупокойную службу по жертвам сражения Тьмы.

Тысяча двести семьдесят три человека экипажа «Синего космоса» — все выжившие граждане «Звездолетов Земли» — выстроились в центре могильника. Вокруг них кольцом гор застыли огромные фрагменты корпусов. Прорезанные лазерами отверстия походили на глубокие пещеры. Внутри погибших кораблей оставались тела четырех с лишним тысяч человек. Тень этого необычного кургана падала на живых, погружая их во мрак, как в полночь тьма заливает глубокое горное ущелье. Лишь редкие холодные лучи звезд Млечного Пути пробивались между останками разбитых кораблей.

Похороны прошли спокойно. Так закончилась пора младенчества нового человека, человека космоса.

На могильнике засветили лампаду — пятидесятиваттную электрическую лампочку. Рядом оставили сотню запасных ламп и механизм для их замены. Получая питание от небольшой ядерной батареи, лампада прослужит десятки тысяч лет. Ее слабый огонек, похожий на пламя свечи в горной долине, создавал слабый ореол

вокруг горы останков и освещал кусок титановой перегородки, на которой вырезали имена жертв. Эпитафии не было.

Еще через час могилу осветило пламя двигателя уходящего прочь «Синего космоса». Захоронение двигалось со скоростью в один процент от световой. Через несколько столетий оно войдет в облака межзвездной пыли и замедлится до 0,03 процента от скорости света. Через шестьдесят тысяч лет оно достигнет звезды NH558J2, но к тому времени «Синий космос» уже более пятидесяти тысяч лет будет держать путь к другой звезде.

Выживший корабль направился в глубокий космос. В баках содержалось достаточно топлива, а запасных частей набрали в восьмикратном количестве. Для собранного имущества не хватило ангаров; пришлось приварить к обшивке несколько контейнеров внешней подвески. Корабль превратился в нечто огромное, уродливое и несимметричное. Он стал похож на путешественника, нагруженного в дальнюю дорогу.

На противоположном конце Солнечной системы «Бронзовый век» оставил разбитый «Квант» и начал разгон в направлении созвездия Тельца.

«Синий космос» и «Бронзовый век» родились в мире света, но превратились в корабли Тьмы.

Вселенная когда-то тоже была полна света. Первые три минуты после Большого Взрыва вся материя существовала в виде потока фотонов. А потом Вселенная «выгорела», и из ее темного пепла возникли тяжелые элементы, планеты и жизнь. Матерью живых существ и цивилизации была Тьма.

С Земли в направлении «Синего космоса» и «Бронзового века» полетел поток проклятий, но корабли не отвечали. Они прервали связь с Солнечной системой. Для них Земля уже умерла.

Два темных корабля стали единым целым с Тьмой. Между ними лежала Солнечная система, и они продолжали расходиться. Звездолеты канули в вечную ночь, неся в себе всю память человечества, все его мысли, мечты и славу.

* * *

— Так я и думал!

Это было первое, что сказал Ло Цзи, узнав о разгоревшемся на окраинах Солнечной системы сражении Тьмы. Оставив позади ошарашенного Ши Цяна, он выскочил из комнаты, побежал по улице и остановился у кромки новорожденной Северо-Китайской пустыни.

— Я был прав! Я был прав! — закричал он в

небо.

Стояла глухая ночь. Воздух был совершенно прозрачным — возможно, из-за только что прошедшего дождя. В небе светились звезды. Они не были такими четкими, как в XXI веке, и разглядеть можно было лишь самые яркие из них. Но Ло Цзи охватило то же чувство, которое он испытал холодной ночью на замерзшем озере двести лет назад. Обычный гражданин Ло Цзи исчез; вместо него снова появился Отвернувшийся.

— Да Ши, я держу в руках ключ к победе человечества! — заявил он последовавшему за ним Ши Цяну.

— Да ну? — гоготнул тот.

Смех Ши Цяна прозвучал слегка язвительно и остудил пыл Ло Цзи.

— Я знал, что ты не поверишь.

— Ну и что ты собираешься делать? — спросил Ши Цян.

Ло Цзи сел на песок; им внезапно овладело отчаяние.

— И правда — что? Похоже, сделать-то я ничего и не могу.

— Ну, по крайней мере сообщи в правительство.

— Не уверен, что получится, но попробую. Хотя

бы для того, чтобы выполнить свой долг.

— Как высоко надо забраться?

— На самый верх. К Генеральному секретарю ООН. Или к председателю ККФ.

— Боюсь, это будет сложновато. Мы ведь теперь простые люди… Но и в самом деле, надо попытаться. Ты можешь для начала пойти… хм… хотя бы к городскому руководству. Найди мэра.

— Ладно. Значит, отправлюсь в город. — Ло Цзи поднялся на ноги.

— Я с тобой.

— Нет, я пойду один.

— Хоть у меня и невесть какой пост, но все же я городской служащий. Мне будет легче добиться встречи с мэром.

Ло Цзи взглянул на небо и спросил:

— Когда Капля достигнет Земли?

— В новостях сказали — через десять или двадцать часов.

— Знаешь, зачем ее послали? Не для того, чтобы разнести в пыль весь объединенный флот. И не для того, чтобы напасть на Землю. Каплю послали, чтобы убить меня. Не хочу, чтобы пострадал и ты.

Ши Цян снова ехидно заржал:

— Тогда у нас есть еще десять часов! Обещаю

— потом свалю от тебя куда подальше.

Ло Цзи криво улыбнулся и покачал головой:

— Ты ведь не принимаешь меня всерьез. Почему тогда хочешь помочь?

— Кореш, это дело шишек на самом верху — верить тебе или нет. А я всегда действую наверняка. Раз тебя двести лет назад выбрали из миллиардов человек, на то должна быть причина. Если я тебя здесь придержу, меня наверняка проклянет история. Если босс тебе не поверит, я ничего не теряю. Это же просто поездка в город. Но ты сказал, что эта штуковина летит к Земле, чтобы укокошить именно тебя. Ой, что-то не верится! Я много чего знаю про убийства; такой способ — ужасное расточительство, даже для трисоляриан.

К рассвету они добрались до спуска в подземный город и убедились, что лифты продолжают работать. Множество людей поднималось наверх, сгибаясь под тяжестью огромных баулов. Мало кто спускался в город; в лифте у Ши Цяна и Ло Цзи оказалось лишь двое попутчиков.

— Вы проснувшиеся? — поинтересовался Ло Цзи. — Все наши поднимаются на поверхность. Почему вы едете вниз?

— Город охвачен беспорядками, — ответил один из них, помоложе. На его темной одежде

расцветали огненные шары. Если присмотреться, это были кадры уничтожения объединенного флота.

— Зачем же вы тогда спускаетесь? — спросил Ши Цян.

— Я нашел, где жить, и еду за вещами, — ответил незнакомец и кивнул на собеседников: — Вы там, на поверхности, разбогатеете. У нас нет жилья наверху, оно все в ваших руках. Нам придется его покупать.

— Если подземный город развалится и вся толпа рванет на поверхность, на коммерцию не останется времени, — парировал Ши Цян.

Вжавшийся в угол лифта человек средних лет прислушивался к разговору. Внезапно он закрыл лицо руками и застонал: «О нет…» Затем присел и разрыдался. Его одежда изображала классический библейский сюжет: обнаженные Адам и Ева стоят под деревом в саду Эдема, а между ними извивается змея. Вероятно, эту картинку навеяло недавнее сражение Тьмы.

— Таких, как он, много. — Молодой человек пренебрежительно ткнул пальцем в плачущего. — Слаб духом. — Его глаза загорелись. — Вообще-то конец света — отличная эпоха. Сказал бы даже, самая лучшая. Единственное время в исто-

рии, когда люди могут забыть дела и тревоги и не принадлежать никому, кроме себя. А этот просто дурак. Сейчас самое разумное — наслаждаться жизнью, пока живы.

Когда лифт остановился и Ло Цзи с Ши Цяном вышли из вестибюля, они тотчас же почувствовали сильный, непривычный запах дыма. Как и раньше, подземный город озарял свет — но теперь это был раздражающе яркий белый свет. Осмотревшись, Ло Цзи увидел, что между деревьями проглядывает не голубое небо, а сплошная белесая плоскость. Проекция неба на свод пещеры не действовала. Пустое небо напомнило ему о сферических каютах космических кораблей — их часто показывали в выпусках новостей. На лужайках валялись кучи мусора, упавшего с деревьев. Невдалеке громоздились разбитые летающие автомобили; один из них еще горел, а собравшаяся толпа подбирала хлам с травы и бросала в огонь. Кто-то даже швырнул туда свою одежду, на которой продолжали мерцать картинки. Из разорванной подземной трубы фонтаном била вода, заливая людей, резвящихся под струями подобно детворе. Время от времени, когда сверху что-нибудь падало, они вскрикивали и разбегались, а потом снова сходились и

продолжали веселье. Ло Цзи посмотрел вверх и увидел, что кое-где деревья охвачены пожаром. Ревели сирены летающих пожарных машин, буксирующих за собой выгоревшие листья…

Он заметил, что встреченных ими прохожих, как и попутчиков в лифте, можно поделить на два типа. Люди одного типа шагали с невидящим взором или сидели на лужайках, погрузившись в безысходность. В отчаяние их теперь, однако, приводило не поражение человечества, а возросшие трудности жизни. Людей другого типа выдавало безумное веселье во взгляде; этих пьянила безнаказанность.

Хаос поразил и общественный транспорт. Ло Цзи и Ши Цяну потребовалось полчаса, чтобы поймать такси. Когда автоматически управляемый летающий автомобиль принялся выписывать виражи между деревьев, Ло Цзи вспомнил свой первый ужасающий день в городе. Ему показалось, что он катается на аттракционе «американские горки». К счастью, такси вскоре остановилось возле мэрии.

Ши Цяну уже приходилось бывать там по служебным делам, и он был знаком со зданием. Пройдя через множество кабинетов, они наконец получили разрешение на встречу с мэром, но

ее назначили на вторую половину дня. Ло Цзи ожидал отказа; согласие начальства на встречу с обычными людьми в такое трудное время стало для него неожиданностью. За обедом Ши Цян сообщил Ло Цзи, что мэра только вчера назначили на должность. До этого он отвечал за поддержку проснувшихся и в какой-то мере являлся начальником Ши Цяна, так что тот его неплохо знал.

— Он наш земляк, — пояснил Ши Цян.

В эту эпоху слово «земляк» означало не столько географическое родство, сколько временно!е. Так называли не всех проснувшихся, а только тех, кто лег в анабиоз приблизительно в один и тот же исторический период. Встретившись после долгого сна, соседи во времени ощущали большую близость друг к другу, чем соотечественники по месту рождения.

Ло Цзи и Ши Цян просидели в приемной до половины пятого вечера. Современные высокопоставленные чиновники мало чем отличались от кинозвезд — на выборах побеждали самые привлекательные. Но хозяин этого кабинета красотой не блистал. Он был того же возраста, что и Ши Цян, правда, заметно стройнее. Он также носил очки. По этому атрибуту сразу становилось ясно, что он из проснувшихся — очки вышли из

употребления двести лет назад; исчезли даже контактные линзы. Но тот, кто всю жизнь ходил в очках, без них чувствовал себя неуютно. Многие проснувшиеся, получившие при пробуждении идеальное зрение, продолжали носить очки.

Мэр выглядел безумно усталым, у него даже не нашлось сил встать с кресла. Ши Цян извинился за вторжение и поздравил с повышением, но мэр лишь покачал головой:

— Настали трудные времена, и снова пригодились грубые дикари из прошлого.

— Вы, должно быть, самый высокопоставленный проснувшийся на Земле?

— Как знать? Не исключено, что в дальнейшем наших соотечественников будут назначать и на более высокие посты.

— А что случилось с прежним мэром? Сломался и сбежал?

— Нет-нет. Среди современных тоже бывают крепкие духом. Он отлично знал дело, но два дня назад погиб в автомобильной аварии в районе беспорядков.

Мэр заметил стоявшего позади Ши Цяна Ло Цзи и немедленно протянул ему руку.

— Здравствуйте, доктор Ло! Конечно, я узнал вас. Два столетия назад я вас боготворил. Из той

четверки вы больше всех походили на Отвернувшегося. Я так и не понял, чего вы добивались!

А в следующее мгновение огорошил:

— Вы уже четвертый «спаситель» за последние два дня. За дверьми стоит очередь из десятков других, на которых у меня нет ни времени, ни сил.

— Мэр, Ло Цзи не такой, как они. Двести лет назад…

— Разумеется. Двести лет назад его выбрали из миллиардов человек — поэтому я и согласился вас принять. — Мэр указал на Ши Цяна. — Кроме того, у меня к вам есть дело, но мы обсудим его позже. Давайте сначала услышим, с чем вы пришли. Маленькая просьба: не рассказывайте мне о вашем плане спасения мира. Эти идеи всегда такие многословные… Просто скажите, что требуется от меня.

Когда Ло Цзи и Ши Цян объяснили, мэр сразу же покачал головой.

— Даже если бы я хотел помочь, то не смог бы. У меня самого скопилась куча докладов для высшего руководства. Но даже мое начальство сидит слишком низко. Это руководители провинциального и национального уровня. Сейчас всем трудно. Вы же понимаете, что на их уровне при-

ходится разгребать еще большую кучу проблем.

Ло Цзи и Ши Цян следили за новостями, поэтому знали, на что намекает мэр.

Разгром объединенного флота мгновенно возродил забытые на две сотни лет идеи эскапизма. Европейское Содружество даже подготовило проект отбора ста тысяч кандидатов для Исхода через общенациональную лотерею, и избиратели его одобрили. Но после голосования большинство из тех, кому не досталось билета в космос, устроили крупные беспорядки. Общественное мнение объявило эскапизм преступлением против человечества.

Когда выжившие космические корабли развязали битву Тьмы, обвинение в эскапизме получило новый оттенок. Недавние события доказали, что, если оборвать духовную связь человека с Землей, затерянные в космосе экипажи перестают быть людьми. Даже если Исход удастся осуществить, человеческой цивилизации не выжить. Она превратится в силу зла и мрака. Подобно Трисолярису, такая сила будет противоположна цивилизации Земли и станет ее врагом. Даже придумали термин: «негакультура».

Когда Капля приблизилась к Земле, ажиотаж вокруг эскапизма достиг апогея. В средствах мас-

совой информации предупреждали, что, скорее всего, кто-нибудь постарается ударить прежде, чем Капля нанесет удар. К орбитальным лифтам и космопортам понеслись толпы людей, жаждущих перекрыть все выходы в космос. Это было им безусловно по силам. В эту эпоху оружием мог владеть кто угодно, и почти в каждом доме лежал лазерный пистолет. Конечно, такой пистолет не представлял угрозы для кабины орбитального лифта или взлетающего челнока, но, в отличие от традиционного оружия, много лазеров можно нацелить в одну точку. Если лучи десяти тысяч лазерных пистолетов попадут в одно и то же место, они прорежут что угодно. Вокруг космодромов собирались десятки, сотни тысяч, а порой и миллион человек, и добрая треть из них носила оружие. При виде поднимающейся кабины лифта или разгоняющегося космического аппарата они стреляли одновременно. Луч лазера летит по прямой, облегчая прицеливание. Множество одновременных выстрелов попадало в цель и разносило ее на куски. Сообщение Земли с космосом почти полностью прекратилось.

Дела шли все хуже и хуже. Два дня назад многие стали наводить лазеры на космические поселения, расположенные на геостационарной орбите.

В Интернете появились слухи, что некоторые из них перестраивают в корабли Исхода. Проходя огромное расстояние, лазерные лучи рассеивались и ослабевали; кроме того, поселения вращались, поэтому лазерные атаки не причиняли им вреда. В последние дни они стали неким видом публичного развлечения. Сегодня в полдень Новый Париж, третий космический город Европейского содружества, подвергся одновременной атаке из северного полушария десятью миллионами лазеров. Внутри города резко повысилась температура, и население пришлось эвакуировать. Из орбитального поселения Земля казалась сияющей ярче Солнца.

Вот почему Ло Цзи и Ши Цяну было нечего сказать.

— Я восхищен вашей работой в Бюро иммиграции проснувшихся, — обратился мэр к Ши Цяну. — И Го Чжэнмин тоже. Вы ведь с ним знакомы? Он недавно пошел на повышение — его назначили на пост директора Бюро общественной безопасности. Он вас очень рекомендовал. Я надеюсь, что вы решите работать с нами. Такие люди, как вы, сейчас очень нужны.

Ши Цян на мгновение задумался, а потом кивнул:

— Сначала наведу порядок в своем районе. Как идут дела в городе?

— Все хуже, но пока что мы контролируем ситуацию. Сейчас концентрируемся на бесперебойной работе генераторов индукционного поля. Если только они остановятся, весь город рухнет.

— Это не те беспорядки, с которыми мы встречались в былые времена.

— Не те. Прежде всего у них иная причина. Люди утратили веру в будущее; их очень трудно остановить. В то же время в нашем распоряжении лишь ограниченные средства. — Мэр включил настенный видеоэкран. — Вот центральная площадь с высоты в сто метров.

На этой площади Ло Цзи и Ши Цян укрывались от нападения летающего автомобиля. С высоты, на которой располагалась камера, было невозможно увидеть ни мемориал Великой пади, ни окружающий его участок пустыни. Вся площадь предстала морем белого цвета, в котором, подобно зернам риса в котле, бурлили светлые точки.

— Это люди? — удивленно спросил Ло Цзи.

— Обнаженные люди. На площади идет оргия. Уже собралось больше ста тысяч, и постоянно подходят новые.

В эту эпоху полагалось воспринимать как долж-

ное и гетеросексуальные, и гомосексуальные отношения, а также многое другое, чего Ло Цзи не мог даже себе представить. Теперь это считалось нормой. Но тем не менее происходящее на площади напомнило ему библейское повествование о разврате, случившемся прежде, чем человечество обрело Десять заповедей. Воистину наступил Судный день…

— Почему правительство не пресечет эти безобразия? — сурово спросил Ши Цян.

— А что мы можем поделать? Они не нарушают никаких законов. Сделай мы хоть что-нибудь — и преступником окажется правительство.

Ши Цян глубоко вздохнул:

— Понимаю. В это время у полиции и армии мало полномочий.

— Мы перелистали все своды законов, но не нашли ничего подходящего, — пояснил мэр.

— М-да, ну и город… Не жалко будет, если Капля разнесет его в клочки.

Ло Цзи вздрогнул, услышав слова Ши Цяна, и спросил:

— Сколько осталось времени до падения Капли?

Мэр переключил видеоканал на выпуск новостей. Сцену разврата сменила модель Солнечной

системы. Траектория Капли, похожая на орбиту кометы, ярко светилась красным и обрывалась недалеко от Земли. В нижней части экрана мерцали цифры обратного отсчета. Если Капля не сбросит скорость, она достигнет Земли через четыре часа и пятьдесят четыре минуты.

Бегущей строкой передавали экспертный анализ. Несмотря на охвативший планету страх, ученые быстро справились с потрясением от разгрома флота, поэтому мнение специалистов было спокойным и рациональным. Человечество по-прежнему не понимало, ни какая энергия приводит зонд в движение, ни какой тип двигателя. Но ученые полагали, что Капля испытывает трудности с источником энергии — покинув зону уничтожения флота, она долго и медленно разгонялась к Земле. Зонд прошел рядом с Юпитером, но, не обращая внимания на три корабля, оставшихся на базе флота, осуществил разгон гравитационным маневром. Специалисты сочли, что запасы топлива на Капле подходят к концу. Ученые продолжали утверждать, что атака Земли зондом — полная чушь, но в то же время не предлагали никакого другого объяснения.

— Мне пора идти, а то город и в самом деле уничтожат, — сказал Ло Цзи.

— О чем вы? — спросил мэр.

— Он думает, что Капля охотится именно на него, — пояснил Ши Цян.

Мэр рассмеялся, но улыбка получилась натянутой. По-видимому, он уже давно не смеялся.

— Доктор Ло, вы неисправимый эгоцентрист!

* * *

Ло Цзи и Ши Цян поднялись на поверхность и сели в машину. Жители города образовали нескончаемый поток; из-за заторов потребовалось полчаса, чтобы выбраться из центра и разогнаться по трассе, ведущей на запад.

Экран автомобильного телевизора сообщал, что Капля движется к Земле со скоростью семьдесят пять километров в секунду и эта скорость не снижается. Зонд достигнет планеты через три часа.

Электромагнитное поле, снабжающее автомобиль энергией, стало ослабевать, и машина снизила скорость. Ши Цян подключил резервный аккумулятор. Они приблизились к городкам проснувшихся, но проехали мимо Новой Жизни-5 и продолжили движение на запад. Водитель и пассажир большей частью молчали и следили за новостями на экране.

Капля без каких-либо признаков торможения пересекла орбиту Луны. До Земли ей оставалось полчаса. Никто не мог предсказать, как поступит зонд, поэтому для предупреждения паники расчетную точку столкновения в новостях не сообщали.

Ло Цзи собрался с духом и сделал то, что старался изо всех сил отсрочить. Он произнес:

— Да Ши, остановись.

Ши Цян остановил машину, и они вышли. Солнце уже коснулось горизонта, и фигуры друзей отбрасывали длинные тени на песок. Ло Цзи показалось, что почва под ногами стала такой же мягкой, как его сердце. Он с трудом держался на ногах.

— Я постараюсь отъехать подальше от населенных мест, — произнес Ло Цзи. — Там, впереди, город, поэтому я поверну сюда. Тебе со мной нельзя. Возвращайся.

— Кореш, я подожду тебя здесь. А когда все кончится, вместе поедем обратно.

Ши Цян достал из кармана сигарету и какое-то время искал зажигалку, пока не вспомнил, что эти сигареты в огне не нуждаются. Его привычки, как и многое другое, пришедшее с ним из прошлого, нисколько не изменились.

Ло Цзи грустно улыбнулся. Он надеялся, что Ши Цян верит своим словам — так легче распрощаться.

— Если хочешь, подожди. Но когда придет время, укройся за барханом. Я не знаю, насколько сильной окажется взрывная волна.

Ши Цян улыбнулся и покачал головой:

— Ты напоминаешь мне одного умника, с которым мне довелось встретиться двести лет назад. У него было такое же виноватое выражение лица. Помню, он как-то на рассвете сидел возле церкви на улице Ванфуцзин и рыдал… Потом все устроилось. Я даже проверил, когда меня разбудили: он прожил без малого сто лет.

— А тот, кто первым коснулся Капли, Дин И? Я припоминаю, что вы тоже были знакомы.

— Он искал смерти. С этим ничего не поделаешь. — Ши Цян поднял глаза к закатному небу, будто вспоминая физика. — Но он славился широким кругозором. Мог справиться с любой ситуацией. Я не встречал другого такого за всю мою жизнь. Я не шучу, он был гением. Вот у кого бы тебе поучиться!

— А я тебе повторяю: мы обычные люди, ты и я. — Ло Цзи взглянул на часы, чувствуя, что времени уже не остается. Он решительно протянул

Ши Цяну руку: — Да Ши, спасибо за все, что ты для меня сделал за последние два века! Прощай. Может быть, мы и свидимся где-то в другом месте.

Ши Цян не принял его руки, а просто махнул:

— Брось нести чепуху! Поверь, парень, ничего не случится. Иди, а когда все кончится, поспеши обратно и забери меня. И не обижайся, если я вечером за рюмкой буду тебя подкалывать!

Ло Цзи поспешно сел в машину; он не хотел, чтобы Ши Цян увидел стоявшие в его глазах слезы. Отвернувшийся постарался запечатлеть в памяти отражение друга в зеркале заднего вида, а потом нажал на газ и отправился в свою последнюю поездку.

Возможно, они снова встретятся где-нибудь. Такое уже случалось; их разлучило на два столетия. Сколько же выпадет на этот раз? Подобно Чжан Бэйхаю двести лет назад, Ло Цзи внезапно возненавидел свой атеизм.

Солнце уже зашло, и в сумерках пустыня вдоль дороги стала белой как снег. Ло Цзи неожиданно понял, что именно по этой дороге два столетия назад он катался на «Аккорде» со своей воображаемой возлюбленной. Тогда равнины Северного Китая скрывались под слоем настоящего снега. Он ощутил, как ее волосы развеваются на ветру и

щекочут ему лицо.

«Нет, нет! Не говори, где мы! Как только мы узнаем, где находимся, огромный мир сужается до карты. А когда это неизвестно, он кажется бесконечным».

«Ладно. Тогда постараемся потеряться».

У Ло Цзи всегда было ощущение, что Чжуан Янь и Сяся — плод его воображения. Как только он вспомнил о них, кольнуло в сердце — в эту минуту любовь и тоска по семье отозвались в нем мучительной болью. Из глаз покатились слезы. Ло Цзи старался ни о чем не думать, но прекрасные глаза Яньянь упрямо возникали перед его мысленным взором, а в ушах стоял заразительный смех Сяся. Ему ничего не оставалось, как сосредоточиться на экране телевизора.

Капля проскочила точку Лагранжа[117] и, не снижая скорости, продолжала лететь к Земле.

Ло Цзи остановил машину в подходящем, по его мнению, месте — на границе между равниной и горами. Нигде не было видно ни зданий, ни людей. Автомобиль стоял в долине, окруженной полукольцом гор. Они поглотят часть ударной

---

[117] Примечания: 117

Точки Лагранжа — пять точек, в которых небольшой объект, находящийся лишь под влиянием гравитации, может оставаться неподвижным относительно двух массивных тел. (*Прим. Дж. М.*)

волны. Ло Цзи вытащил телевизор из машины, поставил на песок, и сам присел рядом.

Капля пересекла геосинхронную орбиту — 34 тысячи километров — недалеко от космического поселения Новый Шанхай. Все обитатели следили за яркой точкой, мгновенно пересекшей их небо. В новостях сообщили, что через восемь минут зонд врежется в Землю.

Наконец, предсказали точку падения Капли — к северо-западу от столицы Китая.

Ло Цзи и так это знал.

Сгустились сумерки; светился лишь небольшой участок неба на западе, будто глаз без зрачка, бесстрастно взирающий на мир.

Чтобы скоротать оставшееся время, Ло Цзи стал вспоминать свою жизнь.

Она делилась на две совершенно непохожие части. Период в роли Отвернувшегося растянулся на два века, но ощущался плотно сжатым массивом времени. Он перебирал воспоминания, как будто все случилось вчера. И все же у него было ощущение, что эту часть жизни прожил не он, а кто-то другой, и любовь, казалось бы, неотделимая от его существа, тоже случилась не с ним. Мимолетная греза. Он боялся вспоминать о жене и дочке.

Неожиданно Ло Цзи понял, что от воспоминаний раннего периода жизни — прежде чем он стал Отвернувшимся — почти ничего не осталось. В голове всплывали лишь отдельные фрагменты, и чем дальше он забирался, тем меньше мог выудить из памяти. Он и в самом деле учился в школе? У него и вправду была первая любовь? На некоторых воспоминаниях остались заметные царапины — доказательство того, что события произошли в действительности. Образы были яркие и четкие, но ощущения бесследно пропали. Прошлое, подобно пригоршне песка, вытекло между пальцев. Река памяти давным-давно пересохла, и в ее безжизненном русле не осталось ничего, кроме мелкого мусора. Он жил, от одного добра постоянно выискивая другого, а когда чего-то добивался, то что-то терял. И теперь у него почти ничего не осталось.

Он обвел взглядом погруженные в сумрак горы и вспомнил, как однажды, более двухсот лет назад, провел ночь в этих местах. «За последние сотни миллионов лет горы устали стоять и прилегли отдохнуть, придавленные временем и солнцем», как однажды выразилась его воображаемая подружка. Города и поля Северного Китая уже давно превратились в пустыню, но

горы ничуть не изменились. Они так и стояли, невзрачные на вид, и из расщелин в сером камне, как двести лет назад, так же скупо, но упорно, пробивались чахлая трава и плющ. Для гор два века — одно мгновение.

Если бы у гор были глаза и они взглянули на мир человека, что бы они увидели? Наверное, что-то мимолетное, мелькнувшее посреди неспешного дня. Сначала на равнине появились несколько маленьких существ. Потом их стало больше; они принялись строить сооружения наподобие муравейников и заполнили ими всю округу. Из построек выбивался свет, а из некоторых — дым. Потом и свет, и дым, и мелкие существа исчезли, а сооружения развалились и погрузились в песок. Вот и все. Горы многое повидали; эпоха человека не представилась бы им чем-то особенно интересным.

Наконец, Ло Цзи добрался до самых ранних воспоминаний. Он с удивлением обнаружил, что его жизнь, насколько он ее помнил, началась тоже на песке. Это происходило в доисторическую эпоху его жизни, в давно забытом месте, и его окружали люди, которых он не мог вспомнить. Но он четко помнил песчаный берег реки. В небе висела полная луна, река мерцала в лунном

свете. Он ковырялся в песке. Когда он выкопал ямку, в нее просочилась вода, и в озерце засияла маленькая луна. Он копал ямки одну за другой, и в каждой вспыхивала крохотная луна.

Это было его самое первое воспоминание. Память не сохранила более ранних событий.

В ночной темноте лишь экран телевизора освещал небольшой участок песка.

Ло Цзи усердно старался выдавить все мысли из своего разума. Кожу на голове свело; Отвернувшемуся почудилось, что его придавила громадная ладонь размером с небо.

А потом ладонь медленно ослабила давление и убралась восвояси.

На высоте двадцати тысяч километров Капля поменяла курс и полетела прямо в Солнце.

На экране телевизора репортер закричал:

— Всему северному полушарию — внимание! Всему северному полушарию — внимание! Капля ярко сияет, и ее можно увидеть невооруженным глазом!

Ло Цзи посмотрел в небо. И в самом деле, он увидел зонд. Капля светилась не очень ярко, но ее легко было узнать по скорости движения. Она пересекла небосвод подобно метеору и исчезла на западе.

Затем Капля снизила скорость по отношению к Земле до нуля и остановилась в точке на удалении в полтора миллиона километров. В точке Лагранжа. Это означало, что зонд застыл в неподвижности между Солнцем и Землей и может там оставаться сколь угодно долго.

Ло Цзи догадывался, что должно произойти что-то еще. Он остался сидеть на песке. Горы, эти окружившие его почтенные старики, молча дожидались вместе с ним. Казалось, будто они защищают Отвернувшегося. Какое-то время в новостях не сообщали никакой существенной информации. Мир нервно ожидал, пока не понимая, избежал он катастрофы или нет.

Прошло десять минут, но ничего не происходило. Телескопы землян подтвердили, что Капля не движется, что ореол двигателя вокруг хвоста погас и что округлый передний конец зонда ориентирован на Солнце, яркие лучи которого отражались от зеркальной поверхности Капли. Казалось, треть корпуса зонда охвачена огнем. Ло Цзи подумал, что между Каплей и Солнцем установилась какая-то неведомая связь.

Картинка на экране телевизора внезапно пошла волнами, в динамиках раздался треск. Ло Цзи заметил, что природа тоже что-то почув-

ствовала: с горного склона рванулась в небо стая птиц, а поодаль залаяла собака. Ло Цзи ощутил покалывание на коже — а может быть, это ему просто почудилось.

Через несколько секунд телепередача полностью восстановилась. Впоследствии узнали, что помехи так и не прекратились; электроника систем связи всего лишь автоматически настроилась их отсеивать. С датчиков наблюдения шел нескончаемый поток измерений. Ученым потребовалось не менее десяти минут на обработку данных.

Капля непрерывно генерировала радиолуч высокой интенсивности, направленный прямо в Солнце. Мощность излучения превышала пороговое значение, а спектр сигнала перекрывал все диапазоны, на которых Солнце могло усиливать радиоволны.

Ло Цзи сначала захихикал, а потом стал хохотать до тех пор, пока не закашлялся. И в самом деле, он придавал слишком много значения своей персоне! Стоило бы давно догадаться. Ло Цзи не был важен; важно было Солнце. С этой минуты человечество больше не могло пользоваться звездой как сверхмощным усилителем, чтобы посылать сигналы во Вселенную.

Капля заблокировала этот канал связи.

— Ха! Вот видишь, парень, ничего не случилось! Надо было заключить пари! — раздался вдруг голос Ши Цяна. Да Ши поймал попутку, вернулся и отыскал друга.

Ло Цзи почувствовал слабость, как будто из него вынули стержень. Он опустился на не остывший еще песок. Лежать было приятно.

— Верно, Да Ши. Теперь мы можем жить, как пожелаем. Все кончено.

* * *

— Кореш, я больше не буду помогать тебе со штучками Отвернувшихся, — заявил Ши Цян на обратном пути. — От этой работы умом тронешься. С тобой только что случился очередной припадок.

— Надеюсь, что так, — ответил Ло Цзи. Еще вчера в небе горели звезды; а сейчас сквозь окна автомобиля не разглядеть ни одной. Лишь черная пустыня и ночное небо сходились воедино на горизонте. Перед автомобилем расстилался освещенный фарами участок дороги. Весь мир был как мысли Ло Цзи: повсюду черным-черно, и лишь одна деталь видна потрясающе четко и ясно.

— А знаешь, можно запросто вернуть твою съехавшую крышу на место. Чжуан Янь и Сяся уже скоро разбудят. Впрочем, не знаю — не исключено, что из-за волнений пробуждение отложили. Но даже если и так, то ненадолго. Общественный порядок наверняка вскоре восстановят. Оставшегося времени хватит на несколько поколений. Ты вроде бы сказал, что теперь можешь жить как обычный человек?

— Завтра же пойду в Бюро иммиграции проснувшихся.

Слова Ши Цяна расцвели ярким цветком в серой пустыне разума Ло Цзи. Возможно, встреча с женой и дочкой — его единственный шанс на спасение.

Но человечеству надеяться было не на что.

Когда они уже приблизились к Новой Жизни-5, Ши Цян резко затормозил.

— Что-то не так. — Он вглядывался сквозь лобовое стекло. Ло Цзи проследил его взгляд и заметил отблески в небе. Внизу что-то ярко светилось, но из-за высоких барханов вдоль дороги они не видели, что это такое. Источник света перемещался и не был похож на свет жилых кварталов.

Когда машина повернула с трассы, перед ними предстала странная, незабываемая картина.

Весь участок пустыни между дорогой и Новой Жизнью-5 сиял огнями, словно море светлячков. Через мгновение Ло Цзи сообразил, что это огромная толпа. Все они прибыли из подземного города, и светилась их одежда.

Когда машина подъехала к толпе поближе, люди стали прикрывать глаза ладонями, защищаясь от света фар. Ши Цян выключил фары. Перед автомобилем выросла странная, многоцветная людская стена.

— Сдается мне, они кого-то поджидают. — Ши Цян бросил взгляд на Ло Цзи. Тот внутренне напрягся. Ши Цян остановил машину и приказал: — Оставайся внутри и не шевелись. Пойду узнаю.

Он вышел из автомобиля и направился к толпе. Коренастая фигура Ши Цяна темным силуэтом выделялась на фоне светящейся стены людей. Ло Цзи следил, как тот шагает к собравшимся, обменивается с ними парой слов, оборачивается и идет обратно.

— Оказывается, они ждут тебя. Иди. — Ши Цян облокотился на дверцу машины. Заметив выражение на лице Ло Цзи, он заверил: — Успокойся. Все нормально.

Ло Цзи вылез из машины и направился к толпе.

Он уже привык к электронной одежде современных людей, однако здесь, в пустыне, ему показалось, что он идет навстречу Иным. Но когда он подошел ближе и разглядел их лица, его сердце забилось чаще.

Когда Ло Цзи вывели из анабиоза, первым делом он узнал, что у толпы любой эпохи есть свое особенное лицо. Разница настолько очевидна, что не составляет труда отличить современного человека от недавно разбуженного проснувшегося. Но Ло Цзи не мог сообразить, к какой эпохе относятся стоящие перед ним люди. Их лица не подходили ни к современной эпохе, ни к XXI веку. Он чуть было не замер на месте от страха; лишь из доверия к Ши Цяну Ло Цзи продолжал неуверенно шагать вперед.

Подойдя ближе, он остановился, потому что разглядел, какие именно картинки украшают одежду собравшихся.

Это были изображения Ло Цзи — фотографии и видеоклипы.

Став Отвернувшимся, Ло Цзи редко появлялся перед камерами, и история сохранила не так уж много его изображений. На одежде поджидающих его людей светилась практически полная коллекция. Кое-кто даже отыскал еще более

ранние фотографии — с того времени, когда он еще не был Отвернувшимся. Картинки в одежду загружали через Интернет, а это значило, что все эти снимки лежат в Сети. Ло Цзи отметил, что это оригиналы, а не модный в эти дни художественный гротеск, — следовательно, их выложили только что и обработать на компьютере просто не успели.

Когда Ло Цзи остановился, толпа двинулась навстречу. Первые ряды подошли на два-три метра и остановились, сдерживая остальных, а потом пали на колени. Стоящие позади них также начали становиться на колени, одна волна светящихся фигур за другой, разбегающиеся в ночи.

— Владыка, спаси нас! — вскричал кто-то. Эти слова отдались звоном в ушах Ло Цзи.

— О Господи, спаси наш мир!

— Великий посланник, стань рукой закона во Вселенной!

— Ангел правосудия, спаси человечество!

К Ло Цзи подошли двое. Одного он узнал сразу — это был Хайнс; его одежда не светилась. Другой оказался военным; на его форме тлели нашивки и ордена.

Хайнс торжественно обратился к Ло Цзи:

— Доктор Ло, я назначен вашим помощником по

связи с Комитетом ООН по делам Отвернувшихся. Информирую вас, что проект «Отвернувшиеся» возобновлен и вы назначены единственным Отвернувшимся.

Следующим заговорил военный:

— Я Бен Джонатан, специальный уполномоченный Конгресса космических флотов. Мы встречались раньше, сразу после вашего пробуждения. Мне предписано сообщить, что Азиатский флот, Европейский флот и Североамериканский флот согласны с восстановлением действия закона об Отвернувшихся и признают ваш статус.

Хайнс указал на коленопреклоненную толпу:

— В глазах народа вы едины в двух лицах. Для верующих вы ангел правосудия. Для неверующих вы представитель справедливой, более развитой цивилизации Млечного Пути.

Все затаили дыхание и неотрывно смотрели на Ло Цзи. Он немного подумал и остановился на единственной возможности:

— Заклинание сработало? — предположил он.

Хайнс и Джонатан кивнули. Хайнс пояснил:

— 187J3X1 уничтожена.

— Когда это произошло?

— Пятьдесят один год назад. Свет взрыва дошел до нас год назад, но эта звезда никого не интере-

совала. Событие обнаружили только сегодня, во второй половине дня. Несколько отчаявшихся сотрудников ККФ решили поискать вдохновения в истории. Они вспомнили о проекте «Отвернувшиеся» и вашем заклинании. Взглянули на 187J3X1 и нашли вместо нее лишь облако пыли. Тогда они перебрали все предшествующие наблюдения вплоть до ее уничтожения год назад и сделали подборку снимков 187J3X1 в момент взрыва.

— А как они определили, что звездная система разрушена преднамеренно?

— Вы знаете, что 187J3X1 была стабильной звездой, наподобие Солнца. Она не могла стать новой. Кроме того, снимки запечатлели ее уничтожение. В звезду попал крохотный объект, движущийся почти со скоростью света. Его назвали «фотоидом» и проследили его траекторию по следам, оставленным в фотосфере звезды. Незначительный объем фотоида компенсировался невероятно высокой релятивистской массой, учитывая околосветовую скорость. К моменту столкновения масса фотоида достигла одной восьмой от массы цели. Звезда мгновенно разрушилась. Все четыре планеты испарились в пламени взрыва.

Ло Цзи поднял глаза в темное ночное небо.

На нем практически не было звезд. Он зашагал вперед. Толпа молча расступалась перед ним и сходилась позади. Люди старались приблизиться, как продрогший человек тянется к теплу, но уважительно оставляли вокруг Отвернувшегося свободное пространство — кружок тени посреди океана света, подобно глазу урагана. Один человек пробился вперед и рухнул на землю прямо перед Ло Цзи. Тот остановился, а человек принялся целовать его ноги. В круг протолкались еще несколько, намереваясь последовать примеру. Когда ситуация чуть было не вышла из-под контроля, из толпы раздались окрики, и нарушители спокойствия ретировались.

Ло Цзи побрел вперед, но понял, что не знает, куда идет. Он остановился, углядел в толпе Хайнса и Джонатана и подошел к ним.

— И что мне теперь делать? — спросил Ло Цзи.

— Вы Отвернувшийся, поэтому можете делать все, что угодно — в рамках закона об Отвернувшихся, — с поклоном ответил Хайнс. — Закон по-прежнему налагает на вас ограничения, но на практике вам доступны все ресурсы Земного конгресса.

— И ресурсы Конгресса космических флотов, — добавил Джонатан.

Ло Цзи немного подумал и сообщил:

— Прямо сейчас мне ресурсы не нужны. Но раз мои привилегии восстановлены…

— Даже не сомневайтесь, — заверил Хайнс. Джонатан кивнул.

— Тогда я потребую следующее. Во-первых, следует установить порядок во всех городах и вернуться к нормальному образу жизни. В этом требовании нет ничего особенного, как вы понимаете.

Все кивнули. Кто-то прошептал:

— Тебя слушает весь мир, Господи!

— Верно, нас слышит весь мир, — подтвердил Хайнс. — Понадобится какое-то время, чтобы восстановить спокойствие, но с вами наша вера в успех крепка. — Эти слова эхом отозвались в толпе.

— Второе. Всем разойтись по домам. Оставьте это место в покое. Благодарю!

Услышав это, толпа притихла, но вскоре зашумела, передавая слова Отвернувшегося стоящим дальше. Народ стал расходиться — поначалу медленно и неохотно, а потом быстрее и быстрее. Автомобили один за другим поехали в сторону города. Многие шли пешком; их ночная процессия походила на длинную цепочку фосфоресцирую-

щих муравьев.

А потом равнина опустела. На истоптанном песке остались четверо: Ло Цзи, Ши Цян, Хайнс и Джонатан.

— Мне стыдно за себя прежнего, — признался Хайнс. — Человеческой цивилизации всего пять тысяч лет, но мы научились высоко ценить жизнь и свободу. Во Вселенной наверняка есть цивилизации, которым миллиарды лет. Какой моралью они руководствуются? Есть ли вообще смысл в таком вопросе?

— И мне стыдно за себя. В последние дни я даже усомнился в Боге, — подхватил Джонатан. Он увидел, что Хайнс хочет вставить слово, и жестом остановил его. — Нет, друг мой, возможно, мы говорим об одном и том же.

Прослезившись, они обнялись.

— Ну вот, джентльмены, — похлопал их по спинам Ло Цзи. — Теперь вы можете возвращаться. Если вы мне понадобитесь, я вас найду. Спасибо!

Хайнс и Джонатан пошли к дороге, поддерживая друг друга будто счастливая семейная пара, а Ло Цзи смотрел им вслед. Теперь остались лишь он и Ши Цян.

— Да Ши, хочешь что-нибудь сказать? — Ло Цзи с улыбкой повернулся к Ши Цяну.

Потрясенный Ши Цян стоял столбом, будто ему показали невероятный фокус.

— Кореш, я вообще ничего не понимаю!

— Что? Ты не веришь, что я ангел правосудия?

— Черта с два, хоть выпусти из меня все кишки!

— А как насчет посланника высокоразвитой цивилизации?

— Получше, чем ангел, но если честно, то и в это не верю. Никогда не считал тебя чьим-то посланником.

— А ты веришь во вселенскую справедливость и правосудие?

— Не знаю…

— Но ты же полицейский!

— Сказал же, не знаю! Я ни черта теперь не понимаю!

— Ну тогда ты единственный трезвомыслящий среди нас.

— А ну-ка расскажи мне об этом вселенском правосудии!

— Хорошо. Пошли! — И Ло Цзи зашагал прямо в пустыню; Ши Цян следовал за ним. Они долго шли, а потом пересекли шоссе.

— Куда мы идем? — спросил Ши Цян.

— Туда, где темнее всего.

* * *

Перейдя дорогу и отгородившись барханами от огней поселка, они на ощупь выбрали место и присели на занесенную песком землю.

— Ну что ж, начнем, — прозвучал в темноте голос Ло Цзи.

— Дай мне версию попроще. Мои мозги ничего сложного не воспримут.

— Да Ши, тут нет ничего сложного. Правда весьма проста. Это одна из тех загадок, когда слышишь ответ и удивляешься, почему не догадался сам. Ты знаешь, что такое аксиома в математике?

— В школе нам преподавали геометрию. «Через две точки можно провести только одну прямую», и все такое.

— Ну да. Теперь мы определим две аксиомы космической цивилизации. Первая: выживание является основной потребностью цивилизации. Вторая: цивилизация непрерывно растет и расширяется, но общий объем вещества во Вселенной остается неизменным.

— А дальше?

— Это все.

— Все? Ну, это, в общем, просто. Но что отсюда вытекает?

— Ты можешь догадаться, кто убийца, по пуле или по капле крови. Космическая социология способна вывести из этих двух аксиом полную картину галактической, космической цивилизации. Вот так работает наука, Да Ши. Основы практически любой отрасли знаний весьма просты.

— Выведи тогда что-нибудь.

— Для начала давай поговорим о битве Тьмы. Ты поверишь, если я заявлю, что «Звездолеты Земли» были космической цивилизацией в миниатюре?

— Нет. На «Звездолетах Земли» не хватало ресурсов — запчастей и топлива. А во Вселенной их навалом. Вселенная большая.

— Ошибаешься. Вселенная велика, но жизнь еще больше! В этом заключается смысл второй аксиомы. Объем вещества во Вселенной неизменен, но жизнь разрастается по экспоненте. Экспонента — это математический чертик из табакерки. Скажем, есть в океане одна бактерия, и она делится надвое каждые полчаса. Через несколько дней ее потомки заполнят весь океан, если хватит пищи. Не меряй цивилизации меркой Земли или Трисоляриса. Эти две цивилизации пока еще совсем младенцы, в самом начале

пути. Как только цивилизация перешагивает некий технологический порог, она с пугающей скоростью начинает распространяться по Вселенной. Возьми, например, сегодняшнюю скорость земного космического корабля. На такой скорости земляне за миллион лет заполнят собой всю Галактику. А миллион лет — ничто в масштабе Вселенной.

— Так ты утверждаешь, что в далеком будущем всей Вселенной сдадут… как это называется в картах… — «мертвую руку»?

— Незачем заглядывать в далекое будущее. Вселенная держит «мертвую руку» прямо сейчас. Как сегодня предположил Хайнс, цивилизация могла зародиться миллиарды лет назад. По всем признакам Вселенная наверняка уже заполнена до отказа. Кто знает, сколько свободных планет осталось в Млечном Пути, сколько природных ресурсов?

— Но этого ведь не может быть! Вселенная кажется пустой. Мы не встречались с инопланетной жизнью, за исключением Трисоляриса.

— Вот об этом теперь и побеседуем. Дай-ка закурить. — Ло Цзи пошарил рукой в темноте и вскоре наткнулся на руку товарища с зажатой в ней сигаретой. Когда Ло Цзи заговорил снова,

Ши Цян понял, что тот передвинулся на три или четыре метра в сторону. — Хочу, чтобы ты все видел в космическом масштабе.

Ло Цзи зажег сигарету, покрутив фильтр, Ши Цян сделал то же самое. Во мраке ночи друг перед другом зависли две крохотные красные планеты.

— Вот. Теперь построим простейшую модель космической цивилизации. Наши два огонька означают населенные планеты. Представь себе, что кроме них в нашей модели Вселенной больше ничего нет. Представил?

— Ну да. В такой тьме — запросто.

— Назовем эти два мира «твоя цивилизация» и «моя цивилизация». Их разделяет значительное расстояние — скажем, сто световых лет. Ты можешь определить, что моя цивилизация существует, а я даже не догадываюсь о тебе.

— Ладно.

— А теперь мы определим два типа отношений между цивилизациями: «дружественные» и «враждебные». Эти слова можно понимать по-разному, поэтому как ученые уточним: дружественная цивилизация не пытается напасть первой и уничтожить другие цивилизации. А враждебная — наоборот.

— Хорошенькое же у тебя определение друж-

бы!

— Теперь подумай, какие у тебя есть варианты отношений со мной. Не забудь про аксиомы космической цивилизации, про расстояние и про тот факт, что цивилизации разделены космическим пространством.

— Допустим, я решил установить с тобой связь.

— Если ты так поступишь, то заплатишь разглашением факта своего существования.

— Верно. Во Вселенной это не мелочь.

— Разгласить существование тоже можно по-разному. Самые важные сведения — это точные межзвездные координаты. За ними следует общее направление на планету; а в самом конце находится лишь факт твоего существования. Но если я получу даже минимум информации, я могу начать тебя искать. Если ты смог обнаружить меня, то и я смогу обнаружить тебя. Это лишь вопрос времени, требующегося для развития технологии до нужного уровня.

— Но, парень, я могу рискнуть и все же связаться с тобой. Если твоя цивилизация окажется враждебной — что ж, мне не повезло. А если дружественной, то мы продолжим разговор и в будущем объединимся в одну цивилизацию, тоже дружественную.

— Отлично, Да Ши! Мы подходим к сути. Давай вернемся к аксиомам. Даже если я дружественная цивилизация, могу ли я, получив от тебя первый сигнал, узнать, друг ты мне или враг?

— Конечно же, нет. Иначе окажется нарушена первая аксиома.

— Так что же мне следует сделать, когда я получу твое сообщение?

— Естественно, тебе надо определить, друг я или враг. Если враг, то тебе следует напасть на меня и уничтожить. Если друг, то продолжить общение.

Огонек Ло Цзи поднялся и стал двигаться туда-сюда. По-видимому, Отвернувшийся встал и принялся ходить.

— На Земле это сработает — но не во Вселенной. Теперь введем новый термин: цепочка подозрений.

— Что за странное выражение!

— Поначалу это все, что у меня было. Мне не объяснили, что означает этот термин. Впоследствии я догадался сам.

— Кто не объяснил?

— Потом скажу. Продолжим. Если ты считаешь, что я друг, не думай, однако, что ты в безопасности. Из первой аксиомы следует, что

дружественная цивилизация не может предсказать, является ли любая другая цивилизация дружественной. Ты не знаешь, кем я тебя считаю — другом или врагом. Далее, если даже ты знаешь, что я записал тебя в друзья, и если я также знаю, что ты думаешь, что я друг, я не могу знать, что ты думаешь о том, что я думаю о том, что ты думаешь обо мне. Запутанно, не так ли? Мы дошли лишь до третьего уровня, но рассуждения продолжаются бесконечно.

— Понял.

— Вот это и называется цепочкой подозрений. На Земле мы с ними не сталкиваемся. Мы все люди, наши культуры схожи, мы живем на одной планете, настолько близко друг к другу, что цепочка подозрений растет до первого или второго уровня, а потом обрывается из-за обмена информацией. Но в космосе возможны очень длинные цепочки подозрений. Нечто наподобие битвы Тьмы разразится прежде, чем стороны убедят друг друга в самых лучших намерениях.

Ши Цян затянулся; тлеющий кончик сигареты на мгновение осветил его задумчивое лицо.

— Похоже, битва Тьмы может нас многому научить.

— Правильно. Пять кораблей «Звездолетов

Земли» образовали квазикосмическую цивилизацию; не истинно космическую, потому что состояли из одной расы — людей, близких друг к другу. Но даже в этом случае, как только им сдали «мертвую руку», зародилась цепочка подозрений. Если же взять настоящие космические цивилизации, они могут разниться биологически на уровне царства[118], а различия в культуре даже представить себе невозможно. Прибавь к тому громадные расстояния, которые их разделяют, и получишь несокрушимые цепочки подозрений.

— Значит, не имеет значения, дружественные мы цивилизации или враждебные? Результат будет один и тот же?

— Да. Это основной вывод из цепочки подозрений. Он никак не связан с самой цивилизацией, ее моралью и общественным устройством. Достаточно считать цивилизации точками на концах цепочки. Неважно, дружественны или враждебны цивилизации сами по себе — как только они запутаются в паутине цепочек подозрений, они становятся одинаковыми.

— Но если ты слабее, ты для меня неопасен. Тогда я могу послать тебе сообщение. Верно?

---

[118] Примечания: 118

Царство — иерархическая ступень научной классификации биологических видов. (*Прим. перев.*)

— Не сработает и это. Ввожу второй ключевой термин: технологический взрыв. Его мне тоже не объяснили, но разобраться с ним оказалось легче. Человеческой цивилизации пять тысяч лет, а жизни на Земле — несколько миллиардов. Но современную технологию создали за триста лет. В масштабе Вселенной это не развитие — это взрыв! Это бомба, заложенная в каждой цивилизации. Как только зажгут фитиль — по собственной инициативе или под давлением внешних факторов, — бомба взорвется. Земле потребовалось триста лет, но почему мы должны быть быстрее других космических цивилизаций? Возможно, найдутся цивилизации, которые соображают быстрее нас. Я слабее тебя, но как только получу сообщение, между нами протянется цепочка подозрений. Если в какой-то момент у меня произойдет технологический взрыв, я стану сильнее тебя. По меркам Вселенной, несколько сотен лет — всего лишь мгновение. Может даже статься, что бомбу моего технологического взрыва подожжет полученное от тебя сообщение. Следовательно, даже если я новорожденная или развивающаяся цивилизация, я для тебя опасен.

Ши Цян несколько секунд рассматривал тлеющую сигарету Ло Цзи, а потом взглянул на свою:

— Значит, мне лучше заткнуться и помалкивать.

— Думаешь, поможет?

Оба затянулись. Сигареты вспыхнули и осветили проявившиеся из темноты задумчивые лица богов этой простой воображаемой вселенной.

— Нет, не поможет, — ответил Ши Цян. — Допустим, ты сильнее меня. Тогда, если *мне* удалось обнаружить тебя, то рано или поздно *ты* обнаружишь меня — и образуется цепочка подозрений. А если ты слабее меня, то у тебя в любой момент может случиться технологический взрыв, и тогда ты станешь сильнее. В итоге для меня опасно и сообщать о себе, и позволять тебе продолжать существование. Любой из этих вариантов нарушит первую аксиому.

— Да Ши, ты отлично соображаешь!

— Пока да, но мы ведь только начали.

Ло Цзи долго хранил молчание. Пару раз он затягивался сигаретой, и тогда его лицо проступало из темноты. Затем он ответил:

— Нет, старина. Наши рассуждения закончены, и мы пришли к ответу.

— К ответу? Черта с два мы к чему-то пришли! Где обещанная картина космической цивилизации?

— Как только ты узнаешь о моем существовании, тебе не помогут ни связь, ни молчание. Остается лишь один выход.

Надолго воцарилось молчание. Огоньки сигарет потухли. Не ощущалось ни дуновения ветерка; тяжелая тьма сгустилась в асфальтовую черноту, соединяя небо и землю воедино. Наконец, Ши Цян выплюнул во мрак единственное слово:

— Проклятье!

— А теперь распространи этот единственный вариант на миллиарды звезд и сотни миллионов цивилизаций — и получишь свою картину.

— Это… это очень мрачная картина.

— Вселенная и в самом деле мрачное место. — Ло Цзи повел рукой, осязая темноту, словно бархат. — Вселенная — это темный лес. Каждая цивилизация — вооруженный до зубов охотник, призраком скользящий между деревьев, незаметно отводящий в сторону ветви и старающийся ступать бесшумно. Он даже дышит через раз. Охотнику есть чего опасаться: лес полон других невидимых охотников, таких же, как он сам. Если он встретит жизнь — другого охотника, ангела или черта, новорожденного младенца или старую развалину, фею или полубога, — у него лишь

один выход: открыть огонь и уничтожить. В этом лесу другие люди — ад. Любая жизнь представляет собой смертельную угрозу для всех остальных и будет уничтожена при первой возможности. Вот так выглядит космическая цивилизация. И этим объясняется парадокс Ферми[119].

Ши Цян зажег еще одну сигарету, чтобы хоть чуть-чуть раздвинуть занавес тьмы.

— Но в этом темном лесу есть глупый мальчишка по имени человечество. Он разжег огромный костер, стоит возле него и кричит: «Я здесь! Я здесь!» — продолжил Ло Цзи.

— Кто-нибудь его услышал?

— Вне всякого сомнения. Но по крикам трудно установить точное местонахождение. Человечество никогда не передавало в космос звездных координат Земли и Солнечной системы. По нашим сигналам можно узнать лишь расстояние между Землей и Трисолярисом и общее направление на нас внутри Млечного Пути. Точные координаты наших миров никому не известны. Мы находимся на периферии Галактики, практически в звездной пустыне, так что угроза не

---

[119] Примечания: 119

Парадокс Ферми — отсутствие видимых следов деятельности инопланетных цивилизаций, которые должны были бы расселиться по всей Вселенной за миллиарды лет своего развития. (*Прим. перев.*)

слишком велика.

— Так что же с той историей про звезду, на которую ты наложил заклятье?

— Воспользовавшись Солнцем как усилителем, я отправил в космос три схемы. На каждой из них я отметил тридцать точек, соответствующих проекции тридцати звезд на одну из плоскостей прямоугольной системы координат. Все три проекции образуют трехмерный чертеж, на котором изображены звезда 187J3X1 и двадцать девять ее соседей. Сама 187J3X1 выделена особо.

Теперь хорошенько подумай — и все поймешь. По темному лесу чуть дыша крадется охотник. И внезапно он видит, что с одного из деревьев содрали полоску коры. На обнажившейся светлой древесине легко понятными символами выцарапаны координаты. Что он подумает? Да уж, конечно, не то, что в этом месте для него разложены припасы. Скорее всего, это пылающий костер, возле которого приплясывает от нетерпения будущая жертва. Неважно, по какой причине оставили сообщение. Важно лишь то, что «мертвая рука» ударила по чувствительным нервам обитателей темного леса и кто-то из них, испуганный больше других, сделает свой ход. Скажем, в лесу затаился миллион охотников (а

цивилизаций среди миллиардов звезд Млечного Пути может найтись в тысячи раз больше). Пускай девятьсот тысяч охотников не обратят внимание на послание. Из остающихся ста тысяч девяносто тысяч проверят координаты, убедятся, что жизни там нет, и забудут. Но одна из десяти тысяч наверняка решит открыть огонь по цели. Когда цивилизация достигает определенного технологического уровня, нападение проще и дешевле, чем разведка. Если там ничего не было, то они ничего не теряют. И вот тогда, — подвел итог Ло Цзи, — появился охотник.

— А отправить это твое заклинание еще разок уже не получится, я правильно понимаю?

— Верно, Да Ши. Заклинание необходимо передать всей Галактике, но Солнце на замке, им уже не воспользоваться.

— Человечество опоздало лишь на один шаг? — Ши Цян щелчком отправил окурок в полет. Огонек прочертил дугу в темноте и упал, на секунду осветив клочок занесенной песком почвы.

— Нет, нет. Подумай сам: если бы Солнце не запечатали и если бы я пригрозил Трисолярису своим заклинанием, что бы произошло?

— Тебя бы забили камнями, как Рей Диаса. А потом приняли бы закон, запрещающий кому-либо

даже думать о чем-либо подобном.

— Совершенно верно, Да Ши. Поскольку мы уже разгласили расстояние от Земли до Трисоляриса, а также направление на нас, то если мы пошлем координаты Трисоляриса, кто угодно мгновенно вычислит местонахождение Солнечной системы. Это окажется самоубийством. Может быть, мы и в самом деле отстаем на шаг, но мы никогда бы не сделали этого шага.

— Тебе следовало пригрозить Трисолярису еще двести лет назад.

— Двести лет назад все было так запутанно… Я еще не уверился тогда в своей догадке, хотел доказательств. Почему бы и нет — времени было достаточно. Но подлинная причина в том, что у меня не хватило бы на это силы воли. Ни у кого бы не хватило.

— Я теперь думаю, что не стоило нам ходить к мэру сегодня. Эта картина… А если о ней узнает мир, то вообще кранты. Припомни, как кончили первые два Отвернувшихся.

— Ты прав. Со мной могло случиться то же самое. Надеюсь, мы не проговоримся. Хотя если ты надумаешь рассказать, то что может тебя остановить? Как мне однажды сказали: «Я сделала то, что должна была сделать».

— Не парься, кореш, я никому ничего не скажу.

— Впрочем, надеяться и так уже не на что.

Они пошли вдоль барханов по направлению к дороге. Там было немного светлее. Редких фонарей стоящего вдали поселка было достаточно, чтобы ослепить путников.

— Еще один вопрос. О ком ты говорил?

Ло Цзи замялся:

— Знаешь, забудь. Скажу лишь, что это не я придумал аксиомы космической цивилизации и теорию темного леса.

— Завтра я отправляюсь в город работать на правительство. Если потребуется помощь, только скажи.

— Да Ши, ты и так уже мне немало помог. Я тоже отправлюсь в город, в Бюро иммиграции проснувшихся — узнаю, как идут дела с пробуждением моей семьи.

* * *

Против ожиданий Ло Цзи в Бюро иммиграции проснувшихся ему сказали, что пробуждение Чжуан Янь и Сяся остается под запретом. Директор Бюро прямо сказал, что полномочия Отвернувшегося здесь бессильны. Ло Цзи связался с Хайнсом и Джонатаном. Эти двое хотя были

незнакомы с подробностями дела, но сообщили, что в закон об Отвернувшихся добавили статью, по которой ООН и Комиссия по делам Отвернувшихся могли принимать любые необходимые меры, чтобы Отвернувшегося ничто не отвлекало от дела. Даже через два столетия ООН продолжала использовать близких Ло Цзи в качестве заложников.

Ло Цзи потребовал, чтобы в поселке проснувшихся ничего не меняли, но обеспечили защиту от настырных посетителей. Приказ тщательно исполнили; журналистов и пилигримов держали на расстоянии. Вскоре в Новой Жизни-5 восстановился покой, будто ничего и не произошло.

Через два дня Ло Цзи участвовал в первых слушаниях обновленного проекта «Отвернувшиеся». Вместо путешествия в подземную штаб-квартиру ООН в Северной Америке он присутствовал по видеосвязи из своей незатейливой комнаты в Новой Жизни-5. Изображение зала заседаний подавали на простой телевизор, стоящий в комнате.

— Отвернувшийся Ло Цзи, мы понимаем, что вы разгневаны, — начал слушания председатель.

— Моя душа выгорела дотла. Она уже не способна гневаться, — ответил Ло Цзи, лениво развалившийся на диване.

Председатель кивнул:

— Вот и отлично. Но Комиссия полагает, что вам следует покинуть поселок. Он не годится для роли центра управления обороной Солнечной системы.

— Вы слышали о Сибайпо? Это поселок даже меньше моего, недалеко отсюда. Двести лет назад наши лидеры развернули оттуда одно из крупнейших наступлений в истории[120].

Председатель покачал головой:

— Вижу, вы ничуть не изменились. Хорошо. Комиссия уважает ваш выбор. Вам следует приступить к работе. Надеюсь, вы не станете утверждать, как раньше, что работаете всегда?

— Я не могу приступить к работе. Для нее больше нет подходящих условий. Вы способны взять под контроль звезду, чтобы передать мое заклинание во Вселенную?

Встал представитель Азиатского флота:

— Вы же знаете, что это невозможно. Капля непрерывно забивает Солнце радиошумом. Мы

---

[120] Примечания: 120

Коммунисты, оставившие Яньань в 1947 году под напором наступающих националистов, основали базу в поселке Сибайпо, расположенном в юго-западной провинции Хэбэй, у подножия гор Тайхан. Оттуда они руководили Ляошэньским, Хуайхайским и Пинцзиньским сражениями — решительным наступлением 1948–1949 годов, изгнавшим националистов из Северного Китая. (*Прим. Дж. М.*)

не ожидаем, что передача прекратится в ближайшие два-три года; а потом прибудут еще девять «капель».

— Тогда я не могу ничего сделать.

— Нет, Отвернувшийся Ло Цзи, — ответил председатель. — Есть еще одно важное дело, которое вы не выполнили. Вы не сообщили секрета своего заклинания Объединенным Нациям и ККФ. Каким образом вам удалось уничтожить звезду?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— А если раскрытый секрет — условие пробуждения вашей жены и дочери?

— И вы при всех говорите такие низости!

— Это секретные слушания. Кроме того, проект «Отвернувшиеся» не вписывается в современное общество. Возрождение проекта означает, что все решения Комиссии по проекту «Отвернувшиеся» при ООН остаются в силе. В соответствии с этими решениями Чжуан Янь и вашу дочь пробудят к битве Судного дня.

— Разве битва Судного дня уже не состоялась?

— Оба Конгресса так не считают, поскольку основной флот Трисоляриса еще не прибыл.

— Сохранение секрета заклинания — это мой долг как Отвернувшегося. В противном случае человечество потеряет последнюю надежду.

Впрочем, не исключено, что надеяться уже не на что.

В последовавшие за слушаниями дни Ло Цзи оставался дома и много и беспробудно пил. Иногда он выходил наружу, небритый и в помятой одежде, похожий на бродягу.

Следующие слушания проекта «Отвернувшиеся» Ло Цзи снова посетил по видеосвязи.

— Отвернувшийся Ло Цзи, нас беспокоит ваше состояние, — заявил председатель, увидев на экране неряшливую фигуру. Он повернул камеру в квартире туда-сюда, и собравшиеся увидели, что комната завалена пустыми бутылками.

— Вам следует приступить к работе — хотя бы ради вашего здоровья, — проговорил представитель Европейского содружества.

— Вы знаете, что для этого требуется.

— Пробуждение вашей жены и дочери, в общем, не проблема, — сказал председатель. — Мы не желаем использовать их для давления на вас. Мы знаем, что не можем влиять на вас. Но это решение предыдущей Комиссии, поэтому у нас возникли некоторые сложности с его обсуждением. Короче говоря, без некоторого условия не обойтись.

— Я не приму вашего условия.

— Нет, нет, доктор Ло. Условие уже не то.

Как только Ло Цзи услышал эти слова, его глаза загорелись и он выпрямился на диване.

— И как теперь звучит это условие?

— Очень просто. Проще даже быть не может. Сделайте *хоть что-нибудь*.

— Если я не могу отправить заклинание во Вселенную, я не могу ничего сделать.

— Вам придется что-нибудь придумать.

— Вы хотите сказать, пусть даже что-то несущественное?

— Лишь бы оно показалось важным населению. В глазах народа вы либо представитель сил космической справедливости, либо снизошедший с небес ангел правосудия. Можно воспользоваться любой из этих интерпретаций для стабилизации положения. Но если вы не станете ничего делать, то вскоре народ в вас разочаруется.

— Очень опасно стабилизировать ситуацию таким образом. Неизбежны многочисленные осложнения.

— Сейчас важнее всего успокоить людей. Через три года в Солнечную систему прилетят девять новых «капель». Нам надо подготовиться к их прибытию.

— Я не хочу попусту тратить ресурсы.

— В таком случае Комиссия даст вам задание. Такое, на которое не понадобятся ресурсы. Председатель ККФ объяснит. — Глава Комиссии указал рукой на председателя ККФ, участвующего в слушаниях по видео. Тот, очевидно, находился в космосе; по широкому окну позади председателя медленно ползли звезды.

— Наш прогноз даты прибытия девяти «капель» в Солнечную систему основывается на оценках скорости и ускорения, полученных при пересечении «каплями» последнего облака межзвездной пыли четыре года назад, — начал председатель ККФ. — Эти девять «капель» отличаются от той, что уже здесь. Их двигатели не излучают света. Они не излучают никаких электромагнитных волн, по которым их можно было бы запеленговать. Вероятно, они усовершенствовали сами себя, отметив, что земляне следили за первой Каплей. Обнаружить такие маленькие темные объекты в космосе невероятно сложно. Мы не знаем, где они и когда появятся в Солнечной системе. Мы даже не сможем засечь их прибытие.

— Чем же я-то могу вам помочь? — спросил Ло Цзи.

— Я надеюсь, что вы возглавите проект «Снег».

— Что это такое?

— С помощью звездно-водородных бомб и масляной пленки с Нептуна мы создадим на пути зондов множество облаков «пыли» и зарегистрируем прохождение «капель» сквозь них.

— Вы, очевидно, шутите. Вам же известно, что я не полный профан по части космоса.

— Вы когда-то были астрономом, значит, вы человек компетентный, и поэтому именно вы больше других подходите для руководства этим проектом.

— В прошлый раз облако «пыли» сработало потому, что приблизительную траекторию цели знали заранее. Но сейчас мы ничего не знаем! Если девять «капель» ускорятся или поменяют курс, они могут войти в Солнечную систему даже с другой стороны! Где вы собираетесь распылять облака?

— Везде.

— Вы хотите сказать, что намереваетесь окружить Солнечную систему шаром из «пыли»? В таком случае, это *вы* посланник богов.

— Шар не получится, но можно создать пылевое кольцо в плоскости эклиптики, между поясом астероидов и Юпитером.

— А если «капли» войдут не в плоскости эклиптики?

— С этим ничего не поделать. Но, с точки зрения орбитальной механики, если Капле требуется пройти мимо каждой планеты, то тогда вход в плоскости эклиптики наиболее вероятен. По такой траектории шла первая Капля. В этом случае следы зондов отпечатаются в пыли, и наши телескопы их увидят.

— И что вам это даст?

— Как минимум мы узнаем, что группа «капель» проникла в Солнечную систему. Они могут напасть на гражданские цели в космосе. Нам придется отозвать все корабли — по крайней мере те, которые могут пересечься с «каплями». Жителей космических поселений придется эвакуировать на Землю — они беззащитны.

— Есть и еще одна причина, более важная, — вступил в обсуждение председатель Комиссии. — Я говорю о расчете трасс для ухода космических кораблей в глубокий космос.

— Ухода в глубокий космос? Мы случайно не об эскапизме ли говорим?

— Если вы настаиваете на этом слове.

— Почему же не начать Исход прямо сейчас?

— Политическая обстановка не позволяет. Но как только группа «капель» войдет в Солнечную систему, международное сообщество может со-

гласиться на Исход в ограниченном масштабе. Конечно, это всего лишь предположение, и все же ООН и флоты обязаны быть наготове.

— Понимаю. Но проект «Снег» во мне не нуждается.

— Нуждается! Создание кольца «пыли» даже внутри орбиты Юпитера будет невероятно сложной работой. Потребуется разместить и взорвать почти десять тысяч звездно-водородных бомб, доставить более десяти миллионов тонн масляной пленки и создать огромную космическую флотилию. Ваше влияние и престиж потребуются, чтобы все это выполнить за три года. Предстоит организовать работы и координировать действия обоих Конгрессов.

— Если я соглашусь, когда вы их разбудите?

— Как только дадим старт проекту. Я же сказал, что это не вопрос.

* * *

Но проект «Снег» заглох, толком не начавшись.

Ни один из Конгрессов не был заинтересован в проекте. Население жаждало спасения, а не какого-то способа узнать о прибытии врага, чтобы вовремя удрать. Кроме того, стало известно, что это не план Отвернувшегося, а разработка

ООН и ККФ, использующих престиж Ло Цзи для своих целей. Если проект «Снег» развернется в полном масштабе, он обрушит космическую экономику и вызовет спад производства на Земле и во флотах. Вдобавок вопреки прогнозам ООН по мере подлета «капель» население стало чаще и яростнее отвергать идеи эскапизма. Конгрессы не собирались платить столь высокую цену за непопулярный проект. В результате работы по строительству флота для добычи масляной пленки на Нептуне и сборке дополнительных звездно-водородных бомб (после Великой пади их осталось не больше тысячи) шли ни шатко ни валко.

Однако сам Ло Цзи всецело посвятил себя проекту «Снег». Поначалу ООН и ККФ всего лишь хотели воспользоваться его популярностью, чтобы мобилизовать необходимые ресурсы. Но Ло Цзи интересовался каждой деталью, проводил бессонные ночи бок о бок с учеными и инженерами Технического комитета и предлагал свои собственные идеи. Например, он предложил оснастить каждую бомбу небольшим межзвездным ионным двигателем, чтобы бомбы могли немного перемещаться по орбите для точной настройки плотности «пыли» в том или ином

объеме. Важнее было то, что теперь водородные бомбы становились оружием нападения. Он назвал их «космическими минами» и утверждал, что, хоть звездно-водородные бомбы и неспособны повредить Каплю, их можно будет нацелить против кораблей Трисоляриса. Никто ведь не знал, изготовлены ли и корпуса кораблей из материала, укрепленного сильным ядерным взаимодействием. Ло Цзи лично вычислил орбиту каждой бомбы. С современной точки зрения, его предложения отдавали наивностью и устаревшими знаниями XXI века, но благодаря престижу и статусу Отвернувшегося большинство его предложений было принято.

Ло Цзи воспользовался проектом «Снег» как отдушиной. Он понимал, что хочет убежать от действительности. Проще всего оказалось погрузиться в работу с головой. Но чем больше он работал, тем больше мир в нем разочаровывался. Любой понимал, что Отвернувшийся взялся за этот маловажный проект лишь для того, чтобы поскорее встретиться с женой и дочкой. Мир ждал от него плана спасения — а он так и не появился. Ло Цзи неоднократно заявлял журналистам, что без использования звезды он ничего не может сделать.

Через полтора года проект «Снег» тихо скончался. К этому времени возле Нептуна собрали только полтора миллиона тонн масляной пленки. Даже с учетом шестисот тысяч тонн, ранее добытых для «Туманного зонтика», пленки не хватало. На орбите, в двух а. е. от Солнца, разместили 3614 звездно-водородных бомб, окруженных масляной пленкой. Это количество не достигало даже одной пятой от запланированного. Когда их взорвут, образуется только множество отдельных облаков «пыли», а не непрерывное кольцо, тем самым снижая их эффективность как средства предупреждения.

В эту эпоху надежда и разочарование быстро сменяли друг друга. Прождав в нетерпении полтора года, люди утратили веру в Отвернувшегося Ло Цзи и потеряли терпение.

На конференции Международного астрономического союза — того самого, который снискал мировую известность в 2006 году, лишив Плутон звания планеты, — значительное количество астрономов и астрофизиков сошлось во мнении, что взрыв 187J3X1 был случайностью. Поскольку Ло Цзи получил образование астронома, он, вероятно, обнаружил признаки неизбежной катастрофы. В этой теории зияли громадные дыры,

но все больше и больше людей верили в нее, ускоряя падение влияния Ло Цзи. В глазах населения его фигура превратилась из спасителя сначала в простого человека, а потом в *лжеца*. Закон ООН об Отвернувшихся продолжал действовать, и Ло Цзи сохранил статус Отвернувшегося, но власти у него уже не оставалось.

208-й год эры Кризиса
Расстояние между флотом Трисоляриса и Солнечной системой: 2,07 светового года

В один промозглый осенний день заседание совета жильцов Новой Жиз-ни-5 приняло решение изгнать Ло Цзи из поселка, поскольку он мешает размеренной жизни соседей. Работая над проектом «Снег», Ло Цзи часто уезжал на совещания, но большую часть времени проводил здесь и отсюда, из дома, поддерживал связь со многими отделами и сотрудниками проекта. Когда его влияние ослабло, ситуация ухудшилась. Время от времени возле его дома собирались толпы, выкрикивавшие ругательства и швырявшие камни в его окна. Это привлекало интерес репортеров,

которых зачастую собиралось не меньше, чем демонстрантов. Но на самом деле Ло Цзи изгоняли потому, что его сограждане, проснувшиеся, как и остальные люди, разочаровались в нем.

Когда к вечеру заседание окончилось, председательница поселкового комитета отправилась к Ло Цзи, чтобы сообщить ему о решении совета. Она несколько раз безрезультатно нажимала кнопку звонка, а потом толкнула незапертую дверь и чуть было не задохнулась от ужасной вони алкоголя, табачного дыма и пота. Она заметила, что стены оснастили городскими информационными панелями, на которых можно было вызвать окошко простым нажатием пальца. На панелях светилось множество изображений, большинство из них сложные наборы данных и графики. Самый большой экран показывал замершую в космосе сферу: звездно-водородную бомбу в оболочке из масляной пленки. Прозрачная обшивка, внутри которой находилась хорошо видимая бомба, напомнила директору о шариках, которыми в ее время любили играть дети. Бомба медленно вращалась. На одном из полюсов слегка выдавался ионный двигатель. На обшивке сферы отражалось крохотное солнце. Многочисленные светящиеся экраны превращали комнату

в огромный аляповатый ящик. Хозяин погасил лампы, и единственным источником света служили экраны. Все мельтешило и сливалось перед глазами, так что трудно было понять, где картинка, а где реальная вещь.

Когда глаза посетительницы приспособились к освещению, она увидела, что комната выглядит как берлога наркомана. По засыпанному окурками полу катались бутылки. Повсюду, как на свалке, валялись присыпанные пеплом охапки одежды. В конце концов она обнаружила Ло Цзи. Тот свернулся клубочком в углу — темный ком на фоне светящихся панелей, никому не нужный, как отброшенная в сторону засохшая ветвь. Она сначала подумала, что Отвернувшийся спит, но заметила, что тот не отрывает невидящего взгляда от груд мусора на полу. Глаза его покраснели и вспухли, лицо осунулось, тело исхудало — похоже, он не мог даже самостоятельно встать. Заслышав шаги директора, он поприветствовал ее, медленно повернулся и кивнул, дав понять, что еще жив. Но он тонул в океане боли, два столетия копившейся в его душе.

Председательница не проявила ни малейшего снисхождения к человеку, выжатому до последней капли. Как и многие проснувшиеся, она

верила, что, каким бы темным ни казался мир, где-то на небесах есть высшее правосудие. Ло Цзи сначала подтвердил эту веру, а потом жестоко растоптал. Разочарование в Отвернувшемся перешло в стыд, а затем в ярость. Она холодно объявила решение собрания.

Ло Цзи снова кивнул, а затем воспаленным горлом прохрипел:

— Я уеду завтра. Мне пора. Если я сделал что-то не так, прошу прощения.

Председательница лишь через два дня узнала, что означали его последние слова.

Ло Цзи фактически собирался уйти из поселка этим же вечером. Проводив председательницу взглядом, он неуверенно поднялся на ноги и поплелся в спальню за дорожной сумкой, в которую уже начал складывать вещи. Среди них была небольшая лопата с короткой ручкой — он нашел ее в подсобном помещении. Треугольная ручка лопаты торчала из сумки. Затем он поднял с пола замусоленный пиджак, надел его и вышел из квартиры. За его спиной продолжали мерцать информационные панели.

Коридор был пуст, но на лестничной площадке он встретил подростка, по-видимому, возвращавшегося из школы. Тот хмуро уставился на

выходящего из здания Отвернувшегося. Оказавшись снаружи, Ло Цзи понял, что идет дождь, но возвращаться за зонтиком не хотелось.

Он не пошел к своей машине, чтобы не привлекать особого внимания охранников. Вместо этого он зашагал по улице и вскоре, никого не встретив, оставил поселок позади. Ло Цзи прошел сквозь окружавшую Новую Жизнь-5 лесополосу и выбрался в пустыню. Моросящий дождь казался парой прохладных рук, нежно ласкающих его лицо. Сумеречный туман, застлавший небо и землю, напоминал ему о белизне традиционной китайской живописи. Ло Цзи вообразил себя среди этого пустого пространства, как на той картине, которую оставила ему Чжуан Янь.

Он дошел до автотрассы и через несколько минут остановил попутную машину. Его тепло поприветствовала семья из трех человек — проснувшиеся, едущие в старый город. Молодая мать и маленький мальчик вдвоем втиснулись в кресло рядом с отцом-водителем; между ними шел негромкий разговор. Порой мальчик утыкался головой в грудь матери, и тогда все трое весело смеялись. Ло Цзи любовался очаровательной картиной, но их беседу заглушала музыка XX века, льющаяся из динамиков. Он слушал песни

одну за другой. После «Катюши» и «Калинки» ему страстно захотелось услышать «Тонкую рябину». Двести лет назад он пел ее девушке своей мечты, забравшись на поселковую сцену — а позже вместе с Чжуан Янь в саду Эдема, на берегу озера, в котором отражались заснеженные горы.

А потом фары встречного автомобиля осветили заднее сиденье в тот самый момент, когда мальчик невзначай оглянулся. Тогда он обернулся полностью, уставился на Ло Цзи и воскликнул:

— Эй, посмотрите, он похож на Отвернувшегося!

Родители мальца начали присматриваться к попутчику, и Ло Цзи признался, что он и есть Отвернувшийся.

И в ту же секунду зазвучала мелодия «Тонкой рябины».

Машина остановилась.

— Вылезайте! — бесстрастно произнес глава семейства. Мать с сыном наблюдали за ним взглядами такими же холодными, как моросящий за окном осенний дождь.

Ло Цзи не шевельнулся. Он хотел дослушать песню до конца.

— Пожалуйста, выйдите из машины, — повторил водитель. В его глазах читалось: «Вы не

способны спасти мир, и это не ваша вина; но дать планете надежду, а потом ее разрушить — непростительный грех».

Ло Цзи был вынужден покинуть автомобиль. Вслед ему выкинули его дорожную сумку. Отвернувшийся дернулся было побежать за машиной, чтобы услышать хоть еще несколько тактов «Тонкой рябины», но успел лишь сделать несколько шагов, прежде чем песня угасла в сыром ночном сумраке.

Он теперь стоял недалеко от старого города. Вдали темнели дряхлые высотки. Редкие огоньки их жилых квартир казались глазами, уставшими от одиночества. Ло Цзи набрел на автобусную остановку и почти час сидел на скамейке, прячась от дождя, пока наконец не подъехал автоматический автобус, идущий в нужном направлении. В автобусе почти не было пассажиров — лишь шесть или семь человек, по виду местные проснувшиеся. Они сидели, молча уставившись в темноту за окнами. Где-то через час кто-то узнал Отвернувшегося, и пассажиры в один голос потребовали, чтобы он вышел. Ло Цзи пытался объяснить, что он уплатил за проезд и имеет право остаться, но один седой старик достал из кармана пару монет — редкость в эти

дни — и швырнул в Отвернувшегося. Пришлось сойти.

Когда автобус уже тронулся, кто-то высунулся из окна и спросил:

— Отвернувшийся, зачем тебе лопата?

— Чтобы выкопать себе могилу, — ответил Ло Цзи. Пассажиры автобуса рассмеялись.

Никто не догадывался, что он сказал правду.

Дождь и не думал прекращаться. На попутные автомобили надеяться не приходилось, но, к счастью, Ло Цзи уже приближался к конечной точке своего маршрута. Он закинул сумку за спину и зашагал вперед, а через полчаса свернул с асфальтированной дороги на тропинку. Здесь, вдали от уличных фонарей, было очень темно. Отвернувшийся выудил из сумки фонарик и стал освещать себе путь. Вскоре идти стало труднее; в промокших ботинках хлюпала вода. То и дело он поскальзывался и падал в грязь; наконец, достал лопату, чтобы опираться на нее, как на посох. Впереди не было ничего, кроме тумана и дождя, но Ло Цзи знал, что движется в нужную сторону.

Через час ходьбы под дождем он пришел к кладбищу. Половина захоронений скрылась под песком, но другая, на возвышенности, уцелела.

Подсвечивая фонариком, он ходил между рядами могил и читал надписи на небольших памятниках. На крупные он не обращал внимания. Мокрые от дождя камни мерцали в лучах фонаря, будто подмигивающие глаза. Ло Цзи отметил, что все захоронения относятся к концу XX века и началу XXI. Лежащим здесь людям повезло — они полагали, что их мир будет существовать всегда.

Он не слишком надеялся найти нужное место, но так получилось, что он наткнулся на него довольно быстро. К удивлению Отвернувшегося, он узнал его по прошествии двух веков, даже не глядя на надпись. Время не оставило следа на надгробии — а может быть, такое впечатление возникало под дождем. Казалось, что слова «ЗДЕСЬ ЛЕЖИТ ЯН ДУН» выгравировали не далее как вчера. Могила Е Вэньцзе находилась рядом с могилой ее дочери, и над ней возвышался такой же камень — лишь с другим именем. На памятнике Е Вэньцзе были указаны только имя и даты рождения и смерти, что напомнило Ло Цзи о маленькой табличке на развалинах базы «Красный Берег», мемориале давних событий. Оба надгробия молча стояли под дождем перед Ло Цзи, будто ожидали его прихода.

Усталый, он присел рядом с могилой Е Вэньцзе,

но скоро холод и сырость пробрали его до костей. Ухватившись за лопату, он поднялся на ноги и принялся копать себе могилу рядом с захоронениями матери и дочери.

Промокшая почва легко поддавалась; но чуть глубже грунт оказался твердым, перемешанным с гравием. Ло Цзи подумалось, что он вгрызается в гору. Он ощутил силу и бессилие времени: возможно, за два столетия землю покрыл лишь тонкий слой песка, но понадобилась целая геологическая эра, задолго до появления человека, чтобы создать холм, на котором теперь располагалось кладбище. Ло Цзи продолжал копать изо всех сил, часто останавливаясь, чтобы передохнуть, и время летело незаметно.

Дождь кончился вскоре после полуночи, облака рассеялись, и проглянуло звездное небо. Таких ярких звезд Ло Цзи ни разу не видел с тех пор, как проснулся в этой эпохе. Тем вечером 210 лет назад он и Е Вэньцзе стояли и смотрели на эти же звезды.

А теперь он только это и видел: звезды да надгробные камни — два величайших символа вечности.

Наконец Ло Цзи выбился из сил и больше не мог копать. Он осмотрел вырытое углубление:

оно было мелковато для могилы, но сойдет и такое. Он всего лишь намеревался подать знак остающимся, что хотел быть похороненным в этом месте. На самом деле его тело, скорее всего, отвезут в крематорий, сожгут, а пепел попросту выбросят. Но это не имело значения. Весьма вероятно, что вскоре после смерти его останки заполыхают вместе со всем миром в пламени куда более грандиозного пожара и распадутся на атомы.

Прислонившись к надгробию Е Вэньцзе, он забылся сном. Наверное, сказалось переохлаждение, но Ло Цзи опять приснилось заснеженное поле. На нем стояла Чжуан Янь и держала на руках Сяся. Шарф жены алел, будто язык пламени. И она, и дочь беззвучно взывали к нему. Он в отчаянии кричал им, чтобы они бежали прочь — Капля ударит прямо здесь, — но ни единый звук не мог вырваться из его горла. Он ощущал, что весь мир онемел и погрузился в тишину. И все же, по-видимому, Чжуан Янь поняла его и направилась вместе с дочерью прочь, оставляя за собой цепочку следов в снегу, подобных прозрачным мазкам туши на традиционной китайской картине. Снег в этой картине был пустым, чистым листом; лишь малейшие прикосновения

кисти выдавали существование земли и мира. Грядущая катастрофа поглотит все; но к Капле эта катастрофа отношения не имеет…

И снова сердце Ло Цзи рвалось от боли, и снова он пытался уцепиться за воздух, но на белом листе заснеженного поля оставалась лишь далекая, крохотная точка Чжуан Янь. Ло Цзи огляделся, пытаясь найти еще что-то реальное в этом пустом мире — и нашел: два надгробия, застывшие бок о бок посреди снега. Сначала они резко выделялись на белом фоне, а потом стали меняться. Они превратились в такие же зеркала, как Капля, и надписи на них исчезли. Он нагнулся к одному из них, чтобы посмотреть на свое отражение, но понял, что это не зеркало — в отражении снежной равнины не было фигуры Чжуан Янь, лишь едва заметные следы. Он оглянулся и увидел, что поле превратилось в бесконечное море белого — следы исчезли. Ло Цзи снова повернулся к зеркалу; теперь оно отражало белизну и стало практически невидимым. Но его руки по-прежнему касались холодной, гладкой поверхности…

Он проснулся на рассвете. В первых лучах зари надгробные памятники показались лежащему на земле Ло Цзи доисторическим Стоунхенджем. Он пылал в лихорадочном жару и одновременно

стучал зубами от озноба. Его тело стало фитилем в выгоревшей досуха лампе — и теперь этот фитиль сжигал сам себя. Он знал, что время пришло.

Ло Цзи попробовал встать, опираясь на надгробие Е Вэньцзе, но заметил крохотную движущуюся черную точку. В это время года редко встретишь муравья, но это был он, взбирающийся на камень. Как и его предшественника два века назад, муравья привлекла надпись, и он углубился в изучение таинственных пересекающихся канавок. Пока Отвернувшийся следил за насекомым, душу его терзал последний приступ боли — на этот раз боли за всю жизнь на Земле.

— Если я что-то сделал не так, прошу прощения, — сказал он муравью.

Ло Цзи с усилием поднялся на ноги, трясясь от слабости. Пришлось облокотиться на памятник. Другой рукой он оправил промокшую, заляпанную грязью одежду, пригладил волосы и достал из кармана заряженный пистолет.

А затем повернулся на восток, к полоске зари, и начал последнюю битву между цивилизациями Земли и Трисоляриса.

* * *

— Я обращаюсь к Трисолярису, — негромко проговорил Ло Цзи. Он подумал, не повторить ли свои слова, но знал, что его и так услышали.

Ничего не изменилось. Памятники стояли недвижимо в тишине утра. В лужах, как в бесчисленных зеркальцах, отражалось светлеющее небо. Казалось, что планета Земля — это зеркальная сфера, а почва и весь мир на ней — лишь тонкий слой сверху. Потоки дождя кое-где смыли почву и обнажили зеркальную основу.

Этот мир еще не проснулся; он еще не знал, что был теперь фишкой, выложенной на космический игральный стол.

Ло Цзи поднял левую руку. Его запястье охватывал предмет размером с наручные часы.

— Этот датчик следит за состоянием моего здоровья и передает информацию в систему «колыбель». Вы помните Отвернувшегося Рей Диаса; двести лет назад он использовал подобную систему. Сигнал с моего наручного датчика проходит по каналам связи проекта «Снег» и достигает 3614 бомб, размещенных на орбите вокруг Солнца. Чтобы предотвратить детонацию бомб, датчик посылает один пакет данных в секунду. Если я

умру, поток сигналов прекратится и все бомбы взорвутся. На орбите возникнут 3614 облаков «пыли». Они окружат Солнце кольцом. Если смотреть с большого расстояния, видимый свет Солнца и другие участки его спектра излучения начнут мерцать. Положение каждой бомбы на орбите подобрано таким образом, чтобы создать сигнал, в котором закодированы три простые звездные карты — я посылал подобные в космос два столетия назад. На каждой карте показаны тридцать звезд, одна из них отмечена особо. Все три карты указывают на звезду в трехмерной системе координат. Но, в отличие от предыдущего послания, этой звездой является Трисолярис, окруженный 29 соседями. Наше Солнце станет галактическим маяком, передающим мое заклинание. Разумеется, позиция Солнца и Земли также будет раскрыта. Потребуется больше года, чтобы принять полное сообщение в любой точке Галактики, но наверняка найдется парочка развитых цивилизаций, которые видят Солнце с разных направлений одновременно. Тогда им понадобится всего лишь несколько дней, а может быть, несколько часов, чтобы собрать все части послания.

Небо светлело, а звезды гасли, будто многочис-

ленные глаза, закрывающиеся один за другим. На востоке разгорался другой глаз, единственный, но огромный. Муравей продолжал карабкаться по памятнику и сейчас исследовал лабиринт, которым для него стало вырезанное в камне имя Е Вэньцзе. Муравьи прожили на Земле сто миллионов лет, прежде чем родился игрок, опирающийся сейчас на памятник. Насекомое не интересовалось происходящим, но сделанная ставка затрагивала и его.

Ло Цзи убрал руку с надгробия и подошел к выкопанной для себя яме. Он приставил дуло пистолета к сердцу и произнес:

— А теперь я остановлю свое сердце — и таким образом совершу самое ужасное преступление в истории наших двух миров. Приношу за него свои глубокие извинения обеим цивилизациям, но не сожалею — другого выхода нет. Я знаю, что здесь присутствуют софоны, но вы всегда игнорировали мольбы человечества. Молчание — наивысшая форма презрения, и мы мирились с ним два века. Продолжайте молчать, если хотите. Я даю вам тридцать секунд.

Он отсчитывал время по своему пульсу — два удара в секунду, настолько быстро колотилось его сердце. Волнуясь, он ошибся в подсчете и

начал снова.

Он не был уверен, сколько прошло времени, прежде чем появились софоны. Скорее всего, на это потребовалось не больше десятка секунд — но в его сознании прошла вечность.

Мир перед Отвернувшимся раскололся на четыре части. Одна из них — окружавшая его реальность, а другие — искаженные отражения в появившихся над головой трех сферах. Он видел их зеркальную поверхность этой ночью во сне, когда они предстали ему в виде памятников. Ло Цзи не знал, в каком измерении развернулись эти софоны, но сферы закрыли половину неба, затмив собой всходящее на востоке солнце. В отражении западной части неба мерцали несколько оставшихся звезд, а в нижней части софонов карикатурно отражались кладбище и сам Отвернувшийся.

Больше всего Ло Цзи хотел понять, почему софонов три. Сначала он подумал, что они символизируют Трисолярис, словно та скульптура, которую Е Вэньцзе увидела на последнем собрании членов ОЗТ. Но, вглядевшись в отражение — необычно четкую, пусть и искаженную, картину реальности, — он предположил, что это порталы, ведущие в три параллельных мира, а

это означало выбор одного из трех вариантов.

Но сами софоны положили конец его рассуждениям: на всех трех сферах высветилось одно и то же слово:

Остановись!

— Вы готовы выслушать условия? — спросил Ло Цзи у трех сфер.

Сначала опусти оружие, а потом мы поговорим.

Ответ, написанный ярко-красным, пылающим шрифтом, возник на всех сферах одновременно. Ло Цзи не заметил никаких искажений в строчках текста — они были ровными, и казалось, что надпись существует одновременно и на поверхности сферы, и в ее глубине. Он напомнил себе, что смотрит на трехмерную проекцию пространства высшей размерности.

— Здесь вам не торги. Это ультиматум. Есть условия, на которых я останусь жить. Все, что я хочу знать, — принимаете вы их или нет.

Изложи свои условия.

— Капля, то есть зонд, прекращает передачу радиосигналов на Солнце.

Требование выполнено.

Ответ сфер пришел неожиданно быстро. Ло Цзи не мог удостовериться в его правдивости, но он

ощутил слабую перемену, будто исчез какой-то фоновый шум, к которому он уже привык. Конечно, скорее всего, ему это просто показалось, ведь люди не ощущают электромагнитного излучения.

— Девять «капель», направляющихся к Солнечной системе, немедленно меняют курс и летят в сторону от нас.

На этот раз ответ сфер на мгновение задержался.

Требование выполнено.

— Дайте человечеству возможность убедиться в этом.

Девять зондов станут испускать свет. Ваш телескоп Ринье-Фицроя способен его обнаружить.

Ло Цзи не мог убедиться в выполнении и этого требования, но поверил Трисолярису.

— Последнее условие: флот Трисоляриса не войдет в облако Оорта.

Флот снижает скорость, двигатели работают на полную мощность. Ему не удастся достичь нулевой по отношению к Солнцу скорости, прежде чем он войдет в облако Оорта.

— В таком случае сделайте то же, что с группой «капель» — измените их курс в сторону от Солнечной системы.

Смена курса означает смерть. Флот пролетит мимо Солнечной системы и направится в глубокий космос. Ресурса систем жизнеобеспечения не хватит ни на возвращение к Трисолярису, ни на поиск другой подходящей звездной системы.

— Не факт, что они погибнут. Может быть, корабли Земли или Трисоляриса смогут их догнать и спасти.

Потребуется приказ Правителя Трисоляриса.

— Если смена курса займет время, приступайте немедленно. И я, и другие живущие получат шанс на спасение.

Молчание длилось три минуты, а затем пришел ответ:

Через десять земных минут флот приступит к смене курса. Через два года ваши системы слежения за космическим пространством смогут в этом убедиться.

— Хорошо, — сказал Ло Цзи и отвел пистолет от груди. Другой рукой он опирался на надгробие, опасаясь упасть. — Вы знали, что Вселенная — это темный лес?

Да. Мы давно это знали. Нас удивляет, что ты догадался так поздно… Нас беспокоит состояние твоего здоровья. Не сработает ли датчик «колыбели»?

— Нет. Это очень сложное устройство по сравнению с часами Рей Диаса. Сигнал не прекратится, пока я жив.

Тебе следует присесть. Это улучшит твое состояние.

— Спасибо, — ответил Ло Цзи, сев и прислонившись к надгробному камню. — Не волнуйтесь, я не умру.

Мы установили контакт с руководством обоих Конгрессов. Следует ли нам вызвать тебе «скорую помощь»?

Ло Цзи улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Я не Спаситель. Я хочу уйти отсюда как самый обычный человек и отправиться домой. Немного отдохну и пойду.

Две сферы из трех исчезли. Текст на оставшейся уже не пылал, а выглядел бледно и уныло.

Все-таки нас подвела стратегия.

Ло Цзи кивнул:

— Это ведь не мне пришло в голову применить облака пыли для модуляции излучения, чтобы отправить межзвездное послание. Это придумали астрономы XX века. Собственно, у вас было множество шансов догадаться, чем я занимаюсь. Например, работая над проектом «Снег», я всегда беспокоился о точном расположении бомб на

орбите.

Ты провел два месяца в зале управления, лично управляя ионными двигателями и выводя бомбы к нужным тебе координатам. Тогда нас это не интересовало — мы полагали, что ты нашел себе бесполезную работу, лишь бы было чем заняться. Нам даже в голову не приходило, что в реальности означают расстояния между бомбами.

— У вас был и другой шанс, когда я советовался с физиками насчет разворачивания софонов в космическом пространстве. Если бы ОЗТ существовала, они бы сразу догадались.

Верно. Мы совершили ошибку, прервав с ними связь.

— Был и еще один шанс — когда я потребовал, чтобы для проекта «Снег» создали такую необычную систему, как «колыбель».

Это напомнило нам о Рей Диасе, но мы не стали над этим задумываться. Двести лет назад Рей Диас не представлял для нас опасности, точно так же, как и двое других Отвернувшихся. Мы перенесли выработанное к ним презрение и на тебя.

— Презирать их несправедливо. Они были отличными стратегами. Они не сомневались, что человечество проиграет битву Судного дня.

Возможно, нам следует приступить к переговорам.

— А это уже не мое дело, — ответил Ло Цзи и глубоко вздохнул. Он ощущал себя отдохнувшим и воспрянувшим духом, будто заново родился.

Это так, ты выполнил свою задачу Отвернувшегося. Но наверняка у тебя есть кое-какие предположения относительно условий.

— Несомненно, переговорщики человечества первым делом предложат, чтобы вы помогли нам построить более надежную систему связи, потому что мы должны иметь возможность в любое время послать заклинание в космос. Капля прекратила «глушить» Солнце, но радиосвязь слишком примитивна.

Мы можем помочь в строительстве нейтринного передатчика.

— Насколько я понимаю, их больше заинтересует связь на основе гравитационных волн. К моменту прибытия софонов земная физика достигла значительных успехов в этом направлении. Разумеется, людям нужна технология, которую они могут понять.

Гравитационные антенны очень большие.

— Вот об этом и поговорите. Странно, я не ощущаю себя представителем человеческой расы.

Мне больше всего хочется поскорее покончить со всем этим делом.

Они потребуют прекратить блокировать земную физику софонами и захотят всевозможной научной и технической информации.

— Это важно и для вас самих. Технология на Трисолярисе развивается медленно, с постоянной скоростью. Прошло два столетия, а вы так и не выслали вслед своему флоту новый, движущийся быстрее. Если вы хотите спасти свой флот, теперь летящий в никуда, вам придется обеспечить будущему человечеству беспрепятственное развитие.

Мне пора. Ты уверен, что доберешься самостоятельно? От твоего выживания зависит будущее двух цивилизаций.

— Я в порядке. Уже чувствую себя лучше. Как только вернусь, передам «колыбель» другим и буду свободен от всего этого. Наконец, я хочу вам сказать «спасибо».

За что?

— За то, что позволили мне жить. Или, если посмотреть на это иначе, вы позволили жить нам обоим.

Сфера исчезла, вернувшись в свое микроскопическое одиннадцатимерное состояние. На востоке показался краешек солнца, заливший

золотым светом мир, избежавший уничтожения.

Ло Цзи медленно поднялся на ноги. Окинув напоследок взглядом памятники Е Вэньцзе и Ян Дун, он заковылял по тропинке обратно.

Муравей добрался до вершины надгробия и гордо зашевелил усиками, приветствуя восходящее солнце. Из всех живых существ на Земле он был единственным свидетелем происшедшего.

Пять лет спустя

Ло Цзи и его семья уже увидели антенну гравитационно-волновой связи, но ехать до нее оставалось еще не меньше получаса. Только оказавшись на месте, они осознали, насколько она велика. Горизонтальный цилиндр диаметром пятьдесят метров и длиной полтора километра завис в двух метрах над землей. Гладкая, словно зеркало, поверхность антенны отражала небо сверху и равнину Северного Китая снизу. Антенна кое о чем напоминала людям: о гигантских маятниках мира «Трех тел», о развернутых в нижних измерениях софонах и о Капле. Зеркальный объект воплощал в себе трисолярианскую концепцию, над постижением которой человечество старательно трудилось. Как сказал один мудрец с Трисоляриса, «единственной дорогой в будущее является сокрытие нашего существования путем

отражения Вселенной».

Вокруг антенны расстилались широкие зеленые луга — небольшой оазис в пустыне Северного Китая. Луга не засеивали специально. Как только строительство антенны завершилось, антенна стала излучать непрерывные, немодулированные волны, неотличимые от тех, что возникают в сверхновых и нейтронных звездах или черных дырах. Высокая мощность излучения привела к неожиданному эффекту: над антенной стал скапливаться водяной пар, поэтому здесь часто шли дожди. Иногда дождь выпадал только в радиусе трех-четырех километров, и над антенной висело небольшое круглое облако, похожее на летающую тарелку — а вокруг, за пеленой дождя, расстилалось чистое небо. Поэтому здесь так хорошо росла трава. Но сегодня семье Ло Цзи не довелось полюбоваться этим зрелищем. Над антенной парили лишь легкие белые облачка, которые то и дело сдувало ветром из лепестка излучения. На их месте постоянно возникали новые, будто круглый кусочек неба стал червоточиной в какую-то другую вселенную, где живут облака. Сяся сравнила их с клочковатыми седыми космами старого великана.

Дочь бежала по траве, а Ло Цзи и Чжуан Янь

следовали за ней до самой антенны. Первые два гравитационных передатчика построили в Европе и Северной Америке; их антенны при помощи магнитной левитации парили в нескольких сантиметрах от фундамента. Но эту антенну держала в воздухе антигравитация; при желании ее можно было поднять в космос. Все трое стояли на траве под антенной и глядели вверх на гигантский цилиндр, изгибающийся над головой. Большой радиус зеркала на практике означал, что отражение почти ничего не искажало. Заходящее солнце осветило пространство под антенной, и Ло Цзи увидел в зеркале, как длинные волосы Чжуан Янь и ее белое платье трепещут в золотых лучах. Она была словно ангел, взирающий с неба на землю.

Он поднял дочку поближе к антенне; девочка изо всех сил прижала ладонь к гладкой поверхности.

— Я смогу ее повернуть?

— Если будешь долго стараться, — ответила Чжуан Янь. Затем, улыбнувшись, посмотрела на Ло Цзи: — Верно?

Он кивнул:

— Если очень долго стараться, можно повернуть Землю.

Как бывало много раз раньше, их взгляды пересеклись и сплелись — точно так же, как два столетия назад они смотрели друг на друга перед улыбкой Моны Лизы. Выдуманный Чжуан Янь язык взглядов стал реальностью. А быть может, влюбленным этот язык был ведом во все времена. Ло Цзи и Чжуан Янь смотрели друг на друга, и из их глаз изливалась река чувств и мыслей, такая же непрерывная, бесконечная, как поток облаков, выплывающих из гравитационного колодца над антенной. Но этот язык не принадлежал сему миру. Он создавал свой собственный; и лишь в этом розовом мире слова языка взглядов обретали свой особый, глубинный смысл и ясную определенность. Любое существо в этом мире становилось божеством; каждый мог сосчитать все песчинки в пустыне и сплести хрустальное ожерелье из звезд, чтобы украсить им шею возлюбленного…

Так выглядит любовь?

Эта строка возникла на неожиданно появившейся рядом с ними зеркальной сфере развернувшегося софона. Казалось, будто где-то наверху цилиндр антенны расплавился и одна из блестящих капель упала вниз. Среди трисоляриан у Ло Цзи было мало знакомых. Он не представлял, кто

решил с ним поговорить и где тот находится — на Трисолярисе или на корабле флота, летящего прочь от Солнечной системы.

— Вполне возможно, — улыбнувшись, кивнул Ло Цзи.

Доктор Ло, я хочу выразить протест.

— Что?

Вчера вечером ты выступал с речью. Ты сказал следующее: человечество поздно догадалось о темном лесе Вселенной не потому, что оно находится на начальной стадии культурной эволюции и не в состоянии постичь природу Вселенной, а потому, что у человечества есть любовь.

— А разве это не так?

Это так, пусть даже слово «любовь» не имеет точного научного определения. Ошибка заключалась в твоей следующей фразе. Ты сказал, что люди — единственная раса во Вселенной, способная любить, и что это убеждение поддерживало тебя в самые тяжелые времена.

— Мало ли что я говорил… Это всего лишь официальная речь, пустые слова…

Я знаю, что любовь известна на Трисолярисе. Но как только она зародилась, ее подавили — она не способствовала выживанию нашей цивилизации. Но ростки любви очень живучи, и некоторые из

нас хорошо с ней знакомы.

— Позвольте спросить, кто вы?

Мы никогда не встречались. Я Слушатель, передавший предупреждение на Землю два с половиной века назад.

— Боже мой, и вы еще живы? — воскликнула Чжуан Янь.

Мне уже недолго осталось. Меня много лет хранили в дегидрированном состоянии, но даже обезвоженное тело стареет. Тем не менее я счастлив, что собственными глазами увидел то будущее, к которому стремился.

— Примите наше глубочайшее уважение, — ответил Ло Цзи.

Я хотел бы обсудить с тобой одну теорию: не исключено, что семена любви встречаются и в других уголках Вселенной. Нам следовало бы помочь им взойти и вырасти.

— Ради такого стоит рискнуть!

Да, стоит.

— Мне порой снится, что однажды яркий солнечный свет озарит сумрак леса.

Солнце уже почти зашло. Из-за гор на горизонте выглядывал лишь край его диска. Создавалось впечатление, что гору украсили блестящим драгоценным камнем. Резвящаяся на траве девочка

купалась в золотистых лучах заката.

Солнце скоро зайдет. Твое дитя не боится?

— Разумеется, она не боится. Она ведь знает, что завтра солнце взойдет снова.

Вечная жизнь смерти

Предисловие переводчика

Над переводом этой книги работали два переводчика-соавтора: пишущая эти строки Ольга Глушкова, ранее переведшая «Задачу трех тел», и Дмитрий Накамура, переведший «Темный лес».

Итак, работа над трилогией «Воспоминания о прошлом Земли» окончена. Это был долгий и трудный полет для всех нас. Начался он в 2014 году, а закончился в 2017-м.

Первая книга трилогии — «Задача трех тел» — приобрела большую популярность, и читатели попросили перевести следующую — «Темный лес». Я сильно устала после перевода «Задачи трех тел» — жанр был мне не очень привычен — и поэтому с чисто трисолярианским коварством подбила на перевод второго романа цикла того самого Д. Накамуру, который терпеливо выправлял мои научные ляпы. До того момента Дмитрий занимался только научно-техническим переводом, а художественным — никогда. Он принимался за эту работу с оглядкой, но я обещала всемерную поддержку. Вместе мы одолели «Темный лес». Каждый из нас работал не поднимая головы, забывая про сон и еду. И даже про

выпивку. Д. Накамура справился с огромной и очень сложной книгой просто блестяще.

В работе над «Темным лесом» к нашему скромному экипажу присоединился Андрей Сергеев, которому мы быстренько дали позывной «Дождик». За этим легкомысленным прозвищем скрывается, однако, кандидат физико-математических наук с огромным добрым сибирским сердцем. Этот человек читает книги по квантовой механике на сон грядущий. Его помощь просто неоценима — и с точки зрения правильной научной терминологии, и с точки зрения стиля. Дождик, мы любим тебя!

С нами работала также Миррима — она выловила множество ошибок и опечаток, давала ценные советы по части подбора того или иного слова. Спасибо ей от всей души.

В основном практически эта же команда, за исключением Константина Васенина (впрочем, он немного помог вначале, за что ему тоже благодарность!) и Мирримы, работала и над третьим романом цикла. Процесс этот был долгим, напряженным, но без малейших конфликтов, возникающих в группе людей, полностью оторвавшихся от земной действительности, хотя и не без споров и горячих обсуждений. Мы с

Дмитрием переводили, нам помогал все тот же Дождик, а также Наталья Мужичкова — филолог, моя землячка, чем я очень горжусь. Наталья оказала огромную помощь по части грамматики, а также стилистики и просто поддерживала нас морально и выискивала интересные исторические факты. Факт о держателе меча при дворе китайского императора, оказавший влияние на концепцию перевода, обнаружила именно она.

Огромная благодарность нашему бета-ридеру Андрею Красько — его замечания позволили выловить множество нестыковок и пылевых частиц.

Наша постоянная и верная помощница Миляуша Шакирова делала обложки ко всем книгам трилогии, а обложка к «Вечной жизни Смерти» — это ее оригинальное творение. Она также занималась оформлением хронологических таблиц.

У нас были и другие временные помощники, которые быстро отстыковались, поняв, что звездолет набрал слишком большую скорость. Все равно большое спасибо им от команды выживших.

И, конечно, мы не можем не выразить огромную, многомерную благодарность великолепной

Linnea, моему бессменному редактору и другу, с которой мы готовы лететь на другой край Вселенной. Она навела окончательный глянец на нашу работу. Дорогая Linnea, спасибо тебе!

* * *

В работе мы столкнулись с рядом проблем, о путях решения которых велись жаркие споры. Одна из них: как коротко и четко называть корабль, который способен летать со скоростью света? Не писать же каждый раз «корабль, способный летать со скоростью света»! К тому же ни один корабль никогда не сможет летать со скоростью света, но — хотя бы чисто теоретически — лишь с околосветовой скоростью. Однако автор везде называет такие космолеты кораблями, летающими со скоростью света. Как быть переводчику?

То же самое относится и к двигателю, но тут еще труднее: «двигатель, с помощью которого можно достигать скорости света». И так каждый раз?

Поэтому мы решили называть эти вещи попросту «световыми кораблями», «светолетами», «световым/пространственным приводом/двигателем», хотя это и неправильно. Придется читателю свыкнуться с не совсем привычной терминологией в угоду плавности речи.

Другая проблема заключалась в том, что мы зачастую уличали автора в нестыковках как чисто литературного, так и научного характера. Наши ученые мужи Дождик и Д. Накамура дали множество комментариев по части не совсем научно обоснованных идей автора. Эти комментарии, возможно, были бы интересны публике сами по себе, поскольку содержат изрядную дозу едких и отравляющих веществ, а также веселящего газа, но мы решили, что не вправе влиять на мнение читателей. Кое-какие чисто литературные неувязки, как, например, путаница с размерами и временными рамками, отмечены в сносках. Когда масштабы произведения настолько велики, немудрено и запутаться, так что давайте отнесемся к авторским ошибкам снисходительно.

Как и в предыдущих книгах, примечания Кена Лю обозначены «прим. К. Л.», примечания от переводчиков «прим. перев.».

* * *

Ну и напоследок мы не можем не выразить своей признательности еще одному человеку, помогавшему во время работы над всеми тремя романами.

Вся наша команда общалась в совместном чате.

Когда у нас возникали подозрения, а не ошибся ли переводчик с китайского на английский Кен Лю (хотя он отличный переводчик и прекрасный писатель сам по себе), мы тут же обращались к нашему китаеведу. И вот представьте себе такой диалог:

Дмитрий: Что это там за чушь написана про пространственные измерения?

О. Г.: А, ну, это к Альберту. Напишем ему.

Дождик (который не в курсе): Вы что, Эйнштейну писать собрались?! O_o

Мы все: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Мы посылаем лучи вечной признательности Альберту Крисскому, нашему неизменно доброжелательному и терпеливому драгоману!

И, конечно, мы бесконечно благодарны всем читателям. Ваша поддержка и энтузиазм значили для нас чрезвычайно много!

Ольга Глушкова

Действующие лица из «Задачи трех тел» и «Темного леса»

Е Вэньцзе — астрофизик; ее семья подверглась репрессиям во времена «культурной революции». Именно она вступила в контакт с трисолярианами, что и вызвало Трисолярианский кризис.

Ян Дун — физик, дочь Е Вэньцзе.

Дин И — физик-теоретик и первый человек, осуществивший контакт с трисолярианскими космическими зондами — так называемыми «каплями». Близкий друг Ян Дун.

Чжан Бэйхай — офицер Азиатского флота. Перед Битвой Судного дня угнал корабль «Естественный отбор», чем подарил человечеству проблеск надежды посреди самого темного отчаяния. Возможно, первым из офицеров понял природу Сражений тьмы.

Сэй — Генеральный секретарь ООН во времена Трисолярианского кризиса.

Мануэль Рей Диас — Отвернувшийся; предложил план создания сверхгигантской водородной бомбы, так называемой «звездной бомбы», как оружия в борьбе с трисолярианами.

Ло Цзи — Отвернувшийся, автор теории «темного леса»; положил начало Устрашению.

Отрывок из предисловия к «Прошлому вне времени»

Пожалуй, следовало бы называть мое повествование историей, если бы ему хватало исторической строгости, ведь в моем распоряжении лишь воспоминания.

Нельзя даже сказать, что я пишу о былом. Изложенные мною события не случались в прошлом, не происходят сейчас и не произойдут в будущем.

Я не хочу вдаваться в детали. Здесь лишь канва событий прошлого. Сохранившихся подробностей и так предостаточно. Надеюсь, что, подобно письмам в закупоренных бутылках, плывущим по волнам океана, они доберутся до новой Вселенной и попадут в чьи-нибудь руки.

Так что я описываю лишь общую схему событий, которую можно заполнить подробностями. Разумеется, это задача не для нас. Я лишь надеюсь, что кто-нибудь в один прекрасный день займется этим.

Мне очень жаль, что этого дня не было в прошлом, нет в настоящем и он не настанет в

будущем.

Я подталкиваю солнце к западу, и капельки росы на траве вспыхивают в закатных лучах, будто миллионы внезапно раскрывшихся глаз. Я приглушаю яркость солнца, торопя сумерки, и вглядываюсь в свой силуэт на отдаленном горизонте.

Я машу силуэту рукой, и он машет мне в ответ. Я гляжу на него и чувствую, как молодость возвращается ко мне.

До чего же замечательное время! Как раз для воспоминаний.

Часть I
Май 1453 года от Р.Х
Смерть колдуньи

Остановившись на мгновение, чтобы собраться с мыслями, Константин XI смел в сторону ворох планов городской обороны, поплотнее запахнул свою пурпурную мантию и замер в ожидании.

Он обладал превосходным чувством времени. Дрожь пришла точно в предвиденный момент — сильные, грубые толчки, казалось, исходили глубоко из-под земли. Зазвенела серебряная люстра; пыль, тысячу лет пролежавшая на крыше Большого дворца, поднялась в воздух, тонким облачком влетела в пламя свечей и вспыхнула там, как крошечный фейерверк.

Каждые три часа — столько времени требовалось османам, чтобы перезарядить исполинские бомбарды работы инженера Орбана — шестисоткилограммовые каменные ядра били в стены Константинополя, самые крепкие городские стены во всем мире. Их построил еще Феодосий II в V веке, и с тех пор их неустанно расширяли и укрепляли. Под защитой этих стен византийский

двор уже не одно столетие отражал атаки многочисленных могучих врагов.

Но с каждым попаданием огромные ядра пробивали новые и новые бреши. Казалось, будто какой-то невидимый гигант откусывает один кусок стены за другим. Император представил себе, как взвиваются в воздух осколки, как толпы солдат и горожан спешат к очередной ране в стене сквозь тучи пыли, подобно бесстрашным муравьям. Люди бросали в проломы все, что было под рукой: мусор из развалин, мешки с землей, бесценные персидские ковры… Он даже представил себе, как облако пыли, пронизанное закатными лучами солнца, золотистым саваном неторопливо окутывает Константинополь.

Город уже пять недель находился в осаде, и стены тряслись семь раз в сутки — равномерно, словно бой гигантских часов. Это был пульс другого мира — мира нехристей. Подавленный этим ритмом, звон бронзовых часов с двуглавым орлом, стоявших в углу кабинета и отсчитывавших время христианства, был почти не слышен.

Дрожь утихла. Через какое-то время Константин заставил себя вернуться к реальности. Жестом он показал охраннику, что готов принять посетителя.

Вошел Сфрандзи, один из наиболее доверенных министров. За его спиной, держась поближе, следовала тонкая фигурка.

— Это Елена. — Сфрандзи сделал шаг в сторону, давая рассмотреть женщину.

Император взглянул на нее. Аристократки Константинополя любили богато украшенные одежды, а простой народ ходил в белых бесформенных балахонах длиной по щиколотку. Наряд этой Елены был чем-то средним между тем и другим. Вместо туники с золотой вышивкой она носила простое белое платье, но поверх него набросила дорогую накидку. Вместо пурпурного и красного цветов, дозволенных лишь знати, ее накидка была выкрашена в желтый цвет. Лицо, волнующее и чувственное, напоминало цветок, который предпочел бы увянуть под любящим взглядом, чем отцвести в одиночестве.

«Должно быть, продажная женщина — и неплохо зарабатывающая».

Посетительницу била дрожь. Она не поднимала глаз, но император заметил, что в них горит лихорадочный огонь азарта и рвения — редких качеств для людей ее социального положения.

— Ты утверждаешь, что владеешь магией? — спросил император.

Он хотел скорее покончить с этой аудиенцией. Как правило, Сфрандзи подходил к делу добросовестно. Сегодня Константинополь обороняли восемь тысяч воинов. Среди них было немного солдат из регулярной армии и две тысячи генуэзских наемников. Всех остальных Сфрандзи набрал из населения города — практически поодиночке. Императора не слишком интересовала новая задумка министра, но авторитет Сфрандзи требовал, чтобы ему, по крайней мере, дали шанс.

— Да, я могу убить султана. — Тихий голос Елены трепетал, словно паутинка на ветру.

Пять дней назад Елена появилась перед дворцом и потребовала встречи с императором. Когда охрана попыталась ее прогнать, она предъявила предмет, ошеломивший солдат. Они не совсем понимали, что именно видят, но точно знали, что шлюхе вроде нее такую вещь иметь не положено. Елену повели во дворец, но не к императору, а на допрос, чтобы узнать, как ей удалось завладеть подобным предметом. Слова Елены подтвердились, и женщину привели к Сфрандзи.

И вот теперь здесь, в кабинете императора, Сфрандзи достал небольшой сверток, развернул льняную ткань и поставил предмет на стол.

Император не верил своим глазам. Точно так же пять дней назад на эту вещицу смотрела его охрана. Но в отличие от солдат император сразу же понял, что это такое.

Больше девяти веков назад, при Юстиниане Великом, лучшие ювелиры отлили два кубка из чистейшего золота и украсили их драгоценными камнями. Кубки получились настолько прекрасными, что от их вида перехватывало дыхание. Они различались лишь формой и расположением камней. Один хранился у императоров Византии, а другой вместе с прочими сокровищами замуровали в секретной нише, в глубине фундамента собора Святой Софии, когда здание перестраивали в 537 году от Р. Х.

Блеск кубка, хранившегося во дворце и хорошо знакомого императору, с годами потускнел. Но этот, стоящий сейчас на его столе, сверкал так, будто его отлили лишь вчера.

Поначалу никто не поверил словам Елены — посчитали, что она, наверное, украла кубок у какого-нибудь богатого клиента. Хотя о секретной нише в фундаменте слышали многие, мало кто точно знал, где она находится. Более того, ниша таилась глубоко под землей, окруженная огромными каменными блоками, и к ней не вели

ни двери, ни туннели. Чтобы добраться до тайника, пришлось бы разрыть всю улицу.

Четыре дня назад император приказал собрать все драгоценности города на случай, если Константинополь падет. Собственно, это был жест отчаяния: император отлично понимал, что турки перерезали все дороги и отступать с сокровищами просто некуда.

Тридцать землекопов работали без остановки три дня, прежде чем докопались до секретной ниши. Ее стены и в самом деле были сложены из гигантских каменных блоков — ничуть не меньше тех, из которых выстроена великая пирамида Хеопса. Внутри ниши стоял тяжелый каменный саркофаг, наглухо запечатанный двенадцатью толстыми железными обручами. Потребовался целый день, чтобы распилить металл. Только тогда пятерым рабочим под пристальным надзором многочисленной охраны удалось поднять крышку саркофага.

Больше всего их поразили не сокровища и не священные реликвии, пролежавшие в саркофаге без малого тысячу лет, а гроздь свежего винограда на самом верху.

Елена утверждала, что это она положила виноград в саркофаг пять дней назад и что половину

ягод она съела, оставив лишь семь.

Рабочие пересчитали сокровища и сравнили их со списком, оставленным внутри саркофага. Все было на месте, за исключением кубка. Если бы кубок уже не обнаружили у Елены и если бы Елена не объяснила происшедшее, то всех работавших на раскопках людей пришлось бы казнить, даже если бы они единогласно уверяли, что обнаружили и секретную нишу, и саркофаг совершенно нетронутыми.

— Каким же образом ты достала кубок? — спросил император.

Елена задрожала еще сильнее. Похоже, при всей своей магии женщина не чувствовала себя в безопасности. Она с ужасом посмотрела на императора и выдавила ответ:

— Такие места… я просто вижу их… они для меня… — она поискала подходящее слово, — открыты…

— Можешь показать, как ты это делаешь? Возьми что-нибудь из закрытого сундука.

Елена замотала головой — от страха у нее отнялся язык. Она повернулась к Сфрандзи, взглядом умоляя о помощи.

Министр пояснил:

— Она утверждает, что ее магия действует

только в определенном месте. Но она не может сказать, где находится это место, и никто не должен за ней следить. Иначе магия навсегда исчезнет.

Елена энергично закивала, подтверждая слова министра.

— В Европе тебя уже давно сожгли бы на костре, — обронил император.

Елена рухнула на пол, обхватив себя руками, — маленькая фигурка, совсем как ребенок.

— Ты умеешь убивать? — продолжал допрос император.

Но Елена лишь тряслась. Сфрандзи попытался ее успокоить, и наконец, она кивнула.

— Хорошо, — обратился император к министру. — Испытай ее.

* * *

Сфрандзи повел Елену вниз по длинной лестнице, освещенной факелами. Под каждым факелом стояли два вооруженных солдата. Свет отражался от их брони и игриво переливался на стенах.

Наконец они добрались до темного подвала. Елена поплотней закуталась в накидку. Летом здесь хранили запасы льда для всего дворца.

Сейчас в подвале льда не было. В углу под го-

рящим факелом сидел заключенный — судя по одежде, турецкий офицер. Он хищно, по-волчьи, глядел на Сфрандзи и Елену сквозь прутья решетки.

— Видишь его? — спросил Сфрандзи.

Елена кивнула.

Министр передал ей мешок из овчины.

— Теперь уходи. Вернешься с его головой не позже рассвета.

Елена достала из мешка ятаган, сияющий в свете факелов, как серп луны. Она вернула оружие Сфрандзи:

— Это мне не понадобится.

Затем она бесшумно зашагала вверх по ступеням. Когда колдунья проходила мимо факелов, казалось, будто ее фигура меняется — превращается то в кошку, то в женщину… А потом Елена растворилась в темноте.

Сфрандзи повернулся к одному из офицеров:

— Усильте здесь охрану! — И добавил, указав на заключенного: — Не спускайте с него глаз!

Офицер отправился исполнять повеление. Сфрандзи взмахнул рукой, и из сумрака проявился человек в черной монашеской рясе.

— Не подходи близко, — приказал Сфрандзи. — Не беда, если упустишь ее. Но ни в коем случае не

дай ей заметить тебя!

Монах кивнул и устремился вверх по лестнице так же бесшумно, как и Елена.

* * *

Той ночью Константин плохо спал — впрочем, как и в любую другую ночь в осажденном городе. Дрожь от ударов огромных ядер будила императора, как только он начинал засыпать. Незадолго до рассвета он поднялся к себе в кабинет. Там его дожидался Сфрандзи.

Император уже позабыл про колдунью. В отличие от своего отца Мануила II и старшего брата Иоанна VIII, Константин был практичным человеком и знал: тот, кто полагается на чудо, чаще всего долго не живет.

Сфрандзи приблизился к двери и подал знак. Елена бесшумно вошла в кабинет. Похоже, сегодня она боялась не меньше, чем вчера: когда она подняла овчинный мешок, ее руки заметно тряслись.

Как только Константин увидел мешок, он понял, что без толку потратил время. Из тощего мешка не сочилась кровь. Совершенно очевидно, что головы узника в нем не было.

Но лицо Сфрандзи не выражало разочарова-

ния. Скорее министр смотрел рассеянно, словно блуждающий во сне лунатик.

— Похоже, она не принесла то, что мы требовали? — спросил император.

Сфрандзи забрал мешок у Елены, положил на стол перед императором и раскрыл. Затем поднял на Константина такой взгляд, будто только что лицезрел привидение.

— Можно сказать, принесла…

Император заглянул в мешок. На самом дне лежало что-то серое, мягкое, наподобие испортившегося блюда из бараньего жира. Сфрандзи поднес канделябр поближе.

— Это мозг турка.

— Она что, раскроила ему череп? — Константин бросил взгляд на Елену. Та, закутавшись в накидку, дрожала, как перепуганный мышонок.

— Нет, на теле заключенного не нашли никаких ран. По моему приказу за ним следили двадцать человек, по пять в каждой смене, с разных сторон, не спуская глаз. Охранников у дверей подвала тоже предупредили; не пролетел бы даже комар. — Сфрандзи смолк, словно поражаясь собственному рассказу.

Император кивком велел ему продолжать.

— Через два часа после ее ухода турок внезапно

забился в конвульсиях и повалился замертво. Среди наблюдателей были один опытный врач-грек и несколько солдат, ветеранов многих сражений. Ни один из них ни разу не видел, чтобы кто-то умирал таким образом. Через час Елена вернулась с мешком. Тогда врач распилил мертвецу череп. Внутри оказалось пусто.

Константин внимательно рассмотрел лежащий в мешке мозг и не нашел ни единого повреждения. Нежный орган аккуратно извлекли целиком. Император заметил, что пальцы Елены сжимают отвороты туники. Он представил себе, как она протягивает руку и срывает этими пальцами прячущийся в траве гриб или как обрывает ими лепестки цветков яблони…

Властитель устремил взор в сторону городских стен, будто наблюдая, как что-то поднимается из-за горизонта. Дворец сотрясли новые удары осадных бомбард, но император впервые не обратил на них внимания.

«Если в мире бывают чудеса, то сейчас для них самое время».

Положение Константинополя было отчаянным, но пока еще не безнадежным. За пять недель кровопролитных сражений нападающие тоже понесли тяжелые потери. Кое-где горы трупов

турецких солдат сравнялись по высоте с городскими стенами. Нападающие обессилели не меньше обороняющихся. Пару дней назад смелые моряки-генуэзцы прорвали блокаду Босфора и вошли в залив Золотой Рог, доставив в город бесценные грузы и подкрепление. Никто не сомневался, что за ними следуют другие защитники христианской веры.

Турецкие войска пали духом. Большинство офицеров были не прочь принять предложенные Византией условия мира и отправиться по домам. Турки оставались на месте из-за одного-единственного человека.

Этот человек свободно говорил на латыни, знал искусство и науки и был опытным полководцем. У него не дрогнула рука утопить своего брата в ванне, чтобы занять трон самому. Он обезглавил прекрасную рабыню перед строем своих войск, чтобы доказать, что его воля сильнее женских чар… Султан Мехмед II был осью, на которой крутились шестеренки османской военной машины. Если эту ось сломать, машина развалится.

«Возможно, и в самом деле произошло чудо?»

— Чего ты хочешь? — спросил император, не отрывая взгляда от городских укреплений.

Елена явно ждала этого вопроса:

— Я хочу славы.

Константин кивнул. Эту женщину не привлекали ни деньги, ни драгоценности. Не существовало такой сокровищницы, в которую, при желании, не проникла бы ее рука. Блудница жаждала почестей.

— Ты из семьи крестоносцев?

— Да. — Через мгновение она тихо пояснила: — Но не четвертого похода[121].

Император коснулся головы Елены, и женщина упала на колени.

— Иди, дитя. Если ты убьешь Мехмеда II, то спасешь Константинополь. Ты станешь святой покровительницей святого города.

* * *

На закате Сфрандзи провел Елену к стене недалеко от ворот святого Романа.

Земля под стенами почернела от крови; повсюду валялись тела, словно небеса пролились дождем из трупов. Чуть поодаль над полем боя тянулся тонкий, неуместно грациозный язык

---

[121] Примечания: 121

Четвертый крестовый поход (1202–1204 гг.) закончился тем, что крестоносцы, так и не добравшись до Святой земли, захватили и разграбили Константинополь. — *Прим. перев.*

белого дыма, исходящего от громадных пушек. А дальше, до самого горизонта, стояли турецкие войска. Целый лес их знамен развевался на влажном морском ветру под низким свинцовым небом.

Если посмотреть в сторону моря, турецкие корабли заполонили весь Босфор. Казалось, будто в голубое море вбили множество железных гвоздей.

Елена закрыла глаза. «Это мое поле боя, это моя война».

Она припомнила легенды, знакомые с детства, истории о предках, которые ей рассказывал отец. В Европе, на другом берегу Босфора, где-то в Провансе, был городок. Однажды над ним зависло облако, из которого вышла целая армия детей. Их возглавлял ангел, а на латах воинов сияли красные кресты. Тогда один из предков Елены, живший в этом городе, последовал знамению свыше и пересек Средиземное море, чтобы сражаться за Бога и за Святую землю. Понемногу он дослужился до рыцаря-тамплиера. Потом приехал в Константинополь, где встретил красивую девушку, тоже святого воина. Они полюбили друг друга, и от них пошел их славный род…

Когда Елена подросла, она узнала подлинную

историю своей семьи. Отец не слишком погрешил против истины — ее предок действительно принимал участие в детском крестовом походе[122]. В то время свирепствовала эпидемия чумы, и он присоединился к походу в поисках пропитания. Когда корабль пристал к египетскому берегу, его и десять тысяч других детей продали в рабство. Через много лет ему удалось сбежать, и в конце концов он оказался в Константинополе, где в самом деле встретил девушку, святую воительницу. Но и на ее долю выпало множество невзгод. Византийская империя надеялась, что христианские страны пришлют своих лучших рыцарей, чтобы сражаться с неверными, а получила армию хрупких девушек без гроша в кармане. Византийский двор отказался кормить «святое воинство», и женщинам-рыцарям пришлось продавать свое тело.

Больше ста лет «славный род» Елены влачил жалкое существование. При ее отце дела пошли

---

[122] Примечания: 122

В начале 1212 года тысячи крестьян (в том числе детей и подростков) из Германии и Франции собрались в войско для завоевания Гроба Господня в Иерусалиме. В мае 1212 года, когда немецкое народное войско прошло через Кёльн, в его рядах насчитывалось около двадцати пяти тысяч детей и подростков, направляющихся в Италию, чтобы оттуда морем достигнуть Палестины. В хрониках XIII века более пятидесяти раз упоминается этот поход, который получил название «Крестового похода детей». (https://ru.wikipedia.org/wiki/Крестовый_поход_детей).

еще хуже. Оголодавшая Елена вернулась к профессии прабабки; но отец узнал об этом, выпорол ее и пообещал убить, если еще хоть раз поймает за этим занятием… Ну разве что Елена станет приводить клиентов на дом. Уж он тогда и цену справедливую вытрясет, и деньги ее будет держать в сохранности…

Елена ушла из дома, стала жить самостоятельно и работать только на себя. Она побывала и в Иерусалиме, и в Трабзоне, и даже в Венеции. Девушка перестала голодать и начала красиво одеваться. Однако Елена знала, что ничем не отличается от травинки, растущей в грязи у дороги, — она никак не выделялась среди других, и ее топтали все кому не лень.

А потом Бог явил Елене чудо.

Даже тогда она не сравнивала себя с Жанной д'Арк — еще одной женщиной, которой коснулось божье благословение. Что дал Бог Орлеанской деве? Всего лишь меч. А Елене досталось нечто такое, что сделает ее святой, уступающей только деве Марии…

— Смотри. Вон там расположился лагерь *Эль-Фатиха*, Завоевателя. — Сфрандзи указал в сторону от ворот Св. Романа.

Елена взглянула туда и кивнула.

Сфрандзи передал ей новый овчинный мешок:

— Здесь три его портрета, с разных сторон и в разной одежде. И нож — он тебе понадобится. Нам нужна его голова целиком, а не только мозг. Лучше дождись ночи. Днем он не появляется в своем шатре.

Елена приняла мешок.

— Не забудьте о моем предупреждении, — напомнила она.

— Конечно.

Не следите за мной. Не заходите туда, куда я пойду. Иначе магия исчезнет навсегда.

Соглядатай, следивший за ней этой ночью под видом монаха, сообщил Сфрандзи, что Елена старательно путала следы, несколько раз поворачивала и возвращалась обратно, пока не дошла до Влахерн[123]. Этот квартал больше всего пострадал от турецкой бомбардировки.

Мнимый монах проследил, как Елена заходит в развалины минарета, бывшего когда-то частью мечети. Эту башню не тронули, когда Констан-

---

[123] Примечания: 123

Влахерны — северо-западный пригород Константинополя, со времен Юстиниана известный церковью Богородицы, где в 910 году произошло знаменитое явление Богоматери верующим. Здесь находился императорский дворец, который с 1081 г. стал основной резиденцией монарха. В 1453 г. турки ворвались в Константинополь, пробив стены Влахернского квартала. — *Прим. перев.*

тин приказал разрушить все мечети города, потому что во время последней эпидемии чумы в минарет проникли несколько больных и там скончались. Никто не хотел даже близко подходить к ним. Когда началась осада, шальное ядро снесло верхнюю половину башни.

Помня о приказе Сфрандзи, соглядатай не последовал за Еленой внутрь минарета. Но он поговорил с двумя солдатами, которые бывали там прежде, чем в сооружение угодило ядро. Солдаты рассказали, что намеревались разместить там наблюдательный пост, но минарет оказался недостаточно высоким. По их словам, внутри башни не было ничего, кроме нескольких трупов, от которых остались только скелеты.

На сей раз Сфрандзи никого не отправил следить за Еленой. Он внимательно смотрел, как она пробирается между солдатами, толпившимися на стенах. Ее яркая туника выделялась на фоне грязных, окровавленных доспехов. Изнуренные солдаты не обращали на женщину внимания. Она спустилась со стены и, даже не стараясь запутать возможного преследователя, направилась во Влахерны.

Наступила ночь.

* * *

Константин не сводил взгляда с подсыхающего на полу мокрого пятна — символа его тающих надежд.

Воду принесли на своих башмаках его лазутчики. В прошлый понедельник дюжина доверенных людей, переодетых турками, в крохотной лодчонке проскользнула сквозь блокаду, чтобы встретить флот Европы. Предполагалось, что европейцы придут на помощь осажденному Константинополю. Но лазутчики увидели лишь пустынное Эгейское море и ни единого корабля долгожданных спасителей. Подавленные увиденным, лазутчики исполнили свой долг до конца: вернулись в город сквозь кольцо осады и доставили императору сокрушительное известие.

Константин наконец понял, что обещанная Европой помощь — не более чем пустые мечты. Святейшие короли христианского мира хладнокровно решили отдать Константинополь неверным — а ведь священный город на протяжении многих столетий отбивал атаки приверженцев Мухаммеда.

До ушей императора донеслись тревожные крики снаружи. Вбежал солдат и доложил, что

случилось лунное затмение. Ужасное предзнаменование! Ведь сказано же было, что Константинополь не падет, пока светит луна!

Сквозь узкое окно Константин следил, как луна растворяется среди теней, будто сходя в небесную могилу. Он был подсознательно убежден, что Елена не вернется и что ему не суждено увидеть отрезанную голову своего врага.

Прошел день, а за ним ночь. Никаких новостей от Елены.

* * *

Сфрандзи и его свита остановились перед минаретом во Влахернах, спешились и замерли от потрясения.

Озаренный холодным белым светом только что взошедшей луны, минарет стоял цел и невредим. Его острая вершина вонзалась в звездное небо.

Соглядатай клялся, что в прошлый раз у башни недоставало верхушки! Это подтвердили и несколько офицеров и солдат, знакомых с окрестностями.

Но Сфрандзи в гневе уставился на свою ищейку. Сколько бы свидетелей ни утверждало обратное, этот человек *лжет*! Минарет цел, какие еще нужны доказательства?! Однако для наказания

виновного нет времени. Турки уже скоро ворвутся в город, и тогда никто не избежит кары Завоевателя.

Один из солдат точно знал, что вершина минарета исчезла не из-за турецких ядер. Однажды утром, две недели назад, он заметил, что верхняя половина башни пропала. Но той ночью пушки не стреляли! Кроме того, вокруг здания не валялись обломки. В то утро солдат шел здесь с двумя сослуживцами, но они уже погибли в бою. Верно истолковав выражение лица министра, солдат решил промолчать.

Сфрандзи и его люди вошли внутрь минарета. Соглядатай, в ошибке которого министр ничуть не сомневался, пошел со всеми. На первом этаже валялись останки жертв чумы; их скелеты уже растащили по углам бродячие собаки. И никого живого.

Люди поднялись по лестнице. На втором этаже в мерцающем свете факела они нашли Елену, свернувшуюся клубком возле окна. Казалось, что она спит, но в ее полуоткрытых глазах отражалось пламя факелов. Одежда девушки превратилась в грязные лохмотья, а на лице сочились кровью несколько царапин — наверное, она сама разодрала себе щеки.

Сфрандзи осмотрелся. Они находились на самом верху минарета, на чердаке под конической крышей. На всем лежал толстый слой пыли, и лишь в нескольких местах остались следы — очевидно, Елена, как и они сами, вошла сюда недавно.

Елена очнулась и, опираясь о стену, поднялась на ноги. В лунном свете, льющемся сквозь окно, ее растрепанные волосы сияли, как серебряный нимб. Широко раскрытые глаза смотрели в одну точку. С трудом ей удалось отрешиться от наваждения, но затем она снова закрыла глаза, будто стараясь вернуться в прерванный сон.

— Что ты здесь делаешь? — закричал на нее Сфрандзи.

— Я… Я не могу войти туда.

— Куда?

Не открывая глаз, будто не желая расставаться с воспоминаниями — так ребенок цепляется за любимую игрушку, — она проговорила:

— Там так просторно… Так уютно…

Она открыла глаза и осмотрелась в ужасе:

— А здесь… здесь как в гробу! Что внутри минарета, что снаружи… Мне надо туда!

— Ты выполнила задание?

— Подождите! — Елена осенила себя крестным

знамением. — Подождите!

Сфрандзи указал на окно:

— Слишком поздно.

На людей навалилась какофония звуков. Если прислушаться, они исходили из двух мест.

Одна волна шума пришла из-за стен. Мехмед II решил завтра брать город штурмом. А сейчас молодой султан разъезжал по лагерю и провозглашал, что лично ему нужен только город: солдаты могут забирать себе и женщин, и золото Константинополя. После захвата города у них будет три дня на грабеж. Воины громко радовались, их голоса смешивались со звуками фанфар и барабанов, еще больше подогревающих веселье. Праздничный шум из турецкого лагеря, а также дым и искры многочисленных костров плотным гибельным приливом накрыли Константинополь.

А другая волна шума, тихого и печального, шла изнутри города. Все горожане собрались в Софийском соборе, чтобы принять участие в последней мессе. Ничего подобного раньше не случалось в истории христианства и не случится в будущем. Под звуки торжественных гимнов, в тусклом сиянии свечей император Византии, патриарх Константинополя, православные с Во-

стока и католики из Италии, солдаты в доспехах, торговцы и моряки из Венеции и Генуи и бесчисленные толпы простого народа пришли к Богу, чтобы приготовиться к последнему в их жизни сражению.

Сфрандзи понял, что его попытка не удалась. Вероятно, Елена была талантливой лгуньей и никакой магией не владела — он предпочитал это объяснение всем прочим. Но возможен и другой вариант: Елена умела колдовать, но перешла на сторону Мехмеда II, и он дал ей другое задание.

И в самом деле, что могла ей предложить разваливающаяся на глазах Византийская империя? Император пообещал сделать ее святой, но вряд ли сдержал бы слово. Ни Константинополь, ни Рим не объявили бы ведьму-потаскуху святой. Да, скорее всего, она вернулась от султана с новым списком жертв: Константин и он сам, Сфрандзи.

Разве не это произошло с Орбаном, инженером из Венгрии? Он пришел к Константину, принес чертежи огромных пушек — но у императора не нашлось денег ни на оплату его труда, ни на постройку исполинских орудий. Тогда Орбан отправился к Мехмеду II. Ежедневные бомбардировки служили постоянным напоминанием о его предательстве.

Сфрандзи бросил взгляд на свою ищейку. Тот немедленно выхватил меч и всадил его в грудь Елены. Меч пронзил женщину насквозь и намертво застрял в расщелине между камнями стены. Убийца потянул за рукоятку своего оружия, но оно даже не шевельнулось. Елена ухватилась за эфес; соглядатай отпустил меч, боясь прикоснуться к ведьме.

Сфрандзи и его люди ушли.

Во время казни Елена не проронила ни звука. Постепенно голова женщины бессильно поникла, покинув столб лунного света, и серебристый нимб ее волос угас. Лунные лучи высвечивали на темном полу башни небольшой квадрат. По нему, будто тонкая черная змейка, полз ручеек крови.

Перед началом великого сражения смолкли все звуки — и снаружи города, и внутри. Восточная Римская империя встречала свой последний день на Земле, на границе Европы и Азии, между морем и сушей.

На втором этаже минарета умерла колдунья, пригвожденная мечом к стене. Наверное, она была единственной настоящей колдуньей за всю историю человечества. К сожалению, десять часов назад недолгой эпохе магии тоже настал конец.

Эпоха магии началась в четыре часа дня 3 мая 1453 года, когда фрагмент многомерного пространства пересек орбиту Земли. Эпоха закончилась в девять часов вечера 28 мая 1453 года, когда фрагмент оставил Землю позади. Прошло двадцать пять дней и пять часов, и все вернулось на круги своя.

Вечером 29 мая турки захватили Константинополь.

Когда кровопролитная битва уже подходила к неизбежному концу, Константин, стоя перед наступающим морем врагов, вскричал: «Город пал, а я все еще жив!» Потом он сорвал с себя императорские одежды, выхватил меч и ринулся в бой. Его серебряные латы блеснули на мгновение, будто фольга, брошенная в темно-красную кислоту, и пропали.

Пройдет много лет, прежде чем люди поймут историческую значимость падения Константинополя. Для большинства это событие отметило последний вздох Римской империи. Византия, тысячелетний след колесницы древнего Рима, многие годы жила богато, но понемногу колея заросла и богатства истаяли, как испаряется лужа воды под жарким солнцем. В давние времена гордые римляне насвистывали песенки, нежась

в своих величественных термах, уверенные, что их империя, как и гранит их бассейнов, будет существовать вечно.

Но ничто не вечно под луной. Всему рано или поздно приходит конец. Абсолютно всему.

Эра Кризиса, год 1-й
Режим жизни

Ян Дун жаждала спасения, но знала, что надежды нет.

Она стояла на балконе последнего этажа центра управления и обводила взглядом замерший без дела ускоритель элементарных частиц. Отсюда она видела сооружение целиком, все двадцать километров его окружности. Отходя от традиции, кольцо ускорителя разместили не в подземном туннеле, а в наземной бетонной трубе. Под лучами заходящего солнца оно казалось огромной точкой[124].

Конец чего означает эта точка? Будем надеяться, что лишь конец физики.

Раньше Ян Дун верила, что, даже если в жизни и мире порой бывают недостатки, и в микроско-

---

[124] Примечания: 124
В китайском алфавите точка изображается вот так: 丶 — *Прим. К. Л.*

пически малом, и в астрономически большом масштабе все оставалось прекрасно и гармонично. Наш повседневный мир — не более чем пена на поверхности безупречного океана фундаментальной реальности. А теперь оказалось, что мир — это просто красивая обертка. Микрокосм внутри нее и макрокосм снаружи куда более безобразны и хаотичны, чем обертка.

Даже подумать страшно.

Было бы легче, если бы она не беспокоилась о подобных вещах. Если бы выбрала карьеру подальше от физики, вышла замуж, завела детей и жила самой обычной, мирной жизнью, как миллионы других женщин. Но, конечно, для нее такое существование было бы полужизнью.

Ян Дун тревожило кое-что еще — ее мать, Е Вэньцзе. Однажды, совершенно случайно, Ян Дун обнаружила на компьютере матери несколько тщательно зашифрованных сообщений. Они пробудили в Ян Дун жгучее любопытство.

Подобно многим пожилым людям, Е Вэньцзе слабо разбиралась, как действует компьютер. Она просто удалила расшифрованные документы вместо педантичного затирания их текста. Она и понятия не имела, что удаленные документы можно легко восстановить даже после формати-

рования жесткого диска.

Впервые в жизни Ян Дун что-то скрыла от своей матери. Она тайком восстановила удаленные документы. Ей понадобилось несколько дней, чтобы их прочитать. Так она узнала о Трисоляри-се и о секрете, который хранили инопланетяне и Е Вэньцзе.

Ян Дун словно громом поразило. Ее мать, человек, которому она доверялась бо!льшую часть своей жизни, оказалась совершенно чужой, причем настолько, что она и вообразить не могла! Ян Дун не решилась вызвать мать на разговор — и никогда не решится, потому что, как только она задаст ей вопрос, образ матери в ее душе переменится полностью и навсегда. Лучше делать вид, что ничего не произошло, что Е Вэньцзе такая же, как раньше, и жить по-старому. Конечно, Ян сочла бы такую жизнь полужизнью.

Но чем плохо состояние полужизни? Множество людей в ее окружении жили лишь наполовину. Если научиться забывать, если суметь приспособиться, то и полужизнь можно провести довольным и счастливым.

Одна половина жизни Ян кончилась вместе с физикой. Другая — с раскрытием секрета матери. Так что же у нее осталось?

Ян Дун облокотилась на перила и устремила взгляд в пропасть под собой, охваченная одновременно страхом и искушением. Перила задрожали под ее весом, и она отскочила, как будто ее ударило током. Ян не рискнула оставаться на балконе; она развернулась и шагнула обратно, в зал терминалов.

Здесь Центр разместил аппаратуру для доступа к суперкомпьютеру, обрабатывающему результаты экспериментов. Несколько дней назад все экраны были отключены, но сейчас некоторые из них снова работали. Это немного утешило Ян Дун, но она знала, что суперкомпьютер больше не управляет ускорителем — его вычислительные ресурсы отдали другим проектам.

В зале находился лишь один молодой человек. Увидев Ян Дун, он встал. Молодой человек носил очки в толстой ярко-зеленой оправе, которые придавали ему весьма своеобразный вид. Ян начала было объяснять — мол, она зашла, чтобы забрать личные вещи, но как только очкарик узнал ее имя, он с воодушевлением принялся рассказывать, чем он тут занимается.

Оказалось, что он просчитывает математическую модель Земли. В отличие от прежних, эта модель сводила воедино биологию, геологию,

астрономию, метеорологию, океанологию и множество других наук, чтобы реконструировать эволюцию поверхности Земли.

Молодой человек подвел Ян Дун к нескольким большим мониторам. По ним не бежали колонки цифр, не извивались линии сложных графиков. На них красовались яркие цветные картины — виды континентов и океанов Земли с большой высоты. Он подвигал мышкой, изменил масштаб и показал, как выглядят вблизи реки и рощи его модели.

Ян Дун как будто ощутила дыхание свежего ветра в комнате, где до этого царили лишь абстрактные числа и теории. Ей почудилось, что она вырвалась на свободу.

Выслушав объяснения молодого ученого, Ян Дун собрала свои вещи, вежливо попрощалась и повернулась к выходу. Она чувствовала, что парень смотрит ей вслед, но она давно привыкла к такому поведению мужчин. Сейчас Ян не чувствовала раздражения — наоборот, ощутила удовольствие, словно среди глубокой зимы увидела солнце. Ее охватила внезапная жажда общения.

Она повернулась к очкарику:

— Вы верите в Бога?

Этот вопрос поразил саму Ян Дун. Но, учитывая модель, светящуюся на терминалах, тема была вполне уместной.

Вопрос ошеломил и ученого. Через какое-то время он сумел закрыть рот, а затем осторожно спросил:

— О каком именно боге вы говорите?

— Просто о Боге. — Она снова почувствовала себя полностью измотанной. Ей недоставало терпения объяснить подробно.

— Тогда не верю.

Ян Дун указала на большие мониторы:

— Но ведь физические параметры, регулирующие существование жизни, крайне безжалостны и не допускают ни малейшего отклонения! Возьмите для примера жидкую воду. Она существует только в узком диапазоне температур. Если же посмотреть на всю Вселенную, становится совершенно очевидно: сместись параметры Большого взрыва хотя бы на одну миллионную часть одной миллиардной, не образовались бы тяжелые элементы и не возникло бы самой жизни. Разве это не доказывает существование Создателя?

Молодой человек покачал головой:

— О Большом взрыве я знаю слишком мало. Но говоря о Земле, вы кое-чего не учитываете. Жизнь

не просто зародилась на Земле — она изменила и саму планету. Взаимодействие между мертвой и живой природой создало ту окружающую среду, в которой мы с вами живем сегодня.

Он схватил мышку и принялся щелкать ею.

— Давайте запустим модель.

Он вызвал окошко со множеством цифр. Щелкнул мышкой на галочке в самом верху, и все цифры окрасились серым.

— Я отключил режим наличия жизни. Давайте теперь посмотрим, как стала бы развиваться Земля, если бы на ней не возникла жизнь. Я ускорю моделирование, чтобы нам долго не ждать.

Ян Дун бросила взгляд на другой терминал и заметила, что суперкомпьютер работает на всю мощность. Такая машина потребляет столько электроэнергии, сколько небольшой город. Однако Ян Дун не попросила собеседника остановить расчеты.

На большом экране появилась новорожденная планета. Ее поверхность светилась багровым, словно уголек в топке. Часы на экране отсчитывали геологические эры; планета понемногу остывала. Цвета и узоры на поверхности медленно менялись, завораживая взгляд. Через несколько минут оранжевый шар на экране за-

стыл, и моделирование закончилось.

— Мы прогнали модель в ускоренном режиме. Для точного расчета понадобится больше месяца. — Ученый двинул мышкой и увеличил масштаб. Виртуальная камера пролетела над широкой пустыней, над группой незнакомых высоких горных вершин и над впадиной наподобие метеоритного кратера.

— И что же это перед нами? — указала на экран Ян Дун.

— Это Земля. Только без жизни. Вот так выглядела бы наша планета.

— Но… где же океаны?

— Океанов нет. И рек нет. Вся поверхность совершенно сухая.

— Вы хотите сказать, что без жизни на Земле не было бы жидкой воды?

— Действительность, думается, оказалась бы еще более шокирующей. Заметьте, это очень грубое моделирование. Но, по крайней мере, теперь вы видите, насколько существенно жизнь повлияла на развитие Земли.

— Но…

— Вы, наверное, считаете, что жизнь — это что-то хрупкое, нежное, изо всех сил цепляющееся за поверхность планеты?

— А разве это не так?

— Только если вы забудете о факторе времени. Дайте колонии муравьев повод перетаскивать песчинки — и за миллиард лет она сровняет с землей гору Тайшань[125]. Предоставьте жизни достаточно времени — и она окажется крепче камня и стали, могущественнее, чем тайфун или вулкан.

— Но горы образуются под воздействием геологических процессов!

— Не всегда. Даже если жизнь не способна создать гору, она может изменить ландшафт. Возьмите три горы: на двух из них растет лес. Третью же, лишенную растительности, скоро разрушит эрозия. «Скоро», конечно, означает «через миллионы лет», но в геологических масштабах это одно мгновение.

— А куда делись океаны?

— Надо будет изучить результаты моделирования; это работа не на один день. Но могу предположить вот что: растения, животные и бактерии повлияли на состав атмосферы. Без жизни наша атмосфера оказалась бы совсем

---

[125] Примечания: 125

Тайшань (буквально гора Восхода, то есть Восточная гора) — гора в китайской провинции Шаньдун высотой 1545 м (https://ru.wikipedia.org/wiki/Тайшань). — *Прим. перев.*

другой. Возможно, она не смогла бы защитить поверхность от солнечного ветра и ультрафиолета. А это привело бы к испарению океанов. Потом парниковый эффект превратил бы атмосферу Земли в подобие венерианской. Влага с течением времени рассеялась бы в космосе, и через несколько миллиардов лет на Земле не осталось бы ни капли воды.

Ян Дун молча взирала на пожелтевший труп планеты.

— Так что Землю, на которой мы живем, создала жизнь — создала под себя. Бог здесь совершенно ни при чем. — Молодой человек в зеленых очках распростер руки и шутливо обнял монитор. Очевидно, ему понравилась собственная речь.

Вообще-то Ян Дун не собиралась обсуждать такие темы, но в тот момент, когда собеседник движением мышки отключил в модели режим жизни, ее осенило.

И она задала страшный вопрос:

— А как насчет Вселенной?

— Вы о чем?

— Если мы построим такую же математическую модель для всей Вселенной и отключим режим жизни, какой получится наша Вселенная в результате?

Ее собеседник на мгновение задумался.

— Она останется такой же. Когда я говорил о влиянии жизни на окружающую среду, я имел в виду только Землю. Жизнь во Вселенной встречается крайне редко, так что ее влиянием можно пренебречь.

Ян Дун прикусила язык. Прощаясь во второй раз, она попыталась изобразить признательную улыбку. Вышла из здания и подняла взор к усеянному звездами небу.

Из секретных документов матери она знала, что жизнь во Вселенной — явление отнюдь не редкое. Наоборот, Вселенная была полна жизни.

Насколько сильно эта жизнь изменила Вселенную?

Ян Дун с трудом поборола накатившую на нее волну ужаса.

Она знала, что теперь ей нет спасения. Ян Дун пыталась не думать ни о чем, погрузить свой разум во тьму пустоты, но не могла отделаться от одного упрямого вопроса:

А естественно ли мироздание?

Эра Кризиса, год 4-й

Юнь Тяньмин

Сегодня, привычно осмотрев пациентов и уже выходя из палаты, доктор Чжан оставил Юнь Тяньмину газету и сказал, что, раз уж тот так долго находится в больнице, ему нужно бы следить за мировыми событиями. В палате стоял телевизор, и поэтому слова врача удивили Юня. Может быть, он имел в виду что-то еще?

Тяньмин прочел газету и обнаружил, что таблоиды больше не забиты статьями о Трисолярисе и Обществе «Земля-Трисолярис» (ОЗТ). Журналисты стали писать и на другие темы, не имеющие отношения к кризису. Такова природа человека. Люди всегда предпочитали жить одним днем, и сегодняшние заботы оказались важнее событий, ожидаемых через четыре века.

Ничего удивительного. Он стал вспоминать, что происходило четыреста лет назад. Китаем тогда правила династия Мин. Юнь не помнил точной даты, но предположил, что Нурхаци[126] только что создал империю, которой суждено

[126] Примечания: 126

Нурхаци (1559–1626) — основатель маньчжурской империи, названной по ее династии Да Цзинь — «Великая Золотая» (она же Хоу Цзинь — «Поздняя Золотая»). Позже эта династия стала именоваться Цин — это была последняя династия Китая (https:// ru.wikipedia.org/wiki/ Нурхаци). — *Прим. перев.*

погубить миллионы человек и прийти на смену Мин. В Европе только что закончилось Средневековье. До паровой машины еще сто с лишним лет. До электричества — триста. Если бы кто-нибудь в то время стал волноваться, что произойдет через четыреста лет, над ним бы просто посмеялись. Переживать о будущем так же бессмысленно, как и горевать о прошлом.

Что же до самого Тяньмина, то, судя по ходу болезни, ему незачем беспокоиться даже о том, что случится в следующем году.

Но одна статья на первой странице привлекла его внимание:

Специальная сессия Третьего постоянного комитета при Всекитайском собрании народных представителей приняла закон об эвтаназии.

Статья озадачила Тяньмина. Специальную сессию созвали из-за Трисолярианского кризиса, а этот закон вряд ли имеет к нему какое-то отношение.

«Почему доктор Чжан хотел, чтобы я увидел эту статью?»

Он раскашлялся. Пришлось отложить газету и постараться заснуть.

На следующий день этот закон пару раз упомянули в выпусках телевизионных новостей и

даже показали несколько интервью, но особого интереса у широкой публики он не вызвал.

Этой ночью Тяньмин спал плохо. Он кашлял, дышал с трудом, и его мутило после химиотерапии. Сосед по палате присел на край койки Тяньмина и держал ему кислородную маску. Фамилия соседа была Ли, и все звали его Лао Ли — «старина Ли».

Лао Ли оглянулся, убедился, что двое других пациентов в палате крепко спят, и затем сообщил:

— Тяньмин, я скоро уйду.

— Тебя выписывают?

— Нет. Воспользуюсь новым законом.

Тяньмин приподнялся в койке:

— Но почему? У тебя ведь такие заботливые, внимательные дети…

— Именно поэтому. Если я протяну еще дольше, им придется продать свои дома. Но чего ради? Ведь это не лечится. Я обязан позаботиться и о своих детях, и о своих внуках.

Лао Ли вздохнул, потрепал Тяньмина по руке и вернулся в свою койку.

Деревья за окном раскачивались под порывами ветра. Тяньмин смотрел на их тени, мечущиеся по занавескам, и постепенно уснул. Впервые с того дня, когда ему поставили диагноз, ему при-

снился умиротворяющий сон.

Он плыл по спокойному океану в маленьком бумажном кораблике без весел. С затянутого туманом темно-серого неба сеял прохладный дождик, но ни одна капля не долетала до поверхности воды — океан оставался гладким, словно зеркало. Куда ни посмотри, серая вода сливалась с серым небом. Ни горизонта, ни берега…

Наутро Тяньмин проснулся и удивился, почему он так был уверен во сне, что там всегда идет дождь, что океан остается гладким, а небо — темно-серым.

* * *

В госпитале все было готово к проведению процедуры, избранной Лао Ли.

Журналисты спорили между собой до хрипоты, пока не согласились использовать глагол «проводить». Другие варианты, такие как «привести в исполнение» или «осуществить», звучали неподобающе, а «завершить» намекало на неизбежность смерти — что, впрочем, было не совсем верно.

Доктор Чжан спросил Тяньмина, достаточно ли хорошо тот себя чувствует, чтобы присутствовать на церемонии эвтаназии Лао Ли. Врач поспешил добавить, что, поскольку это первый случай

эвтаназии в городе, хотелось бы присутствия делегатов от различных заинтересованных групп, в том числе и кого-нибудь от других пациентов. И ничего иного он в виду не имел.

Тяньмин чувствовал, что за просьбой медика скрывается что-то еще, но доктор Чжан всегда хорошо заботился о своих пациентах, и поэтому Тяньмин согласился.

Позже он внезапно осознал, что имя и лицо доктора Чжана ему знакомы. А не встречались ли они раньше, до госпитализации? Он не мог вспомнить. Тяньмин не узнавал доктора раньше потому, что при встречах они обсуждали исключительно состояние Тяньмина и ход лечения. Работая, врач говорил в одной манере, а вне работы — совершенно в другой.

На процедуре не было никого из родственников Лао Ли. Он решил держать свое решение в секрете от них и попросил городских чиновников, а не больницу сообщить семье, когда все будет кончено. Новый закон давал ему такие права.

Приехало много репортеров, но большинство из них внутрь не пустили. Комнату эвтаназии оборудовали в отделении «скорой помощи». В стене установили одностороннее зеркало; присутствующие могли наблюдать за процедурой, но

пациент их не видел.

Тяньмин протолкался сквозь толпу к самому зеркалу. Как только он увидел обстановку в комнате эвтаназии, его охватили страх и отвращение. Тяньмина чуть не стошнило.

Тот, кому поручили обставить и украсить комнату, постарался на славу. Окна прикрывали новые, красивые занавески, в вазах стояли живые цветы, а на стенах висели многочисленные розовые бумажные сердечки. Но сотрудник, действовавший из самых лучших побуждений и пытавшийся смягчить предназначение палаты, достиг прямо противоположного эффекта. Омрачавшая помещение тень смерти странно смешалась с картиной праздника, как будто чью-то усыпальницу пытались приспособить под спальню новобрачных.

Лао Ли спокойно лежал на койке в середине комнаты. Тяньмин сообразил, что они так и не попрощались, и ему стало грустно. Два нотариуса возились с бумагами. Лао Ли их подписал, и нотариусы вышли.

Вошел другой человек и объяснил Лао Ли порядок проведения процедуры. Этот сотрудник носил белый халат, но было неясно, врач ли он. Сперва он указал на большой экран возле кро-

вати и спросил, может ли Лао Ли читать на нем текст. Тот кивнул. Затем человек в белом халате попросил пациента с помощью компьютерной мышки нажать кнопки на экране. Он пояснил, что, если это слишком сложно, у них есть и другие методы. Лао Ли попробовал мышку и сказал, что его все устраивает.

Тяньмин вспомнил, как Лао Ли рассказывал, что никогда не работал с компьютером. Когда ему требовались наличные, он вставал в очередь к кассиру в банке. Сегодня Лао Ли впервые в жизни пользовался мышкой.

Затем сотрудник рассказал Лао Ли, что на экране загорится вопрос, и этот вопрос зададут пять раз. Под вопросом будут кнопки, пронумерованные от нуля до пяти. Если Лао Ли желает ответить утвердительно, он должен щелкнуть мышкой на кнопке с номером, написанным в инструкции на экране; для каждого вопроса компьютер выберет случайный номер. Если же Лао Ли захочет ответить отрицательно, он должен нажать «ноль», и процедура немедленно остановится. Обычных кнопок «да» и «нет» не предусматривается.

Человек в белом халате объяснил, что такой сложный метод не позволит пациенту нажимать

одну и ту же кнопку раз за разом, не думая об ответе.

Вошла медсестра и ввела в левую руку Лао Ли иглу. Игла тонкой трубочкой соединялась с автоматическим инъектором размером с ноутбук. Человек в белом халате достал запечатанную упаковку, разорвал защитную пленку и извлек пузырек с желтоватым раствором, затем осторожно перелил содержимое пузырька в инъектор и вышел вместе с медсестрой.

В комнате остался только Лао Ли.

На экране загорелся вопрос, и его продублировал негромкий, мягкий женский голос:

— Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите три. Если нет, выберите ноль.

Лао Ли выбрал 3.

— Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите пять. Если нет, выберите ноль.

Лао Ли выбрал 5.

Вопрос повторился еще два раза. А затем:

— Хотите ли вы прервать свою жизнь? Это последний вопрос. Если да, выберите четыре. Если нет, выберите ноль.

От нахлынувшей волны горя у Тяньмина закружилась голова, и он чуть было не упал в обморок. Он никогда раньше не ощущал такой острой

боли, такой злости, даже когда умерла его мать. Он хотел закричать на Лао Ли: выбери ноль! Ему хотелось разбить стекло, ворваться в комнату и задушить этот голос.

Но Лао Ли выбрал 4.

Бесшумно заработал инъектор. Тяньмин видел, как укорачивается и исчезает столбик желтоватого раствора в ампуле аппарата. Лао Ли не пошевельнулся. Он закрыл глаза и уснул.

Толпа вокруг Тяньмина начала расходиться, но он остался возле окна — стоял, прижимая руки к стеклу. Он не смотрел на безжизненное тело внутри. Его глаза были открыты, но Тяньмин ничего не видел.

— Он не чувствовал боли, — послышался голос доктора Чжана, тихий, как звон комара. Тяньмин ощутил его руку на своем левом плече. — Это была смесь мощных доз барбитала, миорелаксанта и хлорида калия. Сначала действует барбитал, и пациент глубоко засыпает. Миорелаксант прекращает дыхание, а хлорид калия останавливает сердце. Весь процесс занимает двадцать или тридцать секунд.

Чуть позже доктор Чжан убрал руку с плеча Тяньмина, и тот услышал, как врач уходит. Тяньмин так и не обернулся.

Внезапно он вспомнил, где встречал Чжана раньше:

— Доктор, — тихо позвал Тяньмин. Шаги остановились. Тяньмин по-прежнему не оборачивался. — Вы ведь знакомы с моей сестрой?

После продолжительной паузы прозвучал ответ:

— Да. Мы вместе учились в школе. Я видел тебя несколько раз, когда ты был маленьким.

Переставляя ноги, словно робот, Тяньмин вышел из главного корпуса онкологического центра. Теперь ему все стало понятно. Доктор Чжан работает на его сестру, а его сестра желает ему смерти. Нет, не так — она хочет, чтобы ему «провели процедуру».

Тяньмин часто вспоминал счастливые дни детства, которые делил с сестрой. Но когда дети стали старше, между ними выросла стена. Они не задевали друг друга, не было открытых ссор. Просто они оказались совершенно разными людьми. Каждый из них думал, что другой его не выносит.

Сестра Тяньмина выросла хитрой, но не очень умной, и вышла замуж за такого же, как она сама. Карьера у обоих не задалась. Они так и не смогли купить дом, даже после того, как выросли дети.

У родителей мужа места для них не нашлось, поэтому семья обосновалась в доме отца Тяньмина.

А Тяньмин был одиночкой. Он не превзошел сестру ни в карьере, ни в личной жизни. Жил он в общежитиях по месту работы и свалил всю заботу о престарелом отце на сестру.

Внезапно Тяньмин понял ход мыслей сестры. Медицинской страховки не хватало на оплату его лечения: чем дольше он лежал в больнице, тем больше рос его счет. Отец доплачивал из своих сбережений, но ни разу не предлагал денег сестре для покупки дома. Он явно ставил нужды сына выше нужд дочери. С точки зрения сестры, отец тратил деньги, принадлежавшие ей. Кроме того, дорогостоящие процедуры лишь замедляли развитие болезни, вылечить они не могли. Если Тяньмин решится на эвтаназию, сестре достанется более солидное наследство, да и ему самому не придется долго мучиться.

Небо было сплошь затянуто хмурыми облаками, такими же, как в недавнем сне. Тяньмин посмотрел вверх на эту бескрайнюю серость и тяжело вздохнул.

«Ладно. Если ты хочешь, чтобы я умер, я умру».

Он вспомнил рассказ Франца Кафки «Приговор». В нем отец проклинает сына и приговари-

вает его к смерти. Сын соглашается так же легко, как иной согласится вынести мусор или закрыть дверь. Он выходит на улицу, бежит к мосту и прыгает в реку. Позднее Кафка признался своему биографу, что, когда он писал этот эпизод, он представлял себе «неудержимую эякуляцию».

Теперь Тяньмин понимал Кафку — человека в шляпе-котелке и с портфелем, молча бродившего по мрачным улицам Праги сто лет назад. Человека, такого же одинокого, как и он сам.

* * *

Когда Тяньмин вернулся в палату, там его дожидался Ху Вэнь, однокурсник по колледжу.

За годы учения Вэнь стал ему почти что другом — но именно «почти что». Вэнь хорошо сходился с людьми, имел много знакомых, но Тяньмин всегда оставался на самой периферии его круга общения. Они не встречались со дня окончания колледжа.

Вэнь не принес ни букета, ни другой подобной безделушки. Он пришел с картонной коробкой, полной банок с каким-то напитком.

После неловкого обмена приветствиями Вэнь удивил Тяньмина. Он спросил:

— Помнишь тот пикник на первом курсе? Мы

впервые тогда поехали всей группой.

Разумеется, Тяньмин помнил. В тот раз Чэн Синь впервые села рядом и даже заговорила с ним.

Если бы она не начала первой, Тяньмин до конца учебы не осмелился бы с ней заговорить. Тогда он расположился в стороне от группы и стал смотреть на гладь водохранилища Миюнь, что недалеко от Пекина. Чэн села рядом и завела разговор.

Пока они говорили, она бросала камешки в воду. Беседа перескакивала с одного на другое, как это часто бывает при первом знакомстве однокурсников. Но Тяньмин запомнил каждое слово. А потом Чэн Синь сложила бумажный кораблик и спустила его на воду. Подгоняемый ветерком, кораблик неспешно плыл, пока не превратился в крохотную точку вдали.

В памяти Тяньмина вокруг этого дня, лучшего за все годы колледжа, сиял золотой нимб. На самом деле погода тогда стояла не из лучших. Моросил дождик, по поверхности водоема бежали волны, и когда они с Чэн Синь бросали мокрые камешки, те выскальзывали из рук. Но с тех пор Тяньмин полюбил дождливую погоду, запах влажной земли и сырой гальки на берегу. Время

от времени он складывал бумажный кораблик и ставил его на тумбочку возле своей кровати.

Он вздрогнул, подумав, что мир его недавнего сна — порождение тех воспоминаний.

Вэнь хотел поговорить о том, что случилось после; но Тяньмину не запомнилось ничего существенного. Впрочем, после нескольких подсказок Вэня ему удалось оживить потускневшую память.

Подошли подружки Чэн Синь и увели ее с собой. Потом рядом с Тяньмином присел Вэнь.

«Не переоценивай себя. Она ко всем хорошо относится».

Конечно, Тяньмин это знал. Но тут Вэнь заметил бутылку минеральной воды в руке Тяньмина, и разговор повернул в новое русло.

«Что это ты пьешь такое?»

В бутылке плескалась какая-то зеленая жидкость, в которой плавали травинки и обрезки листьев.

«Я помял и набросал в воду кое-какие травы. Самый натуральный напиток».

У Тяньмина было превосходное настроение, и он говорил больше обычного.

«Может быть, я однажды открою фирму и стану продавать этот напиток. Он всем понравится».

«Наверняка отвратный на вкус».

«Считаешь, сигареты и водка приятные? Наверное, даже кока-кола показалась тебе противной микстурой, когда ты ее впервые попробовал. И так со всем, к чему привыкаешь».

— Дружище, этот разговор изменил мою жизнь! — сказал Вэнь. Он открыл коробку и достал из нее банку. На темно-зеленой этикетке красовались луговые травы. Напиток назывался «Зеленый шторм».

Вэнь откупорил банку и передал Тяньмину. Тот отхлебнул. Душистый травяной напиток слегка горчил. Тяньмин закрыл глаза и представил себя на берегу водоема, под дождем, а рядом — Чэн Синь…

— Это особый рецепт. В магазины мы поставляем более сладкий продукт, — пояснил Вэнь.

— И покупают?

— Еще как! Меня беспокоит себестоимость. Ты думаешь, что трава ничего не стоит, но в небольших количествах она дороже фруктов или орехов. Кроме того, ее надо очистить, переработать, а это не так-то просто. Но у меня отличные перспективы! Мной заинтересовались инвесторы, а «Хойюань Джюс» хочет купить фирму целиком. Да пошли они…

Тяньмин уставился на Вэня, не находя слов. Вэнь учился на инженера аэрокосмической промышленности, но стал владельцем фирмы прохладительных напитков. Он был деятельным человеком и добивался результата. Таких людей называли хозяевами жизни. А подобные Тяньмину, всеми позабытые и оставленные позади, стояли и смотрели, как жизнь проходит мимо…

— За мной должок, — продолжил Вэнь. Он передал Тяньмину три кредитные карты и небольшую бумажку, осмотрелся, нагнулся поближе и прошептал:

— На счету три миллиона юаней[127]. Пароль в записке.

— Да ведь я не подавал заявку на патент! — запротестовал Тяньмин.

— Но это твоя идея. Без тебя не было бы никакого «Зеленого шторма». Если ты не против, то будем в расчете — по крайней мере, юридически. Как друг я навсегда в долгу перед тобой.

— Ты мне ничего не должен, ни юридически, ни еще как-либо.

— Прими деньги. Я знаю, что они тебе нужны.

Тяньмин умолк. Для него это была астрономи-

---

[127] Примечания: 127

Три миллиона юаней соответствуют 435 тысячам долларов США по курсу декабря 2016 года. — *Прим. перев.*

ческая сумма, но радоваться нечему. Деньги его не спасут.

Но надежда упряма. Когда Ху Вэнь ушел, Тяньмин записался на прием к специалисту. С доктором Чжаном он говорить не хотел; не без труда Тяньмин добился встречи с заместителем директора центра, известным онкологом.

— Можно ли меня вылечить, если деньги — не проблема?

Пожилой врач долго читал историю болезни, а потом покачал головой:

— Метастазы уже распространились из легких по всему организму. Хирургическое вмешательство бесполезно. Остаются только консервативные методы — химио- и лучевая терапия. Даже если у вас есть деньги… Молодой человек, вы помните поговорку? «Врач может излечить лишь излечимую болезнь; Будда может спасти только того, кого можно спасти».

В душе Тяньмина погас последний луч надежды и воцарилось спокойствие. В тот же день он подал заявку на эвтаназию.

Он передал бумаги своему лечащему врачу, доктору Чжану. Того, похоже, грызла совесть, и он избегал встречаться взглядом со своим пациентом. Он посоветовал Тяньмину прекратить

химиотерапию. К чему лишние мучения?

Оставалось только одно: решить, как распорядиться полученными от Вэня деньгами. По неписаным правилам их следовало передать отцу, а тот уже разделил бы сумму внутри семьи. Но тогда Тяньмин мог бы просто отдать все деньги сестре — а этого он делать не намеревался. Тяньмин уже согласился исполнить ее желание и умереть, больше он ей ничего не должен.

Он стал вспоминать, есть ли у него какие-нибудь неосуществленные желания. Неплохо бы прокатиться вокруг света на комфортабельном круизном теплоходе… но его тело не выдержит путешествия, да и времени оставалось мало. Как жаль! Он бы с удовольствием полежал в шезлонге на залитой солнцем палубе, не сводя глаз с убаюкивающего океанского простора и вспоминая прожитую жизнь. Еще он мог бы в дождливый день сойти на берег в какой-нибудь необычной стране, сесть возле небольшого озерца и кидать мокрые камешки в воду, подернутую рябью…

Потом его мысли снова вернулись к Чэн Синь. В последнее время он думал о ней все чаще и чаще.

Тем вечером Тяньмин смотрел телевизор, и в новостях сообщили:

Двенадцатая сессия Совета обороны планеты при ООН приняла резолюцию № 479, тем самым дав старт проекту «Наша цель — звезды». Комиссии, сформированной Программой развития ООН, Комитетом ООН по природным ресурсам и ЮНЕСКО, предоставлены полномочия для немедленной реализации проекта.

Сегодня вечером начнет работу официальный китайский веб-сайт программы «Наша цель — звезды». По словам постоянного представителя Программы развития ООН в Пекине, китайский проект будет принимать заявки от частных лиц и фирм, но не станет рассматривать предложения от неправительственных организаций…

Тяньмин поднялся с койки и сказал медсестре, что хочет пойти прогуляться. Но уже было время отбоя, и медсестра не пустила его наружу. Тяньмин вернулся в темную комнату, отодвинул занавески и открыл окно. Новый пациент, лежавший на месте Лао Ли, недовольно заворчал.

Тяньмин выглянул в окно. Звезды на небе терялись в свете городских фонарей, но он разглядел несколько серебристых точек.

Теперь он знал, как распорядится своими деньгами. Он купит для Чэн Синь звезду.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ИНФАНТИЛИЗМ В НАЧАЛЕ КРИЗИСА

Многие из событий, произошедших в первые двадцать лет Кризиса, оказались необъяснимы как для современников, так и для потомков. Историки дали им название «Инфантилизм Кризиса».

Принято считать, что инфантилизм стал реакцией на беспрецедентную угрозу для всей цивилизации. Возможно, это утверждение верно для каждой отдельной личности, но применительно ко всему человечеству оно слишком упрощенно.

Трисолярианский кризис оказал на общество гораздо более глубокое влияние, чем представлялось поначалу. Вот несколько приблизительных аналогий. Говоря на языке биологии, Кризис можно сравнить с тем днем, когда предки млекопитающих выкарабкались из океана на берег. С точки зрения религии — с днем, когда Адама и Еву изгнали из рая. С точки зрения истории и социологии… здесь вообще нет никаких аналогий, даже самых приблизительных. Все предыдущие радости и беды человечества меркли перед Три-

солярианским кризисом. Он пошатнул основы основ культуры, политики, религии и экономики. Его отголоски достигли самых глубин цивилизации, но волны прежде всего всколыхнули поверхность. Вероятно, подлинную причину Инфантилизма Кризиса можно отыскать в сочетании этих откликов с огромной инерцией врожденной консервативности общества.

Классическими примерами инфантилизма являлись программы «Отвернувшиеся» и «Наша цель — звезды». И та и другая были международными проектами под управлением ООН, инициативами, вскоре ставшими непонятными для всех, кроме их современников. Проект «Отвернувшиеся» изменил ход истории — он настолько повлиял на развитие событий, что мы обсудим его особо. Те же истоки, что породили грандиозный проект «Отвернувшиеся», в то же время дали начало и проекту «Наша цель — звезды». Последний быстро заглох, и о нем больше никогда не слышали.

Основными побудительными причинами проекта «Наша цель — звезды» стали, во-первых, стремление расширить возможности ООН и, во-вторых, зарождение и популярность идей эскапизма.

Вторжение инопланетян стало первой угрозой, нависшей над всем человечеством. Естественно, что многие возлагали надежды на ООН. Даже консерваторы соглашались, что ее необходимо полностью реорганизовать, дать больше власти и больше ресурсов. Радикалы и идеалисты настаивали на создании Земного союза с ООН в роли мирового правительства.

В частности, за усиление влияния ООН выступали небольшие страны. Они видели в Кризисе возможность добиться дополнительной технологической и экономической поддержки. Страны-лидеры, напротив, на идею усиления ООН реагировали прохладно. Когда разразился Кризис, все великие державы мира сделали значительные инвестиции в развитие космической обороны. Они сразу поняли, что космическое оружие прибавит их странам веса на политической арене будущего. Кроме того, они и раньше хотели вести такие исследования, но их сдерживали избиратели и международные договоренности. В некотором смысле Трисолярианский кризис дал руководителям крупных стран шанс, подобный тому, какой Кеннеди получил благодаря холодной войне, но только в сотни раз более весомый. Великие державы не торопились отдавать свои

исследования под эгиду ООН, и все же под напором многочисленных призывов к истинной глобализации им пришлось дать ООН кое-какие чисто символические обещания, которые они не собирались исполнять. Например, общепланетарная система космической обороны, за которую выступала ООН, от крупных стран почти ничего существенного не получила[128].

В начале Эры Кризиса ключевой фигурой стала Генеральный секретарь ООН Сэй. Она считала, что пришла пора для обновления ООН, и выступала за преобразование организации, по сути, являвшейся всего лишь местом встреч мировых держав и международным форумом, в независимую политическую структуру, наделенную достаточной властью для возведения оборонных

[128] Примечания: 128

Любопытно, но в 1991 году было выдвинуто такое предложение по созданию обще-планетной системы космической обороны под эгидой ООН: «Группа специалистов — математиков и инженеров, анализирующих последствия возможной ядерной войны и использования космических средств, — пришла к выводу о необходимости и реальности создания под эгидой ООН Международной космической системы, способной выполнять по меньшей мере три функции…» (Из обращения академика Никиты Моисеева «Смерть идет из космоса») И спустя 20 лет идея снова витает в воздухе. «Идея Рогозина заключается в том, чтобы оформить саму систему ПРО как систему «Стратегической обороны Земли», защищающей всю планету не только от ракет террористов и стран-изгоев, но и от астероидов, комет и прочих опасных инопланетных объектов. Создаваемая система должна обладать способом мониторинга космического пространства вокруг Земли, а также ударными возможностями для разрушения представляющих

угрозу объектов при их подлете к Земле. Один из ключевых элементов российских предложений заключается в том, что новая система космической обороны Земли должна быть поставлена под контроль ООН». (https://newdaynews.ru/policy/353644.html). — *Прим. перев.*

систем Земли.

Для достижения этой цели ООН требовались значительные ресурсы. Получить их, учитывая реалии международных отношений, казалось невыполнимой задачей. Проект «Наша цель — звезды» был попыткой Сэй привлечь такие ресурсы. Этот план, независимо от его результатов, свидетельствует о воображении и политической изобретательности Сэй.

Проект основывался на Договоре о космосе — межправительственном документе, принятом задолго до Кризиса[129]. Над Договором о космосе работали много лет, опираясь на принципы, заложенные в Конвенции ООН по морскому праву и Договоре об Антарктике. Но соглашение, принятое до Кризиса, действовало лишь внутри пояса Койпера. Трисолярианский кризис заставил мировые державы устремить свой взгляд значительно дальше.

Поскольку даже Марс в то время находился вне досягаемости людей, обсуждать дальний

---

[129] Примечания: 129

Договор о космосе является основой международного космического права. Подписан Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Советским Союзом 27 января 1967 года, вступил в силу 10 октября 1967 года. По состоянию на октябрь 2011 года 100 стран являются государствами-участниками договора, а еще 26 подписали договор, но не завершили ратификацию. — *Прим. перев.*

космос не имело смысла — по крайней мере, до истечения срока действия Договора о космосе, через пятьдесят лет после его принятия. Но великие державы увидели в Договоре отличную сцену для политического театра и внесли в него поправки о ресурсах за границами Солнечной системы. В поправках говорилось, что доступ к природным ресурсам, находящимся вне пояса Койпера, а также иная связанная с ними экономическая деятельность должны осуществляться под патронажем ООН. В документах скрупулезно перечислили, что имеется в виду под «природными ресурсами», но, по сути, эти слова означали любые ресурсы, не находящиеся под контролем инопланетных цивилизаций. Также Договор впервые в истории дал юридическое определение цивилизации. Впоследствии этот документ назвали «Поправками Кризиса».

Второй причиной создания проекта «Наша цель — звезды» был эскапизм. В те дни движение эскапистов только зарождалось, и никто не представлял себе возможные последствия. Многие считали эскапизм приемлемым способом разрешения кризиса. При таких условиях другие звезды, и особенно звезды с планетами, представляли ценность.

Резолюция, положившая начало проекту «Наша цель — звезды», давала ООН полномочия выставить на аукцион некоторые звезды и их планеты. Предполагалось, что покупателями станут государства, фирмы, негосударственные организации и частные лица. ООН направит выручку с аукциона на фундаментальные исследования технологий обороны Солнечной системы. Генеральный секретарь Сэй объясняла, что во Вселенной очень много звезд — более трехсот тысяч в радиусе ста световых лет; а в радиусе тысячи их больше десяти миллионов. По консервативной оценке предполагалось, что каждая десятая звезда имеет планеты. Продажа незначительной части этих звезд не окажет существенного влияния на освоение космоса в будущем.

Столь необычная резолюция ООН привлекла внимание и вызвала широкий резонанс. Постоянные члены Совета обороны планеты (СОП) подумали, посовещались, и каждый из них решил, что в обозримом будущем вреда от резолюции не будет. А с другой стороны, голос против нее в современном политическом климате обойдется дорого. Приступили к обсуждению и сошлись на компромиссном варианте: продавать

только те звезды, которые находятся не ближе ста световых лет от Земли.

Проект закрылся практически сразу по элементарной причине: товар никто не покупал. Удалось продать только семнадцать звезд, да и те по начальной цене. ООН выручила всего сорок миллионов долларов.

Ни один из покупателей не пожелал разгласить свое имя. Люди гадали, зачем отдавать такие громадные деньги за бесполезную бумажку — даже если учесть, что бумажка считалась юридическим документом. Может быть, покупателям просто приятно владеть далеким миром? Но какой в том смысл, если их мир можно увидеть, но нельзя потрогать? А кое-какие из проданных звезд даже не видны без телескопа.

Сэй так и не признала проект неудачным. Она утверждала, что достигла ожидаемого результата. По большому счету программа «Наша цель — звезды» была громким политическим заявлением со стороны ООН.

О проекте быстро забыли. Он стал классическим примером беспорядочных и нестандартных действий человечества в первые годы Кризиса.

Эра Кризиса, год 4-й
Юнь Тяньмин

Решив купить Чэн Синь звезду, Юнь Тяньмин на следующий же день позвонил по номеру, указанному на китайском веб-сайте проекта «Наша цель — звезды».

Потом он набрал номер Ху Вэня, чтобы узнать подробную информацию о Чэн Синь: ее почтовый адрес, номер удостоверения личности и все остальное. Тяньмин был готов к любой реакции Вэня: сарказму, жалости, удивлению. Но после затянувшейся паузы он услышал в трубке только слабый вздох.

— Все сделаю, — ответил Вэнь. — Но, скорее всего, она сейчас за границей.

— Только не сообщай ей, что это для меня.

— Не беспокойся. Я спрошу ее не напрямую.

На следующее утро Тяньмин получил сообщение от Вэня. Там было все, что он хотел знать, кроме места работы. Вэнь написал, что никому не известно, куда Чэн Синь устроилась после окончания Аэрокосмической академии в прошлом году. Тяньмин увидел, что у нее два почтовых

адреса: один в Шанхае, другой в Нью-Йорке.

В полдень Тяньмин выпросил у доктора Чжана разрешение выйти из больницы по делам. Доктор хотел отправиться вместе с Тяньмином, но тот настоял на поездке в одиночку.

Тяньмин поймал такси и добрался до офиса ЮНЕСКО в Пекине. С началом Кризиса все представительства ООН начали разрастаться, и теперь ЮНЕСКО занимала бо!льшую часть здания за четвертой кольцевой дорогой.

Тяньмин вошел в просторный офис проекта «Наша цель — звезды». С HD-экрана его приветствовала огромная звездная карта. На угольно-черном фоне горели звезды, серебристыми линиями соединенные в созвездия. Стоявший рядом компьютер позволял вести поиск в базе данных и управлять масштабом карты. Кроме секретарши в офисе никого не было.

Тяньмин представился. Секретарша побежала в глубь офиса и привела светловолосую женщину.

— Это директор офиса ЮНЕСКО в Пекине, — представила ее секретарша. — А также один из кураторов проекта «Наша цель — звезды» во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Директор явственно обрадовалась приходу Тяньмина. Она пожала ему руку и сказала на

отличном китайском, что он первый китаец, заинтересовавшийся покупкой звезды. Она предпочла бы организовать большую церемонию, чтобы привлечь интерес журналистов, но уважала желание клиента остаться неизвестным. Судя по ее виду, ей и в самом деле было жаль упускать такую превосходную возможность рекламы проекта.

«Не беспокойся, — подумал Тяньмин. — Другого столь же глупого китайца не найдется».

Вошел презентабельный господин среднего возраста в очках. Директор представила его как доктора Хэ, сотрудника Пекинской обсерватории. Астроном должен помочь Тяньмину определиться с деталями покупки. Когда директор ушла, доктор Хэ предложил Тяньмину сесть и попросил секретаршу принести им чай.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил он Тяньмина.

Тяньмин знал, что выглядит плохо. Но когда он отказался от химиотерапии, а она мало чем отличалась от пытки, ему стало лучше — как будто открылось второе дыхание. Не отвечая на вопрос доктора Хэ, он повторил свои слова, сказанные ранее по телефону:

— Я хочу купить звезду в подарок. Звезду сле-

дует зарегистрировать как собственность этого человека. Я не предоставлю никаких сведений о себе и хочу, чтобы она никогда не узнала имени дарителя.

— Без проблем. Вы уже решили, какую звезду будете брать?

— Поближе к Земле. С планетами. В идеальном случае с планетами земного типа, — ответил Тяньмин, разглядывая звездную карту.

Доктор Хэ покачал головой:

— Суммы, которую вы назвали, на такую звезду не хватит. Они стоя! т дорого. Вы сможете купить звезду без планет, и она будет не очень близко. Позвольте мне объяснить: вы предлагаете слишком мало даже для покупки звезды без планет. Но когда вы вчера позвонили, мы посовещались и приняли решение, что раз вы первый китаец, заинтересовавшийся нашим проектом, то мы снизим стоимость одной из звезд до предложенной вами суммы.

Астроном подвигал мышкой, выбрал участок карты и увеличил его.

— Вот эта[130]. Скажите «да», и она ваша.

— И как далеко она от нас?

---

[130] Примечания: 130
http://palebluedot.whitedwarf.org/stars/4650422

— Приблизительно двести восемьдесят шесть световых лет от Земли.

— Это слишком далеко.

Доктор Хэ рассмеялся:

— Вижу, вы кое-что смыслите в астрономии. Однако подумайте сами: какая вам разница, сколько до нее — просто двести восемьдесят шесть или двести восемьдесят шесть миллиардов световых лет?

Тяньмин призадумался. Астроном прав, никакой разницы.

— У этой звезды есть одно большое преимущество, — продолжил доктор Хэ. — Она видна невооруженным глазом, а это крайне важно. Лучше владеть звездой подальше, на которую можно взглянуть, чем звездой поближе, пусть даже с планетами, но которую не видно. В конце концов, мы ведь только и можем, что любоваться ими. Разве я не прав?

Тяньмин кивнул: *«Чэн Синь увидит звезду. Хорошо».*

— Как она называется?

— Эту звезду сотни лет назад внес в свой каталог Тихо Браге. Но имени она так и не получила, только номер.

Доктор Хэ подвел курсор к сияющей точке, и

рядом появился текст: DX3906. Затем астроном терпеливо объяснил Тяньмину, что означают буквы и цифры, какой у звезды спектральный класс, какая видимая звездная величина и какая абсолютная, где она располагается в главной последовательности и так далее.

Оформление покупки не заняло много времени. Доктору Хэ помогали два нотариуса. Потом снова пришла директор, а с ней еще два чиновника: один из Программы развития ООН, другой из Комитета ООН по природным ресурсам. Секретарша подала шампанское, и все чокнулись бокалами.

Затем директор провозгласила, что DX3906 теперь собственность Чэн Синь, и передала Тяньмину дорогую на вид папку из черной кожи.

— Ваша звезда.

После ухода чиновников доктор Хэ повернулся к Тяньмину:

— Если не хотите, не отвечайте, но я так понимаю, что вы купили звезду для своей девушки?

Тяньмин мгновение поколебался, а потом кивнул.

— Вот ведь счастливица! — вздохнул доктор Хэ. — Хорошо быть богатым!

— Скажете тоже! — возразила секретарша и высунула язык, поддразнивая доктора Хэ. — При

чем тут богатство? Да имей вы хоть тридцать миллиардов юаней, разве вы купили бы звезду своей подружке? Ха! Я не забыла, что вы говорили позавчера!

Доктор Хэ смутился. Он опасался, что секретарша выболтает его личное мнение о программе «Наша цель — звезды»: «ООН идет по стопам аферистов, что точно так же обирали народ десять лет назад. Только тогда они продавали участки на Луне и Марсе. Чудом будет, если на это поведется хотя бы один недоумок!»

К счастью, секретарша думала совсем о другом:

— Деньги здесь ни при чем! Дело в любви! В романтике! Вы хоть понимаете?

Пока Тяньмин покупал звезду, девушка время от времени поглядывала на него так, будто он явился из сказки. Сначала ее взгляд выдавал любопытство, потом восхищение и уважение. Наконец, когда кожаная папка с документами перешла из рук в руки, на ее лице появилась зависть.

Доктор Хэ попытался сменить тему разговора:

— Мы как можно скорее отправим документы получателю. В соответствии с вашими указаниями о вас не сообщим ничего. Собственно, даже если бы хотели, мы не можем — я ведь не знаю

вашего имени!

Он поднялся и подошел к окну. Уже стемнело.

— А теперь я могу показать вашу звезду… извините, я хотел сказать, звезду, которую вы купили для нее.

— Мы сможем ее увидеть с крыши?

— Нет. Засветка от уличных фонарей не позволит. Нам придется отъехать подальше от города. Если вам нездоровится, можем перенести на другой день.

— Поедем сейчас. Я очень хочу посмотреть.

Они ехали более двух часов, пока не оставили море огней Пекина далеко позади. Доктор Хэ свернул в поле, чтобы им не мешал свет встречных автомобилей. Он выключил фары, и они вышли из машины. На осеннем небе звезды сверкали особенно ярко.

— Видите Большую Медведицу? Теперь вообразите диагональ, пересекающую ковш, и продлите ее. Да, в эту сторону. Видите три звезды, образующие тупоугольный треугольник? Мысленно нарисуйте линию от вершины перпендикулярно основанию и ведите ее дальше. Видите? Вот она. Вот ваша звезда… звезда, которую вы ей подарили.

Тяньмин указал сначала на одну звезду, потом

на другую, но доктор Хэ сказал, что это не те.

— Она находится между вот этими двумя, но ближе к югу. Видимая величина пять с половиной. Как правило, чтобы ее разглядеть, нужен опыт. Но сегодня отличная погода, и у вас все получится. Сделайте вот как: не смотрите прямо на нее, отведите взгляд чуть-чуть в сторону. Периферическое зрение в темноте более чувствительно. А когда найдете, можно и прямо посмотреть…

С помощью доктора Хэ Тяньмин наконец увидел DX3906. Она была еле заметна; когда он отводил взгляд, он ее терял, и приходилось искать сначала. Обычно люди считают, что все звезды серебристые, но если присмотреться, то у каждой свой цвет. DX3906 оказалась красной.

Доктор Хэ пообещал прислать ему карты, помогающие найти звезду в разные времена года.

— Вы счастливчик, и девушка ваша тоже счастливица, — заявил доктор Хэ.

— Я бы не назвал себя счастливчиком. Я скоро умру.

Похоже, это откровение не удивило доктора Хэ. Он зажег сигарету и молча курил. Через какое-то время ответил:

— Даже если так, я считаю, что вам повезло. Большинство людей не смотрят в небо и не вы-

глядывают за пределы нашего мира до самого последнего дня своей жизни.

Тяньмин посмотрел на доктора Хэ, затем в небо и без труда нашел DX3906. Сигаретный дым застилал ему глаза, и тусклая звездочка едва мерцала сквозь пелену. «Когда она ее увидит, я уже покину этот мир».

Конечно, звезда, которую он видит сейчас, и звезда, которую увидит она, — это всего лишь изображения, которым 286 лет. Тонкому лучику света пришлось лететь сквозь почти три столетия, чтобы встретиться с сетчаткой их глаз. Пройдут еще 286 лет, прежде чем свет сегодняшней звезды достигнет Земли. К тому времени Чэн Синь уже давно рассыплется прахом.

«Какую она проживет жизнь? Может быть, она не забудет, что в море звезд есть одна, принадлежащая лично ей».

* * *

Этот день станет для Тяньмина последним.

Он поискал в нем что-нибудь особенное, но ничего не нашел. Тяньмин проснулся в семь утра, как всегда. Луч солнца упал на свое привычное место на стене. Погода стояла ни хорошая, ни плохая. Небо, как обычно, серовато-синее. С дуба,

росшего возле окна, облетели все листья — не осталось ни одного, даже символического последнего. И завтрак подали такой же, как вчера.

Такой же день, как и любой другой из двадцати восьми лет, одиннадцати месяцев и шести дней его жизни.

По примеру Лао Ли, Тяньмин не сообщил семье о принятом решении. Он попытался было написать письмо отцу (его передали бы по завершении процедуры), но так и не придумал, что сказать.

В десять утра он самостоятельно вошел в палату эвтаназии, так же бесстрастно, как заходил к врачу для ежедневного осмотра. Предстоящая процедура будет уже четвертой в городе, поэтому журналисты не проявили интереса. В комнате находились пятеро: два нотариуса, распорядитель, медсестра и какой-то чиновник онкологического центра. Доктор Чжан не явился.

Теперь Тяньмин мог уйти с миром.

Как он и просил, из комнаты убрали все украшения. Остались лишь голые белые стены, как в обычной палате. Как раз то, что надо.

Он объяснил, что знаком с процедурой и присутствия распорядителя не требуется. Тот кивнул, вышел из комнаты и встал по ту сторону зеркальной стены. Нотариусы покончили с

формальностями, и Тяньмин остался наедине с медсестрой. Ее больше не терзали волнение и страх, как во время первой процедуры. Уверенно и плавно она ввела иглу ему в вену. Тяньмина охватило необычное родственное чувство к медсестре — ведь она прощается с ним последней. Жаль, что он не знал имен врачей, взявших в руки новорожденного Тяньмина двадцать девять лет назад. Они принадлежали к небольшому числу тех, кто искренне старался ему помочь. Тяньмин хотел бы их поблагодарить.

— Спасибо!

Медсестра улыбнулась и покинула комнату, ступая тихо, словно кошка.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите пять. Если нет, выберите ноль.

Тяньмин родился в интеллигентной семье, но его родители не разбирались в политике и не знали «нужных людей», поэтому особого успеха в жизни не достигли. Сами не принадлежавшие к высшим кругам, они решили дать сыну образование, достойное отпрыска элиты. Тяньмину разрешалось читать исключительно классические книги, слушать исключительно классическую музыку. Ему позволяли заводить друзей только из культурных и рафинирован-

ных семей. Тяньмину говорили, что все прочие — плебеи, интересующиеся лишь общедоступной жвачкой. А в его семье превосходный вкус.

Учась в начальной школе, Тяньмин сумел подружиться с несколькими одноклассниками, но никогда не приглашал их домой поиграть. Он знал, что родители не позволят ему общаться с простонародьем. Когда Тяньмин дорос до средней школы, из-за амбиций родителей он уже стал безнадежным отшельником. Как раз в то время родители развелись: отец встретил молодую женщину — страхового агента, а затем мать вышла замуж за обеспеченного генерального подрядчика.

Получилось, что родители Тяньмина нашли себе пары из той самой «вульгарной толпы», от которой они оберегали сына. Только тогда они поняли, что не имели морального права навязывать ему «элитарное» образование. Но сделанного не воротишь. Долгие годы ущербного воспитания стянули Тяньмина, как смирительная рубашка; чем больше он рвался на свободу, тем крепче становились путы. В последние годы школы он замкнулся в себе, стал нервным и отдалился от знакомых.

Серое детство, серая юность — таковы были его

воспоминания.

Он нажал 5.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите два. Если нет, выберите ноль.

Он представлял себе, что колледж окажется пугающим местом: новая, непривычная обстановка, новые, незнакомые люди, множество вещей, к которым придется приспосабливаться… Он поступил в колледж, и поначалу все было именно так, как он и предполагал.

Пока он не встретил Чэн Синь.

Тяньмин и раньше интересовался девушками — но сейчас все было по-другому. Ему показалось, что окружающий мир, до сих пор остававшийся холодным и неуютным, пронизали теплые лучи солнца. Сперва он не понимал, откуда исходит этот свет. Такое бывает, когда бледный диск солнца просвечивает сквозь плотную пелену облаков. Лишь после захода солнца люди понимают, что оно светило им весь день. Солнце Тяньмина зашло, когда начались недельные каникулы в честь дня образования КНР[131]. Чэн Синь уехала домой. В тот день его мир снова стал тусклым и серым.

---

[131] Примечания: 131

День образования Китайской Народной Республики — главный государственный праздник Китая, который отмечается каждый год 1 октября. — *Прим. перев.*

Вне сомнения, не один он испытывал подобные чувства к Чэн Синь. Его переживания, однако, не походили на страдания других парней, потому что он ни на что не надеялся. Тяньмин знал, что девушкам не по нраву ни его отчужденность, ни его ранимость. Оставалось только смотреть издали, греться в ее теплых лучах и безмолвно радоваться цветущей весне.

Сначала Тяньмину показалось, что Чэн Синь неразговорчива. Странно, ведь красивые девушки редко бывают застенчивы. Однако высокомерной и холодной «снежной королевой» она тоже не была. Чэн Синь мало говорила, но много и внимательно слушала. По ее спокойному, сосредоточенному взору собеседник понимал, что к его словам относятся со всей бережностью.

Чэн Синь отличалась от тех хорошеньких девушек, с которыми Тяньмин учился в школе. Она не считала его пустым местом. Каждый раз, завидев его, она улыбалась и говорила «привет». Когда однокурсники собирались на пикник или на вечеринку, они порой забывали о Тяньмине — иногда случайно, иногда нет. Тогда Чэн Синь находила его и приглашала. Потом она первой стала обращаться к нему по имени «Тяньмин», не упоминая фамилию. Из немногочисленных

бесед с ней он вынес глубочайшее убеждение, что лишь Чэн Синь понимает его уязвимость и старается не делать ему больно.

Но Тяньмин не строил иллюзий. Ху Вэнь был прав: Чэн Синь хорошо относилась ко всем.

Одно событие особенно запомнилось Тяньмину. Однажды в походе он с сокурсниками шел по тропе вдоль склона небольшой горы. Чэн Синь внезапно остановилась, нагнулась и подобрала что-то с земли. Тяньмин увидел, что в ее белых пальчиках извивается какая-то жуткая гусеница, мягкая и склизкая. Девушка рядом вскрикнула: «Какая гадость! Зачем она тебе?» Но Чэн Синь осторожно опустила гусеницу в траву рядом с тропой: «Не хочу, чтобы ее раздавили».

Честно говоря, Тяньмин редко говорил с Чэн Синь. За все четыре года колледжа он припоминал лишь пару случаев, когда они беседовали наедине.

Стояла прохладная ночь раннего лета. Тяньмин забрался на свое любимое место — на террасу над крышей библиотеки. Туда редко забредали студенты, и он оставался наедине со своими мыслями. Летний ливень расчистил небо; на нем даже сиял Млечный Путь, который обычно не разглядеть.

— А ведь и в самом деле похоже на пролитое молоко![132]

Тяньмин посмотрел на сказавшую это. Волосы Чэн Синь развевались на ветру, как в его мечтах. А потом он и Чэн Синь вместе смотрели на галактику.

— Так много звезд! Будто туман, — сказал Тяньмин.

Чэн Синь обернулась к нему и указала на расстилающийся далеко внизу город:

— Там тоже прекрасно! Не забывай, мы живем здесь, а не в далекой галактике!

— Но мы же учимся на инженеров аэрокосмической промышленности! Наша задача — покинуть Землю.

— Это затем, чтобы сделать жизнь на Земле лучше, а не оставить планету навсегда.

Тяньмин понял, что Чэн Синь старается деликатно намекнуть на его нелюдимость. Он не нашелся с ответом. В эту встречу они сидели ближе друг к другу, чем когда-либо, и ему почудилось, что он чувствует исходящее от Чэн Синь тепло.

---

[132] Примечания: 132

Читателю может показаться, что наша галактика по-китайски тоже называется «Млечный Путь». Но это не так. По-китайски она будет «Иньхэ» — «Серебряная Река». В Китае все студенты много лет учат английский язык. — *Прим. К. Л.*

Вот бы ветер поменял направление, чтобы хоть одна прядь ее волос прикоснулась к его лицу!

Истекли первые четыре года обучения. Экзамены в магистратуру Тяньмин провалил, а Чэн Синь сдала без труда. Получив диплом, она уехала домой, но Тяньмин задержался вблизи студенческого городка, чтобы увидеться с ней в начале следующего учебного года. В общежитии могли жить только студенты, поэтому он снял поблизости комнату и стал искать работу в городе. Он подал бессчетное число заявок, ходил на одно собеседование за другим, но его так никуда и не приняли. Не успел он и глазом моргнуть, как лето кончилось.

Тяньмин вернулся в студенческий городок, но найти Чэн Синь не смог. Он осторожно навел справки и узнал, что она и ее руководитель уехали в Шанхай, в Академию космических технологий. Там Чэн Синь продолжит обучение. В тот же день Тяньмина пригласили на работу в только что созданную аэрокосмическую фирму — им отчаянно требовались профильные инженеры.

Так погасло солнце Тяньмина. С тяжелым сердцем он ступил во взрослую жизнь.

Он нажал 2.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите четыре. Если нет, выберите ноль.

Он приступил к работе и некоторое время был счастлив. Тяньмин обнаружил, что по сравнению с амбициозными товарищами в колледже сотрудники фирм намного терпимее к мелочам и работать в таком коллективе легче. Он даже решил, что дни его отшельничества закончились. Но вскоре он запутался в паутине офисных интриг, понял, насколько мир жесток, и ощутил ностальгию по колледжу. Тяньмин снова замкнулся в себе и отдалился от общества. Разумеется, это разрушило его карьеру. Даже в государственном учреждении, таком как фирма Тяньмина, пылал огонь соперничества. У отшельника-одиночки не было ни единого шанса на продвижение по службе. С каждым годом он откатывался все дальше и дальше назад.

В этот период Тяньмин дважды пытался завести себе девушку, но отношения быстро распадались. Не потому, что в его сердце безраздельно властвовала Чэн Синь, — для него она навсегда останется солнцем, просвечивающим сквозь густые облака. Он просто хотел смотреть на нее, ощущать ее свет и тепло, но не осмеливался сделать ни шага навстречу. Тяньмин даже не пытался ничего о

ней узнать. Он предполагал, что Чэн Синь вполне способна приняться за кандидатскую диссертацию, но не строил догадок о ее личной жизни. Между Тяньмином и женщинами стоял барьер его нелюдимости. Он изо всех сил старался устроить свою жизнь, но ничего не получалось.

По сути дела, Тяньмин не годился ни для жизни в обществе, ни для жизни вне его. Ему оставалось только одно: балансировать на краю и страдать. Тяньмин понятия не имел, как жить дальше.

А потом он увидел конец пути.

Он нажал 4.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите один. Если нет, выберите ноль.

К тому времени, когда ему поставили диагноз «рак легких», уже началась последняя стадия. Не заметили, наверное, на предыдущем осмотре. Рак легких быстро распространяется по организму; жить Тяньмину оставалось недолго.

Тяньмин даже не испугался, когда ему сообщили диагноз. Выходя из здания онкологического центра, он чувствовал лишь одиночество. Отчуждение много лет копилось в его душе, но до сих пор сдерживалось какой-то невидимой плотиной. А сейчас плотина дала трещину, и долгие годы отшельничества обрушились на

него гигантской темной волной. Сил на борьбу уже не оставалось.

Ему нужно было увидеть Чэн Синь.

Не медля ни секунды, Тяньмин купил билет и в тот же день вылетел в Шанхай. К тому времени, когда такси остановилось, он немного пришел в себя. Тяньмин сказал себе, что умирающему не следует ее беспокоить. Он даже не привлечет ее внимания. Он просто посмотрит на нее один раз, издали, как утопающий, из последних сил хватающий глоток воздуха, прежде чем навсегда погрузиться в пучину.

Возле ворот Академии космических технологий Тяньмин почти успокоился. Он понял, до чего безрассудно ведет себя. Даже если Чэн Синь решила получить звание кандидата наук, она уже давно закончила учебу; может быть, она здесь уже не работает. Тяньмин переговорил с охранником; тот сказал, что в Академии больше двадцати тысяч человек, и если он хочет кого-то найти, то нужно знать конкретный отдел. Но Тяньмин давно уже утратил связь с сокурсниками и таких сведений не имел.

Ощутив прилив слабости и с трудом дыша, он присел на скамейку поодаль от ворот.

Но вдруг все же Чэн Синь здесь работает? Бли-

зится конец рабочего дня. Если он останется здесь, то, возможно, увидит ее.

Ворота были очень широкие. Рядом, на черной стене, сверкали золотые иероглифы официального названия Академии. Со дня основания Академия существенно разрослась. Что, если у такого большого комплекса зданий не один вход, а несколько? Тяньмин с трудом поднялся и снова подошел к охраннику. Действительно, кроме этих ворот есть еще четыре.

Тяньмин медленно направился обратно к скамейке, сел и принялся ждать. Больше ему ничего не оставалось.

Шансы были против него: во-первых, Чэн Синь должна была остаться работать здесь после выпуска; во-вторых, находиться сегодня на работе, а не в командировке; в-третьих, выйти именно через эти ворота.

Этот момент был как вся его жизнь — старательное ожидание тонкого-тонкого лучика надежды…

Закончился рабочий день, и люди стали покидать комплекс — кто пешком, кто на велосипеде, кто на машине. Поток сначала рос, потом стал спадать. Через час сквозь ворота шли поодиночке лишь припозднившиеся служащие.

Чэн Синь так и не появилась.

Тяньмин был уверен, что не пропустил бы ее, даже если бы она сидела в автомобиле. Это значило, что либо она здесь не работает, либо не пришла сегодня, либо воспользовалась другим выходом.

В лучах заходящего солнца деревья и постройки отбрасывали длинные тени — словно множество рук с жалостью протянулись навстречу Тяньмину.

Он ждал до тех пор, пока совсем не стемнело. Тяньмин не помнил, как поймал такси, отвезшее его в аэропорт, как вернулся в Пекин и как добрался до общежития.

Он чувствовал себя уже мертвым.

Он нажал 1.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Это последний вопрос. Если да, выберите три. Если нет, выберите ноль.

Какую эпитафию хотел бы Тяньмин увидеть на своей могиле? Он даже сомневался, что у него будет могила. Участки для захоронения возле Пекина дорого стоят. Даже если отец захочет купить ему место на кладбище, сестра будет против — ведь она *живая*, а дома у нее по-прежнему нет! Скорее всего, тело сожгут, а урну с прахом

поставят в ячейку колумбария на кладбище Бабаошань[133]. Но если бы у него был надгробный камень, он хотел бы, чтобы на нем написали:

Он пришел; он любил; он подарил ей звезду; он ушел.

Тяньмин нажал 3.

* * *

С другой стороны зеркального стекла послышался шум. Тяньмин не успел еще отпустить кнопку мышки, когда распахнулась дверь и в комнату ворвались люди.

Первым бежал распорядитель; он ударил по выключателю автоматического инъектора. За ним спешил чиновник онкологического центра — он вырвал провод из розетки на стене. Подбежала медсестра и так резко дернула трубку, соединенную с иглой, что Тяньмин поморщился от острой боли.

Все склонились над прозрачной трубкой инъектора.

— Едва успели! В него не попало ни капли! — сказал кто-то.

---

[133] Примечания: 133

Народное кладбище Бабаошань — основное общественное кладбище Пекина. — *Прим. перев.*

Медсестра принялась перевязывать Тяньмину руку, из которой сочилась кровь.

Лишь один человек остался стоять у двери в палату эвтаназии.

Яркое солнце осветило мир Тяньмина: это была Чэн Синь.

* * *

Пижама на его груди повлажнела от слез Чэн Синь.

На первый взгляд девушка ничуть не изменилась. Но теперь он заметил, что она носит прическу покороче — волосы доходили до шеи, а не до плеч, а их концы красиво завивались. Ему не хватало смелости протянуть руку и дотронуться до волос, к которым его так долго влекло.

Он думал: «Ни на что я толком не годен!», но при этом чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Повисшая между ними тишина казалась райской, и Тяньмин желал, чтобы она длилась и длилась. «Ты не можешь спасти меня, — мысленно говорил он ей. — Я послушаюсь тебя и не стану искать эвтаназии. Но от судьбы мне не уйти. Надеюсь, ты примешь звезду в подарок и найдешь свое счастье».

Похоже, Чэн Синь услышала его беззвучную речь и подняла голову. Впервые их глаза оказались так близко друг к другу — ближе, чем в самых его смелых мечтах. Слезы из прекрасных глаз Чэн Синь разбили его сердце.

Но когда девушка наконец заговорила, она сказала нечто совершенно неожиданное.

— Тяньмин, а ты знаешь, что закон об эвтаназии приняли специально для тебя?

Эра Кризиса, годы 1—4-й
Чэн Синь

Начало Трисолярианского кризиса для Чэн Синь совпало с окончанием магистратуры. Ее отобрали в группу, занимающуюся разработкой двигателя для следующего поколения ракет «Чанчжэн» («Великий поход»). Всем казалось, что ей досталось идеальное место работы — важное и на виду.

Но Чэн Синь разочаровалась в выбранной специализации. Понемногу она стала отождествлять химические ракеты с гигантскими дымовыми трубами начала промышленной эры. В ту пору поэты воспевали леса труб, считая их признаком индустриального общества. Сегодня люди

точно так же превозносили ракеты, полагая, что они знаменуют собой космическую эру. Но если человечество ограничится химическими двигателями, оно никогда по-настоящему не выйдет в космос.

Трисолярианский кризис еще больше подчеркнул этот факт. Было бы полнейшей глупостью строить оборону Солнечной системы, располагая лишь обычными ракетами. Открытая для всего нового, Чэн Синь записалась на курс теории ядерных двигателей. Как только разразился Кризис, развитие по всем направлениям аэрокосмической промышленности резко ускорилось. Дали зеленый свет даже залежавшемуся на полке проекту космоплана первого поколения. Ее группе поручили разработку прототипа двигателя для космоплана. Чэн Синь светила отличная карьера. В группе высоко ценили ее способности; большинство главных конструкторов Китая начинали свой путь с работы над двигателями. Но поскольку Чэн Синь считала химические ракеты технологией вчерашнего дня, в долгосрочной перспективе ей виделся застой. Идти в неверном направлении еще хуже, чем стоять на месте; но ее работа требовала полной отдачи сил. Чэн Синь это выводило из себя.

А потом у нее появился шанс оставить химические двигатели позади. ООН приступила к созданию самых разных агентств, связанных с обороной планеты. В отличие от прежних подразделений ООН, эти подчинялись Совету обороны планеты напрямую, и в них трудились эксперты из разных стран. Аэрокосмическая промышленность Китая отправила множество своих сотрудников работать в новых структурах. Один высокопоставленный чиновник предложил Чэн Синь место помощника директора Технологического центра при Агентстве стратегической разведки СОП. Разведывательная деятельность человечества против Трисоляриса до сих пор ограничивалась ОЗТ, но Агентство стратегической разведки — АСР — должно было заняться флотом Трисоляриса и его родной планетой непосредственно. Агентству требовались талантливые аэрокосмические инженеры.

Чэн Синь не задумываясь приняла предложение.

* * *

Штаб-квартира АСР располагалась в старинном шестиэтажном доме, неподалеку от комплекса зданий ООН. Построенное в конце XVIII века, зда-

ние выглядело монументально, как гранитный монолит. Когда Чэн Синь прилетела в Нью-Йорк и впервые переступила порог дома, она будто бы оказалась в старом замке, отчего ее пробрала дрожь. Это место ничуть не соответствовало ее представлениям о всепланетной разведывательной службе. Оно скорее напоминало лабиринт, в котором заговорщики шепотом составляют хитроумные планы.

В здании почти никого и ничего не было; Чэн Синь приехала в числе первых. Своего начальника, директора Технологического центра АСР, Чэн Синь нашла в кабинете, забитом ящиками с мебелью и раскрытыми картонными коробками.

Михаил Вадимов оказался высоким, мускулистым мужчиной чуть за сорок. Он говорил с сильным русским акцентом — до Чэн Синь даже не сразу дошло, что он разговаривает по-английски. Сидя на картонной коробке, Вадимов заявил, что проработал в аэрокосмической промышленности больше десятка лет и что никакие помощники ему не нужны. Каждая страна норовит заслать в АСР побольше своих людей, а помочь бездушными презренными деньгами не спешит. Потом он сообразил, что перед ним стоит полная надежд молоденькая девушка, которую

все сильнее угнетают его сетования, и постарался перевести все в шутку:

— Если наше агентство войдет в историю — что весьма вероятно, пусть даже история окажется не очень красивой, — нас запомнят как явившихся на работу первыми!

Чэн Синь обрадовало, что ее руководитель тоже пришел из аэрокосмической промышленности. Она спросила, над чем именно тот работал. Вадимов с ходу назвал космоплан «Буран», работу в отделе главного конструктора некоего грузового корабля. Затем он туманно сообщил, что пару лет трудился на ниве дипломатии, после чего устроился в «одну контору», которая занималась «тем же, чем и мы сейчас».

— Рекомендую особо не расспрашивать наших будущих коллег об их прежней работе, — посоветовал Вадимов. — Шеф уже здесь. Его офис этажом выше. Зайди, поздоровайся, но не отнимай у него много времени.

В просторном офисе руководителя АСР стоял тяжелый запах сигарного дыма. На стене висела картина. Бо!льшую часть полотна занимали свинцово-серое небо и мрачная заснеженная земля. На горизонте, где облака и снег сливались воедино, темнели какие-то пятна. Присмот-

ревшись, Чэн Синь увидела, что это грязные одноэтажные деревянные домишки и несколько двух- и трехэтажных зданий европейского стиля. По виду реки на переднем плане и другим географическим приметам Чэн Синь догадалась, что перед ней пейзаж Нью-Йорка начала XVIII века. От картины исходил мертвенный холод, вполне соответствующий, по мнению девушки, характеру хозяина кабинета.

Рядом с большим полотном висела картина поменьше. На ней рука в бронзовой латной рукавице — виднелись лишь предплечье и кисть — держала старинный меч с золотой крестовиной и ярко сверкающим лезвием. Меч поднимал из воды венок, сплетенный из красных, белых и желтых цветов. В отличие от висящей рядом панорамы Нью-Йорка, картина радовала богатой палитрой — и в то же время чем-то пугала. Чэн Синь заметила пятна крови на белых цветах венка.

АСР возглавлял американец Томас Уэйд. Он был намного моложе, чем ожидала Чэн Синь, — на взгляд, даже моложе Вадимова, красивее, с классической внешностью. Позднее она поймет, что общее впечатление классичности создает его лицо, полностью лишенное всяческого выраже-

ния. Такое лицо могло бы быть у безжизненной статуи, словно сошедшей с могильно-холодного пейзажа на стене. Непохоже, чтобы Уэйд был занят делами. Его стол был совершенно пуст — ни компьютера, ни каких-либо документов. Он бросил взгляд на вошедшую, но сразу же вернулся к изучению своей сигары.

Чэн Синь представилась и начала было рассказывать, насколько она рада возможности поучиться у таких специалистов, но смолкла, как только Уэйд поднял на нее глаза.

Чэн Синь увидела в его взоре усталость и лень, но почувствовала, что под этой маской прячется умный и опасный хищник. Ей стало неуютно. На лице Уэйда начала проявляться улыбка, как проступает вода из трещины во льду замерзшей реки. Его улыбка не согрела и не подбодрила Чэн Синь.

Она попыталась улыбнуться в ответ, но первые же слова Уэйда превратили ее в истукана:

— Ты продашь свою мать в бордель?

Чэн Синь отрицательно затрясла головой, но даже не попыталась ответить. Девушку охватил ужас — неужели она не поняла вопроса?! Но Уэйд махнул в ее сторону сигарой:

— Спасибо. Иди и займись чем следует.

Она рассказала о происшедшем Вадимову, и тот засмеялся:

— Это известная шутка в нашей… профессии. Мне говорили, что она зародилась в годы Второй мировой войны. Так старослужащие подшучивали над новичками. Суть же вот в чем: наша профессия — единственная на Земле, основанная на лжи и предательстве. Нам приходится проявлять… гибкость в общепринятых нормах морали. В нашем агентстве работают две группы людей. Одна из них — технические специалисты вроде тебя. Другая — ветераны разведслужб всего мира. Эти группы думают и действуют по-разному. Тебе повезло, что я знаком с обеими; я помогу тебе найти с ними общий язык.

— Но наш враг — Трисолярис! Тут вряд ли подходят традиционные методы разведки.

— Кое-что не меняется никогда.

* * *

Новые сотрудники АСР прибывали еще несколько дней. В основном они приезжали из стран — постоянных членов СОП.

Сотрудники держались вежливо, но друг другу не доверяли. Технические специалисты всех сторонились, будто ожидали, что их в любую ми-

нуту могут обокрасть. Ветераны-разведчики вели себя общительно и дружелюбно, но постоянно высматривали, что бы стащить.

Как и предсказывал Вадимов, их больше интересовала слежка друг за другом, чем за Трисолярисом.

На третий день, хотя приехали еще не все, в АСР было проведено первое общее совещание. От руководства присутствовали Уэйд и три его заместителя: китаец, француз и англичанин.

Первым выступил заместитель Юй Вэймин. Чэн Синь понятия не имела, чем он занимался в Китае. У него было настолько непримечательное лицо, что потребовалось несколько встреч, чтобы его запомнить. К счастью, Юй Вэймин, в отличие от типичных китайских бюрократов, не любил долгих, витиеватых речей. Он ограничился сжатым набором общих фраз о важности поставленных перед АСР задач.

Юй Вэймин признал, что понимает: все сотрудники АСР присланы их странами и имеют двойное подчинение. АСР не станет требовать от сотрудников поставить долг перед Агентством выше долга перед своими странами — на это даже надеяться не стоило. Но поскольку АСР работает на благо всего человечества, он, Юй, ожидает, что

все присутствующие как минимум постараются найти приемлемый баланс. Задача АСР — напрямую противодействовать угрозе Трисоляриса, поэтому ему следует стать самым сплоченным из всех недавно созданных агентств.

Чэн Синь заметила, что, пока Юй Вэймин говорил, Уэйд пинал ножки стола и понемногу отъезжал от него, как будто желая скрыться с авансцены. Когда ему предлагали произнести пару слов, он мотал головой, отказываясь.

Заговорил он только после того, как выступили все остальные. Указывая на загромождающие помещение кучи коробок с канцелярскими товарами, он сказал:

— Займитесь этим сами, — по-видимому, имея в виду организационную рутину. — Не отвлекайте ни меня, ни их, — он указал на Вадимова и его группу. — Специалистам Технологического центра с опытом космических проектов остаться. Остальные свободны.

Теперь в зале сидело около дюжины человек. Как только закрылись тяжелые дубовые двери, Уэйд ошеломил собравшихся:

— АСР должно отправить разведывательный зонд навстречу флоту Трисоляриса.

Сотрудники потрясенно переглянулись. Чэн

Синь тоже удивилась. Она, разумеется, надеялась, что ей вскоре дадут какое-нибудь техническое задание, но не ожидала ни такой прямолинейной постановки вопроса, ни такой поспешности. АСР только что создали, у агентства не было ни национальных, ни региональных отделов, и оно, по-видимому, не могло еще вести крупномасштабных работ. Но больше всего поражала дерзость оглашенного Уэйдом проекта. На его пути стояли непреодолимые технические сложности.

— Есть какие-то конкретные требования? — спросил Вадимов. Лишь он один сохранил хладнокровие после заявления шефа.

— Я неофициально переговорил с делегатами постоянных членов СОП, но формально идею еще не выдвигали. Насколько мне известно, основным для СОП требованием — и на компромисс они не пойдут — является скорость. Зонд должен разогнаться до одного процента от скорости света. Среди СОП имеются разногласия по другим параметрам, но я не сомневаюсь, что их уладят при официальном обсуждении проекта.

Встал эксперт из НАСА:

— Скажу без обиняков. При заданных параметрах полета и с учетом того, что гипотетически

зонду надо только разгоняться, но не тормозить, он доберется до облака Оорта за два или три столетия. Там он найдет сбрасывающий скорость трисолярианский флот и изучит его. Извините, но мне кажется, что такой проект лучше оставить на будущее.

Уэйд покачал головой:

— Вокруг нас на световой скорости шныряют софоны, выведывают наши секреты, блокируют все фундаментальные физические исследования. Нет никакой гарантии, что в будущем мы добьемся значительного технологического прогресса. Если человечеству суждено ползти сквозь пространство подобно улитке, следует начинать как можно раньше.

Чэн Синь заподозрила, что в задуманном Уэйдом проекте не последнюю роль играет политика. АСР предпримет первую в истории попытку активного контакта с внеземной цивилизацией; это поднимет статус агентства.

— Но состояние современных космических технологий таково, что до облака Оорта зонд будет добираться двадцать, если не тридцать тысяч лет. Даже если мы запустим зонд прямо сейчас, он и от земного крыльца не успеет далеко отлететь, когда через четыреста лет на орбите

Земли появится флот Трисоляриса.

— Вот поэтому он и должен разогнаться до одного процента от скорости света.

— Вы говорите о том, чтобы поднять максимальную на сегодня скорость в сотню раз! Понадобится совершенно новый тип двигателя! Существующие технологии не позволяют достичь таких скоростей, и нет никаких причин ожидать прорыва в ближайшем будущем. Ваш проект неосуществим в принципе!

Уэйд шарахнул кулаком по столу:

— Вы забываете, что теперь у нас есть ресурсы! Еще вчера полеты в космос считались прихотью, а сегодня они — условие выживания. Я могу потребовать денег, людей, материалы — столько, сколько раньше никто не мог бы себе даже представить! И мы будем бросать их в дело, пока не переломим законы физики! Если надо, действуйте грубой силой, но мы обязаны разогнать этот зонд до одного процента от скорости света!

Вадимов рефлекторно оглянулся. Уэйд заметил его движение:

— Не волнуйся. Здесь нет ни репортеров, ни посторонних.

Вадимов рассмеялся:

— Не обижайтесь, пожалуйста. Но если вы ска-

жете, что станете расходовать ресурсы, пока не переломите физические законы, наше агентство засмеют. Не повторяйте этого в СОП.

— Я и так знаю, что вы все надо мной смеетесь.

Сотрудники прикусили язык. Им хотелось, чтобы совещание поскорее окончилось. Уэйд пристально всмотрелся в каждого из присутствующих, а потом обратил взгляд к Чэн Синь:

— Нет, не все. Вот она не смеется. — Он указал на Чэн Синь. — Чэн, о чем ты задумалась?

Под пронизывающим взором Уэйда Чэн Синь почудилось, что он указывает на нее не пальцем, а мечом. Она беспомощно оглянулась. Кто она такая здесь, чтобы раскрывать рот?

— Вижу, без ВД не обойтись, — заметил Уэйд.

Чэн Синь совсем запуталась. Что такое ВД? Вечный двигатель? Валовой доход?

— Ты же китаянка! Как ты можешь не знать, что такое ВД?

Чэн Синь посмотрела на пятерых других китайцев в зале совещаний. Они тоже ничего не понимали.

— Во время Корейской войны американцы обнаружили, что простой китайский солдат, захваченный в плен, немало знает о планах командования. Оказалось, что ваши офицеры

сообщали планы сражений даже рядовым, чтобы те могли поучаствовать в обсуждении и, быть может, придумать что-нибудь получше. Конечно, если вам суждено попасть в плен к трисолярианам, мы не хотим, чтобы вы знали *настолько* много.

Кое-кто из присутствующих рассмеялся. Чэн Синь наконец поняла: «ВД» означает «военную демократию». Участники совещания горячо поддержали предложение Уэйда. Разумеется, элитные эксперты не ожидали от простого инженера никаких гениальных идей. Но большинство экспертов были мужчинами. Если они дадут Чэн Синь выступить с предложением, то получат прекрасный предлог, чтобы поглазеть на ее фигуру. Чэн Синь всегда старалась одеваться консервативно, но постоянно сталкивалась с подобным нежелательным вниманием к себе.

Чэн Синь начала:

— Я подумала…

— Вы придумали, как можно переломить или хотя бы погнуть физические законы? — бросила пожилая француженка Камилла, весьма уважаемый и опытный консультант Европейского агентства космических исследований. Она с презрением смотрела на Чэн Синь, как будто той

вообще было не место на совещании.

— Скорее как их обойти. — Чэн Синь вежливо улыбнулась Камилле. — Наиболее ценным для нас ресурсом являются запасы ядерных бомб во всем мире. Если не случится технологического прорыва, они станут самым мощным источником энергии, который мы способны вывести в космос. Теперь представьте себе космический корабль или зонд, оснащенный радиационным парусом наподобие солнечного — тонкой пленкой, отражающей излучение. Если мы станем периодически взрывать бомбы позади паруса…

Раздалось несколько смешков. Камилла смеялась громче всех:

— Дорогая, спасибо за картинку из комикса! Твой корабль набит бомбами и несет огромный парус. На корабле летит астронавт, удивительно похожий на Арнольда Шварценеггера. Он бросает позади себя бомбы, те взрываются и толкают корабль вперед. Какая прелесть! — Когда все присутствующие присоединились к веселью, она продолжила: — Загляни в свои конспекты за первый курс колледжа и скажи: во-первых, сколько бомб потребуется загрузить в твой корабль и, во-вторых, какого ты достигнешь ускорения при таком соотношении тяга-вес?

— Ей не удалось даже погнуть физические законы, но проект удовлетворяет другому требованию шефа, — засмеялся другой консультант. — Как жаль, что такую хорошенькую девушку привлекло очарование грубой силы! — Хохот в зале стал оглушительным.

— Бомбы будут не на корабле, — спокойно пояснила Чэн Синь. Смех как ножом отрезало, будто она прижала рукой звенящий гонг. — Зонд состоит из небольшой капсулы с датчиками, прикрепленной к большому парусу. Он легок, как перышко, и без труда разгонится под давлением излучения ядерных взрывов.

В комнате вдруг стало тихо. Все старались прикинуть, где же можно разместить такие бомбы. Когда все смеялись над Чэн Синь, Уэйд сохранял хладнокровие. Но теперь по его лицу поползла уже знакомая улыбка — словно вода просачивалась сквозь трещину во льду.

Чэн Синь вытащила из кулера стопку бумажных стаканчиков и расставила их на столе в ряд.

— Мы воспользуемся традиционными химическими ракетами и заранее разместим бомбы вдоль первого сегмента траектории зонда. — Она провела карандашом вдоль ряда, от стаканчика к стаканчику. — Когда зонд пролетает мимо бомбы,

мы ее взрываем, давление света надувает парус, и зонд разгоняется.

Мужчины наконец оторвали взгляд от фигуры Чэн Синь. Теперь они всерьез прислушивались к ее предложению. Лишь Камилла продолжала смотреть на Чэн Синь как на постороннюю.

— Назовем эту технологию «попутным разгоном». На этом начальном сегменте зонд ускоряется. Время разгона составит ничтожную долю времени в пути. По грубой оценке, если мы применим тысячу бомб, их можно расставить вдоль отрезка в пять астрономических единиц, от Земли до Юпитера. Но можно сжать этот участок до расстояния от Земли до Марса. Сегодняшним технологиям такая задача по силам.

Присутствующие начали перешептываться. Понемногу голоса становились громче, энергичнее — словно моросящий дождик переходил в ливень.

— Я так понимаю, что эта идея пришла тебе в голову не пять минут назад, — заметил Уэйд. Он внимательно следил за обсуждением.

Чэн Синь улыбнулась в ответ:

— Такой метод хорошо известен в аэрокос-

мических кругах. Станислав Улам[134] изобрел импульсный ядерный двигатель еще в 1946 году.

— Доктор Чэн, — вмешалась в обсуждение Камилла, — мы все отлично знаем, что такое импульсный ядерный двигатель. Но все прежние идеи основывались на том, что топливо будет храниться на борту корабля. Размещение бомб вдоль трассы разгона — ваше изобретение. По крайней мере, я о таком никогда не слышала.

Разгорелась дискуссия. Эксперты вгрызлись в идею Чэн Синь, как стая голодных волков в кусок свежего мяса.

Уэйд снова ударил кулаком по столу:

— Довольно! Не углубляйтесь пока в подробности. Мы не обсуждаем сейчас, можно ли реализовать эту идею. Мы пытаемся понять, стоит ли вообще затевать такое обсуждение. Сконцентрируйтесь на серьезных препятствиях.

После недолгого молчания ответил Вадимов:

— У этого предложения есть одно важное достоинство: приступить к работе очень просто.

---

[134] Примечания: 134

Станислав Мартин Улам — польский и американский математик. Участвовал в создании водородной бомбы в рамках ядерного проекта Лос-Аламосской лаборатории; внес большой вклад в развитие математических методов, доказал множество теорем, предложил вычислительный метод Монте-Карло, выдвинул теорию ядерного ракетного двигателя (https://ru.wikipedia.org/wiki/Улам,_Станислав). — *Прим. перев.*

Все сразу же поняли, о чем говорит Вадимов. В первой фазе проекта «попутного разгона» потребуется вывести на околоземную орбиту значительное количество ядерных бомб. Человечество не только располагало такой технологией — бомбы уже находились на средствах доставки. Нужно только перепрограммировать стоящие на боевом дежурстве ракеты. И американские «МХ», и русские «Тополи», и китайские «Дунфэни» могли доставить боеголовки на низкую орбиту. На это способны даже ракеты среднего радиуса действия, если оснастить их ускорителями. Принятый после начала Кризиса договор о разоружении предписывал их уничтожить. Запустить ракеты на орбиту окажется намного дешевле.

— Превосходно. Давайте отвлечемся на минуту от предложения Чэн Синь. У кого есть другие идеи? — Уэйд обвел комнату взором.

Несколько человек хотели было что-то сказать, но решили промолчать. Никто из них не считал свою идею лучше «попутного разгона» Чэн Синь. Вскоре взгляды присутствующих снова сфокусировались на ней — на сей раз с совершенно иным выражением.

— Мы проведем еще два мозговых штурма,

попытаемся придумать что-нибудь другое. Параллельно приступим к анализу осуществимости проекта «попутного разгона». Ему нужно дать название.

— Зонд будет набирать скорость шаг за шагом после каждого взрыва… наподобие подъема по ступенькам, — стал рассуждать Вадимов. — Давайте назовем проект «Лестница». Кроме требования достичь одного процента от скорости света, у нас будет ограничение по массе зонда.

— Мы можем изготовить тонкий и легкий парус, — предложил специалист из России, однажды имевший дело с неудавшимся проектом солнечного паруса. — Доступные уже сегодня материалы позволят создать парус площадью пятьдесят квадратных километров и массой около пятидесяти килограмм. Этого должно хватить.

— В таком случае основной проблемой станет масса капсулы зонда.

Все повернулись к присутствующему на совещании главному конструктору зонда «Кассини-Гюйгенс».

— Нам потребуются аппаратура для наблюдений, антенна и радиоизотопный источник питания, чтобы передать сигнал из облака Оорта.

Обойдемся двумя или тремя тысячами килограмм.

— Не пойдет! — потряс головой Вадимов. — Чэн Синь ясно сказала: «легкий, как перышко»!

— Если ограничиться самыми основными датчиками, может быть, хватит и одной тысячи килограмм. Но я не гарантирую, что уложимся, — мне практически не с чем будет работать!

— Придется уложиться! — отрезал Уэйд. — Вместе с парусом зонд должен весить не больше одной тонны. Мы бросим все силы человечества на разгон тысячи килограмм полезного груза. И будем надеяться, что тонна — это не слишком много.

* * *

Всю следующую неделю Чэн Синь удавалось поспать только в самолетах. В составе образованной Вадимовым рабочей группы она носилась между космическими агентствами США, Китая, России и Европы, согласовывая порученный им анализ осуществимости проекта «Лестница». За одну неделю она посетила больше стран и городов, чем за всю предшествующую жизнь, но видела их лишь сквозь окна автомобилей и конференц-залов.

Поначалу рабочая группа полагала, что сможет скоординировать работу всех космических агентств, но это оказалось политически невозможно. В результате каждое ведомство провело независимый анализ. С одной стороны, рабочая группа могла сравнить расчеты и убедиться в их точности; но с другой стороны, для АСР прибавилось работы. Чэн Синь никогда еще не вкладывала ни в один проект столько сил; впрочем, это ведь было *ее* детище.

Все четыре агентства быстро представили свои версии предварительного заключения, и они практически совпали. Хорошей новостью оказалось то, что площадь паруса можно сократить до двадцати пяти квадратных километров; а если воспользоваться новейшими материалами, то масса паруса уменьшится до двадцати килограмм.

Затем шла очень плохая новость: чтобы достичь требуемой скорости — 1 процент от световой, — массу всего зонда необходимо сократить на 80 процентов — до двухсот килограмм. С учетом массы паруса на капсулу с приборами наблюдения и связи оставалось лишь 180 килограммов.

Когда сообщили Уэйду, тот и бровью не повел.

— Нашли над чем киснуть. У меня новости еще

хуже. На последней сессии СОП резолюцию по программе «Лестница» отклонили.

Из семи постоянных членов СОП четверо проголосовали «против» — с удивительно схожими основаниями. Делегатов, в отличие от технарей АСР, технология не интересовала. Свои возражения они аргументировали тем, что зонд не сможет предоставить существенной разведывательной информации. Как выразился представитель США, «практически бесполезен».

Проект «Лестница» не предусматривал торможения зонда. Даже если учесть, что флот Трисоляриса к тому времени значительно снизит скорость, зонд пролетит мимо него с относительной скоростью около пяти процентов от световой — если, конечно, один из кораблей не осуществит перехват аппарата землян. У зонда будет лишь несколько секунд на сбор информации о противнике. Поскольку в легкой капсуле не останется места для активных сенсоров, таких как радиолокатор, придется ограничиться пассивными датчиками. Бо!льшая их часть рассчитана на прием электромагнитных сигналов, но технология Трисоляриса далеко обогнала земную; скорее всего, противник пользуется не электромагнитным излучением, а нейтрино или

гравитационными волнами. Эти технологии человечеству недоступны.

Более того, благодаря вездесущим софонам план посылки зонда будет совершенно прозрачен для врага, что сведет на нет все шансы на успех разведывательной миссии. Проект потребует грандиозных затрат и не принесет почти никакой пользы. Ценность плана будет чисто символической, поэтому великие державы и не проявили к нему интереса. Три других постоянных члена СОП проголосовали «за» просто потому, что их заинтересовала технология разгона.

— И в этом СОП совершенно прав, — признал Уэйд.

Все молча оплакивали проект. Чэн Синь огорчалась больше всех, но утешала себя тем, что она предложила неплохую для молодого инженера без опыта идею и многого достигла. Она даже не ожидала такого успеха.

— Мисс Чэн, ты чего нос повесила? — голос Уэйда прервал ее раздумья. — Может, считаешь, что мы отступимся от работы по «Лестнице»?

Собравшиеся, не находя слов, уставились на Уэйда.

— Так вот, мы *не собираемся* останавливать «Лестницу»! — Уэйд встал и принялся расха-

живать по комнате совещаний. — С этой самой минуты, над чем бы вы ни работали — над «Лестницей» или какой другой программой — вы не останавливаетесь, пока *я* не скажу вам остановиться! Поняли? — С лица Уэйда спала маска безразличия, и он взревел, как бешеный зверь: — Мы пойдем вперед! Вперед! Мы ни перед чем не остановимся!

Уэйд стоял как раз позади Чэн Синь. Ей показалось, что за спиной взорвался вулкан. Она съежилась и чуть было сама не закричала.

— Что будем делать дальше? — спросил Вадимов.

— Пошлем человека.

Голос Уэйда стал опять ровным и бесстрастным. Испуганные его воплем участники совещания не сразу догадались, что предлагает Уэйд. Он говорил не об отправке парламентера в СОП — нет, он решил послать живого разведчика во тьму и холод облака Оорта, удаленного на один световой год от Земли, чтобы следить за приближающимся врагом.

Уэйд пнул ножку конференц-стола и откатился на кресле в глубь комнаты, чтобы сидеть позади собравшихся и наблюдать за ходом обсуждения. Но никто не проронил ни слова. Повторялась си-

туация недельной давности, когда Уэйд впервые потребовал послать зонд навстречу вражескому флоту. Люди раздумывали над словами шефа. Вскоре они поняли, что идея не настолько смехотворна, как показалось вначале.

Технология гибернации стала сравнительно надежной. Разведчик бол! ьшую часть пути может провести в анабиозе. Если он весит 70 килограмм, на долю оборудования и капсулы, похожей на гроб, остается 110 килограмм. Но что потом? Через двести лет зонд встретится с кораблями флота. Как разбудить посланца и что он сможет сделать?

Все эти соображения прокручивались в головах собравшихся, но никто не спешил заговорить. Уэйд, похоже, прочел их мысли:

— Мы пошлем представителя человечества в самое сердце врага!

— Но тогда, значит, расчет идет на то, что флот Трисоляриса перехватит наш зонд, — сказал Вадимов. — Потом разбудит нашего разведчика и оставит на борту.

— Очень даже вероятно, что так и случится. — Уэйд поднял глаза к потолку. — Разве нет?

Участники совещания поняли, что он адресовал последние слова софонам, кружащим вокруг

них, словно привидения. Неведомые сущности на планете, отдаленной на четыре световых года, тоже «участвовали» в этом совещании. Люди часто забывали о вездесущих софонах; а когда вспоминали, то помимо страха ощущали себя ничтожными муравьями под лупой в руках любопытного и жестокого ребенка. Как можно сохранить уверенность в себе и своих планах, если враг разберется в них раньше, чем ты доложишь своему начальнику? Человечество с трудом привыкало к новым правилам ведения войны, — правилам, по которым враг знает все твои секреты.

Но теперь Уэйд сумел слегка изменить ситуацию и сделать осведомленность врага залогом успеха. Трисолярис узнает, по какой траектории полетит зонд, и без труда сможет его перехватить. Софоны предоставили трисолярианам массу информации о человеческом обществе, но еще ценнее завладеть живым представителем вида для детального изучения.

При обычном противостоянии разведслужб нет смысла посылать шпиона, о котором противник знает. Но это не обычная война. Сама по себе отправка представителя человечества к флоту Трисоляриса станет смелым ходом. Какая разни-

ца, если трисоляриане заранее узнают, кто этот представитель? АСР даже не требовалось планировать действия своего агента по прибытии в расположение врага. Он и сам сориентируется, что ему делать; возможностей море. Идея Уэйда становилась еще привлекательнее потому, что разум трисоляриан открыт друг для друга; они беззащитны перед военной хитростью.

Мы пошлем представителя человечества в самое сердце врага.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ГИБЕРНАЦИЯ:
ПЕРВАЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА МАШИНА ВРЕМЕНИ

Порой новая технология способна перевернуть общество, но пока она в младенчестве, не каждому человеку по силам оценить ее перспективы. Например, когда изобрели компьютер, его воспринимали как подспорье для математика, а кое-кто даже заявлял, что пяти машин хватит на весь мир. То же самое произошло с искусственной гибернацией. Пока она оставалась фантастикой, люди ограничивались мнением, что гибернация поможет неизлечимо больным

дожить до тех дней, когда врачи научатся бороться с заболеванием. Иные, как следует подумав, утверждали, что гибернация найдет применение в длительных межзвездных полетах. Но как только гибернация стала явью, социологи поняли: она неузнаваемо изменит человеческую цивилизацию.

И все это опиралось на одну простую идею: «Завтра будет лучше, чем сегодня».

Вера в лучшее будущее зародилась лишь за несколько веков до Кризиса и заслуженно считалась недавним изобретением. Раньше над ней только посмеялись бы. По сравнению с классическим Римом средневековая Европа обнищала и морально деградировала. В Китае жизнь простого народа в годы династий Вэй, Цзинь, Южной и Северной стала хуже, чем при только что окончившейся династии Хань. А династии Юань и Мин по всем параметрам проигрывали более ранним Тан и Сун. Но после промышленной революции жизнь стала неуклонно налаживаться, и вера человечества в светлое будущее крепла день за днем.

Эта вера росла вплоть до Трисолярианского кризиса. Холодная война закончилась много лет назад. Оставалось лишь несколько досадных

неприятностей, вроде загрязнения окружающей среды. Появлялось все больше товаров, качество жизни росло; изобилию, казалось, не будет конца. Если спросить людей, чего они ожидают от будущего, они дали бы разные ответы о жизни в ближайшие десять лет, но мало кто усомнился бы, что через сто лет человечество будет жить как в раю. В это нетрудно поверить — достаточно сравнить сегодняшний образ жизни с тем, как люди жили сто лет назад!

Но если гибернация стала реальностью, что тогда удерживает тебя в настоящем?

С точки зрения социолога, даже технология клонирования людей оказалась безобиднее гибернации. При клонировании возникали моральные проблемы, но они волновали только тех, кто придерживался христианского мировоззрения. Гибернация приводила к осложнениям практического толка, которые оказывали влияние на всю человеческую расу. Как только гибернация станет коммерчески доступна, все, у кого найдутся деньги, сбегут в рай будущего — а остальным придется остаться в сравнительно суровом настоящем и строить для них этот рай. Но самой опасной и наиболее привлекательной приманкой будущего стало бессмертие.

Узнавая о новых и новых достижениях биологии, люди начинали верить, что через столетие или два удастся побороть саму смерть. Те, кто ляжет в гибернацию, сделают первый шаг навстречу вечной жизни. Впервые в истории смерть перестала уравнивать бедняка и богача. Последствия даже представить невозможно.

Возникшую ситуацию позже закономерно сравнивали с волнениями вокруг эскапизма, зародившегося сразу после Кризиса. В дальнейшем историки назовут этот процесс «ранним эскапизмом», или «эскапизмом сквозь время». По этой причине до Кризиса правительства всех мировых держав сдерживали технологию гибернации; она находилась под еще более жестким контролем, чем клонирование.

Но Трисолярианский кризис все изменил. За одну ночь рай будущего превратился в сущий ад. Будущее не привлекало даже смертельно больных: что, если они проснутся в охваченном пламенем мире, где для них не найдется даже таблетки аспирина?

Поэтому после Кризиса ограничения на исследования в области гибернации сняли. Вскоре технология гибернации вышла на коммерческий рынок, и человеческая раса овладела своим пер-

вым инструментом для движения сквозь время.

Эра Кризиса, годы 1—4-й
Чэн Синь

Чтобы ознакомиться с технологией гибернации, Чэн Синь отправилась на остров Хайнань, в город Санья.

Тропический остров казался странным местом для размещения самого большого на планете исследовательского центра гибернации, одного из подразделений Академии медицинских наук Китая. Когда на материке стояла глубокая зима, здесь правила весна.

Белое здание центра пряталось за пышной растительностью. В его лабораториях около дюжины добровольцев лежали в краткосрочном экспериментальном анабиозе. Пока еще никого не погружали в холодный сон на столетия.

Первым делом Чэн Синь спросила, возможно ли довести вес аппаратуры до ста килограмм.

Директор института рассмеялся:

— Сто килограмм? Да мы сочтем за счастье, если облегчим его до ста тонн!

Директор преувеличивал, но не слишком. Он провел Чэн Синь по отделам центра и объяснил,

что технология искусственной гибернации не совсем такая, какой ее представляет себе широкая публика. Например, для нее не нужны сверхнизкие температуры. Сначала всю кровь замещают хладостойким кровезаменителем, потом тело охлаждают до минус пятидесяти градусов и запускают аппарат искусственного кровообращения для поддержания минимального уровня биологической активности.

— Очень похоже на «режим сна» у компьютера, — объяснил директор.

Общий вес оборудования — капсулы гибернатора, систем жизнеобеспечения и охлаждения — составлял около трех тонн.

Как только Чэн Синь начала обсуждать с инженерами, как можно снизить вес установки, ее осенило: если температура тела должна оставаться около —50 градусов Цельсия, в условиях глубокого космоса капсулу гибернатора придется не охлаждать, а подогревать! Температура космического пространства за пределами орбиты Нептуна немногим отличается от абсолютного нуля[135]. В сравнении с ней —50 градусов внутри

[135] Примечания: 135

При отсутствии существенного нагрева Солнцем на таком расстоянии это будет 2,7 градуса по Кельвину — температура реликтового излучения (http://e-science.ru/ groups/Температура-вакуума). — *Прим. перев.*

гибернатора покажутся раскаленной печью. Поскольку на дорогу уйдет одно или два столетия, без радиоизотопного генератора не обойтись. Директор центра не сильно преувеличил, когда заявил о сотне тонн оборудования.

Чэн Синь вернулась в штаб-квартиру АСР и отчиталась о результатах поездки. Рабочая группа изучила материалы, и инженеров опять охватило уныние. Но сейчас они с надеждой смотрели на Уэйда.

— Чего вы на меня уставились? Я не Господь Бог! — Уэйд окинул взглядом комнату совещаний. — Зачем вы здесь, по-вашему, — чтобы получать зарплату и докладывать о неудачах? Нет у меня для вас решений! Поиск решений — ваша работа! — Он изо всех сил пнул ножку стола и от удара отъехал дальше, чем когда-либо. Не обращая внимания на таблички «Не курить!», он зажег сигару.

Участники совещания посмотрели на присутствующих здесь же специалистов по гибернации. Те ничего не сказали, но даже не пытались скрыть свои чувства: им, профессионалам, какая-то кучка фанатиков приказывает совершить невозможное!

— А что, если… — Чэн Синь неуверенно огляну-

лась. Она еще не привыкла к ВД.

— Вперед! Ни перед чем не останавливаться! — выдохнул в ее сторону Уэйд вместе с облаком дыма.

— Возможно, нам не придется посылать живого человека.

Вся команда посмотрела сначала на Чэн Синь, потом друг на друга, потом на экспертов по гибернации. Те затрясли головами — они тоже не понимали, о чем речь.

— Мы мгновенно заморозим человека до —200 градусов или даже ниже, а потом запустим тело в космос. Не нужно ни систем жизнеобеспечения, ни обогревателя; а контейнер с телом сделаем тонким и легким. Уложимся в 110 килограмм. Для нас такое тело — труп; а для Трисолярис, может, и нет.

— Очень хорошо, — кивнул ей Уэйд. На ее памяти это был первый раз, когда Уэйд кого-нибудь похвалил.

Встал один из экспертов по гибернации:

— Вы говорите о криоконсервации, а не о гибернации. Самое сложное в реанимации такого тела — предотвратить образование кристаллов льда. Заморозьте тофу, разморозьте — и получите губчатую массу. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из

вас когда-либо замораживал тофу… — Эксперт, китаец, улыбнулся окружавшим его западным коллегам. — Возможно, у Трисоляриса и найдется такая методика. Возможно, они знают, как разморозить все тело за ничтожное время — за миллисекунду или даже за микросекунду — без того, чтобы превратить его в облако пара.

Чэн Синь почти не следила за обсуждением. Она напряженно размышляла: и кто же станет этим телом, замороженным до —200 градусов и запущенным в глубокий космос? Она изо всех сил старалась двигаться вперед, не задумываясь о последствиях, но от этой мысли ее пробрал озноб.

* * *

Программу «Лестница» доработали и снова поставили на голосование в СОП. Уэйд переговорил с несколькими делегатами; по его словам, у «Лестницы» были неплохие шансы. В этой редакции целью программы стал первый контакт человечества и инопланетян, а не просто запуск зонда. Кроме того, человек, отправленный навстречу флоту, мог стать бомбой с часовым механизмом, заложенной в самое сердце врага. Агент, искусно пользуясь превосходством людей в науке хитрости и обмана, потенциально мог

изменить ход войны.

Поскольку этим вечером на специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН собирались объявить о проекте «Отвернувшиеся», сессию СОП отложили на час. Сотрудники АСР дожидались в вестибюле зала Генеральной ассамблеи. На предыдущие сессии СОП приглашали только Уэйда и Вадимова; все прочие оставались за дверьми на случай, если СОП решит задать им какой-нибудь технический вопрос. Но на этот раз Уэйд попросил Чэн Синь проследовать за ним и Вадимовым в зал заседаний — высокая честь для скромного технического специалиста невысокого ранга.

Заседание Генеральной Ассамблеи завершилось. Чэн Синь и ее коллеги увидели, как окруженный кольцом репортеров мужчина — должно быть, один из только что назначенных Отвернувшихся — проходит через вестибюль и покидает здание. Поскольку сотрудники АСР работали только над «Лестницей», большинство из них не интересовалось другими проектами; лишь двое-трое вышли наружу, чтобы взглянуть на новоиспеченного Отвернувшегося. Поэтому, когда произошло вошедшее в историю покушение на Ло Цзи, никто из группы АСР не услышал

выстрела; они только увидели сквозь стеклянные двери внезапно возникшую суматоху. Чэн Синь вместе с другими работниками АСР выбежала на улицу; ее тотчас же ослепили прожекторы зависших над площадью вертолетов.

— Боже мой, Отвернувшегося убили! — крикнул, подбегая к ней, один из коллег. — Говорят, он получил несколько пуль! Прямо в голову!

— Кого назначили Отвернувшимися? — без особого интереса спросил Уэйд.

— Я и сам не уверен. Мне кажется, что трое из них хорошо известны. Четвертый, тот, кого убили, — ваш соотечественник. — Работник АСР кивнул в сторону Чэн Синь. — Но о нем никто до сих пор не слышал. Самый обычный человек.

— Мы живем в особенное время — «обычных людей» больше нет, — заявил Уэйд. — На совершенно случайного человека могут возложить тяжелую ответственность, а важного чиновника — сместить. — Он взглянул сначала на Чэн Синь, потом на Вадимова. В этот момент секретарь СОП отозвал Уэйда в сторону.

— Он угрожает мне, — прошептал Вадимов Чэн Синь. — Наорал вчера на меня и сказал, что ты без труда меня заменишь.

— Михаил, я…

Вадимов поднял руку, чтобы остановить ее. Яркий луч вертолетного прожектора просвечивал его ладонь насквозь, и та отливала розовым.

— Он не шутит. Наше агентство не обязано придерживаться обычных кадровых процедур. Ты напориста, хладнокровна, трудолюбива, к тому же изобретательна. Ты подходишь к своей работе с гораздо большей ответственностью, чем можно ожидать от человека на этой должности. Редкое сочетание достоинств в твоем возрасте. Синь, я и в самом деле рад, что ты можешь заменить меня — но поверь, я могу делать такие вещи, на которые ты органически не способна.

Вадимов окинул взглядом царящий вокруг хаос.

— Ты не продашь свою мать в бордель. Когда дело доходит до этой особенности нашей профессии, ты все еще дитя. И я бы очень хотел, чтобы ты такой и осталась.

Подошла Камилла с ворохом бумаг в руках. Чэн Синь подумала, что это предварительный отчет о возможности осуществления программы «Лестница». Камилла подержала документы несколько секунд, но затем, вместо того чтобы передать бумаги одному из них, с размаху швырнула их на землю.

— Да пошли они ко всем чертям! — вскричала Камилла, перебивая грохот вертолетов. Несколько прохожих обернулись. — Эти проклятые свиньи способны только копошиться в грязи!

— О ком вы говорите? — спросил Вадимов.

— Обо всех! О человечестве! Полвека назад мы разгуливали по Луне! А сегодня у нас ничего нет, и мы ничего не можем сделать!

Чэн Синь наклонилась и собрала бумаги. Это в самом деле был предварительный отчет. Они с Вадимовым пролистали несколько страниц, но такой сложный технический документ невозможно читать «по диагонали». К ним вернулся Уэйд — секретарь СОП сообщил, что заседание начнется через пятнадцать минут.

В присутствии шефа АСР Камилла немного успокоилась:

— НАСА провело в космосе два испытания прототипа импульсного ядерного двигателя. Все цифры в отчете. Если коротко, то наша капсула по-прежнему слишком тяжела, чтобы разогнаться до требуемой скорости. По их расчетам, масса всего зонда не может превышать пяти процентов от нашего варианта! Пяти процентов! Это же десять килограмм!

— Впрочем, у них нашлись для нас и хоро-

шие новости. Массу паруса можно уменьшить до десяти килограмм. Они сжалились над нами и сказали, что мы можем рассчитывать на пятьсот грамм полезной нагрузки. Но ни граммом больше! Иначе понадобится усилить тросы для паруса; каждый дополнительный грамм полезной нагрузки отзовется тремя граммами тросов. Поэтому в нашем распоряжении только полкилограмма. Ха-ха, точно как наш ангел и предсказывала: «капсула, легкая, как перышко»!

Уэйд улыбнулся:

— Предложим полететь Монье, котенку моей матери. Впрочем, даже ему придется вдвое похудеть.

Когда вокруг него сосредоточенно и с удовольствием работали, Уэйд ходил мрачный, как туча. Когда все падали духом, Уэйд смеялся и шутил. Чэн Синь думала, что у него просто такой стиль руководства. Но Вадимов сказал, что она совсем не разбирается в людях. Настроение Уэйда не имело ничего общего ни со стилем руководства, ни с желанием подбодрить сотрудников. Он всего лишь наслаждался отчаянием других — даже тогда, когда ему самому стоило бы разделить их уныние. Чэн Синь удивилась, что Вадимов, всегда хорошо отзывавшийся о других, так плохо дума-

ет об Уэйде. Но сейчас, похоже, Уэйд и в самом деле радовался, глядя на утративших надежду подчиненных.

У Чэн Синь больше не осталось сил. Сказалось многодневное переутомление: колени девушки подкосились, и она опустилась на лужайку.

— Встать! — приказал Уэйд.

Впервые Чэн Синь не исполнила его приказа. Лежа на траве, она прошептала:

— Как же я устала…

— Ты и ты, — распорядился Уэйд, указывая пальцем на Камиллу и Чэн Синь. — С этого момента запрещаю вам вот так терять над собой контроль! Вы должны идти вперед! Не останавливаться ни перед чем!

— Нам некуда идти, — возразил Вадимов. — Остается лишь опустить руки.

— Вам только кажется, что идти некуда — и это потому, что вы не умеете плевать на последствия!

— Что же делать с сессией СОП? Отменить?

— Нет. Продолжаем, как будто ничего не произошло. Но у нас нет времени, чтобы исправить документацию. Зачитаем новый план с трибуны.

— Какой новый план? С котенком весом пятьсот грамм?

— Нет, конечно.

В глазах Вадимова и Камиллы вспыхнул огонек надежды. Чэн Синь тоже собралась с силами и поднялась с земли.

Четвертого Отвернувшегося погрузили в «скорую» и увезли под охраной армейских бронетранспортеров и вертолетов.

На фоне огней Нью-Йорка Уэйд казался черным призраком с глазами, сияющими холодным светом.

— Мы отправим только мозг, — заявил он.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ПРОГРАММА «ЛЕСТНИЦА»

В Китае XIV века, в эпоху династии Мин, военные моряки придумали оружие под названием «Холун Чу Шуй» — «Огненный дракон, взлетающий с воды». Это была многоступенчатая пороховая ракета, схожая по принципу работы с противокорабельными ракетами Общей Эры. К головному снаряду («Холун») привязывали несколько реактивных ускорителей и запускали. Ракета летела невысоко над поверхностью воды. Когда «первая ступень» выгорала, последние крупинки пороха воспламеняли «вторые ступе-

ни» — несколько ракет поменьше. Они вылетали из переднего конца ракеты и поражали вражеские корабли.

Оружейники древности также изобрели многозарядный арбалет, предшественник пулемета Общей Эры. Эти механизмы знали и на Западе, и на Востоке. Такие арбалеты китайского производства[136] находят в захоронениях, датируемых IV веком до Р. Х. и позже.

Для создания обоих типов вооружения мастера прошлого взяли примитивную технологию, немного усовершенствовали — и получили выдающееся для своего времени оружие.

То же можно сказать и о программе «Лестница», задуманной в самом начале Эры Кризиса. Опираясь лишь на доступную в то время примитивную технологию, она сумела разогнать небольшой зонд до одного процента от скорости света — достижение, казавшееся невозможным без технологии, которой еще только предстояло появиться через полтора столетия.

---

[136] Примечания: 136

Чо-ко-ну — китайский многозарядный арбалет. В этом арбалете действия по натяжению тетивы, укладке болта и спуску тетивы производятся одним движением руки. Благодаря устанавливаемым на оружие магазинам с болтами многозарядный арбалет позволяет значительно увеличить темп стрельбы (примерно 10 болтов за 15 секунд) по сравнению с обычным (https://ru.wikipedia.org/wiki/Чо-ко-ну). — *Прим. перев.*

Ко времени программы «Лестница» люди уже запустили несколько космических аппаратов за пределы Солнечной системы и сумели посадить зонды на спутники Нептуна. Уже существовали достаточно надежные носители для размещения ядерных бомб вдоль трассы разгона. Однако управление полетом, в ходе которого зонд должен проходить рядом с бомбами, и подрыв каждого заряда в точно рассчитанный момент представили собой серьезнейшие технические проблемы.

Бомбу требовалось взорвать, как только парус пролетит мимо. В момент взрыва расстояние между эпицентром и парусом должно составлять от трех до десяти километров, в зависимости от мощности бомбы. По мере разгона зонда росли требования к точности срабатывания детонаторов. Но даже когда зонд достигнет одного процента от скорости света, погрешность времени подрыва будет все еще исчисляться в наносекундах. Доступная в то время электроника вполне справлялась с такой задачей.

У зонда двигателя не было. Его траектория полностью определялась взаимным расположением взрывающихся бомб. Каждую бомбу снабдили небольшим маневровым двигателем. Парус проходил лишь в нескольких сотнях метров от

бомбы. Регулируя эту дистанцию, можно было влиять на угол между парусом и вектором тяги, которая возникала после ядерного взрыва, таким образом корректируя направление полета.

Парус, изготовленный из тончайшей пленки, тянул за собой капсулу с полезной нагрузкой. Весь зонд напоминал огромный парашют, только летящий «вверх». Чтобы близкие ядерные взрывы — от трех до десяти километров позади паруса — не повредили капсулу, тросы пришлось сделать очень длинными, около пятисот километров. Капсулу также защищала многослойная термоизоляция. Каждый взрыв испарял тонкий слой изоляции, охлаждая капсулу и понемногу снижая массу зонда.

Тросы, в десять раз тоньше паутинки и невидимые для глаза, были изготовлены из наноматериала «Летающее лезвие». Сто километров нити весили всего восемь грамм. Трос выдерживал излучение ядерных взрывов и рывки паруса при разгоне.

Но, разумеется, «Холун Чу Шуй» значительно уступал двухступенчатой ракете, а многозарядный арбалет не мог соперничать с пулеметом. Точно так же программа «Лестница» не положила начало новому космическому веку. Она

оказалась всего лишь отчаянным предприятием, в котором человечество применило весь набор своих примитивных технологий.

Эра Кризиса, годы 1—4-й
Чэн Синь

Групповые пуски ракет «Peacekeeper MX» продолжались уже более получаса. Дымные следы шести запущенных носителей переплетались и в лунном свете казались серебристой дорогой в небо.

Каждые пять минут по этой дороге поднимался очередной огненный клубок. Тени, отбрасываемые деревьями и людьми, кружились, словно секундные стрелки часов. В первой серии пусков задействовали тридцать ракет — им предстояло доставить на земную орбиту триста ядерных боеголовок мощностью от пятисот килотонн до двух с половиной мегатонн.

В это же время в России и Китае взлетали «Тополи» и «Дунфэни». Могло показаться, что началась ядерная война, но по кривизне траектории Чэн Синь видела, что ракеты идут не на соседний континент, а на орбиту. Их боеголовки, способные убить миллиарды людей, никогда больше не вер-

нутся на Землю. Они объединят всю свою мощь, чтобы разогнать перышко до одного процента от скорости света.

В глазах Чэн Синь, наполненных горячими слезами, отражалось яркое пламя поднимающихся к небу ракет. Снова и снова она убеждала себя: как бы ни развивались события, «Лестница» стоит приложенных усилий.

Но стоящих рядом Вадимова и Уэйда развернувшееся перед ними великолепное зрелище, похоже, нисколько не трогало. Вместо того чтобы смотреть в небо, они курили и негромко разговаривали. Чэн Синь не сомневалась в предмете их беседы: кого именно выберут для полета в капсуле зонда.

Недавняя сессия СОП стала первой в истории, на которой голосовали по устно представленному предложению. Чэн Синь довелось увидеть, насколько хорош в риторике обычно немногословный Уэйд. Он аргументировал так: если мы считаем трисоляриан способными оживить замороженное тело, почему они не сумеют вернуть к жизни замороженный мозг и общаться с ним при помощи аппаратуры? Ведь наверняка для цивилизации, которая развернула протон в двух измерениях и выгравировала на его поверхности

электронные схемы, это не проблема? В каком-то смысле мозг человека — все равно что весь человек. Здесь хранятся его мысли, его личность, его память. И уж определенно в мозгу заключена способность к созданию стратагем[137]. Если у нас все получится, этот мозг станет бомбой с часовым механизмом, заложенной в самое сердце врага.

Члены СОП сомневались, что мозг и его носитель — это одно и то же. Но другого выбора не было, особенно учитывая, что их в основном интересовала технология разгона зонда. В результате резолюцию приняли пятью голосами «за». Двое воздержались.

Как только программу «Лестница» одобрили, на первый план вышла проблема выбора агента. Чэн Синь не смела и помыслить о таком человеке. Даже если Трисолярис перехватит зонд и оживит мозг, жизнь после пробуждения — если такое существование можно назвать жизнью — станет бесконечным кошмаром. Каждый раз, когда она задумывалась над этим вопросом, Чэн Синь

[137] Примечания: 137

Стратагема — хитроумный план, оригинальный путь к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей. В настоящее время стали широко известны 36 древнекитайских военных хитростей, по отношению к которым часто употребляется наименование «стратагема» (https://dic.academic.ru/dic. nsf/ruwiki/141257). — *Прим. перев.*

казалось, будто ее сердце стискивает рука, замороженная до минус двухсот градусов Цельсия.

Других участников проекта чувство вины не беспокоило. Если бы АСР было национальным агентством, решение приняли бы давно и без лишнего шума. Но АСР формировалось как сборная из представителей стран-членов СОП. Поэтому, когда о программе «Лестница» сообщили всему миру, выбор агента стал весьма деликатным вопросом.

Суть проблемы заключалась в том, что перед отправкой агента требовалось убить.

Когда схлынула первая волна паники, вызванной Кризисом, политики всего мира единогласно решили: нельзя позволить Кризису стать оружием против демократии. Сотрудники АСР получили от своих стран инструкции: крайне осторожно подходить к выбору кандидатов и не совершать политических ошибок, которые могут оконфузить родину.

И опять Уэйд предложил необычное решение: СОП и ООН должны склонить страны — и чем больше, тем лучше — к принятию закона об эвтаназии. Но даже он сам не был уверен, что его план сработает.

Три из семи постоянных членов СОП вскоре

приняли законы об эвтаназии. Но в них четко указывалось, что эвтаназия доступна только неизлечимо больным. Неидеальный вариант для «Лестницы», но ни на что большее общество пойти не могло.

Агента для программы «Лестница» придется искать среди смертельно больных людей.

* * *

Стих рокот двигателей, угасли последние сполохи пламени. Пуски ракет завершились. Уэйд и наблюдатели СОП сели в машины и уехали. Остались только Вадимов и Чэн Синь.

— Давай посмотрим на твою звезду, — предложил Вадимов.

Четыре дня назад Чэн Синь получила документы на DX3906. Она страшно удивилась, безумно обрадовалась и целый день повторяла про себя: «Мне подарили звезду, мне подарили звезду, мне подарили звезду…»

Зайдя с отчетом к Уэйду, она так сияла от счастья, что шеф поинтересовался, в чем дело. Она показала ему свидетельство.

— Бесполезная бумажка, — прокомментировал он, возвращая документ. — Если ты не дура, немедленно продай за полцены. Иначе останешь-

ся ни с чем.

Но цинизм шефа не задел его подчиненную — она и не сомневалась, что реакция будет именно такой. Чэн Синь почти ничего не знала о шефе, кроме его послужного списка. Сначала он работал на ЦРУ, потом служил помощником секретаря Министерства внутренней безопасности и в конце концов занял пост руководителя АСР. О личной жизни главы АСР Чэн Синь знала лишь, что у него есть мать, а у матери котенок. Другие тоже ничего не знали, даже где он живет. Уэйд был подобен роботу: когда он не работал, то отключался в каком-то тайном чулане.

Чэн Синь не удержалась и похвасталась своей звездой перед Вадимовым. Тот с радостью поздравил ее:

— Тебе все девушки мира будут завидовать — и живые женщины, и мертвые принцессы. Ты, несомненно, первая в истории человечества, кому подарили звезду.

А что еще нужно женщине для полного счастья, кроме звезды в подарок от любящего человека?

— Но кто это может быть? — вполголоса спросила себя Чэн Синь.

— Не так уж трудно догадаться. Для начала: он богат. Он потратил несколько миллионов на

символический подарок.

Чэн Синь покачала головой. У нее всегда хватало воздыхателей и ухажеров, но ни у кого из них не было *таких* денег.

— Кроме того, у него тонкая натура. Он не такой, как все, — Вадимов вздохнул. — Надо же, какой романтик! Если бы я прочитал о чем-то подобном в книге или увидел в кино, то сказал бы, что это ни в какие ворота.

Чэн Синь тоже вздохнула. В детстве она часто витала в облаках; над своими прошлыми розовыми мечтами сегодняшняя Чэн Синь только посмеялась бы. Но звезда, упавшая ей в руки из ниоткуда, намного превосходила даже самые смелые романтические грезы.

Она была уверена, что не знакома ни с кем, способным на такой подарок.

Что, если это какой-то тайный поклонник, восхищающийся ею издалека и внезапно решивший потратить ничтожную долю своего безграничного богатства на причуду, которую ей никогда не понять? Пусть даже и так, она все равно ему благодарна.

Той ночью Чэн Синь забралась на крышу Центра международной торговли, сгорая от нетерпения увидеть свою звезду. Она тщательно изучила

приложенные к свидетельству звездные карты. Но небо над Нью-Йорком затягивали облака — и в ту ночь, и в другую, и в третью… Облака словно дразнили Чэн Синь, укрывая звезду от ее взора. Однако она не огорчалась — знала, что никто не сможет отнять у нее этот подарок. DX3906 продолжала светить; возможно, она переживет и Землю, и Солнце. Когда-нибудь Чэн Синь ее увидит…

Стоя ночью на балконе своей квартиры, Чэн Синь глядела в небо и представляла себе свою звезду. Желтые фонари тускло подсвечивали пелену облаков, но ей в этом сиянии чудился розовый оттенок, который, конечно, ему придавал свет ее звезды.

Она уснула и видела, как летит над поверхностью звезды, над нежно-розовым шаром. Вместо обжигающего пламени она ощущала ласковое дуновение весеннего ветерка. А внизу она видела сквозь чистейшие воды океана, как на дне колышутся розовые облака водорослей…

Потом она проснулась и посмеялась над собой. И как только она, инженер аэрокосмической промышленности, могла позабыть, что у DX3906 нет ни одной планеты!

На четвертый день после получения сертификата на звезду Чэн Синь с группой сотрудников

АСР вылетела на мыс Канаверал для участия в церемонии запуска первой группы ракет. Для выхода на орбиту МБР нуждались в помощи Земли — вращение планеты добавляло им скорости. Ракеты забрали с точек базирования и доставили на космодром.

Дымные следы понемногу таяли в безоблачном ночном небе. Чэн Синь и Вадимов склонились над звездной картой. Оба немного разбирались в астрономии; вскоре они уже смотрели в направлении звезды Чэн Синь, но не могли ее обнаружить.

Тогда Вадимов достал два военных бинокля. С их помощью не составило труда увидеть DX3906, а потом найти звезду и без бинокля. Чэн Синь завороженно смотрела на тусклую красную точку, пытаясь осознать разделяющую их гигантскую бездну и перевести единицы расстояния во что-нибудь доступное восприятию человека.

— Если поместить мой мозг в зонд «Лестницы» и послать к этой звезде, ему понадобится тридцать тысяч лет, чтобы добраться до пункта назначения.

Ответа не последовало. Чэн Синь обернулась и увидела, что Вадимов больше не разглядывает вместе с ней звезду, а стоит, прислонившись к

автомобилю, и смотрит в никуда. На его лице она заметила беспокойство.

— Что случилось?

Вадимов ответил не сразу:

— Я пренебрегаю своим долгом.

— О чем вы?

— Я самый подходящий кандидат для «Лестницы».

Заявление Вадимова шокировало Чэн Синь, но она тотчас же поняла, что он прав. Ее умудренный многолетним опытом начальник разбирался в космосе, дипломатии и разведке и обладал зрелым, устойчивым характером. Даже если бы АСР расширило список кандидатов и включило в него здоровых людей, Вадимов все равно остался бы лучшим.

— Но вы же здоровы!

— Здоров. Тем не менее я пытаюсь убежать от ответственности.

— На вас давят? — спросила Чэн Синь, думая про Уэйда.

— Нет. Но я знаю, что должен сделать. Я просто тяну время. Три года назад я женился, и моей дочери только что исполнился годик. Я не боюсь умереть, но люблю свою семью. Не хотел бы, чтобы они увидели, как из меня делают консервы.

Это хуже смерти.

— Вы не обязаны идти на такое! Ни АСР, ни ваше правительство не приказывали вам и не могут приказать!

— Это так… но я все равно самая подходящая кандидатура. Хочу, чтобы ты знала.

— Михаил, человечество — это не какая-то абстракция. Любовь к человечеству начинается с любви к человеку, с ответственности за тех, кого вы любите. Как можно винить в этом себя!

— Спасибо, Чэн Синь. Ты заслуженно получила свой подарок, — Вадимов поднял глаза и взглянул на звезду. — Я с удовольствием подарил бы такой же моей дочери и жене.

В небе вспыхнула одна яркая точка, потом другая. В их свете на земле выросли тени. Далеко в космосе инженеры испытывали ядерный импульсный двигатель.

* * *

Отбор кандидатов на полет шел полным ходом, но на работе Чэн Синь это почти не отразилось. Ее только попросили убедиться, что люди соответствуют главному требованию — знакомы с основами космонавтики. Поскольку выбирать приходилось только среди неизлечимо больных,

найти такого специалиста оказалось практически нереально. АСР принялось искать везде, где только возможно.

Одна из однокурсниц Чэн Синь приехала навестить ее в Нью-Йорк. Разговор зашел о том, как сложилась жизнь у других их приятелей по колледжу, и подруга упомянула Юнь Тяньмина. Через Ху Вэня она знала, что у Тяньмина рак легких в последней стадии и ему осталось недолго. Чэн Синь немедленно отправилась к заместителю шефа Юй Вэймину и предложила Тяньмина в качестве кандидата на полет.

Чэн Синь запомнила этот момент до конца своих дней. Каждый раз возвращаясь к этим воспоминаниям, она признавалась себе, что не слишком задумывалась о Тяньмине как о личности.

Чэн Синь нужно было съездить в Китай по делам. Поскольку она была однокурсницей Тяньмина, Юй Вэймин поручил ей переговорить с бывшим однокурсником от лица АСР. Недолго думая, она согласилась.

* * *

Выслушав рассказ Чэн Синь, Тяньмин медленно присел в кровати. Чэн Синь попросила было

его лечь, но Тяньмин объяснил, что хочет ненадолго остаться один.

Когда Чэн Синь вышла и прикрыла за собой дверь, Тяньмин истерически расхохотался.

«Какой же я безмозглый идиот! Думал, что, если от всего сердца подарю ей звезду, она ответит мне взаимностью! Думал, что она пересекла Тихий океан, чтобы спасти меня, залив своими святыми слезами! Что за волшебную сказку я себе сочинил!»

Нет, Чэн Синь приехала, чтобы попросить его умереть.

Тяньмин сделал еще одно умозаключение, от которого захохотал так надсадно, что у него перехватило дыхание. Судя по рассказу Чэн Синь, она не знала, что он уже решился на эвтаназию. Другими словами, если бы он не сделал шаг первым, она бы стала убеждать его пройти процедуру! Возможно, она принялась бы уговаривать его или давить, пока он не согласится.

Слово «эвтаназия» означает «хорошая смерть». Но Чэн Синь не уготовила для него ничего хорошего.

Сестра хотела, чтобы Тяньмин умер, поскольку считала, что нет смысла тратить деньги на лечение. Он понимал ее логику и верил, что сестра

искренне желает ему умереть спокойно и безболезненно. А Чэн Синь хотела, чтобы он мучился бесконечно. Космос повергал Тяньмина в ужас. Как и любой другой специалист по аэрокосмическим технологиям, он отлично знал, насколько безжалостно космическое пространство. Ад находится не на Земле, а в небесах.

Чэн Синь хотела, чтобы его часть — та, в которой заключается его душа, — вечно блуждала в ледяной бесконечной и мрачной бездне.

Из двух альтернатив эта, пожалуй, была бы лучшей.

Ибо в другом случае — если Трисолярис перехватит зонд и завладеет его мозгом, к чему и стремилась Чэн Синь, — вот тогда начнется настоящий кошмар. Инопланетяне, эти нелюди, воткнут в мозг датчики и примутся исследовать его центры чувств. Разумеется, больше всех их заинтересует чувство боли; поэтому он пройдет сквозь муки голода и жажды, его будут стегать кнутом, жечь, душить, бить током… На нем опробуют все средневековые пытки, даже *линчи* — «смерть от тысячи порезов»…

Затем палачи расшифруют его память и определят, каких мучений он боится больше всего. Они узнают о пытке, о которой он однажды читал

в книге по истории: сначала жертву бьют кнутом, пока не сдерут всю кожу; потом тело плотно обертывают повязками; а когда кровотечение прекратится, повязки разом срывают, обнажая все раны… Тогда чужаки пошлют в мозг сигналы, имитирующие такую пытку. В книге жертва быстро погибала, но мозг Тяньмина не умрет. В самом крайнем случае мозг отключится из-за шока. С точки зрения трисоляриан его «компьютер» просто остановится — и они перезапустят его, чтобы провести какой-нибудь другой эксперимент — из любопытства или просто ради развлечения…

Побег невозможен. Без рук и тела он не сможет даже убить себя. Его мозг станет аккумуляторной батареей, раз за разом заряжаемой новой порцией боли.

И этим мукам не будет конца.

Он снова разразился хохотом.

Приоткрылась дверь, и в комнату заглянула Чэн Синь:

— Тяньмин, с тобой все в порядке?

Тяньмин задушил смех и застыл, словно мертвец.

— Тяньмин, от лица ООН, СОП и Агентства стратегической разведки я спрашиваю тебя, согласен

ли ты как член человеческой расы возложить на себя ответственность и согласиться на это задание? Тебя никто не принуждает. Если не хочешь, откажись.

Он глядел на лицо Чэн Синь, торжественное и одновременно исполненное энтузиазма. Она сражается за человечество, за Землю… Но что это?! Что происходит вокруг? Свет заходящего солнца, льющийся сквозь окно, растекся по стене лужей крови… Ветви одинокого дуба за окном превратились в тощие руки, поднимающиеся из могилы…

Намек на улыбку — вымученную, бесконечно печальную улыбку — изогнул кончики рта Тяньмина. Понемногу улыбка расползлась по всему лицу.

— Разумеется, я согласен, — ответил он.

Эра Кризиса, годы 5—7-й
Программа «Лестница»

Погиб Михаил Вадимов. Он ехал по мосту Александра Гамильтона через реку Гарлем по шоссе I-95. Его машина проломила ограждение и упала в воду. Достать ее удалось только спустя сутки. Вскрытие показало, что Вадимов страдал лейке-

мией; авария произошла из-за кровоизлияния в сетчатку.

Чэн Синь искренне оплакивала Вадимова — он заботился о ней, словно старший брат, и помогал привыкнуть к жизни в чужой стране. Больше всего ей не хватало его великодушия. Несмотря на то, что Чэн Синь привлекала внимание своим интеллектом и во многом затмевала Вадимова (считаясь при этом всего лишь его помощником), он никогда ей не завидовал, а наоборот, поощрял демонстрировать свои таланты более открыто и для более широких кругов публики.

Гибель Вадимова разделила АСР на два лагеря. Большинство технических сотрудников, таких как Чэн Синь, сожалели о смерти своего руководителя. Но разведчики-профессионалы прежде всего сокрушались, что тело Вадимова не успели своевременно извлечь и его мозг пропал без пользы.

Постепенно у Чэн Синь зародились подозрения. Больно уж много совпадений в этой истории. Сперва ее даже передернуло от такой мысли — слишком страшно и слишком подло все выглядело.

Она проконсультировалась у специалистов и узнала, что лейкемию можно вызвать искусствен-

но. Для этого достаточно поместить источник радиации недалеко от жертвы. Но подобрать дозу облучения не так-то просто: при слишком низкой человек не успеет заболеть в нужное время, при передозировке — умрет от лучевой болезни, а мозг получит необратимые повреждения. Вадимов, судя по стадии заболевания, страдал лейкемией уже давно — следовательно, заговор против него должен был начаться приблизительно в то же время, когда СОП настаивал на принятии законов об эвтаназии по всему миру. Если Вадимова и в самом деле убили, то это сделал очень опытный киллер.

Чэн Синь тайком проверила кабинет Вадимова и его квартиру счетчиком Гейгера, но ничего подозрительного не обнаружила. Под подушкой она нашла семейную фотографию — жена Вадимова, балерина, на одиннадцать лет моложе мужа, и его дочка… Чэн Синь утерла слезы с глаз.

Как-то Вадимов обмолвился, что из суеверия не держит фотографии семьи на столе или тумбочке. Ему казалось, что это навлечет на родных беду. Он прятал снимки и доставал, только когда хотел на них посмотреть.

Каждый раз, думая о Вадимове, Чэн Синь вспоминала Юнь Тяньмина. Тот жил вместе с шестью

другими кандидатами на секретной базе недалеко от штаб-квартиры АСР. Там они проходили тестирование, по результатам которого из всей группы выберут одного.

После недавней встречи с Тяньмином в Китае на сердце у Чэн Синь становилось тяжелее и тяжелее, а потом и вовсе навалилась депрессия. Она вспомнила их самую первую встречу. В колледже начался первый семестр, студенты по очереди вставали и представлялись. Тяньмин сидел один, в углу. Чэн Синь сразу же поняла, насколько он уязвим и одинок. Ей и раньше попадались подобные одинокие и всеми забытые парни, но никто из них не вызывал в ней такого чувства, как этот: ей казалось, будто она видит все тайны в глубине его души.

Чэн Синь нравились уверенные в себе, оптимистично настроенные ребята. От них словно исходил теплый солнечный свет, которым они согревали себя и своих девушек. Тяньмин был полной их противоположностью, но ей хотелось заботиться о нем. Когда они беседовали, Чэн Синь вела себя осторожно, опасаясь случайно причинить ему боль. Ни с кем другим она не была так деликатна.

Когда ее подруга приехала в Нью-Йорк и речь

зашла о Тяньмине, случилось неожиданное: несмотря на то, что Чэн Синь задвинула его образ в далекий уголок своей памяти, как только она вспомнила о Тяньмине, он отчетливо предстал перед ее глазами.

Однажды ночью Чэн Синь приснился очередной кошмар. Она опять летела над своей звездой, но розовые океаны водорослей почернели. Потом звезда провалилась внутрь себя и стала черной дырой. Вокруг нее кружил крохотный огонек, навсегда попавший в плен гравитации. Это был замороженный мозг.

Чэн Синь проснулась и увидела на занавесках свет фонарей Нью-Йорка. Она поняла, что натворила.

С одной стороны, Чэн Синь всего лишь передала Тяньмину предложение АСР участвовать в программе. Он мог и отказаться. Чэн Синь рекомендовала его потому, что хотела защитить Землю и все человечество, а его дни и так сочтены. Появись она в госпитале секундой позже, Тяньмин был бы уже мертв. Она, можно сказать, спасла его!

Чэн Синь не совершила ничего постыдного, ничего такого, о чем стоило бы сожалеть.

Но она понимала, что именно так продают

мать в бордель.

Чэн Синь задумалась о гибернации. Технологию усовершенствовали до того, что некоторые пациенты — в основном неизлечимо больные, надеющиеся на исцеление в будущем, — уже легли в долгосрочный «холодный сон». Тяньмин мог воспользоваться таким шансом. Вряд ли он владел достаточной суммой, учитывая его невысокий социальный статус, но Чэн Синь помогла бы. А вместо этого она отняла у него последний шанс.

На следующий день Чэн Синь пошла к Уэйду.

Как обычно, тот сидел за столом и разглядывал свою дымящуюся сигару. Она редко заставала его занятым обычными делами администратора: говорящим по телефону, читающим документы, ходящим на заседания… Она даже не понимала, когда Уэйд всем этим занимается — если занимается вообще. Он всегда сидел за столом и размышлял. Напряженно размышлял.

Чэн Синь объяснила, что, по ее мнению, кандидат № 5 не годится. Она хочет отозвать свою рекомендацию и просит впредь не рассматривать этого человека.

— Почему? По результатам тестирования он самый подходящий.

Слова Уэйда ошеломили Чэн Синь. У нее упало сердце. В одном из предварительных испытаний кандидата подвергали анестезии: он не чувствовал тела, но оставался в сознании. Предполагалось, что лишенный тела мозг будет испытывать подобные ощущения. Затем психологи оценивали, как хорошо кандидат приспособится к жизни среди инопланетян. Разумеется, разработчики теста не знали, какими окажутся условия на трисолярианском корабле, и придумывали их сами. Это было весьма суровое испытание.

— Но он даже не учился в магистратуре! — возразила Чэн Синь.

— У тебя, конечно, дипломов побольше, — заметил Уэйд. — Но если бы мы отправили твой мозг, то, вне всякого сомнения, он оказался бы одним из худших.

— Он же отшельник! Другого такого нелюдима я в жизни не встречала. Он не сможет приспособиться!

— В этом и заключается главное достоинство кандидата № 5! Ты говоришь о человеческом обществе. Те, кто чувствует себя среди людей как рыба в воде, зависят от общества. Оторви такого от человечества, помести в чуждое окружение, и он свихнется. Отличный пример — ты сама.

Чэн Синь была вынуждена признать, что Уэйд прав. Она, скорее всего, заработала бы нервный срыв уже при тестировании.

Она точно знала, что не сможет уговорить шефа АСР отказаться от кандидата для «Лестницы». Но Чэн Синь и не думала отступать. Она собралась с духом. Она скажет все, что требуется для спасения Тяньмина.

— За всю жизнь он ни к чему не стремился. У него нет чувства ответственности перед человечеством, он не знает, что такое любовь! — произнесла Чэн Синь и тотчас же усомнилась в своих словах.

— Кое-что на Земле он все-таки ценит.

Уэйд не отрывал взгляда от сигары, но Чэн Синь чувствовала, что его внимание понемногу переходит на нее, неся в себе жар огня. К ее облегчению, Уэйд заговорил о другом.

— У кандидата № 5 есть еще одно достоинство — его изобретательность. Вполне компенсирует недостаток знаний. Ты знала, что один из твоих сокурсников воспользовался его идеей и стал миллиардером?

Чэн Синь и в самом деле читала об этом в досье Тяньмина — значит, с одним настоящим богачом она все-таки знакома. Но она ни секунды не ве-

рила, что звезду ей подарил Ху Вэнь. Это просто смешно! Если бы она ему нравилась, он купил бы ей дорогой автомобиль или бриллиантовое ожерелье, а не звезду.

— А я-то волновался, что никто из кандидатов даже близко не годится. Уж и не знал, что делать. Но ты убедила меня в достоинствах кандидата № 5. Благодарю!

Уэйд наконец поднял глаза на Чэн Синь. На его лице расцвела холодная хищная улыбка. Как всегда, он наслаждался ее отчаянием и болью.

* * *

Тем не менее Чэн Синь не теряла надежды.

Она пришла на церемонию Присяги на верность человечеству, организованную для кандидатов программы «Лестница». В Договор о космосе после Кризиса внесли несколько поправок. В одной из них говорилось, что любой человек, покидающий Солнечную систему для ведения бизнеса, или с целью эмиграции, или для научных исследований, или по любой другой причине и воспользовавшийся для своего путешествия общепланетными ресурсами, обязан поклясться в верности человеческой расе. Тогда думали, что эта поправка не пригодится еще много лет.

Церемонию назначили в зале Генеральной ассамблеи ООН. В отличие от сессии, на которой провозгласили начало проекта «Отвернувшиеся», посторонних в зал не пустили. Кроме семерых кандидатов, присутствовали только Генеральный секретарь Сэй, действующий председатель СОП и небольшая группа наблюдателей, в их числе Чэн Синь и другие сотрудники АСР; они сидели в первых двух рядах.

Церемония не заняла много времени. Кандидаты по очереди возлагали руку на флаг ООН, который держала Сэй, и произносили слова присяги: «навсегда оставаться верными человеческой расе, никогда не совершать действий, которые могут причинить вред человечеству».

Перед Тяньмином стояли четверо: два американца, один русский и один англичанин. Замыкали очередь американка и китаец. Кандидаты выглядели плохо, двое сидели в инвалидных креслах. Но все горели энтузиазмом. Так старые масляные лампы ярко вспыхивают в последний раз, прежде чем угаснуть навсегда.

Чэн Синь смотрела на Тяньмина. С их последней встречи он исхудал и побледнел, но оставался совершенно спокойным. Он не глядел в ее сторону.

Присяга первых четырех кандидатов прошла как по маслу. Один из американцев, пятидесятилетний физик, страдавший раком поджелудочной железы, встал с инвалидного кресла и самостоятельно проковылял на сцену. Голоса кандидатов, слабые, но полные искренней преданности, отзывались эхом в пустом зале. Единственную заминку вызвала просьба англичанина поклясться на Библии. Просьбу удовлетворили.

Пришел черед Тяньмина. Чэн Синь не верила в Бога, но в эту секунду ей больше всего хотелось схватить Библию и начать молиться: «Тяньмин, пожалуйста, принеси присягу! Я знаю, что на тебя можно положиться. Ты будешь верен расе людей. Говорил же Уэйд, что на Земле есть что-то такое, с чем тебе тяжело расстаться…»

Девушка пристально следила, как Тяньмин поднимается на сцену и подходит к Генеральному секретарю. В этот момент Чэн Синь зажмурилась.

Она не услышала от Тяньмина слов присяги.

Тяньмин взял голубой флаг ООН из рук Сэй и возложил его на стоящую рядом трибуну.

— Я не стану принимать присягу. В этом мире я чужак. Мне не довелось ощутить здесь ни радости, ни счастья. Меня никто не любил. Конечно, я

и сам в этом виноват…

Тяньмин говорил спокойно, будто вспоминая свою жизнь. Чэн Синь, сидящую в партере, охватила дрожь. Ей казалось, что настал Судный день.

— …но я не приму присягу. Я не обещаю оставаться верным человечеству.

— Зачем же вы тогда согласились на участие в программе «Лестница»? — негромко спросила Сэй и мягко взглянула на Тяньмина.

— Я хочу увидеть другой мир. Насчет верности человеческой расе — это зависит от того, с какой цивилизацией я встречусь на корабле Трисоляриса.

Сэй кивнула:

— Присягу принимают добровольно. Вы свободны. Следующий, пожалуйста.

Чэн Синь трясло, словно она провалилась в ледяной погреб. Она прикусила губу и заставила себя не разрыдаться.

Тяньмин прошел последнее испытание.

Уэйд сидел в первом ряду. Он обернулся и посмотрел на Чэн Синь. Чем больше она страдала, тем бо!льшую радость испытывал ее босс. Казалось, его глаза говорят:

«Теперь ты видишь, как он хорош!»

«Но… что, если он говорит правду?»

«Если даже *мы* ему поверили, враг поверит наверняка».

Уэйд повернулся к сцене, но потом, словно вспомнив что-то важное, снова бросил взгляд на Чэн Синь:

«До чего же увлекательная игра, не так ли?»

Неожиданный отказ Тяньмина изменил настроение в зале. Последний кандидат, сорокатрехлетняя женщина, инженер НАСА по имени Джойнер, страдавшая ВИЧ, тоже отказалась от присяги. Она пояснила, что не хотела приходить, но пришла, иначе родственники прокляли бы ее и оставили бы умирать в одиночестве. Никто не знал, говорит ли она правду или ее вдохновил пример Тяньмина.

Ночью состояние Джойнер резко ухудшилось. Инфекция перешла в воспаление легких, у нее остановилось дыхание, и на рассвете она умерла. Медперсонал не смог вовремя извлечь мозг для замораживания.

Выполнение миссии было возложено на Тяньмина.

* * *

И наконец момент настал. Чэн Синь сообщили, что состояние Тяньмина резко ухудшилось. Требуется немедленно извлечь мозг. Процедуру проведут в Вестчестерском медицинском центре.

Чэн Синь замялась перед зданием госпиталя. Она и внутрь войти боялась, и уйти не могла; оставалось стоять и мучиться. Уэйд, приехавший вместе с ней, направился ко входу. У дверей он оглянулся и насладился ее болью. Удовлетворенный увиденным, он нанес последний удар:

— Ах да, у меня для тебя еще один сюрприз. Это ведь он подарил тебе звезду!

Чэн Синь окаменела. Теперь все встало на свои места. До сих пор она видела лишь тени, и только сейчас явились истинные краски жизни. Ее захлестнула волна эмоций, и она пошатнулась, словно кто-то выбил почву у нее из-под ног.

Она ворвалась в госпиталь и бежала по длинным, извивающимся коридорам, пока перед дверьми отделения нейрохирургии ее не перехватили два охранника. Чэн Синь пыталась высвободиться, но они держали крепко. Она выудила удостоверение, махнула им перед пар-

нями и побежала дальше, к операционной. Толпа снаружи в удивлении расступилась. Чэн Синь влетела в двери, над которыми горел красный огонек.

Она опоздала.

К ней обернулись несколько мужчин и женщин в белых халатах. Тело уже вывезли из операционной. На столе в середине комнаты стоял цилиндрический контейнер из нержавеющей стали, высотой около метра. Его только что закупорили; белый туман, в который превратились остатки жидкого гелия, еще не успел развеяться. Туман неспешно струился по стенкам цилиндра, лился по столу и срывался с края миниатюрным водопадом. Собравшаяся на полу лужица постепенно таяла. Окутанный морозным паром контейнер выглядел порождением инопланетного разума.

Чэн Синь бросилась к столу. Туман заклубился от движения, и она почувствовала, как ее охватил холод, который тут же рассеялся. Она нашла то, что так долго искала, коснулась на мгновение — и тут же потеряла навсегда в безбрежности космоса и бесконечности времени.

Опустошенная, Чэн Синь расплакалась перед контейнером. Ее грусть растеклась по операцион-

ной, переполнила здание госпиталя и затопила весь Нью-Йорк. Над ней собралось целое озеро печали, а потом оно разрослось до океана. Чэн Синь чувствовала, что тонет.

Неизвестно, сколько прошло времени. Затем она ощутила на плече чью-то руку. Быть может, эта рука лежит здесь уже давно; быть может, кто-то уже давно с ней разговаривает…

— Не отчаивайся, — ласково и неспешно произнес пожилой человек, — надежда есть.

Чэн Синь задыхалась, содрогаясь от рыданий. Но следующие слова привлекли ее внимание:

— Подумай сама! Если они смогут оживить этот мозг, какая оболочка будет для него идеальной?

Голос не разменивался на бесполезные утешения, он говорил о конкретных вещах.

Чэн Синь подняла голову и сквозь стоящие в глазах слезы рассмотрела пожилого седого мужчину. Это был лучший нейрохирург мира, профессор Гарвардской школы медицины. Именно он руководил операцией.

— Такой оболочкой окажется тело, в котором мозг находился изначально! В любой клетке мозга содержится вся генетическая информация, необходимая для воссоздания целого организма. Они наверняка клонируют тело и пересадят мозг.

Тогда Тяньмин вернется к полноценной жизни.

Чэн Синь неотрывно глядела на стальной цилиндр. По ее лицу текли слезы, но она не стыдилась их. Затем девушка опомнилась и ошеломила присутствующих:

— А что он там будет есть?

Она выбежала из комнаты так же стремительно, как и вбегала.

* * *

На следующий день Чэн Синь, бледная как смерть, вошла в кабинет Уэйда и передала ему небольшой конверт:

— Эти семена необходимо положить в капсулу зонда.

Уэйд открыл конверт и вытряхнул на стол дюжину маленьких пакетиков. Он с интересом перебирал их:

— Пшеница, кукуруза, картофель… а это… овощи, если не ошибаюсь? А вот это красный перец?

— Он его очень любит, — кивнула Чэн Синь.

Уэйд собрал пакетики обратно в конверт и оттолкнул от себя:

— Нет.

— Почему? Они же весят всего восемнадцать грамм!

— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы избавиться даже от одной десятой грамма лишней массы.

— Ну так сделайте вид, что его мозг весит на восемнадцать грамм больше!

— Но он ведь не весит больше, разве нет? Из-за этих граммов капсула полетит медленнее и встретит флот Трисоляриса на много лет позже. — На лице Уэйда вновь появилась холодная усмешка. — И вообще, он же теперь только мозг — у него нет ни рта, ни желудка. Зачем ему еда? Не верь басням о клонировании. Трисоляриане просто сунут его в приличный инкубатор, чтобы он не умер.

Чэн Синь захотелось вырвать сигару из руки Уэйда и затушить об его физиономию. Но она сдержалась.

— Тогда я пойду к вашему начальству.

— И ничего не добьешься. Тогда что?

— Я уволюсь!

— Не отпущу. Ты все еще нужна агентству.

Чэн Синь горько рассмеялась:

— Вы не можете меня остановить. Вы мне даже не начальник!

— Ты ничего не сделаешь без моего позволения.

Чэн Синь развернулась и направилась к двери.

— «Лестнице» требуется послать в будущее кого-нибудь, знакомого с Тяньмином.

Чэн Синь остановилась.

— Однако этот человек должен работать на АСР и находиться под моим руководством. Тебя это интересует? Или все же подашь заявление об уходе?

Чэн Синь снова зашагала к двери, но на этот раз не так решительно. Наконец, она опять остановилась. Голос Уэйда зазвучал снова:

— Подумай хорошенько!

— Я согласна отправиться в будущее, — проговорила Чэн Синь, опираясь на дверной косяк. Она так и не обернулась.

* * *

Чэн Синь довелось увидеть зонд «Лестницы» лишь однажды, когда на орбите раскрылся его парус. Гигантское полотнище площадью двадцать пять квадратных километров ненадолго засияло под лучами солнца. Тогда Чэн Синь находилась в Шанхае. На угольно-черном небе возникла красно-оранжевая точка и понемногу начала тускнеть. Через пять минут она полностью исчезла, будто возникший из ниоткуда глаз,

бросивший взгляд на Землю и лениво опустивший веко. Вывод зонда за пределы Солнечной системы не был доступен для наблюдения невооруженным глазом.

Чэн Синь утешало, что вместе с Тяньмином в капсуле летели семена — хоть и не те, что принесла она, а другие, тщательно отобранные отделом космического растениеводства.

Огромный парус весил 9,3 килограмма. От него к капсуле тянулись четыре троса длиной по пятьсот километров. Капсулу диаметром всего лишь сорок пять сантиметров покрывал слой термоизоляции; она весила 850 грамм. Когда разгон завершится, масса капсулы снизится до 510 грамм.

Трасса разгона протянулась от Земли до орбиты Юпитера. Вдоль нее разместили 1004 бомбы; две трети из них ядерные, остальные термоядерные. Они висели в пространстве, будто мины, подрываемые пролетающим мимо зондом. Вместе с бомбами в космос вывели многочисленные датчики, чтобы следить за скоростью и курсом зонда и корректировать местонахождение оставшихся зарядов. Взрывающиеся одна за другой, словно удары пульса, бомбы залили космос ослепительным светом, и в радиационном урагане

«перышко» неслось все быстрее и быстрее. Вблизи орбиты Юпитера после детонации заряда № 997 датчики доложили, что зонд достиг скорости в один процент от световой.

Тогда-то и произошла авария. По анализу спектра излучения, отражаемого парусом, определили, что парус начал сворачиваться — по всей видимости, оборвался один из тросов. Но скорректировать взрыв бомбы № 998 не успели, и зонд отклонился от курса. Парус продолжал сворачиваться и вскоре исчез с экранов радиолокаторов. Без точных сведений о курсе зонда обнаружить его не удастся уже никогда.

Шло время, зонд все дальше и дальше отклонялся от запланированной траектории. Его шансы на встречу с флотом Трисоляриса падали. По ориентировочным оценкам, через шесть тысяч лет зонд пройдет мимо другой звезды, а через пять миллионов лет покинет пределы Млечного Пути.

По крайней мере наполовину свою задачу программа «Лестница» выполнила. Впервые в истории человечества рукотворный объект разогнали до почти релятивистской скорости.

Реальная необходимость в отправке Чэн Синь в будущее отпала, но АСР тем не менее попросило

ее лечь в гибернацию. Теперь ей дали другое задание: стать представителем программы «Лестница» в мире будущего. Если по прошествии двух веков проект сочтут полезным для развития космических технологий, то кому-то, хорошо знакомому с «Лестницей», необходимо присутствовать в той эпохе, чтобы оживить мертвые цифры и перевести язык мертвых документов. Не исключено, конечно, что подлинной причиной стало тщеславие — люди хотели, чтобы о «Лестнице» не забыли в будущем. Авторы других крупномасштабных проектов тех времен поступали таким же образом.

Если будущее решит судить наши действия, то, по крайней мере, мы можем отправить человека, который поможет преодолеть накопившееся за века непонимание.

Когда сознание Чэн Синь начало гаснуть в объятиях холода, она уцепилась за лучик утешения: как и Тяньмину, ей суждено столетиями падать в бесконечную пропасть.

Часть II
Эра Устрашения, год 12-й
«Бронзовый век»

«Бронзовый век» приблизился к Земле и начал снижать скорость. Не занятые на вахте члены экипажа отправлялись на корму и сквозь широкие иллюминаторы разглядывали уже видимую невооруженным глазом планету.

На этом расстоянии Земля по-прежнему казалась лишь звездочкой, но в ее сиянии уже проглядывала синева. На заключительном этапе торможения включили главный двигатель; плававшие в невесомости люди стали медленно, словно осенние листья, дрейфовать в сторону иллюминаторов, пока не уперлись в стекло. Искусственная гравитация, порожденная торможением, нарастала и наконец достигла 1g. Стена с иллюминаторами превратилась в пол, и распластавшиеся на ней люди приняли тяжесть веса как объятия ждущей впереди матери-Земли. Зазвучали радостные голоса:

— Мы дома!

— Даже не верится!

— Я увижу своих детей!

— Мы сможем завести детей!

Законы ушедшего из Солнечной системы «Бронзового века» позволяли родить ребенка только в случае чьей-то смерти.

— Она сказала, что будет меня ждать!

— А зачем она тебе? Ты теперь герой человечества, за тобой будут гоняться стаи прекрасных девушек!

— Стаи? Ох, я столько лет не видел птичьих стай!

— Вам не кажется, что все, случившееся с нами, просто сон?

— Мне все это снится прямо сейчас!

— От этого космоса у меня душа уходит в пятки!

— И у меня. Как только приземлимся, сразу уволюсь. Куплю ферму и до конца дней пяток от земли не оторву.

* * *

Со дня уничтожения объединенного флота Земли прошло четырнадцать лет. Те, кто выжил в том бою и в последующих битвах Тьмы, оборвали связь с родной планетой. «Бронзовый век», однако, еще полтора года принимал радиосигналы с

Земли, в основном от наземных систем связи, но попадались и передачи для абонентов в космосе.

А затем, в начале ноября 208 года эры Кризиса, радиопередачи прекратились. На всех частотах воцарилась тишина, словно Землю, как лампочку, внезапно погасили.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

НИКТОХИЛОФОБИЯ[138]

Как только человечество узнало, что Вселенная — это темный лес, по которому крадутся безжалостные убийцы, беззаботное дитя, когда-то разжегшее яркий костер и кричавшее «Я здесь!», потушило огонь и притаилось, дрожа, в потемках. Его ужасала любая искорка.

В первые дни запретили даже мобильные телефоны; по всей планете принудительно отключали антенны. Раньше такое вызвало бы уличные беспорядки, теперь же встретило широкую поддержку населения.

Постепенно к людям вернулся здравый смысл, и мобильная связь была восстановлена. Однако по новым, более строгим законам все радиока-

---

[138] Примечания: 138
Никтохилофобия — боязнь «темного леса». — *Прим. перев.*

налы были обязаны работать на минимальной мощности передатчика. Нарушители рисковали попасть под суд за преступление против человечества.

Большинство людей отчетливо понимали, что эти меры чрезмерны и бесполезны. Излучение радиосигналов в космос достигло максимума в эру аналоговых технологий и мощнейших передатчиков теле- и радиовещания. Когда же превалирующими стали цифровые технологии, основные потоки информации потекли по электрическим и оптическим кабелям. Цифровая радиосвязь требовала значительно меньшей мощности сигнала, чем аналоговая. Планета почти ничего не излучала в космос. До Кризиса некоторые ученые даже опасались, что дружественные инопланетяне не смогут обнаружить Землю.

Более того, электромагнитное излучение — один из самых неэффективных методов связи во Вселенной. На космических расстояниях радиоволны быстро рассеиваются и ослабевают.

Большинство земных радиосигналов можно обнаружить только на расстоянии до двух световых лет. Наблюдатели в других звездных системах услышат лишь сообщения наподобие передачи E

Вэньцзе, когда антенной послужило Солнце.

С развитием науки и техники человечество узнало о двух намного более эффективных методах связи: с помощью нейтрино и гравитационных волн. Грависвязь легла в основу системы устрашения, развернутой человечеством против Трисоляриса.

Теория «темного леса» значительно изменила человеческую цивилизацию. Некогда полный оптимизма ребенок, а теперь отгородившийся от Вселенной одиночка сидел у погашенного костра и вздрагивал от любого шороха.

Эра Устрашения, год 12-й
«Бронзовый век»

Большинство членов экипажа «Бронзового века» расценило прекращение радиосигналов с Земли как признак полного захвата Солнечной системы Трисолярисом. «Бронзовый век» включил двигатели и направился к звезде с планетами земного типа, находившейся на удалении в двадцать шесть световых лет.

Но через десять дней радиоприемники корабля получили сообщение из штаба флота. Его послали одновременно «Бронзовому веку» и «Синему

космосу», который находился на другой стороне Солнечной системы. Радиограмма в немногих словах объясняла, что! случилось на Земле, и извещала о создании системы устрашения для защиты от нападения Трисоляриса. Обоим кораблям предписывалось немедленно вернуться на Землю. Поскольку Земля сильно рискует, посылая это сообщение, повторять его не будут.

Поначалу на «Бронзовом веке» не поверили радиограмме: что, если это западня, расставленная захватчиками? Корабль прекратил разгон и запросил подтверждения с Земли. Но ответ так и не пришел — планета хранила радиомолчание.

«Бронзовый век» уже готовился вновь лечь на курс прочь от Солнечной системы, когда случилось невероятное: на корабле возник софон, развернулся в нижних измерениях и предоставил экипажу квантовый канал связи с Землей. Наконец люди получили подтверждение происшедшему.

Команда корабля узнала, что их, последних выживших в катастрофе объединенного флота, провозгласили героями человечества. Весь мир затаив дыхание дожидается возвращения экипажей. Командование наградило их орденами и медалями.

«Бронзовый век» направился к Земле. В этот момент он находился в открытом космосе, на расстоянии 2300 а. е. от Земли, далеко за пределами пояса Койпера, но еще не в облаке Оорта. Поскольку корабль летел почти на предельной скорости, после разворота термоядерного топлива почти не осталось. Возвращаться пришлось на малой тяге, и на это ушло одиннадцать лет.

Когда «Бронзовый век» приблизился к Земле, перед ним возникла и стала быстро расти маленькая белая точка. Это была «Гравитация», высланный навстречу военный корабль, которому поручили приветствовать «Бронзовый век».

«Гравитация» стала первым кораблем звездного класса, построенным после битвы Судного дня. В эру Устрашения космические корабли больше не собирали по жестким типовым схемам. Вместо этого крупные корабли состояли из многочисленных модулей, образовывавших различные конфигурации. «Гравитация» была исключением. При виде ее белого цилиндрического корпуса казалось, что это безупречная фигура, созданная компьютерной программой, что это не материальный объект, а платонов философский идеал.

Если бы экипаж «Бронзового века» видел на Земле гравитационные антенны, он бы сразу

узнал в «Гравитации» одну из них. Действительно, корпус корабля представлял собой одну большую антенну гравитационно-волновой связи. Так же как и наземные антенны, корабль мог в любую минуту передать сообщение в самые отдаленные уголки Вселенной. Антенны грависвязи как наземного, так и космического базирования были составной частью системы устрашения Трисоляриса.

Через день неспешного полета «Бронзовый век» под эскортом «Гравитации» занял позицию на геостационарной орбите и медленно подошел к причалу орбитального космопорта. Члены экипажа увидели, что все свободное пространство жилого сегмента заполнено толпами людей, как при открытии Олимпийских игр или во время хаджа в Мекке. Боевой корабль проплыл сквозь море разноцветных букетов. Экипаж припал к иллюминаторам, высматривая родных. Раздавались крики радости, многие прослезились.

С легким толчком «Бронзовый век» замер у причала. Капитан доложил командованию флота о прибытии и сообщил, что намеревается оставить на корабле минимальную команду. Начальство ответило, что сейчас самое главное — воссоединить семьи и никого оставлять на борту не

требуется. На «Бронзовый век» поднялся полковник с небольшой группой военнослужащих. Со слезами на глазах все обнялись.

К какому из трех флотов относятся гости, определить по знакам различия не удалось. Но они объяснили, что у Солнечной системы теперь единый флот и что участники битвы Судного дня, включая всех на борту «Бронзового века», получат в нем ответственные должности.

— Наше поколение завоюет Трисолярис, и он станет второй звездной системой, в которой поселится человек! — заявил полковник.

Кто-то признался, что страшится космоса и предпочел бы остаться на Земле. Полковник заверил, что с этим проблем не будет и что герои космоса могут сами решать, чем им заниматься. Но после небольшого отдыха они могут передумать. Лично ему хотелось бы снова увидеть этот прославленный корабль на поле боя.

Экипаж «Бронзового века» начал покидать корабль. Пройдя по длинному коридору, они вышли в жилую зону. Перед ними расстилалось открытое пространство. Воздух здесь казался чистым и свежим, будто после дождя, — даже не сравнить с атмосферой корабля. На заднем плане вращался голубой шар Земли. Над площадью

понеслись радостные крики встречающих.

По просьбе полковника капитан «Бронзового века» провел перекличку. После этого полковник настоял, чтобы перекличку произвели повторно — он хотел убедиться, что все члены экипажа сошли с корабля и стоят на площади.

Затем воцарилась тишина.

Окружающие их радостные толпы продолжали танцевать и размахивать руками, вот только… от них не доносилось ни звука. Экипаж «Бронзового века» слышал только голос полковника. Его лицо продолжало приветливо улыбаться, но голос в зловещей тишине резал, как острый нож.

— Настоящим сообщается, что вы уволены без вознаграждения за выслугу лет. Но то пятно, которым вы замарали флот, никогда не стереть! Вы никогда не увидите своих родных — они не желают вас видеть. Вас стыдятся родители; ваши мужья и жены давно развелись с вами. Мы не виним ваших детей, но они больше десяти лет жили под тенью вашего бесчестья. Они ненавидят вас! А теперь предаю вас в руки правосудия Конгресса Флотов.

Полковник и его люди ушли. В тот же миг радостные толпы встречающих замерцали и сменились темнотой. В лучах немногих прожекторов

проявились вооруженные до зубов военные полицейские, взявшие в кольцо команду «Бронзового века». Полицейские стояли на платформах вокруг площади и целились в членов экипажа.

Кое-кто из прибывших обернулся и увидел, что плавающие вокруг «Бронзового века» букеты не голографические фантомы, а настоящие цветы. Но теперь казалось, что военный корабль стал гробом, который вот-вот опустят в могилу.

Отключилось питание электромагнитных ботинок экипажа, и люди всплыли над полом, словно беспомощные мишени на стрельбище.

Откуда-то зазвучал бесчувственный голос:

— Всем вооруженным членам экипажа немедленно сдать оружие. Если вы не подчинитесь, мы не гарантируем вашей безопасности. Вы взяты под арест за предумышленное убийство и преступления против человечества.

Эра Устрашения, год 13-й
Суд

Дело «Бронзового века» разбирали в военном суде Флота Солнечной системы. Конгресс Флотов базировался большей частью между орбитами Марса и Юпитера, но в связи с напряженным

интересом со стороны Земного Конгресса суд назначили на базе флота, расположенной на геосинхронной орбите.

Для удобства многочисленных наблюдателей с Земли базе придали вращение, создавая искусственную гравитацию. В широких иллюминаторах зала суда поочередно появлялись то голубая Земля, то яркое Солнце, то серебристые звезды, словно сам космос предлагал различные точки зрения, водя хороводы света и тени в зале суда. Судебный процесс шел целый месяц. Вот несколько выдержек из протоколов заседаний.

Нил Скотт, пол мужской, возраст 45 лет, капитан первого ранга, командир корабля «Бронзовый век»

СУДЬЯ: Давайте вернемся к событиям, результатом которых стало решение атаковать «Квант».

СКОТТ: Я хочу повторить: решение об атаке принял я, и я же отдал приказ. Я не обсуждал его заранее ни с кем из офицеров «Бронзового века».

СУДЬЯ: Вы продолжаете брать всю ответственность на себя. Однако это не самая лучшая стратегия — ни для вас, ни для тех, кого вы покрываете.

ОБВИНЕНИЕ: У нас есть доказательства, что перед атакой проводилось голосование всего

экипажа.

СКОТТ: Как я уже объяснял, из одной тысячи семисот семидесяти пяти членов экипажа только пятьдесят девять выступили за атаку. Голосование никак не повлияло на мое решение.

СУДЬЯ: Вы можете назвать эти пятьдесят девять имен?

СКОТТ: Голосовали тайно, через компьютерную сеть корабля. Просмотрите бортовой журнал и убедитесь в этом сами.

ОБВИНЕНИЕ: Вы опять лжете. У нас имеются доказательства, что голосование не было тайным. Более того, его результаты не соответствуют вашим словам. Вы внесли изменения в корабельный журнал.

СУДЬЯ: Мы хотим, чтобы вы предоставили подлинные результаты голосования.

СКОТТ: Того, что вы требуете, у меня нет. Я сказал правду.

СУДЬЯ: Мистер Скотт, позвольте вам напомнить: если вы продолжите запираться, то причините вред невиновным членам вашего экипажа. Кто-то голосовал против атаки, но без доказательств, которые можете предоставить лишь вы, мы не сможем их оправдать. Нам придется признать виновными всех офицеров, средний

командный состав и рядовых «Бронзового века», как мужчин, так и женщин.

СКОТТ: О чем вы говорите? Вы настоящий судья? Это настоящий суд? Вы хоть слышали о презумпции невиновности?

СУДЬЯ: Презумпция невиновности не применима к преступлению против человечества. Так говорит закон, принятый в самом начале эры Кризиса. Предатели не должны уйти от наказания.

СКОТТ: Но мы не предатели человечества! Где были вы, когда мы сражались за Землю?

ОБВИНЕНИЕ: Вы несомненно предатели! Сгинувшее два века назад ОЗТ всего лишь предало интересы человечества. А вы предали основополагающие нормы морали — и это намного более тяжкое преступление.

СКОТТ: (молчит)

СУДЬЯ: Я хочу, чтобы вы поняли, к чему приведут ваши попытки сокрытия фактов. В начале процесса вы зачитали заявление от лица всех подсудимых. В нем вы выразили сожаление о гибели тысячи восьмисот сорока семи человек на борту «Кванта». Пора подкрепить слова покаяния делами.

СКОТТ: (после продолжительной паузы) Хо-

рошо. Я предоставлю подлинные результаты. Протокол голосования скрыт в шифрованной записи в бортовом журнале «Бронзового века».

ОБВИНЕНИЕ: Мы немедленно займемся извлечением этих данных. Вы можете приблизительно сказать, сколько проголосовало за нападение на «Квант»?

СКОТТ: Одна тысяча шестьсот семьдесят. Девяносто четыре процента экипажа.

СУДЬЯ: Порядок! Порядок в зале суда! Я вынужден напомнить присутствующим, что во время заседания вы должны хранить молчание.

СКОТТ: Но это не имеет значения. Даже если бы меньше половины проголосовало «за», я все равно атаковал бы. Я принял решение единолично.

ОБВИНЕНИЕ: Неплохо задумано. Но «Бронзовый век» не входит в число новейших кораблей типа «Естественного отбора» из той, второй группы. Ваш корабль не оснащен централизованной системой управления. Вы не смогли бы произвести атаку без содействия многочисленных подчиненных.

Себастьян Шнайдер, пол мужской, возраст 31 год, капитан-лейтенант, командир группы огневой тактики и наведения оружия на борту «Бронзового века»

ОБВИНЕНИЕ: За исключением капитана вы единственный офицер с правами доступа, позволяющими вам предотвратить или прервать атаку.

ШНАЙДЕР: Так точно.

СУДЬЯ: И вы этого не сделали.

ШНАЙДЕР: Не сделал.

СУДЬЯ: О чем вы думали в тот момент?

ШНАЙДЕР: В тот момент — не в момент атаки, а тогда, когда я осознал, что «Бронзовый век» никогда не вернется домой, когда понял, что весь мой мир отныне заключен в стенах корабля, — я стал другим. Не постепенно — нет, я мгновенно преобразился с головы до пят. Как будто мне поставили «ментальную печать» из легенд.

СУДЬЯ: Вы считаете возможным, что на корабле находилось устройство для наложения ментальной печати?

ШНАЙДЕР: Нет, конечно. Я просто так выразился. Космос в какой-то мере накладывает свою собственную ментальную печать… В тот момент я утратил себя как личность. Весь смысл моего существования свелся к выживанию коллектива… Не знаю, как это лучше объяснить. Я не ожидаю, Ваша честь, что вы меня поймете. Даже если вы взойдете на борт «Бронзового века» и отлетите

на двадцать тысяч астрономических единиц от Солнечной системы, а то и дальше, вы все равно не поймете.

СУДЬЯ: Почему?

ШНАЙДЕР: Потому, что вы можете вернуться! Ваша душа останется на Земле. У вас появится шанс почувствовать, сквозь что мне пришлось пройти, только когда за кормой корабля не останется ничего, кроме бездонной пропасти, когда и Солнце, и Земля, и все на свете растворится в пустоте.

Я родом из Калифорнии. В 1967 году по старому календарю один школьный учитель из моего города, его звали Рон Джонс, устроил любопытный эксперимент… Пожалуйста, позвольте мне договорить. Спасибо.

Чтобы помочь ученикам понять, что такое нацизм и тоталитаризм, он решил прямо в школе создать модель тоталитарного общества. Всего лишь через пять дней его класс превратился в миниатюрное фашистское государство. Ученики добровольно отказались от индивидуальности и свобод, слились в единое общество и принялись с фанатическим упорством бороться за общие идеалы. Кончилось тем, что его эксперимент, начавшийся как безобидная игра, вышел из-под

контроля. В Германии сняли фильм по мотивам эксперимента Джонса, а сам Джонс написал о нем книгу «Третья волна»[139]. Когда экипаж «Бронзового века» понял, что нам суждено быть вечными странниками, мы тоже построили тоталитарное общество. Вы знаете, сколько нам понадобилось времени?

Пять минут.

Именно так. Мы созвали общее собрание, и через пять минут подавляющее большинство членов экипажа стали сторонниками тоталитарных идей. Затерянным в космосе нужно не более пяти минут, чтобы скатиться в тоталитаризм.

Борис Ровинский, пол мужской, возраст 36 лет, коммандер, первый помощник капитана «Бронзового века»

СУДЬЯ: Вы командовали первой группой десанта, высадившейся на «Кванте» после атаки?

РОВИНСКИЙ: Да.

СУДЬЯ: Вы обнаружили выживших?

РОВИНСКИЙ: Нет.

СУДЬЯ: Опишите, что! вы увидели.

РОВИНСКИЙ: Персонал корабля погиб от ин-

---

[139] Примечания: 139

Эксперимент Рона Джонса не выдумка, а реальность (https://ru.wikipedia.org/ wiki/Третья_волна_(эксперимент). — *Прим. перев.*

фразвуковых колебаний, исходивших от корпуса «Кванта» под воздействием электромагнитного импульса, созданного взрывом термоядерной бомбы. Тела хорошо сохранились и не имели внешних повреждений.

СУДЬЯ: Как вы поступили с телами?

РОВИНСКИЙ: Мы построили монумент. «Синий космос» поступил так же.

СУДЬЯ: Вы хотите сказать, что вы поместили тела внутрь монумента?

РОВИНСКИЙ: Нет. И не думаю, чтобы в построенном «Синим космосом» монументе тоже были какие-нибудь тела.

СУДЬЯ: Вы не ответили на мой вопрос. Я спросил, что вы сделали с телами.

РОВИНСКИЙ: Мы заполнили ими продуктовые морозильники «Бронзового века».

СУДЬЯ: Всеми телами?

РОВИНСКИЙ: Всеми.

СУДЬЯ: Кто отдал приказ питаться трупами?

РОВИНСКИЙ: Я… не припоминаю. Тогда это казалось совершенно естественным решением. На корабле я отвечал за снабжение и распоряжался переноской и складированием тел.

СУДЬЯ: Каким образом тела употребляли в пищу?

РОВИНСКИЙ: Самым обычным. Смешивали с овощами и мясом из замкнутой системы жизнеобеспечения, а потом варили.

СУДЬЯ: Кто ел эту пищу?

РОВИНСКИЙ: Все. На «Бронзовом веке» четыре столовых, и во всех подавали одно и то же. Другой еды не было.

СУДЬЯ: Они знали, что едят?

РОВИНСКИЙ: Разумеется.

СУДЬЯ: Как они к этому относились?

РОВИНСКИЙ: Я думаю, кому-то такая еда была не по вкусу. Но никто не возражал. Припоминаю, я однажды ел в офицерской столовой и услышал, как кто-то произнес: «Спасибо тебе, Кэрол Джойнер».

СУДЬЯ: Что он хотел этим сказать?

РОВИНСКИЙ: Кэрол Джойнер служила офицером связи на «Кванте». Этот человек ел ее мясо.

СУДЬЯ: Откуда он мог знать?

РОВИНСКИЙ: Нам всем под кожу левой руки ввели чип для идентификации, он не больше рисового зернышка. Порой чип не разрушался в котле. Я уверен, что этот человек увидел чип в своей тарелке, достал личный коммуникатор и прочел, кому он принадлежал.

СУДЬЯ: Порядок! Порядок в зале суда! Пожа-

луйста, вынесите упавших в обморок. Мистер Ровинский, вы, конечно же, понимали, что нарушаете самые фундаментальные законы, которые делают нас людьми?

РОВИНСКИЙ: Мы подчинялись другой морали, вам ее не понять. В битве Страшного суда «Бронзовому веку» пришлось превысить конструктивно допустимое ускорение. Реакторы оказались перегружены, на два часа отключилась система жизнеобеспечения, многое вышло из строя. Ремонт занял продолжительное время. Системы гибернации тоже пострадали; мы смогли положить в анабиоз только пятьсот человек. Оставалась тысяча человек, которым надо что-то есть. Без дополнительного источника пищи половина экипажа умерла бы от голода.

Даже если не учитывать эти обстоятельства, перед нами лежала дорога в бесконечность. Как можно бросить в космосе так много бесценной белковой массы?

Я не пытаюсь оправдаться и не оправдываю действий кого-либо еще на «Бронзовом веке». Теперь, когда мой образ мышления вновь стал земным, мне тяжело рассказывать о происшедшем. Очень тяжело.

Заключительное слово капитана Нила Скот-

та

— Мне почти нечего сказать — кроме предостережения.

Когда жизнь вышла из океана на берег, начался новый этап эволюции. Однако первые рыбы, выползшие на сушу, перестали быть рыбами.

Точно так же, когда люди порывают с Землей и теряются в просторах космоса, они перестают быть людьми. И я скажу всем вам: если задумаетесь о том, чтобы навсегда улететь в космос, откажитесь от своих намерений. Вы заплатите непомерную цену.

Суд объявил капитана Нила Скотта и шесть старших офицеров виновными в убийстве и преступлениях против человечества. Их приговорили к пожизненному заключению. Из прочих 1768 членов экипажа оправдали только 138. Остальным достались сроки от двадцати до трехсот лет.

* * *

Тюрьма Конгресса Флотов располагалась в поясе астероидов, между орбитами Марса и Юпитера. Заключенным предстояло вновь покинуть Землю. «Бронзовый век» стоял у причала на геостационарной орбите, но арестантам,

преодолевшим по пути домой 350 миллиардов километров, уже никогда не сделать последнего шага в тридцать тысяч.

Тюремный транспорт пришел в движение. Осужденных снова прижало к иллюминаторам в кормовой переборке, словно опавшую листву, которой, однако, не суждено коснуться корней дерева. Они смотрели, как не покидавшая их снов голубая планета съеживается и снова превращается в одну из множества звезд.

Прежде чем оставить базу флота, бывший командер Ровинский, бывший капитан-лейтенант Шнайдер и еще десяток офицеров под охраной вернулись в последний раз на «Бронзовый век», чтобы помочь с передачей корабля в руки нового экипажа.

Больше десяти лет корабль был их миром. Они старательно украшали интерьер голограммами лесов и полей, растили настоящие сады, строили пруды с рыбками и фонтанами — обустраивали корабль как родной дом. А теперь все следы их существования были стерты. «Бронзовый век» опять стал безликим боевым звездолетом.

Все, кого осужденные встречали на корабле, либо смотрели на них сурово, либо не смотрели вообще. Отдавая честь, они твердо устремляли

взор только на охрану; таким образом узникам давали понять, что приветствие относится исключительно к военным полицейским эскорта.

Шнайдера привели в одну из сферических кают, чтобы обсудить с тремя офицерами особенности системы наведения оружия. Те говорили со Шнайдером как с компьютером: ровным голосом задавали вопрос и дожидались ответа. Они не тратили время на вежливое обращение, не произнесли ни единого лишнего слова.

Через час вопросы подошли к концу. Пару раз Шнайдер побарабанил пальцами по неубранному голографическому интерфейсу управления, закрывая и открывая окошки как бы машинальными движениями. Внезапно он оттолкнулся ногами от стены и полетел к другому концу каюты. В то же время стены сдвинулись и разделили помещение на две половины. Трое офицеров и военный полицейский остались пойманными на одной половине, а Шнайдер оказался на другой.

Шнайдер вызвал панель управления системой связи и принялся с бешеной скоростью нажимать кнопки. Заработал мощный межзвездный передатчик.

Раздался слабый хлопок, пошел белый дым, и в разделяющей каюту переборке появилось

небольшое отверстие. Военный полицейский просунул сквозь него дуло пистолета и направил на Шнайдера:

— Это последнее предупреждение. Прекратите ваши действия и откройте дверь!

— «Бронзовый век» вызывает «Синий космос». — Шнайдер не повышал голос. Он знал: громко он говорит или тихо — это на дальность связи не влияет.

Луч лазера вонзился в грудь Шнайдера. Из прожженной дыры повалил красный пар. Окутанный туманным облаком собственной крови офицер прохрипел последние в своей жизни слова:

— Не возвращайтесь! Здесь больше не ваш дом!

* * *

«Синий космос» с гораздо бо!льшим, чем «Бронзовый век», недоверием относился к уговорам Земли вернуться. Корабль лишь понемногу снижал скорость. Когда радиосигнал «Бронзового века» достиг адресата, тот продолжал удаляться от Солнечной системы.

Услышав предупреждение, «Синий космос» немедленно прекратил торможение и на полной

тяге направился прочь.

Как только софоны поделились с землянами разведотчетом, у двух цивилизаций впервые в истории появился общий враг.

И Землю, и Трисолярис успокаивал тот факт, что на «Синем космосе» пока нет передатчиков, пригодных для устрашения обоих миров «темным лесом». Если применить для трансляции координат имеющееся на корабле оборудование, то передачу практически никто не услышит. Можно воспользоваться методом Е Вэньцзе и усилить сигнал звездой Барнарда, но до нее триста лет полета. Более того, «Синий космос» не повернул к ней, а продолжил движение к NH558J2; он достигнет места назначения только через две тысячи лет.

В погоню немедленно выслали «Гравитацию» — единственный корабль Солнечной системы, готовый к межзвездному полету. Трисолярис предлагал отправить для уничтожения «Синего космоса» скоростную «каплю» — она официально называлась зондом сильного взаимодействия. Но Земля категорически отказалась вовлекать инопланетян в свои внутренние дела. Боль самой мучительной раны человечества, битвы Судного дня, за прошедшие десять лет

нисколько не утихла. Было политически недопустимо позволить «капле» еще одну атаку на человека. Хоть люди на «Синем космосе» и стали уже чуждыми большинству человечества, передачей их в руки правосудия должны заняться исключительно земляне.

Трисолярис принял во внимание, что «Синий космос» еще долго не сможет представлять собой угрозу, и уступил — но подчеркнул, что на борту «Гравитации» имеется передатчик грависвязи и безопасность этого корабля является для Трисоляриса вопросом жизни и смерти. Поэтому с «Гравитацией» отправятся несколько «капель», они же обеспечат подавляющее превосходство над «Синим космосом».

«Гравитация» вышла в поход в сопровождении двух «капель», сохранявших дистанцию в две тысячи метров. Контраст между размерами объектов не мог быть разительнее. Если отдалиться, чтобы видеть всю «Гравитацию», «капель» не увидеть. А если приблизиться, чтобы разглядеть «каплю», то в ее зеркальной поверхности отразится корабль людей.

«Гравитацию» построили на десять лет позже, чем «Синий космос». Технологически она почти не превосходила своего предшественни-

ка, за исключением гравитационной антенны. Например, ее оснастили лишь чуть более мощными двигателями. Уверенность «Гравитации» в успехе опиралась на полностью заправленные топливные баки.

Тем не менее «Гравитации» потребуется пятьдесят лет, чтобы догнать беглеца.

Эра Устрашения, год 61-й
Держатель меча

Чэн Синь разглядывала свою звезду с вершины гигантского дерева. Из-за этой звезды ее и разбудили.

За всю недолгую жизнь проекта «Наша цель — звезды» общим счетом пятнадцать человек получили сертификаты собственности на семнадцать звезд. Следы четырнадцати из них затерялись среди столетий, не удалось найти даже наследников. Слишком многие не пережили Великую падь. Чэн Синь осталась единственной из законных собственников звезд.

Люди еще не летали в другие солнечные системы, но технологии развивались так быстро, что ценность звезд в радиусе трехсот световых лет от Земли уже перестала быть чисто символической.

У DX3906, звезды Чэн Синь, обнаружили планеты. Одна из них оказалась очень похожей на Землю; это определили по массе, орбите и спектру атмосферы. Ценность звезды поднялась до небес. Ко всеобщему удивлению, у нее нашелся владелец.

ООН и Флот Солнечной системы пожелали забрать DX3906 себе, но по закону требовалось, чтобы владелец согласился передать права на звезду. Вот ради этого Чэн Синь и разбудили после 264 лет гибернации.

Как только она проснулась, первым делом выяснила, что, как и ожидалось, о программе «Лестница» новостей нет. Трисолярис не только не перехватил зонд, он даже не знал, где тот находится. История забыла про «Лестницу», и мозг Тяньмина затерялся в бескрайнем космосе. Но Тяньмин, человек, слившийся с небытием, оставил своей возлюбленной вполне реальный мир — звезду и две планеты.

Честь открытия планет в системе DX3906 принадлежала кандидату наук, астроному по имени

АА[140]. В своей диссертации она предложила методику использования гравитационного поля одной звезды в качестве линзы для наблюдений за другой.

АА показалась Чэн Синь жизнерадостной птичкой, без устали хлопочущей вокруг. АА объяснила, что знакома с такими, как Чэн Синь — пришельцами из прошлого. Их называли людьми Общей Эры. Научный руководитель АА был одним из таких людей. Поэтому, как только она защитила диссертацию, комитет ООН по развитию космоса предложил ей работать с Чэн Синь.

Требование ООН и флота продать звезду поставило Чэн Синь в неудобное положение. Она чувствовала себя виноватой, владея целым миром, но ей становилось плохо от одной только мысли о торговле подарком, сделанным в порыве чистой любви. Чэн Синь предложила передать права на DX3906 безвозмездно, оставив себе лишь документы на память, но ей ответили, что по закону правительство не может забрать настолько

---

[140] Примечания: 140

Это имя — смесь китайских и английских букв. 艾 — фамилия, произносится как «Ай». Личное имя «АА» произносится как «Эйэй». (*Прим. К.Л.*) Да, английская часть имени действительно должна произноситься именно так, но мы решили, что это будет затруднять чтение, поэтому пишем его как АА — пусть читатель сам выбирает, как ему это произносить. Кстати, фанаты Лю Цысиня до сих пор спорят, что означает это странное имя. Автор хранит таинственное молчание. — *Прим. перев.*

ценную собственность бесплатно. Они настаивали на оплате. Чэн Синь отказывалась.

После долгих раздумий она предложила продать обе планеты, но оставить за собой звезду. Одновременно она подпишет с ООН и флотом договор, дающий человечеству право пользоваться энергией звезды. Юристы изучили ее предложение и сочли его приемлемым.

АА сообщила Чэн Синь, что, поскольку она продает только планеты, ей достанется значительно меньшая сумма. Тем не менее ООН заплатит ей невероятно много, и потребуется создать фирму, чтобы грамотно распорядиться этими деньгами.

— Хочешь, я помогу тебе управлять этой фирмой? — спросила АА.

Чэн Синь согласилась. АА немедленно позвонила в комитет ООН по развитию космоса и уволилась.

— Теперь я работаю на тебя, — заявила она, — так что послушай-ка, что я тебе скажу. Ты что, совсем свихнулась?! Из всех вариантов ты выбрала наихудший! Ты могла бы продать звезду с планетами и стать богатейшим человеком во Вселенной! Или же не продавать ничего и остаться хозяйкой всей звездной системы. Закон охраняет частную собственность безоговорочно,

никто бы у тебя ее не отобрал. Тогда ты могла бы лечь в гибернацию до тех пор, пока не научатся летать к DX3906. А потом отправиться туда! Такое раздолье! Океаны, континенты… Тебе решать, конечно, но ты могла бы прихватить с собой и меня…

— Я уже все решила, — ответила Чэн Синь. — Нас с тобой разделяют почти три столетия. Не стоит ожидать, что мы сразу поймем друг друга.

— Ну ладно, — вздохнула АА. — Но лучше бы тебе пересмотреть свои понятия о долге и совести. Гляди: сначала долг заставил тебя расстаться с планетами, потом совесть не позволила продать звезду, а потом опять-таки долг вынудил тебя предоставить людям энергию звезды. Таких как ты, людей прошлого вроде моего научного руководителя, раздирают противоречия между двумя нравственными идеалами. Но в нашу эпоху ни совесть, ни долг нравственными эталонами не являются! Избыток того или другого рассматривается как психическое заболевание, расстройство личности под давлением общества.

Тебе надо бы к мозгоправу.

* * *

Свет, исходящий от города снизу, не помешал Чэн Синь легко найти на небосклоне DX3906. Сейчас воздух был намного чище, чем в XXI веке. Она опустила глаза. Они с АА, словно двое муравьишек, стояли на вершине горящей огнями новогодней елки, а вокруг них рос целый новогодний лес. Ярко освещенные здания свисали с веток, словно листья. В отличие от городов прошлого этот был выстроен на поверхности, а не под землей. Благодаря миру, воцарившемуся в Эру Устрашения, человечество во второй раз в истории выбралось из пещер.

Подруги двинулись вдоль ветви к ее концу. Каждая ветвь на дереве представляла собой оживленную улицу, полную парящих информационных окон — из-за них улица казалась многоцветной рекой. Время от времени окно или два отделялись от основной массы, следовали за женщинами, а потом, когда Чэн Синь и АА не проявляли интереса, возвращались в поток.

Поскольку ветвь, по которой шли подруги, была самой верхней на дереве, то выше не было ничего, кроме звездного неба. Если бы они спустились ниже, над ними висели бы ярко освещенные

коробки зданий, а сами они чувствовали бы себя мошками в зачарованном лесу, где сияет каждый листок и каждая ягода.

Чэн Синь пригляделась к прохожим: женщина, еще две, группа, еще одна, три — все женщины, все хорошенькие. В красивой светящейся одежде они казались феями волшебного леса. Чэн Синь и АА порой встречали других прохожих, постарше, тоже женщин; возраст не умалял их красоты. Когда девушки дошли до конца ветви и внизу перед ними предстало море огней, Чэн Синь задала давно занимавший ее вопрос:

— А где же мужчины?

За все дни с момента пробуждения она не увидела ни одного мужчины.

— Ты о чем? Они же везде! — АА указала на людей вокруг. — Видишь вон там парня, прислонившегося к перилам? Тут трое. А эти два идут в нашу сторону.

Чэн Синь не верила своим глазам. У тех, на кого указала АА, были гладкие, красивые лица, они носили прическу до плеч, и казалось, что в их тонких, гибких телах даже кости мягкие. Мужчины двигались грациозно и плавно. Ветер доносил до нее ласково журчащие голоса… В ее эпоху таких мужчин назвали бы женоподобными.

Через мгновение она поняла. Дело к этому шло уже давно. Мужественность в ее традиционной форме перестала считаться идеалом еще с конца 1980-х годов. С тех пор и общество, и мода предпочитали мужчин, похожих на женщин. Она вспомнила, что однажды приняла нескольких поп-звезд, мужчин-азиатов, за девушек. В период Великой пади перемены приостановились, но этот тренд вернулся и даже усилился за полвека, когда Эра Устрашения принесла людям мир и благополучие.

— Действительно, люди Общей Эры не сразу могут различить мужчин и женщин, — продолжила АА. — Но я дам тебе подсказку. Обращай внимание, кто как на тебя смотрит. Мужчины глаз оторвать не могут от такой классической красавицы, как ты.

Чэн Синь с подозрением покосилась на АА.

— Нет, нет, — засмеялась АА. — Я и вправду женщина, и ты меня в этом плане не привлекаешь. Но, честно говоря, не могу понять, что хорошего в мужчинах вашей эры. Грубые, дикие, грязные — ну троглодиты троглодитами. Ничего, привыкнешь, и в нашей эре красоты тебе понравится.

Когда без малого триста лет назад Чэн Синь готовилась к гибернации, она воображала себе

самые разные трудности, с которыми ей придется столкнуться в будущем. Но о таком даже не думала. Как она будет жить в этом мире женщин? Загрустившая Чэн Синь снова подняла глаза к небу, высматривая свою звезду.

— Опять думаешь о нем, да? — АА обняла ее за плечи. — Даже если бы он не полетел в космос и остался с тобой на Земле, внуки ваших внуков уже бы скончались. Это новая эпоха, у тебя новая жизнь. Забудь о прошлом!

Чэн Синь последовала совету АА и заставила себя вернуться в настоящее. Она прожила здесь всего несколько дней и успела ознакомиться лишь с ключевыми событиями последних трех столетий. Больше всего ее поразил стратегический баланс сил с Трисолярисом, выстроенный на концепции устрашения «темным лесом».

Ей в голову пришла мысль: «Женственный мир… способен ли он кого-либо устрашить?»

Чэн Синь и АА отправились в обратный путь вдоль ветви. Рядом с ними снова закружились информационные окна; на этот раз Чэн Синь заинтересовалась одним из них. В окне светилось изображение мужчины из прошлого. Изможденный, тощий, с всклокоченными волосами, он стоял рядом с черным надгробным камнем.

Мужчину и камень окутывал сумрак, но в глазах человека отражался далекий рассвет. Текст внизу гласил:

«В его эпоху убийцу приговаривали к смерти».

Лицо мужчины показалось Чэн Синь знакомым, но присмотреться она не успела — картинка быстро сменилась. На экране возникла женщина средних лет — по крайней мере, Чэн Синь решила, что это женщина. Одетая в официальном стиле и похожая на политика, она произносила речь. Фотография и субтитры под ней, которые Чэн Синь видела только что, были частью выступления.

Инфоокно заметило ее интерес, расширилось, появился звук. Речь политика текла красиво и сладко, как мед. Но сами слова ужасали.

— За что выносят смертный приговор? Ответ: за то, что убил. Но это лишь один из нескольких верных ответов.

Другой же верный ответ такой: потому, что мало убивал. Задушить одного человека — преступление. Зарезать десяток-другой — массовое убийство. Если ты лишил жизни тысячи или десятки тысяч, тебя следует казнить тысячу раз. А если от твоей руки погибли сотни тысяч? За это тоже к стенке, ведь правильно? А вот здесь-то те

из вас, кто знаком с историей, призадумаются.

Что, если чьи-то действия привели к смерти миллионов? Гарантирую, этого человека не назовут убийцей. Более того, может оказаться, что он даже не нарушил ни одного закона. Если не верите, полистайте учебник истории! Того, кто убил миллионы, объявляли великим человеком, героем.

А если этот человек уничтожил целый мир, убил все живое на планете — тогда его провозгласят спасителем человечества!

— Они говорят про Ло Цзи, — пояснила АА. — Хотят отдать его под суд.

— За что?

— Сложное дело. Если вкратце, за то, что он передал во Вселенную координаты звезды, а это привело к гибели целого мира. Мы не знаем, была ли на тех планетах жизнь — это всего лишь предположение. Ло Цзи обвиняют в потенциальном мундициде[141] — убийстве мира, самом тяжком преступлении по нашим законам.

— Простите, вы ведь Чэн Синь?

Она вздрогнула. Слова доносились из плавающего перед ней окошка. Политик глядела на

[141] Примечания: 141

Мундицид — убийство целого мира; происходит от латинских слов mundus (мир) и caedere (убивать). — *Прим. перев.*

нее с радостью и удивлением, словно встретила лучшую подругу.

— Вы хозяйка той далекой звезды! Как луч надежды, вы принесли к нам прекраснейшие черты былых времен. Вы, единственный человек, кому принадлежит целый мир, спасете и нашу планету. Мы вам полностью доверяем. Извините, позвольте представиться…

АА пинком погасила окно. Чэн Синь же поразилась современным технологиям. Она даже представить себе не могла, каким образом ее изображение достигло выступающей и как та смогла узнать ее среди миллиардов зрителей.

АА забежала перед Чэн Синь и попятилась перед ней спиной вперед.

— А ты бы уничтожила чей-нибудь мир, чтобы создать систему устрашения? А главное, если бы враг все-таки напал, ты нажала бы кнопку, обрекла бы на смерть и чужой мир, и Землю?

— Бессмысленный вопрос. Я бы ни за что не дала поставить себя в такое положение.

АА остановилась, схватила Чэн Синь за плечи и пристально посмотрела ей в глаза:

— В самом деле? Не дала бы?

— Нет, конечно. Что может быть страшнее? Это намного хуже смерти!

Она не понимала, почему АА настолько серьезна, но та кивнула:

— Ты меня успокоила… Давай-ка отложим разговоры до завтра. Сейчас ты устала, пора отдыхать. После гибернации надо целую неделю приходить в себя.

* * *

АА позвонила Чэн Синь на следующее утро и, сияя, заявила с экрана:

— У меня сюрприз для тебя — съездим в одно замечательное местечко. Поднимайся, автомобиль уже на верху дерева.

На верхней ветви Чэн Синь поджидал автомобиль с открытой дверцей. Девушка забралась внутрь, но АА там не оказалось. Дверца бесшумно закрылась, сиденье плотно, словно ладонь, охватило Чэн Синь. Автомобиль плавно поднялся в воздух и влился в транспортный поток города-леса.

Стояло раннее утро. Копья солнечного света, почти параллельные земле, пронзали летящий сквозь лес автомобиль. Вскоре здания стали попадаться реже и реже, а затем и вовсе пропали. Сверху — голубое небо, снизу — восхитительная зеленая мозаика рощ и лугов.

С началом Эры Устрашения почти всю тяжелую промышленность перенесли на орбиту, и экология планеты восстановилась. Земля теперь выглядела как до промышленной революции. Сокращение населения и выработка продуктов питания на фабриках позволили уменьшить пахотные площади. Ненужные поля и пастбища заросли травой. Земля понемногу превращалась в огромный парк.

Чэн Синь с трудом могла поверить, что этот прекрасный мир существует на самом деле. Казалось, что она все еще спит и видит сон.

Через полчаса автомобиль приземлился, дверца отъехала в сторону. Девушка вышла, аппарат поднялся в воздух и улетел. Шум пропеллеров сменился тишиной, которую изредка нарушали отдаленные голоса птиц. Чэн Синь осмотрелась. Ее окружали старые заброшенные и наполовину заросшие плющом постройки, по-видимому, жилые здания Общей Эры.

Зелень новой жизни поверх останков прошлого… Чэн Синь ощутила до того ускользавшую от нее реальность этого мира.

Она позвала АА, но ей ответил мужчина:

— Привет.

Она обернулась и увидела, что на увитом плю-

щом балконе второго этажа стоит человек. Не один из нежных и красивых мужчин современности, а человек прошлого. Чэн Синь снова почудилось, что она спит и видит сон — продолжение ее кошмара из Общей Эры.

Это был Томас Уэйд — в неизменной черной кожанке, правда, несколько постаревший. Наверное, он лег в гибернацию позже, чем Чэн Синь, или проснулся раньше, или же и то, и другое.

Чэн Синь не отрывала взгляда от правой руки Уэйда, затянутой в черную кожаную перчатку. Старый, еще Общей Эры, пистолет был нацелен точно в Чэн Синь.

— Заряжен патронами для подводной стрельбы, — сообщил Уэйд. — Предназначены для долгого хранения. Но прошло двести семьдесят с лишним лет. Кто знает, сработают ли они? — На лице Уэйда проступила знакомая улыбка — та самая, с которой он наслаждался чужой безысходностью.

Вспышка, хлопок — и сильный удар в левое плечо отбросил Чэн Синь к полуразрушенной стене. Звук выстрела быстро утих в густых зарослях плюща. Птицы продолжали распевать.

— Современным оружием пользоваться нельзя, — продолжил Уэйд. — Оно регистрирует

каждый выстрел в полицейской базе данных.

Бывший шеф АСР говорил спокойно, словно объясняя подчиненной очередную задачу.

— За что? — Чэн Синь не чувствовала боли. Левое плечо вообще не ощущалось, словно не принадлежало ей.

— Я хочу стать Держателем Меча. Ты мой конкурент, и выберут тебя. Я не держу на тебя зла. Веришь или нет, мне вовсе не нравится делать то, что я делаю сейчас.

— Это вы убили Вадимова? — спросила она. Из угла ее рта потянулся ручеек крови.

— Да. Он был нужен программе «Лестница». А теперь у меня новый план, и тебя в нем нет. Вы оба отлично работали, но сейчас ты мне мешаешь. Я пойду вперед и только вперед, не считаясь с последствиями.

Еще один выстрел. Пуля попала в живот слева. Чэн Синь по-прежнему не чувствовала боли, но она больше не ощущала ног и не могла стоять. Она съехала по заросшей плющом стене на землю, оставляя за собой яркие кровавые разводы.

Уэйд снова нажал на спуск. Наконец сказались три века хранения — оружие дало осечку. Он передернул затвор, выбрасывая неисправный патрон, и снова навел пистолет на Чэн Синь.

Его правая рука взорвалась облаком белого дыма, зелень балкона усеяли обгоревшие куски плоти и обломки костей. Пистолет упал на землю. Уэйд не пошевельнулся. Он бросил взгляд на культю правой руки, затем поднял глаза к небу. Оттуда пикировал полицейский автомобиль.

Как только автомобиль снизился, из него в густую траву, всколыхнувшуюся от вихрей, поднимаемых пропеллерами, выпрыгнули несколько вооруженных полицейских. Они были похожи на стройных, проворных женщин.

Последней выскочила АА. Перед глазами Чэн Синь уже все плыло, но она увидела заплаканное лицо подруги и разобрала среди всхлипов:

— …подделал мой видеозвонок…

Чэн Синь пронзила волна жестокой боли, и она потеряла сознание.

Девушка очнулась в летящем автомобиле. Ее туго укутали в какую-то пленку. Боли не чувствовалось — Чэн Синь не ощущала даже своего тела. Прежде чем забыться снова, она слабым голосом, который никто, кроме нее самой, не услышал, спросила: «Кто такой Держатель Меча?»

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ПРИЗРАК ОТВЕРНУВШИХСЯ: ДЕРЖАТЕЛЬ МЕЧА

Вне сомнения, создание Отвернувшимся Ло Цзи системы устрашения на основе теории «темного леса» было великим достижением. Тем не менее давший ей жизнь проект «Отвернувшиеся» сочли нелепым и неразумным. Человечество, словно малое дитя, попавшее в незнакомую обстановку, при виде чуждой безжалостной вселенной испугалось, растерялось и принялось с ожесточением отбиваться. Когда Ло Цзи передал управление системой устрашения ООН и Флоту Солнечной системы, все решили, что ставший частью легендарного прошлого проект наконец завершился.

Люди принялись изучать само Устрашение, и возникла новая отрасль науки: теория игр устрашения.

Основными элементами являются: Устрашающая сторона (Земля) и Объект устрашения (Трисолярис); Угроза (передача координат Трисоляриса, которая приведет к уничтожению обоих миров); Исполнитель (человек или организация, в чьих руках находится кнопка передатчика); Цель (вынудить Трисолярис отказаться от напа-

дения и предоставить Земле свою технологию).

Если запугивающим воздействием является уничтожение обеих сторон, такая система называется предельным устрашением.

Предельное устрашение отличается тем, что в случае его провала осуществление Угрозы не поможет Устрашающему.

Таким образом, результативность предельного устрашения строится на уверенности Устрашаемого, что Угрозу непременно претворят в жизнь, если он посягнет на Цель. Вероятностное выражение уверенности Устрашаемого, или степень устрашения, — важный параметр теории игр устрашения. Для выигрыша Устрашающего степень устрашения должна превосходить 80 процентов.

Но очень скоро люди обнаружили один обескураживающий факт: если ответственность за исполнение Угрозы возложить на все общество, то степень устрашения падает почти до нуля.

Человечество крайне трудно побудить к действиям, которые уничтожат оба мира, поскольку они противоречат глубоко укоренившимся нормам морали. В случае устрашения «темным лесом» дело обстоит еще хуже. Если Угроза не сработает, то флот агрессора появится еще не

скоро; как минимум одно поколение проживет мирно и счастливо. Иными словами, никого из ныне живущих нападение не затронет. Однако если исполнить Угрозу и передать координаты, то тогда смерть может настать в любой момент — а это намного хуже. Таким образом, в случае нападения выбор всего человечества предсказать несложно.

Однако нельзя предвосхитить решение отдельной личности.

Устрашение «темным лесом» строилось на непредсказуемости одного человека — Ло Цзи. В случае возобновления войны его поступки определялись бы особенностями его личности, его психики. Даже если бы он повел себя рационально, его действия не обязательно совпали бы с интересами человечества. В самом начале Эры Устрашения ученые обоих миров тщательно изучили особенности характера Ло Цзи и создали подробные математические модели. Специалисты по теории игр как на Земле, так и на Трисолярисе пришли к поразительно схожим выводам: в зависимости от настроения в момент атаки, Ло Цзи обеспечивал степень устрашения от 91,9 % до 98,4 %. При таких шансах Трисолярис не рискнул бы напасть.

Разумеется, сразу после создания системы устрашения не представлялось возможным произвести столь точный анализ. Человечество пришло к ответу интуитивно; ООН и Флот Солнечной системы вернули ключ к Устрашению в руки Ло Цзи словно горячую картофелину. Весь процесс, начиная с Ло Цзи, отдающего браслет, заканчивая им же, получающим ключ обратно, занял восемнадцать часов. Но «каплям» хватило бы даже этого времени, чтобы разрушить кольцо ядерных бомб вокруг Солнца и отнять у землян их средство сигнализации. Лидеры Трисоляриса на такое не решились; впоследствии эту ошибку назвали их величайшим стратегическим поражением за всю войну. А затаившее дыхание человечество утерло со лба холодный пот.

С тех пор властью над пусковым механизмом Устрашения был неизменно облечен Ло Цзи. Вначале в его руках был ключ подрыва орбитального кольца ядерных бомб, затем его сменила кнопка широковещательных гравитационных передатчиков.

Система устрашения нависала над двумя мирами подобно дамоклову мечу, а Ло Цзи был волоском. Бывшего Отвернувшегося назвали

Держателем Меча[142].

Таким образом, проект «Отвернувшиеся» не стал еще достоянием истории. Его призрак продолжал бродить по Земле.

Программа «Отвернувшиеся» была беспрецедентной аномалией в истории человечества, но и у системы устрашения, и у Держателя Меча существовали предшественники. В годы холодной войны страны НАТО и Варшавского Договора создали систему гарантированного взаимного уничтожения — то есть предельного устрашения. В 1974 году СССР приступил к разработке системы «Периметр»[143], известной в западном мире как «Мертвая Рука». Она предназначалась для ответа на нападение, в случае если первый удар США выведет из строя правительство и высшее военное командование. «Периметр» получал информацию от сети датчиков, регистрирующих ядерные взрывы на территории Советского Союза, и автоматически принимал решение о пуске

---

[142] Примечания: 142

По рассказам китаеведов, такая должность — «держатель меча» — существовала при дворе китайского императора. Во время аудиенций, пока простые смертные общались с правителем, этот человек стоял позади них с занесенным мечом и, трактуя мимику императора, в любой момент мог снести посетителю голову. — *Прим. перев.*

[143] Примечания: 143

ПодробностивВикипедии(https://ru.wikipedia.org/wiki/Система_ «Периметр».) — *Прим. перев.*

ядерных ракет.

Сердце системы «Периметр» находилось в секретном центре управления, скрытом глубоко под землей. Если компьютер примет решение об ответном ядерном ударе, дежурный оператор должен его подтвердить.

В 2009 году взяли интервью у офицера, служившего на посту дежурного оператора «Периметра» десятки лет назад. Он был тогда двадцатипятилетним лейтенантом, только что закончившим Военное училище имени М.В. Фрунзе. В случае если бы система решила, что пуск ядерных ракет необходим, он стал бы последней инстанцией перед концом света. К тому времени весь Советский Союз и Восточная Европа превратились бы, наверное, в море огня, а все его близкие погибли. Если бы он нажал кнопку, то и Северная Америка через полчаса стала бы адом на Земле, а затем «ядерная зима» уничтожила бы все остальное человечество. В ту минуту он держал бы в руках судьбу всей человеческой цивилизации.

Позднее его неоднократно спрашивали: «Если бы такой момент действительно настал, нажали бы вы кнопку?»

Первый в истории Держатель Меча отвечал: «Не знаю».

Человечество надеялось, что устрашение «темным лесом» закончится так же мирно, как и взаимно гарантированное уничтожение в XX веке.

В таком странном равновесии прошли годы. Устрашение действовало уже шестьдесят лет. Ло Цзи, перешагнувший столетний рубеж, по-прежнему держал в руках «красную кнопку». Его образ в глазах населения постепенно изменился.

Он не нравился «ястребам», выступавшим за жесткий подход к Трисолярису. В самом начале Эры Устрашения они настаивали на более суровых условиях перемирия. Их конечной целью было полное разоружение Трисоляриса. Некоторые их предложения граничили с абсурдом. Например, программа «голых переселенцев»: согласно ей, все трисоляриане дегидрируют и их доставляют на грузовых кораблях в облако Оорта. Оттуда на кораблях землян тела перевозят в дегидратории на Марсе или Луне. Затем, при выполнении трисолярианами определенных условий их начали бы понемногу регидрировать.

«Голуби» тоже не любили Ло Цзи. Их беспокоила вероятность наличия жизни и цивилизации на планетах звезды 187J3X1, координаты которой

Ло Цзи передал во Вселенную. Была ли на них жизнь? Ни земные, ни трисолярианские астрономы не могли уверенно сказать ни «да», ни «нет», но на Ло Цзи легло обвинение в мундициде. «Голуби» считали, что мирное сосуществование людей и трисоляриан должно строиться на фундаменте всеобщих «прав человека» — иными словами, на признании, что у любого разумного существа во Вселенной имеются неотъемлемые права. Для осуществления их идеала Ло Цзи требовалось отдать под суд.

Но Ло Цзи не обращал внимания ни на тех, ни на других. Он полвека молча стоял на посту Держателя Меча и держал в руках «красную кнопку» гравитационного передатчика.

Человечество осознало, что любая политика в отношении Трисоляриса должна принимать в расчет Держателя Меча. Без его одобрения ни одно земное решение не возымело бы на инопланетян действия. Таким образом, Держатель стал влиятельным диктатором, наподобие Отвернувшихся.

Со временем Ло Цзи стали называть безрассудным маньяком и деспотом, убийцей планет.

Люди поняли, что Эра Устрашения — странная эпоха. С одной стороны, человеческая циви-

лизация достигла невиданных высот, в мире царят демократия и права человека. Но, с другой стороны, над всей этой системой нависала тень диктатора. Эксперты полагали, что, хотя наука и технология обычно противодействуют тоталитаризму, при возникновении кризиса, угрожающего самому существованию цивилизации, наука может привести к созданию нового тоталитарного общества.

При обычной диктатуре диктатор отдает распоряжения через посредников, что усиливает неопределенность и отрицательно сказывается на эффективности управления. Поэтому стопроцентно эффективного тоталитарного государства не было ни разу за всю историю человечества. Однако технология создала механизмы для сверхтоталитарного управления; примеры тому — Отвернувшиеся и Держатель Меча. Гремучая смесь супертехнологии с суперкризисом могла отбросить человечество в темные века.

Тем не менее большинство соглашалось, что Устрашение по-прежнему необходимо. Когда софоны прекратили вмешательство в научные эксперименты, а с Трисоляриса хлынул поток новых знаний, земная наука неудержимо понеслась вперед. Но Земля продолжала отставать от Три-

соляриса на два-три поколения технологии. Об отключении системы устрашения можно будет задуматься не раньше чем два мира сравняются в развитии.

Существовал еще один вариант: передать систему устрашения под контроль искусственного интеллекта. Его рассматривали со всей серьезностью и не пожалели затрат на предварительные исследования. Основным его преимуществом был высокий уровень устрашения. Но в конце концов от этого варианта отказались. Слишком страшно доверить судьбу двух миров машинам. Эксперименты показали, что ИИ зачастую не справляется с анализом многочисленных условий устрашения — и неудивительно; для этого чистой логики мало. Кроме того, переход от диктатора-человека к диктатору-машине никого бы не успокоил, а с политической точки зрения грозил осложнениями. Наконец, на решение компьютера могли повлиять софоны. Таких инцидентов до сих пор не наблюдалось, но сама возможность поставила на идее крест.

Предложение поменять Держателя Меча стало компромиссом. Даже без учета прочих обстоятельств, Ло Цзи уже перевалило за сотню. Его мыслительные способности слабели, а психика

становилась неустойчивой. Людей все больше беспокоило, что он держит в руках судьбу двух миров.

Эра Устрашения, год 61-й
Держатель меча

Чэн Синь уверенно выздоравливала. Врачи заверяли: даже если бы в нее попали все десять семимиллиметровых пуль, даже если бы ей прострелили сердце, современная медицина оживила бы ее и полностью вылечила. Конечно, не все было бы так просто, если бы пули задели мозг.

Полиция сообщила, что последнее в мире зарегистрированное убийство произошло двадцать восемь лет назад, а в этом городе — почти сорок. Полицейские забыли, как предотвращать и расследовать убийства; только поэтому Уэйд был так близок к успеху. Сигнал в полицию подал другой кандидат на пост Держателя Меча. Но у него не нашлось доказательств, только подозрения, основанные на пережитке Общей Эры — предчувствии. Полиция не поверила и потеряла много времени, вылетев на помощь лишь тогда, когда обнаружилось, что Уэйд подделал звонок от АА.

Чэн Синь навещало в больнице много людей: правительственные чиновники, сотрудники ООН, военные Флота Солнечной системы, представители общественности и, конечно же, АА и ее друзья. Чэн Синь уже легко отличала мужчин от женщин и привыкла к женственным лицам современных парней. Она находила в сегодняшних мужчинах утонченность, которой не было в прошлом. Но все же они ее не привлекали.

Мир уже не казался странным, и Чэн Синь жаждала с ним познакомиться, но не могла покинуть больничную палату.

Однажды АА принесла голографический кинофильм «Сказки Янцзы». Он выиграл «Оскара» в номинации «Лучший фильм года». Его сняли по мотивам стихотворения в жанре *бусуаньцзы*, сочиненного в годы династии Сун поэтом Ли Чжи-и:

Ты живешь на одном конце Янцзы, а я на другом.

Я думаю о тебе, любимая, каждый день, хоть нам и не встретиться.

Мы пьем из одной реки.

Действие фильма разворачивалось в некоем неопределенном далеком прошлом, в «золотом

веке» человечества. Кинолента рассказывала историю двух влюбленных: один жил у истоков Янцзы, а другая — возле устья. За весь фильм они ни разу не встретились, даже в воображаемых сценах. Режиссер с трогательной грустью запечатлел их любовь. Оператор отлично сыграл на дополняющих друг друга контрастах, противопоставив изящную утонченность дельты Янцзы дикости и мощи Тибетского плато. Чэн Синь эти пейзажи просто пьянили. Никакой примитивной грубости коммерческих фильмов XXI века; повествование текло легко и плавно, как сама Янцзы, не отпуская зрителей до самого конца.

Я на одном конце реки времени, думала Чэн Синь, но на другом конце никого нет…

Кинолента разожгла в Чэн Синь интерес к культуре эпохи. Как только она поправилась настолько, что ей разрешили ходить, АА стала водить ее на выставки и концерты. Чэн Синь отчетливо помнила, как в свое время посещала «Фабрику 798»[144] и Шанхайское биеннале, где выставлялись весьма странные предметы «современного искусства».

---

[144] Примечания: 144

«Фабрика 798» — знаменитый район Пекина, где с 1990-х годов в заброшенных зданиях военной фабрики живут и работают художники. — *Прим. К. Л.*

Она даже не представляла, как сильно переменилось искусство за три века, которые она провела в холодном сне. Все картины на выставке были выполнены в стиле реализма, от красок веяло жизненной энергией и чувственностью. В них будто билось сердце, переполненное и прелестью природы, и человеческими страстями. Музыка же звучала подобно классическим симфониям, напоминая ей о Янцзы в кинофильме, — внушительная и мощная, но в то же время спокойная и приятная. Чэн Синь смотрела на течение реки до тех пор, пока ей не показалось, что вода застыла на месте, что это она сама плывет к далеким истокам…

Искусство и культура этой эпохи значительно отличались от ее ожиданий; но дело не ограничивалось возвратом к классике. Скорее речь шла о следующем витке постпостмодернизма, выстроенном на фундаменте новой эстетики. Например, в «Сказках Янцзы» встречались глубокомысленные размышления о Вселенной, пространстве и времени. Больше всего Чэн Синь понравилось, что исчезли мрак безнадежности и причудливый шум, столь характерные для постмодернистской культуры двадцать первого века. Вместо них появились небывалое ласковое спокойствие и

оптимизм.

— Мне нравится твоя эпоха, — заявила Чэн Синь. — Я в изумлении.

— Ты изумишься еще больше, когда узнаешь, кто снял эти фильмы, написал картины и музыку. Это трисоляриане, живущие в четырех световых годах от нас! — АА заразительно рассмеялась, увидев ошарашенное лицо Чэн Синь.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

За созданием системы устрашения последовало основание Всемирной академии наук — международной организации наряду с ООН. В ее задачи входило принимать и обрабатывать научно-техническую информацию, поступающую на Землю с Трисоляриса.

Поначалу люди ожидали, что Трисолярис будет передавать, да и то под нажимом, лишь разрозненные, случайные обрывки знаний, разбавленные ложью и ведущие в неверном направлении. Предполагалось, что земным ученым придется аккуратно просеивать получаемую информацию в поисках крупиц правды. Но Трисолярис обманул эти ожидания. За корот-

кое время инопланетяне передали огромный упорядоченный объем знаний, в основном по фундаментальным наукам: математике, физике, космологии, молекулярной биологии живых существ Трисоляриса и так далее. Землян снабжали стройными, законченными наборами сведений по каждой отрасли науки.

Трисолярис передал столько всяких сведений, что земные ученые утонули в потоке информации. Тогда инопланетяне начали помогать с изучением присланных материалов. На какое-то время весь мир превратился в гигантский университет. Как только софоны прекратили вмешиваться в ход экспериментов на ускорителях частиц, земные ученые опытным путем перепроверили основы трисолярианской физики и убедились в истинности нахлынувших откровений. Трисоляриане даже неоднократно жаловались, что человечество слишком медленно постигает новое знание. Похоже, инопланетяне искренне желали, чтобы земные науки как можно быстрее догнали Трисолярис — по крайней мере, фундаментальные науки.

Удивленные земляне придумали множество объяснений. Наиболее правдоподобное из них гласило, что трисоляриане ускоряют развитие

наук человечества, чтобы с помощью людей раскрывать секреты мироздания. Земля — это своеобразный научный аккумулятор. Если его полностью зарядить информацией с Трисоляриса, он станет источником новых знаний.

Трисоляриане объясняли свои действия иначе. Они дарят огромный объем знаний из уважения к земной цивилизации. Они утверждали, что Трисолярис получил от Земли даже больше. Культура человечества открыла трисолярианам глаза, дала возможность видеть в жизни и обществе глубинный смысл, ценить красоту природы и человека — все то, чего они до сих пор не понимали. Земная культура получила распространение на Трисолярисе и за полвека стала причиной многочисленных революций, в результате которых общественный и политический строй Трисоляриса стал похож на земной. Далекий мир с уважением принял человеческие ценности, а трисоляриане полюбили культуру людей.

Поначалу земляне относились к этим объяснениям скептически, но вскоре они подтвердились невероятной волной отраженной культуры.

На десятом году Эры Устрашения Трисолярис в дополнение к научной информации стал передавать произведения культуры и искусства,

выполненные в стиле имитации искусства людей: кинофильмы, романы, стихи, музыку, картины и многое другое. Ко всеобщему удивлению, имитация оказалась вовсе не примитивной или ребяческой. Трисоляриане сразу же начали создавать сложные, высокохудожественные работы. Ученые назвали этот феномен «отражением культуры». У земной цивилизации появилось зеркало во Вселенной, и люди увидели себя с новой точки зрения. За следующие десять лет трисолярианское отражение культуры завоевало признание среди людей и стало вытеснять земную декадентскую культуру, утратившую жизненные силы. Отраженная культура стала новым источником идей для художников.

В эти дни, если не знать заранее, трудно было даже догадаться, кто снял фильм или написал книгу — человек или трисолярианин. Персонажами искусства Трисоляриса были люди, действие разворачивалось на Земле, и в произведении нельзя было найти ни малейшего оттенка чуждости. Этот факт казался неопровержимым доказательством того, что трисоляриане приняли земную культуру. В то же время планета Трисолярис оставалась окутанной завесой тайны; о ней не сообщали практически ничего. Трисоляриане

объясняли это тем, что их культура примитивна и пока недостойна взора человека. С учетом значительных различий между мирами в биологии и природной среде она может нарушить установившееся взаимопонимание.

Человечество не могло нарадоваться, что события развиваются в благоприятном направлении. Наконец-то их уголок темного леса озарил солнечный луч.

Эра Устрашения, год 61-й
Держатель меча

В тот же день, когда Чэн Синь окончательно выписали из больницы, АА сообщила, что с Чэн хочет встретиться Софон, или, как было принято

ее звать на японский манер, Томоко[145].

Чэн Синь понимала, что АА говорила, конечно, о женщине-биороботе, созданной при помощи последних достижений земной науки и техники. Ею управляли софоны, и она выступала в роли посла Трисоляриса на Земле. Общаться с существом, выглядящим как человек, все же удобнее, чем с развернувшимся в нижних измерениях софоном.

Томоко жила на одном из гигантских деревьев на окраине города. Из окна летающего автомобиля казалось, что для ее дерева настала поздняя осень — так мало там было листьев. Изящный бамбуковый домик Томоко одиноким листком висел на самом верху. В этот ясный день домик окружало белое облачко, очевидно, создаваемое

---

[145] Примечания: 145

У автора это имя пишется как «Чжицзы» — «мудрая частица»; это то же самое слово, каким он называет протоны с искусственным интеллектом, посланные Трисолярисом к Земле. Переводчик «Задачи трех тел» на английский язык Кен Лю назвал их «софо!нами» (от греческого «софия» — мудрость). Имя посланницы Трисоляриса, таким образом, тоже Софон. Мы решили, что это будет создавать изрядную путаницу, особенно в эпизодах, где действуют и софоны, и Софон. Называть ее Чжицзы? Но это же невозможно выговорить! И тогда мы вспомнили об эпизоде в начале «Темного леса», где один из персонажей называет софон японским женским именем Томоко. Там объясняется, что иероглиф «частица», который произносят как «ко», часто встречается в женских именах в Японии (одна из основных систем японского письма, кандзи, использует иероглифы китайского происхождения). К тому же посланница Трисоляриса ведет себя как японка; об этом свидетельствует все: ее манеры, одежда, жилище, владение катаной и прочее. Есть

и еще один маленький нюанс: для китайца (а автор, как мы помним, китаец) японец — это синоним врага. Вот поэтому после долгих споров мы и решили называть этого биоробота Томоко. — *Прим. перев.*

искусственно.

Чэн Синь и АА дошли до самого конца ветви по тропинке, вымощенной гладкими камешками и окруженной зелеными лужайками. Затем они спустились по винтовой лестнице к дверям дома; там их уже дожидалась Томоко. Великолепное японское кимоно на ее тонкой фигурке казалось морем цветов, но когда Чэн Синь увидела ее лицо, цветы на кимоно поблекли в сравнении. Чэн Синь не могла даже представить себе такой безупречной красоты и такой одухотворенности. Томоко улыбнулась, и словно весенний ветерок пробежал по воде, разделив солнечный луч на тысячи переливчатых отражений. Томоко медленно поклонилась гостям; Чэн Синь пришло в голову, что фигура хозяйки подобна иероглифу 柔 — «роу», «мягкий» — и по начертанию, и по смыслу.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! У меня было намерение самой посетить вас в ваших досточтимых жилищах, но тогда я не имела бы возможности как подобает развлечь вас чайной церемонией. Будьте добры принять мои нижайшие извинения. Я так счастлива видеть вас! — Томоко снова поклонилась. У нее был нежный и мягкий голос, идеально подходящий ее гибкой фигуре; она говорила чуть слышно, но

проникновенно, словно все другие звуки умолкали перед ней.

Гостьи последовали за Томоко в глубину двора. Крошечные белые цветы, вплетенные в прическу хозяйки, подрагивали, а сама она время от времени оборачивалась и улыбалась. Чэн Синь совершенно забыла, что перед ней чужак-завоеватель, машина, которой управляют всесильные существа с планеты, удаленной на четыре световых года. Она не видела ничего, кроме прелестного существа, чарующего своей женственностью.

По обеим сторонам тропинки неспешно колыхались заросли бамбука, доходящие до пояса и укрытые белым туманом. Томоко провела посетителей по дощатому мостику над говорливым ручейком, отступила в сторону, поклонилась и пригласила в чайный домик. Это был павильон в восточном стиле, с широкими окнами во всех четырех стенах, залитый ярким солнечным светом. В окна виднелись голубое небо и создаваемые домом облака, тонкими струйками таявшие в синеве. На стене висела небольшая японская гравюра *укиё-э*, рядом с ней — веер с пейзажем в китайском стиле. От чайного домика веяло простотой и элегантностью.

Томоко подождала, пока Чэн Синь и АА усядутся, поджав под себя ноги, на татами, потом аккуратно села сама и стала методично раскладывать перед собой чайную утварь.

— Тебе придется набраться терпения, — прошептала АА подруге на ухо. — Раньше чем через два часа никакого чая не будет.

Томоко достала из кимоно безукоризненно белое полотенце и начала протирать столь же безукоризненно чистую посуду. Сначала она медленно и аккуратно протерла каждую чайную ложечку, тонкую и хрупкую, с длинной ручкой, целиком вырезанную из ствола бамбука. Затем она вытерла все белые фарфоровые чашки и желтый медный чайник. С помощью бамбукового половника Томоко налила в чайник чистейшей ключевой воды из большого керамического кувшина и поставила кипятиться на искусно выделанную жаровню. Дальше она ложечкой перенесла мелко истолченный чай из чайницы в чашки и легкими круговыми движениями стала размешивать порошок бамбуковым венчиком…[146]

---

[146] Примечания: 146

Надо понимать так, что автор намеренно модифицировал чайную церемонию, поскольку в Общую Эру чай делали в одной чаше и пили из нее по очереди. — *Прим. перев.*

Каждое действие Томоко выполняла нарочито медленно, какие-то даже повторяя. Двадцать минут ушло лишь на протирку посуды. Несомненно, эти действия имели не столько утилитарный, сколько церемониальный смысл.

Но Чэн Синь не скучала. Ее завораживали изящные, плавные движения Томоко. Время от времени в комнату залетал ветерок; тогда чудилось, будто белые руки хозяйки более не послушны сами себе, а парят по воле бриза. Казалось, что гладкие, словно нефрит, ладони ласкают не чайную посуду, а что-то более нежное, легкое, воздушное… как *время*. Да, Томоко поглаживала само время, ставшее текучим и неторопливо ползущее вперед, словно туман, просачивающийся сквозь заросли бамбука. Иное время. Оно не знало крови и пламени прошлого, а сегодняшние заботы ушли куда-то далеко. Остались только облака в небе, бамбуковая роща и душистый чай. Воцарились четыре принципа Пути Чая: гармония, уважение, чистота и покой.

Через какое-то время чай был готов. После очередной серии сложных церемониальных действий Томоко наконец передала Чэн Синь и АА чашки с чаем. Чэн Синь пригубила сочный зеленый напиток. Приятный запах и горьковатый

вкус освежили тело и разум.

— Мир прекрасен, когда мы, женщины, вместе. — Томоко говорила неторопливо и тихо, еле слышно. — Но наш мир такой хрупкий! Мы обязаны защищать его как можем. — Затем она низко поклонилась и заговорила воодушевленно: — Заранее благодарю вас за заботу! Спасибо!

Чэн Синь отлично поняла недоговоренные Томоко слова, как и подлинный смысл визита.

* * *

Следующая встреча вернула Чэн Синь обратно к непростой реальности окружающей ее жизни.

На следующий день после поездки к Томоко к Чэн Синь пришли шестеро мужчин Общей Эры — кандидаты на пост Держателя Меча, пока занимаемый Ло Цзи. Они были разного возраста: от тридцати четырех до шестидесяти восьми лет. По сравнению с началом Эры Устрашения сейчас пробуждалось меньше людей Общей Эры, но они, так же как и раньше, стояли особняком. Все они с трудом вписывались в современное общество. Большинство — иногда преднамеренно, иногда подсознательно — старалось приспособиться к женоподобному миру, меняя манеру поведения и внешность. Но все шестеро мужчин, стоящих

перед Чэн Синь, упрямо держались за устаревшие понятия о мужской наружности и характере. Если бы Чэн Синь встретилась с ними несколько дней назад, она чувствовала бы себя комфортно, но теперь ей было не по себе.

Она не уловила тепла в глазах посетителей; их лица были похожи на маски, скрывающие подлинные чувства. Чэн Синь показалось, что она стоит перед крепостной стеной из шести промерзших гранитных блоков. Эта массивная стена, выщербленная и закаленная прошедшими веками, студила душу, предвещала кровопролитие и смерть.

Первым делом Чэн Синь поблагодарила кандидата, предупредившего полицию. В этом она не покривила душой — все-таки он спас ей жизнь. Би Юньфэнь, сорокавосьмилетний инженер, когда-то работал на самом большом в мире ускорителе элементарных частиц. Как и Чэн Синь, его послали в будущее, надеясь, что однажды человечество преодолеет блокировку софонов и возобновит физические эксперименты. К сожалению, ко времени Устрашения ни один из ускорителей прошлого не сохранился.

— Хотелось бы надеяться, что я не совершил ошибку, — ответил он. Возможно, он так пошу-

тил, но ни Чэн Синь, ни другие кандидаты не улыбнулись.

— Мы здесь, чтобы убедить вас не претендовать на пост Держателя Меча, — взял быка за рога другой гость, тридцатичетырехлетний Цао Бинь, самый молодой из пришедших. Когда начался трисолярианский кризис, он был физиком, коллегой широко известного Дин И. Когда выяснилось, что софоны блокируют фундаментальную науку, превращение физики в абстрактную математическую игру, оторванную от экспериментальной основы, побудило его лечь в гибернацию до тех пор, пока блокировку не снимут.

— Как вы полагаете, если я выставлю свою кандидатуру, меня выберут? — спросила Чэн Синь. Этот вопрос беспокоил ее с тех пор, как она вернулась от Томоко; у нее даже пропал сон.

— Если выставите, то практически наверняка победите, — заявил Иван Антонов, сорокатрехлетний русский красавец. У него был впечатляющий послужной список: самый молодой вице-адмирал Российского флота, затем заместитель командующего Балтийским флотом. Он лег в гибернацию из-за неизлечимой болезни.

— Разве я способна кого-нибудь устрашить? — улыбаясь, спросила Чэн Синь.

— Вы недооцениваете себя. На вашем счету служба в АСР, а это агентство за последние пару веков накопило невероятный объем разведывательной информации о Трисолярисе. Перед битвой Судного дня оно даже предупреждало флоты, что «Капля» вот-вот нападет, но никто его не слушал. Сегодня АСР вошло в легенды, и это прибавляет вам веса. Кроме того, вы единственная владелица другого мира, а поэтому сможете спасти и наш… В этом нет никакой логики, но народ думает именно так…

— Давайте я объясню покороче, — перебил Антонова лысый мужчина по имени А. Дж. Хопкинс. По крайней мере, он так себя называл. Пока он лежал в гибернации, все документы затерялись, а сам он не намеревался ничего рассказывать о себе — даже не счел нужным что-нибудь придумать. По этой причине ему оказалось непросто получить гражданство в новом мире; но с другой стороны, таинственное прошлое помогло ему стать неплохим кандидатом. Считалось, что он и Антонов могут обеспечить самое действенное устрашение.

— С точки зрения обывателей, идеальный Держатель Меча должен устрашать Трисолярис, не устрашая Землю. Поскольку такое невозможно,

люди предпочтут того, кого не боятся сами. Вы их не пугаете; вы не просто женщина, вы в их глазах — ангел. Эти неженки даже наивнее детей нашей эры; они видят только то, что лежит на поверхности… Послушайте, они считают, что дела идут просто замечательно и с Трисолярисом вот-вот установятся мир да любовь. Устрашение уже не настолько необходимо, поэтому они хотят, чтобы «красную кнопку» держала рука понежнее.

— А разве это не так? — спросила Чэн Синь, раздраженная неуважительным тоном Хопкинса.

Гости переглянулись, но не ответили. Казалось, что их взгляды стали еще мрачнее и холоднее. Стоя в их окружении, Чэн Синь почувствовала себя как на дне колодца. Ее охватил озноб.

— Дочка, обязанности Держателя тебе не по плечу, — заговорил самый старый из кандидатов, ему было шестьдесят восемь. До гибернации он служил на посту заместителя министра иностранных дел Южной Кореи. — Ты новичок в политике, еще молода, не способна мгновенно разобраться в ситуации, да и по складу характера не подходишь. Все, что у тебя есть, — это доброта и чувство ответственности.

Наконец высказался последний гость, опытный адвокат:

— Я не думаю, чтобы вы желали занять пост Держателя. Вы ведь наверняка знаете, чем придется пожертвовать.

У Чэн Синь не нашлось ответа. Она лишь недавно узнала, какие испытания выпали на долю Ло Цзи в Эру Устрашения.

* * *

Когда кандидаты ушли, АА обратилась к Чэн Синь:

— Не думаю, что существование Держателя Меча можно назвать жизнью.

Это же самый настоящий ад! Зачем такая радость людям из прошлого?

— Кое-кому из Общей Эры просто не терпится зажать в руке судьбу человечества и еще одной расы. Некоторые всю жизнь кладут на завоевание такой власти, просто одержимыми становятся.

— И ты тоже?

Чэн Синь смолчала. Простых ответов больше не существовало.

— Нет, это же надо быть таким злобным, таким подлым, таким… — АА говорила об Уэйде. — Ну совсем рехнулся!

— Он не из самых опасных.

И это было правдой. Уэйд не очень-то старался

утаить свою порочность. АА и ее современники даже представить себе не могли, под сколькими маскировочными слоями люди Общей Эры скрывали свои подлинные чувства и намерения. Кто мог сказать, что кроется за бесстрастными, холодными личинами шестерых кандидатов? Возможно, один из них — новая Е Вэньцзе или новый Чжан Бэйхай? А что, если они все такие?

Чэн Синь поняла, что этот прекрасный мир так же хрупок, как красивый мыльный пузырь, плывущий сквозь заросли терновника. Одно касание и его больше нет.

* * *

Через неделю Чэн Синь приехала в штаб-квартиру ООН на церемонию передачи двух планет в системе звезды DX3906.

Когда все закончилось, председатель СОП от лица ООН и Флота Солнечной системы попросил Чэн Синь выставить свою кандидатуру на пост Держателя Меча. Он объяснил, что уже зарегистрировавшиеся шесть кандидатов не очень-то подходят. Если выберут одного из них, то мир охватит паника. Большинство населения считает, что они все чрезвычайно опасны. Невозможно предсказать, что именно произойдет. Кроме того,

все шестеро не доверяют Трисолярису и склонны к агрессии против него. Такой Держатель Меча сможет найти общий язык со сторонниками жестких мер как на Земле, так и в Конгрессе Флотов, чтобы надавить на Трисолярис и потребовать новых уступок. Подобная политика может помешать мирным отношениям и обмену научной и культурной информацией между планетами — с катастрофическими последствиями…

Но Чэн Синь может все это предотвратить.

Когда человечество во второй раз вышло из пещер, ООН перенесла свою штаб-квартиру обратно в Нью-Йорк. Чэн Синь была хорошо знакома с комплексом ООН. Здание Секретариата выглядело точно так же, как триста лет назад, скульптуры ничуть не изменились, и даже лужайка осталась прежней. Чэн Синь стояла и вспоминала бурную ночь 270 лет назад: объявление проекта «Отвернувшиеся», покушение на Ло Цзи, толпы народа в неверном свете прожекторов, вихри вертолетных винтов, разметавшие ее прическу, «скорая помощь», отъезжающая в сполохах красных огней и под пронзительный вой сирены… Все представилось ей так четко, как будто случилось лишь вчера. И Уэйд… Уэйд на фоне огней Нью-Йорка, произносящий изменившие ее жизнь слова: «Мы

отправим только мозг».

Если бы не его заявление, жизнь сегодня шла бы без нее. Чэн Синь осталась бы самой обычной женщиной и умерла бы более двухсот лет назад. Все, связанное с ней, бесследно исчезло бы в длинной реке времени. В лучшем случае десятое поколение ее потомков сейчас дожидалось бы выбора следующего Держателя Меча.

Но она не умерла, а стояла перед собравшейся на площади толпой. Над головами красочным облачком плавала голограмма с ее изображением. К Чэн Синь приблизилась молодая женщина и дала ей подержать маленького ребенка — ему исполнилось лишь несколько месяцев. Малыш засмеялся, и она обхватила дитя, прижимаясь лицом к его гладким щечкам. Сердце Чэн Синь растаяло, ей казалось, что она держит в объятиях целый мир, такой же прекрасный и хрупкий, как кроха в ее руках.

— Посмотрите, она как богородица, Святая Мария! — вскричала мать ребенка, обернулась к Чэн Синь и сложила ладони. Из ее глаз текли слезы.

— О прекраснейшая, добрейшая Мадонна, защити наш мир! Не дай этим кровожадным дикарям уничтожить всю красоту его!

Толпа взорвалась радостными криками. Мла-

денец на руках Чэн Синь вздрогнул и заплакал. Она прижала его к себе покрепче.

У меня есть выбор?

И тут же возник очевидный ответ:

Выбора нет. Никакого.

Тому были три причины.

Во-первых, если тебя объявили спасителем, то это все равно что положили под гильотину: от тебя ничего не зависит. Так случилось с Ло Цзи, а сейчас это происходит с ней.

Во-вторых, молодая женщина и мягкий, теплый комок в руках Чэн Синь помогли ей кое-что понять. Впервые она сумела разобраться с чувствами, которые испытывает к этому миру. Материнский инстинкт. Она никогда не ощущала ничего подобного в Общую Эру. Всех, кого бы она ни встретила, она подсознательно воспринимала как собственных детей и не потерпела бы, чтобы им причинили вред. Раньше она ошибочно считала, что в ней говорит чувство ответственности. Но материнский инстинкт неподвластен логике, и от него не скрыться.

Третья причина возвышалась перед ней непреодолимой стеной. Даже если бы не существовало первых двух, третья никуда бы не делась: Юнь Тяньмин.

То, что ждало ее, — ад, бездонная пропасть, такая же, в какую ради нее прыгнул Юнь Тяньмин. Отступление невозможно. Остается только смириться с кармой; пришел ее черед.

Детство Чэн Синь ярко освещала любовь матери — но только матери. Дочка спросила, где отец. В отличие от некоторых матерей-одиночек, мама ответила спокойно. Сказала, что не знает, и со вздохом добавила, что хотела бы знать. Чэн Синь расспросила подробнее и узнала, что она найденыш.

Это было правдой, Чэн Синь и в самом деле нашли на улице. Ее мать никогда не выходила замуж, но однажды ночью, во время свидания, увидела на скамейке парка брошенного трехмесячного младенца. Рядом лежали бутылочка молока, тысяча юаней и клочок бумаги с датой рождения девочки. Мать и ее приятель собирались отнести находку в полицию, а та передала бы дитя в городской отдел по гражданским делам. В конце концов ребенок оказался бы в приюте.

Но женщина решила отнести девочку домой и пойти в полицию утром. Возможно, за одну ночь она ощутила себя матерью, а может быть, по какой-то другой причине, но наутро она так и не смогла расстаться с ребенком. Как только

она задумывалась о передаче девочки в приют, ей становилось плохо. Она решила удочерить найденыша.

Из-за этого ее бросил любовник. В последующее десятилетие она встречалась с четырьмя или пятью другими мужчинами, но из-за Чэн Синь каждый из них рано или поздно уходил. Позднее Чэн Синь узнала, что никто из них не осуждал открыто решение матери оставить ребенка себе, но как только мужчина проявлял хотя бы малейшее нетерпение или непонимание, мать немедленно его бросала. Она не дала бы никакому злу приблизиться к своей дочери.

Пока она была маленькой, Чэн Синь никогда не задумывалась, что в семье кого-то не хватает. Она полагала, что так и должно быть: крохотный мирок, мать и дочь. В нем было так много любви и радости, что девочка даже считала, что отец не нужен. Позднее она затосковала по отцовской любви; сначала появилось какое-то непонятное ощущение, а потом растущая боль. Тогда мать нашла ей отца — добрейшего человека, любящего и ответственного. Можно сказать, он полюбил мать Чэн Синь именно за ее любовь к дочери. В жизни Чэн Синь вспыхнуло новое солнце. Она почувствовала, что ее небольшой мир теперь

полон, поэтому родители решили не заводить еще одного ребенка.

Позднее Чэн Синь оставила родной дом и поступила в колледж. С этой минуты ее жизнь, словно обезумевшая лошадь, понеслась дальше и дальше… а потом Чэн Синь рассталась с родителями и в пространстве, и во времени, когда ее отправили в будущее.

Та ночь, когда она в последний раз попрощалась со своими близкими, навсегда врезалась в ее память. Она обманула тогда, пообещала, что придет на следующий день — не нашла мужества попрощаться, пришлось уйти, так ничего и не сказав. Но, похоже, родители знали правду.

Мать взяла Чэн Синь за руку и сказала:

— Дорогая, нас троих свела вместе любовь…

Чэн Синь провела ту ночь под их окнами. Ей чудилось, что ночной ветерок, и мерцающие звезды — все на свете повторяет последние слова матери.

Что ж, тремя столетиями позже она наконец готова что-то сделать ради любви.

— Я выдвигаю свою кандидатуру на пост Держателя Меча, — сообщила она молодой матери.

Эра Устрашения, год 62-й
«Гравитация» в окрестностях облака Оорта

«Гравитация» преследовала «Синий космос» уже полвека.

Она почти настигла свою жертву. Лишь три астрономические единицы разделяли охотника и добычу. Рукой подать по сравнению с полутора световыми годами, которые преодолели оба корабля.

Десять лет назад «Гравитация» прошла сквозь облако Оорта. Здесь, приблизительно в одном световом годе от Солнца, на самом краю Солнечной системы, рождались кометы. «Синий космос» и «Гравитация» стали первыми кораблями людей, пересекшими его границу. Впрочем, эта область ничем не напоминала облако. Лишь время от времени на расстоянии в десятки или даже сотни тысяч километров пролетал смерзшийся комок грязи и льда — комета без хвоста, не видимая невооруженным глазом.

Оставив позади облако Оорта, корабль вышел в настоящий глубокий космос. Здесь Солнце стало

лишь одной из многих звезд за кормой. Реальный мир вокруг космолета превратился в иллюзию. Куда ни посмотри, везде лишь бездонная чернота. Единственное, в чем могли увериться органы чувств, — существование «капель», летящих по бокам корабля на удалении около пяти километров и едва видимых невооруженным глазом. Члены экипажа «Гравитации» любили рассматривать «капли» в телескоп, утешая себя тем, что в бесконечной пустоте хоть что-то есть. По сути дела, люди смотрели сами на себя — «Гравитация» отражалась в зеркальной поверхности «капель». Кривизна поверхности немного искажала изображение, но в идеальном зеркале корабль вырисовывался чисто и ясно. Если настроить телескоп на достаточное увеличение, можно было разглядеть иллюминатор и себя в нем.

Бо!льшая часть из ста с лишним офицеров и рядовых на борту «Гравитации» не чувствовали одиночества — они почти все время лежали в гибернации. Для обслуживания корабля в обычном полете требовалось пять-десять членов экипажа. Люди несли вахту по очереди, оставаясь на дежурстве от трех до пяти лет.

Погоня, в сущности, представляла собой изощренную игру: как охотник, так и добыча были

ограничены в возможностях ускорения. Прежде всего «Синий космос» не мог постоянно разгоняться — он истратил бы бесценное горючее и потерял маневренность. Даже если бы космолету удалось оторваться от «Гравитации», он совершил бы самоубийство.

«Гравитация» несла больше топлива, но и у нее были ограничения: ей требовалось вернуться домой. Для этого запас топлива поделили на четыре равные части: для выхода из Солнечной системы, для разворота обратно, для разгона к Солнцу и для торможения. Поэтому на преследование могли потратить только четвертую часть горючего.

По расчетам предыдущего маневрирования «Синего космоса» и по сведениям, добытым софонами, «Гравитация» знала в точности, сколько топлива находится на преследуемом корабле, а «Синий космос» не знал, насколько велики запасы «Гравитации». В этой игре преследователь видел все карты жертвы, а та не видела ничего. Во время погони «Гравитация» все время двигалась быстрее, чем «Синий космос», но ни один из кораблей не выходил на максимальную скорость. Более того, через двадцать пять лет после начала преследования «Синий космос» прекратил разгон — возможно, он истратил все топливо, какое мог

позволить себе истратить.

На протяжении полувековой погони «Гравитация» неоднократно вызывала «Синий космос» по радио, объясняя, что бежать нет смысла. Даже если бы «Синий космос» каким-то чудом оторвался от охотников с Земли, «капли» догнали бы его и уничтожили. Но если беглецы вернутся на Землю, их ждет справедливый суд. Чем быстрее они сдадутся, тем скорее закончится преследование. «Синий космос», однако, на уговоры не поддавался.

Годом раньше, когда «Гравитацию» и «Синий космос» разделяли тридцать астрономических единиц, произошло не вполне неожиданное событие: «Гравитация» и две «капли» вошли в область пространства, в которой софоны утратили квантовую связь с домом. Связь с Землей в реальном времени прекратилась. Оставались нейтринная и радиосвязь. Теперь сообщения с корабля добирались до Земли год и три месяца; столько же требовалось, чтобы получить ответ.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Еще одно косвенное подтверждение существования «темного леса»:

закрытые для софонов области пространства

Незадолго до начала Эры Кризиса, когда Трисолярис отправил софоны на Землю, он вдобавок разослал шесть софонов на скоростях, близких к световой, в разные стороны для исследования Галактики.

Все шесть софонов вскоре достигли мертвых зон связи и утратили контакт с Трисолярисом. Один проник дальше всех, на семь световых лет. Позже отправили другие софоны, но их постигла та же судьба. Ближайшая мертвая зона находилась в 1,3 светового года от Земли. В нее-то и попали софоны, сопровождавшие «Гравитацию».

Если квантовая запутанность между софонами рвется, ее уже не восстановить. Софон, попавший в мертвую зону, потерян навсегда.

На Трисолярисе призадумались над помехами в квантовой связи. Природное это явление или же искусственное? Ученые на Земле и Трисолярисе склонялись к последнему.

Софоны беспрепятственно смогли исследовать только две близлежащие звезды. Ни жизни, ни цивилизации там не обнаружилось. На Трисолярисе и на Земле пришли к выводу, что софонам не создавали помех именно из-за отсутствия там жизни.

Таким образом, даже по прошествии многих

лет Эры Устрашения Вселенная оставалась скрытой от взгляда двух миров какой-то непонятной завесой. Существование закрытых областей косвенно доказывало, что Вселенная по своей сущности — темный лес. Что-то делало космос непрозрачным.

Эра Устрашения, год 62-й «Гравитация», окрестности облака Оорта

Потеря софонов не ставила под удар миссию «Гравитации», но делала ее намного сложнее. Раньше софоны в любой момент могли проникнуть на «Синий космос» и сообщить, что там происходит. Теперь же доступ на корабль беглецов был закрыт. Кроме того, «капли» утратили связь с Трисолярисом; теперь они находились под управлением встроенного искусственного интеллекта. Все это могло привести к непредсказуемым последствиям.

Капитан «Гравитации» решил, что ждать больше нельзя. Он приказал кораблю ускориться.

Когда «Гравитация» подошла ближе, «Синий космос» впервые обратился к охотникам с предложением: две трети экипажа «Синего космоса»

сядут в шлюпки и переправятся на «Гравитацию», одна треть останется на «Синем космосе» и продолжит полет в бесконечность. Первопроходцы сохранят в космосе семена человеческой цивилизации и станут примером для других исследователей.

«Гравитация» решительно отвергла это предложение. Весь экипаж «Синего космоса» подозревается в убийстве и предстанет перед судом. Космос изменил мятежников настолько, что они уже не принадлежат к человеческой расе. Ни при каких обстоятельствах им нельзя быть представителями землян во Вселенной.

По-видимому, «Синий космос» осознал бессмысленность сопротивления. Если бы за ними гнался только один земной космолет, тогда у них был бы шанс на победу в схватке. Но «капли» меняли расклад. Для них корабль-беглец был не более чем бумажной мишенью. Сбежать от «капель» не удастся. Когда дистанция между кораблями сократилась до 15 а. е., «Синий космос» передал, что сдается, и стал на полной мощности тормозить. Расстояние быстро уменьшалось; чувствовалось, что затянувшаяся погоня наконец завершилась.

Чтобы подготовить корабль к бою, весь экипаж «Гравитации» вывели из анабиоза. Некогда пу-

стынные отсеки и коридоры опять заполнились народом.

Разбуженные члены экипажа узнали, что цель совсем рядом и что связь с Землей в реальном времени потеряна. Утрата связи не сблизила их морально с командой «Синего космоса». Наоборот, словно ребенок, оторванный от родителей, экипаж «Гравитации» стал еще меньше доверять этим беспризорникам. Всем хотелось поскорее захватить «Синий космос» и повернуть домой. Оба корабля глубоко погрузились в холодную пучину космоса и летели в одну и ту же сторону с одинаковой скоростью, но путешествие каждого из них по своей сути разительно отличалось от другого. Духовно у «Гравитации» на Земле был якорь, а «Синий космос» несло волей судьбы.

* * *

Через 98 часов после пробуждения экипажа доктору Уэсту, психиатру «Гравитации», нанес визит первый пациент. К удивлению врача, им оказался коммандер Девон, один из наиболее психологически устойчивых людей на борту. Он руководил корабельным подразделением военной полиции; ему предстояло по завершении преследования разоружить «Синий космос»

и арестовать экипаж. Мужчины в команде «Гравитации» относились к последнему на Земле поколению, которое еще выглядело по-мужски, а Девон даже среди них выделялся брутальностью. Иногда его принимали за человека Общей Эры. Он часто высказывался за суровое отношение к подозреваемым и предлагал восстановить высшую меру наказания.

— Доктор, я знаю, что вы никому не расскажете, — осторожно начал Девон. Тон его слов разительно отличался от обычной для него грубой манеры речи. — Наверняка мои слова покажутся вам смешными…

— Коммандер, на работе я ни над кем не смеюсь.

— Вчера приблизительно в 436 950 по звездному времени я вышел из комнаты совещаний номер четыре и направился по семнадцатому коридору в свою каюту. Возле отдела разведки мимо меня прошел младший лейтенант… ну, по крайней мере, человек в форме младшего лейтенанта космических войск. В это время всем, кроме дежурных, положено спать. Оно, конечно, ничего особенного встретить в это время кого-нибудь в коридоре… Вот только… — Девон покачал головой и посмотрел вдаль, словно вспоминая сон.

— Что показалось вам неправильным?

— Мы прошли мимо друг друга. Он отдал мне честь, я глянул на него…

Девон снова замолчал. Доктор кивнул, предлагая продолжать.

— Это был… командующий подразделением десанта на «Синем космосе», лейтенант-коммандер Пак Ый-гун.

— Вы говорите о «Синем космосе», цели нашей погони? — Ровный тон Уэста не выдавал ни малейшего удивления.

Девон не ответил на этот вопрос.

— Доктор, вы знаете, что в мои обязанности входило слежение за обстановкой на «Синем космосе» в реальном времени через софоны. Я знаю их экипаж лучше, чем наш. Я отлично знаю, как выглядит лейтенант-коммандер Пак Ый-гун.

— Возможно, вы встретили кого-то из наших, похожего на него?

— Нет, у нас нет никого похожего — я знаком со всеми. Кроме того… он отдал мне честь и пошел себе дальше с каменной мордой. Я прямо остолбенел, а когда обернулся, в коридоре было пусто.

— Как давно вас вывели из гибернации?

— Три года назад. Мне нужно было следить за событиями на борту цели. Да и вообще я прова-

лялся в гибернации меньше, чем многие другие.

— В таком случае вы не спали, когда мы вошли в закрытый участок пространства.

— Не спал.

— А до того вы следили за происходящим на борту «Синего космоса» настолько пристально, что, наверное, чувствовали себя там, а не на «Гравитации».

— Да, доктор. Мне часто казалось именно так.

— Затем софоны вышли из строя, и вам стало не за чем наблюдать. Кроме того, вы утомились… Простейший случай, коммандер. Поверьте, вы в полном порядке. Просто отдохните. Теперь у нас достаточно людей.

— Доктор, я выжил в битве Судного дня. Когда мой корабль взорвался, я забился в спасательный контейнер размером не больше вашего стола и дрейфовал возле орбиты Нептуна. Когда меня подобрали, я уже умирал, но с мозгами у меня было все в порядке. Я никогда не страдал галлюцинациями. Я знаю, что! я видел. — Девон встал и направился к выходу. У двери обернулся: — Если снова встречу этого гада, неважно где, — убью на месте.

* * *

Чуть позже в оранжерее № 3 произошла поломка — порвалась углепластиковая трубка с питательным раствором. Она не находилась под высоким давлением, поэтому вероятность отказа считалась незначительной. Инженер биосферы Иванцов пробрался сквозь густые, как тропический лес, аэропонные заросли и увидел, что работники уже перекрыли вентиль и вытирают пролившуюся желтую питательную смесь.

Увидев пробитую трубку, Иванцов застыл на месте.

— Это… это же пробоина от микрометеорита!

Кто-то рассмеялся. Иванцов был опытным и знающим специалистом, не склонным откалывать подобные шуточки, и оттого его реплика показалась еще смешнее. Компоненты биосферы располагались в центре корабля. Оранжерея № 3 находилась в десятках метров от ближайшего сегмента внешней обшивки.

— Я проработал десять лет во внешнем обслуживании и знаю, как выглядит удар микрометеорита! Смотрите сами, вот типичные обгорелые края после высокотемпературной вспышки.

Иванцов внимательно пригляделся к внутрен-

ней стороне трубки, потом попросил техника сделать срез пробоины и поместил его под микроскоп. Как только на экране появилось увеличенное в тысячу раз изображение, все разговоры стихли. В стенке трубки обнаружились маленькие черные крошки диаметром всего несколько микрон; они недобро мерцали в ярких лучах света. Все знали, что это такое. Микрометеорит, очевидно, был около сотни микрон в диаметре. Пробив углепластик, он рассыпался в пыль, которая осела на противоположной стенке трубки.

Все как один задрали головы вверх.

Потолок над поврежденной трубкой выглядел ровным и без пробоин. Над потолком располагались десятки, а может быть, сотни переборок разной толщины, отделявших оранжерею от космоса. Получи любая из них пробоину — и раздался бы тревожный сигнал высокого приоритета.

Но микрометеорит должен был прилететь из космоса! Судя по поврежденной трубке, объект ударил с относительной скоростью тридцать километров в секунду. Внутри корабля, не говоря уж о помещении оранжереи, разогнать его до такой скорости невозможно.

— Ну прям наваждение какое-то, — пробурчал, уходя, младший лейтенант по имени Айк. Он

не случайно выбрал это слово. Десятью часами раньше его посетило другое наваждение, пострашнее.

* * *

Айк лежал на койке в своей каюте и пытался заснуть. Внезапно в стене перед койкой, там, где висел гавайский пейзаж, протаяло круглое отверстие диаметром около метра. Правда, многие переборки на корабле могут менять форму и создавать проходы где угодно, но образовать круглую дыру они не способны. Более того, у кают младших офицеров стены из сплошного металла, не поддающиеся управляемой деформации. Айк присмотрелся и обнаружил, что края отверстия идеально гладкие, можно даже сказать зеркальные.

Дыра в стене озадачивала, но Айк ей скорее обрадовался. В соседней каюте жила младший лейтенант Вера.

Веренская служила на «Гравитации» инженером систем искусственного интеллекта. Айк уже давно пытался привлечь внимание русской красотки, но та оставалась равнодушна. Айк припомнил последнюю попытку два дня назад.

Тогда он и Веренская сменились с вахты и, как

обычно, вместе направились в блок офицерских кают. Когда они подошли к каюте Веренской, Айк вознамерился войти внутрь, но девушка загородила дорогу.

— Ну что ты, солнышко, — сказал Айк. — Позволь мне зайти. Это даже не по-соседски, ты же меня ни разу не пригласила в гости. Подумают, что я не настоящий мужчина.

Веренская искоса взглянула на него:

— Настоящие мужчины на корабле беспокоятся о выполнении задания, а не о том, как бы залезть в трусы ко всем женщинам вокруг.

— Да о чем тут беспокоиться? Поймаем этих убийц, и дело в шляпе! Нас ждут веселые деньки!

— Они не убийцы! Если бы не Устрашение, «Синий космос» стал бы единственной надеждой человечества. А мы гонимся за ними сообща с врагами человеческой расы! И тебе не стыдно?

— Хм… ну, детка, если ты так считаешь… а почему тогда…

— Почему я здесь? Ты это хочешь сказать? Иди, доложи психиатру и капитану! Они засунут меня в гибернатор, а когда вернемся, вышибут из флота. Давай, жду не дождусь! — Веренская захлопнула дверь перед носом незадачливого

кавалера.

Зато теперь у Айка появился отличный повод войти в ее каюту. Он расстегнул страховочный пояс, привстал на койке, но замер, увидев, что в нижней половине круглого отверстия исчезла не только переборка, но и верх стоявшей возле стены тумбочки. Края того, что осталось от тумбочки, были такими же гладкими и зеркальными, как и края дыры. Казалось, будто невидимый нож прорезал и тумбочку, и ее содержимое, в том числе и аккуратно сложенную одежду. Зеркальные края разреза совпадали с краями отверстия, образуя сферическую поверхность.

Айк оттолкнулся от койки и всплыл в невесомости. Заглянул в дыру и чуть было не вскрикнул от ужаса. «Должно быть, я сплю и у меня кошмар!»

Исчезла также придвинутая к стене часть койки Веренской и нижняя половина ее ног. Разрез койки и тела был таким же гладким и зеркальным, словно покрытым пленкой ртути, но сквозь нее просвечивали мышцы и кости. Похоже, однако, что девушка не испытывала боли. Она крепко спала, тугие груди неспешно поднимались и опускались в такт дыханию. Обычно Айк только порадовался бы такой картине, но сейчас его охватил сверхъестественный ужас. Взяв себя в

руки и присмотревшись, он увидел, что проходящий по ногам разрез является частью той же сферы, что проделала отверстие в стене.

Перед ним находился пузырь пространства диаметром около метра, словно бы съедающий все на своем пути.

Айк дрожащей рукой схватил лежащий на прикроватной тумбочке скрипичный смычок и ткнул им в пузырь. Та часть, что оказалась внутри, исчезла, но волос остался туго натянутым. Он выдернул смычок и убедился, что с ним ничего не произошло. Тем не менее Айк похвалил себя, что не попытался пролезть в дыру. Кто знает, в каком виде он вылез бы с той стороны?

Айк заставил себя успокоиться и принялся искать наиболее рациональное объяснение развернувшейся перед ним картине. Пришел к решению, которое посчитал самым разумным: надел сонный обруч, лег в койку, пристегнул страховочный ремень и установил обруч на полчаса сна.

Через полчаса он проснулся. Пузырь оставался на том же месте.

Тогда Айк выставил обруч на один час. Когда он проснулся, исчезли и пузырь, и дыра в стене. Там висел пейзаж Гавайских островов. Все как

всегда.

Но Айк не мог избавиться от беспокойства за Веренскую. Он выскочил из каюты и подбежал к двери соседки. Вместо того чтобы нажать кнопку звонка, он заколотил по двери. Он представлял себе страшную картину, в которой умирающая Веренская лежит на койке с отрезанными ногами.

Дверь открылась не сразу. Полусонная девушка потребовала объяснений.

— Я хотел убедиться… что с тобой все в порядке. — Айк опустил глаза: из-под подола ночной рубашки высовывались красивые и совершенно целые ноги Веренской.

— Идиот! — Девушка захлопнула дверь.

Айк вернулся к себе в каюту и поставил сонный обруч на восемь часов. Что же до увиденного… Единственное мудрое решение — держать язык за зубами. «Гравитация» выполняла особое задание, поэтому за психологическим состоянием экипажа, особенно офицеров, тщательно следили. Из чуть более чем сотни членов экипажа двенадцать служили в отделе психологического контроля. Кое-кто даже подшучивал, что «Гравитация» не звездолет, а психиатрическая лечебница. А этот назойливый гражданский, психиатр Уэст, что

угодно объяснял психическими расстройствами, заболеваниями и блокадами. Он, наверное, поставит диагноз даже засорившемуся унитазу. К психическому здоровью экипажа предъявлялись высокие требования; при малейшем отклонении человека укладывали в гибернатор. Айк очень боялся пропустить встречу кораблей, которой суждено войти в историю, — ведь тогда через полвека, когда «Гравитация» вернется, девчонки не посмотрят на него, как на героя.

Но Айк почувствовал, что уже не так сильно ненавидит психологов и доктора Уэста. Младший лейтенант обычно считал, что они делают из мухи слона. Он даже представить себе не мог, что бывают настолько реалистичные галлюцинации.

* * *

По сравнению с относительно легким наваждением Айка встреча старшины Лю Сяомина со сверхъестественными силами была намного более зрелищной.

Лю проводил плановый внешний осмотр обшивки корабля. Для этого он вел небольшой челнок на определенном расстоянии от «Гравитации» и высматривал любые отклонения и

особенности — такие, например, как последствия метеоритных ударов. Это была давняя и уже устаревшая процедура, теперь не особенно необходимая и редко выполняемая. Современный корабль напичкан датчиками; они постоянно следят за состоянием обшивки и немедленно подадут сигнал о неполадке. Осмотр можно проводить только в полете по инерции, без ускорения или торможения. Когда «Гравитация» приблизилась к «Синему космосу», для корректировки траектории часто требовалось включать разгон или торможение. В тот день корабль шел по инерции, и старшине Лю приказали воспользоваться редким шансом.

Лю вывел челнок из ангара в середине корабля и аккуратно отвел подальше, чтобы видеть весь корабль. Обшивка сияла в свете звезд Галактики. При предыдущих осмотрах бо!льшая часть экипажа лежала в гибернации; теперь же многие иллюминаторы светились, и «Гравитация» выглядела еще более впечатляюще.

И тут Лю узрел нечто невероятное. У «Гравитации», этого идеального цилиндра, корма была сейчас срезана наискось! Кроме того, корабль оказался на 20 процентов короче, чем следует. Корму отсекло каким-то исполинским невиди-

мым ножом.

Лю зажмурился на несколько секунд. Корма обратно не отросла. Старшина похолодел. Плывущий перед ним корабль был единым целым. Если отрезать корму, то выйдут из строя системы энергопитания, и через несколько секунд космолет взорвется. Но ничего такого не происходило! Корабль парил в космосе как ни в чем не бывало. Никаких тревожных сигналов ни в наушниках, ни на экранах.

Лю нажал клавишу передатчика, собираясь доложить, но тут же отпустил, не сказав ни слова. Он вспомнил совет старого астронавта, участника битвы Судного дня: «Не доверяй интуиции в космосе. Если должен действовать по наитию, сперва посчитай до ста. Или хотя бы до десяти».

Лю закрыл глаза и начал считать. Дошел до десяти, открыл глаза. Кормы нет. Закрыл снова, продолжил счет. Часто задышал, но заставил себя успокоиться, как учили. Досчитал до тридцати, открыл глаза. Увидел всю «Гравитацию» целиком. Он прикрыл глаза, глубоко вздохнул и подождал, пока сердцебиение не уляжется.

Старшина направил челнок в сторону кормы, к трем огромным дюзам термоядерного двигателя. Двигатель не работал, реактор держали на

минимальной мощности, поэтому в дюзах лишь теплилось бледное красное свечение, напомнившее ему земные облака на закате солнца.

Старшина Лю был счастлив, что не потребовалось докладывать об увиденном. Офицеру предписали бы лечение; но младшего командира, такого как он, просто сунули бы в гибернатор, и дело с концом. Как и Айк, Лю Сяомин не хотел вернуться на Землю неудачником.

* * *

Доктор Уэст отправился к Гуань Ифаню — гражданскому ученому, работавшему в обсерватории на корме. Гуаня поселили в каюте в середине корабля, но он там редко появлялся, проводя почти все время в обсерватории и заказывая еду через роботов обслуживания. Экипаж прозвал его «отшельником на корме».

Обсерватория располагалась в крохотном сферическом отсеке — там Гуань и работал, и жил. Вечно растрепанный, небритый и длинноволосый, он, однако, выглядел еще довольно молодо. Уэст застал ученого парящим в центре отсека: взволнованный, вспотевший, с беспокойным взглядом, тот оттягивал рукой воротник, как будто ему не хватало воздуха.

— Я же сказал вам по телефону, что работаю! Некогда мне принимать гостей.

— Я именно потому и пришел, что по телефону уловил в вашей речи признаки психической нестабильности.

— Я не служу во флоте. Пока я не опасен для корабля или экипажа, вы мне не указ.

— Хорошо. Я уйду. — Уэст повернулся к выходу. — Просто не верю, что кто-то, страдающий клаустрофобией, может здесь спокойно работать.

Гуань окликнул доктора, но тот его проигнорировал. Тогда, как Уэст и ожидал, Гуань догнал его и остановил.

— Но как вы догадались? У меня действительно… клаустрофобия. Чудится, что меня запихнули в узкую трубу… а иногда что зажали между двумя железными пластинами и давят, давят, пока не раздавят в лепешку…

— Не удивляюсь. Посмотрите вокруг. — Доктор обвел рукой крохотное пространство, забитое переплетением кабелей и труб. — Вы исследуете величайшие объекты во Вселенной, а сами сидите в тесной норе. И как давно вы здесь? Вы не ложились в гибернацию уже четыре года, если не ошибаюсь?

— Я не жалуюсь. Задача «Гравитации» — догнать беглецов и передать их в руки правосудия, а не вести научные исследования. Хорошо, что для меня хоть столько места нашлось… Послушайте, причина моей клаустрофобии совсем в другом.

— А не прогуляться ли нам по главному плацу? Вам станет легче.

Доктор подхватил Гуань Ифаня за руку, и они поплыли к носу корабля. Если бы «Гравитация» разгонялась, путешествие от кормы до носа означало бы подъем из колодца глубиной в один километр. Но при дрейфе, в невесомости, это сделать куда проще. Плац располагался на носу корабля-цилиндра, под полукруглым прозрачным колпаком. Здесь казалось, что стоишь в космосе. По сравнению со сферическими каютами с их голограммами звездного неба на стенах в этом месте «эффект дематериализации» проявлялся с особой силой.

«Эффект дематериализации» — это термин космической психологии, того ее раздела, который занимается изучением психики астронавтов. На Земле людей окружают предметы, и потому подсознание принимает мир как материальный, овеществленный. Но в глубоком космосе, вдали от Земли, звезды всего лишь далекие яркие точ-

ки, а Галактика — фосфоресцирующий туман. И чувствам, и разуму кажется, что мир потерял вещественность, а на первый план вышла пустота. В подсознании космического путешественника мир утрачивает материальность. Эта когнитивная модель легла в основу космической психологии. Разум воспринимает корабль как единственный реальный предмет во Вселенной. На досветовой скорости движение корабля незаметно, и Вселенная становится одним бескрайним, пустым выставочным залом. Звезды в нем лишь иллюзия, а экспонат только один — корабль. У человека возникает чувство глубокого одиночества, а оно, в свою очередь, может вызвать у путешественника подсознательное заблуждение, что он является «сверхнаблюдателем» по отношению к одинокому «экспонату». Астронавт чувствует себя полностью обнаженным и незащищенным, что влечет за собой пассивность и страх.

Это беспредельно разомкнутое пространство порождало множество психологических осложнений при полете в глубоком космосе. Весь профессиональный опыт Уэста говорил, что клаустрофобия Гуань Ифаня — это явление редчайшее. И еще необычнее тот факт, что ученому

не помогло бесконечное, открытое небо плаца. Беспокойство и тревога нисколько не ослабли. Похоже, Гуань прав — его состояние вызвано не теснотой в обсерватории. Этот случай интересовал Уэста все больше и больше.

— Вам лучше?

— Нет, нисколько. Кажется, что я в ловушке. Здесь все так… закупорено!

Гуань бросил взгляд на звездное небо, а потом стал смотреть прямо по курсу «Гравитации». Доктор знал, что ученый пытается увидеть «Синий космос». Корабли летели по инерции с почти одинаковой скоростью, их разделяла всего лишь сотня тысяч километров — то есть, по меркам космоса, один чуть ли не наступал на пятки другому. Командование обоих кораблей договаривалось о технических деталях стыковки. «Синий космос», однако, находился слишком далеко для наблюдения невооруженным глазом. «Капли» тоже оставались невидимыми: по заключенному пятьдесят лет назад соглашению они отошли на расстояние трехсот тысяч километров от «Гравитации» и «Синего космоса». Два корабля и «капли» образовали узкий равнобедренный треугольник.

Гуань Ифань посмотрел на Уэста.

— Прошлой ночью мне приснился сон. Я оказался где-то, в каком-то *по-настоящему* открытом пространстве, открытом настолько, что вы даже представить себе не можете. А когда проснулся, мир вокруг показался до того замкнутым, до того ограниченным… Вот так я и заработал клаустрофобию. Представьте, что с самого рождения вы были заперты в маленьком ящичке. Вас это не волновало бы — вы всегда так жили. А потом вас выпустили — и засунули обратно. Вот тогда вы почувствовали бы разницу.

— Расскажите подробнее о пространстве, которое вы видели.

Гуань загадочно улыбнулся:

— Расскажу другим ученым на корабле, может быть, даже ученым на «Синем космосе». Но не вам. Ничего не держу лично против вас, доктор, но не выношу типичного для вашей профессии подхода: если уж вы посчитали кого-то психически неустойчивым, то все, что бы он ни сказал, будет объявлено бредом больного воображения.

— Но вы же сами сказали, что это был сон.

Гуань покачал головой, стараясь вспомнить.

— Я не уверен, что это был сон. Не знаю, спал я тогда или нет. Порой вам кажется, что просыпаетесь, а на самом деле все еще видите сон. А иногда

вы бодрствуете, но кажется, что спите.

— Последнее случается крайне редко. Если вам довелось испытать такое, то почти наверняка это признак какого-то душевного расстройства. Ох, извините, я опять раздражаю вас.

— Нет, нет. Полагаю, мы с вами похожи. У нас обоих есть объекты наблюдения. Вы изучаете помешанных, я изучаю Вселенную. Так же как и у вас, у меня есть критерии, по которым я сужу о «здоровом» виде объектов: гармония и красота — в математическом смысле, конечно.

— Разумеется, с *вашими* объектами наблюдений все в полном порядке.

— Ну-у, тут вы ошибаетесь, доктор. — Гуань указал на сияющий Млечный Путь, не отрывая глаз от Уэста. Он словно указывал психологу на какого-то монстра, внезапно выскочившего из ниоткуда. — Вот там находится пациент, возможно, здоровый психически, но телом — паралитик.

— Как так?

Гуань сначала поджал ноги, а потом обнял себя за колени и стал медленно вращаться в невесомости. Великолепный Млечный Путь закрутился вокруг него, а он сам стал центром Вселенной.

— Из-за скорости света. Известная нам Вселен-

ная имеет диаметр шестнадцать миллиардов световых лет и продолжает расширяться. Но скорость света ограничена тремястами тысячами километров в секунду — это же скорость улитки! Это значит, что свет никогда не дойдет от одного края Вселенной до другого. Раз ничто не может двигаться быстрее света, то и никакая информация, никакие силы с одного края Вселенной не дойдут до другого. Если бы Вселенная была живым существом, его нервная система не могла бы управлять всем телом; мозг не знал бы, что существуют руки и ноги, а те не знали бы, что есть мозг. Чем не паралитик? Впрочем, у меня перед глазами стоит образ намного хуже: раздувающийся труп.

— Любопытно, доктор Гуань, весьма любопытно!

— Кроме скорости света, трех сотен тысяч километров в секунду, есть и другой симптом, тоже связанный с цифрой три.

— Что вы имеете в виду?

— Трехмерное пространство. В теории струн Вселенная десятимерна, если не учитывать время. Но в макроскопическом масштабе существуют только три измерения; именно они формируют наш мир. Все прочие свернулись на

квантовом уровне.

— Вроде бы теория струн дает этому объяснение.

— Кое-кто утверждает, что, когда две струны пересекаются, какие-то из их свойств компенсируют друг друга, и измерения разворачиваются в макромире. И что размерности выше трех никогда не встретятся… Это объяснение мне не очень-то нравится, не ощущается математически красивым. Как я и сказал, мы наблюдаем во Вселенной синдром трех и трехсот тысяч.

— И что же, по-вашему, является причиной?

Гуань оглушительно расхохотался и обнял доктора за плечи.

— Отличный вопрос! Не каждый бы до него додумался. Наверняка причина имеется; она может оказаться самой ужасной правдой, которую наука способна раскрыть. Но… Доктор, кто я, по-вашему? Просто ничтожный наблюдатель, скорчившийся в каморке где-то в хвосте корабля, да к тому же всего-то младший научный сотрудник.

Он убрал руку с плеча доктора, повернулся к Галактике и глубоко вздохнул.

— Я пролежал в гибернации больше всех на корабле. Когда мы покинули Землю, мне было

двадцать шесть. А сейчас тридцать один. Но в моих глазах Вселенная превратилась из источника красоты и веры в раздувающийся, распухающий труп. Я чувствую себя стариком. Меня больше не тянет к звездам. Я хочу домой.

В отличие от Гуань Ифаня Уэст почти весь полет не ложился в холодный сон. Он всегда верил, что врач-психиатр должен обуздывать собственные эмоции. Но сейчас что-то беспокоило его душу; он вспомнил полвека, проведенные в пути, и на глаза его навернулись слезы.

— Мой друг, я ведь тоже старик.

И будто в ответ на эти слова завыли сирены боевой тревоги, будто завопили разом все звезды в небе. По плавающим окошкам, вспыхнувшим повсюду на плацу, побежали строчки предупреждений. Окна загорались одно поверх другого и вскоре затмили многоцветным облаком весь Млечный Путь.

— «Капли» атакуют! — сообщил Уэст ничего не понимающему Гуань Ифаню. — Обе разгоняются. Одна нацелилась на «Синий космос», другая — на нас.

Гуань инстинктивно оглянулся, подыскивая что-нибудь, за что можно уцепиться, если на корабле включат двигатель. Но вокруг ничего не

было. Тогда он ухватился за доктора.

Уэст перехватил его руки:

— На уклонение нет времени. Осталось лишь несколько секунд.

После мимолетной паники оба почувствовали неожиданное облегчение. Хорошо, что смерть настанет так быстро, что даже некогда испугаться. Возможно, беседа о Вселенной — лучшая подготовка к уходу в мир иной.

Обоим пришла в голову одна и та же мысль, но Гуань высказал ее первым:

— Похоже, нам больше не придется беспокоиться о своих пациентах!

Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17
Центр Устрашения

Скоростной лифт продолжал опускаться; Чэн Синь казалось, что земля над головой давит всей своей тяжестью прямо ей на сердце.

Полгода назад совместная сессия ООН и Флота Солнечной системы избрала Чэн Синь преемницей Ло Цзи на посту Держателя Меча. Ей дали коды доступа к гравитационным передатчикам системы устрашения. За Чэн Синь проголосовало

вдвое больше делегатов, чем за кандидата, занявшего второе место. Она теперь ехала в Центр Устрашения, расположенный в пустыне Гоби. Там пройдет церемония передачи должности.

Центр Устрашения располагался на самой большой глубине, когда-либо достигнутой человечеством — сорок пять километров ниже поверхности, за пределами земной коры, в мантии Земли. Температура и давление были здесь намного выше, чем в коре. Порода за стенами — твердый, плотный перидотит[147].

Лифт опускался почти двадцать минут. Чэн Синь вышла из кабины и оказалась перед черной стальной дверью с белым текстом официального названия: Абсолют-центр управления системы всеобщего гравитационного вещания. Тут же красовались эмблемы ООН и Флота Солнечной системы.

Это была чрезвычайно сложная, сверхглубокая постройка. Замкнутая система вентиляции не соединялась напрямую с атмосферой на поверхности, иначе колонна воздуха высотой в сорок

---

[147] Примечания: 147

Перидотиты — общее название семейства ультраосновных плутонических горных пород нормально-щелочного ряда, в составе которых преобладают оливин и пироксен (https://ru.wikipedia.org/wiki/Перидотит). — *Прим. перев.*

пять километров не позволит персоналу нормально дышать. Строение также имело мощную систему охлаждения, рассчитанную на работу внутри нагретой до пятисот градусов мантии.

Но Чэн Синь не видела ничего, кроме пустоты. Стены вестибюля, похоже, могли выступать в роли информационных окон, но сейчас они стояли безжизненно белые, словно здание еще не передали в эксплуатацию. Полвека назад, когда началась работа над проектом Центра Устрашения, спросили совета у Ло Цзи, но он сказал лишь: «Сделайте просто, как в могиле».

Церемония передачи полномочий — торжественное мероприятие, но основная его часть прошла сорока пятью километрами выше, на поверхности. Собравшиеся там руководители Земного Конгресса и Конгресса Флотов наблюдали, как Чэн Синь входит в кабину лифта. За финалом процедуры приглядят лишь два человека: председатель СОП и начальник штаба Флота Солнечной системы — представители двух организаций, напрямую связанных с системой устрашения.

Председатель СОП указал на пустынный вестибюль и объяснил Чэн Синь, что они обставят его, как она пожелает. Если захочет, то здесь будет лу-

жайка, кусты, фонтан и так далее. Можно также разместить голограммы земных пейзажей.

— Нам не хочется, чтобы вы жили, как он, — произнес начальник штаба. Может быть, повлияла его военная форма, но Чэн Синь почуяла в нем что-то от мужчин прошлого, и у нее на сердце слегка потеплело. Но это не сняло тяжесть с души — все зависшие над головой сорок пять километров горных пород продолжали давить на нее.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ДИЛЕММА ДЕРЖАТЕЛЯ МЕЧА: ДЕСЯТЬ МИНУТ ОТ БЫТИЯ ДО ИСТРЕБЛЕНИЯ

Самая первая система устрашения «темным лесом» состояла из трех с лишним тысяч ядерных бомб внутри капсул с маслянистым веществом, выведенных на орбиту вокруг Солнца. Если бомбу взорвать, образуются пылевые облака, солнечный свет станет периодически меркнуть и таким образом передаст во Вселенную координаты Трисоляриса. Конструкция грандиозная, но ненадежная. Как только «капли» перестали глушить Солнце, в дополнение к бомбам развернули передатчики, использующие звезду в качестве антенны.

И та, и другая система использовали в качестве агента передачи информации электромагнитное излучение, в том числе и видимый свет. Сегодня мы знаем, что это самый примитивный способ межзвездной связи, немногим отличающийся от дымовых сигналов. Радиоволны быстро ослабевают и искажаются, поэтому дистанция устойчивой связи невелика.

Когда создавали систему устрашения, человечество уже владело азами гравитационно-волновой и нейтринной технологии, но передавать модулированные сообщения не умело. Именно эту технологию первым делом потребовали у Трисоляриса. По сравнению с квантовой связью эти способы передачи сообщений тоже считались примитивными, поскольку они ограничиваются скоростью света. Но даже они намного лучше, чем радиоволны.

И нейтринные пучки, и гравитационные волны рассеиваются сравнительно медленно, поэтому позволяют вести вещание на дальние расстояния. Нейтрино, в частности, практически ни с чем не взаимодействует. Теоретически поток нейтрино может передать сообщение хоть на другой конец Вселенной, искажения сигнала не повлияют на расшифровку информации. Однако

пучок нейтрино необходимо сфокусировать в каком-то одном направлении, а гравитационные волны распространяются во все стороны. Поэтому грависвязь стала основным способом передачи в системе устрашения «темным лесом».

В основе гравитационного передатчика лежит вибрация длинной струны, изготовленной из чрезвычайно плотного вещества. Идеальная антенна состояла бы из цепочки «черных дыр». Но такое не по силам даже Трисолярису. Землянам пришлось создавать струны из плотного вырожденного вещества. Струна диаметром в нанометр была очень тяжелой, но занимала ничтожную часть объема громадной антенны. Остальные детали требовались для удержания струны и защиты от внешних воздействий. Сама антенна весила не так уж много.

В природе вырожденное вещество наподобие того, что использовалось в струнах, имеется в белых карликах и нейтронных звездах. В обычных условиях подобная материя постепенно распадается и становится обыкновенным веществом. Время полураспада изготовленных людьми струн составляло около пятидесяти лет, затем антенна теряла эффективность. Раз в полвека антенны следовало заменять на новые.

В самом начале программы Устрашения основной стратегической задачей стало обеспечение надежности системы. Намеревались построить сотню вещательных станций, разбросанных по всем континентам. Но у грависвязи есть недостаток: невозможно создать малогабаритную аппаратуру. Сложные гравитационные антенны стоили огромных денег; в конце концов построили только двадцать три передатчика. Но планы свернули по другой причине.

За годы Эры Устрашения ОЗТ постепенно исчезла, зато возникли экстремистские организации иного типа. Их приверженцы верили в превосходство человеческой расы и призывали к уничтожению Трисоляриса. Крупнейшей среди них была группировка «Сыны Земли». На шестом году Эры Устрашения более трехсот боевиков напали на станцию гравипередачи в Антарктиде, чтобы захватить передатчик. В их распоряжении оказалось новейшее оружие, такое как миниатюрные инфразвуковые ядерные бомбы. Изнутри им помогали диверсанты, заранее пробравшиеся на объект. Экстремисты чуть было не добились успеха. Если бы войска, обороняющие станцию, вовремя не уничтожили антенну, произошла бы катастрофа.

Инцидент потряс оба мира. Люди начали понимать, насколько опасны гравитационные передатчики. В то же время Трисолярис потребовал установить жесткий контроль над технологией грависвязи и сократить число станций с двадцати трех до четырех. Три из них находились на Земле — в Азии, Северной Америке и Европе. Четвертая располагалась на космическом корабле «Гравитация».

Все передатчики работали по принципу «положительного управления»[148]. Технология «мертвой руки», применявшаяся в кольце бомб вокруг Солнца, уже не требовалась. Ло Цзи положил начало Устрашению в одиночку, но теперь, если Держатель Меча погибнет, на его место встанут другие.

Изначально предполагалось, что огромные гравитационные антенны построят на поверхности планеты. Но технология не стояла на месте, и в 12-м году Эры Устрашения все три наземные антенны и обслуживающие их комплексы перенесли глубоко под землю. Все, однако, понимали, что эта мера защищает в основном от

---

[148] Примечания: 148

При положительном управлении система срабатывает, когда поступает сигнал. При отрицательном управлении (например, в «мертвой руке») система срабатывает, когда сигнал пропадает. — *Прим. перев.*

террористов, но не способна остановить атаку Трисоляриса. Для укрепленных сильным взаимодействием «капель» десятки километров горных пород будут словно вода. В самом лучшем случае земная кора их немного замедлит.

Когда Земля начала Устрашение, трисолярианский флот отвернул в сторону. Наблюдения подтвердили смену курса. Когда эта угроза отпала, большинство заинтересовалось местонахождением десяти «капель», уже достигших Солнечной системы. Трисолярис настаивал, что четыре «капли» должны остаться в системе на случай, если экстремисты захватят один из гравитационных передатчиков. Тогда Трисолярис примет меры к спасению обеих планет. Земля неохотно согласилась, но потребовала, чтобы «капли» заняли позиции за пределами пояса Койпера. Более того, к каждому трисолярианскому зонду приставили наблюдателя — космический аппарат землян, постоянно докладывавший о действиях «капли». Таким образом, если зонды нападут, Земля узнает об этом за пятьдесят часов. Из четырех «капель» две вместе с «Гравитацией» отправились преследовать «Синий космос», а две другие остались недалеко от пояса Койпера.

Никто не знал, где находятся остальные шесть

«капель».

Трисолярис утверждал, что они покинули Солнечную систему и отправились догонять трисолярианский флот. Никто на Земле этому не верил.

Трисоляриане уже не были существами с прозрачным разумом. За последние два века они изучили множество стратегических приемов, научились лгать, хитрить и прибегать к уловкам. Наверное, это было их самым ценным приобретением за все годы изучения земной культуры.

Большинство людей не сомневалось, что шесть «капель» скрываются где-то в Солнечной системе. Но они настолько маленькие, быстрые и невидимые для радара, что распознать их очень трудно. Даже если воспользоваться облаками из масляной пленки или какой-нибудь другой современной системой обнаружения, «капли» удастся засечь только на расстоянии одной десятой астрономической единицы, то есть 15 млн км. За пределами этой сферы «капли» могли перемещаться незамеченными.

На максимальной скорости «капля» пролетит 15 миллионов километров за десять минут.

Если устрашение «темным лесом» потерпит неудачу, то десять минут — это весь временной

ресурс, отведенный Держателю Меча для принятия решения.

Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17
Центр Устрашения

Тяжелая, толщиной в метр, стальная дверь открылась с глухим рокотом. Чэн Синь и сопровождающие вошли в самое сердце системы устрашения «темным лесом».

И снова открытое, пустое пространство. Чэн Синь стояла в полукруглом зале. Изогнутая дальняя стена слегка просвечивала, как лед; пол и потолок — чистейшая белизна. Девушке сперва показалось, что она стоит перед пустым оком без зрачка, источающим чувство одиночества и утраты.

Потом она заметила Ло Цзи.

Держатель Меча сидел на полу, скрестив ноги, в середине белого зала, лицом к изогнутой стене. Его аккуратно расчесанные длинные волосы и борода, тоже белые, сливались со стеной. Резким контрастом на фоне белого окружения выделял-

ся его черный чжуншаньский[149] костюм. Он сидел застывшей перевернутой буквой «Т», как одинокий якорь на берегу, неподвластный ревущему над головой урагану времени и бушующим волнам эпох, стойко дожидающийся корабля, которому не суждено вернуться. В правой руке Ло Цзи держал, словно эфес меча, узкую красную пластинку — пульт гравитационного передатчика. Присутствие Ло Цзи наделяло белое око зрачком. Пускай он и был всего лишь черной точкой, но он придавал пустоте душу, изгонял тоску и уныние. Глаз самого Держателя Меча, отвернувшегося лицом к стене, вошедшие не видели, а он не отреагировал на гостей.

Рассказывали, что мастер Бато, основатель монастыря Шаолинь, провел десять лет в медитации перед стеной, пока его тень не отпечаталась на камне. Если это правда, то тень Ло Цзи запечатлелась здесь уже пять раз.

Председатель СОП придержал Чэн Синь и начальника штаба.

---

[149] Примечания: 149

Стиль, известный на Западе как «костюм Мао». Здесь дается дословный перевод, чтобы избежать непреднамеренных ассоциаций. Сунь Чжуншань (или Сунь Ятсен) был основателем Китайской Республики, государства-предшественника материковой Китайской Народной Республики. — *Прим. К. Л.* Вот почему этот костюм до сих пор популярен (http://www.bbc.com/russian/society/2015/11/151118_vert_cul_why_mao_ suit_endures). — *Прим. перев.*

— До передачи полномочий еще десять минут, — прошептал он.

Ло Цзи непоколебимо стоял на посту последние десять минут своего пятидесятичетырехлетнего служения.

В начале Эры Устрашения Ло Цзи довелось немного пожить счастливо. Он воссоединился с женой, Чжуан Янь, и дочкой, Сяся, и вновь узнал радость жизни. Но через два года Чжуан Янь покинула его вместе с дочерью. Ходило множество слухов. По одной из распространенных версий Ло Цзи оставался спасителем в глазах народа, но для родных он выглядел иначе. Постепенно Чжуан Янь якобы осознала, что живет с человеком, уничтожившим один мир и держащим в руках судьбу двух других, с каким-то монстром, который внушает ей страх. Поэтому она взяла ребенка и ушла. А по другой версии Ло Цзи сам оставил жену и дочь, чтобы они могли нормально жить. Никто не знал, куда направились Чжуан Янь и Сяся. Скорее всего, они до сих пор живут где-то обычной, безмятежной жизнью.

Семья Ло Цзи распалась как раз в то время, когда передатчики грависвязи пришли на смену кольцу бомб вокруг Солнца. С тех пор Ло Цзи бессменно оставался на посту Держателя Меча.

На этом космическом поле боя Ло Цзи не нуждался в причудливых, почти танцевальных движениях китайской школы фехтования. Ни к чему и размашистые приемы европейских школ, пригодные лишь для демонстрации искусства бойца. Стиль Держателя — *кэндзюцу*, японская школа. Бой в японском стиле обычно длился не дольше двух секунд. Один удар, звон мечей — и противник на земле, в луже крови. Но до этого воины долго, порой до десяти минут, недвижимо смотрели друг на друга. В этой битве они держали оружие не руками, а сердцем. Меч-сердце, превратившийся во взгляд, насквозь пробивал душу врага. Победитель определялся именно в этой схватке. В зависшей между бойцами тишине лезвия духовных мечей отражали атаки и беззвучными вспышками молний наносили удары. Исход боя — победа или поражение, жизнь или смерть — решался еще до первого взмаха меча.

Ло Цзи неотрывно смотрел в белую стену, но взор его был обращен к миру, отстоящему отсюда на четыре световых года. Он знал, что софоны показывают его глаза врагу. Во взоре Держателя Меча светились и стужа преисподней, и тяжесть тверди над головой, и готовность пожертвовать всем. Под этим взором у противника трепетало

сердце, и он был вынужден снова и снова отказываться от необдуманного поступка.

Но в любой схватке фехтование взглядами рано или поздно заканчивается, и наступает момент истины. Возможно, Ло Цзи, один из воинов в этом вселенском противостоянии, так и не увидит, когда меч взлетит в первый и последний раз.

А может быть, это случится через секунду.

Вот так Ло Цзи и Трисолярис глядели друг на друга на протяжении пятидесяти четырех лет. Ло Цзи из легкомысленного, безответственного шалопая превратился в подлинного Отвернувшегося, более полувека смотревшего в свою стену. Защитник земной цивилизации в любой момент был готов нанести смертельный удар.

За все эти годы Ло Цзи не вымолвил ни единого слова. Известно, что если человек хранит молчание десять-пятнадцать лет, то он утрачивает способность говорить. Он, вероятно, понимает речь, но произносить слова не в состоянии. Ло Цзи определенно больше не умел разговаривать; все, что он хотел сказать, он выражал во взгляде, устремленном в стену. Он перековал себя в машину устрашения, в мину, готовую взорваться в любой момент полувековой службы, тем самым поддерживая неустойчивый баланс страха между

двумя мирами.

Торжественный голос председателя СОП прервал тишину:

— Пришло время передать доступ к системе широковещательных гравитационных передатчиков.

Ло Цзи даже не шевельнулся. Начальник штаба подошел поближе, намереваясь помочь ему встать, но Ло Цзи поднял руку, останавливая его. Чэн Синь заметила, насколько сильным и энергичным получился этот жест, без ожидаемой от столетнего старца нерешительности. Затем Ло Цзи самостоятельно поднялся и замер в ожидании. Чэн Синь удивилась, что Держатель даже не оттолкнулся от пола руками, а просто распрямил скрещенные ноги. Не каждый молодой на такое способен!

— Господин Ло, вот ваш преемник, Чэн Синь. Передайте ей, пожалуйста, пульт управления.

Ло Цзи, высокий, не сгорбившийся под тяжестью лет, на несколько секунд обернулся к белой стене, на которую смотрел более полувека, и слегка поклонился.

Он отдавал почести врагу. Они столько лет неотрывно взирали друг на друга сквозь пропасть глубиной в четыре световых года, что судьба

связала их воедино.

Затем он повернулся к Чэн Синь. Старый и новый Держатели Меча молча стояли друг перед другом. Их глаза встретились лишь на мгновение, но девушка почувствовала, как яркий луч света озарил черноту ночи в ее душе. Под взглядом Ло Цзи она ощутила себя легкой, тонкой, как лист бумаги, даже прозрачной. Она и представить не могла, какой степени просветления достиг стоящий перед ней пожилой мужчина, глядя в стену на протяжении пятидесяти четырех лет. Ей показалось, что мысли Ло Цзи оседают, материализуются, становятся то такими же тяжелыми, как толща камня над головой, то невесомыми, как голубое небо еще выше. Она не знала и не могла знать, что происходит с этим человеком, пока сама не повторит его путь. Девушка не могла прочесть во взгляде Держателя ничего, кроме бездонной глубины.

Обеими руками Ло Цзи передал ей пульт управления. Обеими руками Чэн Синь приняла самый тяжелый предмет во всей истории Земли. Точка опоры, на которой балансировали качели двух миров, перешла от столетнего мужчины к двадцатидевятилетней женщине.

Пульт еще хранил тепло рук Ло Цзи. Он и в

самом деле напоминал рукоятку меча. На нем располагались четыре кнопки: три сбоку, одна на конце. Чтобы не активировать систему случайно, кнопки были тугими, и их надо было нажимать в определенном порядке.

Ло Цзи сделал два шага назад и кивнул стоящим перед ним. Затем уверенным, ровным шагом направился к двери.

Чэн Синь отметила, что за все время никто не поблагодарил Ло Цзи за пятьдесят четыре года его службы. Она не знала, собирались ли председатель СОП или начальник штаба сказать что-нибудь, но когда они готовились к церемонии, никакие благодарности уходящему Держателю Меча не планировались.

Человечество не ощущало признательности перед Ло Цзи.

В вестибюле старика остановили несколько мужчин в черных костюмах. Один из них сообщил:

— Господин Ло, от лица прокурора Международного трибунала мы извещаем, что вы обвиняетесь в предполагаемом мундициде. Вы арестованы, и по делу будет начато следствие.

Ло Цзи даже не взглянул на них и продолжил шагать к лифту. Помощники прокурора инстинк-

тивно расступились. Наверное, Ло Цзи их вообще не заметил. Яркий огонь в его глазах сменился спокойствием заката. Он завершил свою трехсотлетнюю миссию и передал груз ответственности на плечи других. С этого момента, даже если феминизированное человечество и воспринимало его как дьявола и чудовище, оно будет вынуждено признать, что он добился неслыханной за всю человеческую историю победы.

Стальная дверь оставалась открытой, и до Чэн Синь доносились сказанные в вестибюле слова. Ей вдруг захотелось подбежать к Ло Цзи и поблагодарить, но она справилась с собой и подавленно следила, как недавний Держатель Меча входит в кабину лифта.

Председатель СОП и начальник штаба, не сказав ни слова, покинули помещение.

С гулким рокотом стальная дверь дрогнула и стала закрываться. Чэн Синь ощутила, как вся ее предшествующая жизнь вытекает сквозь сужающуюся щель, словно вода из воронки. Когда дверь полностью закрылась, родилась новая Чэн Синь.

Она посмотрела на красный пульт в руке. Он уже стал частью ее самой. С этой минуты она и этот прибор неразлучны. Даже во сне она обязана держать его возле подушки.

В белом полукруглом зале воцарилась полнейшая тишина, словно здесь запечатано и стало недвижимым само время. Комната и в самом деле была похожа на склеп. Но теперь здесь заключен весь мир Чэн Синь. Она решила, что обязана как-то оживить помещение. Ей не хотелось становиться такой, как Ло Цзи. Она ведь не воин, не фехтовальщик — она простая женщина, и ей предстоит жить здесь очень долго — может, десятилетие, а может, и полвека. Действительно, Чэн Синь всю жизнь готовилась выполнить это поручение. Сейчас, стоя в самом начале долгого пути, она была спокойна.

Но судьба распорядилась иначе. Ее карьера на посту Держателя Меча, карьера, к которой она готовилась с самого рождения, завершилась всего через пятнадцать минут после того, как она взяла в руки «красную кнопку».

Последние десять минут Эры Устрашения:
год 62-й, 28 ноября, с 16:17:34 до 16:27:58
Центр Устрашения

Бесцветные стены вспыхнули кроваво-крас-

ным, словно адский жар магмы прожег себе дорогу внутрь. Тревога наивысшего уровня! На багровом фоне засветились белые буквы, каждая — крик ужаса:

Нападение зондов сильного взаимодействия.

Общее количество: 6.

Один идет курсом на точку Лагранжа L1 между Землей и Солнцем.

Пять других движутся к Земле строем 1-2-2.

Скорость: 25 000 км/с. До столкновения с поверхностью 10 минут.

Рядом с Чэн Синь всплыли пять цифр, светившихся зеленым. Это были голографические кнопки. Если нажать любую из них, раскроется новое окно со всей доступной информацией, собранной системой раннего предупреждения, следящей за космосом в радиусе 15 миллионов километров от Земли. Эти данные проверили в штабе Флота Солнечной системы и передали Держателю Меча.

Впоследствии земляне узнают, что шесть «капель» скрывались как раз за границей зоны обнаружения, чуть дальше 15 миллионов километров. Три из них использовали солнечные помехи в качестве прикрытия; остальные притворялись космическим мусором. Бол! ьшую часть этого

мусора составляли отработанные топливные кассеты самых первых термоядерных реакторов. Но даже если бы «капли» не маскировались, их все равно не стали бы искать так близко — люди полагали, что они затаились намного дальше, в поясе астероидов.

Грозовой разряд, которого Ло Цзи дожидался полвека, ударил в Чэн Синь через пять минут после ухода прежнего Держателя.

Чэн Синь не стала нажимать голографические кнопки. Все ясно и так.

Она мгновенно осознала всю глубину своего просчета. Та миссия Держателя Меча, которую она лелеяла в подсознании, никогда не имела ничего общего с реальностью. Разумеется, у Чэн Синь был план на случай наихудшего развития событий — или, по крайней мере, она старалась, чтобы такой план составили. Специалисты СОП и флота объяснили ей, как работает система устрашения, и она разбирала с военными самые разные ситуации. Она воображала сценарии даже хуже случившегося.

Но в то же время она совершила непоправимую ошибку — ошибку, о которой не догадывалась, да и не могла догадываться. Однако именно в расчете на эту ошибку ее и сделали следующим

Держателем.

Подсознательно она никогда не верила, что разворачивающиеся сейчас события вообще возможны.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 14 млн км.

До ближайшего 13,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 9 минут.

Подсознание Чэн Синь видело ее защитницей, не разрушительницей. Она женщина, а не воин. Она хотела пожертвовать остатком своей жизни ради поддержания равновесия между мирами, пока Земля не окрепнет, осваивая трисолярианскую науку, пока Трисолярис не воспитается, впитывая земную культуру, пока однажды некий голос не скажет ей: «Отложи свой красный пульт, поднимайся на поверхность. Мир больше не нуждается ни в устрашении, ни в Держателе Меча».

Чэн Синь, в отличие от Ло Цзи, не воспринимала противостояние Держателя с далеким миром как вопрос жизни и смерти. Ей оно представлялось чем-то вроде игры в шахматы. Она, Чэн Синь, будет спокойно сидеть перед доской, продумывать дебюты, предугадывать атаки противника и парировать своими. Она была готова провести всю жизнь за этой игрой.

Но соперник не побеспокоился сделать ход. Он просто схватил доску и шарахнул ею Чэн Синь по голове.

Шесть «капель» включили двигатели на полную мощность в то самое мгновение, когда Чэн Синь приняла «красную кнопку» из рук Ло Цзи. Враг не терял ни секунды.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 13 млн км.

До ближайшего 12 млн км.

До столкновения с поверхностью 8 минут.

Белизна.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 11,5 млн км.

До ближайшего 10,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 7 минут.

Белизна; ничего, кроме белизны. Не только белый зал, белая стена и белые буквы — все остальное вокруг тоже стало непроницаемо белым. Чэн Синь словно зависла в молочной вселенной, в капле диаметром шестнадцать миллиардов световых лет. В этой безбрежной белизне не за что ухватиться.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 10 млн км.

До ближайшего 9 млн км.

До столкновения с поверхностью 6 минут.

И что ей теперь делать?!

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 9 млн км.

До ближайшего 7,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 5 минут.

Белизна стала таять. Чэн Синь острее прежнего ощутила над своей головой все сорок пять километров земной коры. Самый нижний слой, прямо над Центром Устрашения, образовался примерно четыре миллиарда лет назад. Земле тогда исполнилось всего пятьсот миллионов лет. Начал зарождаться густой, мутный океан, в который неустанно били молнии. Солнце тогда казалось расплывчатым огненным шаром, зависшим в затянутом дымкой небе и бросающим красные блики на поверхность воды. То и дело по небу проносились другие яркие шары; за ними тянулся огненный след, а потом они падали в океан и порождали цунами. Гигантские волны накатывались на залитые лавой континенты, в небо поднимались столбы пара и огня, затмевающие солнце…

Контрастом к этой адской, но величественной картине служили микроскопические процессы, развернувшиеся во взбаламученной воде.

Под разрядами молний и ливнем космического излучения возникли органические молекулы. Они сталкивались, сливались, снова распадались… Такая «игра в кубики» длилась пятьсот миллионов лет. Наконец дрожащая цепочка органических молекул разделилась надвое. Половинки притянули к себе недостающие молекулы, и возникли две идентичные копии, принявшиеся размножаться снова и снова… Вероятность образования в этой игре самовоспроизводящейся цепочки молекул настолько же мала, как если бы смерч засосал в себя кучу металлолома и собрал бы из него «мерседес».

Но это произошло, и началась захватывающая история, которая длится уже три с половиной миллиарда лет.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 7,5 млн км.

До ближайшего 6 млн км.

До столкновения с поверхностью 4 минуты.

Архейская эра сменилась протерозойской; и та, и другая длились миллиарды лет. Потом наступил палеозой: кембрий — семьдесят миллионов лет, ордовик — шестьдесят, силур — сорок, девон — пятьдесят, карбон — шестьдесят пять, пермь — пятьдесят пять. Потом начался мезозой: триас

— тридцать пять миллионов лет, юра — пятьдесят восемь, мел — семьдесят. Затем настал кайнозой: третичный период — шестьдесят четыре с половиной миллиона лет, четвертичный — два с половиной миллиона лет.

И тогда появилось человечество — оно уложилось в одно мгновение, если сравнить с продолжительностью прежних периодов. Династии и эпохи засверкали фейерверком; костяная дубинка, подброшенная в воздух какой-то обезьяной, превратилась в космический корабль. А теперь дорога длиной в три с половиной миллиарда лет, полная испытаний и невзгод, уперлась в маленького человечка, одного из сотни миллиардов, когда-либо живших на Земле, с «красной кнопкой» в руке.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 6 млн км.

До ближайшего 4,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 3 минуты.

Чэн Синь задыхалась под весом придавивших ее четырех миллиардов лет. Ее подсознание попыталось вынырнуть на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Ей представлялось, что на поверхности кишмя кишит жизнь, начиная с самых крупных ее форм — гигантских рептилий,

в том числе динозавров. Они стояли плотно, бок о бок, до самого горизонта. Под их животами и между ногами стояли млекопитающие, среди них — люди. Еще ниже бушевало черное море бесчисленных трилобитов и муравьев… В небесах сотни миллиардов птиц образовали темный крутящийся водоворот, закрывший собой звезды. Порой в нем мелькали даже огромные птеродактили…

Все они сохраняли полное молчание. Страшнее всего были их глаза — глаза динозавров, трилобитов, муравьев, птиц, бабочек… У одних только людей было сто миллиардов пар глаз — столько же, сколько в Млечном Пути звезд. Среди них были глаза и самых обычных людей, и глаза Леонардо да Винчи, Шекспира, Эйнштейна…

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 4,5 млн км.

До ближайшего 3 млн км.

До столкновения с поверхностью 2 минуты.

Два зонда нацелены на Азию, два на Северную Америку, один — на Европу.

Нажатие кнопки уничтожит все достижения трех с половиной миллиардов лет. Все растворится в бесконечной ночи Вселенной, словно никогда и не существовало.

Чэн Синь показалось, что она опять прижимает

к себе того ребенка — такого мягкого, теплого, с влажным личиком, радостно улыбающегося и зовущего ее «мама».

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 3 млн км.

До ближайшего 1,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 1 минута 30 секунд.

— Нет! — вскрикнула Чэн Синь и отбросила «красную кнопку» прочь. Устройство заскользило по полу, а она смотрела на него, как на ядовитую змею.

Зонды сильного взаимодействия приближаются к орбите Луны и приступили к торможению.

Прогнозируемые точки столкновения с Землей: гравитационные передатчики в Северной Америке, Европе и Азии и Абсолют-центр управления всеобщей системой гравитационного вещания.

Прогнозируемое время до столкновения 30 секунд.

Последние мгновения тянулись бесконечно, как паутинка. Но Чэн Синь не колебалась; она уже приняла решение. Это решение родилось не в размышлениях; оно всегда жило в глубине ее генома. Оно возникло четыре миллиарда лет назад и с тех пор только подкреплялось. Права

она или не права, Чэн Синь знала, что у нее нет иного выбора.

Хорошо, что скоро всему конец.

Сильный толчок повалил Чэн Синь на пол: это «капли» пронзили земную кору. Ей показалось, что каменная твердь, окружающая центр, исчезла и комната лежит на мембране огромного барабана. Девушка закрыла глаза и представила себе «каплю», проникающую сквозь толщу земли, как рыба сквозь воду. Она дожидалась момента, когда несущийся с космической скоростью идеально гладкий дьявол доберется сюда и превратит и ее саму, и все вокруг в раскаленную лаву.

Но после нескольких резких сотрясений толчки прекратились, словно ударник закончил свою партию.

Красный фон экрана поблек и сменился белым, как и раньше. Показалось, что в комнате посветлело, что она стала более открытой. Появились черные строчки:

Североамериканский гравитационный передатчик разрушен.

Европейский гравитационный передатчик разрушен.

Азиатский гравитационный передатчик раз-

рушен.

Усиление радиосигнала в Солнце подавлено на всех частотах.

Вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь слабым журчанием текущей воды. От сотрясения почвы где-то лопнула труба.

Чэн Синь поняла, что землетрясение вызвано атакой зонда на Азиатский гравипередатчик. Комплекс аппаратуры располагался в двадцати километрах от Центра Устрашения, также глубоко под землей.

«Капли» не посчитали нужным атаковать Держателя Меча.

Черный текст на экране исчез и вскоре сменился другим, последним:

Восстановление всеобщей системы гравитационного вещания невозможно.

Устрашение «темным лесом» прекращено.

Эра Пост-Устрашения, первый час
Потерянный мир

Чэн Синь поднялась на поверхность и вышла из лифтового павильона на площадь, на которой час назад прошла церемония передачи должности новому Держателю Меча. Приглашенные

уже разошлись, и площадь была пуста, лишь флагштоки продолжали отбрасывать длинные тени. На двух самых высоких реяли флаги ООН и Флота Солнечной системы, на остальных — флаги наций Земли. Полотнища мирно колыхались на легком ветру. За площадью расстилалась бескрайняя пустыня Гоби. Несколько пичуг весело чирикали в кусте тамариска. На горизонте поднимались горы Цилянь; снег, лежавший на их вершинах, сиял серебром.

Все как всегда — вот только этот мир больше не принадлежал людям.

Чэн Синь не знала, что делать. После краха Устрашения никто ей не звонил. Пост Держателя Меча прекратил свое существование вместе с Устрашением.

Девушка бесцельно побрела вперед. Когда она проходила через ворота комплекса, ее поприветствовали два охранника. Чэн Синь страшилась предстать перед людьми, но в глазах солдат светилось только любопытство — они еще не знали, что произошло. По установленному распорядку Держателю дозволялось изредка и ненадолго подниматься на поверхность; наверное, военнослужащие решили, что она здесь из-за землетрясения. Возле летающего автомобиля,

стоящего у ворот, Чэн Синь заметила нескольких офицеров. Они смотрели не на нее, а в ту сторону, откуда она пришла. Один даже указал рукой.

Чэн Синь обернулась и увидела поднимающееся на горизонте грибовидное облако. Густое, кажущееся твердым, оно состояло из каменных осколков и пыли, выброшенных из глубины. Оно настолько не соответствовало мирному пейзажу, что казалось грубо пририсованным в фотошопе. Присмотревшись, Чэн Синь решила, что в лучах заходящего солнца облако напоминает корявую скульптуру со странным лицом. Именно в том месте «капля» вонзилась в планету.

Кто-то позвал Чэн Синь по имени. Она повернулась и увидела, что к ней, накинув на плечи белый пиджак, бежит ☒ АА. Запыхавшаяся, с развевающимися волосами, та сообщила, что приехала встретиться с Чэн Синь, но охрана ее не пропускала.

— Я тут цветочков привезла для твоего нового дома, — указала она на автомобиль. Потом посмотрела на облако-гриб: — А это что такое — вулкан? Землетрясение из-за него было?

Чэн Синь хотелось обнять подругу и выплакаться у нее на плече, но она сдержалась. Чэн Синь хотела, чтобы эта жизнерадостная девушка не

сразу узнала правду, чтобы отзвуки счастливой эпохи, которая только что подошла к концу, не затихали подольше.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРАХЕ УСТРАШЕНИЯ «ТЕМНЫМ ЛЕСОМ»

Наиболее весомой причиной конца устрашения был, разумеется, неверный выбор Держателя Меча. Этот фактор будет обсуждаться в отдельной главе. Здесь же рассмотрим технические слабости системы устрашения, которые тоже сыграли свою роль.

Большинство землян сразу же объявило причиной краха незначительное количество гравитационных передатчиков и обвинило людей ранней Эры Устрашения в уничтожении девятнадцати из двадцати трех собранных комплексов. Но в такой реакции мы видим неспособность вникнуть в суть проблемы. По собранным во время нападения данным, «капле» потребовалось чуть больше десяти секунд, чтобы пробить земную кору и разрушить передатчик. Даже если поставить на боевое дежурство сто передатчиков, «каплям» не понадобилось бы много времени,

чтобы вывести из строя их все.

Главное — эту систему *можно* было уничтожить. У человечества был шанс создать неуязвимую систему гравитационного вещания, но оно им не воспользовалось.

Важно не количество передатчиков, а их местонахождение.

Представьте себе двадцать три передатчика, построенных не на поверхности или под ней, а в космосе — то есть двадцать три корабля наподобие «Гравитации», несущих службу в Солнечной системе. Даже если «капли» неожиданно нападут, они не смогут уничтожить все корабли. Одному или двум хватит времени, чтобы скрыться в глубоком космосе.

Такое решение существенно повысило бы степень устрашения. Оно не зависело бы от Держателя Меча. Трисолярис знал бы, что не обладает достаточными силами для подавления системы устрашения, и не решился бы напасть.

К сожалению, построили только одну «Гравитацию».

Других кораблей с гравипередатчиками не строили по двум причинам. Первая: нападение «Сынов Земли» на станцию грависвязи в Антарктике. Корабли считались не настолько

защищенными от экстремистов, как подземные комплексы. Вторая причина — стоимость. Гравитационные антенны имеют огромный размер; они должны также служить корпусом корабля. Поэтому их требуется изготавливать из материалов, пригодных для обеих целей, что повышало стоимость во много раз. Одна «Гравитация» стоила столько же, во сколько обошлись бы все двадцать три наземных передатчика, вместе взятые. Кроме того, корпус корабля невозможно заменить на новый. Когда вибрирующая струна из вырожденной материи отработает свои пятьдесят лет — срок полураспада, — придется строить новый корабль.

Но подлинная, более глубокая причина крылась в психологии людей. Об этом никогда не говорили, может быть, даже и не осознавали этого, но космический корабль с гравитационным передатчиком был слишком мощным оружием — до того мощным, что нагонял страх на своих создателей. Если по любой причине, будь то нападение «капли» или что-то другое, подобный корабль устремится прочь от Солнечной системы и не сможет вернуться из-за сохраняющейся угрозы, он станет копией «Синего космоса» или «Бронзового века», а то и хуже. Корабль с гра-

випередатчиком и экипажем более-не-людей сохранит способность передавать сообщения во Вселенную, пока не выйдет срок службы антенны. Он будет держать в руках судьбу человечества и станет источником постоянной тревоги, навсегда растворившимся среди звезд.

Первопричиной же был ужас перед самим Устрашением. Такое присуще любому предельному устрашению. Обе стороны конфликта одинаково боялись его.

Эра Пост-Устрашения, первый час
Потерянный мир

Чэн Синь подошла к офицерам и попросила отвезти ее к эпицентру извержения. Подполковник, отвечающий за охрану базы, немедленно выделил два автомобиля: один для нее, другой для нескольких охранников. Чэн Синь попросила АА подождать, но та настояла, что тоже поедет, и забралась в машину.

Автомобили приподнялись над землей и неторопливо двинулись в сторону облака-гриба. АА спросила водителя, что случилось, но он и сам не знал. Произошло два выброса с интервалом в несколько минут. Он решил, что это, наверное,

первое в истории извержение вулкана на территории Китая.

Он и представить себе не мог, что под «вулканом» еще недавно скрывалась одна из стратегических опорных точек всего мира — гравитационная антенна. Удар «капли», пронзившей земную кору, вызвал первое извержение. Ликвидировав передатчик, «капля» двинулась вверх по пробитому каналу; когда она вышла из почвы, произошло второе извержение. Поскольку оба выброса были вызваны высвобождением кинетической энергии зонда, а не лавой, поступающей из глубин мантии, они оказались кратковременными. «Капля» летела настолько быстро, что никто не мог увидеть, как она вошла в землю и как вышла.

Пустыня Гоби была испещрена небольшими дымящимися воронками — мини-кратерами на месте падения раскаленных камней и сгустков лавы. Таких воронок становилось все больше и больше по мере приближения автомобилей к эпицентру. Над пустыней тянулся густой дым — это горели заросли тамариска. В этих краях почти никто не жил, но все же по пути иногда попадались разрушенные землетрясением дома. Территория напоминала поле только что закон-

чившегося боя.

Облако успело немного рассеяться и уже не напоминало гриб — теперь оно было больше похоже на лохматую голову; кончики волос горели красным в лучах заходящего солнца. Автомобили остановились у поста охраны и опустились на землю. Чэн Синь убедила солдат пропустить ее; военнослужащие еще не знали, что мир пал, и подчинились требованию Держателя Меча. Но АА они остановили, невзирая на все ее крики и попытки прорваться силой.

Устойчивый ветер уже отогнал бо!льшую часть пыли в сторону, но солнце все еще было закрыто завесой дыма; его лучи прорывались сквозь нее, и на земле мельтешили пятна света и тени. Чэн Синь прошла сквозь полутьму около сотни метров и остановилась перед краем гигантского кратера. Он имел форму воронки и в центре достигал глубины метров сорок или пятьдесят. Из кратера валил густой белый дым, а на дне багрово светилось озеро лавы.

Гравитационная антенна длиной полтора километра и диаметром пятьдесят метров, поддерживавшаяся магнитной левитацией в подземной полости на глубине сорока пяти километров, была разбита вдребезги и залита раскаленной

докрасна лавой.

Такую судьбу следовало встретить ей самой… Наилучший конец для устрашителя, отказавшегося устрашать.

Красное сияние на дне кратера влекло к себе. Еще один шаг, и Чэн Синь добьется желанной свободы. Волны жара ласкали ее лицо; словно околдованная, она глядела на тусклую багровую лужу, пока не очнулась, услышав чей-то хохот за спиной.

Чэн Синь обернулась. Под неверными лучами солнца, пробивающимися сквозь пелену дыма, к ней приближалась стройная фигурка. Она не узнавала, кто это, пока та не оказалась совсем рядом. Это была Томоко.

Не считая прекрасного белого лица, робот сильно изменился со времени их последней встречи. Томоко была одета в камуфляж для пустыни; волосы, прежде стянутые в украшенный цветами пучок, она подстригла коротко и практично. На шее у нее красовался черный шарф ниндзя, а за спиной висела длинная катана. Томоко выглядела дерзко и неустрашимо, но сохранила некоторые женственные черты: ее движения остались плавными, словно текущая вода, но теперь в них, как в мягкой, но смертоносной петле,

угадывалось жестокое искусство убийства. Казалось, что ее окутывает облако холода, который не может прогнать даже жар, выплескивающийся из кратера.

— Ты поступила именно так, как мы рассчитывали, — с насмешкой сказала Томоко. — Но не казни себя. Тебя выбрали люди, и они же выбрали этот результат. Из всего человечества ты одна невиновна.

У Чэн Синь дрогнуло сердце. Ей не стало легче, но девушке пришлось признать, что слова этого прелестного исчадия ада запали ей глубоко в душу.

Подбежала АА. Она, по-видимому, или от кого-то узнала, что произошло, или догадалась сама. Ее глаза, устремленные на робота, полыхали яростью. Она обеими руками подхватила с земли камень и ударила Томоко по затылку. Но та обернулась и легким движением, словно отмахиваясь от комара, смела с шеи осколки. АА разразилась всеми проклятиями, которые смогла вспомнить, и наклонилась за другим камнем. Томоко придержала Чэн Синь одной рукой, а другой выхватила из ножен меч и раскрутила. Лезвие с резким свистом рассекало воздух — быстрее, чем лопасти вентилятора. Когда Томоко остановилась, АА

стояла среди медленно кружащихся в воздухе обрезков собственных волос. Перепуганная, АА замерла на месте, втянув голову в плечи.

Чэн Синь вспомнила, что видела катану Томоко в прячущемся среди облаков домике. Этот меч и два покороче лежали на изысканной деревянной подставке рядом с чайным столиком. Тогда они казались украшением, а не смертоносным оружием.

— Почему? — пробормотала Чэн Синь, словно говоря сама с собой.

— Потому что Вселенная — не сказка для детей.

Рассуждая логично, Чэн Синь понимала, что если бы Устрашение продолжало поддерживать баланс между мирами, то у человечества были бы лучшие перспективы, чем у Трисоляриса. Но подсознательно она все еще верила, что Вселенная — это сказка, сказка о любви. Ее самой большой ошибкой было нежелание взглянуть на проблему с точки зрения врага.

Чэн Синь прочла в глазах Томоко, почему ее оставили в живых.

После уничтожения гравитационных передатчиков и глушения Солнца живая Чэн Синь не представляла опасности. А с другой стороны,

предположим (хоть это и маловероятно), что у человечества найдется какой-то иной, неведомый Трисолярису способ передать сообщение во Вселенную. Если убрать Держателя Меча, то послание может отправить кто-то еще. Но если Держатель жив, то этого почти наверняка не произойдет: у людей появится причина отказаться от такой ответственности.

Грозящий меч превратился в щит. Враг прочел Чэн Синь как открытую книгу.

Это она — сказка для детей.

— Не спеши радоваться, — сказала осмелевшая АА. — У нас есть «Гравитация».

Томоко одним плавным движением вложила меч в ножны.

— Дуреха, «Гравитацию» уничтожили час назад при встрече экипажей. Как жаль, что я не могу показать тебе обломки — до них один световой год, а со-фоны не действуют в слепой зоне.

Трисоляриане долго и тщательно готовились к этому моменту. Точное время встречи кораблей вычислили пять месяцев назад, до входа софонов, сопровождающих «Гравитацию», в закрытое пространство. Обе «капли» заранее получили приказ нанести удар в момент перехода экипажа «Синего космоса» на «Гравитацию».

— Мне пора, — заявила Томоко. — Передайте, пожалуйста, доктору Ло Цзи уверения в глубочайшем почтении от всего Трисоляриса. Он был надежным устрашителем и великим воином. И еще, если встретитесь, передайте наши сожаления мистеру Уэйду.

Чэн Синь удивленно воззрилась на Томоко.

— Мы построили графики в соответствии со степенью устрашения, присущей вашим личностям. Твоя составляла около десяти процентов, и твой график походил на извивающегося на земле червя. Степень устрашения Ло Цзи была девяносто процентов, его кривая походила на кобру, изготовившуюся к броску. Но Уэйд… — Томоко взглянула на просвечивающее сквозь клубы дыма заходящее солнце; над горизонтом оставался лишь самый краешек. В ее глазах мелькнул ужас, она встряхнула головой, словно отгоняя привидевшуюся ей картину. — Его график представляет собой прямую! В любых жизненных обстоятельствах его уровень устрашения всегда составляет сто процентов! Чистый дьявол! Если бы он стал Держателем Меча, ничего этого не случилось бы. Продолжалось бы перемирие. Мы уже прождали шестьдесят два года, но нам ничего бы не оставалось, как ждать еще — может быть, пятьдесят лет,

может быть, дольше. И тогда Трисолярису противостояла бы Земля, равная нам в технологии и могуществе. Нам пришлось бы договариваться… Но мы знали, что человечество выберет тебя.

Томоко размашистым шагом направилась прочь. Немного отойдя, она обернулась и крикнула застывшим в молчании Чэн Синь и АА:

— Ничтожные клопы, готовьтесь отправиться в Австралию!

Эра Пост-Устрашения, день 60-й
Потерянный мир

На тридцать восьмой день после конца Устрашения обсерватория Ринье-Фицроя, расположенная во внешней части пояса астероидов, обнаружила 415 новых следов в пылевом облаке, окружающем звездную систему Трисоляриса. Со всей очевидностью враг выслал к Солнечной системе второй флот.

Второй флот покинул родную планету пять лет назад, а облако пыли пересек четыре года назад. Трисоляриане пошли на огромный риск — если бы им не удалось подавить земную систему устрашения в пятилетний срок, то люди могли бы передать сообщение во Вселенную, как

только заметили бы отбытие нового флота. Это значило, что инопланетяне еще пять лет назад почувствовали, что отношение человечества к Устрашению изменилось, и верно предугадали, какого типа окажется второй Держатель Меча.

В истории образовался новый пункт отсчета, и она пошла на следующий виток.

Конец Устрашения снова погрузил будущее человечества в сумрак. Но как и во время первого кризиса двести лет назад, люди не соотносили этот сумрак со своей личной судьбой. По параметрам оставленных в пыли следов ученые заключили, что скорость Второго Трисолярианского флота не слишком отличается от Первого. Даже если корабли способны к бо!льшему ускорению, до того дня, когда флот появится в Солнечной системе, пройдет как минимум два или три столетия. Все ныне здравствующие люди спокойно доживут остаток своей жизни. Современный человек хорошо помнит уроки Великой пади и никогда больше не пожертвует настоящим ради будущего.

Но на этот раз человечеству не повезло.

Через три дня после выхода Второго Трисолярианского флота из облака межзвездной пыли телескопы обнаружили 415 следов во втором пы-

левом облаке. Эти следы не могли принадлежать никакому иному флоту. Первый Трисоляриан-ский флот добирался от одного облака до другого пять лет. Второй же покрыл это расстояние всего за шесть дней.

Трисоляриане научились летать со скоростью света.

Изучение следов, оставленных во втором пылевом облаке, подтвердило, что корабли продолжают двигаться сквозь облако со скоростью света. При столь высокой скорости взаимодействие кораблей с пылью вырисовывалось особенно рельефно.

Получалось, что флот перешел на скорость света, как только оставил первое облако позади. Никакой фазы разгона не наблюдалось.

Если это так, то Второй Трисолярианский флот должен сейчас приближаться к Солнечной системе или уже вошел в нее. И действительно, при помощи телескопов среднего размера наблюдатели легко отыскали группу из 415 ярких огоньков на расстоянии около шести тысяч астрономических единиц от Земли. Это были факелы тормозящих кораблей. По-видимому, их двигатели работали по традиционной схеме. Скорость флота теперь составляла около 15

процентов от световой — очевидно, максимум, позволяющий безопасно затормозить перед входом в Солнечную систему. Судя по полученным данным, Второй Трисолярианский флот подойдет к границам Солнечной системы через один год.

Такой режим полета вызывал удивление. По всей видимости, вражеские корабли могли почти мгновенно переходить на световую скорость и сбрасывать ее, но сознательно не делали этого вблизи своей планеты и Земли. Стартовав с Трисоляриса, флот целый год разгонялся на тяге традиционных двигателей, пока не отдалился на шесть тысяч астрономических единиц от дома, и только тогда перешел на скорость света. На таком же расстоянии от Солнечной системы флот переключился снова на обычные двигатели. На скорости света это расстояние можно пересечь за месяц, но флот решил потратить год. Из-за этого весь поход продлится на два года дольше, чем если бы весь путь прошли на скорости света.

Этому необычному поведению находилось лишь одно объяснение: трисоляриане не желали причинить вред ни той, ни другой звездной системе входом и выходом из режима скорости света. Безопасный радиус в двести раз превышал расстояние от Солнца до Нептуна. Из этого следо-

вало, что мощность двигателей на два порядка превосходила мощность звезды, что казалось совершенно непредставимым.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ НА ТРИСОЛЯРИСЕ

До сих пор остается загадкой, когда именно развитие технологии на Трисолярисе резко ускорилось. Одни исследователи полагали, что процесс начался еще до Эры Кризиса; другие считали, что это произошло в Эру Устрашения. Но и те, и другие сходились в причинах технологического взрыва.

Во-первых, земная цивилизация оказала огромное влияние на Трисолярис — по крайней мере в этом признании инопланетяне, скорее всего, не кривили душой. Как только прибыл первый софон, земная культура хлынула мощным потоком и стала причиной значительных перемен. Кое-какие человеческие ценности пришлись инопланетянам по нраву. Трисоляриане сбросили оковы тоталитарного общества, сформировавшегося в свое время ради выживания в Эры Хаоса, снесли все препятствия на пути прогресса, стали поощрять свободу мысли и научились уважать

права личности. По-видимому, эти перемены запустили в обществе процесс идеологической трансформации наподобие земного Ренессанса; наука и техника понеслись вперед. Наверное, это было замечательное время в истории планеты, но подробностей мы не знаем.

Выдвигали и другую причину: софоны, отправленные на разведку во Вселенную, не сгинули бесплодно, как утверждали трисоляриане. Не исключено, что они, прежде чем попасть в мертвые зоны, обнаружили хотя бы одну цивилизацию. Если это так, то трисоляриане не только овладели чужой технологией, но и получили важные сведения о положении дел во вселенском «темном лесу». В таком случае Трисолярис далеко обогнал Землю во всех отраслях знаний.

Эра Пост-Устрашения, день 60-й
Потерянный мир

Впервые с момента краха Устрашения Томоко выступила перед землянами. По-прежнему одетая в камуфляж и с мечом за спиной, она объявила всему миру, что Второй Трисолярианский флот прибудет через четыре года и завершит завоевание Солнечной системы.

Политика Трисоляриса по отношению к человечеству стала иной, чем в дни первого кризиса. Томоко заявила, что трисоляриане больше не стремятся к уничтожению земной цивилизации. Вместо того они создадут в Солнечной системе резервации для землян; в частности, людям позволят жить в Австралии и на трети поверхности Марса. Человечеству этого хватит.

Люди должны приступить к переселению немедленно, чтобы подготовиться к завоеванию через четыре года, объявила Томоко. Необходимо, как она выразилась, «вырвать у змеи ядовитые клыки» и предотвратить возрождение Устрашения, а посему человечество обязано полностью разоружиться и переселяться «голым». На территории резерваций не разрешается создавать тяжелую промышленность. Переселение требуется закончить в течение года.

Колонии на Марсе и космические станции могли принять в лучшем случае около трех миллионов человек. Поэтому Австралия стала для переселенцев основным пунктом назначения.

Но большинство людей продолжало цепляться за иллюзию, что у них остается как минимум одно поколение спокойной жизни. Ни одна страна не откликнулась на выступление Томоко, и

никто не шевельнул пальцем.

Через пять дней после исторической «Декларации о резервациях» одна из пяти «капель», крейсирующих в атмосфере Земли, напала на три крупных города в Азии, Европе и Северной Америке. Целью атаки являлось не уничтожение городов, а террор. «Капля» пролетала сквозь гигантские скопления «деревьев» и сбивала все на своем пути. Здания загорались и падали с высоты нескольких сотен метров, словно перезревшие фрукты. В этой катастрофе, самой ужасной со времен битвы Судного дня, погибло более трехсот тысяч человек.

Наконец до людей дошло, что для «капель» мир человека так же хрупок, как яичная скорлупа под готовым упасть валуном. Города и заводы стояли беззащитными. Если Трисолярис захочет, он сможет сровнять с землей любой город, пока на планете не останется ничего, кроме развалин.

Собственно говоря, человечество уже какое-то время работало над устранением этого перекоса. Земные ученые давно поняли, что только материалы, укрепленные сильным взаимодействием (МСВ), способны защитить от «капель». Научные лаборатории на Земле и во флоте до самого конца Устрашения изготавливали такие материалы в

небольших количествах, но до крупномасштабного производства оставались годы. Если бы люди продержались еще лет десять, они успели бы развернуть выработку и применение МСВ в промышленных объемах. Двигатель «капли» по-прежнему оставался за пределами понимания, но, по крайней мере, из МСВ можно было бы сделать боеголовки и задавить «капли» числом. Или соорудить из того же материала броневые плиты; если бы «капля» попыталась пробить такую броню, то не уцелела бы сама.

Увы, этим мечтам не суждено было осуществиться.

Томоко выступила снова и объяснила, что Трисолярис отказался от истребления землян из любви и уважения к земной цивилизации. Переселение в Австралию, конечно, чревато неудобствами, но они продлятся недолго — года три-четыре. Когда прибудет флот, новые хозяева планеты обеспечат четырем миллиардам землян комфортабельное существование в Австралии. Кроме того, они помогут людям построить новые города в космосе и на Марсе, а еще через пять лет человечество сможет массово туда переселиться; этот процесс займет пятнадцать лет. К тому времени у землян окажется достаточно жизненного

пространства, и двум цивилизациям будет обеспечено мирное сосуществование.

Но все это зависит от успеха первоначальной миграции в Австралию. Если работы по переселению не начнутся немедленно, «капли» продолжат наносить удары по городам. По истечении года любой человек за пределами резерваций будет уничтожен как вторгшийся на территорию Трисоляриса. Разумеется, если люди покинут города и разбредутся по континентам, пять «капель» не смогут истребить их всех — но для флота, который появится в Солнечной системе через четыре года, это будет несложной задачей.

— Славная и блистательная цивилизация Земли заслуживает того, чтобы дать ей шанс на выживание, — заявила Томоко. — Дорожите им!

Так началось Великое переселение всего человечества в Австралию.

Эра Пост-Устрашения, год 2-й
Австралия

Чэн Синь стояла перед домом Старого Фрейса и рассматривала дрожащую в раскаленном воздухе Большую пустыню Виктория. Примитивные, только что построенные бараки простирались

до самого горизонта. Под лучами полуденного солнца новенькие хибары из фанеры и жести казались недолговечными, словно разбросанные по песку игрушки-оригами.

Когда пять веков назад Джеймс Кук открыл Австралию, ему и в голову прийти не могло, что однажды на этом огромном пустынном континенте соберется все человечество.

Чэн Синь и АА приехали в Австралию с первой волной вынужденных переселенцев. Чэн Синь могла бы поселиться в большом городе наподобие Канберры или Сиднея и устроиться с комфортом, но она настояла, что будет жить как обычный мигрант, и отправилась во внутреннюю зону расселения, в пустыню рядом с городком Уорбертон. Там было тяжелее всего. Ее тронуло, что АА, которая тоже могла поехать в крупный город, решила последовать за ней.

Жизнь в резервации была трудной. В самом начале, когда там жило относительно немного народа, было еще ничего. Сложнее всего оказалось переносить не материальные неудобства, а издевательства. Поначалу Чэн Синь и АА получили целый барак в свое распоряжение. Но когда приехали новые мигранты, их уплотнили, и теперь под одной крышей жили восемь женщин.

Новые соседки Чэн Синь и АА родились в райские годы Эры Устрашения. Здесь же они впервые в жизни столкнулись с рационированием воды и еды, с «мертвыми» стенами, которые, как в них ни тычь, не оживали и не выдавали кучу информации, с отсутствием кондиционера, с общественными туалетами и душевыми, с казарменными койками… В этом обществе все были равны, деньги не имели никакого значения, каждый получал одинаковый паек. Они видели такую нищету только в исторических кинофильмах, и жизнь в зонах расселения казалась адом. Естественно, они стали изливать свою ярость на Чэн Синь. Ни с того ни с сего начинали осыпать ее оскорблениями, злились, что она зря чужой хлеб жрет — ведь она не смогла устрашить Трисолярис. Самый тяжкий ее грех в том, что она сложила лапки, как только получила предупреждение об атаке. Если бы она включила передатчики, враги сбежали бы в ужасе, а человечество прожило бы еще несколько десятилетий в мире и счастье. Даже если бы передача сообщения привела к немедленной гибели Земли — все равно это лучше, чем такая жизнь!

Сначала Чэн Синь только унижали словесно, но вскоре стали бить и отнимать паек. АА пыталась

защитить подругу, как только могла. Она дралась с другими женщинами — порой по нескольку раз в день. Однажды она схватила самую злобную стерву за волосы и принялась колотить головой о стойку кровати, пока у той кровь не залила все лицо. После этого случая АА и Чэн Синь оставили в покое.

Однако враждебность к Чэн Синь питали не только соседи по жилью. Переселенцы, живущие в других лачугах, тоже приходили поиздеваться. Иногда они швыряли камни в ее окна, иногда толпа окружала ее барак и выкрикивала проклятия.

Чэн Синь стоически переносила мучения. Они даже приносили ей удовлетворение. Девушка считала, что для такого никчемного Держателя Меча, как она, это еще недостаточная кара.

Так продолжалось до того дня, когда пришел старик по имени Фрейс и пригласил Чэн Синь и АА жить в его доме. Фрейс был аборигеном восьмидесяти лет, по-прежнему крепким и бодрым, с седой бородой на черном лице. Ему как туземцу разрешили до поры до времени сохранить собственное жилище. В Общую Эру он руководил организацией, занимающейся охраной культуры аборигенов, и лег в гибернацию в начале Эры Кризиса, чтобы продолжить свою работу в бу-

дущем. Когда его разбудили, он убедился, что не ошибся в прогнозе: австралийские аборигены и их культура находились на грани исчезновения.

Дом Фрейса, построенный еще в XXI веке, был старым, но крепким; поблизости росла красивая роща. Как только Чэн Синь и АА перебрались туда, жизненные неурядицы кончились. Самое важное, что старый абориген поделился с ними своим душевным покоем. Он не горел ненавистью к трисолярианам, как многие. Фрейс вообще редко заговаривал о кризисе. Он ограничивался словами: «Боги помнят деяния людей».

Это так. Даже *люди* до сих пор помнили деяния других людей. Пять столетий назад «цивилизованные европейцы» — почти всех их на родине объявили преступниками — высадились на Австралийский континент и принялись потехи ради отстреливать прячущихся в лесах аборигенов. Даже когда охотники узнали, что их жертвы — люди, а не животные, убийства не прекратились. Аборигены жили на этих обширных землях десятки тысяч лет, и к моменту прибытия европейцев численность туземцев превышала полмиллиона. Вскоре она упала до тридцати тысяч беженцев, которым пришлось искать спасения в безжизненных пустынях на западе.

Когда Томоко провозгласила создание резерваций, люди вспомнили трагическую судьбу жителей Северной Америки, еще одного далекого континента, на который «цивилизованный человек» принес лишь страдания.

Впервые оказавшись в доме Фрейса, любопытная АА спрашивала обо всем. Дом был похож на музей культуры аборигенов. Повсюду лежали картины, нарисованные на камнях и коре, музыкальные инструменты из дощечек и деревянных трубочек, травяные юбки, бумеранги, копья и многое другое. АА больше всего заинтересовали горшочки с красками из белой глины и красной и желтой охры. Она знала, зачем нужны эти краски. АА сунула палец в горшочек и разрисовала себе лицо, а потом принялась танцевать, имитируя где-то виденные движения и испуская леденящие кровь вопли.

— Наши сволочные соседки подохли бы от страха, — объяснила она.

Фрейс рассмеялся и покачал головой, затем рассказал, что АА скопировала танец не австралийских аборигенов, а новозеландских маори. Непосвященные их порой путали; но австралийцы были мирным народом, а маори — свирепыми воинами. Вот только танцевала АА не совсем

правильно и не смогла передать подлинный дух танца маори.

Фрейс раскрасил себе лицо — получилась впечатляющая маска — и снял рубашку, под которой обнаружилась мускулистая черная грудь, плохо вяжущаяся с его пожилым возрастом. Он взял стоящее в углу *тайаха*[150] и начал танцевать настоящий военный *хака*[151].

Чэн Синь и АА стояли завороженные. Добрый и мудрый Фрейс исчез, а на его месте возник ужасающий, подавляющий своей мощью демон. Казалось, все его тело пропитано невероятной силой. От каждого выкрика, от каждого удара ноги звенели оконные стекла, а обе подруги вздрагивали. Больше всего поражали широко раскрытые глаза Фрейса — они источали смертельный холод и жгучую ярость, мощь тайфунов и раскаты грома в Океании. В могучем взоре читался рев, от

---

[150] Примечания: 150

Тайаха — маорийское копье с утолщающимся древком, нечто среднее между дубинкой, топором и рогатиной (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/ f4/Te_Puni_Maori_Chief.jpg). — *Прим. перев.*

[151] Примечания: 151

Хака — общее название маорийских ритуальных танцев. Военный хака, также известный как «пуха», исполнялся непосредственно перед битвой, в перерывах и после ее успешного окончания. Танцующие часто потрясают своим оружием, таращат глаза, высовывают языки и истошно кричат, а их тела конвульсивно дергаются (https://ru.wikipedia.org/wiki/Хака). — *Прим. перев.*

которого дрожала земля: «Не смей бежать! Я тебя убью! Я тебя съем!»

Фрейс закончил *хака* и снова стал добрым и дружелюбным, как всегда.

— Для воина маори самое главное — твердо смотреть в глаза противнику. Первым делом он побеждает врага взглядом и только потом убивает своим *тайаха*.

Фрейс подошел к Чэн Синь:

— Дочка, ты не выдержала взора противника, отвела глаза. — Он легонько потрепал ее по плечу. — Но твоей вины здесь нет. Ты и в самом деле ни в чем не виновата.

* * *

На следующий день Чэн Синь сделала нечто такое, чему сама удивилась. Она пошла проведать Уэйда.

Уэйд заколачивал окна барака древесно-стружечными плитами, чтобы превратить жилую постройку в склад. Один из его рукавов пустовал. В эту эпоху ничего не стоило поставить протез, не отличающийся от настоящей руки, но по какой-то причине Уэйд не стал этого делать.

Двое других заключенных, явно из Общей Эры, присвистнули, завидев Чэн Синь, но как только

сообразили, к кому та пришла, умолкли и, понурившись, вернулись к работе.

Чэн Синь подошла к Уэйду и немного удивилась, заметив, что тот, приговоренный к строгому режиму, выглядит лучше, чем когда они виделись в последний раз: чисто выбрит и аккуратно причесан. Заключенные в эту эпоху больше не носили униформу. Белая рубашка Уэйда была здесь самой чистой, даже чище, чем рубашки охранников. Во рту он держал несколько гвоздей. Левой рукой он доставал их по одному и заколачивал в ДСП точными и сильными ударами молотка. Уэйд бросил взгляд на Чэн Синь и продолжил работу все с тем же безразличным выражением лица.

Чэн Синь сразу же поняла, что он не сдался. Амбиции, идеалы, вероломство и многое другое, ей не известное, что таится у него в душе, — он не расстался ни с чем.

Чэн Синь протянула Уэйду руку. Он опять взглянул на посетительницу, отложил молоток, выплюнул гвозди и пересыпал ей в ладонь. Чэн Синь стала подавать их, один за другим, а Уэйд забивал, пока гвозди не кончились.

— Убирайся отсюда! — бросил он. Подцепил новую горсть гвоздей из ящика, но не отдал их Чэн Синь и не сунул в рот, а разложил на полу,

возле ног.

— Я… я просто… — растерялась Чэн Синь.

— Я говорю — уезжай из Австралии, — едва шевеля губами, прошептал Уэйд. Он не отрывал взгляда от плит; даже с небольшого расстояния казалось, что он поглощен работой. — Торопись, пока переселение не закончилось!

И снова, как часто бывало триста лет назад, Уэйд сумел ошеломить Чэн Синь всего лишь одной фразой. Он словно швырял ей запутанный клубок, который предстояло распутать нить за нитью, прежде чем удастся добраться до скрытого внутри сложного смысла. Но на этот раз от слов Уэйда ее бросило в дрожь; ей не хватало мужества даже приступить к разгадке этого ребуса.

— Уходи, — Уэйд не дал ей даже шанса задать вопрос. Затем повернулся к ней, и на его лице возникла та самая специфическая улыбочка, похожая на трещину во льду. — *А теперь* я говорю: пошла вон из этого дома!

На обратном пути в Уорбертон Чэн Синь видела плотные ряды бараков, протянувшиеся до самого горизонта, и толпы людей, деловито копошащихся в узких проулках между ними. Внезапно ей показалось, что она смотрит на все это откуда-то извне, и на что бы она ни обратила взор, везде

была одна и та же картина: кишащий людской муравейник. Ее охватил безымянный ужас, яркие лучи австралийского солнца показались такими же ледяными, как струи дождя зимой.

* * *

Через три месяца после начала Великого переселения в Австралию прибыло больше миллиарда человек. В то же время правительства стран мира приступили к переезду в крупные города Австралии. ООН перенесла штаб-квартиру в Сидней. Каждое правительство руководило переселением своих граждан, а специальная комиссия ООН осуществляла общую координацию. На новом месте мигранты формировали национальные районы; Австралия стала миниатюрной копией всей Земли. Сохранились лишь имена крупнейших городов; от прочих отказались. Теперь «Нью-Йорк», «Токио» и «Шанхай» были названиями лагерей, застроенных примитивными бараками.

Ни у кого не было опыта переселения в таких масштабах — ни у правительств, ни у ООН. Вскоре возникли осложнения.

Прежде всего мигранты нуждались в крыше над головой. Руководство быстро поняло, что даже если вывезти в Австралию все строительные

материалы мира и ограничить личное пространство одной койкой, то жилья не хватит даже для пятой части населения. Материалы для бараков закончились, когда в Австралию переехало пятьсот миллионов человек. Пришлось ставить огромные палатки размером со стадион, каждая из которых давала кров десяти тысячам переселенцев. Но при такой скученности и нехватке санитарно-гигиенического оборудования вспышки эпидемий представлялись неизбежными.

Еды тоже не хватало. Продовольственная промышленность Австралии не могла удовлетворить потребности населения, и пришлось завозить пищу из других стран. По мере роста количества переселенцев становилось все сложнее распределять пайки, и на это уходило больше времени.

Но страшнее всего была опасность распада общественного порядка. Перенасыщенное информацией общество исчезло. Новички тыкали пальцами в стены, мебель и даже в одежду, пока не убеждались, что все мертво. Порой не работала даже простейшая связь. Новости поступали по ограниченному количеству каналов. Людям, выросшим в сверхинформатизированном мире, казалось, что они ослепли. Правительства

утратили привычные средства управления и пропаганды и понятия не имели, как поддерживать порядок в этом чрезвычайно скученном обществе.

* * *

Одновременно шло и переселение в космосе.

К окончанию Эры Устрашения там жило полтора миллиона человек. Полмиллиона граждан Земного Конгресса населяли космические станции, города на орбите Земли и базы на Луне. Остальные были гражданами Конгресса Флотов и проживали на марсианских и юпитерианских базах, а также на кораблях, патрулирующих Солнечную систему.

Жители космоса, относящиеся к Земному Конгрессу, жили в основном ниже орбиты Луны. Им ничего не оставалось, кроме как вернуться на Землю, в Австралию.

Остальные перебрались на марсианскую базу, которую Трисолярис объявил второй резервацией человечества.

После битвы Судного дня Флот Солнечной системы так и не восстановил свою первоначальную численность. Даже к концу Эры Устрашения в нем насчитывалось чуть более сотни кораблей

звездного класса. Хоть технология и продолжала развиваться, их максимальная скорость оставалась прежней — из термоядерного двигателя выжали все, на что он способен. Подавляющее преимущество трисолярианских кораблей заключалось не только в их способности двигаться со скоростью света, но и в отсутствии фазы разгона — и это пугало больше всего. Чтобы достичь всего пятнадцати процентов от скорости света, кораблям землян требовалось разгоняться целый год, с учетом темпов расхода топлива на ускорение и запаса на обратный путь. По сравнению с кораблями Трисоляриса космолеты Земли были медленными, как улитки.

Когда система устрашения рухнула, у кораблей звездного класса был шанс ускользнуть в глубокий космос. Если бы сотня звездолетов разбежалась во все стороны с максимальным ускорением, восемь «капель» в Солнечной системе не смогли бы догнать их всех. Но ни один корабль так не поступил; все подчинились приказу Томоко и вернулись на орбиту Марса. Причина такой покорности была проста: Марс — это тебе не Австралия. Один миллион человек мог с комфортом устроиться в закрытой биосфере базы и жить, пользуясь всеми преимуществами

цивилизации. Базу строили с расчетом на длительное пребывание именно такого количества обитателей. Вне всякого сомнения, это намного приятнее, чем до конца своих дней блуждать в глубоком космосе.

Трисолярис относился к живущим на Марсе людям настороженно. Две «капли», вызванные из пояса Койпера, постоянно кружили над марсианским городом. Хотя Флот Солнечной системы, по сути, разоружили, но персонал марсианской базы, в отличие от переселенцев на Земле, продолжал пользоваться современными технологиями — они требовались для поддержания систем жизнеобеспечения. Однако жители Марса не рисковали, например, построить гравитационный передатчик. Софоны определенно раскрыли бы такое крупномасштабное строительство, а люди не забыли ужасов битвы Судного дня. Марсианская база была хрупкой, как яичная скорлупа; всего один удар «капли» вызовет потерю атмосферы и полную катастрофу.

Переселение в космосе закончилось через три месяца. За исключением базы на Марсе, в космическом пространстве Солнечной системы людей больше не осталось. Лишь опустевшие станции и корабли дрейфовали на орбитах вокруг Земли,

Марса, Юпитера и в поясе астероидов. Они образовали безмолвное стальное кладбище, на котором были похоронены слава и мечты человечества.

* * *

Сидя в безопасном доме Фрейса, Чэн Синь узнавала о происходящем в мире только из телевизионных передач. Однажды она увидела прямое включение из центра раздачи пищи. Репортаж шел в голографическом режиме; девушке казалось, что она находится рядом с камерой. Голографические трансляции требовали высокоскоростных линий связи; в этом режиме теперь показывали лишь важнейшие события. Большинство новостей шло в простом двумерном режиме.

Центр раздачи пищи находился в городе Карнеги, на краю пустыни. В лучах голографического проектора появилась гигантская палатка, похожая на половинку яйца, упавшего в пустыню. Из нее, словно белок, изливался поток людей. Толпа спешила к только что прибывшей партии продовольствия. Два летающих транспортника, небольших, но мощных, несли в сетях связанные в огромные кубы пищевые упаковки.

Как только первый транспортник аккуратно

опустил свою ношу на землю, толпа хлынула, словно волна из прорванной плотины, и, растоптав оцепление из нескольких десятков охранников, затопила груду коробок. Несколько перепуганных сотрудников центра раздачи вскарабкались обратно в грузовик. Гора пайков растаяла в толпе, как снежок, брошенный в мутную воду.

Оператор увеличил картинку. Люди теперь выхватывали пайки из рук тех, кто добрался до груза. Пакеты, похожие на зернышки риса посреди муравейника, мгновенно раздирали на части, и толпа сражалась за все, что высыпалось на землю. Второй транспортник опустил свой груз на площадку поодаль. На сей раз вокруг нее не было оцепления, и работники центра не рискнули покинуть судно. Толпа устремилась к новой груде пайков, как железные опилки к магниту.

Из транспортника выпрыгнула тонкая, гибкая фигурка, пролетела с десяток метров и грациозно приземлилась на куче продуктов. Толпа замерла. Все увидели, что на горе упаковок стоит Томоко. Она по-прежнему носила камуфляж; черный шарф трепетал на горячем ветру, подчеркивая белизну ее лица.

— В очередь! — гаркнула Томоко.

Оператор еще приблизил изображение. Томоко сердито обводила толпу своими прекрасными глазами. Ее громкий голос перекрывал рокот винтов транспортника. Но люди на земле остановились лишь на мгновение, а затем продолжили рваться к упаковкам. Те, кто оказался ближе всего, начали резать сеть, чтобы добраться до пайков. Толпа словно обезумела; кое-кто даже стал карабкаться на гору коробок, не обращая внимания на Томоко.

— Вы, ничтожества! Почему не спускаетесь, чтобы поддерживать порядок? — крикнула Томоко, подняв лицо к транспортнику. Там возле открытой двери стояли несколько опешивших чиновников комиссии ООН по переселению. — Где ваши войска? Где полиция? Где оружие, которое мы разрешили вам взять? Где ваше чувство ответственности?

Председатель комиссии по переселению стоял там же, у двери. Одной рукой он цеплялся за корпус транспортника, другой махал Томоко и беспомощно качал головой.

Томоко выхватила катану. Двигаясь неуловимо быстро для глаза, она трижды взмахнула мечом и рассекла трех расхитителей на шесть частей одинаковыми смертоносными ударами: от лево-

го плеча до правого бедра. Половинки тел упали на землю, а внутренние органы вывалились и плюхнулись среди толпы, окатив людей кровавым дождем. Раздались крики ужаса. Томоко спрыгнула с горы упаковок, снова блеснула катана, и больше дюжины мародеров повалились замертво.

Беженцы хлынули прочь. Вокруг Томоко образовалось пустое пространство — так растекается по грязной тарелке капля жидкого мыла. Валяющиеся на земле тела были разрублены одним и тем же ударом — от левого плеча до правого бедра, чтобы выпустить как можно больше крови и кишок.

Увидев кровавую сцену, многие упали в обморок. Томоко шагала вперед, и люди поспешно отступали. Казалось, вокруг нее образовалось невидимое силовое поле, отталкивающее переселенцев и расчищающее круг. Сделав несколько шагов, Томоко остановилась, и люди замерли в ожидании.

— Становитесь в очередь, — спокойно велела Томоко.

Неорганизованная толпа быстро, будто их тасовал компьютерный алгоритм, выстроилась в длинную, извивающуюся очередь, обернувшую

кольцом гигантскую палатку.

Томоко запрыгнула обратно на кучу пайков и указала вымазанным в крови мечом на очередь:

— Вашей дегенеративной свободе пришел конец! Если хотите здесь выжить, придется научиться жить в коллективе и вспомнить о человеческом достоинстве.

* * *

Той ночью Чэн Синь не смогла заснуть. Она бесшумно выскользнула из своей комнаты.

Был поздний час, и на ступеньках крыльца виднелся мерцающий огонек. Это курил Фрейс, а на коленях у него лежал *диджериду*[152] — музыкальный инструмент аборигенов, деревянная труба длиной около метра. Он немного играл на нем каждый вечер. Диджериду издавал глубокий и богатый гортанный рык — это была не столько даже музыкальная нота, сколько голос самой земли. АА и Чэн Синь каждую ночь засыпали под звуки этого инструмента.

Чэн Синь присела около Фрейса. Ей нравилось

---

[152] Примечания: 152

Диджериду — музыкальный духовой инструмент аборигенов Австралии. Один из старейших духовых инструментов в мире. В традиционном виде представляет собой простую деревянную трубку (https://ru.wikipedia.org/wiki/Диджериду). — *Прим. перев.*

сидеть рядом с ним. Старик непоколебимо возвышался над печальной действительностью, и израненная душа девушки болела меньше. Он никогда не смотрел телевизор и не интересовался происходящим в мире. Ночью австралиец редко возвращался в свою комнату, чаще просто засыпал, прислонившись к дверному косяку, и пробуждался, когда лучи восходящего солнца согревали тело. Он так спал даже в дождь, говорил, что это удобнее, чем в постели.

Однажды Фрейс обмолвился, что, если когда-нибудь государственные чинуши придут, чтобы отнять у него дом, он не поедет в зону расселения. Он уйдет в лес и сложит там шалаш из травы. АА возразила, что в его возрасте это нереально; тогда Фрейс сказал, что если предки могли так жить, то сможет и он. Еще в эпоху четвертого ледникового периода его предшественники отплыли из Азии и пересекли Тихий океан. Это случилось сорок тысяч лет назад, когда ни Греции, ни Египта не было и в помине. В XXI веке Фрейс был преуспевающим врачом и владел клиникой в Мельбурне. Проснувшись после гибернации в Эре Устрашения, он продолжал жить как современный человек, в комфорте. Но с началом Великого переселения в его душе что-то проснулось. Фрейс

ощутил, что он дитя природы, лесов и полей, и понял, что для жизни действительно необходимо очень немногое. Например, спать вне дома не только естественно, но и комфортно.

Фрейс признал, что не понимает, почему в нем случилась эта перемена.

Чэн Синь пристально смотрела на расположенную поодаль зону расселения. В этот поздний час светилось лишь несколько огоньков, и от бесконечных рядов бараков исходило необычное спокойствие. Девушку охватило странное чувство, будто она наблюдает предыдущую эпоху иммиграции, пятьсот лет назад. В этих домиках спали суровые ковбои и скотоводы; ей даже пригрезились запахи сена и конского навоза. Чэн Синь поделилась этим ощущением с Фрейсом.

— Тогда не было такой скученности, — ответил Фрейс. — Говорили, что, когда один белый хотел купить землю у другого белого, он платил цену ящика виски, на рассвете садился на коня и выезжал, а к закату возвращался. Та земля, которую он объезжал, становилась его собственностью.

Чэн Синь знала об Австралии только по одноименному старому фильму. В кино герой и героиня пересекали северную Австралию, перегоняя скот, и любовались захватывающими

пейзажами. Но действие фильма разворачивалось не в эпоху иммиграции, а в годы Второй мировой войны — тогда сравнительно недавней для юной Чэн Синь, но древней истории теперь. Душу кольнула печаль, когда девушка поняла, что Хью Джекман и Николь Кидман мертвы уже более двух столетий. А потом ей подумалось, что Уэйд, орудующий молотком в бараке, похож на главного героя этого фильма…

Вспомнив про Уэйда, Чэн Синь рассказала Фрейсу о словах бывшего шефа АСР. Она уже давно намеревалась сделать это, но не хотела отвлекать старика от раздумий о вечном.

— Я его знаю, — ответил Фрейс. — Дочка, его совет хорош. Но покинуть Австралию невозможно. Даже не бери в голову. Что толку размышлять о неосуществимом?

И в самом деле, выбраться из Австралии стало очень сложно. И дело не только в «каплях», присматривающих за континентом. Томоко собрала собственный морской флот с экипажем из землян. Если на корабле, отплывающем из Австралии, найдутся переселенцы, то на него немедленно нападут. То же касалось и воздушного транспорта. Кроме того, с приближением конечного срока переселения мало кто желал рискнуть и вернуть-

ся на родину. В Австралии трудно, но дома ждет гарантированная смерть. Иногда тем или иным беженцам удавалось вырваться, но Чэн Синь знали все, и тропы контрабандистов были для нее закрыты.

Впрочем, Чэн Синь подобные вещи не волновали. Что бы ни случилось, она никуда не уедет.

Фрейс хотел сменить тему разговора, но почувствовал, что тихо сидящая во тьме Чэн Синь ожидает продолжения.

— Я ортопед. Ты знаешь, наверное, что, когда сломанная кость срастается, она становится крепче — вокруг места перелома возникает утолщение. Когда тело получает возможность исправить какой-то недостаток, оно может перестараться и сделать лучше, чем у тех, кто этого недостатка не имел. — Он указал в небо. — Трисолярианам кое-чего недоставало, если сравнивать их с людьми. И теперь они стараются нагнать упущенное. Но не чересчур ли рьяно стараются? Кто знает…

Эта мысль потрясла Чэн Синь. Однако Фрейс не пожелал продолжать обсуждение. Он поднял глаза к полному звезд небу и стал негромко читать стихи. В них говорилось о давних мечтах, об утрате доверия и обломках мечей, о гибели

людей и о том, как жить…

Стихи заворожили Чэн Синь так же, как звуки диджериду.

— Их написал Джек Дэвис, поэт-абориген, живший в XX веке.

Старик прислонился к дверному косяку и через несколько минут захрапел. Чэн Синь осталась сидеть под звездами, не уклонившимися ни на йоту от привычного пути, невзирая на мировые катаклизмы под ними, — пока на востоке не загорелся рассвет.

* * *

Через шесть месяцев после начала Великого переселения в Австралию переехали 2,1 миллиарда человек — половина населения планеты.

Стали поднимать голову проблемы, на которые до сих пор не обращали внимания. Канберрская резня, случившаяся через семь месяцев после начала переселения, стала лишь первым эпизодом в длинной цепочке кошмаров.

Томоко потребовала, чтобы люди переселялись «нагишом». В Эру Устрашения земные «ястребы» настаивали на похожих условиях для трисоляриан, если им когда-нибудь позволят мигрировать в Солнечную систему. Беженцам

позволялось взять с собой строительные материалы, все необходимое для устройства пищевых фабрик, медицинскую аппаратуру и другие жизненно необходимые предметы. Нельзя было брать любое тяжелое оборудование военного или гражданского назначения. Военнослужащим различных стран, направленным в зоны расселения, дозволялось легкое оружие для поддержания порядка. Инопланетяне собирались разоружить человечество полностью.

Но для правительства Австралии сделали исключение — ему позволили оставить абсолютно все, в том числе всю военную технику армии, флота и авиации. Страна, с момента рождения остававшаяся на периферии международных отношений, стала властелином мира.

В самом начале переселения правительство Австралии вело себя безукоризненно. И чиновники, и простые австралийцы изо всех сил пытались помочь иммигрантам. Но когда в Австралию хлынули переселенцы со всего мира, отношение к ним в стране, которая некогда единолично владела целым континентом, переменилось. Коренные австралийцы крайне возмущались и вскоре избрали новое правительство, которое заняло жесткую позицию по отношению к но-

воприбывшим. Пришедшие к власти политики быстро сообразили, что их преимущество перед всем миром сравнимо с тем, которое было у Трисоляриса перед Землей. Мигрантов, прибывших в числе последних, направляли в пустынные внутренние территории, а богатые, привлекательные земли, наподобие побережья Нового Южного Уэльса, объявили «зарезервированными» для австралийцев. Канберру и Сидней назвали «зарезервированными городами», в них также не допускали иммигрантов. Беженцам разрешили жить только в одном крупном городе — Мельбурне. Австралийское правительство повело себя как всемирный диктатор, поставило себя выше ООН и правительств других стран.

Хотя переселенцам и не разрешалось селиться в штате Новый Южный Уэльс, не представлялось возможным запретить им приезжать в качестве туристов. Многие мигранты валили толпами в Сидней, чтобы утолить свою жажду городской жизни, даже если им не позволяли остаться. Лучше сделаться бездомным и бродить по улицам города, чем жить в зонах расселения. По крайней мере, чувствуешь себя среди цивилизации. Очень скоро Сидней оказался переполнен. Правительство решило выдворить беженцев силой и не

давать им вернуться. В столкновениях полиции и армии с задержавшимися в городе мигрантами погибли люди.

Сиднейский инцидент дал выход давно скапливавшемуся гневу переселенцев на правительство Австралии. Более ста миллионов беженцев пересекли границу Нового Южного Уэльса и двинулись к Сиднею. При виде моря бунтовщиков солдаты австралийской армии бежали с занимаемых позиций. Десятки миллионов человек ворвались в Сидней и разграбили его подчистую — так колония муравьев пожирает свежий труп, оставляя после себя чисто обглоданный скелет. А потом погромщики ушли из полыхающего города; Сидней превратился в лес кошмаров, в царство беззакония. Те, кто остался, жили хуже, чем в зонах расселения.

Затем мятежники двинулись на Канберру, до нее было километров двести. Поскольку Канберра — столица Австралии, туда перебралась половина правительств мира. Даже ООН переехала туда из Сиднея. Чтобы защитить резиденции правительств, армии пришлось открыть огонь по нападавшим. Погибло больше полумиллиона человек — большинство умерло не от рук солдат, а от голода и жажды, или было затоптано обезу-

мевшей стомиллионной толпой. Хаос продлился более десяти дней, и все это время десятки миллионов человек были отрезаны от воды и пищи.

Мировоззрение переселенцев после этого значительно изменилось. Люди осознали, что на этом тесном, голодном континенте демократия страшнее деспотизма. Все мечтали о законности, порядке и сильной власти. Прежнее общество рухнуло. Мигранты требовали от правительства только еды, воды и места для койки; все остальное уже ничего не значило. Как лед постепенно затягивает поверхность воды в озере, когда наступают морозы, так и переселенцы мало-помалу стали поддаваться соблазну тоталитаризма. Слова Томоко, произнесенные после того, как она убила мародеров в центре раздачи пищи — «Вашей дегенеративной свободе пришел конец» — стали популярным лозунгом; из могил истории выползли старые отбросы политики, в том числе фашизм. Религии тоже вернули себе былую власть; люди группировались вокруг разных вер и церквей. Ожила теократия — зомби еще более древний, чем тоталитаризм.

Неизбежным результатом тоталитаризма является война. Стали чаще вспыхивать конфликты между беженцами разных национальностей.

Поначалу они возникали из-за воды и пищи, но вскоре переросли в методичное соперничество за жизненное пространство. После Канберрской резни австралийская армия стала мощным стабилизирующим фактором на землях Конгресса Переселенцев. По требованию ООН армия Австралии приступила к силовому поддержанию порядка. Без этого на континенте разразилась бы третья мировая война. И как предсказывал какой-то мыслитель XX века[153], оружием в ней послужили бы палки и камни. К этому времени национальные армии — за исключением австралийской — не могли вооружить своих солдат даже алебардами. В качестве оружия чаще всего использовали куски строительной арматуры, пошли в ход даже старинные мечи из музеев.

В эти темные дни бесчисленное количество людей просыпалось каждое утро, не веря, что все это происходит на самом деле. За полгода человечество настолько регрессировало, что одной ногой стояло в Средневековье.

Лишь приближение Второго Трисолярианского флота удерживало людей и общество от полного коллапса. Флот уже пересек пояс Койпера, и по-

[153] Примечания: 153

Это сказал Эйнштейн про четвертую мировую войну (http://mudroslov.ru/quotes?author=21&page=2). — *Прим. перев.*

рой безоблачными ночами факелы корабельных двигателей можно было разглядеть невооруженным глазом. На этих 415 слабых огоньках держались все надежды человечества. Люди помнили обещание Томоко и мечтали о том дне, когда флот наконец прилетит и устроит для всех на континенте спокойную, комфортабельную жизнь. Демоны прошлого стали ангелами спасения, единственной духовной опорой. Люди молились за их пришествие.

Переселение продолжалось, огни городов на других континентах меркли один за другим, а сами города превращались в опустевшие, умолкшие лабиринты. Так в роскошном ресторане гаснет свет после ухода последнего посетителя.

К началу девятого месяца Великого переселения в Австралии жили 3,4 миллиарда человек. Качество жизни все ухудшалось, и миграцию пришлось временно остановить. «Капли» снова нанесли удары по городам за пределами Австралии, и Томоко повторила свою угрозу: по истечении года Трисолярис сразу же начнет истреблять людей за пределами резерваций. Австралийский континент походил на тюремную повозку, катящуюся туда, откуда не возвращаются. В клетку набили так много заключенных,

что она практически лопалась по швам, но в нее предстояло затолкать еще семьсот миллионов человек.

Томоко задумалась над этой проблемой и предложила использовать Новую Зеландию и прилегающие острова как буферную территорию. Это сработало;

через два с половиной месяца через них в Австралию прошли дополнительные 630 миллионов беженцев.

Наконец, за три дня до срока последние три миллиона переселенцев отбыли с Новой Зеландии на кораблях и самолетах в Австралию.

Великое переселение закончилось.

* * *

К этому времени в Австралии размещалось подавляющее большинство населения — 4,16 миллиарда человек. За пределами континента оставалось восемь миллионов. Из них один миллион жил на марсианской базе, пять миллионов служили в Силах Безопасности Земли, и два миллиона примкнули к Земному Движению Сопротивления. По всему миру также оставалось незначительное количество людей, которых по тем или иным причинам не переселили; их

точного количества никто не знал.

Томоко набрала наемников в Силы Безопасности Земли, чтобы наблюдать за процессом переселения. Она пообещала, что принятым на службу не потребуется эмигрировать в Австралию; позже им разрешат селиться без ограничений на захваченных Трисолярисом территориях. Многие охотно соглашались; по данным окончательных подсчетов, более миллиарда человек подало заявления через инфосферу. На собеседование вызвали двадцать миллионов, из которых пять миллионов приняли в СБЗ. Немногие счастливчики не обращали внимания на плевки и укоризненные взоры — они знали, что многие из оплевывающих тоже подавали заявления.

Кое-кто сравнивал Силы Безопасности Земли с Обществом «Земля-Трисолярис», существовавшим триста лет назад. Однако между этими организациями не было ничего общего. ОЗТ состояло из воинов идеи, а рекруты СБЗ всего лишь хотели избежать переселения и жить в комфорте.

СБЗ делились на три корпуса: Азиатский, Европейский и Североамериканский. Они унаследовали все оружие и оборудование, оставленное национальными армиями при переселении. Вна-

чале СБЗ действовали сдержанно, исключительно выполняя приказ Томоко следить за эмиграцией и охранять объекты инфраструктуры от расхищения и саботажа. Но когда ситуация в Австралии обострилась и процесс переселения замедлился, недовольная Томоко стала предъявлять все новые и новые требования, сопровождавшиеся угрозами. Обезумевшие СБЗ прибегли к широкомасштабному насилию, чтобы вынудить людей уехать. В этот период СБЗ убили почти миллион человек. А когда отведенное на миграцию время вышло, Томоко приказала уничтожать всех людей за пределами резерваций. И тогда СБЗ осатанели. Сидя в летающих автомобилях, силовики реяли словно соколы над опустевшими городами, пикировали, завидев добычу, и расстреливали всех подряд из лазерных винтовок.

Земное Движение Сопротивления, наоборот, представляло собой все лучшее в человечестве, переплавленное в горниле катастрофы. Местных ячеек было так много, что их даже пересчитать не удавалось. Предполагали, что в движении участвовали от полутора до двух миллионов человек. Они скрывались в неприступных горах и в лабиринтах туннелей под городами, вели партизанскую войну против СБЗ и дожидались

той минуты, когда через четыре года смогут дать последний бой высадившимся трисолярианским захватчикам. По сравнению с любым другим партизанским движением в истории человечества Земное Движение Сопротивления безусловно превзошло всех в самопожертвовании. Поскольку Силы Безопасности опирались на всемерную поддержку Томоко и «капель», любые акции ЗДС мало чем отличались от самоубийства. Воевать приходилось в условиях, не допускающих действий объединенными силами, поэтому СБЗ могли уничтожать ячейки по одной.

Состав Земного Движения Сопротивления был смешанным, в нем встречались выходцы из всех слоев общества. Многие были выходцами из Общей Эры. Все шесть других кандидатов на пост Держателя Меча стали командирами Сопротивления. К концу переселения трое из них погибли в бою. Остались только инженер ускорителя Би Юньфэн, физик Цао Бинь и Иван Антонов, бывший русский вице-адмирал.

Каждый участник Сопротивления понимал, что надежды на победу нет. Как только приземлится Второй Трисолярианский флот, ЗДС будет уничтожено подчистую. Вечно голодные, одетые в лохмотья, прячущиеся по горным пещерам

и городским канализациям, люди воевали за остатки достоинства расы землян. Они были единственным лучом света в самый мрачный период человеческой истории.

* * *

Перед рассветом Чэн Синь разбудили гулкие раскаты. Ночью ей плохо спалось — за окном то и дело поднимали шум недавно прибывшие беженцы. Девушка сразу же сообразила, что сейчас не сезон гроз, да и люди на улице как-то притихли. Чэн Синь вздрогнула, поднялась с постели, накинула одежду и вышла наружу. Возле двери она чуть не споткнулась о спящего Фрейса. Тот глянул на нее полусонными глазами, прислонился к дверному косяку и опять заснул.

На улице только-только начало светать. Многочисленные беженцы беспокойно поглядывали на восток и взволнованно перешептывались. Чэн Синь повернулась в ту же сторону и увидела на горизонте густой столб черного дыма. Казалось, он разорвал бледный рассвет надвое.

Чэн Синь вскоре узнала, что час назад СБЗ начали бомбить Австралию. Их основной целью, по-видимому, являлись энергосистемы, порты и крупные транспортные механизмы. Столб

дыма клубился над разбитой термоядерной электростанцией, до которой было около пяти километров. Испуганные люди устремляли глаза в небо и видели в темной синеве пять инверсионных следов от бомбардировщиков СБЗ.

Девушка вернулась в дом. АА уже поднялась и включила телевизор. Но Чэн Синь не стала смотреть новости — она не нуждалась в дополнительной информации. Без малого год она постоянно молилась, чтобы этот момент никогда не наступил. Чэн Синь сделалась до того восприимчивой, что малейший намек подводил ее к правильному умозаключению. Она поняла, что случилось, как только услышала грохот за окном.

Уэйд снова оказался прав!

Чэн Синь обнаружила, что готова к этой ситуации. Раздумывать незачем, она уже знает, что делать. Девушка сказала АА, что ей нужно съездить к городским властям, и села на велосипед — самое удобное транспортное средство в зонах расселения. Она захватила с собой немного еды и воды, понимая, что, скорее всего, ей не удастся выполнить задуманное и дорога ей предстоит долгая.

Сквозь толчею в переулках она направилась к

мэрии. Каждая страна мира привезла в зоны расселения свои административные ресурсы. В этой зоне жили выходцы из среднего по размеру города на северо-западе Китая. Мэрия располагалась в двух километрах отсюда, в большой палатке. Чэн Синь уже видела ее белый шпиль.

В последние две недели, под конец Великого переселения, хлынуло огромное количество беженцев. На распределение их по национальным зонам уже не оставалось времени, поэтому их селили где придется. В зоне Чэн Синь нашли приют люди из других городов, областей, провинций и даже не из Китая. За последние два месяца в Австралию впихнули семьсот миллионов переселенцев, и жизнь в и без того переполненных зонах расселения стала совсем невыносимой.

По обеим сторонам дороги громоздились кучи вещей. Новоприбывшим было негде жить, поэтому они ночевали под открытым небом. Их разбудили звуки взрывов, и теперь они тревожно глядели в направлении дымного столба. В тусклом голубоватом предутреннем свете лица беженцев казались еще бледнее, чем обычно. К Чэн Синь вернулось ощущение, что она смотрит сверху вниз на муравейник. Девушка пробиралась среди бледных лиц, и ее томил под-

сознательный страх, что солнце больше никогда не взойдет.

Внезапно подступили слабость и тошнота. Чэн Синь затормозила, остановилась у края дороги, и ее вырвало, да так, что слезы навернулись на глаза. Сухие спазмы продолжались, пока желудок не обессилел. Где-то рядом заплакал ребенок; Чэн Синь увидела кутающуюся в лохмотья мать, обнимающую дочь. Изможденная, с нечесаными волосами, женщина не шевелилась, бездумно уставившись в сторону востока. Лучи восходящего солнца заглянули в ее глаза, но там отразились лишь оцепенение и боль утраты.

Чэн Синь вспомнила другую мать, красивую, здоровую, полную жизни, которая дала своего ребенка будущему Держателю Меча на площади перед зданием ООН. Где теперь она и ее дитя?

Возле палатки мэрии Чэн Синь пришлось сойти с велосипеда и проталкиваться сквозь многочисленную толпу. Здесь всегда было людно, но сейчас особенно — беженцы пришли узнать, что происходит. Чэн Синь подошла к охранникам и назвала себя. Офицер не знал ее в лицо и вынужден был считать код на удостоверении личности. Компьютер подтвердил, что это она, и взгляд офицера навсегда запечатлелся в памяти Чэн Синь:

«И почему же мы тогда выбрали тебя?»

Чэн Синь вошла в палатку и сразу вспомнила былую гиперинформационную эпоху. В обширном помещении над чиновниками и клерками висели многочисленные голографические инфоокна. По-видимому, многие из них трудились всю ночь и смертельно устали, но работы не убавлялось. Под этой крышей теснилось множество отделов, и все они боролись за рабочее пространство, что сильно напомнило Чэн Синь биржевой зал на Уолл-стрит в годы Общей Эры. Работники что-то нажимали в инфоокнах или набирали текст, а затем окна автоматически перемещались к другому клерку для дальнейшей обработки. Казалось, что светящиеся инфоокна — это призраки недавно ушедшей эры, собравшиеся на последнюю встречу.

Чэн Синь нашла мэра в крохотном закутке, отгороженном листами фанеры. Мэр был молод, на его нежном женственном лице лежала та же печать изнеможения, что и на лицах прочих сотрудников. Вдобавок он казался немного растерянным и отрешенным, как будто на плечи ему взвалили ношу, непосильную для представителя его хрупкого поколения.

На стене вспыхнуло огромное инфоокно с ви-

дом какого-то города. Почти все строения были старыми, традиционными, среди них возвышались лишь два-три здания-дерева. По всей видимости, не очень большой город. Чэн Синь отметила, что это видеозапись: в кадре иногда мелькали летающие автомобили, время дня — раннее утро. Девушка поняла, что инфоокно подменяло собой настоящее окно. Наверное, в этом городе мэр жил и работал до Великого переселения.

Мэр взглянул на Чэн Синь, и она прочла в его взоре еще одно «Почему мы выбрали тебя?». Тем не менее он вежливо спросил, чем может быть полезен.

— Мне нужно поговорить с Томоко, — ответила девушка.

Мэр покачал головой. Необычная просьба, казалось, слегка развеселила его, однако он ответил серьезно:

— Невозможно. Во-первых, у нас слишком низкий уровень, мы не можем выйти на прямой контакт с ней. Такой возможности нет даже у правительства всей провинции. Во-вторых, никто на Земле не знает, где сейчас Томоко. Связь с миром за пределами Австралии еле работает. Мы только что потеряли контакт с администрацией провин-

ции, да и электроснабжение вот-вот прервется.

— Вы можете отправить меня в Канберру?

— Самолета у меня нет, но могу выделить наземный автомобиль. Однако не исключено, что пешком будет быстрее. Мисс Чэн, я настоятельно прошу вас остаться. Повсюду царит хаос, там очень опасно. Города бомбят. Хотите верьте, хотите нет, но здесь относительно спокойно.

В зонах расселения не строили беспроводных систем энергопитания, поэтому летающие автомобили не работали. Можно было воспользоваться самолетами или наземными автомобилями с автономным питанием — вот только дороги стали непроезжими.

* * *

Выйдя из палатки мэрии, Чэн Синь услышала еще один взрыв. Столб дыма протянулся в небо с другой стороны; настороженную толпу охватила самая настоящая тревога. Девушка протолкалась к велосипеду; ей нужно проехать свыше пятидесяти километров, попасть на прием в администрации провинции и связаться оттуда с Томоко. Если не получится, Чэн Синь попытается добраться до Канберры.

Она не остановится ни перед чем.

Толпа затихла, когда над мэрией загорелось огромное, размером с сам шатер, инфоокно. Так поступали только для публикации важнейших новостей. Окно подрагивало из-за нестабильного напряжения в электросети, но на фоне неяркого рассветного неба все было хорошо видно.

В окне появилось здание Парламента в Канберре. Его построили в 1988 году, но продолжали называть «новым». На расстоянии оно казалось приземистым, прижавшимся к холму блиндажом; над крышей поднимался, наверное, самый высокий в мире флагшток. Мачта длиной свыше восьмидесяти метров вырастала из сплетения четырех гигантских стальных балок. По замыслу архитектора эта конструкция должна была символизировать стабильность, но сейчас она походила на каркас большой палатки. Над зданием реял флаг ООН — после погрома в Сиднее штаб-квартиру перенесли туда.

Огромный кулак сдавил сердце Чэн Синь. Настал Судный день.

Изображение переключилось на камеру в зале Палаты представителей. Присутствовало все руководство Земного Конгресса и Конгресса Флотов. Томоко созвала внеочередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

Томоко, по-прежнему в камуфляжной форме и черном шарфе, но без катаны, стояла у правительственного микрофона. Ее прекрасное лицо не носило и следа той пугающей, жестокой притягательности, к которой за прошедший год все уже привыкли. Сейчас она была сама лучезарность. Томоко поклонилась собравшимся лидерам человечества, и Чэн Синь снова, как два года назад, увидела милую хозяйку, привечающую гостей, прибывших на чайную церемонию.

— Великое переселение завершено! — Томоко опять поклонилась. — Благодарю вас! Я бесконечно признательна всем вам. Это величайшее достижение, сравнимое с миграцией ваших предков из Африки десятки тысячелетий назад. Для наших цивилизаций началась новая эра!

Снаружи что-то взорвалось, и все собравшиеся инстинктивно повернули головы. Четыре подвесные осветительные рампы закачались, по залу забегали тени. Казалось, здание вот-вот рухнет. Но Томоко продолжала:

— Прежде чем прибудет великий флот Трисоляриса и организует для вас новую счастливую жизнь, вам предстоит пережить три трудных месяца. Надеюсь, земляне справятся так же хорошо, как в период Великого переселения.

Теперь я объявляю полную изоляцию Австралийской резервации от остального мира. Семь зондов сильного взаимодействия и Силы Безопасности Земли проследят за соблюдением абсолютной блокады. Любого, пытающегося покинуть Австралию, сочтут нарушителем и беспощадно уничтожат!

Обезвреживание Земли будет продолжено. В ближайшие три месяца резервация перейдет на натуральное сельское хозяйство. Применение современных технологий, в том числе электроэнергии, строго запрещается. Как вы уже заметили, Силы Безопасности Земли приступили к систематическому уничтожению энергостанций Австралии.

Люди вокруг Чэн Синь не верили своим ушам. Они переглядывались в надежде, что кто-нибудь объяснит им слова Томоко.

— Это же геноцид! — вскрикнул кто-то в Палате представителей. Тени продолжали раскачиваться, словно тела висельников.

И в самом деле, это был геноцид.

Прокормить 4,2 миллиарда человек в Австралии трудно, но вполне вообразимо. Даже после Великого переселения плотность населения составляла пятьдесят человек на квадратный

километр — меньше, чем в Японии до Переселения.

Но продукты питания предполагалось изготавливать на высокоэффективных фабриках. В процессе переселения люди разобрали и перевезли значительное количество таких фабрик; многие из них уже восстановили и запустили. На пищевых фабриках выращивали генетически модифицированные злаки со скоростью, на порядки превосходящей природную. Однако для такого роста недостаточно естественного освещения, требуются сверхмощные лампы, потребляющие большое количество электроэнергии.

Если электроснабжение прервется, то ростки в оранжереях фабрик, требующие ультрафиолета или рентгеновских лучей для фотосинтеза, сгниют за пару дней.

Запасов продовольствия для 4,2 миллиарда человек хватит только на один месяц.

— Я не понимаю вашей реакции, — ответила Томоко человеку, крикнувшему «геноцид». Похоже, она говорила искренне.

— Пища! Откуда мы возьмем пищу? — крикнул кто-то еще. Люди уже не боялись Томоко. У них не осталось ничего, кроме отчаяния.

Томоко обвела взором зал и посмотрела в глаза

каждого из собравшихся.

— Пища? Да оглянитесь вокруг — вас окружает еда, живая еда!

Она говорила безмятежно, будто напоминая человечеству о забытом складе продовольствия.

Никто не проронил ни слова. Тщательно спланированный процесс уничтожения достиг последней фазы. Слишком поздно что-то говорить.

А Томоко продолжала:

— В грядущей битве за выживание подавляющая часть человечества погибнет. Через три месяца, ко времени прибытия флота, на континенте должно остаться от тридцати до пятидесяти миллионов человек. Именно их, победителей, ждет свободная и цивилизованная жизнь в резервации. Пламя земной цивилизации не угаснет окончательно, но будет теплиться тихо, словно лампада в гробнице.

Австралийскую Палату представителей создали по образцу британской Палаты общин. Галереи для посетителей находились по бокам, а скамьи парламентариев, которые сейчас занимали мировые лидеры, располагались внизу, в середине. Сидящим на депутатских скамьях людям казалось, что они уже в той самой гробнице и ее вот-вот запечатают.

— Сам факт существования — уже невероятная удача. Так было на Земле в прошлом, так было всегда в этой жестокой Вселенной. Но в какой-то момент человечеству почудилось, что у него есть *право на жизнь*, что жизнь — это что-то само собой разумеющееся. В этом кроется основная причина вашего поражения. Мы снова поднимаем флаг эволюции над этой планетой, и вам придется бороться за выживание. Надеюсь, что все сидящие в этом зале войдут в число победивших пятидесяти миллионов. Надеюсь, что *вы* будете есть пищу, а не пища будет есть вас.

— Аааааа! — женский крик невдалеке словно ножом прорезал тишину и потерялся в мертвом молчании толпы.

Чэн Синь почувствовала, как весь мир вокруг нее перевернулся. Она даже не поняла, что падает на землю. Словно в старинном слайд-шоу, палатка мэрии и голографическое окно сдвинулись в сторону и сменились огромным, необъятным небом. И тут земля, словно поднявшись стоймя, ударила ей в спину. Рассветное небо стало тусклым океаном, по которому лужами крови плыли малиновые облака, освещенные восходящим солнцем. Перед глазами появилась маленькая черная точка, которая быстро расширялась, будто

пятно на подожженном пламенем свечи бумажном листе, пока весь мир не затянуло мглой.

Девушка вскоре очнулась и, опершись ладонями о мягкий песок, села. Ощупала себя руками. Вроде бы все в порядке, все на месте. Кроме мира. Мир исчез. Вокруг не было ничего — только тьма. Чэн Синь распахнула глаза пошире, но так ничего и не увидела. Она ослепла.

Ее оглушили звуки; Чэн Синь не понимала, какие из них настоящие, а какие иллюзорные: топот ног, нарастающий, словно морской прилив, крики, рыдания и невнятные, жуткие стоны, какие издает мертвый лес в бурю.

Кто-то с разбегу врезался в нее, она повалилась, с трудом снова села. Перед глазами стояла непроглядная тьма, вязкая, как гудрон. Чэн Синь повернулась туда, где, по ее мнению, должен быть восток, но даже мысленно не смогла увидеть поднимающееся над горизонтом солнце. Вместо него восходило гигантское темное колесо, заливающее мир лучами черного света.

Посреди этого бесконечного мрака ей показалось, что она видит чьи-то глаза. Черные глаза растворились во мгле, но она ощущала их присутствие, чувствовала на себе их взгляд. Может быть, это глаза Юнь Тяньмина? Она упала в ту пропасть,

где сможет встретиться с ним. Она услышала, как Тяньмин зовет ее. Девушка попыталась изгнать галлюцинации из своего разума, но они не желали уходить. Наконец она убедилась, что призыв исходит из реального мира. Говорил явно мужчина, но голос звучал женственно — значит, человек принадлежал нынешней эпохе.

— Вы доктор Чэн Синь?

Она кивнула. Точнее, ощутила, что кивнула — ее тело, похоже, действовало само по себе.

— Что у вас с глазами? Вы не видите?

— Кто вы?

— Я командую специальной группой в составе Сил Безопасности Земли. Томоко приказала нам вывезти вас из Австралии.

— Куда?

— Куда пожелаете. Она позаботится о вас. Разумеется, если вы сами захотите отправиться с нами.

Чэн Синь услышала другой звук и сначала подумала, что это очередная галлюцинация: рокот вертолета. Человечество научилось антигравитации, но эта технология требовала слишком много энергии для практического применения. На летающем транспорте использовали традиционные пропеллеры. Она ощутила порывы ветра

— еще одно доказательство, что вертолет где-то недалеко.

— Можно мне поговорить с Томоко?

Ей в руку толкнулся какой-то предмет — мобильный телефон. Она поднесла его к уху и услышала голос Томоко:

— Приветствую тебя, Держатель Меча.

— Я искала встречи с тобой.

— Зачем? По-прежнему считаешь себя спасительницей мира?

Чэн Синь медленно покачала головой.

— Нет. Я никогда так о себе не думала. Я хочу спасти всего лишь двух человек. Хорошо?

— Кого именно?

– АА и Фрейса.

— А, свою болтливую подружку и старика-аборигена? И ты искала меня только ради этого?

Чэн Синь удивилась. Томоко встречалась с АА, но откуда она знала, кто такой Фрейс?

— Да. Пускай твои люди заберут их из Австралии, чтобы они жили на свободе.

— Это несложно. А как насчет тебя?

— Обо мне не беспокойся.

— Разве ты не видишь, что происходит?

— Не вижу. Я вообще ничего не вижу.

— Ты что, ослепла? Плохо питалась?

Чэн Синь, АА и Фрейсу весь год выдавали достаточные пайки, и правительство так и не отняло у старого аборигена дом. Как только Чэн Синь и АА переехали к Фрейсу, ее перестали третировать. Девушка полагала, что ее защищает местная администрация, но теперь она поняла — за ней приглядывала Томоко.

Чэн Синь понимала, что этим биороботом управляет группа инопланетян, находящихся на расстоянии в четыре световых года, но она, подобно другим людям, всегда воспринимала Томоко как личность, женщину. И эта женщина, занятая уничтожением 4,2 миллиарда человек, беспокоилась о ней!

— Если ты останешься, тебя съедят.

— Я знаю, — хладнокровно ответила Чэн Синь.

Неужели Томоко вздохнула?

— Хорошо. Я оставлю софон рядом с тобой. Если передумаешь или понадобится помощь, скажи, я услышу.

Чэн Синь не ответила, даже не поблагодарила.

Кто-то схватил ее за руку — это был командир Сил Безопасности Земли.

— Мне приказали вывезти тех двоих, о которых вы говорили. Будет лучше, если вы, доктор Чэн, поедете с нами. Здесь скоро начнется сущий ад.

Чэн Синь отрицательно покачала головой.

— Вы знаете, где они находятся? Вот и хорошо. Отправляйтесь за ними. Спасибо.

Она прислушалась к вертолету. После потери зрения ее слух обострился, словно стал третьим глазом. Она услышала, как вертолет поднимается в воздух, а потом приземляется в паре километров отсюда. Через несколько минут он снова взлетел, и постепенно шум мотора затих.

Чэн Синь удовлетворенно закрыла глаза. Открыты они или закрыты, вокруг царила ночь. Наконец-то ее разбитое сердце нашло покой среди моря крови. Непреодолимая тьма стала ей защитой. За пеленой мрака был ужас. От того, что там происходит, дрожал в ознобе сам мороз и спотыкалась в потемках сама тьма.

Хаос вокруг нее нарастал: люди бегали, дрались, стреляли, ругались, вопили, стонали, умирали… «Разве они уже начали есть друг друга? Еще рано для такого». Чэн Синь верила, что даже через месяц, когда кончится еда, большинство откажется есть человечину.

«Поэтому большинство и умрет».

Неважно, как станут называть пятьдесят миллионов выживших — людьми или еще как-то. Исчезнет сама концепция человечности.

Теперь всю историю земной цивилизации можно описать одной строкой: мы вышли из Африки, мы бродили семьдесят тысяч лет, мы дошли до Австралии.

В Австралии человечество вернулось к исходному состоянию. Однако нового путешествия не будет. Это конец.

Невдалеке заплакал ребенок. Чэн Синь захотелось обнять его. Она вспомнила малыша, которого держала перед зданием ООН — мягкого, теплого, приветливо улыбающегося. От прилива материнского чувства у девушки защемило сердце. Она боялась, что дитя останется голодным.

Последние десять минут Эры Устрашения: год 62-й, 28 ноября, с 16:17:34 до 16:27:58 «Гравитация» и «Синий космос», межзвездное пространство

Когда завыли сирены, возвещая о нападении «капель», лишь один человек на борту «Гравитации» почувствовал облегчение. Это был Джеймс Хантер, самый старый член экипажа. Ему исполнилось семьдесят восемь, и все называли его

«Старый Хантер».

Полвека назад, на базе Флота возле Юпитера, двадцатисемилетний Хантер получил свое назначение из уст начальника штаба:

— Вы будете оператором кулинарного оборудования на «Гравитации».

Так пышно называлась должность кока. Но поскольку на боевом корабле производством пищи занимались системы искусственного интеллекта, оператор-кулинар только управлял аппаратурой. Главным образом, он вводил меню и выбирал рецепты. Как правило, операторами кулинарного оборудования назначали старшин, но Хантеру только что присвоили звание капитана первого ранга. Он стал самым молодым полковником во флоте. Хантер, однако, не удивлялся. Он знал, чем ему предстоит заниматься на самом деле.

— Ваша подлинная задача — охранять гравитационный передатчик. Если командование «Гравитации» утратит контроль над кораблем, вы должны уничтожить передатчик. Если случится что-то непредвиденное, для выполнения задачи используйте любые меры на свое усмотрение.

Установленный на «Гравитации» передатчик состоял из антенны и блока управления. Антенной являлся сам корпус корабля, и разрушить

его невозможно. Однако можно разбить блок управления, тогда передатчик выйдет из строя. Деталей, чтобы собрать новый, нет ни на «Гравитации», ни на «Синем космосе».

Хантер знал, что подобные ему люди служили давным-давно на атомных подводных лодках. В то время в составе экипажей подводных ракетоносцев Советского Союза и НАТО числились матросы и офицеры невысокого ранга, занимающие скромные должности. Им были поручены такие же задания. Если возникнет опасность захвата лодки и ядерных ракет, они неожиданно выйдут из тени и сделают все возможное для ликвидации угрозы.

— Вы обязаны присматривать за всем, что происходит на корабле, следить за действиями каждой смены экипажа. Поэтому вам нельзя ложиться в гибернацию.

— Не знаю, доживу ли я до ста лет.

— Ваша задача дожить только до восьмидесяти. К тому времени закончится период полураспада вырожденного вещества, из которого состоит струна антенны, передатчик «Гравитации» выйдет из строя, и ваша миссия завершится. Таким образом, вам нельзя ложиться в гибернацию на пути туда; обратный путь можете провести во

сне. Но так или иначе, вам придется посвятить этому заданию всю оставшуюся жизнь. У вас есть право отказаться.

— Я согласен.

Начальник штаба задал вопрос, который в прошлые эпохи ни одному командиру и в голову бы не пришел:

— Почему?

— Во время битвы Судного дня я был аналитиком АСР на «Ньютоне». Прежде чем «капля» уничтожила наш корабль, я покинул его в спасательной шлюпке. Она была самой маленькой из всех, имеющихся на корабле, но могла вместить пятерых. В этот момент к ней спешили несколько других членов экипажа, а кроме меня в шлюпке никого не было. Но я отдал ей приказ стартовать…

— Мне об этом известно. Решение военно-полевого суда однозначно: вы действовали правильно. Через десять секунд после запуска шлюпки корабль взорвался. У вас не оставалось времени на ожидание.

— Это так. Но… мне кажется, что стоило бы остаться на «Ньютоне».

— Я знаю, что потери ложатся тяжелым бременем на плечи выживших. На этот раз вам дается

шанс спасти миллиарды.

Два офицера помолчали. Сквозь иллюминатор, словно гигантское око, на них смотрело Большое Красное Пятно Юпитера.

— Прежде чем объяснить задание подробно, хочу, чтобы вы понимали: ваш основной долг — не допустить попадания системы в чужие руки. Если не можете точно оценить степень риска, уничтожайте передатчик — пусть даже потом выяснится, что вы ошиблись. Когда решите действовать, не думайте о побочном ущербе. Если потребуется, можете взорвать весь корабль.

«Гравитация» покинула Землю под управлением первой смены экипажа. Хантер был среди них. Все пять лет, до следующей смены, он регулярно принимал особые маленькие голубые таблетки. Под конец смены, когда пришла пора ложиться в гибернацию, врачи поставили ему диагноз: нарушение церебрососудистой коагуляции, или «бессонная болезнь». При этом редком заболевании пациент не ощущал никаких неудобств, но не мог лечь в холодный сон — в процессе пробуждения разрушался мозг. Это было единственное известное заболевание, не допускавшее погружение пациента в гибернацию. Когда диагноз подтвердился, сослуживцы так посмотрели на

Хантера, словно тот уже умер и они присутствуют на похоронах.

Итак, Хантер не спал на протяжении всего полета. Каждый раз, когда кто-нибудь выходил из гибернации, он замечал, что Хантер постарел. Корабельный повар рассказывал проснувшимся обо всем интересном, что случилось за десяток лет, пока они спали. Скромный кок нравился всему экипажу, его уважали и рядовые, и офицеры. С течением времени он стал символом долгого путешествия «Гравитации». Никто даже не подозревал, что у общительного, доброго трудяги такое же воинское звание, как и у командира корабля, и что только он, не считая командира, имеет право и возможность уничтожить космолет, если разразится кризис.

Пока длились первые тридцать лет полета, у Хантера было несколько подруг. В этой области у него было преимущество перед другими: он мог встречаться с женщинами разных смен, то с одной, то с другой. Но прошли десятилетия, и Хантер стал «Старым Хантером». Женщины, по-прежнему молодые, считали его лишь хорошим другом и интересным рассказчиком.

За полвека Старый Хантер по-настоящему любил лишь одну женщину — Рейко Акихару.

Но почти всегда их разделяли свыше десяти миллионов астрономических единиц. Младший лейтенант Акихара служила навигатором на «Синем космосе».

Охота за «Синим космосом» была единственным предприятием, в котором Земля и Трисолярис стремились к одной и той же цели. Одинокий корабль, летящий в пучину космоса, угрожал обоим мирам. В дни, когда Земля попыталась приманить к себе два корабля, выживших в битвах Тьмы, на «Синем космосе» узнали, что Вселенная — это «темный лес». Если «Синий космос» однажды сможет передать сообщение во Вселенную, последствия трудно даже представить. Поэтому Трисолярис всемерно содействовал в преследовании. До входа в закрытое пространство софоны непрерывно в реальном времени транслировали на «Гравитацию» виды кают и коридоров беглого корабля.

За прошедшие десятилетия ранг Хантера повысили со старшины второго класса до старшины первого класса, а затем в особом порядке произ-

вели в офицеры. Начав с энсина[154], он поднялся до лейтенанта. Но даже в этом ранге у него не было права доступа к передачам с борта «Синего космоса». Однако в его распоряжении имелись специальные коды доступа ко всем системам корабля, и он зачастую смотрел трансляцию у себя в каюте, на экране размером с ладонь.

Он увидел, что общество «Синего космоса» радикально отличается от «Гравитации». Оно было милитаристским, авторитарным, строилось на принципах жесткой дисциплины. Каждый член экипажа отдавал на общее благо все, что имел. Впервые он увидел Рейко через два года после начала преследования. Красавица из Восточной Азии мгновенно покорила его сердце. Он наблюдал за ней ежедневно, часами; порой ему даже казалось, что он знает ее жизнь лучше, чем свою. Но через год Рейко легла в гибернацию, а проснулась только через тридцать лет. Она осталась такой же молодой, но Хантеру почти сравнялось шестьдесят.

---

[154] Примечания: 154

Энсин — младшее офицерское звание в сухопутных и военно-морских силах некоторых западных стран. В сухопутных силах энсин командует небольшим отрядом, отвечающим за полковое знамя, и является эквивалентом прапорщика в российской армии. В военно-морских силах энсин часто является первым офицерским званием; соответствующее звание в российском флоте — мичман. — *Прим. перев.*

В ночь перед Рождеством, после шумной вечеринки он вернулся к себе в каюту и включил трансляцию с «Синего космоса». На экране вспыхнул подробный план корабля. Он нажал пальцем на отсек навигации, и на экране появилась Рейко, несущая вахту. Она рассматривала большую голографическую звездную карту. Яркая красная линия отмечала траекторию «Синего космоса». Под ней белой линией, почти совпадавшей с красной, была показана траектория «Гравитации». Хантер отметил, что белая линия немного не совпадала с подлинным курсом преследователей. Сейчас корабли разделяло несколько тысяч астрономических единиц. На таком удалении безошибочно определить курс небольшого космолета не получится. По-видимому, белая линия начерчена приблизительно; однако расстояние они угадали довольно точно.

Хантер приблизил изображение. Рейко внезапно повернулась к нему лицом и с улыбкой, от которой дрогнуло сердце, сказала: «С праздником!» Хантер понимал, что Рейко поздравила не его лично, а всех, кто догоняет их корабль. Она знала, что за «Синим космосом» наблюдают софоны, хотя сама взглянуть на преследователей не могла. Так или иначе, это мгновение стало

одним из счастливейших в жизни Хантера.

Экипаж «Синего космоса» был большим, поэтому смена Рейко скоро закончилась. Через год она снова легла в холодный сон. Хантер предвкушал тот день, когда встретит Рейко лицом к лицу — как только «Гравитация» наконец догонит «Синий космос». Жаль, что к тому времени ему будет почти восемьдесят. Он надеялся, что успеет рассказать о своей любви, прежде чем девушку арестуют и отдадут под суд.

Хантер исправно выполнял возложенные на него обязанности уже полвека. Он внимательно следил за всем необычным и мысленно разыгрывал действия в различных ситуациях. Но ответственность не слишком изматывала старого офицера. Он знал, что рядом с «Гравитацией» есть еще одна, крайне надежная страховка. Как и многие другие, он часто наблюдал за «каплями» в иллюминаторы. Для него, однако, значение «капель» было иным. Он знал, что если на «Гравитации» произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее — мятеж или попытка захвата гравипередатчика, — «капли» уничтожат корабль. Трисолярианские зонды невероятно быстры: они пролетят несколько километров и достигнут цели за каких-то пять секунд.

Миссия Хантера уже подходила к концу. Сердце гравитационной антенны — струна из вырожденной материи диаметром всего десять нанометров, протянувшаяся от носа до кормы полуторакилометрового корпуса, — почти достигла срока полураспада. Еще два месяца, и плотность струны упадет ниже минимально допустимой для гравитационной передачи: тогда система полностью выйдет из строя. «Гравитация» превратится из передатчика, несущего угрозу двум планетам, в обычный звездолет, и служба Хантера завершится. Тогда он откроет свое подлинное лицо. Ему было любопытно посмотреть на реакцию экипажа: восхитятся они или ответят презрением? В любом случае он перестанет принимать голубые таблетки, и его «болезнь» исчезнет. Он ляжет в гибернацию и проснется на Земле, где и проведет остаток жизни. Для него начнется новая эпоха. Но он ляжет в холодный сон только после того, как увидит Рейко — а это случится уже скоро.

И вдруг софоны ослепли. Во время полета Хантер продумывал множество самых разных осложнений, и это было одним из худших. Потеря софонов означала, что ни «капли», ни Трисолярис не знали, что происходит на «Гравитации». Если что-нибудь случится, «капли» не успеют среа-

гировать. Ситуация стала угрожающей, и бремя на плечах Хантера возросло десятикратно, будто миссия только-только началась всерьез.

Теперь Хантер еще пристальнее следил за всем, что происходило на корабле. Дело осложнялось тем, что экипаж в полном составе вывели из гибернации. Но Хантер был единственным, кого знали абсолютно все; он пользовался популярностью и имел подход к любому человеку. Никто не опасался мелкого служащего, безобидного любителя поболтать. И рядовые, и в особенности младшие офицеры делились с ним мыслями, которые никогда бы не поведали ни старшим офицерам, ни психологам. Хантер владел всей полнотой ситуации.

Как только софоны ослепли, на корабле начали твориться необычные вещи. В оранжерею, находящуюся в самом центре корабля, попал микрометеорит. Несколько человек уверяли, что видели, как в переборках возникают странные отверстия, как некоторые предметы исчезают, а потом как ни в чем не бывало появляются снова без каких-либо повреждений…

Среди всех этих непонятных явлений то, что случилось с Девоном, командиром подразделения военной полиции, озаботило Хантера больше

всего. Девон был одним из старших офицеров корабля. Как правило, Хантер с ними мало общался. Но когда он узнал, что Девон хочет поговорить с психиатром — человеком, встречи с которым избегал весь экипаж, — Хантер насторожился. За бутылкой выдержанного виски он вытянул из Девона все подробности необычной встречи.

Несомненно, если отбросить попадание микрометеорита, странные события разумнее всего объяснить тем, что экипаж страдает галлюцинациями. Возможно, утрата софонов каким-то неведомым образом вызвала массовое психическое расстройство. Так, по крайней мере, объясняли происходящее доктор Уэст и его подчиненные. Долг службы не позволял Хантеру легко согласиться с этой теорией; но, если исключить галлюцинации и массовое помешательство, то, о чем говорили члены экипажа, просто невозможно. Однако миссия Хантера требовала от него принимать меры против невозможного, которое по какой-то причине стало возможным.

В противоположность массивной антенне блок управления гравитационным передатчиком не занимал много места. Он располагался в небольшом сферическом отсеке на корме, действовал независимо и не был подключен к другим систе-

мам корабля. Отсек походил на особо прочный стальной сейф. Никто на борту «Гравитации» не имел к нему доступа, даже капитан корабля. Лишь Держатель Меча на Земле мог инициировать гравитационное вещание; для этого на «Гравитацию» послали бы пучок нейтрино, включающий передатчик. Сюда такой сигнал добирался бы целый год.

Но если «Гравитацию» захватят, броня сферического отсека долго не продержится.

В часах Хантера была специальная кнопка. Если ее нажать, в отсеке с аппаратурой взорвется термитный заряд и испарит все внутри. Тайные обязанности кока были весьма просты: независимо от природы кризиса, если он сочтет, что риск превышает некоторое пороговое значение, он должен нажать кнопку и уничтожить блок управления. Передатчик выйдет из строя.

В некотором смысле Хантер был противоположностью Держателя Меча.

Хантер не слишком доверял кнопке в часах и термитной бомбе. Он бы предпочел день и ночь сторожить сам отсек, но, разумеется, это вызвало бы подозрения, — а ведь секретность миссии являлась его важнейшим козырем. Тем не менее он стремился держаться поближе к тайному от-

секу и поэтому часто навещал астрономическую обсерваторию, также расположенную на корме. Поскольку весь экипаж бодрствовал, кулинарными делами занимались помощники Хантера, а у него самого появилось достаточно свободного времени. Кроме того, доктор Гуань Ифань был единственным гражданским ученым на борту и не подчинялся военной дисциплине. Никого не удивляло, что Хантер часто ходил к Гуаню, чтобы вместе пропустить рюмку-другую, — к спиртному Хантер имел доступ по службе. Доктор Гуань, в свою очередь, с удовольствием пил и рассказывал коку о «синдроме трех и трехсот тысяч» Вселенной. Вскоре Хантер стал почти весь свой досуг проводить в обсерватории, отделенной от тайного отсека всего лишь коротким коридором длиной метров двадцать.

В очередной раз идя в обсерваторию, Хантер встретил по дороге Гуань Ифаня и доктора Уэста — те направлялись на нос корабля. Тогда он решил проверить, как там поживает отсек управления. Когда до двери оставалось метров десять, взвыли сирены, предупреждая об атаке «капель». Поскольку официальный ранг Хантера был невысок, загоревшееся перед ним информационное окно давало только самую общую информацию,

но он знал, что «капли» сейчас находятся дальше от корабля, чем при полете в тесном строю. До удара оставалось десять-двадцать секунд.

В эти последние секунды Старый Хантер почувствовал облегчение и радость. Что бы теперь ни случилось, он выполнит свой долг. Он предвкушал не смерть, а победу.

Вот почему когда через полминуты сирены умолкли, Хантер оказался единственным на борту, кто не ощутил спада нервного напряжения. Прекращение тревожных сигналов означало для него величайшую опасность: гравитационный передатчик цел, а нависшая угроза непонятна. Без малейшего колебания он нажал кнопку на часах.

Ничего не произошло. Разумеется, отсек управления плотно запечатан, но Хантер должен был ощутить взрывную волну. На экране часов появилась надпись:

Отказ: модуль самоликвидации демонтирован.

Хантер даже не удивился. Интуиция уже подсказала ему, что случилось самое худшее. А он-то думал, что скоро наступит покой… Где там! Теперь покоя не жди.

* * *

Ни одна из «капель» не попала в намеченные цели. Оба трисолярианских зонда прошли предельно близко к «Гравитации» и «Синему космосу» — в считаных десятках метров.

Через три минуты после отключения сирен Джозефу Моровичу, капитану «Гравитации», наконец удалось собрать старших офицеров в боевой рубке управления. Посреди помещения располагалась громадная ситуационная карта. На ней не светились звезды; карта отображала только два корабля и подлетные траектории «капель». Два длинных следа казались прямыми, но из собранных данных следовало, что это еле заметно изгибающиеся параболы. Провели моделирование атаки. Две «капли» разогнались было навстречу своим целям, и тут траектории начали смещаться — еле-еле заметно, однако общий результат оказался значительным: «капли» промахнулись. Многие из старших офицеров участвовали в битве Судного дня; до сих пор у них от страха замирало сердце, когда они вспоминали, на какие крутые повороты на высокой скорости способен трисолярианский зонд. Но прочерченные на карте траектории были совер-

шенно иными: казалось, что какая-то внешняя сила, перпендикулярная к вектору «капель», упорно уводила их с курса.

— Воспроизведите запись с самого начала, — приказал капитан. — В видимом диапазоне.

Появились звезды и галактики. Это было уже не моделирование, а видеозапись реальных событий. В углу вспыхнули цифры отсчета времени. Все заново пережили ужас недавних событий, когда оставалось только ждать смерти — ни маневрирование, ни оружие не помогли бы. Вскоре цифры замерли — «капли» уже пролетели мимо, так быстро, что никто их не увидел.

Воспроизведение переключилось в замедленный режим. Запись вели скоростные камеры, а значит, просмотр всего десятисекундного фрагмента занял бы слишком много времени. Поэтому начали с трех секунд от конца. Офицеры увидели, как перед камерой блеклым метеором на фоне звезд пролетает «капля». Воспроизведение повторили и остановили, когда «капля» оказалась в центре кадра. Изображение увеличивали, пока зонд не занял собой почти весь экран.

За полвека путешествия в компании «капель» команда «Гравитации» хорошо изучила их внешний вид. Теперь перед их глазами предстало нечто

поразительное. Зонд на экране сохранял форму капли, но его поверхность больше не являлась безупречно гладким зеркалом. «Капля» потускнела и приобрела медно-желтый цвет, словно ржавая. Казалось, что давным-давно наложенное волшебником заклинание вечной юности выдохлось, и проявились все шрамы, полученные за триста лет скитаний в космосе. Из сверкающего ангела смерти «капля» превратилась в древний артиллерийский снаряд, дрейфующий сквозь пространство. В последние годы офицеры получали с Земли кое-какую информацию по материалам сильного взаимодействия. Они знали, что поверхность «капли» окружена силовым полем, которое создает аппаратура внутри. Это поле нейтрализовало электромагнитные взаимодействия между элементарными частицами и позволяло выступить вперед сильному ядерному взаимодействию. Если силовое поле отключить, материал сильного взаимодействия станет обычным металлом.

«Капли» были мертвы.

Затем офицеры просмотрели записи, сделанные после попытки нападения. Моделирование показало, что, как только «капля» пронеслась рядом с «Гравитацией», мистическая перпенди-

кулярная сила, уводившая зонд с курса, пропала, и дальше «капля» летела по инерции. Но через несколько секунд скорость зонда начала снижаться. Компьютеры анализа боевой ситуации установили, что сила, тормозящая зонд, равна по величине той силе, что отталкивала его с траектории атаки. Следовательно, источник воздействия переключился с приложения силы в бок «капли» на приложение силы с фронтальной части.

Поскольку запись велась через мощный телескопический объектив, удалось увидеть удаляющуюся «каплю» сзади. Зонд развернулся на девяносто градусов, перпендикулярно к направлению движения, и продолжал лететь по инерции. Затем он начал замедляться. То, что случилось дальше, показалось сценой из сказки. Хорошо, что доктор Уэст был в числе присутствующих, иначе он опять заявил бы, что все собравшиеся страдают галлюцинациями. Перед «каплей» возник треугольный объект, раза в два длиннее нее. Все тотчас же узнали в нем челнок «Синего космоса»! Для дополнительной тяги на его корпус навесили несколько небольших термоядерных двигателей. Дюзы были направлены от камеры, но окружающее их свечение сообщало, что двигатели работают на максимальной

мощности. Челнок толкал «каплю», чтобы снизить ее скорость. Легко догадаться, что это и был источник силы, отклонившей зонды с траектории атаки.

Как только челнок возник на экране, на другой стороне «капли» — той, на которую смотрела камера, — появились две фигуры в космических скафандрах. Из-за торможения их прижимало к поверхности зонда. Один астронавт держал в руках какой-то прибор и, похоже, изучал «каплю». До сих пор «капли» казались человечеству чуть ли не чем-то божественным, не принадлежащим этому миру, недоступным. Единственные люди, коснувшиеся зонда, испарились в пламени битвы Судного дня. Но теперь «капля» утратила загадочность. Лишенная зеркального сияния, она выглядела заурядной, изношенной и даже более примитивной, чем челнок и астронавты, — просто какая-то древняя штуковина, а то и вовсе космический мусор. Через несколько секунд и челнок, и астронавты исчезли, но зонд продолжал торможение; это означало, что челнок по-прежнему толкает «каплю», только стал невидим.

— Они знают, как выводить «капли» из строя! — вскричал кто-то.

Капитаном Моровичем завладела единственная мысль. Как и Хантер несколько минут назад, он без колебаний нажал кнопку на своих часах. Перед ним вспыхнуло красное инфоокно с сообщением об ошибке:

Отказ: модуль самоликвидации демонтирован.

Капитан выскочил из боевой рубки и помчался на корму. За ним поспешили остальные офицеры.

* * *

Первым из экипажа «Гравитации» до отсека управления гравитационным передатчиком добрался Старый Хантер. Не имея возможности войти в отсек, он решил перерезать кабель между блоком управления и антенной. Это на время вывело бы передатчик из строя, а там он как-нибудь ухитрился бы уничтожить сам блок управления.

Но на месте уже кто-то был — и этот чужак осматривал вход в отсек!

Хантер выхватил пистолет и навел на постороннего. Человек носил форму младшего лейтенанта «Гравитации», а не мундир времен битвы Судного дня, как ожидал старый офицер — посторонний где-то ее украл! Хантер узнал его со спины.

— Так я и думал — коммандер Девон не ошибся!

Лейтенант-коммандер Пак Ый-гун, командующий подразделением десанта на «Синем космосе», обернулся. Он выглядел лет на тридцать, но его лицо выдавало, что он прошел через такое, чего никто на «Гравитации» даже представить себе не сможет. Вид у Пака был слегка удивленный — наверное, не ожидал встретить Хантера. Не теряя самообладания, он выставил ладони перед собой и начал:

— Позвольте мне объяснить…

Старого Хантера не интересовали объяснения. Он не желал знать, как этот человек попал на «Гравитацию», живой он или привидение. В любом случае ситуация была слишком опасной. Хантер хотел одного — разбить блок управления. В этом заключался весь смысл его жизни, а человек с «Синего космоса» преграждал дорогу. Хантер нажал на спуск.

Пуля попала Паку в грудь и отбросила на дверь отсека. Пистолет был заряжен специальными патронами для боя внутри корабля. Пули не пробивали перегородки и не повреждали оборудование, зато и убойная сила их была ниже, чем у лазерных лучей. Из раны выступила кровь, но

так как дело происходило в невесомости, Пак не упал. Он потянулся к своему оружию. Хантер выстрелил еще раз, в груди лейтенанта-коммандера появилась новая рана, а в воздухе поплыло еще больше шариков крови. Наконец Хантер прицелился Паку в голову, но сделать третий выстрел ему не дали.

Подоспевшие через несколько мгновений капитан Морович и прочие офицеры застали такую картину: пистолет Хантера плавал в отдалении от владельца; тело старого кока застыло, глаза закатились, руки и ноги дергались. Ряды алых бусин разной величины тянулись изо рта и окутывали раненого словно облаком. В середине кровавого тумана парил темно-красный предмет размером с кулак; за ним, словно двойной хвост, болтались две трубки, похожие на кишки.

Предмет ритмично пульсировал, и с каждым сокращением из кишок выплескивались новые порции крови. Он продвигался вперед, словно багровая медуза, плывущая по воздуху.

Это было сердце Хантера.

За несколько секунд до этого Хантер схватился за грудь и отчаянно рванул на себе рубашку. Все видели, что кожа на его обнаженной груди совершенно цела — ни царапины.

— Его еще можно спасти, если срочно доставить к хирургу, — с трудом прохрипел лейтенант-коммандер Пак. Из ран на его груди продолжала литься кровь. — К счастью, докторам уже не надо резать грудь, чтобы вернуть сердце на место… Стоять! Им вырвать ваш мозг или сердце легче, чем вам снять яблоко с ветки. «Гравитация» захвачена!

Из другого коридора хлынули вооруженные до зубов десантники — большинство в темно-синих скафандрах, изготовленных еще до битвы Судного дня. Очевидно, солдаты прибыли с «Синего космоса». В руках они держали мощные лазерные винтовки.

Капитан Морович кивнул своим офицерам. Не говоря ни слова, они отбросили личное оружие в сторону. Экипаж «Синего космоса» был в десять раз больше, чем экипаж «Гравитации». В одном только подразделении десанта служило больше ста человек. Им не составит труда держать «Гравитацию» под контролем.

В мире не осталось ничего невозможного. «Синий космос» превратился в сверхъестественный боевой корабль, вооруженный магией. Астронавтов «Гравитации» вновь охватил ужас, подобный которому они испытали во время битвы Судного

дня.

* * *

В середине огромного сферического ангара «Синего космоса» плавало в невесомости более тысячи четырехсот человек. Из них свыше тысячи двухсот служили на «Синем космосе». Шестьдесят лет назад офицеры и рядовые корабля точно так же выстроились, передавая командование Чжан Бэйхаю, и почти все они сейчас находились в этом зале. Для управления «Синим космосом» в обычном полете требовалось лишь несколько человек, так что члены экипажа постарели незначительно — в среднем на три-пять лет. Поэтому и обжигающее пламя сражений Тьмы, и пронизывающий холод космических похорон они помнили так, будто это случилось только вчера. Остальные сто человек служили на «Гравитации». Два экипажа — один большой и один маленький, одетые каждый в свою форму и с подозрением взирающие друг на друга, — собрались в две группы, сохраняющие между собой солидное расстояние.

Перед строем парила смешанная группа старших офицеров обоих кораблей. Вперед выступил капитан Чу Янь, командующий «Синим кос-

мосом». Ему было сорок три года, но выглядел он моложе. Чу Янь был образцом культурного военного. Его речь и манеры отличались спокойствием и изысканностью, иногда даже с оттенком застенчивости. Но на Земле Чу Янь уже вошел в легенды. Во время битвы Тьмы именно он отдал приказ стравить в космос атмосферу корабля и тем самым предотвратил гибель экипажа от инфразвуковых ядерных бомб. Даже в эти дни общество не пришло к единому мнению: одни считали, что действия «Синего космоса» в этой битве следует считать самозащитой, другие настаивали, что это убийство. Когда заработала система устрашения «темным лесом», Чу Янь не поддался давлению большинства на корабле и тянул с возвратом на Землю; это дало космолету время, чтобы сбежать, получив предупреждение с «Бронзового века». О капитане ходило множество слухов. Например, когда «Естественный отбор» принял решение дезертировать и избежать битвы Судного дня, Чу Янь стал единственным, кто вызвался отправиться в погоню. Кое-кто утверждал, что у капитана были свои намерения: захватить «Синий космос» и сбежать вместе с «Естественным отбором». Разумеется, это были всего лишь слухи.

— Здесь собраны экипажи обоих кораблей почти в полном составе, — начал Чу Янь. — Несмотря на наши разногласия, мы предпочитаем думать обо всех нас как о людях одного мира, состоящего из «Синего космоса» и «Гравитации». Но прежде чем задуматься о будущем нашего мира, надо заняться одной неотложной проблемой.

В воздухе загорелось большое голографическое инфоокно, изображавшее космос с редкими звездами. В середине картинки клубился легкий белый туман, прочерченный несколькими сотнями параллельных линий, выглядевших как волоски щетки. Кадр явно подвергся компьютерной обработке — линии были видны очень отчетливо. Люди двух последних веков прекрасно знали, что это за «щетка». Некоторые фирмы даже использовали ее в качестве логотипа.

— Эти следы были обнаружены восемь дней назад в облаке межзвездной пыли недалеко от Трисоляриса. Присмотритесь к видеозаписи.

Все сосредоточили взгляды на инфоокне. Без сомнения, следы в тумане росли.

— Во сколько раз ускорено воспроизведение? — спросил один из офицеров «Гравитации».

— Оно вообще не ускорено.

Толпа зашумела, словно лес, над которым вне-

запно пошел проливной дождь.

— По моим грубым прикидкам, эти корабли движутся почти со скоростью света, — невозмутимо проговорил капитан «Гравитации» Морович. За последние два дня он видел слишком много невероятного.

— Совершенно верно. Второй Трисолярианский флот движется к Земле со скоростью света и прибудет через четыре года. — Чу Янь сочувственно взглянул на экипаж «Гравитации», будто жалея, что принес плохие вести. — После вашего отлета Земля погрузилась в фантазии о всеобщем мире и процветании и упустила контроль над ситуацией. Трисолярис же терпеливо ждал — а теперь воспользовался шансом.

— Откуда нам знать, что это не подделка? — выкрикнул кто-то с «Гравитации».

— Я могу подтвердить! — заявил Гуань Ифань. Он был единственным гражданским в зависшей перед строем небольшой группе. — Моя обсерватория зарегистрировала эти же следы. Но я не обратил на них внимания, потому что сосредоточился на крупномасштабных космологических исследованиях. Теперь же я просмотрел записи. Солнечная система, система Трисоляриса и наши корабли образуют неравносторонний тре-

угольник. Самая длинная его сторона — между Солнцем и Трисолярисом. А сторона между нами и Солнечной системой самая короткая. Другими словами, мы ближе к Трисолярису, чем Солнечная система. Через сорок дней следы увидят на Земле.

Вновь заговорил Чу Янь:

— Мы уверены, что на Земле уже произошли некие события. Если точнее, они случились около пяти часов назад, когда «капли» напали на наши корабли. По сведениям «Гравитации», на это самое время была назначена передача полномочий от Держателя Меча его преемнику. Трисолярис полвека дожидался этой возможности. Очевидно, «каплям» отдали приказ еще до входа в закрытую зону. Нападение планировали тщательно и задолго до нужного момента.

Мне ничего не остается, как заключить, что шаткий мир, основанный на устрашении «темным лесом», нарушен. Возможны только два варианта: либо всеобщая гравитационная передача была осуществлена, либо нет.

Чу Янь нажал на кнопку в воздухе и вызвал на голографический экран фотографию Чэн Синь, тоже найденную на «Гравитации». На снимке Чэн Синь стояла перед зданием Секретариата

ООН, держа на руках ребенка. Ее изображение увеличили до размера «щетки» — до чего же разительный контраст! В космосе преобладали два цвета — черный и серебристый, бездна пространства и холодный свет звезд. А Чэн Синь была азиатской мадонной. И девушка, и младенец купались в теплом, золотистом свете. Собравшимся в ангаре показалось, что их самих озарили солнечные лучи, — они их не видели уже полвека.

— Мы полагаем, события разворачивались по второму сценарию, — сказал Чу Янь.

— Почему же они выбрали такого Держателя Меча? — спросил кто-то из экипажа «Синего космоса».

Ответил капитан Морович:

— Вы расстались с домом шестьдесят лет назад, мы — пятьдесят. На Земле все переменилось. В колыбели Устрашения комфортно, и пока человечество мирно дремало в ней, оно из взрослого превратилось в ребенка.

— Разве вы не знаете, что на Земле больше нет мужчин? — выкрикнул кто-то с «Гравитации».

— Люди Земли больше не могут устрашать «темным лесом», — сказал Чу Янь. — Мы собирались захватить «Гравитацию» и восстановить режим устрашения. Но только сейчас нам стало

известно, что антенна — а с ней и весь гравитационный передатчик — скоро, через два месяца, выйдет из строя. Поверьте, это ужасный удар по всем нам. Остается только одно: немедленно осуществить всеобщую космическую передачу.

Собравшиеся взорвались криками. На одной фотографии — холодный космос со следами движущегося на световой скорости трисолярианского флота. С другой на них смотрела полная любви Чэн Синь. Эти фотографии олицетворяли выбор, который им предстоит сделать.

— Вы действительно готовы совершить мундицид? — сурово спросил капитан Морович.

Чу Янь не утратил спокойствия, несмотря на общий гвалт. Оставив вопрос коллеги без ответа, он обратился к толпе:

— Для нас самих передача не имеет значения. Ни Земля, ни Трисолярис нас не догонят.

Это понимали все. Софоны навсегда отрезаны от дома, «капли» обезврежены. Ни Земля, ни Трисолярис не смогут отследить их путь. В безграничном глубоком космосе за пределами облака Оорта даже трисолярианские корабли, способные летать со скоростью света, никогда не найдут две пылинки.

— Значит, вы хотите отомстить! — пришел к

выводу один из офицеров «Гравитации».

— Это наше право. Они обязаны заплатить за свои преступления. На войне правомерно и справедливо уничтожать врагов. Если мои рассуждения верны, гравитационные передатчики человечества разрушены, а Земля под пятой оккупантов. Очень вероятно, что сейчас идет геноцид человеческой расы.

Всеобщая космическая передача даст Земле еще один, последний шанс. Если местонахождение Солнечной системы будет раскрыто, она станет бесполезной для Трисоляриса — в любой момент ее могут уничтожить. Тогда трисоляриане покинут Солнечную систему, а их световой флот свернет в сторону. Может быть, нам удастся спасти человеческую расу от немедленного уничтожения. Чтобы дать им больше времени, мы передадим только координаты Трисоляриса.

— Но это то же самое, что передать координаты Солнечной системы! Мы слишком близко!

— Мы все это понимаем, но надеемся, что Земля выиграет немного времени и больше людей успеет убежать. Воспользуются они этой передышкой или нет — решать им.

— Вы рассуждаете об уничтожении двух миров! — заявил капитан Моро-вич. — И один из

них — наша родина. Это Страшный суд. Такое решение нельзя принимать необдуманно.

— Совершенно согласен.

Рядом с двумя фотографиями появилась голографическая красная кнопка длиной в метр. Под ней горела цифра 0.

Чу Янь продолжил:

— Как я уже говорил, все мы здесь — один мир. И жители этого мира — самые обычные люди. Но волей судьбы нам предстоит стать присяжными на Страшном суде и вынести решение по двум цивилизациям. Оно будет принято, но не одним человеком и даже не кучкой людей. Решение примут всем миром, на референдуме. Итак, кто за передачу координат Трисоляриса во Вселенную — нажмите красную кнопку. Те, кто против или воздерживается, не делайте ничего.

В настоящий момент общее количество людей на борту «Синего космоса» и «Гравитации», включая присутствующих и тех, кто на дежурстве, составляет одну тысячу четыреста пятнадцать. Если голоса «за» достигнут или превысят две трети от этого количества — девятьсот сорок четыре, мы немедленно осуществим всеобщую космическую передачу. Если нет — мы никогда не воспользуемся передатчиком и дадим антенне

выйти из строя. Начали.

Чу Янь повернулся к парящей в воздухе красной кнопке и нажал. Кнопка мигнула, и число под ней сменилось с 0 на 1. За ним то же сделали два вице-капитана «Синего космоса». Счет поднялся до 3. Затем голосовали остальные старшие офицеры «Синего космоса», потом младшие офицеры и рядовые — длинной чередой они пролетали мимо кнопки и один за другим нажимали ее.

Кнопка мигала, счет под ней рос. Сердце истории отбивало последние удары, отмеряло последние шаги к точке невозврата.

Когда число достигло 795, кнопку нажал Гуань Ифань. Он стал первым представителем «Гравитации», поддержавшим передачу. За ним последовали несколько офицеров и рядовых «Гравитации», они тоже нажали кнопку.

Наконец число достигло 943, и над кнопкой крупным шрифтом загорелись слова:

Следующий голос «за» активирует всеобщую космическую передачу.

Следующим должен был голосовать рядовой. За ним выстроилась длинная очередь. Рядовой приблизил ладонь к кнопке, но не нажал. Энсин, стоявший следующим, положил на его ладонь свою; затем множество других рук легло поверх.

— Подождите, — сказал капитан Морович. Он подплыл поближе и под пристальным взором собравшихся положил свою руку сверху.

И тогда десятки рук как одна нажали кнопку, и та мигнула в последний раз.

Триста пятнадцать лет прошло с того утра в XX веке, когда Е Вэньцзе нажала другую красную кнопку.

Началась гравитационная передача. Все ощутили сильную вибрацию. Казалось, что она исходит не снаружи, а изнутри тела, словно каждый человек стал дрожащей струной. Музыка этой цитры смерти звучала всего двенадцать секунд, а потом настала тишина.

За бортом корабля тонкая мембрана пространства-времени трепетала под напором гравитационных волн, как волнуется тихое озеро под порывами ночного ветра. Смертный приговор двум мирам полетел сквозь пространство со скоростью света.

Эра Пост-Устрашения, год 2-й

Утро после Великого переселения, Австралия

Окружавший ее шум затих, и Чэн Синь услышала голоса, доносящиеся из информационного окна над палаткой мэрии. Один определенно принадлежал Томоко, и еще два — кому-то другому. Чэн Синь находилась слишком далеко, чтобы разобрать, что именно они говорили. Она подумала, что эти голоса несут магию тишины — звуки вокруг девушки ослабли и наконец пропали. Казалось, замер весь мир.

А затем ее затопило цунами людских криков, и Чэн Синь задрожала. Она уже начала привыкать к слепоте, и картины реального мира в ее голове мало-помалу вытеснялись иллюзиями. Среди внезапно разразившегося бедлама ей показалось, что Тихий океан поднялся и поглотил Австралию.

Через несколько секунд Чэн Синь поняла, что толпа ликует. «Чему тут радоваться? Они что, с ума посходили?» Галдеж не убывал, но понемногу возгласы перешли в слова. Одновременно говорило такое множество людей, что картина океана, затопившего Австралию, тут же дополнилась бушующим на нем штормом. В этой суматохе де-

вушка была не в состоянии разобрать что-либо.

Но несколько раз она выхватывала из общего гвалта названия «Синий космос» и «Гравитация».

Постепенно слух Чэн Синь пришел в норму, и она уловила среди шума и гама легкий звук — шаги прямо перед ней. Кто-то остановился возле нее.

— Доктор Чэн Синь, что у вас с глазами? Вы не видите меня? — Чэн Синь почувствовала колыхание воздуха. Наверное, подошедший махал руками перед ее лицом. — Мэр послал меня за вами. Мы возвращаемся домой, в Китай.

— У меня нет дома, — ответила Чэн Синь. Слово кольнуло словно ножом, и ее сердце, потерявшее чувствительность от мучительной боли, тем не менее дрогнуло еще раз. Она вспомнила ту ночь три века назад, когда она покинула родной дом; вспомнила, как встретила рассвет под окнами родителей… Мама с папой умерли еще до Великой пади. Они и представить себе не могли, куда бури времени и судьбы забросят их дочь.

— Ну что вы! Все готовятся к отъезду. Мы покидаем Австралию и возвращаемся туда, откуда прибыли.

Чэн Синь подняла голову. Она никак не могла

привыкнуть к этой упрямой тьме, стоящей перед широко раскрытыми глазами. Девушка попыталась увидеть хоть что-нибудь.

— Что?

— «Гравитация» произвела всеобщую передачу.

«Но как такое может быть?»

— Разглашены координаты Трисоляриса. Разумеется, это значит, что Солнечная система тоже под угрозой. Трисоляриане уносят ноги. Второй флот поменял курс и мчится прочь от Солнечной системы. Все «капли» исчезли. Томоко объяснила, что больше незачем беспокоиться о вторжении. Мы, как и система Трисоляриса, стали смертельно опасным местом, от которого кто угодно захочет держаться подальше.

«Но каким образом?!»

— Мы возвращаемся домой. Томоко приказала Силам Безопасности Земли оказать всяческое содействие реэвакуации из Австралии. Постепенно процесс наберет ход, но вывоз всех беженцев с континента займет от трех до шести месяцев. Вы можете уехать первой. Мэр хочет, чтобы я отвез вас в правительство провинции.

— Это был «Синий космос»?

— Подробностей никто не знает, даже Томоко.

Но всеобщую передачу приняли на Трисолярисе, а провели ее год назад, после провала Устрашения.

— Не могли бы вы ненадолго оставить меня одну?

— Хорошо, доктор Чэн. Но вам следовало бы радоваться. Они исполнили то, что должны были сделать вы.

Чиновник замолчал, но Чэн Синь по-прежнему ощущала его присутствие. Голоса вокруг нее постепенно умолкли и сменились топотом шагов. Вскоре шаги стали звучать реже и реже — люди покидали палатку мэрии, чтобы заняться своими делами. Чэн Синь показалось, что океан отступает от нее и обнажается прочная земля. Девушка стояла в центре пустого континента — единственная, кто пережил Потоп. Она ощутила легкое тепло на лице: это всходило солнце.

Эра Пост-Устрашения, дни с первого по пятый, «Гравитация» и «Синий космос», далеко за пределами облака Оорта

— Точки прокола можно увидеть даже невооруженным глазом, — объяснял Чу Янь. — Но

проще всего находить их по электромагнитному излучению. Оно слабое, но спектр у него необычный. Стандартные датчики корабля способны его засечь. Обычно в таком объеме, как наш корабль, в этой области пространства можно найти одну или две точки, но однажды нам попалось сразу двенадцать. Ну вот, сейчас прослеживаются три.

Чу Янь, Морович и Гуань Ифань плыли по длинному коридору «Синего космоса». Перед ними двигалось инфоокно с планом корабля. На плане загорелись три красные точки — группа приближалась к одной из них.

— Вон там! — Гуань указал перед собой.

В переборке зияла круглая дыра диаметром около метра. Ее края были гладкими, словно зеркало. В отверстии виднелись трубки разного размера. У нескольких трубок недоставало участков в середине. Люди видели, как по трубкам потолще течет жидкость — выходит из одного обрезка, исчезает, а потом появляется у другого края разреза. Пропавшие сегменты трубок различались по длине, но вписывались в некую сферу, и часть этого невидимого пузыря выдавалась в коридор. Морович и Гуань старались не приближаться к пузырю.

Чу Янь беззаботно сунул руку в невидимую

сферу, и половина руки исчезла. Стоя сбоку, Гуань Ифань увидел срез руки капитана; ранее младшему лейтенанту Айку довелось увидеть на «Гравитации» такой же срез ног Веры. Чу Янь извлек руку, продемонстрировал потрясенным спутникам, что с ней ничего не случилось, и предложил попробовать самим. Те осторожно коснулись невидимого пузыря, увидели, как исчезают их кисти рук и предплечья, но ничего не почувствовали.

— А теперь войдем внутрь, — заявил Чу Янь и прыгнул в пузырь ласточкой, словно в бассейн. Морович и Гуань испуганно смотрели, как исчезает капитан Чу — сначала голова, потом плечи и все остальное, вплоть до ног. Лишь стремительно менял форму срез его тела на границе невидимого пузыря, а зеркальные края отверстия отбрасывали на стены коридора блики, словно рябь на воде.

Пока Морович и Гуань переглядывались, из сферы высунулись две руки и зависли в воздухе. Затем руки ухватили нерешительных исследователей и затянули в четырехмерное пространство.

Все, кто там бывал, уверяют: рассказать о возникающих ощущениях невозможно. Говорят

даже, что это пока единственное, чего человек не способен выразить словами.

Часто прибегают к такой аналогии: представьте себе плоских человечков, живущих в двумерной картине. Какой бы насыщенной и многоцветной ни была эта картина, человечки видят только контуры окружающего их мира. Перед их глазами предстают лишь линии разной длины. Только когда такое двумерное существо поднимут в трехмерном пространстве, оно сможет посмотреть вниз и увидеть всю картину целиком.

Эта аналогия всего лишь поясняет, почему невозможно рассказать, что! ощущается в четырехмерном пространстве.

Человек, впервые посмотревший на трехмерное пространство из четырехмерного, сразу понимал: живя в трехмерном мире, он его никогда не *видел*. По аналогии с двумерной картиной его взору был доступен лишь вид сбоку, подобно линии, которую видят плоские человечки. Весь пейзаж целиком можно увидеть только из четырехмерного пространства. Наш новичок излагал бы это так: ничто ничего не загораживает, можно заглянуть даже в наглухо запечатанные комнаты. Кажется, что это незначительная перемена, но когда смотришь на целый мир, возникает оше-

ломляющий эффект. Когда стенки и перегородки больше не являются преградой и все выставлено напоказ, в глаза человека поступает поток визуальной информации в сотни миллионов раз больший, чем в трехмерном мире. Мозг не способен мгновенно обработать так много данных.

В глазах Моровича и Гуаня «Синий космос» предстал величественным, огромным живописным полотном, которое только что развернули. Они видели весь корабль от кормы до носа, обстановку каждой каюты и груз в каждом контейнере. Они видели, как по лабиринтам трубок текут жидкости, как пылает клубок термоядерного огня в реакторе на корме… Разумеется, законы перспективы продолжали действовать, и удаленные объекты казались меньше, но все они были на виду.

Из этого описания те, кто никогда не бывал в четырехмерном пространстве, могут ошибочно понять, что обшивка корабля стала прозрачной. Но это не так. Никто не смотрел «сквозь» предметы — просто все они были выставлены на обозрение. Когда мы рисуем на листе бумаги круг, мы можем заглянуть внутрь окружности, и при этом нам не надо смотреть «сквозь» что-то. И так везде — открыты все уровни. Труднее

всего рассказать, какими предстают сплошные предметы, такие как переборка, металлическая балка или кусок камня. Они видны и снаружи, и изнутри, и во всех сечениях сразу! Моровичи Гуань тонули в лавине информации — все мельчайшие подробности окружающей их Вселенной настойчиво боролись за внимание наблюдателя.

Моровичу и Гуаню пришлось привыкать к новому для них зрительному эффекту: неограниченному уровню детализации. В трехмерном пространстве перед глазами человека предстает картинка с конечными подробностями. Даже в самых сложных сценах с самыми сложными объектами количество визуальных элементов ограниченно. За какое-то время их все можно рассмотреть один за другим. Но при наблюдении из четырехмерного пространства одновременно становятся видимыми все ранее скрытые элементы изображения. Возьмем для примера запечатанный контейнер: видно не только то, что в нем лежит, но и то, что находится внутри хранящихся в контейнере предметов. Такая бесконечная открытость и создает неограниченную детальность.

Перед Моровичем и Гуанем развернулся корабль во всей своей красе. Но даже если ограни-

читься одним предметом, например, кружкой или авторучкой, все равно перед глазами представало бессчетное количество деталей. Целой жизни не хватит, чтобы изучить любой из этих предметов в четырехмерном пространстве. У наблюдателя возникало головокружительное ощущение глубины. Каждая вещь казалась чем-то вроде набора русских матрешек, который никогда не кончается. Выражение «замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства»[155] переставало быть просто метафорой.

Морович и Гуань переглянулись, потом повернулись к Чу Яню. Их тела тоже оказались открыты взору в мельчайших параллельных подробностях. Исследователи увидели кости и костный мозг внутри, органы, кровь, текущую по предсердиям и желудочкам сердца, открывающиеся и закрывающиеся сердечные клапаны. Глядя друг другу в глаза, они видели, как устроены хрусталики…

Слово «параллельный» тоже может привести к неверному пониманию. Органы тела оставались на своих местах, кожа по-прежнему окружала

[155] Примечания: 155

Уильям Шекспир. «Гамлет», акт II, сцена II (перев. М. Лозинского). — *Прим. перев.*

кости и внутренности, и привычный трехмерный вид человека никуда не исчез. Но теперь это был один вид из бесконечного набора видов, наблюдаемых независимо и одновременно.

— Следите за своими руками, — посоветовал Чу Янь, — а то случайно ткнете пальцем в чей-нибудь или даже свой собственный внутренний орган. Ну, если не слишком сильно, то особого вреда не будет — почувствуете легкую боль или тошноту; есть, правда, опасность занести инфекцию. Кроме того, не трогайте и не двигайте ничего, если не знаете в точности, что это такое. Изоляции вокруг механизмов корабля здесь нет; вы можете прикоснуться к высоковольтному кабелю, потоку горячего пара или к микросхеме и что-нибудь сломаете. В общем, в трехмерном мире вы словно боги, но надо привыкнуть к четырехмерному пространству, прежде чем вы освоитесь с новыми возможностями.

Морович и Гуань быстро научились избегать прикосновений к внутренним органам. Двигаясь в определенном направлении, они могли взять человека за руку, а не за кости внутри нее. Чтобы коснуться костей или органов, требовалось двигаться в *другом* направлении — в том, которого не существует в трехмерном пространстве.

Затем Морович и Гуань сделали еще одно восхитительное открытие — они могут видеть звезды, куда бы ни посмотрели! Перед ними на фоне вечной ночи Вселенной ярко светился Млечный Путь. Они понимали, что находятся внутри «Синего космоса» — они не носили скафандры и дышали воздухом корабля, — но в четвертом измерении перед ними расстилалось безграничное космическое пространство. Все трое были ветеранами флота и много раз работали за пределами корабля, но до сих пор ни разу не ощущали такого единения с космосом. Раньше между человеком и космосом находился материал скафандра; теперь же ничто их не разделяло. Даже развернутый перед ними корабль не отгораживал их от космического пространства — в четвертом измерении они просто сосуществовали.

Человеческий мозг, с рождения привыкший воспринимать трехмерное пространство, не справлялся с потоком информации, насыщенным бесконечными подробностями. Поначалу казалось, что он остановится из-за перегрузки. Но понемногу мозг освоился в четырехмерном мире и научился подсознательно отбрасывать лишнее, оставляя лишь контуры предметов.

Морович и Гуань побороли возникшее пона-

чалу головокружение, но тотчас же получили очередной шок, сильнее предыдущего. Как только они перестали думать о бесконечной детальности окружающего мира, они начали ощущать само пространство, его четвертое измерение. Впоследствии этот эффект назовут «восприятием пространства высших измерений». Те, кто его испытал, затрудняются выразить свои чувства словами. Зачастую люди объясняли его следующим образом: то, что в трехмерном мире звалось бы «бескрайность» или «необъятность», в четырехмерном множилось бесчисленное количество раз в направлении, которого нет в трехмерном мире. Нередко прибегали к аналогии с двумя параллельными зеркалами: в каждом из них виден нескончаемый ряд отражений, и такой зеркальный коридор тянется в бесконечность. Здесь же каждое зеркало в коридоре было трехмерным объемом. Другими словами, многообразие объектов, наблюдаемое в трехмерном пространстве, представляло собой лишь сечение многообразия четырехмерного мира. Восприятие высших измерений трудно объяснить потому, что с точки зрения наблюдателя, находящегося в четвертом измерении, зона видимого была пустой и однородной, но обладала *глубиной*,

которую не описать словами. Эта глубина не зависела от расстояния, она была присуща каждой точке пространства. Восклицание Гуань Ифаня впоследствии стало крылатым выражением:

«В каждом дюйме скрыта бездонная пропасть».

Пережитый исследователями опыт пребывания в четырехмерном мире стал для них духовным крещением. В один миг такие понятия, как «свобода», «открытость», «глубина», «бесконечность», обрели новый смысл.

— Пора возвращаться, — сказал Чу Янь. — Точки прокола недолго остаются стабильными; потом они отплывают в сторону или исчезают. Чтобы найти новую, нужно перемещаться в четырехмерном пространстве. Для новичков вроде вас это опасно.

— А как ищут точки прокола, находясь в четвертом измерении? — спросил Морович.

— Элементарно. Такая точка обычно имеет сферическую форму. Свет в ней преломляется, объекты внутри выглядят надломленными, и такое искажение несложно заметить. Разумеется, это всего лишь оптический эффект в четырехмерном пространстве, на самом деле форма объектов не меняется. Взгляните-ка…

Чу Янь указал в направлении, откуда они при-

шли. Морович и Гуань снова увидели трубки: теперь были видны полностью и они, и циркулирующая по ним жидкость. Внутри сферы трубки изгибались и искажались, а сфера казалась росинкой на паутине. Из трехмерного пространства она выглядела совсем не так. Там она не преломляла лучи света и потому была невидимой. Ее присутствие можно было обнаружить только по исчезновению предметов, оказавшихся внутри пузыря.

— В следующий раз обязательно наденьте скафандры. Новички с трудом ориентируются; если вы найдете новую точку прокола, чтобы вернуться, то в трехмерном пространстве можете оказаться за бортом корабля.

Чу Янь предложил спутникам следовать за ним и шагнул в пузырек-росинку. В тот же миг они оказались в трехмерном мире, в коридоре корабля, точно там же, откуда десять минут назад перенеслись в четырехмерное пространство. По сути, исследователи никуда не перемещались — просто место, где они находились, приобрело дополнительное измерение. Круглая дыра в переборке оставалась там же, и они по-прежнему видели «разорванные» трубки.

Вот только Моровичу и Гуаню этот мир уже не

был привычен. Трехмерная реальность душила и сковывала их. Гуань переносил этот эффект немного легче — он уже бывал в четырехмерном пространстве, хоть и в полусне. Но Морович страдал от клаустрофобии, ему казалось, что он задыхается.

— Ничего особенного. Сход! ите несколько раз — привыкнете, — засмеялся Чу Янь. — Теперь вы знаете, что такое настоящий простор. Будете чувствовать себя стесненными, даже если наденете скафандр и выйдете в открытый космос.

— Как все это случилось? — Морович рванул на себе воротник, жадно глотая воздух.

— Мы вошли в область космоса, в которой пространство имеет четыре измерения. Вот и все. Мы назвали эту область четырехмерным фрагментом.

— Но мы сейчас находимся в трехмерном пространстве!

— Четырехмерное пространство включает в себя трехмерное точно так же, как трехмерное включает в себя двумерное. Если воспользоваться аналогией, мы находимся на трехмерном листе бумаги, подшитом в четырехмерную книгу.

— Позвольте мне предложить модель, — взволнованно заговорил Гуань. — Все наше трехмерное

пространство — это большой, тонкий лист бумаги размером шестнадцать миллиардов световых лет в поперечнике. Где-то на этом листе лежит крохотный четырехмерный мыльный пузырь.

— Великолепно, доктор Гуань! — Чу Янь хлопнул астронома по плечу, отчего тот закружился в невесомости. — Я давно уже подыскивал хорошую аналогию, а вы предложили ее с первой попытки. Вот почему нам нужен космолог! Вы совершенно правы. Мы ползли по поверхности трехмерного бумажного листа, а потом угодили в этот мыльный пузырь. Через точку прокола мы можем всплыть над листом и попасть внутрь пузыря.

— Мы только что побывали в четырехмерном пространстве, но наши тела так и остались трехмерными, — заметил Моровић.

— Совершенно верно. Мы были плоскими трехмерными фигурками, плавающими в четырехмерном объеме. Не вполне ясно, каким образом нам удается уцелеть в четырехмерном пространстве, ведь там, скорее всего, действуют иные законы физики. Подобных вопросов много.

— А что представляют собой точки прокола?

— Трехмерный лист бумаги не идеально ровный. Кое-где образуются складки, выпирающие

в четвертое измерение. Точка прокола — это туннель из нижних измерений в высшие. Мы прыгаем в такие точки и попадаем в четырехмерное пространство.

— И много их — этих точек?

— О да. Они повсюду. «Синий космос» первым раскрыл их секрет потому, что у нас экипаж больше и поэтому больше шансов встретиться с точками прокола. На «Гравитации» людей меньше, и за их психическим здоровьем наблюдали гораздо пристальнее. Те, кто встречался с этим явлением, не осмеливались никому рассказать.

— У всех точек прокола такой же небольшой размер?

— Нет. Бывают и намного больше. Вот загадка, которую мы так и не сумели разгадать. Однажды мы заметили, что треть «Гравитации» — вся корма — попала в четвертое измерение и несколько минут оставалась там. Почему никто из вас не заметил ничего необычного?

— Вообще-то экипажа в кормовой части корабля обычно нет. Впрочем, ошибаюсь — вот он там был. — Морович повернулся к Гуаню. — Вы наверняка что-то почувствовали. Доктор Уэст мне рассказывал.

— Я был в полудреме. А потом идиот-доктор

убедил меня, что это была галлюцинация.

— Невозможно заглянуть в четвертое измерение из трехмерного пространства. Но можно, находясь в четырехмерном пространстве, видеть все, что происходит в трехмерном, и воздействовать на предметы в нем. Мы устроили засаду на «капли» в четырехмерном пространстве. Как бы ни были прочны зонды сильного взаимодействия, они всего лишь трехмерные объекты. В этом смысле трехмерность — синоним уязвимости. Из четырехмерного пространства «капли» представились нам чертежами-развертками, совершенно беззащитными. Мы проникли внутрь и, не понимая их устройства, просто стали крушить все подряд.

— Знает ли Трисолярис о существовании фрагмента четырехмерного пространства?

— Полагаем, что нет.

— Этот мыльный пузырь — в смысле фрагмент — насколько он большой?

— Говорить о размере четырехмерного фрагмента, находясь в трехмерном пространстве, не имеет смысла. Можно только обсуждать размеры его проекции на трехмерный план. Исходя из предварительных оценок, мы считаем, что эта проекция — сфера. Если это действительно так,

то, судя по собранным данным, радиус этой сферы должен быть от сорока до пятидесяти астрономических единиц.

— То есть размером с Солнечную систему.

Круглое отверстие в переборке стало медленно смещаться в сторону и уменьшаться в диаметре. На расстоянии десяти метров от людей отверстие пропало полностью. Парящее в воздухе инфоокно сообщило, что на «Синем космосе» появились две новые точки прокола.

— Но каким образом в трехмерном пространстве мог появиться четырехмерный фрагмент? — пробормотал Гуань Ифань.

— Никто не знает. Доктор, эту головоломку решать вам.

После обнаружения четырехмерного фрагмента «Синий космос» приступил к широкомасштабным исследованиям нового измерения. На «Гравитации» нашлись более современные приборы и технологии, позволившие экипажам всесторонне и глубоко изучать феномен.

В трехмерном пространстве эта область космоса выглядела пустынной, ничем не примечательной. Исследования велись в основном из четырехмерного пространства. Поскольку не так-то просто запустить зонд в четвертое измере-

ние, в основном люди пользовались телескопом, заводя его внутрь фрагмента через точку прокола. Потребовалось время, чтобы накопить опыт управления телескопом в четырех измерениях, но как только ученые приноровились, они тут же сделали потрясающие открытия.

С помощью телескопа они обнаружили в космосе объект в форме кольца. Поскольку измерить расстояние до него не представлялось возможным, не удалось и точно оценить его размер. По грубым прикидкам, трехмерный диаметр кольца составлял от восьмидесяти до ста километров, а толщина — около двадцати. Сооружение было похоже на гигантское обручальное кольцо, свободно вращающееся в космосе. По поверхности объекта вились сложные узоры, похожие на электронные схемы. Судя по всему, кольцо построили разумные существа.

Человечество впервые увидело объект, созданный другой цивилизацией, помимо земной и трисолярианской.

Но самым невероятным было то, что «кольцо» оказалось непроницаемым. Трехмерные объекты со всем их содержимым в четырехмерном пространстве были как на ладони, а Кольцо — нет. Следовательно, это первый полноценный

четырехмерный объект, обнаруженный человечеством с момента входа в четырехмерное пространство.

Люди поначалу опасались нападения, но на поверхности Кольца не наблюдалось никаких признаков активности. Датчики корабля также не зарегистрировали ни электромагнитных, ни нейтринных, ни гравитационных сигналов. За исключением медленного, величественного вращения, объект не двигался. Рабочая гипотеза гласила: Кольцо заброшено; возможно, это давно покинутый космический город или корабль.

Наблюдения продолжились, и вскоре в четырехмерном пространстве нашлись другие неизвестные объекты. Все они были четырехмерными, различных форм и размеров. Многие, по-видимому, являлись артефактами, созданными разумными существами: пирамиды, кресты, многогранники и так далее. Другие объекты были сложными, составленными из фигур попроще; они тоже не могли быть естественными образованиями. Форму свыше десятка таких объектов удалось разглядеть через телескоп, а множество других представлялись лишь точками. Всего их нашли около сотни. Подобно Кольцу, ни один из них не проявлял активности и не излучал

сигналов.

Гуань Ифань предложил капитану Чу полететь на катере к Кольцу, чтобы изучить объект вблизи. А если удастся, то и проникнуть внутрь. Капитан отказал наотрез. Навигация в четырехмерном пространстве слишком ненадежна. Позиция любой точки задается четырьмя координатами, но трехмерные приборы способны определять только три из них. Это значило, что трехмерные исследователи не могут точно установить местонахождение какого-либо предмета в четырехмерном космосе. Поскольку участники экспедиции не в силах измерить положение Кольца и расстояние до него ни визуально, ни по приборам, они в любой момент могут попросту столкнуться с объектом.

Так же сложно будет найти точку прокола, чтобы вернуться в трехмерный мир. Поскольку одна из четырех ее координат неопределима, можно лишь установить направление на точку, но узнать, на каком расстоянии от наблюдателя она находится, невозможно. Экипаж челнока может выйти через такую точку в трехмерное пространство и, к своему удивлению, оказаться невероятно далеко от «Синего космоса».

И, наконец, радиосигналы, связывающие «Си-

ний космос» и челнок, будут распространяться в четвертом измерении, поэтому быстро ослабнут, и связь станет неустойчивой.

Вдобавок ко всему «Синий космос» и «Гравитация» за один день получили шесть микрометеоритных пробоин. На «Синем космосе» пылинка размером 140 нанометров полностью разрушила один из блоков управления термоядерным реактором. Это была одна из важнейших систем корабля. Температура в ядре реактора может достигать миллиона градусов, при контакте испарится любой материал. Поэтому активную зону удерживали в центре камеры при помощи магнитных полей. При отказе блока управления сверхгорячее ядро может потерять центровку и мгновенно уничтожить весь корабль. К счастью, немедленно подключился резервный блок, заглушил реактор, работавший на минимальной мощности, и предотвратил катастрофу.

Корабли глубже и глубже погружались в четырехмерный фрагмент, и микрометеориты поражали их все чаще. Рядом проносились даже осколки значительного размера, видимые невооруженным глазом. Их скорость в несколько раз превышала третью космическую. В трехмерном пространстве жизненно важные установки были

укрыты слоями брони, но в четвертом измерении их ничто не защищало.

Чу Янь решил, что обоим кораблям следует покинуть четырехмерную область. Фрагмент отдалялся от Солнечной системы, следуя тем же курсом, что и корабли. Поэтому, хоть «Синий космос» и «Гравитация» стремительно летели прочь от Солнца, их скорость по отношению к фрагменту была невелика, и они только сейчас его догнали. Корабли не успели проникнуть далеко вглубь; легкое торможение позволит им покинуть четырехмерное пространство.

Гуань Ифань неистово возражал:

— Прямо перед нашим носом находится величайшая загадка Вселенной! Не исключено, что в ней ответы на все вопросы космологии! И вы собираетесь вот так взять и уйти?!

— Вы имеете в виду синдром трех и трехсот тысяч? Фрагмент и в самом деле напомнил мне о нем.

— Даже если задумываться только о практической пользе — мы наверняка сможем найти в Кольце какие-нибудь артефакты и овладеть невероятными знаниями!

— В этих трофеях будет смысл, только если мы выживем. Но сейчас наши корабли могут в любой

момент взорваться.

Гуань вздохнул и покачал головой:

— Хорошо. Но прежде чем мы уйдем, позвольте мне слетать на катере к Кольцу. Дайте мне шанс. Вы говорите о выживании, но не исключено, что в будущем наше выживание будет зависеть от того, что! я там обнаружу!

— Мы можем подумать об отправке дрона.

— В четырехмерном мире только живой человек может понять, что у него перед глазами. Вы знаете это лучше меня.

* * *

После недолгого обсуждения старшие офицеры обоих кораблей согласились на предложение Гуаня. Полетят Гуань Ифань, лейтенант Чжо Вэнь и доктор Уэст. Лейтенант Чжо служил на «Синем космосе» офицером-исследователем и имел какой-никакой опыт навигации в четырехмерном пространстве. Доктор же просто настоял на своей кандидатуре. Его требование в конце концов удовлетворили, поскольку перед отлетом с Земли он изучал язык трисоляриан.

Вплоть до этого момента самым дальним путешествием в четырехмерном пространстве была атака на «капли» и «Гравитацию». Тогда катер

подплыл к «Гравитации» в четвертом измерении, и три человека, включая лейтенанта-коммандера Пак Ый-гуна, проникли на корабль сквозь точку прокола для разведки. Потом на «Гравитацию» тремя отдельными группами прошли шестьдесят десантников. Нападение на «капли» организовали с применением небольших челноков. Но лететь за открытиями к Кольцу придется гораздо дальше и дольше.

Катер вошел в четырехмерное пространство через точку прокола, находившуюся в космосе между двумя кораблями. Небольшой термоядерный реактор, расположенный на корме, поменял цвет ядра с темно-красного на бледно-голубой — повысилась генерируемая им мощность. Это свечение совместно с пламенем в реакторах двух крупных кораблей осветило мир бесконечности, помноженной на бесконечность. «Синий космос» и «Гравитация» вскоре превратились в маленькие точки. Восприятие высших измерений обострялось по мере того, как катер проникал в глубь четырехмерного космоса. Хотя доктор Уэст уже дважды бывал в четырехмерном фрагменте, он воскликнул:

— До чего же велик разум, способный понять этот мир!

Лейтенант Чжо управлял катером с помощью голосовых команд или перемещая курсор взглядом — если действовать руками, то слишком легко влезть в какой-нибудь хрупкий прибор и повредить его. Визуально Кольцо оставалось едва видимой точкой, но осторожный Чжо летел на небольшой скорости: из-за лишнего измерения, не поддающегося оценке, не стоило полагаться на глазомер. Кольцо могло быть как на удалении в астрономическую единицу, так и прямо перед носом катера.

Через три часа катер побил рекорд дальности полета в четырехмерном пространстве. Кольцо по-прежнему выглядело точкой. Лейтенант Чжо на всякий случай приготовился в любой момент тормозить на полной мощности и отворачивать в сторону. Нетерпеливый Гуань Ифань просил Чжо лететь побыстрее. И тогда Уэст удивленно вскрикнул.

Внезапно, как по щелчку пальцев, Кольцо обрело истинную форму. Секунду назад оно было точкой и вдруг стало кольцом размером с монету. Никакого плавного увеличения!

— Не забывайте, в четвертом измерении мы летим практически вслепую, — напомнил лейтенант Чжо и опять сбавил скорость.

Прошло еще два часа. Если бы исследователи оставались в трехмерном пространстве, они пролетели бы около двухсот тысяч километров.

И вновь произошел скачок: Кольцо, только что бывшее размером с монету, в одно мгновение стало гигантским. Лейтенант Чжо резко сменил курс и с трудом избежал столкновения. Катер пролетел сквозь Кольцо, снизил скорость, развернулся и остановился.

Люди впервые приблизились к четырехмерному объекту. Его материальность, вещественность поражала воображение, и эти переживания были сходны с теми, что испытывали наблюдатели при первичном восприятии высших измерений. Конструкция была полностью закрытой, заглянуть за обшивку не представлялось возможным, но исследователи чувствовали непостижимую глубину артефакта, его наполненность. Они видели не просто Кольцо, а бесконечное количество Колец, скрытых одно в другом. Это ощущение четырехмерности оставляло в душе неизгладимый след. Наблюдатели воочию убедились в истинности буддистской притчи о горе, заключенной в горчичном зернышке.

Вблизи поверхность Кольца оказалась совсем не такой, как на снимках через телескоп. Она не

светилась золотисто-желтым, а тускло отливала медью. Тонкие линии, издалека похожие на вытравленные дорожки печатных плат, оказались следами от ударов микрометеоритов. По-прежнему не наблюдалось никакой активности; от сооружения не исходили ни свет, ни другие виды излучения. Трое людей вгляделись в древнюю обшивку Кольца, и к ним пришло чувство узнавания. Они вспомнили поврежденные «капли», а потом попытались представить себе, как выглядело бы Кольцо с зеркально гладкой поверхностью — это было бы захватывающее зрелище!

Следуя заранее выработанному плану, лейтенант Чжо при помощи радиосигналов средневолнового диапазона передал сообщение — несложный растр с шестью строками точек, образующих последовательность простых чисел: 1, 3, 5, 7, 11, 13.

Никто не ожидал ответа — но он пришел немедленно, настолько быстро, что люди не поверили своим глазам. На инфоокне, плавающем посреди кабины катера, вспыхнул растр наподобие того, который они только что отправили. Его шесть строчек изображали следующие шесть простых чисел: 17, 19, 23, 29, 31, 37.

Изначально планировалось, что первое со-

общение — что-то вроде приветствия — будет отправлено лишь в качестве эксперимента; к дальнейшей беседе никто не был готов. Пока трое в катере обсуждали, что делать, Кольцо отправило им второе послание: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 1, 4, 2, 1, 5, 9.

Затем третье: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 16, 6, 10, 10, 4, 7.

Четвертое: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 19, 5, 1, 15, 4, 8.

Пятое: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 7, 2, 16, 4, 1, 14.

Сообщения шли одно за другим. Первые шесть чисел повторяли шесть простых чисел, переданных с катера как приветствие. Что же до следующих за ними… Лейтенант Чжо и доктор Уэст повернулись к ученому, Гуань Ифаню. Космолог посмотрел на бегущие в плавающем инфоокне ряды точек и пожал плечами.

— Не вижу никакой закономерности.

— Предположим тогда, что закономерности и в самом деле нет. — Уэст указал на окно. — Первые шесть чисел посланы нами, поэтому можно предположить, что они означают «вы». Мы не угадываем смысла в следующих шести числах. А что, если они означают «все»? То есть вместе: «все о вас».

— Они — или оно — хотят все знать о нас?

— По крайней мере, им нужен образец языка.

Оно хочет расшифровать его, изучить, а потом общаться с нами.

— В таком случае ему понадобится система «Розетта».

— Мы обязаны получить на это разрешение командования.

Система «Розетта» была базой данных, созданной для обучения трисоляриан земным языкам. В ней хранилось множество документов по естественной и социальной истории Земли общим объемом около двух миллионов знаков, с фотоснимками и видеофильмами. К ним прилагались программы для установления соответствия между словами и изображениями, чтобы инопланетная цивилизация смогла расшифровать и изучить языки Земли.

На корабле одобрили запрос экспедиции. Однако в памяти компьютера, установленного на катере, системы «Розетта» не было. Переслать такое большое количество информации с корабля на катер по неустойчивому радиоканалу не представлялось возможным. Оставался единственный вариант: передать «Розетту» напрямую с корабля на Кольцо. Радиоволны для этого не годятся, но, к счастью, на «Гравитации» стояло оборудование для нейтринной связи. Никто,

правда, не знал, способно ли Кольцо принять нейтринное сообщение.

Через три минуты после того, как «Розетта» была передана нейтринным пучком с «Гравитации», на катере получили с Кольца новые изображения. Первое из них было идеальным квадратом из шестидесяти четырех точек: восемь рядов и восемь колонок. На второй картинке одной точки в углу недоставало. На третьей не было уже двух, осталось только шестьдесят две…

— Это обратный отсчет, он же индикатор, — предположил Уэст. — Мне кажется, они сообщают нам, что получили «Розетту» и приступили к дешифровке. Подождем.

— А почему шестьдесят четыре точки?

— Это достаточно большое число в двоичной системе счисления. Мы точно так же повсюду применяем число «сто» в десятеричной системе.

Лейтенант Чжо и Гуань порадовались, что Уэст полетел с ними. Психолог, похоже, владел кое-какими знаниями, полезными при контакте с неведомым разумом.

Когда отсчет дошел до пятидесяти семи, случилось удивительное: следующее число не появилось в виде сетки точек. Кольцо передало число «56», записанное арабскими цифрами.

— Ух ты, быстро учится! — заметил Гуань.

Числа продолжали обратный отсчет, сменяя друг друга приблизительно каждые десять секунд. Прошло несколько минут, и в инфоокне засветился ноль, а затем сообщение из четырех китайских иероглифов:

«Я гробница».

Система «Розетта» использовала сплав английского и китайского языков[156]. Ничего странного, что Кольцо ответило на том же языке. Волей случая сообщение состояло только из китайских иероглифов. Гуань Ифань напечатал в инфоокне ответ и тем самым начал беседу между человечеством и Кольцом.

«Чья это гробница?»

«Тех, кто меня создал».

«Это космический корабль?»

«Был раньше. А теперь он мертв, стал усыпальницей».

«Кто ты? Кто с нами разговаривает?»

«Я гробница. Я говорю с вами. Я мертва».

«Ты хочешь сказать, что ты — корабль, экипаж которого мертв? Иными словами, ты система

---

[156] Примечания: 156

Система «Розетта» существует в действительности (правда, цели у нее другие), и в ней задействованы 2500 языков (https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_ «Розетта»). — *Прим. перев.*

управления кораблем?»

(Нет ответа).

«Мы наблюдаем множество других объектов в этом участке космоса. Они тоже гробницы?»

«Большинство из них тоже гробницы. Остальные скоро ими станут. Я не знаю их всех».

«Вы прилетели издалека? Или вы всегда тут были?»

«Я издалека, они тоже, из разных далеких мест».

«Откуда?»

(Нет ответа.)

«Это вы создали этот четырехмерный фрагмент?»

«Вы сообщили, что вышли из моря. Разве вы создали море?»

«Ты утверждаешь, что для тебя или, по крайней мере, для твоих создателей это четырехмерное пространство как для нас море?»

«Скорее как лужа. Море пересохло».

«Почему в таком небольшом объеме так много кораблей-усыпальниц?»

«Когда море пересыхает, рыба перебирается в лужи. Эта лужа тоже высыхает, и скоро рыбы не останется».

«Значит, вся рыба здесь?»

«Той рыбы, по вине которой высохло море, здесь нет».

«Извини. Тебя трудно понять».

«Та рыба выбралась на сушу, прежде чем иссушила море. Она перешла из одного темного леса в другой».

Последнее сообщение прозвучало словно удар грома. Трое исследователей в кабине катера и все на двух больших кораблях, кто следил за переговорами по неустойчивому каналу связи, вздрогнули.

«Темный лес… что ты подразумеваешь под этим?»

«То же, что и вы».

«Ты нападешь на нас?»

«Я гробница. Я мертва. Я ни на кого не нападу. Между пространствами разных измерений не существует отношений «темного леса». Пространство нижних измерений не способно угрожать пространству высших, а ресурсы нижних измерений бесполезны для высших. Но между теми, кто находится в пространстве одних и тех же измерений, устанавливается состояние «темного леса».

«Ты можешь нам что-нибудь посоветовать?»

«Покиньте эту лужу немедленно. Вы словно

тонкие картинки. Вы слишком уязвимы. Если останетесь здесь, то очень скоро сами станете гробницей… Впрочем, подождите — у вас на катере есть рыба».

Ошеломленный Гуань замер на несколько секунд, а потом понял, что на катере и в самом деле есть рыба. Он всегда держал при себе небольшую экологическую капсулу размером с кулак. Маленькая стеклянная сфера заключала в себе воду, крохотную рыбку и немного водорослей — все это вместе образовывало миниатюрную замкнутую экосистему. Гуань очень любил свой аквариум, поэтому и захватил его с собой в путешествие. Если ему не суждено вернуться, сфера последовала бы за ним в иной мир.

«Мне нравятся рыбки. Можно я заберу ее себе?»

«Но как нам передать тебе капсулу?»

«Просто киньте ее в мою сторону».

Трое путешественников загерметизировали шлемы скафандров и открыли люк катера. Гуань поднял экологическую сферу на уровень глаз. Осторожно — ведь он в четырехмерном пространстве — ухватил капсулу за трехмерный край и бросил на нее последний взгляд. Из четвертого измерения в аквариуме была видна каждая, даже самая маленькая деталь; миниатюрный живой

мир казался еще богаче, разнообразнее, разноцветнее. Гуань размахнулся, бросил капсулу в направлении Кольца и проследил, как крохотный стеклянный шарик тает во тьме космоса. Затем он задраил люк и продолжил разговор.

«Во Вселенной есть еще лужи?»

Ответа не последовало. Кольцо умолкло и больше не реагировало на попытки продолжить общение.

С «Гравитации» сообщили, что еще несколько микрометеоритов попали в «Синий космос». Вокруг обоих кораблей стало скапливаться все больше дрейфующих предметов, в том числе и небольших четырехмерных — вероятно, обломков кораблей или других артефактов. Капитан Чу приказал немедленно возвращаться. От намерения проникнуть внутрь Кольца пришлось отказаться.

Поскольку теперь путешественники знали, какое расстояние отделяет их от корабля, обратный путь занял вдвое меньше времени. Через два часа катер оказался недалеко от «Синего космоса» и легко подыскал точку прокола для возвращения домой.

Исследователей встретили торжественно, как героев — пусть даже полученные знания не при-

несут двум кораблям практической пользы.

Капитан Чу спросил:

— Доктор Гуань, каков, по-вашему, ответ на последний вопрос, который вы задали Кольцу?

— Я обращусь к аналогии, которую упоминал раньше. Вероятность наткнуться на единственный «мыльный пузырь» с диаметром сорок или пятьдесят астрономических единиц на листе бумаги размером шестнадцать миллиардов световых лет до того мала, что ее можно считать нулевой. Я абсолютно уверен, что существуют и другие «пузыри», и, скорее всего, их много.

— Как вы считаете, мы с ними еще встретимся?

— У меня есть даже более интересный вопрос: а не встречались ли мы с ними раньше? Возьмите Землю. Она миллиарды лет летит сквозь космос. Разве нельзя предположить, что когда-то в прошлом она попадала в четырехмерный фрагмент?

— Это было бы нечто потрясающее. Даже не могу себе представить, что человечество когда-нибудь с таким сталкивалось. Но что, если какие-то динозавры забрели в точки прокола пространства…

— А как возникли сами «пузыри»? Почему в трехмерном пространстве так много четырех-

мерных фрагментов?

— Величайшая загадка природы.

— Капитан, мне кажется, что это скорее какая-то темная тайна.

* * *

«Синий космос» и «Гравитация» двинулись на выход из фрагмента. На ускоряющихся кораблях возникло искусственное тяготение. Гуань Ифань и офицеры-исследователи обоих кораблей проводили почти все свое время в четырехмерном пространстве, стараясь втиснуть в немногие оставшиеся дни как можно больше исследований. Впрочем, их поведение только частично объяснялось нуждами науки; люди обнаружили, что им тяжко находиться в замкнутом, вызывающем клаустрофобию трехмерном пространстве.

На пятый день с начала разгона все, кто находился в четырехмерном пространстве, внезапно выпали в трехмерное — мгновенно, не проходя через точку прокола. Датчики электромагнитного излучения больше не регистрировали ни одной такой точки на обоих звездолетах.

«Синий космос» и «Гравитация» покинули фрагмент.

Странно. По расчетам кораблям следовало

лететь еще двадцать часов. Одно из двух: либо фрагмент ускорился в противоположном направлении, либо он попросту уменьшился. Ученые полагали, что верен второй вариант. Они опирались не только на данные измерений, но и на ответ Кольца:

«Когда море пересыхает, рыба перебирается в лужи. Эта лужа тоже высыхает, и скоро рыбы не останется».

Оба корабля прекратили разгон и принялись на полной мощности тормозить. Наконец они остановились, не уходя далеко от границы четырехмерного фрагмента; здесь кораблям ничто не угрожало.

Края фрагмента были невидимы. Впереди расстилался лишь пустынный космос, спокойный, как вода в глубоком озере. Звезды Млечного Пути сияли как ни в чем не бывало — словно и не скрыта здесь, в этом месте, никакая великая тайна.

Но скоро люди заметили необычное и впечатляющее явление. Время от времени во мраке космоса возникали светящиеся линии, очень тонкие и поначалу совершенно прямые. Казалось, что толщины у линий нет вообще. Длиной они были от пяти до тридцати тысяч километров. Линии вспыхивали абсолютно неожиданно и

сперва испускали синее свечение. Затем цвет постепенно смещался к красному, прямые сворачивались и распадались на множество кусочков, а потом пропадали. Наблюдения показали, что линии образуются на краю фрагмента, как будто его границы то и дело отмечают гигантским маркером.

В объем пространства, где зарождались линии, направился автоматический зонд. По счастью, одна из линий вспыхнула не очень далеко, и у зонда появилась возможность понаблюдать за ней. Аппарат тогда находился в сотне километров от феномена и летел к нему на полном ходу. Когда он оказался на месте, линия уже свернулась, распалась и погасла. Зонд зафиксировал в этом районе высокую концентрацию водорода и гелия, а также пыль более тяжелых элементов, в основном железа и кремния.

Изучив собранные данные, Гуань и офицеры-исследователи заключили, что линии возникают, когда четырехмерное вещество попадает в трехмерное пространство. По мере уменьшения фрагмента четырехмерная материя оказывается в трехмерном пространстве и немедленно распадается. Размер осколков в четырехмерном пространстве невелик, но при схлопывании

четвертого измерения объем предметов сильно увеличивается, а сами они растягиваются в прямые линии. По расчетам, несколько десятков грамм четырехмерного вещества могут образовать в трех измерениях линию длиной почти десять тысяч километров.

Судя по скорости, с которой отодвигалась граница фрагмента, через двадцать дней Кольцо тоже окажется в трехмерном космосе. На кораблях решили дождаться этого диковинного вселенского зрелища. Чего-чего, а времени у людей хватало. Ориентируясь по вспышкам линий распада, корабли осторожно продвигались вперед, держась около границы сокращающегося фрагмента.

Следующий десяток дней Гуань Ифань провел в расчетах и глубоких размышлениях, а офицеры-исследователи увлеченно спорили. Наконец все согласились, что им не удастся построить теорию четырехмерного фрагмента при помощи инструментария современной теоретической физики. Но на основе достижений физиков за последние три столетия удалось предсказать явления, подтвержденные наблюдениями. Высшее измерение, присутствующее в макроскопическом объеме, вырождалось в низшие измерения столь же неизбежно, как вода падает с обрыва. Распад

четырехмерного пространства в трехмерное был основной причиной сжатия фрагмента.

Но утраченное измерение не пропадало на самом деле. Оно всего лишь сворачивалось с макроскопического масштаба в микроскопический и становилось одним из семи измерений, схлопнувшихся на квантовом уровне.

Кольцо уже было видно невооруженным глазом. Самопровозглашенная гробница скоро выпадет в трехмерное пространство и завершит свое существование.

«Синий космос» и «Гравитация» прекратили догонять фрагмент и отстали на триста тысяч километров. Когда Кольцо окажется в трех измерениях, процесс распада высвободит невероятное количество энергии. Именно по этой причине линии светились так ярко.

Прошло двадцать два дня; граница фрагмента скользнула по Кольцу и оставила его позади. Как только Кольцо появилось в трехмерном мире, наблюдателям показалось, что Вселенная раскололась надвое. Линия разлома ослепительно сияла, будто мгновенно вытянутая в нить звезда. На кораблях не видели ни начала ее, ни конца, словно сам Бог приложил ко Вселенной линейку и провел черту слева направо. Инструменталь-

ные наблюдения показали, что длина прямой приближалась к одной астрономической единице, или к 130 млн км — ее почти хватило бы, чтобы соединить Землю и Солнце. В отличие от других линий, у этой была толщина, заметная даже с расстояния в несколько сотен тысяч километров.

Обжигающий сине-белый свет линии превратился в тепло-красный, а затем понемногу угас. Линия искривилась, запуталась и рассыпалась в пылевой пояс. Он больше не сиял сам по себе, словно напитался безмятежным серебристым светом звезд. Астрономам на обоих кораблях пояс до странного напоминал Млечный Путь, светящийся далеко впереди. Казалось, что Галактику сфотографировали какой-то гигантской фотокамерой со вспышкой, а потом не торопясь проявили фотографию прямо в космосе.

При виде такой величественной картины Гуань ощутил горечь. Он вспомнил про свою экологическую сферу. Недолго было суждено Кольцу радоваться подарку. При распаде в трехмерное пространство вся четырехмерная структура объекта мгновенно разрушилась. Такая же судьба предначертана и другим кораблям внутри фрагмента, как погибшим, так и умирающим. Во всей

огромной Вселенной им удалось найти для себя лишь крошечный четырехмерный уголок, и то лишь на время.

Тайна. Тайна темная и грандиозная.

«Синий космос» и «Гравитация» направили в пылевой пояс множество зондов. Кроме чисто научных целей, они интересовались наличием полезных ресурсов. Оказавшись в трехмерном космосе, Кольцо распалось на простые элементы, в основном водород и гелий. Их можно было собрать и использовать в качестве термоядерного топлива. Увы, в газообразной форме они быстро рассеивались в пространстве, и зонды успели набрать очень немного. В поясе имелась также пыль тяжелых элементов, и люди получили некоторое количество полезных металлов.

* * *

Теперь экипажам кораблей предстояло задуматься о собственном будущем. Временный Совет, избранный из персонала «Синего космоса» и «Гравитации», объявил, что каждый может решить для себя: или продолжать полет в составе эскадры из двух кораблей, или вернуться в Солнечную систему.

Будет построен корабль-ковчег с гибернатора-

ми, на него перенесут один из семи имеющихся термоядерных реакторов. Желающие отправиться домой взойдут на борт ковчега и, проведя в пути тридцать пять лет, вернутся в Солнечную систему. С помощью нейтринного передатчика Землю известят о курсе ковчега, тогда планета сможет выслать корабли навстречу. Чтобы Трисолярис не перехватил нейтринный луч и не узнал о местонахождении «Синего космоса» и «Гравитации», данные передадут, когда ковчег проведет в пути какое-то время. Если Земля вышлет буксиры для помощи с торможением, ковчег сможет потратить больше топлива на разгон и прибудет на десять-двадцать лет раньше.

Если, конечно, к тому времени и Земля, и Солнечная система еще будут существовать.

Только около двух сотен человек решили лететь к Солнцу. Остальные не желали возвращаться на обреченную планету. Лучше остаться с «Синим космосом» и «Гравитацией» и продолжать полет в неизвестность.

Через месяц ковчег и два корабля отправились в путь. Ковчег с гибернаторами устремился к Солнечной системе, а «Синий космос» с «Гравитацией» собирались обойти вокруг четырехмерного фрагмента и проложить курс к какой-нибудь

подходящей звезде.

Сияние термоядерных реакторов озарило почти рассеявшийся пояс пыли; он приобрел теплый золотисто-красный оттенок, словно под заходящим солнцем на Земле. У всех — и у возвращающихся на родную планету, и у собравшихся в далекий путь — на глаза навернулись горячие слезы. Вскоре красота космического заката угасла, и воцарилась вечная ночь.

Два зернышка человеческой цивилизации продолжали дрейфовать в море звезд. Что бы ни уготовила им судьба, по крайней мере они начинают с чистого листа.

Часть III
Эра Космической Передачи, год 7-й
Чэн Синь

АА сказала подруге, что глаза у той стали еще ярче и красивее, чем раньше. Возможно, она не лукавила. Прежде Чэн Синь была несколько близорука, но сейчас видела все предельно четко. Ей казалось, будто мир раскрасили свежими красками.

После их возвращения из Австралии прошло шесть лет. Ни ужасы Великого переселения, ни последующие годы не оставили, однако, на АА видимых следов. Она была как здоровое, стойкое дерево, с легкостью стряхивающее лишения со своих гладких листьев. В течение этих шести лет компания Чэн Синь под руководством АА развивалась быстрыми темпами и стала одним из самых значительных игроков в своей отрасли — строительстве объектов на околоземной орбите. Но на вид АА совсем не походила на всевластного управляющего корпорацией; напротив, она оставалась прежней милой и веселой молодой женщиной. Конечно, в эту эпоху такое случалось

сплошь и рядом.

Шесть лет никак не сказались и на Чэн Синь — она провела их в анабиозе. После возвращения из Австралии медики обследовали ее глаза и поставили диагноз. Заболевание, начавшееся как чисто психосоматическое вследствие крайнего эмоционального напряжения, перешло в патологию: развилось отслоение сетчатки с последующим некрозом. Для лечения предлагалось вырастить и пересадить новую сетчатку, клонировав ее из стволовых клеток Чэн Синь, но этот процесс занял бы пять лет. Пять лет в полной темноте и глубокой депрессии могли привести к окончательному психическому коллапсу, и поэтому врачи решили погрузить Чэн Синь в анабиоз.

Мир и вправду преобразился. Известие о широковещательной гравитационно-волновой передаче человечество встретило ликованием. «Синий космос» и «Гравитация» стали в глазах людей легендарными спасителями, а их команды — супергероями, достойными всеобщего преклонения. Обвинение в преднамеренном убийстве, якобы совершенном «Синим космосом» во время битвы Тьмы, было снято; вместо него постановили, что корабль действовал в порядке

самозащиты. Члены Земного Движения Сопротивления, упорно продолжавшие безнадежную борьбу, тоже были провозглашены героями. Когда облаченные в лохмотья борцы Сопротивления выходили на свет, глаза людей застилали жаркие слезы. «Синий космос», «Гравитация» и Сопротивление стали символами величия человеческого духа. Их бесчисленным поклонникам, наверно, казалось, что и в них самих всегда пылал тот же дух.

Не замедлили последовать и репрессии в отношении Сил Безопасности Земли. Объективно говоря, по сравнению с Сопротивлением СБЗ принесли гораздо больше пользы. Они сумели сохранить большие города и другую базовую инфраструктуру. И хотя делали они это ради трисоляриан, их усилия позволили мировой экономике восстановиться после Великого переселения в кратчайшие сроки. Когда во время обратного переселения Австралия несколько раз была на грани полного хаоса из-за нехватки пищи и энергии, именно Силы Безопасности поддерживали порядок и снабжение, что позволило провести реэвакуацию за четыре месяца. Времена стояли лихие, и если бы не хорошо вооруженные СБЗ, последствия были бы гораздо

трагичнее. Однако трибуналы не приняли во внимание ни одну из их заслуг. Всех членов СБЗ отдали под суд и половину из них осудили за преступления против человечества. Во время Великого переселения многие страны вновь ввели высшую меру наказания и не отменили ее после возвращения из Австралии. В течение последних пяти лет многие бывшие члены СБЗ были казнены под приветственные крики толп, в которых находилось немало людей, в свое время подавших заявку на вступление в Силы Безопасности.

В конце концов все понемногу успокоилось, и люди принялись строить жизнь заново. Поскольку города и промышленность уцелели, восстановление шло быстро. Через два года шрамы, оставшиеся после трагедии, затянулись, вернулось прежнее процветание. Люди стали спокойно наслаждаться жизнью.

Их спокойствие основывалось на следующем: когда Ло Цзи провел свой эксперимент по проверке гипотезы «темного леса», между трансляцией во Вселенную координат звезды 187J3X1 и моментом ее разрушения прошло 157 лет, что соответствовало средней продолжительности жизни современного человека. Разумеется, рождаемость упала до самого низкого уровня в

фиксированной истории. В самом деле, зачем рожать детей, если мир обречен на гибель? И все же большинство верило, что им удастся прожить остаток своей жизни мирно и счастливо.

Вот только гравитационно-волновое вещание намного превосходило по мощности усиленную Солнцем радиопередачу Ло Цзи. Впрочем, человечество вскоре нашло новый способ самоутешения: оно усомнилось в истинности самой теории «темного леса».

Отрывок из «Прошлого вне времени»

«МАНИЯ ВСЕЛЕНСКОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ»: ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА РАЗВЕНЧАТЬ ТЕОРИЮ «ТЕМНОГО ЛЕСА»

В течение шестидесяти с небольшим лет — то есть всей Эры Устрашения — теория «темного леса» служила декорацией, на фоне которой разворачивалась история человечества. Однако ученые постоянно подвергали ее сомнению. Действительно, до начала Эры Космической Передачи научных подтверждений ее правильности не существовало. Разрозненным доказательствам не хватало строгого научного обоснования.

Первое доказательство: эксперимент Ло Цзи,

приведший к уничтожению звезды 187J3X1 и ее планет. Гипотеза о том, что система была разрушена вмешательством внеземного разума, всегда вызывала горячие дискуссии. Самые громкие возражения раздавались со стороны астрономов.

Ученые разделились на два основных лагеря. Приверженцы первого считали, что объект, поразивший звезду на световой скорости, не обладал достаточной разрушительной энергией. Скорее всего, гибель звезды 187J3X1 вызвана естественными причинами — она стала сверхновой. Точно оценить состояние звезды до взрыва не представлялось возможным из-за нехватки данных. Принимая во внимание длительное время, прошедшее между радиопередачей Ло Цзи и взрывом, можно утверждать, что вероятность вспышки сверхновой действительно высока.

Ученые, принадлежащие ко второму лагерю, допускали, что звезду все-таки разрушил некий объект, движущийся со скоростью света, но фотоид мог быть естественным галактическим феноменом. Хотя еще одного фотоида пока что никто не наблюдал, в космосе были замечены другие массивные объекты, разогнавшиеся до колоссальных скоростей под действием природных сил. Кстати, сверхмассивная черная дыра в

центре Галактики способна разгонять небольшие объекты до субсветовых скоростей, просто такие «снаряды» настолько малы, что наблюдать их можно крайне редко.

Второе доказательство: ужас, который вызывала в трисолярианах стратегия устрашения. До определенного момента он оставался наиболее убедительным аргументом в пользу верности гипотезы «темного леса». Однако человечеству ничего не было известно о том, как и откуда вывели эту теорию трисоляриане и на каких соображениях они основывались. Поэтому с научной точки зрения этот аргумент на роль бесспорного не годился. Ведь могло случиться, что Трисолярис согласился на шаткое примирение с Землей по иным, не известным людям причинам, а потом и вовсе отказался от намерения завоевать Солнечную систему. Для объяснения этих неизвестных причин выдвигалось множество гипотез, и хотя ни одну из них нельзя было назвать убедительной, решительно опровергнуть их тоже не получалось. Некоторые ученые выдвинули гипотезу «мании вселенского преследования», основанную на том, что у Трисоляриса тоже не было доказательств верности теории «темного леса». Ужасающие условия существования по-

родили в трисолярианах особую форму фобии — всеобщий страх перед преследованием со стороны космического общества. Это заблуждение, сродни средневековым религиозным воззрениям на Земле, было всего лишь верой, которой придерживалось большинство трисоляриан.

Третье доказательство: четырехмерное Кольцо подтвердило существование «темного леса». Несомненно, Кольцо позаимствовало выражение из системы «Розетта», в частности из раздела по истории человечества. Этот термин часто всплывает в документах времен Эры Устрашения, поэтому неудивительно, что Кольцо использовало именно его. Однако в диалоге Кольца и команды исследователей секция, в которой употреблялось это выражение, была представлена очень сжато, а толкование его неоднозначно. Этого недостаточно, чтобы утверждать, будто Кольцо точно понимало значение использованных им слов.

Со времен Эры Устрашения изучение концепции «темного леса» выросло в целую науку. Помимо теоретических исследований ученые проводили массу астрономических наблюдений и строили многочисленные математические модели. Но для большинства из них эта теория

оставалась лишь гипотезой, которую невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Истинными приверженцами теории «темного леса» были политики и народ. А народ выбирал, во что верить, исходя из собственного житейского опыта. В начале Эры Космической Передачи все больше и больше людей стало склоняться к тому, что теория «темного леса» — это всего лишь мания вселенского преследования.

Эра Космической Передачи, год 7-й
Чэн Синь

Когда все успокоилось, человечество переключилось с Космической Передачи на осмысление Эры Пост-Устрашения. И постепенно против Держателя Меча начало подниматься настоящее цунами обвинений и негодования. Если бы Чэн Синь активировала передачу при начале атаки «капель», то хотя бы одной катастрофы — Великого переселения — можно было избежать. Однако основные претензии выдвигались к методу избрания Держателя Меча.

Выборы и впрямь были сложным процессом, при котором общественное мнение превратилось в инструмент давления на ООН и Конгресс

Флотов. Теперь публика яростно спорила, кто же в конечном итоге несет ответственность. Однако практически никто не высказал предположения, что к такому выбору привела психология толпы, у которой все пошли на поводу. К самой Чэн Синь общественное мнение отнеслось не очень строго. Отчасти ее защитил позитивный публичный имидж, а лишения, которые она, как самый рядовой обыватель, испытала во время Великого переселения, добавили ей сочувствия. Большинство людей считали ее жертвой — такой же, как и все прочие.

Одним словом, решение Держателя Меча капитулировать повело историю по обходному пути, но общего ее направления не изменило. В конечном счете большая космическая трансляция все равно была произведена, и потому дебаты об Эре Пост-Устрашения затихли. Публика постепенно забыла о Чэн Синь. Для людей главным сейчас было наслаждаться существованием.

Зато для самой Чэн Синь жизнь превратилась в нескончаемую пытку. Хотя зрение к ней вернулось, сердце, погруженное в море депрессии, оставалось во тьме. Несмотря на то, что ее внутренняя жгучая боль притупилась, а душа больше не разрывалась, молодая женщина не

видела конца своим страданиям. Уныние и мучение, казалось, пропитали каждую клеточку ее тела. Чэн Синь не упомнила, когда в ее жизни последний раз светило солнце. Она ни с кем не разговаривала, не слушала и не читала новостей, не заботилась и о своей растущей компании. Психическое состояние Чэн Синь тревожило ее верную подругу, но АА была занята по горло и могла уделить ей совсем немного времени. Единственным человеком, который оказывал Чэн Синь необходимую поддержку, был Фрейс.

В самое мрачное время, перед концом Великого переселения Фрейс и АА вместе уехали из Австралии. Некоторое время австралиец жил в Шанхае, но, не дожидаясь окончания обратной эвакуации, вернулся домой, в Уорбертон.

Когда в Австралии установился порядок, он отдал свой дом правительству под музей культуры аборигенов, а сам ушел в лес, соорудил шалаш и зажил примитивной жизнью предков. Несмотря на суровые условия, его здоровье, похоже, укрепилось. Единственным современным удобством, которое он себе позволял, был сотовый телефон, по которому он пару-тройку раз в день звонил Чэн Синь.

Их беседы ограничивались несколькими про-

стыми фразами:

«Дочка, у нас восходит солнце».

«Дочка, здесь очень красивый закат».

«Дочка, я сегодня целый день убирал обломки бараков. Хотелось бы снова видеть пустыню такой, какой она была раньше».

«Дочка, идет дождь. Ты помнишь запах влажного воздуха в пустыне?»

Разница во времени между Австралией и Китаем — два часа. Постепенно Чэн Синь привыкла к суточному ритму Фрейса. Каждый раз, слыша голос старика, она представляла себе, что тоже живет в отдаленном лесу, окруженном пустыней, защищенная от суеты мира покровом тишины и покоя.

* * *

Однажды ночью Чэн Синь разбудил телефонный звонок. Звонил Фрейс. В Китае было 01:14, в Австралии — 03:14. Фрейс знал, что Чэн Синь страдает тяжелой бессонницей и без помощи сонного обруча спит только два-три часа в сутки. Он никогда бы не побеспокоил ее среди ночи по пустякам.

В голосе старика слышалась тревога:

— Дочка, выйди на улицу, посмотри на небо!

Чэн Синь и так уже знала, что стряслось что-то из ряда вон. Ей приснился кошмар, который она видела много раз: огромная усыпальница посреди залитой ночной тьмой равнины; из глубины усыпальницы просачивается голубоватое сияние и озаряет окружающие земли призрачным светом…

Такое же голубоватое свечение виднелось сейчас снаружи.

Чэн Синь вышла на балкон и увидела в небе голубую звезду, сияющую ярче прочих. В отличие от построенных людьми сооружений на околоземной орбите, звезда не двигалась — она находилась за пределами Солнечной системы. Яркость свечения росла, затмевая огни расстилавшегося вокруг города; на землю легли тени. Спустя две минуты свечение достигло максимума — звезда сияла теперь ярче полной луны. На нее невозможно было смотреть прямо, и цвет ее поменялся на резкий белый. Стало светло, как днем.

Чэн Синь узнала эту звезду. Почти три столетия люди смотрели на нее чаще, чем на какое-либо другое небесное тело.

В соседнем доме-листе раздался крик, что-то повалилось на пол.

Звезда начала меркнуть, постепенно превратилась из белой в красную и через полчаса погасла.

Чэн Синь не прихватила телефон с собой на балкон, но за ней следовало плавающее коммуникационное окошко. Она по-прежнему слышала голос Фрейса, к которому уже вернулись обычная безмятежность и отстраненность:

— Дочка, не бойся. Чему быть, того не миновать.

Прекрасный сон оборвался. Теория «темного леса» получила окончательное и бесспорное подтверждение.

Трисоляриса больше не существовало.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

НОВАЯ МОДЕЛЬ ТЕОРИИ «ТЕМНОГО ЛЕСА»

Трисолярис был разрушен через три года и десять месяцев после начала Эры Космической Передачи. Никто не ожидал, что на гравитационно-волновое сообщение отреагируют столь быстро.

Поскольку Трисолярис всегда находился под пристальным наблюдением, данных о его гибели было накоплено более чем достаточно. Удар по системе Альфы Центавра ничем не отличался от

атаки, которую спровоцировал Ло Цзи: небольшой объект на субсветовой скорости поразил одну из трех звезд и разрушил ее благодаря своей релятивистски увеличившейся массе. В то время Трисолярис только-только начал обращаться вокруг этого своего солнца, и взрыв уничтожил планету.

«Гравитация» послала во Вселенную свою судьбоносную передачу, находясь примерно в трех световых годах от Трисоляриса. Принимая во внимание, что гравитационные волны распространяются со скоростью света, приходится сделать вывод, что фотоид был выпущен из точки, находящейся еще ближе к Трисолярису, чем «Гравитация», и что его запуск был произведен практически сразу же после приема координат. Наблюдения подтверждали это: пересекая пылевое облако в окрестностях Альфы Центавра, фотоид оставил четкий след. Но в этом секторе космоса нет других звездных систем! Возможен только один вывод: фотоид запустили с космического корабля.

Старая модель теории «темного леса» предполагала, что атака на планетную систему, координаты которой стали известны, обязательно придет из другой планетной системы. Но

сейчас, когда выяснилось, что атака возможна с космического корабля, ситуация резко осложнилась. Положение звезд было достаточно хорошо известно, тогда как человечество ничего не знало об инопланетных кораблях, — если не считать трисолярианских флотов, конечно. Сколько в космосе чужих кораблей? Как густо распределены они в пространстве? С какой скоростью движутся? Куда направляются? Ни на один из этих вопросов не было ответа.

Теперь никто не мог предсказать, откуда «темный лес» нанесет удар, да и само нападение могло случиться намного раньше, чем предполагалось. Если не считать уцелевших звезд Альфы Центавра, ближайшая к Солнцу звезда — звезда Барнарда — находилась на расстоянии шести световых лет. Но призрачные корабли пришельцев могли бороздить космос поблизости от Солнца. Смерть, до сей поры лишь маячившая на далеком горизонте, встала сейчас перед землянами во весь рост.

Эра Космической Передачи, год 7-й
Томоко

Впервые человечество собственными глазами увидело уничтожение чужой цивилизации и

осознало, что такая же участь в любой момент может постигнуть и Землю. Трисолярианский кризис, длившийся около трех веков, закончился в одну ночь, но на его месте возникла другая угроза, исходящая от намного более жестокой Вселенной.

Однако ожидаемой массовой истерии не случилось. Наблюдая трагедию, произошедшую в четырех световых годах от Солнца, человечество оставалось на удивление спокойным. Каждый будто застыл в ожидании, не осознавая, однако, чего именно ждет.

Со времен окончания Великой пади, несмотря на крутые повороты истории, человеческое общество в целом жило по законам демократии, в достатке и изобилии. В течение двух столетий люди подсознательно питали надежду: как бы плохо ни обернулись дела, *кто-нибудь* вмешается и все устроит. Эта вера едва не умерла в эпоху Великого переселения, но шесть лет назад, в самое мрачное утро в истории, случилось чудо…

И теперь люди ждали очередного чуда.

Через три дня после того, как Земля наблюдала уничтожение Трисоляриса, Томоко пригласила Чэн Синь и Ло Цзи на чай. Она сказала, что у нее нет никаких тайных побуждений. Просто они

старые приятели, она по ним скучает.

Как ООН, так и Конгресс Флотов были глубоко заинтересованы в этой встрече. Всеобщее пассивное ожидание грозило страшной опасностью. Человеческое общество было столь же непрочно, как песочный замок на пляже, готовый рассыпаться при первой же набежавшей волне. Лидерам хотелось, чтобы два бывших Держателя Меча выведали у Томоко хоть какую-нибудь информацию, способную приободрить народ. На срочном заседании Совета Обороны Планеты, созванном специально по этому случаю, кто-то даже намекнул: мол, если добыть такую информацию не удастся, то, наверное, не зазорно будет и сфабриковать что-нибудь подходящее…

После Космической Передачи шесть лет назад Томоко исчезла из общественной жизни. Иногда она появлялась на публике, но только чтобы выполнить роль некоего безучастного переговорного устройства. Бо!льшую часть времени она проводила в своем изящном домике на дереве, по всей вероятности, в режиме ожидания.

Чэн Синь и Ло Цзи встретились на ветке, ведущей к дому Томоко. Весь период Великого переселения Ло Цзи провел в рядах Сопротивления. Не принимая личного участия в операциях,

он оставался духовным вождем борцов ЗДС. «Капли» и Силы Безопасности Земли приложили немало усилий, чтобы выследить и убить Ло Цзи, но он каким-то образом сумел избежать такой участи. Даже софоны — и те не смогли обнаружить его убежище.

Глазам Чэн Синь первый Держатель Меча предстал тем же гордым человеком со сдержанными манерами, каким она видела его раньше. Если не считать того, что его волосы и борода стали еще белее, прошедшие семь лет не оставили на нем своих отметин. И тут Ло Цзи, не сказав ни слова, вдруг улыбнулся, и от этой улыбки на душе Чэн Синь потеплело. Ло Цзи напоминал ей Фрейса. Хотя старики были очень разными, в обоих ощущалась непоколебимая, словно гора, сила, пришедшая с ними из Общей Эры и вселявшая в Чэн Синь уверенность, что в нынешнюю диковинную эпоху на этих людей можно положиться. Уэйд, еще один человек из Общей Эры — коварный и хищный, как волк, однажды едва не убивший ее, — обладал подобной же силой, и девушка ловила себя на том, что полагается и на него тоже. Странное это было ощущение, однако…

Томоко приветствовала их перед домом. Она

снова облачилась в великолепное кимоно, а в прическу воткнула живые цветы. Жестокий ниндзя в камуфляже исчез без следа; перед гостями вновь стояла женщина, напоминающая прекрасный весенний цветок.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! У меня было намерение самой посетить вас в ваших досточтимых жилищах, но тогда я не имела бы возможности как подобает развлечь вас чайной церемонией. Будьте добры принять мои нижайшие извинения. Я так счастлива видеть вас!

Томоко поклонилась гостям. Говорила она так же мягко и сердечно, как в их первую встречу. Она провела гостей сквозь бамбуковую рощицу во дворе, затем по дощатому мостику над журчащим ручейком в чайный домик. Все трое опустились на татами, и Томоко начала приготовления к чайной церемонии. Время текло неспешно, и облачка за окнами клубились и вновь рассеивались в синем небе…

Следя за изящными движениями Томоко, Чэн Синь ощутила в душе прилив противоречивых чувств.

Да, она (или они?) могла бы уничтожить человечество, и несколько раз это им почти удалось. Но каждый раз люди вырывали победу из че-

люстей поражения благодаря своей стойкости, хитрости и удаче. После трехвекового марша все, к чему пришла Томоко — это вид родного дома, сгорающего во вселенском пожаре.

Томоко узнала об уничтожении Трисоляриса еще четыре года назад. За три дня до нынешней встречи, уже после того как свет взорванной звезды достиг Земли, она обратилась к общественности с короткой речью и просто, в нескольких словах поведала о гибели родной планеты. Ни упрека, ни осуждения, — а ведь причиной гибели стала Космическая Передача, осуществленная космолетами землян…

Многие подозревали, что четыре года назад, когда Трисолярис сгинул в море огня, в том же пламени сгорели и те, кто контролировал Томоко. По-видимому, теперь ею управляли с кораблей трисолярианского флота.

Во время обращения лицо и манера речи Томоко оставались спокойными, но это было совсем не то деревянное выражение, с которым она выступала в качестве бесстрастного рупора. Сейчас это было демонстрацией силы духа тех, кто выжил после катастрофы, их достоинства и мужества перед лицом ужасной участи родной планеты. Смогли бы земляне проявить такие качества в

подобной ситуации? Вряд ли. Людей охватило доселе невиданное благоговение перед цивилизацией, утратившей свой дом.

Из ограниченных сведений, предоставленных Томоко, и собственных наблюдений земных астрономов можно было составить приблизительную картину катастрофы.

В момент столкновения на Трисоляpисе царила Эра Порядка: планета обращалась вокруг одного из своих трех солнц примерно на расстоянии 0,6 а. е… Фотоид поразил звезду, пробив огромную дыру в фотосфере и зоне конвекции. Получилась каверна диаметром около 50 тысяч километров — примерно как четыре Земли, если поставить их в ряд. То ли случайно, то ли по замыслу тех, кто нанес удар, фотоид врезался в звезду на линии пересечения ее трисолярианской плоскостью эклиптики. С Трисоляриса в этот момент увидели, что на солнце разгорелось ярчайшее пятно. Как в открытую дверь топки вырывается жар, так и колоссальное излучение, генерируемое солнечным ядром, пройдя через зону конвекции, фотосферу и хромосферу, вырвалось из каверны и ударило прямо в планету. Все живое в полушарии, обращенном к солнцу, в считаные секунды обратилось в золу.

Затем из каверны изверглось вещество солнечного ядра и образовало огненный шлейф толщиной 50 тысяч километров и температурой в десятки миллионов градусов. Часть вещества под влиянием тяготения упала обратно на солнце, но остальное достигло скорости убегания и устремилось в космос. Наблюдателю на Трисоляриссе представилось бы, будто из солнца выросло сияющее огненное древо. Примерно через четыре часа протуберанец вытянулся примерно на одну астрономическую единицу, верхушка огненного «древа» пересекла орбиту Трисолярис. Еще два часа — и планета вошла в протуберанец. Она продолжала свой путь внутри него примерно полчаса. Это было равнозначно тому, как если бы Трисолярис двигался внутри звезды, потому что даже после того как пламенный выброс пропутешествовал по космосу, температура его все еще составляла десятки тысяч градусов. Вынырнувший с другой стороны «древа» Трисолярис багрово тлел. Его кора размягчилась, поверхность превратилась в океан лавы. В космосе за планетой тянулся длинный белый хвост — пар выкипевших водоемов. Солнечный ветер распрямил хвост, и Трисолярис стал похож на комету.

Все живое уже было уничтожено, а ведь фитиль

катастрофы только-только загорелся…

Исторгнутое звездой вещество замедлило движение планеты. Пройдя сквозь протуберанец, Трисолярис потерял скорость, и его орбита понизилась. Огненное «древо», словно выпущенный солнцем коготь, с каждым оборотом тянуло планету все ближе и ближе к звезде. Примерно через десять оборотов Трисолярис упал на солнце, и космический футбольный матч, разыгрываемый тремя солнцами, подошел к финалу. Однако этой звезде не суждено было стать победителем — жить ей оставалось недолго.

Выброс вещества понизил давление внутри светила, временно замедлив реакции слияния в ядре. Солнце быстро меркло, и вскоре от него остался лишь туманный контур. Зато гигантское огненное «древо», выросшее на его поверхности, по контрасту казалось еще ярче, еще убийственнее — изломанная царапина на черной как смоль кинопленке Вселенной. Ослабление термоядерных реакций означало, что излучение ядра больше не оказывало достаточного сопротивления давлению внешней оболочки звезды. Звезда начала проваливаться в себя. Затухающая оболочка упала в ядро, инициировав финальный взрыв.

Вот его-то и увидели жители Земли три дня назад.

Взрыв звезды уничтожил все, что так или иначе имело отношение к планете: подавляющее большинство космических кораблей и орбитальных поселений, пытавшихся спастись, рассыпались в пыль и рассеялись в пространстве. В безопасности оказались только несколько кораблей-счастливчиков, которые в это время находились по ту сторону от двух других солнц, сыгравших роль щита.

После катастрофы оставшиеся две звезды образовали стабильную двойную систему, но любоваться равномерными восходами и закатами стало некому — в системе Альфы Центавра больше не было жизни. Выгоревшие останки взорвавшейся звезды и обратившийся в золу Трисолярис превратились в два огромных аккреционных диска[157] вокруг обоих солнц — словно два серых погоста.

— Сколько спаслось? — тихо спросила Чэн

---

[157] Примечания: 157

Аккреционный диск (от лат. accretio «приращение», «увеличение») — структура, возникающая в результате падения диффузного материала, обладающего вращательным моментом, на массивное центральное тело (аккреция). Аккреционные диски возникают вокруг звезд в тесных двойных системах, во вращающихся галактиках и в протопланетных образованиях. (Материал Википедии.) — *Прим. перев.*

Синь.

— Считая трисолярианские флоты, находящиеся далеко от дома, — не больше одной тысячной всего населения. — Ответ хозяйки дома прозвучал еще тише, чем вопрос Чэн Синь. Томоко сосредоточилась на чайной церемонии и говорила, не поднимая головы.

Чэн Синь гораздо больше могла бы сказать ей как женщина женщине, но она все-таки принадлежала к человеческой расе, и от Томоко ее отделяла непреодолимая пропасть. Чэн решила придерживаться вопросов, которые подготовило руководство. Последующий разговор получил в дальнейшем знаменательное название «Беседы за чаем», потому что он коренным образом изменил течение истории.

— И сколько же осталось нам? — спросила Чэн Синь.

— Невозможно сказать. Атака может произойти когда угодно. В вероятностном смысле вы должны бы располагать немного бо!льшим количеством времени — может, сто лет, может двести… как в вашем эксперименте. — Томоко кивнула на Ло Цзи, после чего выпрямила спину, и лицо ее приняло бесстрастное выражение.

— Но…

— Ситуации для Трисоляриса и Солнечной системы различны. Во-первых, Космическая Передача сообщила только координаты Трисоляриса. Чтобы догадаться о существовании Земли, необходимо изучить записи обмена сообщениями между нашими мирами триста лет назад. Это обязательно случится, но займет некоторое время. Что гораздо важнее, издали, из космоса, система Трисоляриса представляется гораздо более опасной, чем Солнечная.

Чэн Синь в ошеломлении уставилась на Ло Цзи, но тот не выказал никакой реакции.

— Почему? — воскликнула Чэн Синь.

Томоко решительно покачала головой.

— Мы никогда не сможем объяснить вам это.

Чэн Синь вернулась к заготовленным вопросам.

— В обеих атаках, которые мы наблюдали, удары были нанесены фотоидами. Это обычная тактика? С Солнечной системой поступят так же?

— Всем атакам «темного леса» присущи две общие характеристики. Первое: их не готовят заранее; второе: они экономичны.

— Не могла бы ты пояснить подробнее?

— Эти атаки — не часть какой-то межзвездной

войны, а просто способ избавиться от потенциальной угрозы. Под «не готовят заранее» я подразумеваю, что для нападения достаточно лишь узнать координаты вероятной цели. Не проводится ни разведки, ни каких-либо других предварительных исследований. Для суперцивилизации такая подготовка — слишком дорогое удовольствие, лучше просто ударить сразу. А «экономичный» означает, что для атаки используется самый дешевый способ: с помощью маленького, малоценного снаряда вызвать к действию разрушительный потенциал, уже имеющийся в системе-цели.

— Энергию самих звезд.

Томоко кивнула:

— Именно это мы до сих пор и наблюдали.

— Есть ли какие-либо способы защиты?

Томоко улыбнулась и покачала головой. Она говорила терпеливо, словно с наивным ребенком.

— Вся Вселенная таится во тьме, тогда как мы ярко освещены. Словно птичка, привязанная к ветке в темном лесу и пойманная в луч фонарика. Атака может прийти откуда угодно и в любой момент.

— Но судя по двум случаям, которые мы наблюдали, должны ведь быть способы пассивной

защиты? Даже в системе Трисоляриса остались выжившие — корабли, которые спрятались за другими солнцами.

— Поверь мне, у людей нет ни малейшего шанса выжить в атаке «темного леса». Единственный способ — бежать.

— Стать космическими скитальцами? Но мы не сможем отправить к звездам и одной тысячной населения!

— Отправьте хоть сколько-нибудь, все равно это лучше, чем полное уничтожение.

«Не с нашим понятием о ценностях», — подумала Чэн Синь, но вслух не произнесла.

— Давай больше не будем об этом. Пожалуйста, перестань сыпать вопросами. Все, что могла, я рассказала. В конце концов, я просто пригласила друзей на чай. — Томоко поклонилась гостям и подала им чашки с зеленым чаем.

В списке Чэн Синь оставалось еще много пунктов, но она понимала: дальнейшие расспросы бесполезны.

В отличие от разволновавшейся Чэн Синь, Ло Цзи, до сих пор не промолвивший ни слова, казался спокойным. Выяснилось, что ритуал чайной церемонии ему знаком: держа чашку на левой ладони, он три раза покрутил ее правой рукой и

только потом отпил. Ло Цзи наслаждался чаем неспешно, позволяя времени течь в молчании, и закончил не раньше, чем заходящее солнце окрасило облака в золото. Тогда он медленно опустил чашку и произнес свои первые за всю беседу слова:

— В таком случае могу ли *я* задать несколько вопросов?

Уважение, которым пользовался Ло Цзи у трисоляриан, ощущалось по всей повадке Томоко. В то время как с Чэн Синь она держалась приветливо и свойски, по отношению к Ло Цзи она явно испытывала благоговейный ужас, вспыхивающий в ее глазах при каждом взгляде на бывшего Держателя Меча. Томоко всегда садилась от Ло Цзи дальше, чем от Чэн Синь, и кланялась ему медленнее и глубже.

Услышав вопрос Ло Цзи, она снова поклонилась.

— Пожалуйста, подождите. — Томоко опустила веки и замерла, словно уйдя в себя. Чэн Синь догадалась: в нескольких световых годах от Земли, на кораблях трисолярианского флота сейчас идет срочное совещание.

Две минуты спустя Томоко открыла глаза.

— Достопочтенный Ло Цзи, вам разрешается

задать один вопрос. Я могу ответить только «да», «нет» и «не знаю».

Ло Цзи поставил чашку, но Томоко подняла руку, призывая его подождать.

— В знак уважения к вам от нашего мира я отвечу правду, даже если она может навредить трисолярианам. Но у вас только один вопрос, и мой ответ будет одним из трех вышеперечисленных. Хорошенько подумайте, прежде чем заговорить.

Чэн Синь посмотрела на Ло Цзи с тревогой, но тот ответил без малейшего промедления:

— Я уже все обдумал, — решительно заявил он. — Вот мой вопрос: если, на взгляд из космоса, Трисолярис выказывал определенные признаки того, что он представляет собой угрозу, существует ли способ показать Вселенной, что цивилизация неопасна и никому не угрожает, и таким образом предотвратить удар «темного леса»? Может ли Земля передать в космос такое, если угодно, «мирное послание»?

Томоко долго не отвечала. Она снова сидела тихо, с закрытыми глазами. Чэн Синь показалось, что время течет медленнее, чем когда-либо. С каждой секундой ее надежды таяли. Она была уверена, что ответом будет либо «нет», либо «не

знаю». Но тут Томоко вскинула на Ло Цзи ясные глаза (до этого мгновения она никогда не решалась смотреть Держателю Меча прямо в лицо) и произнесла без тени колебания:

— Да.

— Как?! — не сдержалась Чэн Синь.

Томоко отвела взгляд от Ло Цзи, помотала головой и вновь наполнила чашки.

— Больше я ничего не могу сказать. Поймите, это правда. Я никогда не смогу сказать вам ничего другого.

* * *

«Беседа за чаем» подарила затаившему дыхание человечеству крохотную надежду: существует способ передать во Вселенную послание мира и избежать атаки «темного леса».

Отрывок из «Прошлого вне времени»

КОСМИЧЕСКОЕ МИРНОЕ ПОСЛАНИЕ: «ПЕНИЕ В ВАННОЙ»

После публикации беседы между Томоко, Чэн Синь и Ло Цзи все задумались, как же передать мирное послание во Вселенную. Посыпались бес-

численные предложения, исходящие из самых разных источников, начиная от маститых научных учреждений вроде Всемирной академии наук и заканчивая учениками начальных школ. Наверное, это был первый в истории случай, когда все человечество бросило свою умственную энергию на решение одной практической задачи.

Чем больше люди раздумывали над ней, тем вернее она превращалась в неразрешимую загадку.

Все предложения можно было разделить на две большие категории, а их сторонников на два лагеря: декларации и «самоувечья».

Приверженцы декларации, как можно заключить из названия, призывали транслировать во Вселенную послание о мирном и безобидном характере земной цивилизации. Основные усилия они направляли на формулировку такого послания. В глазах большинства людей, однако, их концепция выглядела абсурдной. Как ни изощряйся в выражениях, кто в этой бессердечной Вселенной станет им верить? А ведь в том-то и суть, чтобы бесчисленные населяющие космос цивилизации *поверили* мирному посланию.

Концепция «самоувечья» пользовалась боль-

шей популярностью. Ее сторонники рассуждали так: мирное послание должно быть абсолютно правдивым, а это значит, что оно должно содержать не только слова, но и дела. Дела — вот в чем ключ к решению. Человечество должно заплатить определенную цену за право жить в «темном лесу», сделать свою цивилизацию истинно безопасной. Иными словами, земной цивилизации нужно нанести себе такое увечье, чтобы никто не усомнился: она не представляет угрозы для других.

Большинство приверженцев «самоувечья» предлагали отказаться от технологии. Людей призывали вернуться из космической и информационной эры в эпоху низких технологий: стать обществом электричества и двигателя внутреннего сгорания, как это было в конце XIX века, а то и вовсе перейти к сельскому образу жизни. Поскольку население Земли быстро убывало, такие планы казались вполне реальными. Мирное послание в этом случае заключается в следующем: человечество не обладает достаточным уровнем техники, чтобы кому-либо угрожать.

Некоторые сторонники «самоувечья» шли еще дальше: они предлагали с помощью медикаментов и манипуляций с мозгом снизить

умственный потенциал человека. Более того, такое «оглупление» можно с помощью генной инженерии закрепить в будущих поколениях. В результате общество само по себе станет низкотехнологичным. У большинства землян эта идея вызывала отвращение; тем не менее она широко ходила в массах. Ее сторонники подчеркивали, что мирное послание в этом случае равносильно публичному признанию человечества в низком уровне интеллекта.

Были и другие предложения. Например, приверженцы самоустрашения предлагали построить некую систему, которая после активации станет неподвластна человеческому контролю. Система будет мониторить земное общество и при нарушении им взятых на себя обязательств безопасности приведет в действие механизм уничтожения человечества.

Это был пир для воображения. За общественное внимание боролось множество самых разных концепций: от изощренных и причудливых до мрачных и устрашающих.

Но ни одна из выдвинутых идей не была в состоянии выразить глубинную сущность мирного послания.

Как указывала Томоко, атаки «темного леса»

отличались спонтанностью. Нападающий не тратил время на наблюдение за целью. Все выдвинутые землянами планы можно было уподобить пению в ванной: как бы ни старался «артист», никто его исполнения, кроме него самого, не слышит. Даже при самом благоприятном сценарии, когда какие-то внеземные цивилизации, словно любящие родители, пристально следили бы за земным человечеством и, возможно, даже задействовали бы долговременные системы наблюдения вроде софонов, то эти цивилизации составили бы лишь микроскопическую часть колоссального числа космических сообществ. В глазах остальных инопланетян (а их во Вселенной подавляющее большинство) Солнце — всего лишь крохотная тусклая точка во многих световых годах от них, подробностей не различить. Такова основополагающая математическая реальность космического «темного леса».

Во времена, когда люди были более наивны, некоторые ученые полагали, будто обнаружить инопланетные цивилизации можно путем астрономических наблюдений, в том числе по полосам поглощения кислорода, углекислого газа и водяного пара в спектральных кривых атмосферы экзопланет, а также по электромагнитному излу-

чению. Кое-кто даже предлагал такие необычные способы исследования, как поиск признаков сферы Дайсона[158]. Но мы живем во Вселенной, где все цивилизации прячутся друг от друга. Если признаков разумной жизни в далекой звездной системе не обнаруживается, это может означать как то, что там ее действительно нет, так и то, что существующая там цивилизация достигла высокого уровня зрелости.

Мирное послание, собственно говоря, — это все та же космическая передача, которая заставила бы *всех* слушателей поверить в ее правдивость. Она должна быть такой, чтобы кто угодно, взглянув на далекое солнце — еле различимую точку, — с уверенностью сказал: «О, это безопасная звезда, угрозы для нас не представляет». Вот

---

[158] Примечания: 158

Сфера Дайсона — гипотетический астроинженерный проект Фримена Дайсона, американского физика-теоретика, одного из создателей квантовой электродинамики (род. в 1923 г.). Представляет собой относительно тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре. Предполагается, что технологически развитая цивилизация может применять подобное сооружение для сбора энергии центральной звезды и/или для решения проблемы жизненного пространства. Одной из разновидностей сферы Дайсона является «кольцо Нивена» (описанное Ларри Нивеном в цикле романов «Мир-кольцо»). Поиск сфер Дайсона — перспективное направление программы SETI. Сооружение подобных масштабов может быть обнаружено существующими астрономическими средствами по его инфракрасному излучению с нетипичным спектральным распределением. Осенью 2015 года несколько астрономов опубликовали результаты исследований изменений светимости звезды KIC

8462852 созвездия Лебедя по данным космического телескопа «Кеплер» в рамках программы поиска экзопланет. Аномальные мерцания звезды могут указывать на попытку строительства астроинженерного сооружения типа сферы Дайсона или другого набора гигантских объектов (например, коллекторов света), которые высокоразвитая внеземная цивилизация использует для аккумулирования энергии своей звезды. Публикация сразу взбудоражила общественное мнение. (Материал Википедии (https://goo.gl/hkWpdP)). — *Прим. перев.*

какова задача мирного послания.

Абсолютно невыполнимая задача.

И еще одна загадка, которую, похоже, никто не мог разгадать: почему бы Томоко не подсказать людям, как передать в космос такое мирное послание?

То, что выжившие трисоляриане не станут больше делиться с человечеством своими технологиями, было понятно и объяснимо. После космической гравипередачи оба мира оказались лицом к лицу с враждебной Галактикой, даже больше — с враждебной Вселенной. Они больше не являлись друг для друга самой страшной угрозой, и трисолярианам теперь было не до Земли с ее тревогами. Чем дальше улетал трисолярианский флот, тем менее прочной становилась связь между двумя цивилизациями. Но одного не могли забыть ни люди, ни их бывшие противники: все неприятности начались с Трисоляриса. Это он осуществил вторжение в Солнечную систему, это он попытался, правда, безуспешно, совершить геноцид. Если на Земле произойдет технологический взрыв, неизбежно последует возмездие. Люди найдут среди звезд новый дом трисолярианам и отомстят за все — до того, как Земля будет разрушена в атаке «темного леса».

Но мирное послание меняло дело: став безопасной для всей Вселенной, Земля по определению сделалась бы тогда безвредной и для трисолярианан. А разве не этого им хотелось?

Эра Космической Передачи, год 7-й
Томоко

Несмотря на то, что никто не имел представления, как дать Вселенной понять, что Земля безопасна, и все серьезные исследования только подтверждали невозможность выполнения данной задачи, люди по-прежнему стремились найти решение. Хотя большинство понимало, что ни один из выдвинутых планов не сработает, попытки претворить их в жизнь не прекращались.

Одна из европейских неправительственных организаций попробовала построить сверхмощную антенну, которая, используя Солнце как усилитель радиоволн, передала бы в космос их версию мирного послания. Полиция вовремя остановила активистов. Шесть «капель» покинули Солнечную систему еще шесть лет назад, так что больше ничто не глушило Солнце. Такая трансляция могла бы обернуться полной катастрофой для Земли, выдав ее местонахождение еще скорее.

Другая организация, «Зеленые спасители», насчитывавшая несколько миллионов членов, призывала человечество вернуться к аграрному обществу, тем самым провозглашая свою безвредность для Вселенной. Около двадцати тысяч «зеленых» переехали в Австралию. На этом скудно заселенном континенте, где Великое переселение ушло в область воспоминаний, они собирались построить свое идеальное общество. Репортажи о сельской идиллии «зеленых» непрерывно транслировались по всему миру. Поскольку в эту эпоху невозможно было найти традиционного сельскохозяйственного оборудования, инструменты переселенцам приходилось заказывать на деньги спонсоров. В Австралии не так уж много земли, пригодной для обработки, да и та использовалась для высокотехнологичного производства дорогих продуктов питания, поэтому правительство страны предписало «зеленым» поднимать целину в пустынных районах.

Но уже через неделю пионеры бросили свои хозяйства. Не потому, что «зеленые спасители» были ленивы — энтузиазма у них хватало, — а потому, что за прошедшие столетия тело современного человека значительно изменилось. Люди стали более гибкими и ловкими, но не

могли больше заниматься однообразным, изматывающим физическим трудом. Даже в прошлые века не у каждого нашлись бы силы поднимать целину. После того как лидеры «Зеленых спасителей» надлежащим образом выразили свое уважение к предкам-земледельцам, движение постепенно сошло на нет, и идею похоронили.

Некоторые извращенцы по-своему понимали идею мирного послания, и их действия порой выливались в злостные акты саботажа. Образовалось несколько «антиинтеллектуальных» организаций, поставивших своей целью ослабить умственные способности человека. Одна из них собиралась добавить значительное количество психотропных веществ прямо в нью-йоркскую систему водоснабжения, что привело бы к необратимым мозговым травмам. К счастью, заговор вовремя раскрыли, и единственной неприятностью стало отключение воды в городе на несколько часов. Разумеется, все без исключения «антиинтеллектуальные» организации не собирались понижать интеллект своих членов, аргументируя это тем, что, дескать, будучи последними людьми с высокими умственными способностями, они смогут завершить создание низкоинтеллектуального общества и руково-

дить им.

Перед лицом всеобщей гибели центральное место в социальной жизни вновь обрела религия с ее завлекательной идеей потустороннего мира.

Открытие «темного леса» Вселенной нанесло сильнейший удар по большинству религий, особенно по христианству. Собственно, религия понесла значительный урон уже в ранние годы Эры Кризиса. Когда был открыт Трисолярис, христиане столкнулись с тем фактом, что инопланетяне не ведут свое начало из Эдема и не упоминаются в книге Бытия. Больше ста лет церкви и богословы трудились над новыми интерпретациями Библии и общепринятых доктрин, и не успели они залатать прорехи в вере, как вынырнуло новое чудовище — «темный лес». Верующим пришлось примириться с мыслью, что во Вселенной существуют многочисленные разумные цивилизации, и если у каждой из них были свои Адам и Ева, то, значит, Эдем населяло не меньше народу, чем сейчас людей на Земле.

Однако во время катастрофического Великого переселения религии возродились. Стали популярными новые верования. За последние семьдесят лет человечество дважды стояло на пороге уничтожения, но каждый раз чудесным об-

разом избегало гибели. У обоих чудес — системы устрашения и космической гравитационно-волновой передачи — нашлось кое-что общее: к ним приложили руку всего лишь несколько человек, и они стали результатом серии невероятных совпадений (таких, например, как одновременное вхождение «Гравитации», «Синего космоса» и «капель» в четырехмерный фрагмент пространства). Налицо явные признаки божественного вмешательства! Во время обоих кризисов верующие совершали массовые публичные моления. Вот эта-то пламенная демонстрация веры и привела оба раза к божественному спасению — хотя какой именно бог его осуществил, служило предметом бесконечных дискуссий.

Земля превратилась в гигантский храм, в планету непрекращающихся богослужений. Каждый с неведомой доселе истовостью молил богов об очередном спасении. Ватикан проводил многочисленные общепланетные мессы. Люди молились повсюду как небольшими группами, так и поодиночке. Перед едой и перед сном все возносили одну и ту же молитву: «Господь наш, подай нам знак, надоумь, как поведать звездам о наших добрых намерениях; пусть космос узнает, что мы никому не несем угрозы…»

На околоземной орбите выстроили космополитическую церковь. Хотя сооружение и именовали «церковью», на самом деле оно представляло собой огромный крест. Две его перекладины длиной двадцать и сорок километров соответственно сияли так ярко, что ночью крест был виден с Земли. Отправляя службу, верующие (иногда их собиралось до нескольких десятков тысяч) реяли под крестом в скафандрах. Рядом с молящимися парили бесчисленные свечи, способные гореть в вакууме, и их огни состязались в блеске со звездами. С поверхности планеты верующие с их свечами казались сияющим облаком космической пыли. И каждую ночь на самой Земле люди взывали к летящему среди звезд кресту.

Объектом поклонения стала даже сама трисоляринская цивилизация. На протяжении истории образ ее в умах землян постоянно менялся. В начале Эры Кризиса они представали могучими злонамеренными завоевателями, но уже тогда ОЗТ обожествляло их. Позже трисоляриане из богов и дьяволов превратились просто в «народ». С вводом Устрашения положение Трисоляриса в людском восприятии скатилось в надир, и противников начали считать нецивилизованными дикарями, которые и живут-то только по мило-

сти землян. После падения системы устрашения трисоляриане показали свое истинное лицо — лицо безжалостных убийц-завоевателей. И все же после Космической Передачи (особенно после разрушения их мира) они стали восприниматься как жертвы, заслуживающие сочувствия со стороны людей — таких же беженцев, сидящих в той же лодке…

Узнав о концепции мирного послания, люди вначале с яростным единодушием требовали заставить Томоко раскрыть метод, пригрозив ей, что утаивание информации приравнивается даже не к геноциду, а к мундициду — убийству мира. Но вскоре всем стало ясно, что гнев и угрозы бессильны против цивилизации, далеко превосходящей человеческую знаниями и технологиями, да к тому же улетающей все дальше и дальше в межзвездное пространство. Гораздо лучше просить вежливо. Затем просьбы перешли в униженные мольбы. И постепенно, пока человечество умоляло и упрашивало, в обстановке растущей религиозности восприятие людьми трисоляриан изменилось еще раз.

Поскольку трисолярианам был известен секрет мирного послания, они в глазах землян стали ангелами-спасителями, посланными Богом. И

единственная причина, почему Земля до сих пор еще не спасена, заключается в том, что люди не проявляют должного усердия в вере. Поэтому просьбы к Томоко перешли в молитвы, а хозяева биоробота вновь превратились в богов. Обиталище Томоко стало священным местом, и каждый день под гигантским деревом собирались огромные толпы богомольцев. На пике поклонения они в несколько раз превосходили числом паломников в Мекке, образуя бескрайнее людское море. Домик Томоко, висящий над толпой на высоте около четырехсот метров, с земли казался совсем маленьким и временами скрывался от глаз в генерируемом им облачке. Иногда Томоко выходила наружу — люди не могли рассмотреть подробностей, но видели ее кимоно, похожее на изящный цветок в тумане. Ее появления случались редко и потому тоже стали священными. Сторонники различных верований в толпе выражали свое благоговение по-разному: одни начинали молиться еще усерднее, другие разражались восторженными возгласами, третьи плакали и изливали душу, четвертые опускались на колени, пятые падали ниц, утыкаясь лбом в землю… Томоко приветствовала народ легким поклоном и тихонько отступала обратно в дом.

— Даже если бы спасение пришло прямо сейчас, оно было бы бессмысленно, — высказался Би Юньфэн. — У нас и крохи достоинства не осталось.

Би Юньфэн в свое время был одним из претендентов на роль Держателя Меча, а затем командовал Азиатским отделением Земного Движения Сопротивления.

Он был одним из многих сохранивших здравый рассудок ученых, которые продолжали изыскания во всех областях науки с целью найти способ передать мирное послание, работали без устали, пытаясь найти научно обоснованный метод. Однако все исследования, казалось, вели к одному неизбежному выводу: если способ послать мирную весть и существует, он потребует абсолютно новой технологии, превосходящей уровень нынешних знаний и пока что не известной человечеству.

Словно капризный ребенок, общество вновь переменило свое отношение к «Синему космосу», уже исчезнувшему в глубинах космоса. Из ангела-спасителя он опять превратился в воплощение Тьмы, в корабль, населенный дьяволами. Он захватил «Гравитацию» и набросил заклятье уничтожения на оба мира! Его преступления

нельзя простить! Это воплощение Сатаны! Поклонники Томоко умоляли трисолярианской флот найти и уничтожить оба корабля, восстановить справедливость и защитить достоинство Господне. Как и на прочие их мольбы, Томоко не ответила и на эту.

Имидж Чэн Синь в общественном сознании тоже понемногу изменился. Теперь она из провалившего миссию Держателя Меча опять стала великой женщиной. На свет извлекли древнее произведение — «Порог» Ивана Тургенева — и использовали его для описания Чэн Синь. Как и девушка в русской поэме, Чэн Синь ступила за порог, к которому никто не смел даже приблизиться. Затем в самый решающий момент она отказалась передать во Вселенную смертоносное послание, тем самым взвалив на свои плечи невообразимое бремя и примирившись с грядущим неизбежным унижением. Народ не задумывался о последствиях поступка Чэн Синь, вместо этого сосредоточившись на ее любви к людям — любви, причинившей ей столько боли, что она ослепла.

На более глубоком уровне отношение общества к Чэн Синь было реакцией на ее подсознательную материнскую любовь к людям. В эпоху, когда больше не существовало института семьи, это

чувство стало редким явлением. В качестве семьи выступало государство всеобщего благоденствия — оно и удовлетворяло детскую потребность в родительской любви. Но сейчас человечество было поставлено перед лицом безжалостной, холодной Вселенной, и Смерть могла взмахнуть косой в любой момент. Ребенок — человеческая цивилизация, — покинутый в ужасном темном лесу, плакал и жаждал материнской ласки. Чэн Синь оказалась самым подходящим объектом для упований человечества, воплощением материнской любви. По мере того как чувства, которые общество питало к Чэн Синь, постепенно растворялись в сгущающейся атмосфере религиозности, ее образ как Девы Марии новой эпохи опять выступил на первый план.

И это отняло у Чэн Синь остаток воли к жизни.

Существование уже давно стало для нее обузой и пыткой. Она не позволяла себе умереть, потому что хотела до конца нести свое бремя. Жизнь была самым справедливым наказанием за ее огромную ошибку, и она принимала его безропотно. Но теперь Чэн Синь превратилась в опасный религиозный символ. Ее набирающий силу культ еще больше сгущал туман, в котором уже успело потеряться человечество. Она должна

исполнить свою последнюю обязанность — исчезнуть навсегда.

Чэн Синь обнаружила, что решение далось ей легко, без малейших усилий. Она чувствовала себя словно человек, давно задумавший долгое путешествие: ну вот, все текущие дела улажены, можно упаковать немногие пожитки и отправляться в путь.

Она достала пузырек со средством для краткосрочной гибернации. В нем оставалась только одна капсула. Это же средство она использовала для своего шестилетнего анабиоза; но без специального аппарата жизнеобеспечения оно несло неотвратимую смерть.

Разум Чэн Синь был прозрачен и пуст, словно космос: ни воспоминаний, ни эмоций. В поверхности сознания, чистой и гладкой как зеркало, отражалось заходящее солнце ее жизни, и это было естественно, как ежедневные сумерки… Все правильно, все так, как и должно быть. Если мир может обратиться в пыль по одному щелчку пальцев, то смерть одного человека нужно встречать с теми же умиротворенностью и бесстрастием, с какими встречает свой конец капля росы, падающая с травинки.

Но только Чэн Синь зажала в пальцах капсулу,

как зазвонил телефон. Это был Фрейс.

— Дочка, сегодня такая красивая луна. Я только что видел кенгуру. Должно быть, переселенцы съели не всех.

Фрейс никогда не включал видеосвязь, наверное, полагая, что речь живее и образнее любой картинки. Чэн Синь знала, что он ее не видит, и все равно улыбнулась.

— Как чудесно, Фрейс. Спасибо тебе.

— Дочка, все образуется. — И Фрейс отключился.

Вряд ли он что-то заподозрил. Все их разговоры были такими же короткими.

А еще этим утром приходила АА и с восторгом рассказала, что компания Чэн Синь выиграла тендер на очередной большой проект: им предстояло построить на геосинхронной орбите еще более грандиозный крест.

Чэн Синь осознала, что у нее все еще есть двое друзей. В этот краткий кошмарный период истории — двое настоящих друзей. Если она сейчас покончит с собой, каково будет им? Ее прозрачное, пустое сердце сжалось, как будто его сдавило разом множество ладоней. На озере ее сознания ровная доселе поверхность пошла рябью, и отражающийся в ней закат загорелся, словно пожар.

Семь лет назад перед лицом всего человечества она не нашла в себе воли нажать на красную кнопку; сейчас, подумав о друзьях, она не смогла проглотить капсулу, которая принесла бы ей облегчение. Какая же она бесконечно слабая! Ноль, пустота — вот что она такое.

Еще мгновение назад реку перед ней сковывал лед, и Чэн Синь могла бы легко перейти на ту сторону. Но сейчас лед растаял, и ей придется брести в черной холодной воде. Это будет долгая пытка, но Чэн Синь была уверена, что доберется до другого берега. Возможно, она будет колебаться и бороться с собой до следующего утра, а тогда, наконец, проглотит капсулу. Другого выхода не было.

Опять запел телефон. Звонила Томоко — еще раз приглашала Чэн Синь и Ло Цзи в гости. Она хотела сказать им последнее «прощай».

Чэн Синь медленно вернула капсулу обратно в пузырек. Она пойдет на эту встречу. Значит, переход через реку боли затянется.

* * *

На следующее утро Чэн Синь с Ло Цзи вновь пришли к воздушному домику Томоко. В нескольких сотнях метров внизу волновалось людское

море. Накануне Томоко объявила всему миру, что собирается уйти, поэтому сегодня толпа была во много раз больше обычной. Но вместо того чтобы возносить молитвы, паломники молчали, словно чего-то ожидая.

Томоко, как и раньше, приветствовала гостей у входа в дом.

В этот раз чайная церемония проходила в безмолвии. Все знали: что должно быть сказано, уже сказано.

И Чэн Синь, и Ло Цзи ощущали присутствие толпы внизу. Та была словно гигантский ковер, поглощающий звук, — от него тишина в павильоне становилась еще глубже. Атмосфера сгущалась, как если бы облака, окутывающие павильон снаружи, затвердели. Однако движения Томоко оставались плавными и грациозными; даже когда посуда соприкасалась, не раздавалось ни звука. Казалось, будто Томоко использует свои легкость и изящество, чтобы изгнать тягостное настроение. Прошло больше часа, но ни Чэн Синь, ни Ло Цзи не чувствовали течения времени.

Томоко обеими руками подала Ло Цзи чашку с чаем.

— Я ухожу. Надеюсь, с вами, мои гости, все будет хорошо. — Тут она подала чашку и Чэн

Синь. — Вселенная велика, но жизнь больше. Кто знает, может быть, судьба снова сведет нас.

Чэн Синь молча пригубила чай. Закрыв глаза, она медленно потягивала напиток, наслаждаясь вкусом. Освежающая горечь понемногу пропитывала все ее тело, как будто она пила холодный звездный свет.

Но вот чашки опустели.

Гости поднялись и стали прощаться — теперь уже навсегда. Хозяйка проводила их на ветку. Впервые за все время существования этого домика белые облака, создаваемые им, исчезли. Человеческое море под деревом замерло в выжидательном молчании.

— Прежде чем мы попрощаемся, мне предстоит выполнить свою последнюю миссию — передать сообщение. — Томоко склонилась в глубоком поклоне. А затем выпрямилась и взглянула на Чэн Синь.

— С тобой хочет повидаться Юнь Тяньмин.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ДЛИННАЯ-ДЛИННАЯ ЛЕСТНИЦА

В начале Эры Кризиса, еще до того как Великая падь погасила огонь человеческого энтузиазма,

нации Земли объединились и претворили в жизнь ряд грандиозных программ, направленных на защиту Солнечной системы. Гигантские инженерные проекты выжали до последней капли возможности всех доступных в те годы технологий. Некоторые из них — космический лифт, испытание звездно-водородных бомб на Меркурии, осуществление управляемой термоядерной реакции и другие — вошли в анналы истории. Эти программы послужили фундаментом для технологического скачка, последовавшего за Великой падью.

Но проект «Лестница» в этот список не вошел. О нем забыли еще до Великой пади. По мнению историков, проект — плохо продуманный и поспешно исполненный, проще говоря, настоящая авантюра — явился типичным результатом замешательства, царившего в начале Эры Кризиса. Вдобавок к чисто научному провалу он не оставил после себя ничего ценного в технологическом плане. Развитие космических технологий пошло в конечном итоге по совершенно иному пути.

Кто бы мог подумать, что через триста лет проект «Лестница» зажжет луч надежды для Земли, погрузившейся во тьму отчаяния?

Как удалось трисолярианам перехватить зонд

с мозгом Юнь Тяньмина, наверное, останется тайной до конца времен.

Один из тросов, удерживающих парус зонда, оборвался где-то возле орбиты Юпитера. Летательный аппарат отклонился от заданной траектории, и Земля потеряла его в безбрежных просторах космоса. Трисолярианам, видимо, была известна конечная траектория зонда; иначе даже они, с их новейшей технологией, не нашли бы столь малый объект в межзвездном пространстве. Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что зонд сопровождали со-фоны (по крайней мере на фазе ускорения) и сняли его конечные параметры. Однако вряд ли софоны следовали за зондом на всем протяжении его долгого путешествия. Аппарат пересек пояс Койпера и облако Оорта; в этих районах облака межзвездной пыли могли затормозить его или сбить с курса. Похоже, ничего такого не произошло. Значит, трисолярианам в перехвате зонда благоволила Госпожа Удача, потому что получить новые данные о его траектории они не смогли бы.

Можно с уверенностью утверждать, что зонд был перехвачен кораблем Первого трисолярианского флота — скорее всего, тем, что не приступал

к торможению[159]. Его выслали вперед, чтобы он достиг Солнечной системы на полтора столетия раньше других. Но из-за крайне высокой скорости космолет не смог бы затормозить вовремя и пролетел бы Солнечную систему насквозь. В чем заключалась его миссия — так и осталось загадкой.

После создания системы устрашения этот корабль, как и весь Первый флот, повернул прочь от Солнечной системы. Земле так никогда и не удалось точно выяснить его траекторию, но если корабль двигался примерно в том же направлении, что и остальной флот, вполне возможно, что это он и подобрал зонд проекта «Лестница». Конечно, даже в этом случае оба летательных аппарата находились слишком далеко друг от друга; без достоверных сведений о траектории зонда трисолярианский звездолет не смог бы его обнаружить.

По грубым прикидкам (поскольку информации недостаточно, то других и быть не может), перехват произошел от тридцати до пятидесяти лет назад, но не раньше начала Эры Устрашения.

---

[159] Примечания: 159

Читавшие «Темный лес», наверно, помнят, что один из кораблей Первого флота, в отличие от остальных, не тормозил при приближении к Солнечной системе. — *Прим. перев.*

Нет ничего странного в том, что трисолярианский флот воспользовался возможностью захватить земной аппарат, ведь до того момента прямой контакт между трисолярианами и человечеством ограничивался «каплями». Само собой разумеется, инопланетянам хотелось познакомиться с живым представителем землян.

Юнь Тяньмин сейчас находился на борту одного из кораблей Первого трисолярианского флота. Большинство из них двигалось в направлении Сириуса. Оставалось неизвестным, в каком виде существует Юнь Тяньмин: возможно, его мозг поддерживается в живом состоянии сам по себе, а может статься, его пересадили в клонированное тело. Для людей важнее было услышать ответ на другой вопрос:

Действует ли Юнь Тяньмин по-прежнему в интересах человечества?

Вполне обоснованное беспокойство. То, что трисоляриане ответили согласием на просьбу Юнь Тяньмина увидеться с Чэн Синь, показывало, что он влился в их общество и, возможно, даже достиг там определенного статуса.

Но еще бо!льшую тревогу вызывал следующий вопрос: участвовал ли Юнь Тяньмин в недавних событиях? Имел ли он какое-то отношение к

тому, что произошло за последние сто лет между двумя мирами?

Факт оставался фактом: Юнь Тяньмин объявился как раз в тот момент, когда земляне утратили последнюю надежду. Как только новость стала известна широкой публике, первое, о чем подумали все, было: наши молитвы услышаны. Наконец-то явился ангел-спаситель!

Эра Космической Передачи, год 7-й
Юнь Тяньмин

Чэн Синь смотрела в верхний иллюминатор лифта. Весь ее мир сузился до направляющего рельса толщиной восемьдесят сантиметров. Рельс тянулся вниз и вверх, исчезая в бесконечности. Она ехала уже целый час и поднялась на высоту больше тысячи километров над уровнем моря, выйдя за пределы атмосферы. Землю внизу окутывала ночная мгла, в которой смутно вырисовывались очертания материков. Над головой зияла непроглядная чернота космоса. Где-то там, на высоте в тридцать тысяч километров, висел невидимый причал. Казалось, рельс уводил туда, откуда нет возврата…

Чэн Синь, инженер аэрокосмической промыш-

ленности Общей Эры, ни разу до этого дня не бывала в космосе. В нынешнюю эпоху для полета на любых космических аппаратах специальная подготовка не требовалась; но поскольку Чэн Синь была совсем новичком, техники посоветовали ей подняться на космическом лифте. Весь подъем проходил с постоянной скоростью, поэтому перегрузки отсутствовали. Уменьшение силы тяжести внутри кабины пока не ощущалось. Оно произойдет постепенно, и когда лифт прибудет к терминалу на геосинхронной орбите, наступит невесомость. На той высоте, где сейчас находилась кабина, испытать невесомость можно было, только летая по орбите вокруг Земли, но не поднимаясь в космическом лифте. Порой Чэн Синь замечала проносящиеся вдалеке крохотные точки — вероятно, спутники, курсирующие на первой космической скорости.

Чрезвычайно ровная поверхность рельса не позволяла ощутить движение — казалось, будто кабина стоит на месте. На самом же деле ее скорость достигала полутора тысяч километров в час, как у сверхзвукового самолета. Подъем на геосинхронную орбиту займет около двадцати часов — по космическим меркам, кабина еле плелась. На память пришел разговор в колледже:

Тяньмин тогда утверждал, что лететь в космос возможно и на низкой скорости. Если все время, не останавливаясь, двигаться вверх, «ехать» в космос можно так же медленно, как, скажем, на автомобиле или даже пешком. Таким образом человек может дойти хоть до орбиты Луны; правда, ступить на поверхность естественного спутника не получится: его скорость относительно «туриста» составит три тысячи километров в час, и без разгона не обойтись. Чэн Синь отчетливо припомнила, как Тяньмин заметил в конце разговора: было бы здорово оказаться вблизи Луны и увидеть, как гигантский естественный спутник Земли стремительно проносится над головой! И вот сейчас она делает в реальности то, что когда-то воображал Тяньмин — направляется в космос на малой скорости.

Цилиндрическая кабина лифта была поделена на четыре палубы. Чэн Синь занимала верхнюю, а сопровождающие лица — три остальные. Ее никто не беспокоил. Она ехала в роскошной каюте бизнес-класса, похожей на номер в пятизвездочном отеле, с удобной кроватью и душем; правда, каюта была совсем небольшой, размером примерно с комнатку в студенческом общежитии.

В эти дни она все время думала о годах, прове-

денных в колледже. Думала о Тяньмине.

Наконец лифт вышел из теневого конуса Земли. Кабину залило яркое победное сияние Солнца, и стёкла автоматически потемнели. Чэн Синь лежала на диване и сквозь иллюминатор в потолке следила за направляющим рельсом. Бесконечная прямая линия, казалось, исходила из самого Млечного Пути. Чэн Синь силилась разглядеть движение или хотя бы вообразить себе его. Зрелище было гипнотическое, и в конце концов она уснула.

Кто-то позвал ее по имени. Мужской голос. Она обнаружила, что лежит на нижней кровати двухъярусной койки в студенческом общежитии. Больше в комнатке никого не было. По стене двигалась полоска света, будто луч фонаря внутри едущего автомобиля. Чэн Синь бросила взгляд на окно: за знакомым китайским зонтичным деревом по небу пробегало солнце, всходя и заходя каждые несколько секунд. И даже когда светило поднималось в зенит, небо оставалось чернильно-черным, и на нем одновременно с солнцем сияли звезды. Голос продолжал звать Чэн Синь. Она хотела встать и осмотреться, но тут ее тело взмыло с кровати в воздух. Книги, чашки, ноутбук и прочее — все вспорхнуло и закружилось

вокруг…

Чэн Синь резко проснулась и обнаружила, что действительно парит невысоко над диваном. Она протянула руку, желая вернуться обратно, но вместо этого нечаянно оттолкнулась. Ее понесло к потолку, к верхнему иллюминатору, где она, невесомая, перевернулась вверх ногами, оттолкнулась от стекла и успешно возвратилась вниз, на диван. В кабине все выглядело так же, как раньше, — лишь пыль, до того лежавшая спокойно, поднялась в воздух и, искрясь, танцевала в солнечных лучах.

Чэн Синь заметила пришедшего снизу служащего СОП — наверно, это он звал ее. Мужчина ошеломленно таращил глаза.

— Доктор Чэн, насколько мне известно, вы впервые в космосе? — осведомился он. Та кивнула, и он засмеялся, качая головой. — А такое впечатление, что вы бывалый астронавт!

Чэн Синь и сама удивлялась. Первая в ее жизни невесомость — и ни боязни, ни беспокойства, лишь приятная расслабленность без малейших признаков дурноты или головокружения. Как будто она родилась в космосе.

— Мы почти на месте, — сообщил служащий, указывая вверх.

Чэн Синь посмотрела туда и увидела все тот же направляющий рельс, но теперь можно было различить движение его поверхности — значит, кабина замедлялась. А вот и причал на геосинхронной орбите. Станция состояла из нескольких концентрических колец, соединенных пятью радиальными галереями. Терминал, построенный первым, представлял собой небольшое сооружение в центре станции. Кольца добавили позже, так что внешние были самыми новыми. Все сооружение медленно вращалось вокруг своей оси.

Чэн Синь обратила внимание и на другие космические объекты, тесно сгрудившиеся вокруг станции. Близость к лифту облегчала транспортировку строительных материалов, что и объясняло плотность застройки в этом районе космоса. Сооружения, имеющие самые разные формы, издали казались россыпью затейливых игрушек. Оценить их истинные масштабы можно было, лишь подлетев поближе. Чэн Синь знала, что в одном из них размещалась штаб-квартира ее космической строительной компании — концерна «Гало». Как раз сейчас там работала АА.

Кабина приблизилась к массивной стальной ферме. Солнечный свет замигал, пробиваясь между многочисленными перемычками. Когда

кабина вынырнула с другого конца, здание причала заняло почти все поле зрения, и Млечный Путь мерцал лишь между концентрическими кольцами. Громадное сооружение придвигалось все ближе, и когда кабина вошла в терминал, стало темно, как будто они оказались в туннеле. А еще через несколько минут кабину залил яркий свет снаружи: они прибыли в главный зал терминала. Помещение вращалось, и впервые за все время у Чэн Синь закружилась голова. Но вот капсула лифта отделилась от рельса и причалила к платформе. Последовал легкий толчок, кабина начала вращаться вместе с залом, и все вокруг снова стало казаться неподвижным.

Чэн Синь в сопровождении четырех человек вышла в круглый зал. Поскольку у платформы стояла одна-единственная кабина, зал выглядел неестественно пустым. Несмотря на мельтешащие всюду информационные окна, у Чэн Синь сразу возникло чувство, что картина ей знакома: несущие конструкции были выполнены из металла, в основном из нержавеющей стали и свинцовых сплавов, — настоящая редкость в эту эпоху. Повсюду виднелись следы, оставленные временем, и Чэн Синь казалось, будто она находится не на космической станции, а на старом

железнодорожном вокзале. Этот лифт построили самым первым из всех, и здание терминала, завершенное на 15-м году Эры Кризиса, находилось в эксплуатации уже больше двух веков, включая и времена Великой пади.

Зал во всех направлениях пересекали поручни для передвижения в невесомости. Их тоже изготовили из нержавеющей стали, хотя некоторые из меди.

Царапины и потертости, за два века оставленные на них руками бесчисленных пассажиров, напомнили Чэн Синь глубокие колеи перед воротами древних городов.

Поручни были пережитком старины, потому что сейчас все перемещались при помощи индивидуальных реактивных двигателей, крепящихся на поясе или за плечами и управляющихся с ручного пульта. Спутники Чэн Синь попробовали преподать ей первый космический урок — как пользоваться таким двигателем. Однако Чэн Синь предпочла поручни.

У выхода из зала она остановилась, чтобы полюбоваться старыми агитплакатами на стене. Большинство относилось ко временам строительства оборонной системы Земли. Один из плакатов почти полностью занимал солдат в

неизвестной Чэн Синь форме, его горящие глаза смотрели прямо на зрителя. Ниже крупными буквами шел текст: «Ты нужен Земле!» Рядом с этим плакатом висел другой, размером побольше, и на нем люди всех рас и национальностей стояли бок о бок, держась за руки и образовывая живую стену. Фоном служил голубой флаг ООН. Текст гласил: «Выстроим для Земли новую Великую Стену из наших тел!» Хотя Чэн Синь и заинтересовалась плакатами, они не вызвали в ней чувства узнавания, поскольку были выполнены в старом стиле, популярном до ее рождения.

— Они относятся к началу Великой пади, — пояснил представитель СОП, идущий рядом с девушкой.

То была короткая деспотическая эпоха, когда мир стал под ружье, прежде чем все рухнуло — и вера, и жизнь… Но зачем продолжают сохранять эти плакаты? Чтобы люди помнили? Или чтобы забыли?

Чэн Синь с сопровождающими вышли из главного зала в длинный круглый коридор, который, казалось, уходил в бесконечность. Это была одна из пяти радиальных галерей, соединяющих кольца. Поначалу группа двигалась в полной невесомости, но вскоре появилось «тяготение»,

роль которого играла центробежная сила. Сперва оно проявлялось очень слабо, однако его хватало, чтобы породить ощущение верха-низа: неожиданно коридор стал казаться глубоким колодцем, и путешественники не плыли по нему, а падали. У Чэн Синь кружилась голова, но ей помогли поручни, выступающие из стенок «колодца»: разогнавшись слишком быстро, она притормаживала, хватаясь за перекладины.

Путники миновали пересечение с первым кольцом. Чэн Синь посмотрела влево и вправо и обнаружила, что пол по обе стороны поднимается кверху, как если бы она стояла на дне долины. Над входами в кольцо горели красные таблички: «Первое кольцо. Тяготение 0,15 g». В стенах закругляющегося коридора было множество дверей, которые то и дело открывались и закрывались. Сновали «пешеходы». Поскольку здесь уже было тяготение, пусть и слабое, люди стояли на полу, но перемещались по-прежнему плавными прыжками с помощью индивидуальных реактивных двигателей.

Чем дальше продвигались новоприбывшие, тем сильнее становилось тяготение, и вскоре свободное падение стало опасным. В стенах «колодца» появились лифты — один шел вниз,

другой вверх. Чэн Синь присмотрелась к пассажирам, едущим наверх: их одежда, простая и удобная, ничем не отличалась от одежды жителей Земли. На стенах колодца светились большие и маленькие информационные окна; на многих шел репортаж о том, как она, Чэн Синь, входит в кабину космического лифта двадцать часов назад. Но сейчас девушку окружали четверо спутников, а глаза ее прятались за огромными темными очками. Никто ее не узнавал.

На пути вниз они пересекли еще несколько колец. Поскольку каждое последующее кольцо увеличивалось в диаметре, кривизна коридоров по обе стороны колодца становилась все менее заметной. У Чэн Синь складывалось впечатление, будто она перемещается во времени. Каждое кольцо строилось из иных материалов, чем предыдущие, и выглядело новее. Конструкция и дизайн словно бы образовывали временну!ю капсулу с заключенным в нее тем или иным отрезком истории: суровое милитаристское единообразие Великой пади сменилось оптимизмом и романтикой поздней Эры Кризиса, чтобы потом уступить место гедонизму и праздности Эры Устрашения… Вплоть до четвертого кольца жилые и прочие помещения являлись неотъемлемыми элементами

структуры, но начиная с пятого конструкция служила лишь основой, предоставлявшей место для различных пространственных решений. Здания, образовывавшие внешние кольца, были спланированы и присоединены каждое по отдельности, демонстрируя богатство и разнообразие стилей.

По мере спуска признаки того, что путники находятся на космической станции, постепенно исчезали, и окружающее все более походило на обычную жизнь на поверхности планеты. Внешнее, восьмое кольцо станции, по виду мало чем отличалось от небольшого городка где-нибудь на Земле. Коридор выглядел оживленной пешеходной улицей в торговом квартале. Добавить к этому стандартное тяготение в 1 g — и Чэн Синь почти забыла, что находится в космосе, на высоте тридцать четыре тысячи километров.

Но впечатление города исчезло, как только маленький электромобиль доставил путников в место, откуда они снова могли видеть космос. Перед входом значилось: «Ангар А-225». На обширной ровной площадке размещались несколько десятков космических аппаратов разных моделей. С одной стороны ангар был открыт космосу и звездам. Неподалеку от новоприбывших разгорелся факел, озаряя все помещение, — это включился

двигатель одного из кораблей. Понемногу оранжевый свет перешел в голубой. Корабль поплыл над полом, затем разогнался и стремглав вылетел в космос через отсутствующую стену. Чэн Синь дивилась технологическому чуду, давно ставшему чем-то привычным для других, но так и остававшемуся для нее загадкой: как можно сохранять воздух и атмосферное давление в помещении без одной стены?

Пройдя между рядами кораблей, путники выбрались на небольшую площадку около несуществующей стенки. Здесь стояла маленькая космическая шлюпка. Рядом ожидала группа людей. Млечный Путь величественно проплывал мимо, и в его свете люди и суденышко отбрасывали длинные тени. Площадка казалась огромными часами, а медленно ползущие тени — стрелками.

Группа возле шлюпки была командой, созданной Советом Обороны Планеты и флотом специально для этой миссии. Большинство ее участников Чэн Синь знала — они присутствовали на церемонии передачи полномочий Держателя Меча семь лет назад. Одним из двоих руководителей группы был тогдашний сменный председатель СОП, вторым — начальник шта-

ба флота. Советом Обороны сейчас руководил другой человек, но начальник штаба остался прежний. Эти семь лет, самые долгие в истории человечества, оставили неизгладимые следы на их лицах. Никто не сказал ни слова, все только молча обменялись рукопожатиями и так же молча вспомнили былое.

Чэн Синь окинула взглядом шлюпку. В нынешнюю эпоху космическим аппаратам для ближних полетов придавали самые разнообразные формы, но обтекаемый, стремительный профиль, столь популярный в воображении прошлых поколений, среди них отсутствовал. Эта шлюпка имела самую распространенную форму — сферы, причем настолько правильной, что Чэн Синь не могла понять, где же у нее двигатели. Суденышко размером с маленький автобус не имело собственного имени — только серийный номер. Этому-то скромному средству передвижения предстояло доставить Чэн Синь на свидание с Юнь Тяньмином.

Встреча должна была состояться в месте, где силы тяготения Земли и Солнца уравниваются — в точке Лагранжа, примерно в полутора миллионах километров от станции. Именно в этом пункте софоны откроют канал прямой связи с

Первым Трисолярианским флотом. Будут обеспечены звуковая и видеосвязь в режиме реального времени.

Зачем проводить встречу в космосе? Во времена нейтринной связи неважно, где ты находишься — в космосе или на Земле. Томоко объяснила, что это чисто символический жест: встреча должна состояться в изолированном месте для демонстрации ее независимости от обоих миров. Точку Лагранжа выбрали, потому что там положение корабля Чэн Синь будет относительно стабильным.

Это Чэн Синь уже знала, но сейчас ей поведали кое-что гораздо более важное.

Командующий Флотом проводил ее в шлюпку. Места внутри едва хватило бы на четверых пассажиров. Как только командующий и Чэн Синь уселись, половина сферы перед ними стала прозрачной, так что создавалось впечатление, будто они находятся в шлеме громадного скафандра. Широкий обзор являлся одной из причин, почему для полета выбрали эту шлюпку.

На современных космолетах не было пультов управления с кнопками и переключателями. Их заменяли голографические проекции, поэтому внутри шлюпки царила пустота. Если бы сюда

попал человек из Общей Эры, он решил бы, что это лишь корпус без начинки. Однако Чэн Синь сразу заметила три необычных предмета — явно недавнее добавление к интерьеру. Три кружка, прикрепленных над прозрачной стенкой — зеленый, желтый и красный, — напомнили ей о дорожном светофоре старых времен.

Командующий флотом принялся объяснять:

— Эти три индикатора контролирует Томоко. Трисоляриане будут пристально следить за вашей встречей. До тех пор пока они будут считать предмет разговора приемлемым, будет гореть зеленый свет. Если они захотят предупредить вас, что тема сворачивает на опасный путь, загорится желтый.

Командующий надолго замолчал, словно готовясь к тому, что! ему предстоит сказать дальше.

— Если трисоляриане решат, что вам передают запретную информацию, загорится красный.

Он обернулся и указал на непрозрачную часть стены. Чэн Синь увидела маленькое металлическое приспособление, на вид напоминающее гирьку вроде тех, что использовались на старинных весах.

— Это взрывное устройство находится под контролем Томоко. Бомба детонирует через три

секунды после того, как зажжется красный свет.

— И что она уничтожит? — спросила Чэн Синь. Она думала не о себе.

— Только эту шлюпку. Можете не беспокоиться о безопасности Тяньмина. Томоко заверила, что ему вреда не причинят. Так вот, красный может загореться во время вашего разговора. Но даже если встреча завершится успешно, трисоляриане при просмотре записи все равно могут решить включить красный. Сейчас я скажу вам самое важное… — Командующий снова замолчал.

Лицо Чэн Синь оставалось спокойным. Она подбодрила командующего кивком: продолжайте.

— Вы должны помнить: эти огни — не светофор. Трисоляриане не обязаны предупреждать, что вы переступили черту. Зеленый может смениться красным мгновенно, без желтого.

— Хорошо. Я поняла. — Голос Чэн Синь оставался тих, словно мимолетный ветерок.

— Томоко может включить красный не только если ей не понравится содержание беседы, но и если она обнаружит на шлюпке записывающее оборудование или какое-либо устройство, передающее ваш разговор наружу. Здесь я могу вас успокоить: мы несколько раз тщательно осмотрели шлюпку и убрали все записывающие

и передающие приборы. Навигационная система не может даже вести журнал. Управление полетом возложено на бортовой ИИ, который будет совершенно изолирован от внешнего мира до вашего возвращения. Доктор Чэн, будьте добры, хорошенько подумайте над моими словами. Вы хорошо представляете себе последствия?

— Если я не вернусь, нужной информации вы не получите.

— Я рад, что вы это понимаете. Именно это мы и хотели подчеркнуть. Делайте, как они требуют, говорите только о личных делах, имеющих отношение исключительно к вам двоим. Не касайтесь никаких других тем, не прибегайте ни к намекам, ни к метафорам. И все время помните: если вы не вернетесь, Земля не получит абсолютно ничего!

— Но если я сделаю, как вы говорите, и вернусь, Земля все равно ничего не получит. Мне нужно совсем не это.

Командующий флотом посмотрел на отражение Чэн Синь в прозрачной стенке. Ее образ реял на фоне Млечного Пути, в прекрасных глазах блистали звезды. Она показалась ему центром Вселенной, и все галактики обращались вокруг нее. Скрепя сердце командующий решил больше не отговаривать ее от рискованного предпри-

ятия.

Вместо этого он указал на стенку позади себя:

— Это миниатюрная водородная бомба. По вашей старой системе ее мощность примерно пять килотонн. Если… если что-то и вправду случится, все закончится в один момент. Вы ничего не почувствуете.

Чэн Синь улыбнулась.

— Спасибо, командующий. Я все поняла.

* * *

Через пять часов шлюпка пустилась в путь. Тройная перегрузка — максимум для нетренированного человека — вдавила Чэн Синь в кресло. Всю ширь инфоокна, заменявшего зеркало заднего вида, заполнил громадный корпус станции, в котором отражался огонек двигателя. Крошечная шлюпка напоминала искорку, вылетевшую из топки. Станция быстро удалялась и вскоре превратилась в точку. Лишь Земля, все такая же огромная, по-прежнему занимала половину неба.

Специалисты из провожавшей Чэн Синь команды несколько раз повторили, что в самом! путешествии не будет ничего примечательного — все равно что лететь на обычном самолете. От

станции до точки Лагранжа полтора миллиона километров, или одна сотая астрономической единицы. По масштабам космоса рукой подать. Шлюпка отлично подходит для таких коротких перелетов.

Триста лет назад, когда Чэн Синь решала, на кого пойти учиться, одним из факторов, определивших ее выбор, были полеты на Луну — величайшее достижение двадцатого столетия. Пятнадцать человек ступили тогда на поверхность нашего естественного спутника. А сейчас Чэн Синь предстоит преодолеть впятеро большее расстояние!

Еще через десять минут она увидела восход солнца в космосе. Светило медленно поднималось над выпуклым краем земного диска. С такого расстояния волн на поверхности Тихого океана не было видно, и вода сверкала под рассветными лучами, как зеркало. Клочками мыльной пены плыли облака. Солнце выглядело гораздо меньше Земли и походило на золотое яйцо, рожденное голубой планетой. Когда светило полностью вынырнуло из-за горизонта, обращенная к нему сторона Земли превратилась в гигантский серп, такой яркий, что остальная часть планеты растворилась во мраке. Оба небесных тела образовали

висящий в пространстве грандиозный символ. Символ возрождения, подумала Чэн Синь.

Она сознавала, что, возможно, видит восход солнца последний раз в жизни. Как бы ни старались они с Тяньмином на предстоящем свидании следовать всем правилам, не исключено, что трисоляриане не позволят Чэн Синь жить дальше. А она к тому же и не собиралась придерживаться правил. Ну что ж, все правильно, все так, как и должно быть. Жалеть не о чем.

Шлюпка летела дальше, и освещенный участок поверхности Земли увеличивался. Чэн Синь узнавала очертания материков и легко нашла Австралию, похожую на плывущий по Тихому океану высохший листок. Континент медленно выходил из ночной тени, линия терминатора делила его надвое. В Уорбертоне утро, и Фрейс сейчас, возможно, наблюдает с опушки леса за рассветом в пустыне…

Шлюпка неслась над Землей. В тот момент, когда изогнутый горизонт наконец ушел за край иллюминатора, двигатель отключился. Чэн Синь показалось, будто сжимавшие ее безжалостные руки ослабли — перегрузка исчезла. Шлюпка летела к Солнцу по инерции. Его сияние затмевало все другие звезды. Прозрачная стенка автома-

тически потемнела, и солнечный свет перестал резать глаза. Чэн Синь вручную затемнила иллюминатор так, что диск Солнца стал походить на полную луну. Девушка парила в невесомости, купаясь в мягком сиянии луноподобного Солнца. Лететь предстояло еще шесть часов.

* * *

Пять часов спустя шлюпка начала разворачиваться двигателем вперед. Солнце уплыло в сторону, и перед глазами Чэн Синь заблестела бесконечная полоса Млечного Пути. Когда шлюпка развернулась, голубая планета снова заняла место в центре иллюминатора. Теперь она была не больше Луны, какой ее видят с Земли, и уже не поражала своим величием, как несколько часов назад. Она выглядела хрупкой и беззащитной, словно младенец, который вот-вот покинет уютное лоно и окажется один на один с холодом и тьмой космоса.

Вернувшаяся при включении двигателя перегрузка опять стиснула Чэн Синь в своих объятиях. Торможение длилось около получаса, а затем двигатель короткими импульсами начал тонкую корректировку позиции. Наконец перегрузка исчезла, и стало тихо.

Это и была точка Лагранжа. Шлюпка превратилась в спутник Солнца и обращалась вокруг него синхронно с Землей.

Чэн Синь взглянула на хронометр. Полет рассчитали очень точно — до встречи оставалось еще десять минут. Ее окружала пустота космоса. Чэн Синь сосредоточилась, стараясь сделать таким же пустым и свое сознание. Она готовилась к трудной задаче. Единственное, в чем она после свидания сможет унести информацию — это ее мозг. Надо превратить его в лишенное эмоций записывающее устройство, способное зафиксировать все, что ей доведется увидеть и услышать в течение следующих двух часов.

Она представила себе уголок космоса, в котором находилась сейчас. В этом месте сила тяготения Солнца равна силе притяжения Земли, и потому ей казалось, что здесь более пусто, чем где бы то ни было еще. Чэн Синь висела в центре этого абсолютного ничего — одинокая, независимая сущность, оторванная от всего мира… Так она постепенно расплетала сложный узел своих эмоций и изгоняла их из себя, пока не достигла желаемого: незамутненного, трансцендентного состояния.

В нескольких метрах перед шлюпкой начал раз-

ворачиваться софон. Сфера примерно три-четыре метра диаметром заняла собой почти весь обзор, закрыв Землю. Поверхность ее была идеальным зеркалом, в котором Чэн Синь ясно видела свое суденышко и себя саму. Интересно, таился ли софон в шлюпке или прибыл только что?

Отражение на поверхности софона начало исчезать по мере того, как он становился полупрозрачным, словно ледяной шар. Временами Чэн Синь мерещилось, будто в пространстве образуется дыра. Затем из глубины сферы всплыли «снежинки» и замельтешили по поверхности. Чэн Синь сообразила, что это что-то вроде белого шума, «снега», который можно было видеть на экранах старых телевизоров в отсутствие сигнала.

«Снегопад» длился около трех минут и наконец сменился картинкой, пришедшей с расстояния в несколько световых лет. Она была кристально чистой, без малейших искажений или помех.

По пути сюда Чэн Синь строила бесконечные догадки насчет того, с чем же ей предстоит встретиться. Может, это будет только голос и текст, а может, мозг, плавающий в питательном растворе… Или все же доведется увидеть Юнь Тяньмина целиком, в новом теле? И хотя последнее было

маловероятно, она все равно попыталась вообразить обстановку, в которой живет ее давний сокурсник. Да, ей много чего приходило в голову, но того, что возникло сейчас перед ее глазами, Чэн Синь точно не ожидала.

Поле золотой пшеницы, нежащейся в солнечных лучах.

Участок занимал около четырех соток. Пшеница, похоже, чувствовала себя неплохо. Как раз время собирать урожай. Правда, почва производила жутковатое впечатление: совершенно черная, с крупинками, сверкающими на солнце, словно бесчисленные звездочки. В полоску земли, обрамляющую поле, была воткнута самая что ни на есть прозаическая лопата. Кажется, даже с деревянной ручкой. На лопате висела соломенная шляпа, на вид старая и изрядно поношенная, с торчащими стебельками. За хлебным полем виднелось другое, зеленое — наверное, какие-то овощи. Подул ветерок, и по пшенице заходили волны.

А сверху над этой идиллией нависало чужое небо. Вернее, купол, образованный беспорядочным хитросплетением тысяч свинцово-серых труб, тонких и толстых. Две или три трубы пылали ярчайшим красным светом, словно нити

накаливания в старинной лампочке. По всей вероятности, это устройство служило источником света и энергии для растений. Трубки светились совсем недолго и меркли, уступая место другим, в иной части купола. В каждый момент времени горели две или три такие «лампы». Свет постоянно перемещался, и так же перебегали тени по полю — как будто солнце то пряталось за облаками, то выныривало из-за них.

Чэн Синь поразила эта путаница труб. Она не была результатом небрежности; наоборот, для создания такого хаоса требовалось немало размышлений и труда. Создатели купола, очевидно, считали недопустимым даже малейший намек на упорядоченный узор. Надо полагать, их эстетические принципы разительно отличались от человеческих: порядок был инопланетянам отвратителен, а его отсутствие — прекрасно. Перемежающиеся вспышки придавали странной картине живость. Чэн Синь задумалась: может, это и в самом деле такая художественная задумка, чтобы создать впечатление солнца, проглядывающего сквозь бегущие облака? Но уже в следующее мгновение ей почудилось, будто «небо» — это гигантская модель человеческого мозга, а мерцающие трубки — импульсы в ней-

ронных цепях…

Однако по здравому размышлению она отвергла эти фантазии. Скорее всего, купол — это тепловой рассеиватель, а лежащие под ним поля просто пользуются дармовой энергией. Судя только по внешнему виду и не понимая принципов работы системы, Чэн Синь интуитивно чувствовала, что в устройстве заключен некий инженерный идеал, непостижимый человеческим разумом. Она была озадачена и очарована.

По пшеничному полю к ней шел человек. *Тяньмин*.

На нем была куртка из какого-то блестящего серебристого материала, на вид такая же старая, как и шляпа. Ног Тяньмина, утопающих в пшенице, Чэн Синь не видела, но наверняка брюки были из той же ткани. Она вгляделась в его лицо. На вид он был так же молод, как и при их расставании триста лет назад, но выглядел гораздо здоровее: тело подтянутое, лицо загорелое. Тяньмин не смотрел на Чэн Синь. Сорвав колос, он растер его в пальцах, сдул шелуху и бросил несколько зерен в рот. Он вышел из пшеницы, все еще жуя. И как раз в момент, когда Чэн Синь засомневалась, а знает ли Тяньмин, что она здесь, тот поднял голову, улыбнулся и помахал ей рукой.

— Здравствуй, Чэн Синь! — сказал он. В глазах его светилась неподдельная радость — радость, с какой работающий в поле деревенский юноша приветствует девушку-односельчанку, вернувшуюся из города. И не имело значения, что прошло три века, как не имело значения, что встретившихся разделяло несколько световых лет. Они были вместе всегда. Такого Чэн Синь даже вообразить себе не могла. Взгляд Тяньмина ласкал ее, словно пара нежных ладоней. Напряжение, владевшее ею, чуть отпустило.

Над иллюминатором зажегся зеленый огонек.

— Привет! — откликнулась Чэн Синь. Волна чувств, набиравшая силу триста лет, вдруг поднялась из глубины ее души, словно магма в вулкане перед извержением. Но Чэн Синь решительно преградила эмоциям все пути наружу и мысленно приказала себе: «Запоминай, впитывай, ничего не пропусти!»

— Ты видишь меня? — спросила она.

— Да, — с улыбкой кивнул Тяньмин и бросил в рот еще одно зернышко.

— Что ты делаешь?

Тяньмина, похоже, вопрос озадачил. Он обвел рукой поле:

— Занимаюсь сельским хозяйством.

— Для себя?

— Конечно. Иначе что я буду есть?

Чэн Синь помнила Тяньмина другим. Во время проекта «Лестница» это был истощенный, слабый, смертельно больной человек; до проекта — одинокий, замкнутый студент. Но хотя Тяньмин прошлого запечатал свое сердце для окружающего мира, его жизненная история не составляла тайны; достаточно было лишь взглянуть на него, и в общих чертах все становилось ясно. Тяньмин настоящего демонстрировал миру только свою зрелость. Сейчас никто не смог бы прочесть его историю — а она у него была, вернее, их было много, и неожиданных поворотов сюжета, странных событий и незабываемых картин в них хватило бы на десять «Одиссей». Триста лет злоключений: сначала одинокий полет в безбрежном космосе, затем не поддающаяся воображению жизнь среди инопланетян, бесчисленные испытания для духа и тела — ничто из этого не оставило следа на его внешности. Все, что открывалось постороннему глазу, — это зрелость, налитая солнцем зрелость. Он сам был как золотая пшеница, колосящаяся за его спиной.

Из всех передряг Тяньмин вышел победителем.

— Спасибо за семена, что ты послала вместе со мной, — сказал он с подкупающей искренностью. — Я посадил их все. Они всходят поколение за поколением, и все идет как надо. Вот только с огурцами не получилось, но огурцы вообще трудная штука.

Чэн Синь тщательно обдумывала слова Тяньмина. «Откуда он знает, что это я послала с ним семена? Или *они* ему сказали? Или…»

— Я думала, что ты будешь выращивать их на аэро- или гидропонике. И в голову не могло прийти, что на космическом корабле найдется почва.

Тяньмин наклонился, набрал в горсть черной земли и просеял ее между пальцами. Падая, земля поблескивала.

— Выработана из метеорных тел. Такая почва…

Зеленый огонек погас, и загорелся желтый.

Должно быть, Тяньмин тоже видел предупреждение. Он замолчал, улыбнулся и поднял ладонь. Мимика и жест явно предназначались невидимым слушателям. Желтый выключился, снова загорелся зеленый.

— И как долго это продолжается? — спросила Чэн Синь. Она намеренно задала такой многозначный вопрос. Его можно было истолковать как

угодно: долго ли он занимается выращиванием собственной пищи, или как давно его мозг пересадили в клонированное тело, или как давно был перехвачен зонд проекта «Лестница» — да мало ли что еще… Чэн Синь хотелось дать Тяньмину больше простора для передачи информации.

— Долго.

Ответ Тяньмина был не менее многозначен, чем вопрос. На вид ее собеседник сохранял спокойствие, но, похоже, желтый огонек сильно напугал его. Он не хотел, чтобы Чэн Синь пострадала.

— Поначалу я совсем ничего не соображал в земледелии, — продолжил Тяньмин. — Хотел научиться, наблюдая за другими. Но, как ты знаешь, настоящих фермеров больше нет. Вот мне и пришлось до всего доходить самому. Учился я медленно. Хорошо, что ем мало!

Итак, одна догадка подтвердилась. Истинный смысл его слов был таким: если бы на Земле оставались настоящие фермеры, он смог бы понаблюдать за ними. Иными словами, он имел доступ к информации, собираемой на Земле софонами! Значит, Тяньмин и правда занимал в обществе трисоляриан не последнее место.

— Пшеница выглядит прекрасно. Время соби-

рать урожай?

— Да. Хороший выдался год!

— Хороший год?

— Ну да. Когда двигатели работают на полную мощность, у меня хороший год, а когда…

Включился желтый.

Подтвердилась еще одна догадка. Путаница труб на потолке и в самом деле служила охладительной системой для двигателей, работающих на антивеществе.

— Ладно, поговорим о чем-нибудь другом, — улыбнулась Чэн Синь. — Хочешь расскажу, что случилось со мной за эти годы? После твоего отбытия…

— Я все знаю. Я всегда был с тобой.

Тяньмин проговорил это твердым и спокойным голосом, но у Чэн Синь ёкнуло сердце. Да, он всегда был с ней, наблюдал за ее жизнью через софоны. Наверное, он видел, как она стала Держателем Меча, как в последние минуты Эры Устрашения отшвырнула в сторону «красную кнопку», как потеряла зрение после всего пережитого в Австралии и как наконец вынула из пузырька маленькую капсулу… Он прошел через эти испытания вместе с ней. Следя за ее мучениями с расстояния в несколько световых

лет, он, должно быть, страдал еще больше, чем она. Знай Чэн Синь раньше, что за ее жизнью наблюдает любящий взгляд, ей было бы легче. Но она думала, что Тяньмин навечно потерян в безбрежном космосе. Более того, она не верила, что он еще существует.

— Если бы я только знала… — прошептала девушка, словно обращаясь к самой себе.

— Откуда же тебе было знать, — покачал головой собеседник.

Прилив эмоций, которые Чэн Синь загнала было в глубь души, поднялся вновь. Она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Тогда… А как насчет тебя? Что пережил *ты*? Можешь рассказать мне хоть что-нибудь? — Чэн Синь пошла в открытую. Что еще ей оставалось?

— М-м, дай-ка подумаю… — протянул Тяньмин.

Зажегся желтый огонек, а ведь он даже еще ничего не сказал. Серьезное предупреждение.

Тяньмин решительно помотал головой.

— Не могу я ничего тебе рассказать! Совсем ничего.

Чэн Синь молчала. Все, что могла, она сделала. Оставалось лишь ждать, что предпримет Тяньмин.

— Нет, мы не должны об этом разговаривать, —

произнес он и вздохнул. А затем, одними глазами, добавил: *ради тебя*.

Да, слишком опасно. Желтый огонек загорался уже три раза.

Чэн Синь тоже вздохнула в душе. Тяньмин сдался. Миссия останется невыполненной. Но иного выбора не было. Она понимала это.

Они махнули рукой на главную задачу. И тогда объявшее Тяньмина и Чэн Синь пространство, все эти протянувшиеся между ними световые годы стали их тайным миром. И правда, эти двое не нуждались в языке, они говорили друг другу все одними глазами. Сейчас, когда мысли не отвлекались на выполнение задания, Чэн Синь могла читать во взгляде собеседника еще лучше, чем прежде. Она вспомнила колледж — тогда Тяньмин часто смотрел на нее так. Он старался делать это незаметно, но девичьи инстинкты подсказывали ей, что на нее смотрят. Теперь его взгляд лучился зрелостью, и эти лучи пересекали световые годы, чтобы согреть Чэн Синь теплом и счастьем.

Ей хотелось, чтобы молчание длилось вечно, но Тяньмин заговорил снова:

— Чэн Синь, помнишь, как мы проводили время вместе, когда были детьми?

Она помотала головой. Что за неожиданный и непонятный вопрос! «Когда мы были детьми»?! Однако она успешно скрыла свое удивление.

— Помнишь, как мы вечерами звонили друг другу и болтали перед сном? Сочиняли всякие истории… У тебя всегда получалось лучше, чем у меня. Сколько мы их напридумали? Штук сто?

— Да, думаю, не меньше.

Чэн Синь не умела врать, но сейчас удивлялась, как хорошо ей удается лицедейство.

— Ты помнишь хоть какие-нибудь из них?

— Не много. Детство кажется теперь таким далеким…

— А мне нет. Все эти годы я рассказывал здесь сказки — твои и мои, много-много сказок.

— Себе самому?

— Нет, не себе. Когда я оказался здесь, то ощутил необходимость что-то дать трисолярианам. Но что? Думал-думал и решил, что хорошо бы принести в этот мир детство. Вот и начал рассказывать им наши истории. Здешняя ребятня обожает их. Я даже издал сборник «Сказки Земли», страшно популярный. Мы оба с тобой авторы этой книги, я ничего не присвоил. Истории, которые сочинила ты, подписаны твоим именем. Так что ты теперь здесь знаменитость.

Согласно весьма ограниченным знаниям людей о трисолярианах, при половом акте тела двух партнеров сливались в одно, а затем это общее тело разделялось на три-пять новых. Это и были потомки первой пары — «ребятня», как называл их Тяньмин. Новые индивиды наследовали часть родительской памяти и «рождались» уже относительно взрослыми личностями. В этом и заключалось их отличие от земных детей. У трисоляриан, по сути, не было детства. И земные, и трисолярианские ученые считали, что этими биологическими особенностями обусловливались коренные культурные и общественные различия между двумя цивилизациями.

Чэн Синь опять испугалась. Она поняла, что Тяньмин не сдался, что наступил решающий момент. Надо что-то сделать, проявив при этом предельную осторожность.

Она с улыбкой сказала:

— Раз ни о чем другом говорить не разрешается, то, может быть, нам можно вспомнить эти истории? Они же наши личные, больше никого не касаются.

— Какие именно — мои или твои?

Чэн Синь не колебалась ни секунды. Она дивилась, как быстро ей удалось раскусить намек

Тяньмина.

— А перескажи-ка мои! Верни меня в детство.

— Хорошо. Давай не будем разговаривать ни о чем другом. Только сказки. Твои сказки.

Тяньмин развел руками и поднял глаза вверх, очевидно, обращаясь к тем, кто следил за их свиданием. Смысл его жестов и слов был понятен: «Вы ведь не возражаете, правда? Тема-то совершенно невинная!» После чего сказал Чэн Синь:

— У нас около часу. Какую же сказку тебе напомнить? Хм… Может, «Новый художник короля»?

И он принялся рассказывать. Голос его звучал мягко и проникновенно, как у сказителя, нараспев читающего древнюю поэму. Чэн Синь изо всех сил старалась запомнить каждое слово, но постепенно волшебная история увлекла ее. Время текло, Тяньмин говорил и говорил… Он рассказал три сказки, связанные общим сюжетом: «Новый художник короля», «Море обжор» и «Принц Глубокая Вода». Когда последняя история подошла к концу, софон включил обратный отсчет времени. У них оставалась всего одна минута.

Пришла пора расставаться.

Чэн Синь очнулась от чудесного забытья, в которое погрузили ее волшебные сказки. Что-то поразило ее в самое сердце, и оно едва не разры-

валось от боли.

— Вселенная велика, но жизнь еще больше, — проговорила она. — Мы встретимся снова.

Только произнеся это, она сообразила, что почти в точности повторила прощальные слова Томоко.

— Тогда давай условимся о месте встречи — где-нибудь не на Земле, где-нибудь в Млечном Пути.

Чэн Синь даже думать не надо было.

— Как насчет звезды, которую ты мне подарил? Нашей звезды?

— Хорошо. У нашей звезды!

Они смотрели друг на друга сквозь световые годы, и тут отсчет дошел до нуля. Картинка пропала, превратилась в «снег». А затем поверхность развернувшегося софона снова стала зеркальной.

Зеленый огонек погас. Не светился ни один из трех индикаторов. Чэн Синь осознавала, что стоит на пороге смерти. Где-то в нескольких световых годах отсюда на корабле Первого Трисолярианского флота запись их с Тяньмином беседы подвергалась тщательному анализу. Красный свет смерти мог зажечься в любое мгновение, минуя желтый сигнал.

В выпуклой поверхности развернутого софона отражались Чэн Синь и ее маленький кораблик.

Обращенная к софону прозрачная полусфера шлюпки походила на крышечку изысканного медальона, под которой лежала картинка — портрет Чэн Синь. В своем белоснежном легком скафандре девушка казалась чистой, юной и прекрасной. Ее поразили собственные глаза: ясные, умиротворенные, как будто внутри нее не бушевала буря чувств. Чэн Синь вообразила этот прелестный медальон на груди Тяньмина, у самого сердца, и на душе у нее посветлело.

Прошло некоторое время, и софон исчез. Красный сигнал так и не зажегся. Космос за прозрачной стеной выглядел теперь как раньше: далекая голубая Земля перед шлюпкой, Солнце позади нее. Безмолвные свидетели всего происшедшего.

Снова навалилась перегрузка: заработал двигатель. Чэн Синь возвращалась домой.

Она сделала корпус шлюпки непрозрачным, на несколько часов запечатав себя в кокон, и превратилась в живое воспроизводящее устройство. Снова и снова повторяла она истории Тяньмина в мельчайших подробностях. Перегрузки закончились, шлюпка какое-то время двигалась по инерции, потом развернулась, начала тормозить. Чэн Синь ничего этого не заметила.

Наконец после серии толчков шлюпка замерла,

люк открылся, и внутренность суденышка залил свет ламп ангара.

Здесь Чэн Синь поджидали двое служащих СОП, сопровождавших ее на космическую станцию. С непроницаемыми лицами поприветствовав путешественницу, они проводили ее через весь ангар к наглухо закрытой двери.

— Доктор Чэн, вам нужно отдохнуть. Не мучайте себя воспоминаниями. Мы и не надеялись, что вам удастся разузнать что-нибудь полезное, — сказал служащий СОП и жестом пригласил свою спутницу войти в только что открывшуюся дверь.

Чэн Синь полагала, что ее ведут к выходу из ангара, но нет. Она оказалась в тесной комнатке со стенами из какого-то темного металла. Закрывшаяся дверь полностью слилась со стеной. Каморка явно предназначалась не для отдыха. Обстановка скудная: маленький письменный стол и стул; на столе микрофон. В эту эпоху микрофоны стали редкостью, ими пользовались только для высококачественной записи. В комнате стоял неприятный, едкий запах. У Чэн Синь зудела кожа — помещение было насыщено статическим электричеством.

В каморку набилась масса народу — заявились

все участники специальной группы. Как только двое сопровождающих вошли в комнату, выражение их лиц сразу сменилось с бесстрастного на озабоченное, как и у остальных собравшихся.

— Здесь «слепая зона» — софоны не могут ни видеть нас, ни слышать, — пояснил кто-то Чэн Синь. Вот оно что! Оказывается, люди научились прятаться от вездесущих шпионов, пусть и в таком крайне ограниченном пространстве, как эта камера.

К Чэн Синь обратился командующий флотом:

— Будьте добры, перескажите всю беседу. Не упускайте ни единой подробности, диктуйте все, что запомнили. Каждое слово может оказаться бесценным.

Затем участники специальной группы один за другим вышли из помещения. Инженер, уходя последним, объяснил Чэн Синь, что стены камеры под высоким напряжением, поэтому касаться их нельзя.

Оставшись одна, Чэн Синь села за стол и начала наговаривать в микрофон все, что смогла запомнить. Через час и десять минут она закончила рассказ. Попила воды и молока, сделала маленький перерыв и принялась записывать во второй раз. Потом в третий. Перед четвертым разом она

получила команду рассказать обо всех событиях в обратном порядке — от последнего к первому. Пятая запись прошла под руководством группы психологов. С помощью какого-то наркотика они погрузили Чэн Синь в полугипнотическое состояние, так что она даже не соображала, что говорит. Шесть часов пролетели незаметно.

Как только закончилась последняя запись, комнату опять наводнили участники специальной команды. Они обнимали Чэн Синь, со слезами на глазах пожимали ей руку, говорили, что она совершила подвиг. Но Чэн Синь оставалась безучастной, как настоящее записывающее устройство.

И лишь когда она вернулась в удобную кабину космического лифта, бездушный механизм в ее мозгу выключился. Чэн Синь опять стала человеком. Страшная усталость навалилась на нее, чувства вырвались на свободу, и она, глядя на приближающийся голубой шар Земли, разрыдалась. Только один голос эхом отдавался в ее голове:

«У нашей звезды. У нашей звезды…»

* * *

А в этот самый момент тридцатью тысячами километров ниже, на поверхности Земли, над домиком Томоко взвилось пламя. Робот, ее аватар, сгорел вместе с жилищем. Перед этим Томоко сообщила миру, что все софоны будут отозваны из Солнечной системы.

Ей поверили лишь наполовину. Скорее всего, робота действительно уберут, а вот пару-тройку софонов на Земле и в Солнечной системе, пожалуй, оставят. Но могло статься, что Томоко говорила правду. Софоны — ценный ресурс. Трисолярианская цивилизация существовала теперь только на космических кораблях, возможность построить новые софоны им наверняка представится еще очень-очень не скоро. Да и какой теперь смысл шпионить за Землей и Солнечной системой? Если флот трисоляриан войдет в мертвые сектора пространства, он потеряет соглядатаев, оставшихся в Солнечной системе, навсегда.

В последнем случае трисоляриане и человечество полностью утратят всякую связь между собой и снова станут чужаками во Вселенной. Трехсотлетняя история войны и ненависти пре-

вратится в нечто эфемерное, как будто ничего и не было. Даже если им еще предназначено судьбой встретиться, как предсказывала Томоко, это может случиться лишь в очень отдаленном будущем. А ни тот, ни другой мир не знал, есть ли у него будущее.

Эра Космической Передачи, год 7-й
Сказки Юнь Тяньмина

Первое собрание Комитета расшифровки информации (КРИ) тоже провели в защищенной от софонов камере. Хотя большинство склонялось к мысли, что софонов больше нет и Солнечная система «чиста», меры предосторожности не отменяли. Если софоны еще здесь, то жизнь Юнь Тяньмина может оказаться в опасности.

Беседу Тяньмина с Чэн Синь обнародовали, однако решающую информацию, три волшебные сказки, держали в строжайшей тайне — совсем не легкая задача в современном прозрачном обществе. Но как ООН, так и Конгресс Флотов быстро достигли в этом вопросе консенсуса: если вынести на публику и сказки, поднимется шум, все начнут наперебой предлагать свои варианты истолкования, и тогда, возможно, Тяньмину

несдобровать. А жизнь единственного на данный момент человека — члена инопланетного общества — имеет колоссальную ценность не только для него одного. Потеря Тяньмина может поставить под удар выживание всего человечества.

Расшифровка послания Тяньмина осуществлялась в полной тайне, что служило еще одним признаком укрепления авторитета и организационных возможностей ООН. Таким образом, был сделан очередной шаг к созданию мирового правительства.

Камера, превращенная в конференц-зал, была больше той, в которой Чэн Синь делала запись, хотя и просторной ее тоже нельзя было назвать. Силовое поле, необходимое для защиты от софонов, могло окружать только весьма ограниченный объем пространства.

Присутствовало тридцать человек. Помимо Чэн Синь здесь было еще двое представителей Общей Эры: инженер ускорительных установок Би Юньфэн и физик Цао Бинь — оба бывшие кандидаты на должность Держателя Меча.

На всех были специальные защитные костюмы — ведь металлические стенки камеры несли высокий электростатический заряд. Особенный упор делался на ношение перчаток — на случай,

если кто-нибудь, желая вызвать инфоокно, по привычке постучит по стенке. Тем более что в камере инфоокон не было и быть не могло — в силовом поле не действовала никакая электроника. Чтобы энергия поля распределялась как можно равномернее, из камеры удалили все лишнее, оставив только стулья. Даже стол, и тот убрали. Поскольку защитные костюмы попросту позаимствовали у электриков, совещание в металлической камере походило на летучку перед началом смены в старинном заводском цеху.

Никто не жаловался на скученность, недостаток удобств, неприятный запах или зудящую от электростатики кожу. После трехсот лет жизни под неусыпным оком софонов так приятно было вдруг почувствовать себя свободным, знать, что за тобой больше не подсматривают чужие, нечеловеческие глаза! Технология защиты от софонов начала развиваться сразу же после Великого переселения. По слухам, у тех, кто первым испытал софонозащитную камеру, возник так называемый «синдром ширмы»: они говорили без умолку, как пьяные, выбалтывая товарищам по команде все свои секреты. Один репортер так описал происходящее: «В этом маленьком раю люди без опаски открывали друг перед другом

душу. Больше не надо было отгораживаться от других завесой тайны».

КРИ был создан совместными усилиями ООН и Конгресса Флотов специально для расшифровки послания Тяньмина. Комитету подчинялись двадцать пять рабочих групп, составленных из экспертов в какой-либо одной области. Однако сейчас в камере собрались не эксперты и не ученые. Это были члены Комитета — руководители рабочих групп.

Первым делом председатель КРИ от имени Конгресса Флотов и ООН поблагодарил Юнь Тяньмина и Чэн Синь. Он назвал Тяньмина самым отважным воином за всю историю человечества. Одинокий, затерянный в глубине вражеского общества, сумевший выжить в невообразимых условиях чужого мира, Тяньмин продолжает бороться. Он зажег для людей факел надежды. Чэн Синь же благодаря своим уму и смекалке смогла доставить информацию на Землю.

Чэн Синь тихим голосом попросила слова. Она встала и обвела присутствующих взглядом.

— Нынешнее достижение стало возможным благодаря проекту «Лестница». А он, в свою очередь, нераздельно связан с одним человеком. Особенным человеком. Триста лет назад

именно его настойчивость, решительный стиль руководства и выдающаяся изобретательность позволили проекту «Лестница» преодолеть многочисленные трудности и стать реальностью. Я говорю о Томасе Уэйде, тогдашнем руководителе Агентства стратегической разведки при Совете Обороны Планеты. Считаю, что его тоже нужно поблагодарить.

Настала тишина. Никто не торопился поддержать предложение Чэн Синь. Для большинства собравшихся Уэйд олицетворял все темные стороны, присущие характеру людей Общей Эры. Он был полной противоположностью этой прекрасной женщине, которую в свое время чуть не убил. Многие содрогнулись от одной только мысли о нем.

Председатель — он же нынешний руководитель АСР, по сути, преемник Уэйда на этом посту, хоть их и разделяли три столетия, — ничего не ответил на предложение Чэн Синь. Он как ни в чем не бывало перешел к повестке дня:

— Комитет выработал основные принципы процесса расшифровки и установил рамки ожидаемого. Мы считаем, что послание, скорее всего, не содержит конкретной технической информации, но, по всей вероятности, подсказывает

направление будущих исследований. Возможно, в нем содержатся указания на верную теоретическую основу пока еще неизвестных технологий, таких как полет со скоростью света и способ послать в космос мирную весть. Если нам удастся выявить эти указания, у человечества появится надежда.

Итак, в нашем распоряжении два источника информации: беседа между доктором Чэн и Юнь Тяньмином и три сказки. По данным предварительного анализа, именно в последних содержатся все важнейшие сведения. Беседе мы не станем уделять особого внимания, я лишь подведу итог тому, что! нам удалось из нее извлечь.

Прежде всего можно утверждать следующее: чтобы осуществить свое послание, Юнь Тяньмину пришлось проделать огромную подготовительную работу. Он сочинил больше сотни сказок, в том числе и те три, что содержат тайную информацию. Он рассказывал и публиковал эти истории в течение долгого времени, чтобы трисоляриане ознакомились и привыкли к ним. Нелегкая работа! Если трисоляриане в процессе публикации сказок не обнаружили в них никаких подвохов, они, скорее всего, и дальше будут считать их невинными детскими историями.

Несмотря на это, Тяньмин укутал свои сказки в дополнительный защитный покров.

Председатель обратился к Чэн Синь:

— Мне бы хотелось задать один вопрос. Вы действительно были друзьями детства, как сказал Тяньмин?

Чэн Синь покачала головой.

— Нет. Мы встретились только в колледже. И он, и я жили в одном городе, но учились в разных школах.

— Вот ублюдок! Его вранье могло стоить Чэн Синь жизни! — взревела АА, сидящая рядом с подругой. Со всех сторон в нее полетели укоризненные взгляды. АА не входила в КРИ, ее допустили на совещание исключительно по просьбе Чэн Синь. АА когда-то была подающим надежды астрономом, но поскольку ее послужной список не отличался длиной, прочие комитетчики смотрели на нее сверху вниз. Они считали, что Чэн Синь лучше бы обзавестись более квалифицированным ассистентом. Даже сама Чэн Синь иногда забывала, что ее подруга была ученым-исследователем.

Служащий АСР ответил на выпад АА:

— Вообще-то риск был невелик. Их детство закончилось еще до Эры Кризиса, до того, как

софоны наводнили Землю. Они не могли попасть под их наблюдение.

— Да, но софоны могли поднять документы Общей Эры!

— Сведения о детях в докризисную эпоху раздобыть не так-то просто. Даже если бы софоны умудрились проверить реестры домашних адресов или школьные журналы и выяснили, что они ходили в разные школы, то это ничего бы еще не доказывало. Чэн Синь и Юнь Тяньмин все равно могли знать друг друга. И вы не подумали еще об одной вещи. — Служащий АСР даже не пытался скрыть свое презрение к нехватке у АА профессионального опыта. — Тяньмин мог управлять софонами. Он наверняка проверил, сохранились ли какие-нибудь сведения о нем и Чэн Синь в детстве.

Потом опять заговорил председатель:

— Ему пришлось пойти на риск. Приписав эти три сказки Чэн Синь, он еще больше убедил неприятеля в том, что они совершенно безобидны. За тот час, пока он «пересказывал» их, желтый свет не загорелся ни разу. Мы обнаружили также, что к тому моменту, когда Тяньмин завершил рассказ, отведенное время уже вышло! Трисоляриане проявили понимание и продлили встречу

на шесть минут. Это еще одно подтверждение тому, что они не усматривали в историях угрозы. Тяньмин сделал автором сказок Чэн Синь, чтобы дать понять: в них содержится информация, чрезвычайно важная для нас, землян.

Это, пожалуй, все, что нам удалось извлечь из самой беседы. Мы также убеждены в особой значимости последних слов Тяньмина.

Председатель привычно взмахнул рукой, пытаясь вызвать инфоокно. Обнаружив, что ничего не получилось, он в смущении продолжил:

— «Тогда давай условимся о месте встречи — где-нибудь не на Земле, где-нибудь в Млечном Пути». Этими словами он хотел сказать вот что: первое — он никогда не сможет вернуться в Солнечную систему; второе… — Председатель замолчал и опять махнул рукой, но на этот раз словно отгоняя какую-то мысль. — Ладно, неважно. Идем дальше.

Собравшиеся помрачнели. Каждому было понятно, что! чуть не сорвалось у председателя с языка: «Юнь Тяньмин не верит в то, что Земля уцелеет».

Каждому присутствующему выдали по голубой папке. В эту эпоху бумажные документы стали огромной редкостью. На обложках значились

только порядковые номера, никаких заголовков.

— Прочитать это вы можете только здесь. Не выносите документы за пределы комнаты и не пытайтесь ни пересказать, ни записать то, что прочтете. Для большинства из вас это будет первое знакомство с материалом. Итак, приступим.

В помещении стало тихо. Все погрузились в чтение сказок, которые, возможно, спасут человеческую цивилизацию.

Первая сказка Юнь Тяньмина

«НОВЫЙ ХУДОЖНИК КОРОЛЯ»

Давным-давно была на свете страна, которую называли Бессказочным королевством.

В нем не существовало ни сказок, ни интересных историй. Для королевства это, пожалуй, было хорошо. Потому что истории и сказки повествуют о всяких бурных событиях, а раз нет событий, то и рассказывать не о чем. Народу в такой стране живется счастливо.

В Бессказочном королевстве жили-были мудрый король, добрая королева, умные и справедливые министры и честный, работящий простой люд. Жизнь в королевстве текла тихо и безоблачно, вчера походило на сегодня, а сегодня на

завтра; прошлый год ничем не отличался от нынешнего, а нынешний — от следующего. Никаких потрясений. И никаких сказок и историй.

Пока не подросли принцы и принцесса.

У короля было двое сыновей: принц Глубокая Вода и принц Ледяной Песок, и одна дочь, принцесса Росинка.

Еще в детстве принц Глубокая Вода отправился на Могильный остров, что посреди моря Обжор, и не вернулся. Что с ним случилось — о том речь позже.

Принц Ледяной Песок рос под надзором короля и королевы и доставлял им немало тревог. Он был находчив и сообразителен, но уже в самом раннем возрасте в нем проявилась склонность к жестокости. Он отправлял слуг ловить мелких зверьков за стенами дворца, а когда те возвращались с добычей, играл в повелителя животных. Со своими «подданными» Ледяной Песок обращался как с рабами. Стоило какому-нибудь зверьку сделать что-нибудь не то, и принц отдавал приказ обезглавить несчастного. Как правило, к концу игры у него не оставалось «подданных». Принц стоял в луже крови и заходился в хохоте…

Повзрослев, принц научился обуздывать себя. Замкнутый, с вечно хмурым взглядом, он разго-

варивал мало и редко. Но король знал, что волк лишь прячет зубы, что в сердце принца Ледяного Песка притаилась ядовитая змея, которая только и ждет подходящего момента, чтобы выползти и ужалить. В конце концов король решил передать престол не Ледяному Песку, а принцессе Росинке. Придет время, и Бессказочным королевством будет править королева.

Если количество доброты, передаваемой от родителей к детям, считать величиной постоянной, то принцесса Росинка унаследовала от короля с королевой также и ту часть, которая причиталась принцу Ледяному Песку. Принцесса была столь умна, добра и прекрасна, что ни в сказке сказать ни пером описать. Когда она гуляла днем, солнце меркло от стыда, потому что принцесса сияла ярче. Когда она выходила ночью, луна шире открывала свое око, чтобы лучше видеть ее. Когда она говорила, птицы умолкали и вслушивались в каждое ее слово. А когда принцесса ступала по земле, под ее ножками расцветали дивные цветы. Простые люди не могли нарадоваться на свою будущую королеву, а министры поклялись служить ей верой и правдой. Даже принц Ледяной Песок не осмелился возражать, хотя взгляд его стал еще более хмурым и холодным, чем обычно.

Так в Бессказочном королевстве началась первая история.

Король сделал официальное объявление о престолонаследнике в свой шестидесятый день рождения. В тот вечер праздновало все королевство: небо расцветало фейерверками — казалось, будто в нем вырос сверкающий сад; горящие повсюду огни превратили дворец в хрустальный волшебный замок; везде звучали смех и веселые разговоры, вино лилось рекой…

Все были счастливы; даже сердце Ледяного Песка, похоже, оттаяло. Он нарушил свое обычное унылое молчание и почтительно поздравил отца, пожелав ему жить долго, как солнце, и озарять своими лучами все королевство. Он объявил также, что поддерживает отца в его решении передать престол принцессе Росинке, потому что она гораздо больше подходит на роль правителя, чем он, принц. Поздравил и сестренку, пожелав ей учиться у отца искусству управления страной, чтобы в будущем хорошо исполнять свои королевские обязанности. Его искренность и великодушие поразили всех присутствующих.

— Сын мой, как я счастлив видеть тебя таким! — воскликнул король и погладил принца по голове. — Ах если б мгновенье остановилось!

Тогда один из министров предложил запечатлеть эту сцену на большой картине, которую они повесят во дворце, чтобы она напоминала им о замечательном вечере.

Король покачал головой.

— Королевский художник очень стар. Мир в его глазах окутан туманом, а руки трясутся так, что он больше не в силах передать на полотне радостное выражение наших лиц.

— Я как раз собирался кое-что предложить. — Принц Ледяной Песок глубоко поклонился. — Отец, позвольте мне представить вам нового живописца.

Принц повернулся и кивнул. Из толпы выступил юноша лет четырнадцати-пятнадцати. Закутанный в серый плащ с капюшоном, среди разряженных гостей он походил на перепуганного мышонка, невзначай выскочившего на середину зала во время пышного приема. Юноша приближался к королю съежившись, словно пробираясь сквозь невидимые колючие кусты, и от этого его тщедушное тело казалось еще меньше.

— Такой юный! — разочарованно протянул король. — Он хоть рисовать-то умеет?

Принц поклонился вновь.

— Отец, это Остроглаз из Хе’ершингенмосике-

на. Он лучший ученик великого мастера Эфира. Начал учение в пятилетнем возрасте, и сейчас, через десять лет, овладел всем, чему этот великий художник мог его обучить. Он чрезвычайно чувствителен к краскам и формам — они запечатлеваются в его душе, будто выжженные раскаленным железом. А потом он переносит кистью на полотно тончайшие детали увиденного. Кроме самого мастера Эфира, таким искусством в мире больше не обладает никто. — Принц повернулся к Остроглазу. — Будучи придворным художником, ты не нарушишь этикета, если посмотришь на короля прямо.

Остроглаз окинул короля взглядом и опять опустил глаза.

Король был поражен.

— Дитя, твой взгляд пронзителен, как обнаженный клинок, и в нем пылает неукротимый огонь! Он совсем не вяжется с твоей юностью.

Остроглаз заговорил впервые за все время:

— Ваше величество, грозный властелин, простите вашему нижайшему слуге, если он оскорбил вас. Мои глаза — глаза живописца. Художник рисует сначала у себя в душе. В своем сердце я уже запечатлел ваш образ, и ваше величие, и вашу мудрость. Все это я перенесу на полотно.

— А теперь взгляни на королеву, — сказал принц.

Остроглаз окинул взглядом королеву и опустил глаза.

— Ваше величество, достойнейшая из королев, простите вашему нижайшему слуге, если он нарушил традицию. В своем сердце я уже запечатлел ваш образ, и ваше благородство, и ваше изящество. Все это я перенесу на полотно.

— А теперь посмотри на принцессу, наследницу престола. Ее ты тоже должен нарисовать.

Остроглазу понадобилось еще меньше времени, чтобы окинуть взглядом принцессу. Едва взглянув на нее, он опустил голову и проговорил:

— Ваше королевское высочество, любимая народом принцесса, прошу простить мне незнание придворных обычаев. Ваша красота обожгла меня, словно полуденное солнце, и я впервые почувствовал, что моя кисть недостойна вас. Но в своем сердце я уже запечатлел ваш образ и вашу несравненную прелесть. Все это я перенесу на полотно.

Затем принц приказал Остроглазу посмотреть на министров. Тот так и сделал, едва задерживая взгляд на лице каждого. А затем опустил глаза.

— Ваши сиятельства, простите вашего покор-

ного слугу, если он оскорбил вас. В своем сердце я уже запечатлел ваши образы, и ваши таланты, и остроту ваших умов. Все это я перенесу на полотно.

Празднование продолжалось, а принц Ледяной Песок отвел живописца в уголок и шепотом осведомился:

— Ты всех запомнил?

Лицо Остроглаза тонуло в глубокой тени его капюшона. Казалось, будто под ним вообще не было плоти, только бестелесная тьма. Не поднимая головы, юный художник произнес:

— Да, мой король.

— Ты все запомнил?

— Все, мой король. Вплоть до последнего волоска на их головах и телах. Я создам на полотне точнейшие копии, не отличимые от оригиналов.

* * *

Празднество закончилось далеко за полночь. Один за другим погасли огни. Настал самый темный, предрассветный час: луна уже зашла, и хмурый облачный занавес затянул все небо от запада до востока. Земля погрузилась в чернильный мрак. Подул холодный ветер, и птицы задрожали в гнездах, а цветы, испугавшись, за-

крыли венчики.

Из ворот, словно призраки, выехали два всадника и погнали лошадей на запад. Это были Остроглаз и принц Ледяной Песок. Они спешились около подземного убежища в нескольких милях от дворца. Подземелье, промозглое, сумрачное, словно нутро спящего холоднокровного чудища, казалось, тонуло в глубочайшем море ночи. В свете факелов две темные фигуры — два сгустка мрака — отбрасывали длинные колеблющиеся тени. Остроглаз вынул из котомки свиток и развернул его. Это был портрет старика, изображенного в полный рост. Белые волосы и борода обрамляли его лицо, словно языки серебристого пламени. Пронзительный взор старика походил на взгляд Остроглаза, только в нем чувствовалась бо!льшая глубина. Портрет писал умелый художник. Человек на нем был совсем как живой, каждая деталь тщательно выписана.

— Мой король, это мастер Эфир, мой учитель. Вернее, он *был* моим учителем.

Принц кивнул.

— Превосходно. Ты разумно поступил, первым нарисовав его.

— Да. Я должен был сделать это, чтобы он не нарисовал меня! — Остроглаз аккуратно повесил

портрет на сырую стену. — Вот так. А теперь я приступлю к работе над новыми картинами для вашего величества.

Остроглаз вытащил из угла свиток какого-то белого как снег материала.

— Мой король, это обрезок ствола волноснежного дерева, которое растет в Хе'ершингенмосикене. Когда дерево достигает столетнего возраста, его ствол можно развернуть, как свиток бумаги. Это идеальный материал для живописи. Моя магия действует только при рисовании на волноснежной бумаге. — Он поместил свиток на каменный стол, развернул часть его и наложил сверху пресс — обсидиановую плиту. Затем взял острый нож и отрезал бумагу ровно по краю плиты. Девственно чистая белая поверхность, казалось, испускала сияние.

Художник достал из котомки и разложил принадлежности для живописи.

— Мой король, взгляните на эти кисти — они изготовлены из волос, растущих на ушах волков из Хе'ершингенмосикена. Краски тоже оттуда: красная сделана из крови гигантских летучих мышей; черная — из чернил кальмаров, живущих в морских глубинах; синяя и желтая извлечены из метеоритов… Все краски нужно смешать со

слезами огромной птицы, называемой луночепрачником…

— Хватит болтать! — приказал принц. — Приступай!

— Да-да, конечно. Кого рисовать первым?

— Короля.

Остроглаз взял кисть. На первый взгляд, он работал небрежно — мазок там, линия сям… Постепенно бумага покрылась разноцветными пятнами, но формы изображение еще не приобрело: казалось, будто бумага попала под красочный дождь и на нее непрерывно падают капли всех оттенков радуги. Через некоторое время картина заполнилась мешаниной тонов — как будто табун взбудораженных лошадей пронесся по цветочной клумбе. Кисть продолжала скользить по красочному лабиринту словно сама по себе, не направляемая рукой художника. Принц в недоумении наблюдал за происходящим.

У него на языке вертелось множество вопросов, но танец красок на бумаге завораживал, и принц так ничего и не спросил.

И тут в один момент случилось чудо: рябь цветов внезапно застыла, беспорядочные пятна соединились, путаница красок наполнилась смыслом. Проступивший на картине образ обрел

четкость.

Принц видел перед собой портрет отца. Король был одет как сегодня вечером на приеме: на голове золотая корона, плечи облегает величественная церемониальная мантия. Но из взгляда исчезли достоинство и мудрость, а лицо выражало смесь самых разных эмоций: тут были и растерянность, и разочарование, и потрясение, и скорбь… За всем этим угадывался невыразимый словами ужас — как будто на короля напал с мечом его самый близкий друг.

— Портрет короля готов, — сообщил Остроглаз.

— Очень хорошо. — Принц одобрительно кивнул. Свет факелов играл в темных колодцах его зрачков, как будто там пылала сама душа Ледяного Песка.

* * *

А в нескольких милях отсюда, во дворце, из своей спальни исчез король. Покрывало на кровати, украшенной четырьмя столбиками в виде богов, продолжало хранить тепло его тела, а перина — прогибаться под его весом. Но от самого короля не осталось и следа.

* * *

Принц швырнул готовую картину на пол.

— Прикажу заключить это в рамку и повешу здесь на стену. Буду время от времени приходить и любоваться. А теперь рисуй королеву!

Остроглаз взял другой лист волноснежной бумаги, разгладил обсидиановой плитой и принялся писать портрет королевы. На этот раз принц не стоял рядом, наблюдая за работой, а расхаживал по подземелью туда-сюда. В гулкой пустоте звучало эхо его шагов.

Художник закончил работу за половину времени, потраченного на портрет короля.

— Мой король, портрет королевы готов.

— Прекрасно.

* * *

А во дворце из своей спальни исчезла королева. Покрывало на кровати, украшенной четырьмя столбиками в виде ангелов, продолжало хранить тепло ее тела, а перина — прогибаться под ее весом. Но от самой королевы не осталось и следа.

Пес в дворцовом саду учуял неладное и несколько раз громко гавкнул. Но сгустившийся мрак

мгновенно поглотил звуки, и пес испуганно замолк. Дрожа, он забрался в укромное местечко и слился с темнотой.

* * *

— А теперь принцессу? — осведомился Остроглаз.

— Нет, сначала министров — они опаснее. Конечно, рисуй только тех, кто верен моему отцу. Помнишь их?

— О да, помню. Я могу написать все, вплоть до последнего волоска на их головах и телах…

— Опять завелся! Поторапливайся! Надо закончить до восхода солнца.

— Это нетрудно, мой король. До рассвета я успею написать и министров, и принцессу.

Остроглаз разровнял еще несколько листов и принялся рисовать как одержимый. И каждый раз, когда он заканчивал очередной портрет, этот человек исчезал из своей постели. Ночь утекала час за часом, и враги принца Ледяного Песка один за другим превращались в картины на стенах подземелья.

* * *

Принцессу Росинку разбудил громкий, настойчивый стук. Никто и никогда еще не осмеливался так грубо колотить в ее дверь! Она поднялась и направилась к двери, уже открытой тетушкой Дородой.

Тетушка Дорода была кормилицей, а затем и няней подрастающей Росинки. Принцесса была привязана к ней больше чем к собственной матери-королеве. Тетушка Дорода грозно взирала на капитана дворцовой стражи, стоявшего на пороге. От панциря капитана тянуло ночным холодом.

— Никак спятил?! Ты чего это будишь принцессу?! Она и так все последние ночи почти не спала!

Капитан, не обращая внимания на негодующую кормилицу, слегка поклонился принцессе Росинке.

— Принцесса, вас хочет видеть один человек. — Капитан шагнул в сторону. За его спиной стоял незнакомый старик.

Белые волосы и борода обрамляли его лицо, словно языки серебристого пламени. Взгляд старика отличался остротой и глубиной. Именно

этот человек был изображен на портрете, который Остроглаз показывал принцу Ледяному Песку. Лицо и плащ его покрывала пыль, на сапогах засохла грязь, за спиной висела большая холщовая котомка. Очевидно, старик шел издалека.

Очень странно — в руке гость держал зонтик. Но еще более странно было то, *как* он его держал: зонтик непрерывно вращался. Присмотревшись внимательнее, принцесса поняла, в чем дело. И ручка, и полотнище зонтика были черными как смоль, а на концах спиц висели шарики, сделанные из какого-то полупрозрачного тяжелого камня. Крепления, поддерживающие спицы, все до единого были отломаны, поэтому чтобы зонтик не сложился, его следовало постоянно крутить — тогда каменные шарики поднимались вверх и удерживали его раскрытым.

— Да как ты посмел притащить сюда какого-то бродягу? — возмутилась тетушка Дорода. — Еще и полоумного!

— Стража пыталась его остановить, но… — капитан бросил на принцессу встревоженный взгляд, — он сказал, что король уже исчез.

— Что ты несешь? — воскликнула кормилица. — Ну точно, сбрендил!

Принцесса молчала, вцепившись пальцами в ворот ночной сорочки.

— Но король и вправду исчез! И королева тоже. Мои люди доложили, что обе спальни пусты.

Принцесса вскрикнула и приникла к тетушке Дороде.

И тут заговорил старик:

— Ваше королевское высочество, позвольте мне объяснить!

— Пожалуйста, мастер, заходите, — проговорила принцесса, затем повернулась к капитану: — Никого сюда не пускайте!

Все так же вращая зонтик, старец поклонился принцессе, словно отдавая должное ее самообладанию в такой напряженный момент.

— Чего это ты вертишь своим зонтом, как какой-нибудь клоун? — осведомилась тетушка Дорода.

— Мне нужно держать его раскрытым, иначе я тоже исчезну, как король с королевой.

— Тогда заходите с зонтиком, — сказала принцесса. Тетушка Дорода раскрыла дверь чуть пошире, чтобы старик мог пройти, не закрывая зонтик.

Войдя в спальню, гость снял со спины котомку и устало вздохнул. Зонтик в его руке не оста-

навливался ни на секунду, каменные шарики посверкивали в пламени свечей и отбрасывали на стены яркие отблески, похожие на летящие наперегонки звездочки.

— Я мастер Эфир, живописец из Хе'ершингенмосикена. Новый художник короля, Остроглаз, — мой ученик. То есть был моим учеником.

— Я знаю его, — заметила принцесса.

— Он смотрел на вас? — встревожился Эфир.

— Да, конечно.

— Это ужасно, принцесса! Ужасно! — Эфир вздохнул. — Он исчадие ада! С помощью своего дьявольского искусства он делает из людей рисунки!

— Ну чего ты развздыхался-то? — проворчала тетушка Дорода. — У художников, кажется, работа такая — делать с людей рисунки. Скажешь нет?

— Вы не так поняли, — проговорил Эфир. — После того как он нарисует портрет, человек исчезает. Живой человек превращается в мертвый рисунок!

— Тогда надо послать солдат — пусть разделаются с ним!

Капитан сунул голову в комнату.

— Стража ищет повсюду — он как сквозь землю

провалился! Я хотел найти военного министра и попросить его мобилизовать гарнизон столицы. Но мастер Эфир сказал, что и министра, скорее всего, тоже больше нет.

Эфир покачал головой.

— Сколько стражей ни посылай, толку не будет. Принц Ледяной Песок с Остроглазом наверняка убрались далеко от дворца. Остроглаз может рисовать где угодно и все равно убьет всех, кого захочет.

— Ты сказал, принц Ледяной Песок? — переспросила тетушка Дорода.

— Да. Остроглаз — его оружие. Принц хочет уничтожить короля и всех, кто верен ему, чтобы самому стать королем.

Принцесса, кормилица и капитан, похоже, не удивились услышанному.

— Надо срочно что-то делать! Паршивец наверняка рисует принцессу прямо в это самое мгновение! — Тетушка Дорода обняла Росинку, словно пытаясь ее защитить.

Эфир продолжал:

— Только я могу остановить Остроглаза. Он уже нарисовал меня, но зонтик не дает мне исчезнуть. А если теперь *я* нарисую Остроглаза, его не станет.

— Ну так давай рисуй! — воскликнула кормилица. — А я покручу за тебя твой зонтик.

Эфир опять покачал головой.

— Нет. Волшебство действует, только если рисовать на волноснежной бумаге. У меня есть с собой немного, но ее надо разгладить, иначе она не годится для рисования.

Тетушка Дорода раскрыла котомку мастера и вытащила оттуда часть ствола волноснежного дерева. Кору с него уже удалили, обнажив скрывающийся под ней свиток бумаги. Принцесса с кормилицей развернули его, и всем показалось, что в комнате стало светлей. Они попытались разгладить бумагу на полу, но как только они отпускали ее, свиток сворачивался обратно.

— Ничего не получится, — проговорил живописец. — Волноснежную бумагу можно разровнять только при помощи обсидиана из Хе'ершингенмосикена. Он очень редок. У меня была одна-единственная плита, но ее украл Остроглаз.

— Ты уверен, что больше ничем ее не выпрямить?

— Уверен. Только обсидианом из Хе'ершингенмосикена. Я надеялся отобрать у Остроглаза свою плиту…

— Хе'ершингенмосикен? Обсидиан? — Тетушка

Дорода хлопнула себя по лбу. — У меня есть утюг — я им глажу самые красивые платья принцессы. Его сделали в Хе'ершингенмосикене, и он из обсидиана!

— Давайте его сюда!

Кормилица выскочила из комнаты и вскоре вернулась с начищенным до блеска черным утюгом. Они с принцессой опять раскатали часть свитка, и тетушка Дорода прижала уголок утюгом на несколько секунд. Когда она убрала утюг, уголок остался плоским.

— Будьте добры, подержите мой зонтик, пока я разглажу бумагу, — попросил Эфир тетушку Дороду. Вручая ей зонтик, он прибавил: — Все время крутите его! Если он закроется хотя бы на миг, я исчезну.

Убедившись, что кормилица все делает как надо — вертит зонтик над его головой, — мастер склонился над бумагой и принялся разглаживать ее утюгом, один маленький участок за другим.

— А почему вы не приделаете к спицам распорки? — спросила принцесса, глядя на бесконечно крутящийся зонтик.

Художник отвечал, не прекращая своего занятия:

— У него были распорки. У этого зонтика

необычная история. В прошлом и другие художники Хе'ершингенмосикена владели такой же магией, как у меня и Остроглаза. Помимо людей им удавалось запечатлевать животных и растения.

Однажды в нашу страну явился дракон из бездны. Черный как ночь, он одинаково хорошо умел и летать, и плавать в глубоком море. Трое художников нарисовали его, но он как ни в чем не бывало продолжал летать и плавать. Художники скинулись и на все деньги наняли воина-волшебника. Тот наконец одолел дракона огненным мечом. Битва была такой яростной, что океан у берегов Хе'ершингенмосикена закипел. Почти все тело дракона из бездны сгорело дотла, но мне удалось найти среди пепла кое-какие уцелевшие части и смастерить этот зонтик. Купол изготовлен из перепонки драконьих крыльев, а ручка, стержень и спицы — из костей. Камни на концах спиц я извлек из сгоревших почек чудища. Зонтик защищает своего владельца, не дает сделать из него рисунок.

Позже распорки сломались. Я заменил их бамбуковыми, но магическая сила зонтика пропала. Стоило только убрать бамбук, как сила вернулась. Тогда я попробовал поддерживать раскрытый

купол просто рукой. Из этого тоже ничего не вышло. По-видимому, зонтик не признает никаких посторонних материалов. Но больше у меня драконьих костей не было. Так что остался единственный способ…

И тут начали бить часы в углу. Мастер Эфир поднял голову и увидел, что вот-вот взойдет солнце. Посмотрел на бумагу — только полоска не шире ладони ровно лежала на полу. Слишком мало для портрета. Художник отставил утюг и вздохнул.

— Времени совсем не осталось. Да и сам портрет быстро не напишешь, а Остроглаз того и гляди закончит рисовать принцессу. Послушайте, — Эфир указал на тетушку Дороду и капитана, — а вас он тоже видел?

— Меня-то точно нет! — сказала кормилица.

— Я видел его издалека, когда он вошел во дворец, — проговорил капитан. — Но уверен — *меня* он не видел.

— Хорошо. — Эфир выпрямился. — Проводите принцессу к морю Обжор и заберите с Могильного острова принца Глубокую Воду.

— Но… даже если мы достигнем моря Обжор, то никак не сможем попасть на Могильный остров! Вы же знаете, что это море…

— Сначала доберитесь до берега, а там что-ни-

будь придумаете. Другого способа нет. К утру все верные королю министры превратятся в рисунки, а принц Ледяной Песок встанет во главе столичного гарнизона и дворцовой стражи. Он захватит трон, и только принц Глубокая Вода сможет помешать ему.

— Если принц Глубокая Вода вернется во дворец, разве Остроглаз не нарисует и его тоже? — спросила принцесса.

— Об этом не беспокойтесь. У Остроглаза ничего не получится. Принц Глубокая Вода — единственный человек в королевстве, которого он не может нарисовать. К счастью, я научил Остроглаза живописи лишь в западном стиле, восточным он не владеет.

Принцесса и остальные не поняли, о чем толкует мастер, а тот не стал объяснять. Он продолжал:

— Вы должны привезти Глубокую Воду обратно во дворец и убить Остроглаза. После этого вам надо будет найти и сжечь портрет принцессы. Только так вы сможете уберечь ее от плачевной судьбы.

— А если мы найдем и портреты короля с королевой?..

— Ваше высочество, для них уже все кончено.

Слишком поздно. Они превратились в картины. Если найдете их, то не жгите. Сохраните на память.

Скорбь охватила Росинку, и она, рыдая, опустилась на пол.

— Принцесса, сейчас не время горевать. Если хотите отомстить за родителей, вам лучше отправиться в путь. — Старый мастер повернулся к кормилице и капитану: — Помните, пока портрет принцессы не уничтожен, вы должны все время держать над ней раскрытый зонтик. Ни на секунду не оставляйте ее без защиты!

Он забрал зонтик из рук тетушки Дороды и показал, как надо его вращать:

— Нельзя крутить ни слишком медленно, потому что он закроется, ни слишком быстро, потому что зонтик старый, может сломаться окончательно. Он в некотором смысле живой. Если будете крутить слишком медленно, он запоет по-птичьи. Вот послушайте…

Мастер стал замедлять вращение, пока камешки на концах спиц не начали опускаться, и тогда зонтик издал звук, похожий на соловьиную трель. Чем медленнее кружился зонтик, тем громче становились трели. Мастер ускорил вращение.

— Если будете крутить слишком быстро, он зазвенит, как колокольчик. Вот так…

Эфир завертел зонтик еще скорее, и тот стал издавать звук, похожий на перезвон воздушных колокольчиков, только громче и настойчивее.

— Ну вот, — сказал старый художник и отдал зонтик тетушке Дороде. — Теперь он ваш, охраняйте принцессу.

— Мастер Эфир, пойдемте с нами! — начала упрашивать принцесса, глядя на него глазами, полными слез.

— Нет. Зонтик может защитить только одного человека. Если им воспользуются двое, а Остроглаз нарисует их, оба погибнут ужасной смертью: половина каждого человека превратится в рисунок, а другая половина так и останется под зонтиком… А теперь поднимите зонтик над принцессой и уходите! С каждой секундой промедления опасность возрастает. Остроглаз наверняка уже заканчивает портрет!

Кормилица продолжала крутить зонтик над головой старого мастера. Она бросала взгляд то на него, то на принцессу, не зная, на что решиться.

— Я обучил живописи это злобное отродье! Я заслуживаю смерти. Чего вы ждете? Хотите увидеть, как принцесса исчезнет прямо у вас на

глазах?!

Тетушка Дорода содрогнулась. И стала вращать зонтик над принцессой.

Старый художник погладил бороду и улыбнулся.

— Не огорчайтесь. Я всю жизнь занимался живописью. Умереть, став картиной, не так уж плохо. Мой ученик — умелый художник. Портрет получится превосходным…

Пока он говорил, его тело становилось все прозрачнее и прозрачнее, а потом и вовсе растаяло, будто клочок тумана.

Принцесса Росинка несколько мгновений смотрела на пустое пространство, в котором еще недавно был художник, а затем прошептала:

— Уходим! К морю Обжор!

Тетушка Дорода попросила капитана:

— Ты не мог бы подержать зонтик? Мне нужно собрать вещи в дорогу.

Капитан взял зонтик.

— Только поторопитесь! Везде рыщут люди принца. После наступления утра нам будет трудно ускользнуть отсюда незамеченными.

— Но не можем же мы отправиться без ничего! Принцесса никогда еще не выезжала из дворца. Надо найти для нее дорожный плащ, и всякую

другую одежду, и воду, и… да, мыло из Хе'ершингенмосикена! Она же не заснет, если не помоется этим мылом… — продолжала ворчать кормилица, уходя.

Через полчаса в тусклом свете занимающегося дня легкая повозка выехала из боковых ворот дворца. Капитан правил, а принцесса Росинка и тетушка Дорода с кружащимся зонтиком в руке устроились на сиденье. Все были одеты как простолюдины. Повозка вскоре растаяла в предрассветной мгле.

А в далеком подземном убежище Остроглаз положил последний мазок на портрет принцессы Росинки.

— Это самая прекрасная картина из всех, что я когда-либо написал! — сказал он принцу Ледяному Песку.

Вторая сказка Юнь Тяньмина

МОРЕ ОБЖОР

Как только они оказались за стенами дворца, капитан хлестнул лошадей, и те понеслись во всю прыть. Беглецам было страшно. В каждой темной рощице, на каждом тонущем в тени лужке им мерещилась опасность. Когда небо посвет-

лело еще больше, капитан остановил повозку у вершины холма — посмотреть, не преследуют ли их. Королевство расстилалось у подножия, а дорога, прямая, как стрела, разделяла мир на две половинки. В конце ее, на горизонте, возвышался дворец, издалека похожий на кучку забытых детских кубиков. За беглецами никто не гнался: наверное, принц Ледяной Песок считал, что принцессы больше нет, раз уж Остроглаз поработал над ней своей кистью.

Немного успокоившись, они продолжили путь. Небо светлело, и пейзаж вокруг вырисовывался четче, как если бы его писал неведомый художник: сначала появились неясные очертания и приглушенные краски, затем контуры стали более определенными, а цвета — живыми и насыщенными. Восход солнца встретила уже завершенная картина.

Принцесса, всю жизнь прожившая во дворце, никогда не видела столь ярких тонов: зеленели леса и поля, сияли алые и желтые полевые цветы, серебро неба отражалось в озерах и прудах, белоснежные отары овец усеивали луга… Всходило солнце, и казалось, будто художник, создатель этого живописного мира, осыпал свою картину пригоршней золотой пыли.

— Как красиво! — вздохнула принцесса. — Словно мы и в самом деле на картине!

— Да уж, — проворчала тетушка Дорода, крутя зонтик. — Но на этой картине ты живая. А на той, другой — совсем наоборот.

Слова кормилицы напомнили принцессе об ушедших родителях, но она запретила себе плакать. Росинка больше не маленькая девочка — она теперь королева и должна вести себя по-королевски.

Они заговорили о принце Глубокой Воде.

— Почему его сослали на Могильный остров? — спросила принцесса.

— Говорят, что он чудовище, — сказал капитан.

— Никакое он не чудовище! — отрезала тетушка Дорода.

— Говорят, будто он великан.

— Да какой там великан! Я держала его на руках, когда он был младенцем. Уж кому и знать, как не мне!

— Вот приедем на берег — убедишься. Его многие видели — он великан!

— Даже если и великан, — возразила Росинка, — он все равно принц. Почему его сослали на остров?

— Никто его не ссылал. Мальцом он отправился туда на лодке рыбу ловить.

И тут в море завелась рыба-обжора. Принц не смог возвратиться обратно.

С тех пор так и живет на острове.

* * *

День разгорался, и на дороге появлялось все больше пешеходов и повозок. Поскольку нога принцессы редко ступала за пределы дворца, народ ее не узнавал; к тому же на ней была вуаль, оставляющая на виду только глаза. И даже при этом кто бы ни увидел Росинку, ахал от восхищения. Людям также очень нравился молодой красавец-кучер. А мамаша-то, мамаша — вот потеха! Что за странная манера держать зонтик?! День был ясный, поэтому все думали, что мать прячет свою хорошенькую дочку от солнца.

Настал полдень. Капитан подстрелил из лука пару зайцев. Путники поели на полянке у дороги, в тени деревьев. Принцесса гладила ладонью мягкую траву, вдыхала аромат цветов, любовалась солнечными зайчиками и слушала пенье лесных птиц. Где-то вдали наигрывал на свирели пастушок. Новый мир удивлял и восхищал Росинку.

А тетушка Дорода вздохнула:

— Ох бедная моя принцесса, как же тебе несладко вдали от дворца!

— Мне кажется, здесь, на природе, гораздо приятнее, чем во дворце.

— Глупышка, скажешь тоже — приятнее, чем во дворце! Ты еще не знаешь, каково оно здесь. Сейчас-то ничего, весна, а вот в другое время… Зимой тут холод, летом жара. А еще бывают бури и грозы! И всякие паскудники шастают…

— Я ничего раньше не знала про окружающий мир. Во дворце меня учили музыке, живописи, поэзии, математике и двум языкам, на которых больше никто не говорит. И ни слова про мир за стенами дворца! Как же я буду управлять этой страной?!

— А министры на что?

— Так ведь все те министры, что могли бы помогать мне, стали картинами… Нет, кормилица, что ни говори, а здесь, снаружи, лучше.

* * *

Между дворцом и побережьем лежал день пути. Но маленькая компания избегала больших дорог и городов, поэтому прибыла к морю около полуночи.

Росинка никогда еще не видела такого огром-

ного, усеянного звездами неба и впервые узнала, что такое истинный мрак и настоящая тишина ночи. Свет факела на повозке очерчивал лишь маленький кружок, а дальше все было словно затянуто черным бархатом. Стук лошадиных копыт казался таким громким, что удивительно, как звезды не сыпались с неба. Принцесса потянула капитана за рукав и попросила остановиться.

— Слушайте! Что это? Как будто дышит кто-то огромный!

— Это море, принцесса.

Они проехали немного дальше, и по сторонам дороги Росинка стала различать какие-то неясные тени, напоминающие… огромные бананы?

— Что это такое?

Капитан остановился, спрыгнул с повозки, взял факел и подошел к одной из непонятных штуковин.

— Принцесса, вы разве не узнаете?

— Неужели лодки?

— Они самые.

— Но почему… почему они на земле?!

— Потому что в море рыба-обжора.

Факел осветил брошенную лодку. Песок засыпал ее до половины, а то, что оставалось на виду, скорее напоминало скелет неведомого

животного.

— Взгляните! — Росинка указала вперед. — Какая огромная белая змея!

— Не пугайтесь, принцесса. Это не змея, это прибой. Мы на берегу.

Росинка с тетушкой Дородой, по-прежнему державшей зонтик над своей подопечной, слезли с повозки. Принцесса до сей поры видела море только на картинах, а на них оно изображалось синим под голубым небом. Сейчас же перед глазами Росинки предстал черный океан в темной ночи, исполненный величия и таинственного звездного света, словно еще одно небо, только текучее и колышущееся. Принцесса двинулась к воде, как будто ее тянула неведомая сила. Капитан с кормилицей поспешили остановить ее.

— В воду заходить опасно! — предостерег капитан.

— Но тут же, кажется, совсем неглубоко. Я же не утону?

— Рыба-обжора разорвет тебя на части и сожрет! — застращала ее тетушка Дорода.

Капитан подобрал валявшуюся поблизости доску и, подойдя к воде, бросил ее в море. Деревяшка закачалась на волнах, но не прошло и нескольких мгновений, как на поверхности показалась

черная тень и устремилась к доске. Определить размеры существа было трудно, ведь бо!льшая его часть скрывалась под водой, и лишь чешуя поблескивала в свете факела. Затем возникли еще три или четыре тени и тоже поплыли к доске. Чудища вцепились в деревяшку, каждое тянуло добычу к себе. Яростно бурлила вода, зубы с хрустом вгрызались в доску. Через несколько секунд все было кончено. И деревяшка, и тени исчезли.

— Эти твари запросто расправились бы даже с большим кораблем, — произнес капитан.

— А где Могильный остров? — поинтересовалась тетушка Дорода.

— Вон там. — Капитан указал на горизонт. — Но сейчас его не видно. Надо подождать, пока рассветет.

Они расположились на берегу. Кормилица передала зонтик капитану и достала из повозки маленькую деревянную лохань.

— Дитятко, боюсь, не придется тебе сегодня искупаться. Но вот, хотя бы умойся.

Капитан отдал зонтик тетушке Дороде, взял лохань и пошел раздобыть пресной воды. Его фигура растворилась в ночи.

— Ну что за славный юноша! — сказала кормилица и зевнула.

Капитан вернулся с полной бадьей. Тетушка Дорода достала мыло и коснулась им воды. С легкими хлопками поверхность покрылась пышной пеной — немного даже выплеснулось через край.

Капитан недоуменно уставился на пену. Затем попросил кормилицу:

— Можно взглянуть на мыло?

Та бережно передала ему девственно-белый брусок.

— Держи крепко! Оно легче перышка. Упустишь — уплывет по воздуху, лови его потом…

Капитан взвесил мыло в руке — оно действительно ничего не весило, словно белая тень.

— Оно и вправду из Хе'ершингенмосикена! Поразительно — у нас еще есть это мыло…

— Думается, только два бруска и осталось во всем дворце… нет, во всем королевстве. Я приберегла кусочек для принцессы много лет назад. Все вещи из Хе'ершингенмосикена — просто диво, но их становится все меньше и меньше. — Кормилица забрала мыло у капитана и спрятала.

Принцесса смотрела, как вскипает белая пена, и впервые за время бегства вспомнила свою жизнь во дворце. Каждый вечер она в своем изящном, богато украшенном купальном костюме опуска-

лась в бассейн, покрытый такой же пеной. В свете многочисленных ламп пузыри иногда выглядели чисто-белыми, будто облачко, слетевшее с небес, а иногда играли разными красками, словно груда драгоценностей. Нежась среди воздушных пузырьков, она чувствовала, как ее тело становится мягким и легким, как будто само превращается в пену. Купальщице было так хорошо, что не хотелось шевелить ни рукой, ни ногой; и тогда служанки вынимали ее из бассейна, обтирали и уносили в постель. Чудесное ощущение не покидало принцессу до утра.

После того как Росинка умылась в бадейке с пеной, лицо ее стало гладким и упругим, зато тело оставалось все таким же утомленным и одеревенелым. Путники быстро поужинали, и принцесса прилегла на бережке — сначала на одеяле, но потом оказалось, что спать прямо на песке гораздо удобнее. Песок еще сохранял дневное тепло, и Росинке казалось, будто она лежит на чьей-то огромной теплой ладони. Прислушиваясь к ритмичной колыбельной набегающих на берег волн, девушка уснула.

Через какое-то время принцессу разбудил звон колокольчика. Это звенел черный зонтик, кружащийся над ее головой. Тетушка Дорода уснула

рядышком, поэтому зонтик сейчас крутил капитан. Факелы не горели, ночь окутывала все вокруг черным бархатом. Фигура юноши четко выделялась на фоне звездного неба, медные пуговицы на кафтане блестели в свете звезд, волосы развевались на ветру. Зонтик размеренно вращался в его руке. Как ни мал был купол зонтика, для принцессы он все же закрывал полнеба. Росинка не различала глаз капитана, но чувствовала, что они смотрят на нее — так же как и несчетные мерцающие звезды.

— Простите, принцесса, — прошептал капитан. — Я начал крутить слишком быстро.

— Который час?

— За полночь.

— А почему мы теперь дальше от моря?

— Отлив, принцесса. Утром вода вернется.

— Вы с кормилицей крутите зонтик по очереди?

— Да. Тетушка Дорода делала это целый день. Пускай спит, а я покручу подольше.

— Но ты правил повозкой целый день. Дай мне зонтик. Тебе тоже нужно отдохнуть.

Принцесса удивилась собственным словам. Насколько ей помнилось, она впервые в жизни подумала о нуждах другого человека.

— Что вы, принцесса! Ваши ручки такие нежные и мягкие, натрете себе мозоли. Нет уж, я сам.

— Как тебя зовут?

Подумать только, они путешествовали вместе целый день, а она только сейчас сподобилась поинтересоваться его именем! Раньше ей это показалось бы в порядке вещей, но сейчас принцесса почувствовала себя немного виноватой.

— Меня зовут Далекий Парус.

— Парус? — Принцесса посмотрела по сторонам. Компания расположилась у большой лодки, прикрывающей их от ветра. В отличие от других брошенных на берегу суденышек, у этого еще сохранялась мачта — торчала, словно меч, угрожающий небесам. — Кажется, парус — это такой кусок ткани, который свисает с длинной палки?

— Точно. Это называется мачта. Парус поднимают на мачту, чтобы ветер нес лодку.

— Да, я видела на картинках. Белые-белые паруса в синем море… Очень красиво!

— Только на картинках. В жизни паруса не такие белые.

— Кажется, ты родом из Хе’ершингенмосикена?

— Верно. Мой отец был зодчим. Мы всей семьей переехали сюда, когда я был еще маленьким.

— Тебе разве не хочется вернуться домой — я имею в виду в Хе'ершингенмосикен?

— Не хочется. Мы ведь уехали оттуда очень давно, я мало что помню. А если бы и помнил, толку-то? Я все равно никогда не смогу покинуть Бессказочное королевство.

Невдалеке волны разбивались о берег и шептали, будто вторя словам Далекого Паруса: «Никогда не смогу… никогда не смогу…»

— Расскажи мне о мире вокруг. Я же совсем ничего о нем не знаю! — попросила принцесса. — Хотя бы сказку какую-нибудь…

— Вам сказки ни к чему. Вы принцесса Бессказочного королевства, поэтому вполне естественно, что сказки вам незнакомы. Собственно говоря, так не только во дворце — простой народ тоже не рассказывает детям сказок. Мои родители — другое дело. Они ведь родом из Хе'ершингенмосикена, и поэтому я услышал от них много интересного.

— Отец говорил, что когда-то очень давно в Бессказочном королевстве тоже ходили всякие истории…

— Это правда. Принцесса, знаете ли вы, что наша страна окружена морем? Дворец находится в самом центре. Так что куда ни пойди, в конце

концов выйдешь на берег. Бессказочное королевство — большой остров.

— Конечно. Я это знаю.

— В прошлые времена море вокруг королевства не называлось морем Обжор. Тогда здесь еще не водились рыбы-обжоры, и корабли свободно рассекали волны. Каждый день огромное количество судов сновало между Хе'ершингенмосикеном и Бессказочным королевством — впрочем, тогда оно называлось Сказочным королевством, и жизнь здесь текла совсем по-другому…

— Вот как?

— Да, тогда было о чем порассказать — столько всего случалось нового и неожиданного! В королевстве было несколько больших кипучих городов, и дворец стоял не посреди лесов и полей, а в центре цветущей столицы. В городах не переводились ценные вещи и удивительные инструменты из Хе'ершингенмосикена. В свою очередь, товары Бессказочного… простите, Сказочного королевства нескончаемым потоком плыли за море, в Хе'ершингенмосикен. Жизнь была непредсказуема и походила на бешеную скачку по горам: вот ты на вершине, а в следующее мгновение падаешь в пропасть. В ней было все: и возможности, и опасности. Бедняк за одну

ночь мог стать богачом, а богач — все потерять в один миг. Просыпаясь, никто не знал, что случится в течение дня: с кем он встретится, с кем расстанется. Жизнь, удивительная и деятельная, била ключом.

Но однажды торговый корабль из Хе'ершингенмосикена привез в чугунных бочонках партию редких рыбок всего в палец длиной, черненьких таких, ничем не примечательных на вид. Купец устраивал представления на ярмарках. Он совал в бочонок меч, раздавались пронзительные скрежещущие звуки, а когда купец вытаскивал меч, тот походил на пилу. Это и были рыбы-обжоры. В Хе'ершингенмосикене они обитали в глубоких пещерах, в пресной воде темных подземных озер.

Рыбы-обжоры очень хорошо продавались по всему королевству. Зубки у рыбок были маленькие, зато твердые, как алмаз, поэтому из них делали сверла. Из плавников, чрезвычайно острых, изготовляли наконечники для стрел или маленькие ножи. Потребность в рыбе росла, ее привозили все больше и больше. И однажды во время шторма корабль с этим грузом перевернулся невдалеке от побережья. Двадцать бочек с рыбой исчезли в морской пучине.

Рыбы отлично прижились в океане. Они вырастали во много раз крупнее своих пресноводных собратьев — длина их достигала человеческого роста. К тому же они быстро размножались. Их стало видимо-невидимо. Рыба начала пожирать все, что плавало по воде. Корабли и лодки, которые не успевали вовремя вытащить на берег, превращались в мелкие щепки. Окружая судно, чудища прогрызали в днище огромные дыры, но бедный корабль даже затонуть не успевал: рыба перемалывала его в ничто; он словно растворялся, как будто его и не было. Вскоре косяки рыб-обжор образовали непреодолимую преграду вокруг всего королевства.

Так рыбы-обжоры заключили Сказочное Королевство в осаду, и побережье превратилось в территорию смерти. Исчезли корабли и паруса; путей в эту страну больше не существовало, всякие связи между ней и Хе'ершингенмосикеном и другими землями оборвались. Люди стали жить сельским хозяйством, пышные города пришли в упадок, превратились в деревушки и хутора. Жизнь пошла спокойная и однообразная: никаких тебе приключений, переворотов, взлетов и падений: сегодня похоже на вчера, завтра — на сегодня… Постепенно народ к этому привык

и ничего другого и не желал. Воспоминаний о прошлом, как и экзотических товаров из Хе'ершингенмосикена, с каждым днем становилось все меньше. Люди старались забыть прошлое и не задумывались о настоящем. Они больше не хотели ни историй, ни сказок — зачем они теперь? Так Сказочное королевство стало Бессказочным.

Принцесса затаив дыхание слушала рассказ капитана. Когда он закончил, Росинка долго молчала, а потом спросила:

— И что, теперь рыбы-обжоры повсюду в океане?

— Нет. Они водятся только у побережья Бессказочного Королевства. Те, у кого хорошее зрение, иногда видят, как вдалеке на волнах качаются птицы, добывающие себе пропитание в море. Там нет обжор. Лишь необъятный, безграничный океан…

— Значит, в мире есть и другие земли, не только Бессказочное королевство и Хе'ершингенмосикен?

— Принцесса, неужели вы серьезно считаете, что мир состоит только из этих двух стран?

— Так мне рассказывал дворцовый учитель, когда я была маленькой.

— Он наверняка и сам своей лжи не верил! Мир

очень, очень велик. У океана нет края, и в нем неведомо сколько островов. Некоторые поменьше, чем наше королевство, другие побольше. Есть и целые континенты!

— Что такое континенты?

— Это суша, такая же большая, как море. Даже на быстром коне можно скакать месяцами, но так и не добраться от одного края до другого.

— Такая огромная?! — удивилась принцесса и вздохнула. А затем внезапно спросила: — Ты меня видишь?

— Вижу только ваши глаза. И звезды в них.

— Тогда ты должен видеть, чего я жажду больше всего. Я хочу переплыть море. Хочу добраться до самых отдаленных мест!

— Это невозможно. Мы никогда не сможем покинуть Бессказочное королевство, принцесса, никогда, никогда!.. Если вы боитесь темноты, давайте зажжем факелы.

— Да, пожалуйста.

Далекий Парус зажег факелы. Росинка заметила, что капитан на что-то отвлекся.

— Что ты там рассматриваешь? — тихо спросила она.

— Принцесса, взгляните сами!

Далекий Парус указал на чахлый кустик травы

на песке. В свете факелов на былинках подрагивали капельки.

— Их называют росинками, — пояснил капитан.

— О, как меня! Мы с ними похожи?

— Похожи, принцесса. Вы одинаково прекрасны, словно драгоценные камни.

— А днем, на солнце, они станут еще красивее!

Капитан глубоко вздохнул. Он сделал это совершенно бесшумно, принцесса скорее почувствовала его вздох, чем услышала.

— Что-то не так?

— На солнце роса исчезает.

Принцесса кивнула. Глаза ее опечалились.

— Тогда между нами еще большее сходство! Если этот зонтик закроется, я тоже исчезну, как роса под солнцем.

— Я не дам вам исчезнуть!

— Мы оба знаем, что нам не добраться до Могильного острова, а значит, мы не сможем забрать оттуда принца Глубокую Воду…

— Тогда я буду держать этот зонтик над вашей головой вечно!

Третья сказка Юнь Тяньмина

ПРИНЦ ГЛУБОКАЯ ВОДА

Когда Росинка проснулась в следующий раз, было уже светло. Море из черного превратилось в синее, и все же принцесса считала, что оно сильно отличается от того, что она видела на картинах. Покров ночи больше не скрывал безбрежности морского простора. Под утренним солнцем ничто не нарушало пустоты водной поверхности. Впрочем, как думалось принцессе, море было пусто не из-за рыб-обжор. Оно было пусто потому, что по нему не плыла она, Росинка. Это как с ее дворцовыми покоями: те тоже стояли пустыми в ожидании своей хозяйки. Желание, о котором девушка говорила капитану ночью, стало еще настойчивее. Принцесса вообразила белый парус посреди волн, а под ним — себя. Ветер уносил ее корабль вдаль…

Теперь зонтик крутила тетушка Дорода. Капитан позвал спутниц с кромки берега. Когда дамы подошли, он указал на океан:

— Смотрите, вон Могильный остров.

Однако внимание принцессы привлек не сам остров, а великан, стоящий на нем. Несомненно,

это был принц Глубокая Вода! Он возвышался словно одинокая гора: от солнца кожа его стала бронзовой; мышцы под ней выпирали, словно валуны; волосы, которые трепал ветер, были подобны кронам деревьев на макушке горы. Великан походил лицом на принца Ледяного Песка, но в его чертах не было мрачности и замкнутости; скорее взгляд и весь вид принца внушали зрителю ощущение, что он открыт, как море. Солнце взошло еще не полностью, но голова великана уже купалась в золотом свете, будто объятая огнем. Огромной ладонью он прикрыл глаза, как козырьком. На мгновение принцессе показалось, что их взгляды встретились, и она принялась кричать:

— Братец! Я Росинка, твоя младшая сестра! Я твоя малышка-сестренка, братец! Мы здесь!

Великан, похоже, не услышал ее. Взгляд его скользнул мимо путников и двинулся дальше. Затем он убрал от глаз руку, тряхнул головой и повернулся в другую сторону.

— Почему он не обращает на нас внимания? — спросила встревоженная принцесса.

— Да кто заметит трех муравьев где-то вдали? — Капитан повернулся к тетушке Дороде: — Видишь, я говорил, принц Глубокая Вода

— великан!

— Когда я держала его на руках, он был крошкой! Как он умудрился так вымахать? Но это даже хорошо, что он великан. Такого никто не сможет остановить! Он накажет злодеев и заберет у них портрет принцессы.

— Но сначала надо, чтобы он узнал о случившемся, — возразил Далекий Парус.

— Нужно перебраться на остров! — воскликнула принцесса, хватая капитана за руку. — Мы должны туда попасть!

— Но мы не можем! За все эти годы ни у кого не получилось доплыть до Могильного острова. И никому не удалось оттуда перебраться сюда.

— Но ведь должен же быть какой-то способ! — Слезы брызнули из глаз принцессы. — Мы ведь приехали за принцем! Ты должен знать, как туда добраться!

Далекий Парус беспомощно смотрел на плачущую принцессу.

— Я и в самом деле не знаю! Мы правильно поступили, приехав сюда. Вам необходимо было сбежать из дворца — там вас ждала смерть. Но я с самого начала отдавал себе отчет, что мы не сможем попасть на Могильный остров. Разве что… разве что послать принцу весть с почтовым

голубем?

— Отличная мысль! Пойдемте раздобудем почтового голубя!

— Да что проку? Даже если принц и получит от нас весточку, ему все равно не добраться сюда. Может, он и гигант, но и его рыбы-обжоры сгложут живьем, стоит ему только сунуться в море… Давайте-ка сначала позавтракаем, а потом решим, как быть. Пойду приготовлю что-нибудь.

— О нет! — вскричала вдруг тетушка Дорода. — Моя лохань!

Был прилив, и волны слизнули с песка бадейку для умывания. Ее уже отнесло от берега; она перевернулась, и мыльная вода вылилась. Участок моря вскипел белой пеной. Беглецы на берегу увидели рыб-обжор — их плавники рассекали волны, словно ножи. Пара секунд, и от лохани останутся только щепки.

Но тут начало твориться нечто непонятное. Стоило только рыбам коснуться пены, как они останавливались и всплывали на поверхность. Неистовые обжоры, казалось, потеряли всякий интерес к добыче, стали вялыми и безвольными. Они медленно поводили хвостами туда-сюда, но не для того, чтобы двигаться вперед, а так, от истомы. Некоторые даже решили поплавать

брюхом вверх.

Путников как громом поразило. Они молча следили за рыбами. Затем принцесса произнесла:

— Я, кажется, знаю, что они чувствуют. В этой пене расслабляешься настолько, что становишься как будто бескостным. Им не хочется двигаться.

— Да, мыло из Хе'ершингенмосикена и вправду дивное. — Тетушка Дорода вздохнула. — Жаль у нас только два кусочка…

— Это мыло и в Хе'ершингенмосикене стоит баснословных денег, — сказал капитан Далекий Парус. — Знаете, как его делают? В тех краях растет волшебный лес, а в нем — тысячелетние мыльные деревья, очень-очень высокие. Обычно это деревья как деревья, ничего особенного, но стоит только подуть сильному ветру, как они начинают пускать мыльные пузыри. Чем сильнее ветер, тем больше пузырей. Из них-то и делают мыло. Но собрать пузыри — задачка не из легких: они летят с огромной скоростью, и к тому же почти прозрачны, поэтому их чрезвычайно трудно увидеть. Чтобы их разглядеть, надо двигаться очень быстро — так, чтобы казалось, будто пузыри стоят на месте. Это возможно, только если скакать на самых резвых лошадях особой породы, а их в Хе'ершингенмосикене осталось не

больше десятка.

Как только деревья начинают исторгать пузыри, мыловары вскакивают на лошадей и несутся вслед за ветром, собирая пузыри сачком из тончайшей марли. Пузыри бывают разного размера, но даже самые большие, попав в сачок, лопаются и становятся крохотными, не видными глазу. Чтобы сделать один кусок мыла, нужно собрать сотни тысяч, а то и миллионы пузырей.

Но стоит только опустить мыло в воду — и каждый пузырь делится на миллионы новых. Вот почему оно дает так много пены. У пузырьков нет веса, поэтому чистое, настоящее мыло из Хе'ершингенмосикена тоже невесомое. Это самое легкое вещество в мире, при этом чрезвычайно ценное. Мыло, которое хранит тетушка Дорода, наверняка преподнес королю в дар посол Хе'ершингенмосикена при коронации. После этого…

Далекий Парус внезапно замолчал и уставился на море, погрузившись в раздумья. Несколько рыбин продолжали лениво плескаться в белой пене. Деревянная бадья болталась на волнах в целости и сохранности.

— Кажется, я придумал, как нам добраться до Могильного острова. — Далекий Парус указал на бадью. — Представьте себе, что это лодочка!

— Какая там еще лодочка! — возопила тетушка Дорода. — Так я тебе и позволила подвергнуть мое дитятко такой опасности!

— Я не имел в виду принцессу.

По решительному виду капитана Росинка заключила, что того будет трудно переубедить.

— Если ты поплывешь один, как ты заставишь принца Глубокую Воду поверить тебе? — Принцесса раскраснелась от возбуждения. — Я тоже поеду! Я должна!

Капитан скептически кивнул на простонародную одежду Росинки:

— Даже если вы доберетесь до острова, то как докажете принцу, что вы это вы?

Тетушка Дорода промолчала. Она-то знала как.

— Мы с братом легко докажем друг другу, кто мы такие, — сказала принцесса. — Надо только провести испытание крови.

— Все равно — принцесса не должна ехать! — стояла на своем кормилица. — Слишком опасно!

Однако тон ее был уже не таким непреклонным.

— Думаете, если я останусь здесь, то мне ничто не грозит? — Росинка указала на зонтик в руках кормилицы. — Мы конечно же привлечем чье-нибудь внимание, и тогда сюда явится Ледяной

Песок и схватит меня. Даже если я не превращусь в картину, мне несдобровать. Нет, на Могильном острове гораздо безопаснее.

Словом, решили отправиться все вместе.

Капитан выбрал среди лежащих на берегу лодок самую маленькую. Лошади подтащили ее к кромке воды, туда, где волны лишь слегка лизали песок. Целого паруса не нашлось, но капитан отыскал пару старых весел. Затем помог принцессе и тетушке Дороде, беспрестанно крутившей зонтик, сесть в челнок. Взяв кусок мыла из Хе'ершингенмосикена, капитан насадил его на меч, который отдал принцессе:

— Как только отплывем, опустите мыло в воду.

Росинка кивнула.

Далекий Парус оттолкнул лодочку, потом, зайдя в воду до пояса, запрыгнул в нее и принялся грести изо всех сил. Челнок понесся к Могильному острову.

Множество черных плавников начали резать волны вокруг лодки. Принцесса, сидящая на корме, опустила конец меча с мылом в воду. Море тут же вскипело пузырями; пена поднялась выше роста человека и расплылась по воде пышным широким шлейфом. Заплывая в нее, обжоры утрачивали пыл и лениво тянулись за лодкой,

наслаждаясь неведомой им доселе возможностью понежиться на роскошной белой перине. Росинка впервые видела рыб так близко. Животы у них были белые, а все остальное абсолютно черное. Они походили на автоматы из стали и чугуна, но сейчас эти автоматы на время стали томными и безвольными.

Лодочка рассекала спокойное море, а за ней стелилось по воде пенное покрывало, подобно улегшемуся на волны облаку. Бессчетные рыбы-обжоры собирались со всех сторон, словно паломники, пришедшие поклониться облачной реке. Иногда некоторые подплывали к челну спереди и ухитрялись цапнуть за дно, а одна даже отгрызла кусочек весла. Впрочем, и этих рыб быстро отвлекала на себя пена позади лодки, так что большого урона они не нанесли. Белое облако за кормой и блаженствующие рыбины напомнили принцессе о рае небесном, каким он представал в рассказах священников.

Берег уходил вдаль, а лодочка все ближе подплывала к Могильному острову.

И тут тетушка Дорода воскликнула:

— Посмотрите, принц Глубокая Вода вроде как стал меньше ростом!

Росинка пригляделась: кормилица не ошиб-

лась. Принц по-прежнему был великаном, но казался существенно ниже, чем с берега. Он так и стоял спиной к путешественникам и смотрел в другую сторону.

Принцесса перевела взгляд на Далекого Паруса, орудовавшего веслами. Он был само олицетворение силы: все его тело бугрилось мышцами, весла в руках поднимались и опускались ритмично, словно крылья, и челнок неустанно летел вперед. Молодой человек, похоже, был прирожденным моряком — на воде его движения становились свободнее и увереннее, чем на земле.

— Принц видит нас! — воскликнула тетушка Дорода. И правда, Глубокая Вода повернулся в их сторону и указывал рукой. В глазах его читалось изумление. Губы принца двигались, как будто он что-то кричал. Ничего странного, что он так удивился: море смерти рассекала одна-единственная лодка, а за ней тянулся пенный шлейф, — чем дальше он уходил от кормы, тем становился шире. Принцу-великану наверняка казалось, будто по морю плывет невесть откуда взявшаяся длиннохвостая комета.

Однако вскоре мореплаватели догадались, что принц кричал вовсе не им. Около ног исполина появилось несколько человек нормального

роста. Издалека эти люди казались карликами, лиц было не разглядеть. Но все они смотрели на приближающуюся лодку, кое-кто махал рукой.

Когда-то Могильный остров был необитаем. Двадцать лет назад, отправляясь на рыбалку, Глубокая Вода прихватил с собой дворецкого, учителя и еще нескольких стражников и слуг. А вскоре после того как они сошли на остров, у прибрежных отмелей появились косяки рыб-обжор и отрезали дорогу назад.

Росинка и ее спутники заметили, что принц стал еще меньше ростом. Чем ближе лодка подходила к берегу, тем ниже казался Глубокая Вода.

И вот до острова рукой подать. Путники разглядели человек восемь нормального роста, одетых в немудреную одежду из грубой ткани — такая же была и на принце. На двоих сохранилось дворцовое одеяние, правда, очень старое и изношенное. У большинства на поясах висели мечи.

Островитяне высыпали на берег, а принц остался стоять, где стоял. Теперь он был всего лишь раза в два выше других — больше уже не исполин.

Капитан налег на весла, и челнок рванулся вперед. Волны несли его, словно пара огромных ладоней, и вскоре лодочка резко остановилась, уткнувшись в прибрежный песок. Принцесса

чуть не свалилась с кормы. Островитяне колебались, видимо, опасаясь рыб-обжор, и все же четверо из них подошли к воде, придержали лодку и помогли принцессе сойти на берег.

— Осторожно! Принцесса должна оставаться под зонтиком! — крикнула тетушка Дорода. Она теперь так наловчилась, что вертела зонтик одной рукой.

Островитяне даже не пытались скрыть удивление. Они переводили взгляды с кружащегося зонтика на кильватерный след лодки. Пена из хе'ершингенмосикенского мыла и рыбы-обжоры образовали широкую черно-белую полосу, соединившую остров с побережьем королевства.

На берег вышел принц Глубокая Вода. Росту в нем теперь было не больше чем в обычном человеке — он был даже ниже кое-кого из своих соплеменников-островитян. Принц чистосердечно, словно простой рыбак, улыбнулся новоприбывшим, но Росинка заметила, как сходны его движения с жестами их отца-короля. С глазами, полными слез, она воскликнула:

— Братец! Я твоя сестра, Росинка!

— Ты и в самом деле похожа на мою сестру. — Принц все с той же улыбкой раскрыл ей объятия, но несколько стражников заступили новопри-

бывшим дорогу. Некоторые обнажили клинки и смотрели на капитана с подозрением. Далекий Парус, не выказывая испуга, подобрал меч, который принцесса бросила на песок, и осмотрел его. Чтобы успокоить настороженных охранников, капитан взял меч за лезвие, а не за рукоять. Он убедился, что кусок мыла, насаженный на клинок, уменьшился всего лишь на треть.

— Докажите, что это действительно принцесса, — сказал старик в изношенной и латаной, но по-прежнему опрятной ливрее. Лицо старика носило следы многолетних испытаний, однако борода была аккуратно подстрижена. Даже на этом всеми забытом острове он явно старался сохранять достоинство дворцового служителя.

— Да ты никак не узнаешь меня? — удивилась тетушка Дорода. — Ты дворецкий Тенистый Лес, а вон там королевский учитель Открытое Поле.

Оба кивнули. Открытое Поле сказал:

— Тетушка Дорода, а ты все такая же крепкая и бодрая, несмотря на возраст!

— Да и вы тоже не помолодели! — съязвила та, но тут же утерла глаза свободной рукой.

Лицо дворецкого Тенистого Леса, однако, сохраняло свое мрачное выражение.

— Мы здесь уже двадцать лет и понятия не

имеем, что происходит дома. Мы обязаны потребовать, чтобы принцесса доказала, что она принцесса. — Он повернулся к Росинке: — Вы готовы пройти испытание крови?

Та кивнула.

— Не думаю, что оно необходимо, — заметил принц. — Я знаю, что это моя сестра.

— Ваше королевское высочество, — возразил дворецкий, — таков порядок!

Кто-то принес два маленьких кинжала и вручил один дворецкому Тенистому Лесу, а другой — учителю Открытому Полю. В отличие от ржавых мечей, которые носили стражники принца, эти кинжалы сияли как новенькие. Росинка протянула руку, и Тенистый Лес уколол кончик ее пальца. По острию кинжала растеклась капелька крови. Открытое Поле проделал то же самое с пальцем Глубокой Воды. Затем Тенистый Лес взял оба кинжала и осторожно соприкоснулся окровавленными кончиками. Красные капельки, слившись, тотчас стали голубыми.

— Это и в самом деле принцесса Росинка, — торжественно объявил дворецкий. И он, и учитель поклонились принцессе. Остальные опустились на одно колено. Затем, поднявшись, отступили на несколько шагов, давая брату с сестрой заклю-

чить друг друга в объятия.

— Я держал тебя на руках, когда ты была совсем малышкой, — сказал принц. — Вот такой крохой.

Всхлипывая, Росинка рассказала брату обо всем, что случилось в Бессказочном королевстве. Глубокая Вода держал ее за руку и слушал не перебивая. Лицо его, отмеченное невзгодами прошедших лет, но по-прежнему молодое, хранило спокойное и сдержанное выражение.

Все собрались вокруг брата с сестрой, чтобы послушать рассказ принцессы. Все, кроме капитана Далекого Паруса, который вдруг принялся вытворять нечто несуразное: то отбегал подальше, смотрел на принца, то возвращался, потом опять мчался прочь… Наконец тетушка Дорода ухватила его за рукав.

— Я ж тебе говорила: принц Глубокая Вода никакой не великан! — прошептала она.

— Он *и* великан, и *не* великан, — так же шепотом ответил Далекий Парус. — С обычными людьми ведь как: чем дальше отходишь, тем меньше они становятся в наших глазах, правильно? А с принцем все иначе! Как бы далеко от нас он ни находился, в наших глазах он остается прежней величины. Вот почему издалека он казался исполином.

Кормилица кивнула.

— Да, я тоже это заметила.

Когда принцесса закончила свое повествование, Глубокая Вода просто сказал:

— Возвращаемся!

Они взяли две лодки. Принц с принцессой и ее спутниками поплыли на челноке, остальные восемь сели в лодку побольше — ту самую, что доставила принца со свитой на Могильный остров двадцать лет назад. Большая лодка протекала, но на короткий переход ее хватит.

Они поплыли в пенном шлейфе, оставленном челноком принцессы. Хотя пена и улеглась немного, утратившие резвость обжоры не проявляли желания что-нибудь отгрызть. Время от времени лодка или весло натыкались на какую-нибудь рыбину, но та лишь лениво отплывала прочь. Парус на большой лодке более-менее сохранился, поэтому она плыла первой, прокладывая челноку дорогу сквозь косяки обжор.

— Дитятко, думаю, надо бы снова опустить мыло в воду — на всякий случай, — промолвила кормилица, опасливо поглядывая на колышущуюся массу рыбин. — А то вдруг они проснутся?

— Да они и не засыпали. Просто разнежились и не хотят двигаться. Мыла у нас осталось не так

уж много, не хочу тратить попусту. И в будущем стану мыться каким-нибудь другим.

Кто-то на большой лодке крикнул:

— Там солдаты!

На берегу показался отряд конников. Он устремился к песчаной полосе, словно темный прилив. Латы и оружие сияли на солнце.

— Продолжаем путь, — сказал принц Глубокая Вода.

— Но они же нас убьют! — Кровь отхлынула от лица Росинки.

— Не бойся, — промолвил принц и легонько погладил ее руку.

Росинка посмотрела на старшего брата. Она уже поняла, что он гораздо лучше нее подходит для престола.

Ветер дул попутный, поэтому обратный путь занял намного меньше времени, несмотря на то, что рыбы-обжоры постоянно терлись о борта.

Как только лодки достигли берега, всадники окружили их плотной стеной. Росинка и тетушка Дорода не на шутку испугались, но капитан Далекий Парус, человек более опытный, немного расслабился. Он заметил, что солдаты оставили мечи в ножнах, а пики держат вертикально. Что еще важнее — он разглядел их глаза. Всадники

носили тяжелые доспехи, так что только глаза и были видны, и смотрели они не на беглецов, а на пенный след на поверхности моря, кишащего рыбами-обжорами. В глазах всадников не было враждебности, только благоговение.

Командир всадников спешился и подбежал к приставшим лодкам. Мореплаватели вышли на берег, свита принца обнажила мечи и встала между офицером и королевскими особами.

— Это принц Глубокая Вода и принцесса Росинка. Оказывайте подобающее почтение! — сурово обратился дворецкий Тенистый Лес к офицеру.

Тот опустился на колено и склонил голову.

— Мы знаем. Но нам приказано догнать и убить принцессу.

— Принцесса Росинка — законная наследница престола! А Ледяной Песок изменник, цареубийца и отцеубийца! И вы еще слушаетесь его приказов?!

— Мы тоже так считаем, вот почему и не станем выполнять его повеление. Но принц Ледяной Песок вчера взошел на престол. И мы… мы теперь не знаем, кому подчиняться…

Тенистый Лес хотел сказать еще что-то, но Глубокая Вода шагнул вперед и остановил его. Затем обратился к офицеру:

— Почему бы вам не проводить нас с принцессой во дворец? Там мы встретимся с Ледяным Песком лицом к лицу и решим наши споры раз и навсегда.

* * *

Король Ледяной Песок праздновал свою коронацию в самом роскошном зале вместе с теми министрами, которые присягнули ему на верность. В разгар пира прибыл гонец с вестью: принц Глубокая Вода и принцесса Росинка во главе армии стремительным маршем приближаются ко дворцу и будут здесь через час. Шум пиршества мгновенно стих.

— Глубокая Вода? Но как ему удалось пересечь море? Он что, крылья отрастил? — еле слышно пробормотал Ледяной Песок. Однако в отличие от остальных собравшихся на его лице не выразилось ни страха, ни удивления. — Не бойтесь! Армия не станет слушаться их, пока я жив… Остроглаз!

Живописец вынырнул из тени. Он по-прежнему кутался в серый плащ и выглядел еще более хлипким, чем раньше.

— Возьми волноснежную бумагу и кисти и скачи навстречу Глубокой Воде. Увидишь — на-

рисуй. Ничего сложного. Даже близко подходить не понадобится: ты хорошо рассмотришь его, стоит ему только появиться на горизонте.

— Слушаюсь, мой король. — Остроглаз тихонечко, словно крыса, шмыгнул из зала.

— А принцесса… Девчонка! Ну что она мне сделает? Я этот зонтик у нее вырву и выброшу! — Ледяной Песок поднял свой кубок.

Празднество окончилось отнюдь не так шумно, как начиналось. Министры разошлись с озабоченными лицами, и в зале остался один Ледяной Песок.

Через некоторое время вернулся Остроглаз. Сердце Ледяного Песка забилось быстрее, но не потому, что живописец явился с пустыми руками и выглядел как-то не так, — вид у того был, как всегда, смиренный и настороженный. Нет, Ледяной Песок забеспокоился, потому что услышал шаги Остроглаза. Раньше художник двигался совершенно бесшумно, как мышка; сейчас же эхо его шагов отзывалось в пустом зале гулко, словно удары растревоженного сердца.

— Я видел принца Глубокую Воду, — потупившись, проговорил Остроглаз, — но не смог его нарисовать.

— Так что, у него действительно есть крылья? —

холодно осведомился Ледяной Песок.

— Даже если бы и так, я все равно смог бы запечатлеть его на полотне. Я смог бы нарисовать каждое перышко на его крыльях — от настоящих не отличишь. И все же, мой король, правда страшнее: принц не подчиняется законам перспективы.

— Чему-чему?

— По законам перспективы объекты, находящиеся дальше от наблюдателя, кажутся меньше, чем те, что вблизи. Меня обучали западной манере живописи, а в ней четко соблюдаются принципы перспективы. Я не могу изобразить принца.

— А есть ли школы живописи, не придерживающиеся этих правил?

— Есть, мой король. Взгляните на эти восточные изображения. — Остроглаз указал на развернутый свиток, висящий на стене: изящными, легкими мазками на нем были нарисованы пейзажи, словно сотканные из пустоты, воды и тумана. Их стиль резко контрастировал с сочными, насыщенными тонами масляных картин, висящих рядом.

— Видите — изображение на свитке не подчиняется законам перспективы. Но я никогда не учился восточной манере живописи. Мастер

Эфир отказывался обучать меня этому искусству — наверное, предвидел сегодняшние события.

— Убирайся. — Лицо Ледяного Песка оставалось непроницаемым.

— Конечно, мой король. Глубокая Вода скоро прибудет во дворец. Он убьет меня, он убьет и вас. Но я не стану покорно дожидаться смерти. Я сам покончу с собой. Это будет истинный шедевр. — Остроглаз покинул зал, снова двигаясь бесшумно.

Ледяной Песок созвал стражников:

— Принесите мой меч!

Снаружи донесся топот копыт — сперва еле слышный, затем подобный раскатам грома. Подкатившись к самому порогу дворца, грохот внезапно стих.

Ледяной Песок взял меч, встал и вышел из зала. Он увидел, как Глубокая Вода поднимается по ступеням дворца, а следом Росинка и тетушка Дорода с зонтиком. На плацу тесными рядами выстроилась армия. Солдаты молча и недвижно ждали, не выказывая поддержки ни одной из сторон.

Когда Ледяной Песок увидел брата в первый раз, тот показался ему вдвое выше обычного человека, но, приближаясь, Глубокая Вода умень-

шался в росте.

В мозгу новоявленного короля вспыхнули детские воспоминания более чем двадцатилетней давности. Уже тогда Ледяной Песок знал, что в водах, прилегающих к Могильному острову, завелась рыба-обжора, и тем не менее он хитростью заставил брата отправиться туда. В то время их отец-король заболел, и Ледяной Песок сказал, что около острова водится некая рыба, жир которой способен вылечить его. Глубокая Вода, обычно весьма осторожный, поверил братишке, отправился на остров и не вернулся обратно — как и задумывал Ледяной Песок. Последний очень гордился, считая эту уловку самой удачной в своей жизни. Никто в королевстве не ведал правды.

Мысли Ледяного Песка вернулись к настоящему. Глубокая Вода уже стоял на верхней площадке лестницы, у самых дворцовых дверей. Ростом он был с обычного человека.

— Брат мой, — проговорил Ледяной Песок. — Я рад видеть тебя и Росинку. Но вы, конечно же, понимаете, что это мое королевство. Я в нем король. Ваш долг — немедленно принести мне присягу.

Глубокая Вода положил ладонь на рукоять своего ржавого меча, а другую руку обвиняюще простер в сторону Ледяного Песка.

— Ты совершил тяжкие преступления!

Тот усмехнулся:

— Остроглаз, может, и не способен тебя нарисовать, братец, зато мне не составит труда проткнуть тебя насквозь! — и обнажил клинок.

Оба соперника одинаково хорошо владели искусством фехтования, но поскольку Глубокая Вода не подчинялся законам перспективы, Ледяному Песку было трудно точно оценить расстояние до противника. Поединок длился недолго. Меч Глубокой Воды пронзил грудь брата-узурпатора. Ледяной Песок покатился вниз по каменным ступеням, оставляя на них кровавую дорожку.

Солдаты разразились ликующими возгласами и поклялись в верности принцу Глубокой Воде и принцессе Росинке.

Пока братья бились, капитан Далекий Парус повсюду разыскивал Остроглаза. Кто-то сказал ему, что живописец закрылся в своей мастерской, в глухом закоулке дворца.

У двери стоял только один стражник, служивший раньше под началом капитана Далекого Паруса.

— Он вошел туда час назад, — доложил стражник, — и с тех пор не выходил.

Капитан вышиб дверь и ворвался внутрь.

В мастерской не было окон. Свечи в двух серебряных подсвечниках почти догорели, и помещение наполнял сумрак, отчего оно походило на подземелье. В комнате никого не было. Если не считать…

На мольберте стояла только что оконченная картина — краска даже еще не высохла. Автопортрет Остроглаза. Настоящий шедевр. Картина напоминала окно в иной мир, из которого Остроглаз взирал на этот. Хотя чуть задравшийся уголок белоснежной бумаги показывал, что это всего лишь живопись, капитан предпочел не смотреть в пронзительные глаза нарисованного человека.

Далекий Парус огляделся и увидел на стене другие портреты: короля, королевы и их верных министров. Тут же висел и портрет принцессы Росинки. Казалось, будто красота девушки на картине озаряет темную мастерскую небесным светом. Взгляд нарисованной принцессы, проникнув в самую душу капитана, опьянил его. Но в конце концов Далекий Парус пришел в себя, снял портрет со стены, вырвал из рамы и, скатав, поджег еще не догоревшей свечой.

Пламя принялось пожирать картину, и в это

время в мастерскую вошла настоящая принцесса. Одета она была во все то же простое платье и крутила над головой зонтик.

— А где тетушка Дорода? — спросил капитан.

— Я велела ей оставаться снаружи. Я хочу кое-что сказать тебе… тебе одному.

— Вашего портрета больше нет. — Далекий Парус указал на дымящуюся горстку пепла на полу. — Зонтик больше не нужен.

Принцесса стала вращать зонтик медленнее, и тот начал издавать соловьиные трели. По мере того как купол опадал, трели становились громче и противнее, пока не превратились в воронье карканье — последнее предупреждение перед приходом Смерти. А потом зонтик закрылся, и каменные шарики резко стукнулись друг о друга.

С принцессой ничего не случилось.

Капитан, смотревший на нее во все глаза, испустил глубокий вздох облегчения. Переведя взгляд на кучку пепла, он сказал:

— Как жаль… Портрет был прекрасен! Мне бы хотелось, чтобы вы увидели его. Но медлить было нельзя… Да, он был очень, очень хорош.

— Лучше меня самой?

— Это и были вы сами!

Принцесса достала два кусочка мыла из Хе'ер-

шингенмосикена. Она выпустила их из пальцев, и невесомое, как перышко, белое мыло поплыло в воздухе.

— Я покидаю королевство, — сказала Росинка. — Хочу плавать по морям. Пойдешь со мной?

— Как покидаете?.. Но ведь принц Глубокая Вода уже объявил, что завтра состоится ваша коронация! Он от всего сердца поклялся помогать вам…

Принцесса покачала головой.

— Мой брат будет гораздо лучшим правителем, чем я. К тому же если бы не заточение на Могильном острове, то законным наследником престола назначили бы его. Когда брат станет королем, он будет всходить на башню дворца, и оттуда его сможет видеть все королевство. А я не хочу становиться королевой. Мне гораздо больше нравится на открытом воздухе, чем во дворце. Не хочу прожить остаток жизни в Бессказочном королевстве. Хочу туда, где есть сказки.

— Такая жизнь полна трудов и опасностей.

— Я не боюсь. — Свечи словно разгорелись с новой силой — так засверкали глаза Росинки. Далекому Парусу показалось, что все вокруг снова озарилось ярким светом.

— Я тоже не боюсь. Принцесса, я последую за

вами на край света и за край моря.

— Тогда мы будем последними людьми, покинувшими королевство. — Принцесса протянула руку за плавающими в воздухе кусочками мыла.

— Мы поплывем на парусной лодке…

— Да, под белоснежными парусами!

На следующее утро люди, вышедшие на берег, увидели в море белый парус. За ним облаком стелился длинный пенный шлейф. Лодка, освещаемая лучами восходящего солнца, направлялась прочь от берегов королевства.

Никто так и не узнал, что потом сталось с принцессой Росинкой и капитаном Далеким Парусом. Собственно говоря, королевство больше никогда не получало вестей из окружающего мира. Принцесса забрала с собой два последних куска хе'ершингенмосикенского мыла, а без него невозможно прорваться сквозь барьер рыб-обжор. Впрочем, никто не жаловался. Народ привык жить без забот. После этого случая в Бессказочном королевстве больше не происходило ничего, о чем стоило бы слагать легенды.

Но иногда поздней ночью кое-кто все-таки рассказывал предания, которые были не совсем преданиями: повествователь воображал дальнейшую жизнь Росинки и Далекого Паруса.

Каждый представлял ее себе по-разному, но все сходились на том, что принцесса и капитан посетили много экзотических, таинственных земель, побывали на континентах, таких же обширных, как море. Они жили долго, странствуя и нигде не останавливаясь, но куда бы ни забрасывала их судьба, они были счастливы вместе.

Эра Космической Передачи, год 7-й
Сказки Юнь Тяньмина

В защищенной от софонов камере те, кто закончил читать, принялись обсуждать прочитанное, хотя большинство все еще сидели молча, погрузившись в мир Бессказочного королевства. Кое-кто пребывал в глубокой задумчивости, другие уставились на свои папки, словно надеясь взглядом вытянуть из голубой обложки больше смысла.

— Эта принцесса точь-в-точь ты, — заметила АА, обращаясь к Чэн Синь.

— Не болтай ерунды, мы тут заняты серьезным делом!.. Я что, правда такая неженка? Уж я-то держала бы свой зонтик сама! — Чэн Синь единственная из всех не стала читать полученный документ. Ни к чему. Сказки Тяньмина запечат-

лелись в ее памяти до мельчайших подробностей. Разумеется, Чэн Синь тоже не раз задавалась вопросом, не она ли послужила прототипом принцессы Росинки. Но капитан стражи не походил на Юнь Тяньмина…

«Получается, он считает, что я уплыву куда-то далеко? С другим мужчиной?»

Как только председатель заметил, что все закончили чтение, он спросил мнения присутствующих — по большей части о следующих шагах, которые нужно будет предпринять рабочим группам.

Представитель группы литературного анализа попросил слова первым. Эту группу придали КРИ в последний момент, и состояла она из писателей и филологов — специалистов по литературе Общей Эры. Кто-то из руководства решил: мало ли что, а вдруг пригодятся…

Выступающий был детским писателем.

— Я понимаю, что и сейчас, и в дальнейшем от моей группы вряд ли будет какой-то толк. Все же я считаю необходимым сказать несколько слов. — Он поднял голубую папку. — Мне очень жаль, но я не думаю, что это послание когда-нибудь удастся расшифровать.

— Почему? — спросил председатель.

— Потому что наша задача — выработать стратегию человечества на ближайшее будущее. Если в этом документе и в самом деле содержится некое послание, то в чем бы оно ни заключалось, оно прежде всего должно иметь конкретный смысл. На туманных, двусмысленных сведениях строить стратегию нельзя. Однако для литературного произведения туманность и многозначность — это основа основ. Уверен, что по соображениям безопасности истинная суть этих историй скрыта очень глубоко, а значит, все толкования будут еще более размытыми и сомнительными. Проблема не в том, что мы не сможем извлечь из них ничего полезного, а в том, что правдоподобных интерпретаций получится слишком много, и нельзя быть абсолютно уверенным в истинности ни одной из них.

Позвольте мне отметить кое-что еще, пусть это и не очень уместно в данной ситуации. Я хотел бы выразить свое писательское уважение автору. Как волшебные сказки его истории очень хороши.

* * *

Серьезная работа по дешифровке послания Юнь Тяньмина началась на следующий день. И вскоре

каждый осознал правоту детского писателя.

Три сказки Юнь Тяньмина были насыщены метафорами и символами, каждая подробность допускала множество интерпретаций, и для всех находились веские доводы. Поэтому определить, в которую из них автор действительно заложил некий тайный смысл, и, следовательно, принять какое-то из толкований за основу реальной стратегии было невозможно.

Например, все соглашались, что идея превращения людей в живописное полотно — явная метафора. Но специалисты в различных областях никак не могли прийти к единому толкованию. Одни считали, что это намек на цифровой характер обработки информации, столь свойственный современному миру, и таким образом автор рекомендует произвести оцифровку всего человечества, чтобы избежать удара «темного леса». Исследователи, разделяющие эту точку зрения, замечали также, что нарисованные люди никак не могут навредить живым в реальном мире и что оцифровка человечества, возможно, и есть тот самый способ передать во Вселенную мирное послание.

Но приверженцы другой точки зрения утверждали, что эта деталь отсылает к другим раз-

мерностям. Мир реальный и мир живописный существуют в разных измерениях, и когда человека рисуют, он исчезает из трехмерного мира. Вспомнили про встречу «Синего космоса» и «Гравитации» с четырехмерным фрагментом пространства. Возможно, Тяньмин намекает, что человечеству следует искать убежища в таком четырехмерном космосе или послать через него свою мирную весть. Некоторые исследователи подчеркивали: неподвластность принца Глубокой Воды законам перспективы служит еще одним доказательством того, что автор имел в виду четырехмерное пространство.

Или другой пример. Что подразумевается под «рыбами-обжорами»?

Кое-кто считал, что дело в их огромном числе, неудержимой агрессивности и манере до поры до времени не показываться на глаза. Отсюда вывод: «рыбы-обжоры» символизируют совокупность космических цивилизаций, пребывающих в состоянии «темного леса». Мыло, заставляющее рыб-обжор расслабиться и забыть о нападении, символизирует некие неизвестные принципы, стоящие за мирным посланием.

Другие же приходили к прямо противоположным выводам, считая, что рыбы-обжоры

— это разумные машины, которые человечеству необходимо построить. Эти машины должны обладать небольшими размерами и способностью к самовоспроизведению. Выпущенные в космос, роботы используют материалы пояса Койпера или облака Оорта для производства огромного количества копий самих себя, после чего образуют разумный заслон вокруг всей Солнечной системы. Заслон может иметь дополнительные функции, например, перехват направляющихся к Солнцу фотоидов или придание Солнечной системе такого внешнего вида, который воспринимался бы из космоса как мирное послание.

Последней интерпретации, получившей название «Стая рыб», было уделено больше внимания, чем остальным. По сравнению с другими гипотезами она предполагала конкретные действия и потому одной из первых стала объектом основательной проработки во Всемирной академии наук. Но КРИ никогда не возлагал на эту теорию особых надежд. Хотя чисто технологически идея выглядела привлекательной, дальнейшие исследования показали, что она трудновыполнима: понадобятся десятки тысяч лет на то, чтобы «стая рыб» размножилась до количества, нужного для образования заслона вокруг Солнечной системы.

Мало того, ограниченные возможности искусственного интеллекта означали практическую непригодность барьера для обороны и передачи мирного послания. В конце концов от идеи пришлось отказаться.

Многочисленные объяснения предлагались также и для вращающегося зонтика, и для таинственной волноснежной бумаги, и для обсидиановой плиты, и для хе'ершингенмосикенского мыла…

Как предупреждал детский писатель, все эти толкования выглядели правдоподобными, но решить, какое же из них истинно, оказалось невозможным.

Однако не все содержание триады сказок было одинаково туманным и многозначным. Эксперты КРИ не сомневались, что по крайней мере одна деталь содержит в себе конкретную информацию, которая может послужить ключом к раскрытию тайны.

Они имели в виду странное место, постоянно упоминаемое в сказках — Хе'ершингенмосикен.

Тяньмин рассказывал свои истории по-китайски. Читатели заметили, что почти все имена и названия в них имели конкретное значение: Бессказочное королевство, море Обжор, Могиль-

ный остров, принцесса Росинка, принц Ледяной Песок, капитан Далекий Парус, тетушка Дорода и так далее. И посреди всей этой ясности торчало название, весьма похожее на транскрипцию с иностранного языка. Мало того, что оно звучало совсем не по-китайски, оно еще и отличалось изрядной длиной. Название повторялось в сказках множество раз и явно указывало на место весьма необычное: Остроглаз и мастер Эфир были из Хе'ершингенмосикена; волноснежная бумага, на которой они рисовали, была из Хе'ершингенмосикена; обсидиановые плита и утюг, которыми разглаживали бумагу, были из Хе'ершингенмосикена; капитан Далекий Парус родился в Хе'ершингенмосикене; мыло, рыбы-обжоры — оттуда же… Бесконечными повторениями автор, похоже, всячески подчеркивал важность этого места, но не давал ни малейших разъяснений, что же это такое и где оно. Другой большой остров наподобие Бессказочного королевства? Архипелаг? Континент?

Эксперты не могли даже разобраться, из какого языка происходит это название. Когда Юнь Тяньмин покидал Землю на зонде, его английский оставлял желать лучшего, а о третьем языке и говорить нечего. Но, возможно, он выучил его

позже? Название звучало совсем не по-английски, к романским языкам, похоже, тоже не имело отношения. Ясно одно: оно не трисолярианское, потому что в трисолярианском языке не было звуков и на нем не разговаривали в нашем земном понимании.

Ученые пытались записать это название знаками всех известных земных языков, искали его в интернете и во всевозможных специализированных базах данных, просили помощи у экспертов в самых разных областях, но их усилия ни к чему не приводили. Самые блестящие умы человечества из различных отраслей науки оказались бессильны разгадать эту головоломку.

Руководители рабочих групп подступились к Чэн Синь: а она уверена, что запомнила правильно? Та решительно стояла на своем. Она сразу обратила внимание на странность этого названия и постаралась запомнить его как можно тщательнее. К тому же оно всплывало в сказках постоянно, так что искажение исключено.

* * *

Процесс дешифровки топтался на месте. Что ж, подобных трудностей и следовало ожидать. Если бы землянам удалось легко раскусить этот

орешек, то трисолярианам и подавно. По-настоящему значимая информация должна быть спрятана очень, очень глубоко. Эксперты разных команд устали, их раздражали статика и резкий запах в софонозащитной камере. Каждая рабочая группа распалась на множество фракций, которые беспрестанно спорили между собой, не в силах достичь консенсуса.

Выхода из тупика не предвиделось, и в умы исследователей начали заползать сомнения: да на самом ли деле в сказках содержатся важные сведения? В первую очередь подозрения обратились на рассказчика. Все-таки Юнь Тяньмин имел всего лишь степень бакалавра Общей Эры, а это значит, что объем его знаний был меньше, чем у нынешнего школьника средних классов. В своей жизни до великой миссии он работал над простыми, не требующими особой квалификации задачами и не имел никакого опыта ни в ведении перспективных практических исследований, ни в разработке новейших научных теорий. Конечно, после перехвата зонда и клонирования у него было достаточно времени для учебы, но, по мнению экспертов, Юнь Тяньмин вряд ли мог разобраться в супертехнологиях трисоляриан, не говоря уже о фундаментальных научных теориях,

на которых эти технологии основывались.

Дальше — хуже. Шли дни, и в работе КРИ стали неизбежно появляться дополнительные сложности. Вначале все старались разгадать послание ради будущего всего человечества в целом. Но позже дали о себе знать и другие интересы. Входящие в рабочие группы представители различных сил — Конгресса Флотов, ООН, национальных государств, мультинациональных корпораций, религий и т. п. — пытались толковать сказки в соответствии со своими политическими целями и задачами. Они рассматривали процесс дешифровки как очередную возможность для пропаганды своих идей. Сказки Юнь Тяньмина стали чем-то вроде пустых корзин, в которые можно запихнуть все что угодно. Характер работы КРИ изменился, споры между группировками приобрели политизированный и утилитарный характер, что плохо влияло на моральный климат в команде.

Но отсутствие прогресса в работе КРИ имело и положительное действие: те, у кого еще оставались иллюзорные надежды на чудо, лишились их. Собственно говоря, жители Земли давно уже перестали ждать чуда, тем более что о сказках Юнь Тяньмина практически никто не знал. Поли-

тическое давление общественности на Конгресс Флотов и ООН вынудило эти организации переориентироваться с послания Юнь Тяньмина на поиски путей к выживанию человеческой расы на основе уже имеющихся технологий.

По масштабам космоса трагедия Трисоляриса произошла в ближайшем соседстве, что дало человечеству возможность видеть все подробности и собрать значительный массив данных. Поскольку разрушенная звезда по массе и положению в главной последовательности была очень похожа на Солнце, это позволило создать точную математическую модель возможной катастрофы с Солнцем в результате атаки «темного леса». По сути, серьезные изыскания в этой области начались сразу же после того, как Земля стала свидетелем гибели Трисоляриса. Их прямым результатом стал проект космических городов-убежищ, на который и переместился фокус общественного внимания.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ПРОЕКТ КОСМИЧЕСКИХ УБЕЖИЩ: КОВЧЕГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

I. Приблизительные временны!е рамки от

момента раскрытия координат Земли до атаки «темного леса»

Оптимистический сценарий: от 100 до 150 лет. Промежуточный сценарий: от 50 до 80 лет. Пессимистический сценарий: от 10 до 30 лет. При разработке планов по выживанию человечества за ориентир приняли период в 70 лет.

II. Общее количество людей, нуждающихся в спасении

Принимая во внимание тенденцию к снижению численности землян, в течение 70 лет необходимо будет спасти от 600 до 800 миллионов человек.

III. Прогноз хода событий после атаки «темного леса»

Данные, полученные при наблюдении гибели трисолярианской звезды, позволили создать математическую модель последствий удара «темного леса». Расчеты показали, что если Солнце атакуют тем же образом, то есть посредством фотоида, все планеты земной группы в пределах орбиты Марса подвергнутся разрушению. Меркурий и Венера обратятся в пар непосредственно после удара. Земля сохранит какую-то часть своей массы и сферическую форму, но поверхностный слой толщиной в 500 км, включая

кору и часть мантии, будет сорван. Марс утратит примерно 100 км поверхностного слоя. Позже вследствие выброса звездного вещества Земля и Марс потеряют орбитальную скорость и упадут в уцелевшие остатки солнечного ядра.

Модель показала, что разрушительная сила взрыва — включая излучение и ущерб от выброшенного звездного вещества — обратно пропорциональна квадрату расстояния от Солнца. То есть она резко уменьшается с расстоянием, и объекты, достаточно удаленные от звезды, подвергнутся меньшему воздействию. Это позволит планетам юпитерианской группы уцелеть.

В начальной фазе катастрофы поверхность Юпитера испытает сильные возмущения, но общая структура планетарной системы, включая луны, не пострадает. То же относится и к Сатурну, Урану и Нептуну: эти планеты существенных повреждений не получат. Исторгнутое солнечное вещество до некоторой степени снизит их орбитальную скорость, но позже, когда звездная материя образует спиральное облако, угловая скорость его вращения сравняется со скоростью планет юпитерианской группы и больше не будет влиять на их орбиты.

Четыре газовых гиганта — Юпитер, Сатурн,

Уран и Нептун — переживут атаку «темного леса» относительно благополучно. Этот прогноз послужил основой для проекта космических убежищ.

IV. Отвергнутые планы выживания человечества

1. *Побег к другим звездам:* технически невозможен. В требуемые сроки человечество было не в состоянии построить достаточное количество межзвездных кораблей. Корабли-ковчеги могли вместить не более одной тысячной от всего количества эвакуирующихся. Кроме того, крайне сомнительно, чтобы ковчеги смогли достичь пригодных для заселения экзопланет, прежде чем истощатся запасы топлива и откажут системы жизнеобеспечения.

Все планы подобного типа предусматривали спасение лишь крохотной части землян, а это значило, что они нарушали фундаментальные ценности и моральные принципы человечества. В политическом смысле они тоже были невыполнимы, поскольку могли привести к глубоким социальным потрясениям и даже полному коллапсу общества.

2. *Ожидание в отдаленном убежище:* чисто практически невыполнимая задача. Этот план предусматривал строительство космического

города с замкнутой системой жизнеобеспечения на достаточном расстоянии от Солнца. По подсчетам, минимальной безопасной дистанцией будет 60 а. е., то есть за пределами пояса Койпера. В этом участке космоса слишком мало ресурсов для строительства подобного космограда. Это также означает, что их недостаточно для обеспечения города всем необходимым.

V. Проект космических убежищ

Газовые гиганты могли бы послужить заслоном от последствий солнечного взрыва. В тени этих четырех планет, далеко от Солнца, можно построить достаточное количество космических городов, способных вместить в себя все население Земли. Космограды, расположенные поблизости от планет, не станут, однако, их спутниками. Вместо этого они будут обращаться вокруг Солнца по орбитам, синхронным с соответствующими планетами, оставаясь в их тени. Запланировано пятьдесят убежищ, в каждом из которых могло бы проживать до пятнадцати миллионов человек. Конкретно: двадцать городов разместятся за Юпитером, двадцать за Сатурном, шесть за Ураном и четыре за Нептуном.

VI. Технические трудности проекта космических убежищ

Необходимый для осуществления проекта уровень технологии уже был достигнут. Конгресс Флотов накопил широкий опыт в области строительства космических поселений, а около Юпитера существовала крупная база. Оставались еще некоторые технические проблемы, такие как, например, корректировка орбиты убежищ, но их можно было решить в требуемые сроки. Орбиты космоградов, не являющихся спутниками своих планет, но остающихся в непосредственной близости от них, постепенно начнут снижаться; значит, потребуется система двигателей, которые противодействовали бы гравитации и помогали бы городам сохранять неизменную позицию. Поначалу план предусматривал расположение убежищ в точках Лагранжа L2 так, чтобы орбитальные периоды космоградов соответствовали орбитальным периодам их планет — расходы энергии на поддержание стабильной позиции при этом были бы приемлемыми. Но позже обнаружилось, что точки Лагранжа L2 находятся слишком далеко от газовых гигантов, что не обеспечит убежищам необходимой защиты.

VII. Выживание человечества в Солнечной системе после атаки «темного леса»

После разрушения Солнца космические города

в качестве источника энергии будут использовать термоядерный синтез. К этому времени Солнечная система примет вид спирального облака, и рассеянное повсюду звездное вещество станет практически неиссякаемым источником легкодоступного термоядерного топлива. Кроме того, можно будет добывать топливо из остатков солнечного ядра, что надолго обеспечит потребности человечества в энергии. В каждом космическом городе будет свое искусственное солнце, излучающее столько же энергии, сколько получала Земля до удара «темного леса». По сути, количество доступной для человечества энергии станет на порядки выше, чем до катастрофы, потому что космические города будут расходовать только одну квинтиллионную часть того, что расходовало Солнце. С этой точки зрения, гибель его можно даже рассматривать как явление позитивное, поскольку оно положит конец крайне расточительному использованию термоядерного топлива.

Как только облако стабилизируется после атаки «темного леса», все города-убежища смогут покинуть свои планеты и найти себе в Солнечной системе более подходящие места. Возможно, будет целесообразно покинуть плоскость эклип-

тики, чтобы избежать взаимодействия с облаком и в то же время эффективно использовать его в качестве источника необходимых материалов. Поскольку взрыв Солнца уничтожит планеты земного типа, минеральные ресурсы Солнечной системы рассеются по всему облаку и станут широкодоступными, что сделает возможным строительство новых поселений. Единственным ресурсом, ограничивающим количество космоградов, будет вода, но глубина океана на Европе составляет 160 километров, и воды в нем больше, чем во всех океанах Земли. Этих запасов хватит на тысячу убежищ с населением от 10 до 20 миллионов каждое. Воду можно будет также добывать и из самого облака.

Таким образом, облако, образовавшееся после атаки «темного леса», обеспечит комфортную жизнь для 10 миллиардов человек, оставляя более чем достаточное пространство для развития цивилизации.

VIII. Влияние проекта космических убежищ на международные отношения

Строительство нового мира стало беспрецедентным явлением в истории всего человеческого общества. Самым мощным барьером на пути его осуществления были не технические трудно-

сти, а международная политика. Общественность беспокоилась, не истощит ли проект ресурсы Земли и не обратит ли он вспять глобальный прогресс в области политики, экономики и всеобщего благосостояния, приведя ко второй Великой пади. Но Конгресс Флотов и ООН единодушно заявили, что подобной опасности можно избежать. Проект будет осуществляться исключительно за счет внеземных материалов, по большей части лун и колец Сатурна, Урана и Нептуна. Он никоим образом не затронет положения дел на Земле, даже больше того: на определенной стадии разработка космических ресурсов может оказать положительное влияние на земную экономику.

IX. Временны!е рамки проекта в целом

На создание промышленной инфраструктуры для извлечения и эксплуатации внеземных материалов потребуется 20 лет. На строительство космических городов — 60 лет. Период взаимного наложения фаз — 10 лет.

X. Вероятность второго удара «темного леса»

Результаты первой атаки должны убедить большинство сторонних наблюдателей в том, что вся жизнь в Солнечной системе погибла. В то же время разрушение Солнца лишит потенциальных агрессоров источника энергии для малозатрат-

ного удара. Таким образом, вероятность второй атаки «темного леса» представлялась низкой. Условия, сложившиеся в системе 187J3X1[160] после катастрофы, подтверждали данную точку зрения.

Эра Космической Передачи, год 7-й Сказки Юнь Тяньмина

Началась подготовка к строительству убежищ, и внимание общественности к Юнь Тяньмину ослабло. КРИ продолжал работать над дешифровкой послания, но эта программа рассматривалась всего лишь как одна из многих, разрабатываемых под эгидой Совета обороны планеты. С каждым днем надежда на извлечение из сказок значимой информации таяла. Некоторые члены КРИ даже начали видеть в историях Юнь Тяньмина намеки на проект космических убежищ и выдвинули несколько толкований, якобы подтверждающих его правильность. Например, говорили они, каменные шарики на концах спиц зонтика — это планеты юпитерианской группы. Однако планет,

[160] Примечания: 160

Напомним, что это та самая звездная система, на которую Ло Цзи в романе «Темный лес» наложил заклятие. — *Прим. перев.*

которые могут послужить защитным барьером, в Солнечной системе всего четыре. В сказках число спиц не называлось, но если рассудить здраво, четырех спиц для зонтика все-таки маловато. Само собой, эти объяснения не нашли широкой поддержки, но в некотором смысле сказки Юнь Тяньмина стали чем-то вроде Священного Писания. Люди теперь не стремились извлечь из них действительно полезную стратегическую информацию; им просто хотелось получить подтверждение тому, что они находятся на верном пути.

И вот тогда случился неожиданный прорыв.

* * *

Однажды АА пришла навестить Чэн Синь. АА уже давно перестала сопровождать подругу на заседания КРИ. Всю свою энергию она направляла на вовлечение компании «Гало» в проект космических убежищ. Строительство нового мира за орбитой Юпитера давало безграничные возможности для развития бизнеса. Какое же удачное имя они выбрали для своего космического строительного концерна — «Гало»! Ведь

именно «гало-кольца»[161] планет юпитерианской группы станут источником материала для строительства космоградов.

— Мне нужно мыло! — заявила АА.

Подруга не обратила на нее внимания. Не отрывая глаз от раскрытой перед ней электронной книги, она задала АА вопрос из области термоядерной физики. После своего пробуждения Чэн Синь углубилась в изучение современной науки. К настоящему моменту технологии космических полетов Общей Эры ушли в прошлое; даже на маленьких шлюпках стояли термоядерные двигатели. Чэн Синь пришлось начать с самых основ, но она продвигалась быстро. Собственно говоря, годы, которые она провела в анабиозе, мало что изменили в состоянии науки, потому что основные открытия в фундаментальных теориях произошли после наступления Эры Устрашения. Приложив некоторые усилия, большинство инженеров и ученых из Общей Эры могли наверстать упущенное и вернуться к избранной профессии.

АА выключила читалку Чэн Синь.

---

[161] Примечания: 161

Гало-кольцом (halo ring), или просто гало, называют толстый тор из пылевых частиц вокруг планет — газовых гигантов. Такие гало имеются, например, у Юпитера и Сатурна. — *Прим. перев.*

— Мыло дай!

— Да откуда оно у меня? Надеюсь, ты понимаешь, что реальное мыло не обладает той магией, которая описана в сказках Тяньмина?

Чэн Синь намекала АА, чтобы та перестала вести себя как раскапризничавшийся ребенок.

— Знаю. Но я хочу ванну с пеной, как у той принцессы!

Мыло и ему подобные туалетные принадлежности исчезли более столетия назад. Пенные ванны ушли в прошлое. Люди мылись с помощью сверхзвуковых волн или специальных чистящих средств. Последние представляли собой нанороботов, невидимых невооруженным глазом. Их можно было использовать с водой или без нее. Кожа и другие поверхности становились чистыми практически мгновенно.

Пришлось Чэн Синь отправляться вместе с заупрямившейся АА покупать мыло. Это был обычный прием АА: когда Чэн Синь была чем-то опечалена или озабочена, подруга вытаскивала ее из дома, чтобы взбодрить.

Взглянув на расстилающийся перед ними гигантский лес города, женщины подумали-подумали и решили, что наиболее вероятное место, где можно раздобыть мыло, — это музей.

Им повезло: они обнаружили то, что искали, в городском историческом музее, в экспозиции, посвященной повседневному быту Общей Эры. Здесь были выставлены домашние бытовые приборы, одежда, мебель и тому подобное. Все предметы в отличной сохранности, некоторые даже выглядели совсем новыми. У Чэн Синь не укладывалось в голове, что всем этим вещам несколько сотен лет; ей казалось, что она видела их не далее как вчера. Хотя с того момента, когда ее вывели из гибернации в первый раз, случилось много всякого, нынешние времена представлялись ей каким-то сном. Ее дух упрямо продолжал жить в прошлом.

Банное мыло обнаружилось за стеклянной витриной вместе с другими туалетными принадлежностями. Чэн Синь во все глаза смотрела на просвечивающий брусочек со знакомым товарным знаком — орлом. Продукция Nice Group. Белоснежное мыло, точь-в-точь такое, как в сказках…

Директор музея объявил, что это ценнейший экспонат, не продается и все такое, и тут же заломил баснословную цену.

— За такую сумму можно построить небольшую фабрику по производству чистящих средств! —

сказала Чэн Синь подруге.

— Ну и что? Я руковожу твоей компанией уже много лет. Могла бы и раскошелиться мне на подарочек! К тому же кто знает, может, его цена в будущем вообще взлетит до небес.

И они купили «ценный экспонат». Чэн Синь предложила, что если уж АА позарез понадобилась пена, то они могли бы купить бутылку специального средства для ванн. Но АА заупрямилась: мол, принцесса пользовалась мылом, и баста. Белый брусок осторожно достали из стеклянного шкафа, Чэн Синь взяла его и заметила, что, несмотря на прошедшие века, от мыла все еще исходит едва уловимый аромат.

Вернувшись домой, АА сорвала упаковку и закрылась в ванной, откуда вскоре раздался шум набирающейся воды.

Чэн Синь постучала в дверь:

— Слушай, лучше не надо им мыться! Оно щелочное. Ты никогда не пользовалась таким. А вдруг твоя кожа его не переносит?

Ответа не последовало. Плеск воды утих, но гостья еще долгое время не издавала ни звука. Потом дверь в ванную отворилась, и на пороге появилась АА, все еще сухая и одетая. Помахав листком бумаги, она спросила:

— Ты умеешь складывать лодочку-оригами?

— Это что, тоже забытое искусство? — осведомилась Чэн Синь, забирая листок из пальцев подруги.

— А то. Сейчас и бумаги-то днем с огнем не сыщешь.

Чэн Синь присела и начала сгибать листок. Мысленно она вернулась в тот дождливый день в колледже, когда они с Тяньмином сидели на берегу водохранилища и смотрели на маленький бумажный кораблик, уплывающий вдаль по подернутой туманом и дождевой рябью воде. И тогда ей вспомнился белый парус в конце его сказок…

АА залюбовалась сложенным из бумаги корабликом. А потом жестом поманила Чэн Синь в ванную. Карманным ножом она отрезала от кусочка мыла маленький уголок, затем проковыряла в корме лодочки крохотное отверстие и сунула в него мыло. Таинственно улыбнувшись, АА опустила бумажный кораблик на спокойную водную поверхность, и…

…кораблик поплыл сам собой от одного края ванны к другому.

Чэн Синь мгновенно все поняла. Мыло, растворяясь, уменьшало поверхностное натяжение

воды за кормой лодочки. Но поверхностное натяжение перед ней оставалось неизменным, и это заставляло ее двигаться вперед.

Словно разряд молнии пронзил Чэн Синь. В ее воображении спокойная поверхность воды в ванне сменилась чернотой космоса, и белый бумажный кораблик скользил в этом бескрайнем море со скоростью света…

Но тут Чэн Синь вспомнила кое о чем еще: о безопасности Тяньмина.

Натянутая струна ее мысли тут же прекратила вибрировать, как будто заглушенная невидимой рукой. Чэн Синь заставила себя не смотреть на лодочку, всем своим видом стараясь показать, как все это скучно и неинтересно. Кораблик в этот момент остановился, уткнувшись в противоположную стенку ванны. Чэн Синь вынула его из воды, отряхнула и положила на полочку. Ее так и подмывало разорвать его, а клочки смыть в унитаз, но она удержалась — такая реакция могла бы показаться чрезмерной, а значит, подозрительной. Однако лучше больше не спускать кораблик на воду.

Опасность!

Хотя Чэн Синь склонялась к мысли, что в Солнечной системе больше не осталось софонов,

лучше проявлять осторожность.

Они с АА обменялись взглядами и увидели в глазах друг друга одно и то же: воодушевление, пляшущие искры озарения. Чэн Синь отвела взор.

— Нет у меня времени на твои глупости. Хотела пену — вот тебе пена. — С этими словами она вышла из ванной.

АА последовала за ней. Подруги налили себе по бокалу вина и принялись болтать о том о сем. Сначала обсудили перспективы концерна «Гало» в проекте космических убежищ. Затем припомнили, как учились в колледже в разные временны!е эпохи. Потом поговорили о нынешней жизни. АА спросила, почему Чэн Синь после стольких лет в новом времени не найдет себе мужчину по душе, на что та ответила, что ей пока не до того. И тут же упрекнула подругу в том, что она встречается с целой кучей мужчин одновременно. Нет, конечно, АА может приводить к ней в гости своих бойфрендов, но лучше только одного зараз. Они также обсудили моду и вкусы в одежде у женщин времен их юности, их сходство и различия…

Язык был лишь средством, выражавшим охватившее их волнение. Ни одна не отваживалась

закрыть рот, как будто молчание притушило бы их сокровенную радость. Наконец, когда в разговоре настала естественная пауза, на которую возможный шпион не обратил бы внимания, Чэн Синь проронила:

— Складки, изгибы…

Глаза же ее говорили: «Искривление пространства!»

АА кивнула. Ее глаза ответили: «Двигатель, искривляющий пространство!»

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ДВИГАТЕЛЬ, ИСКРИВЛЯЮЩИЙ ПРОСТРАНСТВО

Пространство не плоское. Оно искривляется. Если представить себе Вселенную как огромную тонкую мембрану, то она походила бы формой на чашу. А вся мембрана в целом, возможно, даже замкнулась бы в пузырь. И хотя на ограниченном участке мембрана выглядела бы плоскостью, пространству абсолютно повсюду присуща кривизна.

В Общую Эру возникло немало смелых идей относительно космических полетов. Одна из них — свертывание пространства. Предлагалось увеличить существующую кривизну пространства, а

затем сложить его как бумажный лист, так чтобы две точки, разделенные десятками миллионов световых лет, соприкоснулись. Строго говоря, речь не о космическом путешествии, а о «подтягивании пространства». Вместо того чтобы лететь из пункта А в пункт Б, предлагалось, изгибая пространство, приближать пункт Б к пункту А.

Претворить в жизнь такую идею мог только Господь, а если принять в расчет ограничения, накладываемые фундаментальной теорией, то, возможно, и он не мог.

Позже появились более умеренные и взвешенные предложения по использованию кривизны пространства для навигации. Предположим, корабль каким-то образом сумеет разгладить пространство позади себя и уменьшить его кривизну — тогда он пойдет в ту сторону, где кривизна больше, то есть вперед. В этом и заключалась идея двигателя, искривляющего пространство.

В отличие от «свертывания», искривляющий двигатель не способен доставить космический аппарат из одной точки в другую мгновенно, зато сможет разогнать корабль почти до скорости света.

До тех пор пока послание Юнь Тяньмина не истолковали правильно, такой двигатель оста-

вался всего лишь одним из сотен несбыточных прожектов. Возможен ли полет со скоростью света как теоретически, так и на практике — этого не знал никто.

Эра Космической Передачи, год 7-й
Сказки Юнь Тяньмина

Ликующая АА сказала Чэн Синь:

— До Эры Устрашения народ очень любил одежду с двигающимися картинками. Каждый сиял и переливался, как рождественская елка. А сейчас так одеваются только детишки. Классика снова в моде.

Но взгляд ее внезапно опечалившихся глаз говорил нечто совсем другое: «Отличная интерпретация, но наверняка-то мы не знаем и подтверждения никогда не получим».

Чэн Синь ответила:

— Меня больше всего удивляет, что больше нет понятий «драгоценный металл» и «драгоценный камень». Золото теперь самый обычный материал, а вот эти бокалы сделаны из алмаза… Ты знаешь, что там… то есть в том времени, откуда я родом, крохотный бриллиантик — вот такусенький! — для большинства девушек был

недостижимой мечтой?

Глаза же ее говорили: «Нет, АА, на этот раз все иначе. Мы знаем точно».

— Ну ладно, зато алюминий тогда стоил дешево. А ведь до изобретения электролиза он тоже считался драгоценным металлом. Я даже слышала, что у какого-то монарха корона была из алюминия[162].

«Знаем точно? Откуда?»

У Чэн Синь не получалось высказать все одними глазами. КРИ как-то предложил встроить в ее квартиру софонозащитную камеру. От множества громко гудящих приборов не было бы никакого покоя, поэтому она отказалась. А сейчас пожалела.

— Волноснежная бумага, — прошептала она.

Глаза АА снова заблестели. Пламя радостного волнения разгорелось в них еще ярче.

«– Ты уверен, что больше ничем ее не выпря-

---

[162] Примечания: 162

Действительно, есть такая легенда, рассказанная Плинием Старшим и кочующая из одного древнего произведения в другое. Якобы к императору Тиберию пришел ювелир и поднес ему то ли корону, то ли чашу, сделанную из неизвестного доселе металла, который мастер сумел выплавить из глины. Корона (или чаша) блестела, как серебро, но была легкой. Тиберий, испугавшись, что так, пожалуй, могут обесцениться золото и серебро, спросил ювелира, знает ли еще кто-нибудь секрет этого металла. Тот ответил «нет». Тогда император отрубил мастеру голову. Тайна выплавки алюминия была раскрыта только в XIX веке. — *Прим. перев.*

мить?

— Уверен. Только обсидианом из Хе'ершинген-мосикена. Я надеялся отобрать у Остроглаза свою плиту…

И тут начали бить часы в углу. Мастер Эфир поднял голову и увидел, что вот-вот взойдет солнце. Посмотрел на бумагу — только полоска не шире ладони ровно лежала на полу. Этого недостаточно для портрета. Художник отставил утюг и вздохнул…»

Бумага, скрученная в свиток, — это метафора кривизны; часть свитка разгладили — кривизна уменьшилась.

В этом эпизоде явно содержался намек на разницу в кривизне пространства впереди и позади движущегося корабля. Ничего другого это не могло означать!

— Пошли! — сказала Чэн Синь, вскакивая на ноги.

— Ага! — отозвалась гостья. Им срочно нужна была ближайшая софонозащитная камера.

* * *

Два дня спустя на заседании Комитета председатель объявил, что главы рабочих групп единодушно одобрили интерпретацию, представ-

ленную Чэн Синь и АА.

Юнь Тяньмин поведал Земле, что двигатели трисолярианских кораблей работают на принципе искривления пространства.

Это была исключительно важная стратегическая информация. Она подтверждала, что с помощью такого двигателя можно достичь скорости света. Послание Юнь Тяньмина, словно маяк, сияющий в ночи, указывало дорогу, по которой должно пойти развитие космических технологий человечества.

Не менее значительным было и то, что интерпретация предлагала общий подход к дешифровке. Тяньмин спрятал в своих сказках важные сведения, задействовав два основных метода: двухуровневые метафоры и планарные метафоры-подсказки.

Двухуровневые метафоры указывали не прямо на истинный смысл, а сначала на нечто гораздо более простое — на осязаемый объект. Это материальное воплощение метафоры первого уровня само являлось метафорой второго уровня, которая и вела к скрытой информации. Например, метафора, включающая лодочку принцессы, мыло из Хе'ершингенмосикена и море Обжор, намекала на бумажный кораблик, двигающийся

вперед при помощи мыла. И уже бумажный кораблик указывал на двигатель, использующий искривление пространства. Предыдущие попытки дешифровки проваливались из-за привычной уверенности людей, будто в сказках для сокрытия истинного смысла использован только один метафорический слой.

Планарные метафоры — так назвали технику, применяемую для толкования двусмысленностей, свойственных языковому способу выражения. К двухуровневой метафоре для раскрытия ее истинного смысла добавлялась одноуровневая планарная метафора. Например, скрученная в свиток волноснежная бумага и ее разглаживание служили метафорой искривленного пространства, подтверждающей правильность догадки о бумажном кораблике с кусочком мыла вместо двигателя.

Если представить себе смысловое пространство сказок как плоскость, то двухуровневая метафора служила одной координатой; добавочная одноуровневая метафора-подсказка давала вторую координату, которая и фиксировала толкование в нужном месте плоскости. Поэтому метафору-подсказку, перебрав топографическую терминологию, решили называть дирекционной

координатой. Сама по себе дирекционная координата не имела смысла, зато в комбинации с двухуровневой метафорой помогала правильно истолковать присущую литературному выражению многозначность.

— Тонкая и отлично продуманная система, — с восхищением сказал эксперт из Агентства стратегической разведки.

Все члены Комитета поздравили Чэн Синь и ее ассистентку. Статус АА, на которую в КРИ всегда смотрели сверху вниз, в одночасье взлетел на невиданную высоту.

На глаза Чэн Синь навернулись слезы. Она думала о Тяньмине — человеке, ведущем неравную борьбу в бесконечной ночи глубокого космоса, в непостижимом, безжалостном обществе нелюдей. Чтобы передать человечеству важные сведения, он, должно быть, довел себя до умственного истощения, изобретая хитроумную систему метафор, а потом потратил много одиноких лет, сочиняя целую сотню сказок и старательно зашифровывая информацию в трех из них. Триста лет назад он подарил Чэн Синь звезду. Сейчас он принес надежду всему человечеству.

После этого процесс расшифровки пошел вперед. К открытию метафорической системы

добавилась еще одна догадка, хотя и не подтвержденная, но принятая всеми: тогда как первая, успешно разгаданная часть сообщения Юнь Тяньмина рассказывала о способе побега из Солнечной системы, вторая, скорее всего, касалась космического мирного послания.

Интерпретаторы вскоре поняли, что истолковать эту часть будет несравненно труднее, чем первую.

На следующее заседание председатель принес зонтик, изготовленный по описанию в сказке. У него было восемь спиц, на концах которых висели каменные шарики. В современную эпоху зонтиками практически не пользовались. Чтобы не мокнуть под дождем, пешеходы использовали так называемый дождевой щит — устройство размером с карманный фонарик, с помощью потока воздуха формирующее над головой невидимый купол. Люди, конечно, знали про зонтики, видели их в кино, но управляться с настоящим зонтиком никто толком не умел. Члены Комитета с любопытством рассмотрели диковинку и обнаружили, что, как и в сказках, ее можно раскрыть, покрутив. Зонтик издавал звуки, если его вращали быстрее или медленнее.

— Как же это утомительно! — пожаловался

кто-то, крутя зонтик.

Все прониклись уважением к кормилице принцессы, умудрявшейся выполнять эту работу день напролет.

Зонтик перешел к АА. Ее руки не отличались силой, и купол вскоре стал опадать. Зазвучала птичья трель.

Чэн Синь не отрывала глаз от зонтика с того самого момента, когда его раскрыл председатель. Сейчас она крикнула подруге:

— Не останавливайся!

АА завертела зонтик быстрее, и трель умолкла.

— Быстрее! — потребовала Чэн Синь.

АА завертела зонтик что было сил. Затренькали воздушные колокольчики. Затем Чэн Синь попросила крутить медленнее, пока не зазвучала птичья трель. Потом опять быстрее. Потом опять медленнее. И так несколько раз.

— Никакой это не зонтик! — заявила Чэн Синь наконец. — И теперь я знаю, что это такое.

Би Юньфэн, стоявший рядом с ней, кивнул:

— Я тоже, — и повернулся к Цао Биню: — Возможно, только мы трое и можем опознать это устройство.

— Да, — согласился Цао. — Но даже в наши времена его мало кто видел.

Половина присутствующих уставилась на троицу из прошлого, остальные — на зонтик. Во взглядах и тех, и других читались недоумение и нетерпеливое ожидание.

— Это центробежный регулятор, — пояснила Чэн Синь. — Для паровых двигателей[163].

— Что-что? Какое-то электронное устройство?

Би Юньфэн покачал головой.

— Когда придумали эту штуковину, мир еще не знал электричества.

Цао Бинь принялся объяснять:

— Этот механизм изобрели в XVIII веке для регулировки скорости вращения вала паровой машины. Он состоит из двух или четырех рычагов с массивными шарами на концах и центрального стержня со скользящей муфтой — очень похоже на этот зонтик, только у него больше спиц. Паровой двигатель вращает вал. Если вращение слишком быстрое, шары под действием центробежной силы расходятся и поднимают рычаги, которые тянут кверху муфту, а та через специальную тягу закрывает дроссельную за-

---

[163] Примечания: 163

Центробежный регулятор — механизм для регулировки скорости вращения в машинах разнообразных принципов действия и назначения. Часто называется «регулятором Уатта», но на самом деле механизм применялся и раньше при работе ветряных мельниц. Джеймс Уатт усовершенствовал его для парового двигателя. — *Прим. перев.*

слонку. Подача пара или топлива уменьшается, и вал вращается медленнее. И наоборот: когда вращение слишком замедляется, шары падают; рычаги регулятора опускаются — в точности как закрывающийся зонтик, — и муфта, идя вниз, открывает дроссельную заслонку; вал начинает вращаться быстрее. Это была первая промышленная автоматическая система управления.

Так расшифровали первый слой двухуровневой метафоры с зонтиком. Но в отличие от кораблика с мыльным приводом центробежный регулятор на первый взгляд ни на что прямо не указывал. Его метафору второго уровня можно было истолковать на множество ладов, но два из них посчитали наиболее вероятными: контур отрицательной обратной связи и постоянную скорость.

Расшифровщики начали искать соответствующую дирекционную координату для этой двухуровневой метафоры. И вскоре остановились на принце Глубокой Воде. Рост принца в глазах наблюдателя не менялся в зависимости от расстояния. Это явление тоже можно было объяснить по-разному, но два толкования выглядели самыми подходящими: 1) метод передачи информации, при котором мощность сигнала не уменьшается с расстоянием, или 2) физическая

величина, остающаяся постоянной в любой системе координат.

При сопоставлении этой дирекционной координаты с центробежным регулятором сразу выявился подлинный смысл метафоры зонтика: постоянная скорость, не зависящая от системы координат.

Речь, безусловно, шла о скорости света.

Неожиданно расшифровщики наткнулись еще на одну дирекционную координату для метафоры зонтика.

«Из этих пузырей и делают хе'ершингенмосикенское мыло. Но собрать пузыри — задачка не из легких: они летят с огромной скоростью и к тому же почти прозрачны, поэтому их чрезвычайно трудно увидеть. Чтобы их разглядеть, надо двигаться очень быстро — так, чтобы казалось, будто пузыри стоят на месте. Это возможно, только если скакать на самых резвых лошадях особой породы… Всадники садятся на лошадей и несутся вслед за ветром, собирая пузыри сачком из тончайшей марли… У пузырей нет веса, поэтому чистое, настоящее мыло из Хе'ершингенмосикена тоже невесомое. Это самое легкое вещество в мире…»

Нечто самое быстрое, невесомое, то есть не име-

ющее массы, — однозначно имеется в виду свет!

Итак, зонтик указывал на свет; но для ловли пузырей, слетающих с мыльных деревьев, снова выдвинули два разных толкования: либо извлечение энергии из света, либо снижение его скорости.

Большинство экспертов склонялось к мысли, что первая интерпретация не имеет значения для стратегических целей человечества, поэтому внимание сосредоточили на второй.

Хотя интерпретаторы все еще не могли объяснить точно смысл сообщения, они принялись обсуждать вторую гипотезу, сфокусировавшись на связи между понижением скорости света и космическим мирным посланием.

— Предположим, мы сумеем понизить скорость света в Солнечной системе. Другими словами, в пределах пояса Койпера или орбиты Нептуна мы смогли бы создать эффект, видимый с большого, по масштабам космоса, расстояния.

Все загорелись этой идеей.

— Предположим, нам удастся понизить скорость света в пределах Солнечной системы на десять процентов. Наведет ли это космического наблюдателя на мысль, что мы не представляем собой угрозы?

— Несомненно. Если у людей будут корабли, способные двигаться почти со скоростью света, то этим кораблям понадобится больше времени на выход из Солнечной системы. Но это как раз не имеет такого уж большого значения.

— Чтобы и в самом деле показать всем, что мы не представляем угрозы, снижения на десять процентов недостаточно! Надо уменьшить скорость света до десяти, а то и до одного процента от ее первоначальной величины. Вот тогда наблюдатели увидят, что мы окружили себя буферной зоной и нашим кораблям нужно много времени, чтобы выйти за пределы Солнечной системы. Тогда они, возможно, почувствуют себя в большей безопасности.

— Но если рассуждать так, то даже уменьшения скорости света до одной десятой процента от первоначальной недостаточно! Подумайте сами: при скорости триста километров в секунду на выход из Солнечной системы понадобится не так уж много времени. И еще: если люди способны изменить физическую константу в объеме пространства радиусом в пятьдесят астрономических единиц, то это красноречивое свидетельство того, что человечество обладает высочайшей технологией. Вместо мирного послания получится

предупреждение об опасности!

Итак, на основании двухуровневой метафоры зонтика и дирекционных координат принца Глубокой Воды и мыльных деревьев исследователи смогли понять общий смысл сообщения, но конкретной информации так и не выудили. Планарная метафора превратилась из двумерной в трехмерную. Кое-кто начал подумывать, а не зашифрована ли где-то еще одна дирекционная координата. Сказки опять изучили вдоль и поперек. Безрезультатно.

И тут опять случилось неожиданное: была раскрыта тайна названия «Хе'ершингенмосикен».

* * *

Чтобы разобраться с Хе'ершингенмосикеном, Комитет создал группу экспертов-лингвистов. В нее вошел филолог и лингвоисторик Палермо, подвизавшийся в довольно специфичной области. Круг его профессиональных интересов не замыкался на какой-то одной языковой семье; он работал с древними языками, принадлежавшими к разным языковым семьям. Но даже Палермо не удавалось проникнуть в тайну этого странного наименования. А когда удалось, то причиной тому были не его профессиональные знания, а

чистое везение.

Однажды утром к едва продравшему глаза Палермо пристала с расспросами его девушка, белокурая уроженка Скандинавии. Она интересовалась, не бывал ли он у нее на родине.

— В Норвегии? Нет, никогда.

— А почему ты бубнил эти названия во сне?

— Какие еще названия?

— Хельсегген и Москен.

Слова показались Палермо смутно знакомыми. Поскольку его девушка не имела никакого отношения к КРИ, слышать эти названия из ее уст было жутковато.

— Ты имеешь в виду *Хе'ершингенмосикен*?

— Да, только ты их сливаешь вместе и произносишь не совсем как надо.

— Это название одного места, не двух. А звучит не совсем как надо, потому что это китайская транслитерация. Если разбить слоги на произвольные группы, то, наверно, получатся названия многих местностей на разных языках.

— Да, но оба места находятся в Норвегии!

— Случайность, только и всего.

— Знаешь, это старинные названия. Их больше не употребляют, и обычным норвежцам они вряд ли знакомы. А я знаю их потому, что моя

специальность — история Норвегии. Оба места находятся в провинции Нурланн.

— Солнышко, все равно это всего лишь случайное совпадение! Разбей эту цепочку слогов в любом другом месте и…

— Да послушай же! Тебе известно, что Хельсегген — так называется гора, а Москен — это крохотный островок Лофотенского архипелага?

— Нет, вообще-то неизвестно. Понимаешь, существует такой лингвистический феномен, когда слушатель, не знающий языка, почти подсознательно делит серию слогов на случайные группы. Вот и с тобой так же.

Работая на КРИ, Палермо не раз сталкивался с подобным явлением, поэтому не воспринял «открытие» своей девушки всерьез. Но ее следующие слова произвели переворот:

— Не веришь — ладно. Но вот что я тебе еще скажу: Хельсегген расположен на берегу моря. С его вершины можно увидеть Москен — это ближайший к Хельсеггену остров!

* * *

Два дня спустя Чэн Синь стояла на островке Москен и смотрела через пролив на скалистые утесы Хельсеггена. Скалы были черными, море

под затянутым тучами небом тоже казалось черным, лишь у подножия скал виднелась белая полоса прибоя. Еще до поездки сюда Чэн Синь слышала, что, хотя места эти лежат за Северным полярным кругом, благодаря теплым морским течениям климат здесь относительно мягкий. И все равно холодный ветер с моря пронизывал ее до костей.

Крутые, скалистые Лофотенские острова, изрезанные ледниками, стояли 160-километровым барьером между Норвежским морем и глубоким проливом Вестфьорд. Стена архипелага отгораживала Скандинавию от Северного Ледовитого океана. Между островами проходили мощные, стремительные течения. В прошлом здесь жило немного народу, в основном рыбаки-сезонники, но сейчас, когда морепродукты по большей части производились на аквафермах, промысел в открытом море почти прекратился. Острова обезлюдели. Теперь они выглядели, возможно, так же, как во времена викингов.

Москен был всего лишь маленьким островком в архипелаге, а Хельсегген — ныне безымянной горой. Она утеряла былое название в конце Эры

Кризиса[164].

Край света, безотрадная пустыня… И все же Чэн Синь взирала на них с умиротворенностью в душе. Еще совсем недавно она думала, что подошла к последнему рубежу, а сейчас у нее появилось множество причин, чтобы продолжать жить. В свинцовом небе над горизонтом вдруг приоткрылась узкая голубая полоска, и на несколько минут проглянуло солнце. Холодный пейзаж мгновенно преобразился. Чэн Синь вспомнилась фраза из сказки Тяньмина: «…будто художник осыпал свою картину пригоршней золотой пыли». Такой стала теперь ее жизнь: надежда посреди отчаяния, тепло в одеянии холода…

АА тоже приехала сюда. Здесь были также и несколько экспертов из КРИ, в том числе Би Юньфэн, Цао Бинь и лингвист Палермо.

Единственного обитателя Москена звали Джейсон. Старику было за восемьдесят, и происходил он из Общей Эры. Его квадратное лицо, изборожденное морщинами, напомнило Чэн Синь Фрейса. Когда Джейсона спросили, нет ли в окрестностях

---

[164] Примечания: 164

В наши дни Хельсегген называется Хельсегга — это гористая местность (выс. 600 м) на самой южной оконечности острова Москенес, в архипелаге Лофотенских островов. Узкий пролив отделяет его от маленького необитаемого островка Москен. — *Прим. перев.*

Москена и Хельсеггена чего-нибудь примечательного, тот указал на западную оконечность острова.

— Как не быть. Смотрите!

Все увидели белый маяк. Хотя был еще только ранний вечер, наверху башни уже ритмично мигал прожектор.

— А это для чего? — поинтересовалась АА.

— Ха! Ох уж эти детишки… — покачал головой Джейсон. — Это старинное навигационное устройство. В Общую Эру я проектировал маяки и бакены. Собственно говоря, многие маяки работали до самой Эры Кризиса, хотя сейчас их совсем не осталось. Вот я и построил один, чтобы детишки получили представление, что это такое.

Члены КРИ заинтересовались. При виде маяка они вспомнили о центробежном регуляторе для паровых двигателей — еще одном старинном, уже вышедшем из употребления техническом устройстве. Но скоро они поняли, что это не то, за чем они охотятся. Маяк был построен совсем недавно из современных строительных материалов, легких и прочных. Его возвели всего лишь за полмесяца. Джейсон также уверял, что раньше на Москене ничего подобного не существовало. Так что, даже судя просто по хронологии, к тайно-

му посланию Тяньмина маяк не имел никакого отношения.

— А больше здесь в округе ничего примечательного нет? — спросил кто-то.

Джейсон обвел взглядом холодное небо и море и пожал плечами:

— Да что здесь может быть примечательного? Терпеть не могу эту унылую и противную дыру, но в другом месте мне строить не позволили.

Раз так, исследователи решили отправиться на Хельсегген и осмотреться там. Перед самой посадкой в вертолет АА вдруг загорелась идеей пойти к Москену на моторке Джейсона.

— Да пожалуйста, только волны вот разгулялись, детка, — сказал Джейсон. — Смотри, как бы тебя морская болезнь не разбила.

АА кивнула на горы по ту сторону пролива:

— Да ведь туда рукой подать!

Джейсон покачал головой.

— Прямо через пролив идти нельзя. Не сегодня. Придется делать большой круг.

— Почему?

— Из-за водоворота, конечно. Проглотит лодку, и поминай как звали.

Чэн Синь с коллегами переглянулись, а потом все как один уставились на Джейсона. Кто-то

воскликнул:

— А говорили, что в округе нет ничего примечательного!

— Для нас, местных жителей, Москстраумен — штука обыденная. Это часть моря. Он там почти всегда.

— Где там?

— Да вон там! Его сейчас не видно, зато слышно.

Все затихли и действительно услышали глухой рокот — как если бы где-то вдалеке грохотали копытами тысячи лошадей.

Они могли бы отправиться исследовать достопримечательность на вертолете, но Чэн Синь захотела плыть на лодке. Идею одобрили. В моторке Джейсона, единственной на островке, могло безопасно разместиться пять-шесть человек. Чэн Синь, АА, Би Юньфэн, Цао Бинь и Палермо пошли к водовороту морем, остальные сели в вертолет.

Моторка отчалила от Москена и, подпрыгивая, понеслась по волнам. В открытом море холодный ветер задул сильнее, пассажиров беспрерывно обдавало фонтанами соленых брызг. В сгущающихся сумерках темно-серая поверхность моря казалась жуткой и таинственной. Рокот усилился, но громадного водоворота пока еще не было

видно.

— А, вспомнил, вспомнил! — воскликнул Цао Бинь.

Чэн Синь тоже вспомнила. Раньше она думала, что Тяньмин узнал через софоны что-то новое об этом месте, но в действительности ответ был куда проще.

— Эдгар Аллан По, — проговорила она.

— Что? Кто? — удивилась АА.

— Писатель XIX века.

— Точно, — кивнул Джейсон. — Эдгар По написал рассказ о Москене — «Низвержение в Мальстрём». Я читал его в молодости. Слишком много преувеличений. Помнится, он писал, что, мол, стены воронки образуют угол в сорок пять градусов. Чепуха.

Художественная литература исчезла больше ста лет назад. То есть «литература» и «писатели» продолжали существовать, но повествование теперь не писали, а монтировали как набор цифровых образов. Классические романы и рассказы считались нынче старинными диковинками. Во времена Великой пади были утеряны произведения многих прежних авторов, в том числе и Эдгара По.

Рев становился все громче.

— А где он, водоворот? — спросил кто-то.

— Он ниже поверхности воды. — Джейсон указал пальцем: — Видите вон тот бурун? Чтобы увидеть Москстраумен, нужно перевалить через него.

Пассажиры рассмотрели полосу вздымающихся валов с пенными верхушками — широкой дугой та уходила куда-то вдаль.

— Так давайте перевалим! — попросил Би Юньфэн.

Джейсон сердито уставился на него.

— Это граница между жизнью и смертью! Перейдешь — назад не вернешься.

— Сколько времени лодка будет кружиться, прежде чем ее затянет под воду?

— Минут сорок, может, час.

— Тогда все в порядке. Вертолет вовремя вытащит нас оттуда.

— Но моя лодка!..

— Мы оплатим ее стоимость.

— Да ваша посудина дешевле куска мыла! — фыркнула АА. Джейсон не понял, о чем это она.

Моторка направилась к пенной полосе и перевалила через нее. Суденышко опасно кренилось с борта на борт, но потом качка успокоилась. Казалось, будто невидимая сила подхватила лодку,

и она заскользила в том же направлении, что и волны, словно по рельсам.

— Нас захватило! — воскликнул Джейсон. — О боже, я впервые подобрался так близко!

Теперь сидящие в лодке увидели Москстраумен под собой, словно с вершины горы. Чудовищная воронка имела километр в диаметре. Стенки ее и в самом деле наклонялись не так круто, как описывал По, и все же угол составлял около тридцати градусов. Поверхность казалась гладкой, словно отлитой из стекла. Поскольку моторка находилась у верхнего края, скорость была пока что невелика. Но чем ближе лодка подходила к центру, тем быстрее шло вращение. У маленького отверстия в середине воронки скорость воды достигала максимума. Именно оттуда и исходил рев, от которого в телах исследователей вибрировали все косточки. Он свидетельствовал о безумной, неудержимой силе, способной все на свете всосать в себя, перемолоть в порошок и выбросить за грань бытия.

— А спорим, что сможем вырваться! — азартно воскликнула АА и крикнула Джейсону: — Врубите мотор на полную силу и правьте прямо!

Джейсон повиновался. Моторка ходила на электричестве, негромкое жужжание двигателя

на фоне рева водоворота казалось комариным писком. Лодка приблизилась к пенному буруну на краю воронки. Казалось, еще чуть-чуть — и она перевалит за него, но мощности не хватило. Суденышко остановилось, а затем его развернуло и потянуло обратно — так замирает в верхней точке и падает вниз подброшенный в воздух камешек. Джейсон предпринял несколько попыток, но каждый раз моторка соскальзывала еще ниже в водоворот.

— Ну я же говорил — это врата ада! — сказал Джейсон. — Ни одно обычное судно отсюда не выберется!

К этому времени лодка кружилась так далеко внизу, что пенный край пропал из виду. Позади исследователей горой вздымалась вода, и все, что они видели, — это медленно движущаяся вершина Хельсеггена с другой стороны водоворота. Каждого пробрал ужас: они находились в плену силы, с которой бесполезно бороться. Только зависший над головой вертолет придавал им толику отваги.

— Давайте-ка поужинаем, — предложил Джейсон.

Стояло арктическое лето, и солнце, скрывающееся за облаками, еще не опустилось к горизонту,

но время было уже позднее: больше девяти вечера. Хозяин лодки достал из холодильника огромную свежепойманную треску. Затем на свет явились три бутылки крепкого вина. Положив рыбину на большой стальной противень, Джейсон вылил на нее содержимое одной бутылки, чиркнул зажигалкой и поджег, пояснив, что таков местный способ приготовления. Минут через пять он начал отщипывать кусочки от еще горящей рыбины и класть их в рот. Остальные последовали его примеру и тоже отдали должное рыбе и вину, не переставая восхищаться величественной и грозной красотой водного вихря.

— Детка, а я тебя узнал, — обратился Джейсон к Чэн Синь. — Ты была Держателем Меча. Наверняка ты и твои коллеги явились сюда по какому-то важному делу. Да ты не переживай. Все равно апокалипсиса не избежать, так что наслаждайся моментом!

— Сомневаюсь, что вы наслаждались бы моментом, если бы не вертолет над головой, — съязвила АА.

— Ха, детка, еще как наслаждался бы! Точно тебе говорю. Когда мне было сорок, еще в Общую Эру, я узнал, что смертельно болен. Но не испугался, даже не собирался ложиться в анабиоз.

И только после того как я впал в кому, доктора сунули меня в гибернатор. А когда проснулся, уже наступила Эра Устрашения. Думал, ну вот, теперь у меня начнется новая жизнь, а оказалось, что это только иллюзия. Смерть лишь залегла в засаде где-то впереди на дороге… В тот вечер, когда я закончил строить этот маяк, я сел в лодку и отплыл в море, чтобы полюбоваться им издалека. И тут вдруг ко мне пришла мысль: Смерть — это единственный маяк, который горит всегда. Неважно, куда ты плывешь, в конце концов повернешь к нему. Все в мире проходит, и лишь Смерть живет вечно.

Их крутило в водовороте уже двадцать минут, и лодка спустилась примерно на треть пути до центра. Она значительно накренилась, но центробежная сила не давала пассажирам соскользнуть к левому борту. Все поле их зрения теперь занимал склон водяной горы, и они больше не могли видеть вершину Хельсеггена, даже находясь на противоположной стороне воронки. Все избегали поднимать взгляд к небу, потому что лодка, словно приклеенная, кружилась синхронно со стеной водоворота, и поэтому движение почти не ощущалось. Но стоило только задрать голову — и картина менялась. Затянутое тучами

небо вращалось все быстрее и быстрее, вызывая у исследователей головокружение. Центробежная сила, возрастающая ближе к зеву воронки, разглаживала водную стену еще больше. Возникало впечатление, будто она твердая, как лед. Рев, доносившийся из ока водоворота, заглушал теперь все другие звуки, и разговаривать стало невозможно. Солнце на западе пробилось сквозь облачный покров и бросило в водоворот свой золотой луч. Свет, однако, не мог достичь дна воронки и озарил лишь маленький участок водяной стены, отчего зев водоворота показался еще более мрачным и угрожающим. В поднимающемся из него тумане мельчайших брызг заиграла радуга. Многоцветная арка величественно встала над вращающейся бездной.

— Помнится, Эдгар По тоже описал радугу над Мальстрёмом. Причем, кажется, даже в лунном свете. Он назвал ее «мостом между Временем и Вечностью». — Джейсон кричал во всю глотку, но никто не мог разобрать его слов.

Вертолет начал эвакуацию. Кружа в двух-трех метрах над лодкой, он спустил вниз веревочную лестницу, по которой все выбрались наверх. Пустая моторка продолжала вертеться в чудовищной воронке. Над недоеденной треской все

еще плясали язычки синего пламени.

Вертолет завис над самым оком водоворота. Глядя вниз, пассажиры ощущали головокружение и тошноту. Кто-то из экипажа ввел в навигационную систему команду летать по кругу синхронно с водой внизу. Водоворот при этом как бы застыл, зато весь остальной мир — небо, море и горы — завертелся. Гигантский водяной вихрь теперь стал казаться центром мира. Тошнота у наблюдателей не уменьшилась ни на йоту. АА извергла обратно всю съеденную рыбу.

Пока Чэн Синь смотрела на закручивающуюся спираль, перед ее мысленным взором возникла другая, образованная сотнями миллиардов звезд, вращающихся в океане Вселенной. На один оборот спирали уходило 250 миллионов лет. Млечный Путь. Земля в этом вихре была всего лишь крохотной пылинкой — нет, даже еще меньше, а Москстраумен был едва заметной ямкой на поверхности этой пылинки.

Прошло еще полчаса, и моторка Джейсона, затянутая в око водоворота, пропала из виду. Громоподобный рев не стал сильнее, но людям все равно казалось, что они различили в нем треск перемалывающейся лодки.

Вертолет высадил Джейсона на Москене. Чэн

Синь пообещала как можно скорее обеспечить его новой лодкой. После этого они распрощались, и вертолет направился в Осло — ближайший город с софонозащитной камерой.

Пока они летели, каждый сидел, погрузившись в раздумья. Никто не переговаривался даже глазами.

Смысл Москстраумена был настолько ясен, что тут и думать не над чем.

Но оставался вопрос: какое отношение имеет снижение скорости света к черным дырам? Какое отношение имеют черные дыры к мирному космическому посланию?

Черная дыра не могла изменить скорость света; она могла лишь изменить длину его волны.

Замедление скорости света в вакууме до одной десятой, одной сотой или даже одной тысячной от его естественной скорости будет означать тридцать тысяч километров в секунду, три тысячи километров в секунду и триста километров в секунду соответственно. И что? При чем тут черные дыры?

Сломать шаблон мышления — задача весьма сложная. Но не для людей в вертолете, лучших умов человечества. Особенно хорош по части нетрадиционных идей был Цао Бинь, физик,

перескочивший через три столетия. Ему было известно кое-что еще: во времена Общей Эры группа исследователей провела успешный лабораторный эксперимент, снизив скорость света в промежуточной среде до семнадцати метров в секунду, — это медленнее, чем езда на велосипеде[165]. Конечно, это не то, что замедлить скорость света в вакууме, но, по крайней мере, дальнейший ход мыслей Цао уже не казался полным бредом.

А что, если замедлить скорость света в вакууме до тридцати километров в секунду? Это будет иметь какое-то отношение к черным дырам? Да вроде бы нет, все то же, что и… Постой-ка!

— Шестнадцать и семь десятых! — выкрикнул Цао Бинь. В его зрачках вспыхнул такой огонь, что у остальных тоже загорелись глаза.

Третья космическая скорость в Солнечной системе составляет 16,7 километра в секунду. Никакой летательный аппарат не может покинуть Солнечную систему, не преодолев этот порог.

То же самое и в отношении света.

Если сделать скорость света в вакууме ниже 16,7 километра в секунду, он не сможет преодо-

---

[165] Примечания: 165

Имеется в виду эксперимент гарвардских физиков под руководством Лене Вестергаард Хау в 1999 году. — *Прим. перев.*

леть притяжение Солнца, и Солнечная система превратится в черную дыру. Таково неизбежное следствие формирования сферы Шварцшильда вокруг любого объекта, в том числе и Солнечной системы. Уточнение: если сферу Шварцшильда расширить, необходимый порог скорости света станет еще ниже.

Двигаться со скоростью выше скорости света нельзя, а это значит, что если свет не сможет выйти за горизонт событий Солнечной системы, то и ничто другое не сможет. Солнечная система будет герметически запечатана и отделена от остального космоса.

И станет абсолютно безопасной для других жителей Вселенной.

Каким образом сторонний наблюдатель сможет установить, что черная дыра на месте Солнечной системы сформирована понижением скорости света? Существуют две возможности: для наблюдателей с невысоким уровнем технологии Солнечная система попросту исчезнет; технологически развитые наблюдатели, способные обнаружить черную дыру, должны сразу понять, что отсюда им не грозит никакая опасность.

Космическая мирная весть должна быть такой, чтобы кто угодно, взглянув на далекое

солнце — еле различимую точку, — с уверенностью сказал: «О, это безопасная звезда, угрозы для нас не представляет».

Это и было мирное послание. Невозможное все же оказалось возможным!

Море Обжор отгородило Бессказочное королевство от остального мира. Эта добавочная дирекционная координата была лишней — исследователи уже обо всем догадались.

Позже люди назовут черную дыру, образованную за счет снижения скорости света, «черным доменом». По сравнению с черными дырами, скорость света в которых оставалась неизменной, черный домен имел гораздо больший гравитационный радиус. Его внутренняя область представляла собой не пространственно-временную сингулярность, а довольно обширный регион.

Вертолет летел над облаками. Было уже одиннадцать часов вечера, и солнце медленно садилось; над горизонтом виднелся лишь небольшой его сегмент. В золотистом сиянии полуночного солнца каждый пытался вообразить себе жизнь в мире, где свет двигался бы со скоростью чуть меньше 16,7 километра в секунду. Как же медленно будут ползти в этом мире лучи от такого

заката...[166]

* * *

Итак, почти все фрагменты головоломки Юнь Тяньмина легли на свои места. Оставался один: живопись Остроглаза. Исследователи не могли ни разгадать двухуровневую метафору, ни найти какие-либо дирекционные координаты. Одни толкователи предполагали, что картины — это добавочная дирекционная координата Москстраумена, символизирующая горизонт событий черного домена. Они исходили из того, что для стороннего наблюдателя все, что войдет в черный домен, навсегда отпечатается на горизонте событий[167], подобно изображению на полотне. Однако большинство экспертов не соглашались с такой интерпретацией. Смысл Москстраумена был кристально ясен, к тому же Тяньмин дал для него дирекционную координату — море Обжор.

---

[166] Примечания: 166

Вот забавный комментарий об эффектах подобного замедления скорости света: https://www.youtube.com/watch?v=HfGggYHEpwk — *Прим. перев.*

[167] Примечания: 167

До 1970-х годов считалось, что вся информация черной дыры закодирована в ее поверхности (бесконечно тонкой сфере). Но в 1974 году Стивен Хокинг показал, что это не так. Возник физический парадокс, и ученые до сих пор не знают, как его разрешить. — *Прим. перев.*

Еще одна ни к чему.

Эту последнюю загадку разгадать не удалось. Словно утерянные руки Венеры Милосской, картины Остроглаза остались тайной. Однако судя по тому, с какой утонченной жестокостью и исключительным бессердечием эта деталь, послужившая основанием сюжета для всех трех сказок, живописала красоту гибели, в ней, по всей вероятности, содержался намек на величайшую мистерию жизни и смерти.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

ТРИ СПОСОБА ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

I. Проект космических убежищ

Этот план сулил наибольший успех, потому что полностью основывался на уже имеющихся науке и технологиях и не брал в расчет никаких пока еще не разгаданных тайн природы. В каком-то смысле проект космических убежищ можно рассматривать как естественное продолжение развития земной цивилизации. Даже если бы не существовало угрозы «темного леса», для человечества пришло время освоения всей Солнечной системы. Проект лишь сделал усилия более кон-

кретными и четче определил цели.

План полностью принадлежал землянам, он никак не был связан с посланием Юнь Тяньмина.

II. Проект черного домена

Сутью этого плана была космическая весть о мирном характере земной цивилизации. Достичь цели следовало путем превращения Солнечной системы в черную дыру с пониженной скоростью света. Из всех проектов данный был наиболее сложным технически. Требовалось изменить физическую константу в регионе пространства радиусом 50 а. е., то есть 7,5 миллиарда километров. В народе план назвали «Инженерным проектом Господа Бога». Для него требовалось совершить множество научных открытий.

Однако если бы план черного домена удалось претворить в жизнь, земная цивилизация получила бы самую надежную защиту из всех возможных. Уже не говоря о космическом мирном послании, черный домен сам по себе служил бы высокоэффективным оборонительным заслоном. Любой боевой снаряд извне, такой, например, как фотоид, для обретения необходимой разрушительной силы должен двигаться чрезвычайно быстро. Следовательно, он войдет в черный

домен со скоростью, намного превышающей скорость света, искусственно установленную внутри. Согласно теории относительности, как только такой объект пересечет горизонт событий, он должен продолжать движение с [новой, более низкой] скоростью света, и его избыточная кинетическая энергия перейдет в массу. Передняя часть объекта, войдя в черный домен, внезапно замедлится и наберет значительную массу. Остальная часть объекта, двигаясь с прежней скоростью, столкнется с массивной передней частью. В результате снаряд разрушится. Расчеты показали, что даже аппараты, изготовленные из материала с сильным ядерным взаимодействием, например, «капли», на границе черного домена разлетятся в пыль. Вот почему в народе черный домен прозвали также «космическим сейфом».

Черный домен обладал еще одним преимуществом. Из всех трех альтернатив только этот план давал людям возможность жить на Земле в привычной обстановке, а не уходить в изгнание неведомо куда.

Но человеческой цивилизации придется дорого заплатить за удобство. Солнечная система полностью отгородится от остального космоса. Это значит, что известная человечеству Вселенная

сожмется с 16 миллиардов световых лет[168] до ста астрономических единиц. Больше того, неизвестно, какова будет жизнь в такой вселенной. Скорость операций электронных и квантовых компьютеров снизится настолько, что они не смогут функционировать, поэтому человечеству придется вернуться к низкотехнологичному обществу. Это будет блок покрепче, чем тот, что установили софоны. Итак, проект черного домена стал бы не только мирным посланием, но и формой технологического самоувечья. Человечество никогда не смогло бы вырваться из этой ловушки.

III. Полет со скоростью света

Хотя теоретические принципы двигателя, искривляющего пространство, оставались неизвестными, этот план явно было легче воплотить в жизнь, чем черный домен.

Однако полет со скоростью света не обеспечивал безопасности земной цивилизации в целом. Он годился только для побега к звездам. Из всех трех планов этот содержал в себе наибольшее число неизвестных. Даже если бы он удался, тех

---

[168] Примечания: 168

По другим данным, Вселенная насчитывает в поперечнике 45,7 миллиарда световых лет (или 14,6 гигапарсек). См., напр.: http://spacegid.com/razmer-vselennoy.html. — *Прим. перев.*

представителей человечества, которые ушли бы в безграничные просторы космоса, поджидали непредсказуемые трудности. К тому же сама опасная идея эскапизма означала, что план столкнется с бесчисленным множеством политических препон.

И все же нашлись люди, одержимые идеей полета со скоростью света и видевшие в ней не только способ выживания.

Для человечества Эры Космической Передачи единственным толковым решением проблемы было претворить в жизнь все три плана одновременно.

Эра Космической Передачи, год 8-й
Судьбоносный выбор

Чэн Синь прибыла в штаб-квартиру корпорации «Гало».

Это случилось впервые в ее жизни. До сих пор она не принимала участия в деятельности концерна, потому что не считала свое колоссальное состояние принадлежащим лично ей или Тяньмину. Да, звезда была их собственностью, однако богатством, которое она принесла, имеет право распоряжаться все общество.

Но теперь, возможно, концерн «Гало» поможет воплотить в реальность ее мечту.

Штаб-квартира занимала целое гигантское дерево. Что интересно, все «листья» на дереве были прозрачными. Более того, показатель преломления строительного материала приближался к показателю преломления воздуха, и поэтому внутренние помещения были как на ладони. Снаружи можно было наблюдать, как ходят туда-сюда служащие, как передвигаются бесчисленные информационные окна. Висячие здания напоминали прозрачные муравьиные фермы со снующими внутри разноцветными муравьями.

В просторном конференц-зале на вершине дерева Чэн Синь встретилась почти со всеми высшими руководителями корпорации — людьми молодыми, умными и жизнерадостными. Многие из них раньше не были знакомы с Чэн Синь и не скрывали своего восхищения и преклонения.

После совещания, оставшись вдвоем в большом пустом зале, Чэн Синь и АА завели разговор о будущем компании. Послание Тяньмина и его расшифровка продолжали оставаться тайной для широкой публики. Чтобы не подвергнуть жизнь Тяньмина опасности, Конгресс Флотов и ООН решили знакомить общество с этими све-

дениями постепенно, небольшими порциями, выдавая их за плоды исследований земных ученых. В информацию намеренно подмешивают некоторое количество ошибок — для пущего правдоподобия.

Чэн Синь освоилась с прозрачными полами и страха перед высотой почти не ощущала. По конференц-залу плавало несколько широких инфоокон, передававших прямые репортажи с объектов, строящихся концерном «Гало» в околоземном пространстве, — одним из них был тот самый громадный крест на геосинхронной орбите. После кратковременного явления Тяньмина надежда людей на чудо постепенно угасла, а с началом строительства космоградов поутих и религиозный пыл. Церковь остановила финансирование, и строительство сверхгигантского креста заморозили. Сейчас он был в процессе демонтажа; так что от сооружения осталась только огромная римская единица — что ни говори, символ более чем выразительный.

— Не нравится мне этот «черный домен», — заявила АА. — Уж лучше назвали бы «черная могила»! Потому что это и есть могила, которую мы выкопаем себе сами.

Чэн Синь сквозь прозрачный пол разглядывала

город внизу.

— Я смотрю на это иначе. В ту эру, из которой я родом, Земля была полностью отгорожена от Вселенной. Все люди жили на поверхности и весьма редко поднимали глаза к звездам. Человечество жило так тысячелетиями, и я не сказала бы, что это была плохая жизнь. Даже в наши дни Солнечная система в общем-то отделена от остальной Вселенной. Ведь единственная группа людей, которая сейчас находится где-то в дальнем космосе, — это всего около тысячи человек на двух кораблях.

— Но у меня такое чувство, что если мы отгородимся от звезд, то мечты умрут…

— Вовсе нет. В старые времена существовали и счастье, и радость, и люди мечтали не меньше, чем мы. К тому же, даже живя внутри черного домена, мы сможем видеть звезды. Вот только… кто знает, как они будут выглядеть… Лично мне затея с черным доменом тоже не нравится.

— Кто бы сомневался.

— Мне больше по душе корабли, летящие со скоростью света.

— Нам всем они по душе. Вот что: пусть их постройкой займется наша фирма!

— А я-то боялась, что ты не согласишься! —

воскликнула Чэн Синь. — Ведь это потребует громадных инвестиций в фундаментальные исследования.

— Ты видишь во мне только акулу бизнеса, да? Ну, собственно, так оно и есть. И все члены совета директоров точно такие же. Наш девиз — максимальная прибыль. Но он не противоречит идее кораблей, способных летать со скоростью света. Политический расклад такой: правительство направит бо!льшую часть ресурсов на проекты космических убежищ и черного домена, а субсветовые корабли оставят частным предпринимателям… Мы должны вложить средства и усилия в строительство космоградов, а потом часть полученной прибыли отдать на исследования по пространственному двигателю.

— Я вот что думаю, АА: и этот двигатель, и черный домен, по всей вероятности, основываются на одних и тех же фундаментальных принципах. Подождем, пока правительство и Всемирная академия наук проведут все необходимые исследования, а потом мы возьмем их результаты и построим двигатель, искривляющий пространство.

— Отлично! А еще концерну «Гало» хорошо бы учредить собственную Академию наук и набрать

в нее ученых. Многие из них мечтают о полете со скоростью света, но ни национальные, ни международные научные программы не предоставляют такой возможности…

АА остановилась на полуслове, потому что внезапно вспыхнуло множество новых инфоокон. Их разноцветная лавина обрушилась со всех сторон и похоронила под собой немногие прежние окна, показывавшие различные проекты концерна «Гало». Обычно такой «информационный прилив» служил признаком какого-то чрезвычайного происшествия, но зачастую он настолько ошеломлял зрителей, что те не в силах были ничего понять. Именно это и произошло с Чэн Синь и АА. По большинству окон бежал сложный текст с динамическими диаграммами, что только запутывало восприятие. С ходу можно было понять лишь обычные видеоканалы. На одном из них Чэн Синь различила несколько поднятых вверх лиц, затем изображение увеличилось, и все окно заполнила пара перепуганных глаз. Все это сопровождалось какофонией криков.

Тут вперед выплыло новое окно — с секретаршей АА. В глазах женщины светились ужас и потрясение.

— Тревога! Нас атаковали! — воскликнула она.

— А если точнее? — потребовала АА.

— Они ввели в строй первый наблюдательный пункт космической системы раннего предупреждения, и тот сразу же обнаружил фотоид!

— В каком направлении? Насколько далеко?

— Не знаю. Я ничего не знаю! Все, что мне известно…

— О нападении сообщили официально? — хладнокровно спросила Чэн Синь.

— Кажется, нет. Но это транслируют по всем каналам. Уверена, это правда! Надо бежать в космопорт и попытаться спастись!

Окно закрылось.

Чэнь Синь и АА двинулись сквозь тесное скопление инфоокон к прозрачной стене конференц-зала. Внизу, в городе, поднималась волна паники. Воздух заполнился мириадами летающих автомобилей, и каждый стремился на полной скорости протолкаться сквозь пробку, что еще больше усиливало хаос. Один из автомобилей врезался в дерево-небоскреб и превратился в огненный шар. Вскоре огонь вспыхнул в двух других местах города, поднялись клубы дыма…

АА выбрала несколько инфоокон и внимательно следила за происходящим. Чэн Синь в это время пыталась дозвониться до кого-нибудь из

КРИ. Почти все телефоны там были заняты, так что ей удалось поговорить только с двумя членами Комитета. Один, подобно Чэн Синь и АА, ничего не знал. Другой, служащий Совета обороны планеты, подтвердил, что наблюдательный пункт № 1 космической системы раннего предупреждения обнаружил какую-то значительную аномалию, но подробностей чиновник из СОП не знал. Он подтвердил также, что Конгресс Флотов и ООН не объявили об атаке «темного леса» официально, но настроен чиновник был пессимистически.

— Есть два варианта, почему они не объявили тревогу. Первый: ничего не случилось. Второй: фотоид так близко, что объявляй — не объявляй, все бесполезно.

АА удалось выудить из инфоокон только одну конкретную деталь: фотоид движется в плоскости эклиптики. Сообщения о его траектории и расстоянии до Солнца противоречили друг другу; прогнозы о том, когда он ударит в Солнце, тоже значительно различались: одни утверждали, что у мира есть еще месяц, другие — что только несколько часов.

— Пора бежать на «Ореол», — заключила АА.

— А успеем?

«Ореол» — так назывался космический корабль, собственность концерна «Гало». В этот самый момент он был пристыкован к базе компании на геосинхронной орбите. Если тревога настоящая, то их единственная надежда — лететь к Юпитеру и спрятаться за газовым гигантом до того, как фотоид нанесет удар. Юпитер находился в противостоянии, то есть сейчас он ближе всего к Земле. Значит, «Ореолу» потребуется двадцать пять — тридцать дней, чтобы долететь туда, что едва умещалось во временные рамки самого оптимистичного прогноза. Впрочем, правдоподобность этого прогноза выглядела весьма сомнительной: система раннего предупреждения еще только строилась и дать столь заблаговременное оповещение не могла.

— Надо что-то делать, а не торчать здесь и ждать смерти! — выпалила АА и потащила Чэн Синь из зала. На парковке у верхушки дерева подруги уселись в летающий автомобиль, но тут АА, похоже, о чем-то вспомнила и выскочила из машины. Через несколько минут она вернулась, держа в руках нечто, напоминающее скрипичный футляр. АА открыла его, вынула какой-то предмет и пошла с ним к автомобилю, отбросив футляр в сторону.

Чэн Синь всмотрелась и узнала: в руках подруга держала винтовку, стреляющую лазерными импульсами вместо пуль.

— Зачем это? — осведомилась Чэн Синь.

— В космопорте наверняка народу — не протолкнешься. Кто знает, что там может стрястись. — АА бросила винтовку на заднее сиденье и рванула автомобиль с места.

В каждом городе имелся космопорт, обслуживающий маленькие космические корабли, — что-то вроде аэропорта в старину.

Автомобиль влился в мощный поток воздушного движения. Все бесчисленные, как саранча, машины неслись к космопорту. По земле бежали струящиеся тени, словно кровь в артериях города.

Впереди в небо поднималось около десятка белых полос — следов, оставленных космическими кораблями. Они взлетали прямо вверх, затем поворачивали на восток и растворялись в вышине. За ними беспрерывно взмывали с земли новые белые столбы; на вершине каждого полыхал огненный шар ярче солнца — факел термоядерных двигателей.

Инфоокно в автомобиле передавало прямой репортаж с околоземной орбиты. Белые полосы

то и дело возникали на светло-коричневом фоне материка и тянулись вверх. Они становились все многочисленнее, все гуще, как будто Земля начала обрастать седой шевелюрой. Огненные шары на концах белых полос походили на рой улетающих в небо светлячков. На глазах Чэн Синь происходило величайшее в истории массовое бегство землян в космос.

Их машина зависла над космопортом. Внизу возвышалось около сотни кораблей, и еще больше выдвигалось из огромного ангара неподалеку. Космопланы давно уже вышли из употребления; современные челноки взлетали вертикально. В отличие от странных летательных аппаратов, которые Чэн Синь видела на станции при терминале космического лифта, эти корабли были обтекаемой формы, с тремя или четырьмя хвостовыми плавниками-стабилизаторами. Сейчас они стояли на летном поле космопорта безо всякого порядка, будто металлический лес.

АА заранее позвонила в ангар с просьбой отбуксировать один из челноков концерна «Гало» на летное поле. Она с ходу распознала нужный корабль и приземлилась поблизости.

Чэн Синь окинула взглядом стоящие вокруг челноки. Все были разного размера. Те, что по-

меньше, зачастую насчитывали всего несколько метров в высоту, напоминая орудийные снаряды-переростки. Не укладывалось в голове, что эти малютки способны преодолеть земное тяготение. Корабли побольше иногда достигали размера старинного авиалайнера. Челнок концерна «Гало» высотой метров десять, покрытый отражающим слоем металла, придающим ему сходство с трисолярианскими «каплями», принадлежал к среднему классу. Суденышко стояло на колесном шасси, позволявшем быстро и легко передвинуть его на стартовую площадку. Этот корабль и доставит подруг на орбиту, к «Ореолу».

С пусковой зоны донесся грохот, до удивления напоминавший рев Москстраумена. Земля задрожала. Ноги у Чэн Синь стали как ватные. Пусковая зона озарилась ярким светом, и ввысь, опираясь на огненный шар, пошел очередной челнок. Вытянулся еще один дымный столб. Огромные клубы белого тумана накатили на подруг, неся с собой непривычный запах гари. Туман исходил не из двигателя взлетевшего челнока — это вскипала вода охладительного бассейна под стартовой площадкой. По мере того как пусковую зону и корабли все плотнее и плотнее заволакивало горячим, удушливым паром, людьми вокруг

овладевали все большее возбуждение и страх.

АА и Чэн Синь взбежали по узкому трапу к люку челнока. Туман немного рассеялся, и Чэн Синь увидела неподалеку группу детей в школьной форме. На вид им было меньше десяти лет — видимо, ученики начальной школы. Рядом с ними растерянно озиралась по сторонам молодая учительница. Ее длинные волосы трепал ветер.

— У нас есть немного времени? — спросила Чэн Синь.

АА взглянула на детей и поняла, о чем думает подруга.

— Хорошо. Иди. Нам все равно еще ждать своей очереди на стартовой площадке. Еще не скоро.

В принципе, челнок мог стартовать с любого ровного места. Однако чтобы избежать разрушительного воздействия нагретой до сверхвысоких температур плазмы, вырабатываемой двигателями, челноки взлетали со стартовых площадок, оборудованных охладительными бассейнами и каналами для безопасного отвода раскаленных газов.

Учительница заметила идущую к ним Чэн Синь, подбежала и схватила за руку.

— Это ваш челнок, правда? Пожалуйста, пожалуйста, спасите детей! — Лицо ее было мокро от

слез и пара, пряди волос прилипли ко лбу. Учительница смотрела на Чэн Синь так, будто хотела удержать ее на месте силой своего взгляда. Дети сгрудились вокруг, в их глазах светилась надежда. — Они собирались в космический лагерь и как раз должны были лететь на орбиту. А тут тревога, и нас все гонят, а наши места отдали другим!

— Где ваш корабль? — спросила подошедшая АА.

— Улетел! Пожалуйста, пожалуйста!

— Заберем их, — сказала Чэн Синь подруге.

АА несколько мгновений смотрела на нее молча. «На Земле миллиарды людей. Неужели ты думаешь, что можешь спасти всех?»

Но Чэн Синь ответила таким же упрямым взглядом.

АА покачала головой:

— Мы можем взять только троих.

— Но челнок рассчитан на восемнадцать человек!

— Дело не в челноке, а в «Ореоле». Если лететь с максимальным ускорением, «Ореол» может вместить всего пятерых — на нем только пять капсул глубокого погружения. Все, кто не в капсуле, превратятся в мясной фарш!

Этот ответ удивил Чэн Синь. Капсулами для

состояния погружения оборудовали только звездолеты. А она всегда думала, что «Ореол» — межпланетный корабль, не способный к полету за пределы Солнечной системы.

— Пусть так! Заберите хотя бы троих! — Учительница, страшась потерять этот единственный шанс, бросила Чэн Синь и вцепилась в АА.

— Тогда выберите их, — сказала та.

Учительница отпустила АА и уставилась на нее с еще бо!льшим ужасом, чем прежде на Чэн Синь.

— Как это — выбрать?.. Как я могу... — Она беспомощно отвернулась, не смея встретиться взглядом с детьми. Судя по ее виду, девушка испытывала страшные мучения, словно глаза детей прожигали ее насквозь.

— Ладно. Тогда *я* выберу, — промолвила АА. Она с улыбкой обратилась к детям: — Слушайте внимательно. Я задам вам три вопроса. Кто первым даст правильный ответ, отправится с нами. — АА подняла палец, игнорируя ошеломленные взгляды Чэн Синь и учительницы. — Первый. У нас есть неисправный фонарик. Через минуту он мигнет. Еще через полминуты он мигнет снова. В третий раз он мигнет через пятнадцать секунд. И так далее — он будет мигать с интервалом вдвое

короче предыдущего. Я хочу знать, сколько раз мигнет фонарик по истечении двух минут.

— Сто! — выпалил кто-то.

АА качнула головой:

— Неверно.

— Тысячу!

— Нет. Подумайте как следует.

После долгого молчания прозвучал робкий голосок. Говорила застенчивая маленькая девочка, и ее трудно было расслышать за грохотом космодрома.

— Бесконечное число раз.

— Иди сюда, — махнула ей АА. Когда та подошла, АА поставила ее позади себя. — Второй вопрос. У нас есть веревка, толщина которой неодинакова. На то, чтобы она сгорела от одного конца до другого, требуется час. Как, используя эту веревку, отмерить пятнадцать минут? Помните — толщина у веревки разная!

На этот раз дети не торопились отвечать — они глубоко задумались. Вскоре поднял руку мальчик:

— Надо сложить веревку пополам и поджечь ее одновременно с двух концов.

АА кивнула:

— Иди сюда, — и поставила мальчика позади

себя рядом с первой девочкой. — Третий вопрос: восемьдесят два, пятьдесят, двадцать шесть. Какое следующее число?

— Десять! — выкрикнула какая-то девочка.

АА подняла вверх большой палец.

— Молодец! Иди сюда. — Она кивнула Чэн Синь и, забрав троих детей, направилась к челноку.

Чэн Синь проводила их до корабля. У трапа она оглянулась. Оставшиеся дети и учительница смотрели на нее как на солнце, которое больше никогда не взойдет. Слезы выступили на глазах Чэн Синь и заволокли эту сцену туманом. Поднимаясь по ступенькам, она ощущала на себе их полные отчаяния взгляды, и словно десять тысяч стрел пронзили ее сердце. Знакомое чувство. То же самое она чувствовала в последние мгновения своей короткой карьеры Держателя Меча, а позже в Австралии, когда Томоко провозгласила план уничтожения человеческой расы. Это мучение было хуже смерти.

Кабина челнока была просторной, восемнадцать кресел располагались в ней двумя рядами. Поскольку салон вытянулся вертикально, словно колодец, каждому пришлось взбираться к своему сиденью по лесенке с перекладинами. У Чэн Синь возникло то же впечатление, что и в сферической

шлюпке, в которой она летела на свидание с Тяньмином: корабль показался ей пустой скорлупой без двигателя или систем контроля. Вспомнились ракеты на химическом топливе времен Общей Эры, высоченные, как небоскребы, а полезного груза — лишь крохотный отсек у самого носа…

Панели управления отсутствовали; в воздухе плавало только несколько информационных окон. Искусственный интеллект челнока распознал АА. Как только та вошла в кабину, окна собрались вокруг нее и плавали следом, пока она перебиралась от кресла к креслу, затягивая ремни безопасности на детях и Чэн Синь.

— И не смотри на меня так! — прошипела ей АА. — Я дала им шанс. Чтобы выжить, надо бороться!

— Тетя, а они там, на поверхности, умрут? — спросил мальчик.

— Мы все умрем. Вопрос только когда. — АА уселась рядом с Чэн Синь. Не пристегиваясь, она продолжала всматриваться в инфоокна. — Черт. Мы тридцатые в очереди на старт.

Космопорт был оснащен восемью стартовыми площадками. После каждого пуска платформе требовалось десять минут на остывание и смену воды в бассейне охлаждения.

Ожидание, в общем-то, не было для них вопросом жизни или смерти. Полет на Юпитер займет месяц. Если удар «темного леса» последует раньше, то какая разница, где они — на Земле или в космосе. Вот только возникла новая проблема: чем дольше они ждали, тем больше возрастала вероятность, что они не взлетят вообще.

Человечество провалилось в глубины ада. Движимые инстинктом самосохранения, жители города — более десяти миллионов человек — кинулись к космопорту. Челноки, подобно пассажирским самолетам былого, за короткий промежуток времени могли забрать только небольшое количество людей. Собственный космический корабль был все равно что частный самолет в Общую Эру — недостижимая мечта для большинства населения. Даже используя космический лифт, в течение недели подняться на околоземную орбиту могло не больше одного процента землян. И лишь одна десятая этого процента сумела бы добраться до Юпитера.

В челноке отсутствовали иллюминаторы, но инфоокна показывали происходящее снаружи. Чэн Синь видела, как безумная толпа наводняет космодром. Люди толпятся вокруг челноков, кричат, воздев кулаки, пытаются пролезть внутрь…

Некоторые автомобили, приземлившиеся за пределами космопорта, снова взмывают вверх. Все они пусты, хозяева управляют ими дистанционно в попытке остановить очередные старты. В воздухе собирается все больше летающих машин, и вот они уже образуют темное плотное облако над стартовыми площадками. Скоро уже ни один корабль не сможет взлететь.

Чэн Синь уменьшила инфоокно и повернулась в кресле, чтобы успокоить сидящих сзади детей. И тут раздался крик АА. Чэн Синь повернулась обратно и увидела, что одно из окон расширилось на всю кабину. Оно показывало страшное: ослепительный огненный шар запылал среди леса челноков.

Кто-то взлетел, несмотря на окружающую челнок толпу, прямо с летного поля!

Плазма, выбрасываемая термоядерными двигателями, была в десятки раз жарче, чем выхлоп древних химических ракет. При пуске с обычной ровной площадки плазма растекалась во всех направлениях и расплавляла поверхностный слой, который спекался в корку. В радиусе тридцати метров не оставалось ничего живого.

В инфоокне множество черных точек брызнули во все стороны от огненного шара. Одна

из них врезалась в соседний челнок и оставила черную отметину — обгоревшее тело. Несколько кораблей, стоявших вокруг, повалились на землю — по-видимому, их шасси расплавились.

Толпа притихла. Задрав головы, люди следили за челноком-убийцей. Тот, грохоча и изрыгая белый дым, ввинчивался в воздух, а затем повернул на восток. Люди отказывались верить своим глазам. Еще через несколько секунд с летного поля стартовал другой корабль, стоявший еще ближе к челноку «Гало». Гром, пламя и волны раскаленного воздуха окончательно повергли потрясенную толпу в панику. Затем взлетели третий, четвертый… Челноки один за другим покидали летное поле. Среди огненных шаров в воздухе носились обгоревшие останки тел. Космодром превратился в крематорий.

АА смотрела на эту ужасающую сцену, закусив губу. Затем она взмахом руки убрала окно и начала что-то печатать в другом, поменьше.

— Что ты делаешь? — спросила Чэн Синь.

— Мы стартуем.

— Нет!

— Взгляни! — АА перебросила Чэн Синь другое небольшое окно, показывавшее соседние корабли. Их хвостовые стабилизаторы охватывали

петли системы охлаждения, предназначенные для сброса тепла из термоядерного реактора. Чэн Синь увидела, что охлаждающие петли соседних челноков начали тлеть красным. Это значило, что реакторы включены и корабли готовятся к старту.

— Лучше нам взлететь до того, как это сделают они, — проговорила АА.

Если какой-то из этих челноков взлетит, его плазма расплавит шасси стоящих рядом кораблей, и они повалятся на спекшуюся землю.

— Нет! Стоп! — Голос Чэн Синь звучал ровно, но непоколебимо. На своем веку она испытала катастрофы и похуже. И сейчас будет вести себя спокойно и с достоинством.

— Почему? — АА говорила так же ровно, как ее подруга.

— Потому что вокруг люди.

АА прекратила печатать и повернулась к Чэн Синь.

— Скоро и от тебя, и от меня, и от всех этих людей, да и от самой Земли только клочья полетят! И как ты отличишь тогда, кто из этих клочьев святой, а кто подонок?

— Наши ценности остаются ценностями — во всяком случае, пока. Я президент концерна «Га-

ло». Этот челнок принадлежит компании, а ты в ней наемный служащий. Я обладаю всей полнотой власти, чтобы принять такое решение.

АА несколько мгновений пристально смотрела в глаза Чэн Синь, затем кивнула и закрыла окно управления. Она выключила также и все другие инфоокна, изолировав кабину от обезумевшего мира.

— Спасибо, — сказала Чэн Синь.

АА ничего не ответила. И вдруг подскочила, как будто внезапно что-то вспомнив. Схватив лежащую на одном из свободных кресел лазерную винтовку, она полезла вниз по лестнице.

— Не отстегивайте ремни! Посудина может опрокинуться в любой момент! — крикнула она.

— Ты что задумала? — встревожилась Чэн Синь.

— Если мы не полетим, они тоже не полетят. А вот хрен им по всему рылу!

АА открыла наружный люк, вышла и немедленно заперла его за собой, чтобы никто не смог прорваться в челнок. Затем спустилась по трапу и выстрелила в хвостовой стабилизатор ближайшего корабля. От стабилизатора поднялось облачко дыма, а в обшивке образовалось маленькое отверстие размером с палец. Этого

достаточно. Система управления челнока обнаружит неисправность, и бортовой искин откажется начать предстартовую циклограмму. Эту меру предосторожности не мог отменить никто.

Охлаждающий контур начал тускнеть — значит, реактор остановлен. Поворачиваясь вокруг себя, АА проделала аккуратные дырки в хвостах всех восьми соседних кораблей. В обстановке царящей паники, среди клубов горячей пыли и дыма никто не заметил, чем она занимается.

Люк одного из челноков распахнулся, и по трапу сбежала элегантно одетая женщина. Обойдя вокруг корабля, она обнаружила дырку. Женщина зашлась в истерическом плаче, затем упала и принялась кататься по земле и биться головой о шасси. Но никто не обращал на нее внимания. Все, что заботило толпу, — это люк челнока, оставшийся открытым. Люди устремились вверх по трапу и попытались протиснуться внутрь корабля, который больше не мог летать…

АА взбежала по ступеням и затолкала обратно Чэн Синь, которая как раз высунула голову из люка, после чего сама влетела в кабину и захлопнула за собой люк. Ее тут же вырвало.

— Там такой запах… — выдавила АА, когда рвота поутихла, — как на пикнике с шашлыками…

— Мы умрем? — спросила одна из девочек, выглядывая в проход между креслами над головами подруг.

— Мы станем свидетелями события вселенского масштаба, — заверила ее АА, напустив на себя таинственный вид.

— Какого события?

— Это самое впечатляющее зрелище на свете. Солнце обратится в гигантский фейерверк!

— А потом?

— Потом? Ничего. Что может быть там, где ничего нет? — АА вскарабкалась по лестнице и по очереди погладила каждого из детей по голове. Она не собиралась лгать им. Если они сумели ответить на ее вопросы, наверняка они достаточно сообразительны, чтобы понять ситуацию.

И снова АА и Чэн Синь сидели рядом друг с другом. Чэн Синь накрыла своей ладонью руку АА.

— Мне очень жаль…

АА улыбнулась в ответ. Какая знакомая улыбка… В глазах Чэн Синь ее подруга всегда оставалась юной и бодрой, темная сторона мира не так сильно изглодала ее. Чэн Синь чувствовала себя более зрелой, чем АА, но и более слабой.

— Да ладно, не парься, — вздохнула АА. — Все суета. Сколько ни дергайся, результат один. Те-

перь, по крайней мере, можно расслабиться.

Если «Ореол» и правда относится к звездному классу, он достигнет Юпитера гораздо быстрее ожидаемого. Хотя расстояние между Землей и Юпитером слишком мало, чтобы развить максимальную скорость, на полет потребовалось бы всего около двух недель…

Похоже, АА поняла ход мыслей подруги.

— Даже если бы система раннего предупреждения работала на полную катушку, мы получили бы от нее сигнал максимум за сутки до события. Так что, по здравом размышлении, я думаю, это ложная тревога, — проговорила она.

Вот, значит, почему АА так легко подчинилась решению Чэн Синь!

Правота АА довольно скоро подтвердилась. Чиновник из Совета обороны планеты, который одновременно являлся и членом КРИ, позвонил Чэн Синь и сообщил, что Конгресс Флотов и ООН выпустили совместное заявление, в котором объявляли тревогу ложной. Не было обнаружено ни малейших признаков атаки «темного леса». АА открыла несколько окон — почти все они передавали одно и то же. Самочинные старты прекратились. Все еще царил хаос, но во всяком случае ситуация не ухудшалась.

Как только снаружи все немного улеглось, Чэн Синь и АА вышли из челнока. Их глазам предстало настоящее побоище. Всюду лежали черные, обугливщиеся тела, некоторые еще пылали. Значительная часть кораблей повалилась на землю, другие покосились, опираясь друг на друга. В общей сложности со стоянки взлетело девять челноков; в небе все еще были ясно различимы их следы — словно кто-то расцарапал небосклон. Толпа больше не неистовствовала. Одни люди сидели на земле, другие стояли недвижно, будто столбы, третьи бесцельно шатались вокруг, и никто, казалось, не мог понять: происшедшее — это реальность или кошмар наяву? Прибывали стражи порядка, подтягивались спасательные команды.

— Следующая тревога может оказаться настоящей, — произнесла АА. — Поехали со мной на Юпитер! По ту сторону Юпитера наш концерн строит космоград.

Вместо ответа Чэн Синь спросила:

— А что это за странные дела с «Ореолом»?

— Я говорила не о первоначальном корабле с тем же именем, а о новом мини-звездолете. При межпланетном путешествии он может взять на борт двадцать пассажиров, при межзвездном

— пять. Совет директоров решил построить его для тебя. Ты можешь пользоваться им как мобильным офисом около Юпитера.

Разница между планетолетом и звездолетом та же, что между одновесельным речным паромом и океанским контейнеровозом водоизмещением в десятки тысяч тонн. Разумеется, дело тут не в размерах — существовали и маленькие звездолеты. В сравнении с межпланетниками звездолеты обладали более совершенными двигателями; их оснащали замкнутыми экосистемами, причем у каждой из подсистем было три или четыре резервных. Если Чэн Синь и в самом деле отправится к Юпитеру на новом «Ореоле», то, что бы ни случилось, корабль обеспечит ее всем необходимым до конца ее дней.

Чэн Синь покачала головой.

— Лети без меня. Возьми «Ореол». Я все равно не принимаю участия в текущих делах концерна, так что вполне могу остаться на Земле.

— Ты просто не хочешь оказаться среди тех немногих, кто выживет!

— Я буду здесь вместе с миллиардами людей. Что бы ни произошло, когда с тобой это разделяют миллиарды других, становится не так страшно.

— Я волнуюсь за тебя, — проговорила АА и поло-

жила руки на плечи Чэн Синь. — Меня беспокоит не то, что ты погибнешь вместе со всеми остальными, а что тебе доведется испытать что-нибудь похуже смерти!

— Я это уже проходила.

— Если ты продолжишь мечтать о световом корабле, тебе придется пройти это еще не раз. Уверена, что выдержишь?

* * *

Ложная тревога привела к самым бурным социальным потрясениям со времен Великой пади. Быстро закончившись и причинив лишь ограниченный ущерб, они все же нанесли общественному сознанию глубокую травму.

Почти во всех космопортах планеты (а их было несколько тысяч) произошли старты челноков, окруженных людьми. В пламени термоядерных двигателей сгорело больше десяти тысяч человек. У наземных терминалов космических лифтов вспыхнули вооруженные столкновения, и эти конфликты имели международный характер. Некоторые страны попытались захватить интернациональные терминалы в тропических водах, и только своевременное сообщение о ложной тревоге предотвратило полномасштабную войну.

На орбитах Земли и даже на Марсе люди дрались за места в космических кораблях.

Вдобавок к выродкам, пошедшим на убийство ради собственного спасения, еще один факт вызвал резкое порицание общественности: выяснилось, что на геосинхронной орбите и на обратной стороне Луны тайно строятся десятки маленьких кораблей звездного и квазизвездного класса. Последние оснащались замкнутой экосистемой — такой же, как у звездолетов, но их двигатели годились только для межпланетных путешествий. Часть этих роскошных яхт принадлежала большим корпорациям, остальные — богачам. Они отличались небольшими размерами, и их системы жизнеобеспечения были рассчитаны на малое количество пассажиров. Яхты имели лишь одно предназначение: долгое ожидание под защитой планет-гигантов.

Система заблаговременного предупреждения пока еще только строилась и могла объявить тревогу не ранее чем за сутки до удара. Если бы атака «темного леса» случилась на самом деле, ни у кого не хватило бы времени долететь до Юпитера, ближайшей планеты-экрана. По сути, Земля раскачивалась на тоненьком волоске над морем смерти. Разумом это осознавали все; отврати-

тельные же бесчинства, разразившиеся во время ложной тревоги, были вызваны не чем иным, как массовым помешательством. Инстинкт самосохранения одержал верх над рациональным мышлением.

В настоящий момент в районе Юпитера проживало пятьдесят тысяч человек; большинство из них — служащие космических сил с юпитерианской военной базы, остальные — разработчики проекта космических убежищ. У этих людей были причины, чтобы находиться около Юпитера, и публика не имела к ним никаких претензий. Но богатые владельцы мини-звездолетов — о, это совсем другое дело! Как только они достроят свои яхты, они смогут вечно укрываться «за спиной» огромной планеты.

С точки зрения закона — по крайней мере, до нынешнего момента — ни международных, ни внутренних запретов на строительство звездолетов организациями или частными лицами не существовало, а ожидание за газовыми гигантами — не то же самое, что эскапизм. И все же обнаружившееся неравенство стали рассматривать как величайшую несправедливость в истории человечества: неравенство в смерти.

В истории человечества неравенство по боль-

шей части проявлялось в экономической и социальной сферах, но перед смертью все были равны. Следует признать, что и тут есть нюансы: например, услуги медицины доступны не всем в одинаковой мере; люди обеспеченные выходят из природных катастроф с меньшими потерями, чем бедняки; у солдат и у гражданских разные шансы уцелеть в войне, и тому подобное. Но никогда еще в истории не возникала ситуация, когда лишь одна десятитысячная населения могла отправиться в безопасное укрытие, бросив миллиарды погибать на Земле.

Даже в древние времена не стали бы терпеть такую несправедливость, а о нынешних и говорить нечего.

Все это прямиком привело к тому, что на планете воцарилось весьма скептическое отношение к светолетам.

Хотя корабли, скрывшиеся за щитом Юпитера и Сатурна, сумели бы переждать атаку «темного леса», жизни на них не позавидуешь. Как бы ни старались системы жизнеобеспечения создать на борту комфорт, пассажирам все это время пришлось бы прозябать в холодных, пустынных регионах космоса в полной изоляции. Однако, как показали наблюдения Второго Трисолярианского

ского флота, звездолет на искривительной тяге мог достичь скорости света почти мгновенно. Такой корабль долетел бы от Земли до Юпитера за один час, и для него сигнал от системы предупреждения был бы более чем достаточным.

Значит, владельцы светолетов, люди богатые и обладающие властью, могли спокойно наслаждаться жизнью на Земле и покинуть ее в самое последнее мгновение, бросив миллиарды на произвол судьбы. Терпеть такое положение общество не собиралось. Нагоняющие ужас картины паники во время ложной тревоги не меркли в сознании людей, и большинство склонялось к мысли, что появление световых кораблей приведет к мировому хаосу. Вот почему план создания искривительного привода столкнулся с невиданным доселе сопротивлением.

* * *

Паника во время ложной тревоги была результатом взрывной реакции гиперинформационного общества на сведения, затрагивавшие особо чувствительные зоны общественного сознания. Толчком к панике послужило обнаружение системой раннего предупреждения некой аномалии. Аномалия действительно существовала, но

к фотоидам не имела никакого отношения.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

КОСМИЧЕСКИЕ ЧАСОВЫЕ

В прошлом Земля наблюдала фотоиды лишь дважды: при уничтожении звезды 187J3X1 и при гибели Трисоляриса. Поэтому сведения о данном феномене были довольно ограниченными. Ученые знали только, что фотоид двигался со скоростью, близкой к скорости света, но ни об объеме, ни о массе покоя или релятивистской массе объекта они не имели никаких данных. Фотоид, по всей вероятности, являлся самым примитивным оружием для разрушения звезд, потому что расчет шел только на его неимоверную кинетическую энергию, порожденную релятивистской массой. Как только цивилизация овладевала технологией разгона объектов до околосветовых скоростей, она могла придать «пуле» с крохотной массой невероятную разрушительную силу. Атаку с помощью столь малого снаряда и впрямь можно назвать «малозатратной».

Наиболее ценные сведения о фотоидах были получены непосредственно перед гибелью системы Трисоляриса. Ученые сделали важное открытие:

фотоид, движущийся на сверхвысокой скорости и сталкивающийся с редкими рассеянными в космосе атомами и частицами межзвездной пыли, испускает мощное излучение в диапазоне от видимого света до гамма-лучей. Это излучение обладает определенными параметрами. Поскольку фотоиды очень малы, наблюдать их напрямую невозможно. А вот характерная радиация поддается обнаружению.

На первый взгляд, заблаговременно предупредить о приближении фотоида невозможно, потому что он движется с околосветовой скоростью, то есть почти так же быстро, как и порождаемое им излучение. Оба — и фотоид, и его излучение — достигают цели практически одновременно. Иными словами, наблюдатель находится вне светового конуса событий.

Но в реальности дело обстоит немного сложнее. Любой объект, обладающий массой покоя, не может лететь со скоростью света. Хотя скорость фотоида и приближается к скорости света, она все-таки немного меньше. Эта разница означает, что излучение фотоида движется чуть быстрее его самого. Чем большее расстояние преодолевает фотоид, тем значительнее становится разница. К тому же его траектория не представляет собой

абсолютно прямую линию. Поскольку фотоид имеет массу покоя, он не может избежать отклоняющего воздействия небесных тел; поэтому его путь к цели всегда слегка искривлен, и эта кривизна намного больше кривизны, которую приобретает луч света в том же поле тяготения. Чтобы фотоид точно попал в цель, необходимо принять в расчет этот эффект. Путь, который пройдет фотоид, будет длиннее, чем путь его излучения.

По этим двум причинам радиация фотоида достигнет Солнечной системы раньше его самого. Приблизительный период предупреждения в двадцать четыре часа был рассчитан исходя из максимального расстояния, на котором можно будет заметить приходящее от фотоида излучение. К тому моменту, как оно достигнет Земли, сам фотоид будет находиться на расстоянии примерно 180 а. е.

Но это в лучшем случае. Если фотоид выпустят с пролетающего поблизости звездолета — как в случае с Трисолярисом, — заблаговременно подать сигнал тревоги не получится.

Всего в Солнечной системе планировали построить тридцать пять наблюдательных пунктов. В поисках фотоидов они станут следить за небом

во всех направлениях.

Эра Космической Передачи, год 8-й
Судьбоносный выбор

За два дня до ложной тревоги; наблюдательный пункт № 1

Наблюдательным постом № 1 был фактически телескоп Ринье-Фицроя, сооруженный в конце Эры Кризиса. Более семидесяти лет назад именно эта станция первой обнаружила зонды сильного ядерного взаимодействия — трисолярианские «капли». Станция по-прежнему располагалась у внешнего края пояса астероидов, но все ее оборудование заменили на новое. Взять, например, оптический телескоп. Его линзы увеличили: диаметр самой большой из них вырос с тысячи двухсот до двух тысяч метров — на ней мог бы разместиться небольшой городок. Эти огромные линзы изготовили из материалов, добытых непосредственно в поясе астероидов. Первой произвели линзу среднего размера — диаметром пятьсот метров. Потом с ее помощью фокусировали солнечный свет и направляли его на астероиды. Из расплавленного камня делали чистейшее стекло, из которого затем изготовляли

следующие линзы. В общей сложности в космосе на значительном расстоянии друг от друга плавало шесть линз, выстроившихся в десятикилометровую колонну. Сама станция наблюдения располагалась у конца колонны, и персонала на ней было всего два человека.

Эта команда по-прежнему состояла из одного ученого и одного военного. Офицер следил за возможными эмиссиями фотоидов, а ученый занимался астрономическими и космологическими исследованиями. Таким образом, заложенная триста лет назад традиция яростных споров, кому и сколько работать с телескопом, жила и процветала.

После того как испытания самого большого в истории телескопа завершились и он успешно сделал свой первый снимок — фотографию звезды в сорока семи световых годах от Солнца, — Видналл, астроном, испытал такую радость, как если бы у него родился сын. Людям несведущим было невдомек, что до сих пор телескопы только усиливали яркость света, приходящего от звезд, но не могли показать их форму. В самых мощных телескопах звезды выглядели как крохотные точки, просто чуть ярче, чем в оптических приборах послабее. Но сейчас на снимке, сделанном

с помощью нового супертелескопа, впервые стало возможно разглядеть диск звезды! Пусть он совсем маленький — как шарик для пинг-понга с расстояния в десять метров — и никаких подробностей не различить, все равно это было эпохальное событие в истории древней науки — оптической астрономии.

— Из глаз астрономии удалили катаракту! — экзальтированно воскликнул Видналл и утер набежавшую слезу.

Но младший лейтенант Василенко не впечатлился.

— Вы бы лучше не забывали, зачем мы здесь. Мы часовые. В старину мы стояли бы во весь рост на деревянной наблюдательной вышке где-нибудь на дальнем пограничье, в пустыне или в снегах, на ветрах и на морозе, и следили, не покажется ли противник. И завидев на горизонте танки или всадников на лошадях, тотчас позвонили бы по телефону, или подали дымовой сигнал, или еще что — словом, информировали бы родину, что началось вражеское вторжение… Вот как надо мыслить! Тут вам не обсерватория!

Видналл оторвался от терминала с изображением далекой звезды и выглянул в иллюминатор. Неподалеку парило несколько бесформенных

камней — остатки астероидов, из которых выплавили стекло. Камни, медленно вращавшиеся в холодных лучах Солнца, казалось, еще больше подчеркивали пустоту и одиночество космоса. Картина и впрямь настраивала на образ мышления, о котором говорил младший лейтенант.

— Если мы действительно обнаружим фотоид, — вздохнул Видналл, — то лучше бы тогда вообще не подавать сигнал тревоги, все равно толку с него чуть. Умереть внезапно, не осознав, что, собственно, с тобой случилось, — в общем-то счастливый жребий. Но вы бы предпочли, чтобы несколько миллиардов человек мучились целые сутки. Да это самое настоящее преступление против человечества!

— Ну тогда мы с вами — самые большие неудачники в мире, потому что узна!ем о своем жребии раньше всех остальных.

Станция наблюдения получила новый приказ от Командования Флотами: настроить телескоп на наблюдение за останками системы Трисоляриса. На этот раз Видналл не стал затевать с Василенко спор, потому что у него самого разрушенный мир вызывал живейший интерес.

Из сопел плазменных маневровых двигателей, расположенных по периметру линз, вырвалось

голубое пламя. Линзы задвигались, занимая нужную позицию. Только сейчас, когда пламя корректирующих двигателей обозначило контуры телескопа, стало возможно различить самые отдаленные из линз. Десятикилометровая колонна медленно повернулась и остановилась, направив глаз телескопа на систему Трисоляриса. Линзы заскользили вверх и вниз вдоль оптической оси, подстраивая фокус. Наконец пламя почти везде погасло, только время от времени кое-где поблескивали светлячки: шла тонкая настройка.

На необработанной картинке система Трисоляриса выглядела совсем непримечательно: белесое пятно, похожее на перышко, едва различимое на черном фоне космоса. Но после обработки и увеличения перед глазами исследователей возникла колоссальная туманность, заняв собой весь экран. С момента трагедии прошло семь лет; значит, сейчас наблюдатели видели то, что происходило через три года после катастрофы. Под влиянием тяготения и углового момента погибшей звезды пучок резких, расходящихся из одной точки лучей превратился в мягко светящееся плоское облако, которое под действием центробежной силы закрутилось в спираль. Над

облаком виднелись два оставшихся солнца: одно — как диск, другое, более отдаленное — как световая точка, распознать которую среди других таких же точек-звезд можно было только по ее перемещению на их фоне.

Пережившие катастрофу звезды образовали то, о чем мечтали многие поколения трисоляриан — стабильную двойную систему. Но некому было насладиться их светом, потому что около этих звезд не осталось больше ни единого живого существа. Теперь стало предельно ясно, что удар «темного леса» уничтожил лишь одну звезду из трех не только из соображений «экономии», но и преследуя куда более страшную цель: до тех пор, пока в системе присутствуют одна или две звезды, они будут постоянно поглощать материал «облака», при этом испуская мощное излучение. Система Трисоляриса представляла собой сейчас радиационную топку — царство смерти, где невозможны ни жизнь, ни цивилизация. Именно благодаря свечению под действием этой радиации туманность и была так хорошо видна в телескоп.

— Напоминает вид с горы Эмэйшань, — произнес Василенко. — Это в Китае. Луна с ее вершины — просто что-то невероятное. В ту ночь, когда я

был там, гора возвышалась над бескрайним морем облаков, которые в свете луны сияли чистым серебром. Очень похоже на эту картину.

Вид серебристого кладбища в сорока триллионах километров от Земли настроил Видналла на философский лад:

— С точки зрения науки, «уничтожение» — не совсем точный термин. Ведь ничто не исчезло. Вся материя, которая там была, там и осталась. То же самое относится и к угловому моменту. Нарушена только организация материи, как при перетасовке карт. Но жизнь — она как стрит-флеш[169]: стоит только перемешать колоду — и прости-прощай выигрыш.

Видналл опять внимательно всмотрелся в картинку на экране и вдруг…

— А это еще что такое?! — Он ткнул пальцем в пятнышко на некотором расстоянии от «облака». Согласно масштабу, оно находилось в 30 а. е. от центра туманности.

Василенко уставился в экран. Он не обладал цепким глазом астронома и не мог с ходу разгля-

---

[169] Примечания: 169

Стрит-флеш (англ. Straight-flush) — самая старшая покерная комбинация, состоящая из пяти карт одной масти, идущих подряд по достоинству. Разумеется, собрать такую комбинацию подобно чуду. — *Прим. перев.*

деть неладное. Но, присмотревшись, он различил на угольно-черном фоне еле заметную окружность, похожую на мыльный пузырь в космосе.

— Да он огромный! Диаметр примерно… примерно десять астрономических единиц. Это что — пыль?

— Какая там пыль! Пыль выглядит совершенно иначе.

— А раньше вы его не видели?

— Раньше этого никто на свете не мог видеть. Но что бы это ни было, оно прозрачное, с еле заметной границей. До сегодняшнего дня самые большие телескопы не были бы в состоянии высмотреть это образование.

Видналл немного уменьшил масштаб, чтобы получить более точное представление о позиции странного нового объекта относительно двойной звезды, и попробовал оценить вращение «облака», которое снова превратилось в маленькое белое пятно на фоне черной пропасти космоса.

На расстоянии около 6000 а. е. от системы Трисоляриса он обнаружил еще один «мыльный пузырь» — гораздо больший, чем первый, диаметром примерно 50 а. е.

— Боже мой! — воскликнул Василенко. — Вы знаете, что это такое?!

Видналл еще какое-то время всматривался в экран, а затем задумчиво произнес:

— На этом самом месте Второй Трисолярианский флот перешел на скорость света, не так ли?

— Именно!

— Вы уверены?

— Моя прежняя работа состояла в том, чтобы наблюдать за этой частью пространства. Я знаю его как свои пять пальцев!

Вывод был неизбежен: при переходе на скорость света корабли оставили за собой следы, которые со временем, видимо, не исчезли, а разрослись, изменив физическую природу окружающего пространства.

Первый, маленький, пузырь находился внутри системы Трисоляриса. Возможны несколько объяснений. Либо поначалу трисоляриане не знали, что двигатель, искривляющий пространство, оставит за собой такой след, и пузырь возник в ходе испытаний; либо знали, но оставили следы внутри своей звездной системы нечаянно, по ошибке. Одно было ясно: трисоляриане старались по возможности не «пачкать», где не надо. Одиннадцать лет назад Второй Трисолярианский флот целый год шел на обычной тяге, и только удалившись на 6 тысяч астрономических единиц

от дома, включил световые двигатели. Цель: оставить следы как можно дальше от родного мира. Хотя было уже поздно.

В то время поведение Второго флота казалось людям непонятным. Самое убедительное объяснение состояло в том, что трисоляриане хотели уберечь родную планету от негативного воздействия перехода четырехсот пятнадцати кораблей на скорость света. Но сейчас стало ясно: они пытались не наследить поблизости от дома. По той же причине флот вышел из режима полета со скоростью света за 6 тысяч астрономических единиц до Солнечной системы.

Видналл с Василенко уставились друг на друга. В глазах обоих исследователей горел страх. Они одновременно пришли к одному и тому же выводу.

— Нужно немедленно доложить об этом! — воскликнул Видналл.

— Но мы должны докладывать по расписанию, а время еще не наступило. Экстренный рапорт все воспримут как сигнал тревоги.

— Да это и есть тревога! Мы обязаны послать предупреждение, не то выставим себя врагу напоказ!

— Ну, у страха глаза велики. Исследования в

области световых кораблей только-только начались. Дай нам бог построить один такой где-то через полвека!

— Да, но что, если даже начальные испытания оставят след наподобие этого? Кто знает, может, где-нибудь в Солнечной системе уже идут такие эксперименты?!

Итак, пучок нейтрино понес информацию с грифом «высокий уровень опасности» в Объединенное командование флотами. Затем рапорт ушел в СОП. А там произошла утечка; рапорт истолковали как предупреждение о фотоиде, что и привело через два дня к глобальной панике.

«Пузыри» появлялись, когда корабли переходили на скорость света, подобно тому, как взлетающий челнок оставляет на пусковой платформе выжженные пятна. После перехода звездолеты продолжали двигаться со скоростью света по инерции и больше следов не оставляли. Разумно предположить, что и при переходе со скорости света на обычный режим появятся такие же «пузыри». Длительность их существования оставалась, однако, неизвестной. Ученые высказали догадку, что «пузыри» — это некое искажение пространства, случившееся под действием релятивистских двигателей, и существовать оно

может очень долго, а возможно, даже вечно.

Наверно, Томоко, утверждавшая, что космическим наблюдателям Трисолярис представляется гораздо более опасным, чем Солнечная система, как раз и имела в виду «пузырь» размером в 10 а. е., оставленный внутри системы Трисоляриса. Скорее всего, именно поэтому удар «темного леса» последовал так быстро. След и переданные на всю Вселенную координаты этого мира послужили взаимным подтверждением, и рейтинг опасности Трисоляриса резко вырос.

В последующие месяцы наблюдательный пункт № 1 открыл еще шесть следов от световых двигателей в различных участках космоса. Все они были шарообразной формы, хотя размеры варьировались очень широко: от 15 до 200 а. е. Засекли и «пузырь» в 6 тысячах астрономических единиц от Солнца — по-видимому, след Второго Трисолярианского флота, перешедшего на обычную скорость. А вот другие «пузыри», похоже, не имели никакого отношения ко Второму флоту. Это подтверждало, что подобное явление во Вселенной не редкость.

После открытий, сделанных «Синим космосом» и «Гравитацией» в четырехмерном фрагменте, наблюдения станции Ринье-Фицроя стали еще од-

ним прямым доказательством того, что в космосе существует большое количество высокоразвитых цивилизаций.

Один из следов обнаружили всего лишь в 1,4 светового года от Солнца, поблизости от облака Оорта. По-видимому, там некоторое время находился какой-то корабль, который затем ушел с места со скоростью света. Когда это случилось, никто не знал.

Открытие следов, оставляемых двигателями, искривляющими пространство, окончательно поставило крест на полетах со скоростью света, к которым и без того относились с огромным скепсисом. Конгресс Флотов и ООН быстро приняли законодательный акт, запрещающий любые разработки в данной области, и национальные государства сразу же приняли такие же. Этот запрет стал самой строгой из мер, направленных против развития технологии, со времен договора о нераспространении ядерного оружия триста лет назад.

У человечества оставались теперь только две альтернативы: космические города-убежища и черный домен.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

УЖАС ВЕЧНОЙ НОЧИ

На первый взгляд, работы над технологией полета со скоростью света были прекращены по очевидным причинам: требовалось избежать разоблачения перед возможным противником и предотвратить рост рейтинга опасности Земли в глазах наблюдателей из космоса. Любой из этих факторов мог привести к скорой атаке «темного леса». Но существовали и другие, более глубинные причины.

Со времен Общей Эры и до конца Эры Кризиса человечество взирало на звезды с надеждой. Но первые же его шаги в этом направлении обернулись горем и страданием. Трагическая битва Судного дня показала, насколько уязвим человек в космосе, а междоусобная война Тьмы нанесла духу землян тяжелейшую травму. События более позднего времени, такие как осуждение «Бронзового века» и захват «Гравитации» «Синим космосом», закончившийся Космической Передачей, еще больше углубили эти раны, а пережитая боль выросла до философского, мировоззренческого уровня.

Собственно говоря, большинство рядовых членов общества мало интересовалось световыми кораблями. Обыватели считали, что, даже если подобные корабли и появятся при их жизни, у простого народа не будет ни малейшего шанса ими воспользоваться.

Людей намного больше занимал проект космоградов-убежищ — наиболее реалистичный способ выживания. Несомненно, план черного домена тоже вызывал интерес, потому что три века страха породили в человечестве жажду спокойной, мирной жизни, а черный домен как раз такую жизнь и обещал. Хотя люди и испытывали разочарование при мысли об изоляции от остальной Вселенной, Солнечная система достаточно велика, чтобы не сильно переживать по этому поводу. Народ больше интересовался проектом убежищ, а не планом черного домена, потому что даже неспециалистам было ясно: замедлить скорость света — запредельно сложная задача. Все соглашались, что человеку вряд ли под силу осуществить «Инженерный проект Господа Бога».

С другой стороны, идея световых кораблей занимала умы представителей высших классов общества, среди которых были как ее упорные противники, так и ярые сторонники.

Фракция, выступающая за путешествия со скоростью света, полагала, что для человечества самый надежный способ выжить — это выйти на просторы Млечного Пути и основать поселения у других звезд. В нашей бесчувственной Вселенной шанс на существование имеют только цивилизации, открытые космосу; изоляционизм ведет к гибели. Те, кто исповедовал эти убеждения, не противились проекту космических убежищ, но от всей души презирали план черного домена, считая, что с его помощью человечество само выроет себе могилу. Да, черный домен обеспечит землянам долговременное существование, но такая жизнь равнозначна смерти цивилизации.

В основе воззрений их противников лежали политические причины. Они считали, что человеческая цивилизация прошла через множество тяжелейших испытаний, прежде чем развиться в почти идеальное демократическое общество; но стоит людям выйти в космос — и в социальном плане они откатятся назад. Космос, словно кривое зеркало, во много раз усиливал темную сторону человечества. Девизом фракции стало высказывание на суде обвиняемого Себастьяна Шнайдера, члена экипажа «Бронзового века»:

«Людям, затерянным в космосе, нужно не более

пяти минут, чтобы скатиться в тоталитаризм».

Противников выхода в широкий космос приводила в ужас мысль, что демократическая, цивилизованная Земля станет рассадником тоталитаризма и рассеет его семена по всему Млечному Пути.

Малышка — человеческая цивилизация — открыла дверь своего дома, выглянула наружу и увидела вечную ночь. Бескрайняя непроглядная темень так напугала ее, что она, задрожав с ног до головы, захлопнула дверь поплотнее.

Эра Космической Передачи, год 8-й
Точка Лагранжа Земля – Солнце

И снова Чэн Синь вернулась в ту точку пространства, где силы тяготения Земли и Солнца уравниваются. Со дня ее свидания с Юнь Тяньмином прошел год. В этот раз она гораздо меньше волновалась перед поездкой. Чэн Синь вызвалась добровольцем на эксперимент для проекта космических убежищ.

Конгресс Флотов и ООН проводили это испытание совместно. Целью было проверить, насколько эффективным защитным барьером окажутся планеты — газовые гиганты — при взрыве Солнца.

Роль взрывающегося Солнца сыграет сверхмассивная водородная бомба. Мощность подобного оружия больше не измеряли в тротиловом эквиваленте, но эта бомба потянула бы примерно на триста мегатонн. Для более реалистичного моделирования физических условий бомбу заключили в толстую оболочку, призванную имитировать звездное вещество, которое будет выброшено при взрыве. В качестве моделей планет использовали фрагменты астероидов. Четыре из них, представлявшие планеты земной группы, достигали десяти метров в диаметре; те же, что имитировали газовые гиганты, были намного больше — около ста метров. Эти восемь каменных обломков располагались вокруг бомбы на расстояниях, пропорциональных расстояниям от Солнца до соответствующих планет, так что вся модель напоминала Солнечную систему в миниатюре. «Меркурий», самая близкая «планета», располагался в четырех километрах от «Солнца», а «Нептун» — самая дальняя — в трехстах. Испытание проводили в точке Лагранжа, чтобы свести к минимуму влияние тяготения Солнца и планет — тогда модель будет какое-то время сохранять относительную стабильность.

Вообще-то ученые считали этот эксперимент

излишним. Компьютерная модель, построенная на реальных данных, давала более адекватные и заслуживающие доверия результаты. А если все же требовались физические измерения, их можно было бы провести в лаборатории. Неважно, что масштаб при этом был бы меньше: тщательно выверенная модель обеспечила бы достаточную точность. Как научный эксперимент предстоящее моделирование в космосе было не просто топорным — оно граничило с идиотизмом.

Дело в том, что конечной целью экспериментаторов, придумавших, запланировавших и осуществивших испытания, являлись вовсе не научные результаты. Этот дорогущий пропагандистский спектакль был призван укрепить веру землян в проект космических убежищ. Наглядность, зрелищность, эффектность — вот что требовалось для трансляции в прямом эфире.

После окончательного отказа от дальнейших исследований светового полета обстановка на Земле стала походить на ту, что была в начале Эры Кризиса. Тогда глобальная защита от вторжения трисоляриан включала в себя два компонента: первый — основной — план предусматривал создание комплексной обороны Солнечной системы; вторым был проект «Отвернувшиеся».

Сейчас основной прицел взяли на космические города-убежища. План черного домена, как и проект «Отвернувшиеся», был рискованной игрой со многими неизвестными. Оба плана осуществлялись параллельно, но поскольку черный домен до поры до времени предполагал только теоретические исследования, он не требовал слишком больших вложений. Зато проект космоградов затрагивал ресурсы всего общества, и следовало всеми силами обеспечить ему всенародную поддержку.

Чтобы протестировать защитный эффект «газовых гигантов», достаточно было установить за соответствующими астероидами наблюдательную аппаратуру или, возможно, даже поместить туда животных. Но организаторы хотели вызвать сенсацию и потому решили задействовать в эксперименте людей. По всей планете объявили о наборе добровольцев.

АА надоумила Чэн Синь послать заявку. Это же бесплатная реклама! Какая великолепная возможность обеспечить «Гало» популярность у публики как раз тогда, когда концерн собирается присоединиться к проекту космоградов! Обе подруги понимали, что эксперимент подготовлен очень тщательно. Он, может, и выглядит жутко-

вато, но опасности на самом деле нет.

Шлюпка Чэн Синь пряталась в тени камня, имитирующего Юпитер. Формой он походил на картофелину, примерно 110 метров в длину, средняя ширина около 70 метров. В течение двух месяцев астероид буксировали сюда с его «родины» — из пояса астероидов. Во время транспортировки какой-то артистически настроенный и томившийся от безделья инженер намалевал на булыжнике разноцветные полосы, наподобие юпитерианских, не забыв и Большое Красное Пятно. Впрочем, разрисованный астероид скорее походил не на Юпитер, а на космического циклопа с красным глазом.

Как и в предыдущий раз, шлюпка Чэн Синь летела навстречу сияющему Солнцу, но стоило ей только войти в тень астероида, все кругом мгновенно померкло — ведь в космосе нет воздуха, чтобы рассеивать солнечный свет. Так что Солнце по ту сторону астероида все равно что не существовало. У Чэн Синь возникло чувство, будто она стоит у подножия утеса в полночь.

Даже без заслона астероидов разглядеть бомбу-«Солнце» на расстоянии пятидесяти километров было невозможно. Но взглянув в другую сторону, Чэн Синь увидела «Сатурн». В соответствии с

масштабом он находился в ста километрах от «Солнца» и в пятидесяти километрах от «Юпитера». Размер у этого астероида был примерно такой же; в солнечных лучах он несколько выделялся на фоне космоса, так что Чэн Синь с некоторым усилием могла различить его форму. В двухстах километрах отсюда висел «Уран» — блестящая точка, практически неотличимая от других звезд. Остальные «планеты» оставались невидимыми.

Помимо шлюпки Чэн Синь за «Юпитером» пристроились еще девятнадцать летательных аппаратов. Все вместе они изображали двадцать запланированных юпитерианских космоградов. Корабли выстроились в три ряда, шлюпка Чэн Синь находилась в переднем — примерно в десяти метрах от астероида. В остальных космолетах сидело больше сотни добровольцев. АА тоже собиралась отправиться вместе с подругой, но дела компании не позволили. Шлюпка Чэн Синь оказалась единственной за «Юпитером», в которой сидел лишь один пассажир.

Участники эксперимента видели ярко-голубую Землю, до которой было около полутора миллионов километров. Свыше трех миллиардов жителей планеты смотрели сейчас прямой репортаж из космоса.

Таймер принялся отсчитывать последние десять минут перед детонацией. Каналы связи затихли. И вдруг тишину нарушил мужской голос:

— Привет. Я рядом с тобой.

Чэн Синь вздрогнула — она узнала голос. Ее шлюпка была крайней в ряду из пяти космолетов. Взглянув направо, Чэн Синь увидела сферическую шлюпку, очень похожую на ту, в которой она летала сюда год назад. Почти половина обшивки была прозрачной, внутри пятеро пассажиров. Ближе всех сидел не кто иной, как Томас Уэйд, и махал ей рукой. Молодая женщина сразу узнала его: в отличие от остальных, на нем был не легкий скафандр, а черная кожаная куртка. Он как будто демонстрировал свое презрение к космосу. Один рукав пуст — значит, Уэйд не позаботился обзавестись протезом.

— Давай пристыкуемся, чтобы я мог перейти к тебе, — сказал Уэйд. Не ожидая согласия, он запустил стыковочную последовательность. Его аппарат включил маневровые двигатели и медленно приблизился к шлюпке Чэн Синь. Без особой охоты Чэн Синь тоже начала процедуру стыковки. С легким толчком шлюпки состыковались, и оба наружных люка бесшумно открылись. Уши у Чэн Синь слегка заложило от перепада

давления.

Уэйд заплыл в ее шлюпку. Вряд ли он много летал в космос, но, как и Чэн Синь, вел себя так, будто родился на космическом корабле. Несмотря на то, что у Уэйда была только одна рука, все его движения в невесомости были уверенными и точными, словно при нормальной тяжести.

В кабине царили сумерки. Солнечные лучи, отразившиеся от поверхности Земли и затем вторично отразившиеся от «Юпитера» — вот и все освещение. Напрягая глаза, Чэн Синь всмотрелась в Уэйда и нашла, что прошедшие с их последней встречи восемь лет не сильно его изменили. Он выглядел примерно так же, как тогда, в Австралии.

— Что вы здесь делаете? — спросила Чэн Синь, стараясь говорить спокойно. Но как всегда ей с трудом удавалось сохранить хладнокровие в присутствии этого человека. Испытания последних лет закалили и отшлифовали ее сердце так, что оно стало гладким, как поверхность астероида перед шлюпкой. И лишь Уэйд торчал одиноким острым выступом.

— Мой срок закончился месяц назад. — Он вынул из кармана половинку сигары и сунул в рот, хотя закурить здесь не мог. — Скостили. Да,

да, убийца вышел всего через одиннадцать лет. Понимаю, это несправедливо… по отношению к тебе.

— Мы все обязаны подчиняться закону. Не вижу в этом ничего несправедливого.

— Подчиняться закону? Во всем? А как насчет двигателя, искривляющего пространство?

Как и раньше, Уэйд без долгих церемоний перешел прямо к делу. Чэн Синь не ответила.

— Зачем тебе световые корабли? — задал вопрос Уэйд, беззастенчиво уставившись в глаза собеседницы.

— Затем, что только они сделают человечество великим, — ответила Чэн Синь, бесстрашно встречая взгляд бывшего начальника.

Уэйд кивнул и вынул сигару изо рта.

— Очень хорошо. Масштабно мыслишь.

Чэн Синь смотрела на него, и в глазах ее стоял невысказанный вопрос.

— Ты знаешь, что хорошо, что плохо, и у тебя есть смелость и чувство долга, чтобы сделать правильный выбор. Вот почему ты выдающаяся личность.

— Но?..

— Но у тебя не хватает ни воли, ни качеств, необходимых, чтобы осуществить это намерение.

У нас с тобой общий идеал. Я тоже хочу увидеть, как строятся световые корабли.

— К чему вы клоните?

— Оставь это мне.

— Оставить вам что?

— Да все, что у тебя есть: свою компанию, свое богатство, авторитет, положение в обществе и, если сумеешь, свою репутацию и нимб вокруг головы. Я воспользуюсь всем этим, чтобы построить световые корабли — ради воплощения твоих идеалов и ради величия человеческого духа.

Снова включились маневровые двигатели шлюпки. Хотя сила притяжения астероида была очень мала, ее все же хватало, чтобы шлюпка потихоньку падала на «Юпитер». Двигатели отвели суденышко на прежнюю дистанцию. Их плазменный выхлоп осветил участок поверхности астероида, и намалеванное на нем красное пятно стало похоже на открывшийся глаз. Сердце Чэн Синь стеснилось непонятно от чего — то ли от этого зрелища, то ли от слов Уэйда. Уэйд уставился на гигантское око взглядом острым и холодным, с тлеющим в нем глумливым огоньком.

Чэн Синь молчала. Она не знала, что ответить.

— Не совершай одну и ту же ошибку дважды, — процедил Уэйд. Каждое его слово било прямо в

сердце Чэн Синь, словно тяжелый молот.

Время пришло — звездно-водородная бомба взорвалась. Без атмосферного щита почти вся ее энергия ушла в излучение. На мониторах камер, ведущих прямой репортаж с расстояния в четыреста километров, рядом с Солнцем вспыхнул огненный шар. Вскоре он превзошел светило в яркости и размерах, и светофильтры камер быстро потемнели. Если бы кто-нибудь прямо взглянул на шар с этого расстояния, то потерял бы зрение мгновенно и навсегда. Когда поддельное «Солнце» достигло наибольшей яркости, камеры уже не показывали ничего, кроме ослепительной белизны. Казалось, пламя готово поглотить всю Вселенную.

Прячущиеся в тени огромного камня Чэн Синь и Уэйд ничего этого не наблюдали — телевизионная аппаратура в шлюпке была отключена. Зато они увидели, как позади внезапно вспыхнул «Сатурн». Затем мимо шлюпки полетела расплавленная лава, образовавшаяся на стороне «Юпитера», обращенной к «Солнцу». Капли, срывающиеся с краев астероида, багрово пылали, но когда они отдалялись на некоторое расстояние, отраженный свет термоядерного взрыва затмевал их собственное свечение, и брызги

лавы сверкали, словно фейерверк. Зрелище из шлюпки походило на вид с вершины серебряного водопада, летящего к Земле. К этому времени четыре маленьких астероида, имитирующих планеты земной группы, обратились в золу, а четыре больших — «газовые гиганты» — стали похожи на шарики мороженого, нагретые с одного бока. Сторона, обращенная к месту взрыва, расплавилась и превратилась в гладкую полусферу. Каждая «планета» обзавелась сияющим лавовым хвостом. Примерно через десять секунд после того, как излучение достигло «Юпитера», имитация «звездного вещества» — разорванная оболочка бомбы — ударила в астероид, отчего тот дернулся и медленно поплыл прочь от «Солнца». Включившиеся маневровые двигатели шлюпки помогали ей сохранять прежнюю позицию по отношению к «Юпитеру».

Огненный шар горел около тридцати секунд, а затем потух — как будто в огромном зале внезапно выключили свет. Настоящее Солнце, примерно в одной астрономической единице отсюда, казалось блеклым. Как только пылающий шар исчез, багровое сияние раскаленной половины астероида стало видимым. Вначале оно было очень ярким, как будто камень горел,

но космическая стужа быстро охладила его до тускло-красного тления. Лава по краям астероида застыла длинными сталактитами.

Пятьдесят укрывающихся за «газовыми гигантами» космических кораблей не понесли никакого урона.

Когда через пять секунд передача достигла Земли, мир возликовал. Надежда, что у человечества есть будущее, расцветала повсюду, словно космический фейерверк. Цель, ради которой затевался эксперимент, была достигнута.

— Не совершай одну и ту же ошибку дважды, — повторил Уэйд, как будто все только что произошедшее — лишь досадный шум, помешавший их беседе.

Чэн Синь взглянула на шлюпку, в которой сюда прилетел Уэйд. Четверо мужчин в скафандрах все это время неотрывно наблюдали за ее летательным аппаратом, не обращая внимания на только что разыгравшийся величественный спектакль. Чэн Синь знала, что заявки на участие подали десятки тысяч человек; из них выбрали лишь знаменитостей или важных персон. Хотя Уэйд только что вышел из тюрьмы, он уже приобрел себе могущественных сторонников — во всяком случае, эти четверо из таких — и корабль, по всей

вероятности, принадлежит ему самому. Даже одиннадцать лет назад, когда Уэйд боролся за должность Держателя Меча, у него было много верных поклонников и еще больше сочувствующих. Ходили слухи, что он организовал тайное общество, которое, возможно, живо до сих пор. Этот человек был как ядерное топливо — даже заключенное в свинцовый контейнер, оно источает мощь и угрозу.

— Мне нужно подумать, — сказала Чэн Синь.

— Конечно, думай. — Уэйд кивнул и, не проронив больше ни слова, уплыл обратно в свою шлюпку. Люки плотно закрылись, и космолеты расстыковались.

Капли охладившейся лавы облаком серебряной пыли неспешно дрейфовали к Земле. Напряжение в душе Чэн Синь постепенно ослабевало, и она сама чувствовала себя пылинкой, парящей в безграничном космосе.

* * *

На обратном пути, когда шлюпка оказалась в трехстах тысячах километров от Земли, то есть связь шла практически без запаздывания, Чэн Синь позвонила АА и рассказала о встрече с Уэйдом.

— Делай, как он говорит, — не медля ни секунды, сказала АА. — Дай ему все, что он просит.

— Ты… — Чэн Синь остолбенела и лишь таращила глаза в инфоокно. А она-то думала, что АА станет самым большим препятствием!

— Он прав. Ты это дело не потянешь. Попытайся — и рассыплешься. А вот у него получится. Этот подонок, дьявол, убийца, карьерист, политический хулиган, сумасшедший технофил, — он это сделает! У него есть и навык, и воля, так что ему и карты в руки. Это адская работа. Отойди в сторонку, и пусть Уэйд вкалывает вместо тебя.

— А как же ты?

АА улыбнулась.

— Я, само собой, ни за что не стану работать под его руководством. С тех пор как на светолеты наложили запрет, мне тоже становится все страшнее и страшнее. Заберу-ка я свои вещички да займусь тем, что мне нравится. Надеюсь, ты поступишь так же.

* * *

Через два дня в прозрачном конференц-зале на вершине дерева — штаб-квартиры «Гало» — Чэн Синь встретилась с Уэйдом.

— Я дам вам все, о чем вы просили, — сказала

Чэн Синь.

— А сама ляжешь в гибернацию, — ответил Уэйд. — Не будешь стоять над душой и мешать работе.

Чэн Синь кивнула.

— Да. Я так и собиралась сделать.

— Мы разбудим тебя в тот день, когда достигнем успеха, — это будет и твой успех тоже. Если световые корабли еще будут оставаться под запретом, мы возьмем всю ответственность на себя. А если мир обрадуется их появлению, то честь будет принадлежать тебе… Понадобится минимум полвека, а может, и больше. Мы состаримся, а ты будешь все такой же молодой.

— У меня одно условие.

— Выкладывай.

— Если этот проект хоть когда-нибудь, пусть только потенциально, сможет навредить человеческой расе, вы должны разбудить меня. Я оставляю за собой право окончательного решения и могу забрать обратно всю власть, которой наделю вас.

— Не пойдет.

— Тогда больше не о чем разговаривать. Я ничего вам не дам.

— Чэн Синь, ты же наверняка понимаешь,

какой путь мы выбираем! Иногда человек должен…

— Забудьте. Наши пути расходятся.

Уэйд пристально смотрел на молодую женщину. В его глазах отражались редчайшие для этого человека состояния души: растерянность, даже беспомощность. Немыслимое зрелище, такое же, как вид горящей воды.

— Мне нужно подумать.

Он повернулся и зашагал к одной из прозрачных стен. Постоял, глядя на бескрайний лес великой метрополии. В такую же ночь триста лет назад на площади перед зданием ООН в Нью-Йорке Чэн Синь смотрела на силуэт этого человека, черневший на фоне городских огней…

Прошло две минуты, и Уэйд повернулся. Все так же стоя около прозрачной стены, он взглянул на Чэн Синь через всю комнату.

— Хорошо. Я принимаю твое условие.

Чэн Синь вспомнила, как триста лет назад он, повернувшись к ней, бросил: «Мы отправим только мозг». Эти слова изменили ход истории.

— Я не смогу проверить, как вы выполняете наш уговор. Придется положиться на ваше слово.

Усмешка — та самая, похожая на трещину во льду, — рассекла лицо Уэйда.

— Ты прекрасно знаешь, что, если я нарушу обещание, для тебя это станет благословением. Но, на твою беду, я его не нарушу.

Он подошел к ней и разгладил свою кожаную куртку, отчего на той появилось еще больше складок. Встав перед Чэн Синь, Уэйд торжественно сказал:

— Обещаю, что если во время исследований светового полета мы обнаружим что-то, способное повредить человечеству, независимо от формы этой опасности, мы разбудим тебя. Ты примешь окончательное решение и, если захочешь, заберешь у меня всю власть.

* * *

Выслушав рассказ подруги о встрече с Уэйдом, АА сказала:

— Тогда я лягу в гибернацию вместе с тобой. Надо быть готовыми в любой момент забрать «Гало» обратно.

— Ты веришь, что он сдержит обещание? — спросила Чэн Синь.

АА смотрела прямо перед собой, словно там реял призрак Уэйда.

— Верю. Я думаю, этот дьявол сделает, что обещает. Правда, как он сказал, это необязательно

будет к добру для тебя. Ты могла бы спасти себя, Чэн Синь, но в конечном итоге ты этого не сделала.

* * *

Через десять дней Томас Уэйд стал президентом «Гало» и взял на себя управление всей компанией.

Чэн Синь и АА легли в гибернацию. Их сознание постепенно меркло, скованное морозом. Подруги словно долго-долго плыли по течению реки, а потом, утомившись, выкарабкались на берег, присели и стали смотреть, как вода, которая только что несла их на себе, убегает куда-то вдаль…

И пока они недолго отдыхали на берегу реки времени, история человечества продолжала свое течение.

Часть IV
Эра Космических Убежищ, год 11-й
Мир космоградов

Номер 37813, ваша гибернация подошла к концу. Вы провели в анабиозе 62 года, 8 месяцев, 21 день и 13 часов. Остаток вашей квоты 238 лет, 3 месяца, 9 дней. Азиатский гибернационный центр № 1, Эра Космических Убежищ, год 11, 9 мая, 14:17

Маленькое информационное окно повисело перед только что проснувшейся Чэн Синь не больше минуты, прежде чем исчезнуть. Чэн Синь перевела взгляд на ровный металлический потолок и по старой привычке пару мгновений смотрела не мигая в одну точку. В эпоху, когда она в последний раз легла в гибернацию, потолок распознал бы ее взгляд и вывел бы перед ней информационное окно. Но сейчас ничего такого не произошло. Хотя у проснувшейся пока еще не хватало сил, чтобы повернуть голову, ей все же удалось рассмотреть часть комнаты: все стены металлические, инфоокна отсутствуют. В воздухе тоже было пусто, никаких голографических дисплеев. Металл, из которого сделаны стены,

выглядел знакомо: нержавеющая сталь либо алюминиевый сплав. Все голое, без украшений.

В поле зрения Чэн Синь появилась молоденькая медсестра. Не взглянув на пациентку, она принялась возиться с чем-то у койки — наверное, отключала аппаратуру, подсоединенную к телу Чэн Синь. Чувства и ощущения еще не полностью вернулись к проснувшейся, понять, что делает медсестра, она пока не могла, однако кое-что в облике девушки показалось ей знакомым. Униформа. В период до погружения в гибернацию, помнила Чэн Синь, люди ходили в самоочищающейся одежде, которая всегда выглядела новенькой, словно с иголочки. А белая униформа медсестры выказывала явственные признаки износа. Нет, она была чистой и аккуратной, но старенькой.

Потолок тронулся с места — Чэн Синь увозили из палаты проснувшихся. Самым ошеломительным было то, что медсестра толкала койку. Кровать не могла двигаться сама, ее требовалось катить вручную!

Стены коридора были из того же металла и так же пусты. Нигде никаких украшений, если не считать потолочных светильников, да и в них не было ничего примечательного, кроме того,

что обрамление у одного отвалилось и свисало с потолка. Между лампой и потолком Чэн Синь заметила… провода.

Она попыталась припомнить инфоокно, которое видела при пробуждении, но усомнилась: а оно вообще появлялось? Может, то была галлюцинация?

По коридору сновали многочисленные пешеходы, никто не обращал внимания на Чэн Синь. Она пристально всматривалась в их одежду. Только несколько человек принадлежали к медицинскому персоналу и носили белую униформу, на остальных было что-то простое, незамысловатое, похожее на рабочие комбинезоны. У Чэн Синь создалось впечатление, что эти люди попали сюда прямиком из Общей Эры, но вскоре она поняла, что ошибается. Та эпоха давно канула в прошлое; с тех пор сменилось уже четыре эры. Просто быть не могло, чтобы тут вдруг оказалось так много народу из Общей Эры.

Это впечатление объяснялось внешним видом прохожих. Мужчины выглядели именно так, какими Чэн Синь привыкла их видеть.

Сильный пол, исчезнувший в Эру Устрашения, вернулся обратно. Вновь настала эпоха, способная рождать *мужчин*.

Все неизменно куда-то спешили. Маятник, похоже, качнулся в другую сторону: леность и комфорт последней эпохи исчезли, им на смену опять пришло общество занятых людей. В эти времена большинство народу, по-видимому, не принадлежало к классу праздных, а вынуждено было трудиться, чтобы жить.

Койку Чэн Синь вкатили в маленькую палату.

— Номер тридцать семь восемьсот тринадцать проснулась без осложнений, — оттараторила медсестра. — Переведена в восстановительную палату номер двадцать восемь.

Сестра вышла, затворив за собой дверь. Чэн Синь заметила: девушке пришлось потянуть за ручку, чтобы дверь закрылась.

Чэн Синь осталась одна. Долгое время никто не приходил, чтобы проверить состояние проснувшейся. Это совершенно не походило на два ее предыдущих выхода из гибернации, когда ей оказывали максимум внимания и заботы. Из всего этого она сделала два вывода: во-первых, в эти дни гибернация и выход из нее стали событиями заурядными; во-вторых, мало кто знал, что она проснулась.

Восстановив частичный контроль над телом, Чэн Синь покрутила головой и увидела окно. Она

помнила мир таким, каким он был до ее анабиоза: гибернационный центр — целое дерево-гигант — располагался на окраине города, а палата Чэн Синь находилась в листе на вершине; из окна открывался вид на весь грандиозный город-лес. Но сейчас в окне виднелось только несколько зданий весьма заурядного вида, однообразных по архитектуре и построенных прямо на земле. Судя по отблеску солнечного света, материалом для зданий также послужил металл. У Чэн Синь возникло чувство, будто она вернулась в Общую Эру.

Внезапно к ней пришла мысль, что она сейчас просто очнулась от долгого сна. Не от гибернации, а от обычного сна. Эра Устрашения, Эра Космической передачи — все это ей приснилось. Хотя воспоминания и поражали своей четкостью, но уж очень они сюрреалистичны. Просто фантастика какая-то. Может, она вовсе и не перешагивала три раза через столетия, а все время оставалась в Общей Эре?

Сомнения Чэн Синь улетучились, когда рядом с кроватью засветилось голографическое окно. Оно содержало только несколько простых кнопок для вызова обслуживающего персонала. Похоже, в этом центре уже хорошо отработали вывод

пациента из гибернации: терминал появился как раз в тот момент, когда Чэн Синь вновь обрела способность двигать рукой. Но это было всего лишь маленькое окошко; перенасыщенного информацией общества, в котором дисплеем служила любая доступная поверхность, больше не существовало.

В отличие от двух предыдущих выходов из анабиоза на этот раз Чэн Синь пришла в себя очень быстро. К тому времени, когда снаружи стемнело, она уже смогла встать и немного пройтись. Обнаружилось, что центр оказывал только самые элементарные услуги. Врач пришел к ней лишь один раз, провел беглый осмотр и удалился; во всем остальном пациентку предоставили самой себе. Чэн Синь пришлось помыться без посторонней помощи, хотя чувствовала она себя еще совсем слабой. Покормить ее тоже никто не подумал, и если бы она не нажала на кнопку заказа на экране, то, возможно, ей пришлось бы остаться голодной. Чэн Синь этот недостаток внимания не раздражал: она так и не сумела свыкнуться с чрезмерной опекой былых эпох, когда любая потребность удовлетворялась с готовностью. В душе она по-прежнему оставалась человеком Общей Эры, и поэтому чувствовала себя здесь как дома.

На следующее утро пришел посетитель. Чэн Синь сразу узнала Цао Биня. В свое время физик был самым молодым претендентом на должность Держателя Меча, но сейчас он выглядел гораздо старше, в волосах появились белые пряди. Однако он явно состарился отнюдь не на все шестьдесят два года.

— Мистер Томас Уэйд попросил меня забрать тебя отсюда.

— Что стряслось? — Сердце Чэн Синь упало — она вспомнила условия своего пробуждения.

— Поговорим, когда доберемся до места. — Цао Бинь помолчал, затем добавил: — Сначала устрою для тебя экскурсию — покажу этот новый мир, чтобы ты смогла принять верное решение, основанное на фактах.

Чэн Синь взглянула на невзрачные строения за окном. «Этот новый мир» совсем не казался ей новым.

— А что случилось с тобой? — спросила она. — Ты явно не бодрствовал *все* последние шестьдесят лет.

— Я лег в гибернацию примерно в одно время с тобой. Через семнадцать лет в строй ввели гелиоцентрический ускоритель частиц, и меня разбудили, чтобы я провел фундаментальные

исследования. Работа заняла пятнадцать лет. Позже, когда научный этап сменился практическим, мое присутствие больше не требовалось, и я снова лег в анабиоз. Проснулся два года назад.

— А как дела с двигателем, искривляющим пространство?

— Кое-какой прогресс есть… Поговорим об этом позже. — Цао Биню тема явно не нравилась.

Чэн Синь снова бросила взгляд в окно. Деревце, росшее на улице, зашелестело под порывом ветра. Наверно, по небу пробежало облако, и металлический отблеск на строениях потускнел. Что общего у этого заурядного мира с кораблями, способными летать со скоростью света?

Цао Бинь проследил взгляд собеседницы и засмеялся:

— Должно быть, ты чувствуешь то же самое, что и я при пробуждении. Ну и эра, думаешь ты. Разочарована? Если готова, пошли, посмотрим…

Через полчаса Цао Бинь и Чэн Синь, одетая в обычный для этой эпохи белый комбинезон, вышли на балкон гибернационного центра. Перед ними расстилался город, и у Чэн Синь снова возникло чувство, будто время потекло вспять. Когда она вышла из своей первой гибернации во время Эры Устрашения, вид грандиозного города-леса

потряс ее до глубины души. Чэн Синь в голову не приходило, что когда-нибудь ей опять доведется увидеть привычный городской пейзаж: ровные, одинаковые кварталы, как будто все здания были возведены одновременно; сами здания, скучные и однообразные, словно построенные исключительно из соображений практичности, без внимания к архитектурным красотам. Все они были прямоугольными, никаких украшений, а строительным материалом служил все тот же серый металл. Они напомнили Чэн Синь алюминиевые коробочки для завтраков времен ее детства. Коробки стояли аккуратными тесными рядами, насколько хватало глаз. На горизонте земля вздымалась, словно горный склон, и кварталы продолжали карабкаться по нему.

— Где это мы? — спросила Чэн Синь.

— Хм, и чего это опять заволокло… Другую сторону не увидишь…

Цао Бинь не ответил на ее вопрос. Вместо этого он посмотрел в небо и покачал головой, словно досадуя, что погода помешает его спутнице понять этот новый мир. Но вскоре Чэн Синь и сама заметила, какое здесь странное небо.

Солнце висело под облаками.

Облака начали редеть, между ними появился

большой просвет. Но вместо голубого неба Чэн Синь снова увидела… землю.

Эту землю в небе тоже усеивали строения, очень похожие на город вокруг гибернационного центра. Вот только смотрела Чэн Синь на них сверху вниз… Или снизу вверх? Наверное, это та самая «другая сторона», о которой упомянул Цао Бинь. До Чэн Синь вдруг дошло, что «горный склон» в отдалении никакой не склон. Земля поднималась, закруглялась и соединялась с «небом». Этот мир представлял собой огромный цилиндр, и Чэн Синь стояла на его внутренней стороне.

— Это космический город Азия I в тени Юпитера, — проговорил Цао Бинь.

Новый мир, еще минуту назад казавшийся таким непримечательным, ошеломил Чэн Синь. Только теперь она почувствовала, что окончательно, по-настоящему проснулась.

* * *

Во второй половине дня Цао Бинь и Чэн Синь отправились к космическому стыковочному терминалу на северной оконечности города.

По традиции центральную ось космограда считали ориентированной с севера на юг. У гибернационного центра Цао Бинь и Чэн Синь сели

в автобус — настоящий автобус, едущий по земле. Возможно, он ходил на электричестве, хотя на вид ничем не отличался от старинного городского автобуса. Народу в него набилось множество. Чэн Синь со спутником заняли два оставшихся свободных места, так что новым пассажирам приходилось стоять. Когда же она последний раз ездила на автобусе? Чэн Синь перестала пользоваться вечно переполненным общественным транспортом уже в Общую Эру…

Автобус ехал медленно, так что она могла рассматривать город не торопясь. Все теперь казалось ей исполненным нового смысла. За окном строения сменялись зелеными парками и водоемами; промелькнули две школы с выкрашенными в синий цвет спортивными площадками; на обочинах дороги Чэн Синь видела обычную коричневую почву, ничем не отличающуюся от почвы на Земле. Дорогу обрамляли широколистные деревья, напоминающие китайские зонтичные; время от времени попадались рекламные щиты. Большинство фирм и товаров Чэн Синь не узнавала, но стиль объявлений показался ей удивительно знакомым.

Главным отличием от города Общей Эры являлся строительный материал — все здесь, похоже,

было изготовлено из металла. Интерьер автобуса тоже был по большей части металлическим — ни пластика, ни композитов.

И все же основное внимание Чэн Синь привлекал не город, а другие пассажиры. Через проход от нее сидели двое мужчин: один дремал, сжав в руках черный портфель; по желтому рабочему комбинезону другого расплывались черные масляные пятна. У ног лежала рабочая сумка, из которой торчал незнакомый Чэн Синь инструмент, похожий на старинную электродрель, но полупрозрачный. Лицо пассажира, усталое и застывшее, было лицом человека, занимающегося тяжелым физическим трудом. В последний раз Чэн Синь видела такое выражение на лицах гастарбайтеров в городах Общей Эры.

Напротив сидела молодая пара. Юноша что-то шептал девушке на ухо, та иногда хихикала, не переставая черпать ложечкой что-то розовое из бумажного стаканчика — скорее всего, мороженое, если судить по доносящемуся до Чэн Синь сладкому запаху сливок, ничем не отличающемуся от запаха, памятного ей со времен юности триста лет назад.

В проходе стояли две женщины среднего возраста — тоже знакомый типаж: будничные труды

стерли с их лиц красоту; их больше не заботило ни как они выглядят, ни модная ли на них одежда. Подобный тип женщин исчез то ли в Эру Устрашения, то ли в Эру Космической Передачи. В те времена кожа у женщин была гладкой и нежной, и выглядели они утонченно-прекрасными независимо от возраста.

Чэн Синь прислушалась к их беседе:

— Ты ничего не поняла. И на утреннем рынке, и на вечернем цены одни и те же. Не ленись, съезди на оптовый на западной стороне!

— Да у них там плохой выбор, и к тому же они все равно не продают по оптовым ценам.

— А ты езжай попозже, после семи. Торговцы овощами тогда уходят, так что будут продавать по оптовым…

До Чэн Синь долетали обрывки и других разговоров:

— …муниципалитет — это тебе не за атмосферой следить, там все гораздо сложнее. Постарайся вникнуть в офисную политику. Поначалу не примыкай ни к кому, но и в угол не забивайся…

— …это несправедливо — требовать отдельную плату за отопление, ее нужно включать в счет за электричество…

— …если бы они посадили этого дурака на

скамейку запасных раньше, глядишь, и не проиграли бы с таким треском…

— …не падай духом. Я в этом городе с самого момента его постройки, и сколько, ты думаешь, получаю в год?..

— …эта рыба не первой свежести. Даже не думай готовить ее на пару!…

— …позавчера, когда корректировали позицию на орбите, вода из четвертого резервуара снова вылилась и затопила огромную территорию…

— …если он ей не нравится, лучше бы ему бросить это дело. А то столько усилий, и все без толку…

— …да какой это подлинник! Я бы даже высококачественной репродукцией это не назвал. Смеетесь, что ли? За такую цену?..

На душе у Чэн Синь стало тепло и уютно. Она пыталась обрести подобное чувство с самого первого своего пробуждения в Эру Устрашения и уже не чаяла найти его. Девушка жадно впитывала людские разговоры, словно утоляя жажду, и слушала рассказ Цао Биня о городе вполуха.

Космоград «Азия I» построили одним из первых в рамках проекта космических убежищ. Он представлял собой правильный цилиндр; тяготение создавалось за счет центробежной

силы, образующейся при вращении. При длине в тридцать километров и диаметре в семь полезная внутренняя поверхность составляла 659 квадратных километров — это примерно половина территории старого Пекина. Сначала здесь жило двадцать миллионов человек, но когда завершилось строительство новых космоградов, население сократилось до девяти миллионов, поэтому теперь тут не такое столпотворение, как раньше…

В небе перед глазами Чэн Синь появилось еще одно солнце. Цао Бинь объяснил, что всего в городе три искусственных светила, и все они парят на центральной оси в десяти километрах друг от друга. Источником энергии служит термояд. Солнца разгораются и затухают в суточном ритме.

Чэн Синь почувствовала серию толчков. Автобус в это время стоял на остановке. Толчки, похоже, исходили откуда-то из глубины почвы. Что-то словно подпихнуло Чэн Синь в спину — а ведь автобус-то не двигался! В окно она увидела, как тени домов и деревьев внезапно изменили угол наклона — это искусственные солнца сдвинулись со своих мест. Но вскоре они вернулись в прежнее положение. Пассажиры, казалось, ничего не заметили.

— Космоград корректирует свою позицию, — пояснил Цао Бинь.

Они прибыли на конечную примерно через тридцать минут и вышли из автобуса. Будничные сценки, которые так пьянили Чэн Синь, закончились. Перед ней возвышалась гигантская стена, от невероятных размеров которой перехватывало дыхание. Чэн Синь будто стояла на краю мира… впрочем, она и стояла на краю мира. Именно здесь располагался «северный полюс» космограда — огромный круг диаметром восемь километров. С того места, где находилась Чэн Синь, диск целиком виден не был, зато она заметила, как «земля» поднимается по обе стороны от нее. До верха круга — то есть до другой стороны города — было как до вершины Эвереста. Множество радиальных спиц устремлялись от обода диска к его центру в четырех километрах над головой. Каждая «спица» выполняла функцию шахты лифта, а центр служил городским космическим терминалом.

Прежде чем войти в кабину лифта, Чэн Синь окинула долгим взглядом город, который казался ей таким привычным. Все три солнца висели в ряд, будто на ниточке, протянувшейся из одного конца города в другой. Смеркалось, солнечное

сияние угасало, переходя от ослепительного оранжево-белого к приятному красноватому, и окрашивало город в теплые, золотистые тона. На лужайке неподалеку смеялись и болтали девочки в белой школьной форме; их волосы, пронизанные золотыми лучами вечернего солнца, трепал ветерок.

Кабина лифта оказалась просторной, размером с большой зал. Стена, обращенная к городу, была прозрачной; таким образом кабина превращалась в обзорную площадку. Каждое кресло было снабжено привязным ремнем, потому что по мере приближения к центру диска тяготение уменьшалось. Наблюдая за происходящим снаружи, наши путешественники видели, как «земля» уходит вниз, а «небо», то есть другая сторона, приближаясь, вырисовывается все четче. К тому моменту, когда лифт достиг центра, тяготение полностью исчезло. Пропало и визуальное ощущение верха и низа при взгляде наружу. Поскольку здесь находился «полюс», через который проходила ось вращения города, «земля» окружала лифт со всех сторон. Отсюда открывался совершенно потрясающий вид на космоград.

Солнца пригасили свечение до яркости луны, и цвет их изменился, стал серебристым. Отсюда

все три светила казались сидящими на макушке друг у друга. Облака сосредотачивались в зоне невесомости и образовывали белую туманную ось, протянувшуюся от одного «полюса» до другого. Чэн Синь ясно видела «южный полюс», располагающийся на удалении в сорок пять километров[170]. Цао Бинь объяснил ей, что именно там находятся маневровые двигатели.

В городе зажглись вечерние огни. Море света окружило Чэн Синь и протянулось вдаль. Ей казалось, будто она смотрит в огромный колодец, стенки которого выстелены сверкающим ковром.

Скользя взглядом по городским кварталам, девушка вдруг обнаружила, что они очень похожи на ее спальный район в Общую Эру. Она представила себе многоквартирный дом и окно на втором этаже: между голубыми занавесками пробивается приглушенный свет, а в комнате ее ждут мама и папа…

Она не смогла сдержать слез.

С самого первого выхода из анабиоза в Эру Устрашения у Чэн Синь никак не получалось

---

[170] Примечания: 170

Авторская ошибка. Выше автор говорит, что длина космограда — 30 км. Торцевой диск может быть диаметром 8 км, если толщина обшивки космограда составляет 0,5 км. — *Прим. перев.*

вжиться в эти новые времена; она всегда чувствовала себя в них чужой, пришедшей из другой эпохи. Но она и подумать не могла, что спустя более чем полвека снова почувствует себя как дома здесь, в тени Юпитера, в восьмистах с лишним миллионах километров от Земли. У нее создавалось впечатление, будто пара невидимых рук зачерпнула все, что было ей дорого там, больше трехсот лет назад, затем развернула в гигантское живописное полотно и поместила сюда, создав этот новый мир, медленно вращающийся вокруг нее.

Чэн Синь с Цао Бинем вошли в коридор-трубу. Здесь царила невесомость, и люди передвигались, держась за поручни, скользящие по тросу. Сюда из всех лифтов стекались пассажиры, покидающие космоград, и по трубе струились нескончаемые людские потоки. На округлых стенах светились инфоокна, передававшие в основном новости и рекламу. Но окон было немного, и располагались они в строгом порядке; тут не было хаотического переизбытка виртуальных дисплеев, характерного для предыдущей эры.

Чэн Синь давно уже пришла к выводу, что ошеломительный гиперинформационный век, по-видимому, пришел к концу. Здесь информа-

цию выдавали дозированно и целенаправленно. Неужели это результат изменений, произошедших в политической и экономической системе Мира Убежищ?

* * *

Когда Чэн Синь вышла из коридора, ее ожидало поразительное зрелище: хоровод звезд в вышине, летящих так быстро, что у нее закружилась голова. Зрелище просто невероятное! Они с Цао Бинем стояли посреди круглой площади диаметром восемь километров — «вершины» космограда. Здесь располагался городской космопорт, и на летном поле возвышалось множество кораблей. Большинство из них имели ту же форму, что и шестьдесят лет назад, хотя в общем отличались меньшими размерами. Многие были не больше старинного автомобиля. Она обратила внимание, что пламя их двигателей при взлете пылало не так ярко, как полвека назад, насколько ей помнилось. Темно-синее свечение больше не слепило глаза. Должно быть, эти миниатюрные термоядерные двигатели обладали большей эффективностью.

В глаза Чэн Синь бросилась красная светящаяся окружность радиусом около ста метров, очерчен-

ная вокруг выхода. Она тут же сообразила, что это означает: космоград вращался, и за пределами окружности центробежная сила становилась значительной. Корабли, припаркованные за линией, нужно было ставить на якорь, а пешеходам приходилось носить обувь на магнитной подошве, иначе их выбросило бы с космодрома.

Здесь было очень холодно. Только когда поблизости взлетал корабль, жар от его двигателя приносил краткое ощущение тепла. Чэн Синь поежилась — не столько от холода, сколько от сознания того, что она в открытом космосе. Но ее окружала настоящая атмосфера, с нормальным давлением; она ощущала порывы морозного ветра. Похоже, технология удержания воздуха в частично открытом помещении продвинулась дальше: теперь стало возможным сохранять атмосферу в полностью открытом пространстве.

Цао Бинь заметил ее потрясение и пояснил:

— На сегодняшний день мы можем поддерживать атмосферу только до высоты в десять метров. — Он пробыл в этом мире немногим дольше, чем Чэн Синь, но его уже не удивляли новые достижения науки и техники, которые ей казались волшебством. Ему хотелось показать своей спутнице нечто гораздо более впечатляющее.

На фоне кружащихся звезд глазам Чэн Синь предстал Мир Космических Убежищ.

Отсюда открывался вид на большинство космоградов, расположенных за Юпитером. Чэн Синь увидела двадцать два города, включая и тот, на котором стояла сама; там было еще четыре, не видимых за Азией I. Все двадцать шесть городов (на шесть больше, чем собирались построить), прячущихся в тени планеты-гиганта, расположились четырьмя нестройными рядами. Это зрелище напомнило Чэн Синь о космическом эксперименте шестидесятилетней давности. С одного боку Азии I находились Северная Америка I и Океания I, с другого — Азия III. Всего пятьдесят километров отделяли Азию I от соседей с каждой стороны. Какие же они огромные! Чэн Синь почти физически ощущала их исполинские масштабы. Следующий ряд космоградов располагался на удалении в 150 км, и визуально оценить их размеры было трудно. Самые дальние убежища находились в тысяче километров отсюда и выглядели совсем игрушечными.

Это зрелище напомнило Чэн Синь стайку крошечных рыбок, хоронящихся за большим камнем, чтобы не унесло течением.

Северная Америка I, ближайшая соседка Азии

I, представляла собой идеальную сферу. Она и цилиндрическая Азия I олицетворяли две крайности в дизайне космоградов. Большинство убежищ имели форму мяча для регби, хотя соотношение большой и малой осей у каждого было свое. Еще несколько космоградов отличались необычностью формы, например, колесо со спицами, веретено и прочее.

За тремя другими газовыми гигантами располагались еще три кластера убежищ общим счетом тридцать восемь: двадцать шесть за Сатурном, четыре за Ураном и восемь за Нептуном. Эти города находились в более безопасном месте, зато и окружающее их пространство было намного безотраднее, чем в окрестностях Юпитера.

Внезапно около одного из городов возникло голубое свечение — как будто в космосе вспыхнуло маленькое голубое солнце. По космодрому побежали длинные тени. Цао Бинь объяснил: маневровые двигатели города включились, чтобы произвести коррекцию его положения. Космограды обращались вокруг Солнца параллельно Юпитеру, непосредственно за его орбитой. Под действием тяготения убежища постепенно приближались к гигантской планете, поэтому приходилось все время подправлять их

позицию с помощью двигателей. На такую операцию уходила уйма энергии. Ранее предлагалось превратить космограды в спутники Юпитера и сменить орбиту только после сигнала тревоги. Но поскольку система оповещения об атаке «темного леса» находилась в стадии совершенствования и в ее надежности еще предстояло убедиться, рисковать никто не хотел.

— Надо же, тебе повезло! Сейчас увидишь то, что случается только раз в три дня. — Цао Бинь указал куда-то в пространство. Чэн Синь увидела в отдалении маленькую, но понемногу увеличивающуюся белую точку. Вскоре точка выросла до шара размером с мячик для пинг-понга.

— Европа?

— Точно. Мы сейчас очень близки к ее орбите. Упрись ногами покрепче и постарайся не испугаться.

Интересно, что имеет в виду Цао Бинь? Чэн Синь всегда думала, что небесные тела движутся очень медленно, почти незаметно для глаза — во всяком случае, так это выглядит при наблюдении с Земли. Но тут она вспомнила, что космоград — не спутник Юпитера, он остается неподвижным относительно планеты. А Европа — спутник, причем движущийся очень быстро. Чэн Синь

припомнила: скорость Европы — около четырнадцати километров в секунду. Если космический город находится близко к ее орбите, то…

Белый шар вырастал на глазах — так стремительно, что это выглядело неправдоподобно. Вскоре Европа превратилась из мячика для пинг-понга в огромную планету, заняв собой бо!льшую часть неба. Ощущения верха и низа мгновенно поменялись местами, так что Чэн Синь казалось, будто Азия I падает на этот белый мир. А затем луна диаметром три тысячи километров закрыла все небо. Космоград летел над ледяными океанами Европы, и Чэн Синь ясно видела множество полос-трещин, перекрещивающихся на замерзшей поверхности, словно линии на ладони. Воздух, потревоженный прохождением Европы, завихрился маленьким смерчем. Чэн Синь почувствовала, как ее тянет невидимая сила; если бы не магнитная обувь, девушку наверняка оторвало бы от «земли». Все, что не было закреплено, взвилось в воздух; тросы, удерживающие корабли, выгнулись дугой. «Земля» под ногами содрогнулась с глухим угрожающим скрежетом — так гигантский корпус космограда отреагировал на быстро меняющееся гравитационное поле Европы. Прохождение луны заняло

три минуты, в течение которых она переместилась на другую сторону города и начала быстро уменьшаться. Небо осветили восемь огненных шаров — это восемь убежищ в первых двух рядах включили двигатели, чтобы скорректировать свою позицию.

— Какое… какое до нее расстояние? — пролепетала Чэн Синь.

— Минимальное — как было только что — сто пятьдесят километров, то есть практически она едва не задела нас локтем. Вообще-то нам некуда деваться. У Юпитера тринадцать лун, избежать всех просто невозможно. Орбита Европы очень незначительно отклоняется от экватора, поэтому она самая близкая к юпитерианским убежищам. Европа для нас основной источник воды, и мы построили на ней немало промышленных предприятий. Конечно, когда нас настигнет удар «темного леса», всеми ими придется пожертвовать. После взрыва Солнца орбиты лун Юпитера резко изменятся. Сманеврировать так, чтобы уберечь космограды от столкновения с ними, будет делом чрезвычайно сложным.

Цао Бинь нашел шлюпку, в которой прилетел на Азию I. Суденышко по размерам и по форме напоминало старинный автомобиль, рассчи-

танный только на двоих. Инстинкты Чэн Синь бунтовали против выхода в космос на такой скорлупке, хотя она понимала, что рациональных причин для страха нет. Цао Бинь отдал искусственному интеллекту шлюпки команду идти к Северной Америке I, и кораблик взлетел.

Космодром быстро удалялся. Вскоре восьмикилометровый круг космопорта стал виден целиком, а за ним и вся Азия I. Шлюпка облетала вращающийся космический город. Позади цилиндра простиралась необозримая темно-желтая гладь. И только когда в иллюминаторе показался край этой глади, Чэн Синь сообразила, что смотрит на Юпитер. Здесь, в тени газового гиганта, все было окутано холодом и мраком, а Солнца, казалось, не существовало вовсе. Под толстым слоем плотной атмосферы призрачно фосфоресцировали жидкие газы — гелий и водород; пятна рассеянного света медленно плавали туда-сюда — так движутся глазные яблоки под закрытыми веками спящего.

Невероятные размеры Юпитера потрясли Чэн Синь. Из шлюпки она видела только малую часть планеты, а кривизна ее горизонта была вообще незаметна. Юпитер, этот могучий темный барьер, закрывал собой остальную Вселенную, и у Чэн

Синь снова возникло чувство, будто она стоит у исполинской стены на краю мироздания.

* * *

В последующие три дня Цао Бинь с Чэн Синь посетили еще четыре космограда.

Первой была Северная Америка I — ближайшая соседка Азии I. Основным преимуществом ее сферической конструкции было то, что для освещения всего города хватало одного искусственного солнца. Однако у такой формы существовал и значительный изъян: сила тяжести зависела от широты. Самое сильное тяготение было на экваторе, по мере приближения к полюсам оно медленно уменьшалось, а на полюсах сходило на нет. Обитателям различных широт приходилось приспосабливаться к существованию в условиях различной гравитации.

В отличие от Азии I, маленькие космолеты могли войти непосредственно в город через ворота на северном полюсе. Когда шлюпка Цао Биня и Чэн Синь оказалась внутри сферы, им пришлось перед посадкой синхронизировать свою скорость со скоростью вращения этого мира. Чтобы попасть в низкие широты, наши путешественники воспользовались скоростной железной дорогой,

и поезд двигался куда быстрее, чем автобус в Азии I. Чэн Синь отметила, что здания здесь выше и застройка гуще, отчего город напоминал земные мегаполисы. В высоких широтах с незначительным тяготением высота зданий ограничивалась только величиной сферы. В полярных регионах некоторые постройки достигали десяти километров в высоту; их длинные тонкие башни, словно сталагмиты, тянулись из земли навстречу солнцу.

Северная Америка I была одним из первых космоградов. При радиусе двадцать километров и двадцати миллионах обитателей это процветающее убежище было самым большим по количеству населения и служило деловым центром для всех юпитерианских городов.

Здесь Чэн Синь довелось увидеть нечто изумительное, чего не было в Азии I: экваториальный кольцевой океан. Собственно говоря, кольцевой океан в той или иной модификации присутствовал на большинстве космоградов, так что Азия I скорее являлась исключением из правила. В сферических или овальных городах экватор был «низиной» в поле искусственной гравитации, поэтому, естественно, там собиралась вся городская вода, образуя сверкающий и волнующийся пояс.

Стоя на берегу, можно было видеть, как океан поднимается по обеим сторонам и делит пополам «небо» за солнцем. Цао и Чэн Синь сели на скоростной катер и совершили морскую прогулку длиной в шестьдесят с небольшим километров. Вода была с Европы. Чистая, холодная, она отбрасывала играющие рябью блики на небоскребы по обоим берегам. Ближний к Юпитеру берег был более высоким — чтобы вода не выплескивалась при ускорении в процессе корректировки позиции. Несмотря на это при неожиданных маневрах все равно иногда случались незначительные наводнения.

* * *

Следующей остановкой был космоград Европа IV, сконструированный в обычной овальной форме. Его отличительной чертой являлось отсутствие общего искусственного солнца. Каждый округ имел свое миниатюрное светило, и все эти солнышки висели на высоте от двух до трех сотен метров. Преимущество такого способа освещения состояло в том, что зона невесомости использовалась более эффективно. Вдоль оси Европы IV располагалось одно здание, самое длинное — или, если хотите, самое высокое — в Мире

Убежищ. Насчитывая в длину сорок километров, оно соединяло северный и южный полюсы города. Поскольку в здании царила невесомость, его по большей части использовали в качестве космопорта и коммерческого развлекательного центра.

Среди всех космоградов Европа IV имела наименьшее население — всего лишь 4,5 миллиона человек. Это был самый зажиточный из городов Мира Убежищ. Изысканные дома, освещенные крохотными солнышками, очаровали Чэн Синь. При каждом доме имелся собственный бассейн, некоторые здания были окружены обширными лужайками. В безмятежной морской дали белели изящные паруса, а на берегу сидели люди и удили рыбу — просто так, ради удовольствия. Мимо медленно проплыла яхта — такая же роскошная, как яхты на старой Земле. На борту шла вечеринка с живой музыкой. Чэн Синь поразилась: и такую жизнь, оказывается, можно перенести за восемьсот миллионов километров от Земли, в тень Юпитера!

* * *

Океания I оказалась полной противоположностью Европе IV. Этот город был построен первым

из всех запланированных и, как и Северная Америка I, представлял собой сферу. В отличие от остальных юпитерианских городов, Океания I являлась спутником Юпитера.

На начальной стадии проекта в Океании I жили миллионы рабочих-строителей. Потом это убежище обратили в склад стройматериалов. Позже, когда выявились многочисленные недостатки этого самого раннего, экспериментального города, обитатели покинули его. Но когда переселение в Мир Убежищ завершилось, люди вновь пришли сюда и основали новый город, с правительством и полицией. Однако власти поддерживали только самую необходимую общественную инфраструктуру, а народ по большей части жил как вздумается. Океания I был единственным космоградом, в котором иммигранты могли поселиться, не спрашивая разрешения. Большинство жителей составляли безработные, бродяги, нищие, по разным причинам выпавшие из системы социальной защиты, да всякого рода богема. Впоследствии город стал рассадником экстремистских политических организаций.

У Океании I не было ни маневровых двигателей, ни искусственного солнца. Она также не вращалась вокруг собственной оси, поэтому здесь

все реяло в невесомости.

Войдя в город, Чэн Синь словно окунулась в волшебный мир. Создавалось впечатление, будто некогда процветающий, а затем разрушенный город разом утратил силу тяжести и вознесся в воздух. Океания I была городом вечной ночи, энергию для освещения поставляли домовые ядерные батареи. Сказочная картина: город, полный блуждающих огней…

Основная часть городских построек представляла собой просто хибары, кое-как слепленные из бросовых стройматериалов. Поскольку здесь не существовало ни верха, ни низа, хижины, как правило, были кубической формы с окнами (которые также служили дверями) на всех шести гранях. Некоторые имели форму шара, что давало свои преимущества: они были более прочными, а это немаловажно, когда парящие в воздухе строения то и дело сталкиваются друг с другом.

В Океании I не существовало такого понятия, как «землевладение», потому что все постройки летали как придется, без привязки к определенной местности. В принципе, любой житель имел право на любое место в городе. Здесь обитало множество бездомных, у которых не было даже хибар. Все их пожитки умещались в одной

большой сетчатой сумке (чтобы не разлетелись в разные стороны), и бездомные кочевали с места на место со всем своим имуществом.

Транспортная система тоже была проста: ни автомобилей, ни подвешенных в невесомости канатных дорог, ни персональных маневровых движков. Обитатели Океании I передвигались, отталкиваясь руками или ногами от строений. Поскольку хибары были напиханы довольно густо, этаким способом вполне можно было добраться куда угодно, вот только требовал он изрядной ловкости. Местные жители, летающие среди парящих в воздухе халуп, напоминали Чэн Синь гиббонов в джунглях, легко перепрыгивающих с ветки на ветку.

Они с Цао Бинем подплыли к группе бродяг, собравшихся вокруг костра. В любом другом космограде открытый огонь находился под запретом. Топливом, судя по виду, служил какой-то горючий стройматериал. В невесомости пламя не поднималось вверх, а образовывало огненный шар, парящий на одном месте.

Бродяги пили — да как! Пойло вытряхивалось из бутылок, отчего шарики жидкости начинали парить в воздухе, а мужики в лохмотьях и с небритыми физиономиями хватали их прямо

ртом и заглатывали. Одного из гуляк стошнило, и блевотина, вылетев изо рта, отбросила его назад; пьянчужка полетел, кувыркаясь и сквернословя.

Путешественники добрались до рынка. Товары носились как попало по воздуху, покупатели и продавцы летали среди товаров, и всю эту неразбериху освещало несколько плавающих фонарей. В таком хаосе трудно было разобраться, что кому принадлежит, но если покупатель начинал к чему-то приглядываться, продавец тотчас спешил к нему, и начинался торг. Здесь торговали всякой всячиной: одеждой, электроникой, едой, выпивкой, ядерными батареями различной мощности, ручным оружием и многим другим. А еще тут был экзотический антиквариат. В одном месте за несколько металлических обломков запрашивали несусветную цену. Продавец утверждал, что это останки кораблей, собранные на краю Солнечной системы после Битвы Судного дня. Говорил ли он правду? Да кто его знает…

Чэн Синь поджидал сюрприз: один из торговцев продавал антикварные книги. Она полистала некоторые — для нее они не были пришельцами из седой старины. Книги, многие раскрытые, плавали кучкой, напоминая стаю белокрылых птиц… Прямо перед Чэн Синь воспарил малень-

кий деревянный ящичек с надписью «Сигары». Она поймала его, и тут же к ней подлетел мальчишка и забожился на чем свет стоит, что это настоящие старинные гаванские сигары, свято хранящиеся уже двести лет. Ну, они немножко подсохли, так что он отдаст их по сходной цене — такой вам не предложат нигде в Солнечной системе! Мальчишка даже открыл ящик и показал товар лицом. Чэн Синь согласилась и купила.

Цао Бинь увлек свою спутницу к внешнему краю города, к сферической оболочке. Никакие здания не крепились к ней, и почва здесь тоже отсутствовала — все оставалось в том же первозданном виде, как во времена строительства космограда. Кривизна поверхности на ограниченном участке была незаметна, так что путешественникам казалось, будто они стоят на широкой плоской площади, а над ними плавает густое облако городских строений, между которыми скользят огни, отбрасывая на «площадь» мерцающие блики. Вся внутренняя поверхность оболочки космограда была разрисована граффити — им не было ни конца ни края. Яркие, насыщенные, дикие, необузданные, скабрезные и полные энергии картины в неверном, дрожащем свете казались живыми, как будто в них вопло-

тились мечты и грезы парящего вверху города.

Цао Бинь не повел свою спутницу в центр, объяснив, что туда лучше не соваться, там разгул преступности. Банды воюют между собой так яростно, что однажды несколько лет назад в пылу боя умудрились пробить дыру в корпусе. Произошла разгерметизация. Позже бандиты заключили что-то вроде негласного договора и перенесли свои разборки в центр, подальше от внешней обшивки.

Еще Цао Бинь рассказал, что федеральное правительство выделяет Океании I колоссальные суммы на социальную защиту. Шесть с чем-то миллионов здешних обитателей — почти сплошь безработные, но, во всяком случае, они получают все самое необходимое для жизни.

— А что произойдет с городом в случае атаки «темного леса»?

— Погибнет. У города нет маневровых двигателей; но даже если бы и были, его невозможно передвинуть в тень Юпитера и держать там. Смотри… — Цао указал на летающие постройки. — Если городу придать ускорение, все это грохнется о корпус, пробьет дыру и вывалится наружу. Если мы получим предупреждение об атаке, выход только один: эвакуировать жителей

в другие убежища.

Покидая город вечной ночи, Чэн Синь смотрела в иллюминатор шлюпки и видела не только нищету и обездоленность. Этот город жил своей особой, уникальной, богатой жизнью, словно невесомая версия знаменитого полотна династии Сун «По реке в День поминовения усопших»[171].

Чэн Синь пришла к выводу, что по сравнению с предыдущей эрой Мир Убежищ никак нельзя назвать идеальным обществом. Миграция к внешнему краю Солнечной системы способствовала возрождению некоторых опасных социальных тенденций, давно канувших в Лету под влиянием прогресса. Но это не регресс, это скорее движение вверх по спирали — необходимое условие для исследований, открытий и освоения новых территорий.

* * *

После Океании I Цао показал Чэн Синь еще несколько космоградов неординарной конструк-

[171] Примечания: 171

Эта картина упоминается также и в романе «Задача трех тел». Кому интересно, с ней можно ознакомиться здесь: http://www.npm.gov.tw/exh96/orientation/flash_4/ index.html. Есть и интересный анимированный вариант с комментариями: https:// www.youtube.com/watch?v=kxff-4GktOI — *Прим. перев.*

ции. Один из них, в непосредственной близости от Океании I, имел форму колеса со спицами, чем напоминал станцию при терминале космического лифта, которую Чэн Синь посетила более шестидесяти лет назад, только побольше размером.

Чэн Синь ввергало в недоумение разнообразие конструкций убежищ. С инженерной точки зрения, колесо представлялось идеальной формой. Его гораздо легче соорудить, чем шаро- или яйцеобразный корпус, как у других городов; к тому же колесо прочнее, лучше противостоит катастрофам, и его легко расширять и достраивать.

На вопрос Чэн Синь ее спутник ограничился лаконичным:

— Чувство мира.

— Что?

— Ощущение, что вокруг тебя мир. Космоград должен обладать большим внутренним объемом и обширными открытыми пространствами, чтобы его обитатели ощущали, что живут внутри мира. Хотя в колесе полезная площадь примерно такая же, как в сфере или в мяче для регби, люди все равно осознают, что живут в узкой трубе.

Существовали убежища и еще более странных форм. По большей части это были промышлен-

ные или сельскохозяйственные объекты без постоянных жителей. Например, город под названием Ресурс I насчитывал в длину 120 км, зато диаметром был всего три, то есть напоминал тонкую палку; и вращался он не вдоль продольной оси, а кувыркался вокруг центра. Внутренность его была поделена на уровни, тяготение в которых резко варьировалось. Для жизни были пригодны только несколько уровней, на остальных же размещались промышленные производства, приспособленные для различной силы тяжести. По словам Цао Биня, вблизи Сатурна и Урана существовали другие города, составленные из нескольких таких «палок» в виде креста или звездочки.

Осуществлять проект космических убежищ начали со строительства кластеров около Юпитера и Сатурна. Позже, когда приступили к работам в окрестностях Урана и Нептуна, в дизайне космоградов появились новые концепции. Самой важной оказалась идея сцепления городов. В двух кластерах, что располагались на самом краю Солнечной системы, каждое убежище было снабжено одним или несколькими стандартными стыковочными узлами, благодаря которым города можно сцепить друг с другом. Такая стыковка

расширяла обитаемое пространство и создавала у жителей еще более прочное «чувство мира». Все это способствовало подъему экономики. К тому же после сцепления атмосферы и экологические системы различных городов сливались воедино, что облегчало их эксплуатацию.

В настоящее время большинство городов стыковались по оси своего вращения. Таким образом, они после стыковки продолжали вращаться, как раньше, не меняя вектора гравитации. Выдвигались предложения также о параллельной или перпендикулярной стыковке, что позволило бы городам разрастаться в самых разных направлениях, а не только вдоль оси вращения. Но тогда внутреннее распределение силы тяжести радикально изменится, поэтому такие предложения пока не внедряли в практику.

Самый большой комбинированный город располагался около Нептуна. Четыре из восьми убежищ, соединившись по оси вращения, образовали единую конструкцию длиной двести километров. При необходимости — например, когда придет предупреждение об ударе «темного леса» — города можно быстро разъединить, тем самым увеличив их мобильность. Люди надеялись, что однажды все города в каждом кластере

объединятся в единое целое и человечество будет жить в четырех автономных мирах.

Всего в тени Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна прятались шестьдесят четыре больших и около сотни средних и малых космоградов плюс множество космических станций. В Мире Убежищ жили девятьсот миллионов человек, то есть почти все человечество. Задолго до атаки «темного леса» цивилизация землян задраила все люки и приготовилась к худшему.

В политическом отношении каждый космоград соответствовал одному государству. Все четыре кластера образовывали Федерацию Солнечной системы, управляемую федеральным правительством, унаследовавшим функции ООН. Большинство древних земных цивилизаций прошло через стадию городов-государств, и теперь то же самое повторилось на окраинах Солнечной системы.

Земля стала практически необитаемой — на всей планете жило лишь пять миллионов человек. Это были люди, не пожелавшие покинуть родной дом и не испытывающие страха перед внезапной и неотвратимой гибелью. Многие храбрецы, живущие в Мире Убежищ, совершали турпоездки на Землю, хотя каждое такое путеше-

ствие было рискованной игрой, ставка в которой жизнь.

Время шло, и грозный призрак атаки «темного леса» становился все явственнее. Люди понемногу привыкали к жизни в космических убежищах. Они занимались обустройством своего нового дома, тоска по родной планете уже не так терзала их, и все меньше и меньше туристов путешествовало на Землю. Народ больше не интересовался новостями из старого мира, поэтому мало кого занимало, что природа Земли переживала бурное возрождение. Континенты покрылись лугами и лесами, а люди, оставшиеся на родной планете, никогда не выходили из дому без оружия, ведь надо было защищаться от расплодившегося зверья. Правда, молва гласила, будто они жили как короли: каждый владел огромными земельными угодьями с лесами и озерами. Планета теперь была всего лишь одним из городов Федерации Солнечной системы.

Маленькая шлюпка Чэн Синь и Цао Биня находилась сейчас на периферии юпитерианского кластера космоградов. Перед лицом исполинского темного Юпитера убежища казались такими маленькими, такими одинокими — словно горстка хижин у подножия могучего утеса. Отсюда,

издалека, они выглядели крохотными свечками. Да, маленькие, слабые, но они были единственными средоточиями тепла и домашнего уюта посреди бесконечного запредельного холода и запустения космоса. Именно сюда стремились сердца усталых путешественников. В голове Чэн Синь всплыло короткое стихотворение, которое она учила в школе, — произведение давно забытого китайского поэта эпохи Республики:

Солнце село.

Горы, деревья, скала, река,

Все величественные здания погружены в тень.

Люди с большим интересом зажигают лампы,

В предвкушении того, что увидят,

В надежде найти то, что хотят[172].

[172] Примечания: 172

Стихотворение Сюй Юйно (1894–1958), современного китайского поэта, выразителя идей Движения Четвертого мая. — *Прим. К. Л.* Движение Четвертого мая — массовое антиимпериалистическое (преимущественно антияпонское) движение в Китае в мае — июне 1919 года, возникшее под влиянием Октябрьской революции в России. — *Прим. перев.*

Эра Космических Убежищ, год 11-й
Скорость света II

Конечной целью путешествия Чэн Синь и Цао Биня был Гало-Сити, космоград среднего размера. Средними считались убежища, внутренняя площадь которых составляла от пятидесяти до двухсот квадратных километров. Обычно такие города входили в конгломераты крупных космоградов, но два средних города, Гало-Сити и Скорость Света II, располагались поодаль от основного юпитерианского кластера, почти вне защитной тени планеты.

На пути к Гало-Сити шлюпка пронеслась мимо Скорости Света II. Цао Бинь рассказал спутнице, что Скорость Света II некогда была городом науки — в нем располагался один из двух исследовательских центров, работающих над проблемой замедления скорости света; но люди ушли оттуда. Чэн Синь очень заинтересовалась и захотела сделать остановку. Цао Бинь неохотно повернул шлюпку в требуемую сторону.

— Может, просто поглядим снаружи, и хватит? — буркнул он. — Внутрь лучше бы не

соваться.

— Это опасно?

— Да.

— Но мы же были внутри Океании I, а там тоже опасно!

— Там все совсем по-другому. Внутри Скорости Света II никого нет. Это… это город-призрак. Во всяком случае, все так говорят.

Шлюпка приблизилась к космограду, и Чэн Синь поняла, что тот действительно обратился в руины. Он не вращался, внешнюю обшивку рассекали трещины и разломы. В некоторых местах оболочка отсутствовала совсем, открывая взору внутреннюю структуру. Разглядывая эти впечатляющие останки в свете прожекторов шлюпки, Чэн Синь ощутила одновременно и ужас, и благоговение. Безжизненный космоград напоминал выбросившегося на берег кита, который лежит недвижно уже многие-многие тысячелетия. Жизнь давно вытекла из него, остались лишь ссохшаяся, потрескавшаяся шкура да скелет. Ей казалось, будто она смотрит на сооружение, которое старше афинского Акрополя и скрывает в себе еще больше тайн.

Они медленно двинулись к большой — в несколько раз шире, чем их шлюпка, — бреши.

Между балками внутренней конструкции, искореженными и погнутыми, открывался путь внутрь убежища. Луч прожектора проник туда и осветил далекую «землю», совершенно голую.

Шлюпка вошла в город и, пройдя немного, остановилась и начала обшаривать прожекторами окружающее пространство. Чэн Синь рассмотрела, что, куда ни кинь взгляд, «земля» оставалась такой же голой. Отсутствовали не только строения — не было вообще никаких признаков того, что когда-то здесь обитали люди. В «земле» виднелись лишь пересекающиеся балки несущей конструкции.

— Это просто пустая оболочка? — спросила Чэн Синь.

— Нет.

Цао Бинь смотрел на свою спутницу несколько мгновений, словно оценивая, достаточно ли у той мужества. Затем протянул руку и выключил прожектора.

Поначалу Чэн Синь видела только темень. Прямо перед ними сквозь пробоины в обшивке струился звездный свет, так что казалось, будто она смотрит в ночное небо через развороченную крышу. Наконец глаза приспособились, и Чэн Синь обнаружила, что внутренность мертвого

города не совсем темна — она мерцает призрачным голубым светом. Чэн Синь прохватил озноб. Она постаралась взять себя в руки и вгляделась в источник света. Голубое сияние исходило из самого центра космограда.

Оно беспорядочно дрожало, словно помаргивающий в тике глаз. На голой «земле» шевелились странные тени. Пейзаж походил на безжизненные пустоши, озаряемые в ночи сполохами на горизонте…

— Это светится космическая пыль, падающая в черную дыру, — проговорил Цао Бинь, указывая на источник свечения. Видимо, своим объяснением он пытался хоть немного унять охвативший его спутницу страх.

— Там черная дыра?!

— Да. Она примерно… ну, не дальше пяти километров отсюда. Микроскопическая черная дыра с радиусом Шварцильда в ничтожную долю микрона и массой, равной Леде, луне Юпитера.

И в этом фосфоресцирующем голубом мерцании Цао Бинь рассказал Чэн Синь историю космограда Скорость Света II и ученого □Уэя[173].

---

[173] Примечания: 173

Как и □АА, это смешанное китайско-английское имя (□ — фамилия, и произносится «Гао»). — *Прим. К. Л.*

* * *

Исследования, посвященные снижению скорости света в вакууме, начались примерно в тот же период, что и проект космических убежищ. Поскольку план черного домена предоставлял человечеству еще один способ выживания, международное сообщество выделило ему колоссальные средства, а в рамках проекта космических убежищ специально для него в кластере Сатурна построили большой научный космоград — Скорость Света I. Но шестьдесят лет напряженных изысканий не дали ощутимых результатов, и даже в фундаментальной теории продвижение было незначительным.

Понизить скорость света в среде — задача не из самых трудных. Еще в 2008 году в лабораторных условиях ученым удалось уменьшить скорость света до невероятных семнадцати метров в секунду. Но скорость света в вакууме — совсем другое дело. В первом случае требовалось всего лишь заставить атомы промежуточной среды поглощать и вновь испускать фотоны, а сам свет при этом шел со своей обычной скоростью. Для плана черного домена такое решение не годилось.

Скорость света в вакууме — одна из фунда-

ментальных констант Вселенной. Изменить ее — все равно что изменить законы физики. Для этого нужно сделать прорывные открытия в науке о самих основах мироздания, а кроме того, требуется еще и немалая порция удачи. После шестидесяти лет фундаментальных исследований единственным полезным достижением оказалось строительство гелиоцентрического ускорителя частиц. Это, в свою очередь, привело к успеху в самой значительной составной части плана черного домена — проекте «Черная дыра».

В своих усилиях изменить скорость света ученые перепробовали все доступные, порой самые экстремальные методы. Однажды применили сверхмощное искусственное магнитное поле. Однако наилучший способ повлиять на прохождение света в вакууме — это подвергнуть его действию поля тяготения. Поскольку генерировать локальное гравитационное поле в лабораторных условиях чрезвычайно трудно, единственным путем, ведущим к цели, оставалась черная дыра. Гелиоцентрический ускоритель мог создавать микроскопические черные дыры.

Во главе проекта «Черная дыра» стоял Уэй. Цао Бинь работал с ним несколько лет. Рассказывая об этом человеке, Цао не мог скрыть своего слож-

ного отношения к коллеге.

— Он страдал тяжелой формой аутизма. Нет, я говорю не о чудачестве гения-затворника, по собственной воле изолировавшего себя от людей, а о реальном психическом заболевании. Уэй был крайне замкнутым человеком, общаться с кем-либо было для него сущей пыткой, а уж к женщине он не прикасался ни разу в жизни. Только в эту эпоху такой человек смог бы сделать столь выдающуюся карьеру. Однако, несмотря на все его достижения, большинство начальников и коллег Гао считали его всего лишь супербатарейкой, заряженной интеллектом. Болезнь мучила его страшно, и он пытался изменить себя — что и отличало его от других гениев.

Начиная с… э… кажется, восьмого года Эры Космической Передачи Уэй посвятил себя теоретическим исследованиям в области замедления скорости света. Через некоторое время он, думается мне, каким-то странным образом стал отождествлять собственную личность с предметом исследований. Ему казалось, что если он сможет изменить великую константу, то сможет изменить самого себя.

Но скорость света в вакууме поистине самая стойкая вещь во Вселенной. В попытках замед-

лить ее люди подвергали свет самым изощренным пыткам: бомбардировали, перекручивали, ломали, рассекали, растягивали, сжимали, даже разрушали — а результатом в большинстве случаев было только изменение его частоты в вакууме. Скорость света не менялась, стояла несокрушимой, непреодолимой стеной. После десятилетий неудач все, как теоретики, так и экспериментаторы, впали в отчаяние. Даже крылатое выражение возникло: «Если Создатель и вправду существует, единственное, что Он в процессе Творения запечатал семью печатями, — это скорость света».

Отчаяние Уэя было особенно глубоким. К тому моменту, когда я лег в гибернацию, ему почти исполнилось пятьдесят. Он все так же не знал женщины, а о своей судьбе думал как о скорости света: ее не перебороть. Он еще больше замкнулся, полностью уйдя в себя.

Проект «Черная дыра» начал работу на первом году Эры Космических Убежищ и продолжался одиннадцать лет. Особых надежд на него никто не возлагал. И теоретические расчеты, и астрономические наблюдения показывали, что даже черные дыры не в силах ничего поделать с упрямой константой. Эти демоны Вселенной только и

могут, что при помощи своего тяготения искривить траекторию света и изменить его частоту, но на скорость не влияют никак. Однако чтобы продолжать исследования по плану черного домена, необходимо было экспериментировать со сверхмощными полями тяготения, а для этого требовалась черная дыра. Вдобавок поскольку черный домен — это, по сути, та же самая черная дыра, только со сниженной скоростью света, кто знает — возможно, наблюдения за микроскопической черной дырой с обычной скоростью света дадут неожиданные подсказки?

Гелиоцентрический ускоритель был способен создавать микроскопические черные дыры, но они тут же испарялись. Чтобы получить стабильную черную дыру, одну из них после генерации немедленно вывели из ускорителя и поместили внутрь Леды.

Леда, самая маленькая из лун Юпитера, со средним радиусом всего восемь километров, представляла собой просто-напросто огромный булыжник. Перед тем как создать черную дыру, Леду сняли с ее орбиты и превратили в спутник Солнца, обращающийся рядом с Юпитером, как космограды. Но в отличие от космоградов Леду передвинули в точку Лагранжа Солнце — Юпитер

L2, где мы сейчас и находимся. Это позволяло Леде сохранять относительно стабильную позицию без постоянной корректировки. На тот момент это было самое массивное небесное тело, которое люди переместили в космосе.

Микродыра внутри Леды стала быстро поглощать вещество и расти. Порождаемое при этом излучение плавило окружающие скальные породы. Вскоре вся луна полностью расплавилась, и из эдакой каменной картофелины превратилась в багрово пылающий шар раскаленной лавы. Этот шар медленно уменьшался в размерах, светясь все ярче и ярче, пока с ослепительной вспышкой не исчез совсем. Наблюдения показали, что помимо незначительного количества материи, рассеявшегося с излучением, все вещество Леды было поглощено черной дырой. Дыра оставалась стабильной, диаметр ее горизонта событий увеличился с размера элементарной частицы до двадцати одного нанометра.

Вокруг черной дыры построили космоград, который назвали Скорость Света II. Дыра висела в центре города — пустого, не вращающегося, не герметичного; то есть внутри него царил вакуум. По сути, это был гигантский контейнер для черной дыры. Чтобы изучать ее, туда доставляли

персонал и оборудование.

Исследования продолжались много лет. Впервые в истории люди получили возможность наблюдать за черной дырой в лабораторных условиях. Было сделано множество открытий, способствовавших развитию теоретической физики и фундаментальной космологии, но ни одно из них не помогло решить проблему снижения скорости света в вакууме.

Через шесть лет после начала исследований Уэй умер. Согласно официальному докладу Всемирной академии наук, его «случайно затянуло в черную дыру» во время эксперимента.

Любой, у кого есть хотя бы самые элементарные познания в физике, понимает: вероятность того, что Гао «затянуло» в черную дыру, практически равна нулю. Причина, по которой черные дыры превращаются в ловушку, из которой не может вырваться даже свет, не в их ошеломительном тяготении (хотя у больших черных дыр, образующихся при коллапсе звезд, тяготение и впрямь неимоверное), но в чрезвычайной плотности их гравитационных полей. Для стороннего наблюдателя общее тяготение черной дыры ничем не отличается от тяготения эквивалентной массы вещества. Если бы Солнце превратилось в чер-

ную дыру, Земля и другие планеты продолжали бы свое движение вокруг нее как ни в чем не бывало. И лишь если подобраться к черной дыре достаточно близко, ее тяготение начнет вытворять странные фокусы.

В Скорости Света II черную дыру окружала защитная сетка радиусом пять тысяч метров. Исследовательскому персоналу внутрь ограждения заходить запрещалось. Поскольку радиус Леды первоначально составлял только восемь километров, гравитация черной дыры на расстоянии пять километров была ненамного больше гравитации на поверхности бывшего спутника Юпитера, то есть очень слабая. Человек у сети находился практически в состоянии невесомости и легко мог уйти от дыры, используя маневровые двигатели скафандра. Так что Гао никак не могло куда-то там «затянуть».

Уэй буквально влюбился в черную дыру. После долгих лет борьбы со скоростью света и полным провалом в попытках изменить хотя бы одну цифру в этой константе Гао ожесточился, его обуревало чувство поражения. Поскольку неизменность скорости света — это закон природы, он стал ненавидеть законы природы. Ненавидеть и бояться. Но сейчас перед его глазами находилось

нечто, сумевшее сжать Леду до двадцати одного нанометра! Внутри горизонта событий, в этой пространственно-временной сингулярности, известные законы природы не работали…

Уэй частенько зависал на защитной сетке и часами смотрел на черную дыру в пяти километрах от него. Он наблюдал за ее свечением — так же как мы сейчас — и время от времени утверждал, что дыра разговаривает с ним, что он читает в ее мерцании осмысленные сообщения.

Никто не видел, как исчез Гао, а видеозапись, если она и существует, не обнародована. Гао, ведущий физик проекта, знал пароль, открывающий защитную сетку. Я уверен: он проник внутрь и летел к дыре, пока не прошел точку невозврата. Возможно, он просто хотел взглянуть поближе на объект своей страсти, а может, и в самом деле намеревался войти в сингулярность, где обычные законы природы не действуют и где он сможет избавиться от всех своих проблем…

То, что случилось дальше, слишком странно. Это сложно описать. Ученые наблюдали за дырой в дистанционно управляемые микроскопы и обнаружили, что на поверхности крошечной сферы диаметром двадцать один нанометр просматривается человеческая фигура. Это был Уэй,

проваливающийся сквозь горизонт событий.

Согласно общей теории относительности, сторонний наблюдатель увидит, что часы поблизости от горизонта событий замедляют ход. Процесс падения Уэя в черную дыру тоже замедлится и растянется до бесконечности.

Но с точки зрения самого Уэя, он уже миновал горизонт событий.

Что еще более поразительно, пропорции фигуры оставались нормальными. Приливные силы[174], похоже, не работают — возможно, из-за того, что черная дыра очень мала. Гао сжался до нанометрового масштаба, но пространство там тоже крайне искривлено. Многие физики считают, что тело Уэя у горизонта событий не пострадало. Иными словами, он, скорее всего, до сих пор жив.

Вот почему страховая компания отказывается платить, хотя Уэй в его системе отсчета прошел горизонт событий и по идее сейчас мертв. Но договор страхования заключался согласно законам нашего мира, а с этой точки зрения невозможно

---

[174] Примечания: 174

Приливные силы вызваны разностью в тяготении между двумя точками падающего на черную дыру объекта — ближайшей к дыре и наиболее удаленной. Та часть объекта, что ближе к дыре, притягивается сильнее, объект растягивается в тонкую полоску или рвется (https://ru.wikipedia.org/wiki/Спагеттификация). — *Прим. перев.*

доказать, что [illegible]Уэй мертв. Даже прекратить договор невозможно: страхователи утверждают, что это можно сделать только после окончания события, приведшего к смерти; а поскольку [illegible]Уэй все еще падает в черную дыру, событие не завершилось — и не завершится никогда.

Затем некая женщина подала в суд на Всемирную академию наук и потребовала остановить изучение этой конкретной черной дыры. К тому моменту стало ясно, что пассивные наблюдения новых результатов не дадут. При дальнейших исследованиях требовалось непосредственно воздействовать на дыру — например, посылать внутрь нее опытные объекты, что вызвало бы мощные потоки радиации и возмутило бы пространственно-временной континуум в границах горизонта событий. Если [illegible]Уэй все еще жив, эксперименты подвергнут его жизнь опасности. Истица проиграла дело, но работы с черной дырой по разным причинам все же прекратили, и персонал покинул Скорость Света II. Остается только ждать, пока дыра не испарится, а для этого потребуется еще полвека.

Во всяком случае, теперь мы знаем, что по крайней мере одна женщина любила [illegible]Уэя, хотя он об этом и не подозревал. Впоследствии она ре-

гулярно приезжала сюда и пыталась посылать к черной дыре нейтринные и радиосообщения. Она даже писала слова любви большими буквами на листах бумаги, которые прикрепляла к защитной сетке в надежде, что Уэй сможет их прочесть. Но в его системе отсчета он уже прошел горизонт событий… Ладно, это все слишком сложно.

Чэн Синь неотрывно смотрела на голубую фосфоресцирующую точку в темной дали. Значит, там, у горизонта событий, где время остановилось, есть человек, и человек этот вечно падает, падает, падает… С точки зрения нашего мира он все еще жив, но в своем собственном мире он уже мертв. Так много странных судеб, так много невообразимых жизней…

Теперь Чэн Синь казалось, будто мерцающая черная дыра и вправду посылает какое-то сообщение, будто ей действительно подмигивает чей-то глаз… Она отвела взгляд, ощущая в сердце такую же пустоту, какая царила в этих развалинах, и тихо сказала своему спутнику:

— Летим в Гало-Сити.

Эра Космических Убежищ, год 11-й

Гало-сити

На подлете к цели путешествия шлюпка наткнулась на линию блокады. Более двадцати боевых звездолетов Флота Федерации окружили Гало-Сити. Блокада длилась уже две недели.

Звездолеты были огромными, но рядом с космоградом казались утлыми лодчонками, окружившими величественный океанский лайнер. На блокаду Гало-Сити Флот Федерации послал основную часть своих сил.

После того как оба трисолярианских флота растворились в глубинах космоса и все контакты между двумя мирами прекратились, инопланетная угроза человечеству приняла новую форму. Конгресс Флотов, образованный для войны с трисолярианами, утратил свое назначение и постепенно терял влияние, пока наконец не был распущен. Флот Солнечной системы, собственность Конгресса Флотов, перешел во владение Федерации Солнечной системы. Это был первый случай в истории, когда единое мировое правительство контролировало большинство вооруженных сил человечества.

Поскольку необходимость в больших космических силах отпала, численность флота

резко сократилась. Когда началось строительство космических убежищ, большинство из тогдашней сотни с лишним боевых звездолетов были переоборудованы для использования в гражданских целях. Их разоружили, системы жизнеобеспечения удалили, а корабли превратили в транспорты, обслуживающие проект. В строю осталось только тридцать боевых звездолетов. За последние шестьдесят с лишним лет не построили ни одного нового военного корабля — из-за их дороговизны. На постройку двух или трех боевых звездолетов требовалось столько же денег, сколько на крупный космоград. Кроме того, в новых военных кораблях просто не было нужды. Бол! ьшую часть своих ресурсов Флот Федерации направил на создание системы раннего предупреждения.

Шлюпка остановилась, подчиняясь приказу. К ней направился военный патрульный катер. Он был невелик — издалека Чэн Синь видела лишь пламя из его дюз, а рассмотреть корпус ей удалось, только когда катер подлетел поближе. Пока шла стыковка, Чэн Синь разглядывала его экипаж. Их военная форма сильно отличалась от формы в предыдущую эру: на ней красовалось меньше всякой космической символики, и выгля-

дела она почти как обмундирование наземных войск в старые времена.

Мужчина средних лет, перешедший после стыковки на борт шлюпки, был одет в штатское. Даже в невесомости он двигался элегантно и спокойно и, похоже, не испытывал неловкости, оказавшись в тесном пространстве, рассчитанном только на двоих.

— Добрый день. Я Блэр, специальный посланник президента Федерации. Собираюсь предпринять последнюю попытку договориться с правительством Гало-Сити. Я мог бы обратиться к вам с борта моего корабля, но из уважения к обычаям Общей Эры решил встретиться лично.

Чэн Синь отметила, что даже политики в эту эпоху стали другими. Самоуверенность и прямолинейность предыдущей эры сменились рассудительностью, сдержанностью и вежливостью.

— Правительство Федерации объявило полную блокаду Гало-Сити, никому не разрешается входить или покидать его. Однако мы знаем, что на борту этого судна находится доктор Чэн Синь. — Посланник слегка поклонился ей. — Мы вас пропустим и окажем всяческое содействие. Надеемся, вы воспользуетесь своим влиянием

и убедите правительство Гало-Сити прекратить неразумное, преступное сопротивление, а также предотвратите дальнейшее ухудшение ситуации. Я являюсь выразителем воли президента.

Специальный посланник взмахнул рукой — открылось информационное окно, в котором возник президент Федерации. В кабинете за его спиной были представлены флаги городов Мира Убежищ. Чэн Синь не узнала ни одного. Национальные государства исчезли вместе со своими флагами. Президент, азиат по происхождению, производил впечатление самого обычного человека. Его лицо выглядело усталым. Поприветствовав Чэн Синь кивком, он сказал:

— Посланник Блэр прав. Такова воля правительства Федерации. Господин Уэйд сообщил, что окончательное решение остается за вами. Мы не очень-то этому верим, однако желаем вам всяческого успеха. Приятно видеть, что вы все еще молоды. Хотя для этой миссии, возможно, слишком молоды.

Окно закрылось. Блэр обратился к Чэн Синь:

— Полагаю, у вас уже имеется некоторое понимание ситуации, но мне все же хотелось бы дать вам общий обзор. Постараюсь сохранять объективность и беспристрастность.

Чэн Синь обратила внимание, что оба — и президент, и посланник — обращались только к ней и полностью игнорировали ее спутника, тем самым подчеркивая свою глубокую враждебность по отношению к нему.

Собственно, Цао Бинь уже обрисовал ей картину во всех подробностях, и рассказ посланника не добавил ничего нового.

* * *

После того как Томас Уэйд взял на себя управление концерном «Гало», компания стала ключевым подрядчиком в проекте космических убежищ. Не прошло и восьми лет, как концерн вырос в десять раз и стал одним из столпов мировой экономики. Уэйд как предприниматель ничего особенного собой не представлял — по сути, он был значительно слабее ИИ. Своим ростом концерн был обязан новой управленческой команде, которую нанял Уэйд. Лично в делах компании он не участвовал и не проявлял к ней особого интереса, зато изымал значительную часть прибыли и вкладывал ее в исследования светового двигателя.

Одновременно со строительством космических убежищ концерн «Гало» приступил к

сооружению собственного космограда — научно-исследовательского центра, получившего название Гало-Сити. Расположили его в точке Лагранжа Солнце — Юпитер L2, которую посчитали идеальным местом: не нужны коррекционные двигатели и не надо тратить ценные ресурсы на поддержание стабильной позиции. Гало-Сити являлся единственным научным космоградом вне юрисдикции федерального правительства. Одновременно со строительством города Уэйд приступил к сооружению гелиоцентрического ускорителя частиц. Этот проект назвали «Великой стеной Солнечной системы», потому что он окружал Солнце кольцом.

В течение полувека концерн «Гало» проводил фундаментальные исследования в области космических полетов со скоростью света. Научная деятельность «Гало» не была чем-то из ряда вон выходящим: начиная с Эры Устрашения многие крупные компании вели серьезные научные разработки, которые при новой экономической системе нередко оборачивались сверхприбылями. «Гало» не делал особого секрета из конечной цели своих изысканий, но до тех пор, пока он занимался только фундаментальной наукой, правительство Федерации не могло обвинить

концерн в нарушении закона. Тем не менее оно относилось к деятельности концерна с подозрением и неоднократно подвергало ее проверкам.

На протяжении полувека отношения между компанией и правительством были в основном дружественными. Так как и для световых кораблей, и для плана черного домена требовались в общем и целом одни и те же фундаментальные исследования, концерн «Гало» и Всемирная академия наук тесно сотрудничали. Например, проект академии «Черная дыра» использовал принадлежащий «Гало» гелиоцентрический ускоритель для получения образца черной дыры.

Однако шесть лет назад «Гало» вдруг открыто заявил о своем намерении сконструировать корабль с двигателем, искривляющим пространство. Столь явное неповиновение вызвало бурю негодования в международном сообществе. С тех пор конфликт между концерном и правительством Федерации не прекращался.

После нескольких раундов переговоров «Гало» пообещал, что, когда пространственный двигатель будет готов к испытаниям, полигон для них расположат на расстоянии не менее пятисот астрономических единиц от Солнца, чтобы следы не

выдали инопланетянам местонахождение Земли. Однако правительство Федерации считало, что разработка кораблей, способных летать со скоростью света, сама по себе является грубым нарушением законов и конституции Федерации. Опасность заключалась не только в оставляемых ими следах, но и в том, что появление такого светолета нарушило бы социальную стабильность в Мире Убежищ, а с этой перспективой мириться было нельзя. Была принята резолюция, санкционирующая захват правительством космограда Гало-Сити и гелиоцентрического ускорителя частиц. Концерну запретили проводить любые теоретические исследования и технические разработки в области двигателя, искривляющего пространство. В дальнейшем деятельность концерна «Гало» предполагалось держать под пристальным наблюдением.

В ответ на это концерн объявил о своей независимости от Федерации Солнечной системы. Таким образом, конфликт между ним и Федерацией обострился еще больше.

Международное сообщество не восприняло всерьез декларацию Гало-Сити о независимости. Стоит отметить, что после начала Эры Космических Убежищ конфликты между отдельными

космоградами и правительством Федерации были явлением нередким. Например, два города в отдаленных кластерах Урана и Нептуна — Африка II и Индийский Океан I — однажды объявили о своей независимости, но в конечном счете из их усилий ничего не вышло. Хотя Флот Федерации уступал в численности и мощи своему предшественнику, он был способен сокрушить любой космоград. По закону убежищам не разрешалось иметь собственные вооруженные силы; они могли держать лишь немногочисленную национальную гвардию, не способную к ведению войны в космосе. К тому же экономически космограды были настолько взаимосвязаны, что ни один из них не выстоял бы в блокаде, длящейся дольше двух месяцев.

— Вот тут я никак не могу понять Уэйда, — сказал Цао Бинь. — Он человек прозорливый, видит всю картину в целом и никогда не предпримет какого-либо шага, не продумав наперед все последствия. Так с чего бы ему вдруг объявлять независимость? Это же идиотизм — давать правительству повод силой забрать себе Гало-Сити!

К этому моменту посланник уже удалился, и шлюпка продолжала путь к своей конечной цели.

Прямо по курсу возникла некая кольцевая структура. Цао Бинь приказал шлюпке приблизиться к ней и затормозить. В гладкой металлической поверхности кольца виднелись длинные светлые полоски — отражения звезд — и искаженный образ шлюпки. Картина вызывала в памяти Кольцо, которое «Синий Космос» и «Гравитация» встретили в четырехмерном пространстве. Шлюпка остановилась и зависла поблизости. Чэн Синь прикинула, что диаметр всей структуры составлял около двухсот метров, а толщина кольца — метров пятьдесят.

— Перед тобой гелиоцентрический ускоритель частиц, — сказал Цао Бинь с благоговением.

— Какой-то он… маленький…

— Ох, прошу прощения, я неясно выразился. Это один из его разгонных соленоидов. Всего их три тысячи двести, они расположены в полутора миллионах километров друг от друга и образуют кольцо вокруг Солнца, поблизости от орбиты Юпитера. Частицы проходят сквозь центр, разгоняются в силовом поле, создаваемом обмоткой, и летят к следующему соленоиду, где разгоняются опять… За время эксперимента частицы неоднократно облетают Солнце.

Когда Цао Бинь раньше говорил о гелиоцен-

трическом ускорителе частиц, Чэн Синь представляла его себе в виде гигантского бублика в космосе. На самом же деле выстроить вокруг Солнца сплошную «Великую стену» хотя бы в границах орбиты Меркурия было бы равносильно «Инженерному проекту Господа Бога». Сейчас Чэн Синь наконец сообразила: наземному ускорителю требуется закрытое кольцо-труба, чтобы поддерживать внутри вакуум, но ведь в космосе такая труба не нужна! Частицы могут просто лететь сквозь пространство, ускоряясь в одном соленоиде за другим. Чэн Синь невольно повернула голову и вытянула шею: а вдруг удастся разглядеть соседний?..

— Следующий разгонный соленоид находится в полутора миллионах километров отсюда, то есть в четыре или пять раз дальше, чем Луна от Земли. Ты его не увидишь, — сказал Цао Бинь. — Этот суперколлайдер способен разгонять частицы до энергетического уровня Большого Взрыва. Кораблям приказано облетать его орбиту десятой дорогой. Несколько лет назад один транспорт заблудился и попал в поток ускоренных частиц сверхвысокой энергии. Они ударили по кораблю. Возникли высокоэнергетические вторичные ливни. Транспорт вместе со всем своим грузом —

миллионами тонн руды — испарился в один миг.

Еще Цао Бинь рассказал, что главным проектировщиком гелиоцентрического ускорителя был Би Юньфэн. Из последних шестидесяти с лишним лет тридцать пять он работал над этим проектом, а остальные провел в анабиозе. Его разбудили в прошлом году, но он намного старше, чем Цао Бинь сейчас.

— И все равно старику повезло. В Общую Эру он работал с наземным ускорителем, а теперь, тремя веками позже, ему выпало строить гелиоцентрический. Вот это карьера, не находишь? Но он, знаешь, тот еще экстремист! Фанатичный приверженец независимости Гало-Сити.

В то время как общественность и политики выступали против кораблей, способных летать со скоростью света, многие ученые поддерживали идею. Для них Гало-Сити стал землей обетованной. В город стремилось множество талантливых исследователей. Даже ученые, работающие на правительство Федерации, часто сотрудничали с Гало-Сити как открыто, так и тайно. Все это вывело наукоград на передовые позиции во многих областях фундаментальных исследований.

Шлюпка отошла от соленоида и продолжила путь. Гало-Сити лежал прямо по курсу. Космоград

был выстроен в малопопулярной форме колеса. Конструкция обеспечивала прочность, зато внутреннего объема было маловато, отчего страдало «чувство мира». Правда, про обитателей Гало-Сити говорили, что им это чувство ни к чему, потому что их мир — вся Вселенная.

Шлюпка вошла в «ступицу» огромного колеса, а оттуда путешественникам предстояло добраться до города по восьмикилометровой спице. Пожалуй, это было самым большим недостатком данной конструкции. Чэн Синь вспомнила свой поход через станцию при терминале космического лифта более шестидесяти лет назад; вспомнила о том, как большой холл причала показался ей тогда похожим на старый железнодорожный вокзал. Но здесь ощущение было совсем другим. Гало-Сити в десять раз превышал размерами станцию космического лифта, а просторный зал прибытия совсем не выглядел запущенным.

Пока они ехали на лифте внутри спицы, тяготение набирало силу. Когда оно достигло 1g, начался собственно город. Он состоял из трех частей: Академии наук Гало-Сити, Инженерной академии Гало-Сити и Центра управления гелиоцентрическим ускорителем частиц. Фактически космоград представлял собой кольцеобразный

туннель в тридцать с чем-то километров длиной. Хотя здесь и не было так просторно и открыто, как в шарообразных или овальных убежищах, клаустрофобии не возникало.

Вначале Чэн Синь не увидела в городе автомобилей: жители в основном ездили на велосипедах — те во множестве стояли по сторонам дороги, доступные всем желающим. Однако вскоре подъехала небольшая машина с открытым верхом и забрала новоприбывших.

Так как искусственная гравитация достигала наибольшей силы на дальней от центра стенке колеса, город был построен на этой поверхности. Голографическое изображение голубого неба с белыми облаками, проецируемое на внутреннюю стенку, до некоторой степени компенсировало ущемленное «чувство мира». Стайка щебечущих птичек пронеслась в вышине — не голограмма, а настоящие птицы. В Гало-Сити Чэн Синь ощутила комфорт, которого не испытывала в других космоградах. Кругом сплошные деревья и лужайки. Ни одного слишком высокого здания. Те, что принадлежали Академии наук, были покрашены в белый цвет, а те, что Инженерной академии, — в голубой, но каждое было уникальным. Изящные строения утопали в зелени. Чэн Синь казалось,

будто она попала в университетский городок.

По пути ее ждало любопытное зрелище: имитация руин древнегреческого храма. На каменной платформе возвышалось несколько полуразрушенных античных колонн, обвитых плющом. Посередине бил фонтан: его прозрачная струя весело сверкала в солнечных лучах. Мужчины и женщины в удобной одежде сидели, прислонясь к колоннам, или лежали на газоне рядом с фонтаном. Народ со вкусом отдыхал. По-видимому, людей мало заботило, что их космоград в осаде.

Лужайку около «развалин» украшали скульптуры. Внимание Чэн Синь привлекла одна из них: рука в латной рукавице поднимала из фонтана на кончике меча венок с вплетенными в него звездами; с венка непрерывно сбегала вода.

В глубине памяти Чэн Синь что-то шевельнулось, но она никак не могла вспомнить, где видела что-то подобное раньше. Она не отрывала глаз от скульптуры, пока та не скрылась из виду.

Автомобиль остановился около голубого здания. Табличка на нем гласила: «Инженерная академия, Лаборатория базовых технологий 021». На лужайке у входа Чэн Синь встречали Уэйд и Би Юньфэн.

С тех пор как Уэйд взял на себя управление

концерном «Гало», он ни разу не ложился в гибернацию, так что сейчас ему было сто десять лет. Его коротко подстриженные волосы и борода стали белыми как снег. Тростью он не пользовался, походка его оставалась уверенной и ровной, лишь спина чуть-чуть согнулась. Один рукав по-прежнему болтался пустой.

Их взгляды встретились, и Чэн Синь поняла, что время не сломило этого человека. То, что составляло суть его натуры, не только не ушло с годами, но стало еще более рельефным — так скала упрямо остается на месте, когда тают покрывающие ее снег и лед.

Би Юньфэн, который вообще-то был намного моложе Уэйда, выглядел, однако, старше. При виде Чэн Синь ученый разволновался — похоже, ему не терпелось что-то ей показать.

— Привет, девочка, — сказал Уэйд. — Мне теперь в три раза больше лет, чем тебе.

Его улыбка по-прежнему не могла согреть Чэн Синь, но в ней больше не чувствовалось и прежнего лютого мороза.

Чэн Синь смотрела на обоих мужчин со смешанными чувствами. Эти люди боролись за свои идеалы более шестидесяти лет и теперь подошли к концу своего жизненного пути. Она же прошла

через множество испытаний после своего первого пробуждения в Эру Устрашения, но в реальности, вне анабиоза, провела не более четырех лет. Сейчас ей тридцать три, — совсем еще молодая женщина в эпоху, когда средняя продолжительность жизни составляет сто пятьдесят лет.

Чэн Синь поздоровалась, и на этом с формальностями было покончено. Уэйд повел ее в лабораторию, Би Юньфэн и Цао Бинь последовали за ними.

Все вошли в обширный зал без окон. Знакомый резкий привкус электростатики подсказал Чэн Синь, что они в софонозащитной камере. Прошло больше шестидесяти лет, а люди по-прежнему не уверены, что все софоны покинули Солнечную систему, и, возможно, никогда не будут уверены. Очевидно, раньше зал был заставлен приборами и аппаратурой, но сейчас все лабораторное снаряжение беспорядочно громоздилось у стен, как будто его сдвинули впопыхах, чтобы освободить середину. В центре помещения одиноко возвышался некий аппарат. Окружающий беспорядок и пустота в середине свидетельствовали о неудержимом эмоциональном подъеме. Так команда охотников за сокровищами, найдя вожделенный клад, отбрасывает в сторону лопаты и кирки и

осторожно водружает драгоценную добычу на свободное, чистое место.

Сложное устройство аппарата напомнило Чэн Синь о токамаке из Общей Эры, только в миниатюре. Основная часть состояла из сферы, разрезанной надвое горизонтальной пластиной из черного металла, выступающей на несколько метров за край сферы. Пластина, поддерживающая устройство примерно на высоте в половину человеческого роста и снабженная крепкими ножками, служила заодно лабораторным столом. Поверхность его была пуста, за исключением нескольких приборов и телескопических манипуляторов.

Металлическая полусфера под столом была утыкана трубками различной толщины, направленными в невидимый центр сферы, что придавало ей сходство с рогатой подводной миной. По всей вероятности, прибор предназначался для концентрации какого-то вида энергии в его середине.

Полусфера над столом была изготовлена из прозрачного стекла. Обе половины образовывали единое целое, разделенное металлической пластиной. Метафора контраста: простая прозрачность против сложной непрозрачности.

Под стеклянным куполом помещалась прямоугольная металлическая платформа размером примерно с пачку сигарет и гладкой, зеркальной поверхностью. Платформа была как крохотная сцена, а сложный механизм под ней — оркестр, готовый аккомпанировать спектаклю. Вот только непонятно, что это будет за спектакль.

— Пускай же частица тебя приобщится к этому великому событию! — торжественно провозгласил Уэйд.

Би Юньфэн приподнял край стеклянного купола, а Уэйд подошел к Чэн Синь с ножницами в руке. Молодая женщина напряглась, но не отшатнулась. Уэйд с помощью манипулятора на столе осторожно приподнял прядь ее волос и отрезал самый кончик. Продолжая удерживать отрезанную прядку в манипуляторе, осмотрел ее, пришел к выводу, что она слишком длинная, и укоротил наполовину. Оставшаяся часть, всего два-три миллиметра длиной, была почти невидима. Уэйд подошел к открытой стороне купола и аккуратно уложил волоски на гладкую металлическую платформу. Хотя Уэйду перевалило за сто и действовал он только одной рукой, движения его были точными и уверенными — ни намека на дрожь.

— Иди сюда. Смотри внимательно, — приказал он.

Чэн Синь склонилась над стеклянным колпаком. Обрезки волос покоились на гладкой платформе. Через середину платформы проходила красная линия, волоски лежали по одну ее сторону.

Уэйд кивнул Би Юньфэну, тот развернул в воздухе голографическое окно управления и включил аппарат. Чэн Синь заглянула под стол: некоторые трубки, выпирающие из машины, накалились докрасна. Это напомнило ей картину внутри трисолярианского корабля. Послышался рокот, но никакого жара она не ощутила. Вновь взглянув на платформу, Чэн Синь почувствовала, как от маленькой площадки разошлась невидимая волна. Лицо ее овеяло легким ветерком. Она не была уверена — может, все это ей только показалось?

Ее волосы теперь лежали по другую сторону красной линии, но она не заметила, как они туда переместились.

Рыкнув еще несколько раз, аппарат затих.

— Ну как тебе? — спросил Уэйд.

— Вы потратили полвека на то, чтобы передвинуть пару крохотных волосков на два

сантиметра, — сказала Чэн Синь.

— Да, искривив пространство, — процедил Уэйд.

— Если мы с помощью того же метода продолжим разгонять волосок, уже через десять метров он будет двигаться со скоростью света, — проговорил Би Юньфэн. — Разумеется, пока что мы этого достигнуть не можем, да и рисковать не станем. Волосок, двигающийся со скоростью света, разрушил бы Гало-Сити.

Чэн Синь задумчиво смотрела на крошечную прядку, сдвинувшуюся на два сантиметра за счет искривления пространства.

— Вы говорите, что изобрели порох и сумели сделать петарду, но конечная цель — создать космическую ракету. Эти два достижения разделяет тысяча лет.

— Неверная аналогия, — возразил Би Юньфэн. — Мы нашли уравнение, связывающее энергию с массой, и открыли принцип радиоактивности. Конечная цель — создать атомную бомбу. Эти два достижения разделяют всего несколько десятилетий. Через пятьдесят лет мы сможем построить корабли с двигателем, искривляющим пространство, способные летать почти со скоростью света. Потребуются огромные объ-

емы технических испытаний и разработок. Мы должны выложить карты на стол сейчас — чтобы правительство могло отступить и предоставить нам условия, необходимые для выполнения этих задач.

— Но с вашим нынешним подходом вы все потеряете!

— Нам нужно твое решение, — сказал Уэйд. — Должно быть, ты думаешь, что нам нечего противопоставить мощи флота? Как бы не так! — Он сделал жест в сторону двери: — Войдите!

Группа из сорока-пятидесяти вооруженных молодых людей вошла в зал. Одеты они были в черный космический камуфляж, отчего в зале словно потемнело. Их легкие скафандры по виду были в точности как обычная военная форма, вот только эти люди могли выйти в космос в любую минуту, стоило только надеть шлемы и ранцы жизнеобеспечения. Чэн Синь, однако, больше всего поразило их оружие — винтовки из Общей Эры. Возможно, их сделали недавно, но конструкция была старой, полностью механической, с ручными затворами и спусковыми крючками. Ее догадку подтверждали и боеприпасы: на груди каждого бойца красовалось по два скрещенных ремня с сияющими желтыми патронами.

Видеть таких бойцов в нынешнюю эпоху было все равно что в последние годы Общей Эры встретить воинов, вооруженных луками и мечами. Это вовсе не значило, что вид у боевиков Уэйда был менее устрашающим. Как раз наоборот. Чэн Синь казалось, будто она перенеслась в прошлое — не только из-за древнего оружия, но и из-за того, как выглядели бойцы. От всего их облика веяло истинно воинской спайкой: *мы едины не только формой и снаряжением, но и духом*. Крутые, сильные парни, мускулы так и бугрятся под тонкой оболочкой скафандров. Их взгляды и дерзкие угловатые лица все как один выражали бесстрастную, стальную жестокость. Для этих людей жизнь не дороже травы.

— Это силы самообороны нашего города. — Уэйд обвел рукой новоприбывших. — Парни призваны защитить Гало-Сити и нашу идею — световой корабль. Здесь почти все; еще несколько остались снаружи, но общее количество не больше сотни. Что касается их снаряжения… — Уэйд взял у одного из солдат винтовку и оттянул затвор. — Глаза тебя не обманывают: это древнее оружие, правда, изготовленное из современных материалов. Порох не используется, дальность и точность лучше, чем у прежних винтовок. В космосе они могут

поразить корабль с расстояния в две тысячи километров, но, по сути, это примитивное оружие. Должно быть, ты думаешь: мол, это смехотворно. Я бы тоже так думал, если бы не одна вещь. — Он вернул винтовку солдату и вынул из ремня на его груди один патрон. — Как я уже сказал, вид у патронов такой же, как в старину, но начинка совершенно новая. Фактически до того новая, что эти штуки можно назвать боеприпасами будущего. Пуля представляет собой сверхпроводящий контейнер, внутри которого чистый вакуум. Магнитное поле удерживает в середине пули маленький шарик так, чтобы он не касался оболочки. Шарик состоит из антивещества.

Голос Би Юньфэна звенел от гордости:

— Гелиоцентрический ускоритель частиц использовался не только для базовых научных экспериментов, но и для производства антивещества. Последние четыре года мы, собственно, только этим и занимались. И теперь у нас пятнадцать тысяч таких пуль!

Патрон в руке Уэйда, столь примитивный на вид, теперь вызвал у Чэн Синь озноб. Насколько надежно магнитное поле внутри этой сверхпроводящей пули? Ведь достаточно одной-единственной неисправности, чтобы от Гало-Сити

осталась только ослепительная вспышка! Она посмотрела на золотистые патронташи на груди у каждого солдата: это были ожерелья бога Смерти. Одного такого ремня хватит, чтобы уничтожить весь Мир Убежищ!

— Нам даже не нужно выходить в открытый космос, чтобы атаковать, — продолжал Уэйд. — Просто подождем, пока флот приблизится к городу. Мы можем выпустить десятки или даже сотни пуль по каждому из двадцати — или сколько их там — кораблей; хватит одного попадания, чтобы от него и мокрого места не осталось. Конечно, тактика грубая, зато эффективная и гибкая. Один солдат с винтовкой способен расправиться с целым военным кораблем. Кроме того, у нас есть вооруженные агенты в других космоградах. — Уэйд вернул патрон солдату. — Мы не хотим войны. Во время заключительных переговоров мы покажем это оружие посланнику Федерации и объясним свою тактику. Надеемся, правительство прикинет, во что им обойдутся боевые действия, и перестанет угрожать Гало-Сити. Мы не просим многого; хотим лишь построить исследовательский центр в нескольких сотнях астрономических единиц от Солнца, где мы могли бы испытывать двигатель, искривляющий

пространство.

— Но если нам придется воевать, вы можете гарантировать победу? — спросил Цао Бинь. До сих пор он молчал. В отличие от Би Юньфэна он явно не был сторонником войны.

— Нет, — спокойно ответил Уэйд. — Но и они не могут. Остается попробовать.

Едва увидев пулю из антивещества в руке Уэйда, Чэн Синь поняла, что! ей следует делать. Судьба Флота Федерации ее не слишком заботила — наверняка они придумают способы борьбы с тактикой Уэйда. В ее голове звенела только одна фраза:

«Кроме того, у нас есть вооруженные агенты в других космоградах».

Если разразится война, любой из боевиков, затаившихся в других убежищах, попросту выстрелит в почву у себя под ногами. Произойдет аннигиляция, взрыв мгновенно разорвет тонкую оболочку и сожжет все внутри. Затем вращающийся город разлетится на куски. Погибнут миллионы людей!

Космические убежища были хрупкими, словно яичная скорлупа.

Уэйд не сказал прямо, что атакует космограды, но он также не сказал, что не атакует. Перед

мысленным взором Чэн Синь возникла картина 133-лет-ней давности, навсегда запечатлевшаяся в ее сердце: Уэйд целится в нее из пистолета. Она не знала, насколько заледеневшей душой надо обладать, чтобы решиться на убийство миллионов, но стержень личности Уэйда как раз и составляла безумная решимость в сочетании с запредельным внутренним холодом — следствием крайней рационалистичности этого человека. Мысленно она опять видела перед собой молодого Уэйда, каким он был триста лет назад, и слышала его бешеный звериный рев: «Вперед, только вперед, несмотря ни на что!»

Ладно, пусть сам Уэйд и не собирается атаковать космические города, но что, если кто-то из его вояк решится на это?

Словно подтверждая страхи Чэн Синь, один из бойцов обратился к ней:

— Доктор Чэн, не сомневайтесь — мы будем драться до конца!

Другой подхватил:

— Мы боремся не за вас, мистера Уэйда или этот город. — Он воздел вверх палец, и в его глазах, казалось, вспыхнул огонь. — Вы знаете, чего они пытаются нас лишить? Не города и не световых кораблей, а всей Вселенной за пределами Сол-

нечной системы! Там миллиарды и миллиарды новых миров, но они не пускают нас туда; они хотят запереть нас и наших потомков в этой тюрьме — тюрьме радиусом пятьдесят астрономических единиц, называемой Солнечной системой. Мы боремся за свободу, как боролись когда-то наши предки, мы сражаемся за возможность жить во Вселенной свободными людьми. И мы будем бороться до последнего! Я говорю от имени всех бойцов сил самообороны.

Остальные солдаты кивнули, глядя на Чэн Синь мрачными и холодными глазами.

В последующие годы Чэн Синь не раз вспоминала слова бойца. Но в тот момент они ее не тронули. Она чувствовала, как затягивается тьмой окружающий мир, и пришла в ужас. Ей казалось, что она снова, как сто тридцать с лишним лет назад, стоит перед штаб-квартирой ООН с младенцем на руках, а вокруг собралась стая голодных волков, и она должна защитить ребенка любой ценой.

— Вы собираетесь сдержать свое обещание? — спросила она Уэйда.

Тот кивнул.

— Конечно. Иначе зачем бы я попросил тебя приехать сюда?

— Тогда остановите все приготовления к войне и прекратите сопротивление. Передайте все пули с антивеществом правительству Федерации. Прикажите агентам, которых вы отправили в другие города, немедленно сделать то же самое!

Солдаты уставились на Чэн Синь так, словно хотели взглядом сжечь ее дотла. Разница в силе между двумя сторонами была ошеломляющей. Хрупкая женщина противостояла бездушной машине войны. Каждый из этих бойцов нес на себе более сотни водородных бомб, и под руководством сильного вождя-параноика это мощное черное колесо раздавило бы любую преграду. Чэн Синь была как травинка, не способная даже замедлить движение этого гигантского колеса. И все же она не собиралась уступать.

Однако события развивались не так, как она ожидала. Взгляды солдат один за другим обратились к вождю. Удушливое напряжение, казалось, начало отпускать Чэн Синь, но дышалось ей по-прежнему с трудом. Уэйд продолжал смотреть сквозь прозрачный купол на маленькую платформу с лежащими на ней волосками так, словно это был священный алтарь. Чэн Синь представила себе, как однажды Уэйд собрал своих воинов вокруг этого алтаря, чтобы предречь войну…

— Может, подумаешь еще немного? — произнес Уэйд.

— Нет необходимости. — В голосе Чэн Синь звучали стальные нотки. — Я приняла окончательное решение. Прекратите сопротивление и передайте правительству все антивещество, имеющееся в Гало-Сити.

Уэйд поднял голову и посмотрел на Чэн Синь с беспомощностью и мольбой. На лице этого человека подобное выражение появлялось нечасто. Потом он медленно проговорил:

— Если мы теряем нашу человеческую натуру, мы теряем многое, но если мы теряем нашу звериную натуру, мы теряем все.

— Я выбираю человеческую, — отрезала Чэн Синь, глядя на каждого присутствующего по очереди, — и верю, что и все вы тоже.

Би Юньфэн собирался что-то сказать, но Уэйд остановил его. Глаза лидера Гало-Сити потускнели. Что-то ушло из них, погасло навсегда. Бремя лет внезапно навалилось на этого человека, и стало видно, как он устал. Он оперся рукой о металлический стол и медленно опустился в кресло, которое кто-то подкатил к нему. Затем поднял руку и, не поднимая глаз, сказал:

— Сложите оружие. Боеприпасы оставьте

здесь. — Он указал на стол перед собой.

Поначалу никто не шевельнулся, но Чэн Синь почувствовала: что-то смягчилось. Тьма начала рассеиваться. Солдаты отвернулись от Уэйда, их взгляды потеряли жесткость. Наконец, кто-то подошел и положил на стол оба своих патронташа. Хотя солдат сделал это аккуратно, при звуке металла, царапнувшего о металл, Чэн Синь вздрогнула. Ремни лежали на платформе недвижно, словно две золотистые змеи. Подошел второй боец и положил свои патронташи, затем еще один и еще. Вскоре на столе уже громоздилась золотая груда. Когда все патроны были сданы, звон металла прекратился, и все снова затихло.

— Прикажите всем нашим агентам в Мире Убежищ разоружиться и сдаться правительству Федерации, — сказал Уэйд. — Правительство Гало-Сити будет сотрудничать с флотом в вопросе сдачи города. Не предпринимайте никаких необдуманных действий.

— Хорошо, — ответил кто-то. Когда солдаты, одетые в черное, лишились своих патронташей, в помещении стало еще темнее.

Уэйд жестом велел бойцам уйти. Они бесшумно удалились, и зал посветлел, как будто вместе с ними ушла темная туча. Уэйд с трудом встал,

обошел гору патронов и медленно приподнял стеклянный колпак. Дунул на платформу, и волоски исчезли. Он закрыл купол, повернулся к Чэн Синь и улыбнулся:

— Видишь, девочка, я сдержал свое обещание.

* * *

Инцидент в Гало-Сити был исчерпан, но правительство Федерации не сразу раскрыло публике тайну существования оружия на антиматерии. Международное сообщество решило, что происшествие завершилось, как и должно было завершиться, поэтому особой реакции с его стороны не последовало. Престиж концерна «Гало», строителя гелиоцентрического ускорителя, был так высок, что на случившееся закрыли глаза. Общественность высказалась за то, чтобы никого не отдавать под суд, а городу разрешить как можно скорее вернуться к самоуправлению. До тех пор пока концерн «Гало» держит свое обещание не возобновлять исследования и разработки в области пространственного двигателя и не препятствует надзору Федерации, пусть он занимается, чем хочет.

Но спустя неделю командование Федерального Флота поведало миру о захваченных патронах с

антивеществом. Золотая пирамида Смерти повергла всех в шок.

Концерн «Гало» тут же объявили вне закона, и федеральное правительство конфисковало все его имущество, включая гелиоцентрический ускоритель частиц. Флот объявил о долгосрочной оккупации Гало-Сити. Академию наук и Инженерную академию распустили. Триста человек, в том числе Уэйда и других руководителей концерна и городских сил самообороны, арестовали.

Суд Федерации обвинил Томаса Уэйда в преступлениях против человечества, военных преступлениях и нарушении закона, запрещающего исследования в области двигателя, искривляющего пространство. Приговором стала смертная казнь.

* * *

Чэн Синь пришла в следственный изолятор при Верховном федеральном суде, расположенный в космограде Земля I — столице Федерации Солнечной системы, чтобы увидеться с Уэйдом в последний раз. Они смотрели друг на друга сквозь прозрачный барьер, не говоря ни слова. Чэн Синь увидела, что этот человек ста десяти лет от роду был тих и спокоен, как вода на дне пе-

ресыхающего колодца — на ней больше никогда не поднимутся волны.

Через окно в барьере Чэн Синь передала Уэйду ящик с сигарами, купленный в Океании I. Уэйд открыл его, вынул три сигары из десяти и толкнул ящик обратно.

— Остальные выкурить не успею, — проговорил он.

— Расскажите мне о себе, — попросила Чэн Синь. — О своей работе, о жизни. Я передам это тем, кто придет после вас.

Уэйд покачал головой.

— Я всего лишь один человек из бесчисленного множества тех, кто уже умер, и тех, кто еще умрет. О чем тут говорить?

Чэн Синь понимала, что их разделяет не только этот прозрачный барьер, но глубочайшая в мире пропасть — пропасть, через которую никогда не будет переброшен мост.

— У вас есть что-нибудь, что вы бы хотели сказать мне? — спросила она. И удивилась — ей не терпелось услышать его ответ.

— Спасибо за сигары.

Чэн Синь понадобилось много времени, чтобы понять: это и было то, что он хотел ей сказать. Последние слова Томаса Уэйда. *Все* его слова.

Они сидели молча, не глядя друг на друга. Время превратилось в трясину, в которой тонули оба. Затем дрожь космограда, корректирующего свою позицию, вернула Чэн Синь в реальность. Она медленно встала и тихо попрощалась.

Выйдя за ворота изолятора, она вынула одну из сигар и попросила у охранника огоньку. Это была ее первая в жизни затяжка. Странное дело — Чэн Синь не закашлялась. Смотрела сквозь слезы, как поднимается белый дым в лучах столичного солнца, как он рассеивается в небытии, словно те триста лет, которые прожили она и Уэйд…

А через три дня мощный лазер за одну десятитысячную секунды превратил Томаса Уэйда в дым.

* * *

Чэн Синь вернулась в гибернационный центр Азии I и разбудила ▯АА. Подруги отправились на Землю.

Они летели на «Ореоле». После того как концерн «Гало» был распущен, а все его имущество конфисковано, правительство Федерации вернуло Чэн Синь малую часть огромных богатств компании. Сумма оказалась примерно равной той, во сколько исчислялась стоимость концер-

на, когда Уэйд забрал его под свое управление. Все равно это было огромное состояние, хотя и незначительное по сравнению с активами исчезнувшей фирмы. «Ореол» являлся частью собственности, возвращенной Чэн Синь. Собственно, это был уже третий космолет с тем же названием — маленькая яхта звездного класса на троих человек. Замкнутая экосистема яхты отличалась комфортом и изысканностью и походила на чудесный маленький сад.

Чэн Синь с АА путешествовали по почти необитаемым континентам Земли. Летали над бескрайними лесами, скакали на лошадях по травянистым равнинам, лениво валялись на пустынных пляжах… Большинство городов заросло лесом и лианами, лишь кое-где оставались маленькие очажки цивилизации — там жили немногочисленные земляне. Всего планету населяло примерно столько же людей, сколько в конце неолита.

Чем дольше путешественницы оставались на Земле, тем больше вся история цивилизации казалась им похожей на сон.

Они вернулись в Австралию. Обитаемой здесь оставалась только крохотная Канберра. Городской совет громко именовал себя федеральным

правительством Австралии. Здание Парламента, где когда-то Томоко объявила план уничтожения человечества, стояло на прежнем месте, но двери заросли так, что открыть их было невозможно, а по восьмидесятиметровому флагштоку карабкались лианы. Чэн Синь и АА нашли в правительственном архиве папку с личным делом Фрейса. Он прожил сто пятьдесят лет, но в конце концов время скосило и его. Старик умер десять лет назад.

Подруги поехали на островок Москен. Маяк, построенный Джейсоном, возвышался по-прежнему, но больше не горел. Местность совершенно обезлюдела. Путешественницы снова слышали грохот Москстраумена, но все, что видели, — это пустынное море под лучами закатного солнца.

Будущее представлялось им такой же пустыней.

— Слушай, — сказала АА, — а почему бы нам не отправиться во времена после атаки «темного леса», после того как Солнце погаснет? Только там мы и найдем мирную, тихую жизнь.

Чэн Синь тоже хотелось попасть в ту эпоху, но не ради тихой и мирной жизни. Она остановила катастрофическую войну, она была объектом поклонения миллионов людей… Она больше не

могла жить в этой Эре. Ей хотелось убедиться, что земная цивилизация уцелела после удара «темного леса» и процветает — только эта надежда и согревала ее сердце. Чэн Синь вообразила себе жизнь в туманности, образовавшейся после атаки. Там ее ждет покой, а возможно, и счастье. Это будет последнее пристанище в бурном странствии ее жизни.

Ей было всего тридцать три года.

И вот Чэн Синь с АА снова летят к юпитерианском кластеру и снова входят в гибернационный центр Азии I. У них оставалось по двести лет гибернационной квоты, но они внесли в контракт пункт о том, чтобы их разбудили, если атака «темного леса» произойдет раньше.

А затем обе уснули. И им ничего не снилось.

Часть V

Эра Космических Убежищ, год 67-й
Млечный Путь, рукав Ориона

Проверять данные было рабочей обязанностью Певуна; судить об искренности координат — его наслаждением. Певун понимал: то, что он делал, неважно — так, простая, рутинная работа. Но ее тоже надо выполнять, и задача была радостной.

Кстати, о радости. Когда это семя покидало родной мир, тот еще был местом, полным счастья. Но позже, когда родной мир вступил в войну с миром чужаков, радости становилось все меньше и меньше. С той поры минуло десять тысяч зерен времени. О счастье не приходится и говорить — ни в родном мире, ни здесь, в этом семени. Счастливая прошлая жизнь осталась лишь в классических песнях, и пение было одним из немногих еще доступных удовольствий.

Не отрываясь от изучения данных, Певун начал:

Я вижу любовь свою,

Я лечу рядом с ней,
Я дарю ей подарок —
Кусочек затвердевшего времени.
Чудесные знаки вырезаны на нем,
Мягком на ощупь, как ил в мелком озере…

Певун сетовал редко. Выживание требовало огромного количества психической и умственной энергии.

Энтропия во Вселенной возрастала, а порядок шел на убыль. Как будто безграничные черные крылья гигантской балансирующей птицы давили на мироздание — вот на что походил этот процесс. Однако низкоэнтропийные сущности противились ему. Они понижали свою энтропию и увеличивали порядок, словно столбы света, возвышающиеся над непроглядно-черным морем. Это и был смысл — высший смысл, превыше любых радостей. Вот почему низкоэнтропийные сущности должны продолжать жить — ради этого смысла.

Что же касается смыслов еще выше этого, то о них думать ни к чему. Размышлять о них значило двигаться по опасному пути в никуда. И уж совершенно бесполезно раздумывать, что же

находится на вершине башни смысла, потому что, возможно, никакой вершины и вовсе нет.

Да, так вот, координаты. В пространстве носится много наборов координат, подобно тому, как матричные насекомые порхают в небесах родного мира. Сбор координат — одна из задач главного ядра. Оно поглощает все сообщения, проходящие сквозь космос по средней мембране, по длинной мембране, по легкой мембране… Кто знает, может, когда-нибудь появятся сообщения и по короткой. Ядро помнит позиции всех звезд. Сравнивая полученные данные с различными картографическими проекциями и позиционными схемами, ядро выявляет из сообщения координаты мира, который его послал. Говорят, оно может оперировать позиционными схемами, отражающими положение звезд пятьсот миллионов зерен времени назад! Певун никогда так далеко не заглядывал — зачем? Бессмысленно. Слишком отдаленная эпоха, низкоэнтропийных кластеров в пространстве тогда было мало, встречались они редко и не развили еще в себе ни гена затаивания, ни гена зачистки. Но сейчас…

Прячься как следует. Зачищай как следует.

Однако из всех координат только некоторые являются искренними. Поверишь притворным

координатам — будешь зачищать пустые миры. Зряшная трата ресурсов. К тому же еще и вредная. Эти пустые миры могут пригодиться в будущем. Невозможно понять, зачем кому-то надо посылать во Вселенную притворные координаты? Ведь рано или поздно этот «кто-то» все равно получит свое.

В искренних координатах просматриваются определенные закономерности. Например, длинный набор координат обычно притворный. Однако все это, надо сказать, чистая эвристика. В определении искренности или ложности координат большу!ю роль играет интуиция. Главное ядро семени ею не обладает; впрочем, и сверхъядро в родном мире тоже. Вот поэтому низко-энтропийные сущности незаменимы.

Певун обладал интуицией, но не врожденной, наподобие инстинкта, а приобретенной. Это был навык, отточенный опытом, который он накапливал в течение десятков тысяч зерен времени. Для непосвященного набор координат выглядел не чем иным, как простой матрицей, но в глазах Певуна он обретал жизнь. Каждая деталь говорила о многом. Например, сколько было взято ориентиров? Каким методом помечали целевую звезду? И так далее, и тому подобное. Кое-какую

информацию предоставляло главное ядро: исторические записи, имеющие отношение к этому набору координат; направление на источник, сообщивший координаты; время передачи и прочее в том же духе. Все вместе составляло органичное целое, и в сознании Певуна возникало чувство единения с источником передачи. Дух Певуна пересекал бездну пространства и времени, резонировал с духом источника, ощущал его тревоги, его опасения и другие эмоции, не известные в родном мире: ненависть, зависть, жадность… Но по большей части это был страх. Страх — вот что подтверждает искренность координат. Для всех низкоэнтропийных сущностей страх служит залогом выживания.

И тут размышления Певуна прервались: он обнаружил набор искренних координат поблизости от курса семени. Его сообщили по длинной мембране, и даже сам Певун не мог бы с уверенностью утверждать, что! именно подсказало ему, что эти координаты искренние. Наитие частенько не поддается объяснению.

Так, надо бы произвести зачистку. Все равно ему в общем-то нечего делать, да и задача простая, не отвлечет от любимого занятия — пения. Даже если он что-то не так понял, ничего страш-

ного. Зачистка — вещь, не требующая особой точности и аккуратности. И не срочная. Сделать при случае и забыть.

Вот почему его должность такая непрестижная.

Певун извлек из запасника горошину массы и повернулся, чтобы найти звезду, указанную в наборе координат. Главное ядро направило его взор, словно копье, сквозь звездное пространство. Усик силового поля, удерживающий горошину, напрягся, готовясь щелчком отправить ее по назначению. Певун увидел место, на которое указывал набор координат…

И расслабил усик.

Из трех звезд в наличии имелось только две. Одной не хватало. Вместо нее в пространстве висело пылевое облако, похожее на испражнения пучинного кита.

«Уже зачистили. Ну тогда здесь больше нечего делать».

Певун вернул горошину в запасник.

«Быстро, однако».

Он дал главному ядру задание проследить, откуда прилетела горошина массы, убившая звезду. Задача была безнадежная, шансы на успех почти равнялись нулю, но этого требовала уста-

новленная процедура. Ядро ничего не выяснило — впрочем, как и во всех подобных случаях.

Певун вскоре понял, почему систему зачистили так быстро. Не очень далеко от погибшего мира, на расстоянии примерно в полструктуры, он увидел медленный туман. Если брать туман сам по себе, его происхождение оставалось непонятным, но если принять во внимание полученные координаты, то становилось ясно: туман принадлежит этому миру. Медленный туман означал, что мир опасен. Вот почему зачистка не заставила себя ждать. Похоже, здесь побывали другие низкоэнтропийные сущности с еще более острой интуицией, чем у Певуна, — но в этом-то как раз не было ничего странного. Их Старший любил приговаривать: «Каким бы ты ни был быстрым, в космосе найдется кто-нибудь еще быстрее; каким бы ты ни был медленным, в космосе найдется кто-нибудь еще медленнее».

Каждый набор координат рано или поздно будет зачищен. Одна низко-энтропийная сущность может решить, что эти координаты притворные, но в миллионах миллионов низкоэнтропийных миров существовали миллиарды миллиардов сущностей, занимающихся зачисткой. Уж конечно найдется кто-нибудь, кто сочтет их ис-

кренними. У всех низкоэнтропийных сущностей имелся ген зачистки; зачистка была инстинктом. К тому же произвести ее очень просто. В космосе полно источников потенциальной силы, остается только привести их в действие. Задача настолько легкая, что даже не помешает допеть песню.

Если бы Певун не торопился выполнять свою работу, все искренние координаты были бы в конце концов зачищены не им, а кем-то другим, какими-то неизвестными низкоэнтропийными сущностями. Но ни для родного мира, ни для семени это не сулило бы ничего хорошего. Стоило только Певуну получить набор координат и взглянуть на указанный ими мир, как между ним и этим миром устанавливалась связь. Наивно думать, что эта связь действует только в одном направлении. Что там гласит великий закон симметричного обнаружения? «Если ты можешь увидеть низкоэнтропийный мир, то и низко-энтропийный мир может увидеть тебя — вопрос лишь когда». Значит, ждать, что иные придут и сделают зачистку за тебя, рискованно.

Следующая задача — занести более не нужный набор координат в базу данных, называемую могильником. Все та же процедура. Само собой, вся остальная информация, хоть как-то связанная с

этим участком космоса, тоже уйдет в могильник, подобно тому как личные вещи хоронят вместе с телом, согласно обычаю родного мира.

Среди «личных вещей» попалось кое-что интересное: запись трех сообщений, которыми мертвый мир обменялся с другим каким-то миром по средней мембране. Средняя мембрана — самая малоэффективная из коммуникационных мембран, ее еще называют «примитивной мембраной». Большинство коммуникаций проходит по длинной, хотя, как говорят, для передачи сообщений можно даже короткую использовать. Ах, если бы так! Тогда собеседники стали бы подобны богам! Но Певуну нравилась примитивная мембрана. Он видел в ней некую простую красоту — символ эпохи, полной радости. Он часто превращал сообщения, посланные по ней, в песни. Для него они были полны прелести, хотя он их не понимал. Впрочем, их понимать ни к чему: кроме координат, в сообщениях ничего существенного не содержалось. Наслаждайся музыкой, и все.

Но на этот раз Певуну удалось кое-что понять, потому что в одном из сообщений содержался саморасшифровывающийся код! И хотя Певун смог понять только очень немногое, ухватить самый общий смысл, этого оказалось достаточно, чтобы

перед ним развернулась невероятная история.

Первым послал сообщение тот, другой мир, по примитивной мембране. С этой целью низкоэнтропийные сущности того мира неуклюже щипнули свою звезду (Певун решил называть их «звездощипами»), наподобие того как древние барды родного мира щипали струны своих грубых деревенских лир. Именно в этом сообщении содержался универсальный код.

Код, примитивный и топорный, все же позволил Певуну понять, что в следующем сообщении использовался тот же код. По-видимому, мертвый мир трех звезд ответил на послание «звездощипов». Одно это само по себе было непостижимо, и все же «звездощипы» послали обратно еще одно сообщение!

Любопытно. Очень любопытно!

Певун слышал о низкоэнтропийных мирах, не обладающих ни геном, ни инстинктом затаивания, но столкнулся с одним из них впервые. Конечно, всего три сообщения не могут раскрыть их точные координаты, зато они выдали расстояние между мирами. Будь оно очень большим, это тоже не имело бы значения, но расстояние оказалось чрезвычайно коротким, всего-навсего 416 структур, то есть два мира буквально сидели

друг у друга на голове! Это значило, что если известны координаты одного мира, то найти другой — всего лишь вопрос времени.

Так были раскрыты координаты мира «звездощипов».

Через девять зерен времени после первых трех сообщений появилась новая запись: «звездощипы» снова дернули свое солнце и послали в космос… набор координат! Главное ядро не сомневалось, что это был именно набор координат. Певун взглянул на звезду, которую определяли координаты. Ее тоже кто-то зачистил примерно тридцать пять зерен времени назад.

Наверно, он ошибся. Похоже, «звездощипы» все-таки обладали геном затаивания. Ген зачистки в них присутствовал, это несомненно, а он не существует без гена затаивания. Но, как и большинство тех, кто посылал координаты, они не умели производить зачистку сами.

Любопытно. Очень любопытно!

Почему те, кто зачистил мертвый мир трех звезд, не сделал того же и с миром «звездощипов»? Мало ли почему… Может быть, они не заметили этих трех сообщений: коммуникациям по примитивной мембране частенько не уделяют должного внимания. Но ведь миров во Вселенной

миллионы миллионов, кто-нибудь да должен был заметить! Певун же заметил. Не будь его, их обнаружил бы кто-то другой — опять-таки вопрос времени. А может быть, их и заметили, но решили, что эта группа низкоэнтропийных угрозы не представляет; зачищать их — лишняя морока, не стоят они того…

Но это ошибка, ужасная ошибка! Общее правило таково: если низкоэнтропийные сущности лишены гена затаивания, то они не боятся выставить себя напоказ всей Вселенной и без страха прут напролом, расширяя границы своего мира.

По крайней мере до тех пор, пока их не уничтожат.

Однако в случае со «звездощипами» ситуация более сложная. Через девять зерен времени после первых трех коммуникаций последовала трансляция набора координат. Затем, шестьдесят зерен времени спустя, была произведена еще одна трансляция по длинной мембране откуда-то из другого места — и опять набор координат, указывающий на мир трех звезд. Вырисовывается неприятная и опасная картина. Зачистка мира трех звезд произошла двенадцать зерен времени назад, так что «звездощипы» наверняка сообразили, что расположение их мира — тоже больше

не тайна. Единственным их выбором оставалось закутаться в медленный туман, чтобы все сочли их безвредными и оставили в покое.

Но они этого не сделали. Может быть, не умеют? Но ведь с того момента, когда они ущипнули звезду и послали свое первое сообщение, прошло достаточно времени, чтобы научиться!

А может, они попросту не хотят закутываться?

Если так, тогда эти «звездощипы» очень опасны, гораздо более опасны, чем тот мертвый мир!

Прячься как следует. Зачищай как следует.

Певун рассматривал мир «звездощипов». Обычная звезда, жить ей еще как минимум миллиард зерен времени. В системе восемь планет: четыре жидких гиганта и четыре маленькие твердые планеты. Опыт подсказывал, что низко-энтропийные сущности, пославшие сообщение по примитивной мембране, живут на одной из твердых.

Певун пустил в ход большое око, что делал очень редко. Вообще-то сейчас он превышал границы своих полномочий.

— Ты что делаешь? — одернул его Старший. — Большое око занято!

— Я только хотел поближе взглянуть на один из низкоэнтропийных миров…

— В твои рабочие обязанности не входит «глядеть поближе»!

— Мне просто любопытно…

— Мало ли что тебе любопытно! У большого ока есть объекты поважней. Возвращайся к работе!

Певун не стал настаивать. Зачиститель — самая низкая должность на семени. Его все презирают, считая его работу не требующей особого ума. Но они забывают, что координаты, переданные в космос, зачастую исходят от гораздо более опасных миров, чем те, которые прячутся и помалкивают.

Значит, остается только произвести зачистку. Певун опять вынул из запасника горошину массы… и вдруг сообразил, что против «звездощипов» она не годится. Их планетная система имела иную структуру, чем у мертвого мира: в ней существовали глухие зоны. Горошина не зачистит все, а это означает напрасную трату ресурсов. Нужна дуал-векторная фольга. Вот только у него, Певуна, нет полномочий на то, чтобы достать ее из запасника; требовалось разрешение Старшего.

— Мне нужна дуал-векторная фольга для зачистки.

— Разрешаю, — отозвался Старший.

Перед Певуном всплыл кусочек фольги, запечатанный в прозрачную упаковку. Незамысловатая

вещица, но Певуну она очень нравилась. Ему были не по душе дорогие инструменты — действуют слишком уж грубо и неэстетично. А вот деликатная непреклонность дуал-векторной фольги — это совсем другое дело! Такая красота способна превратить смерть в песню.

И все же Певуну было немного не по себе.

— Почему ты дал ее так легко, стоило только попросить?

— Невелика ценность.

— Но если мы будем пользоваться ею слишком часто…

— Ею пользуются повсюду во Вселенной.

— Да, это правда. Но ведь в прошлом нас всегда ограничивали. А теперь…

— Ты что-то слышал? — Старший принялся копаться в мыслях Певуна, и того начала бить дрожь. Старший быстро нашел то, что искал. Да, до Певуна дошел слух. Ну что ж, на семени эта тайна была уже известна всем.

Слух касался войны между родным миром и чужаками. Раньше новости приходили регулярно, но потом их поток иссяк — видно, дела плохи. Ситуация критическая, пахнет поражением. Но родной мир и мир чужаков не могут сосуществовать! Либо мы их, либо они нас. Если войну

нельзя выиграть, остается лишь…

— Родной мир решил перейти в двумерное состояние? — спросил Певун. Старший, без сомнения, заранее знал вопрос.

Он ничего не сказал, что само по себе служило ответом.

Если слух верен, настало время скорби. Певун и вообразить себе не мог такую жизнь. В иерархии ценностей выживание стояло на самой высокой ступени. Когда оно под угрозой, всем низкоэнтропийным сущностям приходится выбирать меньшее из двух зол.

Певун удалил эти думы из своего органа мышления. Ему не полагалось иметь таких мыслей, от них одно только напрасное беспокойство. Он попытался припомнить, на каком месте песни остановился. Ах да, здесь:

Чудесные знаки вырезаны на нем,

Мягком на ощупь, как ил в мелком озере.

Она окутывает свое тело временем,

И влечет меня за собой на край существования.

Это полет духа:

В наших глазах звезды как призраки,

В глазах звезд мы как призраки.

Не прерывая песни, Певун захватил дуал-векторную фольгу усиком силового поля и небрежно метнул ее в «звездощипов».

Эра Космических Убежищ, год 67-й «Ореол»

Чэн Синь проснулась и обнаружила, что реет в невесомости.

Гибернация не похожа на обычный сон. Лежащий в гибернации не замечает хода времени, кроме шестидесяти минут засыпания и шестидесяти минут пробуждения. Неважно, сколько времени проходит между этими двумя событиями, — вышедший из анабиоза субъективно ощущает, что проспал всего пару часов. Таким образом, пробуждение всегда включает в себя некий перелом, чувство, что твое «я» прошло через портал времени и вступило в новый мир.

Чэн Синь плавала в белом сферическом помещении. Рядом парила ▯АА, одетая в точно такой же обтягивающий гибернационный костюм. Ее мокрые волосы и беспомощно раскинувшееся тело свидетельствовали, что она тоже только что

проснулась. Встретившись с ней взглядом, Чэн Синь хотела заговорить, но онемение — следствие гибернационного холода — еще не совсем покинуло ее, и никаких звуков она произнести не могла. АА помотала головой: мол, она в том же состоянии и ничего не знает.

Чэн Синь обратила внимание, что пространство вокруг напоено золотистым сиянием, подобным свету заходящего солнца. Лучи проникали через круглое окошко-иллюминатор. По ту сторону стекла Чэн Синь различила какие-то расплывчатые полосы и завихрения. Полосы, голубые и желтые, располагались параллельно. Все ясно: за окном был мир яростных бурь и бешеных потоков. Юпитер. Поверхность планеты выглядела гораздо более яркой, чем помнила Чэн Синь.

Как ни странно, широкая взбаламученная полоса облаков на экваторе напомнила ей Желтую реку, Хуанхэ. Она знала, что самый маленький водоворот в этой «Хуанхэ» больше всей Земли. На этом фоне в космосе плавал какой-то объект. Его основная часть представляла собой длинную колонну, составленную из секций разных диаметров. К ней в разных местах перпендикулярно присоединялись три коротких цилиндра. Все сооружение медленно вращалось вокруг про-

дольной оси колонны. Чэн Синь решила, что это городской конгломерат, состоящий из восьми космоградов, состыкованных вместе.

Тут обнаружился еще один удивительный факт: помещение, в котором находились подруги, оставалось стабильным относительно комбинированного города, зато Юпитер на заднем плане медленно поворачивался. Судя по яркости планеты, они сейчас находились на стороне, обращенной к Солнцу. Чэн Синь видела тень, которую городской конгломерат отбрасывал на поверхность газового гиганта. Через некоторое время показался терминатор, отделяющий юпитерианский день от ночи. В поле зрения вплыл чудовищный глаз — Большое Красное Пятно. Все подтверждало тот факт, что они больше не прячутся в тени планеты, двигаясь вокруг Солнца параллельно с ней; они теперь спутники Юпитера и обращаются вокруг него.

— Где мы? — прохрипела Чэн Синь, наконец-то обретя способность кое-как разговаривать. Пошевелить какой-либо частью тела она пока что не могла.

АА снова помотала головой.

— Без понятия. Думаю, на космическом корабле.

Они продолжали парить в золотистом свете Юпитера, словно в волшебном сне.

— Вы на «Ореоле».

Голос исходил из открывшегося информационного окна. На подруг взирал старик с пышными седыми волосами. Чэн Синь узнала Цао Биня. Судя по его возрасту, они с АА опять перепрыгнули через несколько десятилетий. Слова Цао подтвердили догадку: сегодня было 19 мая 67-го года Эры Космических Убежищ. Значит, после их краткого предыдущего бодрствования прошло пятьдесят шесть лет.

Чэн Синь оставалась вне жизни, вне потока времени, а другие старели — как ей казалось, в одно мгновение. Душу ее затопили раскаяние и грусть. С этого момента, решила она, что бы ни случилось, больше она не ляжет в гибернацию.

Цао Бинь рассказал слушательницам, что они на борту новейшего корабля, унаследовавшего название «Ореол». Ему всего три года от роду. После мятежа в Гало-Сити, случившегося более полувека назад, Цао Бинь и Би Юньфэн были осуждены на короткие сроки, отсидели свое и вышли на свободу. Би Юньфэн умер десять лет назад, перед смертью наказав Цао Биню передать Чэн Синь и АА наилучшие пожелания. Глаза Чэн

Синь увлажнились.

Еще Цао Бинь рассказал, что теперь юпитерианский кластер состоит из пятидесяти двух космоградов, большинство которых объединились в конгломераты. В иллюминатор подруги наблюдали Юпитерианский конгломерат II. Двадцать лет назад систему раннего предупреждения значительно усовершенствовали. После этого все города решили стать спутниками Юпитера и укрыться в тени планеты только по сигналу тревоги.

— Жизнь в городах снова стала как в раю. Жаль, вам не доведется это увидеть. Нет времени. — Цао Бинь замолчал. Подруги обменялись тревожными взглядами. Им стало ясно, что старик все это время говорил без умолку только для того, чтобы оттянуть наступивший момент.

— Произошла атака?!

Цао кивнул.

— Да. За последние полвека случились две ложные тревоги, и каждый раз мы едва вас не разбудили. Но сейчас тревога настоящая. Дети… Мне стукнуло сто двенадцать, так что я могу вас так называть… Дети, «темный лес» наконец нанес свой удар.

Сердце Чэн Синь замерло. Не из-за атаки — че-

ловечество готовилось к ней уже более столетия. Чэн Синь подспудно чуяла, что что-то очень не так. Их с АА разбудили в соответствии с договором. Судя по их физическому состоянию, с момента пробуждения прошло четыре или пять часов, а значит, тревогу объявили уже довольно давно. Но что-то незаметно, чтобы Юпитерианский конгломерат II начал разъединяться или менять орбиту; нет, он продолжал обращаться вокруг Юпитера, как будто ничего не случилось. Подруги повернулись к Цао Биню. На лице старика было такое спокойное выражение, что становилось ясно: отчаяние, скрывающееся за этой маской, превосходит всякие пределы.

— Где вы сейчас? — спросила АА.

— В центре раннего предупреждения, — ответил Цао Бинь и отошел, открывая картину у себя за спиной.

Чэн Синь увидела обширный зал. Информационные окна занимали почти все доступное пространство. Постоянно возникали новые, заслоняли старые и тут же перекрывались еще более свежими окнами. Это напоминало паводок, прорвавший плотину. Однако люди в зале, половина из которых носила военную форму, казалось, не делали вообще ничего: кто стоял

недвижно, кто сидел, облокотившись о стол… У всех были пустые глаза, а на лицах то же зловещее отрешенное выражение, что и у Цао Биня.

«Что-то не так. Что-то очень не так!»

Они совсем не походили на людей, надежно укрывшихся в убежище и уверенных в том, что переживут катастрофу. Картина скорее напоминала сцену из прошлого триста, нет, теперь уже четыреста лет назад, когда в первые годы Трисолярианского кризиса стало известно о существовании во Вселенной некой сверхсилы. В то время в офисах АСР и СОП царила точно такая же атмосфера безнадежности и отупелой апатии, словно говорившая: «Мы сдаемся».

Некоторые с мрачными лицами перешептывались между собой, остальные молчали. Взгляд Чэн Синь упал на мужчину, сгорбившегося за столом. Перед ним валялся стакан, голубая жидкость растекалась по столешнице и капала ему на брюки, но он не обращал внимания. Около большого инфоокна, демонстрировавшего какой-то сложный график, человек в военной форме обнимал женщину в штатском. Лицо женщины влажно блестело…

— Почему они не уходят в тень Юпитера? — АА указала на городской конгломерат за стеклом

иллюминатора.

— Нет смысла. Убежища бесполезны, — ответил Цао Бинь, опуская глаза.

— На каком расстоянии от Солнца сейчас фотоид? — спросила Чэн Синь.

— Нет никакого фотоида.

— Нет?! А что же тогда есть?

Цао Бинь испустил горький смешок.

— Клочок бумажки.

Эра Космических Убежищ, год 66-й
За границей Солнечной системы

За год до пробуждения Чэн Синь система раннего предупреждения обнаружила неизвестный космический объект, пронесшийся за облаком Оорта на околосветовой скорости. Ближайшая точка его траектории находилась всего в 1,3 светового года от Солнца. Объект исполинских размеров, летящий почти со скоростью света и сталкивающийся с редкими космическими пылинками и атомами, порождал довольно сильную радиацию. Телескопы также зафиксировали, что объект слегка отклонился от курса, облетел скопление межзвездной пыли и вернулся на прежний курс. Без сомнения, это был космиче-

ский корабль разумных существ.

Впервые в истории человечество Солнечной системы — в отличие от галактической ветви людей — встретилось с инопланетной цивилизацией помимо трисолярианской.

Правительство Федерации извлекло уроки из трех ложных тревог и на этот раз не стало обнародовать открытие. Во всем Мире Убежищ о нем знали не больше тысячи человек. Те несколько дней, в течение которых неизвестный корабль находился в самой близкой к Солнечной системе точке, эти люди себя не помнили от страха и тревоги. В десятках космических наблюдательных пунктов, в Главном контрольном центре системы предупреждения (космограде, входящем в состав юпитерианского кластера), в Главном боевом командном центре федерального флота и в офисе президента Федерации Солнечной системы люди затаив дыхание следили за полетом чужого космического корабля, словно стайка трепещущих рыбешек, замершая на дне в ожидании, когда уберется проходящий наверху траулер. Ужас, обуявший этих людей, вырос до степени абсурда: они не пользовались радио, ходили бесшумно, а когда разговаривали, то только шепотом. На самом деле все, конечно, понимали, что эти

предосторожности просто смехотворны, — не в последнюю очередь потому, что наблюдавшееся событие произошло год и четыре месяца назад. Чужого звездолета давно и след простыл.

Даже после того как корабль инопланетян ушел, люди не выдохнули с облегчением, потому что система раннего предупреждения обнаружила кое-что, внушающее тревогу. Инопланетяне не выстрелили в Солнце фотоидом, зато запустили что-то другое. Этот снаряд тоже мчался к Солнцу на скорости света, но не испускал характерного для фотоида излучения и был совершенно невидим в электромагнитном спектре. Система предупреждения обнаружила его только потому, что объект постоянно излучал слабые гравитационные волны, амплитуда и частота которых оставались неизменными. Волны не несли никакого сообщения; по всей вероятности, так проявлялись какие-то физические свойства снаряда. В самом начале, когда система предупреждения только-только обнаружила эти волны, их источником посчитали инопланетный звездолет, но вскоре выяснилось, что источник существовал сам по себе и направлялся к Солнцу на околосветовой скорости.

Дальнейший анализ полученных данных пока-

зал, что снаряд не был нацелен точно на Солнце. Его нынешняя траектория указывала, что он пролетит мимо светила поблизости от орбиты Марса. Если его цель Солнце, то инопланетяне капитально промахнулись. В этом состояло еще одно существенное отличие неизвестного объекта от фотоида. Согласно данным двух предыдущих наблюдений, фотоиды следовали к звезде практически по прямой (учитывая смещение звезды), безо всяких корректировок курса. Выдвигались предположения, что фотоид, по сути, — это обычный камень, разогнанный почти до скорости света и движущийся по инерции. Теперь же наблюдения за источником гравитационных волн показывали: снаряд не корректировал свой курс, следовательно, его целью вряд ли является Солнце. Этот факт несколько успокоил всех, кто знал о происходящем.

Когда снаряд оказался примерно в ста пятидесяти астрономических единицах от Солнца, частота испускаемых им гравитационных волн понизилась. Система раннего предупреждения определила, что причина тому — торможение объекта. За несколько дней скорость его снизилась до одной тысячной скорости света и продолжала уменьшаться. При таких параметрах

объект не представлял собой угрозы для Солнца, что еще больше успокоило наблюдателей. К тому же теперь космолет землян вполне способен угнаться за неизвестным предметом. Другими словами, можно выслать корабли на перехват.

* * *

«Омега» и «Аляска» отчалили от нептунианского кластера и вместе отправились исследовать неопознанный снаряд.

Оба космолета были оборудованы приемниками гравитационных волн и, работая в паре, могли точно пеленговать местоположение источника волн на незначительном удалении. Таких кораблей, способных принимать и передавать гравитационные волны, со времен Эры Космической Передачи построили немало. Однако они сильно отличались от ранних кораблей-антенн. Одним из основных новшеств было то, что антенна теперь могла отделяться от космолета, после чего ее можно было присоединить к другому или заменить новой при износе. «Омега» и «Аляска», космолеты среднего класса, по своему размеру практически не уступали большим кораблям, потому что значительную часть их конструкции составляли гравитационные антенны. Этим они

напоминали дирижабли Общей Эры: огромные, вид внушительный, а полезного груза — крохотная гондола под гигантским газовым баллоном.

Через десять дней после отбытия адмирал Василенко и ☒Айс[175], облачившись в легкие скафандры и башмаки с магнитными подошвами, вышли на прогулку по гравитационной антенне «Омеги». Им надоела корабельная теснота, к тому же при ходьбе по антенне возникало ощущение, будто шагаешь по твердой земле. Оба входили в руководящий состав первой разведывательной группы: Василенко был ее командиром, ☒Айс заведовал технической частью.

В Эру Космической Передачи Алексей Василенко служил наблюдателем в системе раннего предупреждения. Они с астрономом Видналлом обнаружили след трисолярианского светового корабля, что стало причиной первой ложной тревоги. После инцидента младшего лейтенанта Василенко сделали козлом отпущения и выгнали со службы с позором. Он считал наказание несправедливым и надеялся, что в конечном итоге история обелит его имя. Он лег в гибернацию. Прошло время, важность сделанного им

---

[175] Примечания: 175

Фамилия «☒» произносится «Бай». — *Прим. К. Л.*

открытия стала очевидной, а вред, причиненный первой ложной тревогой, постепенно забылся. Василенко проснулся на девятом году Эры Космических Убежищ, был восстановлен в прежнем звании, а к нынешнему моменту вырос по службе, получив звание адмирала Космических сил Солнечной системы. Но его возраст приближался к восьмидесяти, и, глядя на ступающего рядом □Айса, он думал: какая все-таки жизнь несправедливая штука — этот человек, уроженец Эры Кризиса, появился на свет на восемьдесят лет раньше Василенко, и тем не менее ему только-только перевалило за сорок — он много времени провел в гибернации.

Изначально имя □Айса было Бай Айсы[176]. После пробуждения ему хотелось органичнее влиться в современную эпоху, поэтому он принял смешанное китайско-английское имя. В свое время он был аспирантом у Дин И. В конце Эры Кризиса Бай лег в гибернацию, а проснулся всего двадцать два года назад. Обычно такой долгий прыжок во времени означал, что проснувшемуся будет нелегко нагнать все упущенное за время

[176] Примечания: 176

Это романизированная форма (пиньинь) полного китайского имени «□□□». — В английском переводе это имя пишется как «□Ice». — *Прим. перев. Прим. К. Л.*

анабиоза. Но в отношении теоретической физики дело обстояло особым образом. Из-за блока софонов ученые-физики Общей Эры даже в Эру Устрашения по-прежнему высоко ценились как специалисты, а создание гелиоцентрического ускорителя частиц перевернуло с ног на голову все гипотезы фундаментальной науки, как карты в неряшливо перетасованной колоде.

В Общую Эру теория струн считалась передовым разделом науки, физикой двадцать второго столетия. Гелиоцентрический ускоритель позволил проверить ее экспериментально. Результат, однако, оказался катастрофическим. Количество гипотез, которые пришлось отбросить, далеко превосходило число подтвержденных. Многие данные, предоставленные трисолярианами, оказались ложными. Принимая во внимание высочайший уровень, которого достигла в последнее время трисолярианская технология, невозможно было допустить, что они так ошибались в фундаментальной науке. Оставалось единственное объяснение: они обманывали землян даже в основополагающих отраслях знаний.

Среди теоретических моделей, подтвержденных экспериментами на гелиоцентрическом ускорителе, некоторые принадлежали Айсу. К

моменту его пробуждения физика в значительной ее части была отозвана на линию старта. Бай быстро отличился, снискал большие почести и лет через десять стал одним из ведущих ученых.

— Выглядит привычно? — Василенко обвел рукой окружающее пространство.

— Все как всегда. Вот только самоуверенность и чванство человечества бесследно испарились, — ответил ⊠Айс.

Василенко ощущал то же самое. Он посмотрел назад по курсу корабля. Там виднелась крохотная голубая точка Нептуна, а Солнце выглядело тусклым пятнышком света, не способным отбросить на поверхность антенны даже слабую тень астронавтов. Где те две тысячи боевых звездолетов, что выстроились в этих местах величественной фалангой столько лет назад? Сейчас тут лишь эти два одиноких корабля с экипажами меньше ста человек каждый.

«Аляска» находилась в ста тысячах километров отсюда, и видеть ее они не могли. Она не только являлась второй точкой триангуляции, но и несла вторую разведывательную группу, организованную по тому же типу, что и на «Омеге». Флотское командование называло группу «Аляски» резервной, из чего следовало, что начальство отдавало

себе отчет в опасностях, ожидающих экспедицию, и подготовилось весьма основательно.

Здесь, на холодной, пустынной окраине Солнечной системы, антенна под ногами разведчиков представлялась им одиноким островом в океане Вселенной. Адмирал хотел было вздохнуть, но передумал. Вместо этого он вынул что-то из кармана скафандра. Вещица повисла между коллегами, медленно вращаясь.

— Взгляните-ка на это.

Объект походил на кость какого-то животного. На самом деле это была металлическая деталь некоего механизма; ее гладкая поверхность поблескивала в холодном свете звезд.

Василенко указал на вращающийся предмет:

— Примерно сто часов назад мы обнаружили по курсу корабля сектор с плавающими в нем обломками металла. Дрон подобрал несколько. Этот с корабля Эры Кризиса — фрагмент охладительной системы бортового термоядерного реактора.

— После битвы Судного дня? — с благоговением уточнил Айс.

— Да. Еще мы нашли подлокотник кресла и кусок переборки.

Они проходили мимо поля сражения, разыгравшегося здесь двести лет назад. После начала

строительства космических убежищ люди частенько находили останки старинных боевых кораблей. Некоторые из них обрели пристанище в музеях, другие пошли в оборот на черном рынке. Айс притронулся к обломку. Холод пронзил перчатку скафандра и проник прямиком в костный мозг. Физик отпустил фрагмент, и тот продолжил медленно вращаться, словно ему не давала покоя заключенная внутри душа. Айс отвел глаза и посмотрел вдаль. Безграничная пустая бездна. Две тысячи боевых кораблей и миллионы мертвых тел дрейфовали в этом глухом участке космоса почти двести лет. Священная кровь погибших уже давно превратилась изо льда в газ и рассеялась в пространстве.

— Объект наших исследований, возможно, еще более опасен, чем те «капли», — заметил Айс.

— Верно. Тогда мы уже были в какой-то степени знакомы с Трисолярисом. А о мире, который создал и послал ЭТО, мы не знаем ничего… Доктор Бай, у вас есть хоть какие-нибудь догадки, что нас ожидает?

— Гравитационные волны может испускать только массивное тело, так что, думаю, объект должен быть большим как по массе, так и по объему. Возможно, это космический корабль… Но,

скорее всего, нас ожидает какая-нибудь неожиданность — в нашем деле без них никуда.

* * *

Экспедиция продолжала путь еще неделю, пока расстояние между ней и источником гравитационных волн не составило всего миллион километров. Корабли сбросили скорость до нуля, а затем начали ускоряться в сторону Солнца. Таким образом, когда снаряд догонит экспедицию, они полетят параллельными курсами. «Омега» подойдет к объекту поближе и проведет бо!льшую часть исследований; «Аляска» будет наблюдать с расстояния в сто тысяч километров.

Дистанция продолжала сокращаться; снаряд находился теперь примерно в десяти тысячах километров от «Омеги». Уверенно фиксируемые приборами гравитационные возмущения позволяли точно определить местоположение объекта. Но даже на таком близком расстоянии радар не регистрировал отражений; детекторы видимого света тоже ничего не показывали. Дистанция сократилась до одной тысячи километров — и все равно разведчики ничего не видели в том месте, где находился источник гравитационных волн.

Исследователи «Омеги» были близки к панике.

Перед отправлением они проработали все сценарии развития событий, но мысль о том, что они не смогут разглядеть цель, даже когда она будет у них под носом, никому не приходила в голову. Василенко отправил радиограмму на базу близ Нептуна, запрашивая инструкций. Через сорок минут он получил приказ приблизиться к цели на расстояние в сто пятьдесят километров.

И тогда детекторы видимого света обнаружили в том месте, где находился источник гравитационных волн, маленькую белую точку, видимую с борта корабля в обычный телескоп. «Омега» выслала к цели дрон.

Расстояние между объектом и дроном быстро уменьшалось: пятьсот километров, пятьдесят, пятьсот метров… Наконец дрон завис в пяти метрах от цели. Четкая голограмма, транслируемая на оба корабля, позволяла исследователям хорошо рассмотреть инопланетный снаряд, которым космические пришельцы выстрелили в Солнце.

Это был листок бумаги.

Пожалуй, лучше и не скажешь. Формально его назвали «прямоугольным мембраноподобным объектом». Размеры: длина 8,5 см, ширина 5,2 см, — чуть больше обычной кредитной карточки. Объект был так тонок, что замерить

толщину оказалось невозможно. Чистая белая поверхность. Ни дать ни взять бумажка.

Разведывательная группа состояла из лучших офицеров флота и высочайших профессионалов науки; все обладали трезвым и рациональным мышлением. Но инстинкт оказался сильнее разума: они приготовились к встрече с чем-то громадным, угрожающим; кое-кто предполагал, что это будет космический корабль размером с Европу, спутник Юпитера. Предположение было не лишено смысла, если принять во внимание амплитуду гравитационных волн. А оказалось…

При виде «бумажки» — как стали называть объект разведчики — все вздохнули с облегчением, продолжая, однако, оставаться настороже. Кто знает, а вдруг эта штуковина — оружие, способное уничтожить оба корабля? Но поверить в то, что эта безделка может угрожать всей Солнечной системе, было решительно невозможно. На вид такая легкая, безвредная, словно белое перышко, реющее в ночном воздухе… Люди давно уже не писали друг другу писем на бумаге, но по историческим кинофильмам имели представление, что это такое. Поэтому листок бумаги представлялся им вещью почти романтической.

Дальнейшие наблюдения показали, что «бу-

мажка» не отражает электромагнитное излучение, какой бы частоты оно ни было. Белый цвет «бумажки» объяснялся не отражением света, а собственным свечением объекта. Любое электромагнитное излучение, включая и видимый свет, попросту проходило объект насквозь — он был абсолютно прозрачным. На фотографиях, снятых с близкого расстояния, можно было рассмотреть звезды с той стороны «бумажки»; но поскольку сама она светилась, то издалека на фоне темного космического пространства вещица казалась непроницаемо-белой. На первый взгляд, она производила совершенно безобидное впечатление.

Может, это и в самом деле письмо?

Так как у дрона не было приспособления для захвата предмета, выслали другой, с манипулятором и закрывающимся ковшом наподобие экскаваторного. Оба экипажа с замиранием сердца следили, как открытый ковш на конце механической руки приближается к «бумажке».

Было в этой сцене нечто знакомое…

Ковш закрылся, заключив в себе «бумажку», манипулятор начал подтягиваться к дрону.

Вот только «бумажка» осталась висеть на прежнем месте.

Попытку повторили несколько раз — с тем же

результатом. Операторы дрона на борту «Омеги» выкручивали манипулятор так и эдак — механическая рука попросту проходила сквозь «бумажку», при этом и то, и другое оставалось неповрежденным. Ковш не встречал никакого сопротивления, «бумажка» не меняла позиции. Наконец, оператор направил дрон к ней медленно-медленно — может, удастся ее подтолкнуть? Как только корпус дрона пришел в соприкосновение с «бумажкой», та исчезла внутри аппарата, а когда дрон продвинулся вперед, вылезла из него все в том же неизменном виде. Пока инопланетный объект находился внутри дрона, его системы не фиксировали никаких аномалий.

К этому времени члены экспедиции уже поняли, что «бумажка» — это нечто экстраординарное. Словно призрак, она не взаимодействовала ни с чем в физическом мире. Она походила на крохотную космическую вешку, намертво впаянную в одну точку пространства. Ничто не могло сдвинуть «бумажку» с места — вернее, сбить с заданной траектории.

Айс решил отправиться к объекту и исследовать его лично. Василенко настоял на том, чтобы лететь с ним. Обоим лидерам идти вместе — не очень хорошая идея. Им пришлось прождать

сорок минут, пока не пришло разрешение с базы около Нептуна. Просьбу с неохотой удовлетворили, понимая, что Василенко не отступит. Впрочем, была же еще и резервная команда…

Оба руководителя направились к «бумажке» в маленьком катере. Глядя на уменьшающийся корпус корабля с его колоссальной гравитационной антенной, Айс подумал, что покидает свою единственную опору во вселенной, и сердце ученого наполнилось страхом.

— Ваш наставник, доктор Дин, должно быть, чувствовал то же самое двести лет назад, — промолвил Василенко. Старый солдат выглядел абсолютно спокойным.

Айс молча согласился. Он и вправду ощущал духовную связь с Дин И. Оба они отправились навстречу великому Неизведанному, навстречу одинаково неведомым судьбам…

— Да не волнуйтесь вы так. На этот раз мы можем довериться интуиции. — Василенко похлопал Айса по плечу, но особого успокоения тот не почувствовал.

Катер подошел к объекту. Проверив исправность скафандров, разведчики откинули люк и оказались в открытом космосе. Аккуратно подвели суденышко к «бумажке», так чтобы

та оказалась в полуметре над их головами. Сквозь крошечную белую, совершенно гладкую плоскость виднелись звезды, и это еще раз подтверждало, что прозрачная вещица действительно светилась сама по себе. Из-за ее белого свечения звезды позади «бумажки» выглядели чуть смазанными.

Разведчики привстали в катере, так чтобы их глаза оказались на одной линии с краем «бумажки». Камера не обманула: толщина у объекта отсутствовала. При взгляде сбоку «бумажка» полностью исчезала. Василенко протянул руку, но Айс остановил его.

— Что вы делаете? — сурово спросил он. Остальное договорили его глаза: «Вспомните-ка, что случилось с моим учителем!»

— Если это и вправду письмо, возможно, сообщение не откроется до того момента, пока не войдет в непосредственный контакт с телом разумного существа. — Василенко высвободил руку и коснулся «бумажки».

Ладонь в перчатке прошла сквозь предмет без всякого для себя ущерба. Не получил Василенко и никакого мысленного послания. Тогда он нанизал руку на «бумажку». Маленькая белая плоскость разделила ладонь на две части. По-прежнему

ничего. Плоскость не разорвалась, не скомкалась, просто прошла сквозь перчатку целехонькой. Василенко отвел руку, и, как и прежде, объект остался висеть там, где висел, — вернее, продолжал двигаться к Солнечной системе на скорости около двухсот километров в секунду.

Айс тоже попытался коснуться «бумажки», затем убрал руку.

— Похоже на проекцию из другой вселенной, с которой у нашей нет ничего общего.

Василенко занимали более практические соображения:

— Если на нее ничто не воздействует, значит, у нас не получится забрать ее на корабль для дальнейшего анализа.

Айс рассмеялся:

— Ну, как раз эту проблему решить легко. Забыли старую историю Фрэнсиса Бэкона? «Если гора не хочет прийти к Магомету, Магомет должен пойти к горе»[177].

Сказано — сделано. «Омега» неторопливо подплыла к «бумажке», коснулась ее бортом, а затем дала проникнуть внутрь. После чего космолет еще медленнее подправил свою позицию так,

---

[177] Примечания: 177

В таком виде это высказывание приводится у Фрэнсиса Бэкона в его очерке «О смелости». — *Прим. перев.*

чтобы плоскость зависла посередине лаборатории. Чтобы передвинуть «бумажку», надо было двигать сам корабль. Сперва подобный способ обращения с предметом исследования представлял некоторую трудность, но, по счастью, «Омега» предназначалась для работы с мелкими объектами в поясе Койпера и обладала превосходной маневренностью. Гравитационная антенна была оборудована двенадцатью точнейшими корректционными двигателями. Бортовой ИИ скоро наловчился, и дело пошло на лад. Что ж, если мир не может повертеть «бумажку», придется вертеть мир вокруг нее.

Странное это было зрелище: «бумажка» висела посреди космолета, но каждый был сам по себе. Просто оба занимали один и тот же участок пространства, вместе двигаясь к Солнечной системе на одинаковой скорости.

При ярком освещении внутри корабля абсолютная прозрачность объекта стала более очевидной. Он теперь больше походил не на листок бумаги, а на кусочек почти невидимой пленки, чье присутствие выдавало лишь слабое свечение. Люди все равно продолжали называть объект «бумажкой». При слишком сильном освещении она иногда совсем пропадала из виду; поэтому исследователи

притушили лампы в лаборатории, чтобы лучше видеть изучаемый предмет.

Первым делом ученые попытались оценить массу объекта. Это можно было осуществить, только измерив его тяготение. Однако гравиметр, настроенный на самую высокую чувствительность, не показал ничего. Оставалось предположить, что масса объекта крайне мала, а может, и вовсе равна нулю.

Основываясь на последнем допущении, кто-то высказал догадку, что объект, возможно, является фотоном или нейтрино в макроформе, а геометрическая правильность доказывает его искусственное происхождение.

«Бумажка» не поддавалась никакому анализу, поскольку электромагнитные волны всех частот проходили сквозь нее без малейшего преломления. То же касалось и магнитных полей любой силы. Похоже, внутренняя структура у объекта отсутствовала.

Провозившись с «бумажкой» двадцать часов, исследователи практически ничего о ней не узнали. Им удалось заметить только одно: интенсивность свечения и мощность излучаемых гравитационных волн пошли на спад. Предположительно свечение и гравитационные волны

были сродни испарению. Поскольку эти два параметра служили единственными признаками существования объекта, их исчезновение будет означать исчезновение и самого объекта.

С базы передали, что большой научно-исследовательский корабль «Завтрашний день» покинул нептунианский кластер и встретится с кораблями экспедиции через семь дней. «Завтрашний день», располагающий передовым научным инструментарием, сможет подвергнуть объект более глубокому изучению.

Привыкнув к «бумажке», экипаж «Откровения» позабыл про осторожность и уже не старался держаться от странной плоскости подальше. Исследователи знали, что объект не взаимодействует с окружающим миром и не излучает ничего опасного для здоровья. Они небрежно касались «бумажки», пропускали ее сквозь свои тела… Один даже дал ей пройти сквозь собственные глаза и мозг и попросил приятеля сделать снимок.

Увидев это, ☒Айс впал в бешенство.

— Прекратите немедленно! Нашли с чем шутить! — рявкнул он.

После более двадцати часов непрерывной работы он покинул лабораторию и вернулся в свою

каюту.

Айс погасил свет и попытался уснуть. Но в темноте он чувствовал себя неуютно; его преследовало наваждение: «бумажка», сияя белизной, вплывает в его каюту… Поэтому он снова включил лампу и, паря в ее мягком свете, погрузился в воспоминания.

* * *

Прошло сто девяносто два года с того момента, когда он в последний раз попрощался со своим учителем.

Это случилось в сумерки. Бай Айсы и Дин И поднялись из подземного города на поверхность, сели в машину и поехали в глубь пустыни. Дин И любил размышлять, прогуливаясь по пустыне; иногда он даже переносил сюда свои лекции. Студенты этого терпеть не могли, но он объяснял свою эксцентричную привычку так: «Люблю места, где ничего нет. Жизнь отвлекает от физики».

Погода в тот день стояла прекрасная. Ни ветерка, ни тем более песчаных бурь, весенний воздух пах свежестью. Учитель и ученик прилегли на дюне. Северокитайская пустыня купалась в лучах закатного солнца. Обычно у Бай Айсы округлые песчаные холмы ассоциировались с

женским телом — возможно, он перенял это восприятие у Дин И, — но сейчас они казались ему обнаженным мозгом. В золотистом свете заката четко выявились многочисленные борозды и извилины. Бай глянул в небо. Сегодня пыль в воздухе немного поредела, и земля впитывала долгожданную синеву, словно разум, жаждущий просвещения.

— Айсы, хочу сказать тебе кое-что, чего ты не должен передавать другим, — начал Дин И. — Даже если я не вернусь, никому этого не рассказывай! Без каких-то особых причин. Просто не хочу, чтобы надо мной смеялись.

— Профессор Дин, может быть, лучше подождать, пока вы вернетесь?

Бай Айсы не стремился успокоить Дин И, он действительно сказал то, что чувствовал. Он пребывал в эйфории: человечество скоро ожидает великая победа над трисолярианским флотом! Ну какая опасность может ожидать профессора в его путешествии к капле? Никакой!

Дин И пропустил слова Бая мимо ушей.

— Сначала ответь мне, пожалуйста, на один вопрос. — Он указал на пустыню, залитую светом заходящего солнца. — Забудь на минутку о принципе неопределенности и предположи, что

все в мире подчиняется закону причинно-следственной связи. Если тебе известны начальные условия, ты можешь вычислить любые последствия в любой момент времени. Предположи, что некий инопланетный ученый получил все данные о Земле несколько миллиардов лет назад. Как ты считаешь, он мог бы предсказать существование этой пустыни, основываясь исключительно на вычислениях?

Бай Айсы немного поразмыслил.

— Нет. Эта пустыня возникла не в результате естественной эволюции Земли, но как следствие деятельности человека. Влияние цивилизации на окружающую среду нельзя вычислить, руководствуясь законами физики.

— Очень хорошо. Так почему же мы с коллегами пытаемся объяснить сегодняшний миропорядок и предсказать будущее с помощью дедукции, основанной исключительно на законах физики?

Слова Дин И удивили Бай Айсы. Раньше профессор никогда не высказывал подобных мыслей.

— Думаю, — сказал Бай, — это за рамками физики. Цель физики — открывать фундаментальные законы природы. Хотя образование этой пустыни и произошло в результате деятельности человека, оно все равно подчиняется определенным

законам. Законы Вселенной всегда остаются неизменными!

— Хе-хе-хе-хе! — саркастически расхохотался Ди И. Вспоминая эту беседу, Бай Айсы думал, что в жизни не слышал более зловещего смеха. В нем слышались нотки мазохистской радости при виде того, как все обрушивается в бездну. Профессор пытался прикрыть смехом страх, пока сам страх не начал доставлять ему извращенное удовольствие. — Ах какая мудрая сентенция! Я и сам частенько ею утешался. Вечно заставлял себя думать, что на этом вселенском пиру есть еще хотя бы один стол с нетронутой жратвой… Твердил себе это без конца. И повторю еще раз — когда буду помирать.

Бай Айсы подумал, что мысли Дин И гуляют где-то в другом месте — профессор говорил словно во сне. Бай не знал, что и сказать.

А Дин И продолжал:

— В начале кризиса, когда софоны стали мешать работе ускорителей, некоторые ученые покончили с собой. Я тогда считал, что это полная глупость, бессмыслица. Да теоретики прыгать от восторга должны, получив такие результаты при экспериментах! Но сейчас я их понимаю. Этим людям открылось больше, чем мне. Взять хотя

бы молодую Ян Дун. Она знала больше меня и проникала мыслью дальше. Ей были известны такие вещи, которых мы не знаем даже сейчас. Думаешь, только софоны создают иллюзии? Думаешь, иллюзии существуют только в ускорителях элементарных частиц? Думаешь, остальная Вселенная чиста, как девственница, и только и ждет, когда мы придем и начнем ее исследовать? Эх жаль, Ян Дун ушла и все свои знания унесла с собой…

— Если бы она тогда больше общалась с вами, то, может быть, и не решила бы уйти?

— А может, я ушел бы вместе с ней.

Дин И выкопал в песке маленькую ямку. Песок с ее краев посыпался вниз, словно водопад.

— Если я не вернусь, — сказал он, следя глазами за сыплющимся песком, — все, что в моей комнате — твое. Знаю, ты всегда любил вещицы из Общей Эры, которые я притащил с собой.

— Это правда, особенно те курительные трубки… Но, думаю, мне не придется их забирать.

— Надеюсь, что так. Да, еще у меня есть кое-какие деньжата…

— Профессор, ну пожалуйста!..

— Я хочу, чтобы ты потратил их на гибернацию. Чем дольше срок, тем лучше. То есть если ты не

против, конечно. Я преследую две цели. Первая: ты должен вместо меня увидеть конец игры, конец физики. Вторая… как бы это сформулировать… Не хочу, чтобы ты зря разбазаривал свою жизнь. После того как другие решат, что физика все же существует, у тебя будет еще достаточно времени для занятий наукой.

— Вы говорите, как… ну, наверно, как Ян Дун.

— Возможно, не такую уж и бессмыслицу я порю.

Бай Айсы обратил внимание, что ямка, которую вырыл Дин И, быстро расширяется. Им пришлось встать и отойти, а яма все продолжала увеличиваться, становясь глубже и шире. Вскоре дно ее утонуло в темноте. Песок струился вниз потоками. Еще через несколько минут диаметр ямы достиг почти сотни метров, в нее провалилась ближайшая дюна. Бай Айсы побежал к машине и прыгнул на сиденье водителя; Дин И плюхнулся в кресло пассажира. Бай Айсы заметил, что машина, увлекаемая песком, медленно ползет к яме. Он включил двигатель, колеса закрутились, но автомобиль продолжал скользить назад.

Дин И опять засмеялся своим жутким смехом:

— Хе-хе-хе-хе…

Бай врубил электромотор на самые большие

обороты; колеса вертелись, как одержимые, песок летел во все стороны. Но автомобиль продолжал сползать в яму, будто тарелка на съезжающей со стола скатерти.

— Прямо тебе Ниагара! Э-хе-хе-хе…

Бай обернулся назад и увидел зрелище, от которого стыла кровь: яма теперь занимала все поле зрения. Она втягивала в себя пустыню; мир превратился в гигантскую воронку, у которой не было дна. Желтый песок, сыплющийся с краев ямы, походил на величественный падающий занавес. Дин И подобрал не совсем точное сравнение: Ниагара была просто жалким фонтанчиком по сравнению с этим ужасным «пескопадом», который тянулся от ближнего края ямы до самого горизонта, образуя гигантское кольцо. Обрушивающийся песок грохотал так, будто мир раскалывался на части. Автомобиль продолжал скользить в яму все быстрее и быстрее. Бай Айсы вжал педаль акселератора в пол, налегая на нее всем своим весом, но без толку.

— Глупец! Ты в самом деле надеешься, что мы сможем удрать? — проговорил Дин И, заливаясь своим кошмарным смехом. — Скорость убегания! Почему ты не рассчитаешь скорость убегания? Ты что, задницей думаешь? Хе-хе-хе-хе…

Машина качнулась на краю ямы и полетела вниз. Завеса песка словно застыла на месте, пока все вокруг низвергалось в пропасть. Бай Айсы вопил от ужаса, но не слышал собственного крика — его заглушал дикий хохот Дин И:

— Ха-ха-ха-ха… На этом пиру все столы уже заняты! И нет во Вселенной нетронутых девственниц!.. Бу-га-га-га… бу-га-га-га…

* * *

 Айс очнулся от кошмара весь в холодном поту, с застывшим, одеревеневшим телом. Вокруг реяли шарики жидкости — капли пота. Айс несколько мгновений недвижно висел в воздухе, а потом резко вылетел в коридор и направился к каюте Василенко. Тот открыл дверь не сразу — тоже спал.

— Адмирал! Уберите эту гадость, эту, как они ее называют, «бумажку» с корабля! То есть я хочу сказать, уберите «Омегу» от этой штуки! Надо немедленно уходить отсюда, и как можно дальше!

— Вы что-то обнаружили?

— Нет, ничего. Просто интуиция подсказывает.

— Что-то у вас вид неважный. Устали, наверно? Слишком много треволнений. Что касается «этой

гадости»… Она просто ничто. Внутри ничего нет. Наверняка она безвредна.

Айс вцепился в плечи Василенко и проорал ему прямо в лицо:

— Не будьте самонадеянным дураком!

— Что?!

— Что слышали! Слабость и невежество не помеха для выживания, а вот самонадеянность — да! Вспомните каплю!

Последняя фраза Айса возымела действие. Василенко молча смотрел на него несколько мгновений, затем медленно кивнул.

— Хорошо, доктор Бай. Послушаюсь вас. «Омега» отойдет на тысячу километров от «бумажки». Оставим здесь только катер — для наблюдений. Ладно, может, на две тысячи?

Айс отпустил плечи адмирала. Вытер лоб.

— Вам решать. По мне, так чем дальше, тем лучше. Постараюсь побыстрее написать командованию официальный отчет о своих предположениях.

Айс, стукаясь на лету о переборки, уплыл прочь.

* * *

«Омега» отошла от «бумажки». Маленькая плоскость пронзила корпус корабля и снова очутилась в открытом пространстве. На темном фоне космоса она опять стала казаться непрозрачным белым листком бумаги. «Омега» отдалилась на две тысячи километров, после чего полетела параллельно «бумажке», ожидая прибытия «Завтрашнего дня». Катер с командой из двух человек следовал в десяти метрах от инопланетного объекта, ведя непрерывное наблюдение.

Гравитационные волны, испускаемые «бумажкой», продолжали слабеть, свечение ее тоже постепенно меркло.

[illegible] Айс заперся в лаборатории «Омеги». Вокруг него мерцало десятка полтора информационных окон, держащих связь с корабельным квантовым компьютером, в настоящий момент занятым сложнейшими вычислениями. В окружении всех этих уравнений, графиков и матриц [illegible]Айс, обуреваемый страхом и раздражением, чувствовал себя как зверь в клетке.

Через пятьдесят часов после ухода «Омеги» гравитационные волны затихли окончательно. Белый огонек мигнул пару раз и тоже померк.

«Бумажка» исчезла.

— Она испарилась? — спросил Василенко.

— Вряд ли. Просто мы больше не можем ее видеть. — ☒ Айс устало покачал головой и одно за другим закрыл инфоокна.

Прошел еще час, в течение которого «бумажка» никак себя не проявляла, и Василенко скомандовал катеру возвращаться на корабль. Но его экипаж словно не слышал приказа. Радио доносило на «Омегу» лихорадочные выкрики:

— Смотри, смотри — там внизу! Что это?!

— Оно поднимается!

— Не трогай его! Уходим!

— Моя нога! А-а-а!..

Наблюдательный терминал «Омеги» показал одного из двух наблюдателей: тот удирал от катера, включив двигатели скафандра. Наблюдатели на космолете увидели яркий свет; его источником служило днище суденышка. Оно плавилось! Катер походил на шарик мороженого, угодивший на разогретое стекло: днище таяло, растекаясь во все стороны. «Стекло» было невидимым, и существование плоскости выявлялось только благодаря растекавшейся по нему луже, в которую превращался тающий катер. Лужа, неимоверно тонкая, играла колдовскими разноцветными огнями,

словно фейерверк, рассыпающийся по стеклу.

Пытаясь спастись, астронавт отлетел на некоторое расстояние, но, похоже, неведомая сила притянула его обратно к плоскости, обозначенной расплавившимся катером. Его ноги коснулись плоскости и сразу же растеклись в тончайшую лужицу. Затем начало расплющиваться и все остальное тело. У бедняги хватило времени лишь на вопль, который тут же оборвался.

— Все в противоперегрузочные кресла! Полный вперед!

Василенко отдал этот приказ, едва завидев, как ноги беглеца коснулись невидимой плоскости. «Омега» не относилась к звездному классу, поэтому когда она включала полную тягу, экипажу не нужно было принимать состояние погружения. Но все равно ускорение вдавило всех глубоко в кресла. Поскольку приказ был отдан очень поспешно, кое-кто не успел добраться до своего сиденья; бедняг отбросило к корме, и они основательно побились. Потоки плазмы длиной в несколько километров, исторгнутые из сопел «Омеги», пронзили темную ночь космоса. Вдали, там, где все еще плавился катер, играло призрачное свечение, подобное блуждающим болотным огням.

Наблюдательный терминал показал катер крупным планом. От него оставалась только верхушка, да и та быстро переходила в сверкающую плоскость. Тело погибшего разведчика впечаталось в ту же плоскость в виде огромного человекообразного силуэта. Астронавт превратился в кусок пленки без толщины, громадный по площади, но не имеющий совсем никакого объема.

— Мы не движемся! — сообщил пилот «Омеги». Из-за перегрузки он говорил с трудом. — Корабль не ускоряется!

— Что ты лопочешь?! — взревел Василенко, но перегрузка превратила его рык в сип.

Пилот явно ошибался. Все испытывали дикую перегрузку, из чего следовало, что космолет разгоняется с предельным ускорением. Визуально невозможно было определить, движется он или нет, потому что небесные тела, которые могли бы послужить ориентирами, находились слишком далеко, параллакс за такой короткий промежуток времени не различить.

Однако корабельная навигационная система легко измеряла самую малую скорость и самое незначительное ускорение. Она-то ошибаться не могла!

«Омега» испытывала перегрузку, но при этом не ускорялась. Неведомая сила словно пригвоздила корабль к одной точке пространства.

— Ускорение есть, — слабым голосом проговорил Айс. — Но пространство в этом регионе течет в обратном направлении и уравновешивает наше движение вперед.

— Пространство течет? Куда?!

— Туда, куда же еще.

Айс не мог поднять руку, чтобы указать, — она была слишком тяжела. Но все поняли, что! он имел в виду. На «Омеге» воцарилась мертвая тишина. Обычно перегрузка давала людям ощущение безопасности, потому что означала уход от угрозы в объятиях некоей спасительной силы. Но сейчас эти объятия казались смертельной удавкой.

— Установите связь с командованием, — сказал Айс. — Пусть слышат. Времени не остается, так что будем считать это нашим официальным рапортом.

— Связь установлена.

— Адмирал, помните, вы сказали: «Она просто ничто. Внутри ничего нет»? Вы были правы. Эта «бумажка» и в самом деле ничто и ничего не содержит. Она — само пространство, такое же, как

то, что окружает нас, — оно ведь тоже ничто и не содержит ничего. Но между ними существенная разница: то, другое пространство — двумерное. Это не кубик, а ломтик. Ломтик без толщины.

— А разве эта штука не испарилась?

— Испарилось защитное поле вокруг нее. Оно выступало в качестве упаковки, отделяющей двумерное пространство от трехмерного. Но сейчас оба вошли в соприкосновение. Вы помните, что видели «Синий космос» и «Гравитация»?

Никто не ответил, но все помнили: четырехмерное пространство падало в три измерения, словно водопад с обрыва.

— Как четырехмерное пространство схлопывается в три измерения, так и трехмерное пространство может схлопнуться в два; одно измерение свернется и уйдет в квантовый мир. Площадь этого фрагмента двумерного пространства — он имеет только площадь, без объема — будет быстро увеличиваться, захватывая все больше и больше трехмерного пространства… Участок космоса, в котором мы сейчас находимся, падает в два измерения. За ним последует и вся Солнечная система. Иными словами, Солнечная система превратится в картину без толщины.

— Мы сможем убежать?

— Бежать от этого — все равно что пытаться на гребной лодке спастись от водопада. Если не грести достаточно быстро, лодку непременно перенесет через край. Это как с камешком на Земле: как высоко его ни подбрасывай, он обязательно упадет обратно. Вся Солнечная система находится в зоне коллапса, и если кто-то намерен вырваться из нее, он должен достичь скорости убегания.

— И какова эта скорость?

— Я вычислял несколько часов. Уверен, что получил правильный результат.

— Да говорите же!

Экипажи «Омеги» и «Аляски», на данный момент полномочные представители всего человечества, затаив дыхание ждали последнего откровения.

Айс спокойным тоном вынес приговор:

— Скорость света.

Навигационная система доложила, что «Омега» движется сейчас в направлении, противоположном тому, куда стремилась. Корабль полз назад к двумерному участку космоса — сначала медленно, затем постепенно ускоряясь. Двигатели «Омеги» все так же давали «полный вперед». Это чуть притормозит падение корабля и отсрочит неизбежное, но очень ненадолго.

В двух тысячах километров отсюда сияние, испускаемое сплющившимся катером и его экипажем, погасло. В отличие от коллапса четырехмерного пространства в трехмерное, переход трех измерений в два сопровождался намного меньшим высвобождением энергии. Две плоские фигуры четко виднелись в звездном свете. На сплющившемся катере просматривались как детали конструкции — кабина, термоядерный реактор и прочее, — так и развернувшаяся в плоскость фигура наблюдателя в кабине. В плоском теле другого астронавта четко просматривались кости, кровеносные сосуды и другие органы.

В процессе выпадания в два измерения каждая точка трехмерного объекта проецировалась на плоскость в прямом соответствии с геометрическими законами, и потому эти две фигуры оказались наиболее полными и точными отображениями первоначально трехмерных катера и людей. Все внутренние структуры лежали теперь бок о бок в двух измерениях, ни одна деталь не перекрывала другую. Процесс проецирования, однако, сильно отличался от того, что используется в технических чертежах, поэтому визуально восстановить первоначальную трехмерную структуру было трудно.

Самое большое отличие от чертежа заключалось в том, что двумерное развертывание произошло на всех уровнях: все исходные трехмерные структуры и детали легли параллельно в двух измерениях, и результат до некоторой степени повторял эффект, получавшийся при просмотре трехмерного мира из четырехмерного пространства. Это очень напоминало изображения фракталов: сколько ни увеличивай часть изображения, менее сложным оно не станет. Однако фракталы — это теоретические концепции, потому что их действительные изображения неизбежно ограничиваются разрешением: после увеличения в несколько раз изображения теряют свою фрактальную природу. С другой стороны, сложность трехмерных объектов, развернутых в двух измерениях, была реальной: разрешение их лежало на уровне элементарных частиц. Наблюдательный терминал «Омеги» имел ограниченное разрешение, но от сложности и количества подробностей у зрителей голова шла кругом. Это был самый сложный образ Вселенной; если непрерывно смотреть на него слишком долго, можно потерять рассудок.

И катер, и его экипаж больше не имели толщины.

Оставалось неясным, насколько широко раскинулась к этому времени плоскость; на ее присутствие указывали только две фигуры.

«Омега» все быстрее скользила по направлению к плоскости, к бездне, глубина которой равнялась нулю.

— Не падайте духом, друзья! Никому не удастся вырваться из Солнечной системы — даже бактерии или вирусу. Все мы станем частью этой грандиозной картины, — произнес Айс с невозмутимым видом стоика.

— Прекратить ускорение, — приказал Василенко. — Какая разница — минутой раньше, минутой позже… По крайней мере, встречая свой конец, дышать будем свободно.

Двигатели «Омеги» выключились. Столб плазмы, вырывавшийся из сопел, исчез, и корабль бессильно дрейфовал в космосе. На самом деле он продолжал ускоряться по направлению к двумерному участку, но так как космолет двигался туда вместе со всем окружающим пространством, экипаж не ощущал перегрузки. Снова настала невесомость, и люди воспользовались возможностью вдохнуть всей грудью.

— Знаете, о чем я думаю? — спросил Айс. — О картинах Остроглаза из волшебных сказок Юнь

Тяньмина.

На борту «Омеги» лишь немногие знали о тайном послании Юнь Тяньмина. Теперь они в мгновение ока поняли значение этой детали сказок. Простая метафора, настолько ясная, что ей не нужна была дирекционная координата. Юнь, должно быть, сознавал, что подвергает себя огромному риску, вставляя в свои истории такую очевидную метафору, и все же считал себя обязанным сделать это, потому что информация была чрезвычайно важной.

Наверно, он полагал, что, зная об открытиях «Синего космоса» и «Гравитации», человечество сможет понять его метафору. К сожалению, он переоценил проницательность человеческого ума.

Неспособность расшифровать этот ключевой фрагмент информации привела к тому, что люди возложили все свои надежды на проект космических убежищ.

В оправдание можно сказать, что в обеих атаках «темного леса», которые наблюдали земляне, были задействованы фотоиды; однако люди умудрились не заметить один бросающийся в глаза факт: уничтоженные планетные системы обладали иной структурой, чем Солнечная. Звезда, известная как 187J3X1, имела три гигантские пла-

неты юпитерианского типа, но они обращались по орбитам, чрезвычайно близким к их солнцу. Среднее расстояние от этих планет до звезды составляло всего 3 % расстояния от Юпитера до Солнца, то есть еще ближе, чем орбита Меркурия. Поскольку они едва не задевали на ходу свое светило, взрыв звезды полностью разрушил все планеты, их нельзя было использовать как защитные барьеры. А в системе трех солнц существовала только одна планета — Трисолярис.

Структура планетной системы легко прослеживается издалека. Опытным высокоразвитым инопланетянам, чтобы все понять, достаточно бросить один беглый взгляд.

Если люди смогли додуматься до использования газовых гигантов в качестве щита, то наблюдатели из сверхразвитой космической цивилизации и подавно.

Слабость и невежество не помеха для выживания, а вот самонадеянность — да!

«Омега» находилась сейчас не дальше тысячи километров от плоскости и падала все быстрее и быстрее.

— Благодарю всех за то, что до конца исполнили свой долг, — промолвил Василенко. — Мы хорошо работали вместе, пусть и недолго.

— А я благодарю всех представителей человеческой расы, — сказал ☒Айс. — Однажды мы все жили в Солнечной системе.

«Омега» выпала в двумерное пространство. Всего за несколько секунд она превратилась в тончайшую пленку. Огни, подобные фейерверку, еще раз осветили космический мрак. Эта громадная плоская фигура была хорошо видна с «Аляски», находившейся в ста тысячах километров от сцены трагедии. Можно было ясно различить каждого человека на борту «Омеги»: они лежали бок о бок, держась за руки, и каждая клетка их двумерных тел была открыта всему космосу.

Они стали первыми изображениями на грандиозном полотне смерти.

Эра Космических Убежищ, год 68-й
Плутон

— Давай вернемся на Землю, — тихо сказала Чэн Синь. Это была первая идея, пробившаяся сквозь хаос и мрак ее путаных мыслей.

— Земля — совсем не плохое место для ожидания конца, — произнес Цао Бинь. — Опавший лист возвращается к корням. Тем не менее мы

надеемся, что «Ореол» полетит на Плутон.

— На Плутон?

— Сейчас он в апогее, далеко от двумерного пространства. Правительство Федерации готовится сделать официальное объявление об атаке «темного леса», так что к Плутону направятся многие. Хотя в конечном счете всех постигнет одна участь, но так они выиграют хотя бы немного времени.

— «Немного» — это сколько?

— Вся Солнечная система вплоть до пояса Койпера схлопнется в два измерения за восемьдесять дней.

— Всего-то! Не стоит и дергаться, — фыркнула АА. — Поехали на Землю!

— Правительство Федерации просит вас об услуге.

— И что мы можем сейчас сделать?

— Ничего особо важного. Теперь все на свете неважно. Но кое-кто выдвинул идею, что, возможно, внеземные разумные существа обладают компьютерной программой, способной обработать двумерное изображение трехмерного объекта и восстановить потом этот объект. Мы надеемся, что в отдаленном будущем какая-нибудь высокоразвитая цивилизация сможет

создать трехмерную модель нашего мира из его двумерного образа. Конечно, это будет всего лишь мертвая модель, но, во всяком случае, человеческая цивилизация не уйдет в небытие бесследно.

На Плутоне находится Музей цивилизации Земли. В нем хранится огромная коллекция самых ценных сокровищ человечества. Вот только располагается музей под поверхностью планеты, и мы боимся, что в процессе перехода в плоскость эти артефакты перемешаются с горными породами и структура их нарушится. Нам хотелось бы попросить вас вывезти с Плутона на «Ореоле» хотя бы некоторые из них и рассеять в пространстве так, чтобы они схлопнулись в два измерения каждый по отдельности. Тогда их структура, будем надеяться, сохранится нетронутой. Наверно, это можно считать чем-то вроде спасательной экспедиции… Конечно, должен признать, идея граничит с сумасшествием, но все же лучше делать хоть что-то, чем не делать ничего. Да, а еще там, на Плутоне, Ло Цзи. Хочет встретиться с вами.

— Ло Цзи? — вскрикнула АА. — Он жив?

— Да. Ему почти двести лет.

— Хорошо. Летим на Плутон, — сказала Чэн Синь. В прошлом она пришла бы в восторг при

мысли о таком путешествии. Сейчас же ничто не имело значения.

Тут заговорил незнакомый приятный баритон:

— Желаете отправиться к Плутону?

— Кто вы? — спросила АА.

— Я «Ореол», вернее, искусственный интеллект «Ореола». Желаете отправиться на Плутон?

— Да. Что надо делать?

— Всего лишь подтвердить запрос, больше ничего, — ответил искин. — Я сам сделаю все, что требуется.

— Да, мы желаем лететь на Плутон.

— Команда подтверждена. Идет обработка. «Ореол» начнет ускорение при 1g через три минуты. Пожалуйста, следите за вектором тяготения.

— Вот и отлично, — подвел итог Цао Бинь. — Чем раньше, тем лучше. После того как объявят тревогу, наверняка поднимется паника. Надеюсь, нам еще представится случай поговорить. — Цао закрыл окно прежде, чем АА с Чэн Синь успели сказать ему «до свидания». В настоящий момент АА, Чэн Синь и «Ореол» не входили в число его приоритетов.

В иллюминатор подруги увидели, как на обшивке комбинированного космограда возникло несколько голубых огней — это отражалось пла-

мя в дюзах «Ореола». Пассажирок прижало к стене сферической каюты. Они чувствовали, как наливаются тяжестью их тела. Ускорение быстро достигло 1g. Еще слабые после гибернации, подруги с трудом вернулись к иллюминатору. Теперь они видели диск Юпитера целиком. Он все равно оставался чудовищно огромным и уменьшался слишком медленно, чтобы наблюдатель мог ощутить изменение в размерах.

Бортовой ИИ устроил подругам ознакомительную экскурсию по кораблю. Как и его предшественник, этот новый «Ореол» тоже был маленькой яхтой звездного класса, способной вместить максимум четверых пассажиров. Бо!льшую часть внутреннего пространства занимала замкнутая система жизнеобеспечения. По стандартным меркам она была явно избыточна — могла обслужить сорок человек, а предназначалась всего для четверых. Система состояла из четырех одинаковых подсистем, соединенных вместе и действующих как взаимозаменяемые резервные единицы. Если одна выйдет из строя, три оставшиеся восстановят ее.

Другой отличительной чертой «Ореола» являлась способность приземляться непосредственно на поверхность твердой планеты среднего раз-

мера. Такая конструкция была нехарактерна для звездолетов. Обычно для высадки на планеты пользовались челноками. Спуск в глубокий гравитационный колодец предполагал наличие у корабля очень прочного корпуса, что значительно удорожало корабль. Кроме того, для полета в атмосфере требовалась обтекаемая форма, что тоже было редкостью среди звездолетов.

Все эти конструкторские решения означали, что если бы «Ореол» нашел где-то в дальнем космосе подходящую планету, то он мог бы довольно продолжительное время служить для экипажа жилой базой. Возможно, именно поэтому «Ореол» и избрали для спасательной экспедиции на Плутон.

Яхта обладала и многими другими особенностями. Например, в ней было шесть маленьких патио, каждое площадью двадцать-тридцать квадратных метров. Все они при ускорении автоматически ориентировались по вектору псевдогравитации, а во время полета по инерции вращались независимо от остального корабля, создавая искусственное тяготение. Каждое патио представляло собой уголок природы, отличный от других: зеленый газон с ручейком, журчащим в траве, или рощицу с прячущимся в ней

прозрачным ключом, или пляжик, омываемый кристально чистыми волнами… Все эти сцены были крошечными, но изысканными — словно ожерелье, для бусинок которого взяли лучшие пейзажи Земли. Среди маленьких звездолетов подобный дизайн был невиданной роскошью.

Чэн Синь печалила судьба «Ореола». Такой чудесный крошечный мир — и скоро превратится в лепешку без толщины… Она старалась не думать о других, более значительных вещах, которые ждет неминуемая гибель. Смерть простерла свои черные крылья под небом ее сознания, и Чэн Синь не решалась поднять глаза и взглянуть на нее прямо.

Через два часа после отлета «Ореола» правительство Федерации официально объявило тревогу в связи с атакой «темного леса». Президент, красивая женщина, на вид очень молодая, выступила с заявлением. Она стояла под голубым флагом Федерации и говорила совершенно бесстрастно. Чэн Синь заметила, что флаг очень похож на старинный флаг ООН, только вместо Земли на нем Солнце. Самый важный в истории человечества документ, знаменующий конец земной цивилизации, был весьма короток:

Пять часов назад система раннего предупрежде-

ния подтвердила, что «темный лес» осуществил атаку против нашего мира.

Метод атаки — изменение физической природы нашего пространства. Это означает, что Солнечная система из трехмерного состояния перейдет в двумерное. Результатом станет гибель всех форм жизни.

По прогнозам процесс займет от восьми до десяти дней. К настоящему моменту коллапс пространства уже идет, его темп и масштабы нарастают.

Мы получили подтверждение, что скорость убегания из коллапсирующего участка космоса равна скорости света.

Час назад правительство и парламент Федерации приняли решение отменить все законы, касающиеся эскапизма. В то же время правительство считает своим долгом напомнить гражданам, что скорость убегания намного превосходит максимальную скорость, которую способны развить космические корабли землян. Вероятность спасения равна нулю.

Правительство, Парламент, Верховный Суд и Флот Федерации будут исполнять свои обязанности до самого конца.

Другие новости подруги смотреть не стали

— ни к чему.

По словам Цао Биня, Мир Убежищ был сейчас подлинным раем. Чэн Синь и АА очень хотели взглянуть, как выглядит рай, но не осмеливались. Если все на свете пойдет прахом, то чем мир прекраснее, тем больше горя принесет зрелище его разрушения. Впрочем, рай содрогался сейчас в пароксизме страха смерти.

«Ореол» прекратил ускорение. Юпитер за кормой превратился в маленькую желтую точку. Подруги надели сонные обручи и провели следующие несколько дней в непрерывном сне. В этом одиноком путешествии сквозь ночь перед концом света неудержимое воображение, представляющее картины одна другой ужасней, могло кого угодно свести с ума.

* * *

Искин пробудил АА и Чэн Синь от их сна без сновидений. «Ореол» прибыл на Плутон.

На экране монитора и в иллюминаторе подруги видели всю карликовую планету целиком. Самое первое впечатление от этого мира можно было охарактеризовать одним словом: потемки. Плутон был словно затянутый бельмом глаз. Свет Солнца еле доходил в такую даль. Только

когда «Ореол» спустился на низкую орбиту, его пассажиры смогли различить какие-то краски на поверхности: кора Плутона казалась сшитой из синих и черных лоскутов. Черные — это скалы; и необязательно таков был их настоящий цвет, просто здесь царила темень, и глаз не различал оттенков. Синие участки — это превратившиеся в лед азот и метан. Двести лет назад, когда Плутон находился в перигее внутри орбиты Нептуна, его поверхность выглядела совсем иначе. Замерзшие газы частично растаяли, и из них образовалась жиденькая атмосфера. Из космоса планетка выглядела насыщенно желтой.

«Ореол» продолжал снижаться. Случись это на Земле, вход в атмосферу был бы делом во всех смыслах волнующим, но здесь корабль садился в вакууме, в полном безмолвии, тормозя единственно при помощи своих двигателей. Внизу, на черно-синей поверхности, резко выделялась белая надпись:

Цивилизация Ремли

Текст был написан на современный манер, на смеси латиницы и китайских иероглифов. Под первой строкой шло еще несколько помельче,

каждая повторяла то же самое, только другим алфавитом. Чэн Синь подметила, что слово «музей» ни в одной из надписей не встречается. Яхта пока еще висела в сотне километров от поверхности, из чего следовало, что текст исполинский. Чэн Синь не могла точно определить размеры букв, но это, без сомнения, была самая большая надпись из всех, когда-либо сделанных человеком. В каждом ее знаке мог бы поместиться целый город. К тому моменту, когда «Ореол» снизился до десяти тысяч метров, один из колоссальных знаков занял все поле зрения. И наконец «Ореол» сел на широкую посадочную площадку, располагавшуюся в верхушке китайского иероглифа «цю» (⊠) — части слова «Земля».

Следуя указаниям бортового искина, Чэн Синь с АА облачились в легкие скафандры и вышли из космолета. В здешнем жутком холоде обогревательные системы скафандров работали на полную мощность. Пустая посадочная площадка в свете звезд сияла белизной. Многочисленные ожоги на почве свидетельствовали о том, что когда-то здесь взлетало и приземлялось немало кораблей, но сейчас «Ореол» возвышался на площадке в полном одиночестве.

В Мире Убежищ Плутон был чем-то вроде зем-

ной Антарктиды. Здесь никто не жил постоянно, да и визитеры бывали только изредка.

В небе среди звезд быстро двигался крупный черный шар — Харон, естественный спутник Плутона. Его масса составляла одну десятую массы Плутона, и оба небесных тела практически составляли двойную планетарную систему, вращающуюся вокруг общего центра масс.

«Ореол» включил прожекторы, но в безвоздушном пространстве лучи не были видны. Круг света упал на отдаленный прямоугольный объект. Этот черный монолит был единственным возвышением на ровной белой поверхности. От его простоты веяло жутью, как если бы он служил абстрактным воплощением реального мира.

— Выглядит немного знакомым, — проговорила Чэн Синь.

— Не знаю, что это за штуковина, но мне она не нравится.

Чэн Синь с АА направились к монолиту. Сила тяжести Плутона составляет лишь одну десятую земной, поэтому женщины передвигались длинными мягкими прыжками. По пути они обнаружили на земле ряд стрелок, указывавших на монолит.

Но лишь подойдя вплотную к нему, подруги

поняли, насколько он огромен. Когда они подняли глаза, им показалось, будто из звездного неба вырезали кусок. Осмотревшись, женщины увидели ряды стрелок, сходящихся сюда с разных сторон, и все они указывали на монолит.

В нижней части стены торчало металлическое колесо метрового диаметра. Удивительно — кажется, крутить его следовало вручную! Над колесом белыми линиями на черном фоне было нарисовано схематическое руководство: закругленные стрелки указывали направление вращения; рядом с одной стрелкой помещалось изображение открытой двери, рядом с другой — закрытой. Чэн Синь оглянулась на стрелки на земле, указывавшие путь к монолиту. Все эти четкие, понятные, бессловесные инструкции вызвали у нее странное чувство, которое АА не замедлила выразить вслух:

— Эти рисунки… Кажется, они не для людей.

Подруги повернули колесо, как было указано в инструкции. Потребовалось некоторое усилие, но в конце концов в стене монолита открылась дверь. Из нее вырвалось немного воздуха, содержащийся в нем пар быстро затвердел, и льдинки засверкали в свете прожектора. Чэн Синь и АА вошли и увидели еще одну дверь, тоже откры-

вавшуюся при помощи колеса. На этот раз над ним шла простая надпись, объяснявшая, что они в шлюзовой камере и что, прежде чем открыть внутреннюю дверь, надо закрыть наружную. Это тоже было необычно — ведь уже в конце Эры Кризиса изобрели технологию, позволяющую открывать двери прямо в вакуум безо всяких шлюзов.

Чэн Синь и АА затворили дверь, в которую вошли, и закрутили колесо на ее внутренней стороне. Свет прожектора как отрезало. Они уже хотели было зажечь фонарики на скафандрах, чтобы отогнать наводящую страх темноту, и тут заметили на потолке тесного шлюза маленькую горящую лампочку. Электричество! Впервые они увидели здесь что-то, работающее на электричестве. Подруги принялись крутить колесо, открывающее проход внутрь. Чэн Синь была убеждена, что даже если бы они и не закрыли первую дверь, то все равно смогли бы открыть вторую. Избежать утечки воздуха можно было только одним способом — точно следовать инструкции. В этом низкотехнологичном месте не существовало автоматической «защиты от дурака».

Поток воздуха едва не сбил девушек с ног; из-за

быстро повышающейся температуры щитки их шлемов затуманились. Датчики скафандров проанализировали давление и состав атмосферы и сообщили: воздух пригоден для дыхания, можно снять шлемы.

Они стояли в начале туннеля, освещаемого тусклыми фонарями. Черные стены поглощали скудный свет, поэтому промежутки между редкими конусами света утопали во мраке. Пол туннеля круто, под углом около сорока пяти градусов, уходил вниз — тем не менее ступенек не наблюдалось. Такой дизайн, вероятно, был обусловлен двумя соображениями: во-первых, в условиях низкой силы тяжести ступеньки не нужны; во-вторых, туннель предназначался не для людей.

— Что, лифта нет? — дрожащим голосом пробормотала АА. Ее пугала перспектива спускаться по резко наклонному полу.

— Лифт со временем может сломаться. А это здание построили так, чтобы оно пережило геологические эры, — раздался голос с другого конца туннеля, где в тусклом пятне света появился старик. Его длинные седые волосы и борода, струящиеся в воздухе при низкой силе тяжести, казалось, светились сами по себе.

— Вы Ло Цзи? — крикнула АА.

— А кто же еще? Дети, ноги у меня уже не такие крепкие, как раньше; уж простите, что не иду вам навстречу. Давайте-ка сами сюда!

Чэн Синь с АА пустились по туннелю длинными прыжками. Благодаря низкой силе тяжести трюк оказался не слишком головоломным. Приблизившись к старику, они разглядели, что это и вправду Ло Цзи. На нем был длинный белый чаншань — китайская мужская туника. Он стоял, опираясь на трость; спина его немного ссутулилась, но голос оставался сильным и звучным.

Чэн Синь глубоко поклонилась.

— Здравствуйте, почтенный старейшина.

— Ха-ха, к чему такие церемонии! — махнул рукой Ло Цзи. — Мы ведь с тобой были… коллеги. — Он посмотрел на Чэн Синь, и в глазах его зажглось чисто мужское восхищение, несколько не вяжущееся с его возрастом. — Да ты все еще молода! Было время, я видел в тебе только Держателя Меча, но потом прозрел: ты посмотри, думаю, какая красотка! Ха, забавно…

Кажется, Ло Цзи тоже изменился. От величественного Держателя Меча не осталось и следа. Подруги не знали, что этот циничный, фривольный Ло Цзи, которого они сейчас видели перед

собой, на самом деле был возвратом к той личности, какой он был четыреста лет назад, до своего назначения Отвернувшимся. Как будто прежний легкомысленный Ло Цзи вышел из гибернации. Почтенный возраст, однако, смягчил его характер и придал ему больше глубины.

— Вы знаете, что произошло? — спросила АА.

— А как же, дитя мое. — Он указал тростью себе за спину. — Эти идиоты все удрали на своих кораблях. И ведь знают, что никуда не денутся, но все равно попытались сбежать. Дурачье.

Он говорил о других служителях Музея цивилизации Земли.

— А мы-то с тобой напрягались… — сказал Ло Цзи, обращаясь к Чэн Синь. — И все зря!

Ей понадобилось время, чтобы понять, что он имел в виду. Нахлынули эмоции и воспоминания, но Ло Цзи прервал их поток:

— Забудь. *Carpe diem*[178] — вот правильный лозунг. Конечно, для *carpe* осталось не так уж много *diem*, но не будем о грустном… Пойдемте. Нет, не надо меня поддерживать. Вы и сами еще толком не научились ходить по этому шарику.

---

[178] Примечания: 178

Carpe diem (буквально «лови день») — фраза из оды римского поэта Горация, ставшая крылатым выражением. Означает «живи настоящим», «лови момент». — *Прим. перев.*

Для старого Ло Цзи — двести лет не шутка! — трудность передвижения при столь низкой силе тяжести состояла не в том, чтобы идти быстро, а в том, чтобы идти медленно. Трость служила ему не столько опорой, сколько тормозом.

Через некоторое время туннель расширился и стал больше походить на пещеру. Потолок висел где-то высоко вверху, однако освещение оставалось по-прежнему слабым. Пещера казалась очень длинной — другого конца не видать.

— Это и есть музей, — пояснил Ло Цзи.

— А где же экспонаты?

— В залах на том конце. Да ладно, они не так важны. Ну как долго они протянут? Десять тысяч лет? Сто? В лучшем случае миллион. Впрочем, к тому времени практически все они рассыплются в прах. Но это… — Ло Цзи повел рукой вокруг, — это будет стоять сотни миллионов лет! Неужели вы до сих пор думаете, что здесь музей? Да ведь тут не бывает посетителей! Это место не для них. Это надгробный памятник. Камень на могиле человечества.

Чэн Синь обвела глазами пустую полутемную пещеру, припомнила то, что видела по дороге… И правда, на всем здесь лежал отпечаток смерти.

— Как такая идея могла прийти кому-то в

голову? — спросила АА, тоже оглядываясь по сторонам.

— Ты задаешь этот вопрос, потому что слишком молода. В наше время, — Ло Цзи указал на себя и Чэн Синь, — люди часто планировали свои похороны еще при жизни. Указать, на каком кладбище хоронить человечество, не так-то просто, но вот возвести ему надгробный памятник нам вполне по силам. — Он повернулся к Чэн Синь. — Помнишь Генерального секретаря Сэй?

— Конечно, — кивнула Чэн Синь.

Четыреста лет назад, работая в АСР, она несколько раз встречала Сэй, Генерального секретаря ООН, на различных мероприятиях. Последний раз на брифинге в АСР. Уэйд тоже был там. Чэн Синь тогда делала презентацию проекта «Лестница». Сэй сидела тихо и выслушала все, не задав ни единого вопроса. Позже она подошла к Чэн Синь, наклонилась и прошептала: «Нам нужно больше людей, которые мыслят, как вы».

— Она обладала истинным даром предвидения. Все эти годы я часто вспоминал ее. Неужели она и правда умерла четыреста лет назад? — Ло Цзи оперся о палку обеими руками и вздохнул. — Сэй была первой, кто подумал об этом. Хотела сделать что-то такое, что оставалось бы в целости

еще долго после гибели человеческой цивилизации. Она планировала отправить в космос беспилотный корабль с предметами культуры и информацией о нас, но эту идею посчитали формой эскапизма, и после ее смерти проект закрыли. Через триста лет, когда началось строительство космических убежищ, вспомнили и о задумке Сэй. В те времена люди боялись, что конец света может настать в любой момент. Новые власти Федерации решили одновременно со строительством убежищ поставить и могильный камень человечеству, но официально этот объект назвали «Музей цивилизации Земли» — чтобы не выглядело слишком пессимистично. Главой проекта назначили меня.

Первым делом мы задумались, как пронести информацию через геологические эры. Начальным ориентиром нам определили миллиард лет. Ха! Миллиард! Эти идиоты думали, что это раз плюнуть, — ведь мы же построили Мир Убежищ, так неужели не справимся с такой пустяковиной? Но вскоре выяснилось, что современные квантовые накопители данных, способные впихнуть целую библиотеку в рисовое зернышко, могут сохранять информацию без потерь только в течение двух тысяч лет. А потом материал разло-

жится, и расшифровать сведения станет никому не под силу. Да и то сказать, это верно лишь в отношении высококачественных устройств. Если взять обычные, то две трети из них не протянут и пяти веков. Вот так наш умозрительный, далекий от повседневности проект превратился в интересную практическую задачу. Пятьсот лет — срок реальный; вспомни, что мы с тобой родились четыреста лет назад. Поэтому правительство остановило работы над музеем и приказало нам заняться тем, как сохранить важную информацию о современном человечестве, чтобы ее можно было прочитать через пятьсот лет, хе-хе… В конце концов решением этой проблемы занялся отдельный институт, а мы смогли спокойно работать над самим музеем, вернее, надгробным памятником.

Ученые выяснили, что устройства хранения данных, использовавшиеся в наше время, были намного лучше. Они откопали несколько флэшек и харддисков из Общей Эры, и — надо же! — данные на некоторых из них по-прежнему поддавались расшифровке! Эксперименты показали, что если бы эти устройства были получше качеством, то информация на них сохранилась бы в течение пяти тысяч лет. Особенно устой-

чивыми оказались оптические диски из наших времен. Если их изготовить из особого сплава, то они сохранят данные в течение ста тысяч лет. И даже это не шло в сравнение с некоторыми печатными материалами. Надпись, сделанная специальными чернилами на композитной бумаге, останется читабельной и через двести тысяч лет. Но это предел. Доступные нам средства сохранили бы информацию в течение двухсот тысяч лет, но ведь задача-то была миллиард!

Мы уведомили правительство, что при нынешнем состоянии технологии сохранить десять гигабайт изображений и один гигабайт текста — минимальные требования для Музея — в течение миллиарда лет невозможно. Нам не поверили. Пришлось представить доказательства. Тогда они согласились снизить планку до ста миллионов лет.

Но и эта задача оставалась крайне сложной. Мы искали информацию, которая сохранилась бы так долго. Узоры на доисторической керамике пережили примерно десять тысяч лет. Пещерные рисунки в Европе имели возраст сорок тысяч лет. Если считать информацией сколы на камнях, сделанные нашими предками-гоминидами, то им два с половиной миллиона лет. Но все-таки

мы нашли информацию, которой сто миллионов лет, хотя оставили ее не люди. Это были отпечатки динозавров.

Работы продолжались, но дело вперед не двигалось. Другие специалисты, по-видимому, пришли к каким-то заключениям, но озвучить их не желали. Я сказал им: «Да не мнитесь вы! Что бы вы там ни надумали, неважно, насколько это нелепо или экстравагантно, — мы примем ваши рекомендации, если не найдется других альтернатив». Заверил их, что пережил такое, что нелепее и экстравагантнее просто быть не может; уж кто-кто, а я не стану над ними смеяться. Тогда они сказали, что, применив самые передовые теории и технологии, проведя обширные теоретические исследования и практические эксперименты, тщательно проанализировав и сравнив различные предложения, они таки нашли способ сохранить информацию в течение ста миллионов лет. Они особо подчеркнули, что этот метод — единственный реально применимый. Сказали, мы должны… — Ло Цзи воздел трость над головой. Со своими развевающимися в воздухе белыми волосами и бородой он походил на пророка Моисея, разделяющего воды Красного моря. Торжественным тоном он закончил:

— …высечь слова в камне!

АА прыснула. Но Чэн Синь и не думала смеяться. Она застыла в ошеломлении.

— Да, высечь слова в камне. — Ло Цзи указал на стены пещеры.

Чэн Синь подошла к стене. В тусклом свете она увидела, что та покрыта тесно выбитыми строками и рельефными картинками. Стена была не просто каменная; судя по виду, в нее вплавили какой-то металл, а может быть, покрыли поверхность чем-то долговечным — сплавом титана или золотом. Но в основе своей это ничем не отличалось от резьбы по камню. Шрифт был отнюдь не мелкий: каждый знак или буква занимали примерно квадратный сантиметр — еще один способ придать информации долговечность, потому что мелкий текст сберечь труднее.

— Конечно, такой подход означал, что удастся сохранить лишь одну десятитысячную от запланированного количества информации. Но деваться было некуда, и правительству пришлось согласиться.

— Фонари у вас больно странные, — заявила АА.

Чэн Синь присмотрелась к светильнику на стене пещеры. Первое, что бросилось в глаза, —

это его дизайн: рука, выходящая из стены, держит факел. «Я где-то это видела», — подумала Чэн Синь. Но АА явно говорила не о дизайне. Вид у фонаря-факела был очень нелепый: напоминая по конструкции и размеру старинный мощный ручной фонарик, он светил еле-еле, примерно как древняя лампочка накаливания в двадцать ватт. Огонек, пробивавшийся сквозь толстое стекло рассеивателя, был слабым, будто пламя свечки.

— Вон там у нас что-то вроде электростанции, снабжающей комплекс электричеством, — объяснил Ло Цзи. — Этот светильник — выдающееся достижение техники. В нем нет ни спирали накаливания, ни газа; я вообще не знаю, что в нем светится, но оно может гореть сто тысяч лет. Двери, через которые вы прошли, при нормальных условиях должны функционировать пятьсот тысяч лет. После этого они деформируются, так что тому, кто захочет сюда проникнуть, придется их взломать. К тому времени эти светильники уже давно погаснут; в течение четырехсот тысяч лет здесь будет царить кромешная тьма. Но это станет лишь началом путешествия продолжительностью в сто миллионов лет.

Чэн Синь сняла перчатку скафандра и погладила пальцами высеченные в холодном камне

знаки. Затем прислонилась к стене пещеры и завороженно уставилась на светильники. Она вспомнила, где видела что-то подобное: в парижском Пантеоне. Рука, держащая факел, — в точности как та, что на гробнице Руссо. Тусклые желтые огни на стенах пещеры больше не выглядели электрическими, а напоминали крохотные язычки пламени, готовые вот-вот угаснуть.

— Что это ты притихла? — спросил Ло Цзи. В его голосе прозвучали нотки участия. К Чэн Синь давно никто так не обращался.

— Да она всегда такая, — заверила АА.

— О-хо-хо, я раньше любил поболтать, а потом забыл, как это делается. Сейчас вот опять научился и трещу, не переставая, как пацан. Тебя это не раздражает?

Чэн Синь с трудом улыбнулась:

— Нет, совсем нет. Просто… просто глядя на все это, я не знаю, что сказать.

И это было правдой. Что тут скажешь? Цивилизация была безумным рывком вперед длиной пять тысяч лет. Прогресс порождал дальнейший прогресс; бесчисленные чудеса давали начало множеству других чудес; человечество, казалось, стало всесильным, как боги… И все же истинное могущество принадлежит времени. Оставить

после себя след труднее, чем создать мир. Цивилизация подошла к своему концу, а единственное, что смогло сделать человечество, — это то же, что делало в далеком прошлом, когда было еще младенцем: высекло слова в камне.

Чэн Синь вгляделась в знаки, вырезанные на стене. Они начинались с изображения мужчины и женщины — возможно, то была попытка показать будущим первооткрывателям, как выглядели люди. Но в отличие от невыразительной гравюры на металлической пластине, которую в годы Общей Эры унес в космос «Пионер», эти пещерные рисунки были полны экспрессии и навевали ассоциации с Адамом и Евой.

Чэн Синь побрела вдоль стены. После мужчины и женщины пошли иероглифы и клинописные знаки, по всей вероятности, скопированные с древних артефактов. Многие из них даже современные люди не могли прочитать, что уж говорить о будущих пришельцах из космоса… Пройдя дальше, Чэн Синь обнаружила китайские стихи — или, по крайней мере, она предположила, что это стихи, по характеру расположения иероглифов. Но ни одного из знаков она не узнала, могла лишь сказать, что это письмена «большой

печати»[179].

— Это «Шицзин» — «Книга песен», написанная за тысячу лет до Рождества Христова, — пояснил Ло Цзи. — Там дальше есть фрагменты классической греческой философии. Чтобы добраться до иероглифов и букв, которые ты сможешь прочитать, надо пройти десятки метров.

Под греческими буквами Чэн Синь увидела другой рельеф, изображающий античных философов в простых хитонах, ведущих дискуссии на агоре в окружении каменных колонн.

У Чэн Синь возникла странная мысль. Она вернулась обратно и принялась что-то высматривать в начале надписей, но безрезультатно.

— Ищешь Розеттский камень? — осведомился Ло Цзи.

— Да. Ведь есть же система, которая помогает

---

[179] Примечания: 179

«Большая печать» наряду с «малой печатью» является вариантом письма Чжуаньшу (по-китайски «иероглифы печати»), появившейся в VIII–III веках до н. э. Чжуаньшу — самый часто используемый из архаичных стилей каллиграфии. Большинство китайцев не могут читать чжуаньшу, его использование обычно ограничивается каллиграфией (материал Википедии). — *Прим. перев.*

истолковывать знаки?[180]

— Дитя мое, у нас тут наскальные изображения, а не компьютер. Как бы мы воткнули сюда такую систему, по-твоему?

АА взглянула на стену, затем уставилась на Ло Цзи.

— Получается, мы здесь вырезали в камне вещи, которых сами не понимаем, и надеемся, что когда-нибудь явятся пришельцы и смогут их расшифровать?!

И правда, внеземному разуму далекого будущего человеческие письмена на этих стенах покажутся чем-то вроде линейного письма А, критских иероглифов или еще какой-нибудь древней письменности, которую никто не может прочесть. Скорее всего, никто их читать и не станет. Как только создатели памятника поняли, какая это страшная вещь — время, их вера в то, что цивилизация может оставить после себя следы, способные сохраниться в течение геологических эпох, иссякла. Как сказал Ло Цзи, это

---

[180] Примечания: 180

На случай, если кто-то забыл: в первой части романа, в эпизоде, когда исследователи «Синего космоса» и «Гравитации» общаются с четырехмерным Кольцом, упоминается система «Розетта» — база данных, созданная для обучения трисоляриан земным языкам. Интересный факт: проект «Розетта» существует и в наши дни, но, конечно, преследует иные, хоть и сходные, цели (https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_«Розетта»). — *Прим. перев.*

был не музей.

Музей строили для посетителей. Могильный памятник — для строителей.

Все трое пошли дальше. Трость Ло Цзи ритмично постукивала о пол.

— Я часто брожу здесь наедине со своими шальными мыслями. — Старик остановился и указал на рельеф древнего воина в броне и с копьем. — Вот тут рассказ о завоеваниях Александра Великого. Если бы он продвинулся чуть дальше на восток, то наткнулся бы на царство Цинь в конце периода Сражающихся царств. Интересно, что бы тогда случилось? Как бы повернулась история? — Путники двинулись дальше, и Ло Цзи снова указал на стену. Письмена «малой печати» сменились «официальным письмом»[181]. — А вот и династия Хань! С нее в Китае началось два объединения: территории и системы мышления. Единая территория и единое мышление — это же хорошо для цивилизации в целом, правда?

---

[181] Примечания: 181

Официальное письмо, или лишу — стиль китайского письма, отличающийся квадратной конфигурацией иероглифов. Иногда этот стиль называют цзошу — деловое письмо. Возник во второй половине III века до н. э., в период династий Цинь и Хань, в ответ на потребность в более быстром способе письма в связи с неуклонно возраставшим объемом официальной документации. Согласно одной из легенд, создание лишу связано с правителем Цинь Шихуанди (материал Википедии). — *Прим. перев.*

Династия Хань вознесла конфуцианство превыше всего, но если бы разнообразие философских школ в период Весны и Осени[182] сохранилось и впоследствии, то что бы случилось тогда? Как бы изменилось настоящее? — Ло Цзи обвел тростью вокруг. — Любой момент истории содержит в себе бесчисленные упущенные возможности.

— Как и жизнь, — тихо проронила Чэн Синь.

— О нет, нет, нет! — Старик энергично потряс головой. — Во всяком случае, не для меня. Мне кажется, я ничего не упустил, ха-ха! — Он взглянул на Чэн Синь. — Дитя мое, ты считаешь, что на каком-то этапе жизни сделала неправильный выбор? Тогда не повторяй этого в будущем.

— Будущего больше нет, — холодно отрезала АА. Она задавалась вопросом, а не страдает ли Ло Цзи старческим маразмом.

Они дошли до конца пещеры. Обернувшись и обведя глазами эту подземную усыпальницу, Ло Цзи вздохнул.

— Мы задумывали этот памятник в расчете на сотню миллионов лет, а он не простоит и одного столетия.

---

[182] Примечания: 182

Период Весны и Осени (или как его еще называют, Вёсен и Осеней, 770–476 до н. э.) предшествовал периоду Сражающихся царств (475–221 до н. э.). Оба относятся к династии Западная Чжоу. — *Прим. перев.*

— Кто знает? Может, какая-нибудь двумерная цивилизация окажется способной увидеть все это, — возразила АА.

— Хм, интересно! Надеюсь, ты права… А здесь хранятся артефакты. Всего три зала.

И опять стены раздались перед Чэн Синь и АА. Помещение, в которое они ступили, походило не на выставочный зал, а на склад. Все артефакты хранились в одинаковых металлических ящиках, на каждом из которых помещалась подробная опись.

Ло Цзи постучал палкой по ближайшему ящику.

— Как я уже говорил, эти вещи не слишком важны. Большинство из них не продержится и пятидесяти тысяч лет, хотя некоторые статуи могут дожить до миллиона. Но не советую вам трогать статуи: они, конечно, легкие при здешнем тяготении, однако места занимают слишком много… Хотя ладно, берите, что хотите.

АА с волнением огляделась вокруг.

— Предлагаю взять картины. На древние манускрипты можно забить — их все равно никто не разберет. — Она подошла к одному из ящиков и нажала на кнопку на крышке (во всяком случае, это походило на кнопку), однако ящик не

открылся, а инструкции, как это сделать, не было. Подошла Чэн Синь и, поднапрягшись, сняла крышку. АА вынула из ящика картину, написанную масляными красками.

— Хотя, кажется, картины тоже занимают много места, — сказала АА.

На соседнем ящике лежал рабочий комбинезон. Ло Цзи вытащил из его карманов небольшой нож и отвертку.

— Рама громоздкая. Снимите ее.

АА вооружилась отверткой, но только она подступилась к раме, как Чэн Синь вскрикнула:

— Нет!

Полотно оказалось творением Ван Гога «Звездная ночь».

Реакция Чэн Синь объяснялась не только великой ценностью картины. Она видела ее раньше. Четыреста лет назад, едва начав работать в АСР, она в выходной посетила нью-йоркский Музей современного искусства и полюбовалась несколькими работами Ван Гога. Особенно глубокое впечатление на нее оказало то, как Ван Гог воспроизвел на полотне космос. Художник подсознательно чувствовал, что пространство имеет структуру. В то время Чэн Синь не очень хорошо разбиралась в теоретической физике, но

знала, что, согласно теории струн, космос, как и все материальные объекты, состоит из множества микроскопических вибрирующих струн. Вот их-то и нарисовал Ван Гог. В его картинах все пространство, будь то горы, хлебные поля, дома и деревья, было наполнено мельчайшими вибрациями. «Звездное небо» оставило неизгладимый след в душе Чэн Синь, и сейчас, по прошествии четырехсот лет, на Плутоне, эта картина снова потрясла ее.

— Снимайте рамы. Так вы унесете больше. — Ло Цзи небрежно взмахнул тростью. — Как думаете, эти вещи еще стоят того, чтобы дать их в качестве выкупа за целый город? Особенно сейчас, когда за любой город я не дал бы и полушки?

Они отделили раму, которой, возможно, было пятьсот лет, но оставили твердый задник — чтобы не повредить полотно, нечаянно согнув. То же самое они проделали и с другими холстами, и скоро весь пол был загроможден пустыми рамами.

Ло Цзи подошел и положил ладонь на маленькую картину:

— Пожалуйста, оставьте эту мне.

Чэн Синь и АА водрузили картину на ящик, стоявший у стены. И удивились — это была «Мона Лиза».

Подруги продолжили работу. АА прошептала:

— А у старикана губа не дура! Самую большую драгоценность захапал себе.

— Не думаю, что дело в ценности.

— Может, он когда-то любил девушку, которую звали Мона Лиза?

Ло Цзи сидел около картины и медленно, ласково водил ладонью по древней раме.

— Я не знал, что ты здесь, — шептал он. — Не то навещал бы тебя часто-часто…

Старик не смотрел на картину — он устремил взгляд вперед, словно прозревая даль времен. Чэн Синь видела, как его старые глаза наполняются слезами. Она не могла понять, не обманывают ли ее *собственные* глаза.

В величественной гробнице под поверхностью Плутона, где слабые светильники, которым предназначалось гореть сто тысяч лет, едва разгоняли тьму, улыбалась Мона Лиза. Казалось, ее улыбка то появляется, то исчезает вновь. Улыбка, которую человечество пыталось разгадать почти девятьсот лет, сейчас выглядела еще более таинственной и зловещей, потому что несла в себе все и ничто, подобно надвигающейся Смерти.

Эра Космических Убежищ, год 68-й
Двумерная солнечная система

Чэн Синь с АА подняли на поверхность первую партию артефактов. Помимо дюжины живописных полотен без рам, они забрали два бронзовых ритуальных сосуда периода Западной Чжоу и несколько древних книг. Будь здесь сила тяжести как на Земле, у них бы не получилось вынести такое множество предметов, но при низкой гравитации Плутона особых усилий не требовалось. Проходя через шлюз, подруги плотно закрыли внутреннюю дверь, прежде чем открыть внешнюю, не то порывом воздуха их драгоценную ношу разметало бы во все стороны. Как только сдвинулась наружная дверь, воздух в шлюзе застыл ледяными кристалликами. Взметнулся небольшой вихрь. Поначалу подруги решили, что льдинки блестят в свете прожекторов «Ореола», но после того как метелица улеглась, они обнаружили, что прожекторы корабля потушены. Свет исходил из какого-то другого источника в космосе; «Ореол» и черный монолит отбрасывали длинные тени на белую поверхность Плутона.

Женщины взглянули вверх и потрясенно отшатнулись назад.

Из космоса на них взирала пара громадных глаз.

В небе висели два горящих овала, и впрямь похожие на глаза, с белыми или светло-желтыми «белками» и темными «радужками».

— Один — это Нептун, а другой — Уран… ой, нет, это Сатурн! — сказала АА.

Оба газовых гиганта перешли в два измерения. Орбита Урана проходила с внешней стороны орбиты Сатурна, но поскольку Уран сейчас находился по другую сторону Солнца, Сатурн схлопнулся в плоскость раньше. Собственно, планеты после коллапса стали дисками, но с Плутона они были видны под углом и потому приняли вид овалов. В строении планет ясно различались концентрические кольца. Нептун состоял из трех колец: внешнего, ярко-синего («ресницы» и «тени») — водородно-гелиевой атмосферы; среднего, белого — мантии толщиной в двадцать тысяч километров, по предположениям ученых, представляющей собой водно-аммиачный океан; и центрального, темного круга — ядра планеты. Масса ядра, состоящего из скальной породы и льда, равнялась массе всей Земли. Сатурн имел

похожее строение, за исключением внешнего синего кольца.

Каждое кольцо состояло из многочисленных колец потоньше с ясно различимой внутренней структурой. Когда подруги как следует присмотрелись, гигантские глаза стали больше напоминать им годичные кольца на срезе древесного ствола. Вокруг каждой двумерной планеты плавало с десяток кружков поменьше — их луны, которые тоже стали плоскими. Сатурн окружал еще один большой бледный круг — его знаменитые кольца.

В небе еще можно было найти Солнце — маленькую звездочку, испускающую тусклый желтый свет. Учитывая, что обе расплющенные планеты сейчас находились очень далеко, по ту сторону Солнца, их площадь превосходила всяческое воображение.

Зато толщины у них больше не было.

В свете двумерных Нептуна и Сатурна подруги понесли артефакты через белую посадочную площадку к «Ореолу». В гладком, обтекаемом корпусе космолета, словно в кривом зеркале, отражения двумерных планет вытягивались в длинные, текучие формы. Вид яхты заставлял вспомнить о «каплях»: от «Ореола» исходило

такое же ощущение прочности, силы и легкости. По пути к Плутону АА поделилась с Чэн Синь мыслью, что бо!льшая часть корпуса их корабля, по всей вероятности, изготовлена из материалов, укрепленных сильным взаимодействием.

Когда они подошли к «Ореолу», люк внизу бесшумно отъехал в сторону. Подруги внесли поклажу внутрь, сняли шлемы и глубоко вдохнули воздух своего уютного маленького мирка. Облегчение наполнило их души; сами того не осознавая, они уже считали космическую яхту родным домом.

Чэн Синь спросила искина, не поступало ли каких-либо сообщений с Нептуна и Сатурна. Едва она сделала запрос, как информационные окна наводнили салон, грозя похоронить женщин под собой, словно лавина. Сцена напоминала ту, которая случилась во время ложной тревоги сто восемнадцать лет назад, только тогда бо!льшая часть сведений исходила от средств массовой информации, а сейчас пресса, казалось, вообще куда-то пропала. На большинстве окон демонстрировались неразборчивые видео: одни были словно сняты сквозь туман, другие бешено тряслись, и почти все они представляли собой бессмысленные крупные планы непонятно чего.

Однако некоторые окна были заполнены великолепными разноцветными пятнами, которые, переливаясь и перетекая с места на место, складывались в сложные тонкие узоры. Вероятно, эти окна показывали двумерную вселенную.

АА попросила отфильтровать изображения. Искин осведомился, что именно их интересует. Чэн Синь ответила: космические города. Лавина остановилась, сменившись десятком окон, выстроившихся в ряд. Одно из них увеличилось и повисло впереди остальных. ИИ объяснил, что съемка была произведена двенадцать часов назад в Европе VI — одном из космоградов нептунианского кластера. Город первоначально входил в конгломерат, а при получении сигнала тревоги отделился.

Изображение было стабильным, поле обозрения — широким. Камера, по всей вероятности, помещалась на одном из концов убежища и охватывала весь город.

Электричество в Европе VI отключилось, и лишь немногие прожекторы отбрасывали колеблющиеся круги света на дальнюю оконечность города. Все три искусственных солнца на оси космограда превратились в серебристые луны; они лишь светили, но не давали тепла. Европа VI

имела стандартную овальную форму, но городские строения отличались от тех, которые Чэн Синь видела полвека назад. Мир Убежищ процветал, и городские здания больше не производили впечатления бесцветных и однообразных. Они возносились намного выше, и каждое было выстроено по индивидуальному проекту. Некоторые небоскребы дорастали почти до городской оси. Были здесь и дома-деревья, подобные тем, что когда-то строились на Земле, только листья на них висели гуще. Чэн Синь легко представила, каким прекрасным и величественным выглядел этот город ночью, весь в огнях. Но сейчас, когда его озаряло лишь холодное сияние лун, дома-деревья отбрасывали огромные тени, и остальной космоград казался руинами на опушке гигантского леса.

Убежище прекратило вращаться, воцарилась невесомость. Все: автомобили, вещи, даже целые здания — плавало в воздухе.

По оси космограда, соединяя оба его полюса, протянулась черная облачная полоса. Искин «Ореола» выделил на изображении прямоугольный участок и увеличил его. Открылось новое окно. Чэн Синь с АА остолбенели: черное облако состояло из людей, плавающих в середине космо-

града! Некоторые из них сбились в кучки, другие взялись за руки, образовав цепь, но большинство летали поодиночке. Все носили шлемы и костюмы, целиком закрывающие тело, — скорее всего, космические скафандры (уже в предыдущее свое бодрствование Чэн Синь затруднялась отличить будничную одежду от скафандра). Судя по виду, каждый человек запасся комплектом жизнеобеспечения: одни носили его в ранце на спине, другие просто держали в руке. Щитки шлемов у многих были подняты, к тому же Чэн Синь видела, что в городе веет легкий ветерок; значит, там пока еще сохранялась пригодная для дыхания атмосфера. Особенно многочисленные группы собрались вокруг солнц — видимо, людям хотелось не только больше света, но и тепла. Однако холодное сияние термоядерных солнц никого не могло согреть. Серебристые лучи, пробиваясь сквозь бреши в толпе, усеивали окружающий город мельтешащими тенями.

Согласно искину «Ореола», из шести миллионов обитателей половина покинула убежище на космолетах. Остальные три миллиона… Одним просто не на чем было бежать, другие — их было большинство — понимали, что любая попытка спастись безнадежна. Даже если какие-то ко-

рабли и сумеют чудесным образом вырваться из зоны коллапса и выйти в открытый космос, то что с того? На большинстве из них отсутствует замкнутая экосистема, а значит, долго они не протянут. Доступ к звездолетам, способным выдержать бесконечно долгий полет в космосе, по-прежнему оставался привилегией очень немногих.

Поэтому люди предпочли ждать конца в месте, которое считали родным домом.

Звук в инфоокне выключен не был, но Чэн Синь ничего не слышала. Людское облако и весь город хранили пугающее молчание. Все глаза были устремлены в одну точку. Та часть города ничем не выделялась среди прочих: лабиринт улиц да ряды домов, как везде. Все ждали. В водянистом, холодном лунном свете лица людей казались бледными, как у призраков. Это зрелище напомнило Чэн Синь кровавый рассвет в Австралии 126 лет назад. Тогда ей казалось, что она смотрит на муравейник; и сейчас черное людское облако было подобно плывущему в воздухе рою летучих муравьев.

Где-то в глубине облака раздался крик. Сияющая точка появилась на городском экваторе, в том самом месте, куда все так пристально смот-

рели. Словно в крыше темного дома образовалась маленькая дырочка, в которую проникли солнечные лучи.

Именно в этом месте Европа VI пришла в соприкосновение с двумерным пространством.

Свечение быстро усиливалось, отверстие превратилось в горящий овал. Исходящий из него свет, разрезанный высокими городскими строениями на множество толстых и тонких лучей, озарил человеческое облако. Космоград напоминал огромный корабль, в днище которого образовалась пробоина, и теперь корабль тонул в море без глубины. Плоскость поднималась, как вода, и все, что приходило с ней в контакт, тотчас же становилось двумерным. Группы зданий подсекались ею, и их проекция в двумерном пространстве растекалась по плоскости. Поскольку сечение города было лишь малой частью всего сплющившегося убежища, большинство двумерных зданий распространились за оболочку космограда. Поднимающаяся и расширяющаяся плоскость напоминала огромный калейдоскоп: переливающиеся изумительными красками сложные тонкие узоры, едва проявившись, тут же разбегались в разные стороны, словно многоцветные фантастические звери. Так как в городе

все еще сохранялся воздух, можно было слышать звуки, с которыми трехмерный мир схлопывался в два измерения — хруст, скрежет, треск, — словно город был отлит из хрусталя, и теперь его раскатывал в лепешку гигантский каток.

Плоскость наступала, и люди, висящие в воздухе, начали пятиться от нее; облако превратилось в занавес, который тянула вверх невидимая рука. Эта сцена напомнила Чэн Синь увиденную ею однажды огромную стаю птиц. Стая казалась единым организмом, слаженно меняющим направление полета в сумеречном небе.

Вскоре плоскость поглотила треть космограда и, лихорадочно мерцая, продолжала подниматься к оси — безжалостная, неостановимая. Некоторые люди начали падать на нее: одни по причине отказа индивидуальных двигателей скафандра, другие, потому что не видели смысла оттягивать неизбежное. Словно капли цветной туши, они в одно мгновение расплывались по поверхности, и каждый преобразовывался в уникальную двумерную фигуру. На одном из кадров крупным планом Чэн Синь и АА увидели влюбленную пару, устремившуюся вниз, не разжимая объятий. Даже после того как они стали плоскими, можно было различить две фигуры, прильнувшие друг

к другу, — их позы казались странными, словно нарисованными неумелой рукой ребенка, не имеющего понятия о перспективе. На другом кадре мать, падая, подняла младенца над головой, чтобы тот прожил на одну десятую долю секунды дольше. Мать с ребенком тоже запечатлелись на этой гигантской картине. Плоскость поднималась, и ливень человеческих тел становился гуще. Двумерные фигуры заполняли переднюю часть полотна, а его края уходили за границы космограда.

Когда двумерное пространство достигло оси, большинство еще живых обитателей прижались к дальней от плоскости стороне убежища. От космограда оставалась теперь только половина, и люди, задирая головы «вверх», видели теперь не знакомые городские кварталы другой стороны, а хаотическое, двумерное небо, надвигающееся на еще остававшиеся трехмерными части Европы VI. Спастись через главный космический причал на северном полюсе стало невозможно, так что люди сгрудились в районе экватора, где располагались три экстренных выхода. Невесомая толпа устремилась к горам, окружающим выходы.

Двумерное пространство прошло через ось и поглотило солнца, но свет, излучающийся в про-

цессе коллапса, делал мир еще ярче.

Послышался низкий свист: это воздух начал вырываться из убежища в космос. Все три экстренных выхода вдоль экватора, каждый размером с футбольное поле, были открыты настежь; за ними все еще существовало трехмерное пространство.

Искин «Ореола» вывел вперед другое инфоокно, показывающее Европу VI из космоса. Двумерная часть города широко расплылась по невидимой ровной поверхности; быстро погружающаяся в плоскость трехмерная часть выглядела по сравнению с ней просто крохотной — словно спина кита, выглядывающая из бескрайнего океана. Три клуба черного дыма поднимались из космограда и рассеивались в пространстве; «дымом» были люди, которых яростный ветер уходящего воздуха выдувал из города. Одинокий трехмерный островок продолжал тонуть и растекаться в двумерном море. Не прошло и десяти минут, как вся Европа VI превратилась в рисунок на невидимом полотне, такой огромный, что невозможно было верно определить его площадь.

Город умер, став картиной, — хотя правильнее было бы назвать это чертежом города один к одному. Чертеж скрупулезно отображал каждую

деталь космограда, вплоть до последнего гвоздя, тончайшего волоконца, самого крошечного паучка и даже бактерии. Да что там бактерии — до атома! Каждый атом исходного трехмерного пространства проецировался в двумерное в соответствии с железными законами, гласящими: на развертке не должно быть никаких налагающихся друг на друга или скрытых частей, и каждая деталь должна быть аккуратно помещена на плоскости. Рисунок получался чрезвычайно сложный, изображение с трудом поддавалось трактовке. Можно было охватить общий план города и узнать кое-какие большие сооружения, например, гигантские дома-деревья, которые даже в двух измерениях по-прежнему походили на деревья. Но другие постройки после сплющивания становились практически неузнаваемыми; при помощи одного только воображения невозможно было по двумерной проекции восстановить их прежнюю трехмерную форму. Однако программа обработки изображений, вооруженная верной математической моделью, несомненно, смогла бы осуществить такую операцию.

В том же инфоокне вдалеке виднелась еще пара двумерных космоградов. Они были похожи на два расплющенных континента, плавающих в

темном космосе и взирающих друг на друга через плоскость. Но камера, по-видимому, установленная на дроне, тоже падала на плоскость, и вскоре экран заполнила двумерная Европа VI.

Около миллиона человек выбрались из города через экстренные выходы. Теперь, когда все окружающее их трехмерное пространство схлопывалось, люди вслед за ним падали на плоскость, словно рой мошек, попавший в водопад. Грандиозный живой ливень бомбардировал плоскость, и на ней появлялось все больше двумерных человеческих фигур. Люди, превращенные в пленку без толщины, занимали довольно много места, но все равно по сравнению со зданиями они казались крошечными и походили на маленькие, отдаленно напоминающие людей мазки на громадной картине.

В информационном окне появились другие трехмерные объекты — катера и шлюпки, покинувшие Европу VI раньше. Их термоядерные реакторы работали на полную мощность, но двумерное пространство безжалостно тянуло космолеты к себе. На одно мгновение Чэн Синь показалось, что голубое пламя двигателей прожгло эту лишенную толщины плоскость, но на самом деле плазма просто стала двумерной.

Двумерные здания корежились под действием двумерного пламени. А затем и сами катера и шлюпки влились в колоссальное полотно. Подчиняясь принципу неналожения, двумерный город растянулся еще шире, чтобы дать им место. По плоскости, словно по поверхности пруда, разошлись гигантские круги.

Камера продолжала падать на плоскость. Чэн Синь пристально всматривалась в двумерный космоград, надеясь уловить хоть какое-нибудь движение. Но нет — если не считать ряби от плазмы, плоский город был неподвижен. Точно так же обстояло дело и с двумерными людьми — они совсем не шевелились и не подавали никаких признаков жизни.

Это был мертвый мир.

Мертвая картина.

Камера продолжала приближаться к плоскости, падая на чью-то двумерную фигуру. Плоское тело вскоре заполнило весь экран, затем стали проявляться сложные рисунки мышечных волокон и кровеносных сосудов. Возможно, это был обман зрения, но Чэн Синь, кажется, уловила течение красной двумерной крови по двумерным капиллярам…

Краткая вспышка — и изображение пропало.

* * *

Чэн Синь с АА отправились к монолиту за новой порцией артефактов. У обеих было ощущение, что их миссия не имеет смысла. Понаблюдав за двумерными городами, они пришли к выводу, что при коллапсе бо!льшая часть информации из трехмерного мира сохраняется, а если что-то теряется, то на атомном уровне. Согласно принципу неналожения горные породы Плутона не смешаются с музейными артефактами, а значит, вся содержащаяся в них информация, по всей вероятности, сохранится. Но раз уж подруги взяли на себя это поручение, они должны его выполнить. Как сказал Цао Бинь, лучше делать хоть что-то, чем совсем ничего.

Выйдя из «Ореола», женщины увидели, что две сплющившиеся планеты по-прежнему висят в небе, правда, заметно потускнев. От этого появившаяся под ними длинная светящаяся полоса еще больше бросалась в глаза. Полоса пересекала весь небосвод и походила на ожерелье, составленное из многочисленных горящих пятен.

— Пояс астероидов? — спросила Чэн Синь.

— Да. Следующим будет Марс, — ответила АА.

— Марс сейчас по эту сторону Солнца.

Обе замолчали. Не глядя на расплющенный пояс астероидов, они двинулись к черному монолиту.

Следующей будет Земля.

В большом зале музея они обнаружили, что Ло Цзи уже приготовил для них дополнительные артефакты, в число которых входили китайские картины-свитки. АА развернула один. Это оказался «По реке в День поминовения усопших».

Ни Чэн Синь, ни АА больше не ощущали священного трепета при виде великих произведений искусства — по сравнению с истинным величием вселенского разрушения это были всего лишь старые картинки. Когда будущие исследователи начнут изучать грандиозное полотно, в которое превратится Солнечная система, им наверняка и в голову не придет, что вот этот прямоугольник в двадцать четыре сантиметра шириной и чуть более пяти метров длиной когда-то почитался величайшей драгоценностью.

Подруги позвали Ло Цзи с собой на «Ореол». Старик сказал, что с удовольствием взглянет на корабль, и отправился за скафандром.

Когда все трое вышли со своей поклажей из монолита, их ожидало зрелище коллапсирующей Земли.

Земля была первой твердой планетой, схлопывающейся в два измерения. По сравнению с Нептуном и Сатурном ее «три кольца» были еще более насыщены мелкими деталями — особенно желтая мантия, постепенно переходящая в темно-красное железо-никелевое ядро, — но общая площадь планеты значительно уступала газовым гигантам.

Вопреки ожиданиям, зрители не увидели даже намека на голубой цвет.

— А куда же делись наши океаны? — недоумевал Ло Цзи.

— Должны быть у внешнего края… — сказала АА. — Поняла! Двумерная вода прозрачна, поэтому мы ее не видим.

По пути к «Ореолу» все трое молчали. Они пока еще не испытывали всей полноты скорби — так человек, получивший удар острым ножом, не сразу чувствует боль.

И все же переходящая в плоское состояние Земля явила одно из своих чудес. У самого внешнего края начало проступать белое кольцо. Поначалу едва заметное, оно вскоре пришло в резкий контраст с черным фоном космоса. Кольцо безупречно белого цвета выглядело, однако, неровным по краю, словно сложенным из бесчис-

ленных гранул.

— Вот наш океан! — сказала Чэн Синь.

— В двумерном космосе вода замерзла, — добавила АА. — Там очень холодно.

— О… — Ло Цзи намеревался погладить бороду, но рука его наткнулась на щиток шлема.

Они внесли ящики с артефактами в корабль. Ло Цзи, похоже, конструкция космолета была знакома, потому что он направился прямиком в грузовой отсек, не дожидаясь, пока спутницы укажут дорогу. Корабельный искин тоже распознал старика и стал выполнять его распоряжения. Надежно закрепив ящики, все трое вернулись в жилой отсек. Ло Цзи попросил у искина чашку горячего чая, и вскоре маленький робот, о существовании которого Чэн Синь с АА даже не догадывались, доставил заказ. Очевидно, для Ло Цзи это была не первая встреча с «Ореолом». Женщины сгорали от любопытства, но сначала надо было заняться более неотложными делами.

Чэн Синь попросила искина показать им репортажи с Земли, но тот ответил, что принял лишь несколько коротких передач, визуальное и звуковое содержание которых не поддается осмыслению. На немногочисленных инфоокнах виднелись размытые изображения, снятые, по-

видимому автоматическими камерами. Искин добавил, что может показать им видео, сделанное системой наблюдения за околоземным космическим транспортом. Открылось новое большое окно — всю его ширь занимала плоская Земля.

Все трое сразу же подумали: не может быть! Они даже заподозрили, что искин нарочно сфабриковал картинку, чтобы подшутить над ними.

— Это еще что такое?! — вскричала АА.

— Это Земля около семи часов назад. Камера находится в пятидесяти астрономических единицах от планеты, угловое увеличение четыреста пятьдесят раз.

Зрители внимательно вгляделись в голографическое видео, снятое телескопом. Плоская Земля была видна очень отчетливо, «три кольца» казались даже еще более плотными, чем при наблюдении невооруженным глазом. Процесс перехода уже, по-видимому, завершился, и двумерная Земля постепенно тускнела. Но больше всего потряс наблюдателей двумерный океан — белое кольцо, опоясывающее диск планеты. Теперь они ясно различили, чем на самом деле были «гранулы». Снежинки! Невообразимо огромные снежинки, шестиугольные по форме, но каждая со своим уникальным узором, изысканные и прекрасные

настолько, что не выразить словами. Видеть их с расстояния в пятьдесят астрономических единиц — одно это уже граничило с абсурдом, но снежинки к тому же лежали бок о бок, не перекрывая друг друга, что еще больше усиливало ощущение нереальности. Преувеличенно декоративные, они казались нарисованными или вырезанными из бумаги. Замерзшее море превратилось в шедевр театрального художника.

— Какого же они размера? — изумилась АА.

— Диаметр большинства — четыре-пять тысяч километров. — Голос искина, лишенного способности удивляться, звучал по-прежнему бесстрастно.

— Больше Луны! — ахнула Чэн Синь.

Искин открыл еще несколько окон, с крупным планом снежинок. Зрителям, потерявшим ощущение масштаба, они казались теперь обычными, маленькими, просто увеличенными под микроскопом. Казалось, каждая вот-вот превратится в капельку воды, если упадет на подставленную ладонь…

— О… — Ло Цзи опять погладил бороду, на этот раз успешно.

— Как они образовались? — спросила АА.

— Не знаю, — ответил искин. — Не могу найти

сведений о процессе кристаллизации воды в астрономических масштабах.

В трехмерном пространстве снежинки образуются в соответствии с законами роста ледяных кристаллов. Теоретически эти законы не ограничивают их величину. До сих пор рекордный размер снежинки составлял тридцать восемь сантиметров в диаметре.

Никто не знал, по каким законам растут ледяные кристаллы в двумерном пространстве. В любом случае, эти законы позволяли снежинкам вымахивать до пяти тысяч километров в поперечнике.

— На Нептуне и Сатурне есть вода. Аммиак тоже может образовывать кристаллы. Почему же там мы не видели никаких снежинок? — спросила Чэн Синь.

И на этот вопрос искин не знал ответа.

Ло Цзи прищурился, любуясь двумерной Землей.

— А что, океан выглядит очень даже красиво, не находите? Только Земля и заслуживает такого прекрасного венка на могилу.

— А мне очень хотелось бы увидеть, как выглядят леса, как выглядят степи, как выглядят древние города, — медленно проговорила Чэн

Синь.

И тут наконец до них дошел трагизм происшедшего. АА начала всхлипывать. Чэн Синь отвела глаза от океана снежинок и беззвучно заплакала. Ло Цзи покачал головой, вздохнул и пригубил чай. Их скорбь несколько уменьшало сознание того, что в конце концов двумерное пространство станет и их домом тоже.

Они обретут вечный мир на одной плоскости с матерью-Землей.

* * *

Подруги и Ло Цзи решили, что пора отправиться в третий поход к монолиту. Выйдя из «Ореола» и подняв глаза к небу, они увидели три двумерные планеты. Нептун, Сатурн и Земля выросли в размерах, пояс астероидов стал шире. И это не было галлюцинацией. Они спросили искина. Тот ответил:

— Навигационные приборы фиксируют раскол в существующей системе ориентиров. Система ориентиров номер один функционирует как раньше; ориентиры, которые она использует — Солнце, Меркурий, Марс, Юпитер, Уран, Плутон, часть астероидов и объекты из пояса Койпера — соответствуют критериям узнавания. Система

ориентиров номер два, напротив, претерпела разительные перемены. Нептун, Сатурн, Земля и некоторые астероиды потеряли свои характеристики как объекты ориентировки. Система ориентиров номер один движется по направлению к системе ориентиров номер два, что и обусловливает феномен, который вы наблюдаете.

В другой части небосвода на фоне звезд возникли мириады светлячков — это были космические корабли, пытающиеся вырваться из Солнечной системы. За некоторыми голубыми плазменными огнями тянулись длинные шлейфы. Три космолета пронеслись довольно близко к Плутону; слепящее пламя их двигателей, работающих на полной тяге, озарило троих наблюдателей, по земле побежали длинные тени. Ни один из кораблей не пытался совершить посадку на Плутон.

Но убежать из зоны коллапса было невозможно. Слова корабельного искина означали вот что: трехмерное пространство Солнечной системы было как огромный ковер, который невидимые руки тянули в двумерную пропасть. Эти космолеты были не чем иным, как улитками, ползущими по ковру, — они не могли сколько-нибудь значительно оттянуть неизбежное.

— Идите-ка вперед одни, — сказал Ло Цзи. — Возьмите, что под руку попадется. Я подожду здесь. Не хочу пропустить такое. — Чэн Синь и АА поняли, что он имел в виду под «таким», но им самим вовсе не хотелось стать свидетелями этой сцены.

В подземном хранилище подруги действительно взяли, что попалось под руку, — не было настроения копаться и выбирать. Чэн Синь хотела прихватить с собой череп неандертальца, но АА отшвырнула его в сторону.

— На этой картине черепов будет хоть завались, — сказала она.

Чэн Синь признала, что подруга права. Самые ранние неандертальцы жили на Земле всего несколько сот тысяч лет назад. По наиболее оптимистичным расчетам первые посетители появятся в плоской Солнечной системе еще через несколько сотен тысяч лет. Они не увидят разницы между неандертальцами и современными людьми. Чэн Синь окинула взглядом другие артефакты — ни один не привлек к себе ее внимания. И для них с АА в настоящее время, и для невообразимых исследователей в будущем все эти предметы — ничто по сравнению умирающим миром.

Они бросили последний взгляд на полутемный зал и ушли, унося с собой немногие артефакты. Мона Лиза смотрела им вслед и улыбалась злобной, внушающей ужас улыбкой.

Выйдя на поверхность, они увидели в небе еще одну сплющившуюся планету — Меркурий (Венера сейчас находилась по другую сторону Солнца). Меркурий был меньше плоской Земли, зато сиял гораздо ярче, поскольку стал двумерным только что.

Разместив поклажу в грузовом отсеке, Чэн Синь с АА вышли из «Ореола». Ло Цзи ждал снаружи, опершись о трость.

— Довольно, — сказал он. — Думаю, этого хватит. Тащить еще что-то бессмысленно.

Девушки согласились. Они стояли рядом с Ло Цзи на поверхности Плутона и ожидали самой величественной сцены этой трагедии — перехода Солнца в двумерное состояние.

В этот момент Плутон находился в сорока пяти астрономических единицах от светила. Раньше, когда Плутон и Солнце были в одном регионе трехмерного космоса, расстояние между ними оставалось одним и тем же. Но сейчас Солнце пришло в соприкосновение с плоскостью и перестало двигаться, тогда как Плутон вместе с окружаю-

щим его пространством продолжал падать на плоскость. Поэтому расстояние между звездой и карликовой планетой быстро сокращалось.

Когда Солнце начало переходить в двумерное состояние, невооруженным глазом можно было лишь видеть, что его яркость и размеры внезапно сильно увеличились. Последнее объяснялось быстрым разрастанием той части светила, что стала плоской, но издали казалось, будто увеличивается все Солнце. Искин «Ореола» спроецировал наружу большое инфоокно, демонстрирующее голографический репортаж, снятый телескопом; но по мере того как Плутон подходил все ближе к Солнцу, великая трагедия перехода светила в два измерения стала доступна невооруженному глазу.

Как только начался коллапс Солнца, по плоскости стал расползаться круг. Вскоре диаметр сплющившейся части Солнца превзошел поперечник остальной его части. Этот процесс занял лишь тридцать секунд. Принимая во внимание, что средний радиус звезды составлял 700 тыс. км, ободок двумерного Солнца рос со скоростью 20 тыс. км в секунду. Звезда продолжала расширяться, по плоскости растекалось кроваво-красное море огня, и трехмерное Солнце

медленно тонуло в нем.

Четыре века назад Е Вэньцзе стояла на горе, где когда-то находилась военная база «Красный Берег», и наблюдала за своим последним в жизни заходом солнца. Ее сердце, борясь за каждый удар, трепетало, как готовая вот-вот лопнуть струна, и черный туман застилал ей глаза. На западном горизонте солнце, опускавшееся в сплошное море облаков, казалось, плавилось, и кровь его растекалась багровым озером. «Это закат человечества», — сказала Е Вэньцзе.

А сейчас Солнце плавилось на самом деле, и его кровь растекалась по смертоносной плоскости. Это был последний закат.

Вдалеке, за пределами посадочной площадки, от почвы поднимался белый туман — твердые азот и аммиак начали испаряться. Новорожденная атмосфера рассеивала солнечный свет, и небо больше не выглядело абсолютно черным — оно приобрело пурпурный оттенок.

Трехмерное Солнце заходило, и восходило двумерное. Плоская звезда продолжала светить — двумерную Солнечную систему впервые озарили солнечные лучи. Обращенные к светилу одномерные края четырех двумерных планет — Нептуна, Сатурна, Земли и Меркурия — золоти-

сто засияли. Огромные снежинки, окружающие Землю, расплавились и превратились в белый пар, тоже окрасившийся в золото; двумерный солнечный ветер унес его в двумерный космос. Наблюдателям казалось, будто у Земли появилась грива, развевающаяся на ветру.

Прошел еще час, и Солнце окончательно схлопнулось в два измерения.

С Плутона оно выглядело гигантским овалом. Двумерные планеты были по сравнению с ним просто крохотными пятнышками. Вместо «колец», какие были у планет, Солнце разделялось на три широких концентрических пояса вокруг центрального ядра. Центр, чрезвычайно яркий, так что не было никакой возможности разобрать детали, по-видимому, соответствовал ядру изначального Солнца. Широкое кольцо вокруг ядра, по всей вероятности, соответствовало изначальной зоне лучистого переноса. Это был кипящий, ярко-алый двумерный океан, в котором быстро образовывались некие структуры, смахивающие на соты, делились, объединялись и распадались… Сущий хаос, если смотреть на каждый процесс в отдельности, но если подходить с позиций целого, то в хаосе проявлялись порядок и последовательность. Снаружи это кольцо окружало

то, что изначально было зоной конвекции. Как в исходном Солнце, текучая звездная материя передавала тепло в космос. Но в отличие от хаотической зоны лучистого переноса, новая конвективная зона имела четкую структуру, состоящую из многих кольцеобразных конвективных петель, подобных друг другу по форме и размерам и аккуратно располагающихся бок о бок. Внешним слоем была солнечная атмосфера. Многочисленные золотые потоки срывались с округлого края диска; двумерные протуберанцы походили на грациозных танцоров, выделывающих замысловатые коленца вокруг светила. Некоторые из «танцоров» даже умудрялись отрываться от звезды и уплывали далеко в двумерную вселенную.

— Солнце все еще живое, хоть оно и двумерное? — спросила АА, этими словами выразив надежду, теплившуюся во всех троих наблюдателях. Всем им хотелось, чтобы Солнце продолжало посылать свет и тепло в двумерное пространство, несмотря на то, что там больше нет жизни.

Но их надеждам не суждено было сбыться.

Плоское Солнце начало меркнуть. Сияние ядра быстро угасало, и вскоре в нем стали различаться тонкие кольцеобразные структуры.

Зона лучистого переноса тоже успокаивалась, кипение улеглось и превратилось в медленное волнообразное движение. Петли конвективной зоны деформировались, оторвались друг от друга и вскоре пропали. Золотые танцовщики у края диска потеряли всю свою живость и увяли, как сухие листья. Единственное, что можно было с уверенностью утверждать, — это что гравитация сохранялась и в двумерном пространстве. Танцующие протуберанцы потеряли опору солнечного излучения и под действием тяготения начали втягиваться обратно в диск. Наконец, «танцовщики», полностью поддавшись гравитации, впали в летаргию; атмосфера звезды стала просто тонким, гладким кольцом, обернувшимся вокруг Солнца. Звезда угасала, и золотые дуги вдоль краев двумерных планет тоже меркли; плоская грива Земли — бывший океан — утеряла свое золотистое сияние.

Все создания трехмерного мира умирали, оказавшись в двумерном. Ничто не могло выжить на картине, лишенной толщины.

Возможно, в двумерном пространстве могут существовать солнца, планеты и жизнь, но они должны формироваться и функционировать по совершенно другим законам.

* * *

Пока трое «плутониан» наблюдали за Солнцем, в двумерное состояние перешли Марс и Венера. По сравнению с коллапсом светила схлопывание этих планет не представляло собой ничего особенного. Плоские Марс и Венера, подобно Земле, состояли все из тех же трех колец. В коре Марса у самого края диска виднелось много каверн — эти места содержали воду; по всей видимости, воды на Марсе было гораздо больше, чем предполагалось. Через некоторое время вода тоже стала белой и непрозрачной, но громадные снежинки в ней не образовались. Зато вокруг Венеры они появились, но в гораздо меньшем количестве, чем на Земле, и венерианские снежинки были желтого цвета, потому что состояли не из воды.

Еще через некоторое время плоскими стали и астероиды по эту сторону Солнца. Ожерелье замкнулось в круг.

Крошечные снежинки — трехмерные — посыпались со слегка окрашенного пурпуром неба Плутона. Те самые азот и аммиак, что испарились при выбросе энергии из коллапсирующего Солнца, теперь, когда Солнце затухало и температура понижалась, замерзали, превращаясь в снег.

Снегопад становился все гуще, и вскоре монолит и «Ореол» покрылись толстым слоем снега. Хотя облака в небе Плутона отсутствовали, за занавесом снегопада двумерные Солнце и планеты выглядели нечеткими, размытыми. Мир стал казаться меньше.

— Послушайте, это ж совсем как дома! — АА обеими руками загребла снег.

— Только что подумала о том же, — кивнула Чэн Синь. Раньше она тоже полагала, что снег — это уникальное, чисто земное явление, и гигантские снежинки укрепили ее в этом убеждении. Снег, падающий в этом далеком темном мире на краю Солнечной системы, как ни странно, согрел ей душу, напомнив о родном доме.

Ло Цзи, наблюдая, как девушки пытаются поймать снежинки, прикрикнул:

— Но-но, разбаловались! Не вздумайте стянуть перчатки!

Чэн Синь действительно хотелось сдернуть перчатки и ловить снег голыми руками. Как было бы хорошо ощутить его прохладу, увидеть, как хрустальные снежинки растают, согретые теплом ее ладоней… Но, конечно же, у нее хватило здравого смысла не поддаться порыву. Азотно-аммиачные снежинки имели температуру —210

градусов Цельсия. Если бы Чэн Синь сняла перчатки, ее руки стали бы твердыми и хрупкими, как стекло, и ощущение, что она на Земле, исчезло бы в мгновение ока.

— Дома больше нет, — сказал Ло Цзи, покачал головой и оперся на трость. — Наш дом теперь всего лишь рисунок.

Снегопад продлился недолго. Снежинки поредели, и пурпурный оттенок азотно-аммиачной атмосферы исчез. Небо снова стало идеально прозрачным и черным. Солнце и планеты увеличились в размерах, что означало только одно: Плутон еще больше приблизился к двумерной пропасти.

Когда снегопад прекратился, у горизонта загорелся яркий свет. Интенсивность его быстро росла и вскоре затмила затухающее двумерное Солнце. Хотя «плутониане» не могли видеть подробностей, они поняли, что это Юпитер, самая большая планета Солнечной системы, падает на плоскость. Плутон вращается медленно, а та часть Солнечной системы, которая стала двумерной, ушла за горизонт; поэтому наблюдатели думали, что не увидят коллапса Юпитера. Однако, должно быть, скорость схлопывания в два измерения нарастала.

Они попросили искина «Ореола» поискать передачи с Юпитера. ИИ смог показать лишь немногие фотографии и видео, на большинстве которых нельзя было ничего разобрать. Зато до «плутониан» дошли звуковые сообщения. Все каналы коммуникации были забиты шумом — в основном человеческими голосами, как будто оставшееся нетронутым пространство Солнечной системы заполнилось бурным людским морем. Голоса кричали, вопили, рыдали, истерически хохотали… А некоторые пели. Хаотический фоновый шум не позволял понять, *что* именно они пели; слышно было лишь, что голоса звучали стройно и гармонично. Торжественная музыка. Гимн. Чэн Синь спросила искина, нельзя ли послушать какие-либо официальные сообщения от правительства Федерации. Искин ответил, что все правительственные коммуникации прекратились, когда Земля стала плоской. Итак, правительство Федерации не сдержало обещания исполнять свои обязанности до самого конца.

Космолеты, пытающиеся спастись, продолжали мчаться мимо Плутона.

— Дети, вам пора, — сказал Ло Цзи.

— Летим с нами! — воскликнула Чэн Синь.

Ло Цзи покачал головой и улыбнулся:

— А смысл? — Он указал тростью на монолит: — Здесь мне намного удобнее.

— Ладно. Подождем, пока Уран не превратится в блин — так мы проведем с вами больше времени, — предложила АА. И в самом деле, какой смысл настаивать? Даже если Ло Цзи и полетит с ними на «Ореоле», это лишь отсрочит неминуемое на какой-нибудь час. Он ему не нужен, этот час. Если уж на то пошло, не будь у Чэн Синь с АА поручения, которое надо выполнить, они тоже не стали бы оттягивать неизбежное.

— Нет. Вам нужно улетать сейчас! — Ло Цзи сердито стукнул палкой о землю, отчего сам тут же подлетел вверх. — Никто не знает, насколько быстрее идет сейчас коллапс. Вы должны выполнить вашу задачу! Будем держать связь по радио — это все равно что оставаться вместе.

Чэн Синь мгновение колебалась, затем кивнула:

— Хорошо. Мы улетаем. Будьте на связи!

— Конечно. — Ло Цзи отсалютовал им тростью, повернулся и направился к монолиту. При низкой гравитации он почти летел над заснеженной поверхностью и вынужден был пользоваться своей палкой как тормозом. Женщины смотрели ему вслед, пока слегка согбенная фигура Отвернувше-

гося, Держателя Меча и наконец кладбищенского сторожа человечества не исчезла за дверью монолита.

Подруги вернулись на «Ореол». Яхта незамедлительно взлетела, разбрасывая выхлопом снег во все стороны. Вскоре корабль достиг плутонианской первой космической скорости, которая лишь едва-едва превышает один километр в секунду, и вышел на орбиту. В иллюминаторы и на экране монитора женщины наблюдали, как белые линии, разделенные синими и черными участками плутонианской поверхности, вновь складываются в слова «Цивилизация Земли», написанные различными алфавитами на разных языках, но только теперь их покрывал снег, делая почти неразличимыми.

«Ореол» пересек пространство от Плутона до Харона, как будто перелетел через узкий каньон — так близко друг к другу находились оба небесных тела.

По этому самому «каньону» сейчас мчались мириады звездочек — это были корабли, пытающиеся спастись. Все они двигались быстрее «Ореола». Один космолет пронесся всего в ста километрах от них, сияние его факела осветило гладкую поверхность Харона. Подруги ясно

различили треугольный силуэт корабля и десятикилометровое голубое пламя, вырывающееся из сопел.

Искин объяснил:

— Это «Микены», планетолет среднего класса без замкнутой системы жизнеобеспечения. После ухода из Солнечной системы его пассажиры не протянут и пяти лет, даже если направить на удовлетворение их нужд все ресурсы корабля.

Искин не знал, что этот космолет вообще не сможет покинуть Солнечную систему. Ему, как и всем остальным, осталось жить в трехмерном пространстве не больше трех часов.

«Ореол» вылетел из «каньона» между Плутоном и Хароном и, оставив позади два темных мира, направился в открытый космос. Теперь Чэн Синь и АА видели целиком и плоское Солнце, и Юпитер, процесс перехода которого в двумерное состояние подходил к концу. Сейчас уже почти вся Солнечная система, за исключением Урана, стала плоской.

— О боже мой! — вскричала АА. — Звездное небо!

Чэн Синь поняла, что подруга говорит о картине Ван Гога. И в самом деле, то, что представилось сейчас их глазам, походило на живописное по-

лотно. Картина Ван Гога, какой ее помнила Чэн Синь, была едва ли не идеальным отображением плоской Солнечной системы! Все пространство занимали гигантские планеты; они, казалось, были намного больше, чем промежутки между ними. И все же необъятность планет нисколько не придавала им ощущения материальности, прочности. Скорее они выглядели как завихрения в пространстве-времени. В этой странной вселенной каждая часть космоса текла, закручивалась, металась между безумием и ужасом, словно неистовое пламя, исходящее не жаром, а холодом. Солнце и планеты — все материальное, все сущее — казалось лишь галлюцинацией, порожденной возмущением пространства-времени…

Чэн Синь сейчас стало понятным то странное чувство, которое каждый раз возникало в ней при взгляде на полотно Ван Гога. Всё на картине — деревья, словно охваченные пламенем, дома и горы в ночи — имело глубину и перспективу, но звездное небо над ними утеряло трехмерность.

Совсем как та картина, что висела сейчас в космосе, «Звездная ночь» была двумерной.

Но как смог художник написать такое в 1889 году?! Возможно ли, что во время второго приступа безумия он при помощи одного только своего

духа и отягощенного бредом сознания перенесся через пять столетий и увидел то, что видели сейчас Чэн Синь с АА? Или, может быть, все было наоборот: Ван Гог прозрел будущее, и вид этого Страшного суда стал причиной его безумия и последующего самоубийства?

— Дети, с вами все в порядке? Что вы собираетесь делать дальше?

В инфоокне появился Ло Цзи. Он снял скафандр, и его белые волосы и борода струились при низкой гравитации, словно в воде. За спиной старика виднелся туннель, которому предназначалось существовать сто миллионов лет.

— О, а вот и вы! — отозвалась АА. — Мы собираемся выбросить артефакты в открытый космос. Но не все. Оставим себе «Звездное небо».

— А я считаю, вы не должны выбрасывать ни одного. Оставьте себе всё. Забирайте их и улетайте!

Подруги переглянулись.

— Куда улетать? — спросила АА.

— Да куда хотите. В любую точку Млечного Пути. Вам хватит срока вашей жизни, чтобы

добраться до Туманности Андромеды[183]. «Ореол» способен летать со скоростью света. Он оборудован единственным в мире двигателем, искривляющим пространство.

Чэн Синь и АА потеряли дар речи.

— Я входил в группу ученых, которые в полной тайне работали над созданием пространственного двигателя, — проговорил Ло Цзи. — После смерти Уэйда его соратники не сдались. Когда те, кто сидел в тюрьме, вышли на свободу, они построили новую секретную исследовательскую базу, а ваш концерн «Гало» оправился от удара и развился достаточно, чтобы финансировать проект. Хотите знать, где помещалась тайная база? На Меркурии — одном из наименее посещаемых мест Солнечной системы. Четыреста лет назад другой Отвернувшийся, Мануэль Рей Диас, взорвал там сверхгигантскую звездно-водородную бомбу. Образовался огромный кратер. Базу соорудили в этом кратере, целиком накрыв ее куполом. Строительство заняло тридцать лет. А миру объявили, что это центр изучения солнечной активности.

---

[183] Примечания: 183

Туманность Андромеды — одна из ближайших к нам больших галактик, до нее примерно 2,56 млн световых лет. Но для тех, кто путешествует с околосветовой скоростью, время замедляется. — *Прим. перев.*

Яркий луч света пронзил иллюминатор. АА и Чэн Синь не обратили на него внимания, но бортовой искин сообщил, что это Уран «меняет свое состояние», то есть теперь и он становится двумерным. Нетронутым оставался один лишь Плутон.

— Через тридцать пять лет после смерти Уэйда на меркурианской базе возобновились исследования по пространственному двигателю. Ученые продолжили с того места, где остановились, то есть когда им удалось передвинуть двухмиллиметровый сегмент твоих волос на два сантиметра. Работы продолжались полвека, иногда прерываясь по разным причинам, и постепенно перешли от теории к технологии. На последних стадиях требовалось провести полномасштабные испытания двигателя. Для базы на Меркурии это оказалось большой проблемой, потому что ее ресурсы ограниченны, а эксперимент оставил бы весьма заметные следы, которые выдали бы всем истинные цели исследований. Вообще-то, принимая во внимание интенсивный характер перевозок на базу и с нее в течение более чем пятидесяти лет, трудно поверить, чтобы федеральное правительство не заподозрило, чем она занимается. Но до тех пор пока масштаб опытов

был невелик и проводились они под прикрытием других проектов, власти закрывали глаза на деятельность базы. Когда же пришло время полномасштабных испытаний, потребовалось содействие правительства. Мы обратились к нему… и дело пошло как по маслу.

— Неужели они отменили законы, запрещающие световые корабли? — спросила Чэн Синь.

— Да нет, куда там! Правительство стало сотрудничать с нами, потому что… — Ло Цзи запнулся и стукнул тростью об пол. — Но об этом потом. Несколько лет назад мы сделали три двигателя и провели три испытания на беспилотниках. Двигатель номер один достиг скорости света примерно в ста пятидесяти астрономических единицах от Солнца и вернулся, некоторое время пролетев на этой скорости. Для самого двигателя путешествие длилось всего минут десять, но у нас прошло три года. Второй эксперимент проводился с двигателями номер два и три одновременно. В настоящий момент оба находятся за облаком Оорта и вернутся в Солнечную систему примерно через шесть лет. Двигатель номер один, который успешно прошел испытания, установлен на «Ореоле».

— Но какой же смысл посылать нас с Чэн Синь

одних?! — воскликнула АА. — С нами должно быть по меньшей мере двое мужчин!

Ло Цзи покачал головой.

— Не было времени. Сотрудничество между концерном «Гало» и правительством держалось в тайне. Мало кто знал о существовании двигателей, искривляющих пространство, а о том, на каком корабле установлен единственный двигатель, оставшийся в Солнечной системе, не знал вообще практически никто. К тому же это было слишком опасно. Кто может сказать, на что способны люди, когда приходит конец света? Все передрались бы за место на «Ореоле», и, быть может, в конце концов от него вообще осталась бы только кучка обломков. Поэтому нам надо было увести «Ореол» из Мира Убежищ до официального объявления об атаке «темного леса». Нет, времени действительно не оставалось. Цао Бинь выслал «Ореол» на Плутон, потому что хотел, чтобы вы забрали меня с собой. Лучше бы он дал ему уйти в отрыв на скорости света прямо от Юпитера!

— Почему вы не поехали с нами?! — завопила АА.

— Я и так уже слишком зажился. Даже если бы я отправился на этом корабле, то долго бы не

протянул. Лучше закончу жизнь кладбищенским сторожем.

— Мы возвращаемся за вами! — сказала Чэн Синь.

— Не смейте! Времени у вас уже почти не осталось!

Трехмерное пространство, в котором они находились, все быстрее устремлялось к двумерной бездне. Солнце, которое к этому моменту погасло окончательно и выглядело необъятным багровым мертвым морем, занимало почти весь обзор «Ореола». Чэн Синь и АА заметили, что плоскость была не совсем плоской — она волнообразно колыхалась! Длинная волна катилась от одного края к другому. Это походило на складки в трехмерном пространстве, позволявшие «Синему космосу» и «Гравитации» находить точки прокола — входы в четырехмерное пространство. Волна проявлялась даже в местах плоскости, лишенных двумерных объектов, и была визуализацией двумерного пространства в трех измерениях. Это явление возникало только тогда, когда плоскость достигала определенного размера.

На «Ореоле» искажение континуума, происходящее под влиянием ускоренного процесса схлопывания космоса, стало проявляться все

значительнее по мере того, как пространство стягивалось в направлении плоскости. Чэн Синь обнаружила, что круглые иллюминаторы кажутся овальными, а стройная АА теперь выглядит коренастой коротышкой. Но ни одна из подруг не ощущала дискомфорта, и системы космолета работали исправно.

— Возвращаемся на Плутон! — скомандовала Чэн Синь искину. Затем, повернувшись к инфоокну, в котором был Ло Цзи, сказала: — Мы летим обратно. Время у нас есть — Уран все еще в процессе перехода.

Искин бесстрастно ответил:

— Среди всех зарегистрированных пользователей наивысший уровень доступа принадлежит Ло Цзи. Только он может отдать команду «Ореолу» возвратиться на Плутон.

Лицо Ло Цзи улыбалось в темном туннеле.

— Если бы я хотел улететь, я бы так и сделал. Но я слишком стар для таких далеких поездок. Не волнуйтесь обо мне, детки! Как я уже говорил, я ни о чем не жалею. Приготовиться включить пространственный двигатель!

Последние слова были обращены к корабельному ИИ.

— Параметры курса? — спросил тот.

— Продолжайте следовать тем курсом, которым идете. Я не знаю, куда вы хотите лететь, да думаю, вы и сами не знаете. А если вы все-таки уже наметили пункт назначения, просто укажите его на звездной карте. Корабль способен автоматически проложить курс к большинству звезд в радиусе пятидесяти тысяч световых лет.

— Подтверждено, — сказал искин. — Запускаю пространственный двигатель через тридцать секунд.

— Нам надо принять состояние погружения? — спросила АА, хотя и понимала, что при *таком* ускорении (если речь идет об обычном двигателе, не о релятивистском) во что ни погружайся, результат один — от живого человека остается лепешка.

— От вас не требуется никаких приготовлений, — ответил искин. — Наш способ движения основан на манипулировании пространством, поэтому никакой перегрузки не будет. Двигатель, искривляющий пространство, запущен. Все системы работают нормально. Местный радиус кривизны 23,8. Отношение кривизны пространства впереди по курсу к местному 3,41:1. «Ореол» достигнет скорости света через шестьдесят четыре минуты восемнадцать секунд.

Чэн Син и АА показалось, будто искин дал команду «стоп», потому что вдруг настала тишина. Понятно — шум исчез, так как выключился термоядерный двигатель. В недоумение их привело то, что гул реактора и выхлопа пропал, не сменившись каким-либо иным звуком. Было сложно поверить, что включился какой-то другой двигатель.

Но тут появились признаки того, что этот самый двигатель и вправду работает. Искажения пространства постепенно исчезли: иллюминаторы снова стали круглыми, АА «похудела». Выглянув в иллюминатор, подруги увидели другие корабли — те все еще обгоняли «Ореол», но двигались теперь значительно медленнее.

Бортовой искин стал транслировать сообщения, которыми обменивались спасающиеся космолеты, — скорее всего потому, что эти сообщения касались «Ореола».

— Посмотри на этот корабль! Как он может ускоряться так быстро?! — крикнула женщина.

— Ох! Люди внутри, наверно, уже превратились в котлету! — сказал мужской голос.

Тут заговорил другой мужчина:

— Идиоты! При таком ускорении сам корабль стал бы котлетой! А ему хоть бы что! Это не тер-

моядерный двигатель, это что-то совсем другое!

— Двигатель, искривляющий пространство? Это что — световой корабль?! Это световой корабль!

— Значит, слухи были верны! Они тайком построили светолеты, чтобы спастись самим…

— А-а-а-а-а-а!..

— Эй, кто там есть впереди? Остановите эту посудину! Протараньте ее! Если мы умрем, пусть все умрут!

— Они могут достичь скорости убегания! Они могут спастись и жить дальше! А-а-а! Я хочу световой корабль! Остановите их, остановите их! Убейте всех, кто на борту!

Тут раздался еще один крик — на этот раз кричала АА внутри «Ореола»:

— Два Плутона? Как это может быть — два Плутона?!

Чэн Синь повернулась к инфоокну, в которое смотрела АА. Окно показывало картинку Плутона, которую передавали наблюдательные системы «Ореола». Хотя планета находилась на некотором отдалении, было четко видно, что и Плутон, и Харон раздвоились. Двойники висели бок о бок. Чэн Синь обратила внимание, что некоторые другие плоские объекты в двумерном

космосе тоже удвоились. Эффект был сродни тому, когда при помощи специальной программы выбирается фрагмент картинки, клонируется, а потом помещается рядом с исходным объектом.

— Это потому, что свет внутри оставляемого «Ореолом» следа замедляется, — объяснил Ло Цзи. Его изображение в окне исказилось, но голос оставался ясно слышимым. — Плутон все еще движется. Один из Плутонов, которые вы наблюдаете, — это результат замедления света. Как только Плутон вышел из следа «Ореола», обычная скорость света донесла до вас второе его изображение. Вот почему у вас в глазах двоится.

— Свет замедляется? — Чэн Синь поняла, что ей только что открыли великую тайну.

Ло Цзи продолжал:

— Я знаю, что вы догадались о принципе пространственного движителя, глядя на бумажную лодочку, которую толкало вперед мыло. Дайте-ка спрошу: после того как она уткнулась в противоположный бортик ванны, вы перенесли ее обратно и повторили опыт?

Нет, они этого не сделали. Боясь софонов, Чэн Синь с деланой небрежностью отбросила бумажный кораблик в сторону. Но легко догадаться, что было бы, если бы они повторили эксперимент.

— Кораблик не пошел бы вперед или пошел бы, но очень медленно, — проговорила Чэн Синь. — После первого прохода поверхностное натяжение воды в ванне было бы уже меньше.

— Правильно. То же самое верно и в отношении корабля с пространственным двигателем. След его изменяет саму структуру пространства. Если второй такой же корабль поместить в след первого, он едва сдвинется с места. Находясь внутри следов, оставленных световыми кораблями, нужно задействовать более мощный пространственный двигатель. В таком космосе будет все еще возможно достичь наивысшей из возможных скоростей, но сама эта скорость будет намного ниже, чем максимальная скорость первого корабля. Другими словами, скорость света в вакууме внутри следа светового корабля понижается.

— И насколько?

— Теоретически до нуля, хотя в реальности это невозможно. Но если ты настроишь двигатель «Ореола» на максимум кривизны, то сможешь понизить скорость света в следе до той самой, которой мы и добивались: 16,7 километра в секунду.

— И тогда у вас получился бы… — протянула АА, не отрывая глаз от Ло Цзи.

«Черный домен», — подумала Чэн Синь.

— Черный домен, — сказал Ло Цзи. — Конечно, одного-единственного корабля недостаточно, чтобы построить черный домен для целой звезды и ее планетной системы. Мы подсчитали, что для этого потребуется тысяча кораблей с пространственными двигателями. Если бы все эти корабли стартовали около Солнца и разошлись в разных направлениях на скорости света, их следы расширились бы и объединились между собой, формируя сферу, в которой поместилась бы вся Солнечная система. Скорость света в такой сфере равнялась бы 16,7 километра в секунду, и получилась бы черная дыра с пониженной скоростью света, то есть черный домен.

— Значит, черный домен — это результат «выхлопа» световых кораблей…

В космосе след двигателя, искривляющего пространство, может служить как знаком опасности, так и мирным посланием. След, находящийся далеко от мира, относится к первой категории; след, окутывающий мир целиком — ко второй. Это как веревочная петля: она означает опасность и агрессию, когда ее держат в руке; но она же означает безопасность, когда надета на шею того, кто ее держит.

— Верно, но мы узнали об этом слишком поздно. В наших разработках экспериментаторы опережали теоретиков. Ты должна бы знать, что таков стиль Уэйда. Многие открытия, сделанные во время опытов, не могли получить теоретического объяснения, и некоторым явлениям подобного рода попросту не придавали значения. В первые годы исследований — когда самым большим достижением уэйдовской команды стало перемещение твоих волос — устройство, искривляющее пространство, оставляло маленькие, незначительные следы, и никто не обращал на них внимания, хотя было достаточно признаков того, что происходит что-то странное. Например, после того как след расширился, пониженная скорость света повлияла на квантовые микросхемы стоящего рядом компьютера, и тот забарахлил. Вот только никому в голову не пришло увязать эти два события. Позже, когда масштабы экспериментов увеличились, тайна следа наконец была раскрыта. Именно из-за этого открытия правительство и согласилось сотрудничать с нами. Фактически, они направили все доступные им ресурсы на разработку светолетов, просто случилось это слишком поздно. — Ло Цзи покачал головой и вздохнул.

Чэн Синь договорила за него то, что он не решался сказать:

— Тридцать пять лет прошло между инцидентом с Гало-Сити и окончанием строительства базы на Меркурии. Тридцать пять драгоценных лет были потрачены впустую.

Ло Цзи кивнул. Чэн Синь показалось, что во взгляде, которым он смотрит на нее, нет больше доброты. В глазах старика пылал огонь Страшного суда. Они словно кричали: «Видишь, что ты наделала!»

Теперь Чэн Синь понимала, что из трех способов выживания человечества — проекта космических убежищ, плана черного домена и создания кораблей, способных летать со скоростью света, — только последний был верным.

Юнь Тяньмин ясно указал на него, но она поставила на этом пути преграду.

Не останови она Уэйда, Гало-Сити добился бы независимости. Даже если бы она не продлилась долго, им бы удалось обнаружить эффекты светового следа и изменить отношение правительства к светолетам. У человечества тогда было бы достаточно времени для сооружения тысячи таких кораблей и образования черного домена. А тогда не последовало бы и удара «темного леса»…

Человечество разделилось бы на две части: тех, кто хочет улететь к звездам, и тех, кто хочет остаться в черном домене и жить в счастье и покое. Каждый получил бы то, чего желал.

Итак, она совершила очередную роковую ошибку.

Дважды Чэн Синь занимала позицию в иерархии власти, уступающую разве что только самому Господу Богу, и оба раза она столкнула мир в пропасть во имя любви. Только на этот раз никто не мог исправить то, что она натворила.

Чэн Синь почувствовала нарастающую ненависть к Уэйду. Она ненавидела его за то, что он сдержал свое слово. Зачем он это сделал? Мужская гордыня взыграла или и в самом деле решил поступить по чести? Уэйд не знал об эффекте следа. Цель, к которой он стремился, изучая способы полета со скоростью света, красноречиво выразил тот безымянный боец: они боролись за свободу, за возможность жить среди звезд, за миллиарды и миллиарды новых космических миров. Она была убеждена: знай Уэйд о том, что светолет — это единственный путь к спасению человечества, он наплевал бы на свою клятву.

Ладно, хватит перекладывать свою ответственность на других. Неважно, на какой она там

позиции после Бога, — она обязана исполнить свой долг.

Недавно на Плутоне Чэн Синь пережила момент самого большого в жизни умиротворения. Вид конца света принес ей покой: вся ответственность позади, все треволнения и страхи тоже. Жизнь проста и чиста, как в то мгновение, когда покидаешь материнское лоно. Оставалось лишь мирно ждать поэтического, живописного во всех смыслах конца, когда и она сама станет частью гигантского художественного полотна Солнечной системы.

Но сейчас все перевернулось с ног на голову. В ранней космологии обнаружился парадокс: если Вселенная бесконечна, то каждая ее точка должна ощущать кумулятивный эффект тяготения, источником которого является бесконечное число небесных тел. Чэн Синь и вправду ощущала сейчас бесконечное тяготение. Эта сила, исходящая из всех концов Вселенной, безжалостно рвала на куски душу молодой женщины. Ужас ее последних мгновений в качестве Держателя Меча 127 лет назад всплыл на поверхность, а четыре миллиарда лет истории навалились на нее всей своей тяжестью, грозя раздавить. Небо заполнилось мириадами взирающих на нее

глаз динозавров, трилобитов, муравьев, птиц, бабочек… На нее смотрели сто миллиардов пар глаз, принадлежавших всем людям, когда-либо жившим на Земле.

И еще на нее смотрели глаза АА. Чэн Синь поняла, что говорил взгляд подруги: «Вот ты и испытала кое-что пострашнее смерти».

Чэн Синь знала, что у нее нет иного выбора, как продолжать жить. Они с АА единственные из всего рода людского, кто выживет. Ее смерть будет означать смерть половины человечества. Продолжать жить — вот достойное наказание за ее ошибку!

Но они по-прежнему не знали, куда лететь. В сердце Чэн Синь космос отныне стал даже не черным, а просто бесцветным. Какой смысл куда-то двигаться?..

— Куда же нам лететь? — пробормотала Чэн Синь.

— Ищите *их*! — сказал Ло Цзи. Его образ исказился еще больше, да к тому же стал черно-белым.

Его слова, словно факел, разогнали мрак, царящий в сознании Чэн Синь. Они с АА переглянулись и сразу же поняли, кого имел в виду Ло Цзи.

А старец продолжал:

— Они все еще живы. Мир Убежищ принял короткую гравитационную передачу, посланную пять лет назад. Они не сообщили, где находятся. «Ореол» будет периодически вызывать их по грави-связи. Может, *вы* найдете их, а может, *они* найдут вас.

Теперь исчезла и черно-белая картинка, но подруги все еще слышали голос Ло Цзи. Он произнес свои последние слова:

— Ну вот, пришло и мое время уйти на полотно. Счастливого пути, дети!

Передача оборвалась.

На мониторе они видели, как Плутон вспыхнул ярким светом и расплылся в двух измерениях. Та сторона карликовой планеты, где находился музей, коснулась плоскости первой.

При нынешней скорости «Ореола» стал проявлять себя доплеровский эффект. Звезды впереди приобрели голубоватый оттенок, тогда как звезды позади стали красноватыми. Изменение цвета касалось и двумерной Солнечной системы.

Снаружи больше не было видно других кораблей — «Ореол» оставил их за кормой. Все спасающиеся бегством космолеты падали на плоскость, как капли дождя на стекло.

Теперь со стороны Солнечной системы до-

ходили только немногочисленные обрывки радиоразговоров. Благодаря доплеровскому эффекту короткие всплески голосов звучали странно, походили на пение.

— Мы очень близко! Вы за нами?

— Не делай этого! Не де…

— Боли не будет. Говорю же тебе: все закончится в один миг…

— Ты все еще не веришь мне после всего этого? Ну и ладно, не верь…

— Да, малыш, мы станем очень-очень тонкими…

— Идите все сюда! Мы должны быть вместе…

Чэн Синь с АА слушали. Голосов становилось все меньше, и раздавались они все реже. Через тридцать минут из Солнечной системы донесся последний выдох:

— А-х-х-х-х-х-х-х…

Голос прервался. Исполинская картина под названием «Солнечная система» была закончена.

«Ореол» продолжал падать на плоскость. Разгон, который он к этому времени набрал, замедлял его падение, но корабль еще не достиг скорости убегания. Сейчас светолет был единственным в Солнечной системе рукотворным трехмерным объектом, а Чэн Синь и АА — единственными

людьми вне картины. «Ореол» находился очень близко от плоскости, и с этого угла зрения смотреть на двумерное Солнце было все равно что смотреть на море с берега: тусклая багровая поверхность тянулась в безграничную даль. Только что перешедший в плоское состояние Плутон стал огромным и продолжал расширяться такими темпами, что это было заметно невооруженным глазом. Чэн Синь всматривалась в три изящных кольца Плутона и пыталась выискать хоть какие-нибудь следы музея, но ничего не нашла — музей был слишком мал.

Гигантский каскад, которым трехмерное пространство изливалось в плоскость, казался необоримым. Чэн Синь начала сомневаться, сможет ли их двигатель и в самом деле придать кораблю скорость света. Она была бы не против, чтобы все поскорее закончилось.

Но тут заговорил искин:

— «Ореол» достигнет скорости света через сто восемьдесят секунд. Пожалуйста, задайте курс.

— Мы не знаем, куда лететь, — сказала АА.

— Вы можете выбрать пункт назначения после того, как мы достигнем скорости света. Однако чисто субъективно световой полет займет немного времени, и можно легко промахнуться мимо

цели — перелететь через нее. Лучше выбрать сейчас!

— Мы не знаем, где их искать, — произнесла Чэн Синь. Существование этих людей сделало будущее немного более светлым, но она по-прежнему ощущала себя потерянной.

АА схватила подругу за руку.

— Ты что, забыла? Кроме них, во Вселенной существует еще и *он*!

«Да, он все еще существует». Чэн Синь ощутила сильнейшую щемящую боль в сердце. Никого и никогда ей не хотелось видеть так, как его!

— Тебе назначили свидание, — напомнила АА.

— Мне назначили свидание, — машинально повторила Чэн Синь. Она слегка отупела от нахлынувших эмоций.

— Так полетели к твоей звезде!

— Да, летим к нашей звезде!

Чэн Синь обратилась к бортовому искину:

— Можешь найти DX3906? Этот номер ей дали в начале Эры Кризиса.

— Конечно. Теперь ее номер S74390E2. Запрашиваю подтверждение.

Перед подругами развернулась большая голографическая карта со всеми объектами в радиусе пятисот световых лет от Солнца. Одна из звезд

сияла ярко-красным, и на нее указывала белая стрелка. Чэн Синь узнала свою звезду.

— Это она. Летим туда.

— Курс установлен и подтвержден. «Ореол» достигнет скорости света через пятьдесят секунд.

Звездная карта исчезла. Собственно говоря, исчез весь корпус корабля, и двум пассажиркам показалось, будто они парят в открытом космосе. Искин никогда раньше не включал полноэкранный режим. Перед ними расстилалось звездное море Млечного Пути, сейчас чисто голубое, и это напоминало им о настоящем море. Позади лежала двумерная Солнечная система, окрашенная в кроваво-красные тона.

Вселенная содрогнулась и трансформировалась. Все звезды впереди светолета вытянулись в полоски, как будто половина Вселенной превратилась в черный колодец и они падали на его дно. Там, перед кораблем, они сбивались в плотное скопление и сияли, словно гигантский сапфир, в котором невозможно было различить отдельные звезды. Время от времени из сапфира вырывалась искорка и, промчавшись в чернильно-черном пространстве, пропадала позади «Ореола», на лету все время меняя цвет: с голубого на зеленый, затем на желтый, а за кормой корабля на крас-

ный. Оглядываясь назад, подруги видели, как двумерная Солнечная система и звезды сливались в алый шар, похожий на костер, пылающий на другом конце Вселенной.

«Ореол» со скоростью света мчался к звезде, которую Юнь Тяньмин подарил Чэн Синь.

Часть VI
Галактическая Эра, год 409-й
Наша звезда

«Ореол» отключил пространственный двигатель и летел по инерции, сохраняя прежнюю скорость. Весь полет АА старалась утешить Чэн Синь, хоть и понимала, что это задача безнадежная.

— Просто смешно обвинять себя в разрушении Солнечной системы! Кто ты такая, по-твоему? Думаешь, что если встала на руки, то подняла над головой Землю? Даже если бы ты не остановила Уэйда, кто знает, чем бы закончилась война? Смог бы Гало-Сити добиться независимости? Даже Уэйд не был в этом уверен. Разве Федеральное правительство и флот испугались бы горстки пуль из антивещества? Не исключаю, что Гало-Сити сумел бы уничтожить парочку военных кораблей, пускай даже целый космоград — но в конце концов флот Федерации разнес бы его в пыль. И в этом варианте истории не было бы ни базы на Меркурии, ни второго шанса.

Даже если бы Гало-Сити удалось стать неза-

висимым, если бы он продолжил исследования пространственного двигателя, открыл замедляющие свойства его следа, а под конец решил бы сотрудничать с Федеральным правительством и успел к сроку построить тысячи светолетов — думаешь, люди согласились бы на создание черного домена? Помнишь, как все были уверены, что Убежища переживут удар «темного леса?» С чего бы это им самоизолироваться в черном домене?

Слова АА скользили по поверхности мыслей Чэн Синь и скатывались с них, не оставляя следа, словно капли воды на листьях кувшинки. Чэн Синь думала только о том, как бы найти Юнь Тяньмина и все ему рассказать. Подсознательно она ожидала, что путешествие длиной в 287 световых лет займет долгое время, но бортовой искин уверял, что внутри корабля пройдет всего пятьдесят два часа. Происходящее казалось молодой женщине нереальным, словно она умерла и перенеслась в другой мир.

Чэн Синь долго смотрела в космос сквозь иллюминаторы. Она понимала, что, когда из голубого скопления впереди по курсу выскакивает светлая точка, проносится мимо и тает в красном облаке позади, это значит, что «Ореол» прошел мимо очередной звезды. Девушка считала звезды и сле-

дила, как они из голубых становятся красными — воистину гипнотическое зрелище. А потом уснула.

Когда Чэн Синь проснулась, «Ореол» уже приближался к месту назначения. Корабль развернулся на 180 градусов и задействовал пространственный двигатель для торможения — летел, по сути, упираясь в собственный след. По мере снижения скорости голубое и красное скопления начали раскрываться, напоминая распускающиеся «цветы» фейерверка, и вскоре превратились в звездное море, окружившее корабль со всех сторон. «Ореол» замедлился, и доплеровский эффект сошел на нет: голубое перестало сменяться красным. Подруги видели, что расстилавшийся перед ними Млечный Путь выглядит примерно так же, как и прежде, зато позади светолета знакомых звезд не было. Солнечная система давно пропала из виду.

— Мы находимся на расстоянии двести восемьдесят шесть целых и пять десятых светового года от Солнечной системы, — объявил искин «Ореола».

— Это значит, что там уже прошло двести восемьдесят шесть лет? — переспросила АА. Казалось, она только что очнулась ото сна.

— Да, если пользоваться их системой отсчета.

Чэн Синь вздохнула. Какая разница для Солнечной системы в ее нынешнем состоянии, сколько минуло лет — 286 или 2,86 миллиона? И тут ей пришла в голову мысль:

— Как давно завершилось свертывание в двумерное пространство?

От этого вопроса АА утратила дар речи. И верно — когда оно остановилось? И остановилось ли вообще? Была ли заложена в ту «бумажку» команда остановиться? Ни Чэн Синь, ни АА не владели теорией сворачивания трехмерного объема в двумерную плоскость, но обеим сама идея такой команды, закодированной в двумерном пространстве, невольно представлялась чем-то совершенно невероятным, высшей магией.

Что, если свертывание не остановится никогда?

Лучше об этом не задумываться.

Звезда DX3906 была размером с Солнце. Когда «Ореол» приступил к торможению, она выглядела самой обычной, ничем не примечательной звездой, но ко времени отключения пространственного двигателя стало заметно, что она краснее Солнца.

«Ореол» запустил термоядерный реактор, ти-

шина сменилась шумом. Гул двигателя заполнил весь корабль, вибрировала каждая переборка. Искин проанализировал данные, собранные приборами наблюдения, и подтвердил основные характеристики звездной системы: вокруг центрального светила обращаются две планеты, обе с твердой поверхностью. Та, что на дальней орбите, по размерам близка к Марсу, но не имеет атмосферы. Почва на ней серого цвета, поэтому Чэн Синь и АА решили назвать ее Серой планетой. Другая, ближе к звезде, была похожа на Землю и по размеру, и по типу: с кислородом в атмосфере и многочисленными признаками жизни, но без каких-либо следов сельского хозяйства или промышленности. Поскольку планета была голубой, как Земля, подруги назвали ее Голубой планетой.

АА ужасно льстило, что ее предположения подтвердились, ведь это именно она свыше четырехсот лет назад обнаружила у звезды DX3906 планеты. Прежде считалось, что это одинокая звезда. Научная деятельность АА завершилась знакомством с Чэн Синь. Если бы не стечение обстоятельств, ее жизнь пошла бы совершенно по-другому. Судьба — вообще странная штука: когда четыре столетия назад АА рассматривала

этот далекий мир в телескоп, ей и в голову не могло прийти, что однажды она прилетит сюда.

— Ты уже тогда могла разглядеть эти планеты? — спросила Чэн Синь.

— Нет. Их невозможно было обнаружить в видимом участке спектра. Может быть, удалось бы что-нибудь заметить через телескопы системы раннего предупреждения. Мне же не оставалось ничего другого, как вывести факт их существования, наблюдая линзирование света[184] в солнечном гравитационном поле… Я тогда строила теории, как эти планеты могут выглядеть. Похоже, я была во многом права.

«Ореолу» потребовалось всего пятьдесят два часа (по бортовому хронометру), чтобы преодолеть 286 световых лет, разделяющих Солнечную систему и звезду DX3906. Но субсветовое путешествие сквозь шестьдесят астрономических единиц от границы звездной системы до Голубой планеты заняло восемь дней.

Когда корабль приблизился к Голубой планете,

---

[184] Примечания: 184

Гравитационная линза — массивное тело (планета, звезда) или система тел (галактика, скопление галактик, скопление темной материи), искривляющая своим гравитационным полем направление электромагнитного излучения, подобно тому, как обычная линза искривляет световой луч (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гравитационная_линза). — *Прим. перев.*

Чэн Синь и АА обнаружили, что ее сходство с Землей весьма отдаленное. Голубой цвет ей придавал не океан, а растительность, покрывающая континенты. Океаны же были бледно-желтыми и занимали приблизительно одну пятую всей поверхности.

Это был мир холода; голубые заросли покрывали не более трети суши, остальная территория лежала под снегом. Почти весь океан, за исключением небольших участков на экваторе, был затянут льдом.

«Ореол» облетел Голубую планету и начал снижение. Внезапно искин корабля объявил:

— На поверхности обнаружен искусственный источник радиосигнала. Это посадочный маяк. Он использует протоколы связи, которые датируются началом Эры Кризиса. Хотите ли вы, чтобы я следовал его указаниям?

Чэн Синь и АА взволнованно переглянулись.

— Да! — воскликнула Чэн Синь. — Следуй его указаниям и садись!

— Перегрузки достигнут уровня 4g. Займите положение для посадки. Я инициирую циклограмму спуска, как только вы будете готовы.

— Думаешь, это он?! — воодушевилась АА.

Чэн Синь покачала головой. Все счастливые

моменты ее жизни были только промежутками между глобальными катастрофами. Теперь она боялась радоваться.

Чэн Синь и АА легли в противоперегрузочные кресла, и те сомкнулись вокруг них, словно большие ладони, плотно удерживая пассажиров. «Ореол» сбросил скорость, лег на посадочную траекторию и после нескольких мощных толчков вошел в атмосферу. Подруги наблюдали, как на обзорных экранах разворачиваются сине-белые континенты.

Через двадцать минут «Ореол» приземлился недалеко от экватора. Искин корабля порекомендовал Чэн Синь и АА минут десять оставаться в креслах, чтобы привыкнуть к тяготению — оно не слишком отличалось от земного.

В иллюминаторах и на экранах корабля путешественницы видели, что яхта села в голубой степи. Не слишком далеко отсюда поднимались невысокие горы, засыпанные снегом, — место посадки оказалось у подножия горной гряды. Небосклон был бледно-желтым, как океан, который они видели из космоса. В небе сиял ярко-красный шар солнца. На Голубой планете стоял полдень, но цвета неба и солнца делали его похожим на земной час заката.

Чэн Синь и АА не слишком приглядывались к окружающей природе. Их внимание привлек небольшой летательный аппарат, около которого приземлился «Ореол». Он был совсем крохотным, длиной от четырех до пяти метров, с темно-серой обшивкой. Форма его корпуса была обтекаемой, с миниатюрными хвостовыми стабилизаторами. Похоже, это не самолет, а орбитальный челнок.

Рядом с челноком стоял мужчина, одетый в белую куртку и темные брюки. Ветер, поднятый «Ореолом» при посадке, взлохматил его шевелюру.

— Это он? — спросила АА.

Чэн Синь покачала головой. Она сразу поняла, что это не Юнь Тяньмин.

Мужчина пошел сквозь голубые заросли к «Ореолу». Он брел медленно, движения и походка выдавали легкую усталость. Человек не выказывал ни удивления, ни волнения, словно посадка космического корабля здесь дело обычное. В паре десятков метров от яхты он остановился и принялся терпеливо ждать посреди травы.

— А он симпатичный, — заметила АА.

Мужчина азиатской наружности, лет сорока, с широким лбом и мудрыми, добрыми глазами, был действительно красивее Юнь Тяньмина. При

взгляде на него создавалось впечатление, что он никогда не перестает размышлять и нет во Вселенной ничего, включая и «Ореол», что могло бы его удивить. Столкнувшись с чем-то необычным, он просто задумается еще глубже.

Человек поднял руки и поводил ими вокруг головы, словно касался шлема. Потом помотал головой и сделал жест рукой, означающий, что скафандр здесь не нужен.

Корабельный искин согласился:

— Состав атмосферы: кислород — тридцать пять процентов, азот — шестьдесят три процента, двуокись углерода — два процента; незначительное количество инертных газов. Пригодна для дыхания. Однако атмосферное давление всего пятьдесят три процента от земного. Физическая активность не рекомендуется.

— Что за биологическое существо стоит рядом с кораблем? — спросила АА.

— Обычный человек, — ответил искин.

Чэн Синь и АА вышли из корабля. Они еще не привыкли к тяготению, и ноги их пока не слушались. Снаружи дышалось легко, разреженность воздуха совсем не ощущалась. Налетевший ветерок принес освежающий запах травы. Перед девушками открывалась панорама степи,

сине-белых гор и бледно-желтого неба с красным солнцем. Казалось, что это фотография Земли, правда, в искаженных тонах. За исключением необычной расцветки, все выглядело знакомым. Даже трава была похожа на земную, только синяя.

Мужчина приблизился к трапу.

— Обождите минутку, трап крутой. Я помогу вам спуститься. — Он легко поднялся по трапу и приготовился повести Чэн Синь вниз. — Вам стоило бы подольше отдохнуть, прежде чем выходить. Спешить некуда. — Чэн Синь отметила, что человек говорит с сильным акцентом Эры Устрашения.

Чэн Синь ощутила прикосновение теплой и сильной руки; незнакомец защитил ее собой от холодного ветра. Ей внезапно захотелось броситься в его объятия, — объятия первого же мужчины, которого она встретила после путешествия в двести с лишним световых лет.

— Вы прилетели из Солнечной системы? — спросил незнакомец.

— Да. — Поддерживаемая мужчиной, Чэн Синь двинулась вниз по трапу. Она доверяла ему все больше и опиралась на него сильнее и сильнее.

— Солнечной системы больше нет, — сообщила

АА и села на верхнюю ступеньку трапа.

— Я знаю. Удалось ли спастись кому-нибудь еще?

Чэн Синь сошла на землю, ступила в мягкую траву и присела на нижнюю ступеньку.

— Скорее всего, нет.

— Эх… — Мужчина кивнул и вновь двинулся вверх по трапу, чтобы помочь АА. — Меня зовут Гуань Ифань. Я вас здесь дожидался.

— Но как вы узнали, что мы прилетим? — спросила АА, позволяя взять себя под руку.

— Мы приняли вашу гравитационную передачу.

— Так вы с «Синего космоса»?

— Ха! Если бы вы задали этот вопрос тем, кто только что улетел, они бы сочли вас чудачкой! «Синий космос» и «Гравитация» уже древняя, четырехсотлетняя история. Но я и сам древний. Работал астрономом на «Гравитации». Провел четыре века в анабиозе, проснулся только пять лет назад.

— Где теперь «Синий космос» и «Гравитация»? — Чэн Синь попыталась встать, цепляясь за перила трапа, по которому спускались Ифань с АА.

— В музеях.

— А музеи где? — допытывалась АА. Она обняла Ифаня за плечи, так что тот практически нес ее на себе.

— На Мире I и Мире IV.

— А сколько всего миров?

— Четыре. Скоро откроют для заселения еще два.

— И где они находятся?

Гуань Ифань аккуратно поставил АА на землю и рассмеялся.

— Дам совет: кого бы вы ни встретили, человека или любое другое существо, не спрашивайте, где находятся их планеты. Таковы космические правила приличия, наподобие того как не положено интересоваться возрастом женщины… Тем не менее я спрошу: сколько вам сейчас лет?

— Столько, на сколько мы выглядим, — хихикнула АА и присела в траву. — Ей семьсот, мне пятьсот.

— Доктор Чэн выглядит практически так же, как и четыре века назад.

— Вы знакомы? — АА уставилась на Гуань Ифаня.

— Я видел доктора Чэн в передачах с Земли. С тех пор прошло четыреста лет.

— На этой планете много людей? — спросила

Чэн Синь.

— Только мы трое.

— Это значит, что все ваши планеты лучше этой, — заключила АА.

— Вы имеете в виду природные условия? Вовсе нет. Кое-где воздух почти не пригоден для дыхания даже после ста лет терраформирования. Как раз эта планета — одна из лучших для переселенцев. Хоть мы и рады вам здесь, доктор Чэн Синь, мы не признаем ваших прав собственности.

— Я от них давно отказалась, — сообщила Чэн Синь. — Так почему же здесь никто не живет?

— Слишком опасно. Часто прилетают чужаки.

— Чужаки? Инопланетяне? — переспросила АА.

— Да. Чересчур близко к центру рукава Ориона. Здесь проходят два оживленных грузовых маршрута.

— Тогда что вы тут делаете? Просто нас дожидались?

— Не совсем так. Я прилетел с научной экспедицией. Они уже отбыли, а я задержался, чтобы подождать вас.

* * *

Через десяток часов трое людей на Голубой планете встретили ночь. Здесь не было луны, но по сравнению с Землей звезды сияли намного ярче. Млечный Путь казался рекой серебристого пламени, в свете которого от путешественников на земле лежали тени. Отсюда до центра Галактики ненамного ближе, чем от Солнечной системы, но пространство между DX3906 и Солнцем заполнено межзвездной пылью, поэтому с Земли Млечный Путь смотрелся более тускло.

В ярком свете звезд люди заметили, что окружающая их трава движется. Поначалу Чэн Синь и АА решили, что им почудилось, а на самом деле растительность колышется от ветра; но потом они поняли, что трава под ногами тоже шуршит и извивается. Ифань объяснил: голубая трава действительно кочует. Корни служат ей «ногами», и при смене времен года трава мигрирует с одной широты на другую — преимущественно по ночам. Услышав такое, АА отбросила стебельки, которыми поигрывала. Ифань заверил, что травинки — действительно растения, питаются фотосинтезом и почти не способны ощущать прикосновение. Другие растения на этой планете

тоже умеют перемещаться. Он указал на горы, и девушки увидели, как в свете звезд шевелятся леса. Деревья двигались намного быстрее травы и напоминали марширующие в ночи армии.

Ифань указал на небо, туда, где горело не так много звезд:

— Еще несколько дней назад вон там мы могли видеть Солнце — куда яснее, чем увидели бы с Земли эту звезду. Разумеется, мы видели Солнце таким, каким оно было двести восемьдесят шесть лет назад. Солнце погасло в тот самый день, когда экспедиция улетела и я остался один.

— Солнце больше не светит, но занимает огромную площадь. Возможно, вам удастся рассмотреть его в телескоп, — сказала АА.

— Нет, не удастся. — Ифань покачал головой и снова указал в ту же точку на небе. — Даже если вы вернетесь туда, то ничего не увидите. Та область пространства теперь пуста. Плоские Солнце и планеты, которые вы наблюдали — это просто выброс энергии при коллапсе трехмерного вещества в двумерное. То, что вы видели, было не двумерным веществом, а преломлением электромагнитного излучения на границе между двумерным и трехмерным мирами.

Как только энергия рассеется, эффект исчезнет.

Преобразованная Солнечная система не имеет общих точек с трехмерным пространством.

— Но как же так? — спросила Чэн Синь. — Ведь трехмерный мир отлично виден из четырехмерного.

— Да, виден. Мне самому довелось посмотреть на трехмерные объекты из четырехмерного пространства. Но двумерное не видно из трехмерного. Это потому, что в трехмерном пространстве есть такой параметр, как толщина — измерение, в котором свет, исходящий из четырехмерного пространства, поглощается или рассеивается. В двумерном пространстве толщины нет, поэтому свет пронизывает его насквозь, нигде не останавливаясь. Двумерный мир абсолютно прозрачен, и увидеть его невозможно.

— Нет вообще никакого способа? — спросила АА.

— Никакого. Теория не позволяет.

Чэн Синь и АА на какое-то время смолкли. Солнечная система исчезла полностью. Пропала последняя надежда на спасение родной планеты. Но Гуань Ифань немного их утешил:

— Существует только один способ найти двумерную Солнечную систему из трехмерного пространства: по притяжению. Масса Солнеч-

ной системы никуда не делась, поэтому систему можно обнаружить как невидимый источник гравитации.

Чэн Синь и АА многозначительно переглянулись.

— Что, похоже на темную материю? — засмеялся Ифань, затем сменил тему: — Почему бы нам не поговорить о свидании, ради которого вы прибыли сюда?

— Вы знакомы с Юнь Тяньмином? — поинтересовалась АА.

— Нет.

— Что случилось с трисолярианским флотом? — спросила Чэн Синь.

— Нам мало что известно. Первый и Второй флоты так и не объединились. Более шестидесяти лет назад в созвездии Тельца разыгралось крупномасштабное космическое сражение. Бились беспощадно! Из обломков получилось целое новое облако межзвездной пыли. Мы знаем, что одной из сторон был Второй Трисолярианский флот, но не знаем ни против кого он сражался, ни чем все это закончилось.

— А с Первым что? — задала вопрос Чэн Синь. Ее глаза блестели в свете звезд.

— Про них нам ничего не известно… В любом

случае, вам не следует надолго задерживаться здесь, это небезопасно. Почему бы вам не полететь со мной? Терраформирование на моей планете завершено, жизнь налаживается.

— Я согласна! — воскликнула АА. Затем взяла руку Чэн Синь в свою. — Давай полетим туда! Даже если ты решишь торчать здесь до конца своих дней, скорее всего, ничего не дождешься. Нельзя же превращать жизнь в одно сплошное ожидание!

Чэн Синь молча кивнула. Она знала, что гонится за мечтой.

* * *

Они решили подождать еще один день на Голубой планете, а потом улететь.

Небольшой космический корабль Гуань Ифаня дожидался его на геосинхронной орбите. Корабль был совсем крохотным и даже не имел названия, только номер. Но Ифань дал ему имя «Охотник» и пояснил, что это в честь приятеля, Старого Хантера[185], служившего на «Гравитации» четыреста лет назад. На «Охотнике» не было замкнутой системы жизнеобеспечения, поэтому в длитель-

[185] Примечания: 185
По-английски «охотник» будет hunter (хантер). — *Прим. перев.*

ном полете пассажирам требовалось ложиться в гибернацию. Хотя размерами корабль Гуаня сильно уступал «Ореолу», он также был оснащен пространственным двигателем и мог двигаться со скоростью света.

Решили совместно лететь на «Ореоле», а «Хантером» управлять дистанционно. Чэн Синь и АА не задавали вопросов о маршруте, а Ифань отказался даже сообщить, сколько времени займет путешествие. Он всячески оберегал любые сведения о местонахождении человеческих миров.

День провели, гуляя по степи недалеко от «Ореола». В эти дни с Чэн Синь и АА — а в их лице и со всеми жителями исчезнувшей Солнечной системы — многое случилось впервые: первое путешествие к планетам другой звезды, первые шаги по экзопланете, первый полет к миру за пределами Солнечной системы, где есть жизнь.

По сравнению с Землей экология Голубой планеты была незамысловатой. Кроме переползающей с места на место голубой растительности особой жизни не было, водилось только несколько видов рыбы в океанах да простейшие виды насекомых на суше. Планета напоминала упрощенную Землю. Природные условия позволяли культивировать земные растения, поэтому люди

могли бы жить здесь даже без высоких технологий.

Гуань Ифань не скрывал своего восхищения интерьером «Ореола». По его словам, у жителей Солнечной системы была одна способность, которую человечество Галактики — те люди, что поселились на Млечном Пути — не унаследовали и не смогли научиться: умение наслаждаться жизнью. Он подолгу засиживался в роскошных патио, с восхищением рассматривал голографические пейзажи древней Земли. По-прежнему задумчивые глаза Гуаня теперь влажно поблескивали.

Все это время АА бросала на Ифаня заинтересованные взгляды. За день их отношения постепенно изменились. АА придумывала самые разные предлоги, лишь бы оказаться поближе к астроному, и внимала каждому его слову, порой кивая и улыбаясь. До сих пор она никогда так не вела себя с мужчинами. За столетия знакомства с Чэн Синь у АА было множество любовников, порой даже несколько одновременно, но Чэн Синь знала, что подруга не любила ни одного из них по-настоящему. А теперь она явно неровно дышит к этому космологу из Эры Устрашения! Чэн Синь только радовалась такому развитию

событий. АА заслужила счастливую новую жизнь в этом новом мире.

Что же до самой Чэн Синь, то она знала, что духовно мертва. Еще совсем недавно ею двигала одна-единственная надежда — найти Тяньмина, а теперь это стало недостижимой мечтой. Честно говоря, Чэн Синь всегда понимала, что свидание, назначенное через четыре века и 286 световых лет, ничем иным быть и не может. Она продолжит поддерживать жизнь в своем теле, но исключительно из чувства долга: нельзя допустить, чтобы погибла половина населения, выжившего после уничтожения земной цивилизации.

Снова стемнело. Они решили заночевать в «Ореоле» и взлететь поутру.

В полночь Гуань Ифаня разбудил его наручный коммуникатор. Пришло сообщение от «Хантера» на геосинхронной орбите. «Хантер» служил ретранслятором для трех небольших спутников наблюдения, оставленных экспедицией. Два из них обращались вокруг Голубой планеты и один — вокруг Серой, с которой и поступил сигнал тревоги.

Тридцать пять минут назад пять неизвестных кораблей сели на Серую планету. Через двена-

дцать минут они взлетели и пропали, даже не достигнув орбиты. Возникли сильные помехи, и снимки, присланные со спутника, были нечеткими.

Перед экспедицией Ифаня была поставлена задача разыскивать и изучать следы присутствия иных цивилизаций в этой планетной системе. Получив сигнал со спутника, астроном немедленно решил отправиться на челноке к «Охотнику», чтобы разобраться с происходящим. Чэн Синь настояла на том, чтобы лететь с ним. Поначалу Ифань не соглашался, но после того как АА сказала: «Возьми ее с собой. А вдруг это как-то связано с Юнь Тяньмином», передумал.

Перед отлетом Ифань напомнил АА, что вызывать «Охотника» по радио можно разве что только в чрезвычайной ситуации. Кто знает, какая инопланетная аппаратура слежения может оказаться поблизости. Передача сообщений может привести к беде.

В этом одиноком мире, приютившем всего трех человек, даже краткое расставание стало поводом для беспокойства. АА обняла Чэн Синь и Гуань Ифаня и пожелала им доброй дороги. Прежде чем шагнуть в челнок, Чэн Синь обернулась и увидела, что АА стоит в бледно-струящемся

свете звезд и машет им рукой. Вокруг нее поднималась синяя трава, а холодный ветер трепал ее короткую прическу и гнал по траве волны.

Челнок взлетел. В окне системы наблюдения Чэн Синь видела, как пламя двигателя осветило синюю траву, и та поспешила убраться подальше. Челнок удалялся, и пятно света на земле быстро тускнело. Вскоре это место вновь заливал лишь свет звезд.

Часом позже челнок достиг геосинхронной орбиты и пристыковался к «Охотнику». Корабль имел форму небольшой пирамиды. Жилое пространство оказалось крохотным, спартанским, большую его часть занимал гибернатор на четверых.

Подобно «Ореолу», «Охотник» был оборудован двумя двигателями — пространственным и термоядерным. Для путешествий между планетами внутри системы пользовались только термоядерным двигателем — если включить пространственный, то проскочишь место назначения, не успеешь затормозить. «Охотник» сошел с орбиты и направился к Серой планете, казавшейся отсюда маленькой точкой. Опасаясь причинить своей спутнице неудобство, Гуань Ифань довел тягу двигателя до ускорения только

в 1,5g, но Чэн Синь попросила не беспокоиться о ней и лететь побыстрее. Тогда он поднял ускорение до 3g. Теперь им оставалось только лежать в объятиях противоперегрузочных кресел; даже шевелиться было трудно. Ифань включил голографические проекторы внешнего обзора, и обшивка корабля растаяла. Люди висели в пустоте космического пространства и наблюдали, как удаляются от Голубой планеты. Чэн Синь вообразила, что тройная тяжесть исходит от Голубой планеты — так космос поделился на «верх» и «низ», и они летели «вверх» по направлению к Галактике.

При тройной перегрузке можно было разговаривать без особого напряжения. Чэн Синь спросила Ифаня, почему он так долго пролежал в анабиозе. Тот ответил, что во время поиска пригодных для жизни миров дел для него не нашлось. Когда обнаружили Мир I, занимались в основном подготовкой планеты к заселению и начальным обустройством. Первое поселение походило на средневековый городок, и никаких условий для ведения научных исследований там не было. Правительство решило, что все ученые должны лечь в гибернацию и оставаться в ней, пока технология не поднимется до нужного уров-

ня. Ифань был единственным представителем фундаментальных наук на борту «Гравитации»; на «Синем космосе» служило еще семь. Из всех этих людей его разбудили последним — через двести лет после того, как два корабля достигли Мира I.

Чэн Синь была заворожена рассказом Ифаня о новых планетах, где живет человек. Но она заметила, что он рассказывает о Мире I, Мире II и Мире IV, но не о Мире III.

— Я там никогда не бывал. И другие тоже. Точнее, кто бы туда ни отправился, не может вернуться. Мир III запечатан внутри световой гробницы.

— Световой гробницы?

— Это черная дыра с пониженной скоростью света, образованная следами пространственных двигателей. На Мире III что-то случилось, и они решили, что их координаты стали известны. Им не оставалось ничего иного, кроме как превратить свой мир в черную дыру.

— Мы их называем «черными доменами».

— Хорошее название. Кстати, население Мира III сначала назвало этот эффект «световым занавесом», но чужаки именуют это «световой могилой».

— Как «занавес»?[186]

— Совершенно верно. Разные люди по-разному смотрят на вещи. Жители Мира III говорили, что там просто рай — правда, не знаю, считают ли они так же и сейчас. Как только мир заключают в «световую могилу», ни одно сообщение не может выйти наружу. Но мне кажется, что люди там вполне счастливы. Для некоторых безопасность — непременное условие счастья.

Чэн Синь спросила Ифаня, когда в новом мире построили первый пространственный корабль, и узнала, что это случилось сто лет назад. Значит, расшифровка секретного послания Тяньмина позволила жителям Солнечной системы прийти к этому достижению на двести лет раньше галактического человечества. Даже принимая во внимание время, ушедшее на обустройство новых миров, Тяньмин ускорил прогресс как минимум на одно столетие.

— Он великий человек, — сказал Ифань, выслушав рассказ Чэн Синь.

Но цивилизация Солнечной системы не сумела воспользоваться этим шансом. Было потеряно тридцать пять бесценных лет — возможно, из-

---

[186] Примечания: 186

Игра слов на китайском. [illegible] («му»), «занавес», звучит так же, как [illegible] («му»), «гробница». — *Прим. К. Л.*

за нее. Сердце Чэн Синь уже не кололо от этой мысли; молодая женщина ощущала лишь оцепенение — признак мертвой души.

— Пространственные корабли оказались важнейшим достижением человечества, — продолжал Ифань. — Таким же, как вторая эпоха Просвещения, второй Ренессанс. Путешествия со скоростью света фундаментально повлияли на мышление человека, изменили цивилизацию и культуру.

— Понимаю. Я и сама почувствовала, что изменилась, как только помчалась со скоростью света. Я поняла, что могу за отпущенные мне годы перенестись сквозь пространство-время, достичь края космоса, края Вселенной. То, что раньше казалось лишь философским вопросом, стало осуществимым на практике.

— Верно. Такие понятия, как судьба и смысл существования Вселенной, раньше считались абстрактными рассуждениями философов, но теперь о них приходится беспокоиться и обычному люду.

— А задумывался ли кто-нибудь в новом мире о полете к концу Вселенной?

— Разумеется. Уже пять кораблей отправили в бесконечность.

— В бесконечность?

— Некоторые называют их «кораблями конца света». У них нет точки назначения. Они запускают пространственные двигатели на полную тягу и разгоняются, как сумасшедшие, бесконечно приближаясь к скорости света. Их цель — проскочить сквозь время, полагаясь на теорию относительности, и достичь тепловой смерти Вселенной. По их подсчетам десять лет на корабле соответствуют пятидесяти миллиардам наших лет. Собственно, тут и планировать-то нечего. Если на твоем корабле после разгона до скорости света что-нибудь сломается и торможение окажется невозможным, ты тоже доживешь до последних дней Вселенной.

— Мне так жаль людей Солнечной системы, — сказала Чэн Синь. — Даже под конец своего существования большинство из них проживало жизни в крохотном участке пространства-времени, словно те древние люди в Общую Эру, которые никогда не покидали своей деревни. Вселенная оставалась для них загадкой до самого конца.

Ифань поднял голову и посмотрел на Чэн Синь. При тройной перегрузке это было непросто, но он не спешил отводить взгляд.

— Не надо, не жалей. Очень прошу. Реальности

Вселенной не позавидуешь.

— Почему?

Ифань поднял руку и указал на звезды, а потом под тяжестью перегрузки уронил ее обратно.

— Мрак. Сплошной мрак.

— Ты имеешь в виду «темный лес»?

Гуань Ифань покачал головой — при тройной тяжести это непросто.

— Для нас нет ничего важнее «темного леса», но для космоса в целом это лишь мелкая деталь. Представь себе, что космос — это поле боя. Так вот, удары «темного леса» на нем не более чем выстрелы снайперов по нестроевикам — посыльным, кашеварам… В общей картине битвы они ничто. Ты еще не видела, что такое настоящая межзвездная война.

— А вы видели?

— Мы кое-что углядели. Но в основном наши знания строятся на догадках… Ты и в самом деле хочешь знать? Чем больше ты про это узна!ешь, тем меньше света останется у тебя в сердце.

— В моем сердце и так черным-черно. Я хочу знать.

И тогда, спустя больше шести веков с того дня, когда Ло Цзи провалился под лед, с глаз одного из немногих выживших представителей земной ци-

вилизации спала очередная пелена, скрывавшая правду о Вселенной.

— Представь себе цивилизацию с почти неограниченной технологией, — начал Ифань. — Какое ее оружие будет самым мощным? Это не технический вопрос, а философский.

Чэн Синь какое-то время думала, а потом с усилием покачала головой:

— Не знаю.

— Поищи подсказку среди испытанного тобой.

И что же она испытала? Она видела, как жестокий враг понижает размерность пространства на единицу и разрушает Солнечную систему. *А что такое размерность?*

— Основные законы Вселенной, — ответила Чэн Синь.

— Совершенно верно. Основные законы Вселенной являются самым страшным оружием и самым эффективным средством обороны. Где бы это ни происходило — в Млечном Пути или Туманности Андромеды, в масштабе местной группы галактик[187] или сверхскопления

[187] Примечания: 187

Местная группа галактик — гравитационно связанная группа галактик, включающая Млечный Путь, Галактику (Туманность) Андромеды (M31) и Галактику Треугольника (M33) (https://ru.wikipedia.org/wiki/Местная_группа_галактик; https:// ru.wikipedia.org/wiki/Местное_сверхскопление_галактик). — *Прим. перев.*

Девы[188], у противостоящих друг другу цивилизаций, владеющих технологией, неотличимой от божественной, не дрогнет рука воспользоваться основополагающими физическими законами как оружием. Для войны пригодны многие законы, но чаще всего пользуются количеством измерений пространства и скоростью света. Обычно уменьшение размерности пространства — средство нападения, а для обороны снижают скорость света. Удар по Солнечной системе понижением размерности был технически сложной атакой, знаком уважения. А в этой Вселенной заслужить уважение не так-то просто. Пожалуй, земной цивилизации оказали честь.

— Я вот что хотела спросить. Когда закончится свертывание трехмерного пространства в двумерное вблизи Солнечной системы?

— Никогда не закончится.

Чэн Синь вздрогнула.

— Тебя это пугает? Может, ты думаешь, что в этой Галактике, в этой Вселенной одна лишь Солнечная система схлопывается в два измере-

---

[188] Примечания: 188

Суперкластер Девы — нерегулярное сверхскопление галактик размером около 200 миллионов световых лет, включающее Местную группу галактик, скопление галактик в Деве и несколько других скоплений и групп галактик. — *Прим. перев.*

ния? Ха-ха!

От горького смеха Гуань Ифаня сердце Чэн Синь замерло.

— Но это же не имеет никакого смысла! По крайней мере, не имеет смысла пользоваться понижением размерности в качестве оружия. Со временем эта атака уничтожит не только жертву, но и агрессора. Пространство стороны, прибегшей к этому оружию, точно так же провалится в двумерную пропасть, ими самими созданную.

В ответ — ничего, лишь тишина. Устав ждать, Чэн Синь позвала:

— Доктор Гуань?

— Ты слишком… добросердечна, — негромко произнес Гуань Ифань.

— Не понимаю…

— Агрессор может избежать смерти. Подумай об этом.

Чэн Синь поразмыслила и признала:

— Не могу ничего придумать.

— Я знаю, что не можешь. Это потому, что ты не допускаешь мысли, что кто-то может быть настолько жестоким. Все просто: агрессор сначала трансформирует себя в форму жизни, способную уцелеть во Вселенной с меньшим числом измерений. Например, четырехмерные суще-

ства могут стать трехмерными, а трехмерные — двумерными. Когда вся цивилизация прошла такое преображение, агрессор может применять оружие понижения размерности, не опасаясь последствий.

Чэн Синь снова умолкла.

— Тебе это ничего не напоминает? — спросил Ифань.

Чэн Синь вспоминала события, происшедшие свыше четырехсот лет назад, когда «Синий космос» и «Гравитация» наткнулись на четырехмерный фрагмент. Ифань был в составе экспедиции, беседовавшей с Кольцом.

«Это вы создали этот четырехмерный фрагмент?»

«Вы сообщили, что вышли из моря. Разве вы создали море?»

«Ты утверждаешь, что для тебя или, по крайней мере, для твоих создателей это четырехмерное пространство как для нас море?»

«Скорее как лужа. Море пересохло».

«Почему в таком небольшом объеме так много кораблей-усыпальниц?»

«Когда море пересыхает, рыба перебирается в лужи. Эта лужа тоже высыхает, и скоро рыбы не останется».

«Значит, вся рыба здесь?»

«Той рыбы, по вине которой высохло море, здесь нет».

«Извини. Тебя трудно понять».

«Та рыба выбралась на сушу, прежде чем иссушила море. Она перешла из одного темного леса в другой…»

— Разве стоит за победу в войне платить такую цену? — спросила Чэн Синь. Она даже не представляла, как можно жить в пространстве с меньшим количеством измерений. В двумерной Вселенной весь видимый мир состоит из нескольких отрезков разной длины. Как может кто-то, рожденный в трех измерениях, добровольно переселиться в лист бумаги, не имеющий толщины? Точно так же трехмерное пространство покажется непредставимым и ограниченным для созданий четырехмерного мира.

— Лучше так, чем умирать, — возразил Ифань.

Пока Чэн Синь отходила от потрясения, Ифань продолжал:

— Скорость света тоже зачастую используют как оружие. Я не имею в виду световые гробницы, или, по-твоему, черные домены — они просто средства защиты, которыми пользуются такие жалкие черви, как мы. Боги до этого не снисхо-

дят. На войне можно создавать черные дыры с пониженной скоростью света, чтобы запечатать врага внутри. Но чаще эту технику применяют для строительства оборонительных сооружений наподобие рвов и городских стен. Некоторые из таких оборонных поясов пересекают весь рукав Галактики. Там, где звезды расположены близко друг к другу, множество черных дыр соединяют в цепочки длиной в десятки миллионов световых лет. Это Великая Стена в масштабе Вселенной. Если в ловушку попадется даже самый могучий флот, он не сможет из нее выбраться. Проникнуть сквозь эти барьеры крайне сложно.

— Но какова же конечная цель всех этих манипуляций с пространством-временем?

— Удары размерностью постепенно приведут к тому, что больше и больше участков Вселенной будут становиться двумерными. А однажды двумерной станет вся Вселенная. Точно так же создание укреплений приведет к тому, что все области с пониженной скоростью света сольются, и различия между ними уравняются. Это новое среднее значение станет новой скоростью света во Вселенной.

И тогда ученые какой-нибудь новорожденной цивилизации — типа нашей — решат, что ско-

рость света в вакууме едва достигает десятка километров в секунду и что это непоколебимая мировая константа, — точно так же, как мы думаем о трехстах тысячах километров в секунду.

Разумеется, я привел только два примера. В качестве оружия применяют и другие физические законы; мы их все не знаем. Весьма вероятно, что в оружие превращен каждый закон природы. Возможно, что в некоторых участках Вселенной даже… Впрочем, я и сам в это не верю.

— Что ты хотел сказать?

— Аксиомы математики.

Чэн Синь попыталась представить себе подобный мир… нет, такое просто невозможно!

— Это же… безумие! — Она помолчала, затем спросила: — Станет ли вся Вселенная послевоенными развалинами? Или вот так, точнее: не превратятся ли после войны законы природы в развалины?

— Весьма возможно, они уже в них превратились… В новых мирах физики и космологи работают над воссозданием исходного состояния Вселенной, до войн, больше десяти миллиардов лет назад. Они уже разработали довольно подробную модель, описывающую такую Вселенную. Это была отличная эпоха, Вселенная тогда напо-

минала сад Эдема. Конечно, ее красоту можно представить только математически. Нарисовать ее в воображении мы не можем — нашему мозгу не хватает размерности.

Чэн Синь опять вспомнила разговор с Кольцом:

«Это вы создали этот четырехмерный фрагмент?»

«Вы сообщили, что вышли из моря. Разве вы создали море?»

— Ты хочешь сказать, что Вселенная эпохи сада Эдема имела четыре измерения и что скорость света была намного выше?

— Нет, совсем не так. Вселенная эпохи сада Эдема имела десять измерений. Скорость света в те времена не просто была выше — она приближалась к бесконечности. Свет тогда был способен к действию на расстоянии[189] и мог пересечь весь космос, от одного края до другого,

[189] Примечания: 189

Теория действия на расстоянии говорит о прямом действии одних тел на другие на расстоянии непосредственно через пустоту. Тела как бы «чувствуют» друг друга. При этом действие передается мгновенно (https://ru.wikipedia.org/wiki/ Дальнодействие_и_короткодействие). — *Прим. перев.*

за планковское время[190]… Если бы тебе довелось побывать в четырехмерном пространстве, тогда у тебя создалось бы отдаленное представление о том, как прекрасна была жизнь в десятимерном саду Эдема.

— Ты утверждаешь…

— Я ничего не утверждаю. — Ифань словно очнулся от сна. — Мы только видим кое-какие намеки, все прочее — догадки. Считай это предположениями, мрачной сказкой, которую мы придумали.

Но Чэн Синь продолжала размышлять.

— Значит, войны в эпоху сада Эдема привели к коллапсу одного измерения за другим из макроскопического мира в микроскопический, а скорость света раз за разом понижали…

— Как я только что сказал, я ничего не утверждаю, просто строю догадки. — Ифань заговорил тише. — Кто знает, может быть, правда еще мрачнее, чем наши домыслы… Несомненно лишь одно: Вселенная умирает.

Корабль прекратил разгон, и в кабине возникла невесомость. В глазах Чэн Синь звезды

---

[190] Примечания: 190

Планковское время — единица времени в планковской системе единиц. Равна 5,4·10−44 секунды (https://ru.wikipedia.org/wiki/Планковское_время). — *Прим. перев.*

и пространство представали все более и более призрачными, более и более пугающими. Только тройная перегрузка придавала им какую-то устойчивость. Девушка радовалась крепким объятиям тяжести — в них она находила защиту от ужасов и могильного холода темных мифов Вселенной. Но теперь перегрузка исчезла, остался только кошмар. Млечный Путь представился ей полоской льда, в которую вморожены кровавые останки, а близлежащая DX3906 казалась печью крематория, полыхающей над пропастью.

— Ты не мог бы выключить внешний обзор? — попросила Чэн Синь.

Ифань нажал кнопку, и Чэн Синь вернулась из бесконечности космоса в тесную скорлупку-кабину. Здесь она отчасти вновь обрела ощущение такой желанной сейчас безопасности.

— Мне не следовало рассказывать все это, — сказал Ифань. В его словах звучало неподдельное сожаление.

— Рано или поздно я бы все равно узнала, — ответила Чэн Синь.

— Повторяю, это лишь наши домыслы. Научных подтверждений нет. Не задумывайся об этом. Смотри на то, что перед тобой, и просто живи. — Ифань накрыл ее руку своей. — Даже

если то, что я рассказал, правда, эти события измеряются сотнями миллионов лет. Летим со мной на мою планету — теперь она и твоя тоже. Хватит скользить по времени. Если будешь жить в пределах сотни тысяч временны!х лет и тысячи световых лет, ничто из этого тебя не коснется. А такого срока хватит кому угодно.

— Да, этого, конечно, хватит. — Чэн Синь стиснула руку Ифаня. — Спасибо!

* * *

Чэн Синь и Гуань Ифань провели остаток полета во сне, наведенном сонными обручами. Путешествие заняло четыре дня. Когда они очнулись в разгар перегрузок торможения, Серая планета занимала бол! ьшую часть поля зрения.

Серая планета была маленькой. Она напоминала Луну — такой же безжизненный каменный шар, только вместо кратеров почти вся поверхность — голая равнина. «Охотник» лег на орбиту вокруг планеты. Атмосфера отсутствовала, поэтому орбиту выбрали как можно ниже. Корабль приблизился к координатам, которые передал спутник, — к месту, где приземлились и взлетели пять неизвестных аппаратов. Ифань собирался сесть невдалеке и изучить их следы; но вот чего

они с Чэн Синь не предвидели: загадочные гости оставили за собой настолько явные свидетельства своего присутствия, что их можно было разглядеть из космоса!

— Это еще что такое?! — воскликнула Чэн Синь.

— Линии смерти. — Ифань сразу же их узнал. — Не подходи близко, — приказал он искусственному интеллекту.

Начинаясь от поверхности и уходя в космос, из Серой планеты вырастали пять черных линий, словно пять черных волосков. Каждая обрывалась высоко за орбитой «Охотника».

— Что это за линии?

— Следы светового двигателя. Возникают при максимальном искривлении пространства. Внутри них скорость света равна нулю.

На следующем витке Гуань Ифань и Чэн Синь перешли в челнок и отправились на поверхность. Благодаря низкой орбите и отсутствию атмосферы спуск прошел быстро и гладко; челнок приземлился в трех километрах от линий смерти.

Исследователи передвигались длинными плавными прыжками — притяжение составляло всего 0,2 от земного. Поверхность Серой плане-

ты покрывал тонкий слой пыли вперемешку с камешками разной величины. Солнечный свет не рассеивается в безвоздушном пространстве, поэтому границы света и тени прорисовывались четко. Когда до линий смерти осталось около сотни метров, Гуань Ифань подал Чэн Синь знак остановиться. Каждая линия была от двадцати до тридцати метров в диаметре и походила на колонну.

— Наверное, это самые черные объекты во Вселенной, — сказала Чэн Синь. В линиях смерти не было видно никаких деталей, кроме невероятной черноты, выявляющей границы области с нулевой скоростью света. Осязаемой поверхности там тоже не было. Девушка посмотрела вверх: колонны выделялись даже на темном фоне космоса.

— И самые смертоносные, — подтвердил Гуань Ифань. — Нулевая скорость света означает гарантированную, стопроцентную смерть. Внутри них умирает любая элементарная частица, любой кварк. Там нет колебаний. Даже без внутреннего источника гравитации линия смерти является черной дырой. Черной дырой с нулевой гравитацией. Что бы в нее ни попало, никогда уже не вернется.

Ифань подобрал камешек и швырнул в одну из

линий смерти. Камень растворился в абсолютной черноте.

— А ваши пространственные корабли могут создавать такие линии смерти? — спросила Чэн Синь.

— Даже близко не способны.

— Значит, тебе эти линии встречались раньше?

— Да, но редко.

Чэн Синь, задрав голову, смотрела на гигантские колонны мрака, поднимающиеся в космос. Казалось, они держат на себе купол неба, а Вселенную превращают в храм Смерти. «Рано или поздно все этим и закончится, разве не так?» — подумала она.

Девушка разглядела, что далеко в небе колонны обрываются. Она указала на это Ифаню:

— Должно быть, это там корабли разогнались до скорости света?

— Да. У этих следов длина около ста километров. Мы встречали колонны и покороче. Думаем, их оставили корабли, перешедшие на скорость света почти мгновенно.

— Это самая передовая технология пространственного двигателя?

— Возможно. Но такие следы попадаются неча-

сто. Линии смерти обычно оставляют корабли Нулевиков.

— Нулевиков?

— Их еще называют Перезагрузчиками. Группа разумных существ, или цивилизация, или группа цивилизаций… Мы точно не знаем, кто они такие, но убедились, что они есть. Нулевики хотят «перезапустить» Вселенную и вернуть ее в состояние Эдемского сада.

— Каким образом?

— Прокрутив часовую стрелку за полночь. Возьми для примера количество пространственных измерений. Вселенную нижних измерений практически невозможно вернуть в высшие. Так, может, лучше действовать в другом направлении? Что, если понизить число измерений до нуля, а потом еще ниже? А вдруг тогда часы Вселенной начнут новый цикл и все вернется к началу? Тогда во Вселенной снова появятся десять макроскопических измерений.

— Ноль измерений! Вам доводилось видеть такое?

— Нет. Мы только были свидетелями коллапса в два измерения. Никогда не видели сворачивания в одно. Но где-то кто-то из Нулевиков наверняка экспериментирует. Никому не ведомо, достигли

ли они хоть какого-то успеха. Гораздо проще понизить скорость света до нуля, и нам попадались следы попыток увести скорость света ниже нуля, а потом восстановить до бесконечного значения.

— А такое хотя бы теоретически возможно?

— Не знаем. Может быть, у Нулевиков есть теории, допускающие это, но, думаю, все-таки вряд ли. Нулевая скорость света — это непреодолимое препятствие, полнейшая смерть всего сущего, прекращение любого движения. В таких условиях субъект — наблюдатель — не способен никоим образом повлиять на объект — Вселенную. Так каким же образом он сможет подтолкнуть «часовую стрелку» на новый оборот? Думаю, что для Нулевиков эта идея — что-то вроде религии, этакий перформанс.

Испуганная и потрясенная, Чэн Синь неотрывно глядела на линии смерти.

— Если это следы, почему они не размываются?

Гуань Ифань крепче сжал руку девушки:

— Я как раз собирался об этом сказать. Нужно уносить ноги — и я говорю не только о Серой планете, а обо всей звездной системе. Теперь здесь невероятно опасно находиться. Линии смерти — это не обычные следы. Если их не тро-

гать, они навсегда останутся такими. Но если их потревожить, они быстро расширятся и тогда могут накрыть собой всю Солнечную систему. Ученые называют это явление «разрывом линии смерти».

— Когда линия разрывается, то нулевая скорость света устанавливается во всей системе?

— Нет, нет. После разрыва линия становится самым обычным следом пространственного двигателя. Этот след расширяется, занимает собой значительное пространство, и скорость света внутри повышается — но она никогда не превысит десятка метров в секунду. Распад линий смерти может превратить всю систему в черный домен, в черную дыру с пониженной скоростью света… Нам надо спешить.

Чэн Синь и Гуань Ифань длинными прыжками устремились к челноку.

— А какие именно воздействия приводят к разрыву? — спросила Чэн Синь и обернулась, чтобы еще разок взглянуть на линии смерти. Черные колонны позади отбрасывали длинные тени, которые тянулись по равнине до самого горизонта.

— Мы не уверены. Есть гипотезы, что так воздействует появление поблизости другого следа пространственного двигателя. Мы уже убеди-

лись, что находящиеся рядом следы влияют друг на друга.

— Значит, если «Ореол» включит двигатель…

— Именно поэтому мы отлетим подальше на термоядерной тяге и только тогда включим пространственный двигатель. Нам потребуется удалиться хотя бы на… м-м-м… сорок астрономических единиц, если считать в знакомых тебе терминах.

Когда челнок оторвался от поверхности, Чэн Синь, неотрывно глядя на удаляющиеся линии смерти, сказала:

— Нулевики дают мне кое-какую надежду.

— Вселенная многообразна, — ответил Ифань. — В ней можно найти любые миры и любых существ. Среди них и идеалисты, такие как Нулевики, и пацифисты, и филантропы… Есть даже цивилизации, полностью посвятившие себя искусству и культуре. Но их мало, и они не способны повлиять на ход истории Вселенной.

— У нас на Земле было такое же разнообразие.

— По крайней мере, работу Нулевиков когда-нибудь выполнит сам космос.

— Ты говоришь о смерти Вселенной?

— Да.

— Насколько я знаю, Вселенная продолжит

расширяться, охлаждаться, а материя в ней будет встречаться реже и реже.

— Ты знакома со старой космологией, но мы ее опровергли. Она недооценивает количество темной материи. Вселенная прекратит расширяться, а затем под воздействием сил гравитации начнет сжиматься. В конце концов она схлопнется в сингулярность, и произойдет очередной Большой взрыв. Все сбросится на ноль, вернется в исходное состояние. Природа всегда побеждает, рано или поздно.

— В новой вселенной будет десять измерений?

— Кто знает? Вариантов сколько угодно. Это же новая вселенная, с новой жизнью.

* * *

Возвращение на Голубую планету прошло так же спокойно, как и полет к Серой. Бол! ьшую часть времени Чэн Синь и Гуань Ифань провели во сне, надев сонные обручи. Когда они проснулись, «Охотник» уже находился на орбите Голубой планеты. Чэн Синь взглянула на бело-синий мир далеко внизу, и ей на мгновение почудилось, что она вернулась домой.

АА вызвала их по радио. Ифань отозвался:

— Здесь «Охотник». Что там у вас стряслось?

Голос АА дрожал от волнения:

— Я несколько раз вызывала, но искин корабля отказывался вас будить!

— Я же просил соблюдать радиомолчание! Что случилось?

— Здесь Юнь Тяньмин!

Чэн Синь словно громом поразило. Остатки сна улетучились. Даже Ифань раскрыл рот от удивления.

— Что? — еле слышно переспросила Чэн Синь.

— Юнь Тяньмин здесь! Его корабль приземлился три часа назад.

— О… — только и смогла вымолвить Чэн Синь.

— И он по-прежнему молод — такой же, как ты!

— Правда? — Даже самой Чэн Синь казалось, что ее голос доносится откуда-то издалека.

— Он привез тебе подарок!

— Он уже сделал мне подарок. Мы находимся в нем.

— То был пустяк! А это восхитительный подарок, и он намного больше… Тяньмин снаружи, я сейчас его позову…

— Нет. Мы немедленно спускаемся, — перебил Ифань. — Связь по радио, да еще такая продолжительная, слишком опасна. Конец передачи.

Ифань и Чэн Синь посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Это точно не сон? — спросила Чэн Синь.

Даже если это сон, Чэн Синь желала, чтобы он подольше не кончался. Она включила внешний обзор. Звездное небо уже не казалось ей мрачным и холодным — наоборот, оно наполнилось чистой красотой, словно после дождя. Казалось, что даже от звездного света исходит запах весенней листвы. Молодая женщина словно заново родилась.

— Переходим в челнок и спускаемся, — распорядился Ифань.

* * *

«Охотник» начал расстыковку с челноком. В тесной кабине Ифань работал с окном интерфейса, выполняя последние проверки перед входом в атмосферу.

— Как ему удалось добраться сюда так быстро? — пробормотала Чэн Синь, словно в полусне.

Ифань уже полностью овладел собой.

— Это подтверждает нашу догадку — Первый Трисолярианский флот основал колонию невдалеке, в пределах сотни световых лет. Очевидно, они тоже приняли гравипередачу с «Ореола».

Челнок отстыковался от «Охотника». Крохот-

ная пирамида в инфоокне стала отдаляться.

— Каким же должен быть подарок, если он больше, чем звезда со всей ее планетной системой? — улыбаясь, поинтересовался Ифань.

Взволнованная Чэн Синь только покачала головой.

Заработал термоядерный реактор челнока, петли внешнего радиатора засветились красным. Двигатели начали разогрев; окно управления сообщило, что до схода с орбиты тридцать секунд. Челнок войдет в атмосферу Голубой планеты и быстро снизится.

Внезапно Чэн Синь услышала какой-то звук, словно челнок вспарывали по всей длине, от носа до кормы. Последовала серия резких толчков. Она пережила жуткое мгновение — жуткое потому, что нельзя было даже сказать, действительно ли прошло лишь мгновение. Оно одновременно казалось и бесконечно коротким, и бесконечно долгим. У Чэн Синь создалось впечатление, будто она движется сквозь время, оставаясь вне времени.

Впоследствии Ифань объяснит ей, что она ощутила «временной вакуум». Длительность этого события невозможно измерить, поскольку в течение него времени не существует.

В тот же самый момент она почувствовала себя звездой, схлопывающейся в сингулярность. Масса ее самой, Гуань Ифаня и челнока приблизилась к бесконечности.

А затем воцарилась темнота. Сперва Чэн Синь решила, что у нее что-то случилось с глазами. Она поверить не могла, что внутри челнока может быть так темно — до того темно, что она не видит даже собственного носа. Чэн Синь позвала Гуань Ифаня, но коммуникатор скафандра молчал.

Ифань руками нашарил во тьме голову Чэн Синь. Ей показалось, что их лица соприкоснулись. Она не сопротивлялась — наоборот, обрадовалась. Затем поняла, что Ифань всего лишь пытается с ней поговорить. Передатчики скафандров вышли из строя, остался единственный способ общаться — сдвинуть шлемы, чтобы звук проходил сквозь стекло.

— Не бойся! Не паникуй! Слушай меня и не шевелись! — услышала Чэн Синь сквозь скафандр. По интонациям она поняла, что Ифань кричит, но до нее доносился лишь слабый шепот. Потом почувствовала, как астроном повел рукой, после чего в кабине появился свет. Он исходил от предмета в руке ученого — полоски длиной с сигарету. Чэн Синь узнала в ней лампу химиче-

ской люминесценции — в аварийном комплекте на «Ореоле» были такие же. Полоску сгибают, и лампа начинает светиться.

— Не двигайся! Скафандры перестали подавать кислород. Дыши помедленнее. Я сейчас заполню кабину воздухом. Это недолго!

Ифань передал светящуюся лампу Чэн Синь, выдвинул ящик рядом со своим креслом и достал из него металлический баллон, похожий на маленький огнетушитель. Он повернул кран, и из баллона стали извергаться потоки белого газа.

Чэн Синь задышала чаще. Весь доступный ей воздух находился в шлеме, и чем глубже она вдыхала, тем сильнее задыхалась. Она инстинктивно поднесла руку к защелке шлема, но Ифань вовремя ее остановил. Он снова обнял ее — на этот раз чтобы успокоить. Девушка представила себе, что тонет, а он ее спасает. В холодном свете лампы она увидела его глаза — значит, они уже почти на поверхности. Чэн Синь чувствовала, как растет в кабине давление воздуха. Когда она уже готова была потерять сознание, Ифань раскрыл и ее шлем, и свой собственный. Оба глубоко вдохнули.

Придя в себя, Чэн Синь взглянула на металлический баллон. К горлышку крепился древний

механический манометр со стрелкой. Стрелка указывала на зеленый сектор.

— Кислорода из этого баллона надолго не хватит, — сообщил Ифань. — Кабина очень скоро остынет. Нам нужно сменить костюмы. — Он рывком поднялся с кресла и вытащил из задней части кабины два металлических ящика. Открыл один — в нем лежал скафандр.

Современные скафандры — как в Солнечной системе, так и здесь — были очень легкими. Если в костюме не создавать положенного давления, отсоединить небольшой модуль жизнеобеспечения и снять шлем, то такой космический наряд мало чем отличается от повседневной одежды. Однако скафандры в ящиках оказались тяжелыми и неудобными, наподобие тех, что производились в Общую Эру.

В воздухе заклубился пар от дыхания. Чэн Синь сняла свой легкий костюм и ощутила пронизывающий до костей холод в кабине. Надеть тяжелый скафандр оказалось непросто, понадобилась помощь Ифаня. Девушка чувствовала себя ребенком, нуждающимся в помощи взрослого мужчины — давно забытое ощущение. Прежде чем Чэн Синь надела шлем, Ифань объяснил ей, где находятся рукоятка подачи кислорода,

рычажок герметизации, регулятор температуры, выключатели связи и освещения и так далее. В этом скафандре не было никакой автоматики, все управлялось вручную.

— В нем нет ни одной микросхемы, — сказал Ифань. — Сейчас наши компьютеры, как электронные, так и квантовые, не работают.

— Почему?

— Скорость света в данный момент не превышает двадцати километров в секунду.

Ифань помог Чэн Синь пристегнуть шлем. Она совсем замерзла. Астроном включил подачу кислорода и обогрев, и молодая женщина почувствовала, что оттаивает. Ифань стал облачаться в свой скафандр. Он действовал споро, но после того как он надел шлем, прошло какое-то время, прежде чем заработала связь. Впрочем, обоим было не до разговоров, пока их остывшие тела не отогрелись.

Облачение оказалось до того тяжелым и жестким, что оставалось только удивляться, как вообще в нем можно двигаться при нормальной гравитации. Чэн Синь воспринимала свой скафандр не столько как одежду, сколько как дом — единственное место, где она могла укрыться. Химическая лампа, плавающая по кабине, начала

тускнеть; тогда Ифань включил фонарь на своем шлеме. В тесноте кабины Чэн Синь подумала, что они словно доисторические шахтеры, попавшие в завал глубоко под землей.

— Что произошло? — спросила Чэн Синь.

Ифань всплыл над креслом и не без труда открыл шторку одного из иллюминаторов — их автоматика тоже вышла из строя. Потом перебрался на другую сторону кабины и сделал там то же самое.

Чэн Синь посмотрела на изменившуюся Вселенную.

В противоположных концах космоса светились два скопления звезд — синее впереди и красное позади. Чэн Синь видела похожую картину, когда «Ореол» перешел на скорость света; но теперь эти два скопления были нестабильными. Их форма постоянно менялась, они казались двумя огненными клубками, бьющимися под напором ураганного ветра. Вместо звезд, иногда перескакивающих из синего скопления в красное, два конца Вселенной соединялись поясами света, один по левому борту челнока, другой по правому.

Один из поясов был шире, он занимал полнеба. Его закругленные концы не дотягивались до

синего и красного скоплений. Чэн Синь догадывалась, что этот «пояс» не что иное, как сильно сплющенный овал или растянутая окружность. По поясу пробегали цветные пятна разной величины — голубые, белые и светло-желтые. Чэн Синь поняла, что смотрит на Голубую планету.

Пояс на другой стороне челнока был тоньше, но ярче, и на его поверхности глаз не различал никаких деталей. В отличие от Голубой планеты, форма этого пояса быстро изменялась, переходя из прямой линии, соединяющей красное и синее скопления, в окружность и обратно. Регулярно принимаемый поясом вид круга подсказал Чэн Синь, что это звезда DX3906.

— Мы на орбите Голубой планеты, — пояснил Гуань Ифань, — и движемся со скоростью света. Вот только эта скорость очень низкая.

До катаклизма челнок кружил по орбите значительно быстрее, но скорость света — высший предел, и поэтому скорость аппарата упала до световой.

— Линии смерти разорвались?

— Да. И накрыли собой всю Солнечную систему. Мы в ловушке.

— Это из-за воздействия следа корабля Тяньмина?

— Не исключено. Он ведь не знал про линии смерти.

Чэн Синь не хотела спрашивать, что делать дальше; она знала: ничего сделать нельзя. Ни один компьютер не будет работать, когда скорость света не превышает двадцати километров в секунду. Искусственный интеллект челнока и все системы управления мертвы. В челноке даже свет включить невозможно — без электричества и двигателей он стал консервной банкой. То же самое наверняка произошло и с «Охотником», и он точно так же мертв. До того как угодить в зону с пониженной скоростью света, челнок еще не приступил к торможению, поэтому небольшой космолет находился где-то рядом, но с тем же успехом мог бы быть на другой стороне планеты: без систем управления ни челнок, ни «Охотник» не могли даже открыть люки.

Чэн Синь подумала о Юнь Тяньмине и АА. Они внизу, на планете, и должны быть в безопасности. Но связаться с ними невозможно. Ей не довелось даже сказать Тяньмину «привет»…

Что-то легкое тюкнуло по стеклу шлема. Кислородный баллон. Чэн Синь снова бросила взгляд на древний манометр, а затем пощупала свой скафандр. Угасшая надежда разгорелась вновь,

словно светлячок.

— Ты готовился к подобной катастрофе? — спросила она.

— Да. — В динамиках скафандра голос Ифаня звучал необычно, искаженный старой аналоговой электроникой. — Не к разрыву линий смерти, конечно, но мы были готовы случайно пролететь сквозь след пространственного корабля. Эффект в обоих случаях один и тот же — пониженная скорость света останавливает все… А теперь мы запустим нейроны.

— Что?

— Нейронные компьютеры. Они могут работать при пониженной скорости света. И челнок, и «Охотник» оборудованы двумя системами управления. Одна из них использует нейронные сети.

Чэн Синь была поражена: вот это да! Неужели такие машины существуют?!

— Их ключевая характеристика — не скорость света, а системный принцип действия. Передача химических сигналов в мозге осуществляется довольно медленно — два-три метра в секунду, примерно с такой скоростью мы ходим. В нейронных компьютерах имитируется особенность, присущая мозгу высших животных, — одновременная обработка множества параллельных

сигналов. Поэтому такие компьютеры могут работать при низкой скорости света. И все микросхемы в них специально спроектированы так, чтобы функционировать в этих условиях.

Ифань открыл настенную панель, обозначенную точками, соединенными в сложную сеть, словно щупальца осьминога. За ней находилась небольшая консоль управления с жидкокристаллическим экраном, переключателями и индикаторами. Все эти детали считались устаревшими уже в конце Эры Кризиса. Астроном щелкнул выключателем, и по засветившемуся экрану побежали строчки текста. Чэн Синь узнала в них протокол загрузки какой-то операционной системы.

— Для запуска параллельной нейронной обработки требуется сначала загрузить операционную систему в последовательном режиме. Ты даже не поверишь, как это долго при невысокой скорости света. Посмотри, скорость передачи всего несколько сот байтов в секунду. Даже до килобайта не дотягивает.

— Тогда загрузка займет много времени.

— Верно. Но постепенно в дело будет вступать параллельный режим, и скорость повысится. И все равно процесс завершится не скоро. — Ифань

указал на индикатор — строчку текста внизу экрана.

Запись модуля загрузчика: остается 68 часов, 43 минуты, [мелькание] секунд.

Запуск операционной системы: остается 297 часов, 52 минуты, [мелькание] секунд.

— Это же двенадцать дней! — ахнула Чэн Синь. — А что будет с «Охотником»?

— Он сам обнаружит, что попал в зону пониженной скорости света, и автоматически запустит нейронный компьютер. Но процесс займет почти столько же времени.

Двенадцать дней! Только через двенадцать дней они смогут добраться до аварийных комплектов на челноке и «Охотнике». До тех пор им придется полагаться на примитивные скафандры. Если у них ядерные источники питания, то энергии хватит — но не хватит кислорода.

— Придется лечь в гибернацию, — сообщил Ифань.

— Разве на челноке есть гибернатор? — Как только Чэн Синь проговорила эти слова, она поняла свою ошибку. Даже если такое оборудование имеется, им надо управлять через компьютер — а он не действует.

Ифань потянулся к тому же ящику, из которого

ранее доставал баллон с кислородом, и извлек небольшую коробочку. Внутри лежало несколько таблеток.

— Это средство для кратковременной гибернации. В отличие от обычного анабиоза, оно не требует внешней системы поддержания жизни. Когда заснешь, будешь дышать очень медленно, и кислорода потребуется совсем немного. Одной таблетки хватит на пятнадцать дней.

Чэн Синь подняла забрало шлема и проглотила таблетку. Ифань сделал то же самое. Потом она посмотрела в иллюминатор.

Цветные пятна теперь так быстро неслись по Голубой планете — широкому поясу, соединявшему синий и красный концы медленной вселенной, — что сливались воедино.

— Ты можешь различить периодически повторяющиеся узоры на поясе? — Ифань не смотрел в иллюминаторы. С полузакрытыми глазами он застегивал ремни на своем противоперегрузочном кресле.

— Они проносятся слишком быстро.

— Постарайся проследить их глазами.

Чэн Синь попыталась догнать взглядом текущие по поясу узоры. На мгновение ей удалось рассмотреть голубые, белые и желтые пятна, но

они тут же расплылись.

— Не получается, — ответила она.

— Не расстраивайся, они слишком быстро движутся. Один и тот же узор может повторяться сотни раз в секунду. — Ифань вздохнул. Чэн Синь заметила, что он расстроен, хоть и пытается это скрыть. И она знала почему.

Каждый раз, когда узор на широком поясе повторялся, это означало, что челнок совершил еще один оборот со скоростью света вокруг Голубой планеты. Дьявольские законы теории относительности продолжали действовать и при пониженной скорости света! Время на планете проносилось в десятки миллионов раз быстрее, чем здесь, на челноке. Сердце Чэн Синь обливалось кровью.

Здесь — одно мгновение; там — тысячелетия.

Чэн Синь отвернулась от иллюминатора и тоже пристегнулась к креслу. В иллюминаторе по другому борту челнока мелькал свет. Солнце этого мира становилось то яркой линией, соединяющей два конца Вселенной, то огненным шаром. Оно танцевало безумную пляску смерти.

— Чэн Синь, — негромко позвал ее Ифань. — Не исключено, что, когда мы очнемся, на экране будет сообщение об ошибке.

Чэн Синь повернулась и улыбнулась ему сквозь шлем скафандра.

— Я не боюсь.

— Я знаю, что ты не боишься. Я просто хочу кое-что сказать тебе, на случай если… Мне известно, что ты была Держателем Меча. Знай: ты не сделала ничего плохого. Тебя выбрало человечество, а это значит, что оно выбрало любовь, даже если за это пришлось дорого заплатить. Ты исполнила волю мира, приняла его ценности, осуществила его выбор.

— Спасибо, — ответила Чэн Синь.

— Не знаю, что случилось с тобой потом, но не сомневаюсь, что и тогда ты не совершила ничего плохого. В любви ничего плохого нет. Один человек не способен уничтожить целый мир. Если миру настал конец, то это результат усилий множества людей, как ныне живущих, так и уже умерших.

— Спасибо, — повторила Чэн Синь. На ее глаза навернулись горячие слезы.

— А что случится с нами… я тоже не боюсь. Когда я служил на «Гравитации», все эти звезды в пустоте космоса навевали на меня страх и уныние. Я хотел перестать размышлять о Вселенной. Но это словно наркотик, и я не мог остановиться.

Теперь, наконец, смогу.

— Хорошо. Знаешь, я боюсь только одного: что ты испугаешься.

— И я тоже.

Они взялись за руки и в мерцании солнца, продолжающего свою безумную пляску, мало-помалу потеряли сознание и перестали дышать.

Около семнадцати миллиардов лет от начала времени
Наша звезда

Пробуждение вышло нескорым.

Чэн Синь постепенно пришла в себя. Как только взор и сознание прояснились, она сразу же поняла, что нейронный компьютер успешно загрузился. Кабину освещал мягкий свет, и она слышала успокаивающий гул механизмов. Воздух был теплым. Челнок вернулся к жизни.

Но вскоре Чэн Синь заметила, что свет исходит не от тех ламп, которыми пользовались раньше. Наверное, это были специальные аварийные фонари для зоны пониженной скорости света. В воздухе не висели инфоокна — вероятно, при такой скорости света они не действуют. Интерфейс нейронного компьютера ограничивался одним

маленьким плоским экраном; сейчас он был похож на цветной растровый дисплей Общей Эры.

Гуань Ифань плавал перед экраном компьютера, то и дело касаясь его пальцами. Перчатки он снял. Астроном обернулся, улыбнулся девушке, показал жестом, что можно пить, и передал ей бутылку с водой.

— Прошло шестнадцать дней, — сообщил он.

Бутылка была теплой. Чэн Синь заметила, что у нее на руках тоже нет перчаток. Она по-прежнему находилась в примитивном скафандре, но шлем был отстегнут. Температура и давление в кабине были комфортными.

Поскольку Чэн Синь уже могла двигать руками, она расстегнула привязные ремни и подлетела к Ифаню, чтобы посмотреть на экран. Два скафандра плотно прижались друг к другу боками. На экране светилось несколько окошек, в которых бежали цифры — результаты диагностики различных систем челнока. Ифань сообщил Чэн Синь, что установил связь с «Охотником», тоже успешно запустившим нейронный компьютер.

Чэн Синь осмотрелась и заметила, что шторки на двух иллюминаторах по-прежнему открыты. Она подлетела поближе. Гуань Ифань притушил свет в кабине, чтобы отражения не мешали смот-

реть. Гуань и Чэн Синь теперь настолько точно предугадывали желания друг друга, что казались единым существом.

На первый взгляд Вселенная ничуть не изменилась по сравнению с тем, что девушка видела раньше. Челнок продолжал обращаться вокруг Голубой планеты на пониженной скорости света; два скопления звезд, синее и красное, все так же пульсировали на противоположных концах Вселенной; солнце по-прежнему дрожало в безумном танце, становясь то линией, то окружностью; а по поверхности Голубой планеты не прекращали бежать цветные пятна. Когда Чэн Синь попыталась проследить за ними взором, она наконец обнаружила различие: голубой и белый цвета сменились фиолетовым.

Ифань указал на экран:

— Диагностика двигателя завершена. По сути, все исправно. Мы можем приступить к торможению, когда пожелаем.

— Термоядерный двигатель по-прежнему действует? — спросила Чэн Синь. Этот вопрос возник у нее еще до того, как они легли в гибернацию. Тогда она не спрашивала, опасаясь получить разочаровывающий ответ, и не хотела беспокоить Ифаня понапрасну.

— Нет, конечно. При такой скорости света ядерный синтез дает слишком мало энергии. Воспользуемся резервным двигателем на антиматерии.

— Антиматерии? Но разве изменившаяся скорость света не повлияла на поля, удерживающие антивещество?

— С этим все в порядке. Аннигиляционный двигатель разработан специально для условий пониженной скорости света. Когда мы посылаем дальние экспедиции наподобие этой, то оснащаем все корабли низкосветовыми двигателями. Наш мир энергично разрабатывает эти технологии. Не из опасения ненароком наткнуться на след пространственного двигателя, а на тот случай, если потребуется укрыться в световой гробнице, то есть в черном домене.

Через полчаса челнок и «Охотник» включили аннигиляционные двигатели и начали торможение. Перегрузка вдавила Чэн Синь и Гуань Ифаня в кресла, шторки иллюминаторов закрылись. Челнок сильно затрясся, но понемногу вибрация сошла на нет. Торможение заняло не более двадцати минут. Двигатели отключились, и в кабине снова возникла невесомость.

— Мы уже не на скорости света, — объявил

Гуань Ифань. Он нажал кнопку, и шторки двух иллюминаторов раскрылись.

Выглянув наружу, Чэн Синь увидела, что синее и красное скопления исчезли, а солнце стало обычным. Но Голубая планета, видимая через иллюминатор с другой стороны, удивила: она стала «Фиолетовой планетой». Океан оставался бледно-желтым, но все прочее было окрашено в фиолетовый цвет. Даже снег пропал. Но больше всего девушку поразил вид космоса.

— Что это за линии? — воскликнула Чэн Синь.

— Полагаю, это… звезды. — Ифань был удивлен не меньше нее.

Все звезды на небе превратились в тонкие светлые полоски. Чэн Синь вообще-то была знакома с таким феноменом. Она видела множество фотографий звездного неба, снятых на Земле с длительной выдержкой. Из-за вращения Земли точки звезд становились концентрическими дугами приблизительно одинаковой длины. Но теперь звезды предстали прямолинейными отрезками разной длины и ориентации. Несколько самых длинных из них перечеркивали почти треть неба. Линии пересекались друг с другом под различными углами, и небо казалось намного более хаотическим и непонятным, чем раньше.

— Да, думаю, это звезды, — повторил Ифань. — Свет звезды должен пройти сквозь несколько поверхностей раздела сред, прежде чем он достигнет нас. В первый раз он изменяется на границе скорости света, во второй — на горизонте событий черной дыры. Поэтому звезды и выглядят так странно.

— Мы внутри черного домена?

— Да, внутри световой могилы.

Система звезды DX3906 была теперь черной дырой с пониженной скоростью света, полностью отрезанной от остальной Вселенной. Звездное небо, сотканное из миллионов пересекающихся серебристых нитей, стало видимой, но недостижимой мечтой.

— Давай спустимся на поверхность, — нарушил долгое молчание Ифань.

Челнок возобновил торможение, снизил высоту орбиты, несколько раз вздрогнув всем корпусом, вошел в атмосферу и спустился к поверхности планеты, на которой им двоим суждено провести всю оставшуюся жизнь.

Экран системы наблюдения заполнился фиолетовыми пейзажами. Путешественники убедились, что фиолетовый — это цвет растительности. Вероятно, перемены в спектре солнечного излу-

чения побудили растения на Голубой планете поменять цвет, когда они приспосабливались к новому освещению.

Даже само существование солнца оказалось фактом неожиданным. Поскольку $E = mc^2$, выход энергии в термоядерной реакции в условиях низкой скорости света должен быть незначительным. Возможно, внутри звезды скорость света осталась обычной?

Челноку задали для посадки ту же точку, с которой он взлетел, покидая «Ореол». Когда они снизились, то увидели там густой фиолетовый лес. Ифань уже намеревался подняться и поискать открытое место, но деревья бросились наутек, спасаясь от факела двигателя. Тогда суденышко аккуратно село на образовавшуюся поляну.

На экране высветилось сообщение: воздух за бортом пригоден для дыхания. По сравнению с последним разом, когда они здесь были, процент кислорода в атмосфере существенно вырос, а сама атмосфера стала плотнее, давление поднялось в полтора раза.

Чэн Синь и Гуань Ифань вышли из челнока и вновь ступили на землю Голубой планеты. Их приветствовал теплый, влажный воздух, а почва

была покрыта мягким, упругим слоем чернозема. В земле осталось множество углублений от корней росших здесь деревьев. Теперь эти деревья толпились на опушке, а их широкие листья шелестели на ветру. Казалось, что людей окружили перешептывающиеся гиганты. Такая плотная растительность совершенно переменила планету.

Чэн Синь не любила фиолетовый цвет. Он всегда представлялся ей каким-то нездоровым, удручающим, напоминал фиолетовые губы людей с больным сердцем, не поставляющим достаточно кислорода. Но здесь, куда ни посмотри, все вокруг фиолетовое, и ей предстоит прожить в этом мире всю оставшуюся жизнь!

И никаких следов присутствия человека — ни «Ореола», ни корабля Юнь Тяньмина.

Гуань Ифань и Чэн Синь осмотрелись и поняли, что ландшафт этого участка планеты за прошедшее время полностью изменился. Они точно помнили, что поблизости находились невысокие холмы, но теперь это была равнина, заросшая лесом. Путешественники вернулись в челнок, чтобы проверить координаты, — ошибки не было. Тогда они снова особо тщательно осмотрели окрестности, но так и не смогли найти следов пре-

бывания людей. Их окружала нетронутая целина, словно они тогда садились на какой-то другой планете, в каком-то ином пространстве-времени.

Ифань вернулся в челнок и установил связь с «Охотником», оставшимся на низкой орбите. На «Охотнике» стоял мощный нейронный компьютер с искусственным интеллектом, способным к речевому общению. Из-за низкой скорости света связь шла с задержкой больше десяти секунд. С тех пор как «Охотник» вместе с челноком снизил орбитальную скорость, корабль непрерывно сканировал поверхность планеты с орбиты. Он уже закончил съемки большей части суши, но так и не обнаружил ни следов деятельности человека, ни признаков любой другой разумной жизни.

Чэн Синь и Гуань Ифань нехотя приступили к работе, которая их страшила, но была абсолютно необходимой: определить, сколько прошло времени в этой системе отсчета. Для условий низкой скорости света существовала специальная радиометрическая методика. Некоторые элементы, стабильные при нормальной скорости света, при пониженной начинали распадаться с разной быстротой, что позволяло измерить течение времени. Поскольку челнок готовили для научной экспедиции, на нем имелось оборудование для

измерения распада атомов — но оно нуждалось в компьютере. Ифаню пришлось потрудиться, прежде чем он сумел подключить установку к нейронному компьютеру челнока. Тогда он настроил аппаратуру для анализа десяти образцов горных пород, собранных в разных местах планеты. Через полчаса можно будет сравнить результаты.

Чэн Синь и Гуань Ифань вышли из челнока на поляну и стали дожидаться окончания анализа. Между крон деревьев пробивались солнечные лучи и освещали землю под ногами. Повсюду порхали маленькие странные существа: насекомые с винтом сверху наподобие вертолетного; крохотные прозрачные пузырьки, плывущие по воздуху и радужно сверкающие в лучах светила… Но ни у одного из них не было крыльев.

— Наверное, прошли десятки тысяч лет, — пробормотала Чэн Синь.

— А то и больше, — ответил Гуань Ифань, вглядываясь в лес. — Для нас все одно, что десятки тысяч лет, что сотни.

Больше они ни о чем не говорили, просто сидели на ступеньке трапа, прильнув друг к другу, — каждый слушал биение сердца другого и черпал в нем утешение.

Через полчаса они поднялись в челнок, чтобы узнать правду. На экране светились результаты исследований десяти образцов. Анализатор измерил распад многих химических элементов и построил сложные графики. Все образцы дали похожие результаты. Окончательный ответ находился в последней строчке отчета:

Усредненные результаты датировки по методу атомного распада (ошибка не превышает 0,4 %): совершено оборотов вокруг звезды: 6 177 906. Истекло земных лет: 18 903 729.

Чэн Синь трижды пересчитала цифры в последнем числе, развернулась и молча вышла из челнока. Она спустилась по трапу и вернулась в фиолетовый мир. Ее окружали высокие фиолетовые деревья, солнечный луч высвечивал небольшое яркое пятно у самых ног, влажный воздух развевал ее волосы, над головой летали живые пузырьки… а за плечами у нее осталось без малого девятнадцать миллионов лет.

Подошел Ифань. Они посмотрели друг другу в глаза, и их души слились воедино.

— Чэн Синь, мы с ними разминулись.

Через восемнадцать с лишним миллионов лет после того, как система звезды DX3906 стала черной дырой с пониженной скоростью света, через

семнадцать миллиардов лет со дня рождения Вселенной, мужчина и женщина стояли, крепко обняв друг друга.

Чэн Синь разрыдалась на плече Ифаня. Насколько она помнила, она так плакала лишь однажды, когда из тела Тяньмина извлекли мозг. Это было… 18 903 729 лет плюс еще шесть веков назад; впрочем, эти шесть веков — лишь погрешность округления на воистину геологической шкале времени. На сей раз молодая женщина оплакивала не только Тяньмина, но и свое поражение. Наконец-то ей стало ясно, что она не более чем пылинка, подхваченная ураганом, крохотный листок, летящий над широкой рекой. Она сдалась целиком и полностью, позволила ветру продувать ее насквозь, разрешила солнечному лучу пронзить ее душу…

Пусть прошлое останется в прошлом. А в ее сердце пусть растет теплое чувство к Гуань Ифаню.

Не разжимая объятий, они опустились на мягкую землю и долго сидели так, не замечая хода времени. Вокруг них медленно кружили пятна солнечного света, следуя за вращением планеты. Порой Чэн Синь спрашивала себя: «А не прошло ли еще десять миллионов лет?» Меньшая, раци-

ональная часть ее сознания удивленно шептала, что такое возможно. Действительно, бывают миры, где можно сделать один шаг — и перенестись на тысячу лет. Возьмем те же линии смерти. Если они разорвутся и лишь чуть-чуть расширятся, скорость света внутри поднимется от нуля до какого-то небольшого значения, подобного скорости дрейфа континентов — скажем, один сантиметр за десять тысяч лет. Отойдет девушка в таком мире от возлюбленного на несколько шагов — и их разделят десять миллионов лет…

И больше они никогда не встретятся.

Наконец Ифань нарушил молчание, тихо спросив:

— Что же нам теперь делать?

— Продолжим поиски. Какой-нибудь след обязательно должен найтись!

— Мы ничего не найдем. Восемнадцать миллионов лет сотрут в прах что угодно. Время — это самая жестокая сила.

— Высечь слова в камне…

Ифань непонимающе взглянул на Чэн Синь.

– АА догадалась бы вырезать послание на камне, — пробормотала девушка.

— Не понимаю…

Вместо объяснений, Чэн Синь схватила Ифаня

за плечи:

— Ты можешь приказать «Охотнику» произвести глубинное сканирование этой местности и поискать что-нибудь под поверхностью?

— Что именно надо искать?

— Слова. Пускай он ищет слова.

Ифань покачал головой:

— Я понимаю твое стремление, но…

— Надпись должна быть крупной — так она лучше сохранится в течение миллионов лет.

Ифань кивнул, но только чтобы не спорить. Они вернулись в челнок. Хотя идти им было всего несколько шагов, они шли, тесно прижавшись друг к другу, словно опасались, что время разлучит их, если они расстанутся. Ифань установил связь с «Охотником» и дал команду на сканирование подземных объектов в радиусе трех километров и на глубине от пяти до десяти метров от этой точки. Следовало искать надписи или любые другие признаки деятельности человека.

«Охотник» пролетел над головой через пятнадцать минут, а еще через десять прислал результаты поиска: ничего не найдено.

Гуань Ифань изменил глубину сканирования; теперь искать предстояло между десятью и двадцатью метрами. Прошел еще час, в основном в

ожидании пролета корабля. По-прежнему ничего. На такой глубине почвы уже не было, сплошной камень.

Гуань Ифань переключил сканирование на глубину от двадцати до тридцати метров:

— Это предел, — сказал он. — Сенсоры не смогут заглянуть дальше.

Они стали дожидаться очередного витка корабля по орбите вокруг Голубой планеты. Солнце уже садилось, в небе появилось множество прелестных пламенеющих облачков, а над фиолетовыми лесами заиграло золотистое сияние.

На сей раз на экране в челноке вспыхнули изображения, переданные с корабля. После компьютерной обработки на темном фоне камня проявились обрывки белых слов: «м», «изнь», «ва», «леньк», «нутри», «правля». Белый цвет означал, что знаки вырезаны в коренной породе. Каждый символ был размером около метра, и все вместе они складывались в четыре строчки. Послание располагалось на глубине от двадцати трех до двадцати восьми метров и было высечено на крутом склоне.

МЫ ПРОЖИЛИ СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ ВМЕСТЕ

МЫ ДАРИМ ВАМ МАЛЕНЬКУЮ
СПАСАЙТЕСЬ ОТ КОЛЛАПСА ВНУТРИ
ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В НОВУЮ

Искусственный интеллект «Охотника» привлек к работе геологическую экспертную систему и провел дальнейшую обработку полученных данных. Оказалось, что гигантские символы высечены на поверхности большого массива осадочных пород на склоне горы. Площадь, занимаемая текстом, доходила до 130 квадратных метров. За миллионы лет гора погрузилась в почву; поэтому надпись и оказалась глубоко под землей. В послании было больше четырех строк, но нижняя часть камня за долгое время раскрошилась, и находившийся там текст оказался утрачен. Да и в последних трех строчках из тех, что удалось прочитать, недоставало заключительных слов.

Чэн Синь и Гуань Ифань снова обняли друг друга. Они плакали от счастья, узнав о судьбе ▯АА и Юнь Тяньмина, и проникались радостью, которой сто восемьдесят тысяч веков назад с ними поделились их друзья. В отчаявшиеся сердца пришло утешение.

— Интересно, как они жили? — спросила Чэн

Синь. В ее глазах блестели слезы.

— Возможно множество вариантов, — ответил Ифань.

— У них были дети?

— Почему бы и нет? Они могли даже основать здесь цивилизацию.

Чэн Синь понимала, что такое и в самом деле могло быть. Но даже если их цивилизация просуществовала десять миллионов лет, последовавшие восемь стерли бы все их следы.

Время действительно самая жестокая сила во Вселенной.

И тут что-то странное прервало их раздумья: над поляной реял прямоугольник высотой в рост человека. Его края, обрамленные бледными светлыми линиями, походили на пунктир, который оставляет компьютерная мышь при выборе участка изображения. Прямоугольник двигался в воздухе, но, отлетев немного, тут же возвращался на исходную позицию. Не исключено, что он парил здесь с самого начала, но у него настолько бледный и тонкий контур, что днем его не увидеть. Из чего бы ни состоял прямоугольник — из силовых полей или обычной материи, — совершенно очевидно, что он создан разумными существами. Линии контура напоминали звезды,

ставшие светлыми черточками в небе.

— Ты как думаешь, это и есть тот… подарок, который они нам оставили? — спросила Чэн Синь.

— Вряд ли. Как он мог уцелеть после восемнадцати миллионов лет?

Ифань ошибался. Объект и в самом деле пережил восемнадцать миллионов лет. При необходимости он дожил бы до последних дней Вселенной — потому, что существовал вне времени.

Дверь помнила, что изначально ее поместили рядом с камнем, на котором выгравировали текст, и что у нее было настоящее металлическое обрамление. Но металл распался прахом через какие-то пятьсот тысяч лет, а объект всегда оставался таким же новым. Он не боялся времени — его собственное время еще не начало ход. Он обретался под землей, на глубине тридцати метров, рядом с надписью на камне, но, обнаружив присутствие людей, поднялся на поверхность. По пути наверх земля не препятствовала ему, и он летел, словно призрак. А теперь убедился, что эти двое и в самом деле те, кого он ждал.

— Мне кажется, это дверь, — сказала Чэн Синь.

Ифань подобрал небольшую ветку и швырнул ее в прямоугольник. Ветка пролетела насквозь и упала на землю с другой стороны. Подлетело

несколько фосфоресцирующих существ-пузырьков. Некоторые из них прошли сквозь прямоугольник, а одно даже пересекло светящийся контур.

Ифань протянул руку и коснулся контура. Световая линия и его палец прошли друг сквозь друга, и он ничего не ощутил. Недолго думая, он сунул руку в плоскость прямоугольника. Чэн Синь завизжала. Ифань вытащил руку обратно — с ней ничего не случилось.

— Твоя рука… Ее тут не было! — Чэн Синь указывала на оборотную сторону прямоугольника.

Ифань попробовал снова. Его ладонь и предплечье не прошли насквозь, а исчезли, как только пересекли плоскость. С другой стороны Чэн Синь видела руку, будто рассеченную стеклом. Четко выделялись кости, мышцы, кровеносные сосуды. Ифань вытянул руку обратно и еще раз повторил эксперимент с веткой. Она просто прошла сквозь прямоугольник, и все. А затем через объект пролетели несколько насекомых с крутящимися воздушными винтами.

— Это действительно дверь, — согласился Ифань. — Но она умная — распознает, *что* проходит сквозь нее.

— Тебя она впускает.

— Наверное, и тебя тоже впустит.

Чэн Синь робко попробовала, и ее рука тоже исчезла в «двери». Ифань увидел сечение руки с противоположной стороны. Дежавю…

— Подожди здесь, — сказал Ифань. — Я схожу посмотрю, что там.

— Мы пойдем вместе, — решительно заявила Чэн Синь.

— Нет, ты останешься здесь.

Чэн Синь схватила Ифаня за плечи и развернула к себе. Посмотрела прямо в глаза.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы нас тоже разделили восемнадцать миллионов лет?

Ифань долго глядел в ее глаза, потом наконец кивнул:

— Пожалуй, нам надо кое-что прихватить с собой.

Через десять минут они, держась за руки, шагнули в дверь.

Вне времени
Наша Вселенная

Первородная тьма.

Чэн Синь и Гуань Ифаня вновь окутал временной вакуум. Ощущение было похожим на то,

когда их челнок попал в зону пониженной скорости света. Время здесь не двигалось — а может быть, лучше сказать, что его тут не существовало. Они утратили чувство времени, и у них опять создалось впечатление, что они проносятся сквозь время, оставаясь вне его.

Тьма развеялась, и время пошло вперед.

В языке человека нет слов, которыми можно описать момент, когда время начинает ход. Нельзя даже сказать, что время началось после того, как они прошли сквозь дверь, поскольку «после» требует времени. Но времени здесь не было, а потому не было ни «до», ни «после». То самое время «после» входа могло быть как короче одной миллиардной доли от одной миллиардной доли секунды, так и длиннее миллиарда миллиардов лет.

Зажглось солнце — медленно и постепенно. Сначала оно казалось просто диском, а потом в его свете начал проявляться мир вокруг — словно мелодия, начинающаяся самыми тихими нотами и вырастающая в мощный хор. Вокруг солнца возникла голубая окружность, разрослась и стала голубым небом. Под небом начала неспешно вырисовываться идиллическая картина: черное, незасеянное поле, а рядом прелестный белый

домик. Экзотическая деталь: несколько деревьев с широкими листьями странной формы — намек на необычное. Солнце неторопливо разгоралось, и мирная сцена, казалось, приветливо раскрывала свои объятья.

— Там люди! — Гуань Ифань указал вдаль.

Возле самого горизонта спиной к ним стояли две фигуры — мужчина и женщина. Мужчина только что опустил поднятую руку.

— Это мы сами! — догадалась Чэн Синь.

Перед далекими фигурами виднелись белый домик и деревья, точные копии тех, что были поблизости. На таком расстоянии разглядеть, что! у людей под ногами, не получалось, но, скорее всего, это еще одно черное поле. В конце этого мира начиналась его копия, а может быть, проекция.

Копии или проекции мира обнаружились со всех сторон. Путешественники огляделись и увидели кругом то же самое. Их пара присутствовала в каждом из миров, но они видели лишь затылки своих копий: те отворачивались, стоило только Чэн Синь и Гуань Ифаню повернуться к ним. Оглядываясь, новоприбывшие видели все тот же мир, только смотрели на него теперь с другой стороны.

Дверь, через которую они вошли сюда, исчезла.

Чэн Синь и Гуань Ифань двинулись, ступая по дорожке из каменных плиток, а их копии в копиях мира шли вместе с ними. Им встретился ручеек; моста не было, но ручей был настолько узким, что они его перешагнули. Только сейчас люди осознали, что гравитация здесь стандартная, 1g. Прошли мимо рощи деревьев и оказались возле белого домика. Дверь была закрыта, синие занавески на окнах задернуты. Все выглядело совершенно новым, ни пылинки ни соринки, — собственно, оно и было новым; время здесь началось только сейчас.

Перед домом лежала груда примитивных сельскохозяйственных инструментов: лопаты, грабли, корзины, ведра… Кое-какие предметы имели необычные очертания, но тем не менее догадаться об их назначении было несложно. Больше всего путешественников заинтересовал ряд металлических колонн, стоящих неподалеку от инвентаря: высотой с человека, полированная поверхность блестит в солнечных лучах. У каждой колонны было по четыре металлических приспособления — по-видимому, сложенные руки. Скорее всего, это неактивированные роботы.

Чэн Синь и Гуань Ифань решили ознакомиться с территорией, прежде чем заходить в дом, поэтому прошли мимо него. Через километр они добрались до края этого маленького мирка и замерли перед расстилающейся перед ними копией. Поначалу они решили, что это всего лишь отражение, хотя оно и не было зеркальным. Потом поняли, что это не отражение — настолько все было реально. Сделали шаг — и, не встречая никакого сопротивления, оказались в дубликате мира. Чэн Синь огляделась, и ее сердце екнуло от испуга.

Все выглядело точно так же, как в тот момент, когда они впервые оказались в этом мире. Тот же самый деревенский пейзаж с копиями впереди, позади и по сторонам. А в тех копиях — копии их самих. Чэн Синь и Ифань обернулись и увидели, что их двойники на дальнем конце только что оставленного ими мира тоже смотрят себе за спину.

Ифань глубоко вздохнул:

— Не думаю, что есть смысл идти дальше. До конца все равно не дойдем. — Он указал вверх, затем вниз. — Спорю, что если бы земля и небо не перекрывали обзор, мы увидели бы то же самое и над головой, и под ногами.

— Ты знаешь, что это такое?

— Ты знакома с работами Чарльза Мизнера?[191]

— Кто это?

— Физик из Общей Эры. Один из первых, кто придумал эту модель. По сути, мы находимся в очень простом мире. Это куб со стороной около километра. Представь себе комнату с четырьмя стенами, полом и потолком. Но комната создана так, что потолок — это и пол, а каждая стена совпадает с противоположной. На деле у нее только две стены. Как только пройдешь через одну, немедленно оказываешься у другой. То же самое с полом и потолком. Это полностью замкнутый мир, в котором конец одновременно служит началом. То, что мы видим, — это свет, проносящийся от одного края до другого и возвращающийся к начальной точке. Мы находимся в том же мире, в который вошли, потому что только он один и существует. Каждая из окружающих нас копий — это просто вид на наш мир.

— Значит, это…

---

[191] Примечания: 191

Чарльз Мизнер — американский физик, специализирующийся на общей теории относительности и космологии. Его работы посвящены фундаментальным основам таких областей физики, как квантовая гравитация и численная относительность (https://ru.wikipedia.org/wiki/Мизнер,_Чарльз). — *Прим. перев.*

— Да! — Ифань обвел рукой все вокруг. — Юнь Тяньмин однажды подарил тебе звезду, а теперь он дал тебе вселенную. Чэн Синь, это целая вселенная! Пускай она маленькая, но зато полновесная, самая настоящая!

Чэн Синь смотрела вокруг и не находила слов. Ифань спокойно присел на холмик в поле, подхватил горсть чернозема и медленно просеивал его сквозь пальцы. Похоже, его что-то угнетало.

— Он настоящий мужчина; подарил своей любимой сначала звезду, потом вселенную. А у меня для тебя ничего нет.

Чэн Синь села рядом и прислонилась к его плечу. Рассмеялась и сказала:

— Ты единственный мужчина в целой вселенной. Не думаю, что тебе нужно что-нибудь мне дарить.

Их раздумья об одиночестве в этой вселенной вскоре прервал звук открывающейся двери. Из домика вышла фигура в белом и двинулась в их направлении. Этот мир настолько мал, что можно различить кого угодно на любом удалении. Путешественники увидели, что к ним приближается женщина в кимоно. Ее одежда, украшенная маленькими красными цветами, казалась шествующим кустом роз; по вселенной пронеслось

дуновение весны.

— Томоко! — вскрикнула Чэн Синь.

— Я ее знаю, — сказал Ифань. — Это робот, которым управляют софоны.

Они двинулись ей навстречу и сошлись под одним из деревьев. Чэн Синь убедилась, что это действительно Томоко, — невероятная красавица ничуть не изменилась.

Томоко низко поклонилась Чэн Синь и Гуань Ифаню. Выпрямившись, она посмотрела на Чэн Синь и улыбнулась.

— Я тогда сказала, что Вселенная велика, но жизнь еще больше. Судьба и в самом деле опять свела нас.

— Уму непостижимо, — ответила Чэн Синь. — Я действительно рада тебя видеть. Очень рада! — Томоко напомнила ей о событиях, случившихся восемнадцать миллионов лет назад. Впрочем, это не совсем так — сейчас они находились в совершенно другом потоке времени.

Томоко снова поклонилась:

— Добро пожаловать во Вселенную № 647. Я ее управляющий.

— Управляющий вселенной? — Ифань ошеломленно смотрел на Томоко. — Вот это должность так должность! Для меня как для космолога…

— Нет, нет, — рассмеялась Томоко, отметая его предположения. — Настоящие хозяева Вселенной № 647 — это вы, делайте здесь, что хотите. Я лишь служу вам.

Томоко жестом пригласила их в дом. Они вошли в изысканную гостиную, оформленную в восточном стиле, с несколькими умиротворяющими картинами и каллиграфическими свитками на стенах. Чэн Синь оглянулась, надеясь найти артефакты, которые она привезла с Плутона на «Ореоле», но их здесь не было.

Все сели за старинный деревянный стол, и Томоко разлила чай — на этот раз обошлись без сложных ритуалов чайной церемонии. Чай, похоже, был сорта «Лунцзин»; чаинки собрались на дне чашек, словно миниатюрный зеленый лес, и источали аромат свежести.

Чэн Синь и Гуань Ифаню все происходящее казалось сном.

Томоко заговорила:

— Эта вселенная — подарок. Господин Юнь Тяньмин подарил ее вам обоим.

— Я полагаю, он предназначал ее для Чэн Синь, — ответил Ифань.

— Нет. Вы тоже один из получателей подарка. Ваш доступ был добавлен в систему распозна-

вания позже; иначе вас бы сюда не впустили. Господин Юнь надеялся, что вы укроетесь в этой крохотной вселенной и переживете коллапс Великой Вселенной — то, что называют «Большим сжатием». А после очередного «Большого взрыва» выйдете в новую Вселенную, в ее эпоху Эдема. Сейчас мы находимся в независимом временном потоке. В Великой Вселенной время летит быстро, и вы несомненно проживете достаточно, чтобы увидеть ее финал. Если точнее, по моим оценкам, Великая Вселенная схлопнется в сингулярность где-то через десять лет по нашим часам.

— Если произойдет новый «Большой взрыв», как мы об этом узнаем? — спросил Ифань.

— Мы узнаем. Мы чувствуем через супермембрану, что! происходит в Великой Вселенной.

Слова Томоко напомнили Чэн Синь о послании, которое Юнь Тяньмин и ⊠АА вырезали на каменном склоне. Но Гуань Ифань подумал о другом. Он заметил, что Томоко упомянула «эпоху Эдема» новой вселенной. Этот термин ввело в употребление человечество Галактики. Получаются два варианта. Первый: трисоляриане совершенно случайно тоже выбрали это название. Второй, более страшный: Трисолярис обнаружил поселения человека в Галактике. С учетом того, как быстро

Юнь Тяньмин смог добраться до Голубой планеты, очевидно, что Первый Трисолярианский флот должен быть где-то недалеко от человеческих миров. А теперь цивилизация Трисоляриса развилась до того, что умеет создавать небольшие вселенные… Угроза! Страшная угроза для человечества!

А затем он рассмеялся.

— Над чем ты смеешься? — спросила Чэн Синь.

— Над собой.

До чего же он смешон! С того дня, когда он взлетел с Мира II и направился к Голубой планете, прошло уж больше восемнадцати миллионов лет. И все это случилось прежде, чем они ступили в эту вселенную, у которой свой ход времени. В Великой Вселенной прошли сотни миллионов лет! Он беспокоится о событиях невероятной древности.

— Ты встречалась с Юнь Тяньмином? — спросила Чэн Синь.

— Нет, никогда, — покачала головой Томоко.

— Видела ⊠АА?

— В последний раз это было на Земле.

— Как же тогда ты оказалась здесь?

— Вселенная № 647 была сделана на заказ. Я нахожусь в ней с момента ее создания. Не забывай,

я по сути всего лишь программа, можно сделать сколько угодно моих копий.

— Ты знала, что Тяньмин привез эту вселенную на Голубую планету?

— Я не знаю, что такое Голубая планета. Если это и в самом деле планета, то господин Юнь не мог доставить на нее вселенную № 647 — ведь это независимая вселенная, не находящаяся внутри Великой Вселенной. Он мог взять с собой лишь дверь.

— А почему Тяньмин и АА не здесь? — спросил Ифань. Этот вопрос был для Чэн Синь важнее всех прочих. Сама она не спрашивала из боязни услышать ответ, который ей не понравится.

Томоко снова покачала головой:

— Я не знаю. Система распознавания была всегда запрограммирована на допуск господина Юня.

— А может ли она впустить кого-нибудь еще?

— Нет. Она допустит только вас троих.

Немного помолчав, Чэн Синь сказала Ифаню:

— АА всегда любила окружающий ее мир больше, чем я. Не думаю, что ей было бы интересно очутиться в новой вселенной, через десятки миллиардов лет.

— А мне было бы интересно, — ответил

Ифань. — Я очень хочу увидеть новую вселенную, прежде чем жизнь и цивилизация вмешаются и все испортят. Мне кажется, она должна быть прекрасной и гармоничной.

— Я тоже хочу попасть в новую вселенную, — согласилась Чэн Синь. — Сингулярность и «Большой взрыв» сотрут все воспоминания о старой Вселенной. Я принесу с собой немного воспоминаний о человечестве.

Томоко многозначительно кивнула:

— Ты ставишь перед собой великую задачу. Другие тоже занимаются чем-то подобным, но среди них ты будешь первым человеком из Солнечной системы.

— По сравнению со мной ты всегда стремилась к более высоким целям, — Ифань шепнул Чэн Синь. Она не поняла, шутит тот или говорит серьезно.

Томоко поднялась из-за стола:

— Добро пожаловать в новую жизнь во Вселенной № 647. Давайте пройдемся, покажу вам что к чему.

Снаружи полным ходом шла весенняя посевная. Все роботы-столбы трудились в поле. Одни ровняли граблями почву — грунт был до того рыхлый, что не требовал вспашки. Другие

сажали семена в подготовленную землю. Они использовали самые примитивные технологии растениеводства. Бороны не было, поэтому поле разравнивали небольшими граблями, один кусочек за другим. Сеялки тоже не было; робот доставал семена из мешочка по одному и закапывал их в почву. Эта сцена навевала мысль о древней простоте. Роботы здесь почему-то казались более уместными, чем настоящие крестьяне.

— У нас запасено продовольствия только на два года, — начала пояснения Томоко. — Потом вам придется полагаться на то, что вырастите. Эти семена — потомки тех, которые Чэн Синь отправила вместе с господином Юнем. Разумеется, они все генетически улучшены.

Ифаню не давал покоя чернозем:

— Мне кажется, что аэропонные технологии, не нуждающиеся в почве, здесь были бы уместнее.

Ему ответила Чэн Синь:

— Любой землянин испытывает ностальгию по почве. Помнишь, что отец Скарлетт сказал ей в «Унесенных ветром»? «Земля — единственное на свете, что имеет ценность, потому что она — единственное, что вечно, единственное, ради чего стоит трудиться, за что стоит бороться и

умереть!»[192]

Ифань не согласился:

— Люди Солнечной системы пролили свою кровь до последней капли, цепляясь за территорию — ну, не считая двух капелек, тебя и АА. И что это им дало? Не выжили ни они, ни их земли. С тех пор в Великой Вселенной прошли сотни миллионов лет. Полагаешь, кто-нибудь помнит о них? Твоя раса уничтожена именно из-за одержимости идеей дома и своей земли, из-за того, что люди навсегда застыли в отрочестве; они были уже не дети, но по-прежнему страшились покинуть родной дом. Извини, если обидел, но это правда.

Чэн Синь улыбнулась разошедшемуся Ифаню:

— Ты меня ничуть не обидел. Ты прав. Мы тоже это понимали, но не могли ничего поделать. И ты бы, наверное, не смог. Не забывай, что и тебя, и весь экипаж «Гравитации» пришлось сначала захватить в плен, не то и вы не стали бы галактическим человечеством.

— И верно. — Гуань Ифань поумерил пыл. — Я никогда не считал себя годным для космоса.

По стандартам космоса «годных» было не так

---

[192] Примечания: 192
Перевод Т. Озерской. — *Прим. перев.*

уж много, и Чэн Синь сомневалась, что они ей понравились бы. На ум ей пришел один человек, который, скорее всего, был одним из таких «годных». Его крик по-прежнему звенел в ее ушах: «Мы пойдем вперед! Только вперед! Мы ни перед чем не остановимся!»

— Не переживайте о прошлом, — прозвучал нежный голос Томоко. — Здесь все начинается с чистого листа.

* * *

Во Вселенной № 647 прошел год.

Уже собрали два урожая пшеницы; дважды Чэн Синь и Гуань Ифань наблюдали, как зеленые ростки превращаются в море золотых колосьев. Соседние поля, на которых росли овощи, были зелеными постоянно.

В этом мирке им предоставили и все прочее, что требуется для жизни. На предметах, изготовленных трисолярианами, не красовались фирменные марки, но они выглядели точно так же, как земные аналоги.

Чэн Синь и Гуань Ифань иногда выходили в поле и трудились наравне с роботами. Порой они прогуливались по вселенной — если не оставлять следов, то можно гулять бесконечно и чувство-

вать себя путешественниками по бесчисленному количеству миров.

Однако в основном они проводили время перед компьютером. В любой точке небольшой вселенной можно было открыть окно терминала, пусть они и не знали, где находится процессор. В компьютере хранилось значительное количество земных документов, фотографий и видеороликов, большей частью из периодов до Эры Космической Передачи. Очевидно, трисоляриане собрали эти сведения, чтобы изучать человечество; информация касалась всех отраслей естественных и гуманитарных наук.

Но намного больше сведений в компьютере хранилось на языке трисоляриан. Чэн Синь и Гуань Ифаня это море знаний интересовало больше всего. Поскольку им не удалось найти на компьютере программы-переводчика с трисолярианского на языки Земли, им пришлось изучать саму трисолярианскую письменность. Томоко стала их учителем, но вскоре выяснилось, что научиться ей крайне сложно — она оказалась чисто идеографической. В отличие от земных алфавитов, большинство из которых фонетические, текст на языке Трисоляриса не имел ничего общего с произношением, а выражал идеи напрямую.

В далекой древности люди тоже пользовались идеографическим письмом — иероглифами, но позже эти системы письменности исчезли[193]. Люди читают, расшифровывая зарисованные звуки речи. Но это препятствие не смогло надолго задержать Чэн Синь и Гуань Ифаня. Проведя два месяца в напряженной учебе, они стали быстро постигать чужой язык. Самое важное достоинство идеографического алфавита — высокая скорость чтения. Чэн Синь и Гуань Ифань читали трисолярианские тексты в десять раз быстрее, чем земные.

Они приступили к изучению хранящихся в компьютере документов — сначала спотыкаясь на каждом шагу, затем увереннее. Они поставили перед собой две задачи. Во-первых, хотели узнать, как именно трисоляриане описали период контакта двух цивилизаций. Во-вторых, их интересовало, как удалось создать эту мини-все-

---

[193] Примечания: 193

Некоторые западные читатели могут удивиться такому утверждению. Китайские символы (ими написан оригинал этой книги) часто называют иероглифами, но это не совсем верно. Китайская письменность является фонетической, так же как и почти все современные алфавиты. До наших дней в ней сохранилось всего лишь несколько идеографических символов. Как именно «действуют» китайские символы, объясняется, например, в книге Джона ДеФрансиса «Chinese Language: Fact and Fantasy» (https:// www.amazon.com/Chinese-Language-Fact-Fantasy/dp/0824810686). — *Прим. К. Л.*

ленную. Они понимали, что не достигнут в этом вопросе уровня знаний специалистов, но им хватит и научно-популярного объяснения. Томоко предположила, что достичь этих целей можно за два года. Один год уйдет на совершенствование навыков чтения на трисолярианском, и еще год — на внимательное изучение материалов.

Основополагающие принципы функционирования небольшой искусственной вселенной казались им непостижимыми. Они подолгу мучились даже над простейшими вопросами. Например, как может работать экологическая система, замкнутая в объеме всего одного кубического километра? Что здесь за солнце, откуда оно берет энергию? И самое поразительное: куда сбрасывается избыточное тепло?

Они спрашивали Томоко. На одни вопросы та отвечала, а с другими отсылала к документам в компьютере.

Чэн Синь и Гуань Ифаня особенно интересовал такой вопрос: может ли мини-вселенная обмениваться сообщениями с Великой Вселенной? Томоко уверяла, что не существует способа передать информацию из мини-вселенной наружу, но можно принимать широковещательные сообщения извне. Она пояснила, что все вселенные

висят над супермембраной словно пузырьки. Понятие супермембраны является одним из фундаментальных в трисолярианской физике и космологии, и объяснить подробнее она не в силах. В Великой Вселенной накоплено достаточно энергии, чтобы передать информацию по супермембране. Но это сложно и требует невероятного расхода энергии — пришлось бы обратить в чистую энергию столько же массы, сколько ее есть во Млечном Пути. Между прочим, системы наблюдения Вселенной № 647 часто регистрируют всплески, приходящие от других великих вселенных на супермембране. Какие-то из этих сигналов — явления природы, другие — послания от разумных существ; расшифровать их не удается. Но из той Великой Вселенной, из которой пришли люди, не было ни одного сообщения.

Время текло день за днем, словно тихая вода в ручейке.

Чэн Синь начала работу над мемуарами, в которых собиралась описать известные ей исторические события. Она назвала свою книгу «Прошлое вне времени».

Иногда они пытались представить себе жизнь в новой вселенной. По словам Томоко, космологическая теория предсказывает, что в ее макромире

наверняка будет больше четырех измерений; возможно, даже больше десяти. Как только новая вселенная родится, Вселенная № 647 автоматически создаст вход в нее и изучит образовавшиеся в ней условия. Если обнаружится больше четырех измерений, дверь между вселенными можно будет перемещать, пока в Великой Вселенной не найдется пригодное для жизни место. Одновременно мини-вселенная установит связь с беженцами, скрывавшимися в других трисолярианских мини-вселенных, а может быть, и с переселенцами галактического человечества. В новой вселенной все беженцы из старой станут практически одной расой и совместно приступят к созданию нового мира. Томоко подчеркнула, что шансы на выживание во вселенной высших размерностей намного лучше из-за одной особенности: весьма вероятно, что из множества макроскопических измерений на долю времени придется больше одного.

— Многомерное время? — Чэн Синь поначалу не понимала этой концепции.

— Даже если бы время было лишь двумерным, оно предстало бы не линией, а плоскостью, — объяснил Ифань. — На ней существует бесконечное количество направлений, и мы могли бы одно-

временно принимать бесчисленное количество различных решений.

— И как минимум одно из них окажется верным, — добавила Томоко.

* * *

Однажды ночью, после уборки второго урожая, Чэн Синь проснулась и не обнаружила Ифаня рядом с собой. Она поднялась, вышла из дома и увидела, что солнце уже стало луной и крохотный мирок залило призрачным, холодным светом. Мрачный Ифань сидел возле ручейка.

В этом мире для двоих каждый особенно остро чувствовал переживания другого. Чэн Синь уже давно знала, что Ифаня что-то беспокоит. Прежде он был веселым оптимистом. До недавнего времени он то и дело делился своей мечтой: если им посчастливится устроить себе спокойную жизнь в новой Великой Вселенной, не исключено, что их детям удастся воссоздать человеческую расу. Но затем он резко переменился, стал бродить в одиночестве и о чем-то размышлять, а порой проводил какие-то расчеты на компьютере.

Чэн Синь села рядом с Ифанем, и тот обнял ее. Подлунный мир затих, лишь журчал ручей. Свет озарил поле спелой пшеницы; завтра следует

приступить к уборке урожая.

— Потеря массы, — произнес Ифань.

Чэн Синь промолчала. Она следила, как отражение луны танцует в ручейке. Она знала, что Ифань пояснит свою мысль.

— Я изучал трисолярианскую космологию и нашел доказательство деликатности баланса нашей старой Вселенной. Количество массы во Вселенной было точно таким, как надо: ни больше, ни меньше. Трисоляриане доказали, что этой массы едва достаточно для «большого сжатия». Если массу уменьшить, даже незначительно, Вселенная из замкнутой станет открытой и будет расширяться бесконечно.

— Но масса уменьшилась, — сказала Чэн Синь. Она сразу же поняла, к чему клонит Ифань.

— Да. Трисоляриане уже создали несколько сотен мини-вселенных. А сколько создано другими цивилизациями, чтобы пережить «большое сжатие» или для других целей? Каждая из них вырвала из Великой Вселенной какое-то количество материи.

— Нужно спросить Томоко.

— Уже спрашивал. Она говорит, что вплоть до момента создания Вселенной № 647 трисоляриане не обнаруживали никаких эффектов потери

массы Великой Вселенной. Она была закрытой и несомненно должна была сжаться.

— А после создания Вселенной № 647?

— Разумеется, это ей неизвестно. Она также упомянула, что во Вселенной есть группа разумных существ, похожих на Нулевиков, но они называют себя Возвратниками. Они призывают отказаться от строительства мини-вселенных и вернуть их массу в Великую Вселенную… Но она больше ничего о них не знает. Ну ладно, не будем об этом задумываться. Мы же не Господь Бог.

— Но нам уже давно приходится задумываться над проблемами, находящимися в ведении Бога.

Они сидели у ручья, пока луна снова не стала солнцем.

Через три дня после уборки урожая, как только зерно обмолотили и засыпали в закрома, Чэн Синь и Гуань Ифань стояли у кромки поля и наблюдали, как роботы пашут землю, подготавливая ее к посеву. Зернохранилище было заполнено доверху, следующий урожай негде будет хранить. Раньше они принялись бы спорить, что именно сеять. Но теперь их тяготили раздумья, и сельскохозяйственные дела их больше не интересовали. Всю уборочную они просидели дома и обсуждали вероятное будущее. Они осознавали, что даже

решение одного-единственного человека влияет на судьбу Вселенной, а может быть, и на судьбы многих вселенных. Они чувствовали себя Богом. От груза ответственности им стало трудно дышать; тогда они вышли из дома.

Они увидели, что к ним вдоль края поля идет Томоко. Она редко беспокоила людей и появлялась только тогда, когда в ней возникала необходимость. На этот раз ее походка была необычной — она торопилась и не старалась шагать грациозно и величественно. Напряженное выражение ее лица было тоже непривычным.

— Мы получили широковещательную передачу из Великой Вселенной! — Томоко высветила инфоокно и сделала его побольше. Чтобы было удобнее читать, она пригасила солнце.

По окну побежали волны странных, не поддающихся расшифровке знаков — символы-рисунки из передачи по супермембране. Чэн Синь и Гуань Ифань заметили, что каждая из строчек отличалась от прочих. Они бежали по инфоокну, словно воды бурной реки.

— Передача длится уже пять минут и конца ей пока не видно! — Томоко указала на окно. — Само сообщение простое и короткое, но передача занимает столько времени потому, что его посы-

лают на множестве языков. Мы уже насчитали сотню тысяч!

— Передача адресована мини-вселенным? — спросила Чэн Синь.

— Несомненно. Кто еще сможет ее принять? Они истратили так много энергии, что это наверняка важное сообщение.

— Ты видела среди языков трисолярианский или один из земных?

— Нет.

Чэн Синь и Гуань Ифань поняли, что послание — это своего рода перечень рас, выживших в Великой Вселенной.

К этому моменту в Великой Вселенной прошли десятки миллиардов лет. Независимо от содержания передачи, если в ней присутствует язык цивилизации, это значит, что она или до сих пор существует, или просуществовала настолько долго, что оставила отметину в истории.

По экрану продолжала течь река знаков: двести тысяч языков, триста тысяч, четыреста тысяч… миллион… передача не прекращалась.

Ни трисолярианский язык, ни какой-нибудь земной так и не появились.

— Неважно, — произнесла Чэн Синь. — Мы знаем, что мы существовали; мы жили. — Она и

Гуань Ифань прижались друг к другу.

— Трисолярианский! — воскликнула Томоко и указала на экран. К этому моменту сообщение передали уже на 1,3 миллиона языков, и только что промелькнула одна строчка на языке Трисоляриса. Ни Чэн Синь, ни Гуань Ифань не заметили бы ее, но Томоко среагировала моментально.

— Земной! — через несколько секунд крикнула Томоко.

Дойдя до 1,57 миллиона языков, передача закончилась.

В окне теперь светились лишь две строчки: одна на трисолярианском, другая на языке Земли. Чэн Синь и Гуань Ифань не могли даже прочесть, что там написано — у них в глазах стояли слезы.

В Судный день Вселенной два человека и робот, представители цивилизаций Земли и Трисоляриса, радостно обнялись.

Они знали, что языки и алфавиты быстро развиваются. Если обе цивилизации прожили достаточно долго, а то и живут до сих пор, их письменность наверняка отличается от того, что они видят на экране. Авторы послания были вынуждены воспользоваться древними языками и алфавитами, чтобы их смогли понять те, кто скрывается в мини-вселенных. Если сравнить с

общим числом цивилизаций, когда-либо существовавших в Великой Вселенной, 1,57 миллиона — капля в море.

Две цивилизации падающими звездами пронеслись в вечной ночи рукава Ориона галактики Млечный Путь, и Вселенная не забыла их свет.

Когда Чэн Синь и Гуань Ифань успокоились, они прочитали сообщение. Оно было очень простым и одинаковым на обоих языках:

«Информация от Возвратников: общая масса нашей Вселенной упала ниже критической отметки. Вселенная из закрытой станет открытой, начнет неограниченно расширяться и медленно погибнет. С ней уйдет вся жизнь и вся память. Пожалуйста, верните массу, которую вы отняли, и отправьте в новую Вселенную только ваши воспоминания».

Чэн Синь и Гуань Ифань встретились взглядами. В глазах друг у друга они видели мрачное будущее Великой Вселенной. Неограниченное расширение приведет к тому, что галактики отдалятся друг от друга и перестанут быть видны. Куда ни посмотри из любой точки во Вселенной, увидишь только черноту. Одна за другой погаснут звезды, а все планеты рассыплются в облака тончайшей пыли. В мире воцарятся холод и ночь,

а Вселенная станет громадной пустой могилой. В этой бесконечной гробнице будут похоронены все цивилизации и вся память. Навсегда воцарится Смерть.

Есть один-единственный способ предотвратить такое будущее: вернуть материю, замкнутую в мини-вселенных, построенных всеми цивилизациями. Но это значит, что мини-вселенные не уцелеют, а всем беженцам придется возвратиться в Великую Вселенную. Вот что означает название движения Возвратников!

Два человека взглядом сказали друг другу все, что следует, и безмолвно приняли решение. И все же Чэн Синь проговорила:

— Я хочу вернуться. Но если ты хочешь остаться здесь, я останусь с тобой.

Ифань медленно покачал головой:

— Я исследую Великую Вселенную, диаметр которой превышает шестнадцать миллиардов световых лет. Я не хочу провести остаток своей жизни в этой скорлупке не больше километра в любую сторону. Давай вернемся.

— Моя обязанность предостеречь вас от этого поступка, — произнесла Томоко. — Мы не можем определить, с какой скоростью течет время в Великой Вселенной, но я уверена, что с тех пор

как вы сюда попали, прошло не меньше десяти миллиардов лет. Голубая планета уже исчезла, а звезда, которую вам подарил господин Юнь, давно погасла. Нам неизвестно, какие условия царят в Великой Вселенной; не исключено, что она уже не трехмерная.

— Я думал, ты можешь перемещать дверь мини-вселенной со скоростью света, — заметил Ифань. — Разве нельзя поискать пригодное для жизни место?

— Если вы настаиваете, я так и сделаю. Но считаю, что самым лучшим решением было бы остаться. В этом случае возможны два варианта. Первый: Возвратники добьются своего, Великая Вселенная сожмется в сингулярность и произойдет новый «большой взрыв». Тогда мы выйдем в возрожденную Вселенную. Второй: Возвратники потерпят неудачу, Вселенная погибнет. Тогда вы сможете провести в этой мини-вселенной всю оставшуюся жизнь. Не так уж и плохо.

— Если все в каждой мини-вселенной будут так думать, — возразила Чэн Синь, — то они погубят Великую Вселенную.

Томоко безмолвно смотрела на Чэн Синь. Учитывая скорость ее мышления, для нее, наверное, прошли века. Трудно было поверить,

что программы и алгоритмы способны создать настолько сложное выражение лица. Вероятно, искусственный интеллект Томоко перебрал все воспоминания, накопившиеся за почти двадцать миллионов лет с того дня, когда она впервые встретилась с Чэн Синь. Эти воспоминания читались в ее взоре: сожаление, восхищение, порицание, раскаяние — множество сложных чувств, слившихся воедино.

— Ты всегда отличалась повышенным чувством ответственности, — произнесла Томоко.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

СТУПЕНИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Всю жизнь я взбиралась по ступеням ответственности.

Когда я была маленькой, моим единственным долгом было хорошо учиться и слушаться родителей.

Позже, в колледже, от меня по-прежнему требовалось хорошо учиться, но вдобавок появилось обязательство стать полезной, а не висеть никчемным грузом на шее общества.

Когда я приступила к работе над докторской диссертацией, мои обязанности стали более

определенными. Мне нужно было развивать технологию химических реактивных двигателей, чтобы строить больше надежных ракет и доставлять на орбиту больше грузов и людей.

Позднее я поступила на работу в АСР, и на меня возложили ответственность за отправку зонда для перехвата трисолярианского флота на расстоянии в один световой год от Земли. Это расстояние в десять миллиардов раз превышает все то, с чем я работала как специалист по ракетам.

А потом я получила в подарок звезду. В новой эре она принесла мне не представимую до того ответственность. Я приняла на себя обязанности Держателя Меча, и моим долгом стало устрашение «темным лесом». Глядя с высот сегодняшнего дня, было бы преувеличением сказать, что я держала в руках судьбу человечества. Но я и в самом деле задала направление развития для двух цивилизаций.

Впоследствии мой долг стал еще тяжелее. Я хотела дать людям световые крылья, но была вынуждена отказаться от этого намерения, чтобы предотвратить войну.

Не знаю, в какой мере эти катастрофы и в конце концов уничтожение Солнечной системы связаны со мной. На эти вопросы никогда не получить

однозначного ответа. Но я уверена, что они имеют прямое отношение ко мне и моему долгу.

А теперь я взошла на вершину ответственности: я отвечаю за судьбу Вселенной. Разумеется, эта ответственность не только моя и Гуань Ифаня, но мы несем какую-то ее долю — и это кажется мне невероятным.

Хочу сказать всем тем, кто верит в Бога: я не Избранная. Атеистам скажу: я не вершитель истории. Я самый обычный человек. К сожалению, мне не довелось пройти путем обычного человека. Мой путь оказался путем цивилизации.

Сейчас мы знаем, что такова дорога любой цивилизации: проснуться в тесной колыбели, сделать первые шаги, совершить первый полет, летать быстрее и дальше и, наконец, объединить свою судьбу с судьбой Вселенной.

Всем разумным существам предначертано стать настолько же великими, насколько велики их устремления.

Вне времени
Наша Вселенная

При помощи системы управления Вселенной № 647 Томоко начала передвигать выход из кро-

шечного мирка внутри Великой Вселенной. Дверь быстро перемещалась в поисках пригодных для жизни миров. Она могла передать только очень ограниченный объем информации. Никаких видеороликов — поступали лишь приблизительные оценки природной среды. Качество мира измеряли числом от минус десяти до плюс десяти. Человек мог выжить только в мирах с оценкой выше нуля.

Дверь совершила десятки тысяч скачков по Великой Вселенной. Прошло три месяца, но они лишь однажды наткнулись на приемлемую планету с рейтингом «три». Томоко признала, что это, наверное, самый лучший результат, на который они могут рассчитывать.

— Рейтинг «три» означает опасный и неуютный мир, — предупредила она.

— Мы не боимся, — ответила решительная Чэн Синь.

Ифань кивнул:

— Туда и направимся.

Во Вселенной № 647 появилась дверь. Как и ту, которую Чэн Синь и Гуань Ифань видели на Голубой планете, ее образовывали светящиеся линии. Но эта была намного больше — наверное, чтобы было легче проносить материалы. Сначала

дверь не соединялась с Великой Вселенной, и что бы сквозь нее ни проходило, оно оставалось здесь, в этом крохотном мире. Томоко настроила параметры так, чтобы предметы исчезали из миниатюрной вселенной и появлялись в Великой.

Пришла пора возвращать позаимствованную материю.

Томоко объяснила, что у мини-вселенной нет собственного вещества — все оно было взято из Великой Вселенной. Среди нескольких сот мини-вселенных, созданных трисолярианами, Вселенная № 647 была одной из самых маленьких. На ее создание пошло около пятисот тысяч тонн материи — это сравнимо с массой большого океанского танкера. По масштабам Вселенной — ничто.

Начали с почвы. Собрав последний урожай, поля они уже не засеивали. Роботы перевозили влажную землю в тачке. У двери два робота поднимали тачку, высыпали почву в проем, и та исчезала. Это не заняло много времени. Через три дня в мини-вселенной не осталось грунта. Даже деревья, растущие возле дома, протолкнули сквозь дверь.

Под грунтом обнаружился металлический пол мини-вселенной. Он был собран из зеркальных

плиток, отражавших солнечный свет. Роботы сняли плитки одну за другой и отправили сквозь дверь.

Под полом оказался небольшой космолет. Он был не длиннее двадцати метров, но использовал новейшие трисолярианские технологии. Трехместный корабль изготовили специально для людей, он был оборудован как термоядерным, так и пространственным двигателем. Имелись миниатюрная замкнутая система жизнеобеспечения и оборудование для гибернации. Подобно «Ореолу», корабль мог садиться и взлетать с поверхности планеты. Он имел тонкий, обтекаемый профиль — наверное, чтобы легче пройти сквозь дверь мини-вселенной. Космолет предназначался для выхода в новую Великую Вселенную после «большого взрыва». На нем можно было жить долгое время, пока экипаж не найдет себе подходящее место в новой вселенной. А сейчас люди воспользуются им, чтобы вернуться в старую.

Когда сняли последние плиты пола, под ними обнаружились механизмы. Впервые за все время здесь Чэн Синь и Гуань Ифань увидели вещи, носящие несомненные признаки трисолярианского происхождения. Как и предполагала Чэн Синь, эту аппаратуру создавали, исходя из ино-

планетных, нечеловеческих представлений об эстетике. Люди даже не сразу поняли, что это механизмы, — они походили на какие-то странные скульптуры или естественные геологические образования. Роботы принялись разбирать их и выбрасывать за дверь.

Чэн Синь и Томоко закрылись в комнате и не разрешали Ифаню туда заходить. Сказали, что работают над «женским проектом» и это будет сюрприз.

Когда отключили очередной механизм под полом, в мини-вселенной исчезла гравитация. Белый домик поднялся в воздух.

Плавающие в невесомости роботы начали разбирать небо — тонкую голубую мембрану, на которой изображались облака. В самом конце демонтировали и выбросили остатки пола под оборудованием.

Вода в мини-вселенной испарилась, все затянул густой туман. Сквозь пелену туч светило солнце, а великолепная радуга поднялась от одного конца вселенной до другого. Остатки жидкой воды собрались в сферические капли разного размера и плавали вокруг радуги, отражая и преломляя свет.

С отключением аппаратуры прекратила работу

система жизнеобеспечения. Людям пришлось надеть скафандры.

Томоко подправила настройки двери так, чтобы она пропускала газ. Раздался низкий гул, мини-вселенная завибрировала — это рвался наружу воздух. Белый туман под радугой образовал возле выхода гигантский водоворот — так выглядит тайфун из космоса. А затем клубящийся туман превратился в смерч, издающий тонкий вой. Плавающие в невесомости водяные шары засосало в торнадо, разорвало и выкинуло сквозь дверь. Попутно воронка проглотила всякую мелочь, дрейфующую в воздухе. Солнце, дом, космический корабль двинулись в том же направлении, но роботы, оснащенные реактивными двигателями, быстро водворили их на место.

Атмосфера становилась все более разреженной, радуга погасла, туман растаял. В ставшем прозрачным воздухе проявился космос мини-вселенной. Как и в Великой Вселенной, он был черным и глубоким, но без звезд. В космосе плавали всего три объекта: солнце, дом и космический корабль, а также дюжина роботов. Этот упрощенный мир напомнил Чэн Синь те наивные, незамысловатые картинки, которые она рисовала в детстве.

Чэн Синь и Гуань Ифань включили двигатели скафандров и понеслись в глубь космоса. Пролетев около километра, они достигли края вселенной и мгновенно оказались там, откуда начали полет. Куда ни посмотри — бесконечные проекции плавающих в воздухе предметов. Словно между параллельными зеркалами, ряды проекций уходили в бесконечность.

Разобрали дом. Последней демонтировали гостиную в восточном стиле, в которой Томоко угощала их чаем. Все картины, чайный столик и панели дома роботы отправили сквозь дверь.

Наконец погасло солнце. Оно оказалось металлической сферой, половина которой — та, из которой исходил свет, — была прозрачной. Три робота протолкнули солнце в дверь. Теперь мини-вселенную освещали только лампы; вакуум космоса быстро остыл. Остатки воды и воздуха превратились в льдинки, сверкавшие в свете фонарей.

Томоко приказала роботам выстроиться в колонну и по одному выйти в дверь.

Теперь в мини-вселенной оставались только грациозный корабль и три фигуры, плавающие рядом.

Томоко держала в руках металлическую короб-

ку. Ее оставят здесь; это «послание в бутылке» для новой вселенной, которая родится после следующего «большого взрыва». В коробке находился миниатюрный компьютер, в его квантовой памяти содержалась вся информация компьютера мини-вселенной — практически все воспоминания о цивилизациях Земли и Трисоляриса. Когда родится новая вселенная, дверь отправит коробке сигнал. Тогда компьютер при помощи крохотных реактивных двигателей пройдет сквозь дверь. Он начнет дрейфовать в многомерном пространстве до тех пор, пока его не подберут и не прочтут. Он и сам станет непрестанно передавать сообщения при помощи нейтрино — если, конечно, в новой вселенной будут нейтрино.

Чэн Синь и Гуань Ифань не сомневались, что то же самое происходит и в других мини-вселенных, — по крайней мере, в тех, где прислушались к призыву Возвратников. Если новая вселенная и в самом деле родится, то в ней будет плавать множество «бутылок» с посланиями. Не исключено, что в значительном количестве таких «бутылок» хранятся воспоминания и мысли каждого существа цивилизации, в дополнение к полной модели их биологии. Возможно, этих данных окажется достаточно, чтобы новая цивилизация

в новой вселенной возродила прежнюю.

— Можно нам оставить здесь еще пять килограмм? — спросила Чэн Синь. Одетая в скафандр, она находилась с другой стороны космолета. В руке она держала светящуюся прозрачную сферу диаметром около полуметра. Внутри парили водяные шары. В нескольких из них резвились крохотные рыбки и клубились зеленые водоросли. Там же плавали два миниатюрных континента, покрытых зеленой травой. Свет исходил из вершины прозрачной сферы, где находилась крошечная лампочка — солнце маленького мирка. Это был герметичный экологический контейнер, результат более чем десятидневных трудов Чэн Синь и Томоко. Жизнь внутри сферы будет продолжаться, пока светит ее солнце. Пока экоконтейнер здесь, Вселенная № 647 не будет темным, мертвым миром.

— Конечно! — ответил Гуань Ифань. — Ничего с Великой Вселенной не станется от потери пяти килограммов. — Ему пришла в голову другая мысль, но он решил промолчать. Ведь не исключено, что Великая Вселенная продолжит расширяться потому, что ей не хватило массы всего одного атома. Тонкость настроек мироздания просто поразительна. Например, для возникнове-

ния жизни потребовалось точнейшее сочетание физических констант — до миллионных долей процента. Но, конечно же, Чэн Синь может оставить экологическую сферу. Из бесчисленного множества мини-вселенных, созданных бесчисленными цивилизациями, наверняка какие-то не прислушаются к Возвратникам. Великая Вселенная несомненно недосчитается нескольких сотен миллионов тонн вещества — а может быть, и миллиона миллиардов миллиардов тонн.

Будем надеяться, что Великая Вселенная переживет эту потерю.

Чэн Синь и Гуань Ифань вошли в корабль; за ними последовала Томоко. Она уже давно не носила свое роскошное кимоно и опять преобразилась в стройную и ловкую воительницу в камуфляже. Томоко обвешалась оружием и средствами для выживания; особо выделялась катана за спиной.

— Не беспокойтесь, — заверила она своих приятелей-людей. — Пока я жива, вам ничего не угрожает.

Заработал термоядерный двигатель, и в дюзах вспыхнуло бледно-синее пламя. Космолет медленно направился к выходу.

* * *

В мини-вселенной остались только «послание в бутылке» и экологическая сфера. «Бутылка» растаяла в темноте; во вселенной размером один кубический километр только маленькое солнышко внутри сферы разгоняло мрак. В этом крохотном живом мирке шарики воды спокойно плавали в невесомости. Рыбешка перескочила из одного шарика в другой и принялась беззаботно лавировать между водорослей. С конца травинки, растущей на одном из миниатюрных континентов, сорвалась капелька росы, поднялась, закружилась в воздухе и стрельнула ясным солнечным лучом в глубины космоса.